Институт русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана
Рурского университета в Бохуме

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Фонд Фридриха Науманна

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
имени М.И. Рудомино

АИРО
XXI

Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge

Russen und Deutsche nach 1945

Herausgegeben von
Karl Eimermacher und Astrid Volpert

unter Mitarbeit von
Gennadij Bordjugow

Wilhelm Fink Verlag

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ

Том 3

Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года

Под редакцией
Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт

Научно-вспомогательная работа
Иван Черемушкинский

Москва
АИРО-XXI
2010

Исследовательский проект Института русской и советской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета в Бохуме (Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur der Ruhr-Universität Bochum) и публикация его результатов осуществлены благодаря содействию: с немецкой стороны – Министерства науки и исследований Северной Рейн-Вестфалии (Ministerium für Wissenschaft und Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen), Фондов Рейснера и Даймлера в составе Союза учредителей фондов для развития науки в Германии (Reissner- und Daimler-Stiftung im Stifterverband für die Deutsche Wissenschaft), Фонда Фрица Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung), Фонда Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung), а также совместной комиссии по изучению новейшей истории немецко-российских отношений при федеральном Министерстве внутренних дел Германии (Gemeinsame Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im Bundesministerium des Innern); с российской стороны – Научно-исследовательского центра Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино, Департамента по работе с территориальными палатами Торгово-промышленной палаты России (ТПП РФ), а также торгово-промышленных палат Белгородской, Костромской и Курской областей.

Редакция выражает искреннюю признательность за сотрудничество и неоценимую помощь:
всем российским, немецким авторам и переводчикам,
доктору *Монике Краммэ,* Министерство науки Северной Рейн-Вестфалии,
доктору *Эберхарду Курту,* Министерство внутренних дел Германии,
Юргену Регге и доктору *Франку Зудеру,* Фонд имени Фрица Тиссена (Кёльн),
доктору *Хайнц-Руди Шпигелю,* Фонд для немецкой науки (Эссен),
доктору *Фальку Бомсдорфу* и доктору *Саше Тамму,* Фонд Фридриха Науманна,
профессору *Екатерине Гениевой,* ВГБИЛ имени М. И. Рудомино,
доктору *Александру Рыбакову,* департамент ТПП РФ,
г-ну *Валерию Скругу,* Белгородская ТПП,
г-ну *Валентину Орлову,* Костромская ТПП,
г-ну *Николаю Тяпочкину,* Курская ТПП

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*
Корректура: *Елена Зарайская*

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с. – ISBN 978-5-91022-118-9.

ISBN 978-5-91022-118-9

© Wilhelm Fink Verlag, 2010
© Авторы, 2010
© АИРО-XXI, оформление, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Карл Аймермахер и Астрид Фольперт
Немецко-советско/российские отношения во время «холодной войны» 9
Анне Хартман
Назад, в будущее – к концу истории. Метания России во времени 12

1. ПОСЛЕ ВОЙНЫ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ГДР И ФРГ

Миграция и возвращение

Александр Хайнерт
Нарушители международного права как объект выдачи: межзональная политика советского государства в оккупированной Германии (1945–1948)..... 36
Александр Епифанов
Судебное преследование немецких военнопленных в СССР..... 80
Зоя Водопьянова
«Досрочно освободить и репатриировать…». ЦК КПСС о репатриации немецких военнопленных после смерти Сталина 104
Геннадий Костырченко
Государственный антисемитизм в советской послевоенной повседневности..... 132

Последствия и переосмысление войны

Анна Новикова
Самопознание победителей: тема Великой Отечественной войны на советском радио и телевидении 160
Владимир Невежин
Сталин о Германии, немцах и Гитлере..... 184
Майя Туровская
Ахиллес и черепаха, или политический анекдот тоталитарной эпохи 205
Дьёрдь Далош
Штирлиц, герой анекдотов или пародия на homo sovieticus 229

Посредники в германо-советском диалоге

Владимир Колязин
Деятели искусства – жертвы сталинского террора. Комментарий к трагическим документам эпохи..... 242
Владимир Бухараев
Игра с властью как сценарий выживания. Пример Эрнста Гельмса..... 275

Йенс-Фите Дварс
Блистает ангел с баррикады. Советская Россия в жизни и творчестве Иоганнеса Р. Бехера 299
Томас Урбан
Илья Эренбург как военный пропагандист 324
Эрика Фогт
Посредник, сидевший между всеми стульями. Исследователь Восточной Европы Мартин Винклер. Его вековой опыт и переживания 350
Карл Аймермахер
«Западно-восточные взаимоотражения» Льва Копелева: взгляд в прошлое. Размышления о Вуппертальском проекте 384

2. КРУШЕНИЕ ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

Обоюдное наблюдение и взаимооценка

Анне Хартман
Руководство культурой и культура руководства в советской зоне оккупации Германии 395
Наталья Тимофеева
От осторожного дистанцирования к нарастающему интересу. Пропаганда СВАГ в Восточной Германии 1945–1949 гг. 423
Алексей Филитов, Зоя Водопьянова
ГДР. День «Икс»: 17 июня 1953 г. Доклады советских офицеров разведки в Москву 442
Йорг-Уве Фишер
Смерть Сталина. Скорбь и память в программе телевидения ГДР 1953–1956 гг. 474
Диттмар Дальман
Поездки немецких предпринимателей в Советский Союз с 30-х по 60-е гг. 495
Елена Левина
Взгляд из России. Научные контакты победителей и побежденных в первое послевоенное десятилетие 511
Сергей Кувшинов, Дмитрий Соболев
Советский тоталитаризм и германские авиационные специалисты 537
Иоганнес Рашка
К социальному порядку – с помощью уголовного кодекса? Преследование «тунеядцев» в СССР и в ГДР 567

Вражда и преданность в «холодной войне»

Николаус Катцер
Холодная война на гаревой дорожке. Спортивные встречи между обеими Германиями и СССР после Второй мировой войны 593

Михаил Прозуменщиков
Спорт в контексте советско-германских отношений
в 1950-х – начале 1980-х гг. 620

Утопия и ее крушение

Хольгер Бёнинг
«А что, если дело лишь кажется проигранным». К вопросу
о восприятии Советского Союза в политической песне ФРГ 653
Франк Вагнер
«…На пустом месте, по-новому». Образ России и Советского Союза
глазами Анны Зегерс 690
Астрид Фольперт
В поисках места для общего житья. Архитектор Баухауза из Дессау
Филипп Тольцинер в Советском Союзе (1931–1996 гг.) 720

3. ПРОСТРАНСТВА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ПОИСКОВ

Личные и профессиональные связи

Елена Петрушанская
Иосиф Бродский: разговор с немецкой культурой 753
Хайнрих Ратке
Чужой в своей стране. Опыт российских немцев, представителей
евангелической церкви, в Советском Союзе во времена крайнего
отчуждения и отторжения 779

Регулируемый обмен: литература, музыка, кино, телевидение как способ связей

Катрин Пипер
Лучшие герои. Литература для детей и юношества в ГДР
по советским прототипам 30 х годов 802
Ольга Либова, Людмила Глухова
Немецкая литература в фондах библиотек, в зеркале библиотековедческой
печати и читательских предпочтениях россиян (1946–1990) 823
Ральф Шенк
Между двумя фронтами. Образы немцев и русских
в военных фильмах ГДР и ФРГ 848
Нея Зоркая
Незаживающие раны войны. Великая Отечественная война
на советском экране 1945–1990 годов 869

Борис Соколов
От «немецкой вины» к «советской вине». Русская литература о Второй мировой войне, 1945–2000 гг. 893
Валентин Михалкович
Хрущев против Хуциева и Ремарка. Шестидесятники и феномен советского ремаркизма 922
Мартин Уле-Веттлер
О подрывном воздействии советской литературы. Наблюдения и опыт священника в ГДР 937
Галина Ульянова
Российские немцы: историческая память как зеркало этнического идентитета 954
Александр Борозняк
«…И длится суд десятилетий». Посттоталитарное российское общество в поисках выхода из кризиса идентичности 978

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 1005

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 1021

ИЛЛЮСТРАЦИИ 1028

На обложке использована работа скульптора Вадима Сидура (1924–1986). Он исходит из собственного опыта войны – пуля немецкого пулеметчика разбила 17-летнему юноше верхнюю челюсть, и это ранение оставило на всю жизнь травму и определило «вечную» творческую тему нонконформистского художника: разум и насилие проникают друг в друга. Скульптура «Памятник современному состоянию» была создана в 1962 г. В ней отражена встреча двух абстрактно-геометричных тел. Левая мужская фигура обнимает женскую в области горла в экстремально напряженной диагонали так, что отрезает ей голову. В этом взаимодействии оформляется аналог динамики и стабильности, а также трагизм социокультурной ситуации сегодняшнего дня.

Современное положение человека и общества волновали художника так сильно, что он снова и снова в различной форме возвращался к этой теме. В 1973 г. он написал роман «Памятник современному состоянию», первая часть которого называется «Миф» (опубликован в Москве в 2002 г.). Годом позже он подпольно снимал фильм о проблематике художественного творчества. При этом он имел в виду не только советскую реальность, но и состояние мира, особенно те его места, где царствуют несвобода и распущенность агрессивных энергий. Художник работал, осознавая, что не проходит ни дня без страха, насилия и войны. В Германии на открытом воздухе установлено 11 скульптур Сидура, в том числе в Берлине, Дюссельдорфе, Хагене, Гархинге, Касселе, Констанце, Оффенбурге, Ульме. Изображенную на обложке бронзовую модель художник подарил в качестве признания за заботу о его творчестве Университету в Констанце, поскольку там было проведено несколько выставок Сидура с 1979 г. Три года спустя там была установлена 3,5-метровая скульптура из металла.

©Юлия Нельская-Сидур, Карл Аймермахер (фото)

Карл Аймермахер и Астрид Фольперт

НЕМЕЦКО-СОВЕТСКО/РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ во время «холодной войны»

Первая и Вторая мировые войны принадлежат к самым радикальным потрясениям в германо-российских отношениях первой половины XX в. Военные действия великих держав, поддержанные сознательными сторонниками и попутчиками, обернулись бесчисленными невинными жертвами (см. том 1 о взаимных западно-восточных отражениях в XX в.). Межвоенное время, т. е. период с 1918 по 1939/41 гг. (см. том 2), напротив, казалось свободным от конфронтации, хотя государственные системы в Советском Союзе и Германии следовали различным социально-политическим концепциям, основываясь на иллюзии о создании более справедливых отношений человека, государства и общества. В одном случае мы видим попытку организовать мир на демократических принципах, с помощью системы партий, в другом – на принципах коммунистических.

Однако, когда в начале 1930-х гг. обе попытки потерпели окончательное поражение, и Германия, и Советский Союз превратились в диктатуры, изменилось и ранее открытое соседство. Началась новая, централизованно-управляемая фаза пропагандистской конфронтации, вылившаяся в кровавое столкновение во время испанской Гражданской войны. Эти события сопровождались, помимо прочего, бегством многих политических диссидентов и евреев из Германии и Австрии, с конца 1920-х гг., а также из Чехословакии (с 1938 г.) и других европейских государств (с 1939–1940 г.). Это породило новые травмы, обостренные событиями Второй мировой войны, следы которых не залечены и поныне. Следствием стали необычные судьбы на Востоке и Западе, все еще отягощающие это время.

Результатом Второй мировой войны стало новое бремя, преодолением которого во второй половине XX в. было занято немало людей. Особенно пострадали от него немецко-советские/российские отношения. К тому же, самое позднее с 1948 г., с начала «холодной войны», страны почти всей планеты оказались втянутыми в конфронтацию между Востоком и Западом, даже если они не принимали непосредственного участия во Второй мировой войне. Новый вид военной конфронтации особенно наглядно отразился в позиции союзников по будущему статусу Германии. После «преодоления» фашистской диктатуры будущее Германии было в центре интересов. Исходя из окончательного определения на Потсдамской конференции сфер влияния союзников, Германия была расколота на две части, в которых реализовывались по-разному сформулированные общественные модели, в том числе, в зависимости от ситуации, с привлечением специалистов с национал-социалистическим прошлым. Этому не мешало то обстоятельство, что в Западной Германии после войны была проведена так называемая «денацификация», а ГДР постоянно подчеркивала свой антифашизм.

Раннюю фазу обоих немецких государств, касательно их включения, соответственно, в восточный и западный блоки и отношений с Советским Союзом, можно проиллюстрировать на примере их национальных гимнов. В ГДР национальный

гимн начинался словами «Восставшая из руин и обращенная в будущее, позволь служить тебе, Германия, единая Родина» (И.Р. Бехер, 1949). В Федеративной Республике гимн с 1952 г. включал третью строфу «Песни о Германии» («Единство, право и свободу немецкой отчизне»), которая была написана в 1841 г. Генрихом Гофманом фон Фаллерслебеном и в составе трех строф исполнялась как национальный гимн с 1922 по 1945 г., и опирался, таким образом, на традиционное культурное и идейное наследие. Сознательное использование традиции времен национального движения, а также ее признание в демократически задуманной Веймарской республике должно было, в конечном счете, создать преемственность с принципами основного закона ФРГ. Предложение из третьей строфы гимна ГДР: «И, доверяя собственной силе, вырастает свободное поколение», – напротив, подразумевало национальную автономию, не обнаруживая, правда, следов реальной целеполагающей ориентации на советскую общественную систему, которая с 1920-х гг. имела диктаторский профиль…

Советский Союз в отношении ГДР, в соответствии с отношениями в блоке, оставался «дружественным», в отношении же ФРГ – не «дружественным», а, скорее, связанным прагматическими интересами. Выгодное сотрудничество, с одной стороны, и пропагандистская контрастная критика с элементами дистанцирования, с другой, определяли позицию во внутренних и внешних немецко-советских отношениях. Активная агитация за различные традиции и формы демократии стала самой яркой приметой времени и существенным критерием для определения того, какая из частей Германии имеет лучшее место в истории и, в связи с более благоприятным будущим, больше прав на существование. Граница между блоками во время «холодной войны» была, кроме того, выражением и символом общественно-политического соревнования в идеологии, экономике и политике.

После мировых войн (см. том 1) и межвоенного периода (см. том 2) предлагаемая книга представляет послевоенное время, т. е третью эпоху немецко-советско-российских отношений, богатую новыми политическими структурами, связями и человеческим опытом.

В отличие от более ранних периодов, число контактов, обусловленных теми или иными политическими, хозяйственными, научными и культурными потребностями, между Советским Союзом и обоими немецкими государствами неизмеримо выросло. Люди различных профессий сотрудничали или интенсивно и последовательно изучали страну-партнера. Нельзя не заметить, что количественно центр тяжести отношений находился в сотрудничестве ГДР с СССР: политически и экономически обусловленные встречи сопровождались культурными контактами, программами повышения профессионального уровня и научными исследованиями.

Экономические, научные и культурные отношения между Федеративной Республикой и Советским Союзом, ориентировались, напротив, менее на политику, чем на политэкономическую прагматику и стремились по возможности игнорировать или избегать позиций, связанных с принадлежностью к Восточному и Западному блокам. Впрочем, это не всегда удавалось. Основным принципом этих отношений было «сближение через сотрудничество». Тяжелый откат к старым образцам поведения вызвало поражение «пражской весны» 1968 г. Попытки политического и идейно-культурного сближения между Востоком и Западом оказались надолго заблокированными обеими сторонами. Лишь восточная политика Брандта вновь привела в начале 1970-х гг. к менее напряженным отношениям.

Общий негативный и позитивный опыт, прежде всего – Второй мировой войны, в послевоенное время, за исключением пропагандистских битв в СМИ, был существенно расширен и использовался преимущественно конструктивно. Несмотря на противоречия интересов между Востоком и Западом решающим оставалось сотрудничество. Так, на базе взаимных интересов в различных областях в течение четырех – пяти десятилетий возникло информационное богатство, которое к тому же укреплялось и постоянно расширялось благодаря огромному числу переводов с немецкого на русский и с русского на немецкий. Столь разветвленная система опыта принципиально отличается от внешних отношений других европейских стран и США с Советским Союзом.

Это богатство, накопленное во второй половине XX в., образует горизонты сознания в очень сложных взаимных отношениях и по ту сторону большой политики.

В связи с российской «перестройкой», падением в 1989 г. Берлинской стены и происшедшим годом позже воссоединением более четырех десятилетий раздельно существовавших двух Германий, начались новые перемены: конфронтации времен «холодной войны» прекращаются, происходит смена поколений. С начала 1990-х гг. в российской культурной сфере конкурируют традиционные советские ценности и нормы поведения с мотивами, определяемыми, прежде всего, соображениями полезности.

Именно это положение дел образует в течение примерно пятнадцати лет точку отсчета для новой, менее напряженной атмосферы в немецко-российских взаимоотношениях.

Перевод с немецкого Игоря Нарского

Анне Хартман

НАЗАД, В БУДУЩЕЕ – К КОНЦУ ИСТОРИИ.
Метания России во времени

Потёмкинские деревни

«Умом Россию не понять», – утверждал поэт Фёдор Тютчев в 1866 г. Но если не так – то как? Ответ Тютчева однозначен и перекрывает дорогу всякой попытке анализа: «В Россию можно только верить»[1]. Россия никогда не давала внешнему наблюдателю лёгкой возможности составить себе ясную, объективную, трезвую картину. Да и для внутреннего употребления неприкрытая реальность тоже считалась неприемлемой, её предпочитали драпировать «большими нарративами» религии, утопии, исторической метафизики и идеологии. То, что именно «потёмкинские деревни» вошли в поговорку как синоним обманчивых декораций, ложных фасадов, да просто вранья и обмана, – может быть, и «историческое недоразумение»[2], однако, пожалуй, всё же неслучайность. Когда Екатерина II в 1787 г. вместе с австрийским императором Иосифом II, посланниками Франции и Англии и своим двором предпринимала инспекционную поездку по новозавоёванным крымским землям, тогдашний генерал-губернатор и фаворит Екатерины, Григорий Потёмкин, как сообщают, соорудил вдоль её маршрута макеты деревень, чтобы продемонстрировать царице и её гостям успехи в заселении Новороссии, которые не соответствовали истинному положению дел. Дома в населённых пунктах, которые проезжал царский поезд, были подновлены и богато украшены цветами и декором. Поездка по городам с мощёными улицами, в которых народные массы приветствовали императрицу возгласами ликования и представлялись сказочные спектакли, производила такое впечатление, словно высокие гости оказались в стране осуществленной утопии.

Миф о «потёмкинских деревнях» появился в самом скором времени после поездки. Он подпитывался завистью соперников, ревностью и страхом[3]; однако упрёк в целенаправленном обмане, который впоследствии оказался заключён в этой поговорке, применительно к тогдашней экскурсии по Новороссии несостоятелен: царице и её спутникам было совершенно ясно, что «чудеса» и «мистификации» были инсценированы, чтобы «эстетически «поразить» в маньеристском смысле»[4]. В этом отношении раскрашенные фасады могут быть приравнены к великолепным иллюминациям и фейерверкам, которые устраивались для высоких гостей. Кроме того, чтобы правильно понять «потёмкинские деревни», надо учитывать и их креативную роль предвосхищения будущей действительности. Не случайно ведь Потёмкин потрясал воображение своих спутников не только и не столько демонстрируемыми чудесами, сколько тем, что можно было увидеть лишь на планах, – прежде всего, своими замыслами постройки сказочного города Екатеринослава как столицы Новороссии. Для него был спроектирован собор, который должен был по длине превзойти собор св. Петра в Риме[5]. На деле же, по словам исследователей утопии Леонида

Геллера и Мишеля Никё, ещё и много лет спустя в Екатеринославе были большие трудности со строительством даже скромного здания городской управы[6].

В Советском Союзе, особенно при Сталине, система «потёмкинских деревень» была доведена, можно сказать, до совершенства: это касалось как создания иллюзий с целью удивить (но теперь ещё и обмануть), так и великолепных, устремлённых в будущее планов. В частности, гостей с Запада во время их поездок по СССР сознательно вводили в заблуждение: изображали изобилие, подстраивали встречи и беседы или показывали только определённые здания, улицы и фабрики, а детские дома или тюрьмы специально готовили к прибытию гостей. В то же самое время, пафос больших проектов, в самом деле, увлекал и в прямом смысле слова демонстрировал перспективы: уже одни только планы реконструкции Москвы, поворота сибирских рек или создания нового человека свидетельствовали о том, что социалистический homo faber может и умеет переделать мир согласно своей воле. Таким образом, и возникла та часто описываемая странная двойственность повседневной жизни сталинской эпохи: в свете более высокой, возвышенной действительности жизнь была расцвечена развевающимися знаменами, представала «затянутой пламенным кумачом радости»[7], победоносная страна социализма сияла блеском достижений и изобилия, торжествовали новый человек и новое производство: «Человек – это звучит гордо» (Максим Горький). Но эта величественная, райская правда сосуществовала бок о бок с неприглядной действительностью нищеты, пренебрежения человеком и варварской эксплуатации ресурсов[8]. Так, рядом друг с другом были Москва генплана («монументальный город») и Москва, похожая на трущобы («город прожиточного минимума»), которая едва удовлетворяла самые элементарные потребности населения[9]. В популярной «Песне о Родине» Василия Лебедева-Кумача страстно провозглашалось: «Широка страна моя родная / […] я другой такой страны не знаю, / где так вольно дышит человек», и в то же самое время возможности передвижения для советских граждан всё жёстче ограничивались паспортами и трудовыми книжками[10]. Существовали великолепные детские музеи и прямо-таки культ счастливого детства, за которое надо было благодарить Сталина, а одновременно смертная казнь была распространена на детей уже с двенадцатилетнего возраста[11]. Но – подчеркнём ещё раз: когда, например, на сельскохозяйственной выставке 1939 г. было представлено изобильнейшее аграрное производство, это было не только ложной информацией, но также и выражением убеждённости в том, что искусственное процветание обязательно повлечёт за собой реальный подъём сельского хозяйства. Говоря языком философов – убеждённости в том, что универсалии предшествуют реалиям, что идеи обладают действенной силой[12]. Потёмкинские деревни нередки и в сегодняшней России. Например, к трёхсотлетию Петербурга вдоль улиц, по которым должны были проехать важные гости, ставили дощатые заборы и красили фасады, чтобы прикрыть мерзость запустения. Однако жизнь стала сложнее, сегодня значительно труднее оказывается провести грань между красивой видимостью и реальностью, между иллюзией и действительностью. В современной России имеет место уже не *одна* большая инсценировка – «театр государства», как выразился когда-то Фолькер Браун в сатирическом тексте о ГДР[13], – а множество конкурирующих инсценировок. «Слом всех действительностей, – пишет Вольфганг Айхведе, – придаёт символическим пространствам и сценам собственную реальность». На этих сценах ставятся самые разные миры будущего и контрмиры; хождение имеют модели и понятия, которые не покрываются практикой; то, что выдаётся за политику, является часто её

имитацией, субститутом[14]; мнение и маскарад, убеждение и расчёт уже почти не различимы. Новая медиальная действительность сериалов и рекламных роликов создаёт новую нереальность; сверкающие рекламные панно и выставленные в витринах товары изменяют восприятие:

> Ещё рынок не функционирует, а стратегии маркетинга уже глубоко вмешиваются в социальную жизнь всех слоёв. Инсценировки опережают действительность. В то время как ещё идут споры об их желательности, они давно захватили визуальное пространство. Этому прорыву в будущее сопутствует и захват прошлого. Прошлое втягивается в сияние прожекторов не меньше, чем будущее. Фантастические картины товарного потребления здесь – презентации истории там. Символы царской России перемешиваются с советскими стилистическими элементами: в их общем фокусе – величие России. […] Инсценировки не сделаны по одной колодке. В своём пёстром соседстве они производят плюрализм, полный парадоксов. Миры «завтра» рядом с мирами «вчера», между ними – «сегодня», которое ещё год назад казалось более хрупким, чем теперь[15].

Ещё контрастнее, чем гетерогенность кусочков мозаики, из которых составлен внешний облик городов, выглядит одновременность неодновременного в разнице между городом и деревней, между «коридором ускоренного времени» и «зоной, в которой всякое движение замедлилось». Оно ощущается как напряжение. Мы являемся, по словам Карла Шлёгеля, свидетелями *столкновения цивилизаций* внутри России – столкновения, которое для этой познавшей много кризисов страны может стать главным испытанием на прочность[16]. В Москве – бум, это современный мегаполис, молох, который поглощает капитал и лучшие головы страны, а по своей динамике в архитектуре, культуре, бизнесе и шоу-бизнесе давно превосходит когда-то ведущие столицы Западной Европы, не говоря уже об остальной России: «Москва расположена на другой планете. Москва – это другая страна. Москва – это уже почти государство в государстве»[17]. Но, при всей исключительности и «гигантскости» столицы, по сути, отношения «Москва – остальная Россия» воспроизводятся, хоть отчасти и в значительно уменьшенном масштабе, словно в матрёшке, в отношениях других процветающих городов со своей округой. Подобным же образом, по принципу матрёшки, существуют и некоторые этнические, политические, общественные проблемы[18]. С 11 июня 2001 г. Москва связана первым российским высокоскоростным поездом с Санкт-Петербургом, который как раз собирается наверстать упущенное в соревновании с ушедшим вперёд соперником. Скорость, форма и техника этого экспресса, да и само количество пассажиров с лэптопами и мобильными телефонами в нём – это часть глобализированного делового мира, а не отстающей России. В тех точках, где сталкиваются миры, где разные исторические «часовые пояса» соприкасаются друг с другом, «вызревают отчаяние и ненависть, обида и зависть»[19].

Таким образом, люди всё больше живут в разных мирах. Есть те, кто от этого процесса выигрывает (честно или нечестно), – например, уверенно ведущие бизнес по всему миру «глобальные игроки», печально знаменитые «новые русские», активная молодая интеллигенция, умеющая воспользоваться теми шансами, которые предоставились с открытием границ и появлением новых образовательных возможностей. Но есть также несравненно бóльшая армия проигравших: пенсионеры, больные и безработные, все те, кто в далёкой провинции выживают практически без зарплат

Российская столица в зеркале меняющихся символов и идеалов: памятник Юрию Гагарину, воздвигнутый в 1980 г. в память первого пилотируемого полёта в космос 12 апреля 1961 г. (справа); перестроенная в 30-е гг. улица Горького снова называется Тверской и предоставляет свои фасады под скабрёзную рекламу новых вольностей. Внизу: Китай-город у подножия гостиницы «Россия». Московские церкви вновь воссияли древней красой, а современное здание гостиницы, построенное в 60 е гг., нынешним консервативным градостроителям и политикам помешало, поэтому его, как и некоторые другие здания этого стиля, снесли

и снабжения, чьи поселения «забыты» центром, а также широкие слои некогда уважаемой интеллигенции, которые теперь оттёрты на обочину общества. Сухие цифры статистики свидетельствуют о печальном росте бедности, обнищания, запущенности, преступности и потребления наркотиков. Стремительное социальное расслоение находит своё выражение в столь же стремительном расхождении личных жизненных целей, ценностей, мыслительных моделей и ментальных паттернов. Обобщающие высказывания о них делать всё труднее. Так как же понимать Россию?[20]

Расколы и симбиозы

Тютчев, призывая верить в Россию, наверняка не имел в виду религиозный смысл этого выражения, но его можно истолковать и таким образом: ведь, возможно, Россию не понять, если не учитывать особенную роль православия и специфический симбиоз религии и политики, существовавший даже в атеистическом Советском Союзе. Здесь лежат корни той национально-культурной идентичности, которая не утратила силу до сегодняшнего дня[21].

Уже вскоре после «крещения» России в 988 г. произошло разделение христианства на восточную и западную церкви, которое так никогда больше и не было преодолено. У схизмы были как государственно-политические, так и теологические причины и последствия. Разграничительная линия между «папистской» (католической) церковью как охватывающей разные страны организацией (монашеские ордена, действовавшие по всей Европе, латынь как общий язык, рано установленное разделение между светской и духовной властями) и православной церковью, которая – особенно в России – оказывалась во всё более сильной языковой, культурной и политической изоляции (церковнославянский обряд, многовековое татарское господство, отделение от Византии), была самой важной структурной границей Средневековья[22]. Под знаком этого двойного самоутверждения – против «латинской ереси» и против иноземного господства – религия в ходе «собирания русских земель» превратилась в национальную объединяющую силу[23]. Теократические концепты – например, появившаяся в XV столетии идея «святой Руси» как богоизбранной страны и идея «симфонии» государства (тела) и церкви (души), – оставались определяющими для дискурса о русской идентичности даже в XIX – начале XX вв.: «самодержавие, православие и народность» – так звучала знаменитая формула Сергея Уварова, министра просвещения при Николае I. Славянофилы, поборники «русской идеи», или «русской особости», обосновывали её отчасти имперско-националистическими, отчасти миссионерско-мессианскими аргументами. Превосходство своего строя и формы государственного правления и своих религиозных убеждений они подчёркивали, противопоставляя их, с одной стороны, западным формам жизни, а с другой – «отщепенцам» в собственной стране (имелся в виду, прежде всего, Петр Великий), которые предают истинные устои или стремятся увести народ с пути истинного.

В XVI в. псковский монах Филофей сформулировал роковое пророчество, которое стало «идеологическим базисом образования московского царства»[24]: после падения Константинополя Москва – это третий Рим, последнее христианское царство на Земле, с церковью, «что одна во вселенной краше солнца светится»:

…все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это царство – Российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать[25].

К 850 летию Москвы был торжественно открыт огромный памятник Петру I, созданный художником-миллионером Зурабом Церетели. На заднем плане новодел храма Христа Спасителя

Москва, таким образом, становилась центром мира, однако, она могла исполнить свою историческую миссию только при условии, что сохранит приверженность истинной вере. Но что было истинной верой? Когда патриарх Никон на нескольких соборах 1653–1656 гг. пытался инициировать реформы литургии и обряда, именно вопрос о правоверности привёл к церковному расколу, который никогда больше не был преодолён. Ведь то, что наблюдателю может показаться несущественным, – например, сколькими пальцами нужно креститься или как пишется имя Иисус, – на многих производило впечатление ереси[26]. Они боялись, что она ставит под угрозу небесное воздаяние за все те усилия, которые испокон веков предпринимались ради достижения спасения[27], ведь, согласно православному пониманию, истинность веры не может быть предметом теологической дискуссии и гносеологических поисков, она есть единое и неделимое знание, которое существует независимо от людей.

Так православие в России раскололось на государственную церковь и миллионы верующих без церкви. Староверов отлучили от церкви и объявили вне закона, они подвергались преследованиям и гонениям. Сектантство не ограничивалось элитарными группами, а было массовым явлением; десятками, сотнями тысяч люди в минувшие столетия покидали родные места, чтобы в отрешении от мира, живя в альтернативных, основанных на изначальных принципах общежития коллективах, осуществить царство божье на Земле. Ведомые легендами и самозваными «проводниками», они отправлялись в путь с непоколебимой верой, что достигнут обетованных земель и счастливых городов; они искали сказочный град Китеж или Беловодье, страну белых вод[28]. В конце XIX в. Россия была покрыта целым архипелагом утопистских общин, которые страстно ожидали исполнения обетованного. Они не хотели слушать обещания православной церкви о каком-то неопределённом загробном мире[29], а надеялись дождаться рая на этом свете, царства Божьего на земле. Ради этого они были готовы страдать, отказываться от собственности, делиться всем с собратьями по общине и бескомпромиссно бороться с врагом[30]. Их непоколебимость в поиске счастья столь же трогательна, сколь страшна. Ведь призыв покинуть семью, отказаться от всего имущества, отречься от земных влечений или даже совершить коллективное жертвенное самоубийство, чтобы убежать от испорченного мира и власти сатаны, не допускал никаких отговорок. Имелась только одна альтернатива: да или нет, добро или зло, спасение или погибель.

«Загробный мир католического западного христианства», – писали культурологи Юрий Лотман и Борис Успенский в своей знаменитой статье о роли дуальных моделей в динамике русской культуры[31], –

> разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым, в реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными», ни хорошими, ни плохими.

Русская же культура знала только рай и ад, никаких промежуточных нейтральных сфер, так что земное поведение могло быть только или грешным, или святым. «Это распространялось и на внецерковные понятия: так, светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда как нейтральная по отношению к этим понятиям».

На Западе, продолжают Лотман и Успенский, нейтральная сфера между раем и адом могла выступать своего рода «структурным резервом», «из которого развивается система завтрашнего дня». Поэтому всегда имелась «некоторая […] непрерывность между отрицаемым сегодняшним и ожидаемым завтрашним днем». В противоположность этому, в России новое понималось не как продолжение, а как эсхатологический разрыв и радикальная смена всего, как скачок в другое, светлое будущее. Между тем, прежняя культура продолжала существовать – именно потому, что с ней так ожесточённо боролись, – однако нормы всякий раз выворачивались наизнанку, знак заменялся на противоположный: *старина*, старое доброе время, объявлялось устаревшим, отсталым, до тех пор, пока его снова не вспоминали при следующем отрицании отрицания, и тогда прошлое прославляли или, предаваясь своего рода ретроспективному утопизму, надеялись обрести канувший в вечность «золотой век».

И русская культура осталась, по словам философа Николая Бердяева, культурой раскола[32], с ожесточёнными конфликтами по поводу правоверия и ереси, с борьбой за радикальный отказ от мира ради бескомпромиссной веры или столь же бескомпромиссным нигилизмом, с ярко выраженной склонностью к апокалиптическим видениям, к мессианским пророчествам и утопическим обещаниям. Уже комментарии современников, ранние самоописания русской культуры, дошедшие до нас от Фёдора Достоевского, Василия Розанова, Николая Бердяева, Семёна Франка и в сборниках «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), описывают дуализм и максимализм как её «характер, запрограммированный на конец времён» и проявляющий себя в неразрывности мыслительных форм утопии и апокалипсиса[33].

Большевики, хоть и боролись с церковью, сами проповедовали «религию спасения, обращённую на посюсторонний мир»[34], которая эксплуатировала коллективную ярость угнетённых, революционный потенциал сект и их апокалиптические ожидания и надежды на обретение райского блаженства[35]. Бердяев писал:

> Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство[36].

Из народной религиозности большевики заимствовали представление о человеке как Боге (вместо Бога, ставшего человеком[37]). В понятие Бога у «богостроителей»,

к которым принадлежали такие выдающиеся мыслители как Александр Богданов, Анатолий Луначарский и, одно время, Максим Горький, влились идеальные представления о созидательной силе народа, об исторической миссии пролетариата и о построении социализма[38]. Ленин, хотя и боролся против «богостроительства», сам был в своих идеях привержен «“научной” эсхатологии по классической схеме: “страдание – борьба – избавление”». Его «твёрдая вера в победу и спасение» была основана на строго манихейской картине мира[39].

Особенно в условиях догматизации при Сталине от людей требовались безусловная вера, повиновение и активная преданность; скептики и критики исключались из общества как еретики или ренегаты. Число находящихся в обращении слов жёстко сокращалось, одобренные властями тексты приобретали характер священных откровений[40]. После того как Сталин одолел Троцкого с его требованием перманентной и всемирной революции и утвердил свой принцип построения социализма в одной, отдельно взятой, стране, в 30-е годы *возможность* построить в СССР социализм незаметно трансформировалась в *уверенность* в том, что в Советском Союзе уже достигнута полная его победа. СССР наслаждался триумфом этого свершения и превозносил себя как завершение или высшую точку всех процессов развития, считал себя уполномоченным и способным исполнить заветы прошлого[41]. Произошёл знаменательный поворот в сторону патриотизма и, в частности, в историографии, были воскрешены славянофильские идеи русского своеобразия или мессианского предназначения России как избранной страны. Была восстановлена идея величия России, основанного на её героическом прошлом, и создана галерея славных богатырей, героев, бояр и царей. Исключительность Советского Союза, его достижений, искусства и науки и его вождя означала принижение других, чужих – как внутри страны, так и снаружи – и не допускала ни свободного обмена, ни торговли, ни сообщения, ни сравнения. Ксенофобия и террор против собственного населения были двумя сторонами одной медали: в обоих случаях уничтожению подлежало отклоняющееся, чуждое; замаскировавшийся иностранный агент или предатель должен был быть «разоблачён», вредитель – уничтожен.

Неудивительно, что в таких условиях никакого рационально-прагматичного отношения к политике возникнуть не могло. Царь всегда был окружён нимбом – как наместник Бога на Земле или, с точки зрения противников, как олицетворение Антихриста[42]. Когда Пётр Великий проводил свои далеко идущие антиконсервативные реформы, они не просто вызывали политические разногласия, а раскалывали общество. И снова такие, казалось бы, формальности, как запрет носить бороду и русскую одежду при дворе, были индикаторами радикального «культурно-семиотического перелома»[43]. В русской народной культуре есть рассказы о самозванцах, незаконных претендентах на трон, или лжецарях и о возвращающемся, наконец, законном властителе – освободителе и спасителе[44]. Состоявшаяся в августе 2000 г. канонизация Николая II и его семьи – ещё один поздний, выглядящий анахронизмом, пример такой убеждённости в божественной природе монаршей власти[45].

Коммунизм в этом смысле ничем не отличался от прежних идеологий. После смерти Ленина в 1924 г., строительством мавзолея и консервированием тела вождя с целью «увековечить» его почитание, русский марксизм продемонстрировал, что являлся секулярным учением о грядущем спасении[46]. Основатель учения ожидал паломников перед Кремлём. Сталин сумел выставить себя его единственным истин-

ным апостолом, призванным исполнить слово Ленина. В романе «Как закалялась сталь» Николай Островский сформулировал «кредо»:

> Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества[47].

Политическое было сделано сакральным, религия была узурпирована, и её христианское содержание было профанировано[48]. «В глубинных основаниях русской коллективной психологии, – пишет Юрий Афанасьев, – большевистские установки встречались и гармонизовались с залегавшими там веками язычески-православными мифами-идеалами, например, […] об Антихристе, о богатстве как о грехе и о богатых как о безбожниках, о России как о “Третьем Риме”, о Царе-батюшке как Божьем посланнике на земле, etc.»[49]. Домашний «красный уголок» с новым объектом для почитания – портретом Ленина или Сталина – пришёл на смену «красному углу» с иконами (сегодня это излюбленное место для телевизора), при этом оказалось очень кстати, что русское прилагательное «красный» имеет два значения – «красивый» и «красного цвета». Властители отдалились в вышние сферы, превратились в икону. Одновременно они были окружены культом и магией. Например, чтобы выключать из игры соперника, недостаточно было критического опровержения его позиции и даже физической его ликвидации: его портреты также должны были исчезнуть, его изображение с помощью ретуши удалялось с коллективных фото[50], как и фамилия уничтоженного удалялась отовсюду.

Процесс обмирщения начинался в Советском Союзе робко и постепенно. Только с приходом Горбачёва показалось, что страна, наконец, вступила в секулярный современный мир, мир рационального, правового государства. Таково, по крайней мере, было впечатление западной общественности, которой Горбачёв явил себя как современный политик, как человек с индивидуальными чертами, с частной жизнью и с появляющейся на публике женой. Однако в России родимое пятно на лбу президента воспринималось как знак божьего избранника или же как клеймо сатаны, а самого обладателя пятна одни идентифицировали с архангелом Михаилом, другие считали воплощением антихриста. Ельцина прославляли как «царя Бориса» или демонизировали как «Баруха Эльцина». Про Путина то говорят, что его имя восходит к святому Владимиру, то – что оно указывает на Владимира Ленина. Во всяком случае, у его семьи якобы была раньше фамилия Распутины, как у обскуранта и чудесного целителя царицы. Nomen est omen, имя – это предзнаменование, согласно русской традиции магии имён. О том, что широкие слои населения связывали со вступлением Путина в должность надежду на «национального спасителя», можно заключить, прежде всего, по разочарованию в этих ожиданиях. Гибель атомной подводной лодки «Курск» в августе 2000 г., например, многими воспринималась не как авария, связанная с технической неполадкой или человеческой ошибкой, а как крушение веры: вместе с подлодкой «Курск», писали тогда газеты, на дно Баренцева моря ушла вера людей в способность государства защитить их от беды. Тем не менее Путин остался популярным до сих пор[51], хотя его нимб и претерпел в атмосфере пост- и попмодерна мутации: странная смесь из почитания и тривиализации превратила его в культовую фигуру кича, коммерции и искусства[52].

Перестройка и последующие годы

Перестройка, которая, по идее, должна была означать «возвращение в Европу» и достижение благосостояния, а тем самым – прощание с идеологией, оказалась, как бы парадоксально это ни звучало, возможно, последней (пока) великой утопией. Архитекторы перестройки собирались сделать гигантский скачок из советского прошлого в лучшее будущее, создать новое общество, покоящееся на принципах демократии, свободной рыночной экономики и правового государства. Эта перестроечная мечта[53] сулила быстрое решение всех проблем через бескомпромиссное преодоление советской эпохи и присоединение к западному миру: национальные проблемы как продукт тоталитаризма уладятся сами собой, экономика, как в Германии после Второй мировой войны, быстро пойдёт в гору, Западная Европа в знак признательности к России за одностороннее и безусловное окончание «холодной войны» охотно примет страну в свои ряды; а независимые теперь восточноевропейские государства проявят благодарность за то, что их отпустили на свободу. Таковы были надежды.

Во имя неолиберальной социальной доктрины старые структуры разрушались, но не перестраивались. Опять Новое должно было не возникать из Старого, а быть радикальным отрицанием плохого Прежнего. Опять этот перелом, хоть и проходил бескровно, имел насильственные черты. Капитализм устанавливался так же бесцеремонно, как когда-то марксизм. Экономическая шоковая терапия, которую прописал стране в 1992 г. Егор Гайдар, не привела к скромному благосостоянию для всех: скорее, её следствием явилась «анархия обогащения и бедность масс»[54], растущая пропасть между элитой обогащающихся и широкими массами населения. Шоковые волны сотрясали все сферы жизни – народное образование и здравоохранение, снабжение, рынок рабочей силы и жилья и т. д. Отголоски их живо ощутимы по сей день. Комсомол, профсоюзы, партийные активы и другие инстанции, которые раньше выступали посредниками между государством и подданными, лишились власти, однако многие бывшие функционеры опять занимают ключевые позиции. Партии и парламентаризм – пока ещё ненадёжные опоры политической системы. Таким образом, реконструкция общественных структур до сих пор не привела ни к удовлетворительно функционирующей государственности с работоспособными общественными институтами, ни к основательному укреплению прав личности, а привела, в конечном счёте, к отчуждённости, атомизации и почти полной утрате людьми интереса к участию в политике.

Утопические мечты перестройки развеялись скоро и жестоко. Не исполнились ни материальные желания, ни обещание правового государства и гражданского общества. Новые независимые государства на территории бывшего Советского Союза не выказывали благодарности, а стали, наоборот – ради установления собственной национальной идентичности – клеймить Россию как «злого Другого», что тамошнее русское или русскоязычное население часто ощущало в виде дискриминации. Бывшие государства «восточного блока» тоже не предложили своих услуг в качестве моста между Востоком и Западом, демонстративно повернувшись к России спиной, а лицом – к Европейскому Союзу или НАТО: здесь тоже скрытая прежде враждебность вырвалась на поверхность в агрессивных антироссийских акциях[55].

Россия сочла себя брошенной Западом и была разочарована. Западная финансовая помощь была названа недостаточной или своекорыстной, денежная политика –

ошибочной; говорили, что иностранцы обхаживали в России зачастую не тех политиков и предпринимателей, каких надо было, а коррупционеров, интриганов, мафиози и, таким образом, участвовали в разграблении страны. Россия, лишившись прежнего положения великой советской империи и сверхдержавы, оказалась в положении униженной и политически маргинализированной страны, оттеснённой на обочину всемирной истории и даже Европы. Полный перечень ошибок, упущенных шансов и случаев дефицита восприятия с обеих сторон получился бы длинным[56].

Время правления Ельцина, особенно в последние годы, проходило под знаком разгула преступности, хаоса и коррупции; угроза гражданской войны витала в воздухе. Кризис превратился в хронический симптом. Множество задач, которые все требовали неотложного, немедленного решения, – порождало «драматическую и безальтернативную перманентную перегрузку»[57]. То, что страна не погрузилась в пучину анархии и гражданской войны, есть недооценённая заслуга её населения[58].

Поскольку 90-е годы в России воспринимались как новая «смута», авторитетная или, скорее, авторитарная политика Путина встретила поддержку в широких слоях населения, которое, однако, не хотело бы отказываться от «достигнутых либеральных политических свобод», от возможностей самоопределения, передвижения и товарного потребления, и вернуться в прошлое[59]. Логичным следствием жажды энергичного государственного вмешательства в ход событий стало то, что своим карьерным взлётом Путин был обязан, прежде всего, второй чеченской войне, которая стала важнейшим для идентичности россиян конструктом[60]. Россияне, наконец-то, снова увидели власть, «которая действует, решая конкретную военно-политическую задачу»[61]. Путин репрезентировал себя как поборник «закона и порядка» и пообещал не только освободить Россию от внешней угрозы терроризма, но и вернуть измученной хаосом и кризисом стране давно желаемую ею внутреннюю стабильность и «веру в величие России». Крепкое государство, возвестил Путин в своём послании к началу нового тысячелетия, – для россиянина «не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»[62]. Правда, в новую государственную идеологию эти лозунги не складываются – к досаде многих наблюдателей на Западе и на Востоке. Меры, принимаемые во имя сильного государства против слишком могущественных олигархов, против гордых регионов, против критичных средств массовой информации и т. д., вызывают вопросы: борется ли Путин за авторитет и порядок или ему важнее утвердить авторитарную политику? Но всё же принципы его деятельности – прагматичной, а не фундаменталистской природы. «Демократические притязания и имперская базовая структура», может быть, и непримиримы друг с другом[63], но Путину удаётся, и вполне успешно, балансировать между ними.

Смена декораций

Реконструкция общества, на которую была нацелена перестройка, не удалась, или импульс высвобожденных ею сил часто оказывался направлен совсем не так, как было запланировано. И всё же, в одной области революция достигла успеха: освобождение прессы и разрешение запрещённой прежде литературы в рамках политики гласности вызвали подлинное раскрепощение средств массовой информации и пуб-

личного слова: «Выйдя из самолёта в Москве в конце 1989 г., оказываешься в мире, где господствует слово – многоликое, необузданное, – писал тогда польский журналист и писатель Рышард Капущиньский. – После многих лет молчания, жизни с кляпом во рту и цензурой рушатся плотины, и бурные, мощные, вездесущие словарные потоки заливают всё. Русская интеллигенция снова (или лучше сказать: впервые) находится в своей стихии, и эта стихия – нескончаемая, бурная, жаркая, безумная дискуссия»[64]. Некогда запрещённая или высланная в эмиграцию литература – от набоковской «Лолиты» до солженицынского «Архипелага ГУЛаг» – стала доступна; советско-сталинское прошлое было подвергнуто критическому анализу и вместе с прежними догматами веры и легитимациями стало предметом горячих дискуссий. От критической общественности, которая настаивала «на правде и отчёте», исходил «призыв к просвещению и публичности», к «переоценке советской истории»[65]. Покаяние и правда – таковы были ключевые понятия тех споров, которые именно по этой причине (пусть такое утверждение и покажется противоречащим здравому смыслу) – в конечном счете, обозначали не прорыв в новую эру, а завершение старой традиции, существовавшей добрых полтора столетия. Литература и литературная критика времён перестройки исполняли завещание этого прошлого, в котором искусство выполняло разнообразные замещающие функции как субстрат и субститут общественной жизни, «а поэт в России», как выразился однажды Евгений Евтушенко[66], был «больше, чем поэт»: он, кроме этого, выступал в качестве моральной инстанции и даже пророка[67]. Независимо от того, случалось ли автору привлечь к себе внимание публики или же навлечь на себя репрессии властей[68], и от того, был ли его герой пропагандистом официального мировоззрения или глашатаем неофициальной, «подлинной» правды, – модель литературы, её иерархия ценностей, её дидактическое понимание и механизмы языкового кодирования были одни и те же; диссиденство как критическая оборотная сторона поддерживающего режим искусства всегда было нерасторжимо с ним связано[69].

Впечатление таково, будто вместе с официальным дискурсом кануло в прошлое и неофициальное, критичное по отношению к советской власти сопротивление. Активная нравственная позиция, пафос правды, которые были характерны для «культуры дискуссии» перестроечных лет, выглядят теперь анахронизмом. Огонь возмущения и воодушевления давно затух под шлаками растрескавшейся утопии. Сегодня лишь единицы – например, активисты-правозащитники из общества «Мемориал», – борются против забвения[70].

Очень скоро литературная среда раскололась, прежние группировки распались, «высокая» культура утратила значение, законы рынка заняли место критериев мировоззрения и институционализированного литературного производства, поэт потерял свой привилегированный статус и видное положение в обществе, теперь он – всего лишь поэт. Художественная интеллигенция больше не ведущая сила общества, она расщепилась на различные субкультуры, «распалась» на личные судьбы, идеологические предпочтения и карьеры. Господствует постмодернистская широта[71]: одни ищут прибыльного союза с сильными мира сего, другие ищут убежища в старой России или в эзотерических учениях о спасении, а кто-то пытается утверждать некую новую субкультуру. Сегодняшние «саморепрезентанты»[72] и прежние боровшиеся за распространение правды диссиденты отличаются друг от друга, как небо и земля.

Тот факт, что самое недавнее прошлое теперь уже кажется прямо-таки доисторическим временем, а более удалённые времена, такие как советская эпоха или даже XIX век, кажутся более близкими, более знакомыми, чем только что минувшие годы, говорит о таком восприятии времени, которое при этом переходе не способно обеспечить континуитет. Одна из причин подобного явления – в том, что кризис и хаос переживались как обрушившаяся на страну катастрофа, как природный катаклизм. Такие стихийные бедствия не вызывают исторической или политической рефлексии, а провоцируют апокалиптические видения: «На смену “правде жизни”, десятилетия выдававшейся на-гора литературным официозом, пришла чернуха – литература конца времён», – пишет Гасан Гусейнов[73]. Распад СССР, ухудшение социального положения широких слоёв населения, подрыв общества организованной преступностью, безотрадные явления в общественной жизни, упадок некогда столь знаменитой культуры и циничное презрение к этическим и моральным ценностным меркам – все эти крайние отрицательные явления (*беспредел*) привели к тому, что по России стал бродить «многоликий призрак апокалипсиса»; «это то возвышенное, то гротескно преувеличенное пророчество о крушении всего унаследованного и существующего, о конце всей русской жизни»[74]. «Западники», такие как Виктор Ерофеев, и «славянофилы», такие как Александр Солженицын, приходили к одному и тому же диагнозу: в конце XX столетия речь, несомненно, шла о том, «*быть или не быть* русскому народу»[75]. Литература, которая реагирует на это, отчаянно-радостно – как бы снова подтверждая тезис Николая Бердяева об апокалиптически-*нигилистском* характере русской культуры – катапультируется в конец истории, подавая себя как чёрная литература, как литература пустоты, экстремизма и эксцесса и прямо-таки празднует прибытие в точку конца времён или существование после конца истории, в постистории[76].

Другой вариант – это апокалиптически-*мессианское* мышление, которое служит кладезем благих вестей о спасении и сценариев избавления. Это мышление в настоящее время пользуется хорошей конъюнктурой в России и оказывает определяющее влияние не только на литературу, но и на общественный дискурс. И этот вариант тоже имеет своей предпосылкой исторический разрыв времён, а именно, как пишет Гусейнов, – массовый и бесповоротный отказ государства и общества от перестроечных идеологических установок на «покаяние», «суд над проклятым прошлым» (например – над КПСС). «Национальные триумфалисты», как назвал их Сергей Аверинцев, одержали идеологическую победу над «жалобщиками» и «печальниками»[77].

Официальные представители Российской Федерации избегали ясного определения своей позиции в отношении прежнего советского режима. Суд над КПСС завершился всего лишь вялым компромиссом между осуждением и оправданием прошлого[78]. Президент Ельцин в 1995 г. призвал к национальному примирению и согласию – без слов раскаяния в пролитии крови невинных людей, – и заявленной целью как тогдашнего, так и нынешнего президента [Путина. – *Прим. перев.*] является защита «чувства всех»: таким образом, оба главы государства избавляются от ответственности за происшедшее[79]. Разоблачения времён перестройки этим нормативным релятивизмом обесцениваются, а «обнаженные язвы» русской и советской жизни» помещаются «в безразмерное эстетическое поле, где исторический анализ преступлений советской политической системы уравнивается в значимости с астрологическими прогнозами или откровениями народных целителей»[80].

Проект национального «возрождения» – это великая мечта о новой России. Ожидают, что в ходе этого возрождения будет создана идентичность для измененного, уменьшившегося после слома советской империи государства, а раздробленному обществу будет предложен позитивный смысл существования. При этом, речь никоим образом не идет о голой идеологической индоктринации «сверху»: речь идёт и об очевидных потребностях «снизу»; борьба за ориентацию и самопонимание, за собственную идентичность неизбежно сопровождает процесс «строительства нации» (*nation building*)[81]. Проблема не в том, что в России ищут идентичность, а в том, *как* эти поиски зачастую ведутся, и как они используются для самых различных целей.

Движение вперёд повело страну прямиком назад, в прошлое, но иначе, чем представляли себе «просветители» времён перестройки. Уже Борис Ельцин искал «новую национальную идею» и в 1996 г. даже объявил конкурс на её создание. Призовой фонд конкурса составлял 10 млн. рублей. Победитель, Гурий Судаков, исповедовал «Шесть принципов русскости»: приоритет бескорыстной любви к родине перед личной выгодой, коллективизм, готовность к жертвам и страданию, верность совести и справедливости, а также склонность к покаянию, тоска по абсолюту, приветливость и общительность[82]. Конкурс прошёл без особого успеха, однако «русская идея» произвела фурор[83]; бесчисленные интеллектуалы – политики, писатели, журналисты, социологи, философы, культурологи, священнослужители, а также оккультисты, конспирологи и эзотерики заполняют пустующую территорию самопознания (или самоизобретения) нации национальными мифами. Герои и лозунги нового национально-патриотического консенсуса присутствуют теперь уже повсюду: в рекламе[84], в телевизоре, в культовых фильмах последних лет[85], даже на табличках в метро.

Воскрешаются и старинные идеи «Москвы как Третьего Рима» и «святой Руси», и теория особого пути России и её мессианского предназначения спасти мир. При всём этом, ссылаются на некую специфическую, недоступную западному аналитическому мышлению «русскость», на преодолевающую все разногласия и всякий индивидуализм (считающийся вредным) «соборность» и на особую, глубокую русскую «духовность», до которой далеко поверхностному и ориентированному на прибыль Западу. Запад, сказал писатель Виктор Пелевин на конгрессе PEN-клуба в мае 2000 г., «никогда не поймет Россию, мы отклоняемся от европейских норм, потому что у нас другие ценности»[86]. Ощущение россиян, что они унижены Западом – и в собственной стране, и военными действиями НАТО против «сербских братьев по вере» в Косово, и англо-американской войной против Ирака, – порождает разнообразные варианты разочарования и желания делать назло, униженности и гордости, комплексов неполноценности и наглой заносчивости. На протяжении веков Запад исполнял функцию «третьего глаза», который следил за смыслом и бессмысленностью исторических судеб России[87]. Как бы Россия ни относилась к взгляду этого третьего глаза, безразличен он ей никогда не был. Однако теперь Россия больше не хочет признавать за Западом права задавать нормы и показывает ему собственное зеркало: «Запад как нормозадающая инстанция потерпел крах»[88].

Как и у славянофилов XIX столетия, православие теперь считается скрепляющим раствором и замковым камнем в здании русской идентичности. В идеологическом вакууме, который образовался после крушения Советского Союза, церковь выступила на передний план как единственная инстанция, способная обеспечить моральное обновление общества. Ведь она в течение десятилетий подвергалась преследо-

ваниям, а христианские ценности сохранили, в отличие от дискредитированного теперь коммунистического кодекса норм, свою суть и свою незапятнанную репутацию. Однако часто поминаемое «религиозное возрождение», как показывает религиозный социолог Сергей Филатов, лишь частично означало настоящий ренессанс религиозности: во-первых, содержание и традиции религии уже не так прочно закреплены, они причудливо смешиваются с нетрадиционной религиозностью, оккультизмом, астрологией, фрагментами восточных религий, верой в переселение душ, чудесные излечения и паранормальные явления. Во-вторых, продолжает Филатов, церковь «в своём стремлении выполнять функцию «духовного объединителя» нации также содействует отношению к православию не как к животворящей вере, а как к одной из форм культуры и идеологии»[89]. Функция легитимации и создания идентичности зачастую перекрывает функцию утверждения ценностей. Политики разных лагерей – у них теперь крест на шее заменил собой красную книжечку у сердца[90] – демонстративно делают ставку на церковь и её способность снова осуществить духовное собирание русских земель и содействовать восстановлению «достоинства России». Таким образом, Русской православной церкви отводится одна из ведущих ролей в рамках патриотизма, имперского самопонимания и «аффективной привязки к системе»[91]; в постсоветской России она стала прямо-таки «культурным ядром и символом национальной идентичности»[92]. Юбилейный Архиерейский Собор Русской православной церкви в августе 2000 постановил:

> Христианский патриотизм одновременно проявляется по отношению к нации как этнической общности и как общности граждан государства. Православный христианин призван любить свое отечество, имеющее территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру. […] Патриотизм православного христианина должен быть действенным. Он проявляется в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устроении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления. Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание[93].

Символической демонстрацией «возрождения» Москвы, да и всей России, было представлено восстановление Храма Христа Спасителя в 1994–1997 гг[94]. «Это русская национальная святыня», – провозгласил Ельцин при начале строительства и обозначил восстановление Храма как «одну из важных государственных задач»[95]. Ещё десятью годами раньше едва ли кто-то вспоминал об этой церкви, воздвигнутой в память победы России над Наполеоном, в которой были соединены военный триумф и национальная религиозность. Сталин велел взорвать её, чтобы поставить на её месте другой собор: гигантский Дворец Советов, высотой 415 м, который должна была венчать статуя Ленина высотой 80 м[96]. Утопический проект потерпел неудачу из-за проблем с грунтами в месте строительства. Котлован заполнили водоросли и лягушки. Только при Хрущёве фундамент был использован – для строительства открытого бассейна «Москва». Таким образом, Храм Христа Спасителя был на десятилетия стёрт из коллективной памяти, а теперь призван был в качестве национальной и государственной святыни определять коллективное сознание. Однако осуществлена была вовсе не реконструкция исторического памятника архитектуры: в конечном счёте, возникла «новая старинная постройка» по мотивам прежней, названная критиками «монстром-мутантом» и «вульгарной имитацией» оригинала, а то и «пародией» на прежний собор[97].

Храм Христа Спасителя в процессе строительства в 1995 г. Оригинал был взорван в 1931 г. ради строительства Дворца Советов, которое не пошло дальше фундамента и впоследствии было заброшено, а на его месте был построен бассейн. У этой московской церкви есть теперь двойник в провинции: на Урале, в Екатеринбурге, недалеко от места умерщвления последнего русского царя Николая II, в 2003 г. был освящен Храм на крови. Рядом с ним, в перестроенном кинотеатре «Космос», находится казино

Если такие строительства означают, как провозгласил патриарх Алексий по случаю освящения Храма-памятника на крови в Екатеринбурге в 2003 г., «восстановление нашей исторической памяти»[98], то плохи дела с этой памятью. Подобные эклектические архитектурные сооружения подобны всему «патриотическому консенсусу»: они обращены лицом в прошлое, но антиисторичны[99]. Чем больше прошлое воскрешают, тем слабее и избирательнее становится историческое сознание.

Национальная идентичность не может быть «самодостаточной», она всегда есть также вопрос позиционирования себя в международном пространстве, поэтому «возрождение» России связано с (гео)политическими размышлениями о месте и роли России в Европе, Азии и мире. Имеются деловые, политологически грамотные предложения по решению территориальных, этнических и ментальных проблем, которые возникли из-за государственного переустройства после исчезновения СССР. Существенно громче, однако, звучат националистические лозунги, провозглашаемые самыми разными партиями от правого до левого края политического спектра.

В одном из главных предлагаемых вариантов речь идёт о России в узких границах районов проживания этнических русских. Согласно этой точке зрения, русскую

идентичность определяют язык, религия и культура, а гарантировать её предлагается сильным централизованным государством. Другая, панславистская концепция призывает интегрировать православно-славянские страны бывшего Советского Союза, т. е. воссоединить Россию с Украиной и Белоруссией. «Интернационалистский огонь», который коммунисты раздували в начале 90-х годов, чтобы вновь вернуться к «единому советскому народу», давно погас из-за столкновений в кавказском регионе. «Евразийские» программы православно-исламской оси против Запада тоже были перечёркнуты чеченской войной[100]; однако, евразийство сохраняет влияние как геополитический контрсценарий, альтернативный гегемонистским концепциям «атлантистов» Хантингтона и Бжезинского[101], и поставляет «идеологическое сопровождение» для геостратегической «перенастройки российской внешней политики»[102].

Идёт ли речь об «ордене евразийцев», или о «славянском братстве», или о «триединой православной русской нации», или об «исторической миссии России» – все варианты пользуются словарём, который предполагает историческую значимость в силу духовной возвышенности. Кроме того, они покоятся, как правило, на чётком очерчивании «своего» в противопоставлении «чужому», то есть на конструировании эффектных образов врага, в качестве которого может выступать и «коварный Запад», и «сионистский заговор», и «исламская угроза»[103]. «Зло», как и в XVII–XVIII вв., воспринимается как нечто, привнесённое извне, а пространство понимается не географически, ему приписываются оценочные признаки: Запад, в таком понимании, считается «левым», «нечистым». Разоблачение и отвращение опасности исходящего из этой зоны приобретают, таким образом, жизненно важное значение для сохранения собственной чистоты[104].

Ещё один общий признак этих взглядов – поклонение былому (и подлежащему восстановлению) величию, а также национальному и/или имперскому самосознанию. Поэтому ностальгия по советским временам и прославление царского прошлого без труда сочетаются друг с другом. Сталин так же, как и Иван Грозный, и Пётр I или Николай II представляет собой элемент конструкта идеальной России, которую нужно было бы вновь обрести путём возврата к утраченному прошлому в будущем.

Со второй половины 90-х годов переживают большой подъём геральдика и исследование дворянских родов. Так же демонстративно восстановлены советские церемонии и элементы дискурса. Марина Дмитриева описывает это как попытку создать новый государственный стиль репрезентации в виде смеси «советской и русской имперской символики. Инаугурация президента Ельцина была эклектической инсталляцией из парадных элементов сталинского ампира и новых российских регалий»[105]. Путин в этом не отличается от Ельцина – наоборот, он скорее ещё больше гипертрофировал систему символических репрезентаций. В процессе осознания национального величия и национальных величин России прошлое было превращено как бы в склад, из запасов которого извлекаются всевозможные лица и события отечественной истории, невзирая на их политическую принадлежность и реальную роль.

Царских или советских патриотических символов и дискурсов повсюду в российской публичной сфере так много, что на этом фоне выглядят просто бессмыслицей слова Сергея Ушакина о «постсоветской афазии» – неспособности «символически о-формить, вербализировать и репродуцировать на уровне речи новую социальную, политическую и культурную ситуацию […], предложить людям какой-нибудь “основной” знак, который мог бы обобщить изменения»[106]. Осмысленным этот тезис

становится в силу эклектизма самоописания. Депутат Госдумы Владимир Рыжков тоже приходит к выводу, что национальной идеи, которая объединяла бы страну, не существует. Россия, по его мнению, скорее эклектичное государство, которое позволяет себе иметь флаг времён Петра I, герб царского дома Романовых и советский гимн (перечень примеров можно было бы продолжить): «Мы как-то умудряемся праздновать как победу советской власти, так и её конец, как Рождество Иисуса Христа, так и приход к власти самой безбожной из всех партий, которая разрушала церкви и убивала священников. Мы празднуем конституцию, которая была принята после кровавого столкновения в Москве, и тот день, который положил начало кровавой гражданской войне»[107].

Эклектика может раздражать, но она же в состоянии, наверное, и смягчать, например, максимализм конфронтаций между лагерями расколотого общества, а войны мировоззрений нейтрализовывать, переводя их в сосуществование инсценировок, установок и акций. Эклектизм не был чужд ни славянофильским разговорам о старых добрых временах, ни сталинским манипуляциям прошлым ради самопрославления; он – характерный признак всякого искажения истории. Однако, сегодня в России эклектизм обладает новым, постмодернистским качеством. *Anything goes*, всё позволено, всё возможно. Потёмкинские деревни предстают пёстрой мешаниной стилей, российская действительность распадается на гетерогенные миры и времена. Многие горюют о лучших прежних временах или ностальгически, с миссионерским пылом цепляются за воображаемое прошлое; в основном же люди в низинах будней сосредотачиваются на том, чтобы обеспечить себе пропитание, и у них есть занятия получше (или похуже), чем идеологические споры. Некоторые, однако, заняты совсем другими мыслительными паттернами и планами на будущее: пассажиры «Невского экспресса» путешествуют по XXI веку. Постмодерновая неодновременность заключает в себе шансы, увеличивает число возможностей; однако, эта разделённость страны на разные временные слои небезопасна. Модель для будущего возникнет из неё, пожалуй, только тогда, когда Россия придёт к пониманию и согласию относительно своего прошлого и найдёт дорогу в такую современность, которая на плюралистических основаниях объединит общество.

Перевод с немецкого Кирилла Левинсона

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тютчев Ф.И.* Лирика. – М., 1963. Т. 1. С. 210.

[2] *Franz N.P.* Potjomkinsche Dörfer // Lexikon der russischen Kultur / Hg. von N.P. Franz. – Darmstadt, 2002. S. 359.

[3] Ср. *Панченко А.М.* «Потёмкинские деревни» как культурный миф // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте (XVIII век. Сборник 14). – Л., 1983, особ. С. 94 сл. и 103 сл.

[4] *Franz N.P.* Potjomkinsche Dörfer… S. 359.

[5] Ср. *Панченко А.М.* «Потёмкинские деревни»… С. 100 сл. В действительности построенная церковь получилась значительно скромнее по размерам. Фундамент планировавшегося изначально собора стал оградой вокруг неё.

[6] *Heller L.*, *Niqueux M.* Geschichte der Utopie in Rußland / Hg. von M. Hagemeister. – Bietigheim-Bissingen, 2003. S. 29.

[7] *Turowskaja M.* Die Bewohner des sowjetischen Atlantis. Gelehrige Schüler der alten Zeit: Rußland erinnert sich seiner dreißiger Jahre // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2. Juli 1999.

[8] *Паперный В.* Культура Два. – М., 1996. С. 289–295, 302–304; *Jakovleva G.N.* Massenbewußtsein und «Dritte Realität» // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre / Hg. von G. Gorzka. – Bremen, 1994. S. 147–152.

[9] *Colton T.J.* Governing the Socialist Metropolis. Cambridge/Mass., 1995. P. 251; *Schlögel K.* Der «Zentrale Gor'kij-Kultur- und Erholungspark» (CPKiO) in Moskau. Zur Frage des öffentlichen Raums im Stalinismus // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / Hg. von M. Hildermeier. – München, 1998. S. 262.

[10] Ср. записи в дневнике А.С. Аржиловского: «So verlogen ist die Gegenwart». Tagebuch von Andrej Stepanowitsch Arschilowski // Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalinzeit / Hg. von V. Garros u.a. – Berlin, 1998. S. 35.

[11] Венгерский романист Эрвин Шинко (1898–1967) фиксировал такие противоречия, основываясь на собственных наблюдениях. См. *Sinkó E.* Roman eines Romans. Moskauer Tagebuch 1935–1937. – Köln, 1962. S. 107f. Впервые его московский дневник вышел на сербско-хорватском языке: *Šinko E.* Roman jednog romana: bilješke iz moskovskog dnevnika od 1935. do 1937. godine. – Zagreb, 1955.

[12] *Паперный В.* Культура Два… С. 294.

[13] *Braun V.* Berichte von Hinze und Kunze. – Frankfurt a.M., 1983. S. 42.

[14] *Eichwede W.* Überlegungen zur politischen Kultur im heutigen Rußland // Fluchtlinien. Topographie der Bildungslandschaft Rußlands / Hg. von K. Eimermacher, A. Hartmann. – Bochum, 2000. S. 32f.

[15] *Eichwede W.* Von außen gesehen: Russische Entwicklungen, westliche Perzeptionen // Russland unter neuer Führung. Politik, Wirtschaft und Gesellschaft am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. von H.-H. Höhmann, H.-H. Schröder. – Münster, 2001. S. 302.

[16] *Schlögel K.* Davonstürzende Zeit. Beschleunigung gegen Verlangsamung – Rußlands Newa-Expreß // Lettre International. № 46 (Winter 2002). S. 49.

[17] Там же. Российский географ Владимир Каганский тоже подходит к выводу, что различия между Москвой и не-Москвой больше, чем между Российской Федерацией и другими странами и что Москва не просто город, а фактически уже государство. См. *Каганский В.* «Россия»: Число неопределённо-множественное? // *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. – М., 2001. С. 384 и 389.

[18] На это мне любезно указал д-р Сергей Поцелуев, политолог из университета Ростова-на-Дону, которого я сердечно благодарю за критические комментарии к рукописи этой статьи.

[19] *Schlögel K.* Davonstürzende Zeit… S. 49.

[20] Фальк Бомсдорф описывает Россию как «большой паззл, который ещё только складывается». Россия, пишет он, – «вероятно, самая плюралистическая страна в мире, если судить только по разнообразию мнений». *Bomsdorf F.* Rußland und wir. Anmerkungen zur politischen Kultur in Rußland // Liberal-Heft. 1997. H. 2. S. 65. Клаус Зегберс сравнивает российское пространство, которое «всё труднее поддаётся обобщающим оценкам», с «лоскутным одеялом». *Segbers K.* Russland zwischen Vergangenheit und Globalisierung. Wandlungsprozesse – Zukunftsperspektiven // Russland unter Putin / Hg. von der Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg. 2001. H. 2/3 (http://www.buergerimstaat.de/23_01/russland.htm).

[21] Об этих глубинных структурах см. *Henke S.* Der russische Traum. Vormoderne Traditionen der politischen Kultur Russlands. – Hamburg, 2003.

[22] Ср. *Mitterauer M.* Zu mittelalterlichen Grundlagen europäischer Sozialformen // Beiträge zur historischen Sozialkunde. 1997. Bd. 27. H. 1 (http://wirtges.univie.ac.at/VGS/VGS_alt/b971lp.html).

[23] «Унижение многовекового татарского ига» было компенсировано «новым самовластьем и высокомерием по отношению к остальному миру, в особенности по отношению к латинскому Западу», – пишет *Stricker G.* Religion in Rußland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart. – Gütersloh, 1993. S. 43.

[24] *Berdiajew N.* Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus. Ein Beitrag zur Psychologie und Soziologie des russischen Kommunismus. Luzern, 1937. S. 12. Цит. по рус. изд.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, Париж, 1955. – М., 1990, (http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/00.html).

[25] «Moskau – das Dritte Rom». Das Sendschreiben des Filofej von Pskov // Die Orthodoxe Kirche in Rußland. Dokumente ihrer Geschichte 960–1980 / Hg. von P. Hauptmann, G. Stricker. – Göttingen, 1980. S. 253. Текст в переводе на современный русский язык цитируется по: http://cbs.pskov.ru/html2/d_body3.html.

[26] С точки зрения противников Никона, изначальное содержание жеста было обращено реформой в свою дьявольскую противоположность, т. е. троеперстное крестное знамение они считали «печатью Антихриста». Ср. *Scheidegger G.* Endzeit. Rußland am Ende des 17. Jahrhunderts. – Bern u.a., 1999. S. 55f.

[27] Ср. *Pascal P.* Avvakoum et les débuts du Raskol. – Paris: Den Haag, 1969. P. 287.

[28] Ср. *Heller L.*, *Niqueux M.* Geschichte der Utopie in Rußland… S. 35–65.

[29] О непростых взаимоотношениях между народной религиозностью и православной церковью см. *Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. – Köln u.a., 1996. S. 293–300.

[30] На аналогии между большевизмом и религиозным движением, в частности – русским сектантством, уже давно указывали Рене Фюлёп-Миллер (ср. прим. 34) и религиозные мыслители Сергей Булгаков, Фёдор Степун и Николай Бердяев. Подробно эта тема разобрана Э. Саркисянцем в его глубоком исследовании *Sarkisyanz E.* Russland und der Messianismus des Orients. Sendungsbewusstsein und politischer Chiliasmus des Ostens. – Tübingen, 1955. В работах 90-х гг. (например, К.С. Ингерфлома и А. Эткинда) снова подчёркивается эта связь. См. об этом общую рецензию *Engelstein L.* Paradigms, Pathologies, and Other Clues to Russian Spiritual Culture: Some Post-Soviet Thoughts // Slavic Review. 1998. Vol. 57/4. P. 864–877.

[31] *Lotman J.*, *Uspenskij B.* Die Rolle dualistischer Modelle in der Dynamik der russischen Kultur // Poetica. 1977. Bd. 9. H. 1. S. 1–40. Рус. изд.: *Лотман Ю.М.*, *Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. – Тарту, 1977. С. 3–36. Статья нашла широкий отклик и вызвала большую дискуссию. Критики подчёркивают прежде всего то, что бинарный подход слишком узок и диагноз дуализма, поставленный Лотманом и Успенским русской культуре, объясняется их собственным методом. Ср. *Uffelmann D.* Die russische Kulturosophie. Logik und Axiologie der Argumentation. – Frankfurt a.M. u.a., 1999. S. 33. Anm. 15. Чтобы избежать «жёсткой дуальной (дизъюнктивной) системы» и опасности «застрять в бинаризме», Уфельман предлагает «дифференциацию пограничного пространства с помощью пары понятий «конъюнкция» vs. «дизъюнкция«« (там же. S. 402, ср. С. 358). Без этой дифференциации мы в данном контексте можем обойтись, так как здесь нам важна общая типологическая система координат (применительно к которой, как признаёт и Уфельман, дуальность уместна – см. там же. S. 43).

[32] См. *Бердяев Н.* Истоки и смысл…; о русском нигилизме как «вывернутой наизнанку православной аскезе» см. там же (http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/02.html).

[33] *Hansen-Löve A.A.* Diskursapokalypsen: Endtexte und Textenden. Russische Beispiele // Das Ende. Figuren einer Denkform (= Poetik und Hermeneutik XVI) / Hg. von K. Stierle, R. Warning. – München, 1996. S. 183. Ханзен-Лёве ссылается непосредственно на Бердяева, а также на Достоевского, Розанова, Лотмана и Успенского.

[34] *Fülöp-Miller R.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. – Zürich u.a., 1926. S. 101; Ср. *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 132–166.

[35] Большевики, в особенности В. Бонч-Бруевич, занимали в вопросе о сектах благосклонную позицию, см. *Müller E.* Opportunismus oder Utopie? V.D. Bonč-Bruevič und die russischen Sekten vor und nach der Revolution // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. Bd. 35. S. 509–533. Некоторые секты видели в Ленине «мессию XX века», другие – Антихриста. Ср. *Sarkisyanz E.* Russland und der Messianismus… S. 94f.

[36] *Бердяев Н.* Истоки и смысл… (http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/06.html).

[37] Ср. *Fülöp*-Miller: Geist und Gesicht des Bolschewismus… S. 120f.

[38] Ср. *Städtke K.* Ästhetisches Denken in Rußland. Kultursituation und Literaturkritik. – Berlin–Weimar, 1978. S. 323. Ср. *Heller L.*, *Niqueux M.* Geschichte der Utopie in Rußland… S. 208–211.

[39] *Haury T.* Antisemitismus von links. Kommunistische Ideologie, Nationalismus und Antizionismus in der frühen DDR. – Hamburg, 2002. S. 230f.

[40] Ср. *Städtke K.* Von der Poetik des selbstmächtigen Wortes zur Rhetorik des Erhabenen // Welt hinter dem Spiegel. Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre / Hg. von K. Städtke. – Berlin, 1998. S. 21f.; *Паперный В.* Культура Два… С. 230.

[41] О подчинении времени доктрине см. *Вайскопф М.* Писатель Сталин… С. 117–123; *Паперный В.* Культура Два… С. 44–59.

[42] Ср. *Uspenskij B.A.* (Mit Viktor M. Živov). Zar und Gott. Semiotische Aspekte der Sakralisierung des Monarchen in Rußland // Ders. Semiotik der Geschichte. – Wien, 1991. S. 131–265. Рус. изд.: *Успенский Б.А.* (в соавторстве с В.М. Живовым) Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1996. С. 205–337.

[43] *Lauer R.* Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart. – München, 2000. S. 40.

[44] Ср. *Sarkisyanz E.* Russland und der Messianismus… S. 53–63; *Uspenskij B.A.* Zar und «falscher Zar»: Usurpation als kultur-historisches Phänomen // Ders.: Semiotik der Geschichte… S. 73–111 (рус. изд.: *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994. С. 75–109); *Čistov K.V.* Der gute Zar und das ferne Land. Russische sozial-utopische Volkslegenden des 17. – 19. Jahrhunderts / Hg. von D. Burkhart. – Münster u.a., 1998. S. 23–201.

[45] Ср. *Kriwulin V.* Die Heiligsprechung von Zar Nikolaus II. Märtyrer, Blutzeuge oder doch Glaubenskämpfer: Die Russische Orthodoxe Kirche braucht den toten Zaren, um sich gegen den Staat durchzusetzen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 7. September 2000.

[46] Таков, по крайней мере, был эффект, хотя побудительные мотивы создания этого культа поначалу были профанного характера, они были связаны с прагматическими соображениями. Об интересах и дискуссиях того времени см. *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. – Köln u. a., 1997, особенно S. 338–343. Об эксцентричности самого решения – забальзамировать тело Ленина – и о магическом значении этого немёртвого тела как фетиша см. *Jampol'skij M.* Der feuerfeste Körper. Skizze einer politischen Theologie // Die Musen der Macht. Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre / Hg. von J. Murašov, G. Witte. – München, 2003. S. 285–308.

[47] *Ostrowski N.* Wie der Stahl gehärtet wurde. Leipzig, 1973. S. 313. Рус. изд.: *Островский Н.А.* Как закалялась сталь. Собрание сочинений. Том 1. – М., 1955. С. 255 сл.

[48] Ср. *Städtke K.* Von der Sowjetideologie zur Perestrojka. Kulturologische Anmerkungen zur Problematik des Epochenwandels in Rußland // Rußland, wohin eilst du? Perestrojka und Kultur. – Dortmund, 1996 / Hg. von K. Eimermacher u.a. Teil 2. S. 30; *Städtke K.* Von der Poetik… S. 16.

[49] *Afanas'ev J.N.* Die russischen Wurzeln des Stalinismus // *Gorzka G.* Kultur im Stalinismus… S. 27. Рус. изд.: *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия: традиции самовластья сегодня. – М., 2001.

[50] См. *King D.* Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulation in der Sowjetunion / Mit einem Vorwort von *Stephen F. Cohen.* – Hamburg, 1997. Ханс Гюнтер пишет: «Все следы “падших ангелов” с помощью ретуши тщательно удалялись с фотографий и картин», чтобы не нарушали «священного характера» красных икон, создававшихся по строгим каноническим правилам. См. *Günther H.* Der Feind in der totalitären Kultur // *Gorzka G.* Kultur im Stalinismus… S. 100.

[51] Согласно ежемесячным рейтингам ВЦИОМа, в феврале 2003 г. о поддержке Путина заявляли 76 % опрошенных. См. Февральские рейтинги // Полит.ру. 5 марта 2003 г. (http://www.polit.ru/docs/608997.html).

[52] Ср. *Кравцова М.*, *Матвеева А.* Проект «Путин» // АртХроника. 2002. № 4. С. 68–73; *Кравцова М.* Сколько стоит президент // Там же. С. 74 сл.; *Margolina S.* «Ich will einen wie Putin». Zu viel des Gütigen – ein Kult und seine Macher // Neue Zürcher Zeitung. 26. September 2002. Ср. серию портретов «Двенадцать настроений президента» Дмитрия Врубеля.

[53] Об этой мечте и её крушении подробно пишет в своей блестящей аналитической статье *Prizel I.* Nationalism in Post-Communist Russia: From Resignation to Anger // Between Past and Future, The Revolutions of 1989 and their Aftermath / Ed. by S. Antohi, V. Tismaneanu. – Budapest, 2000. P. 332–357.

[54] *Schmidt-Häuer Ch.* Rußland in Aufruhr. Innenansichten aus einem rechtlosen Reich. – München, 1993. S. 13.

[55] Осквернение воинских кладбищ и памятников героям войны представляет собой символическое посягательство на единственную оставшуюся национальную икону России, см. *Prizel I.* Nationalism in Post-Communist Russia…

[56] О дефиците восприятия друг друга со стороны России и Европы см., в особенности *Кантор В.* Восток и Запад Европы: европейская судьба России // Русский Журнал. 28 марта 2002

(http://old.russ.ru/politics/20 020 328-kant.html, окончание публикации http://old.russ.ru/politics/20 020 402-kant.html).

[57] *Eichwede W.* Einleitung: Rußland auf dem Wege in eine bürgerliche Gesellschaft? // Das neue Rußland in Politik und Kultur / Hg. von der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. – Bremen, 1998. S. 10.

[58] О тех домодерных особенностях менталитета, которые сыграли в этом свою роль, см. *Henke S.* Der russische Traum…, особ. S. 35–46; о частично совпадающих с ними, но частично имеющих и свою специфику ментальных паттернах советской эпохи см. *Lewada J.* Die Sowjetmenschen 1989–1991. Soziogramm eines Zerfalls. – München, 1993, особенно S. 16–26. Рус. изд.: *Левада Ю.* Советский простой человек. М. 1991.

[59] Ср. *Kljamkin I.*, *Kutkowez T.* Der postsowjetische «Privatmensch» auf dem Weg zu liberalen Werten // Das neue Rußland…S. 103; *Tschepurenko A.* Die Russen über die Vergangenheit und ihre Erwartungen für das 21. Jahrhundert // Osteuropa. 2001. Jg. 51. H. 2, особенно S. 139f. О сегодняшних установках (оценках и предпочтениях применительно к собственной жизни и к судьбе страны) подробно см. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. – М., 2000; *Горшков М.К.* и др. Россия на рубеже веков. – М., 2000; The Russian Centre for Public Opinion and Market Research: Russian Public Opinion 2002. Annual. – M., 2003.

[60] О внутри- и внешнеполитических взаимосвязях см. *Halbach U.* Der Weg in den zweiten Tschetschenienkrieg // Osteuropa. 2000. Jg. 50. H. 1. S. 11–30, особенно S. 27f.

[61] *Горшков М.* Граждане России об итогах 1999 года и надеждах на 2000-й // Независимая газета. 14 января 2000. С. 8. Для многих, пишет автор, эта война стала своего рода психологической компенсацией за нерешённость личных проблем.

[62] *Putin V.* Russia at the Turn of the Millenium (http://www.geocities.com/capitolhill/parliament/3005/poutine.html).

[63] *Eichwede W.* Einleitung… S. 10.

[64] *Kapuściński R.* Imperium. Sowjetische Streifzüge. – Frankfurt a.M., 1993. S. 121 f. Польск. изд.: *Kapuściński R.* Imperium. – Warszawa, 1993.

[65] *Geyer D.* Vorbemerkung // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hg. von D. Geyer. – Göttingen, 1991; Ср. *Волобуев О.*, *Кулешов С.* Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. – М., 1989.

[66] *Евтушенко Е.* Молитва перед поэмой (1964) (http://www.litera.ru/stixiya/authors/evtushenko/poet-v-rossii.html).

[67] Литературная критика тоже была больше, чем литературная критика: она была «ведущей нормозадающей инстанцией» и «главным местом и средством общественной и культурной саморефлексии», а потому ведала, помимо всего прочего, «общественно-политическим просвещением, проработкой истории, философской рефлексией или обретением национальной идентичности», – *Menzel B.* Bürgerkrieg um Worte. Die russische Literaturkritik der Perestrojka. Köln, 2001. S. 348.

[68] Сегодня царит ностальгия по тогдашней экстремальной ситуации, «тоска по наполненной, необыкновенной жизни тех времён», – *Mamlejew J.* Erschließung der stürmischen Jahre. Die russische Intelligenz auf der Suche nach der verlorenen Zeit der Extreme // Frankfurter Rundschau. 20. Januar 2001.

[69] Одновременно идёт дискуссия о «другой», новой литературе и особенностях постмодерной рефлексии в России – см. *Menzel B.* Bürgerkrieg um Worte…S. 306–347, 358f.; ср. *Fein E.* Geschichtspolitik in Rußland. Chancen und Schwierigkeiten einer demokratisierenden Aufarbeitung der sowjetischen Vergangenheit am Beispiel der Tätigkeit der Gesellschaft Memorial. – Münster, 2000.

[70] По случаю 50-ой годовщины смерти Сталина «Мемориал» с горечью констатировал всеобщую утрату исторической памяти: образ мудрого вождя теперь уже снова вытеснил из сознания людей образ диктатора. См. К пятидесятой годовщине смерти И.В. Сталина // Полит.ру (http://www.polit.ru/docs/609274.html).

[71] Ср. *Gessen M.* Auf den Erfolg unserer hoffnungslosen Mission.Die russische Intelligenzia. – München, 1998. Рецензия на эту статью – *Schmid U.* Dead again. Die russische Intelligenz nach dem Fall des Kommunismus // Neue Zürcher Zeitung. 13. August 1998; *Mamlejew J.* Genossin Madonna, Zeitgenosse Dostojewski. Wo Zensur war, herrschen nun die Gesetze des Marktes – Notizen zur russischen Kultur // Frankfurter Rundschau. 27. April 2000.

[72] Расчёт, стоящий за громкими, переходящими от анархизма к фашизму и обратно, провокациями Алины Витухновской, Эдуарда Лимонова – вождя красно-коричневой Национал-большевистской партии – или концептуалиста Владимира Сорокина, оправдывается: нарушения политических и сексуальных табу заставили выйти на сцену государственную власть и одновременно произвели выгодную сенсацию в СМИ. Ср. *Lehmann B.* Feinde im eigenen Staat. Zwischen Anarchie und Faschismus: ein Trip durch Moskaus Underground // Die ZEIT. 2000. Nr. 31; *Lehmann B.* Realer als die Wirklichkeit. In Russland wird vielen prominenten Schriftstellern der Prozess gemacht. Was wie ein Angriff auf die Freiheit des Wortes aussieht, ist eine bizarre Melange aus Marktkalkül, politischem Kampf und Kunst // Die ZEIT. 2002. Nr. 43.

[73] *Gussejnov G.* Facetten neuer Identität in der Mitte des Jahrzehnts // Das neue Rußland… S. 110. Здесь и далее цитаты из этой статьи приводятся по рус. изд.: *Гусейнов Г.* Рипарография. Беллетристика середины 90-х в поисках нового // Постскриптум: Литературный журнал / Под редакцией В. Аллоя, Т. Вольтской и С. Лурье. 1997. Вып. 1 (6). С. 143–167 (http://www.vavilon.ru/metatext/ps6/gusein1.html).

[74] *Ingold F.P.* In extremis. Kulturwandel in Rußland // Transit. 1999. H. 17: Kultur Politik Globalisierung. S. 141.

[75] *Solschenizyn A.* Rußlands Weg aus der Krise. München, 1990. S. 140; Ср. *Ders.* Rußland im Absturz. Wien u.a., 1999. S. 166. Рус. изд.: *Солженицын А.И.* Россия в обвале. – М., 1998.

[76] Ср. *Ingold F.P.* In extremis… S. 145f.

[77] *Gussejnov G.* Facetten neuer Identität… S. 111 (*Гусейнов Г.* Рипарография…).

[78] *Fein E.* Rußlands langsamer Abschied von der Vergangenheit. Der KPdSU-Prozeß vor dem Verfassungsgericht als geschichtspolitische Weichenstellung // Osteuropa. 2002. Jg. 52. H. 12. S. 1609, 1625ff. Ср. там же S. 1609 ff.

[79] Солженицын возмущался, что «в юбилейном обращении Президента даже не были вспомнены тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛага, – но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку», промахнулся на теле России с Великой Доктриной». – *Solschenizyn A.* Rußland im Absturz… S. 65. Цит. по рус. изд. *Солженицын А.И.* Россия в обвале. – М., 1998. (http://www.geocities.com/solzh/Solzh/v_obvale010.html).

[80] *Gussejnov G.* Facetten neuer Identität… S. 111 (*Гусейнов Г.* Рипарография…).

[81] Ср. *Поцелуев С.* Символические средства политической идентичности (к анализу постсоветских случаев) // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Стефаненко. – М., 2001. С. 106–159.

[82] *Судаков Г.* Шесть принципов русскости // Российская газета. 17 сентября 1996. Цит. по: *Ignatow A.* Nabelschau auf allerhöchste Anweisung. Der Wettbewerb um die «neue russische nationale Idee» tritt in die zweite Phase ein // Analysen des BIOst. 1997. H. 18. S. 5.

[83] Об этом подробнее см. *Sieber B.* «Russische Idee» und Identität. «Philosophisches Erbe» und Selbst-thematisierung der Russen in der öffentlichen Diskussion 1985–1995. – Bochum, 1998; *Scherrer J.* Kulturologie. Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität (= Essener Kulturwissenschaftliche Vorträge, Bd. 13). – Göttingen, 2003.

[84] Ср. *Dmitrieva M.* Der neue visuelle Raum in Moskau: Entstehung eines postsowjetischen Stils // Das neue Rußland… S. 158f.; *Kreisel A.* Rußland und der Pausensnack: Die Werbung als Agent des Westens // Das Eigene und das Fremde in der russischen Kultur. Kontinuitäten und Diskontinuitäten der Selbstdefinition in Zeiten des Umbruchs / Hg. von B. Henn u.a. – Bochum, 2000. S. 244–271.

[85] Ср., например, исторический фильм «Сибирский цирюльник» (о нем: *Ingold F.P.* Voran nach Osten? Zurück zur Monarchie? «Filmzar» Nikita Michalkow expliziert die «russische Idee» // Neue Zürcher Zeitung. 9. Juli 1999), а также посвящённые современности культовые фильмы режиссёра Алексея Балабанова – «Брат», «Брат 2» и «Война». Одновременно зрительскую аудиторию непрерывно опрыскивают американскими телесериалами.

[86] Цит. по: *Kriwulin V.* Zorn des Literaturbeamten. In Moskau rüttelt Günter Grass an der russischen Seele // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 29. Mai 2000. – Пелевин и другие отвергли критику нобелевского лауреата Гюнтера Грасса, говорившего о «бессмысленной войне против маленького чеченского народа».

[87] *Margolina S.* Spiegel der Geblendeten. Was der Krieg in Tschetschenien mit dem im Kosovo zu tun hat // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19. November 1999.

[88] *Margolina S.* Woran wir glauben. Rußland und die Moral Europas // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 6. Februar 1996.

[89] *Filatow S.* Religion in Rußland. Religiösität und Religionsgemeinschaft in Rußland zwölf Jahre nach Zusammenbruch des Kommunismus // Russland unter Putin…

[90] *Кичин В.* Приказано верить // Известия. 15 января 2000.

[91] *Behrens K.* Die Russische Orthodoxe Kirche: Segen für die «neuen Zaren»? Religion und Politik im postsowjetischen Rußland (1991–2000). Paderborn u.a., 2002. S. 374.

[92] *Filatow S.* Religion in Rußland…

[93] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. П. II.3. (http://www.patriarchia.ru/db/text/ 141422.html)

[94] Ср. *Keghel, I. de.* Die Moskauer Erlöserkathedrale als Konstrukt nationaler Identität. Ein Beitrag zur Geschichte des «patriotischen Konsenses» // Osteuropa. 1999. Jg. 49. H. 2. S. 145–159.

[95] *Обращение Б.Н.*Ельцина к членам «Общественного наблюдательного совета по воссозданию Храма Христа Спасителя» от 06.09.94 (http://www.humanism.al.ru/ru/articles.phtml? num=000012).

[96] Ср. *Pistorius E.* Der Wettbewerb um den Sowjetpalast // *Gorzka G.* Kultur im Stalinismus… S. 165.

[97] Об этом подробнее см. *Dmitrieva M.* Der neue visuelle Raum… S. 163–169; *Behrens K.* Die Russische Orthodoxe Kirche… S. 252–259, особенно S. 253.

[98] Послание Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II участникам освящения Храма-памятника на Крови во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших: (http:// www.st-nikolas.orthodoxy.ru/newmartyres/tzar/85.html).

[99] Ср. *Ignatow A.* Vergangenheitsbewältigung und Identität im gegenwärtigen Russland // Berichte des BIOst. 1999. H. 35. S. 11.

[100] Ср. *Prizel I.* Nationalism in Post-Communist Russia… «Евразийцы» теперь уже дистанцируются от исламского экстремизма, говоря, что он чужд традиционному исламу и являет собой угрозу ему. По их мнению, союз исламского мира с Россией позволит справиться со многими угрозами. – См. резолюцию участников международной конференции движения «Евразия» «Исламская угроза или угроза исламу?» (Москва, июнь 2001 г.): (http://evrazia.org/modules.php? name=News&file= article&sid=615).

[101] Ср. *Ravagli L.* Putin und die Eurasier (http://trithem.de/aktuelles/eurasier1.html).

[102] *Kleineberg M.*, *Kaiser M.* «Eurasien» – Phantom oder reales Entwicklungsmodell für Russland (= Universität Bielefeld: Forschungsschwerpunkt Entwicklungssoziologie, Working Paper Nr. 338). Bielefeld, 2001. S. 5; Ср. *Malek M.* Geopolitische Veränderungen auf dem «eurasischen Schachbrett»: Russland, Zentralasien und die USA nach dem 11. September 2001 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2002. B. 8. S. 14–22.

[103] Собственная роль, при этом, определяется, соответственно, как роль невинной жертвы предательства или даже намеренного геноцида. См. *Prizel I.* Nationalism in Post-Communist Russia…

[104] Образу внешнего врага соответствует конструкт внутреннего – причём необычайно сильного – врага (сегодня это часто мафия) – см. *Schischkin M.* Ermattet im Teufelskreis. «Wer ist schuld?» – Rußland und seine Verschwörungstheorien // Neue Zürcher Zeitung. 16./17. Juni 2001.

[105] *Dmitrieva M.* Der neue visuelle Raum… S. 162. О «символической ресоветизации общества» см. также *Margolina S.* Stalin und gemischte Gefühle. Warum die Sowjetgeschichte nicht vergehen will // Neue Zürcher Zeitung. 19. März 2003. О дискуссии по поводу государственной символики в постсоветской России см. также *Поцелуев С.* Символические средства…. С. 147сл.

[106] *Oushakine S.* In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia // Europe-Asia-Studies. 2000. H. 6. P. 1012, цит. по: *Fein E.* Rußlands langsamer Abschied… S. 1610f.

[107] Цит. по: *Wehner M.* Hauptsache frei. Rußland feiert, egal was, warum und wie – aber am liebsten im Mai // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 4. Mai 2002.

1. ПОСЛЕ ВОЙНЫ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ГДР И ФРГ

Миграция и возвращение

Александр Хайнерт

НАРУШИТЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА как объект выдачи: межзональная политика советского государства в оккупированной Германии (1945–1948)

Нарушения международного права, международные судебные преследования и выдача потенциальных преступников

С национал-социалистическим террористическим режимом и его оккупационными походами и акциями уничтожения в годы Второй мировой войны связаны невиданные преступления против международного права. «Третий рейх» и его сатрапы совершали преступления намеренно и планомерно или одобряли их. Идеологически обоснованный геноцид и другие ужасы частично организовывались и практиковались индустриально-механическим образом. По окончании войны они оставили в выживших жертвах Холокоста и в других частях населения, в полной мере переживших злодеяния, не только страх и скорбь, но и чувство бессилия. Между полюсами мести и справедливости возникла эмоциональная или моральная потребность искупить жертвы и привлечь виновных к ответу[1]. Те страны и временные правительства, которые желали уголовно преследовать военные преступления, а также преступления против мира и человечности, должны были договориться между собой о международном урегулировании проблемы. Во-первых, преступления совершались в международном масштабе, и, во-вторых, преступники часто не оставались на месте совершения преступлений и, тем самым, находились вне поля юрисдикции соответствующих судебных органов. Мероприятия по наказанию военных и других преступников сперва должны были обрести обязательный характер с помощью межгосударственных соглашений.

Решающая роль в преследовании нарушений международного права выпала на долю великих держав антигитлеровской коалиции. К ней принадлежали Советский Союз, США и Великобритания, а также, с 1945 г., Франция. В конце 1940-х гг. альянс социалистической и плюралистических демократических систем распался. «Железный занавес» разделил бывших партнеров по коалиции. Но до этого они передали главных ответственных за национал-социалистический террористический режим Международному военному трибуналу в Нюрнберге, которому они были подсудны, как и тяжкие преступления, которые невозможно было локализовать географически.

В процессе против главных военных преступников (и в 12 последующих процессах) трибунал отчасти создал правовые основы для анализа Второй мировой войны и, тем самым, содействовал преодолению прошлого. (Аналогичным судом был Международный военный трибунал на Дальнем Востоке в Токио, который карал за военные преступления и преступления против человечности, совершенные японцами.) Нюрнбергский процесс можно считать достаточно исследованным юридически и историографически. Устав трибунала в Германии основательно определил следующий состав преступлений:

> (а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;
> (б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников, ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;
> (в) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет[2].

Если такие преступления были локально ограничены и обвиняемые не принадлежали к числу главных виновников, то преследование и возможное обращение за служебной правовой поддержкой, в первую очередь, входило в компетенцию стран, гражданами которых являлись жертвы. Помимо Нюрнбергских процессов отдельные правительства передавали возможных преступников в юрисдикцию другой страны без сложных процедур, на основе двусторонних договоренностей. Таким случаям и посвящено данное исследование.

После войны важнейшие и наиболее проблемные точки соприкосновения советской, американской, британской и французской сфер влияния находились в Германии. Именно там, в первую очередь, состоялся обмен военными преступниками и нарушителями прав человека по принципу места совершения преступления. Поскольку до сих пор в историографии исследованы лишь отдельные случаи такого обмена[3], постольку в значительной степени забыто, что (и как) контролирующие власти в 1945–1948 гг. запрашивали или предлагали, выдавали или нет действительных или мнимых опасных преступников, принимали или отклоняли возможных правонарушителей в межзональном масштабе. Анетте Вайнке резюмирует актуальное состояние исследования соответствующим образом: «Не зная цифр и обстоятельств, следует, тем не менее, констатировать, что союзники и немецкие юридические инстанции… оказывали друг другу правовую помощь»[4]. Гораздо меньше, чем, например, советские процессы над военнопленными и гражданскими лицами[5], известен специфический элемент выдачи по принципу места совершения преступле-

ния. Согласно открытым после 1999 г. советским документам, сегодня отчасти вновь засекреченным, западные союзники передали в советскую оккупационную зону от 600 до 800 лиц в качестве потенциальных военных преступников и нарушителей прав человека. Число тех, кто был передан советскими органами в другие секторы и предстал там перед военными трибуналами и гражданскими судами, было меньшим. Однако, в целом, – несмотря на ограниченность обмена – на основе анализа межзональной политики и практики обмена СССР 1945–1948 гг. возможно получить важные знания об отношениях между Востоком и Западом или о позднем сталинизме.

Международное правовое регулирование выдачи предположительных нарушителей международного права с 1941 г.

Как история международного права, так и решения антигерманской военной коалиции предлагали обосновывающие принципы осуждения нарушителей прав человека и военных преступников или их выдачи для этого другим странам. Антигитлеровская коалиция искала юридические критерии, чтобы адекватно реагировать на количественно и качественно новый характер преступлений стран оси (Берлин–Рим–Токио), организованных в государственном и международном масштабе. Для сталинского режима массового уничтожения нарушения права стали важны только после того как 22 июня 1941 г., в рамках «плана Барбаросса», началось германское вторжение в СССР, и, тем самым, утратил силу пакт между Гитлером и Сталиным. Оказавшись врагами с «третьим рейхом», Советский Союз начал педантично регистрировать факты немецкого варварства. С сентября 1941 г. СССР начал грозить собственной тоталитарной системой наказаний на международной арене. Кроме того, 13 января 1942 г. он объявил, совместно с девятью государственными представительствами в изгнании[6], и вместе с ними повторил 19 декабря, в контексте перелома войны под Сталинградом, что гитлеровские военные преступники и виновные в такой же степени их военачальники будут преследоваться, предаваться суду и караться в международном масштабе. Уже тогда принципиально прозвучало, что государства, в которых есть жертвы стран оси, будут судить виновных, вне зависимости от их гражданства, в качестве физических лиц; ввиду уголовных преступлений национал-социализма, никакой государственный пост не предоставляет права иммунитета[7]. Впоследствии на эту резолюцию опирались СССР, США и Великобритания. В своей Московской декларации от 30 октября 1943 г. они выразили волю арестовать ответственных немецких «гитлеровцев за совершаемые зверства» и выдать их тем странам, в которых совершаются или совершались убийства, казни и другие тяжкие преступления. Злодеяния должны были караться на месте их совершения согласно подсудности, правам и законам страны[8]. Антигитлеровская коалиция приняла прагматичное решение, согласно которому массив преступлений национал-социализма должен был проходить через многочисленные национальные суды, так как межгосударственные трибуналы едва ли смогли бы справиться с этой огромной задачей в течение нескольких лет. Порядок выдачи в международном масштабе оставался открытым до безоговорочной капитуляции Германии 8–9 мая 1945 г.

В зонах оккупации послевоенной Германии, договоренность о которых состоялась 12 сентября 1944 г., руководящим должно было быть будущее оккупационное право. Согласно последующему договору союзников от 14 ноября 1944 г. о будущей системе контроля в Германии[9], в полномочия высших военачальников входили проведение «денацификации»[10] своей зоны оккупации и связанная с нею политика обмена в соответствии с указаниями своих правительств. Термин «денацификация» означал, особенно для представителей советского режима, исключение, в самом широком смысле слова, лиц, то есть, в зависимости от ситуации, отстранение от деятельности, увольнение с должности или арест, если не приговор к смерти или просто физическую ликвидацию. Понятие «денацифицировать», прежде всего, в рамках сталинизма, имело негативное содержание. Оно считалось синонимом «политически чистить» и не должно ошибочно пониматься как «проверить» или даже «снять ответственность или вину с подозреваемого», как это порой звучит в специальной литературе[11].

Три великие державы хотели судить быстро и справедливо. Они подтвердили это на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. и повторили на конференции в Потсдаме в начале августа[12]. Конечно, из-за различий мировоззрения, общественных и правовых систем, уголовного права и порядка уголовного процесса де-факто понятие «справедливость» могло интерпретироваться различно. Поэтому американцы, в конечном счете, напрасно пытались добиться, чтобы Советский Союз обращался с обвиняемыми и судил их в рамках правил, принятых в правовом государстве[13]. Как бы то ни было, правительства СССР, США и Великобритании, а также французское переходное правительство, по крайней мере, договорились о том, чтобы иметь возможность в любой момент вызвать в трибунал потенциальных военных преступников. Кроме того, они закрепили оговоренные в Москве позиции в берлинской «Декларации о поражении Германии и о взятии верховной власти» от 5 июня 1945 г. Статья 11(в) этого документа обязывала немецкий народ и его правителей в будущем арестовывать и выдавать лица по требованию союзников[14]. Лондонское межправительственное соглашение об уставе Международного военного трибунала 8 августа 1945 г. уполномочило его, после консультации союзного контрольного совета в Германии, преследовать и судить «главных военных преступников европейских стран оси», преступные организации или группы[15]. Но следует учесть: и после этого, до конца года, многое осталось неясным, например, вопрос о том, какие органы, при каких условиях и в какой форме должны будут передавать предположительных преступников другим государствам, оккупационным зонам в Германии или секторам Берлина. Закрепленные декларации о намерении обмениваться подозреваемыми в преступлениях остались необязательными в принципе и в отношении конкретных случаев. Таким образом, невозможно было знать заранее, увенчается ли успехом соответствующий запрос.

Лишь закон № 10 союзного контрольного совета от 20 декабря 1945 г. в статьях IV и V в общих чертах установил относительно преступлений против прав человека и правил ведения войны, кто может быть уполномочен в вопросах выдачи и согласно каким правилам следует судить. Согласно ему, правом на запрос обладали правительства стран или высшее командование в оккупационных зонах Германии, на чьих территориях были совершены злодеяния. Посредством обращений о помощи к представителям союзнических властей предполагалось захватывать тех подозреваемых, которые находились в оккупационной зоне за пределами собственных правовых

полномочий. В принципе, соответствующий зональный командующий должен был взвесить, следует ли ему удовлетворить направленный ему запрос или нет. Он имел право отклонить его как недостаточно обоснованный или решить, передать ли лицо Международному трибуналу или другому суду или заслушать в качестве свидетеля. В таких ситуациях компетентная зональная администрация имела право – но не была обязана – проверить запрос о выдаче. Она могла передать принятие решения правовому директорату союзного контрольного совета согласно статье IV, пункту 2, который констатировал: какое решение примет в таких случаях правовой директорат, зависело от того, санкционирует ли комитет главных обвинителей Международного военного трибунала запрос о выдаче. Решающим было также соблюдение интересов иерархии касательно возможных преступников: права выдающей оккупационной зоны были преимущественными по отношению к правам других зон и государств; членов Организации объединенных наций (ООН) – перед не членами; тяжесть обвинительного материала также следовало учитывать. Законодатель хотел, таким образом, исключить случаи нарушения или задержек в установлении справедливости или злоупотреблений при передаче преступников. Решить, в какой степени будут признаны преступными органы и объединения «третьего рейха» и, индивидуально или коллективно, их члены, статья II закона № 10 предоставляла военному трибуналу[16]. Суд, согласно определенным в его уставе преступлениям, в первом заседании в Берлине 18 октября 1945 г. обвинил в качестве террористических по составу преступлений следующие организации или их членов: правительство «третьего рейха», политический руководящий состав Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП[17]), ее Штурмовое отделение (СА[18]), Защитный эшелон (СС[19]) вместе со службой безопасности (СД[20]), Государственную тайную полицию (гестапо[21]), а также Главное командование и Генеральный штаб вермахта[22].

После того как союзный контрольный совет принял закон № 10, определявший право оккупации, великие державы попытались прийти также к универсальному международно-правовому соглашению о том, в какой форме следует выдавать виновных в тяжких преступлениях. Генеральная ассамблея ООН приняла свое решение на 32-м пленарном заседании 13 февраля 1946 г. В резолюции № 3 «Выдача и наказание военных преступников» она, в основном, подтвердила московскую декларацию 1943 г. Таким образом, международно-правовой результат усилий, предпринятых великими державами, остался ниже уровня закона контрольного совета № 10. Принимаемые меры также были сформулированы не в качестве универсально обязательных для всех, а лишь как ни к чему не обязывающие предложения к членам ООН или как призыв к не членам[23].

Таким образом, документы показывают, что оккупационные и международно-правовые соглашения союзников по вопросам о выдаче были урегулированы неопределенно и допускали растяжимые компромиссы. Заявления отдельных государств о готовности к совместным действиям были, скорее всего, благими намерениями. Но за ними не последовало никакого международного соглашения с четкими и едиными для всех обязанностями. Сообщество государств оставило за собой просторное поле для интерпретации и применения договоров в собственных национальных интересах. Так как отдельные страны не были готовы к отказу от части своих суверенных прав, в том, удастся ли организовать обмен военными преступниками, играли свою роль внутри- и внешнеполитическое положение, государственно-политический расчет исполнителей, персональные связи и преимущества. До тех пор, пока

союзники не установили условия выдачи и конкретные процедуры, то есть до конца 1945 г., действовали национальные законы и критерии передачи. Конечно, все правительства были вольны договариваться на двусторонней или многосторонней основе, но практически каждая оккупационная власть сначала применяла в Германии свои собственные правила, если речь шла о выдаче вероятных военных преступников и преступников против прав человека. Восточная и разные западные системы, которые, начиная с большевистской Октябрьской революции 1917 г., соперничали в мировоззренческой, социальной, культурной и экономической областях, с конца Второй мировой войны все более открыто вступали в государственно-политическую конкурентную борьбу за власть. Тем не менее отдельные представители союзников официально выдавали себя за сторонников сотрудничества. Так, например, назначенный советским военным судьей Международного трибунала в Нюрнберге Иона Никитченко в октябре 1945 г. подчеркивал необходимость межзонального сотрудничества. Он поручил руководителю военного правового отдела предоставить сведения союзникам о 64 немецких адвокатах, которые должны были обвиняться в Нюрнберге в качестве главных военных преступников[24].

Иерархии в принятии решений и пересекающиеся функции советских органов

Для осуществления закона № 10 контрольного совета западные союзники учредили при штабах своего военного командования в Германии «группы по расследованию военных преступлений». Во французской и американской зонах эти группы входили в правовой директорат, в британской зоне – в военный отдел. Западные следственные комиссии почти не имели информации о том, кто является компетентным партнером для консультаций по вопросам выдачи с советской стороны. Поэтому они направляли документы по принципу проб и ошибок – то командующему советской оккупационной зоны (СОЗ), то его заместителям или в другие военные органы, то выполняющим функцию тайной полиции «оперативным секторам» Берлина и восточных земель или оперативным группам округов. Также они часто контактировали с советскими представителями в следственном комитете контрольного совета и с другими инстанциями. Но в СОЗ, действительно, не существовало единой корпорации для выдачи нарушителей международного права. Напротив, компетенция в этом вопросе принадлежала различным народным комиссариатам или министерствам, управлениям и отделам. Но их функции не были ясно отделены друг от друга и поэтому отчасти совпадали. Так, компетенции пересекались, когда речь шла о сборе обвинительного материала, розыске виновных в совершении преступлений против прав человека и правил войны, об обмене информацией и нотами с другими государствами, о координации сталинистской и межзональной политики, о правовых и технических вопросах процедуры выдачи и пр.[25]. Без знания часто меняющихся правил отдельных советских учреждений невозможно более точно выяснить их функции. Вместо этого можно попытаться в упрощенном виде описать распределение задач на основе открытых советских документов.

Со времени немецкого нападения на Советский Союз злодеяния национал-социализма документировал наркомат / министерство иностранных дел (НКИД/МИД) под

председательством Вячеслава Молотова (1890–1986)[26]. Аналогичные доказательства вины с ноября 1942 г. собирала комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний и причиненного ущерба под руководством Николая Шверника (1888–1970)[27]. В качестве рупора Сталина специализировался на соответствующей юридической экспертизе, прежде всего, член Института права московской академии, профессор Арон Трайнин (1883–1957). Вместе с заместителями Молотова Андреем Вышинским (1883–1954) и Владимиром Деканозовым (1898–1953) он консультировал советских представителей обвинения и судей в Нюрнберге. Вышинский в качестве риторического палача помогал Сталину еще во время показательных процессов 1930-х гг.; Деканозов в те годы был высшим функционером репрессивного аппарата. Расстановка этих и других руководителей ведомств была показательна для проводимой Сталиным политики в отношении нарушителей международного права.

Согласно договоренностям между союзниками, за выдачу национал-социалистических преступников по поручению правительства в СОЗ также отвечали главные военачальники. Маршал Георгий Жуков (1896–1974) и его преемники, маршал Василий Соколовский (1897–1968) и генерал-полковник Василий Чуйков (1900–1982), в одном лице командовали действиями группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ[28]) и советской военной администрации в Германии (СВАГ). Должности заместителей зональных руководителей часто исполняли генерал-лейтенант Михаил Дратвин и, в гражданских делах и делах безопасности, генерал-полковник Иван Серов (1905–1990). Последний отчасти делегировал выдачу потенциальных тяжких преступников органам военного управления – например, отделу / управлению внутренних дел (ОВД / УВД СВАГ) под руководством генерал-майора Павла Малькова (1904–1983) или правовому отделу (ПО СВАГ) под руководством профессора права Якова Карасева (1894 г. р.). В компетенцию правового отдела и, временно, спецгруппы при штабе СВАГ под руководством полковника Зырянова входило, между прочим, поддерживать связи с союзниками. Важные функции при главном военачальнике выполняли политический советник Аркадий Соболев (1903–1964), а позднее – Владимир Семенов (1910–1992), которые представляли советское правительство в контрольном совете и вели дипломатические переговоры. Они руководили также политотделом СВАГ и контролировали такие службы, как правовой отдел, или процесс денацификации, включая выдачу предположительных преступников. В юридических вопросах, как уже упоминалось, весомым был также голос советского судьи в Международном трибунале в Нюрнберге и заместителя председателя Верховного суда СССР, генерал-майора юстиции Никитченко.

Одни только многочисленные службы безопасности генерал-полковника Ивана Серова вели следствие против вероятных нарушителей прав человека и военных преступников и арестовывали их. Органы Серова действовали до, во время и после обменных акций. Ведь заместитель зонального командующего одновременно был полномочным представителем народного комиссариата / министерства внутренних дел (НКВД/МВД) при оккупационных войсках и, тем самым, главой службы безопасности СОЗ. Его репрессивный аппарат не только осуществлял право оккупации, но и переходил к политическому преследованию, представляя, тем самым, диктатуру и государственный террор СССР. Наряду с войсками, оперативными секторами и группами органов внутренних дел и департаментом контрразведки (Смерш[29]) до осени 1946 г. Серову помогал также народный комиссариат / министерство государственной безопасности (НКГБ/МГБ). Формально последними органами с августа

1946 г. командовал уполномоченный по госбезопасности в Германии, генерал-лейтенант Николай Ковальчук (1902–1972), а в качестве его заместителя – генерал-майор Григорий Мельников. Из многочисленных тюрем, подведомственных Серову, к Ковальчуку перешли только следственные тюрьмы.

Таким образом, возникает ощущение, что успешность обмена потенциальными нарушителями международного права, в большой степени, зависела от того, как соответствующие органы СОЗ развивали линию руководства и демонстрировали свою способность к институциональному сотрудничеству. Однако важно было не только то, эффективно ли скоординированы действия сталинских инстанций, конкурируют ли они между собой или действуют автономно. Для многих советских аппаратов было важным сотрудничать с другими государствами при сохранении своих прерогатив, вытекающих из претензии на первенство в СОЗ, и, одновременно, сохранить свою свободу действий. В экстремальных ситуациях организационное многообразие в СОЗ могло породить концептуальное напряжение, в котором одновременно или поочередно проводимые мероприятия взаимно усиливали или полностью блокировали друг друга. Даже высшим советским офицерам казалось, что с осени 1945 г. их органы совместно и тем не менее независимо друг от друга занимались обменом возможными военными преступниками с западными союзниками.

Но как показывают потоки приказов и информаций в переписке между Москвой и СОЗ, в конечном счете, в политике относительно «нацистских и военных преступников» решающим было влияние Сталина как генерального секретаря и председателя политбюро центрального комитета (ЦК) Всесоюзной коммунистической партии – большевиков [ВКП(б)] и председателя совета народных комиссаров / совета министров (СНК/СМ). Часто он руководил и контролировал политику через постоянно связанное с ним внешнеполитическое ведомство Молотова: например, через (первого) заместителя, Вышинского, и через ведавшее Германией Третье европейское отделение советского НКИД / МИД под руководством Андрея Смирнова (1905–1982). Политические советники Соболев и Семенов, а затем Николай Иванов (1905–1996) и Михаил Грибанов (1906–1987) были, отчасти как заместители Смирнова, членами внешнеполитического учреждения. К тому же внешнеполитическая служба Молотова через политических советников опосредованно контролировала, например, правовой отдел Карасева. Аналогичным образом органы безопасности СОЗ через своего московского начальника были подчинены Сталину: непосредственным начальником Серова в НКВД был сначала генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия (1899–1953), а затем генерал-полковник Сергей Круглов (1907–1977). Уполномоченный по госбезопасности в Германии, Ковальчук, подчинялся руководителю МГБ, генерал-полковнику Виктору Абакумову (1908–1954). Тем самым, ответственные за вопросы военных преступлений московские инстанции управляли подчиненными им службами СОЗ. Но часто – и едва ли случайно – нити управления через Вышинского, бывшего генерального прокурора СССР, сходились в аппарате Молотова и, наконец, у Сталина. Таким образом, генералиссимус сообщал по цепочке свою генеральную линию кадрам, проверенным годами обслуживания его репрессивной политики. Те или иные советские структуры в Германии, видимо, не были информированы о собственной политической стратегии узкого круга сталинской команды – в том числе и о том, как следует поступать с преступниками. Как показывают следующие случаи, аппараты были посвящены только в самое необходимое для выполнения своих задач.

Советские инстанции в неразберихе сталинской политики и собственных компетенций

Яркий свет на действия советских органов в условиях хаоса полномочий и растерянности по поводу сталинской политики пролился в октябре 1945 г. Французские оккупационные власти зондировали тогда советскую сторону по вопросу о том, заинтересована ли она в создании совместной юридической комиссии. Французы хотели выявить среди военнопленных своей зоны преступников, жертвами которых были советские граждане, и привлечь виновных к судебной ответственности на территории СССР. Но до тех пор, пока Москва не санкционировала французское предложение, даже первый заместитель политсоветника Семенов и руководитель правового отдела Карасев чувствовали себя не вправе принять или отклонить его. Они искали поддержку у Вышинского[30], накопившего богатый опыт в качестве сталинского корифея уголовного права во время больших показательных процессов 1930-х гг. Однако до сих пор не удалось обнаружить свидетельств создания «комиссии против преступников», что, впрочем, не означает ее фактического провала.

Осенью 1945 г. британский главный военный штаб тоже хотел выдать советской военной миссии 284 арестованных немца, в том числе 98 офицеров и солдат, задержанных в Норвегии, вместе с обвинительным материалом. Англичане обвиняли их в военных преступлениях в отношении граждан СССР. Но даже за несколько дней до принятия контрольным советом закона № 10 сам начальник службы безопасности СОЗ Серов не отважился отреагировать на британское предложение без распоряжения из Москвы и запросил разрешения у комиссара внутренних дел Берии[31]. Берия переправил высокочастотную телефонограмму[32] Серова в комиссариат иностранных дел Вышинскому. От него серовский запрос вскоре пришел к руководителю Третьего европейского отдела НКИД Смирнову. Наконец, Смирнов, в свою очередь, порекомендовал своему начальнику Молотову принять британское предложение относительно 284 арестованных как «целесообразное»[33]. Но и согласие Молотова, по неясным причинам, не вызвало скорой передачи. При этом, формулировка, что нечто является «целесообразным», не имела в виду исключительно прагматические аргументы. Когда сталинисты объявляли нечто в этом роде, «целесообразность» являлась метафорой соответствия мировоззренческому и политическому государственному резону и «генеральной линии» Сталина.

СССР, по крайней мере, в отдельных случаях, с помощью вопроса о предположительных преступниках считал важным укрепить политическую и юридическую сферы государственными и межзональными соглашениями. Обращает на себя внимание тот факт, что советское руководство стремилось сотрудничать с великими державами антигитлеровской коалиции, в первую очередь, по поводу немецких преступников. К ненемецким участникам национал-социалистических массовых убийств оно питало меньший интерес. Это проявилось, например, когда Константин Голубев (1896–1956), заместитель уполномоченного по делам репатриации при Совете народных комиссаров, в начале октября 1945 г. обратился к Вышинскому, чтобы санкционировать запрос правительству герцогства Лихтенштейн о выдаче эмигрировавших «белогвардейцев», входивших в штаб одного немецкого генерала[34]. Внешнеполитическая служба отклонила запрос как «нецелесообразный». Первый заместитель комиссара по иностранным делам принял решение в том духе, который был

высказан во мнении Третьего европейского отдела. Вышинский привел аргумент в пользу этого мнения: в «данном случае» речь идет «не о немецких» военных преступниках. О выдаче немцев следовало вести переговоры с более важными государствами, чем Лихтенштейн, и в более широком контексте[35]. Тем самым возникает впечатление, что сталинской клике, в первую очередь, было важно не наказать за совершенные в годы войны преступления и злодеяния. Их интерес порой мог зависеть преимущественно от того, каковы были страна происхождения и национальность преступников[36]. Если это впечатление действительно соответствует расчетам советского руководства, тогда возникает подозрение, что немецкие «нацистские и военные преступники» являлись для него материалом для политического торга. Советская власть инструментализировала их, подобно военнопленным, чтобы оказывать международное влияние и смещать государственно-политические весовые соотношения. В крайнем случае, эти лица – в зависимости от потребностей – можно было судить показательным и тайным ускоренным судом, использовать в пропагандистских целях и т. д. Сотрудничавшие с национал-социалистическим режимом советские массовые убийцы и другие виновные были внутриполитической проблемой сталинского господства, которую на международной арене следовало по возможности табуировать. Этот вопрос можно было решить более элегантно с помощью союзнических договоров о репатриациях[37]. Очевидно, даже высокие представители Советского Союза в СОЗ не были посвящены в сталинскую тактику. Соответствующую положению дел, прямо-таки запутанную картину представил, например, в своих записях о политике обмена предположительными тяжкими преступниками заместитель начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майор Прищепенко.

Уже через пять дней после того как контрольный совет принял закон № 10 тогдашний заместитель руководителя СОЗ Василий Соколовский обратился к командующему вооруженными силами в американской оккупационной зоне Германии, Луциусу Клею (1897–1978), с просьбой разрешить въезд на американскую территорию советской офицерской делегации, чтобы ознакомиться в Висбадене с собранными США доказательствами немецких злодеяний в отношении советских граждан в концентрационном лагере Бухенвальд. Но хотя генерал Клей 2 января 1946 г. согласился принять посланцев маршала Соколовского и обещал им поддержку, они почему-то не прибыли в Висбаден. На аналогичную просьбу Соколовского от 8 апреля 1946 г., на этот раз по поводу концентрационного лагеря Гарделеген, Клей четырьмя днями позже вновь ответил приглашением. Но и на это предложение сперва не поступило никакой реакции; лишь когда сбитая с толку военная миссия США 17 и 24 июня 1946 г. повторила свое предложение, оперативный сектор Заксена, в конце концов, принял его. Американцы выдали 22 затребованных потенциальных военных преступника 27 июня[38]. Что произошло с ними затем, неясно по сегодняшний день. Согласно действовавшим с начала 1945 г. приказам[39], функционеры нацистских организаций, сотрудники гестапо, СД и других немецких полицейских, карательных и террористических органов, а также шпионы и диверсанты не осуждались, то есть должны были содержаться в качестве «спецконтингента» в местах заключения отдела специальных лагерей и тюрем (ОСЛТ НКВД / МВД) на территории Германии. Персонал концентрационных лагерей, тюрем, служащие военных и военизированных формирований, таких как СС, СА и штурмовики, обычно содержались в лагерях главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД / МВД) на территории СССР.

Следующих совершивших военные преступления в отношении советских граждан (в количестве 21 человека), генерал-полковник Серов поименно затребовал у американской военной администрации через полномочную спецгруппу при штабе СВАГ. Параллельно такой же запрос направили правовой, внутренний отделы СВАГ и оперативный сектор Берлина. На каждое из шести их писем за май и июнь 1946 г., вероятно, не согласованных между собой, представители США письменно ответили готовностью к выдаче. Советская спецгруппа переправила соответствующий приказ Серова о приеме руководителю оперативного сектора Берлина, генерал-майору Алексею Сидневу (1907–1948). Хотя американцы в конце августа дважды напоминали советским инстанциям в СОЗ о том, что они все подготовили, советская приемная комиссия заставила себя ждать. Вместо этого заместитель начальника внутреннего отдела СВАГ, полковник госбезопасности Н.Е. Лапенков, 30 сентября 1947 г. вновь направил запрос о выдаче лиц, затребованных неделями раньше. Американцы снова, письменно (и безрезультатно), подтвердили свою готовность к передаче. Лишь после того как заместитель военного прокурора США в Европе пригрозил выпустить на свободу предположительных военных преступников с 7 ноября 1946 г., внутренний отдел СВАГ генерал-майора Малькова принял их[40]. О статусе этих заключенных и их дальнейшей судьбе до сих пор не удалось что-либо найти. Но случаи наподобие описанных выше указывают на проблемы эффективности обмена лицами, когда приказы советского начальства не отправлялись напрямую компетентным в приеме органам или даже отправлялись через более низкие в иерархии или неполномочные промежуточные инстанции. В случаях, когда импульсы для обмена исходили от западных держав, исполнительные органы также, видимо, не считали их компетентными и обязательными к исполнению, и избегали взятия на себя ответственности. Казалось, никто без нужды не хотел взваливать на себя «дополнительную» работу и возможный риск, в случае осложнения, оказаться «козлом отпущения».

В другом типичном случае группа офицеров из оперативного сектора Тюрингии в августе 1946 г. отправилась в Висбаден для переговоров с американцами о персонале концлагеря Бухенвальд. Другие советские представители прибыли 10 сентября 1946 г. по поводу бывшего персонала концлагеря Нордхаузен. В то время как тюрингская делегация, по непонятным причинам, не явилась затем к положенному сроку передачи, другая группа отказалась от приема подозреваемых из-за недостатка полномочий; к тому же ей не было известно, о чем ранее состоялась договоренность. Тем временем потерявшие терпение американцы, наконец, направили 21 октября 1946 г. спецгруппе при штабе СВАГ саркастическую ноту, выражавшую их недоумение по поводу равнодушия советских властей. Персонал концентрационного лагеря мог быть принят советской стороной и привлечен к судебной ответственности еще 9 ноября 1945 г. Кроме того, в письме объявлялось, что, если советские органы ничего не предпримут до 12 ноября 1946 г., то несомненных военных преступников будут судить американские суды. Спецгруппа направила это письмо в службу госбезопасности генерал-майора Мельникова; с тех пор советские действия в этом деле на международном уровне прекратились[41]. Заместитель начальника спецгруппы при штабе СВАГ Прищепенко фрустрированно резюмировал 17 октября 1947 г., как, в целом, протекали запланированные выдачи военных преступников из других оккупационных зон:

> Как следствие, многие дела бывают настолько запутанными, что не всегда представляется возможным установить, по каким каналам по этим делам были получены материалы от

союзников, кто ими занимался, и, в результате, многие дела либо совершенно затериваются, либо остаются без ответа в течение многих месяцев. Во многих случаях органы МГБ по непонятным и неизвестным причинам отказываются принимать от союзников военных преступников.., чья виновность бывает совершенно неоспоримо доказана и во многих случаях подтверждена признаниями даже самих преступников, и отставляют вопрос о наказании этих преступников решать органам юстиции союзников[42].

Одновременно инженер-майор Прищепенко приводил убедительные факты и аргументы, объясняющие безотрадную политику приема советским режимом. Он констатировал, по всей видимости, по праву, что как свои аппараты, так и западные союзники и их следственные группы по военным преступлениям находятся в беспорядке. Ведь ни одна из сталинистских инстанций не была организована, налажена в полном объеме и компетентна для работы по вопросам военных преступников. К тому же, министерства, управления и отделы должны были действовать оперативно, гибко, но при этом конспиративно, так как их деятельность квалифицировалась как строго секретная. Именно поэтому они не отваживались официально представлять советскую власть и поддерживать постоянные рабочие контакты с западными зонами. Внешне нескоординированные и со всех сторон засекреченные аппараты проявляли оперативность лишь в соответствии со своими узкими интересами и задачами. Но даже если органы должны были в соответствии со своими специфическими функциями решать межзональную проблему, использование ими спецгруппы при штабе СВАГ – отдела для связи с союзниками – было, скорее, исключением, чем правилом[43].

Впрочем, имелись и другие обстоятельства, почему советские органы безопасности принимали преступников редко и лишь после долгих колебаний. Причины, чаще всего, были еще более многообразными и сложными, чем они виделись отдельным советским офицерам из ограниченной перспективы деятельности. Кроме того, эти причины были «выпечены» в Москве после того, как Сталин на рубеже 1945–1946 гг. убрал своего подручного Берию с поста председателя комиссариата внутренних дел и ввел в состав политбюро и Совет народных комиссаров. Вероятно, стремясь создать противовес власти поднимающейся команды «чекистов»[44], Сталин с мая 1946 г. начал реорганизацию различных административных и полицейских аппаратов. Своим решением от 20 августа 1946 г. политбюро организационно децентрализовало их задачи в СОЗ и, тем самым, сделало их выполнение еще более проблематичным, чем прежде. Опираясь на советские структуры внутри страны, оно изъяло из ведения министерства внутренних дел Круглова, помимо прочего, оперативные сектора и группы, оперативно-чекистские следствие и аресты, следственные тюрьмы, а также внутренние войска в СОЗ. Теперь – фактически с осени – они были подчинены уполномоченному государственной безопасности в Германии Ковальчуку[45]. Его министерство в Москве под руководством нового начальника Абакумова получило тем самым право голоса в вопросах мест заключения в СОЗ, снабжаемых военными структурами и руководимыми министерством внутренних дел.

Отныне отделу спецлагерей мог грозить слабо контролируемый поток арестантов из оперативных подразделений, военных трибуналов и военных прокуратур. Вероятно, чтобы избежать этого, он с весны 1946 г. стал принимать, как правило, только арестантов с формальной санкцией прокурора. Энергично, но тщетно министерство госбезопасности, советская военная администрация в Германии и военные прокуро-

ры протестовали на том основании, что юридически это было допустимо не в каждом случае[46]. В результате, в арестантских камерах и внутренних тюрьмах службы госбезопасности скапливались заключенные – прежде всего, подследственные и также не осужденный «спецконтингент», для которого не были предусмотрены суд и приговор. Но оперативные группы оказались тактически гибкими и только с мая по август 1946 г. направили из своих тюрем в специальные лагеря и тюрьмы министерства внутренних дел тысячи осужденных[47]. На это ведомство внутренних дел не могло, видимо, найти лучшего ответа, чем в массовом порядке депортировать осужденных в свою систему главного управления лагерей (ГУЛАГ НКВД /МВД) в СССР[48]. Тем не менее в СОЗ тюрьмы оставались переполнены, например, в Торгау и Штрелитце. Министерство внутренних дел – пусть невольно – перечеркнуло собственные стабилизационные усилия, распорядившись принимать арестованных, как предусмотрено в уголовном праве. В этой ситуации каждый потенциальный военный преступник – даже если таковым его формально признал прокурор – был дополнительной обузой для различных советских властей. Вероятно, поэтому они по возможности избегали акций обмена с союзниками.

Другим основанием нерешительного принятия возможных правонарушителей в СОЗ было недостаточное и плохое снабжение заключенных со стороны военных служб. Реорганизации имели фатальные последствия для снабжения заключенных в СОЗ, питание которых и так было нормировано до минимума. Положение в спецлагерях и тюрьмах министерства внутренних дел становилось даже опасным для жизни, так как отдел снабжения группы советских оккупационных войск в Германии отказался снабжать их после начала июня 1946 г., так как затем эта задача лежала на военной администрации СОЗ. А ее организационно-учетный отдел воспротивился этому, пока Москва не направит соответствующего распоряжения[49]. Так как учреждения отдела спецлагерей с начала года снабжали продовольствием также не осужденный «спецконтингент» в тюрьмах оперативных кругов и секторов[50], нужно ясно представлять себе следующее: распределяемых продуктов хватало на дольше, если, например, снижались утвержденные нормы или в питании отказывалось осужденным, военнопленным или арестантам службы госбезопасности. Но каков же был выход? Когда летом финансовый отдел министерства внутренних дел отказался выделить денежные средства для тюрем оперативных подразделений[51], они оказались настолько финансово ущемлены, что едва могли кормить заключенных. Отдел спецлагерей продемонстрировал последовательность в своем равнодушии к людям: с конца сентября 1946 г. он больше не снабжал тюрьмы оперативных секторов[52]. Кроме того, с середины октября он перестал принимать, даже в виде исключения, военнопленных, то есть офицеров, политических сотрудников и рядовых военных и военизированных формирований, персонал концентрационных лагерей и тюрем и т. д. До того это было возможным в особых случаях, например, если не было лагерей ГУПВИ для военнопленных или до депортации в СССР[53]. Описанные меры должны были несколько стабилизировать условия содержания в лагерях и тюрьмах отдела спецлагерей, но неизбежно приводили к конфликтам с органами госбезопасности. Для обоих аппаратов было важно предотвратить сложности снабжения, которые могли повлечь за собой намечавшуюся голодную эпидемию или массовую смертность. Обе инстанции решили (очевидно, независимо друг от друга) максимально разгрузить места заключения, переводя заключенных в другие карательные структуры с аналогичными снабженческими трудностями, а иногда и отпуская на

свободу. Кроме того, они депортировали тысячи военнопленных и преимущественно осужденных не немецкого происхождения «для эксплуатации труда» в соответствующие лагерные системы (ГУПВИ или ГУЛАГ) СССР[54]. Действительные и мнимые военные преступники, затребованные советской властью или предложенные, но не переданные ей, могли считать себя счастливчиками, что им удалось избежать угрозы своему существованию. Провал передачи пленных из западных зон в СОЗ, возможно, стал для многих спасительным.

Уже неоднократно подчеркивалось: Сталин сложно переплел и запутал линии своей политики, сделал их трудно поддающимися пониманию. В вопросе о предположительных нарушителях международного права она была отмечена секретностью, переплетением функций и компетенций, проблемами снабжения, правовыми подгонками и пр. В эту сферу деятельности, первоначально управляемую преимущественно Молотовым, вторгались и другие проблемы. Если внешнеполитическое ведомство могло увидеть трудности и оказать влияние, это имело большее или меньшее концептуальное значение. На этом фоне становятся понятнее почти не скоординированные действия плохо или вовсе не сотрудничавших друг с другом органов. Секретные службы и военные учреждения пытались соблюсти свои интересы, особенно в тех случаях, когда сталинская администрация не принимала решения. Они почти не сотрудничали друг с другом и в крайних случаях взаимно блокировали действия – например, когда должны были принять потенциальных преступников из других стран в свои абсолютно переполненные места содержания. В конечном счете, за все эти сложности и провалы, нужду и страдания многих тысяч людей – за парализованный обмен преступниками, за голодную катастрофу и массовую смертность 1946–1947 гг. в лагерях СОЗ – прямо или, как минимум, опосредованно ответственны Сталин и его ближайшее окружение, их действия или бездействие.

Ввиду нагромождения проблем, интересов и компетенций, а также депортации тысяч военнопленных и осужденных из СОЗ в СССР, должно даже показаться парадоксальным, что вероятные военные преступники все-таки принимались советской стороной. Поэтому почти удивительно, что сталинский режим смог принять из британского заключения часть предложенных в 1945 г. «245 немецких преступников» 9-го резервного полицейского батальона, расстрелявших вместе с СД и СС многие тысячи советских граждан. Чтобы разместить их, МВД в январе 1947 г. организовало отдельную зону в спецлагере № 7 (Заксенхаузен). Внутренний отдел СВАГ обращался с полицейскими, именовавшимися по месту ареста «норвежцами», «оперативным» образом. 75 из них, по невыясненным причинам, сначала остались не осужденными, так как военные трибуналы, по всей видимости, осудили в ходе закрытых процессов «только» 170 человек, «чтобы избежать маскировок», как сообщил на пресс-конференции 8 августа 1947 г. руководитель следствия военной прокуратуры полковник Котляр[55].

Параллельно сложности возникали, когда из советской перспективы и согласно статусу заключенных, компетентными считались не учреждения СОЗ, а места заключения в СССР. Так, правовой отдел СВАГ в 1949 г. указал, что в 1947 г. британская военная миссия хотела передать всего 685 потенциальных военных преступников. Среди них было 642 представителя бывшего рядового обслуживающего персонала концлагеря Заксенхаузен, которые, собственно, входили в компетенцию лагерей ГУПВИ. Вероятно, поэтому правовой отдел отклонил весь персонал концлагерей, а также 29 из 43 прочих лиц. Из оставшихся 14, которых правовой отдел

сначала был готов принять, в конце концов, были отклонены 13 возможных преступников, и был принят всего один[56]. По статистике правового отдела, военная администрация СОЗ приняла за весь 1947 г. всего 309 подозреваемых: из них 276 из Великобритании, 18 из США и 15 из Франции. По крайней мере, такие данные получили из Третьего европейского отдела МИД заместитель политсоветника Михаил Грибанов и его начальник Смирнов[57].

Сталинская клика редко демонстрировала свою готовность к конкретным действиям. Она оставалась пассивной и в деле о 1950 вождях НСДАП, руководящих и видных членах нацистских организаций и учреждений, влиятельных сторонниках национал-социализма, а также членах боевых групп СД. США арестовали их и до 1 января 1947 г. часто предлагали передать их в советский плен[58]. Но власти СССР оставили предложение без политического урегулирования – возможно, из-за четвертого заседания совета министров иностранных дел союзников в Москве с 10 по 24 апреля 1947 г. и, может быть, из тактических соображений. Тем самым, было положено начало провалу на дипломатической арене, потому что США 12 марта 1947 г. в очередной раз предложили генерал-полковнику Серову принять вместе с обвинительным материалом хотя бы низших чинов немецких боевых групп СД, которые, очевидно, казнили тысячи советских граждан. Все для этого необходимое следовало обсудить с компетентным офицером советской военной администрации в Германии. Но московский центр продолжал игнорировать ситуацию и, к тому же, в начале апреля 1947 г. отозвал в Москву Серова, назначенного еще в конце февраля первым заместителем министра внутренних дел. Тем самым, в соответствии с временной вакансией на «чекистском троне», часть других задач в области межзонального обмена военными преступниками также перешла к управлению внутренних дел СВАГ генерал-майора Малькова и к уполномоченному по госбезопасности в Германии Ковальчуку. Представитель последнего, генерал-майор Мельников, и член штаба СВАГ полковник Юженко тем временем советовались между собой, не лучше ли объединить эти полномочия в МГБ. Но их замысел провалился, и поэтому различные советские органы сохранили полномочия в вопросе передачи, а вследствие неопределенных функций аппаратов решение проблем по-прежнему запаздывало или было невозможным[59].

В ходе того, как США многократно предлагали выдать почти 2000 немцев, Советскому Союзу был нанесен огромный внешнеполитический ущерб. Ведь руководящие элиты СССР и СОЗ лишь взаимно заверяли друг друга, то есть внутриведомственно и в типичных засекреченных посланиях, в «целесообразности» не оставлять предполагаемых преступников в американском плену. Так, министр госбезопасности Абакумов 21 мая 1947 г. поставил в известность Сталина, Молотова и политбюро, что «целесообразно» принять через военных 1950 «членов СД, гестапо, СС и прочих военных преступников…, которые совершили преступления на территории СССР или в советской оккупационной зоне Германии». Аналогично случаю так называемых «норвежцев» это означало маскирование «оперативных» структур. Затем можно было направить преступников в лагерь МВД в СОЗ и допросить об их злодеяниях через полномочных сотрудников госбезопасности[60]. Зональное командование маршала Соколовского и его политсоветник Семенов в шифрованных телеграммах также запрашивали у министра иностранных дел Молотова распоряжения по поводу предложенных немцев. Правда, тот, в конце концов, дал однозначно понять, что «указывалась… необходимость» принять подозреваемых из американской зоны

оккупации. Но лишь после дальнейшего массированного давления пассивные и боявшиеся ответственности аппараты советской зоны оживились. В августе 1947 г. представители управления внутренних дел СВАГ и МГБ образовали совместную комиссию по приему. Но державшаяся с марта в неведении о советских планах американская сторона, терпение которой лопнуло, 12 августа сообщила, что к 1 сентября 1947 г. начнет процесс против боевых групп СД согласно своим законам[61]. Был ли действительно проведен соответствующий суд, пока не известно.

На основе открытых архивов представляется едва ли возможным точнее определить число потенциальных нарушителей международного права, принятых различными органами СОЗ от других государств и оккупационных зон, так как отсутствуют и данные секретных служб, и обобщающие статистические материалы. Тем не менее разрозненные (неполные) данные советской военной администрации в Германии за период 1945–1948 гг. можно свести воедино (см. таблицу 1).

Таблица 1

Потенциальные выдачи из западных зон в СОЗ	**Все западные зоны**			**Американская оккупационная зона**			**Британская оккупационная зона**			**Французская оккупационная зона**		
Годы (за 1946 г. данные отсутствуют)	**1945**	**1947**	**1948**	**1945**	**1947**	**1948**	**1945**	**1947**	**1948**	**1945**	**1947**	**1948**
Многократно предложенные различным органам СОЗ персоны	2234			1950			284					
Предложенные спецгруппе[62]		599			33			549			17	
Предложенные правовому отделу[63]		685	5					685	5			
Отклоненные правовым отделом		684	5					684	5			
Принятые правовым отделом		1	0					1	0			
Затребованные, но не принятые СОЗ		495–650						495–650				
Не принятые СОЗ	мин. 2634			1950				мин. 689				
Принятые СВАГ[64]	600–800			43 (1946 г.)			245 («норвежцев» 1947 г.)					
Под ними отчасти[65]		309			18			276			15	

Западные союзники, в свою очередь, прежде всего в 1946–1947 гг. почти ежедневно подавали запросы в правовой отдел СВАГ о выдаче десятков возможных преступников против международного права. Так как правовой отдел, аналогично спецгруппе при штабе СВАГ, так или иначе действовал в качестве посреднического органа, он переправлял западные запросы, сообщавшие чаще всего о преступлении и последнем месте жительства преступника, компетентным органам безопасности

и другим инстанциям. В свою очередь, правовой отдел информировал заявителей, готово ли и в состоянии высшее командование СОЗ выдать обвиняемых. Военная администрация сохраняла за собой право отклонить заявку, если, например, отсутствовала информация или было неизвестно, где находится подозреваемый[66]. Но то, что запрашивали западные режимы и мог предоставить восточный, не всегда можно было реализовать. Так, например, руководитель правовой группы французского военного управления в Берлине, А.Г. Имберт, должен был подать в правовой отдел СВАГ следующее заявление:

> Так как мы не услышали от Вас ничего отрицательного, мы отправили своих агентов в оговоренный час и в обозначенное место, чтобы принять от Вас военного преступника. Однако представители советской власти в комендатуре сообщили, что им об этом деле ничего не известно. Поэтому я прошу Вас прояснить это дело и проинформировать меня о месте и времени передачи военного преступника[67].

Статистических данных по западным заявкам о выдаче, направленным советским властям, почти не имеется в распоряжении. По неполным цифровым данным руководителя правового отдела Карасева, военное управление в 1946–1947 гг. выдало другим государствам или оккупационным зонам всего 44 запрашиваемых лица, в том числе 16 обвиняемых – западным союзникам: троих – США, четверых Великобритании, девятерых – Франции. Остальные 28 были отправлены в страны, в прошлом оккупированные Германией: по одному в Бельгию, Норвегию и в неизвестную страну, два – в Нидерланды, три – в Югославию, шесть – в Польшу, 14 – в Чехословакию[68]. За отчетный период 1947–1948 гг. правовой отдел СВАГ зарегистрировал следующие данные по лицам, затребованным Западом и выданным ему[69] (см. табл. 2).

То, что советское правительство и его представители действовали безуспешно, не следует объяснять почти неограниченной, бесконтрольной или автономной деятельностью уполномоченных или даже низших секретных и военных инстанций против намерений московского руководства. Было бы неуместным приуменьшать роль Сталина, рассматривать его как фигуру политического фона, а решения о Восточной Германии – в первую очередь, как порождение бюрократических конфликтов. Такая интерпретация соответствовала бы ревизионистскому провозглашению сталинизма почти без Сталина[70]. Проблематична также интерпретация сталинской СОЗ или политики интернирования как «структурно жестокой»[71]. При анализе обмена военными преступниками становится ясным, что не организационные структуры делали политику и действовали бесчеловечно, а конкретные люди. Конечно, передаваемые полномочия, пространство своеволия и собственная инициатива спецуполномоченных и различных органов отчасти отражали черты многовластия, и советская система не была иерархическим монолитом. Но исходящие от Сталина, часто неясные, импульсы были определяющей, часто бесплановой и хаотичной путеводной нитью. Органы, в свою очередь, регулярно извещали его о том, как продвигается исполнение директив. Разнобой в данных, наверное, укреплял пресловутое недоверие генералиссимуса и к своей команде. Но ошибочные оценки или сознательные искажения в отчетах о деятельности отдельных аппаратов выправлялись за счет рапортов других учреждений. Ценой огромных бюрократических усилий Сталин мог связать (профильтрованные) информации и приблизиться к фактическому положению дел. Организационное многообразие он не воспринимал как серьезный дефи-

цит. Исходя из цели максимально замаскировать советскую политику, было полезно запутать заграницу или собственные аппараты. Политическому руководству СССР не удалось создать органы, действующие едино и непротиворечиво. Но оно с помощью преданной кадровой сети передавало – если считало это необходимым или целесообразным – сталинскую «генеральную линию» и проводило ее в жизнь посредством специальных техник господства. Успеху его политики могли воспрепятствовать различные причины.

Таблица 2

Потенциальные выдачи из СОЗ в западные зоны	**Все западные зоны**			**Американская оккупационная зона**			**Британская оккупационная зона**			**Французская оккупационная зона**		
Годы (до 1947 нет данных)	**1947**	**1948**	**всего**	**1947**	**1948**	**всего**	**1947**	**1948**	**всего**	**1947**	**1948**	**всего**
Западные запросы о нахождении и выдаче	401 (411)	343	744 (754)	28 (38)	7	35 (45)	106	52	158	267	284	551
Не найдено советскими органами	328	255	583	20	7	27	88	35	123	220	213	433
Длящиеся в 1949 г. поиски	0	18	18	0	2	2	0	4	4	0	12	12
Найдено советскими органами	72	72	144	7	0	7	18	13	31	47	59	106
В том числе в других зонах	8	12	20	0	0	0	0	0	0	8	12	20
Предложено к выдаче	25	16	41	3	0	3	10	1	11	12	15	27
Принято из СОЗ западными зонами	18 (28)	15	33 (43)	1 (11)	0	1 (11)	5	1	6	11	14	25
Не принято из СОЗ	7	1	8	2	0	2	5	0	5	1	1	2
Другие материалы, предложенные для решения	0	38	38	0	0	0	0	7	7	0	31	31
Работа спецгруппы при штабе СВАГ по материалам государственной следственной комиссии или в ходе расследования в Германии (1.01. – 30.06.1947):												
Проверено информационных запросов	250	–	–	12	–	–	221	–	–	17	–	–
Запросы по закону № 10 контрольного совета	356	–	–	151	–	–	60	–	–	145	–	–
Предложенные к выдаче	12	–	–	12	–	–	0	–	–	12	–	–

Представления союзников о нарушителях международного права

После окончания войны отдельные страны самостоятельно определяли, кто считается преступником против прав человека и военным преступником, и какие нацистские организации или их члены коллективно или индивидуально являлись преступными[72]. Поэтому осенью 1946 г. Нюрнбергский военный трибунал должен был принять по этому поводу международное основополагающее решение. Нюрнбергский приговор задавал, таким образом, масштаб дальнейшей «денацификации», например, для определения меры вины отдельных лиц, а также для меры наказания. Коротко говоря, он имел фундаментальное значение и для обмена нарушителями международного права.

Не в последнюю очередь по этой причине Сталин пытался лично вмешаться в сферу юридической компетенции Международного военного трибунала и определить меру наказания для главных военных преступников. С этим намерением, а также для наблюдения за процессом он временно отправил туда своего специалиста по показательным процессам Вышинского. Кроме того, Сталин поддержал проект распоряжения МИД от 17 сентября 1946 г. Тем самым, он, как во времена Большого террора, потребовал от советского военного судьи Никитченко коллективно осудить на смерть Бормана (считался скрывшимся), Деница, Франка, Фрика, Фриче, Функа, Геринга, Гесса, Йодля, Кальтенбруннера, Кейтеля, Круппа, Лея, Нойрата, фон Папена, Риббентропа, Редера, Розенберга, Заукеля, Шлахта, фон Шираха, Зейсс-Инкварта, Шпеера и Штрайхера[73]. Как известно, почти после годового процесса 1 октября 1946 г. трибунал, благодаря большинству голосов союзников, вынес более дифференцированный приговор, чем предлагал Сталин. Наконец, в своей резолюции № 95 от 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН кодифицировала основы Нюрнбергского устава в качестве общепринятых «принципов международного права»[74]. Приговор основывался также на законе контрольного совета № 10 и определял нацистское руководство как уголовно ответственное, прежде всего, за режим террора, захватническую войну, войну на уничтожение, Холокост. Он впервые подробно назвал в качестве преступных нацистских организаций политическое руководство НСДАП, гестапо, СС и СД. Вопреки советскому предложению, из числе коллективно и якобы автоматически виновных исключались объединения СА, правительство, высшее командование и генеральный штаб вооруженных сил. Но для их членов были предусмотрены одиночные процессы. Тем самым, стало ясно, что конкретные лица могут быть уголовно судимы индивидуально[75]. Лишь после приговора трибунала великим державам удалось определить будущее значение судебного процесса, а также более ранних договоров о «денацификации» в директиве контрольного совета № 38 от 12 октября 1946 г. и свести к наименьшему общему знаменателю категорию «преступники международного права». В них союзники определили понятия «военных преступников, нацистов и милитаристов» и договорились о том, что такие лица подлежат аресту и суду. Одновременно оккупационные власти оставили за собой право, как это было и в Потсдамском соглашении, интернировать и контролировать «потенциально опасных немцев», которые не были виновны в конкретных преступлениях. Согласно определенному, таким образом, кругу лиц и составленным на этой основе длинным спискам групп лиц и организаций, определенных в качестве преступных, следовало вести дознание о «главных виновниках, виновных, виновных в

незначительной степени, попутчиках и невиновных» в нацистском режиме. Представителей первых двух категорий следовало арестовывать; наряду с этим имелись другие «карательные меры». Как и в случае закона контрольного совета № 10, зональные руководители должны были нести личную ответственность за осуществление директивы № 38[76].

Исходя из теоретических основ для проведения политики в отношении Германии, о которых договорились контролирующие державы, исследователи констатируют, что союзники интернировали и судили в своих зонах по разным критериям. Ученые на основании собственного или западного правового представления о вовлеченности в национал-социализм и состава заключенных в СОЗ делают вывод, что для советской стороны незначительную политическую и юридическую роль играла национал-социалистическая вина заключенного. Советские власти якобы арестовывали не столько за нацистскую вину, сколько из соображений мер собственной безопасности и репрессий. Советские военные трибуналы якобы осуждали не за нацистские преступления, а чаще всего за действия против интересов оккупации. К тому же, удельный вес не осужденных заключенных с нацистским прошлым в сравнении с осужденными постоянно снижался[77]. Однако, вопреки этим толкованиям, сталинисты интерпретировали нацистскую вину не по западным языковым стандартам или правовому взгляду. Из идеологической и государственно-политической перспективы советского руководства, национал-социалистическая вина соответствовала уголовно-правовым терминам «государственное преступление», «контрреволюция» или «социальная опасность», то есть угроза социалистической системе[78]. Не случайно генеральный прокурор СССР и главный обвинитель в Нюрнберге Роман Руденко (1907–1981) уже в 1969 г. использовал завуалированную формулу, согласно которой «в массовых преступлениях *против целых народов*», с юридической точки зрения, «самое важное – социальная опасность и международный характер преступлений»[79]. Поэтому утверждения, что для сталинистских аппаратов все меньшее значение имело нацистское прошлое заключенных, не затрагивают сути дела.

После приговора Нюрнбергского военного трибунала и принятия союзнической директивы № 38 сталинская администрация все равно не была готова принципиально пересмотреть свою политику в отношении нарушителей международного права. Она легко находила оправдание с помощью союзнических соглашений и оставляемого ими пространства собственного усмотрения зональных командующих. И было бы нереалистичным думать, что представители СССР откажутся от своего понимания преступления и права и станут приспосабливаться к западным уголовным кодексам. Французы, американцы и англичане напрасно тратили силы, когда рекомендовали советской власти исходить из Нюрнбергского приговора и одинаково обращаться с виновными во всех зонах. Напрасно предлагали они на 77-м, 82-м и 96-м заседаниях правового директората контрольного совета изменить, наконец, довольно рыхлый закон № 10, чтобы точнее различать между «активными» и «номинальными» национал-социалистами[80]. Сталинские аппараты – МВД, командование СОЗ и его политические советники – ссылались на уже имеющиеся договоренности в законе № 10 и директиве контрольного совета № 38 и отклоняли западные предложения по изменениям, за исключением отмены смертной казни, которую, начиная с указа Верховного совета от 26 мая 1947 г., не предусматривало и уголовное право СССР. Советское руководство не видело потребности в изменениях, которые противоречили государственному резону или большевистским принципам или могли ока-

заться политически ограничивающими. Оно шло на уступки западным союзникам, если они не имели для СОЗ «практически никакого значения». В таких случаях можно было «пересмотреть прежнюю позицию и договориться с союзниками о некоторых изменениях»[81].

Так, специализировавшееся на Германии Третье европейское отделение советского МИД составило следующую, более подробную схему национал-социалистических должностей и функций. Она должна была «для служебного пользования» охватывать подлежащие наказанию группы организаций и лиц в СОЗ, согласно директиве контрольного совета № 38: 1) руководящий персонал нацистской партии, особенно руководители центральных, областных, районных и местных групп и служб, возглавлявшие штаб канцелярии; 2) гестапо и особенно весь руководящий и административный персонал IV Главного управления государственной безопасности или служащие других отделов госбезопасности, принадлежавшие к администрации гестапо, а также все местные члены гестапо, служившие в Германии и вне ее, включая пограничников, за исключением членов пограничных органов и таможенной или секретной полевой полиции, и кроме тех лиц, которые, как указано выше, выполняли в гестапо исключительно канцелярскую работу, стенографическую, по уборке помещения и прочие технические работы; 3) СД и СС, прежде всего, управления III, VI и VII Главного управления СД и все другие члены СД, включая всех местных представителей и агентов, за исключением бесплатных информаторов, которые не были членами СС, а также исключая представителей Абвера, переведенных в СД; 4) СС, особенно все лица, бывшие официальными членами СС, включая членов общего СС, войск СС, организации СС «Мертвая голова» и членов различных полицейских отделов, которые были членами СС, за исключением так называемого кавалерийского отдела СС[82].

Среди этих категорий трудно найти что-либо противоречащее определенным в Нюрнберге преступным организациям или директиве № 38 по союзнической «денацификации». Но для СССР к ним в качестве принципиально виновных относились – в многолетней явной «серьезной оппозиции» к США и Великобритании – не только нацистское правительство, СА, верховное командование и генеральный штаб вермахта, но и «широкие круги» командования всех родов войск и администраций[83]. Еще пресловутый указ от 19 апреля 1943 г., изданный президиумом Верховного Совета, ввиду весеннего наступления СССР, перечислил не только карательные меры в отношении убийц советских граждан. Так называемый «Указ 43» возлагал ответственность за нацистское «кровопролитие» на «командиров германских вооруженных сил и корпуса жандармов гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и деревень, начальников лагерей для военнопленных, а также других представителей фашистской власти»[84]. Советский МИД потребовал, например, от западных союзников по коалиции в начале 1947 г. судить не только «милитаристов, военных и нацистских преступников», но и руководителей концернов, видных представителей прусского юнкерства и других, кто экономически и политически активно поддерживал гитлеровский режим и германскую агрессию или извлекал из этого выгоду[85]. Советское представление о том, кого следует квалифицировать как нацистского преступника, было значительно шире западного, но не вполне неоправданно. Например, США отчасти пошли ему навстречу в 12 процессах в Нюрнберге против военных преступников[86].

В основе советской жажды наказания, помимо права оккупации, лежала также воинственно-революционная установка Сталина. Ведь Сталин через несколько дней после нападения Германии на СССР в радиообращении к советскому населению описал нацистскую агрессию как контрреволюционную: «Враг… ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, …разрушение… свободных народов Советского Союза,… их превращение в рабов немецких князей и баронов»[87]. Для него «Геринг… Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители… Германии», уполномоченные, (генерал-)губернаторы, высшие и средние офицеры в областях, оккупированных нацистским режимом, были главными виновниками контрреволюционной завоевательной и разрушительной войны. А немецкие элиты в политике, армии и экономике считались «цепными собаками немецких банкиров» и финансовой системы[88]. Согласно этим идеологическим интерпретациям, Сталин с самого начала войны распространял советское уголовное право преимущественно на «строителей “нового порядка в Европе”» и заявил, «что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов»[89]. Его вариант «денацификации» означал, тем самым, наказание германской контрреволюции. Это, в целом, соответствует упомянутому «Указу 43» и переработанному и прокомментированному во время «Великой Отечественной войны», при председателе Верховного суда СССР Иване Голякове, уголовно-процессуальному кодексу России 1944 г[90]. Уголовный кодекс РСФСР с 1927 г. прямо подчеркивал в ст. 58/1 международное значение большевистской революции и уголовных законов, провозглашая следующее: «В силу международной солидарности интересов всех трудящихся… действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР»[91]. А СОЗ потенциально превращалась в такое «рабоче-крестьянское государство». Как показали предыдущие исследования, сталинская политика была несвободной от идеологии и сугубо прагматичной, что подчеркивают некоторые интерпретаторы[92]. Функционеры большевистского режима, скорее, связывали мировоззрение и практику, в собственных документах обычно превращая четыре категории из директивы контрольного совета № 38 («главные виновные», «виновные», «виновные в незначительной степени» и «попутчики») в три: «главные преступники», «преступники», «преступники второй степени».

Служба госбезопасности, прежде всего, концентрировалась на выполнении функции «щита и меча революции», в соответствии с ее боевым обозначением, то есть на том, чтобы «социально защищать» советскую власть и устранять «особо социально опасных» «государственных преступников». Виды их преступлений описывали статьи 58 и 59 российского уголовного права[93]. В соответствии с этим в 1948 г. правовой отдел СВАГ разочарованно констатировал: среди выданных из британской оккупационной зоны нет ни одного главного преступника из рядов военных, столпов гитлеровского режима или комиссаров временно оккупированного Советского Союза[94]. В конце концов, из весьма растяжимой формулировки статьи 17 уголовного кодекса можно, помимо прочего, сделать вывод, что режим не всегда, в первую очередь, интересовался индивидуальной, уголовно определяемой нацистской виной. Это в особенности касалось случаев, когда реальная или предположительная вина могла быть истолкована как подстрекательство к государственному преступлению или соучастие в нем.

В этом смысле, советское руководство при переговорах в Потсдаме и о Нюрнбергском уставе летом 1945 г. вело искусную тактическую игру, точнее, расставляло юридическую ловушку. Сначала оно вместе с французами решительно бичевало англо-американское предложение отнести заговор к тяжким преступлениям нацистов и преследовать их в судебном порядке за коллективно вынашиваемые планы. С его точки зрения, это было устаревшим варварством, не достойным современного права. Однако затем Сталин снял цивилизаторскую овечью шкуру: генералиссимус вместе с союзниками зафиксировал в статье VI устава трибунала, что все нацистские вожди, организаторы и заговорщики полностью ответственны за уголовные преступления, которые они совместными усилиями тайно планировали, совершали или приказывали совершать[95]. Принятая в Нюрнберге и закрепленная директивой № 38 контрольного совета обобщенная формула преступных организаций юридически облегчила союзникам на Востоке и Западе возможность коллективно или индивидуально обвинять и осуждать представителей этих организаций.

Тем не менее сталинское руководство понимало преступления против мира, военного права и человечности иначе, чем западные державы с их концепциями правового государства. Советские государственно-политические интересы были преимущественно направлены на «крупных нацистских преступников», которые в зонах влияния СССР, во время Второй мировой войны и после нее, политически и материально были в состоянии организовать и осуществить особо опасное государственное преступление, например, контрреволюцию. При внимательном рассмотрении сталинское определение этой группы было наиболее близко определению преступников против мира. При осуждении тех, кого можно было обвинить как нацистских или военных преступников, идеология и политический порядок СССР играли решающую роль. Следующие примеры подтверждают это.

По желанию генерал-полковника Серова британское военное управление составило в январе–марте 1947 г. список 495 служащих концлагеря Заксенхаузен и собрала обвинительный материал. Серов поручил руководителю оперативного сектора Берлина, Алексею Сидневу, принять обвиняемых. Но, когда государственное руководство в начале апреля 1947 г. отозвало Серова в Москву, генерал-майор Сиднев и начальник правового отдела Карасев не усмотрели «необходимости в приеме кого-либо из» военных преступников, перечисленных в британском списке. Они решили, что британские оккупационные власти сами могут осудить подозреваемых согласно закону № 10 контрольного совета. Однако майор Савенков из оперативного сектора Берлина 18 сентября 1947 г. докладывал спецгруппе при штабе СВАГ о служащих концентрационного лагеря. Британские списки были важны для аппарата госбезопасности СОЗ, чтобы в случае необходимости доказать военному командующему Соколовскому, «что в них нет имен крупных преступников». В лучшем случае, компетентным «оперативно» провести следствие о них оказывалось управление внутренних дел СВАГ, что объяснило бы сдержанность службы госбезопасности в этом деле. Эта оценка, видимо, соответствовала «новым фактам» по персоналу из Заксенхаузена военного внутреннего управления. Заместитель начальника управления 11 сентября 1947 г. попросил спецгруппу вновь обратиться к англичанам о выдаче 495 пленных[96]. Очевидно, до этого подчиненные Серова по своей воле, но с учетом государственно-политических предпосылкок и условий временной вакансии во главе службы безопасности, проигнорировали его приказ о приеме лиц, которых можно было направить в лагерь ГУПВИ, когда стали проверять британский список аресто-

ванных на предмет наличия «значительных военных преступников». Но последовавшее задним числом для подстраховки обращение оперативного сектора Берлина к маршалу Соколовскому, бывшему начальнику Серова, вероятно, формально восстановило советскую приказную цепочку. Тем временем британская группа по расследованию военных преступлений собрала дополнительный обвинительный материал против немцев, которые явно участвовали в массовых расстрелах советских граждан. Но советское МГБ снова отвергло британское предложение о выдаче немцев как «нецелесообразное», особо подчеркнув суть преступлений. Так, 7 июня 1947 генерал-майор Мельников написал в ответ: «Предлагаемых британскими военными властями Я… П… и А… Э.., учитывая *характер преступления,* принять нам и передать их суду нецелесообразно»[97].

Такие отказы от предполагаемых преступников отражают, с одной стороны, сталинское понимание национал-социалистических злодеяний и ответственности, а с другой – странное представление об «активных» и «пассивных» национал-социалистах. Советское МГБ, по-видимому, не истолковывало категорию «главный преступник» в широком смысле или обобщенно: под нее подпадали не все, кто, например, участвовал в убийствах военных или беззащитных гражданских лиц, будучи на низших или не связанных с отдачей приказов должностях. Подобную позицию Совет народных комиссаров санкционировал еще до Московской декларации 1943 г., в работе «Об уголовной ответственности гитлеровцев». В ней будущий научный консультант советского обвинителя в Нюрнберге Арон Трайнин разъяснял, что в тех случаях, когда преступники не направляли нацистскую систему «организованного государственного бандитизма» в качестве функционеров или политически, материально или морально не участвовали в ее организации, характер их преступлений – убийств, террора, поджогов и т. д. – не должен квалифицироваться как «тяжкий». Их злодеяния якобы были, в большей степени, солдатско-криминальной, чем политической природы, или, в политическом смысле, не слишком тяжкими[98]. В этом контексте становится понятным, почему аппарату госбезопасности или военным трибуналам казалось «нецелесообразным» автоматически принимать и судить предполагаемых преступников, особенно если эту работу могли выполнить западные союзники. Тяжкие преступления, которые совершали на востоке мелкие исполнители, становились, действительно, важными, если они сочетались с «антисоветской» позицией. Другими словами, если нацистский виновник действовал антисоветски или «социально опасно», или действительно, или предположительно оказывал сопротивление оккупационным властям.

Дипломатические действия и расхождения между союзниками в вопросах об уголовном праве и процедуре обмена

В первую очередь, экономически сильные США стремились обуздать тоталитаризм сталинского режима на международной арене, который после Второй мировой войны все более открыто претендовал на роль победителя и ведущей силы. СССР политически, социально, экономически и культурно «советизировал» свои сферы влияния в Центральной Европе и Германии и готовился распространить свою экспансию на Грецию и Турцию. Германская политика советского государства вступила в про-

тиворечие с западными союзниками, когда оно в конце апреля 1946 г. принудительно объединило в своей зоне социал-демократов и коммунистов в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ[99]). После того как партия в конце октября 1946 г. проиграла свободные выборы в Берлине, советская военная администрация блокировала демократическое самоуправление. Западная терпимость в отношении советского режима убывала, и самое позднее с начала 1947 г. во многих политических сферах началась «холодная война». Англо-американские оккупационные секторы объединились в «бизонию».

На заседаниях контрольного совета представители США жаловались на недостаточную готовность советского государства к сотрудничеству. Конкретные примеры показывают, как советские военные власти нарушали совместно выработанные договоренности. В отличие от Америки Советский Союз скрывал и все зональные директивы и приказы, и их значение. То же самое касалось методических подходов к регистрации, преследованию и интернированию вождей НСДАП и других нацистов, или к доказательству индивидуальной вины арестованных[100]. Западные оккупационные власти особо подчеркивали действительные для всех контрольных сил критерии и процессуальные нормы правового государства и требовали от советских союзников их соблюдения.

Конфликты обнаружили едва ли совместимые правовые концепции западных и восточных оккупационных учреждений в Германии. В тех случаях, когда аппараты СОЗ указывали Западу «нацистских и военных преступников» исключительно посредством перечисления имен, званий и должностей и на этом основании требовали их выдачи[101], западные контрольные комиссии отвечали отказом. Они отказывались, отчасти в резкой форме, вести следствие и выдавать тех, чья выдача не была обоснована правильно оформленной заявкой и приложенным обвинительным материалом[102]. Когда, например, заместитель главноначальствующего СВАГ, генерал-лейтенант Михаил Дратвин, подал заявку французскому и британскому командующим, Пьеру Кенигу (1898–1970) и Уильяму Дугласу (1893–1986), на выдачу более сотни «военных преступников» на основе списка имен с указанием должностей[103], заместитель британского военного губернатора в Германии, генерал-майор Н.С.Д. Браунджон принял следующее решение:

> В отношении Вашей заявки на выдачу из британской оккупационной зоны 155 военных преступников должны, на наш взгляд, быть представлены более основательные доказательства для обвинения каждого из виновных в военных преступлениях. Ваше письмо содержит лишь перечень фамилий без каких-либо данных о времени, месте и характере преступления названных лиц, а во многих случаях – недостаточные сведения для установления личности или места ее нахождения. Как только Вы предоставите нам необходимые доказательства, военный губернатор сразу же благосклонно рассмотрит Вашу просьбу[104].

Как уже упоминалось, западные исследования по теме СОЗ также часто кладут в основу анализа и оценок условия контрольного совета, а также критерии правового государства. Многие констатируют различия между восточным и западными союзниками в «денацификации» и юридических процедурах, приходя к заключению, что германская политика Советского Союза не имела концепции или что он не желал обращаться с национал-социалистами и военными преступниками на основе духа и буквы закона. Ведь процедуры правовой проверки или заслушивания не проводи-

лись, а директивы о длительности заключения отсутствуют; так же произвольно, как в отношении ареста и приговора, советский режим поступал с отпускаемыми на свободу[105]. Сколь бы правильными ни были эти наблюдения, и какое бы моральное возмущение ни вызывало это поведение, они затрагивают лишь юридическую поверхность СССР. Для объективной оценки СОЗ полезнее серьезно воспринимать «право классовой борьбы», которое инструментализировалось (там) идеологически и политически, чем воевать с отсутствием правовой государственности. Советская политика в отношении военных преступников тоже не кажется не концептуальной, если учесть сталинское понимание права и вытекающий отсюда политический курс в отношении Германии. В современной науке часто господствует неясность по поводу советской правовой системы, особенно о том, что в СОЗ преобладали советские уголовное право и уголовный процесс. Западные оккупационные власти понимали это, как показывает цитата из выступления верховного американского судьи Роберта Джексона, который 18 июля 1945 г. высказался о советских делегатах на Нюрнбергский процесс следующим образом: «Они мыслят только в рамках собственных процедур и им тяжело привыкнуть к тому, что американцам и англичанам представляется минимальными требованиями к честному суду»[106].

В сталинском режиме оставались действенными идеологические приоритеты. К ним принадлежали собственные уголовные и международно-правовые условия в революционной и сталинистской традициях. Ментально и в представлениях о буржуазной морали или законности правящие элиты ощущали себя наследниками Маркса, Энгельса, Ленина и других русских революционеров[107]. Большевистский правящий слой разделял их презрение к буржуазной правовой государственности. Он воинственно противопоставлял позитивистскому правовому регулированию и нормативной уголовной юстиции западного образца советскую «революционную законность», которая, прежде всего, в сталинизме, выросла до уровня жесткой системы права и чрезвычайных мер, дополняющих друг друга. Юридические нормы, опирающиеся на доказательства обвинения и защиту или нормальный суд, правители СССР и СОЗ не считали необходимыми. Альтернативой могло быть наказание по административному решению, о чем свидетельствуют сотни тысяч внеюридических ссылок, арестов и т. д. в советской сфере господства. Важнее, чем обвинение и защита, были «внутреннее убеждение» следователя, а также судейской или чрезвычайной инстанции. Процедура в духе правовой государственности не была предусмотрена ни в «революционной традиции», ни в уголовном кодексе, ни в уголовном процессе советских республик[108], ни в директивах для СОЗ.

Так обстоит дело и с двумя директивами, которые от имени директората по внутренним делам и связям контрольного совета разработали представители сталинской администрации весной и летом 1947 г. В СОЗ они приобрели законную силу в начале августа 1947 г. и лишь благодаря дипломатическому давлению и регулированию сроков со стороны западных держав (см. следующий раздел). Подробнее, чем предыдущий документ[109], следующая директива распоряжалась по поводу «Правил и связанной с ними процедуры по аресту и передаче преступников и других лиц, нужных оккупационным властям, в различных зонах Германии и секторах Берлина». Регулирование распространялось на политических и уголовных преступников. Согласно ему, представитель правительства или оккупационной власти, который требовал выдачи преступника из другой зоны, должен был письменно предъявить определенную информацию. К ней относились подробная и, возможно, более полная

идентификация лица, которое следовало задержать, краткое изложение вины (о доказательствах речи не было), а также, по возможности, копия ордера на арест. Контрольные власти могли оказать служебную помощь за пределами собственной оккупационной зоны, то есть расследовать, арестовывать, обыскивать, допрашивать и выдавать. При этом, всегда было решающим заблаговременное и однозначное согласие той оккупационной зоны, в которой пребывал подозреваемый. Если имелось согласие соответствующей оккупационной зоны, то запрос на выдачу могли подавать также представители немецких зональных органов. Это имело силу в тех случаях, в которых были юридически полномочны немецкие трибуналы, если указанное подозрение в совершении преступления было уголовно наказуемо по немецкому праву и не противоречило уголовным законам или процессуальным правилам союзнических норм[110].

Сталинские аппараты однозначно отказывались от процедур правовой государственности и ограничивали юридический долг СССР и СОЗ только тем, чтобы «представить основополагающие факты, в которых обвиняется военный преступник», как неоднократно писал заместитель военного главноначальствующего СВАГ Дратвин заместителю американского военного губернатора в Германии, генерал-майору Джорджу Хейсу. Кроме того, казалось необязательным исчерпывающе доказывать тот или иной состав преступления или выводить его из законодательства СССР[111]. С советской точки зрения, представители преступных нацистских организаций, военных и полицейских подразделений, действовавших против граждан или на территории СССР, потеряли право на правовую защиту. Они как бы оказались вне закона. Согласно этому представлению, вина подозрительных немцев уже была установлена. В лучшем случае, обсуждению подлежали степень их нарушения и «целесообразная» мера наказания. В соответствии с этим, советские документы указывают не на «предположительных» преступных лиц, а, в целом, на «военных преступников». Жизнь действительных и мнимых преступников, вследствие ненадежности права и непредсказуемого административного произвола в сталинском секторе, в связи с передачей в него и из-за советских условий содержания, подвергалась большой угрозе.

Западные администрации, как, например, США в процессах 1945–1948 гг. в Дахау, тоже не озабочивались доказательством индивидуальной вины всех обвиняемых. В случае необходимости, они прибегали к помощи таких сформулированных в статье VI Нюрнбергского устава правовых конструкций, как «заговор», или «сговор», мало отличающихся от советской уголовной статьи 17 о заговоре[112]. Однако советские заявки о выдаче, которые лишь перечисляли имена и должности возможных преступников, считались западной военной юстицией недостаточными для честного процесса. Такие запросы не соответствовали даже требуемому минимуму для формального обвинения согласно нюрнбергскому приговору или директиве контрольного совета № 38.

Несмотря на многие расхождения между оккупационными властями, директорат по внутренним делам и связям союзных контрольных властей 7 октября 1947 г. вновь подтвердил то, что на полгода раньше в целях сотрудничества и сближения было решено заседавшим в Москве советом министров иностранных дел. Согласно этому решению, ответственными за «денацификацию» Германии оставались зональные командующие и союзническая комендатура[113]. В конечном счете, это означало попытку сцементировать крайне неудовлетворительный статус-кво. Генераль-

ная Ассамблея ООН на 102 пленарном заседании в своей резолюции № 170 от 31 октября 1947 г. тоже рекомендовала своим членам «продолжать с неустанной энергией» выдавать компетентным судам военных преступников и предателей. При этом, юрисдикция должна была принципиально руководствоваться честностью и законностью и поставлять индивидуальные и общепринятые доказательства вины[114]. Ввиду напряженных отношений между союзниками, такие официальные заявления были далеки от реальности. Руководитель оперативного сектора Берлина, генерал-майор Сиднев, констатировал в том же октябре 1947 г.: «Практика показывает, что американские и британские оккупационные власти в Германии не исполняют наших запросов о расследовании и выдаче крупных военных преступников»[115] (имеются в виду списки из имен и должностей. – *А.Х.*).

На рубеже 1947–1948 гг. британское военное руководство в Германии проинформировало союзнические правительства, что планирует изменить процедуру расследования уголовных преступлений: с 27 января 1948 г. – со дня, запланированного советской стороной для завершения «денацификации» – дела перейдут к специальному трибуналу. До опубликования нового порядка выдачи затребованные другими зонами лица временно не будут выдаваться. Одновременно британские контрольные власти рекомендовали продолжать подачу запросов о выдаче и заверили в их выполнении компетентными органами[116]. Соответствующий порядок выдачи англичане вскоре изложили в двух инструкциях, сообщив их другим оккупационным властям[117].

Тем временем противостояние в бывшей антигитлеровской коалиции накалилось до антагонизма. Помимо прочего, западные державы инициировали «план Маршалла» для восстановления Европы и подготавливали свои германские оккупационные зоны к превращению в западное государство, включая денежную реформу. В ответ СССР стал обрубать пути сообщения с Западным Берлином, стремясь изолировать город и включить его в СОЗ. «Холодная война» разгорелась по многим направлениям и разгорелась настолько, что советский военный главноначальствующий в Германии Соколовский 20 мая 1948 г. навсегда покинул союзнический контрольный совет, большинство в котором представляла западная сторона. Возможно, разрыв был сознательно спровоцирован советской стороной. Но СССР изначально не исключал двустороннего сотрудничества с отдельными западными державами. Вероятно, он был заинтересован в германской политике западных союзников лишь постольку, поскольку она не мешала осуществлению советской власти.

Исходя из новых британских правил выдачи, британская ставка, например, 30 апреля 1948 г. потребовала от советских властей до 10 мая 1948 дополнить запросы о выдаче 12-ти потенциальных военных преступников клятвенными заверениями свидетелей и точными данными о том, в чем обвиняется каждое лицо. Все документы должны быть изготовлены в трех экземплярах и переведены на английский язык, чтобы иметь шансы на положительный ответ. После того как с советской стороны не последовало никакой реакции, подполковник Дж. К. Аргейл-Робертсон десятью днями позже повторил это требование с энергичным указанием, что британское правительство не сможет действовать без указанного доказательного материала и заверений свидетелей под присягой. Они являются основополагающими для трибунала по экстрадиции, который без необходимых материалов должен будет отказывать в выдаче обвиняемых и даже выпускать их на свободу[118]. Когда советская военная администрация в Германии вновь не отреагировала на послание, Аргейл-Робертсон

был вынужден сообщить: «До сих пор не поступили ни ответы, ни доказательства, поэтому выдача также не может состояться»[119].

Однако советское зональное командование решительно выступило против специального суда англичан в Гамбурге и против его требований по делам о выдаче. 5 мая 1948 г. заместитель главноначальствующего СВАГ Дратвин обратился к заместителю британского военного губернатора в Германии Браунджону, с резким протестом против «полн(ого) отход(а) британских властей» от договоренностей, к которым в международном масштабе обязывают московская декларация и решение ялтинской конференции. В этих союзнических договорах якобы не предусмотрены доказательство вины в военном преступлении и предоставление свидетелей и их адресов. Поэтому новый британский порядок выдачи и другие законы о военных преступниках не могут быть признаны. К тому же, британский суд, берущийся за рассмотрение преступлений, которые были совершены не на британской территории, а в отношении советских граждан, противоречит духу и букве союзнических соглашений[120]. Британская контрольная комиссия протестовала против утверждения, что ее новый порядок выдачи не соответствует договоренностям союзников, особенно с законом контрольного совета № 10. На советские обвинения она возразила, что трибунал по выдаче исполняет обязанности не как судебный орган по уголовным делам, а только как совещательная комиссия британского управляющего и поэтому, естественно, должна добросовестно просматривать дела и о военных преступниках. Наконец, генерал-майор Браунджон энергично указал на то, что для британского уголовного кодекса, как и для кодексов всех цивилизованных обществ, характерно обвинять вероятных уголовников в судебном порядке и при доказательстве вины соответствовать требованиям правовой государственности. Поэтому британское командование принципиально не может отказаться от точного, ясного и индивидуального рассмотрения доказательств[121]. Однако установить компромисс между восточной и западной позициями оказалось невозможным.

Подобно остальным контрольным властям, французское правительство в 1948 г. тоже воспротивилось правилам советских запросов о выдаче. Французское военное руководство настаивало на том, что недостаточно обвинять лица в военных преступлениях и требовать их выдачи. Запрос о выдаче может быть удовлетворен только в том случае, если представлены следующие доказательства вины: справка с доказанным составом преступления, дубликат ордера на арест и подтвержденное заявление о намерении привлечь к судебной ответственности запрашиваемое лицо или лица[122].

Другие конфликты возникали из-за того, что западные военные трибуналы не были готовы выдать командованию СОЗ уже осужденных лиц[123]. Такие случаи дискутировались порой весьма резко, поскольку СССР признавал неписанный международный правовой принцип, согласно которому одно лицо не может быть дважды наказано за одно и то же преступление, по-видимому, только как собственный аргумент[124]. Кроме того, Холокост и другие подобные злодеяния входили в международную юрисдикцию, но некоторых преступников – например, Хайнриха Лозе, нацистского комиссара Белоруссии и Прибалтики, – советский режим непременно желал наказать сам и не позволить вынести им приговор в других зонах[125].

Важные юридические – и одновременно государственно-политические – расхождения позиций в вопросах уголовного права и процедур обмена между западными и восточной оккупационными властями окрепли и зашли в тупик. Это, не в последнюю очередь, было следствием раздувавшегося в течение десятилетий соревнования

идеологий и систем либерально-демократического «Запада» и социалистического Советского Союза. После победы над «третьим рейхом» обнаружились международные политические конфликты и дилемма безопасности. Еще до того как в марте 1948 г. развалился контрольный совет, и СССР в июне полностью оцепил Берлин, вопрос об обмене преступниками казался политически, без уступок мировоззренческих принципов и потери власти, едва ли разрешимым. Если определенные идейные или материальные ценности считались непримиримыми, они ставились на карту везде, где казались оказавшимися под угрозой.

Союзнические урегулирования сроков и конец межзональных обменов

Еще в начале 1947 г. СССР проявил дипломатическую инициативу и, по крайней мере, производил впечатление, что серьезно воспринимает внешнеполитическую критику западных союзников. Молотовский МИД пытался из пропагандистских соображений нейтрализовать ее и в середине февраля 1947 г. подготовил для совета министров стран-союзниц проект под названием «О денацификации и демократизации Германии». Согласно ему, все дела о военных преступниках должны были быть рассмотрены трибуналами и судами до 1 января 1948 г. Фактически это означало судебное форсирование «денацификации» в соответствии с директивой контрольного совета № 38[126]. Заседавший в Москве в марте – апреле 1947 г. четвертый совет министров иностранных дел поддержал ускорение, но официально не принял дату, предложенную советской стороной. Он только еще раз подтвердил, что управляющие зонами полномочны обмениваться нотами для передачи преступников в соответствующую зону[127]. В связи с этим штаб американской военной администрации в последний день конференции издал приказ об образовании «совета по выдаче»[128]. Но конечный день судебных разбирательств, предложенные советской внешнеполитической службой (рубеж 1947–1948 гг.) не был забыт. Опираясь на него, США, а затем британская и французская контрольные группы урегулировали сроки обмена военными преступниками. Так, американский военный губернатор в Германии, генерал Луциус Клей, 30 июля 1947 г. объявил союзническому контрольному совету указания, пришедшие к нему из Вашингтона: ему разрешено принимать запросы других государств о выдаче военных преступников и государственных изменников, которые поступят до 1 ноября 1947 г. Соответствующий обвинительный материал и прочие доказательства вины следует направлять до конца года, все запросы, которые поступят позже, американское военное управление может признать только при особых обстоятельствах[129]. Лишь под этим непосредственным дипломатическим и временным давлением американских сроков СССР ввел в СОЗ две упоминавшиеся директивы контрольного совета о процедуре передачи (см. предыдущий раздел). Западные правительства пытались ультимативными конечными сроками оказать воспитательное воздействие на непрозрачную для стороннего наблюдателя политику сталинской администрации в отношении военных преступников. Потому что она попрежнему – отчасти по необъяснимым причинам – тормозила дела по обмену и решения контрольного совета или вовсе парализовала их. Советская практика обмена блокировала динамику на дипломатическом поле, поскольку СССР не предприни-

мал мер для судебного рассмотрения всех дел по военным преступникам до 1 января 1948 г. и ускорения «денацификации».

По этой причине заместитель начальника спецгруппы при штабе СВАГ Прищепенко 17 октября 1947 г. без иллюзий и приукрашиваний докладывал своему начальнику полковнику Зырянову о политических отношениях между союзниками. Инженер-майора Прищепенко отнюдь не удивляло, что западные союзники чувствуют себя дезориентированными или обманутыми и то и дело угрожают разоблачить в прессе и на радио непорядки советской политики. В связи с этим он в качестве необходимой и «целесообразной» меры рекомендовал создать при правовом отделе СВАГ, по образцу западных союзников, «группу по расследованию военных преступлений», которая должна была взять на себя следующие обязанности:

1) Организовывать встречи и иные личные контакты с представителями союзников, ответственными за выдачу военных преступников, чтобы обмениваться информацией и показаниями о военных преступлениях;
2) проверять запросы об информации со стороны западных союзников о военных преступниках на основе документов государственной следственной комиссии или розыскной работы в Германии;
3) выражать мнения по союзническим запросам о розыске и выдаче, а также взвешивать, следует ли передавать западным державам компрометирующие документы или обвиненных в совершении даже доказанных военных преступлений против граждан стран ООН;
4) принимать решения по западным предложениям ознакомиться с собранными союзниками обвинительными материалами или принятию от них подозреваемых;
5) унифицировать в межзональном масштабе деятельность по выдаче и решать технические вопросы международной передачи военных преступников на пограничных пунктах зон или в Берлине[130].

Из-за недостатка красноречивых документов часто бывает трудно проследить, какие факторы, возражения или предложения – и в какой степени – играли роль в новых решениях или в смене курса советской политики. Однако очевидно, что маршал Соколовский, прекратив сотрудничество с союзниками в контрольном совете 20 марта 1948 г., 1 апреля приказом № 108 уполномочил исключительно правовой отдел СВАГ заниматься обменом военными преступниками[131]. Так как приказ касался многих, в том числе гражданских служб, представляется возможным, что его санкционировал Сталин. Он должен был, очевидно, способствовать более последовательной политике в вопросе о военных преступниках в СОЗ, чем раньше. Приказ командующего о концентрации вопросов о приеме и выдаче в правовом отделе, несомненно, был концом длинной цепочки решений, но он появился слишком поздно.

Потому что союзники на рубеже 1947–1948 гг. почти прекратили межзональный обмен военными преступниками. Как в конце июля 1947 г. заявил американский военный губернатор в Германии Клей – об этом уже упоминалось – 1 ноября и 31 декабря оканчивались сроки США для запросов союзников о выдаче военных преступников или предоставлении обвинительных документов. Правда, советское руководство приказом № 35 от 26 февраля 1948 г. провозгласило официальное окончание «денацификации» в СОЗ. Но завершение касалось общественных и организационных «чисток», а не обмена и осуждения военных преступников в соответствии с законом № 10 и директивой № 38 контрольного совета[132]. Поэтому, когда командова-

ние СОЗ с начала 1948 г. стало энергично протестовать против западных сроков выдачи военных преступников и критиковать требовавшиеся доказательства вины в духе правовой государственности как нарушение международных правил их выдачи, права советской зоны оказались ограниченными ее пределами[133]. Просьба заместителя главноначальствующего СВАГ Дратвина от 15 апреля 1948 г. о выдаче двумя неделями позже была отклонена заместителем американского военного губернатора в Германии Джорджем Хейсом на основании известных сроков[134].

В своем протесте генерал-лейтенант Дратвин ссылался на московскую декларацию, статьи II и IV закона № 10 контрольного совета, а также на статью VI приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге. Он вновь отклонил американскую позицию как «одностороннюю меру» и оспорил ее правомочность, так как в названных фрагментах, помимо прочего, отсутствуют временные ограничения выдачи военных преступников. К тому же, согласно международному договору, якобы было незаконным ставить выдачу в зависимость от того, преступил ли обвиняемый советскую букву закона, или в его отношении предоставлены неоспоримые доказательства вины[135]. Однако надежды заместителя главноначальствующего СВАГ на уступки американцев развеяла первая кульминация «холодной войны» – блокада Берлина. Затем его тон в ноте от 30 сентября 1948 г. стал жестче. Американские условия являлись, по мнению Дратвина,

> не чем иным, как отказом США выполнять свои международные обязательства. Я не могу согласиться и с Вашим мнением в письме от 6 сентября 1948 г. о том, что для Вас передача военных преступников «представляется сложной задачей» из-за «различных политических оснований руководства». Ваша позиция, таким образом, представляет официальную установку властей США, что выдача военных преступников остановлена из политических соображений, которые не содержат ничего объективного, а только искусственные различные требования по поводу доказательств вины военных преступников[136].

Протесты советского командования встретили возражения представителей западных оккупационных зон, которые также ссылались на союзнические договоренности. В конце концов, командующие зонами имели право принимать решения в рамках своей компетенции. С начала 1948 г. они чаще всего категорически отказывались выдавать потенциальных преступников в СОЗ[137], что также подтверждается отчетом правового отдела СВАГ, который сообщает, что США с начала 1948 г. не выдали ни одного военного преступника. Американская военная миссия разрешала только немецким службам знакомиться с актами и вести розыски. Она даже расширила американские требования, потребовав предоставлять обвинительный материал не только в английском, но и в немецком переводе. Аналогичным образом развивались отношения советского режима с французской и британской зонами[138]. Лишь в бесспорных случаях союзники продолжали межзонально сотрудничать даже во время блокады Берлина и не прерывали дипломатические коммуникационные связи. Например, после того как США предложили выдать СССР фельдмаршалов фон Манштейна, фон Рундштедта и генерал-полковника Гудериана[139], британское консульство 19 октября 1948 г. запросило в МИД СССР доказательства вины Рунштедта и Гудериана, так как англичане сами хотели организовать судебный процесс. В ответ советский МИД представил Великобритании обвинительный материал на Манштейна, Рундштедта и, вместо Гудериана, на генерал-полковника Штрауса[140].

До этого, почти на год позже американского главнокомандующего, британский военный губернатор в Германии также ограничил заявки на выдачу, согласно статье II закона № 10 контрольного совета. Для надежности он неоднократно информировал руководство СОЗ, что после британского конечного срока 1 сентября 1948 г. могут учитываться только тяжкие преступления «prima facie» (с обоснованными моментами подозрения «на первый взгляд»), как они определены в немецком уголовном кодексе[141]. Почти автоматически советская военная администрация в Германии официально протестовала, используя неизменные формулировки, и против британских изменений в процедуре выдачи. Заместитель главноначальствующего СВАГ Дратвин обвинил британское военное управление в том, что оно после 27 января 1948 г. – с начала работы «трибунала по экстрадиции» – «практически прекратило» выдачу военных преступников в СОЗ. Это якобы противоречило всему, о чем имелись договоренности в московской декларации, лондонском договоре, законе № 10 контрольного совета и т. д[142].

И вновь заместитель британского военного губернатора в Германии генерал-майор Браунджон взялся за корректировку советского описания положения дел. Почти в отчаянии он указал на права каждого зонального управляющего удовлетворять или отклонять запросы по поводу военных преступников. Он еще раз попытался развеять сомнения советских оккупационных сил о сути и цели трибунала по выдаче или правовых категорий «prima facie case» и «bona fides» («принять на веру»). При обвинении в военных злодеяниях он считал важным приводить точные и несомненные доказательства. Наконец, он разъяснял, что во всей процедуре выдачи речь идет о «справедливом и юридическом пути», который никоим образом не противоречит ни контексту, ни букве международных договоренностей. Британская политика выдачи ни в коем случае не изменилась: она лишь несколько модифицировалась, чтобы – как уже многократно объяснялось – ускорить и унифицировать процесс союзнических обменов[143].

В то время как оккупационные зоны на западе и востоке государственно-политически, социально, культурно и экономически расходились все сильнее, западные оккупационные власти приняли в известной степени прагматичное решение зафиксировать запланированные советской стороной конечные сроки «денацификации» в качестве обязательных. Но это стало юридическим яблоком раздора. Во время «холодной войны» союзники почти прекратили выдачу преступников. Урегулирования сроков с рубежа 1947–1948 гг. стали заключительным моментом межзонального уголовного преследования, что для многих обвиняемых, учитывая состояние права и условия содержания в СОЗ и СССР, стало спасительным.

Результаты советской политики в отношении нарушителей международного права

Во время Второй мировой войны антигитлеровская коалиция приняла решение выдавать преступников против мира, законов войны и человечности в юрисдикцию тех стран, из которых происходили их жертвы. Главные виновники «третьего рейха» должны были предстать перед международными судами. В соответствии с новым характером нацистских преступлений, военные противники Германии и междуна-

родное сообщество государств расширили исторически развивавшееся международное право определениями союзнического, оккупационного и универсально-правового характера. Но и юридические условия, и процедуры обмена преступниками между немецкими оккупационными зонами оставались неопределенно и растяжимо сформулированными. Согласованное регулирование предоставляло национальной самостоятельной политике оккупационных сил большой простор для интерпретаций и действий.

Сталин дал СССР и СОЗ принципиальные идеологические и государственно-политические директивы по поводу того, против кого и как должны быть направлены советские репрессии. В конкретных случаях вначале, чаще всего, решал МИД, затем МГБ или часто – сам Сталин, какие лица следует принять от партнеров по коалиции или передать им. Иначе, чем западные союзники, советский режим хотел не только получить в «карающую руку» предположительных опасных преступников и их соучастников. СССР, в первую очередь, интересовался закулисными руководителями нацистской контрреволюции и другими потенциально антисоветскими «элементами». В этом – более широком, по сравнению с западными союзниками – смысле сталинисты понимали «денацификацию». Речь шла, если воспользоваться советским жаргоном, о «социальной защите» от возможных государственных преступников, которых квалифицировали в союзнических терминах как «нацистских и военных преступников». Виновные идейные «поджигатели» и руководители нацистских преступлений казались сталинской администрации более опасными и виновными, чем непосредственно виновные, жестокие исполнители на низших постах.

В межзональных юридических делах и процессах выдачи СОЗ оставалась связанной тоталитарной правовой системой и внешней политикой СССР. Она определялась и мотивировалась многими факторами. С одной стороны, советское руководство надеялось избежать государственно-политического антагонизма с западными союзниками. Собственный престиж и международные отношения следовало развивать с возможно меньшими потерями. С другой стороны, сталинское правительство более или менее скрытно пыталось навязать контролируемой союзниками Германии советские нормы уголовного права и правила уголовного процесса. Попытки юридически советизировать не только собственную сферу влияния были, однако, слишком рискованной внешнеполитической линией СССР. Межзональные расхождения в контексте конфронтации между «Западом» и «Востоком» с начала 1948 г. блокировали обмен возможными нарушителями международного права.

Перевод Игоря Нарского

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. мнение Л.И. Брежнева, генерального секретаря ЦК КПСС, в мае 1965 г.: *Rudenko R.A.* Die revanchistisch-neonazistischen Pläne zur Bewahrung der Naziverbrecher vor der Verantwortung – ein gröblicher Bruch des Völkerrechts / G.N. Alexandrow, M. Ju. Raginskij (Сост.): Die Strafe darf nicht ausbleiben. Internationale Konferenz zu Fragen der Verfolgung von Nazi- und Kriegsverbrechern. Moskau, 25. – 28. März 1969: APN, Moskau 1969. S. 5–35; особенно S. 6–7.

[2] Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. Пункт II. «Юрисдикция и общие принципы». Статья 6, извлечение цит. по: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.*

(Сост.): Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сборник документов. – М., 1969. С. 29.

[3] *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. – М., 1995. С. 173, 304; *Prieß L.* Deutsche Kriegsgefangene als Häftlinge in den Speziallagern des NKVD in der SBZ / Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945–1950. Под ред. S. Mironenko L. Niethammer A. von Plato. 2 Bde. – Berlin; в данном случае: Bd. 1: Studien und Berichte. Под ред. A. von Plato (1998). S. 256–257; *Prieß L.* Das Speziallager des NKVD Nr. 7 (Nr. 1) Sachsenhausen 1945–1950 / Sowjetische Speziallager (там же); Bd. 1. S. 400; Bd. 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik in Deutschland. Под ред. R. Possekel (1998). S. 282 (Документ от 21 мая 1947 г. в немецком переводе Р. Поссекеля).

[4] Когда осенью 2001 – зимой 2002 г. я писал эту статью, исследований Вайнке и др. еще не было. См.: *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Tätern im geteilten Deutschland. Vergangenheitsbewältigung 1949–1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. – Paderborn u. a., 2002. S. 48–49; цитата на S. 48.

[5] Sowjetische Militärtribunale (Schriften des Hannah-Arendt-Instituts für Totalitarismusforschung. Под ред. K.-D. Henke, C. Vollnhals). 2 Bde. – Köln; Weimar; Wien. Bd. 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953. Под ред. A. Hilger, U. Schmidt, G. Wagenlehner (2001). Bd. 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten 1945–1955. Под ред. A. Hilger, M. Schmeitzner, U. Schmidt, (2003).

[6] Германией были оккупированы и капитулировали Бельгия, Франция, Греция, Югославия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Чехословакия.

[7] Сент-Джемская декларация от 13 января 1942 г. «О наказании за преступления, совершенные во время войны» и Совместная декларация от 18 декабря 1942 г. «О проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения» см. в: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 12–13, 17–18. Документ от 18 декабря подписали также США и Великобритания.

[8] Московская декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». См.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 9–10; Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 44. Л. 161–162 (прил. 32). Опубликовано в «Правде» 2 ноября 1943 г. *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 22–23.

[9] Меморандум правительства СССР от 25 августа 1944 г. «По вопросу о контрольном механизме союзников в Германии»: АВПРФ. Ф. 0425. Оп. 1. П. 4. Д. 20. Л. 43–45. Телеграмма посла СССР в Вашингтоне, Андрея А. Громыко, от 13 ноября 1944 г. народному комиссару иностранных дел СССР Вячеславу М. Молотову: АВПРФ. Ф. 059. Оп. 12. П. 34. Д. 214. Л. 293–299. Опубликовано в *Кынин Г.П.*, *Лауфер Й.* (Сост.): СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации – Die UdSSR und die deutsche Frage 1941–1949. Dokumente aus dem Archiv für Außenpolitik der Russischen Föderation: В 3-тт. (Историко-документальный департамент МИД России и Zentrum für Zeithistorische Forschung Potsdam). Т. 1. (22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г.). – М., 1996. Т. 2. (9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г.). – М., 2000. Т. 3. (6 октября 1946 г. – 15 июля 1948 г.) – М., 2003. В данном случае Т. 1. С. 529–531, 571–575. Лондонский протокол трех союзных держав – СССР, США и Великобритания от 12 сентября 1944 г., измененный согласно договору Европейской консультативной комиссии (ЕКК) о системе контроля от 14 ноября 1944 г. в немецком переводе см.: Gesamtdeutsches Institut (Изд.): Deutschland 1945. Vereinbarungen der Siegermächte (Seminarmaterial). – Bonn, 1989. S. 4–6.

[10] Во время Крымской конференции в начале 1945 г. союзники назвали цели денацификации в совместно контролируемой Германии: «уничтожение германского милитаризма и нацизма…, подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию.., стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа». См.: Документация Крымской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритания. Часть II: «Оккупация Германии и контроль над ней»: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 11. Опубликовано в «Правде» 13 февраля 1945 г. Извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 25.

[11] Проверка была, в лучшем случае, началом «денацификации», и «денацифицирован» мог быть только тот, кто был «нацифицирован», т. е. не был антифашистом или прочим «невиновным»; все иное было бы противоречием. Неточные интерпретации, вероятно, из-за взгляда из запад-

ной перспективы см.: *Niethammer L.* Alliierte Internierungslager in Deutschland nach 1945. Vergleich und offene Fragen / Sowjetische Speziallager (как в сноске 3), Bd. 1. S. 106, 108, 110; *Possekel R.* Einleitung. Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland / Sowjetische Speziallager (там же); Bd. 2. S. 15–110; особенно S. 77–78, 80–82. Точнее его сноски 117, 127, 131; верно в: *Кынин Г.П.*, *Лауфер Й.* (как в сноске 9). Т. 2. С. 31–33. Вместо четырех категорий виновных, которыми пользовались союзники с середины октября 1946 г. – «главные виновники», «виновные», «виновные меньшего уровня» и «попутчики», а также «невиновные». В советской перспективе «денацификации» действовали три категории преступных: «главные преступники», «преступники», «преступники второй степени». В советской оккупационной зоне «номинальные нацисты» не карались, не увольнялись и т. д. в рамках процессов денацификации.

[12] Документация Крымской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритания. Часть II: «Оккупация Германии и контроль над ней»: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 11. Опубликовано в «Правде» 13 февраля 1945 г. Извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 25; Документация Потсдамской («Берлинской») конференции правителей СССР, США и Великобритании. Часть III: «О военных преступниках». Там: «Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду». Цит. по: АВПРФ. Ф. 0457а. ф. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 14. Опубликовано в «Правде» 3 августа 1945 г. Извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 26.

[13] Член Верховного суда США и советник президента Самуэль И. Розенман 3 мая 1945 г. предложил создать международный трибунал и обвинительную комиссию и передал проект положения о военных преступниках народному комиссару иностранных дел СССР Молотову. См.: АВПРФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 78. Д. 89. Л. 1–7. О дальнейших усилиях см. ниже.

[14] Декларация СССР, США, Британии и французского переходного правительства. См.: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 13. Опубликовано в «Правде» 6 июня 1945 г. См. также: Прокламация № 2 «О некоторых дополнительных требованиях к Германии» четырех глав оккупационных зон от 20 сентября 1945 г.: АВПРФ. Ф. 428. Оп. 1. П. 2. Д. 9. Л. 5–17. Опубликовано в: Штаб советской военной администрации в Германии. Советская секция союзного секретариата контрольного совета в Германии (Изд.): Сборник № 1 официальных документов, принятых и подписанных контрольным советом в Германии в 1945 году. – Берлин–Карлсхорст, 1946. С. 5–17.

[15] Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. *Пункт I.* «Организация Международного военного трибунала». Статья 1, извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 28–31; цит. на С. 28.

[16] Закон № 10 контрольного совета в Германии от 20 декабря 1945 г. «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности». Русскую версию см. в: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 122. Д. 23. Л. 28–35, 41–48; Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 44. Д. 11. Л. 77–84 (прил. № 24). Опубликовано в: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 32–37; немецкий перевод см.: Amtsblatt des Kontrollrats in Deutschland, Nr. 11. – Berlin 1946. S. 50 и т. д.

[17] NSDAP: Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei.

[18] SA: Sturmabteilung.

[19] SS: Schutzstaffel.

[20] SD: Sicherheitsdienst.

[21] Gestapo: Geheime Staatspolizei.

[22] Процесс начался в Нюрнберге 20 ноября 1945 г. против Бормана (считался скрывшимся), Деница, Франка, Фрика, Фриче, Функа, Геринга, Гесса, Йодля, Кальтенбруннера, Кейтеля, Круппа, Лея, Нойрата, фон Папена, Риббентропа, Редера, Розенберга, Заукеля, Шлахта, фон Шираха, Зейсс-Инкварта, Шпеера и Штрайхера.

[23] Резолюция № 3/I Генеральной ассамблеи ООН принята на первой части первой сессии от 13 февраля 1946 г. «О выдаче и наказании военных преступников»: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 100. Л. 30. Опубликовано в: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 44.

[24] Заместитель председателя Верховного суда СССР и генерал-майор юстиции Никиченко 24 октября 1945 г. начальнику правового отдела Советской военной администрации в Германии

(СВАГ) и профессору права Якову А. Карасеву. См. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7317. Оп. 53. Д. 7. Л. 52.

[25] См., напр., доклад заместителя начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майора Прищепенко, от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову для внутреннего пользования: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 4. П. 19. Д. 45. Л. 138–158; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 37–57, особенно Л. 37–38 и 54–57. См. также: «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 273–274; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 273–274.

[26] Циркуляр Молотова от 6 января 1942 г. см. в: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 6. Д. 63. Л. 2–26. См. также: *Кынин Г.П.*, *Лауфер Й.* (как в сноске 9). Т. 1. С. 143–144, 168–169, 215–217, сноска 62 и др.

[27] Следственная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

[28] В советских документах, в целом, встречается термин «оккупация». Это выражение оправдано и для обозначения нарушений международного права в сфере влияния СССР применительно к военным и послевоенным оккупациям и аннексиям (в Восточной Польше, Прибалтике и т. д.).

[29] «Смерш»-ОКР / УКР – «Смерть шпионам» – Отдел / Управление контрразведки народного комиссариата обороны (НКО), с мая 1946 г. – Главное управление министерства государственной безопасности (МГБ). Призыв «Смерть шпионам!», возможно, возник в качестве популярного лозунга во время гражданской войны и интервенции. Но еще в сентябре 1906 г. Ленин требовал смерти всем шпионам и шпикам. См.: *Ленин В.И.* Партизанская война / *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. в 55 томах. Т. 14. – М., 1972. С 5.

[30] Русский перевод французского документа см. в: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 122. Д. 22. Л. 7–8, в качестве приложения к письму Карасева и заместителя политического советника В.С. Семенова, № 33 / 25502 от 18 октября 1845 г. первому заместителю народного комиссара по иностранным делам А.Я. Вышинскому: там же. Л. 6.

[31] ВЧ-телефонограмма № 00591 от 17 декабря 1945 г. уполномоченного НКВД И.А. Серова своему начальнику, Л.П. Берии: АВПРФ. Ф. 012. Оп. 7. П. 107. Д. 186. Л. 2. Были выдвинуты обвинения в совершении следующих преступлений: расстрел русских, не предоставление горячей пищи, заключение на открытой местности во время холодов («на улице»).

[32] Высокие частоты, насколько мне известно, применялись в телефонных каналах для строго секретных сообщений государственной важности. Высокочастотным телефонограммам соответствовали записи (посредством строго секретных телефонных линий) зашифрованных, сверхсекретных приказов или сообщений и пр. советских государственных органов и органов безопасности, подготовленных дежурными телеграфистами.

[33] Письмо Смирнова № 1086-М от 4 февраля 1946 г. Молотову: АВПРФ. Ф. 012. Оп. 7. П. 107. Д. 186. Л. 1. Передача из британского плена в СОЗ последовала, возможно, лишь в начале 1947 г. См. ниже в тексте.

[34] Письмо Голубева № 05992 от 10 октября 1945 г. Вышинскому: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 122. Д. 22. Л. 1–3. В нем Голубев обвинил генерала Холмстона в том, что тот в 1941–1945 гг. руководил командами по расстрелу советских офицеров, солдат и граждан, а также другими злодеяниями, организовал «Зеленую армию» и вместе с «белогвардейцами» вел партизанскую войну в тылу Красной Армии. Борис А. Смысловский (он же Артур Холмстон) был царским гвардейским офицером, эмигрировал во время Гражданской войны в России, с 1941 г. был офицером вермахта, в 1945 г. – генерал-майором «Первой русской национальной армии Германского Вермахта», до осени 1947 г. находился в Лихтенштейне, затем эмигрировал в Аргентину. 494 добровольца его армии были интернированы в Лихтенштейне, частично до 1948 г. Они не были принудительно репатриированы в СССР, но побуждались к выезду туда или на Запад. После того как не все из них согласились вернуться на родину (и подвергнуться репрессиям), советские офицеры с начала сентября 1945 г. стали требовать выдать Холмстона, его штаб и «упорствующих» в качестве военных преступников. Лихтенштейн потребовал доказательств преступных действий, но СССР их не предоставил. Подробнее см.: *Geiger P.*, *Schlapp M.* Russen in Liechtenstein. Flucht und Internierung der Wehrmacht-Armee Holmstons 1945–1948. Mit der Liste der Internierten und dem russischen Tagebuch des Georgij Simon. – Vaduz; Zürich, 1996.

[35] Письмо Смирнова и Соболева № 397 от 13 октября 1945 г. Вышинскому: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 122. Д. 22. Л. 4. Письмо Вышинского № 403 от 18 октября 1945 г. Голубеву: там же. Л. 5.

[36] Советское государственное право в принципе различало между гражданством по jus solis (право почвы) и национальностью по jus sanguinis (право крови). Это означает, что лицо зависело от места рождения гражданина какой-либо страны (смена гражданства была возможна) с наследственной и неизменной национальной принадлежностью.

[37] Так, генерал Власов и его антисталинистская «Русская освободительная армия» (РОА) не считались военными преступниками. СССР потребовал выдать их как советских граждан и репатриировал их как «изменников родины».

[38] Доклад заместителя начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майора Прищепенко, от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 4. П. 19. Д. 45. Л. 138–158; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 37–57. В данном случае – Л. 40–41.

[39] Приказы НКВД № 00101 и 00315 от 22 февраля и 18 апреля 1945 г.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 178. Л. 30–32, 34.

[40] Доклад Прищепенко от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 45–46. В нем содержатся ссылки на письма американцев № 76 от 24 августа 1946, № 79 от 30 августа 1946 г. с входящим номером 34/43193, письмо № 109/СЛ от 18 октября с входящим номером 34/43302, письмо № 111/СЛ от 23 октября 1946 г.

[41] Доклад Прищепенко от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 41–42.

[42] Там же. Л. 39.

[43] Там же. Л. 38–39.

[44] «Чекисты» (сотрудники политической полиции) – производное от «чека»: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Предшественница НКГБ основана в декабре 1917 г.

[45] *Кокурин А.И.*, *Петров Н.В.* Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1960. Справочник. – М., 1997; *Петров Н.В.*, *Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. – М., 1999; *Petrov N.V.* Die Apparate des NKVD/MVD und NKGB/MGB in Deutschland 1945–1953 / Sowjetische Speziallager (как в сноске 3). Bd. 1. S. 147–148.

[46] Распоряжение о санкции Серова № 00183 от 14 февраля 1946 г. было переправлено в спецлагеря и военные тюрьмы. См.: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 492. Л. 14; жалоба Ф. Горохова, начальника внутреннего управления СВАГ от 15 мая 1946 г., направленная начальнику отдела спецлагерей, полковнику М.Е. Свиридову: там же. Д. 129. Л. 13–14; приказ Свиридова о приостановке приема № 001362/6 от 6 ноября 1946 г. всем спецлагерям: там же. Д. 130. Л. 1–2; юридическая справка военного прокурора, генерал-майора юстиции Шаверса № 04/04178 от 24 июня 1947 г. Свиридову: там же. Д. 140. Л. 27.

[47] См. направления в спецлагерь в Торгау: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 145. Л. 27.

[48] См. о депортации 15 августа 1947 г. 917 осужденных из Торгау в Востураллаг: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 145. Л. 113.

[49] Начальник отдела спецлагерей, полковник М.Е. Свиридов, в мае 1946 г. в письме Серову о распоряжении оккупационных войск № 1983/III апреля 1946 г. и его последствии: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 278. Л. 47; Доклад Свиридова Серову от 3 июля 1946 г.: там же. Л. 41.

[50] Переписка между Свиридовым и начальником оперативной группы в районе Бранденбург / Хафель, гвардии полковником Клыковым, от 23 / 26 января 1946 г.: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 278. Л. 51, 53; приказ Свиридова № 0228 от 28 марта 1946 г.: там же. Л. 36.

[51] Начальник спецлагеря № 9, подполковник Шмейс, 25 июля 1946 г. Свиридову об отказе финансового отдела МВД СССР: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 278. Л. 36.

[52] Свиридов Серову 30 сентября 1946 г.: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

[53] Приостановки приема в оповестительном письме Свиридова № 001262/ 6 от 15 октября 1946 г.: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 9; там же. Д. 355. Л. 29; Разрешение приема в порядке исключения в приказе Свиридова № 00280 от 17 сентября 1945 г.: там же. Д. 130. Л. 131; письмо от 24 октября 1945 г.: там же. Л. 112.

[54] Письмо Свиридова № 00196 от 29 апреля 1946 г. о депортации осужденных и сопроводительное письмо Серова: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 131. Л. 53–54; Приказ Серова от 28 мая 1945 г. передать всех офицеров в отдел по делам военнопленных при оккупационных войсках, чему воспротивился начальник отдела подполковник Вельяминов: там же. Л. 23; о депортации только в

июле–августе 1946 г. тысяч военнопленных: там же. Д. 145. Л. 35, 38–39, 46; Д. 141. Л. 10–12; Разрешение министра внутренних дел С.Н. Круглова от 16 августа 1946 г. выпускать на свободу нетрудоспособных военнопленных без «компрометирующего материала»: там же. Д. 129. Л. 21.

[55] *Prieß L.* Das Speziallager des NKVD (как в сноске 3). S. 400; автор без указания страниц ссылается на ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 144, и на «Neues Deutschland» от 9 августа 1947 г.; *Weinke A.* (как в сноске 4). S. 48–49. По крайне мере, отчасти так называемые «норвежцы» были идентичны с упоминавшимися ранее 98 из 284 немцев.

[56] Справка правового отдела за исходящим номером 006 от 5 января 1949 г. за 1947–1948 гг.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 7. Л. 8. Хотя отклоненные 642 заксенхаузенских служащих концлагерей были отдельно упомянуты правовым отделом, они не были включены в его статистику.

[57] Список Карасева приложен к письму Грибанова Смирнову за № 16/03 от 4 января 1949 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 1–11. Грибанов был также заместителем Смирнова в руководстве отделом.

[58] Односторонняя жалоба представителей США в комитет всеобщей безопасности контрольного совета в начале, предположительно в январе 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 10. Л. 88–97.

[59] Доклад заместителя начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майора Прищепенко, от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 49–50, 55.

[60] Письмо Абакумова Сталину № 2774/А от 21 мая 1947 г.: Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 89. П. 75. Д. 12. Л. 1. Присс ошибается, утверждая, что обвиненные были приняты, и очень неточно сообщает о месте хранения соответствующего документа: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. См.: *Prieß L.* Deutsche Kriegsgefangene (как в сноске 3). S. 256–257.

[61] Доклад Прищепенко от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 50 (цитата); *Семиряга М.И.* (как в сноске 3). С. 173.

[62] Доклад Прищепенко от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 56.

[63] Справка правового отдела за исходящим номером 006 от 5 января 1949 г.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 7. Л. 8. В таблицу включены 642 отклоненных служащих концлагеря Заксенхаузена, которых правовой отдел лишь упоминает в своей статистике (см. сноску 56).

[64] Западные союзники передали СВАГ всего примерно 600–800 предполагаемых преступников. Советские требования были значительно выше: «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 274; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 274.

[65] Список Карасева с письмом заместителя политсоветника Грибанова Смирнову № 103 от 4 января 1949 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 1–11.

[66] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 237–238; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 237–238.

[67] Письмо Имберта Карасеву № 2025 в октябре 1948 г.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 9. Л. 149. Цит. по моему немецкому переводу, А. Х.

[68] Список Карасева за 1946–1947 гг.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 12–13.

[69] Справка правового отдела за исходящим номером 006 от 5 января 1949 г.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 7. Л. 2–5. В скобках указаны 10 бывших сотрудников концлагерей Бухенвальд и Гарделеген, выданных из американской зоны в СОЗ и возвращенных 19 июля 1947 г., почему и не включенных в список. Многочисленные запросы западных союзников по поводу поисков и выдачи предполагаемых военных преступников были сделаны в январе – августе 1948 г.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 8.

[70] О таких тенденциях см.: *Naimark N.M.* Die Sowjetische Militäradministration in Deutschland und die Frage des Stalinismus. Veränderte Sichtweisen auf der Grundlage neuer Quellen aus russischen Archiven // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 43 (1995). S. 293–307, особенно S. 301–307; *Naimark N.M.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation. 1945–1949. – Cambridge-Massachusetts; London, 1995. S. 319–321, 349–352, 468–469. (многочисленные примеры). *Possekel R.* Einleitung (как в сноске 11). S. 18–19, 21, 73, 106–107; *Possekel R.* Strukturelle Grausamkeit. Die sowjetische Internierungspolitik in Deutschland als Produkt sowjetischer Herrschaftspraktiken 1945–1950 / *Müller K.-D., Nikischkin K.*, *Wagenlehner G.* (Ред.): Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941–1956. – Köln; Weimar, 1998. S. 225–253; особенно S. 225–226,

251–252. Здесь Поссекель опосредованно опровергает позицию Наймарка. По другим областям политики против ревизионизма см.: *Bonwetsch B.* Stalinismus «von unten». Sozialgeschichtliche Revision eines Geschichtsbildes // Sowi 17 (1988). H. 2. S. 120–125; *Schramm G.* Grundzüge der Epoche / *Schramm G.* (Ред.): Handbuch der Geschichte Russlands. 1856–1945. Bd. III / 2: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. – Stuttgart 1992. S. 782–787; особенно S. 782–783; *Wehner M.* Revisionismus revidiert. Die amerikanische Debatte über den stalinistischen Terror // «Frankfurter Allgemeine Zeitung» 17. August 1994; *Кынин Г.П.*, *Лауфер Й.* (как в сноске 9). Т. 1. С. 42–52.

[71] Поссекель заостряет свой тезис уже в названии статьи. См.: *Possekel R.* Strukturelle Grausamkeit (как в сноске 71).

[72] Следует напомнить, что хотя устав Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. дал определения военного преступления и проч., но закон контрольного совета № 10 предоставил будущему судебному приговору решить вопрос о преступных организациях и главных виновных.

[73] Проект распоряжения от 17 сентября 1946 г. в адрес Никиченко: АВПРФ. Ф. 012. Оп. 7. П. 107. Д. 186. Л. 12–19; согласие Сталина и приказ, направленный Никиченко через заместителя министра иностранных дел В.Г. Деканозова в письме № 489/д от 18 сентября 1946 г., затем через прокурора СССР К.А. Мокичева: там же. Л. 10.

[74] Резолюция № 95/I Генеральной ассамблеи ООН принята на второй части первой сессии от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статусом Нюрнбергского трибунала». Опубликовано в: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 44–45.

[75] См.: Das Urteil von Nürnberg 1946. – München, 1961.

[76] Проект директивы № COPC/P (46) 301: АВПРФ. Ф. 0455. Оп. 1. П. 11. Д. 41. Л. 5–48; директива № 38 контрольного совета от 12 октября 1946 г. «Об аресте и наказании военных преступников, нацистов и милитаристов…»: там же. Л. 49–88; немецкая версия в: Amtsblatt (как в сноске 16). S. 184 и т. д.

[77] *Niethammer L.* Alliierte Internierungslager (как в сноске 11). S. 104–105 со сноской 23; *Niethammer L.*, *Kersebom H.* «Kompromat» 1949 – eine statistischeAnnäherung an Internierte, SMT-Verurteilte, antisowjetische Kämpfer und die Sowjetischen Militärtribunale / Sowjetische Speziallager (как в сноске 3), Bd. 1. S. 510–532; von Plato A. Zur Geschichte des sowjetischen Speziallagersystems. Einführung / Sowjetische Speziallager (там же); S. 19–75; особенно S. 41–42; *Possekel R.* Einleitung (как в сноске 11). S. 64–65.

[78] Sowjetische Militärtribunale (как в сноске 5). Том 1 (в ином контексте) и Том 2 опосредованно опираются на одну из последующих интерпретаций.

[79] *Rudenko R.A.* Die revanchistisch-neonazistischen Pläne (как в сноске 1). S. 10. Курсив в оригинале.

[80] Они предлагали названные «преступные организации», за которыми Международный военный трибунал не признал вины, вычеркнуть из закона № 10. Кроме того, они желали отменить смертный приговор для членов таких организаций и ограничить максимальное наказание десятью годами заключения. См.: французский проект от 6 августа 1946 г. для правового директората контрольного совета в письме Смирнова Семенову № 547/3ео от 1 июля 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 117–119; американский проект № 15/104 от 31 января 1947 г., направленный начальнику управления правовых договоров в МИД С.А. Голунскому, согласно письму заместителя политсоветника Иванова Вышинскому, № 1762-В от 1 марта 1947 г.: там же. Л. 47; франко-англо-американский проект № COPC/P (47) 123 от 23 мая 1947 г.: там же. Л. 114–116 с Л. 112–113.

[81] Письмо № 1762-В заместителя политсоветника Иванова от 1 марта 1947 г. Вышинскому: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 47; письмо № 547/3ео Смирнова от 1 июля 1947 г. Семенову: там же. Л. 117–119; письмо № 651/3ео Смирнова и М. Буева от 30 июля 1947 г. Вышинскому: там же. Л. 121–124; письмо Смирнова и Голунского от 17 октября 1947 г. Молотову: там же. Л. 126–127; цит. на С. 121 и 126.

[82] Категории К.П. Шумского в качестве приложения № COPK/P/47/123 от 22 мая 1947 г. к письму Смирнова и М. Буева Вышинскому № 651/3ео от 30 июля 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 121–124.

[83] Записка с приложением заместителя народного комиссара иностранных дел И.М. Майского Молотову 11 января 1944 г. См.: *Кынин Г.П.*, *Лауфер Й.* (как в сноске 9). Т. 1. С. 338 (цитаты); из циркулярной ноты Молотова от 6 января 1942 г.: там же. С. 143–144; Указ президиума Верховного Совета от 2 ноября 1942 г.: там же. С. 168–169.

[84] Указ от 19 апреля 1943 г., цит. по немецкому переводу: *Zeidler M.* Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943–1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. – Dresden, 1996. S. 55–56.

[85] Советский проект от 18–19 февраля 1947 г. «О денацификации и демократизации Германии» для Совета министров: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 31–35.

[86] См.: *Friedrich J.*, *Wollenberg J.* Licht in den Schatten der Vergangenheit. Zur Enttabuisierung der Nürnberger Kriegsverbrecherprozesse. – Berlin, 1987; Краткий обзор – у *Wieland G.* Der Jahrhundertprozeß von Nürnberg. Nazi- und Kriegsverbrecher vor Gericht. – Berlin (Ost), 1986. S. 55–60.

[87] Выступление председателя государственного комитета обороны (ГКО) Сталина по радио к советскому населению 3 июля 1941 г. Опубликовано в передовой статье «Правды» от 3 июля 1941 г. Цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15 (*Stalin I.V.* Works. Vol. 2). 1941–1945. Под ред. R.H. McNeal. – Stanford, 1967. С. 5–6; немецкий перевод см.: *Stalin I.V.* Über den Großen Vaterländischen Krieg der Sowjetunion. – M., 1952. S. 10.

[88] Приказ народного комиссара обороны Сталина № 130 от 1 мая 1942 г. Опубликовано в статье «Правды» от 1 мая 1942 г. Доклад председателя ГКО Сталина по случаю 25-летия Октябрьской революции 6 ноября 1942 г. на торжественном заседании московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы. Опубликовано в статье «Правды» от 7 ноября 1942 г. Цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15 (как в сноске 88). С. 48, 76; немецкий перевод см.: *Stalin I.V.* Über den Großen Vaterländischen Krieg (как в сноске 88). S. 55, 85–86. Сталинские интерпретации доминировали и цитировались. См.: *Трайнин А.Н.* Об уголовной ответственности гитлеровцев. Стенограмма публичной лекции доктора юридических наук проф. А.Н. Трайнина, прочитанной 10 сентября 1943 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве. – М., 1943. С. 16–17. Сталинские выражения имеются в пункте IV ноты Молотова «Ответственность германских властей» от 11 мая 1943 г.: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 8. Д. 72. Л. 2–8. Сталинские выражения у советского профессора права А. Фаррина от 27 августа 1943 г. можно прочесть в: *Kochavi A.J.* Prelude to Nuremberg. Allied war crimes policy and the question of punishment. – Chapel Hill и др., 1998. P. 65–66, 69.

[89] Доклад председателя ГКО Сталина по случаю 25-летия Октябрьской революции 6 ноября 1942 г. на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы. Опубликовано в статье «Правды» от 7 ноября 1942 г. Цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15 (как в сноске 88). С. 76; извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 23–24; немецкий перевод см.: *Stalin I.V.* Über den Großen Vaterländischen Krieg (как в сноске 88). S. 85–86.

[90] См. предисловие и многочисленные комментарии и ст. 58/1 § 3 в: *Трайнин А.Н.*, *Мейшагин В.*, *Вышинская З.* (Сост.): Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии под редакцией и с предисловием председателя Верховного суда СССР И.Т. Голякова. 2-е изд. – М., 1944. С. 3–4, 63–64.

[91] Ст. 58/1 от 6 июня 1927 г. См. тоже в: Уголовный кодекс (как в сноске 91). С. 63.

[92] Особенно Поссекель монокаузально видит только прагматизм и решительно отрицает важность идеологии. См.: *Possekel R.* Strukturelle Grausamkeit (как в сноске 71). S. 225–226, 249, 252–253.

[93] См.: Уголовный кодекс (как в сноске 91). С. 63–98.

[94] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 274; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 274.

[95] См. выше определение в уставе Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. Пункт II. «Юрисдикция и общие принципы». Статья 6, извлечение см.: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 29. О дипломатической борьбе, но вне связи с советским уголовным правом, см.: *Kochavi A.J.* (как в сноске 89). P. 225–226, 240.

[96] Доклад заместителя начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майора Прищепенко, от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 47–48. В нем, помимо прочего, ссылка на письмо Сиднева № 4/2567 от 25 марта 1947 г. и внутреннего управления СВАГ № 1530 от 11 сентября 1947 г.

[97] Там же. Л. 48. Ссылка, помимо прочего, на письмо Мельникова № 6153 от 7 июня 1947 г.; в документе содержатся имена, которые здесь не называются из соображений зашиты данных. Курсив *А.Х.*

[98] *Трайнин А.Н.* Об уголовной ответственности гитлеровцев (как в сноске 89). С. 12–19; цит. на С. 12; аналогично размышлял его советский коллега-правовед, профессор А. Фаррин 27 августа 1943 г. См.: *Kochavi A.J.* (как в сноске 89). P. 65–66, 69.

[99] SED: Sozialistische Einheitspartei Deutschlands.

[100] См. жалобы представителей США в комитет общей безопасности контрольного совета в начале (возможно, в январе) 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 10. Л. 88–97.

[101] См. советские запросы на выдачу с приложением списков имен и должностей и западные ответы: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6; многочисленные, отчасти повторные советские запросы 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98–100.

[102] См. письмо № 773–6 заместителя начальника спецгруппы при штабе СВАГ, инженер-майора Прищепенко от 3 июня 1947 г. начальнику британской группы по связям контрольной комиссии в Германии, А.Т. Кеарду: АПВРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6 Л. 87–98; справка начальника берлинского оперативного сектора Сиднева за октябрь 1947 г.: там же. Л. 110–118. В ней – письмо американского подполковника Додона № 301 от 7 мая 1947 г.: там же. Л. 115.

[103] Письмо Дратвина Кенигу № 15/1034-Ф от 28 ноября 1947 г.: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 75–81.

[104] Нота Брауджона № HQ/0101/1/5ecG от 4 декабря 1947 г. в ответ на ноту Дратвина № 14/1034-Ф от 28 ноября 1947 г.: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 82. Цит. по моему немецкому переводу, *А.Х.*

[105] См. обвинения Поссекеля: *Possekel R.* Einleitung (как в сноске 11). S. 64, 71, 87–88, 100–101, 108–109; более трезвая позиция у Лутца Нитхаммера: *Niethammer L.* Alliierte Internierungslager (как в сноске 11). S. 104–107, 109.

[106] Цит. по: *Kochavi A.J.* (как в сноске 89). P. 222–224; Цитата Джексона Дж. Мак Клою. P. 223.

[107] О революционных основах подробно см.: *Heinert A.* Weltanschauliche Wurzeln der bolschewistischen Revolutionsgewalt / Ost-West Perspektiven (Eine Schriftenreihe des Promotionskollegs Ost-West. Изд. Institut für Deutschlandforschung und Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur). Bd. 2. – Bochum, 2003. S. 121–133; *Heinert A.* Bolschewistische Machtergreifung und Prädisposition für Terrorismus / *Hartmann A.*, *Hoffmann F.* (Ред.): Kultur – Macht – Gesellschaft. Beiträge des Promotionskollegs Ost-West (Gesellschaft und Kultur. Neue Bochumer Beiträge und Studien. Под ред. P.G. Klussmann u. a.; Bd. 2). – Hamburg; Münster; London, 2003. S. 133–157.

[108] См.: Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1922–1946; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1922–1946.

[109] Директива № Д1АС/Р (47) 141 – Д1АС/APSC/P/47/33 (комбинация кириллицы и латиницы) с исходящим номером 2476 от 1 августа 1947 г. «Межзональная передача членов организаций, объявленных преступными Международным военным трибуналом»: ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 140. Л. 71–73. Французские, британские и американские делегации одобрили ее еще в конце четвертой конференции совета союзнических министров иностранных дел 30 апреля 1947 г.

[110] Проект директивы № Д1АС/APSC/P/47/56 (комбинация кириллицы и латиницы) от 2 августа 1947 г.: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 5. П. 32. Д. 24. Л. 47–52.

[111] Ответ Дратвина от 30 сентября 1948 г. на письмо Хейса от 6 сентября 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 59–60; цит. по моему немецкому переводу, *А.Х.* Аналогичен ответ Дратвина от 1 мая 1948 г. на послание Хейса от 27 апреля 1948 г.: там же. Л. 54; Дратвин – Хейсу (без даты): там же. Л. 55–56; повтор от 19 мая 1948 г., вначале несколько сокращенный, но в основной части воспроизведенный дословно: там же. Л. 57.

[112] См.: *Zeidler M.* (как в сноске 85). S. 20, 38 со сноской 91. S. 49–50. Однако Цайдлер оценивает высказывания Вышинского о соучастии как «крайность» (в сноске 91).

[113] Союзническая директива от 7 октября 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 147. Д. 10. Л. 179–181.

[114] Резолюция № 170/II Генеральной Ассамблеи ООН принята на второй сессии от 31 октября 1947 г. «Выдача преступников войны и изменников»: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 100. Л. 31. Опубликовано в: *Александров Г.Н.*, *Попов Е.П.*, *Рагинский М.Ю.* (как в сноске 2). С. 46–47.

[115] Справка Сиднева с примерами: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 110–118. Цит. по моему немецкому переводу, А. Х.

[116] Послание начальника британского отдела по связям с союзниками, бригадира Картью главам военных миссий 27 января 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 95. Л. 116.

[117] См. британские инструкции «Об аресте и передаче военных преступников или лиц, обвиненных в преступлениях против мира и человечности, запрашивающим правительствам» и «Трибунал по выдаче. Урегулирование процедур». Экземпляры для МИД СССР: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 95. Л. 103–106, 107–111.

[118] См. письмо Аргейл-Робертсона № ALB/Extr/3 от 20 мая 1948 г. советской военной администрации: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 8. Л. 269 и 269 об.

[119] См. ноту Аргейл-Робертсона за исходящим номером 834 от 4 июня 1948 г. советскому командующему: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 100–101. Цит. по моему немецкому переводу, *А.Х.*

[120] Письмо Дратвина Брауджону от 5 мая 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 69–70.

[121] Письмо Брауджона Дратвину 13 мая 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 87–88.

[122] Письмо А.Г Имберта, начальника правовой группы французского военного правительства в Берлине, № 2156/Прав. отдел от 21 октября 1948 г. Карасеву: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 9. Л. 98.

[123] Письмо № 796 главноначальствующего СВАГ и ГСОВГ Соколовского от 30 октября 1947 г. британскому военному губернатору в Германии Дугласу: АВПРФ. Ф. 0457а. Оп. 8. П. 46. Д. 6. Л. 74; Л. 72–73. См. ноту № 797 Соколовского от 30 октября 1947 г. американскому военному губернатору в Германии Клею: там же. Л. 68–71. Письмо Клея от 7 ноября 1947 г. Соколовскому в ответ на письмо № 797 от 30 октября 1947 г.: там же. Л. 72–73.

[124] Например, чтобы воспрепятствовать изменению закона контрольного совета № 10: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 118.

[125] Помимо Лозе известны следующие имена: рейхсминистр Альфред Розенберг, рейхскомиссар Эрих Кох, генеральный комиссар Эрих Кубе, гауляйтер Фриц Заукель. См. ноту Молотова от 11 мая 1943 г.: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 8. Д. 72. Л. 2–8. По поводу Лозе: заместитель британского военного губернатора Брауджон командующему СВАГ и ГСОВГ Соколовскому 26 апреля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 84; повторно Брауджон Дратвину 28 апреля 1948 г. и ответ Дратвина Брауджону 30 апреля 1948 г.: там же. Л. 67. Вновь Брауджон Дратвину 3 мая 1948 г.: там же. Л. 85.

[126] Проект МИД от 18–19 февраля 1947 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 154. Д. 84. Л. 31–35.

[127] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 272; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 272.

[128] Экземпляр общего приказа США № 29 от 24 апреля 1947 г. для советского МИД: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 95. Л. 177 и т. д.

[129] АВПРФ. Ф. 0455. Оп. 2. П. 85б. Д. 2б. Л. 126. Заместитель американского военного губернатора в Германии, генерал-майор Дж. П. Хейс, напоминал о сроках своему советскому коллеге Дратвину 27 апреля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 77.

[130] Доклад Прищепенко от 17 октября 1947 г. своему начальнику Зырянову: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 5. Л. 54–57; перечень обязанностей – на Л. 56–57.

[131] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 273; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 273. Здесь упоминается и приказ № 108.

[132] Приказ СВАГ № 35 от 26 февраля 1948 г. См.: «Tägliche Rundschau». № 49. 27 февраля 1948 г.

[133] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 276–277; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 276–277.

[134] Хейс Дратвину 27 апреля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 77.

[135] Ответ Дратвина 1 мая 1948 г. на письмо Хейса от 27 апреля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 54; Дратвин Хейсу (без даты): там же. Л. 55–56; цит. на С. 56; повторно – 19 мая 1948 г., в начале с некоторыми сокращениями, затем дословно: там же. Л. 57.

[136] Ответ Дратвина от 30 сентября 1948 г. на письмо Хейса от 6 сентября 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 59–60. Цит. по моему немецкому переводу, *А.Х.*

[137] См. многочисленные советские (повторные) запросы 1948 г. западным союзникам со списками имен и должностей потенциальных военных преступников и отрицательные решения

США и Великобритании за недостатком доказательств вины: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 98 и т. д.

[138] «История правового отдела СВАГ 1945–1948»: АВПРФ. Ф. 0457 г. Оп. 1. П. 11. Д. 43. Л. 275–282; ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 1. Л. 275–282; о британской и французской зонах Л. 278–282.

[139] АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 48–49; Д. 99. Л. 20 с приложением на Л. 4–8.

[140] Проект МИД СССР для Вышинского после 20 января 1949 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 99. Л. 20 с приложением на Л. 4–8.

[141] Британский генерал-майор Вестропп Дратвину 1 июня 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 95. Л. 90; начальник отдела по связям с союзниками, бригадир Картью начальнику военной миссии 11 июня 1948 г.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 11. Л. 137.

[142] Дратвин Браунджону 12 июля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 75–76; цит. на С. 76. Хотя советская миссия резко жаловалась на британскую, последняя и в 1948 г. предложила как минимум в пяти случаях выдать в СОЗ предполагаемых военных преступников. СОЗ сначала продемонстрировала готовность принять предложенные лица, но, в конце концов, отказалась. См. правовой отдел, справка с исходящим номером 006 от 5 января 1949 г. за 1947–1948 гг.: ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 52. Д. 7. Л. 8.

[143] Браунджон начальнику штаба СВАГ, генерал-лейтенанту Г. Лукьянченко, 17 июля 1948 г.: АВПРФ. Ф. 082. Оп. 36. П. 195. Д. 98. Л. 91–92.

Александр Епифанов

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ немецких военнопленных в СССР

С 1943 по 1952 гг. по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины» от 19 апреля 1943 г. (далее – Указ от 19 апреля 1943 г.), к ответственности были привлечены не менее 81.780 человек, в том числе 25.209 иностранных граждан, основную массу которых составляли немцы.

По окончании войны, когда с формальной точки зрения необходимость применения этого правового акта в силу его чрезвычайного, временного характера, казалось бы, отпала, квалификация деяний лиц, обвиняемых в совершении злодеяний на оккупированной территории СССР на основании Указа от 19 апреля 1943 г. осуществлялась не по точному его смыслу и содержанию, а во исполнение предписаний директивных инстанций, руководствовавшихся, в основном, политическими соображениями. Соответствующие акты издавались Политбюро ЦК ВКП(б), Советским правительством и заинтересованными ведомствами как для конкретных случаев, так и применительно к общей массе лиц, ответственных за военные преступления. Их инициатором, как правило, выступал министр внутренних дел Союза ССР. Так, постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, вынесенными в мае 1947 г. по предложению Сергея Н. Круглова, прямо предусматривалась квалификация по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. деяний военных преступников из числа военнопленных вермахта, направляемых МВД СССР и Главной военной прокуратурой (далее – ГВП) на рассмотрение трибуналов в закрытых судебных заседаниях[1]. В декабре 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Советским правительством были изданы постановления, прямо предусматривающие привлечение к ответственности по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. 119 генералов бывшей германской армии (по персональным спискам, подготовленным МВД СССР)[2].

Расследование преступлений

С середины 1945 г. работа по разоблачению участников преступлений на оккупированной территории СССР стала важнейшей задачей органов внутренних дел, которой придавалось важнейшее государственное значение. На основе накопленных обличительных материалов была развернута подготовка массовых открытых процессов над нацистскими преступниками в СССР, которые проходили в два этапа под руководством специальных комиссий, образованных по решению ЦК ВКП(б) и Советского Правительства в 1945 и 1947 гг.

На проведение расследования были брошены сотрудники центрального аппарата НКВД, НКГБ и Главного управления военной контрразведки «Смерш» СССР. Как

правило, уголовные дела возбуждались в лагерях военнопленных заблаговременно. Материалы в отношении тех лиц, которые прошли отбор, вместе с подследственными направлялись по месту рассмотрения. Объединение материалов следствия в отношении различных обвиняемых в одно производство осуществлялось уже по месту проведения процессов по принципу совместного совершения военных преступлений.

Поскольку большинство обвиняемых полностью или частично отрицали свою вину, для установления истины активно применялись такие следственные действия, как опознание личности (в том числе по фотографиям) и очные ставки. В других случаях обвиняемые предъявлялись свидетелям и потерпевшим для опознания лично. Так, расследованию дела о военных преступлениях в Новгородской области помогала бывшая уборщица немецкой комендатуры в поселке Бежаница, которая не только опознала обвиняемых, но и подробно рассказала о совершавшихся ими убийствах советских граждан[3].

Наряду с подготовкой материалов для открытых процессов, значительная работа была проделана по передаче участников злодеяний из числа военнопленных на рассмотрение в закрытых заседаниях трибуналов войск МВД СССР. Предварительное расследование по таким делам отличалось не меньшей тщательностью, чем для открытых процессов.

И тем не менее в следствии проявлялся обвинительный уклон, который усиливался год от года. Так, прокурору войск МВД Челябинской обл. из ГВП было возвращено как подлежащее разрешению в судебном порядке дело на военнопленных Э. Ахтерфельда и О. Бурмайстера, обвинявшихся в злодеяниях над советскими гражданами[4]. При этом, оценка прокурором инкриминируемых обвиняемым деяний, как «совершавшихся не по собственной инициативе, не отличавшихся особой тяжестью и имевших место в годы войны со стороны практически всех вражеских военнослужащих», а также его указание воздержаться впредь от возбуждения подобных дел были расценены как явно ошибочные.

Основным содержанием разоблачительной работы среди пленных являлось тщательное изучение их состава и выявление лиц, потенциально причастных к злодеяниям в силу своего должностного положения, либо служебных обязанностей в оккупационных учреждениях, карательных органах и вооруженных силах нацистской Германии. Одним из наиболее перспективных объектов выявления участников военных преступлений были признаны военнослужащие войск СС. Этому способствовали имевшиеся на теле под левой рукой почти у всех бывших эсэсовцев и полицейских особые татуировки, обозначавшие группу крови.

Таким образом, чекистам удалось выявить практически неизгладимые отличительные признаки эсэсовцев, которые в большинстве своем тщательно их скрывали. Согласно директиве НКВД СССР от 22 ноября 1945 г., во всех лагерях и госпиталях военнопленных были проведены специальные медосмотры. Те пленные, у которых были выявлены указанные татуировки, ставились на учет и подлежали «активной разработке» в качестве наиболее вероятных участников военных преступлений. В 1945–1946 гг. среди военнопленных было выявлено до 15 тыс. эсэсовцев[5]. Согласно ориентировке МВД СССР от 20 сентября 1946 г., наиболее активное участие в отличавшихся особой жестокостью массовых злодеяниях принимал личный состав дивизии СС «Мертвая голова»[6]. Лагерным чекистам было предписано выявлять среди военнопленных солдат и офицеров, ранее проходивших службу в этом соединении, чтобы расследовать конкретные факты их военных преступлений. С 6 апреля 1948 г.

по местам содержания военнопленных осуществлялся розыск подозреваемых военных преступников по спискам как конкретных лиц, так и частей, соединений и учреждений гитлеровцев, причастных к злодеяниям на оккупированной территории СССР. 15 мая 1948 г. Главным управлением по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР была распространена ориентировка «О выявленных и разоблаченных среди военнопленных организаторах и участниках зверств и злодеяний» (№ 52/4517)[7].

С тем, чтобы показать признаки частей и соединений вермахта, признанных МВД СССР преступными, приведем из данной ориентировки характеристику немецкой 383 пехотной дивизии. Как было указано, она находилась на оккупированной советской территории с конца апреля 1942 и до июля 1944 гг. Ее бывшие военнослужащие находились под следствием в лагерях военнопленных Калининской, Вологодской и Архангельской областей. Следствие установило, что во всех местах дислокации и на путях отступления личным составом дивизии учинялись расстрелы, сожжение живьем, повешение мирных советских граждан и уничтожение имущества и населенных пунктов. Эти злодеяния совершались по приказам командования дивизии. С мая 1943 года до июля 1944 дивизией командовал генерал-лейтенант Э. Гофмайстер, содержащийся в лагере № 147 (Ставропольский край). Военнопленный из роты самокатчиков 383 пехотной дивизии, унтер-офицер Ф. Иохим на допросе показал: «В августе 1943 г. по приказу генерал-лейтенанта Гофмайстера, ротой самокатчиков в 50-ти км юго-восточнее Орджоникидзеграда была сожжена деревня с населением примерно 800–1000 человек. Жители этой деревни были согнаны в сарай, который подожгли и люди, пытавшиеся выйти из огня, расстреливались из автоматов. Операцией руководил капитан Клюге».

В ходе начавшейся репатриации военнопленных, на первый план встала задача недопущения возвращения в Германию лиц, потенциально причастных к злодеяниям. Участники военных преступлений, а также лица, ранее служившие в войсках и органах СС, СД, СА и гестапо, освобождению не подлежали ни при каких условиях. После того, как согласно директиве МВД СССР от 24 апреля 1946 г., на родину в массовом порядке стали отправляться пленные других национальностей, были отмечены многочисленные попытки немцев выдать себя за граждан других государств и, освободившись таким образом, избежать преследования. Например, в лагере № 204 (Астраханская обл.) 30 немецких военнопленных попытались выдать себя за венгров. Для пресечения подобных попыток, согласно директиве МВД СССР от 1 августа 1946 г., была организована тщательная проверка всех без исключения пленных, подлежащих репатриации[8].

14 июля 1947 г. МВД СССР издало директиву № 138 о порядке освобождения из плена военнопленных и интернированных, учтенных как военные преступники[9]. Освобождению из плена не подлежал (независимо от состояния здоровья) ни один из подозреваемых в совершении злодеяний на оккупированной территории. К числу последних относились бывшие сотрудники германских карательных органов, войск СС, штурмовых отрядов СА, военные коменданты и их сотрудники, персонал гражданской администрации на оккупированных территориях; работники концлагерей и лагерей для советских военнопленных и гражданского населения, насильственно перемещенного в Германию.

Следующий этап разработки военнопленных был неразрывно связан с мероприятиями по их окончательной репатриации. Учитывая крайне политизированный ха-

рактер уголовного преследования военных преступников, а также его международное значение, основная роль в определении дальнейших судеб привлекаемых к ответственности военнопленных принадлежала главе советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотову. При этом, во внимание принимались не только и не столько степень виновности указанных лиц, сколько их потенциальная опасность для международных интересов Советского государства и его союзников. В марте 1951 г. из 131 гитлеровского генерала только на 51 человека имелись материалы о конкретном участии в военных преступлениях. Тем не менее и всех остальных органы МВД предлагали привлечь к ответственности по Указу от 19 апреля 1943 г. как «реакционно и реваншистски настроенных» (58), или же служивших в карательных органах и войсках СС (22)[10].

19 февраля 1949 г. Совет Министров СССР обязал органы внутренних дел представить конкретные предложения о порядке и сроках репатриации военнопленных, состоящих на учете как предполагаемые участники военных преступлений до 1 октября текущего года. Таким образом, на разоблачение этих лиц, общее количество которых к этому времени превысило 40 тыс., отводилось только семь месяцев. Разрешению этой задачи было посвящено Всесоюзное совещание руководства органов внутренних дел, в том числе лагерей военнопленных, состоявшееся в начале мая 1949 г. в Москве. Выработанные им мероприятия должны были «внести ясность» в отношении каждого пленного, находившегося на учете – подлежит ли он репатриации или нет.

Особенностью мероприятий по выявлению военных преступников на данном этапе являлась организация для их проведения специальных режимных лагерей, в которых были сосредоточены все военнопленные, отведенные от репатриации и зарегистрированные как предполагаемые участники злодеяний. При этом, создавались лагеря для разработки рядового и младшего командного состава, старших и высших офицеров вермахта. Для содержания старших офицеров выделялись режимные лагеря: № 27 (Красногорск), № 62 (Киев), № 74 (Горьковская обл.), № 168 (Минск), № 185 (Ивановская обл.), № 270 (Новгородская обл.), № 437 (Вологодская обл.). Помещенные в них 4 тыс. бывших полковников, подполковников и майоров, «поведение которых на территории СССР в период войны осталось недостаточно проверенным», подлежали тщательной разработке для выявления среди них военных преступников. Их репатриация была отложена на декабрь 1949 г., т. е. на последнюю очередь. Списки этих офицеров, распространенные по всем лагерям военнопленных, ориентировали на разоблачение находившихся в плену старших офицеров вермахта, как командиров полицейских, жандармских, охранных и иных карательных формирований[11].

Задержка с репатриацией и изоляция в указанном порядке военнопленных как предполагаемых военных преступников явилась серьезной репрессивной мерой без учета степени вины. Бывший рядовой 17 отдельного учебно-разведывательного батальона СС Г. Гаусман с горечью писал своим родителям из 108-го режимного лагеря (Сталинград): «В СС я был всего лишь 4 недели, а в плену нахожусь уже свыше 4 лет и конца этому не видно. Здесь не делают никакого различия между настоящими нацистами и теми, кто не по своей воле служил в войсках СС, пусть даже всего 4 недели»[12].

Администрацией режимных лагерей всеми имевшимися в их распоряжении средствами, а также силами конвойных войск, поддерживался порядок, исключающий

возможные попытки со стороны «наиболее активного фашистского элемента» совершать какие-либо акты саботажа на производстве, где использовались военнопленные. Специальные меры предосторожности предпринимались по недопущению эксцессов в виде голодовок, побегов и другой деятельности «реакционных групп военнопленных». Их инициаторов и организаторов предписывалось арестовывать и привлекать к уголовной ответственности. Несмотря на активные мероприятия, проводимые органами МВД и антифашистскими группами, а также показательные репрессивные меры по отношению к «реваншистски настроенным» заключенным, чекисты фиксировали все более резкие политические суждения и критику в адрес лагерной администрации со стороны военнопленных. Проявления сопротивления с их стороны начинают принимать агрессивный характер. Так, чекистами режимного лагеря № 108 (Сталинград), в апреле 1949 г. из разговоров между заключенными были зафиксированы «важные данные» на этот счет:

«Здесь мы вынуждены слушать в политкружках, читать из немецких газет Восточной зоны и русских газет, как выражают ненависть против англо-американцев и их сторонников из Социал-демократической партии Германии, Христианско-демократического союза – Шумахера, Аденауэра, Кайзера и других, и как хвалят коммунистическую партию и Макса Реймана. А сам я в газетах читал, что компартия собрала только 4,7 % голосов, в то время как те партии получили все остальные голоса. Из этого видно, что Компартия Германии имеет гораздо меньше сторонников, чем до 1933 года, т. е. до прихода Гитлера к власти. Люди из Западной зоны с мая 1945 года полностью смогли убедиться в деятельности всех партий. Нам говорят здесь, что почти 95 % немцев желают единую Германию, а Социал-демократы и Христианско-демократический союз подрывает это единство, однако, за последних проголосовало 85 % немцев. Немцы вынуждены слушать крики газет Восточной зоны о конфискациях в Западных зонах, о Рурском статуте. В то же время они думают про себя о Восточной Пруссии, о Силезии, Бреслау, Кенигсберге и об исчезновении миллионов немцев в СССР. В Восточной зоне имеется одна СЕПГ и несколько прокоммунистических партий, которые находятся под контролем. В Восточной зоне все бывшие концлагеря действуют, в них содержатся женщины и дети, как интернированные или осужденные. Они направляются в СССР как рабочая сила на 15–25 лет. Говорят красивыми словами о гуманности советских людей, миролюбии, а сами мстят. Военнопленным в СССР угрожают автоматом, применяют рабский труд, а также угрозы карцером, голодом и тюрьмой, все время допрашивают. Советский Союз провозглашает “Свобода!”, а стоит только шире открыть глаза и увидишь, что свободы нет, рабочий связан с местом работы и сам не в состоянии его менять. Кругом видишь лагеря для заключенных, но об этом в газетах не написано ничего. Люди, которые в 1946–1947 годах прибыли из Германии, рассказывают, как там демонтируют завод за заводом, погружают и везут в СССР из Восточной зоны. Мы тоже много видели, например много даже туалетных дверей с немецкими надписями. В немецких газетах пишут как хорошо военнопленным в Советском Союзе, но у них ежемесячно удерживают 456 рублей за питание, обмундирование и содержание. Только некоторые, в частности антифашисты, получают 200 рублей. А сколько советских граждан получают по 200–400 рублей в месяц, чего не хватает на жизнь, т. к. за эти деньги он должен сам все себе покупать. Не удивительно, что гражданские просят у военнопленных денег, чтобы купить себе кусок хлеба»[13].

Учитывая характер подобных высказываний, а также тот эффект, который они производят среди заключенных, допустившие их военнопленные, имевшие «враж-

дебные и реакционные настроения» против СССР и «стран народной демократии», в массовом порядке привлекались к ответственности как «реакционно и реваншистски настроенные» также по Указу от 19 апреля 1943 г.

Тем временем, для ускорения следствия по делам военных преступников, приказом МВД СССР от 10 мая 1949 г. в УМВД по Смоленской, Брянской, Орловской, Велико-Лукской, Тульской, Курской, Крымской, Ростовской, Новгородской, Воронежской, Ленинградской обл. и Краснодарскому краю были организованы специальные оперативно-следственные группы. Перед ними были поставлены задачи расследования дел о злодеяниях гитлеровцев непосредственно на местах и привлечения виновных к ответственности[14]. С 1 июня 1949 г., на основе распоряжения МВД СССР, получившего соответствующие полномочия от Советского правительства, была начата «фильтрация» контингента лагерей военнопленных, которая должна была завершиться не позднее 10 сентября того же года. Ее основной задачей являлось недопущение выезда за пределы СССР лиц, виновных в совершении военных преступлений. Инструкция о проведении фильтрации была утверждена 16 июня 1949 г. заместителем министра внутренних дел СССР Иваном Серовым [15]

После того, как в проведение работы по репатриации пленных и привлечению к ответственности военных преступников из их числа вмешалось недовольное ее качеством и темпами Политбюро ЦК ВКП(б), 28 ноября 1949 г. репатриация офицеров, ранее проходивших службу в карательных частях и органах гитлеровской Германии, была прекращена, вне зависимости от того, имелись ли в отношении них какие-либо компрометирующие материалы или нет[16]. В числе задержанных оказались и офицеры, которые уже благополучно прошли фильтрацию и были намечены к отправке в Германию.

Необходимо отметить, что само должностное положение или характер служебных обязанностей со временем приобрели решающее значение для привлечения к ответственности как военных преступников. 29 ноября 1949 г. МВД, МГБ и Прокуратурой СССР была издана совместное распоряжение № 746/364/213сс, согласно которому военнопленные офицеры, ранее служившие на командных должностях в органах и войсках СС, за сам факт своей принадлежности к СС как военные преступники подлежали привлечению к ответственности по ст. 17 (соучастие – *А.Е.*) УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 г. Командный и рядовой состав, в годы войны проходивший службу в концлагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также сотрудников карательных органов, суда, прокуратуры, полиции и следственных органов предписывалось судить на тех же основаниях[17].

Характерно, что инициатива в издании этого приказа принадлежала Прокурору СССР Г.Н. Сафонову. В своем письме по этому поводу, обращенном к министрам внутренних дел и госбезопасности СССР 18 ноября 1949 г., он указывал на крайнюю нежелательность репатриации в западные зоны оккупации Германии большого количества бывших офицеров вермахта, военнослужащих частей и соединений СС из-за сложной международной обстановки, поступающих сообщений «об активном формировании на Западе Германии войсковых соединений, разжигании англо-американскими властями реваншистских настроений среди немцев». В письме Сафонова содержалось и «правовое обоснование» необходимости привлечения эсэсовцев к уголовной ответственности по формальным основаниям – приговору Нюрнбергского трибунала, признавшего СС преступной организацией, а также по ст. 10 его устава, предоставлявшей право привлечения к ответственности ее членов за саму принадлежность к ней.

Для ознакомления с делами на лиц, обвиняемых в военных преступлениях, общее количество которых достигло 41.594 человек, осенью 1949 г. была привлечена Военная прокуратура войск МВД СССР[18]. После этого фильтрация возобновилась и осуществлялась в две стадии. На первой (с 18 октября по 15 ноября 1949 г.) изучались обличительные материалы на участников злодеяний, проводились аресты и следствие. На следующей стадии (с 1 по 25 декабря 1949 г.), лагерные чекисты были переключены на исполнение совместной директивы МВД СССР, МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 29 ноября 1949 г. по «реализации» подготовленных на предшествующем этапе дел, т. е. их передаче в суд.

Интенсивность работы следственных органов в конце 1949 г. по сравнению с предшествующим периодом возросла в 12 раз. Несмотря на исключительно большое количество расследованных в крайне сжатые сроки дел, прокурором войск МВД СССР качество проделанной работы было признано удовлетворительным. При этом, отмечалось, что были соблюдены все необходимые процессуальные нормы, в том числе обеспечено право перевода всех материалов дел на родной язык подследственных[19].

Однако фильтрация обнаружила серьезные недостатки в работе органов внутренних дел по выявлению и разоблачению участников злодеяний. За 5 лет работы они не сумели надлежащим образом расследовать соответствующие уголовные дела и собрать доказательства конкретной преступной деятельности обвиняемых. До середины 1949 г. основное внимание чекистов было сосредоточено не на выявлении конкретных военных преступников, а лишь на установлении принадлежности пленных к СС, СА, СД и пр. Большинство лиц, взятых на учет, за все время их пребывания в плену подвергались лишь единичным, поверхностным допросам, часть которых надлежащим образом оформлена не была. Полученные на допросах данные не проверялись, иными объективными доказательствами не подкреплялись. Поэтому многие, будучи причастными к военным преступлениям, получили возможность беспрепятственно покинуть Советский Союз. Так, в лагере МВД СССР № 62 (Киевская обл.) с 1945 г. имелся ряд агентурных донесений о том, что военнопленный врач В. Ламмерт в годы войны брал для раненых немцев кровь у советских детей (в возрасте от 2 до 4 лет), в результате чего те погибали, а также применял к захваченным партизанам наркоз при их допросах[20]. Поскольку указанные данные своевременно проверены не были, очевидцы злодеяний к моменту фильтрации уже возвратились на родину, а послуживший источником обличительной информации агент умер, в отношении Ламмерта было принято решение о репатриации.

Старший оперативно-чекистской группы в 108-м лагере МВД СССР (Сталинград) П.В. Бзанов вспоминал, что в связи с нехваткой кадров, к его группе были прикомандированы 14 сотрудников МВД из других областей Советского Союза. Работали с таким напряжением, что успевали заканчивать за день по 20–30 дел на военнопленных. Многие оперативники работали «нечестно», стараясь как можно скорее избавиться от порученных им дел, мало заботясь об объективности проведенного ими разбирательства. Межведомственная комиссия из представителей МВД, МГБ и прокуратуры, на рассмотрение которой Бзанов представлял заключения по рассмотренным делам, также изучала их наспех, почти не глядя, направляла материалы в следственные органы для возбуждения уголовных дел. В результате, не только многие пленные были осуждены в спешке необоснованно, но и немало настоящих нацистских преступников в суматохе сумели скрыть свою вину и покинуть СССР, не понеся никакого наказания.

О незаконных «методах воздействия» на подследственных чекисты-ветераны вспоминают сегодня неохотно. Тем не менее А.Д. Коновалов (в 1949 г. также откомандированный в лагерь № 362 Сталинграда) признался, что однажды ему попался военнопленный, во время войны проходивший службу в том самом селе, где были замучены нацистами его близкие. Естественно, первым делом следователь попытался уличить пленного в этом злодеянии. Поскольку тот упорно отпирался, дело дошло до того, что в ярости Коновалов стал замахиваться на своего подследственного табуреткой. Но, по его словам, так и не ударил.

Е.М. Палочкина во 2-й половине 40-х гг. работала в сталинградской тюрьме № 1 сначала санитаркой, а затем и надзирателем. Она рассказывает: «С 1948 г. в тюрьму массами стали поступать немцы. Все худые, тихие, молоденькие, никто надзирателей не оскорблял (в отличие от русских заключенных). Камеры были битком набиты военнопленными. Делала им уколы, прививки, водила на медицинский осмотр. Немцы хотели домой, мечтали увидеть своих матерей, говорили ей: “Мы не виноваты, но все равно получим “норму” – 25 лет». Когда Палочкина стала надзирателем и водила пленных на допросы к следователю (по прозвищу «Заноза»), то убеждалась в том, что пленных не обижали. Кормили заключенных немцев, по ее словам, лучше, чем русских. Пленные находились в камерах на 2-ярусных койках, постели у них были очень плохие. Каждые 10 дней заключенных водили в баню. Несмотря на то, что в тюрьме было холодно, в камерах узники не мерзли, так как было очень тесно. Одеты пленные были плохо, все оборванные.

На 1 января 1950 г. в СССР под следствием продолжали находиться 6947 военнопленных, в основном, обвиняемых в военных преступлениях. В числе них находились 1545 офицеров СС, СА, других карательных органов и частей. 5293 пленных, в основном, находившихся под следствием «по формальным признакам» за принадлежность к рядовому и унтер-офицерскому составу СС, СА, полиции и охранных частей, за мелкие грабежи на оккупированной территории, от ответственности со стадии предварительного расследования были освобождены и отпущены на родину[21].

Самой продолжительной оказалась следственная разработка пленных, оказавшихся в распоряжении органов МГБ СССР. К июню 1951 г. таковых насчитывалось 51 человек[22]. Все они относились к категории особо важных преступников и обвинялись в военных преступлениях. Многие из них содержались в тюрьмах, несмотря на то, что их арест надлежащим образом оформлен не был. Затягивание расследования по этим делам объяснялось, в основном, потребностями в выявлении при помощи указанных лиц изменников Родины из числа советских граждан, а также их использования в проведении некоторых оперативно-чекистских мероприятий. Несмотря на это, Сталин распорядился привлечь указанных лиц к уголовной ответственности и два месяца спустя, по завершении предварительного расследования, почти все они были переданы в военные суды.

Последние военнопленные и интернированные граждане Германии, находившиеся под следствием по делам о военных преступлениях, были освобождены из лагерей во исполнение Постановления Советского правительства «О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии» от 2 апреля 1952 г. «за недоказанностью состава преступления»[23].

Открытые и закрытые судебные процессы

Первые открытые процессы над гитлеровскими военными преступниками были проведены в 1945–1947 гг. по месту совершения их злодеяний трибуналами военных округов и флотов в соответствии с процессуальным законодательством, установками специальных комиссий, определявшими «порядок суда»[24]. Одновременно, большое распространение получили закрытые процессы, проводившиеся трибуналами войск МВД округов, краев и областей по месту содержания подсудимых. Согласно безапелляционным указаниям «директивных инстанций», все без исключения деяния военнопленных, обвиняемых в «совершении зверств» на оккупированной советской территории, подлежали квалификации по части 1 Указа от 19 апреля 1943 г. с применением в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. заключения в ИТЛ сроком на 25 лет. Все соответствующие уголовные дела подлежали рассмотрению без участия сторон (в данном случае подразумевались потерпевшие от военных преступлений) и вызова свидетелей. Исключение составляли лишь те случаи, когда свидетели находились на территории той республики или области, где происходило судебное рассмотрение[25].

Процессы над гитлеровскими военными преступниками из числа военнопленных вермахта, проводимые общевойсковыми окружными трибуналами в закрытом порядке возобновились лишь с началом 50-х гг. Кроме того, в качестве суда по наиболее важным делам, где подсудимыми являлись лица высшего командного состава гитлеровской Германии, выступила Военная Коллегия Верховного Суда СССР.

Одной из наиболее характерных черт уголовного судопроизводства над военными преступниками являлось досудебное рассмотрение их уголовных дел специальными межведомственными комиссиями (далее – МВК). После того, как в октябре 1949 г. Советом Министров СССР было принято постановление о завершении репатриации всех военнопленных к 1 января 1950 г., досудебное рассмотрение компрометирующих материалов на них было возложено на межведомственные комиссии из представителей органов МВД СССР, МГБ СССР и Военной прокуратуры войск МВД СССР. Они создавались в республиках, краях и областях по месту нахождения лагерей военнопленных. К их компетенции было отнесено решение вопроса: достаточно ли материалов для предания суду каждого пленного, «отставленного» от репатриации, либо он подлежит освобождению.

В общей сложности, согласно директиве министров внутренних дел и госбезопасности СССР, а также Главного военного прокурора от 17 октября 1949 г., МВК были образованы в 35 союзных и автономных республиках, краях и областях. В пунктах наибольшего скопления пленных, создавалось по нескольку комиссий. Всего их было образовано свыше 50. 20–25 октября 1949 г. все они приступили к работе и должны были закончить ее к 15 ноября 1949 г., когда предполагалось завершить передачу в трибуналы всех дел на военнопленных, в отношении которых это было необходимо. На рассмотрение этих дел в трибуналах войск МВД СССР отводился срок до 31 декабря 1949 г. С 10 ноября протоколы заседаний региональных МВК начали поступать в Москву для утверждения Центральной комиссией, состоявшей из руководителей Военной прокуратуры войск МВД, Министерств юстиции, внутренних дел и госбезопасности СССР.

Как оказалось, в большинстве случаев принять решение о предании суду было возможно только в случаях признания самими военнопленными факта совершения

какого-либо преступного деяния. Поэтому комиссии вынуждены были принимать решения о предании суду тех солдат и офицеров вермахта, которые признавали факты изъятия у советских граждан незначительного количества мелкого скота, птицы или продуктов. В то же время в отношении командного состава войск СС, в том числе таких соединений как дивизия «Мертвая голова», а также в отношении ответственных сотрудников гитлеровских карательных органов принимались решения об их репатриации, ввиду отсутствия каких-либо конкретных материалов об их преступной деятельности.

Местным МВК было предложено пересмотреть ранее принятые решения о репатриации военнопленных[26]. После поступления от них новых протоколов с решениями «в свете директивы от 29 ноября 1949 г.» оказалось, что некоторые комиссии истолковали ее указания расширительно. Поэтому в трибуналы ошибочно поступили дела в отношении рядовых полицейских войсковых соединений и охранных частей вермахта, в том числе лиц, не покидавших в годы войны пределов Германии[27]. Сигнал об этом, поступивший Прокурору СССР 19 декабря 1949 г., оказался запоздавшим, поскольку к этому времени около 80 % лиц данной категории были уже осуждены.

В целом, результаты рассмотрения дел в трибуналах войск МВД СССР были признаны удовлетворительными. Карательная практика также не вызвала у руководящих инстанций возражений, поскольку все военнопленные, осужденные по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г., были приговорены к 25 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Из 15200 военнопленных, осужденных в 1949 г. по Указу от 19 апреля 1943 г., 2148 приходилось на 1-е полугодие и 13052 – на 2-е. При этом осужденные за военные преступления составляли основную массу военнопленных, привлеченных к ответственности в 1949 г., – 58,6 % за 1-е и 83,2 % за 2-е полугодие 1949 г.

Результаты судебной практики показывают, что в силу ряда причин, прежде всего учитывая упущения предварительного расследования, по делам военных преступников имели место многочисленные случаи объективного вменения, т. е. привлечения к ответственности без конкретной вины. Как правило, обвиняемые не отрицали фактов злодеяний и материального ущерба, содержавшихся в их делах, но категорически отказывались признавать свою личную причастность к ним. Однако это уже не влияло на наступление ответственности, даже в тех случаях, когда судебные органы проявляли необходимую принципиальность.

Примеры этому можно найти даже в материалах открытых процессов над гитлеровскими военными преступниками. Например, по мнению адвоката Н.Н. Канан, выступавшего в 1947 г. с речью по делу бывшего переводчика германской комендатуры К. Лантревиц на Новгородском процессе, тот ни в каких зверствах над арестованными советскими гражданами уличен не был. Практически он являлся «скорее невольным свидетелем драм на окровавленных подмостках застенка, чем их участником». Его состояние защитник определил как пограничное между первым и вторым, т. е. как некую фактическую прикосновенность к чужим злодеяниям. Однако, учитывая, что «эта фактическая прикосновенность юридически квалифицируется как соучастие и по законам о военных преступлениях влечет наказание», Канан просил трибунал лишь учесть, что к этому «ослабленному соучастию» подсудимый был привлечен такой силой, одолеть которую был не в состоянии[28]. В конечном счете, как и все остальные, К. Лантревиц был приговорен к 25 годам ИТЛ.

Весьма характерными были отношения между судьями и их руководящими инстанциями по поводу правомерности осуждения военных преступников при отсут-

ствии к тому надлежащих оснований, либо с нарушением установленного порядка. Их освещение позволяет раскрыть причины и условия, при которых были допущены грубейшие нарушения законности, исправлять которые приходится в современный период.

Отказ некоторых трибуналов рассматривать дела военных преступников в отсутствие свидетелей, проживавших в другой местности, расценивался их руководством как «нетерпимый и вредный формализм, поверхностное и несерьезное отношение к работе». Так, 17 марта 1948 г. трибунал войск МВД Карело-Финской ССР направил через Военную Коллегию в Новгородскую обл. дело в отношении бывших военнослужащих вермахта Г. Кюстера, Э. Герцога и других, обвиняемых по Указу от 19 апреля 1943 г., мотивируя это тем, что на ее территории проживают необходимые свидетели. Однако председатель Военной коллегии В.В. Ульрих не нашел оснований для такого решения, поскольку все обвиняемые на предварительном следствии признали себя виновными. Кроме того, для предотвращения подобных случаев впредь, Ульрих обратился к начальнику Управления военных трибуналов войск МВД СССР с требованием принять к этим судьям соответствующие меры[29].

К сожалению, многие члены трибуналов не находили в себе сил и мужества противостоять подобным «установкам». В тех сложных условиях они считали за благо при назначении наказания практически безответным подсудимым идти по пути наименьшего сопротивления при вынесении приговора по материалам предварительного следствия, вне зависимости от его полноты и объективности. Не способствовали должному качеству рассмотрения дел низкая квалификация и неудовлетворительное отношение к делу некоторых судей. Например, при рассмотрении в ГВП дела на военнопленного О. Линтеля, осужденного в апреле 1946 г. трибуналом войск МВД Минской обл. по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г., оказалось, что никаких доказательств, кроме показаний осужденного в нем нет. При этом, все материалы расследования были оформлены на фамилию Линде, а приговор вынесен в отношении Линтеля[30].

Система сталинского судопроизводства действовала слепо и безотказно. Очевидцы и участники подобных событий, развернувшихся, к примеру, в Сталинграде, свидетельствуют, что обвиняемых военнопленных отвозили на суд по 20–25 человек. Из разных мест были доставлены свидетели нацистских злодеяний. И.Л. Котляревский, который в это время был народным заседателем одного из трибуналов и принимал непосредственное участие в процессах, вспоминает, что многие свидетели приезжали издалека (даже из Украины и Белоруссии), размещать их было негде, кормить нечем. В результате, неустроенность еще более усугубила их ненависть к немцам. Часто во время суда они указывали на первых попавшихся военнопленных, обвиняя их в злодеяниях. Судьям же было достаточно и этого. В течение получаса, независимо от объективности собранных данных, практически все заключенные получали обвинительный приговор. Воспринимался он по-разному. Некоторые, услышав приговор о смертной казни, падали без чувств, другие, наоборот, хохотали. Выходя из зала суда, многие осужденные почти весело сообщали ожидавшим своей очереди военнопленным и сопровождавшим их сотрудникам лагеря: «Норма!». Это означало 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Редко кто получал 10 лет.

Бывший тюремный надзиратель И.Е. Карташев рассказывает, что самая большая нагрузка в их тюрьме была в 1948–1949 годах, когда судили «военных преступников». Их было очень много – 2,5–3 тысячи. В 5-местных камерах сидело по 20–30

человек. В самой большой камере одновременно содержалось 300 военнопленных. Духота была такая, что сидели все мокрые. К военнопленным требовали проявлять особое внимание, предупреждали, что эти люди – военные преступники – наиболее опасны. При выводе из камеры даже в туалет, сопровождать их в одиночку запрещалось, требовалось вызывать 2-го надзирателя. Но немцы вели себя на удивление спокойно, были очень вежливые и дружные, даже на надзирателей не смотрели как на врагов. Осуждали их всех одинаково – к 25 годам. Все происходило очень быстро – 2–3 дня, и процесс закончен.

Жернова карательного механизма лишь продлевали страдания тех, кто пытался сопротивляться их действию. Военнопленный В. Шлюзен на следствии был признан виновным в том, что служил в полицейских частях. На суде он опроверг материалы следствия, заявив, что следователь неправильно истолковал его слова о том, что в вермахте он был в патрульной команде, и заставил его подписать «приговор» на русском языке. Трибунал направил дело на дополнительное расследование, и данное решение также было опротестовано военной прокуратурой. Просидев в тюрьме с декабря 1949 по июнь 1950 гг. в ожидании нового следствия, Шлюзен последнего так и не дождался, что побудило его написать «срочное заявление», в котором он жаловался на то, что о нем все забыли и он брошен на произвол судьбы. Наконец, без всякого дополнительного расследования состоялся новый суд. В нем уже участвовал адвокат. После того, как Шлюзен согласился с замечанием суда о том, что функции патрульной службы были аналогичны функциям полевой жандармерии, «защитник» выступила с заявлением, в котором сочла, что ее подзащитный, по существу, не отрицает свою службу в полевой жандармерии, и попросила по возможности снизить ему меру наказания, учитывая его «чистосердечное признание». Итог – 25 лет ИТЛ.

Кассационная жалоба осужденного, как и тысячи других, ей подобных, была безответна. Как заявил в ней Шлюзен, он просидел в камере без суда 8 месяцев, из них 4 – на тюремном пайке. Когда он вновь предстал перед судом, ему было представлено прежнее, безо всяких изменений, обвинение. Ходатайство о предоставлении защиты хотя и было удовлетворено, с адвокатом он познакомился лишь в зале суда. Оглашенный в отношении его приговор он не признал, так как тот был «против всех законов человечества». Невзирая на его незнание русского языка, Шлюзена, по его словам, постоянно принуждали подписывать материалы дела, которые были составлены на русском языке. С горечью он упрекал СССР в том, что тот не сдержал своих обещаний привлекать к суду только военных преступников и преступников против человечности. Его же часть и он сам во время войны как могли поддерживали русское гражданское население, ограждая его от грабежей и насилий со стороны немецких солдат[31].

Наказание

По мнению советских специалистов, Указ от 19 апреля 1943 г., предусматривавший для военных преступников такие меры наказания, как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, дал в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними не только во время войны, но и их сурового наказания после ее окончания[32].

Публичные повешения (противоречившие букве Указа от 19 апреля 1943 г. и изданным в его развитие правовым актам[33]) 66 осужденных военных преступников по приговорам трибуналов, состоявшиеся в 1946 г., призваны были дать народу удовлетворение в том, что «советское правосудие осуществило законное возмездие гитлеровских извергов». Последнее обстоятельство особо подчеркивалось организаторами данных процессов в отчетах Сталину.

После того, как в 1947 г. в СССР смертная казнь была отменена, по сообщению МВД СССР, пленные немцы в большинстве своем по достоинству оценили данный шаг советского руководства как гуманный акт, который позволит сохранить жизнь многим из них. Вместе с тем, были и такие, которые не видели существенной разницы между смертной казнью и исправительными работами в советских лагерях, а соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР рассматривали как пропаганду.

Когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. применение смертной казни было восстановлено[34], участники гитлеровских злодеяний вновь оказались одним из ее наиболее приоритетных объектов. Однако попытки распространить в массовом порядке действие Указа от 12 января 1950 г. на военных преступников из числа иностранцев, очевидно, из-за опасения международных осложнений, результатов не принесли. По имеющимся сведениям, к ним смертная казнь применялась лишь в единичных случаях. Например, 26 марта 1952 г., по приговору трибунала Московского военного округа, был расстрелян бывший полковник абвера Э. Шольце, осужденный на основании ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. за два месяца до этого[35].

В 1945–1946 гг. в открытых показательных процессах над гитлеровскими военнопленными, обвиняемыми в зверствах и злодеяниях на оккупированной территории Советского Союза, 19 из них были осуждены на каторгу на срок от 12 до 20 лет (в изъятие из правил Указа от 19 апреля 1943 года[36]). Гитлеровские военные преступники, осужденные к каторжным работам за злодеяния на территории СССР, согласно директиве МВД СССР № 219 «О порядке отбывания срока наказания военнопленными, осужденными советскими судами (трибуналами) за преступления, совершенные на территории СССР» от 31 августа 1946 г., направлялись для отбывания наказания в Воркутлаг МВД (ст. Воркута Северо-Печерской железной дороги)[37].

Воспоминания осужденных пленных от пребывания в специальных лагерных подразделениях ИТЛ для каторжан, в основном, сводятся к невыносимому русскому холоду, изнурительной неквалифицированной работе и издевательствам со стороны «русских бандитов». По свидетельству бывшего пленного Э. Телена, осужденного в Гомеле в середине октября 1947 г. по обвинению в угоне 1500 советских граждан на принудительные работы в Германию к 20 годам каторги, он был в числе первых немцев, прибывших в Воркутинский лагерь[38]. Русские заключенные, вместе с которыми ему пришлось отбывать наказание, не испытывали никакого сочувствия к своим бывшим сообщникам по злодеяниям на оккупированной территории, что особенно огорчало иностранцев. Телен с особой горечью вспоминает, как русский бригадир лопатой гнал его от общего костра, у которого грелись все остальные заключенные. Его производственные обязанности заключались сначала в ручной переноске тяжелых бочек с водой, а затем в подземной добыче угля. Рабочий день на шахте составлял 12 часов, не считая часа пешего пути к месту работы. Качество пищи и непосильная работа привели к тому, что уже через 14 дней немцы из-за дис-

трофии попали в больничный барак. С каждым годом в Воркуту прибывало все больше военнопленных немцев, осужденных к каторжным работам, в том числе офицеров и даже генералов. Положение последних было особенно унизительным, поскольку они наравне со всеми привлекались к работе и довольствовались туалетами общего пользования. По словам Телена, в каторжном лагере заправляла кучка русских бандитов, которые отнимали у остальных заключенных, прежде всего пленных, лучшие продукты, принуждали их к сожительству и т. п.

Заключение в исправительно-трудовые лагеря по отношению к осужденным военным преступникам из числа иностранцев началось с принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа «Об отмене смертной казни» от 26 мая 1947 г. Полгода спустя, министр внутренних дел СССР распорядился о направлении всех осужденных рассматриваемой категории к лишению свободы в ИТЛ, независимо от их физического состояния, в Воркутинский лагерь МВД[39]. Специально для таких заключенных в нем было создано лагерное отделение со строгим режимом. К 1950 г. их количество в нем достигло 300 человек.

26 июля 1949 г. в МВД СССР был издан приказ № 0510 «О порядке направления и содержания в местах заключения МВД осужденных иностранных граждан». С этого момента иностранцы, осужденные по обвинению в военных преступлениях, для отбывания наказания направлялись в особые лагеря МВД СССР № 6 (Воркута) и 7 (Братск-Тайшет)[40]. Согласно упомянутому приказу, концентрация осужденных военных преступников-иностранцев начальником ГУЛАГа была завершена к концу 1949 г.

Согласно «Плану основных мероприятий по выполнению решения Правительства о репатриации немецких военнопленных и концентрации в специальных лагерях МВД осужденных военных преступников», утвержденному МВД СССР 9 февраля 1950 г., в системе ГУПВИ МВД СССР были организованы специальные лагеря и лагерные отделения. Направление в них пленных, осужденных по Указу от 19 апреля 1943 г., осуществлялось по распоряжению МВД СССР от 30 ноября 1949 г. При этом, в СССР подлежали оставлению 9717 иностранцев, осужденных за «тяжкие военные преступления»[41].

23 марта 1950 г. министром внутренних дел СССР был утвержден список лагерей и спецгоспиталей для содержания осужденных иностранцев, подлежащих оставлению в СССР для отбытия срока наказания. Создавались они на базе прежних лагерей для военнопленных и оставались в ведении ГУПВИ МВД СССР. К середине 1951 г. военные преступники данной категории были сосредоточены в следующих спецлагерях: № 62 – Киев (Дарница), № 284 – Брест (БССР), № 476 – Свердловск, № 270 – Боровичи (Новгородская обл.), № 144 – пос. Брянка (Ворошиловградская обл.), № 280 – Сталино (Донбасс), № 182 – Шахты (Ростовская обл.), № 362 – Сталинград, № 48 – пос. Чернцы (Ивановская обл.), в также в лаготделении № 11 ОПВИ МВД БССР (Минск).

На 1 мая 1955 г. в местах заключения СССР содержались в общей сложности 9774 осужденных германских граждан, в том числе 6462 бывших военнопленных (включая 182 генералов) и 3312 гражданских лиц. Из них, по Указу от 19 апреля 1943 г., к ответственности были привлечены 6462 человека, в том числе 5829 бывших военнопленных и 307 гражданских лиц. Несмотря на то, что осужденные военные преступники-иностранцы приговаривались трибуналами к отбыванию наказания в ИТЛ, соответствующее законодательство, действовавшее на территории

СССР, на них не распространялось. Порядок и режим их содержания регулировались директивными указаниями ГУПВИ МВД СССР, которые закрепляли уже сложившуюся практику. Каких-либо правовых актов, которые узаконили бы положение осужденных военнопленных, так и не было принято.

С того времени, как в лагерях остались только осужденные военные преступники, органам МВД стало все труднее заставлять их работать. Обычным и довольно массовым явлением стал отказ от работы в различных формах. Некоторые заключенные проявляли в этом большое упорство. Так, в апреле 1952 г., осужденный Ф. Рат (Сталинград), только что отбывший наказание в карцере за отказ от работы, при освобождении вновь категорически отказался приступить к ней. При этом, Рат заявил, что он немец и не будет работать для русских. За это он вновь был водворен в карцер на 10 суток строгого ареста[42].

Как и прежде, особо упорных отказчиков лагерная администрация отдавала под суд трибунала, после чего те отправлялись в тюрьму. Осенью 1951 г. к уголовной ответственности за невыход на работу были привлечены 3 заключенных. 24 сентября 1951 года, например, было возбуждено уголовное дело по ст. 58-14 УК РСФСР (саботаж) в отношении осужденного О. Гольвиха, который демонстративно отказался выйти на работу и в присутствии остальных заключенных демонстративно заявил: «Я работать не буду и только потому, что считаю – меня незаконно осудили и неправильно содержат в лагере как военнопленного. Отказом от работы я решил добиться пересмотра своего дела, по которому я сейчас отбываю наказание (по Указу от 19 апреля 1943 года – *А.Е.*)»[43].

С тем, чтобы заставить осужденных работать, применялись и другие средства, особенно в случаях острой необходимости. Бывший вахтер 4-го лагерного отделения Е.Е. Юрепин вспоминает, что однажды, в начале 50-х годов, на набережной Сталинграда осужденные военнопленные отказались разгружать прибывший железнодорожный эшелон, мотивируя это тем, что рабочий день уже закончен. Заключенные принялись за разгрузку только после того, как их бригадир в назидание был избит прикладом автомата.

Сопротивление среди осужденных военных преступников часто принимало открытые формы. Их подпитывали такого рода настроения:

«Меня сильно угнетает то положение, что ничего нельзя предпринять против своей участи. Химики, доставлявшие удушливые газы и японские военные преступники, подготовившие бактериологическую войну, частично получили по 3–5 лет, а нам, которые в действительности не совершали никаких преступлений, дали по 25 лет. Этого положения я не могу понять, оно не укладывается в моей голове»[44].

«Во время войны я слишком гуманно относился к советским гражданам, но после того, как меня осудили на 25 лет, я намерен только мстить Советскому Союзу и всем немцам, исполняющим роль бригадиров… Если я когда-нибудь вернусь в Германию, то всю свою дальнейшую жизнь посвящу борьбе против Советского Союза потому, что я ненавижу коммунизм и советских людей. Я жалею, что во время войны мало расстреливал русских»[45].

21 февраля 1951 г. тайные осведомители сообщили сталинградским чекистам о том, что утром осужденные военнопленные бригады № 6, на объекте кинотеатр «Гвардеец», в кирпичной стене при пробивке продольного углубления для труб парового отопления, обнаружили неразорвавшийся артиллерийский снаряд, вмурованный в стену. В ходе расследования было установлено, что найденный снаряд был

умышленно заложен в стену осужденными военными преступниками Аккерманом, Меркнером и Розе. Таким образом, органами МВД была вскрыта «реакционная фашистская организация», во главе с Г. Беккером, генерал-майором СС – бывшим командиром 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова».

По официальной версии, данная организация (под названием «последний батальон») ставила своей целью осуществление диверсионных актов и организацию вооруженного восстания осужденных военных преступников. Согласно данным органов МВД, Беккер вовлек в свою группировку 17 других заключенных и организовал ряд диверсий. Беккер и трое его ближайших сподвижников были приговорены к расстрелу. Перед казнью Беккер, по воспоминаниям исполнителя приговора начальника Тюрьмы № 1 Сталинграда В.И. Руднянского, просил встречи со Сталиным, в чем ему, по вполне понятным причинам, было отказано.

Осенью 1952 г. в местах содержания осужденных военных преступников прокатилась волна убийств заключенных, тайно или явно сотрудничавших с органами МВД. 30 сентября 1952 г. в спецгоспитале № 5771 (Сталинград) осужденный Г. Баккер хирургическим ножом убил военного преступника Г. Рица. Расследованием было установлено, что погибший Риц в прошлом выступал свидетелем на процессах других военных преступников. Баккер признался, что покончил с ним на почве мести за его обличительные свидетельские показания. Несколько дней спустя в лагерном отделении № 2 осужденный Г. Лисиану самодельным ножом трижды ударил в живот заключенного Э. Ланда, в результате чего тот умер. Как удалось выяснить чекистам, причиной убийства явилось то, что Ланд являлся бригадиром и секретным осведомителем. В ночь с 10 на 11 октября 1952 г. в лагерном отделении № 3 шесть военных преступников во главе с заключенным М. Лайденротом задушили осужденного Р. Шварца. Расправа над ним также была совершена в связи с тем, что убийцы заподозрили его в сотрудничестве с лагерными чекистами. Кроме того, расследование показало, что указанная группа готовила побег, для чего пыталась установить связи с местными жителями[46].

Подробности последнего дела уточнил бывший оперативный работник 3-го лагерного отделения А.П. Емельяненко. В 1952 г. в помещении для посылок был обнаружен труп заключенного, подвешенного за половой орган. При нем была записка: «подарок серому глазу» (так осужденные называли А.П. Емельяненко). В ходе расследования выяснилось, что убитый был заподозрен в тайном сотрудничестве с органами МВД, что и послужило причиной его смерти. В действительности же это оказалось ошибкой, поскольку, как утверждает Емельяненко, никаких заслуг перед оперативной частью у того не было. В ходе расследования был обнаружен подземный тоннель, прорытый заключенными из лагерной зоны с целью совершения побега. По его словам, немцы верили в свое скорое освобождение. Они с презрением говорили: «25 лет – закон русский, туфта, все равно скоро поедем домой». В марте 1953 г. после смерти Сталина заключенные не скрывали своей радости, и, прекратив работу, стали бросать камни в охрану. После ответных мер со стороны охраны начались беспорядки, пришлось даже вызывать войска МВД.

Действительно, в день смерти советского вождя произошло немало эксцессов. Некоторые из них окончились для осужденных военных преступников весьма печально. 6 марта 1953 г. на строительном объекте «Жилой дом» на улице Коммунистической Сталинграда конвойный ефрейтор Аничкин двумя выстрелами из карабина убил осужденного военного преступника Г. Герец-Клоке. На допросе Аничкин показал, что

в тот день, после правительственного сообщения о смерти Сталина он был сильно взволнован. Осужденные военные преступники, которых он охранял, напротив, вели себя весело, а один из них – Герец-Клоке, заявил ему, что «сегодня очень веселый день». Это и послужило причиной убийства. Уголовное дело в отношении ефрейтора Аничкина было прекращено, поскольку следствием было установлено, что тот действовал в состоянии «кратковременного расстройства психической деятельности – патологического аффекта»[47].

Обычным явлением в лагерных отделениях стало появление листовок с призывом к саботажу и даже террористическим действиям[48]. 24 мая 1953 года в уборной, расположенной в зоне 3-го лагерного отделения, была обнаружена и снята анонимная листовка, написанная химическим карандашом, печатным немецким шрифтом на нестандартном листе белой бумаги. По определению лагерных чекистов, листовка призывала осужденных к отказу от пищи и саботажу: «Офицеры, унтер-офицеры и солдаты! Немцы, осужденные против всех народных прав! Если в нашем лагере режим не изменился, так только из-за неорганизованного поведения во время последнего случая объявления голодовки. Научитесь сначала врага ненавидеть и тогда побеждайте его же собственным оружием. При следующем воззвании весь лагерь без исключения объявит общую голодовку на 3–6 дней». [49]

Освобождение от наказания

В условиях постоянно растущего политического давления со стороны западных правительственных кругов и общественного мнения, еще при жизни И.В. Сталина было положено начало пересмотру карательной практики по отношению к германским военнопленным, обвинявшимся в совершении военных преступлений. Репатриация освобожденных от наказания осужденных происходила, при этом, в форме их «выдворения» из СССР. В январе 1950 г. упомянутая выше Центральная межведомственная комиссия, впервые пересмотрела около 15 тыс. приговоров по делам военных преступников из числа военнопленных вермахта. После этого она дала заключение о возможности выдворения за пределы Советского Союза тех из них, которые совершили менее значительные злодеяния или были привлечены к ответственности по формальным признакам. Необходимо отметить, что по отношению к офицерам и «активным руководящим деятелям» СС, СА, полиции, жандармерии и других гитлеровских карательных органов, комиссия по-прежнему придерживалась принципов, изложенных в рассмотренной выше директиве от 29 ноября 1949 г.

Согласно решениям МВК, репатриации «путем выдворения» подверглись 7038 немецких военнопленных, осужденных после 1 ноября 1949 г. по формальным признакам «за принадлежность к рядовому и унтер-офицерскому составу СС и СА, полицейских и охранных частей, за мелкие грабежи на оккупированной территории». Все необходимые формальности для этого были совершены Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

15 апреля 1953 г. Президиум ЦК ВКП(б) поручил возглавляемой министром юстиции СССР межведомственной комиссии пересмотреть приговоры, вынесенные в отношении тех иностранцев, «дальнейшее содержание» которых «под стражей не вызывается необходимостью». С 22 апреля по 12 мая 1953 г. в деятельности комис-

сии приняли участие 45 «ответственных работников» МВД СССР, Министерства юстиции и Прокуратуры СССР, а также 15 «технических работников». Кроме того, для работы в МВК привлекались представители внешнеполитического ведомства. После тщательного изучения материалов архивно-следственных дел военнопленных и интернированных иностранцев, комиссией было намечено к освобождению 4722 нацистских преступника из числа военнопленных и интернированных, содержавшихся в местах заключения на территории СССР[50].

Однако интересы внешней политики Советского государства, а также пожелания лидеров ГДР вызвали насущную необходимость их ревизии, в результате чего далеко не все кандидаты на освобождение оказались на Родине в установленные сроки. После вторичного пересмотра дел на 14430 остававшихся в Советском Союзе военнопленных и интернированных, который осуществлялся по заданию Генерального прокурора СССР и во исполнение постановлений Президиума ЦК КПСС, к 3 ноября 1953 г. в списки на освобождение были включены 2291 военнопленных и интернированных осужденных по Указу от 19 апреля 1943 г. и 130 осужденных по Закону № 10. 122 человека, с учетом тяжести совершенных ими деяний и «отрицательного поведения» в местах заключения, репатриировать не рекомендовалось.

В своей работе МВК руководствовалась, в основном, положениями Советско-Германского коммюнике от 22 августа 1953 г. Последнее предусматривало оставление в местах заключения, как известно, только тех лиц, которые совершили особо тяжкие преступления против мира и человечности. Поэтому для дальнейшего отбывания наказания в местах заключения в СССР были оставлены военные преступники, осужденные за непосредственное участие в расстрелах и истязаниях советских граждан; командиры частей и соединений, личный состав которых совершал на оккупированной территории зверства и злодеяния; начальствующий состав карательных органов вермахта[51].

К досрочному освобождению намечались лица, привлеченные к ответственности без предъявления конкретных обвинений, либо за нанесение материального ущерба государству, общественным организациям или гражданам СССР. Кроме того, учитывались также возраст и физическое состояние заключенных. Поэтому в список на освобождение включались прежде всего престарелые и инвалиды.

Рядом Указов Президиума Верховного Совета СССР (в частности от 23 июля, 1, 9 и 22 августа 1955 г.) большинству из остававшихся в спецлагерях МВД СССР военных преступников наказания были снижены до фактически отбытого срока заключения. 28 сентября 1955 г. Указом «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны» 8877 военнопленных и интернированных были репатриированы в ГДР и ФРГ[52]. 749 немцев были переданы правительствам указанных стран как военные преступники, поскольку Президиум Верховного Совета СССР не счел возможным досрочно освободить их от дальнейшего отбывания наказания ввиду особой тяжести совершенных деяний.

Этому предшествовала кропотливая работа специального аппарата правительственной комиссии по пересмотру дел на иностранных граждан, осужденных советскими судами и отбывающих наказание в местах заключения СССР, которая началась 31 марта 1955 г. Он подразделялся на группы из представителей органов госбезопасности, юстиции и внутренних дел во главе с военными прокурорами. Их общая численность в зависимости от срочности выполняемой работы колебалась от 10 до

80 человек. Материалы, составленные по итогам работы комиссии, предварительно были представлены в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, где они получили одобрение. На их основе были изданы 37 указов Президиума Верховного Совета СССР об освобождении иностранцев от наказания и репатриации их на родину, а также о передаче части осужденных военных преступников в распоряжение соответствующих зарубежных правительств.

Дела в отношении немецких военных преступников, которых насчитывалось свыше 4 тыс., в зависимости от указаний Президиума ЦК КПСС пересматривались по несколько раз. 15 октября 1955 г. группой из пяти военных прокуроров и пяти представителей Министерства юстиции СССР при содействии сотрудников МВД СССР, в течение 10 дней были изучены собранные со всех концов страны 480 дел на гитлеровцев, которые совершили наиболее тяжкие преступления. Некоторые из дел насчитывали до 96 томов. По 60-ти из них были составлены обзорные справки с описанием самых чудовищных злодеяний и подтверждающими их доказательствами. После изучения ГВП 30 наиболее характерных из дел с приложением 100 фотоиллюстраций были направлены руководству Прокуратуры СССР, МВД СССР и КГБ при Совете Министров СССР. Затем эти обличительные материалы были препровождены министру иностранных дел СССР В.М. Молотову. В конечном счете, они поступили основному заказчику – ЦК СЕПГ для использования в пропагандистской борьбе с «реакционными и реваншистскими» кругами ФРГ, в том числе для обоснования мер, применявшихся для преследования военных преступников в СССР[53].

Реабилитация

18 октября 1991 г., российский президент подписал Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее – Закон от 18 октября 1991 г.)[54]. В отличие от предыдущих нормативных актов по вопросам реабилитации, действие указанного Закона наряду с гражданами России и государств – бывших союзных республик СССР, распространено и на немцев, подвергшихся политическим репрессиям на территории СССР по обвинению в военных преступлениях. Проблемы их реабилитации неоднократно обсуждались на самом высоком межгосударственном уровне. 16 декабря 1992 г. Президент России Борис Н. Ельцин и Федеральный канцлер Гельмут Коль в своем совместном заявлении по вопросам пересмотра дел безвинно пострадавших немецких граждан высказались за ускоренное продолжение реабилитационной деятельности. Работа в этом направлении и сейчас проводится весьма активно и контролируется заместителем Генпрокурора РФ – Главным военным прокурором. В последние годы большинство обращений с ходатайствами о реабилитации немецких граждан, осужденных ранее по обвинению в военных преступлениях, поступают через Посольство ФРГ. Около 800 обращений передано в ГВП руководством Социал-демократической партии Германии.

В 1992 г. западногерманский правозащитник А. Дреггер предложил реабилитировать всех осужденных немецких военнопленных, в том числе за зверства и злодеяния на оккупированной территории СССР, одним актом российского президента. Всепрощение и возможные в результате этого требования о возмещении материального и морального вреда для российского государства были признаны неприемле-

мыми. В соответствии с установленным порядком реабилитация как российских, так и иностранных граждан осуществляется строго на индивидуальной основе согласно законодательству Российской Федерации.

С октября 1995 г. в структуре Главной военной прокуратуры функционирует Управление реабилитации российских и иностранных граждан (7-е Управление), организация и деятельность которого регулируется утвержденным Главным военным прокурором положением в редакции от 6 июня 2000 г.[55]. Во исполнение распоряжений Генпрокуратуры РФ от 17 сентября 1992 и 20 апреля 1994 гг. сотрудники Управления проверяют дела в отношении немцев, которые по политическим мотивам были осуждены военными судами при рассмотренных выше обстоятельствах.

Принятие решений о реабилитации лиц, необоснованно осужденных по обвинению в военных преступлениях, а также выдача соответствующих справок осуществляются строго индивидуально, исходя из конкретных материалов архивных уголовных дел. Заявления граждан и организаций с ходатайствами о реабилитации разрешаются в срок до 3-х месяцев. Если после изучения материалов дела принимается положительное решение, то изучивший дело военный прокурор составляет об этом заключение, которое утверждается начальником управления, его заместителем либо начальником соответствующего отдела и подшивается в дело. На имя реабилитированного оформляется справка о реабилитации, которая подписывается кем-либо из трех вышеуказанных должностных лиц и заверяется гербовой печатью ГВП.

Если же принимается решение о невозможности реабилитации заявителя, то дело с заключением об отказе в реабилитации, подписанное Главным военным прокурором, направляется в соответствующий суд для принятия окончательного решения. Суд правомочен согласиться с предложением прокуратуры и отказать заявителю в реабилитации, может не согласиться и реабилитировать его. Решение суда может быть обжаловано в вышестоящем суде либо опротестовано прокурором. В настоящее время наибольшее количество подобных дел рассматривается окружными военными судами и Военной Коллегией Верховного Суда России.

Практика показывает, что за редкими исключениями в силе остаются судебные решения, которые были вынесены на открытых процессах военных судов. Немало виновников злодеяний понесли заслуженное наказание по приговорам, вынесенным в закрытых заседаниях. По заключениям ГВП военными судами еще раз подтверждена законность этих актов, и реабилитация не производится. Так, подобное решение было принято по делу осужденного 14 декабря 1949 г. одним из трибуналов войск МВД СССР к 25 годам ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г., бывшего военнослужащего войск СС Г. Курка, – за участие в расстреле жителей хутора Коромша Минской обл. Доказательствами при этом послужили показания очевидцев, которые опознали обвиняемого[56].

При пересмотре дел осужденных строго соблюдается принцип презумпции невиновности, который в период применения репрессий нередко игнорировался. Поскольку обвинение многих осужденных строилось только на их признательных показаниях (нередко сомнительных и противоречивых), то судебные решения в отношении таких лиц признаются необоснованными, а осужденные – реабилитированными.

К сожалению, анализ современной практики органов военной юстиции показывает, что они допускают досадные ошибки, которые иногда приводят к неблагоприятным последствиям, в том числе международного характера. Так, в мае–июне 1997 г. ГВП и военным судом – войсковая часть 16666 – был признан не подлежа-

щим реабилитации А. Браунштеттер, 26 декабря 1949 г. осужденный к 25 годам ИТЛ по ст. ст. 20 УК УССР (аналог ст. 17 УК РСФСР, трактующей о соучастии) и 1 Указа от 19 апреля 1943 г. трибуналом войск МВД Днепропетровской обл.[57].

Отсутствие «законных оснований» для пересмотра указанного дела, при этом, было усмотрено в том, что тот служил в войсках СС и участвовал в чинимых этими войсками зверствах и насилиях над мирными советскими гражданами, за что был награжден фашистским командованием. Соответствующее определение военного суда было вынесено на основании голословных утверждений процессуальных материалов архивного уголовного дела, небрежно и с грубыми фактическими ошибками. При этом, никаких данных о злодеяниях на оккупированной территории как самого обвиняемого, так и его подразделения по делу установлено не было (в том числе и по запросам ГВП в архивы).

Тем временем заявитель, не стесняясь в выражениях, через различные высокие инстанции настаивал на своей полной реабилитации, особо упирая на то, что главной его целью является «подтверждение дистанцирования современной России от сталинского судопроизводства мести». Наконец, в апреле 1999 г. по новому протесту ГВП, вынесенному с учетом результатов дополнительной проверки, Военной Коллегией все прежние судебные решения в отношении Браунштеттера были отменены, а его дело прекращено за недоказанностью его участия в совершении преступления.

Практика пересмотра дел, возбужденных по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. в отношении иностранцев, за последнее время претерпела существенные изменения. Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 21 января 1998 г. пришел к выводу, что действие Закона от 18 октября 1991 г. на лиц, осужденных с его применением не распространяется, поскольку предусмотренные им деяния к числу государственных или иных преступлений, совершенных по политическим мотивам, прямо не отнесены.

С учетом этого судебные решения по делам данной категории при отсутствии доказательств обвинения опротестовываются не в рамках реабилитационного законодательства, а по обычным нормам уголовно-процессуального права на предмет прекращения дел за отсутствием в действиях осужденных состава уголовного преступления. В тех случаях, когда вина осужденных объективно подтверждается материалами дела и оснований для опротестования приговора не усматривается, составляются заключения об отказе в удовлетворении поступивших ходатайств об их реабилитации.

Поводом для рассмотренных преобразований послужил протест ГВП на определение Военной Коллегии по делу бывшего военнопленного вермахта И. Хайдера, осужденного 20 декабря 1949 г. трибуналом войск МВД Ростовской обл. по ст. ст. 17 УК РСФСР и 1 Указа от 19 апреля 1943 г. к 25 годам ИТЛ за свою службу в дивизии СС «Мертвая голова», которое распространяло на данный случай положения Закона от 18 октября 1991 г.

По мнению Главного военного прокурора, под подразумеваемым этим Законом политическим мотивом следует понимать предъявление обвинения за совершение политических (контрреволюционных, особо опасных государственных) преступлений к противникам существующего государственного или общественного строя, что неприменимо к Хайдеру, осужденному за соучастие в гитлеровских злодеяниях. Кроме того, он сослался на то, что Закон от 18 октября 1991 г. деяния, предусмотренные Указом от 19 апреля 1943 г., под его действие прямо не относит[58].

Эти утверждения, как и постановление Президиума Верховного суда РФ от 21 января 1998 г., представляются спорными. Подтверждением этого может служить вся предшествующая практика применения Указа от 19 апреля 1943 г., в массовом порядке именно по политическим мотивам – по отношению к «реакционно и реваншистски» настроенным военнопленным вермахта, представляющим угрозу как для Советского государства, так и его союзников.

Очевидно, что для реабилитированных российских и иностранных граждан, осужденных по Указу от 19 апреля 1943 г., послужившие к этому правовые основания небезразличны, поскольку они лишаются, тем самым, материальных компенсаций, предусмотренных Законом от 18 октября 1991 г.

К сожалению, формы отчетности по пересмотру указанных дел как в прошлое, так и в настоящее время не отличаются совершенством. Чтобы получить представление об итогах реабилитационной работы хотя бы за отдельно взятый, частный период, автором были просмотрены все заключения по делам, изученным сотрудниками 7-го Управления ГВП за 1995 г. В результате, были выявлены 145 заключений в отношении 207 иностранных граждан, осужденных по Указу от 19 апреля 1943 г. Как оказалось, по 96 из них (в отношении 118 человек) были вынесены решения о реабилитации, а 89 осужденным (49 заключений) в реабилитации было отказано.

В последние годы, вследствие изменившихся подходов к реабилитационной практике, процент дел указанной категории, по которым судебные приговоры либо решения внесудебных органов после изучения прокурорскими работниками 7-го Управления были оставлены в силе, значительно возрос. Подавляющему большинству лиц, привлеченных к ответственности по Указу от 19 апреля 1943 г., ныне в реабилитации отказывается.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 172. Л. 239.

[2] Там же. Д. 236. Л. 195–196.

[3] Центральный архив (ЦА) ФСБ. Уголовное дело № Н-19094. Т. 22. Л. 107. Протокол опознания обвиняемого Ф. Хаббе свидетельницей М.А. Алексеевой от 21 сентября 1947 г.

[4] Архив Главной военной прокуратуры. Дело № 271 с докладами, отчетами и справками о работе военной прокуратуры войск МВД СССР за 1946 год. Л. 66. Отчет о работе 4-го отдела военной прокуратуры войск МВД СССР по делам военных преступников за 1946 год.

[5] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 214. Л. 103–104. Стенограмма совещания республиканских министров внутренних дел и начальников краевых и областных Управлений МВД, состоявшегося 20–22 марта 1946 г. в МВД СССР в Москве.

[6] Там же. Д. 192. Л. 80–85. Ориентировка заместителя министра внутренних дел СССР В.В. Чернышева № 230 от 20 сентября 1946 г.

[7] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 120–128.

[8] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 192. Л. 45. Директива МВД СССР № 195 «О тщательной проверке в лагерях МВД освобождающихся и направляющихся на Родину военнопленных» от 1 августа 1948 г.

[9] Там же. Оп. 12. Д. 258. Л. 77–91.

[10] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 340. Л. 171. Приложение № 1 к приказу МВД СССР № 00201 «О репатриации немецких военнопленных» от 22 марта 1950 г.

[11] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 333. Л. 45–46. Распоряжение МВД СССР № 413 от 23 июня 1949 г.

[12] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 12. Д. 370. Л. 107. Докладная записка по цензурированию личной переписки военнопленных за июнь–июль 1949 г. по лагерю МВД № 108.

[13] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 361. Л. 127–128. Докладная записка «О состоянии и результатах агентурно-оперативной и следственной работы среди военнопленных, содержащихся в лагере МВД № 108 за 3-й квартал 1949 г.»

[14] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 335. Л. 7–11. Распоряжение МВД СССР № 382 «С объявлением временного положения об оперативно-следственных группах по делам о военных преступниках из числа военнопленных» от 14 июня 1949 г.

[15] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1/п. Оп. 37/а. Д. 1. Л. 222–224.

[16] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 336. С. 152. Распоряжение МВД СССР № 743 от 28 ноября 1949 г.

[17] Л. 8.

[18] Архив ГВП. Дело № 296 с докладами, отчетами и справками о работе военной прокуратуры войск МВД СССР за 1950 г. Л. 110. Докладная записка о работе военной прокуратуры войск МВД СССР по делам о преступлениях военнопленных бывших вражеских армий и граждан иностранных государств за 2-е полугодие 1949 г.

[19] Там же. Л. 165. Архив Военной коллегии Верховного Суда (ВК ВС) РФ. Оп. 34. П. 26. Д.

[20] Архив ГВП. Дело 296 с докладами, отчетами и справками о работе военной прокуратуры войск МВД СССР за 1950 год. Л. 179. Докладная записка о работе военной прокуратуры войск МВД СССР по делам о преступлениях военнопленных бывших вражеских армий и граждан иностранных государств за 2-е полугодие 1949 г.

[21] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 340. Л. 170–172. Приказ МВД СССР № 00201 «О репатриации немецких военнопленных» от 22 марта 1950 г.

[22] *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. – М., 1998 С. 68.

[23] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 447. Л. 164.

[24] Подробнее см.: *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Волгоград, 1997. С. 39–41.

[25] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 255. Л. 203. Директива министров внутренних дел, юстиции и прокурора СССР № 739/18/15/311сс от 24 ноября 1947 г.

[26] Первоначально, после рассмотрения материалов на 41594 пленных, решение о предании суду было принято лишь в отношении 6963 из них, т. е. 16,9 % (см.: Архив ГВП. Дело № 296 с докладами, отчетами и справками о работе военной прокуратуры войск МВД СССР за 1950 г. Л. 165. Докладная записка о работе военной прокуратуры войск МВД СССР по делам о преступлениях военнопленных бывших вражеских армий и граждан иностранных государств за 2-е полугодие 1949 г.).

[27] Дополнительно было принято решение о предании суду еще 12131 военнопленного. При этом МВК было рассмотрено 2 тыс. новых обличительных материалов (см.: Там же).

[28] Центральный архив (ЦА) ФСБ РФ. Уголовное дело № Н-19094. Т. 52. Л. 108. Речь адвоката Н.Н. Канан по подсудимому К. Лантревиц.

[29] Архив ВК ВС РФ. Оп. 12. П. 5. Д. 11. Л. 41.

[30] Архив ГВП. Дело № 271 с докладами, отчетами и справками о работе военной прокуратуры войск МВД СССР за 1946 г. Л. 66. Отчет о работе 4-го отдела военной прокуратуры войск МВД СССР по делам военных преступников за 1946 г.

[31] См.: Центральный Архив МВД РФ. Из материалов уголовного дела № В-8846.

[32] *Глебов Б.* Военные преступники перед советским судом. // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 55.

[33] Согласно ст. 3 Указа от 19 апреля 1943 г. смертную казнь через повешение могли применять только военно-полевые суды. После того, как 24 мая 1944 г. право применения ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. было предоставлено военным трибуналам, смертную казнь через повешение по этим делам им предписывалось заменять расстрелом.

[34] Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) М., 1956 – С. 397.

[35] Архив ВК ВС РФ. Из материалов надзорного производства № 1–00351р/52 по делу Штольце Э. Л. 2–3, 17.

[36] Согласно ст. 2 Указа от 19 апреля 1943 г. каторжные работы применялись только к пособникам военных преступников из числа местного населения.

[37] См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 215. Л. 63.

[38] См.: *Erwin Peter.* Von Workuta bis Astrahan. – Graz-Stuttgart, 1998. С. 83–89.

[39] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 255. Л. 189. Распоряжение МВД СССР № 731 «О направлении всех осужденных военнопленных и интернированных по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Воркутлаг МВД» от 21 ноября 1947 г.

[40] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 315. Л. 18–19.

[41] Правда. 1950. 5 мая.

[42] РГВА. Ф. 47/п. Оп. 15. Д. 5. Л. 119. Приказ начальника 1-го лагерного отделения ОПВИ УМВД по Сталинградской обл. № 54 «О наложении дисциплинарного взыскания на осужденного военного преступника Рат Ф.К.» от 15 апреля 1952 г.

[43] См.: Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 144–152. Докладная записка об итогах агентурно-оперативной работы в 1-м лагерном отделении ОПВИ УМВД по Сталинградской обл.

[44] Там же. Оп. 1. Д. 17. Л. 166. Докладная записка «Об итогах агентурно-оперативной работы в спецгоспитале № 5771 УМВД по Сталинградской обл. за 3-й квартал 1951 г.»

[45] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 139–152. Докладная записка об агентурно-оперативной работе среди осужденных военнопленных, содержащихся в лагерных отделениях ОПВИ УМВД по Сталинградской обл. за 3-й квартал 1951 г.

[46] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 497. Л. 292. Ориентировка заместителя министра внутренних дел СССР И.С. Серова № 1549 от 22 декабря 1952 г.

[47] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Из материалов уголовного дела № 955-РО по обвинению Аничкина И.С. Л. 41.

[48] Архив ИЦ УВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 60. Справка «Об агентурно-оперативной работе, проделанной в лагерных отделениях ОПВИ УМВД по Сталинградской обл. по состоянию на 2-й квартал 1951 г.»

[49] *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. – М., 1998 – С. 67.

[50] Архив ГВП. Дело № 331. Том 1. с докладами, отчетами и справками о работе военных прокуратур войск МВД/МГБ СССР за 1953 год. Л. 175. Отчет Межведомственной комиссии по рассмотрению дел на осужденных военнопленных и интернированных Генеральному прокурору СССР Г.Н. Сафонову от 9 мая 1953 года.

[51] Архив ГВП. Дело № 332 с докладами, информациями и представлениями военной прокуратуры войск МГБ/МВД СССР за 1953 год. Л. 286–287. Сообщение в Генеральную прокуратуру СССР об окончании работы комиссии по пересмотру дел на осужденных военнопленных германских граждан от 3 ноября 1953 года.

[52] См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). – М., 1956. С. 411.

[53] Архив ГВП. Дело № 343 с обзорами и справками о борьбе с государственными преступлениями за 1955 год. Л. 236–238. Докладная записка главному военному прокурору Е.И. Варскому о результатах работы военных прокуроров в правительственной комиссии по пересмотру дел на иностранных граждан, осужденных советскими судами и отбывающих наказание в СССР, от 2 ноября 1955 года.

[54] Там же. С. 114–130.

[55] Оригинал документа хранится в организационно-методическом отделе Главной военной прокуратуры.

[56] Архив ГВП. Надзорное производство № 2045–95 по делу Г. Курк. Заключение об отказе в реабилитации.

[57] Центральный Архив МВД РФ. Из материалов уголовного дела № В-13233.

[58] Переписка и официальные документы по делу Хайдера хранятся в канцелярии 7-го управления ГВП.

Зоя Водопьянова

«ДОСРОЧНО ОСВОБОДИТЬ И РЕПАТРИИРОВАТЬ…». ЦК КПСС о репатриации немецких военнопленных после смерти Сталина

После окончания Второй мировой войны в Советском Союзе для немецких военнопленных было организовано около 2500 лагерей, в которых, по данным различных исследователей, содержалось от 2,7 до 3,5 млн. солдат, офицеров и генералов немецкой армии[1]. Вопрос о репатриации военнопленных встал сразу же после окончания войны. Не отказавшись от труда военнопленных для восстановления народного хозяйства страны, советское правительство должно было решить – какие категории военнопленных оно отпускает, какие нет. Отпускались больные и немощные, отправлялись в СССР здоровые, способные к труду люди. Освобождение не касалось эсэсовцев и военных преступников. Практика возвращения на родину больных и немощных сохранилась и дальше. Решение вопроса о репатриации военнопленных постоянно увязывалось с международным положением СССР, с его внутриэкономическими проблемами.

Исследование проблем немецких военнопленных в СССР и в Германии началось в 50-х годах. Однако в СССР эта тема освещалась лишь с точки зрения участия немецких военнопленных в антифашистском движении, т. е. создание национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» и анализа их деятельности[2]. В этом же направлении работали и историки ГДР. Западногерманские ученые подходили к исследованию проблемы военнопленных с иных позиций. Анализ положения военнопленных в СССР они увязывали с действиями Кремля на международной арене[3]. В таком же диаметрально противоположном направлении в подходе к проблеме осуществлялась и публикация источников[4].

В советской историографии свободное от идеологических наслоений, объективное исследование проблемы началось в начале 1990-х годов. Этому, прежде всего, способствовало открытие российских архивов и введение в научный оборот новых комплексов источников из Государственного архива Российской Федерации, Российского архива документальных коллекций (ныне Российский Государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ), Архива внешней политики России[5]. На основе анализа новых комплексов источников появляются статьи и монографии Галицкого, Конасова, Решина и др.[6], проводятся международные конференции[7], пишутся мемуары[8].

В 1990-х годах происходит переосмысление взглядов не только на проблему военнопленных, но и на историю советского государства, его международной политики. Особое внимание уделяется анализу взаимоотношения государств, в период «холодной войны»[9], развиваются новые методы подхода к источникам.

В настоящей статье на основе анализа вновь выявленных комплексов партийных документов, предпринята попытка показать, как решался вопрос о судьбах иностранных военнопленных, в том числе солдат и офицеров вермахта, на высшем партий-

ном уровне, показать влияние процесса демократизации советского общества на решение вопроса о репатриации немецких военнопленных. Для освещения темы используются следующие группы источников, отложившиеся в деятельности ЦК КПСС: 1) протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС и их черновые записи; 2) документы Международного и Общего отделов ЦК КПСС; 3) письма военнопленных немецких генералов Вернера-Кристофа Ранка, Ганса-Петера Германа, В.-Р. Окснера, Г.-Г. Ленгенфельда и Г. Бауэра в ЦК КПСС. Анализ постановлений ЦК КПСС показывает, что самый насыщенный по обращениям к этой проблеме период – 1955 год. Исследуется определенный хронологический период: время после смерти Сталина (март 1953 г.) до времени завершения репатриации немецких военнопленных (январь 1956 г.).

Решение вопроса освобождения военнопленных прошло следующие этапы:

март–июнь 1953 г. Период подготовки к массовому освобождению и репатриации иностранных военнопленных.

июль 1953 г. – июнь 1955 г. Начало массового освобождения и репатриации немецких военнопленных.

июль 1955 г. – январь 1956 г. Заключительный этап освобождения и репатриации немецких военнопленных.

«Уже не представляют опасности для Советского государства». Март–июнь 1953 г.

Болезнь и смерть И.В. Сталина явились большим потрясением для советского общества. Сводки писем, поступивших в этот период в ЦК КПСС, показывают как остро, в основной своей массе, восприняли смерть лидера трудящиеся СССР, многочисленны их предложения по перечислению средств на строительство саркофага, по сохранению и захоронению тела вождя, по возведению Пантеона для захоронения вождей Советского Союза. Так, Сергей Королев, будущий конструктор космических кораблей, предлагал при строительстве Пантеона использовать изобретенный учеными легкий металл[10]. Если народ испытывал чувства растерянности и страха перед будущим, то наверху шел процесс дележа постов и власти.

Лаврентий Берия, получив должность первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел, развил кипучую деятельность по всем направлениям. Сотрудник МВД Людвигов, позднее проходивший по делу Берия, на допросе утверждал: «В погоне за большей популярностью и в стремлении нажить себе политический капитал, Берия стремился влезть в любые вопросы политической и государственной жизни страны и всюду показать свою особую роль в решении многих вопросов. При этом представленные МВД записки в Президиум ЦК по конкретным вопросам, он часто сопровождал требованием обязательно рассылать его записки вместе с решениями ЦК секретарям ЦК республик…». Это утверждение поддержал и проходивший по тому же делу Г.А. Ордынцев:[11] «…После марта 1953 г. Берия развил активную деятельность по подготовке и внесению в Правительство различных проектов, направленных на реформу существовавших до марта 1953 г. порядков. Он лихорадочно искал различные вопросы для того, чтобы внести в правительство».

Марш немецких военнопленных в Москве 17 июля 1944 года

Действительно, Л. Берия, с марта по июнь многое успел. Его усилия, прежде всего, были направлены на повышение значения государственного аппарата. Первое, с чего он предложил начать Правительству, было приостановление «дела врачей».

17 марта 1953 г. начался пересмотр обвинений, который был завершен 3 апреля 1953 г. принятием на заседании Президиума ЦК КПСС постановления о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей в количестве 37 человек[12]. В этот же день на Президиуме рассматривался вопрос и о пересмотре дела Соломона Михоэлса. 10 апреля 1953 года было предложено реорганизовать органы МГБ СССР и привлечь сотрудников этих органов к ответственности за фабрикацию «дела врачей» и «мингрельского дела».

Изменения в партийной политике произошли настолько быстро, что в ЦК КПСС еще продолжали поступать письма с откликами на статью «Подлый шпион и убийца под маской профессоров-врачей»[13], опубликованную в газете «Правда». Авторы писем осуждали врачей и требовали их расстрела. Все еще шли информации из учреждений и общественных организаций о поиске в учреждениях неблагонадежных лиц.

В связи с этим показательным является письмо руководителей Союза советских писателей Александра Фадеева, Андрея Суркова и Константина Симонова Никите Хрущеву о мерах секретариата организации по освобождению писательской организации «от балласта» (т. е., от евреев)[14].

Продолжением дела освобождения врачей явилась записка, поданная Берия в Президиум ЦК КПСС 29 марта 1953 г., в которой говорилось, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2.526.402 человека, из них всего 221.435 человек являются особо опасными государственными преступниками, остальные уже не представляют опасности для государства. Берия предлагал принять Указ ВС СССР «Об амнистии»[15]. 27 марта 1953 года такой Указ был принят. Указом предусматривалось освобождение из мест заключения осужденных на срок более пять лет. 6 апреля 1953 г. был определен порядок рассмотрения и утверждения в Президиуме Верховного Совета СССР ходатайств о помиловании осужденных.

В середине апреля 1953 г. очередь дошла и до военнопленных и интернированных, находившихся в советских лагерях, на территории как СССР, так и стран народной демократии. Советское правительство, ранее отпускавшее иностранных граждан в индивидуальном порядке[16], должно было принципиально решить вопрос о военнопленных. Решения этого вопроса добивались как специальная Комиссия по делам военнопленных ООН, образованная в декабре 1950 г., так и государства, чьи граждане находились в плену: Германия, Италия, Япония и др. Следует, правда, отметить, что под «Германией», прежде всего, необходимо иметь в виду ФРГ. У правительства ГДР было неоднозначное отношение к немецким военнопленным. С одной стороны, их возвращения требовало население республики, и поэтому нельзя было отставать в своих усилиях по разрешению этого вопроса от правительства ФРГ. Кроме того, ГДР нуждалась в рабочих руках, т. к. бегство из республики было велико. С другой стороны, СЕПГ боялась возвращения в республику большого количества «социально-опасных лиц», способных оказать негативное влияние на население ГДР. Отсюда и просьбы со стороны правительства ГДР решать вопрос в индивидуальном порядке. После смерти Сталина перед Советским правительством встал вопрос коренного решения судьбы военнопленных.

Спустя две недели после рассмотрения вопроса об амнистии 14 апреля 1953 г. в ЦК КПСС поступает новая записка, подписанная министром внутренних дел Берией. Однако на этот раз он выступил в соавторстве с министром иностранных дел Вячеславом Молотовым[17]. В ней сообщалось, что в местах заключения, находящихся на территории СССР, содержится 32.465 иностранцев, осужденных советскими судами, в т. ч. 19.048 бывших военнопленных и интернированных. Кроме того, из них 11.814 человек осуждены военными трибуналами Советской Армии за границей и содержатся в местах заключения в ГДР, Венгрии и Австрии. Указывалось, что на 2.219 человек распространяется Указ Президиума ВС СССР «Об амнистии». В записке предлагалось для определения дальнейшей судьбы иностранных заключенных создать комиссию из Горшенина, Софонова, Круглова, Федотова и Долгих. На следующий день на заседании Президиума ЦК КПСС эта записка была рассмотрена и постановление ЦК единогласно утверждено[18].

Обратиться к решению вопроса о судьбе военнопленных заставляла советское руководство и международная обстановка. 25 апреля 1953 г. в сопровождении редакционной статьи в газете «Правда» была напечатана знаменитая речь президента США Д. Эйзенхауэра, посвященная анализу международной деятельности Совет-

ского Союза. В ней он отмечал, что показателем искренности поступков Советского Союза могло бы служить «освобождение им тысячи военнопленных, все еще задерживаемых после Второй мировой войны…». В редакционной статье, главным образом, касавшейся развития атомной промышленности, вопрос о военнопленных обойден молчанием. Однако точка зрения бывших союзников по антигитлеровской коалиции прозвучала достаточно громко. Наличие военнопленных снижало «образ» Советского Союза в глазах мировой общественности. Проблему необходимо было решать.

К этому времени закончила свою деятельность и образованная ЦК Комиссия по пересмотру следственных дел военнопленных. 20 мая 1953 г. она доложила о проделанной работе[19]. Были пересмотрены приговоры в отношении 41.551 иностранца, в том числе 18.393 военнопленных, осужденных советскими судами к лишению свободы. Комиссия признала, что 16.547 военнопленных и интернированных лиц подлежали освобождению и возвращению на родину. Среди них были люди разных национальностей. Указывалось, что в лагерях находилось: на территории СССР – 10.396 чел., ГДР и Австрии – 6.151 чел., в них содержались: немцы – 12.703 чел., венгры – 1.398 чел., австрийцы – 606 чел., японцы – 564 чел. и др. К досрочному освобождению Комиссией намечались 13 генералов, 3.037 офицеров и 2.673 унтер-офицеров и рядовых. Осужденные за насильственный угон советских граждан в Германию, ограбление мирного населения, уничтожение имущества, сбор сведений о советских войсках и о настроении населения, создании небольших подпольных групп для борьбы с Советской Армией – эти люди уже не представляли опасности для Советского государства. В записке были особо выделены причины, по которым Комиссия нашла возможным, освободить военнопленных генералов: преклонный возраст, характер преступления и служба на нестроевых должностях. Посчитали невозможным освобождение 25.080 осужденных иностранцев, в том числе 228 генералов, 3.255 офицеров и 7.956 унтер-офицеров и солдат, как совершивших тяжкие преступления во время войны и отбывавших наказание в лагерях МВД СССР, в лагерях для военнопленных в СССР, в местах заключения ГДР и Австрии. На подлежащих досрочному освобождению военнопленных Комиссией были составлены списки, которые были переданы в Верховный суд СССР, для последующего оформления досрочного освобождения. Следует указать, что военнопленные репатриировались на ту территорию, где ранее проживали они или их родственники. К отправке репатриантов уже все было готово, когда 16 июня 1953 года в Берлине вспыхнуло восстание[20]. Дело в том, что, провозгласив на II партконференции курс на построение основ социализма в ГДР, руководство СЕПГ не учло ни менталитета немецкого народа, ни близости открытых с Западным Берлином границ, ни собственные силы. Восстание было подавлено с помощью советских танков. Процесс репатриации, не начавшись, был приостановлен.

Можно себе представить удивление руководства ГДР, когда 26 июня 1953 г. оно получило Памятную записку Правительства СССР о досрочном освобождении немецких военнопленных[21]. В записке извещалось, что «в соответствии с Указом Президиума ВС СССР “Об амнистии” от 27 марта 1953 г. … досрочно освобождаются и подлежат возвращению в Германию 6994» человека. Указывалось, что передачу германских граждан «компетентные советские органы готовы начать с 1 июля с. г.» и только ждут сообщения о фамилии уполномоченного германского представителя, который будет осуществлять их прием. Пока ждали ответа от руководителей ГДР,

в Москве 26 июня на заседании Президиума ЦК КПСС был арестован Берия. Процесс репатриации был остановлен. В Москве были заняты уничтожением главного претендента на власть. На состоявшемся Пленуме ЦК КПСС (2–7 июля 1953 г.) подверглись разгромной критике все направления деятельности Л.П. Берии[22]. Его бывшие соратники стремились свалить на него все свои ошибки и просчеты. Характеризуя политику Берии по отношению к ГДР, Молотов позже скажет: «Мы наделали некоторые ошибки. Шатания по германскому вопросу»[23]. Микоян произнесет фразу, которая, хотя и относится к вопросу об отношении с Югославией, на наш взгляд, определяет взаимоотношения соратников Сталина в Президиуме ЦК КПСС: «Убрать Берия, значит подставить других»[24]. Все состоявшиеся впоследствии выяснения отношений между старыми членами Президиума ЦК КПСС начинались с определения степени их приближенности к Берии. Как уже было отмечено выше, все его начинания были пересмотрены, кроме решения вопроса о репатриации иностранных военнопленных.

«За исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления». Июль 1953 – июнь 1955 г.

21 июля 1953 г. Президиум ЦК КПСС поручил Молотову, Горшенину и Круглову подготовить постановление СМ СССР о репатриации иностранных военнопленных. В представленном проекте постановления предполагалось отпустить 5618 человек австрийцев, венгров, румын, голландцев и др. В отношении немцев была занята более жесткая, чем в июне, позиция. По Указу Президиума ВС СССР «Об амнистии» освобождалось лишь 400 немецких граждан[25]. При повторном пересмотре дел оказалось, что «досрочное освобождение и репатриация этой категории лиц, представляется нецелесообразным». Разработчики проекта постановления, таким образом, постарались войти в тяжелое внутриполитическое положение ГДР. Однако проект не был принят. Было рекомендовано его переработать в соответствии с мнениями, высказанными членами Президиума и учетом международного резонанса.

24 июля 1953 г., в соответствии с постановлением СМ СССР от 6 июня 1953 г., вышел приказ министра внутренних дел СССР № 00576 о разрешении переписки с родственниками бывших военнопленных и интернированных иностранных граждан, осужденных трибуналами Советской Армии за границей, а также о порядке получения ими посылок и денежных переводов от родственников[26]. К приказу прилагалась инструкция, регламентирующая порядок переписки и получения денежных переводов и посылок[27]. Приказ и инструкция не распространялись на осужденных, не являющихся бывшими военнопленными, а также на иностранных граждан, осужденных военными трибуналами или судами на территории СССР.

Переписываться было разрешено только со своими прямыми родственниками, которые были указаны в личном деле осужденного. Писать надо было на специально разработанных бланках почтовых карточек один раз в месяц. Для переписки военнопленных из Европы устанавливался один почтовый адрес: «СССР, г. Москва, почтовый ящик № 5110», для корейцев, китайцев, японцев и др. «СССР, г. Хабаровск, почтовый ящик № 5120». В целях ускорения прохождения корреспонденции для каждого места заключения устанавливался условный номер, который через дробь

Барак лагеря военнопленных № 286

Немец Ганс Бауманн и итальянец Мартини Маресильер во время взятия в плен в Сталинграде в 1942 году

Войкова, лагерь № 48. Ивановская обл., 11/IX-1955 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ГЕРМАНСКОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ.
г.Москва.

Мы не являемся убийцами, преступниками, уголовными субъектами, мы не являемся "отбросами человеческого общества", как об этом констатировал БУЛГАНИН на заседании 10/IX-1955 года.
Мы-военнопленные генералы, адмиралы, офицеры, унтерофицеры и солдаты, которые во время войны с честью выполняли, как и солдаты любого другого государства, свой солдатский долг, защищая свой народ и свое отечество.
И только здесь спустя пять лет после войны большинству из нас Советской Юстицией было поставлено клеймо преступников, причем методы работы этой юстиции я набросаю на своем личном примере. С тех пор томимся мы в тюрьмах, нас заставляют в принудительном порядке работать. Все это происходит вот уже 11-й год после капитуляции. После долгих голодных годов мы питаемся теперь с помощью родины. Мы находимся под действием пропаганды государства, мировоззрение которого большинство из нас не разделяет. Возможность жить собственной культурной жизнью исключена ввиду того, что культурные связи с западной частью нашей родины полностью отрезаны. Нас считают дикими людьми. В прежние годы с помощью принуждения, а теперь со скрытыми угрозами из нас выжимали и выжимают сок, как из лимонов.
Старикам и неизлечимо больным не давали возможность умереть на родине. А это было разрешено даже "главным военным преступникам", находящимся в Шпандау.
Только 120 немецких генералов, фамилии которых известны, умерли в советском плену. Мы живем, ощущая произвол юстиции, ибо с начала кампании по осуждению военнопленных нас не ознакомили с законными положениями, дающими

Советская редакция первой и последней страницы письма Вернера Кристофа Ранка из лагеря № 48 в Бойково (Ивановская область), написанного 12 сентября 1955 года и адресованного правительственной делегации ФРГ. (Архив ЦК КПСС)

Крест от 1.IX.1955 года. Уже начальник лагеря пытался его задержать. Очевидно оно висит в МВД Ивановской области. Вполне определенно, что оно не пойдет дальше соответствующего работника МВД СССР. Возможно, что письмо привемлилось в прокуратуре, но Советский Красный Крест определенно не получит это письмо!
Где мое письмо с ходатайством о пересмотре приговора, написанное на 120 страницах, которое я 15.VI.1953 года направил в ЦК КПСС? Никто якобы об этом не знает, никто не сообщил подтверждения о поступлении письма адресату.
От ответа на устные вопросы все уклоняются - "горячее железо"!
Кого моей аргументацией не переубедишь, тот должен идти в принудительные рабочие лагери, в которых задерживаются немецкие военнопленные. Он будет говорить с вами, конечно без надсмотра МВД, иначе он будет бояться открыто говорить. Вы видите, так фабрикуются убийцы, преступники, уголовные субъекты, "отброс человечества". Меня не хотят считать больше нормальным, ибо и это находится в пределах возможного: заставить меня замолчать. Я ненормальный потому, что являюсь одним из немногих, которые из плена осмеливаются называть вещи своими именами.
Я прошу использовать это заявление во время переговоров по вопросу о репатриации немецких военнопленных.
Я не имею против, если это заявление будет использовано для ориентировки общественности. Общественность узнает, что в действительности есть еще военнопленные в Советском Союзе.

РАНК Вернер Кристоф.
Генерал-лейтенант бывшей германской армии.

Перевел: лейтенант:- (СИГАЛОВ)
12.IX.1955 года.

добавлялся к номеру почтового ящика. Так, например, если военнопленный сидел в лагере № 48 с. Чернцы Ивановской области, его адрес выглядел так: «Москва, почтовый ящик 5110/48». Вся корреспонденция подвергалась цензуре. В письмах нельзя было сообщать сведений о лагере или тюрьме, об условиях содержания в них заключенных, о характере выполняемой ими работы, о содержащихся в лагере других заключенных, о лицах лагерной администрации, о содержании приговора и сроке наказания. Нельзя было просить родственников ходатайствовать об освобождении, употреблять в письмах слова: «военнопленный», «интернированный», «осужденный», «заключенный», «тюрьма». Была разработана целая система проверки корреспонденции. Если подвергшаяся цензуре открытка отвечала всем требованиям инструкции, то на ней ставился штамп, и она направлялась на Московский почтамт, затем передавалась в 6-ой спецотдел МВД для проверки, после чего возвращалась на почтамт и отправлялась по назначению. Если корреспонденция содержала нежелательные сведения она конфисковывалась и передавалась в Тюремное управление МВД СССР, для проведения «соответствующих оперативных мероприятий». Так же до тонкости были прописаны в инструкции правила получения денежных переводов и посылок. В последние запрещено было вкладывать письма, записки, книги, газеты, журналы и др. Всю печатную продукцию необходимо было конфисковать и направить в 3-й отдел Тюремного управления МВД, с указанием, из чьей посылки она изъята, откуда поступила и кто отправитель. Лагерное начальство должно была ежемесячно посылать отчет о работе по проверке и вручению посылок, количестве и сумме денежных переводов, полученных и отправленных писем.

Несмотря на, казалось бы, полнейший учет и контроль со стороны МВД СССР за администрацией лагерей и тюрем, инструкция содержала положения, которые давали возможность местной администрации совсем лишать военнопленных писем, денежных переводов, посылок или присваивать их частично. Так, 15 сентября 1954 г. в ЦК КПСС поступила жалоба от заключенного Матиса Карла Эриха, в которой он сообщал, что начальник 1-ого лагерного отделения лагеря № 476 г. Свердловска «способен расхищать посылки военнопленных, а также присваивать себе деньги, заработанные военнопленными». На основе анализа поведения начальника лагерного отделения заключенный делает глобальные выводы о Советском Союзе и его месте в мире:

«Эти преступления, совершенные советским офицером, ни в коей мере не способствуют направлению военнопленных на правильный путь и искоренению в них фашизма. Этот гражданин… ведет этим лучшую антисоветскую пропаганду в пользу западных держав… Я убежден, что он делает это с согласия Советского правительства и Коммунистической партии… Внешне, КПСС – партия рабочих, а в действительности имеет целью – поработить человечество, т. к. если бы это было не так, то давно уж бы (его) убрали и наказали».

Повествуя о своей незавидной доле, Матис говорит об отсутствии ненависти к Советскому Союзу и указывает на причины, побудившие взяться за перо: «Можете мне смело поверить, что я все писал это не из ненависти к Советскому Союзу. Нет, а только потому, чтобы вы смогли увидеть, как далеко зашло дело с придирками в отношении нас, военнопленных, со стороны руководства лагеря, а именно, что мы искусственно продолжаем свою жизнь». Однако Матис не только жалуется на местное начальство, он открывает свое сокровенное желание: «Поставьте меня перед Международным судом и докажите мою виновность. То, что СССР никогда этого не

сделает, мне ясно, ибо мы, военнопленные, не совершили никаких преступлений, а поэтому их невозможно доказать. Лучше было бы, если Советский Союз показал свое настоящее лицо и освободил нас от этой жалкой жизни посредством пули». Жалоба Матиса была рассмотрена начальником Управления МВД Свердловской области. В записке начальника Тюремного отдела МВД СССР в ЦК КПСС указывалось, что «изложенные в письме факты не подтвердились». Несмотря на факты злоупотреблений со стороны администрации лагерей, разрешение переписки, посылок и денежных переводов, значительно облегчили положение заключенных. В этот же период СМ СССР было принято постановление, по которому всех немцев, отбывавших наказание в лагерях ГУЛАГа, переводили в образованные для иностранных военнопленных режимные лагеря[28].

20 августа по приглашению Советского Правительства в Москву прибыла правительственная делегация ГДР. В результате переговоров было отменено взимание репараций с ГДР, передано в ее собственность 33 промышленных предприятий, сокращены размеры расходов ГДР, связанных с содержанием советских войск на ее территории. (Оккупационные расходы составляли 5 % государственных доходов. На переговорах был поднят вопрос о находящихся в СССР немецких военнопленных. В основу переговоров лег проект постановления, доработанный Молотовым, в котором предусматривалось возвращение на родину 5.380 немецких военнопленных, из которых 4.000 человек являлись гражданами ФРГ[29]. По мнению Молотова, в итоговом коммюнике о переговорах не должно было быть цифр. Коммюнике должно было содержать лишь указание на то, что инициатива в деле освобождения военнопленных принадлежит ГДР и что СССР готов удовлетворить просьбу немецкой делегации.

Время начала репатриации 6 сентября 1953 г., Молотов связывал со временем завершения выборов в западногерманский Бундестаг и надеждой советской стороны на отставку Конрада Аденауэра[30]. В окончательном варианте коммюнике между правительствами СССР и ГДР, опубликованном в газете «Правда» от 23 августа 1953 г., говорилось, что Советским Союзом будут отпущены все пленные, осужденные советским судом, за исключением «лиц, совершивших особо тяжкие преступления против мира и человечности».

Комментируя решение Советского правительства, премьер-министр ГДР Отто Гротеволь, на заседании Народной Палаты ГДР 25 августа 1953 г., скажет, что делегация ГДР вышла с инициативой об освобождении немецких военнопленных из-за желания прекратить «безудержную пропаганду Запада против Советского Союза», прекрасно сознавая, что удерживаемые СССР люди являлись активными проводниками бесчеловечной гитлеровской политики[31]. В заявлении Народной Палаты ГДР 26 августа 1953 г. отмечено, что заключенное в Москве соглашение об освобождении немецких военнопленных от дальнейшего отбытия наказаний, имеет общегерманское значение[32]. В заявлении делался намек, что если большинство избирателей ФРГ проголосуют на выборах 6 сентября 1953 г. против Аденауэра, то и их военнопленные тоже могут быть освобождены[33].

Осенью 1953 г. в Германию было отправлено 5.374 немецких военнопленных, в том числе 11 генералов, освобожденных от дальнейшего наказания, из них 4.057 человек были переданы властям ФРГ. В сообщении отдела печати МВД ГДР, опубликованном в газете «Нойес Дойчланд» 13 октября 1953 г. констатируется, что «принятые от советских властей амнистированные бывшие немецкие военноплен-

ные находились в весьма хорошем физическом состоянии». Подчеркивалось, что труд репатриированных был «соответствующим образом оплачен, и … они смогли купить товары высшего качества и взять их с собой в Германию». Все бывшие военнопленные «единодушно рассказывали о гуманном обращении со стороны советских властей во время отбытия ими наказания»[34]. Видимо, страх перед репрессиями все еще продолжал действовать. Краткая информация, содержащая только констатацию факта освобождения немецких военнопленных, была опубликована 31 октября 1953 г. в газете «Правда».

11 сентября 1953 г. в ООН была подана официальная жалоба ФРГ на СССР о якобы содержащихся на территории СССР и насильственно удерживаемых 750 тыс. «депортированных гражданских лиц» из числа германских подданных[35].

В этой справке, конечно, содержались астрономические цифры. Таким количеством военнопленных советская сторона уже не располагала. Однако в представлении мировой общественности господствовало мнение, что в Советском Союзе, отказывавшемся предоставить полные данные о количестве военнопленных, томятся десятки тысяч «узников войны». Не желая накалять обстановку, Советское правительство 30 ноября 1953 г. приняло решение репатриировать в ГДР и ФРГ еще 4.832 немца и отпустить из тюрем ГДР 6.150 человек[36]. 5 октября 1954 г. в связи с 5-летним юбилеем образования ГДР было амнистировано еще 5.628 немецких граждан, находившихся в тюрьмах ГДР. Верховный Комиссар СССР в Восточной Германии Георгий Пушкин объявил, что «советские органы передают в распоряжение властей ГДР всех немецких граждан, совершивших преступление против советских войск и отбывавших наказание на территории ГДР»[37].

Советское руководство, пытаясь отказаться от политики жесткой конфронтации с Западом, старалось внести изменения в сталинскую систему управления и приспособиться к новым политическим реалиям. 1 сентября 1953 г. Указом Президиума ВС СССР было упразднено Особое совещание при МВД СССР. Жалобы и заявления, осужденных коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД-УНКВД и Особым совещанием об отмене решений, сокращении срока наказания, о досрочном освобождении и о снятии судимости, стали рассматриваться в Прокуратуре СССР. В 1954 г. были упразднены военные трибуналы войск МВД СССР[38]. 4 февраля 1954 г. в ЦК КПСС поступила записка министра внутренних дел СССР Круглова о реорганизации МВД СССР и образовании Комитета государственной безопасности[39]. 8 февраля 1954 г. ЦК КПСС рассмотрел эту записку. При обсуждении этой записки на заседании Президиума ЦК КПСС разгорелась бурная дискуссия о структуре и кандидатах на руководящие посты в МВД и КГБ СССР[40]. Основной вопрос, который решался на заседании Президиума ЦК, был партийный контроль над вновь создаваемыми органами. Наиболее ярко эту позицию выразил Лазарь М. Каганович: «За Серова. Он будет связан более с партийными органами. Комитет – это отдел партийный». Его поддержал Георгий Маленков, говоря о том, что «речь идет о большой перестройке», он предложил покончить с практикой зависимости людей от органов МВД и забрать кадровый вопрос в руки партии. О предлагаемой кандидатуре Круглова на должность министра МВД Маленков сказал: «Он должен крепко перестроиться. Лагеря – не наш идеал». В результате дискуссии на должность министра внутренних дел был назначен Круглов, на должность Председателя КГБ – Серов, чьи кандидатуры были поддержаны Хрущевым.

В ведении МВД остались: исправительно-трудовые лагеря и колонии, внутренняя и конвойная охрана, Тюремное управление и т. д. Несмотря на структурную перестройку, на МВД была возложена большая производственная программа и значительный объем капитального строительства, которые должны были выполняться заключенными. В СССР, все еще значительную долю в реализации планов промышленного производства составлял рабский труд заключенных, в том числе и военнопленных.

17 марта 1954 г. в ЦК КПСС была получена записка министра иностранных дел Молотова с проектом ответа на письмо председателя Германского Красного Креста Генриха Вейца от 6 ноября 1953 г. на имя Председателя Исполкома Комитета Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца В.А. Холодкова. В записке Молотов указывал, что Вейц предлагает встречу Холодкову для «выяснения судьбы немецких военнопленных и других немецких граждан, якобы находящихся в СССР, но не репатриированных». Сообщалось, что аналогичное письмо «с просьбой о содействии репатриации немецких военнопленных и розыске пропавших без вести немецких граждан», об опубликовании списков умерших в плену немцев Исполком СОКК и КП СССР получил от Вейца 6 июня 1953 г. Молотовым предлагалось сообщить Вейцу о том, что «Советский Союз закончил репатриацию всех немецких военнопленных, за исключением лиц, осужденных за преступления, совершенные во время войны, о чем в свое время были опубликованы исчерпывающие данные». Однако, от контактов, предложенных Вейцем, рекомендовано было не отказываться. Проект письма, предложенный Молотовым, был принят на заседании ЦК КПСС и отправлен председателем СОКК и КП СССР Холодковым Вейцу.

Шагом навстречу Западу явилось также принятое в апреле 1954 года Президиумом ЦК КПСС решение о необходимости присоединения к Женевским конвенциям: об обращении с военнопленными, об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и другие конвенции, направленные на улучшение жизни потерпевших от военных действий. 17 апреля 1954 года Верховный Совет СССР эти конвенции ратифицировал. В соответствии с конвенцией об обращении с военнопленными, Советский Союз должен был в короткие сроки решить проблему репатриации иностранных граждан, в том числе военнопленных. Решение вопроса о немецких военнопленных разворачивалось на фоне больших перемен, происходивших в мире. В октябре 1954 г. в Париже было принято решение о вступлении Западной Германии в НАТО. В связи с этим в Советском Союзе была развернута широкая компания против ратификации Парижских соглашений, которая окончилась неудачей.

Свое стремление к диалогу с Западом, к поддержанию добрососедских отношений с ФРГ советское руководство продемонстрировало 25 января 1955 г. В этот день Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О прекращении состояния войны между СССР и Германией»[41]. Указ прошел предварительное рассмотрение в Президиуме ЦК КПСС 24 января 1955 г., его текст был согласован с правительством ГДР[42]. В Указе констатировалась территориальная разобщенность Германии, отсутствие мирного договора с ней, спустя 10-летие после войны, и выражалась обеспокоенность включением Западной Германии в НАТО. Было объявлено о прекращении войны между СССР и Германией. Подчеркивалось, что «все возникшие в связи с войной юридические ограничения в отношении германских граждан, рассматривавшихся в качестве граждан вражеского государства, утрачивают свою силу». В связи с этим на заседании Президиума ЦК КПСС 18 апреля

1955 г. впервые был поднят и рассмотрен вопрос о немецких специалистах: ученых и инженерах, вывезенных после войны в Советский Союз и направленных на работу в закрытые конструкторские бюро и научно-исследовательские предприятия[43].

В ответ на прием ФРГ в НАТО в мае 1955 г. была создана Организация Варшавского Договора, однако, создание последней сопровождалось предосторожностями, которые должны были показать Западу нежелание СССР усиливать напряженность в мире. Из этих же соображений, чтобы создать благоприятные условия для возможных переговоров по германскому вопросу, было отсрочено включение ГДР в систему Объединенного командования. Важным этапом в смягчении отношений между Востоком и Западом было подписание 15 мая 1955 г. мирного договора с Австрией в обмен на обязательство последней соблюдать строгий нейтралитет.

С целью выяснения позиции ФРГ на нормализацию отношений с Советским Союзом Советским руководством в июне–августе 1955 г. был предпринят ряд шагов через своего посла в Париже С.А. Виноградова. В результате, был установлен круг вопросов, нуждающихся в обсуждении. Первостепенное значение из них имело освобождение немецких военнопленных. 14 июля 1955 г. Президиумом ЦК КПСС было принято постановление «О репатриации на Родину осужденных иностранных граждан»[44]. Признавалось целесообразным освобождение и репатриация всех находящихся на территории СССР иностранцев, совершивших преступления как во время второй мировой войны, так и после нее, содержание которых в заключении не вызывалось интересами безопасности СССР. В постановлении намечаются шаги, которые Советское руководство намерено предпринять в отношении немецких военнопленных. Указывается, что во время переговоров с делегацией ФРГ необходимо заявить, что «ожидается благоприятное решение вопроса о военнопленных, предполагается освободить от наказания 5614 немецких военнопленных и гражданских лиц, 180 генералов, а также Гаральда Круппа фон Болена унд Гальбаха (1916–1984) сына немецкого промышленника[45] и сына бывшего посла Германии в Англии Ганса Шланге-Шенингена. Указывалось, что 3917 германских граждан будут переданы правительствам ГДР и ФРГ для дальнейшего отбытия наказания на Родине». О своих дальнейших шагах ЦК КПСС извещал ЦК СЕПГ, Вальтера Ульбрихта и Отто Гротеволя и просил немецких товарищей сообщить свое мнение по этому вопросу. Проект письма был приложен к постановлению. Однако особого энтузиазма со стороны немецкого руководства не последовало. Только 4 августа руководство ЦК СЕПГ сообщило о своем согласии на освобождение немецких военнопленных из плена[46].

«Никаких претензий к Советскому государству не имею». Июль 1955 г. – январь 1956 г.

Политика смягчения взаимоотношений СССР с США, Англией и Францией по основополагающим международным вопросам, в том числе и в отношении Германии, просматривается и в подготовке заявления по Германии для совещания Глав Правительств четырех держав, проходившего в Женеве с 17 по 23 июля 1955 г. На заседании Президиума ЦК КПСС 12 июля 1955 г., касаясь вопроса о заявлении по Германии, Хрущев, предложив возвратить заявление МИДа, на доработку, скажет: «Заявление

ЕГ

ЦК КПСС
34180
13 СЕН 1955
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
в Общий отдел ЦК КПСС

138

86

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ПРАВДЫ"

СВОДКА

писем-откликов читателей "Правды" на Женевское совещание Глав правительств четырех великих держав - Советского Союза, США, Англии и Франции, состоявшееся в июле 1955 года

Редакция "Правды" получила ряд писем-откликов на Женевское совещание Глав правительств четырех держав. Авторы большинства писем горячо одобряют принятые в Женеве решения и высказывают свои требования, адресуемые Советскому правительству, - неуклонно и последовательно проводить в жизнь мирную внешнюю политику. В письмах говорится также о необходимости расширения разумных экономических и культурных связей между народами. Почти во всех письмах выражена главная мысль: "Мир - это наша жизненная необходимость".

Приводим выдержки из некоторых писем:

В.Лысенков, работник отделения Госбанка /Тамбовская область, Уметский р-н, станция Умет. Письмо № 120819/.

"Весь советский народ с огромным вниманием следил за ходом Совещания Глав правительств четырех великих держав в Женеве. Это историческое событие: впервые за последние 10 лет представители четырех великих держав сели за один стол. Весь мир, затаив дыхание, следил за тем, что решат великие державы.

Я рядовой советский человек работаю на благо любимой отчизны и с большой надеждой следил за Женевским совещанием. И не я один, все жители нашего поселка. Утром у киоска постоянно собиралась большая очередь, и не успеет продавец начать торговлю газетами, как их тут же расхватывают. Десятки экземпляров "Правды" разбирались за несколько минут. Усевшись на траве, люди с большим

Тов. Шепилову Д.Т. доложено. В архив П. Пономарев 29.8.55г.

Мнения читателей «Правды» по поводу совещания Глав Правительств в Женеве в 1955 году. Здесь приведен фрагмент письма В. Лысенкова из Тамбовской области. (Архив ЦК КПСС)

не вышло. Язык драчливый, дубинка. Более свободно сказать». Николай Булганин добавит: «Выводы не сходятся с тем, что написано». «Не уловили тон», – отметит Молотов[47]. Совещание, во многом, способствовало налаживанию контактов между странами. Отношение советских людей к его решениям, к вопросу о судьбе Германии ярко показывает обзор писем читателей газеты «Правда», присланный в ЦК КПСС 9 августа 1955 г.[48].

Диалог, состоявшийся между Главами правительств 4-х держав спустя десятилетие после окончания войны, по газетным мнениям, был воспринят восторженно советской общественностью. «Великие люди четырех держав! Человечество всего мира доверило Вам решить свою судьбу. Советские люди, люди всего мира ждут, когда великие державы повернут все государственные дела на мирный лад, будут вечно дружить, беречь жизнь каждого человека, создадут самые лучшие условия жизни», – обращалась в письме к участникам Совещания М. Софронова из Арзамасской области[49], выражая общее отношение к этой встрече. Множество писем было посвящено вопросам разоружения и запрещения атомного оружия, использования атома в мирных целях, улучшения взаимоотношений СССР и США, боязни новой мировой войны, воспоминаниям о событиях Отечественной войны 1941–1945 гг. Правда, говоря о тяготах войны, вопросы плена и военнопленных никто из корреспондентов «Правды» не поднимал. Касаясь вопроса об объединении Германии, студент Г. Ценков из Киева, критикуя позицию западных держав, писал: «Нейтрализация Германии – единственно разумный и правильный шаг к объединению… Нейтрализация несет немцам прочный мир, а большая часть людей стремится именно к этому…»[50]. Его поддерживает анонимный читатель газеты: «Насчет Германии: законно и правильно будет пока среднее – не капиталистическая и не коммунистическая, а демократическая, а там сами поймут»[51]. В. Алахирев из г. Химки Московской области высказывает опасение о том, что нельзя доверять правительствам США, Англии и Франции: «Не верьте гарантиям, о которых они говорят, это – ширма. Прежде всего, Германия должна быть разоружена, нейтральной, власть от обеих сторон, запада и востока, поровну, с единогласием всех вопросов. Никаких баз на ее территории и исключительно небольшое количество милиции или охраны и т. д.»[52].

Вообще, чувство недоверия к правительствам держав Запада и боязнь новой войны, прослеживается в каждом письме. Наиболее полно эти чувства выражены в письме художника В. Верещагина из г. Алапаевска Свердловской области: «Премьер-министр Франции излагает в порядке алфавита пункты в пользу вооружения Германии… Вопрос идет о мире, а следовательно, о разоружении всего мира, вот с Германии следовало бы начать… Америка на Германию нападать не будет, СССР – борется за ненападение, Англия – постесняется нарушить неприкосновенность этого; Франция не позволит себе такой глупости; за Китай – я даю гарантию. Вот и пусть живет себе здоровая новая Германия без лишних забот на вооружение»[53].

Авторы писем гордятся своей страной, поддерживают ее миролюбивую политику, показывают чувства любви к ее руководителям. «Николаю Александровичу Булганину 60 лет. В эти годы хочется отдыха, тихой радости, спокойно управлять мирным строем. И вот он должен, где-то в чужом краю, напряженно вести деловые переговоры ради мира и людского счастья», – пишет Г. Бабанская из Красноармейска[54]. На фоне всеобщего одобрения политики партии и правительства резко выделяются критические письма. Так, пенсионерка Е. Павлович из г. Чертков Тернопольской области сообщала о том, что она больше не будет выписывать газету «Правда»,

т. к. ее редакционный коллектив «держит нос по ветру» и газете больше бы подошла статья, «в которой хвалили бы» «международный капитализм». «Подделываться под международных “акул” и замалчивать их подлые происки и гнусные поступки – недостойно Великой страны социализма, Это значит изменить международному пролетариату, его борьбе, его безмерным страданиям в угоду капиталистам»[55],– возмущается читательница и выносит свой приговор политике СССР.

Видимо, людей, придерживавшихся подобных взглядов, было немало. Воспитанные в советское время, когда советскому человеку внушалась ненависть к капиталистам и мысль о тяжелой доле рабочего класса в капиталистических странах, чьим принципом жизни были лозунги: «Жизнь – борьба!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – эти люди не могли спокойно воспринимать попытки проведения в жизнь политики компромиссов. Они воспринимали это как предательство идеалов.

Как отмечалось выше, Женевское совещание Глав правительств 4-х держав послужило ослаблению международной напряженности, возобновлению диалога между двумя полярными системами. Большое значение имело и посещение Хрущевым и Булганиным Берлина 24–27 июля 1955 г. по пути в Москву. Выступая на митинге в Берлине, Хрущев, чтобы понять отношение жителей ГДР к военнопленным, затронул вопрос репатриации немецких граждан. В коммюнике, принятом в результате пребывания советской делегации в ГДР указывалось о состоявшемся обмене мнениями по вопросу о военнопленных, о решении советской стороны «продолжить рассмотрение этого вопроса с учетом пожеланий правительства ГДР»[56].

В ходе подготовки намечавшегося визита правительственной делегации ФРГ в Москву был определен круг проблем, нуждавшихся в обсуждении: установление дипломатических отношений, возобновление торговых и культурных связей. По предложению западногерманской стороны были добавлены еще две проблемы: проблема объединения Германии и проблема «освобождения» немцев, удерживаемых «на территории или в сфере влияния Советского Союза». Для того чтобы опровергнуть мнение, что инициатива в решении вопроса «освобождения немцев» исходила от ФРГ, Президиум ЦК КПСС принял постановление о целесообразности обращения Президента ГДР Вильгельма Пика к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Клименту Ворошилову с инициативным письмом о досрочном освобождении и возвращении всех военнопленных, отбывающих наказание в Советском Союзе. Был разработан и примерный текст письма. После получения согласия со стороны ГДР 5 сентября 1955 г. было решено опубликовать это письмо в печати. Однако его публикация была отодвинута и состоялась лишь 16 сентября 1955 г., т. е. после отъезда делегации ФРГ[57]. Вместо него в газете «Правда» была опубликована статья «За нормализацию отношений между СССР и ФРГ».

На заседаниях Президиума ЦК КПСС в начале сентября 1955 г. был определен состав советской делегации, обсужден план протокольных мероприятий, выработан проект «Указаний для советской делегации на переговорах с правительственной делегацией ФРГ»[58]. В проекте «Указаний» подчеркивалось, что вопрос о военнопленных в равной степени касается обоих немецких государств, поэтому Советское правительство считало целесообразным обсуждать его совместно с представителями ФРГ и ГДР. Указывалось, что, если это предложение вызовет возражение со стороны делегации ФРГ, предложить обсудить этот вопрос Советскому правительству с правительственной делегацией ГДР, прибывающей в Москву 16 сентября 1955 г. В проекте «Указаний» содержались ответы на возможные вопросы со стороны деле-

гации ФРГ, касающиеся получения сведений об умерших в плену немецких военнопленных и интернированных и о немецких военнопленных, находившихся в «дружественных Советскому Союзу странах». При ответе на первый вопрос правительству ФРГ предлагалось обращаться в общество Красного Креста и Красного Полумесяца, на второй – к правительствам соответствующих стран. При обсуждении вопроса о военнопленных советским руководством предполагалось выдвинуть со своей стороны предложения о предоставлении в Западной Германии советским гражданам, из числа перемещенных лиц, свободы возвращения на Родину.

В коммюнике об установлении дипломатических отношений, заключенном по итогам переговоров, пункт о военнопленных отсутствовал. Однако переговоры по этому поводу велись и были далеко не простыми. Свое заявление 9 сентября 1955 г. канцлер ФРГ Конрад Аденауэр начал с просьбы об освобождении немцев, находившихся «в заключении на территории СССР или в странах, находящихся под советским влиянием». Установление дипломатических отношений с СССР Аденауэр увязывал с решением вопроса о военнопленных[59]. В ответ на заявление канцлера, поставившего решение «вопроса об освобождении немецких военнопленных» на первое место, Булганин заявил 10 сентября 1955 г.: «…Здесь имеет место, определенное недоразумение. Никаких немецких военнопленных в Советском Союзе нет… В Советском Союзе находятся лишь военные преступники из бывшей гитлеровской армии. Таких еще осталось на 1 сентября в нашей стране 9.626 человек… Это – люди, потерявшие человеческий облик, это – насильники, поджигатели, убийцы женщин, детей, стариков»[60].

Булганин подчеркнул, что решение вопроса о судьбе «этих преступников» должно быть рассмотрено в присутствии двух немецких государств – ГДР и ФРГ. В повторном выступлении 10 сентября 1955 г. Аденауэр отмечая, что советский народ имеет большое сердце и большую душу, высказал надежду на скорое разрешение вопроса о судьбе немецких военнопленных. Канцлер ФРГ отмечал также и свое щекотливое положение: «Я очень прошу вас обсудить все же с нами этот вопрос. Не дайте нам, пожалуйста, возвратиться домой с заявлением: Советское правительство отказалось вообще говорить с нами по этому вопросу»[61].

Переговоры зашли в тупик. Не лучше обстояло дело и на встрече министров иностранных дел СССР и ФРГ Молотова и Гунриха фон Брентано. В архиве МИД СССР сохранилась неправленая стенограмма их встречи. Это разговор совершенно не понимающих друг друга людей, отстаивающих свою линию. Фон Брентано просил Булганина представить списки указанных 9626 военнопленных, провести проверку их дел и по возможности помиловать. Поставил вопрос о находившихся в СССР интернированных, отбывших свой срок и работавших по договорам с СССР граждан Германии. Выслушав эти, изложенные в мягкой форме твердые требования, Молотов заявил, что Советский Союз может обойтись и без дипломатических отношений с ФРГ. Потом спросил у фон Брентано: «Правильно ли я понял, первоначальное предложение господина министра, что ФРГ предлагает Советскому правительству пригласить делегацию ГДР»[62] для совместного рассмотрения вопроса о военнопленных. На что Брентано ответил, что предложение было сделано Советской стороной и что он, Брентано, не против такой встречи, но вопрос находится в компетенции главы делегации, которому надо его доложить. Немецкий министр иностранных дел отметил, что, по его мнению, переговоры нуждаются в перерыве. Молотов, пропустив вежливый отказ Брентано от встречи с делегацией ГДР, повторил свой шантаж:

«Я понимаю заявление господина министра и полагаю, что нам потребуется некоторое время, чтобы договориться с ГДР о приезде в Москву соответствующей делегации во главе с т. Гротеволем»[63].

Дело дошло почти до разрыва на состоявшемся в тот же день в 16 часов третьем заседании. На заявление канцлера Аденауэра о невозможности установления дипломатических отношений между ФРГ и СССР без решения вопроса об освобождения немцев, Хрущев взорвался гневной тирадой: «Нам фактически ставят ультиматум. Мы никак не можем с этим не только мириться, но и совершенно не можем этого терпеть. Я прямо говорю, резко говорю… Мы согласны разойтись полюбовно с вами, пожмем друг другу руки и будем терпеливо ждать, когда создастся необходимость для установления дипломатических отношений»[64], – сказал он.

Казалось бы, переговоры не состоялись, но на следующий день 13 сентября с 10 часов до 11 часов 45 минут состоялось заседание в узком составе. На заседании присутствовали с советской стороны: Хрущев, Молотов, Семенов; со стороны ФРГ – Аденауэр, фон Брентано, Хальштейн. Стенограмма заседания не велась. Однако можно предполагать, что на этом заседании канцлер ФРГ объявил, что у западногерманской стороны имеется список на 130 тысяч следующих категорий немцев, удерживаемых в СССР: бывшие военнослужащие и состоящие на службе в вооруженных силах; гражданские лица, находившиеся в лагерях и тюрьмах; лица, перемещенные в СССР по политическим причинам, из советской зоны оккупации; лица, проживавшие ранее в Восточной Пруссии.

На этом заседании стороны, видимо, пришли к компромиссу, потому что на следующем заседании, состоявшемся 13 сентября в 15 часов, разговор велся в конструктивном духе. Хрущев, выразив удивление названной Аденауэром цифрой военнопленных, все же дал «джентльменское слово», что Советский Союз всех заключенных «военных преступников» освободит по амнистии или передаст, как преступников властям ГДР и ФРГ. Немцев, работавших по контрактам, обещал отпускать по окончании их действия. Отметил, что других, указанных канцлером категорий немцев в Советском Союзе нет. Хрущев попросил Аденауэра представить для проверки списки 130 тысяч немцев с их адресами в СССР. Заверил, что они будут отпущены, если они действительно граждане немецкого государства[65].

В подписанном в Москве коммюнике об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ не было ни слова о военнопленных. Переговоры Правительственных делегаций СССР и ФРГ освещались в прессе специфически. В центральном органе партии газете «Правда» 9 и 10 сентября 1955 г. были опубликованы: два выступления канцлера ФРГ Аденауэра, в которых он настаивал на решении вопроса о немецких военнопленных и увязывал его решение с установлением дипломатических отношений ФРГ и СССР. На страницах газеты был помещен ответ на заявление Аденауэра главы Советской делегации Булганина. Там же, был напечатан текст коммюнике, в котором этот вопрос обойден молчанием.

И вдруг 16 сентября в этой же газете появилось письмо Пика к Ворошилову с ходатайством ФРГ о досрочном освобождении и возвращении на родину всех бывших германских военнопленных, отбывавших наказание в СССР[66]. Публикация письма предшествовала приезду в Москву Правительственной делегации ГДР. В заключительном коммюнике о переговорах между Советским Союзом и ГДР сообщалось о состоявшемся обмене мнениями по вопросу освобождения еще находившихся в СССР немецких военнопленных и о намерении советского правительства «благоприятно рассмотреть этот вопрос»[67].

Таким образом, прессой был продемонстрирован «реваншистский» характер правительства ФРГ, несгибаемость Правительства Советского Союза перед политикой ультиматумов, желание идти навстречу своим немецким товарищам в решении вопроса о военнопленных. Политическое лицо советского руководства было сохранено, а советская общественность, как всегда, так и не узнала истины и пребывала в неведении относительно действий своего правительства. Правительство просто боялось проявлений негативной реакции населения, которое, в основной своей массе, отрицательно относилось к освобождению немецких военнопленных, и подобным образом пыталось смягчить удар, вызванный публикацией в газете «Правда» 29 сентября 1955 г. краткого изложения Указа Президиума ВС СССР о досрочном освобождении немецких граждан. Анализ писем советских граждан, присланных в газету «Правда», обзор которых был направлен в ЦК КПСС до 29 сентября 1955 г., подтверждает наше предположение[68].

В большинстве писем выражается возмущение речью Аденауэра, высказываются свои предложения по решению судьбы военнопленных. Так, П.Е. Вишневский из Ленинграда пишет: «Аденауэр должен все же уразуметь, что сидят у нас не невинные люди, а те, кто сжигал наши города, кто расстреливал женщин и малолетних детей. Они могут быть отпущены домой, но не как невинно наказанные, а как лица, раскаявшиеся в совершенных преступлениях»[69]. Его поддерживает Вербицкая из Баку: «В заявлениях К. Аденауэра и Г. фон Брентано звучит один и тот же наглый подход к нормализации отношений. “Мы не так дерзки и глупы, чтобы действовать с позиции силы”, – говорили они. От этих слов на меня пахнуло нарочитой “искренностью” Риббентропа. Нет, им нельзя верить! Нельзя отдавать негодяев! Мне они кажутся зверем, спрятавшим когти перед прыжком»[70].

В некоторых письмах проводится тезис о вине немцев перед человечеством и искуплением их грехов страданием. Так, А.А. Моисеев из Ленинграда пишет: «В своем выступлении в Москве Аденауэр сболтнул о том, что, мол, и в ФРГ осуждают фашизм. Увы, этому трудно поверить! Германский народ, с 1870 года воспитывавшийся в одном направлении, в сознании своего абсолютного превосходства над всеми другими народами, глубоко отравлен этим ядом»[71].

В присланных в газету письмах описываются страдания и боль людей, потерявших родных и близких, воспоминания о военных годах, о контактах с немцами далеко не всегда отрицательных. Так, Ф.С. Еремеев из Гомельской области тепло вспоминает о немецких рабочих, работавших с ним – угнанным в Германию, на заводе в Берлине. Он пишет, что немецкие рабочие приносили им газеты, давали хлеб, рассказывает о похолодании отношений, когда военные действия переместились на территорию Германии[72].

Особое возмущение в письмах вызвало то место в заявлении Аденауэра, где говорится о нарушениях прав человека на территории Германии со стороны солдат Советской Армии. Наиболее полно это выражено в письме С.В. Бессонова из Свердловска: «Мы прошли от предместий Москвы и стен Сталинграда до стен Берлинского рейхстага, своими глазами мы видели пепелища и развалины городов и селений… Но никогда я, как бывший офицер Советской Армии, не слышал от Советских воинов слова о мести немецкому населению. С боями мы прошли по немецкой земле, но кто из честных немцев скажет про нас, что мы уничтожали немецкое мирное население. Никто!»[73].

Во всех письмах содержится поддержка выступлений советского руководства, особенно Булганина[74]. «Товарищ Н.А. Булганин справедливо отметил…, что на территории Советского Союза нет военнопленных, они давно освобождены, но есть военные преступники, осужденные судом советского народа!», – пишет один. «Я вполне поддерживаю заявление т. Булганина о том, что эти люди потеряли человеческий облик. Прощение их злодеяний будет оскорблением чувств сирот, вдов, отцов, матерей, потерявших своих близких», – вторит ему другой. «Когда Аденауэр хлопотал об освобождении этих извергов, совершивших тяжкие преступления по отношению к советским людям, – это было еще понятно: ему нужны такие молодчики. Но с какой стати за этих преступников ходатайствует В. Пик? Это совсем непонятно… Почему же германский народ, по выражению В. Пика, будет рад освобождению преступников, совершивших неслыханные злодеяния в отношении советского народа», – удивляется третий[75]. Итоги подводит четвертый: «Освобождение этих преступников было бы пощечиной всему советскому народу. Это было бы оскорблением памяти миллионов людей, замученных в лагерях Майданека и Освенцима. Думаю, что таково не только мое мнение, это мнение всего народа… Неужели Советское правительство допустит, чтобы они вернулись в Германию и снова готовились к преступлениям? Советский народ будет очень возмущен, если этих извергов освободят»[76].

В отличие от эмоциональных писем простых людей высказывания военнослужащих Советской Армии, процитированные в записке Главного Политического Управления СССР в ЦК КПСС, более сдержанны. В них содержится единодушное одобрение политики Советского правительства и такое же единодушное возмущение речью канцлера Аденауэра. Особо отмечается, что некоторые военнослужащие недооценивают значение переговоров между СССР и ФРГ и не верят в их результаты[77].

Неоднозначно восприняло Московские переговоры и население ГДР. В записке политического управления ГСВГ о настроении жителей ГДР в связи с переговорами между СССР и ФРГ отмечается, что доминирует положительная реакция населения, увидевшего в переговорах важный шаг навстречу объединению Германии[78]. Однако подчеркивается, что отдельные «граждане ГДР верят провокационным слухам о том, что Советское правительство скрывает от немецкого народа подлинное количество “военнопленных”, находящихся в СССР, не гуманно с ними обращается и не желает отпустить их на родину». Особенно поразило политработников ГСВГ то, что на некоторых предприятиях Лейпцига рабочие подвергли сомнению названную Булганиным цифру военнопленных в 9.626 человек, просили опубликовать их списки и отказались поддержать резолюцию об осуждении Аденауэра, обвинившего советские войска в бесчинствах на территории Восточной Пруссии в период войны. В записке сообщалось, что на территории ГДР распространяется слух о том, «что между Булганиным и Аденауэром достигнуто тайное соглашение о возвращении из СССР в Германию 100–200 тыс. немецких военнопленных»[79].

Об изменении отношения к проблеме военнопленных говорит и анализ писем, присланных Хрущеву осужденными немецкими генералами и родственниками военнопленных. Так, в письме жены Карла фон Грегори, Хильдегард, от 24 февраля 1955 г. упреков и претензий к советским властям не было. Содержалась лишь просьба о досрочной репатриации больного раком мужа, сидящего во Владимирской тюрьме. Карл фон Грегори, член национал-социалистической партии и штандартенфюрер СС, был осужден на 25 лет ИТЛ. Ему было отказано в досрочном освобождении 19 октября 1954 г. Письмо Х. фон Грегори попало на рассмотрение Михаила Суслова

лишь 14 июля 1955 г. В записке по этому письму С.Н. Круглов и В.С. Семенов сообщали, что Карл фон Грегори включен в списки лиц, предназначенных для передачи властям ФРГ, как военный преступник.

О непробиваемой глухоте к заключенным писал генерал-лейтенант бывшей германской армии Вернер-Кристоф Ранк в своем письме Правительственной делегации ФРГ из лагеря № 48 11 сентября 1955 г. «Все письменные требования остаются без ответа, на все устные жалобы уклоняются от него, ссылаясь на преступления казненного бывшего министра внутренних дел Берия. Можно и сегодня писать кому угодно: по закону писать разрешается во все советские инстанции и лично деятелям партии и государства. Для военнопленных это лишь только бумага. Из треугольника МВД – прокуратура – суд ничего дальше не выходит».

Те же критические положения о методах работы советской юстиции, о шантаже, угрозах, физическом насилии по отношению к военнопленным содержатся в письмах генералов Германа, Ленгельфельда, Бауэра, Окснера. По всем данным эти письма не должны были попасть в ЦК КПСС, как не попадали корреспонденции, написанные до этого. Видимо, в силу изменившихся обстоятельств, они были инициированы самой системой. Письма написаны генералами, заключенными в лагерь № 48 Ивановской области 11–15 сентября 1955 года на имя Хрущева или на имя Правительственной делегации ФРГ. Все были ознакомлены с заявлением Булганина 10 сентября 1955 года и возмущены им. «Мы не являемся убийцами, преступниками, уголовными субъектами, мы не являемся “отбросами общества”», – писал Ранк. «Слова “отбросы человеческого общества”, сказанные через 10 лет после войны, не могут быть сохранены в силе, если при решении этого вопроса царит правда и добрые намерения», – вторил ему Герман. Появление в ЦК КПСС писем осужденных немецких генералов, по нашему мнению, объясняется желанием Президиума ЦК узнать настроения военнопленных перед решением вопроса об их судьбе.

В коренном решении вопроса о судьбе немецких военнопленных каждая из договаривающихся сторон стремилась приписать пальму первенства себе. Канцлер ФРГ Аденауэр считал это своей заслугой, Правительство ГДР – своей[80]. Советскому Союзу необходимо было решить свои международные и внутриэкономические задачи, а постоянно встававший вопрос о военнопленных очень мешал. Просто настало время его решить коренным образом. После достижения определенных договоренностей о судьбе военнопленных с правительствами ФРГ и ГДР в ЦК КПСС и правительстве СССР началась упорная работа по подготовке военнопленных к передаче. О напряженности этой работы можно судить по частоте рассмотрения вопроса о военнопленных на заседаниях Президиума ЦК КПСС. С середины сентября по середину октября этот вопрос поднимался 5 раз, что говорит о его важности. 14 сентября 1955 г. Президиум ЦК КПСС поручил МИДу СССР и Прокуратуре СССР проверить сведения о находящихся в СССР немецких гражданах: военнопленных, интернированных и работавших по контракту. Поручение было вызвано утверждением Аденауэра о томящихся в СССР 130 тысячах немцев. 16 сентября сведения были получены[81]. Сообщалось, что в местах заключения в СССР содержится 9.624 граждан Германии[82]. По контрактам с Советскими хозяйственными учреждениями работает всего 110 человек. С ними проживают 89 взрослых членов семей и 66 детей. В местах специального поселения (в Казахстане, Таджикистане, Марийской АССР и Красноярском крае) находится 790 человек. Таким образом, по нашим подсчетам, удалось найти всего 10.679 немецких граждан, содержащихся в СССР, в отличие от

130 тысяч, указанных К. Аденауэром. Справка была подготовлена к заседанию Президиума ЦК КПСС. 22 сентября 1955 года Президиум ЦК рассмотрел вопрос «О находящихся в СССР немецких военных преступниках и о немцах, работающих по контрактам с советскими хозяйственными организациями и не являющимися гражданами СССР», и поручил МВД СССР, Прокуратуре СССР, Минюсту СССР, тщательно проверить и определить, кто из бывших немецких военнопленных осужден за тяжкие преступления и подлежит передаче правительству ГДР или ФРГ как военный преступник, а кто подлежит амнистии. МВД и МИД СССР должны были подготовить предложения о сроках и порядке освобождения военнопленных и передаче военных преступников. Результатом рассмотрения поручения был Указ Президиума ВС СССР «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны», утвержденный на заседании Президиума ЦК КПСС 26 сентября и принятый ВС СССР 28 сентября 1955 г.[83].

Указом было амнистировано 8.877 человек, 749 человек передавались правительствам ГДР и ФРГ для дальнейшего отбытия наказания. На заседании Президиума ЦК 29 сентября 1955 г. был определен порядок и срок окончания репатриации. Она должна была начаться 29 сентября, а завершиться 22 октября 1955 г. Перед репатриацией учреждениями МВД проводилась большая работа по сглаживанию тех негативных впечатлений от СССР, которые были у пленных. Репатриированных немцев вывозили эшелонами по 600 человек. В каждом эшелоне был вагон-кухня, вагон-склад, вагон-медпункт. Перед этапированием снималась охрана с постовых вышек лагерных отделений, прекращался вывод немцев на работу, предоставлялась возможность выхода с сопровождающими за территорию лагеря для посещения театров, музеев, магазинов, осуществлялись экскурсии.

Так, в лагере, расположенном в Свердловской области, для отъезжающих немцев было проведено четыре концерта артистов Свердловской государственной филармонии, два концерта коллектива народной самодеятельности Дома культуры Первоуральского Новотрубного завода, состоялась экскурсия в г. Свердловск, демонстрировались кинофильмы, проводились спортивные соревнования. При этом, отмечалось, что все мероприятия сопровождались дружелюбием, как со стороны жителей города Сведловска, так и со стороны бывших военнопленных[84]. Со всеми репатриированными проводился денежный расчет за работу. При этом осуществлялся жесткий контроль над тем, чтобы все советские деньги были истрачены на продукты питания или на промышленные товары. Каждому отбывающему выдавалось нательное белье и верхняя одежда: хлопчатобумажная куртка и брюки, хлопчатобумажная фуражка, ватная телогрейка, рабочие ботинки, два полотенца и две пары портянок. Так, что «вполне опрятный внешний вид» освобождаемым был обеспечен. Кроме того, репатриируемым было выдано по одному куску туалетного мыла и сигареты «из расчета по 10 граммов табаку в день на человека»[85]. Как отмечала сопровождавшая эшелоны охрана «враждебных проявлений со стороны немцев не отмечалось».

После отправки первой группы освобожденных немцев 7 октября 1955 г. из Берлина от СЕПГ была получена телеграмма о развернувшейся в Западной Германии кампании «по “реабилитации” военных преступников, репатриируемых из СССР» для дальнейшего отбытия наказания. Для организации контрпропаганды ЦК СЕПГ просил ЦК КПСС передать ГДР материалы на 20–30 бывших немецких военнопленных, направлявшихся в ФРГ и не амнистированных в СССР[86]. Эта просьба была

удовлетворена. Аналогичные просьбы удовлетворялись и позже. Так, в декабре 1956 г. по просьбе Премьер-министра ГДР Гротеволя были переданы фотокопии документов женского лагеря «Равенсбрюк» земли Бранденбурга.

Однако только что начавшаяся репатриация была приостановлена 13 октября 1955 г. Причиной приостановки Советским Союзом репатриации было требование Правительства ФРГ о заключении специального соглашения, регламентирующего деятельность посольства СССР в Бонне и строго ограничивающего его численный состав. Это требование нарушало общепринятые положения Международного права и препятствовало открытию посольств в Москве и Бонне. Только после улаживания этих вопросов и предоставления Правительством ФРГ агремана советскому послу в Бонне, Президиум ЦК КПСС распорядился «продолжить временно приостановленную репатриацию в Германию немецких военных преступников». Советское Правительство все еще продолжало стоять на той точке зрения, что в СССР находились только военные преступники. На приостановку репатриации оказала влияние также подготовка Советского руководства к заседанию министров иностранных дел 4-х держав по вопросам европейской безопасности и формированию позиций СССР по германскому вопросу. В связи с изменившейся международной обстановкой, при обсуждении вопроса о Европейской безопасности на Президиуме ЦК КПСС 6–7 ноября 1955 г.[87], Хрущев предложил найти новую аргументацию при определении позиций Советского Союза по германскому вопросу, указав на то, что Западная Германия вошла в состав НАТО. Он сказал: «Какой же смысл укреплять фронт НАТО. Воссоединять, чтобы целая Германия укрепляла НАТО и (была) направлена против политики мира и СССР… Вопрос о европейской безопасности – общий вопрос, он может быть решен и при двух Германиях. Мы хотим сохранить, созданный в ГДР строй. Сказать об этом».

Булганин был согласен с Хрущевым. Он предложил не возвращаться к германскому вопросу «пока немцы сами не решат. Нажимать на разоружение и контакты». Каганович предложил показывать достижения ГДР, бороться за душу населения республики[88]. Возвращение в ГДР осенью 1955 г. тысяч бывших военнопленных было обременительно. Экономическое и морально–политическое положение в республике после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ, несмотря на экономическую помощь Советского Союза, оставляло желать лучшего. Как отмечал корреспондент газеты «Правда» М. Подключников: «Подавляющее большинство населения Германии поняло, что воссоединение страны – дело сложное, которое, если и будет решено, то, во всяком случае, еще очень не скоро. Политическая обстановка прояснилась, иллюзии и заблуждения рассеялись». Началась новая волна беженцев в Западную Германию, «какая наблюдалась только летом 1953 г.»[89].

В сентябре из ГДР в ФРГ, переживавшую период промышленного подъема, ушло 34 тысячи, а в октябре – 37 тыс. человек[90]. В свете выше сказанного, правительству ГДР временная приостановка репатриации военнопленных из-за затягивания вопроса об открытии посольства СССР в Бонне, была выгодной. Таким образом, уже решенный вопрос об освобождении военнопленных опять был превращен в предмет торга между Востоком и Западом. Репатриация была возобновлена 6 декабря 1955 г., а 7 января 1956 г. заместитель министра внутренних дел С. Переверткин докладывал в ЦК КПСС об отправке последнего эшелона с репатриантами[91]. 18 января он же доложил о завершении работы[92]. Сообщалось, что Советским Союзом

было досрочно освобождено 9.536 германских граждан, из которых 8.877 человек освобождены от дальнейшего наказания, а 749 подлежат передаче властям ГДР и ФРГ как военные преступники. Представителям властей ГДР были переданы 3.104 человека, представителям властей ФРГ – 6.432 человека. Из 749 германских граждан, которым было отказано в досрочном освобождении, ГДР передавалось 273 человека, ФРГ – 471 человек. Репатриировалось 147 генералов и адмиралов бывшей германской армии, из них 172 выезжали в ФРГ, и только 5 человек – в ГДР. Среди отправляемых в ФРГ были генералы: фон Зайдлиц, Ранк, Герман, Окснер, Ленгельдфельд, а так же Бауэр и племянник Круппа – Геральд фон Болен унд Гальбах.

В итоговой записке МВД СССР указывалось, что 28 человек, подлежащих репатриации, временно задержаны КГБ при СМ СССР, 29 германских граждан умерли в заключении, 26 находятся в психиатрических больницах и будут отправлены в ГДР отдельно, четверо просят предоставить им советское гражданство. Все репатриированные германские граждане передавались властям ФРГ и ГДР по актам и именным спискам. Особо отмечалось, что при передаче «как со стороны репатриированных, так и со стороны принимавших властей ГДР и ФРГ никаких претензий не поступало». Иезуитство советской лагерной администрации состояло в том, что ждущим отправки заключенным предлагалось написать отзыв о своем пребывании в плену. Конечно, никто из них никаких претензий не высказывал, мало того, многие пытались благодарить администрацию лагерей за хорошее обращение[93]. Так, бывший ефрейтор Э. Торнов писал: «В связи с отъездом из лагеря я хотел бы выразить сердечную благодарность за обращение со мной в период пребывания в плену. По возвращении на родину я буду идти прямой дорогой и выступать за мир во всем мире».

Гаральд фон Болен унд Гальбах заявил представителю администрации лагеря: «Я благодарен за корректное отношение ко мне за время пребывания в лагерях и претензий не имею. По возвращении на родину я намерен продолжить учебу, и заверяю вас, что мое поведение на родине будет таким же лояльным, как и здесь в лагере». Благодарит руководство лагеря и бывший адъютант Гитлера Гейнц Линге, написавший в плену под руководством сотрудника МГБ воспоминания о нем. Все отзывы стандартны, как будто написаны под копирку. Почти во всех содержатся пожелания об установлении дружеских отношений между советским и немецким народами и заверения о своем активном участии в борьбе за их укрепление. Однако в некоторых отзывах высказывается удивление так быстро изменившемуся отношению администрации лагерей к военнопленным. Бывший капитан немецкой армии К. Детлев был поражен устройством прощального вечера и почти дружеским отношением к бывшим заключенным. Ефрейтор Г. Кнаппик, съездив в Свердловск, скажет: «Я раньше не думал, что советские люди будут так тепло относиться к нам».

Почему же так изменилось отношение советских людей, писавших яростные письма в газету «Правда» и требовавших не отпускать военнопленных, а спустя 2–3 месяца демонстрировавших хорошее отношение к отъезжающим немцам? Это может объясняться тем, что трудно жалеть и входить в положение группы людей. Совсем иное – жизнь каждого конкретного человека, с которым соприкасаешься. Приходится вникать в его жизненные обстоятельства, искать причины его поступков, стараться помочь и оправдать. Может быть, этим и объясняется хорошее отношение русского народа к военнопленным немцам, так удивившее ефрейтора Кнаппика.

Итак, репатриация немецких военнопленных была закончена в январе 1956 года. Однако оставался еще ряд нерешенных проблем, связанных с переданными государ-

ствам «военными преступниками», репатриацией интернированных лиц и немецких специалистов. В связи с этим 24 января 1956 года можно считать началом нового этапа в дальнейшем решении проблемы военнопленных. В этот день на заседании Президиума ЦК КПСС по запросам Чехословацкой и Венгерской республик был рассмотрен вопрос о дополнительном пересмотре уголовных дел на переданных и подлежащих передаче народно-демократическим государствам «преступников». Президиумом ЦК КПСС было принято решение о дополнительном пересмотре их уголовных дел[94].

Процесс продолжался. Еще оставались немецкие специалисты, работавшие в СССР по контракту. Решения об их судьбе принимались в ЦК КПСС в 1956–1958 гг. Параллельно с рассмотрением вопроса о немецких военнопленных, для создания более привлекательных условий возвращения советских интернированных граждан на родину Президиумом ЦК КПСС было утверждено соответствующее законодательство: Указ Президиума ВС СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Постановление Совета Министров СССР «О порядке репатриации советских граждан, находящихся за границей, и трудоустройстве их в СССР» (15 сентября 1955 г.), Постановление Президиума ЦК КПСС «О бывших военнопленных» (19 апреля 1956 г.), и Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» (29 июня 1956 г.) и др.[95].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иваницкий Г.М.* Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Красногорск. 1996. С. 118.

[2] *Бланк А.С.* Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. – Вологда 1963; *Шевченко А.М.* Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник Германской истории. – М., 1974; *Гинцберг Л.И.* Борьба немецких патриотов против фашизма 1939–1945. – М., 1987; *Иваницкий Г.М.* К истории немецких военнопленных во второй мировой войне // Информационный бюллетень. № 18. – М., С. 26–35; *Ржешевский О., Иваницкий Г.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978, № 10. С. 77–78; *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. – Köln. 1979; *Мерцалов А.Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. – М.: Наука, 1989 и др.

[3] *B. Scheurig.* Freies Deutschland. Das Nationalkomitee und der Band Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943–1945. – München, 1960; *A. Fischer.* Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg 1941–1955. – Stuttgart, 1975; *K.-H. Friezer.* Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee ‘Freies Deutschland’. – Mainz, 1981. *M. Lang.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. – Herford. 1981; *A. Lehmann.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München. 1986.

[4] *Петерсхаген Р.* Мятежная совесть. – М: Прогресс, 1958; *Мюллер В.* Я нашел подлинную родину: Записки немецкого генерала. – М., 1964; *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. – М., 1965; *Адам В.* Трудное решение: Мемуары полковника 6-й германской армии. – М., 1967; *Крайнюков К.В.* Оружие особого рода. – М., 1977; *Бурцев М.И.* Прозрение. – М., 1981; *Пузырев Н.И.* Военнопленные генералы: Записки советского офицера // Волга. 1981. № 4–5; *Бланк А.С.* Пленники Сталинграда // Новый мир. 1983; *Maschke E.*(Hg.). Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, 22 Bände. – München, 1962–1974.

[5] См.: ГСВГ.: Документы. – М., 1996; Берлин брали дважды // Московские новости. 1993. Июнь. Публ.: З.К. Водопьяновой, Т.В. Домрачевой, А.М. Филитова; *Старков Б.* Сто дней лубянского маршала // Источник. 1993. № 4. С. 82–90; *Его же.* Следствие прибегло к извращенным приемам // Источник. 1993. № 4. С. 91–100; Дело Берии. Материалы июньского пленума ЦК КПСС. Июнь 1953 // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1–2; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: Документы и материалы. Т. 24(13). – М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР: Документы и материалы. Т. 24(13–2). – М., 1999.

[6] См.: *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; *Галицкий В.П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена// Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; *Конасов В.Б.* Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. – Вологда, 1991; *Конасов В.Б.*, *Подольский В.М.*, *Терещук А.В.* Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. – М., 1991.

[7] См.: НКСГ – 50 лет: Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. 7–9 сентября 1993 г. – Красногорск, 1994; Трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Красногорск, 1996.

[8] См.: *Фредерт Х.* Приключения в русском плену: Из воспоминаний // Нева. 1992. № 2. С. 264–275; *Штолль Э.* Встреча с русскими людьми с 1942 по 1992 // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий. – СПб., 1993. С. 182–183 и др.

[9] См.: *Филитов А.М.* Германский вопрос. – М., 1991; Холодная война: Новые подходы, новые документы. Материалы международной научной конференции по истории «Холодной войны». Москва, январь 1993. – М., 1995. *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. – М., 1991. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945–1964 гг. – М., 1993; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945–1991. – М., 1998; *Дедков И.А.* Любить? Ненавидеть? Что еще? Заметки о литературе, искусстве и нашей безумной жизни. – М., 1995; *Решин Н.Е.* Валтер фон Зайдлиц. – М., 1996.; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: Дипломатические, правовые, политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996; *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. – М., 1998.

[10] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 41. Л. 15.

[11] Ордынцев Г.А. – с 1941 г. по июнь 1953 г. заведующий (начальник) секретариатом заместителя Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, заместитель начальника секретариата НКВД (МВД) СССР.

[12] См. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 18. Л. 1–2.

[13] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 117–139.

[14] История советской политической цензуры: Документы и комментарии. – М., 1997. С. 100–104.

[15] См.: Исторический архив.1996. N4. С. 143.

[16] В конце 1952 г. по просьбе В. Пика были отпущены Андреас Пауль и Энде Вильгельм, решен вопрос об освобождении 27 австрицских военнопленных, в индивидуальном порядке был разрешен выезд в ГДР немцам, бывшим жителям Калининградской области.

[17] См.: Источник. 1994. № 4. С. 110.

[18] См.: там же. С. 111–112.

[19] Записка Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР, МВД СССР и МИД СССР о результатах деятельности Комиссии по пересмотру дел судебных приговоров на иностранцев. 20 мая 1953 г. // Источник. 1994. № 4. С. 110–112. Следует указать, что при подсчете данных, содержащихся в записке, наблюдается несовпадение итогового числа дел просмотренных Комиссией и числа освобожденных и оставленных в заключении интернированных и военнопленных. Подобные несовпадения встречаются и в других документах. Приходится предполагать, что подобное несоответствие вызвано либо плохим ведением статистического учета в органах МВД СССР, либо желанием МВД СССР путем подачи заведомо ложных данных запутать и власть и общественность в действительном количестве содержащихся в плену лиц. По данным российского историка В.Б. Конасова, к освобождению было намечено 13.137 немцев, из которых 6.143 человека были осуждены советским военным трибуналом и содержались в тюрьмах ГДР (См. *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР. – Вологда, 1996. С. 169).

[20] См.: Берлин брали дважды // Московские новости.1993. Июнь. Публикацию подготовили: З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, А.М. Филитов.

[21] См.: Памятная записка Правительства СССР Правительству ГДР о досрочном освобождении и возвращении немецких военнопленных от 26 июня 1953 г. // Отношения СССР с ГДР. 1949–1955: Документы и материалы. – М., 1974. С. 268–269.

[22] См.: Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. Июль1953: Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 143–144, 157–158, 162–164.

[23] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 35–36.

[24] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 53.

[25] См. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 99.

[26] Приказ министра внутренних дел СССР № 00576 «О разрешении переписки с родственниками бывших военнопленных и интернированных иностранных граждан, осужденных военными трибуналами Советской Армии за границей, а также о порядке получения ими посылок и денежных переводов» от 24 июля 1953 г. // Великая Отечественная. Т. 13. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. – М., 1996. С. 546. (Русский архив. Т. 24.)

[27] Инструкция МВД СССР о порядке переписки осужденных иностранцев со своими родственниками и порядке получения ими посылок и денежных переводов: приложение к приказу МВД СССР № 00576 от 24.07.1953 г. // Великая Отечественная. Т. 13. – М., 1996. С. 546–550.

[28] См.: Проект постановления Совета Министров СССР «Об организации спецлагерей для содержания немцев, австрийцев и других иностранцев, осужденных военными трибуналами групп советских оккупационных войск в Германии и Австрии». Февраль 1953 г. // РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Д. 24. Л. 1–3.

[29] См. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 99.

[30] Подробнее смотри: См. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 100.

[31] См.: Из доклада Премьер-министра ГДР О. Гротеволя на заседании Народной палаты ГДР о состоявшихся в Москве переговорах между СССР и ГДР. 25 августа 1953 г. // Отношение СССР с ГДР. 1949–1955: Документы и материалы. – М., 1974. С. 307.

[32] См.: Там же. С. 311.

[33] См.: *Филитов А.М.* Германский вопрос от раскола к объединению. – М., 1993. С. 166.

[34] Цит. по кн.: Отношение СССР с ГДР. 1949–1955: Документы и материалы. – М., 1974. С. 321–322.

[35] См.: *Филитов А.М.* Германский вопрос от раскола к объединению. – М., 1993. С. 166.

[36] См. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 105.

[37] Отношение СССР с ГДР. 1949–1955: Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1974. С. 445.

[38] См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. Верховный Совет Российской Федерации. 1993. С. 71–74, 76.

[39] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 84. Л. 12–16.

[40] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 1–11.

[41] См.: Правда. 1955. 26 января.

[42] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 125. Л. 34–35.

[43] См. также статью Сергея Кувшинова и Дмитрия Соболева в этом томе.

[44] См.: Постановление Президиума ЦК КПСС «О репатриации на Родину осужденных иностранных граждан». 14 июля 1955 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР: Документы и материалы. Т. 24 (13–2). – М., 1999. С. 470–471.

[45] Сын Берты Крупп и Густава Георга Фридриха Мария Крупп фон Болен унд Гальбаха. (*Прим. ред.*).

[46] См. *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 110.

[47] См.: Черновая запись заседания Президиума ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 58.

[48] См.: Сводку писем-откликов читателей «Правды» на Женевское совещание Глав правительств четырех великих держав: Советского Союза, США, Англии и Франции, – направленную в ЦК КПСС 9 августа 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 86–102. На листе 86 документа помета: «Тов. *Шепилову Д.Т.* доложено. В архив. 29.08.1955 г.».

[49] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 90.

[50] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 94–96.

[51] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 94.

[52] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 97.

[53] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 99.

[54] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 89.

[55] См.: там же // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 101–102.

[56] См.: Коммюнике о пребывании Советской правительственной делегации в ГДР // Известия. 1955. 28 июля.

[57] См.: Правда.1955. 16 сентября.

[58] См.: Русский архив. С. 473.

[59] См.: Правда. 1955. 10 сентября.

[60] См.: Правда. 1955. 12 сентября.

[61] См.: Правда. 1955. 12 сентября.

[62] См.: Русский архив. С. 476.

[63] См.: там же.

[64] См.: Стенограмма третьего заседания переговоров между правительствами СССР и ФРГ 12 сентября 1955 г.// Русский архив. С. 477–478.

[65] См.: Стенограмма четвертого заседания переговоров между правительствами СССР и ФРГ 13 сентября 1955 г.// Русский архив. С. 478–479.

[66] См.: Правда. 1955. 16 сентября.

[67] См.: Известия. 1955. 21 сентября.

[68] См.: Сводка писем-откликов на переговоры между правительственными делегациями Советского Союза и Германской Федеративной Республикой // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 114–134.

[69] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 124.

[70] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 113.

[71] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 116.

[72] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 117.

[73] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 121–122.

[74] См.: Письма С.В. Бессонова и Рябовича // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 114, 121,132.

[75] См.: Письма Васильева и Суходолова // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 133.

[76] См.: Письма Бородина и Носс К.Г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 120,132.

[77] См.: Записка А. Желтова в ЦК КПСС об откликах военнослужащих на итоги переговоров между правительственными делегациями СССР и ФРГ. 28 09.1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 126. Л. 110–112.

[78] См.: Записка Политуправления ГСВГ о политических настроениях населения ГДР в связи с состоявшимися в Москве переговорами между правительственными делегациями СССР и ФРГ. 7.10.1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 122. Л. 32–36.

[79] См.: там же. Л. 35.

[80] См.: Заявление Правительства ГДР, сделанное Премьер-министром ГДР О. Гротеволем на заседании Народной палаты ГДР, об итогах состоявшихся в Москве переговоров 26 сентября 1955 г. // Отношения СССР с ГДР. 1949–1955. Документы и материалы. – М., 1974. С. 664–666. В связи с выступлением канцлера ФРГ на пресс-конференции о результатах московских переговоров последовало Заявление ТАСС, принятое Президиумом ЦК КПСС 15 сентября 1955 г.

[81] См.: Докладная записка № 2036/к в ЦК КПСС об отбывающих в СССР наказание немецких военных преступниках и немцах, работающих по контрактам с советскими хозяйственными организациями и не являющихся гражданами СССР. 16.09.1955 г. // Русский архив. С. 479–481.

[82] В записке сообщалось, что по сравнению со сведениями, представленными МВД СССР в августе, число военнопленных в связи со смертью уменьшилось на два человека.

[83] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 351.

[84] См.: Докладная записка № 2171к министра внутренних дел СССР С. Круглова в ЦК КПСС и СМ СССР о мероприятиях о репатриации германских граждан. 4 октября 1955 г. // Русский архив. С. 482–485.

[85] См.: там же. С. 484.

[86] См.: Докладная записка МИД СССР и МВД СССР № 2229к в ЦК КПСС о письме ЦК СЕПГ. 12 октября 1955 г. // Русский архив. С. 485.

[87] См.: Черновая запись протокола заседания Президиума ЦК КПСС 6–7 ноября 1955 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп.8. Д. 388. Л. 65–66.

[88] См.: там же. Л. 66.

[89] См.: Записка «О политическом положении в ГДР» корреспондента газеты «Правда» М. Подключникова в ЦК КПСС. 15 октября 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 122. Л. 93–97.

[90] См.: Записка Комитета информации при МИД СССР в ЦК КПСС об уходе населения ГДР на Запад. 28 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп.49. Д. 122. Л. 109–120.

[91] См.: Записку МВД СССР N222/п. В ЦК КПСС об отправке последнего эшелона с немецкими гражданами. 7 января 1956 г. // *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С. 138–139.

[92] См.: Записку МВД СССР N572/п. В ЦК КПСС и СМ СССР «Об окончании репатриации германских граждан, осужденных за преступления, совершенные против народов СССР во время войны». 18 января 1956 г. // *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. – М., 1998. С 139–142.

[93] См.: Докладная записка № 2171к министра внутренних дел СССР С. Круглова в ЦК КПСС и СМ СССР о мероприятиях по репатриации германских граждан. 4 октября 1955 г. // Русский архив. С. 483–484.

[94] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 373. Л. 75.

[95] См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 138–145.

Геннадий Костырченко

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ
в советской послевоенной повседневности

С идеологией официального антисемитизма царей, имевшего, главным образом, религиозные корни, большевики покончили в 20-е годы, полностью разгромив ее последние прибежища – подпольные черносотенно-монархические организации. Однако «свято место» долго не пустовало: параллельно с созиданием режима единовластия Сталина началось формирование качественно иной разновидности политического антисемитизма. Первые ее побеги взошли во второй половине 20-х годов в виде советского партийно-пропагандистского антисемитизма, который явился предтечей государственного антисемитизма. Эта промежуточная форма проявила себя, в основном, как тайно исходившая от Сталина, дозированная и строго избирательная устная пропаганда, проводившаяся, главным образом, против партийных оппозиционеров еврейского происхождения. Это был своеобразный популистский отклик диктатора на массовую бытовую юдофобию, которая широко проникла тогда и в партийные ряды. К концу 30-х годов сталинский антисемитизм, тайно вызревавший в тени насаждавшегося сверху казенного патриотизма (с великорусской имперской подкладкой), окончательно сформировался как официальная целенаправленная и систематическая политика. Ее социальной базой, опорой и проводником стала новая генерация партийно-государственной бюрократии, пришедшая к власти на волне «большого террора», развязанного во второй половине 30-х против большевистских функционеров, придерживавшихся интернационалистских убеждений.

В результате начавшегося накануне Второй мировой войны межгосударственного сближения правящих режимов СССР и фашистской Германии советский официальный антисемитизм получил мощную идеологическую подпитку извне. Уже через год после вступления СССР в войну эта политика, несмотря на свой латентный характер, заявила о себе достаточно определенно, особенно в идеологической сфере. Развернувшаяся там кампания «за чистоту русского искусства»[1] наглядно показала, что пропагандистские спекуляции на русском патриотизме чреваты усилением официального антисемитизма, развитие которого вместе с тем отличалось в тот период определенной противоречивостью. Ибо многое зависело от такого субъективного момента, как изменчивая и прихотливая воля вождя. Но самое серьезное, что могло тогда произойти, – легализация скрытого аппаратного антисемитизма и слияние его в едином мутном потоке со стихийной юдофобией масс – к счастью, не случилось. Пока шла война, Сталин не решался на публичные антиеврейские действия, хотя его завуалированный личный антисемитизм, чутко угаданный ретивым в исполнении любой прихоти «хозяина» придворным окружением, скорее всего и спровоцировал ту же кампанию борьбы «за чистоту русского искусства». Но вместе с тем вождь не мог не отдавать себе отчета в том, что подобная авантюра чревата для советских верхов нежелательными последствиями: самодискредитацией в глазах международного общественного мнения, неизбежными осложнениями во взаимоотношениях с союзниками, усилением межнациональных трений внутри общества, порывом его

единства и сплоченности, и, наконец, дальнейшее нагнетание антиеврейских страстей означало бы явную солидаризацию с человеконенавистнической нацистской идеологией и политикой нацистов. Для Сталина, разумеется, такой вариант развития был неприемлем. В отличие, скажем, от Гитлера он был, если так можно выразиться, не идейным, а прагматическим антисемитом. Поэтому в интересах дела (точнее, сохранения собственной власти) он не только сумел заглушить в годы войны свою личную все время нараставшую антипатию к еврейству, но даже пошел, например, в конце 1941 года на создание такой пропагандистской общественной организации, как Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) и извлек из этого немалую политическую выгоду. Однако после войны в стране и мире сложилась принципиально иная ситуация, чреватая, как оказалось, немалыми бедствиями для советского еврейства.

Повержен нацизм, но не антисемитизм

Победный 1945-й явился для Сталина не только годом военного триумфа, ознаменовавшегося увенчанием его имперской короной в виде преподнесенного ему маршалами звания «генералиссимус», но и апофеозом его национально-государственной доктрины, опиравшейся на пропагандистское использование традиций русского патриотизма. Выступая 24 мая в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной Армии, он провозгласил тост «за здоровье русского народа», который «заслужил в… войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов… страны»[2].

Тайно дискриминируемой еврейской элите тогда казалось, что теперь быстро наладится нормальная жизнь, она верила или, точнее, хотела верить, что гонения на нее носят случайный характер и что они суть проявление юдофобии отдельных чиновников и следствие трудностей военного времени, обострившего все проблемы и вдохнувшего вторую жизнь в такую вроде бы уже побежденную в СССР социальную болезнь, как антисемитизм. Подобные иллюзии подпитывались тем, что по окончании войны сталинский режим не пошел на немедленную и радикальную ликвидацию того же ЕАК, хотя под его эгидой возникло сначала элитное, верхушечное, а потом все более растущее вширь еврейское национальное движение. Власти вынуждены были избрать в отношении так называемого еврейского национализма выжидательную тактику, предполагавшую постепенное, но верное его удушение.

Сразу после войны в целях практической реализации такой политики был установлен тотальный контроль над еврейской общественной активностью. Вводилась повальная слежка с помощью широко разветвленной агентуры информаторов, и были приняты меры к постепенной изоляции советского еврейства от внешнего мира. На повышенную скорость был запущен механизм ассимиляции, использовавший пропагандистские лозунги «коммунистического интернационализма» и «советского патриотизма». При этом, общественная активность евреев сдерживалась путем запугивания и даже тайного физического устранения наиболее ярких и авторитетных еврейских лидеров. Наконец, усилилась дискриминация евреев посредством кадровых чисток, бюрократических ухищрений, уловок и аппаратных интриг.

Дожидаясь удобного момента для затягивания петли на шее пробудившегося еврейского самосознания, власти до поры времени не предпринимали активных шагов, более того, вынуждены были разбирать многочисленные жалобы на проявления бытового антисемитизма, который расцвел буйным цветом в годы военного лихолетья. Осенью 1945 года в ЦК на имя Сталина, Берии и редактора «Правды» Поспелова поступило письмо из Киева от группы демобилизованных фронтовиков-евреев. В нем сообщалось, что в городе, лежавшем еще в руинах, совсем недавно произошли кровавые межнациональные столкновения, ставшие «первым в условиях советской власти еврейским погромом».

В письме говорилось: «В первых числах сентября с. г. на одного еврея… посреди улицы напали два антисемита в военной форме и после нанесения ему оскорбления тяжело избили его. Не выдержав всех этих издевательств и, видимо, морально тяжело переживая за все то, что сейчас переживают в Киеве все евреи, а вместе с ними и демократический элемент других наций в связи с разгулом антисемитизма, тот, находясь в состоянии аффекта, убил из револьвера двух антисемитов. Этот выстрел послужил сигналом к началу еврейского погрома. Похороны антисемитов были особо организованы. Их проносили по наиболее многолюдным улицам. А затем процессия направилась на еврейский базар. Эта процессия была манифестацией погромщиков. Началось избиение евреев. За один только день было избито до 100 евреев, причем 36 из них были отвезены в тяжелом состоянии в больницы г. Киев, и пять из них в этот же день умерли. Попутно пострадали несколько русских, которые своей внешностью были очень похожи на евреев, и погромщики избивали их наравне с евреями. После этих событий атмосфера в городе Киеве стала еще более накаленной. Погромщики начали подготавливать погром еще более солидный.., но местные органы пока предотвратили это. Была установлена охрана синагоги, еврейского театра, еврейского базара. … Как все это могло случиться после столь успешно закончившейся войны над коварным немецким фашизмом, когда весь наш народ независимо от расы и национальности был един в этой борьбе и завоевал себе равное право на спокойную мирную жизнь? … Нарушителями Сталинской конституции, главными виновниками ее опошления стали руководители ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР. Это они установили особый режим в отношении евреев, это они организовали изгнание евреев из советского и партийного аппаратов… В ЦК КП(б)У и в СНК УССР взят какой-то новый, совершенно чуждый нашей партии, политический курс в отношении евреев, и это считается сейчас здесь одним из важнейших дел на Украине. … Кто же занимается помимо ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР во всех звеньях партийного и советского аппарата проведением этой особого рода национальной политики, а главным образом, насаждением антисемитизма? … Это “руководящие” кадры в большинстве своем люди со звонкой украинской фамилией, но зато с весьма сомнительной в прошлом политической репутацией, это люди весьма слабые, порой совершенно неграмотные по своей деловой квалификации, но зато это люди весьма опытные по делам украинского национализма, антисемитизма. … Как отразилось на евреях это “открытие” в области национальной политики на Украине, столь активно проводящейся под непосредственным руководством ЦК КП(б)У и СНК УССР?.. Есть случаи, когда… отдельные евреи, познав на себе все прелести этого нового курса, кончали… жизнь самоубийством. Есть евреи-коммунисты, которые приходили в райкомы партии и рвали или бросали свои партийные билеты, так как считали себя недостойными быть в рядах такой партии, которая проводит расовую политику,

аналогичную фашистской партии. Есть евреи, которые бегут из Украины, из Киева, как очумелые, чтобы поскорей избавиться от этого антисемитского омута… причем некоторые бегут в другие советские республики, а некоторые пытаются пробраться за границу, в Польшу, Америку. … Есть евреи, которые раньше, до войны, считали себя интернационалистами и не чувствовали себя евреями, даже порой забывали об этом… и только теперь, в связи с этим новым курсом, исходящим из ЦК КП(б)У и СНК УССР, они почувствовали, что они евреи и в них заговорило национальное чувство. …Особенно тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы, в фабзавуч. Ничего не знавшие до сих пор еврейские дети почувствовали к себе вражду со стороны тех детей, у которых родители националисты… Дух интернационализма у нашей молодежи на Украине начинает быстро исчезать. … Нам кажется, что такому положению должен быть положен конец… ибо иначе это может превратиться в политический скандал международного значения. Не случайно на пресс-конференции в Сан-Франциско т. Мануильскому (нарком иностранных дел Украины. – *Авт.*) был уже… задан вопрос о положении евреев на Украине… Но т. Мануильский дипломатично обошел этот вопрос. … Мы обращаемся к Вам, т. Сталин, к нашему большевистскому органу печати – газете “Правда”, к Вам, тов. Берия, в надежде, что, может быть, к кому-нибудь из Вас все же дойдет это письмо и станут ясными причины прозвучавшего в Киеве выстрела, приведшего в дальнейшем к еврейскому погрому. Мы верим, что Вы своим вмешательством быстро положите конец тем издевательствам над советскими гражданами-евреями, которые с каждым днем принимают на Украине все более опасные формы».

В результате начавшегося в Киеве расследования выяснилось, что инициаторами антиеврейских беспорядков были двое молодых военнослужащих, которые, находясь в краткосрочных отпусках, прибыли в украинскую столицу для того, чтобы помочь родным одного из них не допустить возврата занимаемой ими жилплощади старым хозаявам – реэвакуированной с востока еврейской семье. Однако сделать этого не удалось. И обозленные на всех евреев молодые люди, решив залить горе вином, зашли в ближайшую закусочную, где они, разгоряченне спиртным, вымести-ли гнев на одном из посетителей еврейской наружности, которого сначала принялись оскорблять, а потом жестоко избили. Однако, на горе дебоширов, жертвой их издевательств оказался одетый в гражданское платье лейтенант НКВД Розенштейн. На следующий день тот, установив место пребывания обидчиков, явился уже в служебной форме к ним домой и потребовал следовать вместе с ним в милицию. Те оказали сопротивление, и в возникшей потасовке Розенштейн пустил в ход табельное оружие… Трибунал войск НКВД Украинского округа приговорил Розенштейна к расстрелу. Пострадали и авторы направленного в Москву письма: по некоторым сведениям, все они были аоестованы[3].

Прошло время, и 27 февраля 1947 г. в целях «укрепления партийной и советской работы…» на Украине первым секретарем республиканского ЦК КП(б) был утвержден Лазарь Каганович, который объявил украинский буржуазный национализм главной опасностью в республике.

«…Большую роль во взращивании буржуазного национализма на Украине, – утверждал он, – сыграло то, что в течение трех лет на Украине хозяйничали немецко-фашистские захватчики… Немцы упорно и систематически отравляли сознание остававшегося на Украине населения и особенно… интеллигенции ядом фашизма, прививали им ненависть к русским, евреям, другим народам СССР».

Характеризуя далее последствия нацистского влияния, Каганович отмечал, что «дело доходит до того, что отдельные преподаватели вузов не только хранят у себя, но и преподносят своим коллегам в виде подарка библию людоедов – “Майн кампф”»[4].

Впоследствии Хрущев обвинял Кагановича, с которым у него в 1947 году сложились «ну просто нетерпимые отношения», в том, что тот «развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев». Данное утверждение можно признать корректным, только пояснив его немаловажным уточнением: на Украине от Кагановича пострадали, главным образом, те евреи, которые входили в креатуру Хрущева. Этот нюанс очень важен для объективной оценки деятельности Кагановича в тот период, как, впрочем, существенно и то, что он близко к сердцу воспринимал не только любые антисемитские проявления, но даже невинные вроде бы шутки на еврейскую тему. Однажды Сталин поинтересовался у него: «А почему вы, когда мы смеемся над евреями, становитесь грустным, мрачным по лицу?». На что известный своей беспредельной преданностью вождю соратник, не став на сей раз кривить душой, откровенно ответил: «Видите, товарищ Сталин.., видимо, в характере евреев сказалось то, что их очень много били, и они, как мимоза. К ней только притронься, она сразу закрывается»[5].

Рост бытового антисемитизма отмечался не только на Украине, но и на других, ранее захваченных нацистами территориях, где все еще ощущалось остаточное влияние их антисемитской пропаганды. Впрочем, юдофобия продолжала провоцироваться и чисто житейскими проблемами (трудоустройство, жилье), обострившимися в военное время, особенно в местах концентрированного проживания евреев в эвакуации. Примерно в одно время с протестом евреев из Киева поступило в ЦК и аналогичное коллективное послание из г. Рубцовск Алтайского края. В нем подробно описывалось несколько антисемитских эксцессов, в том числе и тот, что произошел 8 июля 1945 г. во время футбольного матча на местном стадионе. Утверждалось, что в провоцировании антиеврейских беспорядков существенную роль сыграло странное бездействие городских властей – партийных органов, прокуратуры, милиции[6]. В общем, масштабы обыденной юдофобии социальных низов были бы значительно меньшими, если бы по закону сообщающихся сосудов она не подпитывалась государственным антисемитизмом политических верхов, что, кстати, не утаилось, как мы уже имели возможность убедиться, от отдельных представителей еврейского населения.

Космополит – новый образ врага

Тем временем исторический локомотив истории на всех парах въезжал в мрачный и весьма длинный (по времени) тоннель холодной войны. Мир раскалывался на две противостоящих и враждебных друг другу политические силы – предводительствуемый США «свободный мир» и, по определению секретаря ЦК Андрея Жданова, «лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР»[7]. Идеологические различия, приглушенные было в ходе борьбы с общим врагом, вновь вышли в международных отношениях на передний план, став лейтмотивом набиравшей силу глобальной конфронтации. Тогда в действиях Сталина явственно обозначилась

тенденция осуществить в кратчайшие сроки тотальную психологическую мобилизацию общества, возродив в населении господствовавший в стране в первые послереволюционные десятилетия дух защитников осажденной со всех сторон крепости. Но достижению этой цели препятствовала инерция победной эйфории народа, принесшего неисчислимые жертвы за право на достойную мирную жизнь и продолжавшего в большинстве своем симпатизировать бывшим союзникам. То же самое можно сказать и о подспудной деидеологизации советского общества, которая заметно усилилась с конца 30-х годов и достигла своего пика в годы войны. Стремясь пресечь всенародное «почивание на лаврах», Сталин запустил механизм идеологической мобилизации общества. Руководить «закручиванием гаек» в духовной сфере он поручил такому опытному партфункционеру гуманитарного склада, как Жданов. И в своем выборе вождь не ошибся. Его избранник, сохранивший приверженность революционно-большевистской догме, с таким энтузиазмом взялся за реализацию послевоенного идеологического курса диктатора, что данный политический феномен вошел потом в историю под мрачноватым названием «ждановщина». И хотя на самом деле тот лишь публично разыгрывал сценарии, закулисным автором которых был Сталин, это не мешало ему воспринимать их как собственные. Фанатично убежденный в государственной важности порученной ему миссии, он, по заслуживающему доверия свидетельству, рассуждал примерно так:

> Положение достаточно серьезное и сложное. Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет все настойчивей разворачивать против нас идеологическое наступление… И совсем неуместно маниловское прекраснодушие: мы-де победители, нам все теперь нипочем… Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне… Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади все пропадом, всякая политика, хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. С удовольствием отдыхать… Настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясину… В литературе, драматургии, кино появилась какая-то плесень. Эти настроения становятся еще опаснее, когда они дополняются угодничеством перед Западом: «ах, Запад!», «ах, демократия!», «вот это литература!», «вот это урны на улицах!». Какой стыд, какое унижение национального достоинства![8].

Пробой нового идеологического пера стала пропагандистская кампания, развернувшаяся вокруг имен Ахматовой и Зощенко. Не случайно в принятом по ее результатам постановлении ЦК от 14 августа 1946 г. впервые прозвучала резкая критика литераторов за дух «низкопоклонства по отношению ко всему иностранному»[9]. Но грозовые тучи над головами будущих жертв борьбы с космополитизмом стали сгущаться задолго до этого. В отличие от 20-х и 30-х годов, когда для властей космополит был не более чем «человек, считающий своим отечеством весь мир, не признающий себя принадлежащим к определенной национальности»[10], в период войны это слово впервые стало употребляться в советской пропаганде в негативном контексте, правда, лишь изредка и очень осторожно, ибо оно еще не олицетворяло один из образов врага и не приобрело характера того позорного ярлыка, который потом

будет навешиваться властью на всех тех, в чьей преданности родине или, точнее, советскому государству она усомнится.

В том, что насыщение новым смыслом безобидного ранее понятия произошло в годы войны, не было ничего случайного. Именно тогда наблюдался первый всплеск государственного антисемитизма, который проявился в виде настойчивых попыток начать сверху так называемое национально-кадровое регулирование, означавшее на практике, прежде всего, постепенное вытеснение евреев из управленческих структур. Показательно, что примерно тогда же в номенклатурной среде появилось присловье: «Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом».

Корни этой цинично-шутливой сентенции уходят в прошлое, когда над русской духовностью тяготел пришедший из Европы легендарный образ Агасфера, этого Вечного Жида, бессмертного грешника и проклятого Богом и людьми скитальца во времени и пространстве. Однако то, что воспринималось естественным образом в XVIII–XIX веках, когда антисемитизм открыто проповедовался, не только некоторыми маститыми русскими литераторами и общественными деятелями, но и такими выдающимися европейскими мыслителями, как Вольтер, Кант, Гегель, Шопенгауэр[11], к середине XX столетия, отмеченного бурным прогрессом во всех областях и страшной трагедией Холокоста, превратилось в вопиющий и несовместимый с цивилизованностью анахронизм. Но, когда по окончании Второй мировой войны, в сталинском Советском Союзе вдруг пропагандисты заговорили о еврейском историке Иосифе Флавии как о первом космополите и стали проклинать «бандитского космополита» Троцкого, стало очевидным, что многовековой предрассудок отнюдь не канул в прошлое вместе с поверженным гитлеровским нацизмом. Как ни парадоксально, но в государстве, внесшем наибольший вклад в разгром фашизма, он выжил и даже как бы обрел второе дыхание[12].

В СССР в среде так называемого простого народа, где истинный смысл иностранного термина «космополит» вряд ли был понятен[13], это слово воспринималось как одно из обозначений евреев. В основе такого отождествления лежало то, что в результате кардинальных социальных изменений, произошедших с начала века на территории бывшей Российской Империи, евреи, оторвавшись в массе своей от национальных корней, как никакой другой народ утратили родной язык, самобытную культуру, религию, традиционный уклад жизни. За сравнительно короткий исторический период произошла как бы почти полная их денационализация. Конечно, в СССР в результате интенсивной межэтнической интеграции, происходившей посредством межнациональных браков, миграции населения, официальной пропаганды о дружбе народов и формировании единого советского народа, а также вследствие борьбы с так называемым буржуазным национализмом, одновременно интернационализировались («советизировались») и другие народы, в том числе и русские. Однако в случае с последними, обладавшими значительной, так сказать, национальной инерцией (в силу значительной численности населения и его коренного характера), это происходило значительно медленнее, чем с таким экстерриториальным национальным меньшинством, как евреи. Такая неравномерность «денационализации» народов СССР привносила в общество болезненные противоречия, усугубляемые затеянными Сталиным пропагандистскими играми вокруг русского патриотизма, вектор которого был направлен в противоположную от интернационализации сторону. Выступая за внутреннюю интеграцию народов империи вокруг доминирующей русской национальности, диктатор в условиях холодной войны воспринимал

космополитизм, прежде всего, как эманацию агрессивного и стремящегося к глобальной гегемонии американского буржуазного национализма, как своеобразный инструмент идеологической и культурной экспансии США, в том числе и против России. Вот почему поздний сталинизм прибег к идейному наследию дореволюционного почвеннического консервативного охранительства с присущим ему антисемитизмом. И корреляция этих двух разделенных десятилетиями идейно-политических феноменов не была столь умозрительной, как может показаться на первый взгляд. Их идейная перекличка была вполне реальной, ибо между двумя эпохами – дореволюционной царской и послевоенной сталинской – временной зазор был относительно невелик. Наглядным подтверждением тому может служить хотя бы эмоциональное выступление ответственного руководителя ТАСС Николая Г. Пальгунова летом 1947 года. В пространной речи, он, используя в качестве эпиграфа двустишие из «Горе от ума» Александра Грибоедова («Как с ранних лет привыкли верить мы, / Что нам от немцев нет спасенья…»), поведал коллегам следующую историю из своего прошлого:

> В юные годы я работал в издательстве «Просвещение». Впоследствии оно развернулось в большое прогрессивное издательство. В 1905 году оно выпускало марксистскую литературу, потом перешло на выпуск русских классиков – Пушкина, Островского и др. Но оно начинало работу на германские капиталы. В издательстве был специальный немецкий отдел. Служащие там были только немцы. В большом количестве издавались в переводах сочинения немецких ученых. Эти издания буквально наводняли Россию. Немцы имели большие прибыли. А русские ученые не могли найти издателя для своих трудов. Вот однажды из Германии приехал «хозяин», профессор Мейер. Было устроено собрание служащих. Немцы стояли по одну сторону, русские – по другую. Этот профессор произнес большую политическую речь. Обращался он только к немцам. Говорил на немецком языке. Он говорил о высокой провиденциальной миссии, которую господь Бог возложил на немцев нести культуру в отсталую, варварскую страну, осуществлять культурный «Дранх нах остен». Немцы зычно кричали «Хох». А мы стояли, как оплеванные, оскорбленные в своем национальном достоинстве[14].

В демонстрации собственного ура-патриотизма некоторые «представители общественности» шли еще дальше. В 1948 году к Жданову обратилась некто Л. Краскова. Ее донос, озаглавленный «Против засилья евреев в печати», содержал и такие откровенно юдофобские пассажи:

> …Во всех издательствах, если не на первых, то фактически на первых ролях сидят евреи. В Союзе советских писателей заправляют они, в «Литературной газете» – они… Нет от них спасения! Вопрос этот серьезнее и глубже, чем может показаться. Дело не в антисемитизме. Евреи мешают переделывать психологию советских людей в коммунистическом духе. Во все области нашей жизни они вносят дух торгашества, личной корысти, беспринципной круговой поруки, подхалимства и лицемерия. … Народ наш терпелив. Он терпит евреев из уважения к партийным принципам большевистской партии. Но терпение может лопнуть, особенно, если, не дай бог, разразится война. А когда лопается терпение у нашего народа, он страшен в гневе своем. Нельзя ли все-таки укоротить аппетиты евреев, хотя бы на идеологическом фронте?.. Говорить об этом вслух нельзя, да и не с кем, да и толку мало, поэтому и пишу в ЦК ВКП(б)[15].

Под сурдинку пропагандистских стенаний об угрозе, исходящей от космополитизма, сталинский режим противопоставил значительно усилившемуся в мире после войны объективному процессу глобальной интернационализации курс на дальнейшую изоляцию страны. Эти попытки еще больше отгородиться от внешнего мира были в какой-то мере закономерным ответом СССР, его, так сказать, защитной реакцией на жесткий вызов, брошенный ему в ходе начавшейся холодной войны Западом, и, прежде всего, США с их претензией на гегемонию в мире. Вместе с тем, такой ответ, давший мощный импульс нагнетанию в стране политической ксенофобии, был продиктован и стремлением сталинского единовластия к самовыживанию. В результате, сталинизм, прибегший ранее к великодержавному шовинизму и латентному антисемитизму, включил теперь в свой политико-идеологический инструментарий и антизападничество, причем, в варианте, созвучном традиционному российскому почвенничеству.

Следует отметить, что происходивший в то время интенсивный социальный выброс завуалированного антисемитизма, негативный заряд которого накапливался еще со времен войны, не мог быть чем-то самодовлеющим. Он не первопричина, а, скорее, индикатор, один из классических признаков ужесточения тоталитарного режима. Исходным же объективным пунктом всего того, что происходило тогда в советской империи, было извечное противоречие в человеческой истории между глобализмом и локализмом культуры, языка, экономики и другими основополагающими атрибутами цивилизации. Значительную роль сыграли и моменты субъективного плана. Это был, во-первых, вызванный внешним (холодная война) и внутренним (аппаратная борьба за власть) факторами очередной приступ сталинской паранойи: кремлевскому властелину повсюду стала мерещиться американо-сионистская опасность. И, во-вторых, определенное значение имело и то обстоятельство, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Западу, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность.

Речь идет, прежде всего, о выживших после всех большевистских репрессий представителях старого русского интеллектуального слоя, имевшего в дореволюционные времена широкие контакты с коллегами в Европе и Америке, а также об интеллигенции еврейского происхождения, значительная часть которой получила образование на Западе и была связана этническими корнями с восточной окраиной зарубежной Европы – Польшей, где Россия воспринималась зачастую как фактор угрозы с востока. Главным образом, представителей этих социально-национальных категорий населения Сталин и объявил космополитами в 1949-м, так как не мог не ощущать их затаенных симпатий к Западу и скепсиса в отношении его великодержавного курса. Именно поэтому ассимилированное еврейство, занимавшее видные позиции в искусстве и интеллектуальной сфере страны, в наибольшей степени пострадало от антикосмополитической кампании. По подсчетам современного израильского историка Б. Пинкуса, просмотревшего 56 советских периодических изданий за 1948–1953 годы, евреи составили 71 % всех представителей интеллигенции, обвиненных в космополитизме[16].

Духовный холокост

Антикосмополитическая кампания, развернутая в средствах массовой информации в начале 1949 года, послужила своеобразным прикрытием начавшейся одновременно ликвидации еврейской национальной культуры вместе с наиболее яркими ее представителями. Еще в январе 1948 года по тайному приказу Сталина был убит известный еврейский театральный режиссер и актер Соломон Михоэлс, который как бы являлся неформальным общественным лидером советского еврейства. Чтобы окутать смерть Михоэлса непроницаемой завесой тайны, МГБ в качестве так называемых активных мероприятий распространило противоречившие друг другу и сбивавшие с толку слухи о том, что Михоэлс пал жертвой банды польских националистов – «агентов Миколайчика» и что он был убит сионистами, чтобы «не выдал органам МГБ о всех проделках, связанных с сионистским движением, направленным в сторону Государства Израиль и на свержение большевиков»[17].

Основная часть еврейства, доверявшая, как и подавляющее большинство населения, советской пропаганде, не сомневалась в том, что смерть Михоэлса произошла в результате несчастного случая. Даже Эренбург впоследствии вынужден был признать, что официальная версия гибели артиста «казалась убедительной весной 1948 года», хотя сам он вряд ли поверил тогда тому, что написали советские газеты об этой загадочной смерти. Арестованный позднее Б.А. Шимелиович показал на одном из допросов, что на похоронах еврейского артиста Эренбург многозначительно произнес: «Несколько дней тому назад Михоэлс погиб на том же месте, где уже были истреблены десятки тысяч евреев». Не верили в случайность смерти Михоэлса и другие более или менее высокопоставленные деятели еврейского происхождения, которые, так или иначе соприкасаясь с властями и зная о проведении ими политики государственного антисемитизма, не могли на основании этого не делать соответствующих выводов. Пожалуй, больше других в официальной расправе над Михоэлсом был уверен поэт Маркиш. Уже 16 января, в день похорон артиста-мученика, когда его обезображенное тело с густо загримированным лицом было выставлено в зале Еврейского театра, он сочинил поэму «Михоэлс – неугасимый светильник», в котором были и такие строчки:

Разбитое лицо колючий снег занес,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы,
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
– О вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, вглядевшись в эти раны.
…Течет людской поток – и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе на траурных поминах,
Тебя почтить встают из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв, запытанных, невинных.

Советское еврейство скорбело. Оно потеряло в лице Михоэлса учителя, мудрого рабби, свою национальную опору. Трагическая гибель артиста потрясла и мировую

общественность. В США, Австралии, Франции, Аргентине, Палестине, Югославии, других странах прошли массовые собрания, посвященные его памяти. В Нью-Йорке Американский комитет еврейских писателей, художников и ученых 14 февраля организовал в Манхэттене массовый траурный митинг, на котором присутствовало более 2 тыс. человек. Со всего мира в Москву стекались телеграммы с выражением сочувствия и соболезнования, подписанные в том числе Альбертом Эйнштейном и Марком Шагалом[18].

Однако и самые злейшие враги Сталина в мире вряд ли подозревали его в организации этой трагедии. Ибо во внешней политике он проводил тогда курс, увенчавшийся, как известно, весной 1948 года, воссозданием национального еврейского государства на Ближнем Востоке. Однако диктатору вскоре пришлось убедиться в том, что его политика поддержки Израиля как бы провоцирует рост национального самосознания советских евреев, вдруг почувствовавших ответственность за свободу и независимость далекой прародины. Магии ближневосточного чуда оказалась подвластна даже вроде бы бесповоротно ассимилировавшаяся среда советского привилегированного еврейства с его коммунистическо-интернационалистской ментальностью. Жена маршала Ворошилова Екатерина Давидовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, еще в юности отлученная от синагоги, в дни создания Израиля изумила своих родственников фразой: «Вот теперь и у нас есть родина»[19].

Сотни евреев – рабочие, служащие, студенты, представители творческой интеллигенции и даже заключенные – приходили тогда в ЕАК и демонстрировали свою солидарность с Израилем. Среди них было много таких, кто, например, предлагал организовать сбор средств на закупку вооружения для израильской армии. Другие сами хотели поехать добровольцами сражаться бок о бок со своими еврейскими братьями. Третьи в массовом порядке ходатайствовали об эмиграции в Израиль (например, жители города Жмеринка Винницкой области). В еврейской среде циркулировали упорные слухи о том, что после официального признания СССР Израиля все советские евреи должны автоматически получить право туда эмигрировать. При этом, ссылались на Ленина, который отпустил финнов и поляков на их исторические родины, когда после Октябрьской революции те стали независимыми.

Были и такие горячие головы, которые вместо, как им казалось, нерешительного и обюрокраченного ЕАК требовали создать активно действующий Еврейский комитет помощи за независимость Израиля. В ЕАК все неформальные обращения тщательно регистрировались, а затем вместе с адресами и телефонами заявителей передавались властям. Впоследствии эти материалы помогли госбезопасности в проведении арестов так называемых еврейских националистов и использовались как доказательства их вины[20]. Но это будет потом, а пока советские евреи пребывали в эйфории от создания государства Израиль. Своего пика эти настроения достигли в первые недели осени 1948 года, что было связано с прибытием 3 сентября в Москву первого дипломатического представителя Израиля Голды Меир.

В попытке справиться со стихийными проявлениями растущего еврейского самосознания сторонники умеренной линии в советском руководстве сделали ставку на известного писателя и публициста Илью Эренбурга, который, будучи, по словам поэта Давида Самойлова, «крайним западным флангом сталинизма»[21], пользовался не только благорасположением вождя (в апреле 1948-го получил Сталинскую премию первой степени за роман «Буря»), но авторитетом и доверием как в международных и отечественных интеллектуальных кругах, так и у простых людей.

8 июля 1943 года члены ЕАК Ицик Фефер и Соломон Михоэлс (третий и четвертый слева) приняли участие в демонстрации в Нью-Йорке, на которой 50/000 человек протестовали против нацистской Германии.

О степени популярности Эренбурга среди советского еврейства свидетельствовал хотя бы тот факт, что тогда в сотнях списков ходили по рукам приписываемые ему неумело скроенные, наивные стихи, в которых звучала вечная тема еврейского национального самопознания. По форме они представляли собой своеобразный поэтический диалог между Эренбургом и поэтессой Маргаритой Алигер, которая говорила словами из своей поэмы «Твоя победа», опубликованной в 1945 году в журнале «Знамя» (№ 9). В начале этого смоделированного коллективным народным творчеством разговора о национальной судьбе евреев слово брала Алигер:

В чужом жилище руки грея,
Мы не осмелимся спросить:
– Кто мы такие? Мы – евреи.
Как смели это мы забыть?!

Я спрошу у Маркса и Эйнштейна,
Что великой мудрости полны,
Может, им открылась эта тайна
Нации пред вечностью войны?

Разве все, чем были мы богаты,
Мы не отдали без лишних слов?
Чем же перед миром виноваты
Эренбург, Багрицкий и Свердлов?..

Отвечайте же во имя чести
Племени, проклятого в веках,

Мальчики, пропавшие без вести,
Юноши, погибшие в боях.

Вековечный запах униженья,
Причитанья матерей и жен,
В смертных лагерях уничтоженья
Наш народ расстрелян и сожжен.

Танками раздавленные дети.
Этикетка «юде», кличка «жид»,
Нас уже почти что нет на свете,
Нас уже ничто не оживит…

Затем в разговор как бы вступал Эренбург:[22]

На ваш вопрос отметить не сумею,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы евреи,
Мы виноваты в том, что мы умны.

Мы виноваты в том, что наши дети
Стремятся к знаниям и мудрости живой.
И в том, что мы рассеяны по свету
И не имеем родины одной.

И сотни тысяч жизней не жалея,
Прошли и мы, достойные легенд,
Чтоб после услыхать: «Кто, кто, евреи?
Они в тылу сражались за Ташкент».

Чтоб после мук и пыток Освенцима,
Кто смертью был случайной позабыт,
Кто растерял всех близких и любимых,
Услышать мог: «Вас мало били, жид!»…

Нас задавить хотели в грязных гетто,
В печах спалить и крови утопить.
Но верю я, что несмотря на это,
Товарищ Алигер, мы будем жить.

И сотни тысяч новых макковеев
Мы возродим грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер[23].

Это были не просто стихи. За приведенными строчками без труда угадывались мучительные попытки маленького народа ответить на вопросы, порожденные войной и усилившимся антисемитизмом, стремление к самовыживанию и обретению новой национальной перспективы, причем, явно вне рамок советского патриотизма и форсированной ассимиляции, а на путях национально-исторического возрождения.

Многие евреи, особенно ассимилированные, продолжали относиться к Эренбургу с глубочайшим пиететом даже после публикации в «Правде» 21 сентября 1948 г. его статьи «По поводу одного письма», ставшей как бы последним предупреждением сверху доморощенным романтикам сионизма. Статья была написана в форме ответа на письмо некоего Александра Р., студента-еврея из Мюнхена, который как бы жаловался Эренбургу на антисемитизм в Западной Германии и в качестве универсального решения еврейской проблемы предлагал эмиграцию в Израиль. На самом деле, никакого Александра Р. в реальной жизни не существовало. С самого начала эта публикация была инициирована Сталиным, который с ее помощью вознамерился как бы подвести черту под семилетним периодом заигрывания СССР с мировым сионизмом. То, что это было именно так, видно из следующей записки, направленной ему Маленковым 18 сентября вместе с оттиском статьи:

> Перед отъездом (в отпуск. – *Авт.*) Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью…

Поскольку после просмотра оттиска на нем появилась сделанная рукой Поскребышева помета: «Товарищ Сталин согласен»[24], можно заключить, что с еще одним заданием Кремля Эренбург тогда справился успешно.

Итак, благодаря нехитрой, и, в общем-то, обычной в журналистике мистификации, Эренбург получил возможность, используя свою широкую эрудицию и талант блестящего полемиста, выполнить ту двуединую задачу, ради которой, собственно, он и был ангажирован сталинской пропагандой: поддержать советский внешнеполитический курс в отношении Израиля, и развенчать в то же время в глазах советского еврейства сионизм как идею всемирного братства евреев. Причем, чтобы исполнить кремлевский заказ, писателю не нужно было, что называется, наступать на горло собственной песне. Имея психологию космополита и убеждения антисиониста, он придерживался того мнения, что евреи подобны соли земли, которая в малых количествах (евреи в рассеянии) придает пище вкус, а при чрезмерной концентрации (создание еврейского государства) – способна отравить почву и сделать ее бесплодной[25].

Лейтмотивом статьи послужил тот тезис, что солидарность евреев, их стремление к единению отнюдь не базируются на неких неопределенных и существующих лишь в воображении сионистов общенациональных узах, а вызваны реальной жизненной необходимостью коллективной защиты от общего для всех евреев зла – антисемитизма[26]. Но за этой правильной, в общем-то, мыслью следовал лукавый и, по сути, фальшивый вывод о том, что поскольку в СССР ленинско-сталинская национальная политика давно покончила с антисемитизмом (на самом деле, Эренбург еще во время войны имел возможность убедиться в обратном), значит, советским евреям нечего беспокоиться: проклятый еврейский вопрос для них просто не существует, и потому «они смотрят не на Ближний Восток, они смотрят в будущее»[27].

Натужно-оптимистический пафос статьи Эренбурга, написанной им, возможно, с благой целью избежать обоюдного экстремизма на политической оси «евреи – большевистская власть», не загасил, а еще больше накалил бушевавшие страсти. Евреи, плененные магией национализма, не услышали прозвучавший призыв к бла-

горазумию и покорности, но зато почувствовали в подтексте статьи своего рода идеологический коллаборационизм с ассимиляторским режимом. В «Правду», а также в газету «Эйникайт», перепечатавшую статью и поддержавшую ее тезисы, пошел вал критических писем. Автор одного из них выразился без обиняков:

> По Эренбургу… евреи должны ассимилироваться… Если Михоэлс прочитал бы на страницах «Эйникайт» статью Эренбурга, он бы содрогнулся в своей могиле от злобы и горя… Еврейский народ не желает слушать советы Эренбурга[28].

Приходили и стихотворные послания:

Чему поверить? Где же Ваши мысли?
В строках из «Правды» или в ответе Алигер?
Где лжете Вы, еврейский Квислинг?
Где правду пишете – тогда или теперь? …

Чего вы ищете? Почета? Денег? Славы?
Неужто мало Вам презренного добра?
Иль, может быть, попутал Вас лукавый
И вы решили заменить нам Бар-Кохба?[29]

Святая простота! Да вам ли быть героем?
В вождях не может быть пластун и вечный раб.
Не Вам, писателю без родины, изгою,
Вести народ еврейский на врага…[30]

И хотя в этом потоке осуждения и раздражения звучали и более умеренные нотки, однако, и в них присутствовал укор Эренбургу. Это было полное фиаско человека, попытавшегося ответить на национальный вызов сугубо прагматически, в духе изощренного оппортунизма и той расхожей формулы, согласно которой политика – это не более чем искусство возможного.

Моральное поражение писателя и стоявшей за ним умеренной советской номенклатуры стало особенно очевидным 4 октября 1948 г. В тот день в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош ха-Шана). По такому знаменательному случаю туда прибыли израильские дипломаты во главе с Голдой Меир. Это посещение неожиданно вылилось во внушительную демонстрацию еврейского национального единства. Израильского посланника встречали как новоявленного мессию, некоторые люди в экстазе даже целовали край одежды Меир. По «приблизительному подсчету» чиновника из Совета по делам религиозных культов, в этом богослужении, по сути, ставшим празднованием возрождения еврейской государственности, участвовало до 10 тысяч человек, многие из которых не вместились в помещении синагоги. Нечто подобное имело место и 13 октября, когда Меир посетила синагогу по случаю праздника Судного дня (Йом Киппур). В тот день главный раввин С.М. Шлифер так прочувственно произнес молитву «На следующий год – в Иерусалиме», что вызвал прилив бурного энтузиазма у молящихся. Эта сакральная фраза, превратившись в своеобразный лозунг, была подхвачена огромной толпой, которая, дождавшись у синагоги окончания службы, двинулась вслед за Меир и сопровождавшими ее израильскими дипломатами, решившими пройтись пешком до резиденции в гостинице «Метрополь».

Первый посол Израиля в СССР Голда Меир в толпе приветствующих ее евреев у Московской хоральной синагоги

Беспрецедентная демонстрация евреями возрождения национального чувства привела к тому, что сталинская империя, мучительно переживавшая даже малейшую нестабильность внутри собственного политического организма, прибегла к испытанным методам самозащиты. Подобно гигантскому моллюску, обороняющемуся от враждебной внешней среды, она стала стремиться к еще более герметичной изоляции в спасительной раковине своих владений и одновременно приступила к радикальной очистке от «бактерий внутреннего разложения». Воспринимая этот почти инстинктивный императив как руководство к действию, Сталин, окончательно убедившись в малой эффективности пропагандистско-ассимиляторской терапии, предлагавшейся умеренными советниками со Старой площади, прибег для решения еврейской проблемы к радикальным «хирургическим» методам, на которых уже давно настаивала Лубянка.

В конце 1948 – начале 1949 годов ЕАК был ликвидирован, а наиболее активные его члены из числа видных еврейских литераторов оказались за решеткой. Тем самым, было положено начало организованному сверху искоренению всего еврейского в стране: культуры, литературы, общественных организаций, других национальных институций. Произошло радикальное усиление государственного антисемитизма, прежде не выходившего за рамки отдельных, тщательно закамуфлированных аппаратно-полицейских акций, а теперь начавшего принимать формы массированных и универсальных кампаний. Это был ответ сталинизма на стихийный всплеск массовой самоидентификации («буржуазного национализма») советского еврейства, последовавший вслед за образованием Израиля, и на присоединении этого государства и сионизма, в целом, к главному врагу СССР в послевоенном мире – лагерю империализма во главе с США. В результате, советские евреи, которые все больше превращались в глазах Сталина в «пятую колонну» сионизма в СССР, стали своеобразными заложниками этой войны. Чтобы нейтрализовать этих внутренних потенциальных

противников режима, Сталин и решил запустить механизм форсированной ассимиляции, то есть начать процесс насильственной и потому особенно мучительной и отнюдь не бескровной, как мы успели уже убедиться, национальной стерилизации. Основной удар был нанесен по национально-интеллектуальной элите еврейства, хранившей и развивавшей свою духовность, культуру, самобытность (т. е. то, что, собственно, и делало абстрактного человека евреем) и продолжавшей широко влиять на умы и сердца своих соплеменников, несмотря на их естественную денационализацию за десятилетия советской власти.

Маскировать антисемитский курс, проводившийся на территории обширной империи от Берлина до Владивостока, Сталину помогало присущее ему лицемерие. 25 ноября 1948 г., то есть через пять дней после закрытия ЕАК и начала развертывания массированного наступления на еврейскую культуру в СССР, политбюро утвердило директиву советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН, в которой предписывалось добиваться включения в международную конвенцию о борьбе с геноцидом[31] статьи о национально-культурном геноциде. Интерпретируя оный как деяния, направленные на «запрещение какой-либо национальной, расовой (религиозной) группе пользоваться национальным языком в повседневной жизни или в школах, запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы, уничтожение музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для религиозных культов…», директива поясняла, что отсутствие такой статьи в конвенции «может быть использовано теми, кто, попирая элементарные права национальных и расовых меньшинств и осуществляя угнетение и дискриминацию в отношении этих меньшинств и национальных групп, проводит преступную практику геноцида».

Было ли это хитроумным ходом Сталина в попытке прозондировать международное общественное мнение перед тем, как применить на практике этот самый национально-культурный геноцид в отношении советской еврейской культуры на языке идиш, или пропагандистским отвлекающим маневром советской дипломатии, сказать точно сейчас невозможно. Однако можно допустить, что произошедшее тогда отклонение ООН советской инициативы (в принятой 9 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей конвенции о геноциде национально-культурный аспект отсутствовал), в какой-то мере развязало руки хозяину одной шестой части земной суши в борьбе против населявшего ее еврейства. После этого Западу и, прежде всего, руководству сионистского движения, не оставалось ничего другого, как, осознавая собственное бессилие, время от времени сетовать на проводившуюся в СССР антисемитскую политику. В отсутствие соответствующих международно-правовых рычагов воздействия на Кремль, самое большее, что мог себе позволить тот же Бен-Гурион, это, выступая, к примеру, 13 октября 1949 г. на параде израильской молодежи, заявить:

> Опасность уничтожения еврейского народа не миновала. Не всегда людей уничтожают в газовых камерах. Можно уничтожить народ, убив его душу. Масса еврейского народа уничтожается теперь таким образом[32].

Впрочем, такие абстрактные слова вряд ли могли должным образом воздействовать на чувствовавшего безнаказанность советского диктатора. И эта его уверенность в собственной неуязвимости для критики извне зиждилась не только на военной мощи державы, которой он правил, но и на циничном понимании того обстоятельства,

СССР
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 480

Январь 26 дня 1949 г.

Выдан
Капитану Горбеву Г.В.
товарищу Коброву К.Ф. и Лейтенанту Бодрову
на производство Ареста и Обыска
Лозовского
Соломона Абрамовича
по адресу Москва
Ул. Дзержинского д.2, кв.1 кв.16

Министр
Государственной Безопасности
Союза ССР

Справка

Арест санкционирован Генеральным Прокурором СССР

СССР
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 497

Январь 27 дня 1949 г.

Выдан
Капитану Дудкину С.М. и
товарищу Шитикову Н.Р.
на производство Ареста и Обыска
Штерн
Лины Соломоновны
по адресу Москва
Старо-Конюшенный пер. 39 кв. 6

Место для печати

Министр
Государственной Безопасности
Союза ССР

Справка

Арест санкционирован Генеральным Прокурором СССР

Ордеры на арест бывшего министра внешних дел Соломона Лозовского и академика Лины Штерн (члена президиума ЕАК)

Фотографии из места заключения Лозовского и Иосифа Юзефовича, члена президиума ЕАК

что до тех пор, пока в мире существует колониальная система, а международная концепция прав человека пребывает в зачаточном состоянии, самые ярые его идеологические противники – западные демократии сами отнюдь не могут считать себя безгрешными в том, что касается соблюдения социальных и культурно-языковых прав многих находящихся под их властью народов.

Сигналом к началу генерального наступления сталинизма на еврейскую культуру стало закрытое письмо, отправленное ЦК ВКП(б) 3 января 1949 г. партийным обкомам, крайкомам и ЦК союзных республик, в котором те информировались о закрытии ЕАК и решении советского правительства арестовать связанных с ним и «уличенных в шпионаже» лиц. После этого гонения на еврейскую культуру стали, подобно кругам на воде, стремительно расходиться из Москвы по другим городам и регионам страны. В Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Белоруссии, Молдавии, Средней Азии, Казахстане, на Украине ликвидировались еврейские культурные и научные учреждения, шли повальные аресты всех, кто был с ними связан. В середине февраля 1949 года прекратились передачи московского международного радио на идиш.

За дерзкий вызов, брошенный созданной им системе и ему лично, Сталин жестоко отомстил, казнив в августе 1952 года 12 членов ЕАК, а также организатора и покровителя этой общественной организации Соломона Лозовского, чей брат, Григорий, был умерщвлен нацистами в Освенциме.

Репрессии коснулись не только носителей еврейской культуры. В массовом порядке тем или иным преследованиям подверглись и ассимилированные евреи. С весны 1949 года кадровая чистка в управленческих структурах начинает приобретать все более откровенный антисемитский характер. Ключевую роль в этом процессе сыграло подписанное Сталиным 21 июня 1950 г. секретное постановление политбюро «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности», которое привнесло в спонтанные до этого антиеврейские гонения в номенклатурной сфере систематичность, универсальность и детальную регламентированность. Первоначальный вариант этой директивы, обобщившей практику устранения евреев из министерств, ведомств, органов массовой информации, учреждений культуры и искусства, был подготовлен Михаилом Сусловым и подчиненным ему аппаратом Агитпропа. Но Сталин отклонил эту заготовку за неприкрыто торчавшие из нее антисемитские «уши». Переработанный потом на основании его указаний проект директивы стал соответствовать лучшим традициям советской аппаратной казуистики, ибо, сохранив очевидный антисемитский подтекст, уже не содержал не только никаких упоминаний о евреях, но даже ссылок на пресловутый «национальный признак».

В постановление от 21 июня 1950 г. вслед за традиционными абстрактными призывами укреплять партийный контроль за «делом подбора, расстановки и воспитания кадров» было включено весьма примечательное конкретное положение, обязывавшее министров и других руководителей ведомств ежегодно представлять в ЦК отчеты о работе с кадрами как в центральных аппаратах управления, так и в подчиненных им организациях[33]. А в эти отчеты, уже в соответствии с дополнительными устными разъяснениями сверху, должны были наряду с прочим в обязательном порядке заноситься количественные сведения о работающих и уволенных евреях. И, выходило, что внешне неброский и отдававший бюрократическим формализмом пункт,

по сути, означал введение планомерной антиеврейской чистки как атрибута государственной политики и тайную легитимизацию задним числом проводимых ранее проверок благонадежности государственных служащих в связи с их национальной принадлежностью.

Используя данные, почерпнутые из этих отчетов министерств и ведомств, аппарат ЦК в начале 1952 года составил таблицу количественной динамики руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров еврейской национальности. Ниже приводятся лишь некоторые позиции этой объемной таблицы[34]:

Названия должностей	**Количество евреев-руководителей**			
	в абсолютных цифрах		**в процентах**	
	на 01.01.45/46[35]	**на 01.01.52**	**на 01.01.45**	**на 01.01.52**
Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР[36]	516	190	12,9	3,9
Заместители министров, руководителей ведомств СССР и РСФСР	46	14	8,7	1,8
Начальники главных и центральных управлений министерств и ведомств СССР и РСФСР	98	5	14,8	3,2
Руководящие кадры предприятий и строек	481	190	11,2	4,6
Директора промышленных предприятий	261	92	12,3	4,6
Руководящие кадры союзных объединений, трестов и контор	223	91	10,9	5,6
То же, НИИ, КБ и проектных организаций	47	29	10,8	2,9
Руководящие кадры центральной печати	33	26	10,7	5,4
То же, вузов и партшкол	80	59	10,9	3,1
Секретари обкомов, крайкомов и ЦК и ЦК КП союзных республик	10	1	1,3	0,1
Первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик	1	–	0,6	–
Руководящие кадры областных, краевых и республиканских советских, хозяйственных и др. организаций	255	76	3,9	1,5

Без права отказа от еврейства

Основной удар в ходе чистки пришелся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты – управленцам, начиная с заместителей министров и далее по нисходящей, а также журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции. Создавалось впечатление, что, расправившись одним махом в начале 1949 года с еврейской культурой и ее представителями, власть высвободила руки, чтобы теперь вплотную заняться ассимилированными евреями, которые подозревались ею в «сочувствии» буржуазным националистам.

Именно эти, так сказать, номинальные евреи, несмотря на их почти полную оторванность от национальных корней, приняли на себя один из главных ударов в послевоенной кадровой чистке. Во многом прав оказался Г.П. Федотов писавший в 1940 году, что «ассимилированное еврейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его». Не ведая о первопричине свалившейся беды, некоторые евреи апеллировали к высшим руководителям страны, чаще всего к Берии, о котором шла молва как о покровителе нацменьшинств. Вот что, скажем, писала ему в ноябре 1949-го некая С.Р. Хляп:

> От своего имени честного советского гражданина и коммуниста, от имени моего погибшего в боях с фашизмом сына, от имени моей сестры, заживо захороненной нацистами с ее двумя детьми, через Вас шлю проклятие всем замаскированным фашиствующим нацистам – великорусским шовинистам, антисемитам нашим, которые возродили в нашей стране великорусский шовинизм, антисемитизм. Которые заставили силами советской прокуратуры, суда и других систем, в том числе и партийной, научной печати преступно извращать нашу программу, Конституцию и законы… Которые возродили замаскированную процентную норму для евреев, которых увольняют с работы и не берут на работу… только потому, что они евреи. Которые заразили этой великорусской шовинистической чумой советских детей в школах, молодежь и развязали всю эту чумную расистскую чехарду в советских квартирах, в быту. … Честные коммунисты и граждане недоумевают, как это могло случиться? Почему молчит ЦК? Почему молчит Правительство?.. Только негодяи, предатели Родины, пособники мирового фашизма, подготавливающие мост возврата нас в лоно мирового империализма, или обывательские корыстолюбцы могут говорить, что в нашей стране нет великорусского шовинизма, антисемитизма… Политбюро, ЦК, Правительство, остановите эту заразу, вырвите ее с корнем, вскройте, накажите главарей и их пособников. Советский народ вам в этом поможет. Товарищ Сталин, помогите… задыхаюсь от великорусского шовинистического антисемитского гнета, ни жить, ни работать не могу…[37].

В то время как одни евреи протестовали, другие, морально сломленные террором, который власть обрушила на головы «буржуазных националистов», пробовали идти другим путем. Самый простой и эффективный способ обезопасить собственное существование многие видели в смене национальности. Однако поскольку с конца 30-х годов сделать это официально для чистокровных евреев не представлялось возможным, некоторые из них, чтобы стать «русскими», вынуждены были прибегать к различного рода хитростям и ухищрениям. Такой путь был связан с немалым риском, так как если до войны евреям, изобличенным в самовольной смене национальности, грозил разве что средней тяжести нагоняй, то с конца 40-х это было чревато крупными неприятностями. Скажем, когда в 1938 году Хрущев (тогда первый секретарь ЦК КП(б) Украины) доложил в Кремль, что первый секретарь Днепропетровского обкома партии С.Б. Задионченко не украинец, как он сам себя представлял, а еврей и настоящая его фамилия Зайончик, Сталин воспринял эту информацию «довольно спокойно». Правда, видимо, за «неискренность перед партией» Задионченко тогда понизили в должности до заведующего отделом обкома, но уже в начале войны ему было доверено руководство партийной организацией Сталинской области, затем – Башкирии, а потом Кемеровской области. В сентябре 1948 года его назначили первым заместителем министра заготовок СССР, однако в 1951-м в ходе антиев-

рейской чистки в этом ведомстве сняли и перевели на второстепенную должность в аппарат ЦК[38].

В аналогичной ситуации, имевшей место в начале 1948 года, действия властей были жестче и решительней. Тогда разоблаченный в сокрытии своего еврейства заместитель министра электропромышленности А.И. Товстопалов был немедленно снят с этой должности как «не заслуживающий доверия». Таким же образом в конце 1950 года поступили и с начальником Главстройснаба Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР А.И. Слуцким. Причем, при разбирательстве персонального дела последнего в КПК не было принято в расчет его объяснение, сводившееся к тому, что поскольку он принял православие еще до революции, то в соответствии с порядком, существовавшим в Российской Империи, считал себя русским как бы на законном основании. Таким образом, если при царе евреи, чтобы избежать гонений, могли перейти в лоно государственной религии или эмигрировать из страны, то при Сталине они лишились этих возможностей. Создалась поистине тупиковая и парадоксальная ситуация. Множеству евреев, искренне уверовавших в сталинскую пропаганду объективной «прогрессивности» ассимиляции и в результате обрусевших, режим отказывал в формальном праве слиться с тем народом, с языком и культурой которого они полностью сроднились. Желая прояснить для себя такое явное противоречие, некто профессор Р. Белкин обратился в июле 1952 года к Сталину, видимо памятуя, что тот, будучи чистокровным грузином, отождествлял себя с русскими. Письмо содержало два вопроса к вождю:

> 1. Правильно ли определять национальность граждан СССР по их национальному происхождению, то есть по национальной принадлежности родителей, а не по основным признакам нации, которые сформулированы Вами в Вашем классическом определении нации?
> 2. Имеет ли право гражданин СССР изменять в узаконенном порядке свою анкетно-паспортную национальную принадлежность, если по всем признакам, характеризующим нацию (родной язык, территория, на которой вырос и живет данный гражданин, условия экономической жизни и психический склад, проявляющийся в общности культуры), он принадлежит к другой нации, чем его родители, по национальности которых определена его национальная принадлежность?

Послание завершалось еще двумя вопросами-пожеланиями:

> Не пришло ли время предоставить право определения национальной принадлежности по языку, культуре, быту, сознанию общности с данной нацией, а не по биологическим признакам, не по национальности предков? Не пришло ли время ликвидировать искусственное паспортное обособление русских людей еврейского происхождения от русского народа и, тем самым, разорвать формальную связь – связь… существующую между лицами еврейского происхождения, живущими в СССР и являющимися по существу русскими людьми, и зарубежными евреями?

Это письмо попало в аппарат ЦК, где к его рассмотрению отнеслись серьезно, направив на экспертную оценку в академические институты философии и языкознания[39]. На основании мнения академических специалистов чиновники ЦК в духе иезуитской казуистики разъяснили Белкину, что советские граждане не имеют права «произвольно изменять в официальных документах свою национальную принад-

лежность», пусть даже с нею их связывает только фамилия и отдаленное прошлое; только их детям от смешанных браков будет позволено сделать это, а кардинальное решение поднятой им проблемы произойдет после победы коммунизма во всем мире, когда в соответствии с учением марксизма-ленинизма отомрет деление людей на национальности. И еще один штрих: о содержании состоявшейся с Белкиным беседы сотрудники ЦК сочли необходимым доложить Маленкову[40].

Апофеозом сталинских гонений на евреев стало знаменитое «Дело врачей», пропагандистское сопровождение которого было инициировано 13 января 1953 г. публикацией в центральной печати сообщения ТАСС под заголовком «Арест группы врачей-вредителей». В те дни пресса запестрела статьями, имевшими явный антисемитский подтекст. Наиболее распространенной формой публикаций такого рода стали фельетоны, рассказывающие о разоблачении очередных махинаций различных темных дельцов и аферистов, которые, как на подбор, имели характерные еврейские фамилии. В центральной печати подобные материалы (о жуликоватом рентгенологе Фельдштейне или инженере-«халтурщике» Марке Иофане) стали время от времени появляться со второй половины 1952 года. «Интернационалистская» «Правда» воздерживалась от таких публикаций вплоть до 6 января 1953 г., когда на ее страницах появился фельетон о «редакторе-хапуге» из Сельхозиздата А.Я. Шапиро. Конечно, в нем не было явных антисемитских выпадов (в стране продолжал действовать закон, запрещавший возбуждение ненависти на национальной почве), однако, с помощью прозрачных намеков и различных литературных приемов рисовался негативный образ, как тогда говорили, «типичного представителя» еврейской национальности. Скажем, 7 февраля «Правда» опубликовала фельетон о «враче-проходимце» В.Б. Каждане, который с помощью подлогов и фальсификаций пытался сделать карьеру на ниве здравоохранения. Интересно, что этот материал был извлечен из редакционного архива, куда был направлен в августе 1952 года с резолюцией: «Не пойдет!..». Возможно, что тогда руководство «Правды» несколько шокировали грубо торчавшие на фоне смачных описаний колоритного местечкового быта антисемитские «уши» автора. Однако в ходе начавшейся через несколько месяцев завуалированной пропагандистской кампании против еврейских националистов в медицине материал все-таки «пошел», правда, в несколько отредактированном виде (были сняты выражения типа «старый Борух» и т. п.)[41].

Расширявшаяся день ото дня пропагандистская истерия вокруг «врачей-шпионов» вызывала двоякую реакцию в общественном сознании – агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед ними – с другой. Соединение этих негативных эмоций с антисемитизмом и шовинизмом создавало поистине гремучую смесь, которая пробуждала в обывательской массе ненависть прежде всего к евреям-врачам, которые обвинялись в намеренном уничтожении русских людей путем заражения туберкулезом, другими страшными болезнями и сокращения их рождаемости. Вспоминая о том времени и о Сталине, поэт Давид Самойлов писал:

> Он сумел заразить всю страну. Мы жили тогда манией преследования и величия[42].

Казалось, по воле впадающего в старческое безумие диктатора возрождаются мрачные времена деспотичного императора Нерона, наславшего жестокие гонения на обвиненных в поджоге Рима первых христиан, среди которых было немало вы-

ходцев из Иудеи. Всплеск плебейского антисемитизма свидетельствовал о его живучести в обществе и о том, что не так уж много изменилось в менталитете обывателя с тех пор, как в начале 1924 года в сводках ГПУ отмечалось распространение слухов, что Ленина «отравили жиды, стремящиеся захватить власть в свои руки… что Ленин отравлен врачами-евреями»[43].

И вот теперь «органы» вновь через свою разветвленную агентурную сеть собрали соответствующую информацию. Уже на следующий день после опубликования хроники ТАСС об аресте «врачей-вредителей» Гоглидзе направил на имя Сталина, Маленкова, Берии, Булганина и Хрущева оперативную сводку высказываний представителей советской интеллигенции и иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, по поводу этого сообщения. Нечто подобное, но полученное по открытым каналам и с упором на мнения так называемых простых граждан, поступало потом наверх и от главного редактора «Правды» Шепилова. В подавляющем большинстве откликов, в том числе и исходивших от «еврейских трудящихся», «врачи-вредители» гневно клеймились как «изверги рода человеческого», «продажные американские псы» и т. п., а также выдвигались требования жестоко покарать «человекозверей в белых халатах» (расстрелять повесить и даже четвертовать). Авторы некоторых посланий в «Правду», оговорившись, что они не антисемиты и не шовинисты, пускались в общие рассуждения о том, что евреи слишком любят деньги, не хотят заниматься физическом трудом, плохо показали себя в войну и, поскольку они не заслуживают доверия, и опасны для общества, то их необходимо выселить из Москвы и других крупных городов. В бóльшей части откликов евреев выражался стыд за «преступления» «презренной кучки отщепенцев» – «агентов еврейско-фашистского сионизма», «не имеющего никакой почвы среди трудовых еврейских масс», отмечалась их неблагодарность по отношению к советской власти, обеспечившей впервые в мире истинное равноправие евреев в обществе и защитившей их от полного уничтожения в годы войны. Значительно меньше было зафиксировано обращений и толков другого рода, за которыми стояли, главным образом, представители интеллектуального слоя еврейства.. Одни из них высказывали опасения в том роде, как бы «ненависть к презренной банде из “Джойнта”[44] не переросла в огульную ненависть ко всем евреям», что «в воздухе запахло гитлеризмом», и во избежании «назревающей катастрофы» предлагали разъяснять народу («который еще темен») в печати и по радио, что «не все евреи изменники». Другие (по сводкам МГБ) прямо заявляли по поводу сообщения ТАСС от 13 января:

> Из мухи делают слона, может быть, что и было, но это не так, как написано в газете, статья в «“Правде” это просто очередная погромная статья против евреев»; «зачем это надо было публиковать, ведь это открывает ворота для самой разнузданной кампании антисемитизма, ведь так можно дойти и до погромов»; «данное сообщение – очередная провокация Советского государства с целью подорвать общественное мнение к евреям и развязать себе руки для дальнейшей расправы с евреями»[45].

В те дни некто, представившийся как «русский интеллигент, русский человек», направил Сталину и некоторым его ближайшим сподвижникам по политическому руководству довольно глубокое по смыслу послание:

> …То, что антисемитизм организован у нас «сверху» – это факт. Ни для кого не секрет, что за последние годы проводится ряд мероприятий антиеврейского характера: не принимают

евреев в университеты, не принимают на работу в министерства, выгоняют из ответственных аппаратов правительства и партии, значительно уменьшилось число лауреатов Сталинских премий в области науки, техники, литературы, хотя талантливых евреев ничуть не уменьшилось, и это я, как многие другие русские интеллигенты, отлично знаем. Как ни прискорбно, но фактом является то, что в СССР введена позорная царская «процентная норма» – правда, неписаная, но действующая и живущая, – об этом знает каждый кадровик в любом учреждении. … Во всех учреждениях руководящие работники… в порядке перестраховки стараются быть подальше от евреев – «как бы чего не вышло». В семьях, где муж или жена евреи, принимаются меры, чтобы дети числились обязательно русскими. Русские мужья или жены, при всей их любви и уважении к своим супругам, расходятся или ищут пути, как бы найти приличный повод для развода. Слово «жид» за последние годы стало таким же распространенным, как русский мат. … Руководители партии и правительства не могли не знать, не имели права не знать, какую новую волну антисемитизма вызовет сообщение от 13 января о врачах-извергах. … Сколько изуверских бредней сейчас широко распространяется – еврей уколами прививает рак, евреи в родильных домах убивают русских младенцев… даже извергов русского происхождения приписывают сейчас к евреям. В народе широко распространено, что Егоров, Виноградов, Майоров также евреи, но только под русскими фамилиями. …В каждой трагедии есть свои комические стороны. И не удивительно, что в Москве говорят, что «Молотов – еврей, а Эренбург – русский». Когда транслировался доклад Михайлова в годовщину смерти В.И. Ленина, были выкрики, что говорит еврей – только потому, что тов. Михайлов картавит. …Необходимо немедленно покончить со всем этим позором, прекратить дискриминацию и травлю евреев. …Русская история учит, что русские интеллигенты, в лучшем смысле этого слова, всегда боролись против юдофобства…[46].

В том, что «дело врачей» используется советскими властями для нагнетания исподволь антисемитской истерии, не сомневались и иностранные дипломаты в Москве, которые почти в один голос называли «дело врачей» «сумасшедшей историей». По сводке МГБ, второй секретарь посольства Великобритании заявил, что сообщение о врачах – продолжение линии антисемитизма, начатой на процессе Сланского.

В это же время усилились слухи о вроде бы подготавливавшейся властями депортации евреев в Сибирь. Тот же Гоглидзе среди прочего проинформировал Кремль о следующем высказывании посланника Израиля Ш. Эльяшива:

Вся миссия очень опечалена сегодняшним сообщением. *В случае войны* (выделено мною. – *Г.К.*) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь, и этот процесс (суд над кремлевскими врачами – *Г.К.*) явится подготовкой общественного мнения[47].

Еще более панические настроения возникли в кругах столичной еврейской интеллигенции. Тогда оперативники госбезопасности зафиксировали, к примеру, следующие «антисоветские разговоры», которые вел со своими знакомыми столичный театральный администратор И.В. Нежный:

…Этим воспользуются погромщики, стоящие у тех или иных рулей, и поведут корабль к гибели… Им важно утопить евреев, и они это сделают… Вот скоро в Румынии готовится антиеврейский процесс! Там дело будет такое же, как в Чехословакии. Там Анна Паукер оказалась сионисткой – переправляла румынских евреев в Израиль… Процесс в Румынии,

а прокурор здесь. Все – отсюда. Потом будет в Болгарии, потом – в Албании, потом всех жидов соберут в одну кучу и к чертям в Сибирь…[48].

Однако самого страшного так и не произошло. 5 марта умер Сталин, а 4 апреля в печати появилось «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о «полной реабилитации и освобождении из-под стражи арестованных по так называемому “делу о врачах вредителях”».

Можно сказать, что Сталин умер вовремя, ибо в ядерный век его единоличная диктатура изжила себя окончательно. Наследовавшая власть бюрократия, не желая более быть уподобленной податливой глине в железных руках диктатора-демиурга и ратуя в душе за режим номенклатурной олигархии, провозгласила лозунг коллективности руководства, которому, в общем-то, и следовала вплоть до крушения коммунизма и распада СССР. Но и это правление несло на себе каинову печать государственного антисемитизма, хотя он и был водворен в узкие рамки строго регламентированной негласной политики, не позволявшей провоцировать такие крупномасштабные пропагандистские и полицейско-репрессивные акции, которые имели место в недалеком прошлом (борьба с «космополитами», «дело ЕАК», «дело врачей»). К тому же, новое советское руководство приняло кардинальные меры к укрощению подпитывавшего антисемитизм великорусского шовинизма и в связи с этим отказалось от национально-государственной доктрины «старшего брата», заменив ее сусловско-брежневской редакцией концепции советского народа, рассматриваемого теперь в качестве «новой исторической, социальной и интернациональной общности людей», возникшей на основе «юридического и фактического равенства всех наций и народностей СССР». Тем самым, по государственному антисемитизму был нанесен ощутимый, хотя и не смертельный удар. Если в последние годы правления Сталина эта политика была чем-то сродни разгоравшемуся пламени, то при Хрущеве и Брежневе, когда ее, в значительной мере, «притушили», она, подобно незримому торфяному пожару, лишь чадила и тлела, пока вместе с коммунистическим режимом не канула в Лету в 1991 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробно: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2001. С. 260–263.

[2] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1948. С. 196–197.

[3] РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 125. Д. 310. Л. 49–52.

[4] Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 122. Л. 10–42, 216; Исторический архив. 1993. № 4. С. 51.

[5] *Хрущев Н.С.* Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 42; *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. – М., 1992. С. 175.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 47–48.

[7] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. – М., 1948. С. 22–23.

[8] *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 11.

[9] Большевик. 1946. № 15. С. 12.

[10] Малая Советская энциклопедия. Т. 5. – М., 1937. С. 863.

[11] *Лакер В.* История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000. С. 40.

[12] Новый мир. 1948. № 6. С. 293; № 2. С. 127.

[13] Вспоминается эпизод из фильма Марлена Хуциева «Весна на Заречной улице» (1956 г.), в котором водитель грузовика провинциального промышленного городка говорит приехавшей из

Москвы молодой учительнице: «Да, красоты здесь не наведешь. У нас космополитических кабинетов нет».

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1653. Л. 82, 91.

[15] Там же. Ф. 77. Оп. 4. Д. 73. Л. 12–13.

[16] *Батыгина Г.С., Девятко И.Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 69.

[17] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1078. Л. 93.

[18] Там же. Оп. 128. Д. 1152. Л. 198; *Вовси-Михоэлс Н.С.* Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминание о жизни и гибели. – М., 1997. С. 235, 236.

[19] *Васильева Л.Н.* Кремлевские жены. – М., 1992. С. 236.

[20] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 445. Л. 64; ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 8. Л. 58; Д. 20. Л. 60; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история / Отв. ред. Ш. Редлих, науч. ред. Г.В. Костырченко. С. 289; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. – М., 1994. С. 364–365.

[21] *Самойлов Д.С.* Памятные записки. – М.: Международные отношения, 1995. С. 241.

[22] Приводимый вариант стихов был направлен Эренбургу из г. Сталино (Донецк) украинской студенткой Еленой Сотник, которая случайно обнаружила их у своей подруги-еврейки, обвиненной потом в национализме.

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 12. Л. 116–123.

[24] Советско-израильские отношения. Сборник документов. – М., 2000. Т. 1. Кн. 1. С. 375–383.

[25] Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943–1966 / Ред. М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский. – Иерусалим, 1993. С. 31.

[26] Правда. 1948. 21 сент.

[27] Там же.

[28] Эйникайт.1948. 25 сент.

[29] Бар-Кохба (*арам.* – Сын звезды) объявивший себя мессией вождь антиримского восстания в Иудее в 132–135 годах.

[30] *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. – М., 1994. С. 122–124.

[31] Проект конвенции о геноциде был разработан американским адвокатом польско-еврейского происхождения Р. Лемкиным.

[32] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1078. Л. 93.

[33] Там же. Ф. 17 Оп. 118. Д. 897. Л. 92–95. Д. 931. Л. 126–130.

[34] Там же. Ф. 17 Оп. 119. Д. 862. Л. 5–192.

[35] В январе 1945 года не было проведено статистического исследования. – *Г.К.*

[36] В эту категорию входили руководящие работники Верховных советов, Советов министров СССР и РСФСР, министры, другие руководители ведомств СССР и РСФСР, их заместители, начальники главных управлений и основных отделов министерств и ведомств и их заместители, руководство ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, члены Верховных судов СССР и РСФСР, а также их военных коллегий, цензоры Главлита, следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР и МГБ СССР, военные прокуроры, помощники министров, члены секретариата Союза советских писателей, радиокомментаторы и некоторые другие высокопоставленные должностные лица.

[37] РГАСПИ. Оп. 118. Д. 615. Л. 73, 74. *Г.П. Федотов.* Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса) // Тайны Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX – первой половине XX вв. – СПб., 1993. С. 454.

[38] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1072. Л. 37. //Вопросы истории. 1990, № 5. С. 58–59. Российская еврейская энциклопедия. – М., 1994. Т. 1. С. 468.

[39] Вот весьма красноречивые фрагменты из представленных оттуда в ЦК «научных» заключений: «Предложения Р. Белкина ведут к путанице и извращению учения Сталина о нациях… Да, евреи не были нацией в условиях старой царской России, ибо подвергались жестоким преследованиям, которые мешали им консолидироваться в нацию… Советская власть предоставила все условия для национальной консолидации еврейскому народу… Была создана еврейская автономная область… Создание жизнеспособной Еврейской социалистической нации, ее развитие целиком за-

висят в наших условиях от самого еврейского народа… Процесс ассимиляции евреев у нас, несомненно, происходит. Евреи больше, чем другие нации подвержены этому процессу, так как они до сих пор предпочитают жить разрозненными группами среди других народов и не стремятся к национальной консолидации. Больше того, отдельные представители еврейского народа хотят как-то искусственно ассимилироваться и полностью вычеркнуть из своей памяти свою естественную национальную принадлежность. Эти люди не делают чести еврейскому народу, так как являются отщепенцами, “бродягами, не помнящими своего родства”. Они хотят приписать себя к другим народам, так как им кажется, что те обладают преимуществами, которых у евреев нет. Однако в нашей стране все нации обладают полностью одинаковыми правами и никакого предпочтения какая-либо национальная принадлежность не дает… Совершенно неправильно считать искусственным отличие евреев от русского народа… Русский народ является ведущей нацией среди всех наций СССР… Товарищ Сталин назвал русский народ выдающимся народом…».

[40] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 293. Л. 139–149.

[41] Медицинский работник, 21 ноября 1952 г. РГАСПИ. Ф. 364. Оп. 13. Д. 4. Л. 1–234.

[42] *Самойлов Д.С.* Памятные записки. – М., 1995. С. 165.

[43] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 708. Л. 15, 17.

[44] Joint Distribution Agency – Еврейский распределительный Комитет.

[45] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 3–93, 98–127.

[46] Там же. Л. 95–97.

[47] Там же. Л. 130.

[48] *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. С. 346.

Последствия и переосмысление войны

Анна Новикова

САМОПОЗНАНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: тема Великой Отечественной войны на советском радио и телевидении

Путь познания длиною в жизнь

Технические открытия XX века позволили людям фиксировать на аудио- или видеоносителях исторические события. Этот процесс шел не только в мирное, но и в военное время. Советские и зарубежные звуко- и кинооператоры не прекращали свою работу даже в самые страшные дни Второй мировой войны. Существование аудиовизуальных документов военного времени позволило после победы ветеранам вновь и вновь возвращаться к тем роковым дням, корректируя оценки событий.

Процесс этот был несколько осложнен спецификой сохранившихся материалов. Во-первых, в первые дни войны, по воспоминаниям фронтового оператора Романа Кармена, «существовала установка, неверная тенденция не снимать нашего горя, наших потерь, и она как-то психологически давила на нас»; «страшились начальства, боялись отступавших, истекавших кровью бойцов, <…> полуживых, все потерявших беженцев, боялись собственного аппарата»[1]. Эта проблема была общей для всех, кто должен был с кино- или фотоаппаратом быть на полях сражений. «Стоило только взять в руки аппарат, как со всех сторон раздавались возгласы протеста», – вспоминал другой фронтовой кинооператор Борис Небылицкий[2].

Во-вторых, невозможно было почувствовать тогда, что покажется ценным поколениям, которые будут когда-нибудь использовать эти кадры. «Я потерял цель, – вспоминал спустя много лет оператор Владислав Микоша. – В первые часы все казалось ничтожным по сравнению с тем, что открылось перед нами. Я даже не поднял “Аймо”. Казалось, мир гибнет. Он не может, никак не может существовать после тех кошмаров, которые обрушились на него. Так наступило то самое ощущение пустоты»[3].

Константин Симонов вспоминал свой разговор с одним из фронтовых фотокорреспондентов, происшедший через много лет после войны: «А ты помнишь, – сказал фотограф Симонову, – там, у переправы перед Днепропетровском, того старика, которого я хотел тогда снять, а ты мне не дал? А потом я все-таки снял его через окошко машины. Того старика, который тащил там телегу, впрягшись в нее вместо лошади, а на телеге у него сидели дети. Этот кадр у меня есть. Ты вообще помнишь, я стал снимать беженцев. А ты не дал? Вырвал у меня аппарат и затолкал меня в машину. И орал на меня, что – разве можно снимать такое горе?! <…> Сейчас, через много лет после трагедии 41-го года, глядя старые кинохроники <…> как часто мы сердимся на наших товарищей – и фотокорреспондентов, и фронтовых кинооператоров – за то, что они так редко снимали тогда, в тот страшный год, быт войны, кар-

тины отступлений, убитых бомбами женщин и детей, лежащие на дорогах трупы, Эвакуацию, беженцев»[4].

В таких тяжелых и противоречивых условиях рождалась хроника войны. «Мы были твердо убеждены, – писал Микоша, – что надо снимать героизм, а героизм, по общепринятым нормам, не имел ничего общего со страданием…»[5]

Эта убежденность долгие годы была определяющей на радио, в нашем документальном и художественном кинематографе, потом перешла на телевидение. Тем более что о войне уже в мирное время на радио и телевидении рассказывали люди, которые писали о ней и снимали ее в те страшные годы. Роман Кармен, Сергей Смирнов, Константин Симонов, Юрий Левитан и др. – люди, о вкладе которых в познание войны мы будем говорить ниже, были родом из этой войны. Знали о ней не понаслышке. XX век был их веком, и они осмысливали события своей молодости в течение всей последующей жизни. Этот процесс был труден, так как все эти люди были детьми революции 1917 года, убежденными коммунистами. Война была для них, в первую очередь, защитой социалистического строя[6].

История радио- и телепрограмм о войне – это история постоянного возвращения к хронике и переосмысления ее. Хроника советская, хроника немецкая, хроника «союзников» создавалась разными людьми, имеющими разные идеологические взгляды. В сумме получился коллективный взгляд, дававший людям шанс, оставив в прошлом боль потерь; разобраться во многом, что происходило в те страшные для всех воевавших стран дни, – шанс самопознания.

Процесс узнавания правды о войне шел настолько медленно, что можно, на наш взгляд, говорить о трагедии советского народа, *трагедии поколения победителей*, практически всю свою жизнь прожившего в плену пропагандистских схем, сквозь которые с трудом пробивалась живая история. Но постепенно память выдавала из запасников не только иллюстрации пропагандистских лозунгов времен войны, но и живые человеческие впечатления.

На наш взгляд, период с 1945 по 1991 год можно разделить на пять этапов различного освещения темы Отечественной войны 1941–1945 гг. Границы этих этапов, в первую очередь, определяются сменой партийных руководителей, а вслед за этим и границ дозволенного. Однако процесс осознания шел не только по команде сверху. Необходимость перемен назревала внизу, вынуждая идеологическую верхушку идти на уступки.

Кроме социальных причин на специфику передач о войне влияли и технические и художественные открытия, происходившие на телевидении и радио в послевоенные десятилетия.

Система выразительных средств радиовещания и телевидения и специфические приемы отражения действительности отрабатывались в процессе эволюции всех жанрово-тематических направлений вещания. Находки художественного вещания достаточно быстро вводились в арсенал информационных, пропагандистских и просветительских редакций.

А поскольку память о войне с Германией стала в 60–70-е годы одним из идеологических столпов советского мировоззрения, на подготовку программ о ней не жалели творческих сил и средств. Особенно ярко это проявлялось в юбилейные годы. Необходимо было заполнять эфир потоком передач, а мера допустимой информации о войне увеличивалась крайне медленно. В связи с этим содержательные элементы часто повторялись, что стимулировало поиск новых приемов и форм экранного отражения исторических событий.

Горе. Из цикла «Так это было…». Керчь 1942. Фотографы и операторы в начале войны были убеждены, что снимать нужно только героизм. Поэтому снимков, подобных сделанному Дмитрием Бальтерманцем, очень мало

Исходя из всего вышесказанного, нам представляются наиболее точными следующие хронологические границы этапов освещения в советском радио- и телеэфире темы войны 1941–45 гг.

1 этап (1945–1947). Переходный период из военного в мирное время. На этом этапе сохранялись принципы освещения военной темы, выработанные в период наступления советских войск на Берлин: прославление победоносной Красной Армии и товарища Сталина, освободивших мир от фашизма.

2 этап (1947–1956). СМИ о событиях войны старались не вспоминать, чтобы не бередить свежие раны. Эта тема оставалась актуальной для творящих миф литературы, кино и т. д. Идеологи говорили о потенциальной угрозе повторения пережитых ужасов и необходимости бороться за мир, противопоставляя социалистический блок государств капиталистическому, опуская «железный занавес». В это же время органы безопасности приводили архивы в соответствие утвержденным партией трактовкам военных событий.

3 этап (1956–1964). Предпринята попытка публичного преодоления культа личности Сталина. В стране начался расцвет литературы и искусства, вызванный «хрущевской оттепелью». Победа в войне с фашизмом больше не связывается только с фигурой Сталина, постепенно появляются разрозненные передачи о войне, к поиску пропавших без вести подключены средства массовой информации.

4 этап (1965–1978). Тема Великой Отечественной войны становится краеугольным камнем советской идеологии. На телеэкранах и в радиоэфире появляется множество передач о войне и ее героях. В СМИ, также как и в литературе, и кино, на первый план выходит так называемая «солдатская правда» о войне. Начинается пе-

реосмысление хроники и создание многосерийных хроникальных исторических лент, в том числе о войне с Германией. К юбилеям победы в теле- и радио эфире проводятся широкомасштабные акции.

5 этап (1979–1991). Постепенное снижение зрительского интереса к военной тематике. Разрушается идеологический фундамент общества.

Телевидение и радиовещание в гораздо большей степени, чем другие искусства, существуют и развиваются в зависимости от социального заказа, который формируется обстоятельствами как внешними (изменение жизненных обстоятельств), так и конкретными условиями производства программ. При соединении этих составляющих решающую роль играют два фактора: во-первых, дарование создателей, во-вторых, соответствие их художественно-технологических поисков исходному материалу.

Учитывая указанную специфику телевидения и радиовещания, постараемся проанализировать некоторые программы, посвященные теме войны с Германией 1941–1945 годов, и проследить, как результаты творчества некоторых мастеров эфира и телеэкрана влияли на восприятие советской аудиторией собственной истории и отношение ее к Германии и немецкому народу.

Время мифов

На первом этапе речь может идти, в основном, о радиовещании, так как послевоенное телевидение, возобновившее свою работу в 1945 году, обладало еще столь ограниченными техническими возможностями[7], что не имело широкой аудитории и общенационального влияния[8].

Наиболее интересным жанром радиовещания того времени, на наш взгляд, были трансляции. Жанр репортажной трансляции объединял всю страну, позволяя ощутить себя участниками великих событий, происходивших в этот момент. Так в 22 часа 9 мая 1945 года все радиостанции СССР транслировали торжественный салют в Москве[9], и даже те, кто находился за тысячи километров от столицы, могли ощутить себя присутствующими там.

Каждый из тех, кто вел первые послевоенные репортажи, был хорошо известен слушателям по военной прессе и эфиру[10]. Например, радиорепортаж Парада Победы 24 июня 1945 года[11], который был одним из самых значительных событий послевоенного эфира, вели писатели Алексей Сурков[12], Борис Полевой[13], Лев Кассиль[14], журналист Вадим Синявский[15], дикторы всесоюзного радио Юрий Левитан[16] и Ольга Высоцкая[17]. Были организованы выступления у микрофона героев ВОВ, деятелей науки, литературы, искусства, зарубежных общественно-политических деятелей[18].

В ноябре 1945 года в Нюрнберге начался судебный процесс, который, благодаря возможностям радио, превратился в широкую общественную кампанию. К началу процесса в Нюрнберге было аккредитовано 47 журналистов, из них 44 советских. По воспоминаниям спецкорреспондента радио Михаила Гуса[19], корреспондентское бюро Всесоюзного радиокомитета расположилось в здании Дворца юстиций. Ни у кого не было такой студии, как эта: стены и потолок студии были обшиты шелком, оборудованная трофейной немецкой техникой, она имела две трансляционные линии, дававшие возможность передавать прямую речь говорящего и русский перевод[20]. Наиболее важные показания (Геринга, Паулюса) записывали на магнитофон. В Мо-

скву посылали радиокомментарии и отчеты. За первые полгода процесса было передано 300 тысяч слов, по 2 тысячи ежедневно.

В широкую кампанию вылилось и освещение по радио демобилизации советских воинов[21]. В эфир был передан ряд репортажей, записанных на вокзалах Москвы, о том, как встречают демобилизованных, интервью с бойцами и офицерами, представителями райвоенкоматов и предприятий. Разъяснялся закон о демобилизации – льготы для демобилизованных, их трудоустройство, помощь в строительстве домов.

С точки зрения художественности эти репортажи не представляли ничего нового. Острая актуальность тем и «эффект присутствия» делали их привлекательными для многих радиослушателей. Кредит доверия к зарекомендовавшим себя во время войны корреспондентам и писателям был столь велик, что все прошедшее в эфире воспринималось как истина в последней инстанции.

Особое чувство вызывал голос Юрия Левитана, который всю войну сообщал о поражениях и победах от лица «Советского Информбюро»[22]. Природный талант и возможности радио превратили рядового диктора в национального героя. Его голос был голосом Ставки. Этот статус Юрий Левитан сохранял практически всю свою жизнь. Много лет спустя на встрече с ветеранами Левитан неожиданно произнес слова: «Приказ Верховного Главнокомандующего». «Окружающих как парализовало, – вспоминал Б. Ляшенко, – такая в фойе образовалась тишина. Люди не сразу поняли, что произошло, но умолкли как по команде»[23].

После войны Левитан продолжал активно работать. Он рассказывал радиослушателям о восстановлении народного хозяйства, об освоении целины, Антарктиды, космоса. Он был удивительно одаренным человеком, его голос мог быть очень разным. Например, очерк о молодых колхозниках Лещинского (1946 г.) он прочел очень лирично, без привычных для всех нот[24]. Но это был голос Левитана, и он был узнаваем. Озвученная им информация о достижениях мирного времени продолжала звучать как сводки об успехах нашей армии в последний год войны. Можно было не произносить лозунги о продолжении сражения и о необходимом героизме в мирное, но все еще трудное время. Эта мысль возникала в сознании слушателей благодаря голосу Левитана. Но этот же голос не давал забыть об огромных потерях, которые понес советский народ. Можно было не называть вслух цифры. Воспоминания о недавно пережитых ужасах оживали при звуках этого голоса.

В первые послевоенные годы радио рассказывало о зверствах фашистов на оккупированных территориях. Например, 5 ноября 1946 года по радио выступили Е.Н. Кошевая, мать Олега Кошевого, одного из юных руководителей подпольной антифашистской организации «Молодая гвардия» в городе Краснодоне, и член этой организации Валерия Борц[25]. Люди, оставшиеся в живых, спешили поделиться воспоминаниями о героически погибших товарищах.

Происходило странное смешение реальности и мифа. Ведь еще в январе 1945 года писатель Александр Фадеев[26] читал в клубе писателей главы из своего романа «Молодая гвардия»[27]. В основу романа были положены реальные события, герои произведения носили имена свои прототипов. Но документальные события были обработаны, реальные люди напоминали былинных персонажей.

Страна хотела знать имена героев, но среди множества отдавших жизнь за Родину искусство и средства массовой коммуникации, по одобрению сверху, выбирали и предлагали народу не судьбы живых людей с их сомнениями и страданиями, а «глянцевые» картинки – образцы для поклонения и подражания.

В этом была не только пропагандистская, но и житейская логика. Зачем говорить о сомнениях, когда они уже позади? Зачем говорить о трудностях, когда они уже преодолены? Зачем вспоминать о горе, надо жить надеждой на будущее. Для того, чтобы наладить разрушенную войной жизнь, нужны силы, много сил. Их можно черпать, имея перед глазами примеры сверхчеловеческого мужества победивших. И герои, павшие и живые, становятся легендами (иногда при жизни, как партизанка Валерия Борц или летчик Алексей Маресьев[28], вернувшийся в строй после потери ног).

К концу 1946 года из радиоэфира практически исчезли так называемые «прямые передачи», почти все программы (за исключением выпусков «Последних известий») шли в звукозаписи. По признанию тогдашнего председателя Радиокомитета Дмитрия Поликарпова, 95 % всего времени вещания было занято передачами, заранее фиксированными на пленке[29].

Радио и телевидение тиражировали легенды, созданные другими искусствами. Осенью 1946 года по телевидению был возобновлен показ художественных и хроникальных фильмов[30]. Какие именно фильмы были показаны в тот период неизвестно, но вероятно среди них были и посвященные победе документальные ленты Юлия Райзмана «Берлин» (1945 г.), Кармена «Суд народов» (1946 г.)[31] и другие фильмы, утверждающие героизм и воинское искусство советских войск.

Тема победы советского народа в Великой Отечественной войне, героизма советских людей была одним из главных направлений в искусстве. Во время театрального сезона 1947–48 годов инсценировки романа Фадеева «Молодая гвардия» шли более чем в 50 драматических театрах страны[32]. Спектаклей на военную тему было множество. И почти во всех требовалась запись голоса Левитана, читающего военные сводки. А их не существовало. Записи, делавшиеся иногда с эфира для служебных целей, были плохи и очень разрознены по содержанию. И вот тогда, в конце 40-х, начали создавать реконструкции сводок (процесс этот активно продолжился в середине 60-ых, когда начался подъем в публицистическом осмыслении войны средствами радио и телевидения)[33]. Левитан заново прочитал военные сводки и сделал это так, что никто не замечал, что хранившиеся в Центральном Государственном архиве звукозаписей СССР пленки с голосом знаменитого диктора – позднейшая реконструкция.

Литературно-драматического вещания радио старалось не отставать от театров. Писатели представляли отрывки своих произведений, например, 2 января 1946 года Герой Советского Союза Петр П. Вершигора[34] читал по радио отрывок из своей книги «Люди с чистой совестью». Создавались и собственно радийные формы – в мае 1947 года была завершена работа над радиокомпозицией по поэме Александра Твардовского[35] «Василий Теркин» (режиссер и исполнитель – народный артист РСФСР Дмитрий Н. Орлов[36]). Третья часть исполнялась в день Победы – 9 мая 1947 года[37]. Голос Орлова, читающий «Теркина», полный сердечной теплоты и веселого лукавства, до сих пор остается в золотом фонде звукозаписей.

Подробного анализа второго из обозначенных выше этапов (1947–1956) невозможен по нескольким причинам.

Во-первых, в кино- и радиоархивах, по-видимому, в первые несколько лет после победы производили тщательную сортировку документов. Одни документы, казавшиеся представителям власти наиболее идеологически опасными, уничтожались,

другие засекречивались и передавались в специализированные архивы. Об этом косвенно свидетельствовали люди, разыскивавшие в архивах необходимые пленки еще в 60–70-х гг[38]. Многие документы военного времени до сих пор не доступны для исследователей.

Сегодня в архиве Гостелерадиофонда, по утверждению его администрации, вообще не сохранились материалы, относящиеся к телевизионной практике 1945–1951 годов, так как в то время они передавались «наверх». По предположениям специалистов архива, они либо уничтожены, либо находятся в закрытых архивах.

Во-вторых, передач, посвященных войне, и не могло быть много. Внешняя политика СССР не располагала к регулярному и подробному обсуждению военной темы в радио- и телеэфире. Когда-то совместная борьба с фашистскими войсками объединила советское государство с капиталистическими странами-союзницами, но теперь советское правительство опускало «железный занавес», и воспоминания об интернационализме, а значит и о войне, были неуместны.

В-третьих, о войне, как о страдании, а не победном марше, могли говорить только личности. Но власти не нужны были личности. В документальном кинематографе тех лет жизнь представала в сухом информационном изложении. Авторы (среди них были те, кто зарекомендовал себя во время войны совсем с другой стороны, например, Кармен в 1948 г. работал над совершенно чуждым для своего творчества фильмом «Песня колхозных полей») как будто сознательно пытались подняться как можно выше над событием, отойти как можно дальше от проявления человеческой индивидуальности. Телятницы в одинаковых платочках, трактористы, сменяющие друг друга, – человек появлялся на экране только как иллюстрация к идеологическим тезисам[39].

Ветераны не очень вписывались в эту оптимистическую, надуманную «реальность». В мирной жизни они не чувствовали себя так естественно, как на поле боя. Военной доблестью вчерашних солдат восхищались на страницах книг и в кинофильмах, а они тем временем не знали, как вернуться к мирной жизни. «Когда я поступил в университет, – вспоминает режиссер кино и телевидения Игорь Беляев[40], – половина из сидевших за партой были люди, пришедшие с войны, а половина – десятиклассники. Я был десятиклассником, и голова у меня работала в сто раз лучше, чем у тех несчастных фронтовиков, раненых и нераненых.

У снобистски настроенных людей было ужасное отношение к демобилизованным: что они могут, какой у них интеллект, какое образование, что они знают. Я был не прав, когда пренебрегал людьми на пять-десять лет меня более взрослыми, и на какие пять лет – на целую войну. Они пришли и почувствовали себя ужасно дискомфортно. Я потом рвал на себе волосы, я себя изничтожал за то, что я не понял, не осознал, что мне нужно быть ближе к этому поколению, и я перед ним в долгу»[41].

В такой атмосфере правда о войне не могла прозвучать. В 1955 году, через десять лет после окончания войны, по воспоминаниям Симонова, у нас еще не было даже мемуарной литературы о Великой Отечественной войне. «Не трудно себе представить, – писал он, – какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который <…> попробовал бы на конкретном историческом материале развить слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель и участник войны проиллюстрировал слова личными воспоминаниями»[42].

Слово о неизвестных победителях

Очевидно, что в Советском Союзе до середины 50-х годов не было первой составляющей, стимулирующей появление интересных радио- и телевизионных программ, – не было социально-политических условий их возникновения. Их создал XX съезд партии, попытавшийся развенчать культ личности Сталина. Изменилась ситуация в стране, победа перестала быть заслугой только мудрой политики парии и лично товарища Сталина. Начался третий из обозначенных нами периодов (с 1956 по 1964 год), совпадающий с хрущевской «оттепелью».

Ощущение несправедливости, допущенной по отношению к фронтовикам, о которой говорил режиссер Игорь Беляев, овладевало народом. Десять лет молчания дали каждому возможность осмыслить прошлое. Настало время поделиться результатами самопознания с другими. Десятки писателей и журналистов возмущались, требовали – пора воздать почести тем, кто этого заслуживает, – но за реальные дела не брались. Все понимали, какой это титанический труд. Не хватало только человека, который мог стать первым.

И такой человек нашелся. Писатель Сергей Сергеевич Смирнов взял в руки микрофон Всесоюзного радио и сказал: «Я берусь – берусь отыскать всех героев Бреста, берусь ответить матерям и детям, как и где “пропали без вести” их близкие. Помогите мне в этом поиске»[43]. Он взялся за дело, от которого отказывалось и Всесоюзное бюро по розыску, и военные архивы, и редакционные отделы писем.

Имя Сергея Смирнова уже было известно аудитории. Он закончил Литинститут им. Горького в 1941, был фронтовым корреспондентом, как и многие писатели его времени, член КПСС с 1946 года. Он не потерял интерес к военной теме и после войны, и это определило его дальнейшую судьбу. Это был человек благонадежный, лояльный к власти. Но, вместе с тем, увлеченный и страстный. Ему удавалось совмещать высокие административные посты[44] с активной исследовательской и писательской работой. Он занимался изучением одного из самых загадочных периодов войны – ее первых месяцев. Странно даже предположить, что люди когда-то не знали хрестоматийных теперь страниц обороны Брестской крепости. Но тогда, в конце 50-х, события тех дней стали откровением для многих. Воспоминания о начале войны вызывали у советских людей не только душевную боль, но и мучительные сомнения и вопросы.

Интересно заметить, что «крестным отцом» Смирнова в радиоэфире стал Ираклий Андроников[45]. «Человек-жанр», как его называли иногда в специальной литературе[46]. Это был удивительный мастер художественного слова, который ратовал за возвращение литературе утерянного ею характера сказа[47]. Рассказы Андроникова о русских писателях были любимы аудиторией. Они привлекали зрителей тем, что писателю удавалось не просто сообщать в теле- или радиоэфире какую-то информацию, но размышлять вслух.

Этим же, по воспоминаниям современников, привлекала и манера ведения передач Смирновым. «Он говорил негромко, – вспоминает В. Соколов, – чуть хрипловато, с доверительной улыбкой, с тем раздумчивым поддакиванием головой, когда мысль не лежит готовая, припасенная к случаю, а рождается, выталкивается здесь, сейчас, впервые»[48].

Такое публичное размышление в эфире было новым для радио и телевидения конца 50-х – начала 60-х годов. Для привычных радиослушателей актерские моно-

логи в эфире не могли по своей актуальности стать вровень с рассказом человека, прошедшего войну, с рассказом о том, о чем так долго принято было молчать. Смирнов даже и не пытался говорить о глобальных причинах стремительного отступления советских войск в первые месяцы войны, он не осуждал командование и военачальников. «В героической истории Великой Отечественной войны в силу сложных исторических причин есть и доныне немало белых пятен», – дипломатично писал он в предисловии к книге «Рассказы о неизвестных героях»[49].

Писатель разыскивал живых героев Бреста и пытался с их помощью узнать о судьбе павших. Радио с его всепроникающей способностью должно было помочь в этом деле. Привлечь к участию в акции одних людей и рассказать другим о судьбах и поступках их соотечественников. Судя по свидетельствам современников, работавших на радио, никакой команды свыше, санкционирующей появление Смирнова в эфире, не было. Андроников вспоминал, как он в 1954 году уговаривал Сергеевича идти на радио и как договаривался с начальством о рождении передачи: «Придя в Дом звукозаписи, я стал пересказывать работу Сергея Сергеевича в кабинете Николая Пантелеймоновича Карцова – литературно-драматическим вещанием тогда ведал он»[50]. Начальство дало согласие, Смирнова привели в студию. И он четыре часа рассказывал перед микрофоном о героях Бреста. Фонограмму разделили на четыре части, и каждое воскресение страна слушала голос писателя.

23 июля 1956 года состоялась первая радиопередача нового цикла «В поисках героев Брестской крепости». Не только судьбы солдат, но и сам процесс поиска, когда иногда медленно, а иногда стремительно разматывается клубок событий, Смирнову удавалось превратить в драматическое повествование, построенное по всем законам композиции. Рассказы о военных действиях, фигуры немецких солдат возникали в его рассказах лишь как фон. Главным была судьба простого советского солдата.

В ответ на передачу радио получило свыше 5 тысяч писем. Радио вновь, как и в первые послевоенные годы, объединило людей. Слушатели просили писателя продолжать свой рассказ о героях Бреста, участники обороны крепости сообщали новые подробности. С 30 сентября по 6 октября в эфир вышло еще 5 радиопередач этого цикла. В течение трех лет обращался Смирнов к радиослушателям со своими «Рассказами о героизме» (сначала героев Бреста, потом о других героях).

Телевидение подхватило эстафету радио, и 21 февраля 1962 года телезрители не только услышали голос, но и увидели человека, которому суждено было стать символом эпохи. Центральное телевидение начало серию передач «Рассказы о героизме», посвященную подвигу советских людей в Великой Отечественной войне.

Облик рабочего человека, военная выправка, располагали к Смирнову зрителей. Он был из плеяды ведущих, которые стали появляться на телевидении на рубеже 60-х. Это были люди, которых, как писал один из первых отечественных исследователей телевидения Вл. Саппак, стоило показывать «ради них самих»[51].

Будучи растиражированной средством массовой коммуникации, появляясь регулярно в эфире, личность ведущего в глазах телезрителей рано или поздно теряет индивидуальные черты, «застывает», превращается в тип, в ретранслятора каких-то определенных идей и моделей взаимоотношения с окружающим миром, в «социальную маску». «Социальная маска» на телевидении – это тип ведущего или участника телевизионной программы, который своими взглядами и поведением (стилем общения с аудиторией) претендует на выражение общественного мнения, мировоззрения и социально-психологических установок определенной части аудитории, как бы представляет собой обобщенный портрет этой группы населения.

Это произошло и с Сергеем Смирновым. Телезритель довольно быстро привыкает к своеобразию той или иной «социальной маски», которая становится для него, постепенно, уже не просто привычным, но и наиболее авторитетным источником информации.

Смирнову доверяли, как мало кому другому. Его останавливали на улицах, к нему ехали люди из разных уголков страны. Иногда ехали, освободившись из мест заключения, куда отправляли советских солдат, имевших несчастье побывать в немецком плену. Смирнов привечал всех, не взирая ни на какие сложности. Люди приходили к нему в дом, он кормил их, бросал все дела и подолгу беседовал, узнавая новые подробности военных действий, внося коррективы в свои исследования, рассказывая участникам боев то, что происходило когда-то рядом с ними, но о чем они не знали. Казалось, Смирнов изучил уже каждый сантиметр Брестской крепости, знал по именам тех, кто воевал там, мог восстановить развитие событий поминутно[52].

Смирнову писали. Адреса были незамысловатые: «Москва. Радио. С.С. Смирнову». «Москва. Кремль. Смирнову». Для простых людей он был лицом, обличенным властью и фантастическими возможностями. Ему присылали фотографии, документы, фронтовые письма. Отдавали последнюю память, отправляли самое дорогое в надежде, что он сможет совершить чудо. Ему доверяли как родному и давно знакомому человеку.

Доверяли не только простые люди, но и военачальники. Маршал Георгий Жуков[53] «однажды, весенним днем 1965 года, позвонил Сергею Сергеевичу на квартиру и сказал: “К сожалению, я не был с Вами прежде знаком, но сейчас, слушая Вас по телевидению и радио, хочу сказать от души: Спасибо! От фронтовиков, в том числе и от себя тоже”»[54].

Но беда «социальной маски» в том, что постепенно она надоедает зрителям. И Сергей Смирнов не стал исключением. Время требовало поиска новых художественных форм, монолога ведущего перед микрофоном или в кадре было уже недостаточно, «персонифицированная телепублицистика», бывшая откровением в конце 50-х, стала привычной.

Поэзия хроники

К середине 60-х радио и телевизионная техника представляли уже широчайшие возможности художественного поиска. «Живая» передача и запись, прямая трансляция с места события и монтаж по трансляции, соединение ведущего в студии, аудиодокументов и хроникальных киноэпизодов и постановочных сцен, участие в программах зрителей – таков был спектр возможностей.

И возможности эти активно использовались в программах, посвященных теме войны 1941–45 гг. Шла подготовка к двадцатилетнему юбилею Победы, именно в это время изменилась интонация воспоминаний о великих испытаниях и подвигах, вернулись многие незаслуженно замалчивавшиеся имена, в частности, имя маршала Жукова и др.[55]. Начался новый этап в осмыслении истории войны (1965–1978).

С 20 марта по 15 мая 1965 года ежедневно на Всесоюзном радио выходили получасовые передачи художественно-публицистического цикла «Подвиг народа». Это

были радиорассказы, радиокомпозиции, радиоочерки, радиофильмы, в художественную ткань которых входили документальные звукозаписи.

Радиожурналисты (творческая группа во главе с Ольгой Куденко, куда вошли лучшие редакторы и корреспонденты различных редакций Всесоюзного радио) провели огромную работу по розыску и переписи сотен звукозаписей, сделанных во время войны и после ее окончания в Москве, на освобожденных территориях и за границей. Звукозаписи времен войны соединялись с фонодокументами разных лет для того, чтобы более объемно представить аудитории истоки победы. Так, в программах вместе с голосами героев Великой Отечественной войны звучали голоса Ленина, Калинина, Ворошилова, Фрунзе. И что, на наш взгляд, особенно важно, голоса героев Гражданской войны и строителей Красной Армии, которые погибли в годы сталинских репрессий. Так, в частности, в одной из передач «Подвиг народа» прозвучало выступление маршала Тухачевского, который в начале 30-х гг. предупреждал о неизбежности грядущего столкновения с немецким фашизмом. Правомерно заметить, что «Подвиг народа» был первой акцией Всесоюзного радио (как, впрочем, и всех отечественных СМК) по восстановлению определенной исторической справедливости. Впервые пошел разговор об истоках победы в войне 1941–1945 гг., о людях, которые заложили реальную основу победы над фашизмом.

Этот факт трудно переоценить, – народу-победителю впервые возвращали его собственную историю. Готовые программы тиражировались для местных комитетов и Иновещания. Многие материалы вошли в книгу Куденко «Подвиг народа»[56].

Передача стала образцом использования выразительных средств и приемов радиорежиссуры в просветительских программах. Однако стоит отметить, что это была одна из немногих программа Всесоюзного радио, в которой затрагивалась военная тематика. Основная нагрузка в подготовке к празднованию Победы лежала на телевидении, которое активно развивалось в это время. Этой теме было посвящено в период с января по июнь 1965 года более 25 % телевизионного эфирного времени[57].

Всенародное празднование 20-летия Победы стало, как мы уже сказали, новым этапом отношения к теме войны. Выход из официального забвения (неофициально о маршале Жукове, например, никто и не забывал) предоставил писателям и публицистам возможность представить зрителям новую информацию.

В 1967 писатель Константин Симонов стал членом сценарной группы документального фильма «Если дорог тебе твой дом» (режиссер-постановщик В. Ордынский). Как и Смирнов (даже, в гораздо большей степени), Симонов уже имел и авторитет у правительства, и всенародную популярность как писатель, поэт и публицист. Он получил известность еще в 30-е годы как автор исторических поэм «Ледовое побоище» (1938) и «Суворов» (1939). Историко-патриотическая тема прошла через все его творчество, как литературное, так кинематографическое и телевизионное. Героем своей пьесы «Парень из нашего города» (1940–41) Симонов сделал обычного человека, воплотившего судьбу целого поколения, – стремительного, неукротимого, жаждущего подвига[58].

Член КПСС с 1942 года, зам. Генерального секретаря правления Союза писателей СССР (1946–54), секретарь правления Союза писателей СССР (1954–59 и с 1967), человек не просто лояльный к власти, но и являвшийся, по сути, частью власти[59], взялся сказать новое слово о самых страшных страницах истории войны. И это было не партийное поручение, а зов сердца. Из опубликованных уже после смерти мемуаров писателя ясно, что столь противоречивые, на наш взгляд, поступки и дви-

жения души вполне органично существовали в сознании людей того страшного времени[60].

Фильм «Если дорог тебе твой дом» затрагивал одну из самых больных тем – оборону Москвы. Авторы ставили перед собой задачу рассказать о причинах неудач в первые месяцы военных действий, о том, что в то время было известно лишь немногим.

До какой степени правдива была эта попытка рассказать правду? Сейчас, спустя еще 35 лет, нам известно многое из того, что немыслимо было сказать в середине 60-х. Нам рассказали о репрессиях в армии, том, что Сталин сам готовился к нападению, об ошибках советского командования. Знали ли об этом герои фильма? Видимо, да. Фильм строился на воспоминаниях маршалов Жукова, Конева[61], Рокоссовского[62], видных государственных и партийных деятелей, рядовых солдат Советской Армии и бойцов ополчения. Каждый из них на своем уровне знал правду, не всю, видимо, но при сопоставлении данных можно было создать более или менее цельную картину. Но в них, как в большинстве советских людей, жил самоцензор. Они продолжали «держать марку», несмотря ни на что. В тот момент им не грозили лагеря, но звонок из обкома все также мог раздаться в любой момент. Им не затыкали рот, но мягко напоминали, что он должен быть закрыт.

Особенно большое впечатление на Симонова произвела работа с маршалом Жуковым. Этого человека и его воспоминаний правительство всегда боялось. Боялось при жизни Сталина и после его смерти, боялось как лидера, окруженного всенародной любовью, как человека, за которым пойдут в бой, как когда-то шли во время войны.

Многие трудности при съемках фильма «Если дорог тебе твой дом» были связаны с участием в нем Жукова. Место былых боев за Москву, где собирались снимать маршала, оказалось неприемлемым по мнению тех лиц, от которых зависело решение этого вопроса. Потом поставили под сомнение и саму возможность съемок маршала. Георгий Константинович переносил все эти перипетии спокойно, он привык попадать из фавора в опалу.

Съемки все-таки состоялись, хотя и не в том месте, где планировалось ранее. Симонов писал: «… меня поразила та железная сосредоточенность, с которой в тот день рассказывал перед аппаратом Жуков о Московской битве, не забывая о ее живых подробностях и в то же время неуклонно проводя то главное, что он намеревался сказать, – историческую правду об остроте сложившегося под Москвой положения и о мере нависшей над ней опасности»[63].

Этот рассказ, так же, как и признание Жукова, что у него не было уверенности, что удастся удержать противника, должны были стать для большинства советских людей откровением. Ведь официальная пропаганда и во время войны, и после нее усердно скрывала степень серьезности положения в те дни. Об истинной ситуации знали немногие. В дни боев такая информация могла вызвать в стране панику, после победы, вообще, предпочитали не вспоминать об этих страшных мгновениях. Ведь Советская Армия должна была совершать победоносное наступление на территории Европы, а не отступать к Москве.

Многое из того, что ему рассказывали люди в личных беседах, Константин Симонов позже описал в воспоминаниях: «… так или иначе я двадцать лет имел дело с непрекращающимся потоком информации о том, как самые разные люди – разных общественных положений, поколений, профессий – смотрят на эту тему: Сталин и война»[64].

Так же, как и при Сталине, неприкасаемых в Советском Союзе не было. Симонов был одной из крупнейших фигур литературы и общественной жизни, он был в определенном смысле «знаменем партии», но и ему не было позволено говорить все, что он считал нужным. Разоблачать можно было только в строго ограниченных пределах.

Нельзя было говорить о потерях (с одной стороны, страна гордилась мужеством бойцов, не щадивших жизней, с другой – по официальной статистике, ни один генерал много потерь не понес), нельзя было говорить о заградительных отрядах, о разногласии в командовании во время боевых операций, не говорили о том, что тех, кто попал в плен, по возвращении на родину репрессировали, не говорили о мародерстве на немецких территориях. Все воевавшие это знали, но никогда не упоминали (даже между собой). Ради чего сообщать об этом всему миру. Они были убеждены, что на Западе дела обстояли и обстоят еще хуже. Значит, надо «держать марку».

Между собой могли говорить о том, что у немцев были хорошие командиры, что была отличная организация и дисциплина, могли рассказывать истории о хорошем отношении некоторых немецких солдат к людям на оккупированных территориях. Но в эфир эти рассказы не попадали.

Конечно, были генералы и общепризнанные герои, которые могли в эфире сказать многое. Например, генерал Иван Людников[65] как-то рассказал в эфире, что у него из трех батарей две погибли сразу, в первые два часа, а с одной он держался. Сразу после эфира раздался звонок из обкома. За такие выступления наказывали ведущего и главного редактора, их могли снять с работы[66].

За соблюдением этих границ пристально следили. «На Симонова шло в этом направлении очень сильное давление, – пишет Л. Лазарев, – и с помощью запретов <…>, и с помощью изматывающих конъюнктурных замечаний, касавшихся почти всего, что он писал или делал в то время (совершенно изуродовали экранизацию романа “Солдатами не рождаются” – так, что Симонов потребовал, чтобы из титров были сняты название романа и его фамилия)»[67].

При работе над фильмом «Если дорог тебе твой дом» режиссер Ордынский использовал весь спектр экранных выразительных средств. Несмотря на то, что формально работа называлась документальный кинофильм, по своей специфике он был вполне телевизионным. Определяющим стал метод, который сформировался на отечественном телевидении в процессе создания телевизионных спектаклей и литературно-художественных композиций. Это был сложный вид монтажа, который, на наш взгляд, правомерно назвать *коллаж*, т. е. соединение разнообразных компонентов, но не разнофактурных, как обычно обозначается коллаж в искусстве (так как все они сняты на кино- или видеопленку), а разных *по содержанию*.

Фильм включал в себя, помимо интервью, отечественную и зарубежную хронику, фотографии, архивные дела, письма. Конечно, все доступные съемочной группе материалы были одобрены цензурой, как не содержащие никакой «опасной» информации. Симонов в процессе работы очень сокрушался, что ему так и не удалось разыскать в архивах пленку немецкого агитационного фильма, где показывалось, как будет проходить парад фашистских войск на Красной площади. Об этой пленке рассказал Симонову режиссер Сергей Герасимов[68], который руководил в дни войны фронтовыми киногруппами.

И тогда, взамен утерянной пленки, сняли медленный проезд по пустой, заснеженной Красной площади, а в фонограмме дали немецкие песни, марш, крики «Зиг хайль!» затем на пустынном фоне кремлевских стен прозвучали слова: «Товарищи!

Они были в 27 километрах отсюда. Были…». Звуки «Интернационала» – и сразу следующий монтажный план – сержант-артиллерист дает команду: «Огонь!». Это был первый кадр контрнаступления[69].

Правда о войне говорилась не словами закадрового текста, как это принято на современном телевидении, когда видеоряд имеет только иллюстративное значение, а рождалась в сознании зрителей благодаря монтажным сопоставлениям. Это был язык, с помощью которого режиссеры общались с думающим зрителем. В те годы им пользовались многие.

Режиссер Игорь Беляев, делавший одну из серий («Год 1946») многосерийного документального фильма «Летописи полувека» (1967), вспоминает: «В процессе работы нас не контролировали, вот когда мы сдавали картину, тут начались цензурные битвы. У кого больше, у кого меньше. <…> Когда смотрели мою картину “Год 1946”, руководитель телевидения через каждую минуту бросался к блокноту, чтобы что-то записать. В процессе, пока он бросался, я его убеждал, что я прав. Я изобрел целую эстетическую систему, чтобы сделать эту картину, я придумал столько, сколько потом не придумывал за всю жизнь.<…> Цензор, как правило, работал на вербальном уровне. Он не влезал в образы, он не знал, что делать. А я кодировал свои мысли в образах. Он мог редактировать текст, а вся сила заключалась в подтексте. А как редактировать подтекст, он не знал. Ведь в тексте в папке написано: “Мы шли на запад, и каждый шаг был для нас трудным”. А интонация может быть любой»[70].

Конечно, вся правда о первых месяцах войны не была сказана ни в фильме Симонова и Ордынского «Если дорог тебе твой дом», ни в последующих работах. Заслуга создателей этого фильма в том, что они смогли показать солдата-победителя не официозным, парадно прилизанным, а изможденным, напряженно ожидающим, готовым к смерти. Многие кадры фильма было больно смотреть, но они, хоть отчасти, передавали действительную атмосферу тех страшных дней.

Через несколько лет Симонов снова попытался говорить о войне средствами экрана. Это было в канун празднования 30-летия Победы, в 1975 году. За два первых месяца 1975 года по 1-й программе ЦТ выступило более 400 человек, в том числе 32 Героя Советского Союза, 8 дважды Героев Советского Союза, 7 полных кавалеров орденов Славы, более 20 Героев Социалистического труда[71].

«Воссоздав летопись военных лет, – писали газеты, – Центральное телевидение всем комплексом своих программ продемонстрировало успехи мирного строительства, достигнутые за последние 30 лет. Цифры военных сводок, суровый лаконизм боевых рапортов, имена героев сражений воспринимались в этих передачах в органическом сочетании с отчетами республик, краев и областей о ходе выполнения планов пятилетки, социалистических обязательств, с именами правофланговых соревнования за достойную встречу XXV съезда КПСС» [72].

Эта цитата из центральной прессы как нельзя более точно характеризует дух эпохи. В период правления Леонида Брежнева вновь крайне остро стал вопрос, какая идея может объединить нацию, стать стержнем национального самосознания. Вера в Бога была практически истреблена, вера в мировую революцию не имела никакой питательной среды, вера в скорое наступление коммунизма в отдельно взятом государстве ушла в прошлое, хотя обещанный Хрущевым 1980-й год еще не наступил. Народу нужна была идеология, нечто способное поддерживать единство масс. Единственным «святым» воспоминанием новейшей истории была война, ее герои

и победа. Необходимо было освежить в памяти людей тот период максимального единения и духовного подъема, показать поколению, выросшему в мирное время, как жили их родители.

Документальный фильм «Шел солдат» был сделан по сценарию Симонова режиссером Мариной Бабак в 1975 году. Фильм называли поэтической хроникой, кинопоэмой. Он почти полностью построен на кинохронике военных лет. Из массива архивных кадров выбирали те, что демонстрировали страшный быт войны: солдаты вытаскивают из грязи застрявшую полуторку или тащат на себе пушку, стоя по пояс в воде наводят переправу. Взрывы, кровь, смерть. «Война, – писал Симонов, – есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни» [73].

Съемочная группа исследует хронику, относясь к ней как к документу, а не как к иллюстративному материалу. В комментариях Симонова не было патетики, он отталкивался от найденных кадров и искал им подтверждение в воспоминаниях простых солдат.

Исповедь поколения

Простые солдаты не могли рассказать о стратегии и тактике победы, но они знали нечто большее, чем данные о количествах войск на том или ином участке фронта и качестве вооружения. С их помощью Симонов пытался заглянуть в святая святых – в человеческую душу, понять, что происходит в сердце человека в дни суровых испытаний. Он задавал героям вопросы о буднях войны: о фронтовом быте, о ранениях, о сне на войне, о самом трудном и самом страшном.

Самым страшным на войне одному казался танк, другому пулемет. Страшно было терять друзей и убивать живого человека. Пожилая учительница вспоминала, что самым страшным для нее были «лица детей, приходивших в школу на другой день после того, как к ним в дом приходила похоронка» [74].

Они были разными, эти солдаты, но из их слов, иногда наивных, иногда мудрых, складывался новый образ воина и войны. Василий Налдин, солдат-артиллерист, один из героев фильма, спустя 30 лет продолжал считать Гитлера недальновидным политиком: «Гитлер рассчитывал, что с первых же месяцев наша страна рассыплется, как многонациональная. А получилось наоборот <…> Не мы рассыпались, а он рассыпался! Он рассыпался. Он не рассчитал это, так. Конечно, он недальновидный был. Мне кажется, он просто немножко недоразвитый, сумасшедший»[75]. Такое покорное повторение по прошествии стольких лет идеологических штампов времен войны производит несколько пугающее впечатление. Какова же была вера простого солдата, если он продолжал считать, что победа советским войскам была гарантирована, а противник был попросту глуп.

С такой тенденцией в восприятии противника боролся режиссер Александр Довженко[76] еще в годы войны. Он писал: «Даже фашист по сей день недостаточно описан и подан. У нас он описывается как вшивый фриц, трусливый немец. Он настолько трус, что боится ослушаться своего унтер-офицера, и его храбрость только в его послушании. Я думаю, что это неверные утверждения, и опасно так ориентировать

людей <…> Мы враги смертельные сильного врага <…> и великая честь и великая слава за победу над гордым, могучим врагом, какого еще мир не знал. Вот как надо говорить о немце. Это будет честнее и правильнее»[77].

Если во время войны, да и долгие послевоенные годы утверждения Александра Довженко находили поддержку кинематографистов нечасто, то в фильме Симонова большинство солдат уже достаточно смело отдавали должное профессионализму противника. Другой герой – Константин Мамедов, разведчик рассказывал о периоде наступления советских войск: «Жестокость этих боев нарастала непрерывно. Сопротивление было ну просто отчаянным. Это была ужасно вымуштрованная, вооруженная техникой военная машина, которой не было, пожалуй – да не пожалуй, это точно, – не было равной в мире!..»[78].

Похожее восприятие противника было у большинства собеседников Симонова: «Я много читал и слышал, что на Западе якобы говорят, что – чем ближе к Берлину, так немцы якобы меньше сопротивлялись. Сдавались. Но это совсем не так». (Карл Куркевич, разведчик); «Он [немец – *А.Н.*] так это здорово оборонялся, просто жестоко оборонялся на своей земле. И нам приходилось трудновато выбивать его с каждой позиции». (Владимир Финогенов, пехотинец); «Последние периоды боев тоже были очень жестоки, очень жестоки. Немец, видимо, знал, что все равно проиграна война, а все-таки сопротивлялся, и жестоко сопротивлялся». (Хабибула Якин, связист)[79].

Симонов хотел сделать своим героем солдата, прошедшего через немецкий плен. Ему казалось, что именно через такого человека можно наиболее ярко показать военную судьбу страны, стоявшую на грани гибели, пережившую ужас оккупации, но сумевшую подняться с колен. Этот замысел писателя не был реализован. В период расцвета брежневской эпохи все еще нельзя было делать героем, то есть прославлять, бывшего военнопленного. Однако в архиве сохранились заметки по поводу сценария фильма. Из них ясно, что начать его Симонов хотел с лиц тех солдат, которые попали в плен в первые месяцы войны. Конечно, писатель знал, как много их было и как трагично складывалась их судьба после войны, даже если им удавалось бежать из плена, вернуться в строй и даже дойти до Берлина.

«В плену люди вели себя по-разному, – писал Симонов, – но большинство вело себя как подобает. Вот лица людей, которые попали в плен в том горьком 41 году, а вот раненые, которые попали в плен. Поискать надо в немецкой хронике хорошие лица, панорамы, на которых будут лица людей – ожесточенных, твердых, грустно-горьких, но не разбитых нравственно. <…> А потом от этой панорамы мы перейдем: вот так и он смотрел тогда на немцев, когда они его снимали аппаратом своим для того, чтобы показать, сколько и как они взяли в плен, показать этих пленных русских, которые проиграли войну, которым осталось всего четыре недели или шесть недель до гибели государства»[80].

Симонов не пытался делать никакие далеко идущие выводы или разоблачения в своем фильме. Он шел от плакатности в изображении войны (как это было принято раньше) к анализу внутреннего мира героев. Этот внутренний мир неожиданно, даже, кажется, для самого писателя, оказался столь интересен и многомерен, что съемочная группа решила не ограничиваться рамками одного фильма. Работа над фильмом продолжалась два года, за это время накопился большой видеоматериал бесед Симонова с героями. В результате получился телевизионный цикл, состоящий из шести частей, посвященных военным будням различных родов войск. Фильм

«Шел солдат» демонстрировали по телевидению как эпилог к циклу передач «Солдатские мемуары» (1976). Эти программы были, пожалуй, самыми телевизионными из всех экранных произведений Симонова.

Каждая серия цикла «Солдатские мемуары» начиналась с обращения автора к зрителям. В монтажной, на фоне бесчисленных коробок с кинопленкой, писатель-ведущий делился с людьми своими впечатлениями от работы над циклом, от просмотра хроники и чтения писем фронтовиков. Стиль передачи определяла личность Симонова – человека, прошедшего войну и имеющего право вспоминать о ней наравне со своими героями-солдатами. Его суровое спокойствие, уверенность и доверительный тон (потом также доверительно общался со своими героями – с бывшими солдатами, полными кавалерами солдатского ордена Славы) придавали передаче то настроение, которое воскрешало у телезрителей воспоминания о войне, заставляло смотреть цикл семьями.

Коробки с кинопленками, в общем-то, второстепенная деталь, давали зрителю понять, что, даже несмотря на свой огромный опыт, автор и его группа провели огромную архивную работу, просмотрели множество кинодокументов, прочитали тысячи писем. Значит, все то, что будет показано и рассказано в программе, – правда. А подвиг, совершенный солдатами во время войны, не теряет своей значимости и ценности даже спустя много лет, раз он стал предметом серьезного исследования для знаменитого писателя и целой команды его помощников.

Оказалось, что человеческие чувства во время войны были гораздо сложнее и противоречивее, чем демонстрировала это советская пропаганда. Солдаты не были машинами для боя, они были обычными людьми. Человеческие чувства вставали порой даже выше законов войны.

Один из героев фильма И.П. Баранов, морской пехотинец, вспоминал перед объективом камеры: «И вот, когда, как сейчас помню, довелось мне встретить фашиста первого, то у меня, понимаете, на какое-то мгновение жалость появилась. Убить человека! Просто на спусковой крючок… ну, не хватило смелости или силы нажать… Что-то вот… Передо мной – живой человек…»[81]. Такое простое человеческое признание долго не могло прозвучать с экранов. Советский солдат – солдат мировой революции – не имел право на жалость, на человеческие чувства. Такое признание могло быть расценено как предательство Родины. Тридцать лет эти невысказанные чувства жили в сердцах ветеранов. И вот об этом и о многом другом, хранящемся в тайниках души как нечто постыдное, недостойное высокого звания солдата-победителя, сказали по Центральному телевидению. Оказалось, что в сердцах солдат-победителей уже нет былой ненависти к противнику, хотя много лет ненависть эту искусственно подогревали повторяющимися рассказами о зверствах оккупантов[82].

В ответ на цикл «Солдатские мемуары», как когда-то на передачу Смирнова, хлынул поток писем ветеранов. В 1977 году по этим письмам были сделаны еще две передачи «Солдатские мемуары – письма». Ветераны подтверждали, что наконец увидели на экране настоящую войну. «Есть такие картины, – писал И.Ф. Фокин, бывший командир 45-мм орудия, – на телевидении, которые красиво показывают войну, будто это игра такая. Некоторые из молодежи после просмотра говорят: “Воюют, как в кино”. И мне обидно за эти фильмы. А здесь не скажешь так, ибо и гимнастерки, и шинели, колом сидевшие на нас, и грязь. И снег, и минуты отдыха – здесь все в натуральном виде»[83].

Люди заговорили о наболевшем, о том, что не все получали на войне ордена, о том, что им так и не рассказали горькую правду о причинах наших неудач в первые два года войны. Фронтовики просили рассказать правду о силе противника, так как иначе заслуга победы приуменьшается.

Конечно, передачи «Солдатские мемуары – письма» не обладали художественными достоинствами фильма «Шел солдат», но это были живые голоса уже постаревших ветеранов, которые осмелились заявлять свои права на историю победы, которые наконец вместе с писателями, публицистами, режиссерами поняли, что настоящий героизм не в парадных маршах, а в «преодолении страха, страдания, боли, бессилия, преодолении обстоятельств, преодолении самого себя»[84].

Неоконченная эпопея

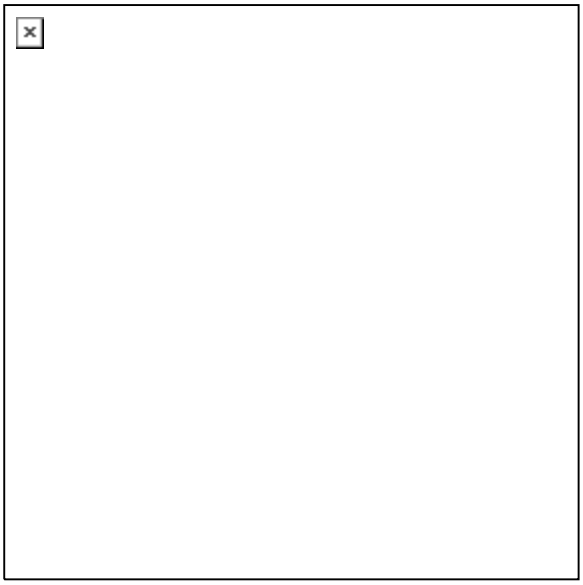
С конца 70-х в осмыслении военной темы на телевидении и радио снова наступил процесс стагнации. Удачно найденные когда-то телевизионные художественные приемы начали повторяться и, следовательно, надоедать зрителям. Из года в год создавалось множество хроникальных фильмов, просматривались и прослушивались тысячи метров пленки, разбирались горы писем ветеранов.

Советский Союз все еще жил под руководством Коммунистической партии. Начальник Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию С.Г. Лапин подчинялся напрямую руководителю государства Брежневу. Все передачи подвергались придирчивому редактированию, иногда для выхода в эфир требовалась виза работников ЦК КПСС. Начался следующий этап осмысления военной темы (1979–1991).

Телевидение и радио захлестнуло обилие «заказных» политических и пропагандистских программ. Фоновый уровень их был весьма невысок. Но среди их обилия была одна, выделявшаяся по многим показателям, – двадцатисерийная телевизионная киноэпопея Романа Кармена «Великая Отечественная».

Это был сложный эксперимент. С одной стороны, стояла американская корпорация «Эйр Тайм», верно уловившая веяние времени и попытавшаяся сыграть на постепенном затухании «холодной войны» и возраставшем интересе западного общества к Советскому Союзу. С другой стороны, был прославленный советский кинодументалист Роман Кармен, человек, практически всю свою жизнь снимавший войны и революции. Человек, который до последних минут жизни считал себя коммунистом, человек, которого давно уже прозвали «неистовый Кармен»[85].

О его подвигах как фронтового оператора вспоминали многие коллеги. В 1980 году кинорежиссер Юлий Райзман[86] рассказывал о подписании акта капитуляции в Карлсхорсте: «Кейтель встал, взял со стола свой жезл и направился в сторону стола президиума, чтобы подписать акт. И тут началось что-то невообразимое: буквально все хроникеры ринулись за ним, возникла страшная толчея, каждый, кто держал в эти минуты кино- и фотокамеры стремились пробраться поближе к столу. Снимать, снимать любой ценой! Помню, как Роман Кармен, совершенно больной, с перевязанным горлом, держа перед собой тяжелый аппарат “Дебри” на штативе, буквально протаранил им толпу корреспондентов и прорвался-таки к столу»[87].



Обложка фильма «Великая Отечественная» (1979). – Советские зрители восприняли киноэпопею Романа Кармена, идея создания которой возникла в США, как «новую правду о войне». Справа: Площадь Революции в Москве 9 мая 1985 года.

Очевидно было, что такая тема, как Великая Отечественная война, вызовет массу идеологических противоречий в процессе работы. И тем не менее, на риск пошли. Кармен считал, что подобное предложение – «это, безусловно, знамение времени, это один из итогов борьбы трезвых сил, ратующих за подлинную разрядку, взаимопонимание»[88]. А поскольку сам он всю жизнь посвятил «борьбе за мир» в ее советской интерпретации, Роман Лазаревич счел своим долгом донести до американского зрителя свою правду о «Неизвестной войне» (такова была американская версия названия фильма).

Однако консультант американской компании журналист и политолог Гаррисон Солсбери, работавший во время войны в СССР, придерживался другой позиции в объяснении выбора темы работы: «Мы делали эту программу не для того, чтобы пропагандировать правоту советских позиций по международным проблемам, а просто для того, чтобы отдать должное достижениям народа России в самые ужасные дни недавней истории»[89].

Кроме очевидного противостояния двух идеологий на работе должно было сказаться и противостояние разных телевизионных традиций. В тот период на отечественном телевидении не было принято включать в контекст фильма, построенного на хронике, ведущего-актера, проходящего по местам событий и несколько отстраненно оценивающего происходящее. Но без этого на американском телевидении не мыслили программы об истории. Эта традиция зародилась у них еще в конце 50-х годов, когда на американском телевидении был бум «компилятивных передач» на исторические темы. С тех пор ведущий выступал как рассказчик и комментатор, брал интервью у очевидцев исторических событий, обеспечивал плавный переход с сюжета на сюжет, подводил итоги. Он никогда не исчезал с экрана надолго, под-

держивая постоянный контакт со зрителем, цементируя программу. Следует заметить, что к середине 60-х американское телевидение выжало из военных архивов все, что могло, интерес массовой аудитории к историко-архивным передачам упал[90]. Теперь его надо было возродить.

Роман Кармен, прежде чем приступить к работе над эпопеей, поставил себе четкие условия: «Абсолютный учет вкусов, требований и привычек американской телевизионной аудитории. Возможность утверждения наших политических партийных принципов в оценке событий Великой Отечественной войны. Необходимость выработки приемлемой для американцев интонации комментатора, при которой эти наши принципы были бы незыблемы»[91].

Выполнение поставленной задачи требовало особой дипломатичности. В советском эфире незыблемость этих принципов гарантировалась, в частности, тем, что о войне в качестве ведущих всегда рассказывали одни и те же люди, прошедшие войну, верные советским идеям, люди, в которых жил самоцензор.

Американцы в качестве ведущего рекомендовали Кармену знаменитых «звездных» актеров. После трудных размышлений Роман Лазаревич остановился на кандидатуре Берта Ланкастера. Актер привлек его некоторыми вехами биографии: Ланкастер демобилизовался из армии в 1945 году, карьеру делал трудно, но, в итоге, стал не просто артистом, а удачливым продюсером с миллионным состоянием. Вероятно, Кармен надеялся, что прошедший войну американец будет оценивать события как очевидец, а не как сторонний наблюдатель. Но надежды не сбылись. Иногда режиссеру удавалось выбить ведущего с позиций невозмутимости (так было, например, в Хатыни), но в большинстве случаев Ланкастер на все просьбы Кармена наполнить реплики личной интонаций («Я прилетел… Я увидел…») отвечал: «Я хочу быть только непредубежденным повествователем»[92].

Для Кармена смириться с этим было сложно. Им самим всю жизнь руководила вера в советский строй, который он защищал и утверждал со всем своим «неистовым» темпераментом. Он вполне ясно сформулировал эту мысль в закадровом тексте серии «Неизвестный солдат»: «Многие на западе до сих пор задают вопрос, где истоки этого самопожертвования, этой феноменальной стойкости. Отвечают поразному. Говорят о привязанности к русской земле, о небывалой душевной силе, о личном мужестве. А вот американский писатель Эрскин Коллдуэлл, побывавший в годы войны в России, сказал: “У советских людей была глубокая вера в тот строй, который они выбрали и защищали”.

Выбрали. Защищали. И защитили, как известно!»[93].

Понятно, что такие комментарии с большим трудом принимались американцами, которые панически боялись, что фильм превратится в советскую пропагандистскую акцию. Трудно сказать, как его, в итоге, воспринимали рядовые американские зрители, но рядовые советские зрители, несмотря на то, что эта киноэпопея была сделана вполне в отечественных традициях, воспринимали ее как новую «правду о войне», правду, подтвержденную сторонним взглядом «союзников». В тот период, когда этот фильм шел на отечественных экранах, советские трактовки исторических событий не были уже для молодого поколения авторитетными. В начале 80-х годов уже очевидными были попытки равнения на американскую (в первую очередь, музыкальную) культуру, а вслед за этим и на образ жизни. Берт Ланкастер стал для «диссидентски» настроенных отечественных телезрителей гарантом правдивости и не идеологизированности авторского взгляда на военные события.

Вряд ли это было абсолютно верное ощущение. «Железный занавес» пошатнулся, но телевидение долго еще оставалось «последним бастионом» советского строя. Несмотря на то, что американская сторона тщательно следила, чтобы советская идеология не доминировала в фильме, избежать этого не было возможности. Жизненные обстоятельства (сотрудничество с американцами) диктовали Р. Кармену свои условия, но специфика его биографии, особенности творческого опыта (он был оператором военных кинохроник, автором множества фильмов о войне, например, «Суд народов» о Нюрнбергском процессе (1946 г.), «Великая Отечественная» вместе со Смирновым (1965 г.) и др.) не позволили бы ему отступить от того взгляда на войну, который казался ему единственно верным.

Работа над фильмом стоила Кармену жизни. Пожилой человек не смог донести до конце тяжелую ношу, которую взвалил себе на плечи. Работа была грандиозная, но все же не исчерпывала тему.

Наступила другая эпоха, появился новый социальный заказ, и выяснилось, что российская аудитория вовсе не потеряла интерес к событиям тех давних лет. В 1990-е годы на телевидении были показано много новых документальных фильмов о войне с Германией 1941–45 гг., но в них разговор шел, в основном, на уровне эмоций. Если раньше эти эмоции были направлены против фашизма, то теперь – против руководителей коммунистической партии, против сталинизма.

Из-за такого подхода к истории на современном российском телеэкране аудиовизуальные документы чаще всего просто обозначают время или иллюстрируют закадровые размышления авторов, подтверждая их трактовку событий. Однако хроника может и должна быть отправной точкой для исследовательских размышлений об истории России и Германии, об истории человечества.

Ветераны войны сказали о ней что могли и как могли. Сегодня большинство из них уже закончили свой жизненный путь. Но их детям и внукам предстоит еще не один раз возвращаться к истории войны 1941–1945 годов и искать художественные формы, которые помогут по-новому раскрыться аудио- и видеоматериалу военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Роман Кармен в воспоминаниях современников. – М., 1983. С. 322–323. Роман Кармен (1906–1978) – советский режиссер и кинооператор документального кино. Закончил операторский факультет Государственного института кинематографии в 1932 году. Снимал боевые действия в Испании. Во время Великой Отечественной войны был одним из ведущих фронтовых кинооператоров. Как режиссер документального кино сделал множество фильмов, большая часть которых была посвящена военной теме: «Суд народов» (1946), «Вьетнам» (1955), «Великая Отечественная» (1965), «Сердце Корвалана» (1975), руководил съемками киноэпопеи «Великая Отечественная» (1979).

[2] *Небылицкий Б.* Репортаж о кинорепортаже. – М., 1962. С. 201.

Борис Небылицкий (1909–1972) – режиссер и кинооператор. С 1928 года работал на Центральной студии документальных фильмов. Во время войны руководил фронтовой киногруппой, был среди режиссеров, оставшихся в Москве зимой 1941–42 гг. и выпускавших в эти трудные дни киножурнал «На защиту родной Москвы». Снимал отступление советских войск из-под Гжатска и уничтожение 2-ой немецкой танковой армии в Тульской операции и другие военные события.

[3] *Микоша В.* С киноаппаратом в бою. – М., 1964. С. 20.

Владислав Микоша (1909–2004) – режиссер и кинооператор. В кино с 1927 года. Во время войны был фронтовым корреспондентом, снимал в числе прочего репортажи об обороне Одессы и Севастополя. Материалы, снятые тогда, были использованы при создании фильмов «Черноморец» (1942) и «Битва за Севастополь и Померанию» (1944).

[4] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. – М., 1985. С. 317.

[5] *Микоша В.* С киноаппаратом в бою. – М., 1964. С. 20.

[6] Роман Кармен в воспоминаниях современников. – М., 1983. С. 312.

[7] *Рохлин А.М.* Так рождалось дальновидение. – М., 2000. С. 176.

[8] Телевизионная журналистика: Учебник. – М., 1998. С. 60.

[9] *Глейзер С.М.* Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). – М., 1989.

[10] Радио в дни войны. – М., 1982.

[11] *Глейзер С.М.* Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). – М., 1989.

[12] Алексей Сурков (1899–1983) – русский советский поэт и общественный деятель. Пришел в литературу в конце 20-х годов, свое творчество посвятил теме гражданской войны и жизни молодежи в мирное время. Уже в первые дни Великой Отечественной войны появились стихи А. Суркова, внушающие читателям веру в победу. Автор текста одной из самых популярных песен военных лет «Землянки» («Бьется в тесной печурке огонь»).

[13] Борис Полевой (наст. фам. Кампов – 1908–1981) – писатель и общественный деятель. Во время войны был автором военных очерков. Автор книги «Повесть о настоящем человеке» (1946), в основу которой положен подвиг героя Советского Союза летчика А. Маресьева, сумевшего вернуться в строй после потери обеих ног. Автор большого числа книг, в том числе о Нюрнбергском процессе («В конце концов», 1968). Главный ред. журнала «Юность». Председатель правления Советского фонда мира (1969–1981).

[14] Лев Кассиль (1905–1970) – писатель. Автор многих книг, в т. ч. романа о Великой Отечественной войне «Великое противостояние» (1941–1947).

[15] Вадим Синявский (1906–1972) – советский журналист, комментатор Всесоюзного радио с 1924. Во время войны фронтовой репортер. Основоположник школы советского спортивного репортажа.

[16] Юрий Левитан (1914–1983) – диктор Всесоюзного радио с 1931 года, народный артист СССР (1980). Во время войны читал по радио приказы командования и военные сводки.

[17] Ольга Высоцкая (1906–2000) – диктор Всесоюзного радио с 1932 года. Во время войны работала вместе с Ю. Левитаном.

[18] *Гуревич П. Ружников В.* Советское радиовещание. Страницы истории. – М., 1976. С. 189.

[19] Михаил Гус – советский радиожурналист, в дни войны фронтовой корреспондент Всесоюзного радио. Принимал активное участие в освещение Нюрнбергского процесса.

[20] *Гус М.* Спецкорреспондент радио // Радио в дни войны. – М., 1982. С. 232–243.

[21] *Гуревич П. Ружников В.* Советское радиовещание. Страницы истории. – М., 1976. С. 240.

[22] *Левитан Ю.* Приказы Победы // Радио в дни войны. – М., 1982. С. 177–185.

[23] *Левитан Ю.Б.* 50 лет у микрофона. – М., 1987. С. 11.

[24] Там же. – С. 76.

[25] *Глейзер С.М.* Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). – М., 1989.

[26] Александр Фадеев (1901–1956) – писатель и общественный деятель. Автор романов о гражданской и Великой Отечественной войне (в т. ч. романа «Молодая гвардия», о подвиге краснодонских комсомольцев-подпольщиков.) Автор литературоведческих статей о теории социалистического реализма. Генеральный секретарь Союза писателей СССР (1946–54).

[27] Литературная газета, 1945, 6 января. С. 1.

[28] Алексей Маресьев (1916–2001) – летчик, Герой Советского Союза (1943), майор, кандидат исторических наук (1956). Во время Великой Отечественной войны служил в истребительном авиаполку, сбил 4 самолета. Был подбит и 18 суток тяжело раненный добирался по лесу до своих войск. После ампутации ног освоил протезы и добился возвращения в полк, после чего сбил еще 7 самолетов противника. С 1956 года ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны.

[29] Радиожурналистика: Учебник. – М., 2000. С. 53.

[30] *Гуревич П. Ружников В.* Советское радиовещание. Страницы истории. – М., 1976. С. 214.

[31] *Смирнов В.* Документальные фильмы о Великой Отечественной войне. – М., 1947.

[32] *Левитан Ю.Б.* 50 лет у микрофона. – М., 1987. – С. 151.

[33] Там же.

[34] Петр Вершигора (1905–1963) – писатель, генерал-майор (1944). Герой Советского Союза (1944). Автор документально-беллетристических произведений о подвигах советских партизан «Люди с чистой совестью» (1946).

[35] Александр Твардовский (1910–1971) – поэт и общественный деятель. Автор многих поэм, в т. ч. «Василий Теркин» (1941–1945) о русском характере и народном ощущении войны. Главный редактор журнала «Новый мир».

[36] Дмитрий Орлов – советский актер, народный артист РСФСР (1943). Работал в театре Революции, в Московском Художественном театре (с 1944). Выступал как чтец.

[37] *Гуревич П. Ружников В.* Советское радиовещание. – М., 1976. С. 229.

[38] *Гордеев Г.* Если дорог тебе твой дом. Кинематограф Константина Симонова. – М., 1988. С. 131.

[39] История советского кино. Т. 3. – М., 1975. С. 156–157.

[40] Игорь Беляев – режиссер документального кино и телевидения, автор нескольких фильмов о Великой Отечественной войне (в т. ч. «Частная хроника времен войны» (1978) о жизни партизанского отряда).

[41] Из неопубликованной беседы автора статьи с режиссером И.К. Беляевым в январе 2001 года.

[42] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990. С. 257.

[43] *Соколов В.* Предисловие к книге С.С. Смирнова Первая шеренга. – М., 1965. С. 12.

[44] В 1959–1960 гг. он был главным редактором «Литературной газеты», в 1975–1976 гг. – секретарем Союза писателей СССР.

[45] Ираклий Андроников (Андроникашвили – 1908–1990) – советский писатель, литературовед, мастер устного рассказа, народный артист СССР (1982).

[46] *Сергеев Е.* Андроников рассказывает // Актер на телевидении. Вып. 1. – М., 1976. С. 75.

[47] *Андроников И.* Мыслить публично, мыслить вслух // Советское радио и телевидение. 1961, № 3. С. 9.

[48] *Соколов В.* Предисловие к книге С.С. Смирнова Первая шеренга. – М., 1965. С. 19.

[49] *Смирнов С.С.* Рассказы о неизвестных героях. – М., 1964. С. 4.

[50] Воспоминания о С.С. Смирнове. – М., 1987. С. 9.

[51] *Саппак Вл.* Телевидение и мы. Четыре беседы. – М., 1988. С. 58.

[52] Подробно об этом в книге Воспоминания о С.С. Смирнове. – М., 1987.

[53] Георгий Жуков (1896–1974) – маршал Советского Союза (1943), четырежды герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну командовал сначала Ленинградским, Западным, потом 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. Координировал действия фронтов в Сталинградской битве, принимал капитуляцию фашистской Германии.

[54] Воспоминания о С.С. Смирнове. – М., 1987. С. 202.

[55] Радиожурналистика: Учебник. – М., 2000. С. 68.

[56] *Куденко О.* Подвиг народа. – М., 1971.

[57] Радиожурналистика: Учебник. – М., 2000. С. 68.

[58] *Ершов Л.Ф.* История русской советской литературы. – М., 1988. С. 280.

[59] Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–56, член ЦРК КПСС в 1956–61.

[60] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990.

[61] Иван Конев (1897–1973) – маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. В гражданскую войну комиссар бронепоезда. В Великую Отечественную войну командовал армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-ого и 1-ого Украинских фронтов.

[62] Константин Рокоссовский (1896–1968) – маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну командовал армией в Московской битве, Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами.

[63] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. – М.,1990. С. 301.

[64] Там же. С. 23.

[65] Иван Людников (1902–1976) – советский военачальник, генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (1943). Был командиром стрелковой дивизии и корпуса.

[66] Из неопубликованной беседы автора статьи с продюсером и ведущим телевидения В.И. Гендлиным в декабре 2000 года. (Владимир Ильич Гендлин в конце 60-х работал на Волгоградской студии телевидения над программой «Летопись Сталинградской битвы». Программа шла в прямом эфире, выходила нерегулярно, примерно 1 раз в 2 недели.)

[67] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. – М., 1990. С. 13.

[68] Сергей Герасимов (1906–1985) – режиссер, драматург и теоретик кино, народный артист СССР (1948). Автор большого количества фильмов, в т. ч. «Молодая гвардия» (1948).

[69] *Гордеев Г.* Если дорог тебе твой дом. Кинематограф Константина Симонова. – М., 1988. С. 131–132.

[70] Из неопубликованной беседы автора статьи с режиссером кино и телевидения Игорем Константиновичем Беляевым в январе 2001 года.

[71] Данные цитируются по сборнику: О советском телевидении и радиовещании. – М., 1977. С. 63.

[72] *Воинов А.* Митинг миллионов // О советском телевидении и радиовещании. – М., 1977. С. 62–63.

[73] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. – М., 1985. С. 297.

[74] *Гордеев Г.* Если дорог тебе твой дом. Кинематограф Константина Симонова. – М., 1988. С. 150.

[75] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. – М., 1985. С. 63.

[76] Александр Довженко (1894–1956) – советский кинорежиссер, драматург, народный артист РСФСР (1950). Один из основоположников советской кинематографии.

[77] *Довженко А.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – М., 1967. С. 465.

[78] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. – М., 1985. С. 66.

[79] Там же. С. 66.

[80] Там же. С. 317.

[81] Там же. С. 128.

[82] Из неопубликованной беседы автора статьи с продюсером и ведущим телевидения В.И. Гендлиным в декабре 2000 года.

[83] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. – М., 1985. С. 255.

[84] *Микоша В.* С киноаппаратом в бою. – М.,1964. С. 20.

[85] Роман Кармен в воспоминаниях современников. – М., 1983.

[86] Юлий Райзман (1903–1994) – советский кинорежиссер, народный артист СССР (1964). Работал не только в художественном, но в документальном кинематографе. Во время войны принимал участие в сборе материалов создании документальных фильмов, посвященных победе (в т. ч. «Берлин» (1945)).

[87] *Райзман Ю.* Май. 1945 год // Советский экран, 1980, № 9. С. 7.

[88] Роман Кармен в воспоминаниях современников. – М., 1983. С. 296.

[89] Там же. С. 296.

[90] *Голядкин Н.* ТВ-информация в США. – М., 1995. С. 104.

[91] Роман Кармен в воспоминаниях современников. – М., 1983. С. 301.

[92] Там же. С. 310.

[93] Там же. С. 312.

Владимир Невежин

СТАЛИН О ГЕРМАНИИ, немцах и Гитлере

Несмотря на многочисленность публикаций по сталинской тематике не исключена возможность постановки новых вопросов и решения ранее не формулировавшихся и не ставившихся задач. В частности, заслуживает рассмотрения вопрос о восприятии И.В. Сталиным окружающего внешнего мира на различных этапах его политической карьеры. Ведь, в конечном счете, специфика этого восприятия являлась определяющим фактором в процессе выработки и принятия важнейших решений по ряду международных проблем в период, когда Сталин оказался на вершине власти в СССР.

Несомненный интерес в данном смысле представляет изучение сюжетов, связанных со спецификой сталинского восприятия Германии и немцев. Комплексного обобщающего исследования на данную тему нет, что осложняет дело. Однако она в той или иной степени отражена в ряде историко-биографических работ о Сталине и в публикациях конкретно-исторического плана[1].

Несомненную актуальность имеет вопрос об эволюции сталинского восприятия Германии, немцев, нацистского режима и его вождя Гитлера в сложнейший период германо-российских и германо-советских отношений – со времени Октябрьской революции 1917 г. и до начала 50-х гг. Данный хронологический период избран не случайно. На протяжении обозначенных трех с половиной десятилетий Германия и Россия (СССР) то оказывались в состоянии войны, то шли на сближение друг с другом в политической, дипломатической, экономической областях. С полным основанием период 1917 – начала 50-х гг. можно охарактеризовать как время, когда прошли суровое «испытание на прочность» не только взаимоотношения обеих держав, но и господствовавшие в них политические системы. Для Сталина это был этап постепенного вхождения во власть, завершившийся превращением его в диктатора, осуществлявшего господство на одной шестой части суши.

Необходимо составить представление не только о специфике сталинского отношения к Германии как к носительнице глубоких революционных традиций, но и к немецкой нации, породившей вначале ненавистную ему социал-демократию, а затем идеологически враждебный большевизму национал-социализм (фашизм); как к государству, ставшему, в конечном счете, непримиримым военным противником СССР. Слабо освещенным остается вопрос о том, каким было восприятие Сталиным Гитлера, как личности и политического деятеля.

Автор данной статьи сделал попытку отчасти заполнить имеющиеся историографические лакуны, дать собственную оценку дискуссионным сюжетам, отказываясь при необходимости от некоторых носящих мифологизированный характер трактовок, бытующих в исследовательской и популярной литературе.

В различных публикациях, появившихся на свет при жизни Сталина, с различной степенью полноты были зафиксированы его собственные суждения, относящиеся к

предмету нашего исследования[2]. Позднее, преимущественно в постсоветскую эпоху, были осуществлены основанные на архивных материалах документальные публикации, как в периодических изданиях, так и в специальных тематических сборниках, которые дают возможность более полно осветить избранную проблему. В частности, большой интерес представляют мемуары и интервью людей из ближайшего сталинского окружения, вышедшие в свет преимущественно на исходе 90-х гг[3].

Известный немецкий филолог Виктор Клемперер отмечал: «Пусть кто-то намеренно стремится скрыть – только лишь от других или от себя самого то, что он бессознательно носит в себе, – язык выдаст все». В связи с этим не случайно наше внимание не только к тем устным выступлениям Сталина, которые прошли предварительную цензуру с его стороны и были опубликованы еще при жизни «вождя». На наш взгляд, немалые информационные возможности заключены в сталинских *застольных речах*: разнообразных тостах, произносившихся Сталиным преимущественно на дипломатических раутах; доверительных беседах во время обедов и ужинов с ближайшими соратниками, с видными государственными, политическими, военными деятелями и дипломатами зарубежных стран и т. д. и т. п. Специфика застольных речей советского «вождя» заключалась в том, что в них он был более откровенен и, если можно так выразиться, открыт для собеседников, излагая в свободной форме свои суждения по различным проблемам, в том числе – давая собственные оценки Германии и немцев. Содержание застольных речей Сталина зафиксировано, как правило, в личных дневниках и мемуарах очевидцев и участников событий[4].

Источники информации Сталина о Германии и ее народе

После Октябрьской революции 1917 г. Сталин вошел в большевистскую элиту, оставаясь на политическом Олимпе вплоть до 1953 г. Он не только имел широкий доступ к информации, но и по своему статусу обладал возможностью влиять на формирование внешнеполитических представлений в советском обществе. В связи с этим закономерен вопрос: из каких именно источников черпал он сведения о Германии и немцах?

Дочь Сталина Светлана И. Аллилуева отмечала одно характерное качество, присущее отцу: «…Политика отодвинула в нем все другие человеческие интересы на задний план – и так было всю жизнь»[5]. Всеобъемлющая «политизация» его мышления уже с молодых ногтей, со времени обучения в Тифлисской духовной семинарии, и до последних дней жизни, во многом предопределяла формирование у Сталина представлений об окружающем мире, в том числе – о Германии и немцах.

Не достигнув и двадцатилетнего возраста, Иосиф Джугашвили начал читать в переводе на русский язык произведения Маркса и Энгельса[6]. Это было первое, книжное знакомство с Германией, полученное в результате освоения прочитанного в трудах немецких основоположников марксизма. Но оно надолго отложилось в памяти Сталина. 13 декабря 1931 г. во время двухчасовой беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом (1881–1948) в сталинском кремлевском кабинете)[7] большевистский лидер глубокомысленно заявлял, что немецкая нация уже потому заслуживала симпатии, что «дала миру таких людей как Маркс и Энгельс»[8].

Различные позы генералиссимуса. Добродушный Сталин как поучающий оратор (слева вверху); как полководец, в хорошем настроении принимающий парад (слева внизу); задумчивый, скрытный Сталин, который не выдаст свою тайну (справа)

В 1918 г., будучи народным комиссаром по делам национальностей, Сталин по роду своей деятельности касался вопросов, связанных с Германией, внимательно следил за развитием ситуации на Украине, подвергшейся немецкой оккупации. В 1921–1922 гг. он получал исчерпывающие сведения о тех шагах, которые предпринимались для налаживания взаимоотношений с Веймарской Республикой. В его распоряжении имелись материалы о ходе переговоров с немцами в Берлине относительно перспектив советско-германского экономического и политического сотрудничества, которые вели Карл Радек, Леонид Красин, Николай Крестинский и Христиан Раковский[9]. Сталин также был в курсе мероприятий, проводившихся на этапе подготовки к Генуэзской конференции 1922 г., на которую большевистское руководство возлагало большие надежды, стремясь к налаживанию советско-германского сотрудничества[10].

Позднее оно всерьез стало рассматривать возможность осуществления «революционного штурма» в Германии, где к лету 1923 г. назрел глубокий политический и экономический кризис. Сталин наряду с Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым (Ленин был тяжело болен) вошел в ведущую «тройку» членов Политбюро ЦК РКП(б), которая разрабатывала планы «завоевания политической власти» в этой стране[11]. В то время он имел возможность судить о ситуации в Германии из следующих источников: личного общения с представителями руководства КПГ, прибывшими в Москву для консультаций, с текстами призывов функционеров Германской компартии Генриха Брандлера и Августа Тальгеймера, обращенных к членам ЦК РКП(б); бюллетеней Российского Телеграфного Агентства (РОСТА); регулярных сводок советского полпредства и консульств; по каналам ИККИ. Все эти материалы интерпретировали германские события «в ультрареволюционном духе»[12].

Позднее в Германию для непосредственного руководства ожидавшимся восстанием были командированы деятели большевистской партии Юрий Пятаков, Радек, Яков Рудзутак, Валериан Куйбышев, генеральный секретарь Профинтерна Соломон

Лозовский, куратор германского комсомола по линии Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) Лазарь Шацкин[13]. К моменту прихода к власти в Германии национал-социалистов Сталин уже занимал прочные позиции в большевистском руководстве. Существенно расширились информационные потоки, которые стекались к нему как к Генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Помимо традиционных уже каналов информации по германским делам (Коминтерн, НКИД, советская журналистская сеть) стали активно задействоваться разведывательные службы.

В 1935–1937 гг. для осуществления зондажа с целью налаживания взаимоотношений с нацистским руководством Сталин направил в Берлин своего личного представителя Давида Канделаки[14]. Таким образом, большевистский лидер получил возможность получать свидетельства о ситуации в Германии «из первых рук».

В 1939 г. советско-германские отношения стали меняться в сторону улучшения, а 23 августа и 28 сентября были подписаны известные советско-германские дипломатические соглашения: пакт о ненападении и договор о дружбе и границе. В период действия пакта Риббентропа–Молотова имели место прямые контакты между представителями высшего политического руководства СССР и Германии. Так, Сталин лично общался с министром иностранных дел Германии Йоахимом фон Риббентропом и вел с ним переговоры в Москве (23–24 августа и 27–28 сентября 1939 г.). Кроме того, между ними имела место в 1940 г. личная переписка. Все это существенно обогащало сталинские знания о внешнеполитических замыслах нацистского руководства.

Во время официального визита главы Советского правительства и народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова в ноябре 1940 г. в Берлин он постоянно информировал Сталина о ходе переговоров с фюрером и фон Риббетропом, а по возвращении в Москву сделал обстоятельный отчет о них на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б)[15].

В 1939–1941 гг. Сталин имел возможность получать информацию о политике Гитлера и положении в Германии от советских дипломатических представителей (послов Алексея Ф. Мерекалова и Владимира Г. Деканозова), а также от представителей различных советских ведомств, посетивших эту страну в ходе официальных поездок, которые осуществлялись в рамках торгово-хозяйственных связей, а также контактов по военной линии. Он лично вел переговоры в Москве с главным экономическим экспертом МИД Германии Куртом Риттером в 1940 г[16].

К 22 июня 1941 г. информация по «германскому вопросу» приходила к Сталину не только по этим, «открытым», но и по некоторым «закрытым» каналам, т. е. с помощью разведки. В то время разведывательной деятельностью в СССР в той или иной степени занимались: народные комиссариаты обороны и военно-морского флота, НКВД (с февраля 1941 г. – наркомат государственной безопасности, НКГБ), НКИД и Коминтерн. Все эти ведомства давали довольно полную и разнообразную информацию о внутренней и внешней политике нацистской Германии на начальном этапе Второй мировой войны, а также о надвигавшейся опасности германской агрессии против Советского Союза. Естественно, подобного рода информация попадала на стол к Сталину.

С началом германо-советской войны по объективным причинам возможности получения в Москве полной и разнообразной информации о Германии несколько уменьшились. Во-первых, прервались официальные контакты лидеров СССР и Германии, во-вторых, дипломаты обеих стран выехали на Родину и, в-третьих, прекратились торгово-экономические отношения. Но на германской и на оккупированной

немцами советской территории продолжала действовать советская разведка. Помимо разведданных Сталину докладывалось содержание германских трофейных документов, захваченных на поле боя, а также материалы допросов солдат, офицеров и генералов вермахта, оказавшихся в советском плену. Эта информация давала возможность составить некоторое представление о состоянии германской военной экономики, настроениях германских военнослужащих на фронте, гражданского населения в тылу и т. д. и т. п. Она дополнялась переводами текстов публичных выступлений Гитлера и других видных нацистских функционеров, что способствовало пониманию дальнейших замыслов нацистского руководства. Кроме того, использовались сведения, которые советская сторона получала от партнеров по антигитлеровской коалиции, главным образом, через средства массовой информации.

По окончании войны и после падения нацистского режима была создана Советская военная администрация на оккупированной части Германии. Ее представители (Жуков, А.А. Соболев, В.С. Семенов, И.Ф. Филиппов и другие) постоянно информировали Москву о своей деятельности. Сталин встречался с немецкими коммунистами, которые информировали его о ситуации. В ходе этих визитов обсуждалось будущее государственное устройство Восточной Германии.

Немцы через призму сталинских этнических представлений

«Образ другого» – это сложное понятие, которое имеет глубокий исторический контекст и, в определяющей степени, зависит от состояния общественного сознания, в целом, и мировоззрения каждого отдельного индивидуума, в частности. Подробно проследить эволюцию сталинского восприятия «образа другого» на примере отношения к немцам в обозначенных нами хронологических рамках трудно, поскольку сведения по данному сюжету скудны и отрывочны. Как представляется, для более успешного изучения специфики формирования в сознании Сталина этнических стереотипов в отношении немцев следует обратить внимание на следующее. Во-первых, будучи публичным политиком, Сталин и немцев воспринимал, во многом, через призму текущего «политического момента». Во-вторых, как человек, большую часть сознательной жизни проведший в российской среде, считавший себя представителем российской нации, на бытовом уровне он относился к немцам с определенной долей иронии и скептицизмом.

Как правило, немцы воспринимались Сталиным, опиравшимся на теорию революционного марксизма, подкрепленную практическими делами большевистского руководства, отнюдь не как представители единой нации. С одной стороны, в сталинских построениях существовала правящая элита («национальная буржуазия»). С другой стороны, существовал, по определению Сталина, угнетаемый буржуазией «германский народ». В то же время, именно «германский народ», согласно сталинской терминологии, и являлся подлинным «хозяином» страны. «Германский народ», рассуждал, например, Сталин, имея в виду намерение западных держав-победительниц в Первой мировой войне ввести в действие «план Дауэса», автоматически попадал под двойной гнет – собственно немецкой и иностранной (английской и американской) буржуазии. «Думать, что такая культурная нация, как Германия,

и такой культурный пролетариат, как германский, согласятся нести двойное ярмо без ряда серьезных попыток революционного взрыва, – значит верить в чудеса», – делал вывод Сталин[17].

Приведенное высказывание, как представляется, наглядно иллюстрирует насколько конъюнктурным, политизированным было сталинское восприятия немцев.

Аналогичным образом можно оценить и некоторые высказывания И.В. Сталина в упомянутом интервью Эмилю Людвигу (1931 г.). Сталин подчеркивал тогда, что, если и есть смысл упоминать о существующих в СССР «симпатиях к какой-либо нации, или, вернее, к большинству какой-либо нации (в данном случае он, очевидно, имел в виду “германский народ” – *В.Н.*), то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам»[18].

С началом германо-советской войны 1941–1945 гг. и на всем ее протяжении в сталинском лексиконе преобладали негативные характеристики, адресованные немцам. В выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г. «немецкий народ» просто не упоминался[19].

В своем втором со времени начала войны против Германии публичном выступлении (оно прозвучало 6 ноября 1941 г., в очередную годовщину Октябрьской революции) он несколько разнообразил и усовершенствовал лексикон, применявшийся им для характеристики немцев. «Немцы», если судить на основании анализа упомянутого выступления, это те, кто открыто пропагандировали план «молниеносной войны» против СССР, стремились сыграть на противоречиях «между классами отдельных государств и между этими государствами и Советской страной», рассчитывали на «непрочность советского строя». Наконец, «немцы» – это агрессоры, продолжающие вести боевые действия против Красной Армии ради идеи «захвата и ограбления» Советского Союза. По существу, данный термин использовался в упомянутом сталинском докладе в качестве синонима понятий «фашисты», «захватчики», «гитлеровцы».

Однако в сталинском докладе 6 ноября 1941 г. уже вновь фигурировал «немецкий народ». Именно он, в противовес «немецко-фашистским захватчикам», должен был, во многом, предрешить дальнейшую судьбу Германии. Жертвы, понесенные в ходе продолжавшихся в течение двух лет боевых действий, обнищание, эпидемии, враждебная «немцам» атмосфера на оккупированных ими территориях – все это «не могло не повернуть германский народ против ненужной и разорительной войны», – оптимистически заключал Сталин[20].

В дальнейшем, в приказах как народного комиссара обороны и как Верховного Главнокомандующего, в публичных выступлениях 1942–1945 гг. рассуждения Сталина о глубоком различии между целями правящей нацистской верхушки и коренными интересами «германского народа» приобретали более стройную форму. После того, как Красная Армия вначале временно, а затем и окончательно перехватила стратегическую инициативу у вермахта, он все чаще в излюбленной публицистической манере задавался риторическим вопросом: действительно ли основная цель советских войск истребить «немецкий народ», уничтожить германское государство. Отвечая на поставленный вопрос, он утверждал, что было бы просто смешно отождествлять «клику Гитлера» с «германским народом, с германским государством». «…Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаётся»[21], – эта чеканная формулировка отражала его воззрения на будущее немцев после окончания войны.

Напоминая о представителях германской нации, которых, по утверждениям иностранной печати, Красная Армия якобы стремилась уничтожить «именно как немцев», Сталин выступал с соответствующими разъяснениями. Он подчеркивал, что германские солдаты и офицеры гибнут на советской территории отнюдь не потому, что они имеют немецкое происхождение, а поскольку они являются захватчиками и поработителями, подлежащими истреблению независимо от национальной принадлежности[22].

На приеме в Кремле в честь чехословацкой делегации (28 марта 1945 г.) Сталин, судя по дневниковой записи народного комиссара танковой промышленности СССР В.А. Малышева, заявил следующее: «Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы – великий народ. Очень хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся»[23].

В целом, сталинские публичные выступления и приказы народного комиссара обороны и Верховного Главнокомандующего за период германо-советской войны (1941–1945 гг.), как представляется, наглядно демонстрирует высокую степень политизации высказываний советского «вождя» о немцах. Как публичный политик, он умел виртуозно оперировать разнообразными терминами, стремясь показать, насколько неоднородна немецкая нация, которая вступила в открытое вооруженное противостояние с СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции. И именно эта неоднородность, коренное различие целей и задач правящей нацистской верхушки – «гитлеровцев», которая поставила себе на службу «немецко-фашистскую армию», целям и задачам «немецкого народа», не желающего нести бремя войны, как, вероятно, представлялось Сталину, не оставляла надежды на успешное для Германии окончание войны. По мере дальнейшего продвижения Красной Армии с боями на Запад, как следовало из упомянутых сталинских выступлений и приказов, банкротство нацистского руководства представлялось неизбежным, ввиду падения боеспособности и морального духа «немецко-фашистской армии» и неуклонного нарастания решимости «германского народа» освободиться от гитлеровской тирании[24].

Но в сталинском восприятии немцев не всегда преобладающим являлся собственно «политический» аспект. Некоторые оценки, дававшиеся немцам, могут служить иллюстрацией наличия у Сталина традиционных стереотипов, отражавших на эмоциональном уровне переосмысление некоторых личных качеств, свойственных этому народу.

Так, на вопрос писателя Людвига: не считает ли Сталин, что у представителей германской нации любовь к порядку преобладает над любовью к свободе, последовала пространная сталинская тирада, смысл которой сводился к следующему. Сталин пытался убедить своего собеседника, что «когда-то» в Германии, в действительности, люди очень уважали законы. Но в подтверждение этого своего заявления он почему-то не счел необходимым привести какие-либо серьезные аргументы. Наоборот, Сталин свел все к «шутке». Он вспомнил, что большевики, еще до Октябрьской революции находившиеся в эмиграции в Германии, «нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам».

Далее Сталин рассказал анекдот, якобы бытовавший во время его пребывания в Берлине в 1907 г. Немецкие социал-демократы из берлинского пригорода прибыли на поезде в столицу, где должны были участвовать в манифестации. Однако на это

партийное мероприятие они опоздали, поскольку в течение двух часов ожидали на перроне вокзала прибытия контролера, который должен был проверить у них наличие проездных билетов. В конце концов, нашелся «русский товарищ», который и указал немцам простой выход: он предложил уйти, не сдав билетов[25].

Примечательно, что через 13 лет после беседы с Людвигом эта оценка, в несколько видоизмененном виде, прозвучала вновь. Произошло это в ходе застолья на сталинской даче, устроенного в честь югославской делегации (начало июня 1944 г.). По свидетельству члена делегации Милована Джиласа (1911–1995), Сталин сравнил тогда немцев с овцами, которые, по его словам, слепо следуют за бараном. Он также счел необходимым напомнить рассказанную им в свое время Людвигу в качестве анекдота историю о немецких социал-демократах, опоздавших на собрание. Но теперь сталинский анекдот уже был представлен как быль…[26].

В 1943 г. Сталин вернулся к вопросу о приверженности порядку у немцев, о присущих им точности и аккуратности, представив дело таким образом, что подобные качества служат помехой в условиях войны. В приказе Верховного Главнокомандующего Красной Армией (№ 95 от 23 февраля) утверждалось, в частности, что стратегия вермахта «дефективна», а тактика «шаблонна» по причине… аккуратности и точности при исполнении уставных воинских требований[27].

В 1946 г. Сталин, беседуя с югославским лидером Иосифом Броз Тито, вновь продемонстрировал свое презрительное отношение к такому природному качеству немцев, как приверженность порядку. «Вождь», в частности, подчеркнул, что они ничего не делают «без приказания»[28].

Традиционные сталинские стереотипы в восприятии немцев проявлялись порой в самых необычных ситуациях. Сталин, например, иронизировал над Джиласом, который во время приема по случаю подписания советско-югославского договора от 11 апреля 1945 г. старался избежать употребления крепких спиртных напитков, а лишь потягивал пиво, за что «вождь» назвал его «немцем». Подобная «ирония» явно пришлась не по вкусу югославскому гостю: ведь в то время еще продолжалась война, и немцы, даже коммунисты, «котировались в Москве ниже всех прочих».

Джиласу довелось услышать от Сталина следующий анекдот, от которого любой немец должен был просто содрогнуться. Советский солдат конвоировал большую группу немецких военнопленных и по дороге перебил их всех, кроме одного, которого и доставил к месту назначения. На вопрос о судьбе остальных немцев он ответил просто: «Выполняю распоряжение Верховного Главнокомандующего (Сталина – *В.Н.*): перебить всех до одного – вот я вам и привел одного»[29].

Вместе с тем, Сталин при личных встречах с представителями держав-союзников по антигитлеровской коалиции порой проявлял, хотя и в завуалированной форме, признание наличия у них некоторых положительных качеств, например, упорства в вооруженной борьбе[30].

Германия в пространственно-политических воззрениях Сталина

До настоящего время у исследователей еще не сложилось четкого представления о том, насколько знаком был Сталин с основами геополитики и как, вообще, восприни-

мались большевистским «вождем» замысловатые выкладки ее «отцов-основателей» (Фридриха Ратцеля [1844–1904], Рудольфа Келлена [1864–1922], Генри Маккиндера [1861–1947], Карла Хаусхофера [1869–1946]), хотя в литературе и предпринимались попытки разрешения этого вопроса[31].

Как оказалось, в сталинском архиве сохранилось около 200 различных карт, в том числе – географических и политико-экономических[32]. Из мемуарной литературы и документов хорошо известно, насколько уверенно ориентировался Сталин по карте, как умело использовал картографический материал для доказательства своей правоты во время важных переговоров с зарубежными дипломатами и политическими деятелями[33]. В связи с этим можно с уверенностью говорить о том, что он обладал способностью использовать и применять географические реалии не только в историческом, но и в политическом контексте, т. е. в какой-то степени обладал пространственно-политическими воззрениями. Как будет показано ниже, Германия занимала в этих воззрениях отнюдь не последнее место.

Со времени Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до 1923 г. германский вопрос становится «ключевым вопросом не только европейской революции, но и дальнейшей судьбы Советской России»[34]. Выход из «империалистической войны» был важнейшей внешнеполитической проблемой, с которой пришлось столкнуться Ленину и его соратникам сразу после прихода к власти в октябре 1917 г. Не случайно, одним из первых Советская власть провозгласила Декрет о мире. Однако выйти из войны удалось не сразу. Внутри большевистского руководства возникла серьезная полемика по вопросу о целесообразности подписании мирного договора с Германией и ее союзниками, в ходе которой Ленин поначалу оказался в меньшинстве перед лицом сильных оппонентов («левых коммунистов» и Троцкого). Сталин после недолгих колебаний поддержал ленинское предложение о подписании перемирия. Свою позицию он изложил на заседании ЦК РСДРП (б) 11 января 1918 г.

Обосновывая свой выбор, Сталин представил Германию как внешнюю силу, угрожающую самому существованию большевистского режима. Он выражал уверенность, что германские войска сохранили способность осуществить наступление. Но в случае успеха этого наступления, считал он, в России усилится «контрреволюция». К тому же Сталин был уверен, что надежды на революционный взрыв на Западе не оправдались, а это, в свою очередь, делало бесперспективной саму идею «священной войны против империализма»[35].

После поражения Германии в войне в ноябре 1918 г. в стране произошла революция, которую в Москве встретили с оптимизмом. Ведь большевики долгое время именно в германской революции видели залог собственных успехов[36]. Ленин, например, еще в начале 1918 г. утверждал, что по своей силе она должна быть «гораздо выше» большевистской революции[37].

Естественно, как правоверный большевик-ленинец, Сталин с удовлетворением встретил известие о революционных событиях в Германии. Вместе с другими соратниками Ленина он переживал своеобразную эйфорию и выражил уверенность в том, что немецкий империализм доживает последние дни. Однако Ноябрьская революция не привела к установлению в Германии диктатуры пролетариата, на что надеялись Ленин и его сторонники. Поэтому большевистское руководство продолжало рассматривать Германию как потенциальный очаг нового революционного взрыва.

В 1923 г. Сталину вплотную пришлось заняться проблемой Германии, причем, в весьма специфической области: он активно участвовал в подготовке революционного выступления в этой стране.

В конце июля – начале августа 1923 г. Председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Зиновьев стремился навязать собственные представления о германских событиях. Но сталинское отношение к этим событиям было неоднозначным. В письме на имя Бухарина и Зиновьева (7 августа) Сталин высказывал сомнение в успехе попытки захвата политической власти немецкими коммунистами. Прежде всего, они не имели поддержки громадного большинства населения («рабочих и крестьян»), как это было в момент Октябрьской революции в России. Германские коммунисты, подчеркивал генсек в этом письме, имеют в качестве соседа Советскую Республику, которая, однако, не может ничего им дать в данный момент. Даже если власть в Германии сама упадет к ним в руки, продолжал Сталин, и будет подхвачена, дело должно закончиться либо провалом, либо полным разгромом. Как считал Сталин, германская буржуазия и правые деятели социал-демократии неизбежно одержат победу над коммунистами. В упомянутом сталинском письме высказывалась рациональная мысль: удерживать германских коммунистов от революционного выступления, а не поощрять их[38].

Большой интерес представляют сохранившиеся текст замечаний Сталина на тезисы Зиновьева о положении в Германии и текущих задачах (20 августа), а также запись сталинских выступлений во время прений относительно перспектив германской революции на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 августа. Оба документа позволяют сделать вывод, что Сталин был весьма осторожен в формулировках и в то же время призывал своих соратников по партии точно и конкретно ставить цели и задачи, вытекающие из событий в Германии. Так, он предлагал «ясно сказать немецким коммунистам, что им одним придется взять власть» в своей стране. Для Сталина было ясно, что возникновение революции в Германии неизбежно приведет к войне Франции, Польши, некоторых других государств против нее, а посему советское руководство должно принять необходимые меры для предотвращения военных действий и для поддержки немцев[39].

После ряда совещаний и заседаний Политбюро, посвященных подготовке революции в Германии, которые имели место в августе–первой половине сентября, Сталин, судя по всему, уже оставил в стороне прежние сомнения в успехе дела. На пленуме ЦК РКП(б) 20 сентября он прямо говорил о победе грядущей германской революции как о свершившемся факте[40].

10 октября 1923 г. в «Роте Фане», печатном органе ГКП, было опубликовано от руки написанное Сталиным обращение, в котором утверждалось: «Грядущая революция в Германии является самым важным мировым событием наших дней». Примечательно, что в обращении еще не достигнутая победа революции в Германии расценивалось как событие, более значимое для пролетариата Европы и Америки, чем даже социалистическая революция 1917 г. в России[41].

Понятно, что сталинская публикация в «Роте Фане» явилась отражением не столько его взглядов на реальные перспективы германского пролетариата, сколько мнения членов упомянутой постоянной комиссии Политбюро ЦК РКП(б). Ведь, как уже отмечалось, в письме Сталина Зиновьеву и Бухарину от 7 августа звучали иронически-пессимистические нотки по поводу возможности захвата власти германскими коммунистами…

В конечном счете, Сталин оказался прав. Не только революция, но и революционная ситуация в Германии в 1923 г. на поверку оказались блефом. Основная вина за срыв «германского октября», во многом с подачи Сталина, была возложена на немецких социал-демократов[42].

К середине 20-х гг. взрывоопасная ситуация в Германии была преодолена, и ее правительство обратило свой взор на Запад, желая получить поддержку со стороны США и Великобритании в деле стабилизации германской экономики. Был разработан так называемый «план Дауэса». Советское руководство попыталось удержать Германию от экономического сближения с Западом, но безуспешно. Не случайно в 1925 г. Сталин, характеризуя план Дауэса, назвал его планом «ограбления Германии»[43].

Во второй половине 20-х гг. внимание Сталина было почти целиком сосредоточено на перипетиях борьбы за власть, и он, по существу, не имел возможности заниматься глубоко внешнеполитическими проблемами, в том числе – вопросами взаимоотношений с Германией. Однако Сталин был в курсе дел и в области военно-экономического сотрудничества с этой страной, и в сфере дипломатических контактов с ней.

Поэтому он имел все основания в 1931 г. заявить Эмилю Людвигу, что дружественные отношения СССР к Германии «остаются такими же, какими были до сих пор», хотя и упомянул о попытках советской стороны наладить дипломатический контакт с Польшей[44].

В 20-х-начале 30-х гг. в политическом лексиконе Сталина Германия чаще всего стала фигурировать как географическое (геополитическое) понятие. С приходом к власти национал-социалистов во главе с Гитлером изменилась расстановка сил в Европе, и германский фактор начал выходить на первый план во внешнеполитических построениях Москвы. С этого времени и вплоть до своей кончины Сталин практически постоянно занимался вопросами взаимоотношений с Германией.

В его выступлении на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.) уже прозвучали тревожные нотки по поводу внешнеполитического курса германского руководства и тех событий, которые произошли в связи с приходом к власти нацистов. Выход Германии из Лиги наций вскоре после того, как Гитлер стал канцлером, Сталин охарактеризовал как «новый толчок» к обострению международного положения и к росту вооружений в Европе. Он опровергал заявления не названных им «германских политиков», которые якобы утверждали: Москва переориентируется на Францию и на Польшу, становится из противника Версальского договора ее сторонником. По их словам, эта переориентация объяснялась «изменениями в политике Германии, отражающими рост реваншистских и империалистических настроений» в стране после прихода к власти Гитлера. В связи с этим Сталин подчеркнул, что у советского руководства не было никакой ориентации на Германию, так же, как нет у нее ориентации на Польшу или Францию.

Хотя советское руководство отнюдь не склонно было восторгаться режимом, установившимся в Германии, Сталин счел необходимым отметить и следующее обстоятельство: наличие фашистского режима в Италии не помешало установлению дипломатических отношений между Москвой и Римом[45].

В целом, из его выступления на XVII съезде следовало: в Москве обеспокоены отходом нового германского руководства от политики германо-советского сотрудничества и выбором «нового курса», напоминавшего политику германского кайзера,

стремившегося к территориальным захватам на Востоке. Однако Германия не рассматривалась тогда как потенциальный противник[46].

Между тем подписанное СССР на международной экономической конференции Соглашение об определении агрессора с соседними государствами имело антигерманскую направленность. Сталин и его окружение видели в лице национал-социалистов и их фюрера столь же «целеустремленных, циничных и беспардонных» политиков, как и они сами. Именно поэтому они стремились загнать нацистскую Германию в политическую изоляцию[47].

В то же время, в 1935–1937 гг. с ведома Сталина была предпринята попытка налаживания контактов, прежде всего в экономической области. Но миссия личного сталинского посланника Давида Канделаки в Германию оказалась безуспешной. Затем последовали трагические события 1937–1938 гг. (политические судебные процессы против «врагов народа» в СССР, Мюнхенское соглашение), сталинская реакция на которые описана с исчерпывающей полнотой в ряде научных исследований и в публицистике.

Напряженность во взаимоотношениях между СССР и Германией сменилась некоторой разрядкой во второй половине 1939 г., что привело к известным советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября. Во время переговоров с германским министром иностранных дел фон Риббентропом в Москве, предшествовавших подписанию обоих названных дипломатических соглашений между СССР и Германией, в беседах со своими ближайшими соратниками, в переписке с советским наркомом иностранных Молотовым, направленным в ноябре 1940 г. с официальным визитом в Берлин, Сталин неоднократно демонстрировал свои пространственно-политические представления. Судя по всему, после начала Второй мировой войны Сталин рассматривал Германию, обладавшую крупной сухопутной армией, как державу, которая сможет не только одержать победу над «владычицей морей» Англией, но и сокрушить могущество Британской империи. Однако уже летом 1940 г., после падения Франции он оказался не на шутку встревожен усилением германской военной мощи и тем, что Гитлер с помощью вермахта распространил свое господство на ряд европейских государств.

Весной 1941 г., после того, как немцы нанесли поражение Югославии и Греции, Сталин понял, что Германия, вопреки договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г., не только игнорировала советские интересы, но стала представлять непосредственную угрозу СССР. Не случайно поэтому, что в выступлении перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. он счел необходимым подчеркнуть захватнический характер германской внешней политики в Европе. В связи с этим Сталин выразил уверенность, что, поскольку «Германия уже воюет под флагом покорения других народов» и подчинения их своему господству, это «не приведет к победе»[48].

Агрессия Гитлера против СССР, начатая 22 июня 1941 г., естественно, выдвинула на первый план перед советским руководством задачу отражения нашествия одной из сильнейших армий в Европе. Как уже отмечалось, в публичных выступлениях и в приказах Сталина как наркома обороны и Верховного Главнокомандующего 1941–1945 гг., немцы, а, следовательно, и Германия подавалась не иначе, как вероломный и жестокий враг. Однако не успела еще Красная Армия оправиться от сокрушительных поражений лета–осени 1941 г., в критических для СССР условиях, когда страна несла большие людские, территориальные и материальные потери, он начал всерьез размышлять о послевоенной судьбе этой державы.

Так, в беседах с министром иностранных дел союзной Великобритании Энтони Иденом (1897–1977) в декабре 1941 г. Сталин высказал мысль, что «абсолютно необходимым» является ослабление Германии, которого можно было бы достичь, например, путем отделения Рейнской области от «остальной Пруссии». Он считал, что решение о статусе Рейнской области можно было бы принять позднее. Сталин видел Австрию в перспективе лишь в качестве независимого государства. Впрочем, он не исключал, что и Бавария могла бы стать независимой[49]. Спустя два года, 11 декабря 1943 г. Сталин прямо заявил чехословацкому президенту Эдварду Бенешу (1884–1948), что необходимо «разделить Германию»[50].

Ориентировка на раздел Германии явилась основополагающей в планах народного комиссариата иностранных дел СССР по вопросам послевоенного урегулирования. Но эти планы советской стороной публично не оглашались, а с марта 1945 г. по тактическим причинам они вообще не затрагивались в переговорах с союзниками[51]. В конечном счете, уже после поражения Германии, в беседе с американскими дипломатами Г. Гопкинсом и А. Гарриманом (28 мая 1945 г.) Сталин был вынужден согласиться с тем, что ввиду различия позиций лидеров главных союзных держав по этому вопросу он еще не принял решения, «следует ли расчленить Германию или нет»[52].

К середине германо-советской войны Сталин также стал всерьез задумываться о том, как предотвратить в будущем возрождение германской военной мощи. Вероятно, сам факт нападения Германии на СССР, приведшего к большим людским и материальным потерям Советского Союза, наталкивало его на размышления о том, чтобы подобная трагедия не должна повториться впредь. Свою озабоченность по этому поводу Сталин неоднократно излагал во время личных контактов и переговоров с лидерами Великобритании и США[53].

Аналогичные мысли высказывались им и во время встреч с руководителями славянских государств-союзников по антигилеровской коалиции (Чехословакии, Польши, Югославии). По замыслу Сталина, следовало даже создать своеобразную «славянскую империю» в составе названных государств, которая будет иметь задачей «уничтожить “Дранг нах Остен”» (sic!) и сделать его невозможным[54].

В докладе на торжественном заседании, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции (6 ноября 1944 г.), Сталин еще более усилил свою аргументацию по вопросу о том, каким образом следует действовать в будущем, чтобы «сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны» с германской стороны. Он ввел понятие «агрессивная нация», а в качестве синонима этого понятия выбрал… слово «Германия». Исходя из этих сталинских построений, «Германия, как агрессивная нация», на протяжении десятилетий оказывалась лучше подготовленной к войне, а перед ее началом всегда имела подготовленную «армию вторжения».

Все желания Сталина-победителя исполнились? – С Гарри Трумэном и Клементом Эттли за круглым столом в Потсдаме в 1945 году. Фотография Евгения Халдея

С целью предотвратить впредь военную угрозу с ее стороны и недопущения возрождения ее экономической и военно-политической мощи он предлагал создать силами «миролюбивых наций» (в качестве таковых им назывались англичане, американцы, наконец, русские) «специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности». Руководящий орган этой организации должен был иметь «минимально-необходимое количество вооруженных сил».

И в дальнейшем, в последние месяцы Второй мировой войны и по ее завершении, Сталин неоднократно возвращался к этой своей мысли[55].

Примечательно, что в ходе работы Крымской конференции руководителей трех союзных держав в начале февраля 1945 г., т. е. за три месяца до взятия Берлина, он с уверенностью заявлял, что «Германия еще считает себя великой державой, но она уже перестала ею быть»[56]. А во время Потсдамской конференции (июль–август 1945 г.) между Сталиным, Трумэном и Черчиллем произошел примечательный разговор по вопросу о том, в каком именно контексте следует употреблять понятие «Германия». По мнению Сталина, это была «разбитая страна» – без армии, без определенных границ, государство, разделенное на оккупационные зоны[57].

Казалось бы, в сталинских пространственно-политических воззрениях после ее поражения во Второй мировой войне, Германия просто перестала существовать. Однако это было вовсе не так. На развалинах Третьего рейха Сталин хотел восстановить германскую государственность, чтобы не дать возможности усилиться бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции, превратившимся фактически в противников СССР. В выступлении перед руководителями СЕПГ, прибывшими в Москву (начало февраля 1947 г.), он подробно изложил свое видение проблемы. По мнению Сталина, США и Великобритания не желали «подъема Германии», потому что она могла в будущем составить им конкуренцию на мировом рынке. Осуждая позицию

западных держав, которые, по его словам, выступали за германский «федерализм и сепаратизм», советский лидер подчеркнул: «Германию с ее 70-миллионным населением нельзя вычеркнуть из истории»[58].

Таким образом, в зависимости от конкретной ситуации, Сталин как представитель высшего слоя политической элиты Советского Союза (России) – государства, имевшего многовековой опыт взаимоотношений с Германией, – в 1917–1953 гг. поразному проявлял свои пространственно-политические представления. С одной стороны, он стремился по достоинству оценить значимость установления взаимосвязей с высокоразвитой европейской страной, с другой стороны, всесторонне оценивал «германский фактор» во внешней политике Советского Союза. В конечном счете, несмотря на то, что Германия выступила в роли агрессора в войне против СССР, Сталин не ставил перед собой задачу, как перед одним из лидеров союзных держав-победительниц, стереть эту страну с карты Европы. В этом проявились его незаурядные способности как реального политика, трезво смотревшего на вещи.

Национал-социализм и Гитлер в представлении Сталина

Упоминавшееся выше письмо Сталина на имя Зиновьева и Бухарина от 7 августа 1923 г. является едва ли не первым по времени достоверным свидетельством сталинского отношения к национал-социалистам (фашистам). В письме содержалась следующая мысль: «фашисты не дремлют», но большевикам выгоднее, чтобы именно фашисты выступили первыми в условиях возникшего в Веймарской Республике политического и экономического кризиса. Подобное выступление, по мнению Сталина, могло бы сплотить германский рабочий класс вокруг КПГ. Но позиции фашистов в Германии, в целом, он оценивал как слабые[59]. Последнее сталинское замечание было реалистичным, ибо многие представители руководства РКП(б) и ИККИ видели тогда в фашизме серьезную силу, выставляя на первый план опасность с его стороны. Как отмечал Лев А. Безыменский, «предсказание» Сталина, зафиксированное в упомянутом письме, сбылось: 8 и 9 ноября 1923 г. в Мюнхене произошла «иная революция» – мюнхенский «пивной путч» Гитлера[60].

В мемуарной литературе приводится мысль о неких «симпатиях», которые Сталин изначально питал к Гитлеру. Например, можно встретить эмоциональные рассуждения, на которые часто ссылаются в литературе как на достоверные. Сталин якобы восхищался смелостью и упорством Гитлера, который пошел на физическое истребление группы своих бывших сподвижников во главе с Ремом[61]. Однако приведенное свидетельство не находит других документальных, письменных или устных подтверждений.

В 1934 г., выступая на XVII съезде ВКП(б), Сталин однозначно высказался по поводу установления нацистского режима в Германии. По его словам, фашизм стал «наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков». Сталин подразумевал, прежде всего, «фашизм германского типа», который, как он считал, «неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма»[62].

Некоторые историки и публицисты пишут о том, что после подписания дипломатических соглашений от 23 августа и 28 сентября 1939 г. и начала советско-герман-

ского сближения Сталин демонстрировал особую симпатию к Гитлеру и чуть ли не выступал в роли его апологета. В качестве доказательства приводится, например, сталинский тост «за здоровье» «фюрера германской нации», произнесенный во время банкета в Кремле в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. по случаю подписания пакта Риббентропа–Молотова. Однако другие авторы, думается, правомерно опровергают подобные выводы. Несомненно, любой дипломатический акт, в том числе и прием, устроенный в честь министра иностранных дел Германии фон Риббентропа, предполагает, что с обеих сторон должны последовать взаимные комплименты и любезности. Так, и Сталин провозгласил тост в ответ на здравицу в его честь, которую предложил Риббентроп. Однако, как представляется, прав историк О.В. Вишлёв, который обратил внимание на издевательский тон Сталина, предлагавшего главе внешнеполитического ведомства Третьего Рейха вслед за тостом за «фюрера германского народа» поднять бокал за народного комиссара путей сообщения Лазаря Кагановича[63], еврея по национальности.

Если и были у Сталина какие-либо «симпатии» к Гитлеру и национал-социалистам, то они быстро улетучились уже к концу первого года действия пакта о ненападении между СССР и Германией. Как уже отмечалось, победа фюрера над Францией не на шутку встревожила Кремль. У Сталина вызывали раздражение успехи вермахта. 7 ноября 1940 г., в день очередной годовщины Октябрьской революции в Кремле был устроен праздничный обед, на котором присутствовали «вождь» и его ближайшие соратники, члены Политбюро ЦК ВКП(б) и видные военачальники. Во время застольной беседы, хотя и эзоповским языком, он охарактеризовал Третий Рейх как враждебное государство, которое «прикрашивается» под дружественное СССР, и выразил недовольство нацистским руководством[64]. Неудачный, в целом, ноябрьский 1940 г. визит Молотова в Берлин, где он вел переговоры с фюрером и министром иностранных дел Третьего рейха фон Риббентропом, еще более раззадорил советского «вождя». Вечером 14 ноября 1940 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором были рассмотрены результаты этого визита. После пространного доклада Молотова, подробно остановившегося на содержании своих бесед с Гитлером и Риббентропом, слово взял Сталин. Он отметил, что фюрер «упивается своими успехами», разгромив и принудив к капитуляции ряд европейских стран[65].

Наряду с этим Сталин несколько раз негативно высказался по поводу внешнеполитического курса фюрера и программных заявлений национал-социалистов. Например, он, по свидетельству управляющего делами СНК Якова Чадаева, заявил следующее: «История еще не знала таких фигур, как Гитлер… В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной». Далее Сталин перешел к характеристике программных положений национал-социалистической рабочей партии Германии. «Гитлеровцы называют себя националистами, но они фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди империалистов мира», – такие слова вложил в уста Сталина Чадаев. Термины «социализм» и «национализм», подчеркнул большевистский «вождь», используют в Берлине как своеобразные «фиговые листки» с целью обмана своего народа, одурачивания простаков и прикрытия собственной «разбойничьей сущности». В качестве идеологического оружия, как отметил Сталин, национал-социалисты используют расовую теорию, которая была охарактеризована им как «человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов»[66].

Можно, конечно, усомниться в объективности свидетельств Чадаева. Однако имеется достоверная запись беседы Сталина и Молотова с видными советскими экономистами 29 января 1941 г., в ходе которой велось обсуждение проекта учебника «Политическая экономия».

По ходу обсуждения советский «вождь» поднял, в частности, вопрос о сущности «фашистской философии». Имея в виду национал-социалистов, Сталин указал: «Они ведь утверждают, что у них не капитализм, а социализм. Это надо раскритиковать». Подобного рода утверждения фашистов, подчеркнул он далее, напрочь рассыпаются, если поставить вопрос о собственниках средств производства в Германии и Италии. Сталин заметил, что ими владеют капиталисты, а, следовательно, говорить о наличии там социализма бессмысленно[67].

В упомянутом выступлении перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. Сталин не имел возможности разъяснять собравшимся в Кремле представителям советской элиты, что под «Германией» и «немцами» он подразумевает Гитлера и национал-социалистов: ведь еще не был разорван пакт о ненападении и формально продолжал действовать германо-советский договор о дружбе и границе. Но, в целом, как свидетельствовали очевидцы, сталинские выступления 5 мая 1941 г. носили антигерманский (а, следовательно, и антифашистский) характер[68].

И все-таки нападение Гитлера на СССР 22 июня 1941 г. застало Сталина врасплох, спутало все его планы и замыслы. Он уже не мог объяснить происходящее, опираясь на аргументацию и используя лишь терминологию периода советско-германского сближения 1939–1941 гг. Тогда он был вынужден придерживаться (хотя бы на словах) духа и буквы договоренностей, достигнутых с Третьим рейхом 23 августа и 28 сентября 1939 г. Теперь же, когда Гитлер сбросил маску миролюбия и обрушил на Советский Союз всю мощь своей отлаженной и пока еще не побежденной военной машины, Сталин должен был, во-первых, как-то отреагировать на подобные угрожающие самому существованию его режима действия фюрера. Во-вторых, большевистский «вождь» стремился снять с себя тяжелый груз ответственности за трагическое для СССР начало войны, а любая попытка освобождения от этого груза требовала объяснения мотивации его собственных решений предвоенной поры.

Последнее обстоятельство, как представляется, предопределило столь продолжительную паузу, которую выдержал Сталин (он объяснял ближайшему окружению, что ему нечего сказать своему народу), прежде чем обратиться с речью к своим согражданам по радио 3 июля 1941 г[69]. В основу его выступления была положена «Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» (29 июня 1941 г.), в которой признавалась вся трагичность создавшейся ситуации и вкратце излагалась программа ближайших действий в условиях развернувшегося вооруженного противоборства между Германией и Советским Союзом[70].

Стержнем этого первого с начала германо-советской войны публичного обращения Сталина к советскому народу, несомненно, являлась решимость вести непримиримую борьбу с агрессором в условиях, когда «над Родиной нависла серьезная опасность», стремление мобилизовать людей на отпор вражескому нашествию. В то же время, в нем сквозило стремление к самооправданию, налицо были попытки объяснить политическое решение, фактически приведшее СССР к сближению с нацистской Германией. Любой здравомыслящий человек мог сделать вывод, что советское руководство в определенной степени несет вину за то, что оно, по сталинской терминологии, пошло на заключение пакта «с такими вероломными людьми и изверга-

ми, как Гитлер и Риббентроп». Очевидно, Сталин понимал это и в последующих публичных выступлениях старался просто не комментировать позицию СССР в вопросе о договоре о ненападении с Германией.

Кроме того, он стремился подчеркнуть вероломство Гитлера, который неожиданно нарушил пакт с Советским Союзом о ненападении и начал агрессию против него.

С началом Великой Отечественной войны имя Гитлера и термины «национал-социализм», «германский фашизм» исключительно в негативном плане упоминались в официальных выступлениях Сталина, в его высказываниях во время переговоров с лидерами союзных держав (Великобритании, США, Польши, Югославии, Чехословакии и др.), в застольных беседах «вождя». Понятно, что в данном случае на первый план выдвигались интересы противоборства с германским фашизмом, которые не оставляли места для каких-либо альтернативных высказываний в адрес правителей нацистской Германии.

Как и в выступлении по радио 3 июля 1941 г., в докладе по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции (6 ноября 1941 г.) Сталин использовал весь свой потенциал публичного политика для того, чтобы заклеймить НСДАП и, прежде всего, руководство партии во главе с Гитлером («гитлеровцев»). Сталин безапелляционно заявил, что «гитлеровцев» нельзя ни отнести к националистам, ни назвать социалистами. Взяв на вооружение обычные большевистские идеологические штампы, он поспешил отмежеваться от своих бывших партнеров, с которыми еще недавно пытался по-деловому разрешить проблему раздела «сферы государственных интересов» в Европе. Сталинская логика была проста: НСДАП, как политическая партия, объявившая своей целью захват чужих земель и порабощение европейских наций – от чехов и словаков до прибалтов, не может быть отнесена к разряду националистических. Сталин назвал ее «партией империалистов», причем наиболее «хищнических и разбойных» в мире. И лишь стремление «обмануть народ», «одурачить простаков» и скрыть «свою разбойничью империалистическую сущность» принуждает «гитлеровцев» «рядиться в тогу “националистов” и “социалистов”».

Вместе с тем, Сталин допускал, что до тех пор, пока нацистские руководители занимались «собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области и т. п.», их можно было «с известным основанием» считать националистами[71]. В связи с этим последним заявлением руководство коммунистической партии даже обратилось к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому за соответствующими разъяснениями. Посол был вынужден апеллировать к одному из ближайших сталинских соратников Молотовау. Молотов, в свою очередь, переадресовал этот вопрос Сталину. Последний следующим образом прокомментировал то место из собственного выступления 6 ноября 1941 г., которое касалось Австрии: присоединение ее к Германии, как области, населенной, главным образом, немцами (sic!), «можно уложить в рамки германского национализма». Однако Сталин оговаривал, что не одобряет «такое присоединение» Австрии к Германии, поскольку, в целом, не считал германский национализм «правильной и приемлемой схемой». В несколько видоизмененном виде он вновь подтвердил свой вывод, прозвучавший в упомянутом выступлении: даже, с точки зрения германского национализма, захватническая политика «гитлеровцев» представляется гибельной, а НСДАП являлась не националистической, а «грубо империалистической» партией.

Получалось так, что Сталин якобы «хотел внести смятение в ряды “гитлеровцев”», а одновременно достигнуть разлада между правительством Гитлера и «националистически настроенными слоями германского народа»[72].

В сталинской риторике относительно Гитлера и национал-социализма, относящейся к периоду германо-советской войны, как уже отмечалось, преобладали негативные оценки. Фюрер (а вслед за ним и другие видные нацисты) были названы Сталиным вероломными людьми, «людоедами», «извергами», проводящим «глупую политику» и т. д. и т. п. Он окрестил все нацистское руководство «цепными псами немецких банкиров», «авантюристической кликой», «гитлеровскими людоедами», «воронами, рядящимися в павлиньи перья» и т. д. и т. п.

Сталин критически воспринимал саму возможность сравнения Наполеона с Гитлером. Согласно сталинской формулировке, Гитлер походил на Наполеона «не больше, чем котенок на льва»[73]. По всей видимости, он хотел показать фюреру, что тот не достоин даже называться «шакалом», и, тем самым, еще больше оскорбить его[74].

В том, что Сталин прибегал в военные годы к подобной терминологии, нет ничего удивительного. Нацистский режим и лично Гитлер являлись для него в тот период врагом № 1. А в этой ситуации Сталин предпочитал действовать, исходя из лозунга, выдвинутого писателем Максимом Горьким: «Если враг не сдается, его уничтожают».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. – М., 1989; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность. – М., 1991 (1-е изд.: *Robert C.* Tucker: Stalin as a revolutionary. 1879–1929. A study in history and personality. – New York 1973); он же. Сталин у власти. 1928–1941. История и личность. – М., 1997; *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 т. – М., 1994 и др. – Публикации на немецком, такие как: Lew Besymenskij: Stalin und Hitler. Das Pokerspiel der Diktatoren. – Berlin, 2003, а также Harald Neubert (Hg.): Stalin wollte ein anderes Europa. Moskaus Außenpolitik 1940 bis 1968 und die Folgen. Eine Dokumentation von Wadim K. Wolkow. – Berlin, 2003 еще не были опубликованы к моменту написания этой работы. (*Прим. ред.*)

[2] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 1–13. – М., 1946–1951; *Он же.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. – М., 1950.

[3] *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949). – София, 1997; Источник. 1997. № 5; *Куманёв Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. – М., 1999; *Микоян М.И.* Так было. Размышления о минувшем. – М., 1999. С. 534 и др.

[4] *Димитров Г.* Указ. соч.; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М., 1992.

[5] *Аллилуева С.* Только один год. – Нью-Йорк, 1969. С. 35.

[6] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 1. – М., 1946. С. 416.; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. – М., 1949. С. 9. По некоторым сведениям, Иосиф Джугашвили, еще будучи учеником духовной семинарии в родном городе Гори, прочитал 1-й том «Капитала» К. Маркса по рукописной копии. См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти… С. 88.

[7] Исторический архив. 1994. № 6. С. 43.

[8] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. – М., 1951. С. 115.

[9] Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998.. Док. № 87, 88, 92, 93.

[10] Там же. Док. № 99.

[11] Ср. также Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern. Hgg. Von Berhard Bayerlein, *Leonid G.* Babičenko, Fridrich I Firsov und Aleksandr Vatlin (= Archive des Kommunismus – Pfade des XX. Jahrhunderts, Bd.3). – Berlin, 2003.

[12] *Бабиченко Л.Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 125–126.

[13] Там же. С. 133, 144.

[14] Подробнее о «миссии Канделаки» см.: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000. С. 89–111.

[15] 1941 год. Документы. В 2-х т. Т. 1. – М., 1998. Док. № 173, 175, 178, 184.

[16] Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941. Т. XXIII. В 2-х кн. Кн.1. – М., 1995. Док.№ 1, 29, 38.

[17] *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. – М., 1947. С. 98–99.

[18] Там же. Т. 13. – М., 1951. С. 114.

[19] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза… С. 15–30.

[20] Там же. С. 31–65.

[21] Там же. С. 83–84.

[22] Там же. С. 73–86.

[23] Источник. 1997. № 5. С. 127.

[24] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне… С. 153–324.

[25] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. С. 124.

[26] *Джилас М.* Указ. соч. С. 63.

[27] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне… С. 168.

[28] *Джилас М.* Указ. соч. С. 82–83.

[29] Там же. С. 63.

[30] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. – М., 1983. С. 174; Там же. Т. 2. – М., 1984. С. 350.

[31] *Костантинов С.В.* Сталин как геополитик // Элементы. 1993. № 4; он же. Сталин в борьбе за единство России // Русский геополитический сборник.1996. № 2; *он же*. Замолчанный Сталин // Там же.

[32] *Илизаров Б.С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 202.

[33] «Автобиографические заметки» В.Н. Павлова – переводчика И.В. Сталина // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 98; Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь–декабрь. – М., 1992. С. 610–612; *Drtina P.* Československo-m ůj os ůd. Kniha života českeho demokrata 20. stoleti. – Toronto, 1982. Sv. II. Kn.2. S. 334, 335 и др.

[34] *Макдермот К.*, *Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. – М., 2000. С. 15. (1-е изд.: *Kevin McDermot, Jeremy Agnew:* The Comintern. A history of internatinal communism from Lenin to Stalin. – Basingstoke, 1996.)

[35] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. – М., 1947. С. 27.

[36] *Макдермот К.*, *Агню Дж.* Указ. соч. С. 27.

[37] Коминтерн и идея мировой революции… С. 9.

[38] *Бабиченко Л.Г.* Указ. соч. С. 129.

[39] Источник. 1995. № 5. С. 118.

[40] Там же. С. 130.

[41] *Безыменский Л.А.* Указ. соч. С. 45.

[42] Подробнее об этом: *Бабиченко Л.Г.* Указ. соч.

[43] *Сталин И.* Соч. Т. 7. С. 98.

[44] Там же. Т. 13. С. 114.

[45] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М., 1934. С. 13.

[46] Подробнее о реакции Москвы на смену политического режима в Германии в 1933 г. см.: *Бордюгов Г.А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 годы // Отечественная история. 1999. № 2. С. 27–47.

[47] *Горлов С.* Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). – М., 2001. С. 310–311.

[48] Документы внешней политики. Т. XXIII. В 2-х кн. 1940–22 июня 1941. Кн. 2(2). – М., 1998. С. 650.

[49] Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. – М., 2000. 503.

[50] Вопросы истории. 2001. № 1. С. 21.

[51] СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. Т..1. – М., 1996. С. 15.

[52] То же. Т. 2. – М., 2000. С. 143.

[53] См., напр.: *Harriman W.* Averel and Abel Elie. Special Envpy to Churchill and Stalin. 1941–1946. – New York, 1975. P. 273.

[54] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне…С. 296–298. Источник. 1997. № 5. С. 127–128; Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 150; Вопросы истории. 2001. № 1. С. 15, 16, 20; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. – М., 1999. С. 87.

[55] Источник. 1997. № 5. С. 127–128; Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 150; Вопросы истории. 2001. № 1. С. 15, 16, 20; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. – М., 1999. С. 87.

[56] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сб. док-тов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – М., 1984. С. 44.

[57] Там же. Т. 5. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). – М., 1944. С. 57–58.

[58] «Наша линия такая…» Документы о встрече И.В. Сталина с руководителями СЕПГ. Январь–февраль 1947 г. // Исторический архив. 1994. № 4. С. 40. О роли И.В. Сталина в судьбах послевоенной Германии см.: *Висков С.И.*, *Кульбакин В.Д.* Союзники и «германский вопрос». 1945–1949. – М., 1990; *Филитов А.М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. – М., 1993; *он же*. Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (к вопросу о генезисе «сталинской ноты» 10 марта 1952 года) // Сталин и холодная война. М..1997. С. 315–349; *Loth W.* Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wolte. – Berlin, 1994; *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. – М., 1995 и др.

[59] *Бабиченко Л.Г.* Указ. соч. С. 129.

[60] *Безыменский Л.А.* Указ. соч. С. 52.

[61] *Микоян М.И.* Указ. соч. С. 534.

[62] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) … С. 11.

[63] *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. – М., 2001. С. 113.

[64] *Димитров Г.* Указ. соч. С. 200–201.

[65] *Куманёв Г.А.* Указ. соч. С. 405–406.

[66] Там же. С. 404.

[67] РГАСПИ. Ф. 77. Оп.1. Д. 760. Л. 37–38.

[68] Niewieżin W.A. Tajne plany Stalina. Propaganda sowiecka w przededniu wojny z Trzecią Rzeszą 1939–1941. – Kraków: Arcana, 2000. S. 162–202.

[69] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне. С. 15–30.

[70] 1941 год. Документы. Кн. 2. Док. № 624.

[71] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне… С. 48–49.

[72] СССР и германский вопрос. 1941–1949. Т. 1. С. 118–119.

[73] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне…С. 57.

[74] *Бережков В.М.* Рядом со Сталиным. – М., 1999. С. 73.

Майя Туровская

АХИЛЛЕС И ЧЕРЕПАХА,
или политический анекдот тоталитарной эпохи

Анекдот стал одним из героев нашего времени смены тысячелетий. Ему посвящают научные работы и конференции, он стал респектабельной частью письменной литературы, не перестав быть актуальным речевым жанром городского фольклора. Превращение анекдота из жанра устного в широко публикуемый на постсоветском пространстве делает возможным сравнение русского и немецкого политического анекдота тоталитарной эпохи.

Выберем самое простое определение нашего предмета. Под анекдотом (*греч.* «неизданный») мы будем понимать «короткий устный смешой рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумой концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка»[1]. Добавим к этой, нейтральной, менее академичную, но не менее существенную характеристику: «Анекдот словно хочет, чтобы его на этом самом месте запретили, ликвидировали, и на этом предложении и ожидании – живет»[2]. Это замечание Абрама Терца в нашем случае актуально, ибо речь пойдет о политическом анекдоте тоталитарной эпохи, которую обозначим в жестких границах, принятых Ханной Арендт: 1933–1945 гг. в Германии, 1929–1953 гг. в СССР[3]. Совершим даже небольшой подлог: заменим в финале Нобелевской речи Иосифа Бродского слово «стихосложение», и тогда получится, что «анекдот – колоссальный ускоритель познания, мышления, мироощущения»[4]. При этом, анекдот будет интересовать нас не с теоретической – фольклорной ли, лингвистической, семиотической или историко-литературной точки зрения, а скорее как историческое свидетельство, как особый «документ времени».

Само собою, как документ, анекдот – один из самых эфемерных, некорректных. Все в нем анонимно: происхождение, авторы, рассказчики, слушатели (кроме тех, разумеется, кого за это посадили). Трудноуловим ареал его распространения и время возникновения. Даже «содержание» не датирует его сколь-нибудь надежно, ведь «несущая конструкция» анекдота часто прочнее его текущего, сиюминутного содержания. Подобно сказке и другим фольклорным жанрам, анекдот знает свои бродячие сюжеты и мотивы, не говоря о бродячих структурах (каламбур, вопрос-ответ, диалог представителей разных народов и проч.). К тому же, он не имеет даже канонического текста: любая записанная на бумаге версия всего лишь член множества, притом случайный.

И, однако, как документ времени, или, точнее, эмоций времени, анекдот незнаменим, потому что среди жанров тоталитарной эпохи не было ничего более постоянного, чем бытование этого эфемерного городского фольклора, удостоверенного репрессиями и сохраненного – увы, отрывочно и фрагментарно – народной памятью. Подобно томограмме, он позволяет заглянуть в те закоулки общественного самосознания, куда нет доступа более «документальным» документам. Задача данной статьи не только нетеоретическая, но даже и не собственно-аналитическая, а, скорее, обзорная, классификаторская: попытка обозначить сравнительные границы двух режимов, обкатанные устной традицией.

Источниками для настоящей статьи послужили два русскоязычных и два немецких издания[5]. Между русскими и немецкими изданиями заметна разница: Первым пришлось дожидаться конца советской империи, что существенно увеличило разрыв во времени и погребло анекдоты сталинской поры под слоем более поздних. Разумеется, собрания анекдотов этим далеко не исчерпываются, но прочие мало что прибавляют к этому корпусу, в принципе. Зато указанные сочинения представляют не только сумму собирательства, но и жанры. Если манускрипты, изданные в Гамбурге и Иерусалиме, собрания анекдотов в собственном смысле, то опусы Гамма и Борева – еще и авторская рефлексия, своего рода дидактические пособия. «Автобио» авторов играет в них не последнюю роль.

Общие анекдоты

Пропаганда (или «пиар», как теперь говорят) была всегда открыта для заимствований, не считавшихся плагиатом. И то обстоятельство, что идеологически-враждебные диктатуры одалживались друг у друга приемами и средствами пропаганды, широко известно и неудивительно. У них была сходная цель: завоевание «масс». Гитлер, например, помнил агитационный эффект красного цвета. «После окончания войны мне однажды пришлось наблюдать массовую марксистскую демонстрацию… В демонстрации этой участвовало около 120000 человек. Море красных знамен, повязок и красных цветов – все это создавало неотразимое внешнее впечатление. Я лично мог тут убедиться, насколько такое волшебное зрелище неизбежно производит гигантское впечатление на простого человека из народа»[6]. Красный цвет он позаимствовал для своих знамен. Мелодия официального советского марша летчиков, сочиненного еще в 1921 году двумя евреями (слова П. Германа, музыка Д. Хайта), использованная Лени Рифеншталь в «Триумфе воли» – лишь кончик айсберга обмена двух диктатур мелодиями. Этот общий фонд «стимуляторов» лежал на поверхности, был в поле зрения всего – достаточно широкого – авторитарно-тоталитарного эксперимента (жест нацистского приветствия был позаимствован у Муссолини).

Заявленная вражда идеологий не мешала интенсивному обмену опытом.

Удивительней другое: обмен опытом в законспирированной, сугубо подпольной и наказуемой сфере анекдота. Голоса понижали даже дома. Однако «анекдот, передаваемый из уст в уста» подобно лесному пожару, охватывал обе территории тоталитарного господства, несмотря на усилия вооруженных репрессиями «пожарных», на языковые, государственные и идеологические границы.

Фонд анекдотов, которые можно назвать «общими», достаточно представителен. Особенно если принять во внимание, что советский анекдот 30-х сохранился лишь остаточно; за давностью он был вытеснен, а частично и поглощен потоком новых. Точный возраст анекдота не установить, а «канонической» версии не существует. Все же наличие общих анекдотов кажется весомее, чем пробелы в материале и разночтения. Поэтому выделим родственные мотивы, приняв в качестве индикатора финальную реплику, каламбур, метафору – иначе говоря, точку «лексического взрыва»[7], составляющую «соль» анекдота.

> Что общего между Германским Рейхом и трамваем? У обоих впереди Führer[8], сзади него стоит народ; кто не стоит, тот сидит. […] Спрыгивать на ходу запрещено. (G, S. 36).

Каламбур – одно из излюбленных «средств производства» анекдота, подобно рифме, служащий «ускорителем», – позволяет кратко и исчерпывающе описать «новый порядок». Тогдашний русский «водитель» не может создать аналогичную игру слов. Но даже в усеченном виде та же «трамвайная» метафора представляется Терцу-Синявскому одной из «формул эпохи»: «Как живете? – Как в трамвае: одни сидят, другие дрожат»[9]. «Естественно, тема *запрета*, как, может быть, никогда в истории словесности, – продожает Абрам Терц, – становится основанием и движущим стимулом *советского* анекдота»[10]. Даже Синявский не удержался от свойственой нам (как, впрочем, и немцам) мономании. Меж тем «сидение», «дрожание», «молчание» – действительно, входят в алгоритм анекдота в обеих идеологиях.

В будущем в Германии будут вырывать зубы через нос, потому что никто не смеет рта раскрыть (G, S. 41), – смеялись в кулак в Германии. «Почему советские ларингологи учатся удалять гланды через задний проход? – Потому, что никто не смеет рта раскрыть» (Ш, С. 125), – острили в СССР. Увы, «молчаливым» большинство делала угроза отнюдь не шуточная.

Из-за шуток тюрьмы и концлагеря были наполнены тысячами и тысячами людей. […] Удивляться нужно было только той скорости, с которой каждая шутка о нацистах в течение нескольких дней или недель пробегала по территории всей Германии[11], – пишет Хермес. Таков извечный парадокс анекдота. По-немецки каламбурили: *Мюллер спросил: «Что за новый анекдот?». Шульц ответил: «Шесть месяцев концлагеря!»* (G, S. 52). По-русски: объявляли конкурс на лучший анекдот, первая премия – десять лет без права переписки.

Есть немало анекдотов, которые в указанном смысле можно назвать общими. Например, немецкий, где посетитель пивной, не получая желаемого, все время ворчит, что это «из-за него», пока вахтмейстер не задает прямой вопрос, кого он имеет в виду. *Разумеется, Черчилля, а Вы на кого подумали?* (см. G, S. 58).

В одной их русских версий Берия допрашивает человека, крикнувшего «Долой тирана!», кого он имел в виду: «Гитлера, конечно». Сталин: «А ты, Лаврентий, кого?» (см. Б, с. 126). На том же симпозиуме славистов 1978 г., где произнес свой доклад Абрам Терц, проф. Де Винценц в короткой реплике прозорливо постулировал параллель советского и нацистского «анекдота»: «Есть известный анекдот того времени. Гитлер в сумасшедшем доме. Все кричат «Хайль Гитлер!», один человек не кричит. Почему? – Я охранник…[12] Тот же анекдот и о Хрущеве, кажется. О Сталине – не знаю»[13].

Подобные свернутые бродячие сюжеты Синявский очень удачно назвал «спорами», которые при удобном случае способны «воспроизвести анекдот в целом»[14]. В израильском сборнике ответ звучит: «Я не сумасшедший, я монтер» (см. Ш, С. 180). Разумеется, ответить, как именно распространялись споры во времени (из исторического фонда сюжетов) и в пространстве (и другой страны), никто не может. Случается иногда, что они «датируются» контекстом реальности, позволяющим даже предположить возможный путь миграции.

> Дали жильцу комнату. Голые стены, в одной гвоздь забит. И мебели всего-то портреты Ленина и Троцкого. «Не знаю», – говорит, – «кого из них повесить, кого к стенке поставить». (Ш, с. 194).
>
> Вайс-Фердль получил от Гитлера картину с его собственной подписью. «Это мой друг, Гитлер», – говорит он. – «Только теперь я не знаю, должен ли я его повесить или поставить к стенке?». (G, S. 130)

Ясное дело, этот еще не пуганый анекдот «кабареттистского» типа, основанный на элегантной игре слов, релевантной для обоих языков, был в обоих случаях очень ранним. В русской версии это легко определить не только по портретам, по ситуации вселения в коммуналку, но даже и по слову «жилец», популярному в фельетоне и эстраде ранних 20-х. «Спора» легко могла быть завезена в Германию широкой русской эмиграцией той поры и «развернуться» в репертуаре знаменитого мюнхенского кабареттиста Вайс-Фердля в момент прихода Гитлера к власти. Впрочем, если вспомнить «пивной путч» 1923 г. в Мюнхене, могло быть и наоборот.

Другой бродячий сюжет – диалог полководцев – может быть легко датирован – в немецкой версии беседу ведут Фридрих Великий, Гинденбург и Наполеон. Фридрих говорит, что с геринговской авиацией он легко выиграл бы Семилетнюю войну, Гинденбург – что с гитлеровскими танками он не допустил бы русских в Восточную Пруссию, а Наполеон, что имей он Геббельса, французы и вообще не узнали бы, что он проиграл русскую кампанию (см. G, S. 104). Принимая во внимание «парад войск», можно предположить, что «спора» могла быть завезена на советскую родину в числе прочего «трофейного» (выражение И. Бродского), подобно ручным часам и зажигалкам.

Есть забавные случаи очевидного переноса споры, но цитировать немецкие «детские» стишки о котятах, которые больше не хотят «в партию», потому что у них прорезались глазки, которые дали повод перефразировать на соответствующий лад известные детские стишки Михалкова, было бы слишком уж длинно[15].

Бывает, что анекдот на одном языке несет следы неустановленного «исходника» на другом (такова характеристика «руководящей селедки» – толстой, жирной, без головы в русском анекдоте – которая, вернее всего, восходит к неустановленному анекдоту о Геринге). Всего не перечислишь, тем более что большинство советских анекдотов 30-х за давностью утрачено. Но важно, в конце концов, не количество и даже не пути распространения (одним из них мог быть Коминтерн), а сама «порождающая грамматика» (по Хомскому) догмата вождизма и сопутствующего ему террора, насилия, пропагандистской лжи, дрожания, молчания, сидения, которая была общей. Об этом свидетельствует обратимость анекдотов двух диктатур. Широта и быстрота их распостранения свидетельствовала, сколь многие принадлежали не к сумасшедшим, а к «монтерам». Но и они знали, что за советскую (нацистскую) власть «лучше стоять, чем сидеть» (см. Ш, С. 20).

Хермес, чей сборник вышел из печати сразу же по окончании войны, в 1946 году, не закрывал глаза на проблему соучастия всех, кто *либо сам совершал насилие всех видов, либо закрывал глаза и уши, чтобы не видеть его и не слышать*[16]. Его коллега Гамм, биография которого шла синхронно с историей нацизма (1931–43 гг. – школа, потом восточный фронт и русский плен), находит для бытования анекдота буквально те же слова, что его русский ровесник Борев: *Молодежь тех лет замечала, что говорила двумя ртами*[17]. «Коллекционирование исторических анекдотов о Сталине… сталинистом, каким я был в те годы, выразительное проявление двоемыслия, трудно объяснимого феномена, открытого Д. Оруэллом»[18]. Но и как раз это дословное совпадение – не плод обмена опытом, а собственный опыт, который еще раз подтверждает системное сходство обоих режимов. Можно сказать шире: «двоемыслие» присуще самому анекдоту тоталитарной эпохи. Он глядит на нее изнутри, глазами обитателя «сумасшедшего дома», отчего, вынесенный за пределы тоталитарного пространства, он кажется гротеском, гиперболой. Но одновременно у него есть позиция соглядатая или, пользуясь термином самого анекдота, – взгляд «монтера» (в другой системе координат это прием «очуждения»).

В круге втором

Если Ханна Арендт в выше упомянутой книге постулировала базовое сходство обоих тоталитарных режимов, что было не раз подвергнуто сомнению (вспомним хотя бы «спор историков»), то анекдот на своем языке его удостоверил.

> Молотов предложил Риббентропу иметь общее для СССР и Германии знамя:
> – Цвет красный… слева серп и молот, справа – свастика, а сверху надпись – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».
> Риббентроп:
> – Превосходно, надо только убрать «пролет». (Ш, С. 432).

Отклик немецкого анекдота: *Что такой арий [ариец]? Задница пролетария* (G, S. 117). Иначе говоря, в чем-то системы одинаковы, в чем-то подобны, а в чем-то ассиметричны. В круге втором анекдоты перекликаются, в круге третьем и вовсе расходятся – в силу обстоятельств: исторических и просто житейских. Жанр, склонный к каламбуру и парадоксу создает в своей совокупности картину «реальней, чем сам предмет, – как сказано в одном из рассказов ныне популярного Харуки Мураками, – его картинки точнее фотографий и понятнее любого пояснения»[19].

Жизнь подчас сама предлагает каламбуры и рифмы, не дожидаясь, пока кто-нибудь их за нее придумает. Сталинская пятилетка и гитлеровский «Vierjahresplan» («четырехлетка»). Советские ударники и нацистские «Verdiente Arbeiter» («заслуженные активисты»). Передовое социалистическое предприятие и «Nationalsozialistischer Musterbetrieb» («показательное национал-социалистское предприятие»). Всего не перечесть. От мероприятий гитлеровских министров – Геринга, Лея, Дарре, Шпеера – осталась целая поросль анекдотов, записанных по свежим следам. Вероятно, не были обойдены вниманием фольклора и сталинские наркомы: но за актуализацией новых персонажей время сохранило немногое. Однако и там, и тут знаменитому нацистскому лозунгу «Пушки вместо масла» стихийно противостояла практика: «шутки вместо масла». Беглый Брехт недаром назвал свои сцены «Furcht und Elend des Dritten Reichs» («Страх и отчаяние в Третьей империи»[20]). Жанр анекдота не упускал из виду ни то, ни другое.

Нищета

Тема «Elend» в Третьем Рейхе и перманентного дефицита в СССР на фоне партийных привилегий стала одним из сквозных мотивов анекдота.

В одном из анекдотов изменяются строки песни Хорста Весселя – гимна НСДАП в 1930–45 гг. В оригинале две строчки звучат так: «Marschier'n im Geist / In unser'n Reihen mit» (в переводе Юрия Нестеренко: «Шагают души, / В наши встав ряды»). В анекдоте: «Horst-Wessel-Butter: «Marschiert – *im Geist* – auf unsern Broten mit» (H, S. 63). Буквально это можно перевести так: *Масло Хорста Весселя: «В нашей душе [в нашем сознании] маршируют на нашем хлебе».*

Аналогичный советский анекдот: «Плакат у обкома: "Кто у нас не работает, тот не ест"»[21]. Последний анекдот взят из исследования феномена «тоталитарного язы-

ка» Н. Купиной. Отсылая к нему читателя, воспользуемся отдельными терминами, в которых автор описывает приемы «языкового сопротивления»[22]. Например, «деформация прецедентных текстов»[23] в нужном направлении осуществлялась не на классическом языке.

Один из немецких анекдотов базирован на молитве перед вкушением пищи. На русском это могло бы выглядеть примерно так: *Адольф, будь нашим гостем. И даждь нам днесь все, что ты пообещал. Но даждь нам не картофель в мундире и не сельдь. А остави нам жить, якоже Геббельс и Геринг.* В немецком оригинале: «Komm, Adolf, sei du unser Gast / Und gib uns alles, was du versprochen hast. / Gib uns aber nicht Pellkartoffeln und Hering. / Sondern lass uns leben wie Goebbels und Göring» (G, S. 155). Если немецкий стишок использовал религиозную форму, то русский – литературную: «Учительница читает басню Крылова: “Вороне где-то Бог послал кусочек сыра…”. Ученик: “А разве Бог есть?”. Другой ученик: “А разве сыр есть?”» (Ш, С. 36).

Еще один популярный прием – «переосмысление аббревиатур»:

«Что такое ВКП(б)? – второе крепостое право (большевиков)»[24].

НСДАП – Ну, стараешься достать арийскую подработку?[25] (G, S. 77).

При этом, в немецких анекдотах о нищете слышны еще отзвуки передвыборных обещаний фюрера, пришедшего к власти легитимным, увы, путем.

Фюрер постоянно сдерживает свои обещания. Он обещал нам только хлеб и работу, а про масло он ничего не говорил! (H, S. 63) Русский анекдот радикальнее не только по форме, но и по сути, ибо радикальнее была рельность.

Американец и русский поспорили, кто более великий деятель: Гувер или Сталин.
– Гувер величайший человек. Он отучил наш народ пить.
– А Сталин отучил нас есть! (Ш, С. 36).

Разумеется, картина мира в зеркале «анекдота» не сводится к недостаче еды, хотя подобных шуток немало. Не хватало и прочего. В Германии полагалось сдавать вещи в ежегодную кампанию «зимней помощи» («Winterhilfe»). Анекдот откликнулся на нее пародией: *Никто не должен голодать, не померзнув!* («Keiner soll hungern, ohne zu frieren!») (G, S. 108). Эмблемой советского дефицита была очередь: «Что такое очередь? – Это подход к прилавку по-коммунистически» (Ш, С. 85).

Не забудем, однако, что Германия вошла в эпоху кризиса сначала и диктатуры потом – развитой европейской буржуазной страной. Русский быт, медленно оседавший после двух революций – ленинской и сталинской – был куда суровее. От него анекдот иногда отрывался не в остроту, а в русский, утопический абсурд, за которым «печаль полей»:

Председатель колхоза:
– У нас сегодня радость. Районное начальство выделило нам фанеру. Что будем делать, латать дыры в свинарнике или крыть крышу в коровнике…
– Давайте из этой фанеры построим аэроплан и улетим из колхоза к ядреной матери (Ш, С. 77).

Это почти Платонов…

Страх

Если «шутки вместо масла» помогали кое-как перенести нужду, то гораздо насущнее было перенести страх. Тот же упомянутый выше Мураками на пороге новой эры заметил: «Самое жуткое в нашей жизни не страх. Самое жуткое – повернуться спиной к страху»[26]. Анекдот помогал не отвернуться от страха, а вышутить его. В немецком анекдоте приезжего англичанина спрашивают, что ему здесь не подходит.

«…Ну, знаете, когда в Англии мне звонят в 5 утра, то я точно знаю, что это может быть только молочник!» (G, S. 39)… *Страх перед… практикой в ночи и тумане* – Гестапо или ГПУ-НКВД, – постоянный фон тоталитарной эпохи. От лагеря никто не мог заречься. Законы тоталитарной диалектики гласили: «Первый: переход количества в стукачество. Второй: битье определяет сознание»[27].

На первых порах оба режима манифестировали лагерь, как «исправительно-трудовой», как воспитательное учреждение, где «несознательные элементы» должны были пройти «перековку». «Предупредительный» срок в немецком концлагере, как минимум, обучал – торговку ли селедкой или кабареттиста – «эзоповому языку». «Фигур умолчания» немало отложилось в немецких анекдотах, самый изящный из них принадлежит знаменитому мюнхенскому кабареттисту Карлу Валентину:

Раньше здесь господствовали паписты, и что у нас было? Бонзы! Потом, после революции, пришли марксисты. И что у нас было? Бонзы! И вот наконец пришел национал-социализм! И что у нас сегодня? Четверг! (G, S. 59). В ходу был юмор и более общедоступный. Так, Тюннес, один из постоянных персонажей кельнского фольклора, пожаловавшись на отсутствие настоящего кофе, попал в лагерь, где должен был каждое утро, стоя по стойке «смирно», повторять: *Хайль Гитлер, можно жить и без кофе!* А, отсидев, в последний день нечаянно воскликнул: *Хайль кофе, можно жить и без Гитлера!* (G, S. 41).

На соответствующую «школу перевоспитания» («стройка коммунизма») советский анекдот тоже не замедлил откликнуться: «Кто строил Беломорско-Балтийский канал? – С правого берега те, кто задавал вопросы, а с левого – те, кто отвечал на них» (Ш, С. 148).

Обе стороны – как сажающие, так и сажаемые – учли опыт. Обе диктатуры догадались, что концлагерь не столько метод перевоспитания, не столько угроза и наказание, сколько постоянный источник рабского труда. Для подпольного же фольклора репрессии стали «сверхтемой». Держа в уме, что опасаться надо всего, анекдот – при обоих режимах – полагал, что пуще всего бояться следует тех, кто тебя охраняет:«органов». Немецкий анекдот рассказывает о вечернем прохожем в Берлине – при окрике «Стоять на месте!», он смертельно пугается; но услышав вдогонку – «Бумажник давай!», – облегченно говорит грабителю: *Вы меня напугали. Я уж думал, что вы из полиции!* (см. G, S. 40). В русском аналоге ночной стук в дверь тоже имеет «хеппи энд»: «…без паники. Это я, сосед. Наш дом горит!» (см. Ш, с. 301).

Анастасия Вежбицкая, дотошный исследователь «ключевых концептов» разноязычных культур, сравнивая употребление слов «terrible, awfully» в английском и «страшно, ужасно» в русском, замечает: «Если прибавить к этому, что в русском языке есть также гиперболическое существительное “ужас”,… различие между этими двумя культурами в их отношении к «преувеличению» станет более очевидно»[28]. Разумеется, русский язык эмоционален. Но анекдот – один из самых привередливых пользователей языка – свидетельствует, что русское «преувеличение» – производное не столько эмоции, сколько истории: «На площади Дзержинского в Москве: – Где

здесь Госстрах? – Где Госстрах не знаю, а Госужас вот (показывает на Лубянку)» (Ш, С. 303). Самые обыденные глаголы, как то «взять» или «сесть» приобретают в тоталитарном языке устойчивые репрессивные коннотации: «Солнышко село. – Ну, это уж слишком!» (Ш, С. 303).

«Ты знаешь, Барселону взяли. – А кто такой Барселона? – Город. – Как, уже берут целыми городами?» (Б, С. 151)[29]. «Брать» станут, впрочем, целыми народностями.

Ну, и, конечно, «двоемыслящие» носилели фольклора не могли отказаться в этой связи от автосарказма: *Чудо медицины! Немец со сломанным позвоночником способен идти выпрямившись* (H, S. 79). «Вопрос на «чистке»» – Были ли колебания в проведении генеральной линии партии? – Колебался вместе с линией» (Ш, С. 131).

В круге третьем

До сих пор мы рассматривали силовое поле собственно антитоталитарного анекдота. Разумеется, картина мира в разноязычных его версиях была лишь отчасти тождественна, чаще – подобна. История становления, как и наличная инфраструктура режимов, была неодинакова. Она порождала и ассиметричные скопления анекдотов, характерные для каждой из диктатур.

«Взгляд монтера» различал уже в годы энтузиазма несоответствие провозглашенного Советами лозунга («от каждого… каждому…») и практики, далеко отстающей даже от «проклятого капитализма». В одном из анекдотов советская делегация посещает автозавод в США. «Кому принадлежит завод? – Рабочим. – А чья машина на стоянке? – Директорская». (Ш. С. 23). Другой типологический порок соцэкономики – вечная некачественность: директор спичечной фабрики получает награду. «За что, интересно? – Диверсанты пытались поджечь цистерну с бензином на военном аэродроме, пользуясь его спичками.

На двери берлинского кафе СА выцарапали: «КПГ жива – Хайль Москау!». На следующее утро под этой надписью появилась другая: «Какая трусливая собака написала это? Она должна дать о себе знать!». Через день ответ: «Нет времени! Служба в СА!» (G, S 126). Это анекдот, но не курьез, как может показаться. При антикоммунизме подобное обращение коми-Савлов в наци-Павлов входило как в практику, так и в теорию гитлеровской стратегии. В одном из «Застольных разговоров» (8 апреля 1942 г.) находим: «Уже в начале политической деятельности он заявил, что главное не в том, чтобы привлечь на свою сторону… бюргерство… но в том… чтобы привлечь рабочих на сторону НСДАП»[30]. Далее в девяти пунктах фюрер подробно перечисляет методы привлечения. Пункты пунктами, но сходные поведенческие модели оказывались весомее идеологичеких противостояний; классовый принцип был взаимозаменяем расовым. *Что общего между штурмовиком и бифштексом? Снаружи оба коричневые, а внутри красные* (H, S. 137). Бытовало даже выражение «бифштекс-наци». Увы, эти неактуальные для русских анекдоты не были приняты во внимание в СССР. Миф о том, что в случае войны немецкие пролетарии перейдут «на нашу сторону», оказался одним из самых живучих, притом не только на официозном, но и на бытовом уровне. Он продержался до самлй войны (правда, в сознании Гитлера жил зеркальный и столь же коварный миф, что русские восстанут против коммунистов и перейдут на его сторону). В этом пункте обе стороны (вполне симметрично) стали жертвами мифологического сознания.

Зато самым симетричным в корпусе анекдотов, странным образом, является еврейский.

Анекдоты о евреях в Третьем Рейхе – отдельная печальная история, – пишет Гамм. Разумеется, они наследовали богатый опыт «еврейского анекдота»[31]. Но традиция столкнулась с реальностью, беспрецедентной даже в видавшей виды истории евреев. При этом, надо помнить, что до нацистской революции немецкие евреи (в отличие от царской России) составляли равноправную часть населения. Поэтому, считать, что Сталин уничтожал «своих», а Гитлер – «чужих», не вполне корректно, тем более что местная буржуазия (= еврейство), будучи конфессиональным «меньшинством», в остальном была ассимилирована. Так девочка-блондинка на вопрос школьного инспектора, за что ее отсадили от прочих, всхлипывает: *Из-за бабушки!* (см. G, S. 142). «Реформированная немецкая сказка» рассказывает о Красной шапочке, которая пострецав, как известно, Волка в лесу, сообщает ему, что она ищет бабушку. *Волк сказал: «Ну да, свою любимую бабушку сегодня ищут многие»* (см. G, S. 117). Лишь постепенно приходило осознание, что дискриминация имеет отношение не к личности, а к врожденному признаку: *В цирке на номере с дрессированными животными лев прыгнул в зрителей. Один бесстрашный юноша ударил его тростью по черепу, так что он потерял сознание и мог быть вывезен. Репортер попросил подростка назвать свое имя: «Мориц Леви»… На следующее утро в Völkischer Beobachter появилась новость: «Наглый еврейский шалопай издевается над животными»* (см. G, S. 142).

Спектр еврейских анекдотов был широк – от горьких шуток насчет штурмовиков, хорошо пограбивших в «Хрустальную ночь», до достаточно богохульных в адрес Моисея и прочих «основоположников». Были «детские» анекдоты, были каламбурные (построенные на фамилиях) и проч. Но мы выберем для нашей, по неволе беглой, экспозиции вечно актуальную для евреев тему эмиграции. В одном из рассказов «о вымышленном событии» Хирш и Леви встречаются в дебрях Судана, где один лично занялся добычей слоновой кости, другой, соответственно, крокодиловой кожи. Заходит речь об общем друге Симоне: *Ах, он стал настоящим авантюристом. Он остался в Берлине* (см. G, S. 139). Это гротескный сюжет. А вот версия вполне классического анекдота об оптимисте и пессимисте: *Евреи-пессимисты – в ссылке, оптимисты – в немецком концлагере* (см. G, S. 143). Другой анекдот на тему «осквернения расы», впрочем, вносит в эти дихотомии свою саркастическую поправку: в эмиграции – богатые, а бедные «сраму не имут» (G, S. 138).

У «пессимиста», которому повезло добраться аж до Нью-Йорка, дома висит портрет фюрера. На изумленный вопрос визитера он отвечает: *Чтобы не возникло ностальгии* (см. G, S. 147)[32].

Бывшему оптимисту арийского вида эсэсовец дает перед расстрелом шанс остаться в живых, если он угадает, какой глаз у него стеклянный. Узник не ошибается и на удивленный вопрос штурмфюрера отвечает: *Тот, который подобрее!* (см. G, S. 147). И так далее, и тому подобное.

Любая идеология (и даже повседневная жизнь) нуждается в образе врага. Гитлер сам рассказал, как из «расслабленного гражданина мира» он стал «фанатиком антисемитизма»[33]. Иными словами: он нащупал для себя тот рычаг, с которым можно было вступать в политику. Его хватило на все 12 лет «тысячелетнего рейха». Сталинский «образ врага» в ходе истории постоянно менялся: «кулак», «вредитель», «шпион», он же «троцкист», он же «враг народа». За концом войны, когда из Евро-

пы вернулось молодое и недостаточно пуганое «поколение победителей», понадобился очередной враг, и вождь подобрал старое, но грозное оружие, оброненное Гитлером. Был ли Сталин бытовым антисемитом или нет, но вождям нужен рычаг власти. За антисемитизмом была солидная традиция, мифология, привычка, наконец. Прямой плагиат был, однако, невозможен. Зато в обстоятельствах «холодной войны» подошел малопонятый эвфемизм: «кампания космополитов». Невинное слово «космополит» (тем более с эпитетом «безродный») опять-таки поменяло коннотацию, приобрело специфически-советский смысл. Поэтому эпиграфом к советскому еврейскому анекдоту может служить стишок: «Чтоб не прослыть антисемитом / Зови жида космополитом» (Ш, С. 488). Так, в зеркале еврейского анекдота отразилась одна из фундаментальных черт советской идеологии: ее лицемерие. Эзоп, которым теперь охотно попрекают антисоветскую советскую культуру, был рефлексией официального «эзопа»: говорим одно, подразумеваем другое, третье держим в уме.

Постепенно само слово «еврей» стало исчезать из обиходного языка, заменяясь эвфемизмами – сначала «космополит», потом «пятый пункт»[34], что само по себе можно считать абсурдистским линвистическим анекдотом. Именно в пространстве разрыва между стыдливым «означающим» и утаенным «означающим», между текстом и подтекстом, между «на языке» и «в уме» возникает феномен советского еврейского анекдота. Он пользуется все тем же арсеналом средств, которые описаны Купиной. Преобразованием еврейских фамилий: «Рабинович, где вы работаете? – На железной дороге. – И много там наших? – Двое осталось: я и шлагбаум» (Ш, С. 494). Или наоборот: физик защищает диссертацию, ссылаясь то и дело на некого Однокамушкина. После защиты один из профессоров справляется, кто это? «Это Эйнштейн, – тихо ответил диссертант» (Ш, С. 34).

Упорные слухи о возможной депортации евреев (чтобы спасти их от гнева коренного населения, разумеется) до сих пор не подтверждены, но и не опровергнуты историками, но анекдот не обошел их своим каламбурным откликом: «Рабинович, нам, видно, скоро придется поехать туда, куда Макар телят не гонял. – Никуда я не поеду. – Как так? – А с меня уже взяли подписку о невыезде» (Ш, С. 494).

Наконец, и пародия на «прецедентный текст» не подвела: «Товарищу Сталину от врага народа Рабиновича, проживающего на Лубянке, заявление: Прощу расстрелять меня по собственному желанию» (Б, С. 130). Прецедентным текстом для этого *horror*-анекдота был, впрочем, тогдашний вариант «гуманизма», предоставляющий инвалиду «пятого пункта» возможность быть уволенным с работы «по собственному желанию». В этом случае ему могли даже написать хорошую «характеристику». Для тех, кто сидел по «делу врачей», расстрел «по собственному желанию» мог подчас видеться лучшим выходом… Таким образом, казалось бы, симметричная проблема породила самые ассиметричные скопления анекдотов.

Вожди

Разумеется, в картине мира, создаваемой анекдотом, существенное место занимали вожди. Почти мелодраматическое противоречие между заявленным образом идеального «арийца» и внешностью всех нацистских вождей сразу, не могло не отразиться в анекдоте: *Как выглядит идеальный немец? Светловолосый, как Гитлер; высокий, как Геббельс; худой, как Геринг; чистый, как Рем* (G, S. 81). При случае

они даже могли служить единицами измерения. *Единицы измерения: 1 гер – такое количество побрякушек, которое можно поместить человеку на грудь, 1 геб – такая сила, которая требуется, чтобы одновременно выключить 10000 громкоговорителей* (G, S. 88). «На международной конференции по мерам и весам советская делегация предложила ввести единицу устойчивости – один “микоян”» (Ш, с.152). Заметна разница: «гер» и «геб» – величины «физические», «микоян» – метафизическая. Это не случайность. Если оставить пока в стороне Гитлера и Сталина, то легко заметить, что немецкие вожди второго ряда оставили по себе целые блоки или циклы анекдотов, обыгрывающих их личные, персонажные свойства. Короткий метр анекдота на шкале фольклорных жанров противоположен эпосу: он работает детально, подробностью, тропом. Но ведь и описание какого-нибудь щита Ахилла тоже состоит из подробностей. Персонажи Геринга и Геббельса в анекдотах гомеричны.

«Герман Великолепный» со своей Эмми занимает в сборнике 1946 года 15 страниц убористого текста. Его огромные габариты, страсть к эваниям, орденам, пышным мундирам вкупе с мужской неполноценностью, приобретает гаргантюанские масштабы. В одном из анекдотов Геринг выходит прогулять свою овчарку, его останавливает старательный шупо: *Прощу прощения, герр рейхсмаршал, но у Вашей собаки нет жетона для собак!* Тут его взгляд падает на увешанную регалиями грудь хозяина собаки: *Ах, пардон! Уже вижу!* (H, S. 99). В другом анекдоте после посещения Герингом Гамбурга *станция железной дороги «Монастырская звезда» бесследно пропала. Геринг просто прикрепил монастырскую звезду себе на грудь* (см. H, S. 97). По той же причине он хотел бы в жены *члена монашеского ордена*, но пришлось жениться на Эмми, *так как ему как раз нужна была старая коробка для всех его орденов* (см. H, S. 92). Зато имя их дочери Эдда расшифровывалось фривольно: *Вечная благодарность адъютанту!*[35] (см. G, S. 98).

Даже сугубо политический анекдот приобретает черты грубого Геринг-китча. Однажды рейхсмаршалу приснился Нерон: *Жалкий дилетант… Посмотри на меня – я поджег весь Рим, а ты – только несчастный Рейхстаг!* (см. H, S. 91)[36]. К концу войны уже не мундиры и ордена, а само тело Геринга становится предметом анекдота: он бегает голышом по городу, *чтобы берлинцы могли наконец снова увидеть сало и окорок. Но когда идет дождь, он надевает на себя целлофановую униформу!* (H, S. 96). Этот анекдот о Геринге не только входит в серию, но создает свой балаганный, грубо-комический жанр, выводит алгоритм личности.

«Истории о маленьком Йозефе» (очевидный перифраз гофмановского «Крошки Цахеса») занимают в сборнике Хермеса те же убористые 15 страниц, но жанр их решительно иной. Они ближе к гофмановскому гротеску, чем к ярмарочному китчу анекдота о Геринге. Колченогий министр пропаганды Пауль Йозеф Геббельс, знаменитый своей неарийской внешностью вкупе с жидоедством (Имперскую палату культуры – Reichskulturkammer называли Имперской бедой культуры – Reichskulturjammer), недержанием лживой речи и, не в последнюю очередь, амурами, был благодарной мишенью для карикатуры. *Старая немецкая поговорка говорит: «У лжецов короткие ноги». Но во времена Йозефа говорят: «У лжецов одна короткая нога»* (H, S. 108). Или: *Меня все время удивляет, как Геббельс еще не свалил вину на свою косолапость на евреев!*[37] (G, S. 108). Или: *Господь Бог, сделай меня слепым, чтобы я Йозефа видел арийцем* («Lieber Gott, mach mich blind, / dass ich Joseph arisch find!» – H, S. 112). Речи министра пропаганды называли *Косолапые сказки* («Klumpfüßchens Märchenstunde» – см. H, S. 111). Анекдот рассказывает, что очередные выборы не могли состояться, так как при ограблении в 1935 году у министра украли

результаты выборов 1936-го (см. H, S. 110). После скандального романа министра с чешской актрисой Лидой Бааровой берлинцы решили сделать повыше обелиск Победы (см. H, S. 115), *потому что там изображена последняя девственница в Берлине, до которой Геббельс не должен добраться* (93). К концу войны, когда вождям пришлось думать, куда смыться в случае вступления противника, *Йозеф смеется: «Я надену свою ночную рубашку, сяду на ночной горшок, и если кто-то войдет, скажу ему: “А папы нет дома!”»* (H, S. 110).

Антитоталитарный анекдот в обеих своих версиях – немецкой и русской – не чурался шуток о вождях с летальным исходом. «Розовая мечта советских граждан: увидеть вдову Берии на похоронах Сталина» (Ш, с. 215). В немецком анекдоте Гитлер, Геринг и Геббельс совершают пасхальный полет над Гамбургом и рассуждают, какой подарок, сброшенный с неба, порадовал бы жителей: кофе в зернах, шнапс или шоколад. К ним оборачивается пилот: *Больше всего гамбургцы порадовались бы, если бы я сбросил вас троих!* (см. H, S. 34). Но и за гробом юмор не оставляет их. Один из самых элегантных «рассказов о вымышленном событии» посвящен Геббельсу на том свете. Геббельс прибывает на небо и видит, что кругом бесполые ангелы, тоска. Тогда св. Петр предлагает ему заглянуть через подзорную трубу в ад. Он не верит глазам: кинодивы, бар, коктейли! *Геббельс: «В преисподней не то, что здесь!» – С трудом добрался, был схвачен мерзкими чертями… поджарился на решетке, и вдруг – его принимает настоящий концлагерь. Геббельс Сатане: «Ну и где тот бар, который мне Петр показывал с неба?». Сатана отвечает: «Всё – пропаганда, только пропаганда, господин министр!»* (см. H, S. 116).

Прямого соответствия этому немецкому «эпосу» в фоне сталинского времени мы не найдем. О соратниках сохранились отдельные реликтовые анекдоты. Не то, чтобы советский народ не горазд был позубоскалить над вождями; в израильском сборнике есть главы о Ленине и о Сталине, о Хрущеве и Брежневе, даже об Андропове. Тому, вероятно, есть несколько причин. Первая и самая очевидная – время: (немецкие сборники стали появляться по свежим следам). Вторая, не менее очевидная – история. Гитлер и соратники были вождями первого призыва. Сталин и его «Политбюро» пришли к власти путем долгой, закулисной – притом бюрократической – борьбы. Но есть, быть может, еще причина, лежащая в самом характере сталинизма. В ней соединились традиционный логоцентризм русской культуры, техническое отставание СМИ и общий византизм сталинского правления.

На самом деле, персоны вождей: их облик, речи, повадки – «имидж», как сказали бы теперь – были знакомее и привычнее немецкому обывателю, нежели советскому. Начиная с предвыборной кампании и до бесславного конца, Геринг не уставал демонстрировать свое великолепие, а Геббельс не закрывал рта во всех доступных тогда СМИ. Работая над фильмом «Обыкновенный фашизм», мы нашли нетронутую ленту, состоящую из его бесконечных речей, видимо, угодливо смонтированную для министра пропаганды лично (там, кстати, оказалась панорамная съемка сожжения книг, до того известная лишь в малом фрагменте). Вожди давали богатую пищу для анекдота, отнюдь не заимствованного из общих кладовых фольклора, но весьма прицельного, персонажного. Даже удивительно, как шутки, сочиненные анонимными авторами по случайным поводам, стройно складываются в циклы – Герингиаду и Геббельсиаду. Были, конечно, фигуры притемненные, как Гиммлер или «серый кардинал» партии Борман, но, в принципе, политика в Рейхе была «публичной».

Сказать, что советский обыватель был знаком со своими вождями, было бы преувеличением. Члены Политбюро постоянно упоминались, перечислялись (в строго

выверенном порядке); по праздникам на фасадах вывешивались их огромные портреты; фигуры вождей можно было издали увидать на трибунах мавзолея. Но если не считать скупой официальной кинохроники и фото, знакомство этим и исчерпывалось. Ничего «слишком человеческого», не говоря о приватном, эти образы не допускали. Если об аресте супруги Молотова, Жемчужиной, еще ходили слухи, то пребывание в ГУЛАГе жены «всесоюзного старосты» Калинина стало известно публике лишь в хрущевскую пору «поздней реабилитации».

На западе мне не раз приходилось сталкиваться с представлением о портрете Сталина, висящем в каждом частном доме (об этом, кстати, упоминает Андре Жид)[38]. Не говоря уж, что у интеллигенции это не было принято, но даже и в деревне скорее можно было встретить портрет наркома обороны Ворошилова, в крайнем случае – Калинина. Образ Сталина (который стал предметом «культа» с 1930 года) отличался строгой дозированностью личных черт. Можно сказать, что чем дальше, тем меньше портрет Сталина предназначался для частной сферы – он был принадлежностью официальной жизни: присутственных и общественных мест, демонстраций, плакатов, коллажей, открыток, марок и пр.

Интимная формула «входил в каждый дом» к нему едва ли применима. А если входил, могло случиться непредвиденное. Финал одного из страшных семейных преданий, зафиксированных Боревым, может считаться не только анекдотическим, но и символическим. По прихоти вождя, Сталин с Берией везли домой освобожденного из заключения Кавтарадзе[39]. На звонок открыла соседка и стала валиться в обморок. Берия встряхнул ее: «В чем дело? – Мне показалось, что на меня идет портрет Сталина»[40]. Не портрет (зеркальное отражение, тень) оживает, как это принято в мировой культурной традиции, а человек кажется портретом. В пределе – при избыточности официальных изображений – портрет замещался постоянно освещенным окном в Кремле. Рама – за вычетом самого изображения – таким образом олицетворяла все присутствие вождя более полно, чем он сам. Роли публичного политика (кстати, каким был Ленин) Сталин предпочел «чудо, тайну и авторитет», по слову Великого Инквизитора, у Достоевского. Когда – при просмотре «спецохрановской» хроники для фильма – нам попался крупный, во весь экран, план сталинского лица – усталого, вислоносого, с оспинами и морщинами у глаз – кадр в своей обнаженности подействовал почти как порнография. Приватное лицо Сталина было нам (за вычетом, может быть, похорон Аллилуевой), оказывается, почти незнакомо.

Напротив, *Гитлер – самый фотографируемый человек мира,* – пишет Гамм[41]. Тогда еще не было передач «в прямом эфире», но он в «Wochenschau» («недельном обзоре») как бы предварял их[42]. Представить себе серию фото Сталина, подобную изданиям гитлеровского лейбфотографа Генриха Гоффмана «Hitler, wie ihn keiner kennt» («Гитлер, каким его еще никто не знает»)[43], не говоря о его же «200 Bilder, das Cigaretten-Bilderalbum»[44], немыслимо.

Впрочем, при всей очевидной разности Сталина (наследника Ленина и «бюрократа», как он себя аттестировал) и Гитлера («барабанщика революции»), в их личностях были некие сходные, быть может, и маргинальные черты, некие «рифмы» в судьбе. Оба не принадлежали к титульной нации, были «пришельцами». Оба были самоучками (или, как их предпочитает называть Фромм, недоучками), обладавшими, однако, блестящей памятью, что создавало для окружающих ауру эрудиции, если не всезнайства. Оба потерпели любовную неудачу – их любимые женщины – Гели Раубаль, племянница и любовница Гитлера и Надежда Аллилуева, жена Сталина, покончили с собой (были убиты?). Общеизвестный взаимный интерес, восхищение

и взаимообучение вождей были не меньше их соперничества на мировой арене. Странным образом, и в «анекдотологии» след обоих менее ярок, чем гомерические персонажи Геринга и Геббельса. «Сталин – фигура зловещая и устрашающая, не вызывающая юмористических ассоциаций, – пишут составители сборника Штурман и Тиктин, – в фигуре Сталина и связанных с ней ситуациях ощущается недостаток комизма»[45]. Это не совсем так, и к этому мы еще вернемся, хотя то же можно было бы отнести и к Гитлеру. Но можно сказать иначе: оба они больше олицетворили систему, в целом, нежели представляли самих себя.

Анекдот о Гитлере – это анекдот о немецкой конституции, упрощенной им до трех пунктов: *1. Немецкий народ состоит из фюрера и его подчиненных. 2. Фюрер назначает и расстреливает своих министров лично. 3. Все состояния*[46] *отменены, особенно благосостояние и приличие. Оставлено только бедствие* (см. G, S. 129). Так же точно, самый изящный из каламбурных анекдотов обращен к системе, но подразумевает и фюрера тоже: после унификации земель немцы стали единым народом; больше нет пруссаков, баварцев и проч, «es gibt nur noch Braun-Schweiger»[47] (см. G, S. 54). Игра слов кажется самоценной, меж тем она столько же касается «ведомых» («braun» und «Schweiger»), сколь отсылает к факту присвоения Гитлеру немецкого гражданства в 1932 году именно в Брауншвейге. В большинстве «международных» анекдотов «фюрер» также заслоняет «Адольфа». *Гитлер – австрийская месть за Садовую.* (G, S. 124)[48]. В сравнении с Дуче, Гитлер выступает в качестве подражателя: *Гитлер: Аве, Император! Муссолини: Ave, Имитатор!* (см. G, S. 123).

В позднем анекдоте уже на русскую тему на вопрос о разнице между фюрером и солнцем (без ссылку, впрочем, на Людвига Каторза) следует ответ: *Солнце восходит на востоке, а Гитлер заходит на востоке!* (G, S. 130). «Домашние» анекдоты издевались и каламбурили, подчас переходя на личность. К примеру, по поводу нового приветствия: встречаются два психиатра; один здоровается: «Heil Hitler! – Darauf der andere: Heil du ihn!»[49] (H, S. 26). Как и у сподвижников, у фюрера было фамильярное прозвище: «Gröfaz» – аббревиатура от «Größter Feldherr aller Zeiten» – «Великий полководец всех времен» (см. G, S. 160)[50]. Не обошлось и без скабрезностей: *Почему фюрер все время держит свою фуражку ниже живота? – Потому что он хочет защитить последнего безработного.* (H, S. 50). Кстати, видимая привычка скрещивать руки на причинном месте, которую постепенно переняли у Гитлера сподвижники, дала возможность Ромму в фильме «Обыкновенный фашизм» смонтировать фривольный визуальный анекдот: жаль, что немецкий антинацистский фольклор нам был тогда неведом… Удалось сложить и ироническую «автобиографию» Гитлера (увы, тоже без опоры на анекдот) – историческое время само остранило главную его видимую черту: пафос самого себя.

«Сталиниада» [51], как назвал свою первую постсоветскую книжку Борев, существенно отличается от гитлеровского анекдота. Дело не в «избранности» вождя – если соратники затерялись, то преемники, как сказано, заняли свое место в сборниках, при этом, многие анекдоты оказались как пресловутое красное знамя – «переходящими». Дело в двойственности сталинского анекдота, тяготеющего к двум разным ипостасям: анекдоту «о Сталине» и анекдоту «от Сталина» или «байке».

Казус Сталина

Для Борева анекдоты, слухи и спетни, складывающие «неортодоксальный образ Сталина» есть «свободная в своей неподцензурности форма хранения социального опыта»[52]. Возможен другой, фольклористский взгляд на вещи: «Анекдоты о Сталине

складываются в большой разветвленный цикл, явно соотносящийся с русской книгой о Дракуле (XV век) и с анекдотами об Иване Грозном (XVI век), – пишет исследователь жанра Е. Курганов, назвав соответствующую главу «Сталин как Тимур» и отослав, тем самым, традицию еще и к восточной притче «о тиране»[53]. Разумеется, предания о тиранах и шутах (каковым автор назначил Карла Радека), не могли не отложиться так или иначе в сталинском фольклоре. Но анекдот фольклорен не только тем, что он вечно традиционен и передает из века в век свои лекала, но и тем, что он вечно актуален, отрываясь от традиции в сторону текущего мгновения. Немногие уцелевшие примеры радековского остроумия замечательны именно своего конкретностью: «Я Сталину цитату, а он мне ссылку»; или «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро» (Б, С. 128–129). По законам не выдуманного, но вполне социалистического реализма радековский анекдот нашел продолжение в анекдоте о судьбе самого Радека: В камере трое узников объясняются, кто за что сидит: «Я за то, что ругал видного партийного деятеля Радека. – А я за то, что поддерживал Радека. – А я – Радек» (Б, С. 129).

Сэр Исайя Берлин, ахматовский «гость из будущего», родившийся, однако, на территории Российской Империи, заметил как-то: «Скажем, вы обыкновенный почтальон и живете в те времена, к примеру, в Штутгарте… Когда мимо проходят эсэсовцы, вы должны восклицать «Хайль Гитлер» и приветствовать их нацистским салютом. Но кроме этого жизнь продолжается нормально… А в России нет человека, который не боится. Двести пятьдесят миллионов и все живут в постоянном страхе…»[54]. На самом деле, если вы были обыкновенным почтальоном, к примеру, в Воронеже, если у вас не имелось буржуазного происхождения, родственников за границей, а также репрессированных и проч., вы боялись, возможно, не больше коллеги в Штутгарте. Но это, разумеется, не гарантировало «от тюрьмы и от сумы». Не случайно репрессии и «полная гибель всерьез» стали сверхтемой советского анекдота. Тем более – постоянной коннотацией сталинского, построенного чаще всего по традиционной диалогической схеме «Сталин и …»

… «и Ленин»: «Сталин посещает Ленина в Горках.

– Я, батенька, чувствую себя архискверно, скоро помру.

– Тогда отдайте мне власть.

– Боюсь, что народ не пойдет за вами.

– Часть народа пойдет, а те, кто не пойдет, пойдут за вами» (Б, С. 50).

… «и Киров»: Милиционер задержал пьяного, распевавшего: «Эх огурчики, помидорчики / Сталин Кирова убил в коридорчике». Прохожая заступается, мол, отпустите, он сумасшедший: «Не мешайтесь, гражданочка. Может, он и сумасшедший, но говорит правильно» (Ш, С. 331).

… «и Пушкин». Участливая беседа, пародирующая известный разговор поэта с царем, завершается телефонным звонком: «Алло, Берия, передай Дантесу, что Пушкин только что вышел из моего кабинета» (см. Б, С. 142) – не забудем, юбилей поэта совпал с пиком большого террора.

… «и Горький»: «Вызывает Сталин Горького и говорит:

– Товарищ Горький, вы написали роман “Мать”. Не пора ли вам написать роман “Отец”?

– Я попытаюсь, Иосиф Виссарионович…

– Попытайтесь, попытайтесь… Попытка не пытка, правда, товарищ Ягода?» (Б, С. 89/46)[55]. Этот емкий каламбурный анекдот как бы продолжает серию и, в то же время, заметно приближается к пограничной зоне баек «от Сталина».

Еще ближе к ним история из серии «Сталин и…» с Крупской. Как-то Крупская заспорила с вождем, он рассердился и призвал ее к порядку: «Молчи, дура, а то назначим вдовой Ленина Фотиеву или Стасову» (см. Б, С. 198). Если это и анекдот «о…», то он достаточно похоже передразнивает способ общения и характер бытового юмора вождя.

Гитлер тоже любил пошутить. Он «мог заставить смеяться окружающих, демонстрируя тонкий юмор и талант подражания», – пишет, к примеру, Кершоу[56]. Генри Пикер свидетельствует о том же. Но, увы, коронная острота фюрера за год «застольных разговоров» по поводу некого русского пленного, водившего грузовик вблизи фронта и просившего о повышении, гласит: «Поручите ему возглавить целую колонну грузовиков»[57]. Все засмеялись, но ни «отстранения», ни «ускорения» шутка не предлагает и на анекдот не тянет. Сталинский анекдот на ту же тему «назначения», напротив, обнаруживает владение как приемом (метафора), так и юмором, который хочется назвать по-немецки: bissig[58]. После войны вождь позвонил адмиралу Исакову и сказал, что есть мнение назначить его начштабом Военно-морского флота. «…Товарищ Сталин, я должен вам доложить: у меня есть серьезный недостаток, нет одной ноги… – У нас раньше был начальник штаба, у которого не было головы. Ничего, работал» (см. Б, С. 215)[59]. Гитлер – если не считать постоянных «черных», хотя и вегетарианских прибауток по поводу «трупного чая», как он именовал бульон, потчуя им раз в неделю своих сотрапезников, – не оставил по себе подобного наследия.

Кстати, привычка к долгим трапезам в ближнем кругу тоже черта общая для обоих диктаторов и, наверное, неслучайная. Фюрерская власть создавала, таким образом, некое подобие «двора», который служил полигоном и круговой порукой для важных решений; но на кону всегда была личная приближенность к вождю. Частная жизнь тоже была частью профессии.

Сталин умел и охотно использовал юмор как форму общения. Сошлемся на свидетельства иностранцев с разным *background*, посещавших его в разное время. «…Главное у Сталина – это юмор, обстоятельный, хитрый, порой беспощадный крестьянский юмор»[60], – написал западный интеллектуал Фейхтвангер в своей одиозной книжке «Москва 1937» (наверное, Россия вообще показалась ему крестьянской). Милован Джилас, будущий диссидент коммунизма, оставил одно из самых непосредственных свидетельств поры уже послевоенной: «…Это был не тот величественный Сталин, который смотрел с фотографий или экранов хроникальных фильмов, – отмечает он первое впечатление. – У Сталина было чувство юмора – грубого юмора, самоуверенного, но не совсем лишенного тонкости и глубины»[61]. И далее, сравнивая сталинский юмор с хрущевским (действительно, народным, крестьянским), он называет его «в основном интеллектуальным и потому циничным»[62]. Наблюдения Джиласа точнее всего отвечают стилю и характеру уцелевших сталинских баек.

Наделение статусом авторства изустного, анонимного фольклорного цикла – дело рискованое. «Стиль Сталина» исследователи, понятно, ищут в официальной сфере. «Сталин, будучи плохим трибуном, несомненно, обладал стилем, но что был письменный стиль – “ораторский” стиль аппаратной риторики. В него облек он свои фантазии. Своими книгами он компенсировал свое отсутствие на революционных трибунах»[63], – пишет Добренко, высказывая смелую гипотезу о сталинском личном авторстве трех китов идеологии, оставшихся анонимными: «История ВКП(б). Краткий курс», а также краткие биографии Ленина и самого Сталина. На этом фоне наша

скромная догадка, приписывающая вождю его же собственные высказывания, запечатленные впоследствии в байках, не покажется столь уж дерзкой. Нетрудно представить, что их сюжеты и остроты зарождались в поле общения вождя, хотя, разумеется, проходили дальнейшую «обкатку» в изустной традиции. Недаром представления о примитивности сталинского языка подверглись аргументированной научной критике. «…именно стиль, язык явился непосредственным инстументом его восхождения к власти, а следовательно обладал колоссальным эффектом… По сементической насыщенности этот минималистический жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична», – пишет Вайскопф, предваряя анализ. И в заключает его так: – «На деле сталинский примитив таил в себе столь же сложные и амбивалентные структуры, что и так называемый примитив фольклорной архаики»[64].

«Ужель загадку разрешила, / Ужели слово найдено?» (Пушкин). Анекдот и сам фольклорен. Но можно сказать иначе: инстинктивное владение этой амбивалентностью при «быстрой и острой реакции» (Джилас) позволяло сталинскому бытовому юмору входить в форму анекдота, как в перчатку. Этот сегмент «стиля Сталин», его, так сказать, off-официоз, заслуживал бы не менее скрупулезного анализа, нежели официоз, но в пределы данной статьи, увы, не умещается. Напомним, что сталинская байка в казусе Гитлера нарративного аналога не имеет.

Можно по-разному классифицировать уцелевшие сталинские сюжеты. По стилистическому. Как всякий остряк, вождь не гнушался каламбуром. «Как-то в присутствии Александрова Сталин спросил Любовь Орлову:

— Тебя муж не обижает?.. Скажи ему, если будет обижать, мы его повесим.

Считая ситуацию шутливой, Александров спросил:

— За что?

— За шею, — мрачно ответил вождь» (Б, С. 202).

Обращает на себя внимание трактовка этого известного анекдота Боревым («мрачно»). Ситуация была и осталось шутливой, каламбур лишь вывел ее в анекдоты. Но шутка была «дракульская». Анекдот с Горьким («попытка не пытка») потому и кажется близким к байке, что вполне отвечает дракульскому типу и характеру сталинского юмора. Он не всегда (хотя нередко) касался «жизни и смерти», о чем, по преданию, хотел поговорить с вождем Борис Пастернак, но почти всегда был «беспощадным». На чье-то сервильное предположение, что какую-нибудь улицу Москвы назовут именем секретаря Союза композиторов Хренникова, вождь ответил: «Зачем? Уже есть такая река – Неглинка» [не Глинка] (см. Б, С. 214).

На фоне подобных анекдотов в сталинском цикле заметно преобладает жанр, который назывался именно «анекдотом» в прежние времена – т. е. «короткий рассказ об историческом лице или происшествии». Известно, например, как Каганович предлагал реконструировать Красную площадь для парадов, но архитектор Барановский отказался и был посажен. Более покадистый архитектор докладывал план реконструкции Политбюро с помощью макета: «Снимаем ГУМ, выполненный в псевдорусском стиле (снимает с макета ГУМ и ставит трибуну)… Снимаем храм Василия Блаженного (рука архитектора взяла храм за купол…) – Храм поставь на место, – сказал Сталин. Архитектор испуганно опустил храм, и площадь осталась нетронутой» (см. Б, С. 184–185).

Поверять подобные байки фактами не стоит – иные могут оказаться легендарны, как выстрел «Авроры», т. е. как фольклорная версия. Иные могут читаться как «просталинские», но и как антисоветские. Одно из самых известных преданий повеству-

ет, что академик Капица приходил к Сталину ходатайствовать об освобождении физика Ландау; этот диалог разыгрывается «на троих» (триалог).

Капица говорит:
–…прошу освободить Ландау – он мне нужен.
Сталин адресует просьбу Берии. Тот отвечает:
– Ландау арестован, как англо-немецко-французский шпион.
Сталин разводит руками… Капица говорит:
– Да, но он мне нужен. Сталин переадресует заявление Берии. Берия:
– Уже состоялся суд, который признал Ландау виновным.
– Да, но он мне нужен.
Сталин теряет терпение:
– Слушай, Берия! Видишь, он человеку нужен! Раз нужен – отдай.
И Берии ничего не остается, как освободить Ландау. (см. Б, 199–200).

Комментируя эту полулегенду (пришел Капица к Сталину и говорит…), полубыль (арест и освобождение Ландау, вражда Капицы с Берией имела место), Борев отмечает, что прагматический довод оказался эффективней юридического, а неожиданность стратегии Капицы – залогом успеха. Неожиданная парадоксальность составляет в свою очередь, алгоритм стратегии того офф-Сталина, образ которого сохранили байки. Неожиданность есть соль анекдота, но байка претендует на статус исторического происшествия.

Геловани попросил посетить его на даче Сталина у озера Риц… Сталин спросил:
– А почему Геловани хочет жить на Рице?
– Хочет вживаться в ваш образ.
– Тогда пусть начнет с Туруханской ссылки» (Б, С. 335)[65].

Насколько официозный образ Сталина кажется тавтологичным (не говоря о текстах, его решения чаще, чем кажется, были результатом присоединения к большинству Политбюро), настолько его индивидуальные поведенческие модели своей непредсказуемостью сбивали множество людей, духовно далеко его превосходящих. Как ни трактуй его знаменитые телефонные разговоры с Булгаковым и Пастернаком, оба они с предложенной неожиданностью, так сказать, не справились. Зато и колебания какого-нибудь партийного писателя «вместе с линией» не обеспечивали ему не только звонка, но и простой благосклонности свыше. Такова байка о том, как Киршон в гостях у Горького пытается получить похвалу вождя за свой классово-выдержанный спектакль «Хлеб».

– Не помню такого спектакля.
– Вчера вы смотрели спектакль «Хлеб». Я автор и хотел бы знать о вашем впечатлении.
– Не помню. В тринадцать лет я смотрел спектакль Шиллера «Коварство и любовь» – помню. А… «Хлеб» не помню. (Б, С. 99)[66].

В том, что немалая доля уцелевших баек относится к писателям, – мало удивительного. Кому же иначе помнить сюжеты? При этом, реплики офф-Сталина даже в сакраментальном вопросе «сажать или не сажать» (в полном согласили с анализом

Вайскопфа) носят вполне релятивистский характер. Ко времени «большого террора» относится один из самых знаменитых анекдотов о проблеме с писателем N, обвиняемом в троцкизме, но, быть может, неосновательно. «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы» (Б, С. 166), – ответил вождь. Дракульская шутка тирана в момент смены курса, а с ним и людского состава, вошла в советский язык (вместе с грузинским акцентом) на правах идиомы как экзистенциальное выражение сущности террора. Зато послевоенному парткомиссару при Союзе писателей Поликарпову почти на тот же вопрос, не арестовать ли некого неуправляемого писателя, было сказано: «Зачем сразу арестовать? Сначала попробуем наградить орденом “Знак почета”, может быть, станет управляемей» (Б, С. 318), – ответ практического политика и циника, знающего людей и ценящего их невысоко. Тому же Поликарпову, в ответ на очередные жалобы на подопечных, адресовано одно из самых экзистенциальных речений вождя, также вошедшее в язык: «Товарищ Поликарпов, других писателей у меня для вас нет. Придется работать с этими» (Б, С. 318). Издевка демиурга над собственной («у меня») – посредственной – вселенной? Над ее тем более нерадивым («для вас») чиновником?

Юмор, как выразился Джилас, во всяком случае, весьма самоуверенный…

Уцелевшие сталинские байки на самом деле трудно разделить на их «pro» и «contra». Иные изустные «цветы зла» обнаруживают ту эстетическую ценность, которую исследователям тоталитаризма привычнее искать и находить во внешних формах нацизма. К тому же, афоризмы вроде «есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы» имеют тенденцию как уходить в метафизику, так и там, и сям возвращаться в реальность…

Бытование сталинских баек в обществе отчасти совпадает с «антисоветским советским анекдотом». Несомненно, они относятся к тому же жанру городского фольклора и нередко бывают амбивалентны. Рискну, однако, высказать гипотезу об их специфической функции, имеющей свои аналоги в практике нацизма. Заглянем еще раз в Фейхтвангера. Его «прокол» с «Москвой 1937» связан со многими факторами, начиная от нацистского фона и незнания языка и кончая вопиющим несовпадением культурных кодов. Но в чем ему не откажешь, это в корреспондентской добросовестности. Гигантские бюсты и портреты вождя в подходящих и неподходящих местах, привычные советскому глазу, было первое, что его поразило, и он пожаловался вождю. Тот пошутил насчет сотен тысяч портретов человека с усами. Фейхтвангер отметил, сколь мало (по западным, добавим, стандартам), почти ничего не известно о частной жизни Сталина. Но он пишет: «О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека… Но подобные анекдоты передаются только из уст в уста…»[67]. Тем самым, в сегменте избранной действительности, продемонстрированной гостю байкам, было отведено место. Не значит ли это, что на фоне «безмерного культа» (Фейхтвангер) существовал и другой, и тоже санкционированный офф-Сталин?[68] Не значит ли это, что подобный образ, в свою очередь, призван был компенсировать как «чудо» и «тайну», так и «авторитет», но на российский, архаический и мифологический лад народной молвы?

Гитлер, выросший в присутствии европейской прессы, неизменно освещавшей частную жизнь VIP всех родов, широко использовал этот ресурс популярности, не доверив его тогдашним «папарацци» и опередив со своим лейб-фотографом Гоффманом объем рекламы (не говоря о доходе от продаж) любых других «звезд». Не за-

будем также, что Германия традиционно была ведущей страной в области оптики (Цейс) и прочих способов «технической воспроизводимости» (по Беньямину). Часть фотоархива по случайности попала в войну на «Мосфильм», что дало нам возможность воспользоваться домашними заготовками ораторских поз перед зеркалом для автокарикатуры Гитлера в иронической главе фильма «Обыкновенный фашизм».

В более архаической России такие же фривольности, как «Сталин в семейном альбоме»[69], были бы невозможны. Даже частная жизнь кинозвезды Любови Орловой оставалась за рамкой кадра. Если Гитлер «отстранял» свое фюрерское могущество какой-нибудь смеющейся или задумчивой картинкой на отдыхе, то Сталин свое изображение, напротив, «отстранял» в сторону репрезентативности. В популярной байке, приведенной Добренко, он поучает беспутного сына Василия: «Ты думаешь, что ты Сталин? Может быть, ты думаешь, что я Сталин? Вот Сталин»[70], – указывает на парадный портрет в кабинете. И это притом, что «частный» Сталин заведомо поражал внешних наблюдателей – от Барбюса до Джиласа – своей фирменной простотой (даже если в мундире генералиссимуса). Это возвращает нас к пресловутой амбивалентности, граничащей, с одной стороны, с протеичностью, входящей в профессию вождя, с другой стороны с коварством, присущим Сталину лично. (Будущий маршал Рокоссовский был освобожден из тюрмы осенью 1941 г. и вскоре отозван Сталиным с фронта для повышения. «Хорошо ли вы знакомы с германской военной доктриной? – Нет, товарищ Сталин, ведь я сидел. – Нашел время отсиживаться» (Б, С. 238)[71]. Если не прямо к Дракуле, то стиль off-Сталин, не стеснявшийся коварства и зла, восходил к любимому вождем примеру Ивана Грозного.

Таким образом, если в СССР не было ни Цейса, ни «колонки сплетен», то была молва: те самые сотни анекдотов, передающиеся из уст в уста, о которых (скорее всего, «из официальных источников») сообщал Фейхтвангер. Упоминаемые им байки о спасении таджикского мальчика или непрошеной им квартире для чересчур скромного писателя, как и многие прочие, не сохранились. Возможно, со смертью вождя прошла мода на сервилизм, а может быть, реплика была недостаточно «bissig» («Союз писателей создавали, чтобы вы защищали писателей от нас, а нам приходится защищать писателей от вас», – заметил вождь по поводу имени, выпавшего из наградного списка (см. Б, С. 167). Зато сам Фейхтвангер сохранил шутку некого филолога на грани фола: «Чего вы, собственно, хотите?.. Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»[72], – получил ли филолог орден или расстрельную статью, осталось неизвестным…

Разумеется, большинства прямых диалогов из серии «Сталин и …» в реальности не было. Но Ландау был выпущен стараниями Капицы, а имя Поликарпова уцелело только в сталинских репликах. Анекдот – то же историческое предание. Произнес ли Сталин «Я маршала на солдата не меняю» (см. Б, С. 243) в ответ на предложение обменять фельдмаршала Паулюса на нелюбимого сына Якова – но Яков погиб в немецких лагерях.

Происхождение байки на самом деле незагадочно. Рассказ какого-никакого очевидца о каком-никаком событии, пройдя горнило стоустой молвы и контаминировав быль и небыль по законам жанра, становится квазифактом, анекдотом, вернее, одной из множества версий. «Существование может быть очень обострено, когда оно лишь изустно»[73], – написал Бродский, правда, по совсем иному поводу. Достоверность баек не менее условна, но безусловна, нежели существование «прототекста»

«Краткого курса» и проч. в гипотезе Добренко (заметим, кстати, что разговор Сталина с сыном он цитирует в качестве «были»).

Как сказано, байки амбивалентны. Они граничат, с одной стороны, с афоризмом (есть человек – есть проблема…), с другой – с неподцензурным анекдотом («Старики на демонстрации несут плакат “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство” – Что вы несете? Когда у вас было детство, Сталин еще не родился. – За это и спасибо» (Б, С. 144). Возможно, иные очень уж сервольные байки (вроде самолета с лекарствами для таджикского мальчика) вбрасывала в народ служба слухов (о ее «работе» мы не раз догадывались в позднесоветское время). Но потребность в кумире реальна (что очень заметно и нынче), а молва всеядна. Удобство ее, как «носителя» – тем более в технически слабо вооруженной, зато логоцентрической стране – еще и в том, что она не нуждается в средствах «технической воспроизводимости». Так что «коллекционирование исторических анекдотов о Сталине и сталинизме сталинистом, каким я был в те годы», быть может, не было таким уж «двоемыслием», зато проявлением прозорливости. «Неортодоксальный образ Сталин» (Борев) или офф-Сталин нужен был в том числе самому Сталину, и то, что вождь давал ему пищу – звонком ли опальному писателю или остротой a la Дракула – свидетельствует, что он владел профессией и знал свой – хотя и не единокровный – народ.

Байки про Сталина – или «просталинские» – бытовали в той же среде, что и множество антисоветских и антисталинских анекдотов, иногда балансируя на грани. Молва – явление куда более архаическое, чем серия фото в папиросных пачках; амбивалентное, но и более эффективное. Со временем (а время – великий «отстранитель») они могли послужить и «разоблачению культа» или лучшему пониманию его вовсе не однозначной природы. Поэтому их пришлось выделить в отдельный раздел. Как сказано, подобного фольклора Гитлер по себе не оставил. Зато сталинская байка не прошла мимо фигуры фюрера: «Идет штурм Берлина. Гитлер принимает яд и, корчась в конвульсиях, говорит адьютанту: “Передай товарищу Сталину, что его задание выполнено”» (Б, С. 295). Как бы ни спорили историки по поводу сопоставимости обоих тоталитарных режимов, анекдот, как самый безымянный и потому беспристрастный из свидетелей, их сопоставимость удостоверяет.

Заключение

Известный парадокс Зенона гласит, что сколько бы ни старался Ахилл, он не может догнать черепаху. Какие бы статьи и сроки не грозили в тоталитарной стране за сочинение, рассказывание и даже слушание анекдота, искоренить его было невозможно. Он был трезвее самого искреннего энтузиазма и сильнее страха. Неистребимый в Третьем Рейхе и в СССР, он не только на личностном, но и на статистическом уровне опровергает представление о всеобщности конформизма и даже о том однообразии в умах, которое заподозрил в своем «Возвращении из СССР» гораздно менее обманутый, чем Фейхтвангер, Андре Жид[74]. Смех неистребим и своеволен. Анри Бергсон в эссе, которое так и озаглавлено «Смех», не раз называет его «социальным жестом». *Смех – определенный социальный жест, который делает очевидным отклонение от линии жизни и событий и в то же время оценивает его*[75]. Анекдот, создавший подвижное и тайное сообщничество смеха в каверзах тоталитарного про-

странства, жест тем более социальный. Сообщительность – его натура, хотя, разумеется, ни о каком «исправлении» – кроме разве исправительно-трудовых лагерей – дело не шло. Все же, думается, известным фрейдовским наблюдением над природой остроумия: «делая врага мелким, низким, презренным, комическим, мы создаем себе окольный путь наслаждения по поводу победы над ним»[76], – в нашем случае дело не исчерпывается. Антитоталитарный анекдот был способом победы, хотя бы малой, еще и над собой – над собственным страхом, конформизмом, предрассудком. Он был также актом самоуважения. И в заключение, вместо того чтобы перефразировать гоголевский «смех сквозь невидимые миру слезы» в «невидимый миру смех», перевернем максиму, процитированную Бодлером в его эссе «О природе смеха» – «Der Weise lacht nur mit Zittern»[77] применительно к нашей теме. Содрогаясь, мудрый смеется; потому что смех скорее сродни ужасу, нежели рассудку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев.* Русский анекдот. Текст и речевой жанр. Языки славянской культуры. – М. 2002, С. 20.

[2] *Абрам Терц / А. Синявский.* «Анекдот в анекдоте» // Одна или две русских литературы? – Lausanne, 1981, S. 161–179, здесь S. 168.

[3] *Ханна Арендт.* Истоки тоталитаризма. – М. 1996, С. 7–9.

[4] Сочинения Иосифа Бродского. Пушкинский фонд. – СПб, 2001. Т. 6, С. 54.

[5] *Дора Штурман и Сергей Тиктин.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. – Иерусалим: Экспресс, 1997 (далее «Ш»); *Юрий Борев.* Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора». – Иркутск, 1992 (далее «Б»); *Richard Hermes*: Witz contra Nazi. Hitler und sein Tausendjähriges Reich. – Hamburg, 1946 (далее «H»); *Hans-Jochen Gamt:* Der Flüsterwitz im Dritten Reich. Mündliche Dokumente zur Lage der Deutschen während des Nationalsozialismus. – München – Zürich 1993 (первое изд. 1963 – далее «G»).

[6] *Адольф Гитлер.* Моя борьба. – М. 1998, С. 414–415.

[7] См. *Ефим Курганов.* Похвальное слово анекдоту. – СПб, 2001, изд. журнала «Звезда». С. 24.

[8] Führer («фюрер») по-немецки – и «вождь», и «водитель». (*Прим. пер.*)

[9] Одна или две? С. 171. Кстати, образ дрожащего обывателя встречается в немецком анекдоте, где Рай уподоблен саду, и у немногих цветов – говорящие имена: *все остальное – трясунка* (G, S. 71)

[10] Там же.

[11] *Hermes.* S. 21.

[12] См. «Mein Führer, wir sind doch nicht verrückt, wir sind die Wärter» (G, S. 126).

[13] *А. Де Винценц*. Прения // Одна или две?, С. 201.

[14] *Штурман.* С. 171.

[15] См. *Hermes*. S. 29; *Штурман.* С. 142.

[16] *Hermes.* S. 6–7.

[17] *Gamt.* S. 22.

[18] *Борев.* С. 6.

[19] *Харуки Мураками.* Призраки Лексингтона. – М.: ЭКСМО, 2003. С. 78.

[20] Буквально пьеса Бертольда Брехта должна была бы переводиться как «Страх и *нищета* в Третьей империи». Это замечание необходимо для дальнейшего понимания текста. (*Прим. пер.*)

[21] *Н. Купина*. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург–Пермь, 1995. С. 108.

[22] Ср. главу Языковое сопротивление. История СССР в анекдотах, там же, С. 98–122.

[23] Там же, С. 10.

[24] Там же, С. 100.

[25] В оригинале: «NSDAP – Na, suchst du noch ein Pöstchen?». (*Прим. пер.*)

[26] *Мураками*. С. 114–115.

[27] См. *Купина.* С. 107.

[28] *А. Вербицкая.* Семантические универсалы и описание языков. Языки русской культуры. – М. 1999, С. 280.

[29] В анекдоте контаминированы события граждндской войны в Испании и большого террора.

[30] *Генри Пикер*. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1998, С. 186. – Купина в своем исследовании рассматривает этот анекдот, как выражение абсурда идеологемы «передовик труда». Заодно он высмеивает манию повсюду искать диверсантов. Но, главное, – маркирует тотальное отсутствие такого качества, как признак социалистической экономики. При своей лаконичности анекдот редко исчерпывается однозначностью смысла.

[31] *Gamm.* S. 134.

[32] Кстати, подобную байку рассказывали о Тарковском. Когда его одолевала ностальгия, он шел на вокзал в Риме и покупал газету «Правда».

[33] См. *Гитлер*. С. 56.

[34] Графа «национальность» (т. е. этническая принадлежность) стояла в советском паспорте пятой. Отсюда анекдот – еврей в «отделе кадров» отвечает на вопросы анкеты, доходит до пункта «национальность»: «А если “да”, то что?»

[35] В немецком оригинале: EDDA – «Ewig Dank dem Adjutanten!». (*Прим. пер.*)

[36] Поджог Рейхстага остался в истории такой же недорешенной загадкой, как убийство Кирова (1934). Но оба режима сумели извлечь из них максимум поводов для репрессий и смены политического курса.

[37] В немецком оригинале используется выражение «in die Schuhe schieben», которое буквально может быть переведено как «переложить в ботинки». (*Прим. пер.*)

[38] См. Führerbilder Hitler, Mussolini, Roosvelt, Stalin in Fotografie und Film. Hgg. Von Martin Loiperdinger, Rudolf Herz und Urich Pohlmann. – München, Zürich, 1995; S. 193.

[39] Сергей Иванович Кавтарадзе (1885–1971) – советский государственный деятель и политик.

[40] См. Б, С. 218. – Случай этот нашел отражение у Э. Фромма в анализе личности Сталина. См.: *Эрих Фромм.* Анализ человеческой деструктивности. – Минск, 1999, С. 363–364.

[41] *Gamm.* S. 122.

[42] Подобные альбомы с фотографиями из папиросных пачек были столь популярны, что два с портретами кинозвезд были присланы автору после фильма «Обыкновенный фашизм» неизвестным лицом с Украины (бывшей оккупированной территории). Возвышение Хрущева совпало с распространением телевидения. Средство коммуникации подоспело, таким образом, к более открытому типу общества и к публичности политики. Так случается в истории.

[43] См. *Führerbilder.* S. 66.

[44] Там же. S. 36. Cigaretten (или Zigaretten) Bilderalbum – это альбомы с рисунками или фотографиями из папиросных пачек (задачей обладателя такого альбома было собрать все рисунки), издаваемыми в Рейхе. Они были посвящены различным специальным темам: Мировая война, Олимпийские игры 1936 и т. д. (*Прим. пер.*)

[45] *Штурман.* С. 208–210.

[46] К сожалению, не удалось передать изначальное значение этой фразы. В немецком «Stände» значит «состояния, положения, устои» – под эту категорию как раз подходят все слова, имеющую в своем составе эту основу: «Wohlstand» (благосостояние), «Anstand» (приличие) и «Notstand» (бедствие, чрезвычайное положение). (*Прим. пер.*)

[47] Braunschweig – область Брауншвейг, его жители – Braunschweiger. В то же время, «braun» – «коричневый», «Schweiger» – «молчальник». (*Прим. пер.*)

[48] В битве при Садовой (3 июля 1886 г.) во время Австро-прусской войны прусская армия разгромила австрийцев.

[49] Буквально на русском это звучит так: «Хайль Гитлер!» – «Вылечи его сам!». Немецкое слово «heil» одновременно обозначает и приветствие, и повелительное наклонение глагола «лечить». (*Прим. пер.*)

[50] Нечто подобное про Сталина могло бы звучать как «Вовсетру» («Вождь всех трудящихся»), но повальная страсть к аббревиатурам осталась во временах авангарда.

[51] Я не пользуюсь в данном случае дополненными версиями того же автора, т. к. первое издание наиболе точно отвечает жанру.

[52] *Борев*. С. 5–6.

[53] *Курганов.* С. 74.

[54] *Иосиф Бродский.* Труды и дни. – М., 1999. С. 96. Сэр Исайя Берлин – английский философ, президент Британской Академии наук. Русскому читателю известен как «гость из будущего» из «Поэмы без героя» Анны Ахматовой.

[55] Вместо обычного Берии в этом анекдоте присутствует Генрих Ягода, стоявший в 1934–36 годах во главе НКВД. В 1937 был репрессирован, в 1939 расстрелян. Речь Сталина в анекдотах аранжировалась обычно грузинским акцентом («мат», «атэц» и т. д.). «Интересно, впрочем, отметить, – пишут Шмеевы, – что речь Сталина и речь грузина, как героя анекдота, имела мало общего» . – См. Русский анекдот. С. 92.

[56] *Ян Кершоу.* Гитлер. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 29.

[57] Застольные раговоры… С. 130.

[58] «Bissig» – «ядовитый, язвительный». (*Прим. пер.*)

[59] Исаков Иван – адмирал Флота СССР, Герой Советского Союза, член-корр. АН СССР, лауреат Сталинской премии и т. д. В 1946–47 гг. начальник Главного штаба ВМФ. В 1950 уволен из ВМФ и назначен заместителем министра Морского Флота СССР.

[60] Два взгляда из-за рубежа. Андре Жид: Возвращение из СССР. Лион Фейхтвангер. Москва 1937. – М., 1990. С. 209.

[61] *Милован Джилас.* Беседы со Сталиным. – М., 2002. С. 71–72.

[62] Там же. С. 140.

[63] *Добренко Е.* Между историей и прошлым. Писатель Сталин // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. С. 652.

[64] *Вайскопф М*. Писатель Сталин: заметки филолога. Там же. С. 673, 708.

[65] Геловани Михаил – советский актер грузинского происхождения, исполнявший роль Сталина в фильмах «Великое зарево», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Клятва», «Падение Берлина» и др. Многократный лауреат Сталинской премии.

[66] Киршон Владимир – советский драматург, один из лидеров РАПП, член партии, автор пьес «Рельсы гудят», «Хлеб». В пьесах прославлял социалистическое строительство и Сталина. В 1937 году вместе с Авербахом обвинен в принадлежности к «троцкистской группе» в литературе и расстрелян.

[67] *Лион Фейхтвангер.* Москва 1937. – М., 1990. С. 212.

[68] «Stalin, wie ihn keiner kennt» («Сталин, каким его еще никто не знает»), перефразируя название гоффмаовской серии о Гитлере.

[69] Название главы о Гитлере в кн. «Führerbild»

[70] См. Канон. С. 651. Кстати, в книге «Führerbilder» на 4 фото Сталина приходится 5 его изображений в фотомонтажах, плакатах и проч. средствах «монументальной пропаганды» и 10 кадров из игрового кино (считая обложку).

[71] Москва 1937. С. 208.

[72] Сочинения Иосифа Бродского. Т. 6, С. 381.

[73] *Борев.* С. 6.

[74] Ср.: Два взгляда из-за рубежа. С. 72.

[75] *Henri Bergson:* Das Lachen. Luchterhand. S. 62.

[76] *Зигмунд Фрейд*. Я и Оно. – М., Харьков, 1999. С. 110.

[77] *Charles Baudelaire*. Sämtliche Werke. – Briefe, 2001. Bd. 1. S. 286.

Дьёрдь Далош

ШТИРЛИЦ, ГЕРОЙ АНЕКДОТОВ, или пародия на homo sovieticus

Юлиан Семенов (1931–1993) был известен в России, прежде всего, как автор детективных романов и военных триллеров[1]. В конце 50-х гг. он работал зарубежным корреспондентом «Литературной газеты», в том числе в Кабуле, и часто ездил на Запад – тогда это даже для литератора было привилегией. Во второй половине 80-х гг. он был президентом Международной ассоциации детективного и политического романа. В период расцвета гласности его публикации в журнале «Sputnik», выходившем на нескольких языках, стали одной из причин запрета этого журнала в ГДР[2]. В 1989 г. Семенов основал существующее поныне бульварное издание «Совершенно секретно», которое, особенно в первый период своего существования, производило фурор многочисленными публикациями документов КГБ и службы военной разведки СССР.

О том, что эти источники, пусть и в ограниченных масштабах, были доступны Семенову задолго до прихода к власти Горбачева, свидетельствуют и его доскональное знакомство с «невидимым фронтом», и относительно уверенное обращение с их языком. Не всякому было в СССР позволено упражнять свои литературные способности на таких темах, которые по ряду причин до 1956 г. относились к числу абсолютно запретных.

Первой и самой важной из этих причин был тот факт, что персональный состав службы военной разведки – а это была, собственно, единственная область, которая могла бы интересовать литераторов, – в послевоенные годы почти не изменился. Так, в сборнике «Люди молчаливого подвига» (1975 г.) мы читаем следующую краткую характеристику одного генерала «Центра»: «Невысокий, коренастый человек в штатском. Его настоящее имя, как и некоторых других героев данного документального очерка, пока еще нельзя назвать»[3].

Другая причина деликатности в обращении с темой советского военного шпионажа коренится в его щекотливой внутренней истории: почти все важные руководящие фигуры этой организации, в том числе латыш Ян Берзин (псевдоним «Старик»), а также многочисленные агенты экстра-класса, такие как уроженец Венгрии Шандор Радо («Дора») или выходец из австро-венгерской части Польши Леопольд Треппер («большой шеф»), пали жертвами сталинского террора: первый был расстрелян, два других отсидели долгие сроки в советских лагерях. В процитированном выше сборнике с помощью штампованного патетического выражения казнь Берзина подается как геройская смерть: «29 июля 1938 г. сердце Яна Карловича Берзина перестало биться… Завершилась большая жизнь замечательного человека и коммуниста. Жизнь – подвиг»[4]. Подобные риторические обороты, с помощью которых переиначивалась суть событий, можно было в то время встретить во многих биографиях реабилитируемых жертв Сталина (например, в рассказах о маршале Тухачевском, о швейцарском коммунисте Фрице Платтене, о писателе Исааке Бабеле и др.).

Третья причина, которая вселяла неуверенность в цензоров и заставляла их быть осторожными даже тогда, когда сведения раскрывались «сверху», заключалась в том, что советская «внешняя разведка» и агенты ГПУ, НКВД и организаций-преемниц при общении с нацистами или с испанскими фалангистами вынуждены были скрывать кое-какие бесславные факты своей деятельности: убийства Троцкого, его сына[5], руководителя лево-радикальной партии ПОУМ[6] Андреса Нина во время гражданской войны в Испании, а также террористические акты, похищение людей и вымогательства – все это были обычные методы этих организаций. Не случайно эта сторона «молчаливого подвига» стала известна из западных, а не из советских источников.

Как ни парадоксально, даже героизация советских «разведчиков» («шпионами» их в СССР ни в коем случае не называли) началась с книг, появившихся на Западе, и с фильма о советском агенте Рихарде Зорге (псевдоним «Рамзай»)[7], который был казнен в Японии, а затем посмертно получил звание Героя Советского Союза; несколько позже его именем стали называть улицы, школы и другие учреждения в СССР и в других странах Варшавского договора. Хотя уже и раньше публиковались рассказы о героической разведывательной работе «в тылу врага» вообще и особенно на оккупированных нацистами советских территориях, Зорге оказался идеальной фигурой для создания типа самоотверженного агента, который формально приспосабливается к окружению, но внутри до последнего вздоха остается истинно советским человеком.

Такие герои представлялись в 70-е годы, в зените брежневской эпохи политического застоя, крайне необходимыми. Новое поколение, которое уже не знало войны по собственному опыту, склонялось к аполитичной, ориентированной на потребление жизненной позиции и стало проявлять не враждебное, а порой открыто симпатизирующее и заинтересованное отношение к Западу. Многочисленные расколы коммунистического движения (между КПСС и Коммунистической партией Китая, с одной стороны, и «еврокоммунизмом», с другой) ослабляли действие официального марксизма-ленинизма.

В качестве своего рода эрзац-идеологии для молодежи стало фигурировать так называемое «военно-патриотическое воспитание». Книги и фильмы, в которых советские разведчики выполняют свой долг, работая за границей, призваны были, судя по всему, стать непосредственным стимулом, достигать чего-то вроде художественного рекламного эффекта – так же, как и искусственно пропагандируемая романтика ЧК первых послереволюционных лет должна была привлекать молодых людей к неформальному сотрудничеству с КГБ.

Сюжет

Хотя Юлиан Семенов, тогда еще молодой автор, опубликовал свой роман о советском шпионе Максиме Исаеве (он же штандартенфюрер СС Штирлиц) в московском литературном журнале «Москва» еще в 1961 г., этот журнальный вариант[8], равно как и первое издание романа в виде книги в 1970 г., имел сравнительно узкую читательскую аудиторию. Бестселлером он стал только потом, когда режиссер Татьяна

Лиознова в 1972 г. сделала из него двенадцатисерийный телефильм с самыми лучшими советскими актерами в главных ролях. Сериал демонстрировался по ТВ неоднократно – последний раз в 1995 г.[9]., – и, по высказываниям очевидцев, зрители встречали его с неизменным восторгом. Не следует недооценивать ту роль, которую сыграли в этом неувядающем успехе возникшие одновременно с фильмом анекдоты о Штирлице.

Действие романа Семенова о Штирлице (название которого «Семнадцать мгновений весны» взято, как утверждается, из сентиментально-слащавого шлягера Марики Рёкк) разворачивается в последние месяцы существования третьего рейха: перед лицом уже явно близящегося окончательного поражения различные фракции нацистского руководства пытаются вести сепаратные переговоры с западными союзниками – точнее, с их представителем в Швейцарии Алленом Даллесом. Некоторые – как, например, рейхсфюрер СС Гиммлер, – думают о совместном продолжении войны – на этот раз вместе с Англией и США – против Советов; другие лелеют более скромные, зато реалистичные планы: так, рейхсляйтер Борман или начальник службы политической разведки Главного управления имперской безопасности (VI управление РСХА) Шелленберг (он – начальник Штирлица) стремятся в хаосе крушения, прежде всего, спасти золото рейха и его важнейшие кадры. Шеф гестапо Мюллер колеблется между этими фракциями и следит за ними, используя все имеющиеся у него в распоряжении средства – от самой современной на тот момент техники до применения физической силы против тех, кто был обвинен в измене за ведение сепаратных переговоров с врагом. Вместе с тем, Мюллеру очень хотелось бы добиться независимости и от ничего не подозревающего фюрера, и от Гиммлера.

В этой ситуации Штирлиц, он же Исаев (псевдоним «Юстас»), посылает важные сведения в Москву, в Центр, своему шефу (псевдоним «Алекс»), и уговаривает освобожденного из концлагеря пастора Шлага и профессора Плейшнера поехать в Швейцарию и убедить союзников, что они и есть истинные представители Германии, ищущей мира.

Радиосвязь с Москвой осуществляют немец-антифашист Эрвин и его русская жена Кэт (Катя), которой вскоре предстоит родить ребенка. Во время одного из воздушных налетов Эрвин погибает, а Кэт кричит во время родов – на своем родном языке, – и это становится одной из улик против нее, так же, как и ее отпечатки пальцев на чемодане с рацией. Однако потом ведомство Мюллера находит на чемодане и отпечатки пальцев штандартенфюрера СС Штирлица. Теперь его подозревают в том, что он русский шпион, и даже задерживают. Однако с помощью своей железной логики и феноменальной памяти ему удается отвести от себя подозрения и даже спасти Кэт с ребенком и отправить ее через Швейцарию обратно в Москву. Оба эмиссара – Шлаг и Плейшнер – добираются до цели, однако профессор от страха перед агентами гестапо совершает самоубийство. Но главное – что Москва своевременно узнает о начинающихся сепаратных переговорах американцев и британцев с немцами, и Сталин, направив союзникам грозную телеграмму, кладет этим переговорам конец. Теперь Штирлиц-Исаев мог бы закончить свою миссию и, наконец, вновь увидеть своих жену и сына в Москве. Тем не менее он решает вернуться в Германию, чтобы способствовать разгрому фашизма и победе союзников.

Интересный враг

С одной стороны, роман Семенова по всем признакам был произведением «социалистического реализма»: все персонажи одномерные, внутренние монологи Штирлица часто вырождаются в чисто пропагандистские фразы, частная жизнь героя остается полностью за кадром, его интеллектуальный поединок с Мюллером часто напоминает популярный советский мультипликационный сериал 70-х гг. «Ну, погоди!», в котором волк отчаянно и безуспешно гоняется за зайцем. С чисто исторической точки зрения, неправда то, что нацисты лишь перед самым крахом стали думать о сепаратных переговорах с Западом. Даже в фанатичной тираде Геббельса после поражения под Сталинградом эта возможность упоминается, хотя бы как условная. Тем не менее фактом остается то, что в Германии после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. не осталось никаких сил, потенциально способных вести переговоры, и что в феврале 1945 г. сам Даллес всерьез не мог даже думать об одностороннем перемирии на западном фронте.

Но чем роман Семенова выгодно отличается от более ранних книг на похожие сюжеты, так это тем, что руководители третьего рейха изображаются в нем не просто как звери-садисты, но как противники, чей интеллект приходится принимать всерьез; не как монолитная банда убийц, а как люди с совершенно различными интересами и темпераментами[10]. Новым в книге был также принцип монтажа, при котором рассказ время от времени прерывался «информацией к размышлению» и официальными партийными характеристиками тех или иных персонажей, что придавало тексту более высокую степень правдоподобия. И все же не роману, а его экранизации (где Штирлица сыграл Вячеслав Тихонов) удалось сделать из этого разведчика, с одной стороны, подлинного народного героя, а с другой – персонажа анекдотов, вошедшего в историю жанра.

Новый топос

В истории центральноевропейского анекдота существовали как коллективные, так и индивидуальные топосы. В Венгрии евреи были представлены в анекдотах Коном и Грюном[11], цыгане обычно были безымянными, аристократы звались Аристид и Тасило. В государствах Восточного блока, естественно, первыми мишенями шуток становились партийные вожди, а основной темой политического анекдота почти всегда было несоответствие между идеологией и действительностью, между притязаниями и человеческими качествами ключевых фигур государства. Анекдоты возникали стихийно и иногда сериями, как некие циклы, в которые интегрировались и более давние анекдоты с измененными персонажами. Такими циклами были в Советском Союзе анекдоты об «армянском радио», которые имели особую структуру вопрос-ответ, или анекдоты о Ленине, которые возникли к столетию со дня рождения основателя советского государства и в которых, по сути дела, исторические революционные фразы низводились на будничный уровень и, тем самым, лишались своего величия. Чукчи – народность из русского Заполярья – выступали наивными зрителями жизни. Похожую функцию имели и анекдоты о Чапаеве, которые, правда, предполагали знание соответствующего фильма о легендарном красном полководце.

Именно эта особенность – привязка к исходному произведению – роднит анекдоты про Чапаева с анекдотами про Штирлица.

А отличает эти анекдоты, названные в интернете «Штирлициадой», от всех более ранних советских анекдотов тот факт, что этот цикл пережил не только роман и сериал, но и советскую эпоху – в отличие, например, от фильмов о Джеймсе Бонде, которые после крушения «Империи зла», мягко говоря, утратили часть своей актуальности.

Ниже я пытаюсь прокомментировать некоторые избранные из сотен анекдотов о Штирлице, вполне осознавая, что мой источник – собственный компьютер – уже не передает той атмосферы, которая господствовала во времена, когда эти анекдоты стали рассказывать. В 70–80-х гг. даже советские функционеры признавали и сами практиковали эту форму критики системы как часть своего рода неофициального общественного дискурса, тайную гласность[12], которая только с середины 80-х гг. стала провозглашаться в качестве политического лозунга.

Штирлиц как модель homo sovieticus

Герой анекдотов про Штирлица не полностью тождествен разведчику Исаеву в его телевизионном варианте. Скорее, он был похож на советского человека 70-х гг., на которого свалилась необычайная удача – командировка в страны классового врага – и который в меру сил старается сохранять там нравы и обычаи своей родины и даже бытовые модели поведения.

> У Штирлица сломалась машина. Он копается в моторе. Мимо идет Мюллер.
> – Штирлиц, – говорит, – Вы советский шпион. Немец давно бы сдал сломанную машину в ремонт.

Здесь высмеивается, прежде всего, советская дефицитная экономика: в СССР в 70-е годы владельцам легковых машин постоянно приходилось мучиться, поддерживая в исправности свои авто или добывая запчасти для них. В лучшем случае, это значило стоять в длинных очередях. Так что водители пытались, насколько это было возможно, какие-то поломки устранять самостоятельно.

Еще хлестче высмеивается постоянный дефицит в другом анекдоте:

> Штирлиц пришел на конспиративную встречу со связником из Центра. Он сразу узнал его: в России опять были перебои с мылом.

Но «классический» советский дефицит товаров народного потребления[13] был лишь *одним* из факторов, определявших поведение героического разведчика. Ведь, будучи шпионом, Штирлиц принадлежал к (тайной) элите советского общества и поэтому «в принципе», как сказало бы армянское радио, пользовался определенными привилегиями, право на которые он вполне сознавал:

> К концу войны положение Германии было столь плачевно, что даже в Имперской канцелярии приходилось стоять в очереди для того, чтобы купить колбасы. Однако Штирлиц,

вопреки всем нормам поведения, всегда брал без очереди. Гестаповцы очень возмущались этим. Они еще не знали, что Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди.

Но откуда Штирлиц (напоминаем: псевдоним – Юстас) знал об этом своем высоком звании? Разумеется, от своего ведущего сотрудника Центра, Алекса, который чрезвычайно тщательно заботился о том, чтобы никакие важные сведения не ускользнули от его агента.

В руки гестапо попала шифровка: «Юстасу. Вы осел». Кроме Штирлица никто не знал, что так Центр поздравляет его с присвоением звания Героя Советского Союза.

Центр заботился также и о частной жизни своего лучшего шпиона:

Штирлиц получает зашифрованную радиограмму: «На Родине у Вас родился сын». Скупая мужская слеза выкатилась из его глаза. Штирлиц не виделся с женой уже пять лет.

В этой шутке народное чувство юмора реагирует на общее место всех советских шпионских романов: герой оставляет дома семью и в течение всего срока своей службы не вступает ни в какие любовные связи. В многочисленных произведениях этого жанра, а также в очерках, составивших вышеупомянутый сборник, нет ни единого намека на супружескую неверность в среде дипломатов и актеров, которая в других жанрах повествования изображается крайне «испорченной». Только о Рихарде Зорге – благодаря популярному фильму – разрешалось знать, что у него была жена в Ленинграде и одновременно несколько любовных связей в Токио. Что касается нашего героя, то и он отражает всякое, пусть хоть самое доброжелательное посягательство на его коммунистическую мораль, так что эта моральная устойчивость (в особенности у персонажа, которого играет красавец Тихонов) представляется всем, в том числе и противнику, абсолютно неубедительной, а то и саморазоблачительной.

Мюллер говорит Штирлицу:
– У меня есть для Вас две новости: одна плохая, другая очень плохая. С которой начать?
– Ну, наверно, с плохой.
– Ваша русская радистка рассказала все.
– А какая же тогда еще более плохая новость?
– То, что она рассказала это не нам, а Вашей жене.

В этом анекдоте высококлассный шпион становится пугающе похож на типичного homo sovieticus. Шпионаж, когда им занимается советский человек, есть не что иное как, с одной стороны, показная идентификация с официальными принципами партии (наиболее полно сформулированными в «Моральном кодексе строителя коммунизма» 1961 г.), а с другой стороны, открытая критика и неприятие этих же самых принципов, так как они не соответствуют социальной реальности.

Так, «коммунистический субботник» – выходной день, в который трудящиеся «добровольно» выполняли работу, например, на сельхозпредприятиях, – относился к числу неприятных обязанностей граждан в советском обществе. Теоретическое обоснование этого мероприятия дано в статье Ленина «Великий почин» (1919); на-

сколько непопулярно оно было, показывает один из тех анекдотов, в которых Штирлиц ведет опасную игру с гестапо:

Мюллер вызывает Штирлица и говорит:
– Завтра субботник, явка обязательна.
Штирлиц отвечает «Есть» и, поняв, что провалился, садится писать повинную: «Я, штандартенфюрер Штирлиц, на самом деле являюсь советским разведчиком».
Мюллер, прочитав этот рапорт, звонит Шелленбергу: – Вальтер, зайдите, посмотрите, что ваши люди придумывают, чтобы только общественной работой не заниматься.

Эта нелюбовь к исполнению неприятных обязанностей и даже отказ от сексуальной сдержанности («В СССР секса нет», – таков был неофициальный лозунг[14]), однако, отнюдь не значает, что советскому человеку все в системе не нравилось. Так, Штирлиц не может оставаться безразличным к традиционным праздникам, особенно профессиональным.

23 февраля, в день Красной Армии[15], Штирлиц шел по главной улице Берлина и распевал советские военные песни. Он и не подозревал, что в тот день он как никогда был близок к провалу.

А в другой раз разведчик поступает хитрее:

Штирлиц ходил по Рейхсканцелярии с расстегнутой ширинкой, из которой выглядывали красные трусы. И никто не догадывался, что так он отмечает Первое мая.

Но как же получалось, что постоянно разоблачающий сам себя псевдо-штандартенфюрер так и не был, в отличие от многих его коллег, пойман с поличным и не разделил судьбу других раскрытых шпионов? Остроумные ответы на этот вопрос содержат в себе все, что средний советский человек в 70-е и 80-е годы думал о разведке и контрразведке. В одном случае Штирлиц проявляет русскую крестьянскую смекалку:

– Штирлиц, – спрашивает шеф гестапо Мюллер, – какой Ваш любимый фильм?
– «Волга-Волга» [популярный советский фильм сталинских времен и одновременно престижная марка автомобиля – *Д.Д.*], – отвечает разведчик, но затем молниеносно поправляется:
– То есть, «Фольксваген-Фольксваген».

Та же ситуация в весьма эротическом контексте:

Мюллер вызывает Штирлица и говорит:
– Штирлиц, мы нашли Ваши отпечатки пальцев на заднице у Евы Браун. Как Вы это объясните?
– Это я легко объясню, – отвечает Штирлиц, – а вот как Вы объясните, откуда у Вас мои отпечатки пальцев?
На это шеф гестапо замечает:
– Я всегда сожалел, Штирлиц, что Вы работаете не в моем ведомстве.

Иногда Штирлиц-Исаев пользуется самой простой формой конспирации: он вообще не скрывает, что он советский шпион[16]. И это всегда сходит за удачную шутку.

– Штирлиц, – говорит Мюллер, – Ваши соседи жалуются, что у Вас каждое утро в 6 часов по радио громко играет советский гимн!
Штирлиц отвечает:
– Мой дорогой господин Мюллер, ну сами подумайте, а что еще могло бы советского человека рано поутру поднять с кровати?

Одновременно его конспирация настолько совершенна, что маска уже, так сказать, срослась у него с лицом:

Штирлиц настолько привык к своей легенде, что даже после победы над гитлеровской Германией не мог сразу от нее отказаться. Наконец он почувствовал, что дольше откладывать нельзя, и публично заявил:
– Я русский разведчик!
– Расскажите это своей бабушке, – ответил Нюрнбергский трибунал.

Хладнокровие Штирлица основывается на том парадоксальном обстоятельстве, что о его шпионской деятельности немцы, на самом деле, прекрасно осведомлены.

Мюллер приходит в кабинет Штирлица и возмущенно выговаривает ему: «Штирлиц! Если Вы еще раз будете резать колбасу и селедку на моих секретных документах, я никогда больше не позволю Вам лазить в мой сейф!

В другой раз Штирлиц решил разыграть Мюллера на первое апреля:

– Герр Мюллер, а знаете ли Вы, что я на самом деле русский разведчик?
– Нет, не знаю, – пошутил в ответ Мюллер.

Со своей наигранной простотой советский агент добирается даже до самого фюрера:

Заседание в ставке Гитлера. Внезапно появляется Штирлиц с подносом, полным апельсинов, и ставит его на стол. Потом он идет к сейфу, набирает комбинацию на кодовом замке, читает и фотографирует документы, а потом уходит. Гитлер в шоке и кричит:
– Кто этот человек?!
– Русский шпион Исаев, – объясняет Мюллер.
– Так почему Вы не арестовали его и не расстреляли?!
– Мы уже пробовали, мой фюрер, но он каждый раз оправдывается тем, что просто приносил апельсины. И приходится верить – на них, в самом деле, его отпечатки пальцев!

Апрель 1945 года. Поражение Германии очевидно. Гитлер ходит по Рейхсканцелярии и везде видит одну и ту же картину: офицеры пьянствуют и даже не обращают внимания на своего фюрера. Но зайдя в один из кабинетов, Гитлер обнаруживает Штирлица, который сидит за столом и работает. Увидев главу третьего рейха, Штирлиц вскакивает, вскидывает руку и выкрикивает:

– Хайль Гитлер!
В ответ фюрер устало произносит:
– Максимыч, ну хоть бы ты-то не подкалывал.

С одной стороны, перед нами здесь прямая пародия на многие советские шпионские фильмы и книги, в которых противник представляется круглым дураком. На самом деле, сила советского шпионажа – при всем несомненном мастерстве отдельных разведчиков – заключалась, во-первых, в большом числе хорошо оплачиваемых агентов, а во-вторых – в относительно слабой контрразведке. Последнее было типично, прежде всего, для демократических государств: в гитлеровской Германии, напротив, гестапо и Абверу удалось рано или поздно разоблачить почти все значительные советские агентурные сети. Ни одному немецкому шпиону, впрочем, тоже не удалось пробраться в непосредственное окружение Сталина.

С другой стороны, эта ядовитая шутка намекает на шпиономанию 30-х годов в СССР, когда многих кадровых военных по одному лишь подозрению объявляли агентами немецкой, французской, британской, американской или японской спецслужбы и соответствующим образом с ними обращались. Этот механизм разоблачения проявился потом даже в методах десталинизации: всемогущий шеф советской тайной полиции Лаврентий Берия в 1953 г. был обвинен, помимо всего прочего, в том, что был «британским агентом с 1920 г.». Хотя даже обвинители едва могли поверить в эту версию, она официально поддерживалась до 1990 г. Этот абсурд переворачивается в нескольких анекдотах о Штирлице в свою противоположность:

Штирлиц входит в кабинет Мюллера и видит, что шеф гестапо сидит в русском национальном костюме, с балалайкой в руках, играет русские народные песни.
– Что с Вами, группенфюрер?! – спрашивает он удивленно.
– Не думайте, Штирлиц, – отвечает Мюллер, – что Вы один страдаете от тоски по родине!

Предположение, что вожди рейха на самом деле – агенты Москвы, в «Штирлициаде» распространяется и на другие ключевые фигуры немецкой контрразведки. Однажды Мюллер говорит Шелленбергу:

– Штирлиц – советский агент. Вот как мы разоблачим его. Становись за дверь, и когда он войдет, ударь его доской по голове. Если он русский, он выругается по-русски. Входит Штирлиц, Шелленберг бьет его доской.
– Ай, ёб твою мать! – вскрикивает Штирлиц. На это Мюллер злорадно:
– Ууу, блядь!
А Шелленберг:
– Тише, товарищи! Немцы подслушивают!

На поверхности этот анекдот – прямая пародия на книгу Семёнова, в которой русская радистка Катя во время родов выражает свое страдание по-русски. Согласно стереотипу, русский при эмоциональных взрывах разражается непристойными ругательствами на родном языке (тем более, что немецкий довольно беден подобными выражениями, и сконцентрированы они в анальной области).

Однако это – только на поверхности. За нею скрывается постепенно внедренная в советское массовое сознание убежденность в том, что уже во время борьбы с на-

цизмом, а тем более в годы «холодной войны» действовали двойные агенты (такие, как адмирал Канарис), которые свои объективные знания о враге со временем обращали против своих хозяев. В сегодняшней литературе (см., например, мемуары бывшего шефа советской военной разведки Павла Судоплатова) отношение к этой проблеме очень спокойное, но для революционной романтики позднебрежневской эпохи с ее героизацией всего тайного она представляла собой некое темное предчувствие.

Это было, естественно, связано с реальностью 70-х гг. Обмен агентами между Востоком и Западом (благодаря которому гражданами СССР стали, в числе прочих, Рамон Меркадер – убийца Троцкого, Ким Филби и Рудольф Абель[17]) возбудил в народном сознании подозрение, что, в принципе, эти агенты были взаимозаменяемы, и люди 70-х гг. постепенно стали видеть в «холодной войне» игру сверхдержав.

Поскольку разные нацистские фракции в конце войны уже почти открыто воевали друг с другом, Штирлиц решился сделать шефу гестапо аморальное предложение:

– Господин Мюллер, не хотите ли Вы стать агентом красной разведки? Они неплохо платят.
Мюллер с возмущением отказывается. Прежде чем покинуть комнату, Штирлиц спрашивает:
– Группенфюрер, нет ли у Вас случайно каких-нибудь таблеток от головной боли?
Штирлиц знал, что от каждой беседы в памяти остается последняя фраза.

Однако двойная игра агентов лишь отчасти состоит в том, что их роль в борьбе сверхдержав постепенно становится относительной. Они сами – лишь игрушки в руках своих хозяев, которые время от времени вмешиваются в их дела подобно тому, как греческие боги вмешивались в человеческие судьбы.

Звонок Гитлера Сталину:
– Иосиф, Ваши люди не брали у меня из сейфа секретные документы?
– Я выясню.
Звонок Сталина Штирлицу:
– Штирлиц, вы брали у Гитлера из сейфа секретные документы?
– Так точно, товарищ Сталин.
– Так положите на место, люди волнуются.

Самое позднее, здесь встает вопрос: а где же в этих анекдотах ненависть к немцам, которая не только целенаправленно разжигалась официальной пропагандой, направлявшей ее на аденауэровскую ФРГ, но и подпитывалась личным опытом миллионов советских граждан? Я полагаю, что тут – помимо смены поколений – значительную роль играло именно стихийное неприятие советскими людьми искусственного разделения послевоенного мира на хороших и плохих. Отстраненные от активной политической деятельности, миллионы советских людей считали, что настоящие агенты в мировой истории – это не шпионы, которые, к тому же, как лично, так и символически взаимозаменяемы, а их шефы, которые сами провоцируют и сами же разрешают кризисы, изображая хранителей порядка и мира во всем мире.

В последнем анекдоте, в принципе, остается неясным, боится ли Мюллер подслушивающих устройств или провокации, или же Штирлиц соблюдает формальные правила конспирации, предписанные советскому шпиону. Главное – это взаи-

мозаменяемость агентов, чье открытое разоблачение в период «холодной войны» делалось прямо-таки событием для средств массовой информации. Только тайны действительно интересны. Другое дело, что единственный надежный метод, который знала советская сторона в 70-е годы, – это были знаменитые советские «опровержения»:

Как-то гестапо решило подшутить над Штирлицем. По берлинскому радио передали, что гестапо взяло русского майора разведки, работающего в СС. Шутка не удалась: на следующий день Советское Информбюро опровергло дезинформацию, заявив, что майор Исаев, работающий под псевдонимом «Штирлиц», и дальше успешно исполняет свой патриотический долг в тылу врага.

При этом крупномасштабные исторические процессы и явления вписываются в рамку советской повседневной жизни. Так, алкоголизм русских шпионов – это общеизвестный фактор риска, который можно уменьшить только с помощью изощреннейшей хитрости.

– Почему Вы так много пьете, Штирлиц? – спрашивает Борман. – Если бы Вы не пили так много, мы бы Вас давно произвели в группенфюреры.
– А какой смысл, господин рейхсляйтер? – отвечает Штирлиц вопросом на вопрос. – Я, когда напьюсь как следует, чувствую себя рейхсмаршалом!

И все же советский алкоголизм приспосабливается к определенным поводам:

Накануне 1 мая Штирлиц приглашает Бормана к себе на дачу на кружечку пива. Тот отвечает:
– Знаю я уже эти Ваши кружечки пива. Опять неделю бухать будем!
– Ну и что? – удивленно спрашивает Штирлиц.
– Что, что! Мне ж девятого на работу. Мы капитулировать перед Вами должны.

Каждый бывший советский гражданин помнит, что в стране были два больших трехдневных праздника с «народными гуляниями»: в годовщину Октябрьской революции (7 ноября)[18] и на День международной солидарности трудящихся (1 мая). Последний всего несколько дней отделяло от Дня победы над фашистской Германией (9 мая), поэтому в промежутке между ними трудовая дисциплина в СССР сильно хромала: целую неделю торт и водка ждали в холодильнике. Оптимальной ситуацией было, если Первомай –нерабочий «день труда» – выпадал на понедельник: тогда до Дня Победы оставалась неполная неделя со свободным воскресеньем в середине[19].

Штирлиц после распада Советского Союза

Перед падением Берлина Гитлер собирает у себя в бункере своих самых приближенных сотрудников.
– А где Штирлиц? – спрашивает он шефа гестапо Мюллера.
– Он у нас всегда был с причудами, мой фюрер. Уже третий день строит посреди Берлина какую-то стену!

Этим анекдотом начинается послевоенная история лучшего советского шпиона Штирлица, не имеющая ничего общего ни с книгой Семенова «Семнадцать мгновений весны», ни с ее знаменитой экранизацией. Для него самого это станет ясно уже в героические времена его службы в Берлине:

> Штирлиц приехал к зданию Абвера и увидел новую вывеску на его двери: «Главное управление советской военной разведки». «Гласность», – подумал Штирлиц.

Этот анекдот, несомненно, возник после прихода к власти Горбачева, когда стали постепенно заполнять правдой «белые пятна» прошлого. Этот процесс, вопреки воле его инициаторов, стал одним из факторов, разрушивших идентичность советского общества. Логичными в этой истории являются только взаимосвязь довоенного и послевоенного времени, а также непрерывность существования шпионской профессии. Даже драматичный распад СССР в декабре 1991 г. практически ничего не меняет в статусе Штирлица, только работа его стала сложнее в 15 раз, так как Союз распался на 15 независимых государств. Затем наступили экономическая дезинтеграция бывших союзных республик, галопирующая инфляция и исчезновение рубля как единой валюты:

> – В какой валюте Вы хотели бы получать зарплату, Штирлиц? – запрашивает Центр году в 1994-м.
> – Поскольку до меня дошли сведения, что с рублем возникли трудности, я охотно взял бы украинские купоны.

Сколько еще проживет герой анекдотов Штирлиц-Исаев, ставший народным героем? Я думаю, он не умрет до тех пор, пока живо то поколение россиян, для которых все происходящее в мире всегда выражалось только в форме запретов и приказов и которые могли становиться героями в критические моменты истории, однако, не имели в себе ни мужества, ни необходимой внутренней свободы для того, чтобы жить как граждане. И я опасаюсь, что в странах бывшего Советского Союза еще и сегодня рождаются люди, которые вырастают с таким менталитетом.

Перевод с немецкого Кирилла Левинсона

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из его детективных романов следует назвать прежде всего «Петровка 38» (1963), из приключенческих романов о войне – «Майора Вихря» (1967; переведен на немецкий под заглавием «Dynamit unter der Stadt» в 1970 г.) и «Альтернативу» (1977; переведен на немецкий под заглавием «Die Alternative» в 1980 г.). Ул. Петровка, д. 38 – адрес ГУВД по г. Москва МВД Российской Федерации.

[2] Журнал «Sputnik» был изъят из обращения явно по указке «Штази» – в частности, из-за опубликованной в нем статьи о судьбе немецких эмигрантов-коммунистов при Сталине.

[3] *Курас В.* Под псевдонимом Альта. Об Ильзе Штёбе // Люди молчаливого подвига / Под ред. И.М. Михайлова. Сост. И.В. Василевич. – М., 1975. С. 177–202, здесь С. 196. Речь идет о начальнике казненной в 1942 г. нацистами советской разведчицы Ильзе Штёбе (псевдоним «Альта»), который, суда по всему, в 70-х гг. еще занимал свой пост.

[4] *Горчаков О.* Страницы большой жизни. О Яне Берзине // Люди молчаливого подвига. С. 9–60, здесь С. 59.

[5] П. Судоплатов в своих мемуарах отрицал причастность советских спецслужб к смерти Л. Седова, сына Троцкого. – *Прим. перев.*

[6] POUM (Partido Obrero Unificación Marxista – Рабочая партия марксистского единства) – близкая к троцкизму левая политическая группировка во времена гражданской войны в Испании.

[7] «Verrat an Deutschland. Der Fall Dr. Sorge» («Измена Германии. Дело д-ра Зорге», 1955 г.) – автор сценария и режиссер Файт Харлан. В Москве фильм вышел в прокат в 1964 г. под названием «Кто вы, доктор Зорге?».

[8] В советские времена романы, которые в виде книги трудно было купить, часто печатались (обычно в сокращенном виде) с продолжением в литературных журналах.

[9] Очередной показ сериала состоялся в мае 2009 г. – *Прим. перев.*

[10] Помимо все увеличивающейся временной дистанции, отделявшей автора и читателей от войны, я объясняю это явление тем, что принципиально изменились отношения между СССР и ФРГ: такой сравнительно новый взгляд на Германию должен был соответствовать политическим воззрениям генсека Л. Брежнева.

[11] Хотя в образе еврея как персонажа анекдотов отражались и предрассудки, эти анекдоты не следует путать с собственно антисемитскими анекдотами: они, скорее, выражали наивную народную мудрость. В анекдотах о цыганах некая доля расистской неприязни всегда присутствует, но их герои иногда оказываются на удивление положительными. Об этом ср. *Dalos G.* Proletarier aller Länder, entschuldigt mich! Das Ende des Ostblockwitzes. 7. Aufl. – Bremen, 1999. S. 74–77.

[12] Слово «гласность» в XIX в., после судебной реформы Александра II (1864), означало открытие доступа публике на судебные заседания. Весьма вероятно, что Михаил Горбачев, выпускник юрфака, выбрал этот термин, опираясь на свои профессиональные историко-правовые познания.

[13] Вот анекдот конца 70-х гг.: «Что такое идеальный подарок советскому человеку на день рождения? Полкило кофе в зернах и 250 грамм чеснока, завернутые в туалетную бумагу».

[14] Эта фраза появилась лишь в 1986 г. и, при этом, имелась в виду не сексуальная сдержанность людей, а то, что по телевидению не показывали откровенных сцен. – *Прим. перев.*

[15] С 1991 г. – День защитника Отечества.

[16] Рассказывают, будто так шутил советский шпион Ким Филби: своих коллег по военной разведке в Лондоне он приветствовал словами «Доброе утро, товарищи!»

[17] На самом деле Рамон Меркадер и Ким Филби попали в СССР не путем обмена. Рамон Меркадер (1914–1978) отсидел в Мексике все 20 лет, к которым был приговорен за убийство Троцкого, затем был с чешским паспортом доставлен на Кубу, а оттуда тайно переправлен в Чехословакию, затем в СССР. Ким Филби (1912–1988), работавший на высоких должностях в британской разведке MI6 и контрразведке MI5, был в 1963 г. после разоблачения тайно вывезен из Бейрута в Москву. Рудольф Абель (1903–1971), разоблаченный в США в результате предательства, в 1957 г. был арестован и приговорен к 32 годам тюремного заключения, но в 1962 г. обменян на сбитого над СССР пилота американского разведывательного самолёта Ф.Г. Пауэрса. – *Прим. перев.*

[18] Праздничными нерабочими днями долгое время были 7 и 8 ноября. В 1992 г. указом президента Ельцина праздничным днем было оставлено только 7 ноября как «День примирения и согласия».

[19] В 1928 г. 2 мая тоже было сделано нерабочим днем. – *Прим. перев.*

Посредники в германо-советском диалоге

Владимир Колязин

ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВА – ЖЕРТВЫ сталинского террора. Комментарий к трагическим документам эпохи

Мертвые хотят поговорить с живыми
Больше, чем живые с мертвыми.
И имеют больше сказать живым,
Чем живые мертвым.

Эдгар Ли Мастерс
Из поэмы «Антология Спун-ривер»

Господи, спаси также и каждого врага от тоталитарного государства.

Йозеф Вульф
«Театр и кино в Третьем рейхе»

«Верните мне свободу!» – материалы из архива КГБ

Публикация материалов о преследуемых и уничтоженных сталинизмом художниках, литераторах и деятелях искусств началась лишь в постсоветской России, да и то разрозненно и с большим опозданием. Так, впечатление разорвавшейся бомбы произвела публикация в журнале «Театральная жизнь» в феврале 1989 г. заявлений сидевшего в Бутырке руководителя ГОСТИМа Всеволода Мейерхольда к Прокурору СССР, Молотову и Берии, поразивших своим библейским языком и колокольным звоном мученика, которого адресаты не захотели услышать. Многие деятели искусства поначалу к подобным материалам, будь то раннего, будь то позднего времени, даже боялись прикасаться – слишком много ужасов в них содержалось, слишком резко меняло привычную картину истории, на слишком многие авторитеты в искусстве бросало тень, опровергало миф о либеральном сотрудничестве советской власти и интеллигенции.

О необходимости издания систематических собраний документов по всем разделам репрессий задумывались лишь такие дальновидные и мужественные историки, как петербургский ученый Феликс Перченок, впервые в 1992 году потребовавший власти допустить ученых к документам, хранящимся в архивах бывшего КГБ и первый продумавший структуру секретных материалов, которые необходимо было предать гласности.

Многие в новой России, к сожалению, считают, что время заниматься сталинскими репрессиями прошло, что ворошить прошлое бессмысленно. В «Независимой газете» еще недавно можно было прочесть откровения одного из авторов, утверждавшего, что русская интеллигенция заворожена «феноменом неискупленной смерти» и собственной беспомощностью перед этим феноменом[1]. Мы же убеждены, что, несмотря на подвиг Солженицына и на огромную литературу постсолженицынского периода, преодоление сталинисткого прошлого в России не вошло в плоть и кровь всей нации, не состоялось в полном масштабе и что у историков еще бездна работы. Среди нескольких миллионов безвинно репрессированных в 30–50-е годы, во время правления Сталина, – несколько тысяч людей, творивших в сфере культуры, искусства и литературы, так называемой художественной интеллигенции, среди них – несколько сотен имен мировой величины. Никто никогда не пытался составить общий список несчастных репрессированных из этой сферы, лишь отдельные исследователи-энтузиасты пытались оценить долю интеллигенции среди репрессированных и подсчитать, сколько из числа погибших было священников, сколько писателей, сколько ученых-славистов, сколько актеров или кинодеятелей. Общего мартиролога пока нет и, несмотря на существование специального научно-исследовательского центра «Мемориал», нет пока нужных условий и сил для его составления.

Литература о репрессированных деятелях культуры и науки носила до последнего времени, в основном, характер беллетризованного изложения с цитированием документов; собственно же собраний документов из архивов КГБ, которые только и могут служить основой фундаментальной научно-исторической работы, пока еще досадно мало. Для подобных изданий существовало недостаточно объективных предпосылок – они возрастают или, наоборот, уменьшаются в зависимости от строгости архивных законов. До 1991 года, когда был принят Закон о реабилитации жертв политических репрессий, соответствующие советские архивные законы делали жанр систематизированного собрания документов совершенно невозможным.

В силу счастливого случая в 1997 году небольшая группа московских исследователей (автор этой статьи, искусствовед-германист Майя Туровская, ряд литературоведов), работавших над составлением театрального и киноразделa экспозиции выставки «Москва-Берлин» – «Берлин-Москва» получила редкостную возможность доступа в архивы ФСБ (бывшего КГБ) к документам репрессированных деятелей искусства. Поначалу казалось, теперь стоит только правильно составить списки репрессированных, и мы сможем найти в архивах описи конфискованных картин, книг, стихотворных сборников, рукописей, а затем получить уже и сами произведения и ввести их в научный и культурный обиход с помощью уникальной выставки.

Для составления списков были использованы все доступные источники и издания на тему сталинских репрессий в России, Германии, Америке, Швейцарии. Эти списки (вначале в них содержалось около семидесяти имен, затем поскромнее, около сорока) были отправлены в архивные органы ФСБ, однако спустя положенный для ответа месяц мы не получили нужной нам информации (а в отдельных случаях, как из отделения ФСБ по Московской области, ответов вообще не поступило). Выяснилось, что *мы,* исследователи то есть, вначале должны были предоставить архивистам ФСБ исчерпывающие сведения о жертвах (год рождения, год смерти, лагерь, место казни…) – но ведь мы именно такие исчерпывающие, новые, полные, проверенные сведения и рассчитывали получить от *них*! Бюрократия всегда казуистична, но бастион бюрократии КГБ, строившейся на века, каждый раз поражает живуче-

стью и приспособляемостью своей казуистики. По мере работы выяснились еще более странные подробности – что в архиве ФСБ не существует общего каталога, что таковые рассредоточены по разным местам и что сами архивисты ФСБ, прежде чем выдать какую-либо папку с документами, должны прежде обращаться в архив Прокуратуры, докапываться, в каком же архиве находится нужное дело. В маленькой детали, которая нам открылась, как в капле воды отразилась часть огромного, фундаментально задуманного механизма сокрытия истины и запутывания поиска для грядущих поколений.

Однако что произошло с наследием литераторов зарубежных, куда оно подевалось – на этот вопрос ни разу публичного ответа не было дано. По рассказам современных архивистов, подобных описей не существовало никогда, ни в 30-е, ни в 40-е годы, что произведения искусства вывозились при обысках в коричневых бумажных мешках в особые архивы высших лиц, а сегодняшнее местонахождение их неизвестно (если вообще от них что-либо осталось). Стало понятно, что на данный момент самое большее, что мы можем получить, – это сами архивные дела репрессированных деятелей искусств.

Нам пришлось, естественно, руководствоваться правилами работы ученых-историков в подобных архивах, инструкциями, содержащими огромное количество ограничений для доступа к открытым материалам[2]. Фундаментальным и наиболее кощунственным, с точки зрения историка, является запрет на доступ к так называемым «процессуальным», «оперативным материалам», касающимся работы оперативных служб и всего комплекса доносительства – материалы эти согласно старому и новому законам продолжают оставаться засекреченными на срок от 30 до 75 лет. Впрочем, как правило, когда этот срок подходит, материалы все равно не рассекречиваются, если только в них раскрываются формы и методы оперативной работы и содержатся имена негласных помощников – все это по-прежнему охраняется законом о государственной тайне.

По убеждению работников архива ФСБ, новый закон об архивной службе, принятый в демократические ельцинские времена, достаточно либерален – ведь еще пять-семь лет назад историк и помыслить себе не мог, что на Лубянке будет открыта специальная «библиотека» для работы историков и родственников с «делами» репрессированных. И все же даже эти новые положения «ельцинских» законов, как оказалось, не только не помогали докапываться до истины, а, наоборот, создавали новые препятствия для поиска в нужном направлении. Особенно большие ограничения касались роли оперативных работников НКВД/КГБ в проведении следствия и вынесения приговоров, а также материалов касательно личной жизни репрессированных, находившейся под бдительной охраной закона[3]. Но ведь истинную картину ареста, допросов и уничтожения как раз без этих материалов и невозможно было восстановить! Именно в материалах о личной жизни часто скрываются самые сокровенные суждения жертв о жизни, друзьях, о системе и пережитых драмах.

И после победы демократии в России историк получал лишь ограниченные возможности для реконструкции процессов обвинения и преследования, что благодаря сохраняющимся запретам он не мог довести до конца самостоятельное расследование, которое помогало бы восстановить истину и оценить подлинный масштаб репрессий в отношении той или иной социальной группы, будь то политэмигранты или художники с мировым именем. В сборнике «Верните мне свободу!»[4] собраны свидетельства репрессий десяти немецких и десяти русских деятелей искусства,

судьба которых так или иначе была связана с искусством 30–50-х годов, с новым типом взаимоотношений культур, с борьбой за новое, социалистическое искусство, за новые принципы общения русского и немецкого народов, наконец, с борьбой против угрозы фашизма. В конце 446-страничной книги помещен уникальный аннотированный, выверенный по новейшим сведениям список из семисот имен, в котором, по иронии судьбы, смешались имена вождей и палачей, художников и доносителей, жертв и следователей, предателей и судей.

Одна из форм унификации документов была нам налицо в сотнях тонких и толстых папок, сработанных по единому образцу, проводящих историю арестованного от первого дня заключения и до определения наказания и его исполнения, через целую цепь формализованных акций: обыски, изъятие улик и документов, процедуру допросов, обвинительное заключение, приговор Военной Коллегии, наконец, выписку из акта об исполнении приговора или акт осмотра трупа. Отсутствие прения сторон, участия защиты, адвокатов, общественности, полная закрытость процесса однозначно характеризовали систему НКВД как механизм физической расправы над беззащитной жертвой.

Однако лишь метод документального монтажа (по принципу документальной драмы) и сквозного сопоставления однотипных документов, который мы применили в сборнике, давал нам возможность вскрыть и продемонстрировать основополагающие идеологические установки и механизм осуществления репрессий на каждом отдельном его отрезке.

Для публикации были отобраны архивно-следственные дела двадцати деятелей литературы и искусства России и Германии. Это:

- близкие Германии по судьбе в искусстве имена, имевшие там серьезный успех: (писатель Николай Робертович Эрдман, отправленный в ссылку 16 октября 1933 года; режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд, казненный 2 февраля 1940 года; актер ГОСЕТа Венеамин Львович Зускин, расстрелянный 12 августа 1956 года),
- деятели искусств, учившиеся в Германии или связавшие свою судьбу с немцами и за это пострадавшие (кинооператор Владимир Семенович Нильсен, расстрелянный 8 января 1938 года, артистка балета Нина Ивановна Метцгер-Раузе, вышедшая замуж за немецкого специалиста и высланная вместе с ним в Германию в апреле 1940 года),
- советские пропагандисты немецкого искусства, за это и поплатившиеся жизнью (переводчик Брехта Сергей Михайлович Третьяков и его жена Ольга Викторовна, секретарь-машинистка журнала «Иностранная литература», отсидевшая в лагерях 17 лет; руководитель латышского театра «Скатуве» в Москве, подруга Вальтера Беньямина Ася Лацис, томившаяся в ссылке с 1938 по 1948 год),
- государственные деятели, огульно обвиненные в шпионаже в пользу Германии и так крепко связанные с нею судьбой (Нарком просвещения РСФСР Андрей Семенович Бубнов, расстрелянный 1 августа 1938 года; начальник управления советской кинематографии Борис Захарович Шумяцкий, расстрелянный 1 августа 1938 года),
- художники, актеры, литераторы, выходцы из Германии, решившие связать свою судьбу с революционной Россией и ее искусством (знаменитый галерист и теоретик экспрессионизма Херварт Вальден, умерший в Саратовской тюрь-

ме ГУЛАГа 31 октября 1941 года; актер-эмигрант Александр Гранах, игравший в 1937 году в Киевском Еврейском театре и которому чудом удалось избежать участи узника ГУЛАГа; режиссер Бернхард Райх, отправленный в ссылку в 1943 году; актриса Карола Неер, (была замужем за писателем Клабундом или Альфредом Хеншке) – она же Каролина Иосифовна Геншке, умершая в ГУЛАГе 26 июня 1942 года; немецкий литератор, сотрудница Михаила Кольцова и Лиона Фейхтвангера Мария Остен-Грессхенер, расстрелянная 8 августа 1942 года, композитор Ганс Гауска, актеры театра «Колонне линкс» Бруно Шмицдорф, Карл Эффеляйн и их директор Гельмут Дамериус,

- категория репрессированных в годы советской оккупации в Германии представлена фигурой актера и режиссера Берлинского Шиллер-театра Генриха Георге, заключенного в лагерь НКВД для военнопленных после вступления советских войск в Берлин в мае 1945 года и умершего после операции 25 сентября 1946 года.

Репрессии в отношении деятелей искусств были таким же конвейером, как и в отношении других категорий «врагов народа». И, в то же время, каждый репрессированный имел свою личную бюрократическую «ячейку», в которую мастерами НКВД была «засунута» его судьба.

Полная беззащитность художественной интеллигенции перед сталинскими законами, стратегия тоталитарной власти и психология беззащитной жертвы, торжество фикции и подавление творческой воли – вот что более всего занимает историка искусства при изучении материалов следственных дел 30–50-х годов. Понять их реальную взаимосвязь, вскрыть трагедию подневольности жертвы – значит, защитить перед потомками ее честь.

История как цепь перманентных заговоров и шпионско-диверсионных актов

Несмотря на фразеологию на своем парадном фасаде, сталинизм с помощью акций чисток и репрессий, первая волна которых прокатилась задолго до знаменитых процессов, возрождал типично средневековое понимание истории как цепи заговоров. Это один из главных и принципиальных выводов исследования о варварской практике судопроизводства в стране строящегося и вскоре победившего социализма. Известно, что «в подавляющем большинстве случаев приговоры в стенах Лубянки выносились так называемым особым совещанием при Министерстве государственной безопасности СССР. Этот внесудебный орган имел крайне упрощенную процедуру рассмотрения дел. Достаточно сказать, что бывали случаи, когда на одном заседании рассматривалось более 200 дел. По сути, оно лишь формально утверждало меру наказания, определяемую еще до начала заседания»[5].

В марксистском государстве существование абсолютно антимарксистской по своим методам организации НКВД-КГБ было санкционировано конституцией и высшими органами власти. В высшей степени, характерно, что вся драматургия репрессий в отношении будь то советских художников, будь то немецких интернационалистов, приехавших в СССР учиться строить социализм, основана на выяснении

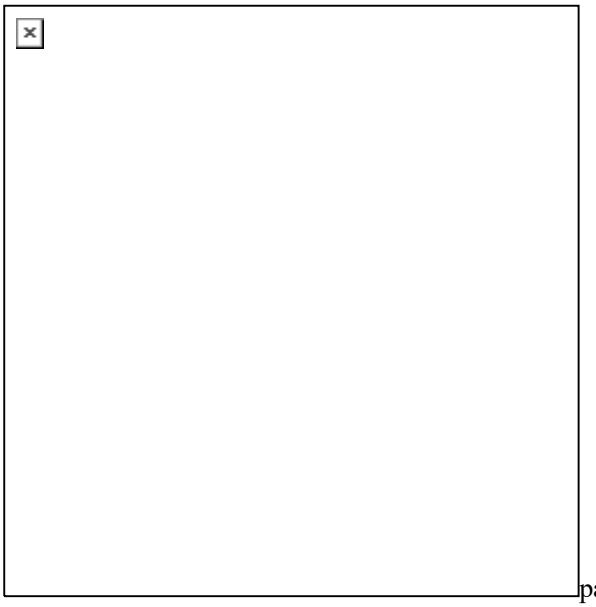
меры и способа их участия в мнимых заговорах, покушениях и диверсиях. Это казус именно советской идеологии, призванной, казалось бы, опекать эмигрантов как детей малых. Пролетарский локомотив, летящий в светлое будущее и воспринимавшийся несколькими поколениям как символ коммунизма и бесконечного прогресса, и всеобщая пролетарская инквизиция в облике НКВД для русских, немцев, поляков, венгров – казалось бы, существование подобных взаимоисключающих реальностей в одну и ту же эпоху исключено. Тем не менее *шпиономания* (а затем уже и синдром неправильного, ложного *идеологического уклона*) оказывается одной из важнейших *ментальных* характеристик сталинского режима, страдавшего ею беспредельно, болезненно, до крайнего абсурда.

Заметим ведь, что шпиономания эта наиболее ярко проявилась по отношению к Германии, государству, с которым неоднократно заключались пакты о сотрудничестве в мирной и военной области! Заметим также, что более совершенная и структурированная гитлеровская бюрократия не была поражена этой болезнью до такой степени – в фашистской Германии не шпионы и диверсанты стояли на первом месте среди подозреваемых и изолируемых от общества, а определенные идеологические, национальные и социально-поведенческие категории (коммунисты, инакомыслящие, евреи, гомосексуалисты).

Полагаем, необходимо дать *краткий обзор* этих мнимых, в шизофреническом изобилии фальсифицированных органами НКВД заговоров, так или иначе связанных с основной темой документации – исторической судьбой советско-немецких взаимосвязей 20-х – 40-х годов.

Актриса Карола Неер, работавшая одно время с Брехтом и интересовавшая Охлопкова, обвинялась в том, что она являлась связисткой так называемого пражского троцистского центра – террористической организации, созданной немецкими политэмигрантами Максом Гельцем и Эрихом Волленбергом и другими. Целью этой организации, «вскрытой» органами в Москве в 1936 году, была «подготовка террористических актов против руководителей советского правительства и ВКП(б)». Неер-Геншке якобы «в целях маскирования своей контр-революционной деятельности обманным путем проникла в ряды КПГ, представивив в Коминтерн ложные сведения о своей принадлежности к КПГ в Германии» («Верните мне свободу!», с. 25; в дальнейшем: ВМС).

Балетная танцовщица Нина Метцгер-Раузе, вышедшая замуж за немецкого специалиста, работавшего в СССР, «принимала участие в шпионской, террористической и контрабандистской деятельности мужа Метцгера Ганса». Знакомство будущих супругов произошло якобы через театральную портниху, а в числе их информаторов значились артист эстрады Черный, артист ленинградского Театра юных зрителей Пушкин (таких артистов в Ленинграде вообще не существовало – *В.К.*) и известная балерина Екатерина Гельцер. Следствие всерьез утверждало, что в 1936 году в Ленинграде существовала тайная организация гестапо и что Метцгер имеет от фашистской партии «задание организовать теракт над Сталиным» (ВМС, с. 40). По версии следствия, этот нелегальный филиал гестапо снабжал людей фиктивными паспортами, перебрасывал в СССР шпионов, диверсантов и террористов и готовился к будущей войне. В уста танцовщицы Метцгер следователи вложили следующий пассаж идеологически-прогностического характера: «В случае войны хорошо подготовленные кадры шпионов, диверсантов и террористов обеспечивают победу в той же мере, как и прямые действия войск… Необходимо вовлекать в организацию побольше людей,



Актриса Ольга Третьякова (справа) с женой пилота Михеева, чья машина разбилась в 1934 году (фото Сергея Третьякова)

работающих в предприятиях военной промышленности, на ж-д. транспорте и Красной Армии – для шпионской и главным образом диверсионной работы» (ВМС, с. 37)[6].

Писатель Сергей Третьяков, друг и переводчик Брехта, представлял для органов чрезвычайно интересный объект и обвинялся ими как японский шпион (в начале 20-х годов он находился в Харбине и читал лекции в Пекинском университете о русской литературе). Местом связи в Москве для передачи своим японским резидентам шпионской информации органами был избран любимый театр Третьякова – театр имени Мейерхольда! В деле Третьякова германские связи и поездки писателя упоминаются лишь вскользь, зато в деле арестованной несколько месяцев спустя его жены Ольги германская тема становится центральной. Квартира Третьяковых в Москве на Малой Бронной 21/13 представлялась как место сборищ антисоветчиков, шпионов и диверсантов. Ольга Третьякова была якобы завербована для шпионской работы еще в 1932 году двумя немецкими писателями-антифашистами Эрнстом Отвальдом и Гансом Гюнтером. Следователи заставили Ольгу заявить на допросе, что два этих немецких шпиона «в лице меня и моего мужа Третьякова видели людей, которых можно было использовать с антисоветских делах»[7] (ВМС, с. 132). Заключив, что Третьякова была соучастницей антисоветской деятельности своего мужа и передавала шпионские сведения германским разведчикам, НКВД, несмотря на последующий полный отказ Ольги от своих прежних показаний, отправил ее в ссылку, которая растянулась на 18 лет.

Кинооператор Владимир Нильсен, высоко ценимый Сергеем Эйзенштейном и снявший культовые советские фильмы 30-х годов («Цирк», «Волга-Волга») учился в юности своему искусству в Германии. Следствие бесстыдно утверждало, что Нильсен был завербован для шпионской и террористической деятельности криминальным комиссаром полиции г. Штрелиц-Мекленбург еще в 1926 году. Обвинялся он в том, что с 1933 по 1936 гг. передавал шпионские сведения «о состоянии кинопромышленности в Союзе, импорте кинооборудования, схему советского киноаппарата», а в феврале 1936 года принял от немецкого разведчика Таля (фигура вымышленная,

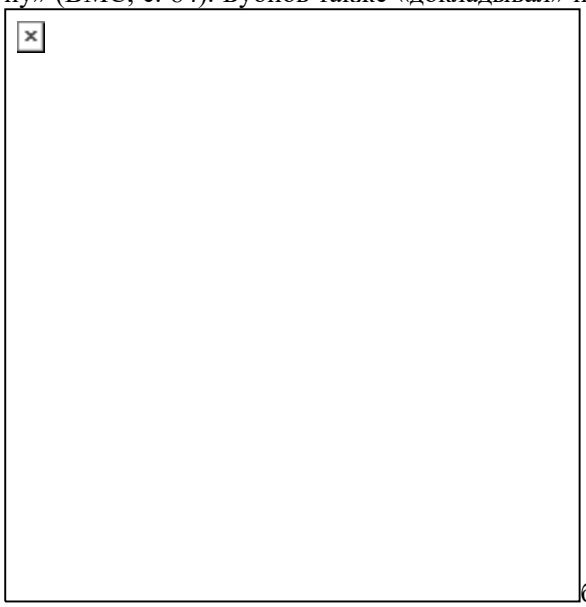
Дмитрий Третьяков в 30-е годы (фотоархив Министерства обороны СССР)

проверке не подлежащая) «задание совершить террористический акт против членов правительства СССР, для чего он должен был 1 мая попасть на съемку парада на Красной площади» (ВМС, с. 73). Приговор о расстреле Нильсена от 20 января 1938 года был приведен в исполнение немедленно.

Андрей Бубнов являлся руководителем высшего эшелона советской культурбюрократии (нарком просвещения, занимавшийся также вопросами театра и благоволивший Мейерхольду) и соответственно его положению обвинялся в участии в целой цепи заговоров и диверсионной работе, которую он якобы контролировал на территории всего СССР. В этом смысле для историка немецко-русских связей этого времени дело Бубнова – «одного из руководящих участников контрреволюционной террористической организации правых», осуществлявшего связь с «агентами германской разведки», представляет особый интерес, как дело типологическое. По версии стратегов из НКВД, Германии к середине 30-х годов удалось создать в Москве и республиках СССР развитую шпионскую сеть, а к числу сторонников Германии с ее тайными антисоветскими интересами принадлежала чуть ли не половина советской партийной и военной верхушки. Бубнов, оказывается, по заданию Бухарина координировал контрреволюционную работу в Москве, на Украине и в республиках Средней Азии. Судя по материалам допросов Бубнова, в шпионскую работу был вовлечен даже тогдашний посол Германии в Москве Герберт фон Дирксен, с которым «персонально по шпионской работе был связан Любимов» – соучастник Бубнова, нарком легкой промышленности (заметим мимоходом, что реальный фон Дирксен был пламенным почитателем Станиславского и не раз присыл ему в театр цветы к премьерам, о чем можно прочесть в музее МХАТа).

Согласно допросу Бубнова от 30 октября 1937 года, по окончании приема в Наркомате иностранных дел в 1932–33 году Дирксен сказал ему, что «по его сведениям, в советском правительстве есть люди, которые хотели бы более интимных отношений с немецкими правительственными кругами для поддержки своих особых интересов… Эту поддержку немецкие правительственные круги могли бы обеспечить, если бы ему (Дирксену) кто-либо помог осведомиться об этих советских кругах и их

интересах. Он задал вопрос о возможности добиться, на основе взаимных уступок, также и определенных территориальных уступок, в частности, он указал на Украину» (ВМС, с. 84). Бубнов также «докладывал» на допросе о том, что в Закавказском



Этот снимок Хайнриха Гегеля, его жены Берты Тоно (слева) за трапезой под портретом Гитлера, находится в личном деле актера, К-44414, Архив ФСБ

блоке троцкистов, правых и националистов, ранее ориентировавшемся на Англию, «за последнее время получила перевес ориентировка на Германию». В допросах затрагивалась и фигура маршала Тухачевского, к тому времени уже репрессированного: «Мне было известно от Любимова, что немцы поддерживают Тухачевского и видят в нем будущего военного диктатора» («ВМС», с. 89). Бубнов обвинялся следствием в том, что он вел переговоры с представителями капиталистических государств об оказании ими поддержки правым захвата власти в СССР и «через агента германской разведки Любимова передавал последней секретные сведения, совместно с тем же Любимовым занимался подготовкой террористических актов над руководителями ВКП(б) и советской власти» (ВМС, с. 93). Как видим, культурбюрократу Бубнову приписывались качества суперпрофесионального шпиона. Обвиняемый Бубнов был расстрелян 1 августа 1938 года.

Немецкий актер Александр Гранах, король Лир в спектакле еврейского театра, писавший книгу для студентов о Рейнхардте и Пискаторе, согласно версии Киевских органов НКВД, «прибыл из Германии в СССР со специальными заданиями германских разведывательных органов и кроме того связан с троцкистскими элементами и субсидирует их» (ВМС, с. 100). Прежде чем органам удалось довести до конца фальсификационную аферу против актера, работавшего в то время директором и актером Киевского еврейского театра, Лион Фейхтвангер сделал все возможное, чтобы лично связаться со Сталиным и освободить арестованного актера[8].

Пребывание в Москве большой группы актеров немецкого агитпропа, создателей и участников известного в 30-е годы мобильного пролетарского театра «Колонне линкс», а среди них Гельмута Дамериуса, Ханса Хауски, Бруно Шмицдорфа, Карла Эффелейна дало повод руководителям московских органов НКВД сфабриковать дело о существовании в столице фашистской контрреволюционной молодежной орга-

низации «Гитлерюгенд». Из своих знакомых по Москве и Германии Гауска назвал «в списочном порядке» 48 человек, в основном, политэмигрантов, большинство которых было в 1937–1938 годах арестованы и репрессированы органами НКВД. По директиве руководителей организации, молодые немцы-политэмигранты обязаны были «проникать в осоавиахимовские организации, изучать военное дело, прежде всего стрельбу, летное и парашютное дело, чтобы в любую минуту быть готовыми внутри СССР выступить против советской власти…, с динамитом, бомбой и наганом в руках выступить в защиту фашистской Германии и быть готовыми выступить против руководящих деятелей компартии и советского правительства путем террора» (ВМС, с. 173). Фальсификаторов дела «гитлерюгенда» в Москве ничуть не смущало то обстоятельство, что молодые актеры, спасаясь от фашизма, приехали в СССР для участия в социалистическом строительстве и успели многое сделать в искусстве театра и кино (заметим, что имена актеров-политэмигрантов, снимавшихся в советских кинофильмах и впоследствии репрессированных, затем удалялись из титров этих фильмов).

Искусство, наоборот, выступало в глазах органов НКВД выгодным и чуть ли не идеальным прикрытием шпионажа и антисоветских заговоров. В декабре 1937 года УГБ Московской области обнаруживает и «ликвидирует» очередную контрреволюционную организацию – на сей раз латышскую. Поспешно была арестована 14 января 1938 года и уже спустя месяц отправлена в исправтрудлагерь сроком на десять лет Ася Лацис, подруга Вальтера Беньямина, режиссер латышского театра в Москве, автор известной книги «Революционный театр в Германии» (Москва, 1935) и один из наиболее активных посредников между советским и немецким революционным театром.

Министр советской кинофотопромышленности Борис Шумяцкий обвинялся в том, что «создал в системе советского кино право-троцкистскую террористическую и вредительски-диверсионную группу, которая подготовила ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, и в частности в январе 1937 года группа террористов во главе с ним, Шумяцким, с целью совершения террористического акта против членов политбюро умышленно разбила запасную колбу ртутного выпрямителя и отравила помещение просмотрового кино-зала в Кремле» (ВМС, с. 166).

Всеволод Мейерхольд, немец по происхождению, общепризнанный вождь левого пролетарского театра (которого именно поэтому невзлюбил Сталин с первых лет революции), воспринимался режимом с особой подозрительностью. В Германии имя вождя левого пролетарского театра было окружено легендой, которую не смогли развеять даже не слишком удавшиеся, а, в общем, припозднившиеся гастроли его театра в 1930 году. Органы стали следить за ним еще во второй половине 20-х годов, но после партийной чистки 1933 года за ним велась неусыпная слежка. Он был арестован 20 июня 1939 года в Ленинграде, 22 ночью отправлен в Москву особым конвоем; жена, актриса ТИМа Зинаида Райх убита в своей квартире неизвестными лицами. Мейерхольд был обвинен по множеству статей: являлся троцкистом с 1923 года, возглавлял троцкистскую группу «Левый фронт», «объединявшую все антисоветские элементы», установил связь с руководителями право-троцкистской оппозиции Рыковым, Бухариным и Радеком, проводил шпионскую деятельность по заданию агентов английской и японской разведки.

Признаки буйствующей в беспределе и запутывающейся в собственном абсурде кухни НКВД просматриваются также в деле Марии Остен-Грессхенер, одного из редакторов издававшегося в СССР журнала немецких литераторов-антифашистов «Дас Ворт» и подруги знаменитого директора издательства «Жургаз» Михаила Кольцова. В обвинительном заключении Остен муссируется целая система пересекающихся заговоров, в которых якобы принимала участие обвиняемая. В качестве свидетелей, как и в случае с Вальденом, привлекается непомерное число лиц, у каждого из которых выбиваются самые абсурдные показания. В качестве следователей – собирателей лжи и инсинуаций привлекается еще более широкий круг лиц, так, возникает прокурор с мистически-абсурдной фамилией Коперник… В деле Остен в той или иной связи фигурирует львиная доля московско-немецкой антифашистской эмиграции (Эрнст Буш, Ганнс Эйслер, Вилли Бредель, Эрвин Пискатор, Карола Нэер, Иоганнес Бехер…). Под подозрением остаются все.

Журналистка Мария Остен (слева) и актриса Карола Нэер в 30-е годы в Советском Союзе перед арестом

Снимок Каролы Нэер-Хеншке после ареста (R-61632, архив ФСБ)

Вениамин Зускин после ареста в 1948 году (фото из акта К-3208, архив ФСБ)

Несколько меняется тактика органов НКВД в годы войны, о чем свидетельствует дело арестованного в Ташкенте в 1943 году мужа Аси Лацис, режиссера и педагога Бернгарда Райха. Расследование заговоров в далеком тылу отходит на второй план, следствие неожиданно привлекает психология агитатора-антисоветчика (хотя на самом деле мужественный Райх вел себя просто как независимый человек, инакомыслящий, в частности, выступил в защиту Бертольта Брехта и против практики ареста таких авторитетов, как Мейерхольд). В допросах проверены все аспекты мировоззрения и профессиональные связи подсудимого с советскими литераторами и вынесен вердикт, стоивший Райху десяти лет лишения свободы: «среди своего окружения систематически вел антисоветскую профашистскую агитацию в целях возбужать в массах антисоветские настроения и недовольство проводимыми партией большевиков мероприятиями в борьбе с троцкистами, бухаринцами и другими врагами народа, восхваляя последних, клеветал на Вождя народов, высказывал неверие в его руководящую роль в пролетарской революции, в антисоветской форме осуждал карательную политику советского правосудия, применяемую в отношении врагов народа» (ВМС, с. 319).

После войны, победы над фашистской Германией и под влиянием прогрессирующей мании величия и подозрительности вождя народов, в репрессивной практике НКВД понятие заговора трансформируется, уточняется и дополняется терминами «антисоветская агитация» и «националистическая пропаганда». В 1946 году началась «разработка» дела Еврейского антифашистского комитета, дела, в основе которого лежала сталинская идея антисоветского заговора еврейских националистов. Именно за это пострадал и был лишен жизни в августе 1952 года знаменитый актер ГОСЕТа Венеамин Зускин, имя которого неразрывно связано с его сценическим партнером и коллегой по Еврейскому антифашистскому комитету Соломоном Михоэлсом. Оба гастролировали в 1928 году в Германии со своим театром и получили там высочайшую оценку немецкой критики (в частности, Альфреда Керра) как иде-

альные актеры-партнеры. Зускин был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу со следующей мотивировкой: «вместе с Михоэлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевалась еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждали у зрителей-евреев националистические чувства. Направил в Америку ряд статей националистического характера о состоянии искусства в СССР» (ВМС, с. 358).

Протоколы допросов Зускина свидетельствуют о критической ситуации во взаимоотношениях власти с мастерами культуры, сложившейся к началу 50-х годов, о наступлении фазы иезуитской превентивной войны против мало-мальски нелояльных деятелей искусства, о пике тотальной подозрительности НКВД (читай: сталинизма) по отношению ко всем более или менее независимым деятелям социалистической культуры. Зускина гэбисты заставили (силой принуждения, угрозами немедленной ликвидации в случае отказа) высказаться по поводу более сотни виднейших мастеров театра, литературы, музыки, деятелей науки и медицины, охарактеризовать место и отношение каждого к системе советских ценностей под углом возможной зараженности бациллой антисоветизма и национализма и возможного «протаскивания» чуждых идей в советскую среду. Достаточно назвать в ряду проверяемых лиц Михоэлса, Эйзенштейна, Эренбурга, Гроссмана, Таирова, Грановского, Шостаковича, Гилельса, Фихтенгольца, Капицу, Вишневского, Збарского. Предстающие в деле Зускина масштабы идеологического эксгибиционизма сталинизма, самоисступленной мании полного контроля над инакомыслием потрясают и ужасают. Можно себе представить, что произошло бы с целым эшелоном еще действующих в культуре и искусстве талантов, протяни бы Иосиф Виссарионович еще пяток или десяток лет. Советская история действительно могла бы окончательно стать цепью перманетных, инспирированных самим же режимом заговоров против его существования, скоротечным самоисстреблением советской идеи.

Проблематика архивно-следственных дел и анализ идеологического механизма сталинских репрессий по отношению к интеллигенции

В системе «Большого террора»[9] интеллигенция, деятели искусства не играли особой роли, в списке подозреваемых они причислялись к категории «прочие». Но этих «прочих» оказалось сотни и тысячи.

Проблематика собранных в мемориальном сборнике архивно-следственных дел репрессированных художников России и Германии периода «Большого террора», несмотря на их формальную бюрократическую унифицированность, чрезвычайно сложная и многосоставная. В них зафиксированы превентивные меры советского государства против угрозы разгрома, распада империи и разрушения идеологической доктрины ленинизма-сталинизма.

В опубликованных документах, допросах, следующих за допросами, репрессии и призрак великого воспитателя – ГУЛАГа – предстают как типичный способ решения социальных конфликтов и противоречий. И Ленин, и Сталин не раз подчеркивали важность инструментов подавления противников в классовой борьбе. Документы показывают, что, на самом деле, в качестве первоочередного инструмента были из-

браны именно репрессии. В них предстает отработанная в 30–40-е годы методика уничтожения политических противников, подавления инакомыслия в сфере политики, общественной жизни, искусстве. Во всеоружии перед нами предстает НКВД-КГБ как орган советской инквизиции, потративший огромную энергию на уничтожение творческого потенциала нации, на «исправление» инакомыслящих, на деструкцию общественного сознания, выгодную сталинскому тоталитаризму.

Хотя в нашу тему не входит принципиальное сравнение методик «воспитания» интеллигенции двух главных европейских диктатур, скажем все же, что, в отличие от гитлеровской, сталинская диктатура исключала такие более «мягкие» методы, как эмиграция, принудительная высылка. Достойной карой за «отступничество» у Сталина считались только Лубянка и ГУЛАГ, если немцы-шпионы – то в лучшем случае передача в руки гестапо, Соловки, Воркута, Магадан… где, впрочем, тоже можно было заниматься искусством пения, живописью и театром (поразительно, но в системе ГУЛАГа существовали даже гастроли! – немцы до этого не додумались). Соотношение «жестких» и «мягких» методов политической цензуры и политических репрессий в обеих диктатурах существенно отличалось, однако, оба присутствовали и тут, и там.

Нижний, пещерный этаж советского строя, олицетворяемый органами безопасности, служителями пещерного сознания, только искусственно противостоял верхним, парадным, пропагандистским этажам, где царили «счастливое детство», «солнечная юность» и «созидательный, преобразующий природу труд». На самом деле, они неразрывны и существовать друг без друга не могли. Для анализа сталинистского режима концепция двух не сообщающихся реальностей не подходит. Уместней говорить о едином теле с его парадным верхом и тайным, но ощущаемым всем организмом низом. Соответственно роли и функции художника и искусства в этом обществе должны рассматриваться в связи с диалектикой сосуществования этих этажей, парадного и пещерного. Иначе говоря, у любого явления этого времени мы должны стремиться вскрыть аспекты его парадного, тайного, ложного и истинного содержания.

Существование КГБ, нижнего, пещерного слоя означало для функционирования советской культуры постоянную угрозу перерастания партийной цензуры в отлучение от общественной жизни, в открытые репрессии, а чисток и проработок – в высылку в лагеря ГУЛАГа. Иными словами, КГБ играла роль неизменного гаранта высшей надгосударственной цензуры, гаранта наказания за идеологический проступок, за проявление ошибочного идеологического уклона. Насколько страх перед роковым идеологическим уклоном стал ментальностью *homo sovieticus*, свидетельствует знаменитая фраза советского генсека эпохи перестройки: «Что бы ни случилось, уклоняться вы не можете». Хотел того Горбачев или нет, даже в его язык и мышление въелись формулировки сталинистской цензуры.

Документы НКВД-КГБ, связанные с репрессиями в отношении деятелей искусств, содержат массу новых, секретных сведений, позволяющих выдвинуть тезис о чрезвычайно нестабильном и двойственном развитии советско-немецких политических и культурных взаимосвязей 20–30-х годов, развитии под постоянной угрозой срыва из-за метаний молодых еще Советов между политикой открытого сотрудничества и секретных пактов, между созидательным и диверсионным мышлением. Подобное развитие, как можно было уже тогда предположить на основании анализа документов сталинской тайной полиции, чревато огромными катастрофами. Мате-

риалы дел репрессированных за шпионаж в пользу Германии помогают уяснить двусмысленность политики советского интернационализма, на самом деле, ничем не отличавшейся от грубого макиавеллизма. Патологический страх перед германской экспансией и раздувание немецкого шпионажа против России до абсурдных размеров привел к несоблюдению и, более того, предательству положений Рапалльского договора 1922 года, декларировавшего сотрудничество и взаимопонимание. В такой же степени эту двуличную политику, контролируемую чекистами, корни которой во враждебности сталинского режима философии и практике традиционного русско-немецкого партнерства, можно было бы назвать предательством идеалов немецких марксистов и социал-утопистов.

В деле Шмицдорфа, в ее части, остававшейся секретной вплоть до самой перестройки (впрочем, и сегодня еще на многих реабилитационных разделах стоит гриф «секретно»!), содержатся материалы допросов бывших оперуполномоченных НКВД, свидетельствующие о плановом характере работы над версией о росте масштабов немецкого шпионажа в СССР в середине 30-х годов. Так, сотрудник Трайбман показал 3 января 1957 года, как его поразило то, что для получения нужных сведений от немецких политэмигрантов систематически применялось физическое воздействие, и он потребовал у начальства «разъяснения причин деятельности нашего отделения». «Тогда следователь Смирнов вновь пригрозил мне тем, что я плохо кончу, если не прекращу свои разговоры, вытащил из папки бумажку, на которой я отлично видел подпись Якубовича (к тому времени он уже являлся заместителем начальника управления НКВД по Московской области) и заявил, что имеется директива о вскрытии чуть ли не за два дня контреволюционного националистического формирования среди немецкой молодежи, что он и выполняет… Всего, как мне кажется, было арестовано 30–35 человек» (ВМС, с. 184).

Рефлексия страхов довольно молодой еще на то время советской системы – второй важнейший срез проблематики архивно-следственных дел НКВД. Раковая опухоль классовой бдительности, служившая цементирующей идеей режима и одновременно источником бредовых фантазий следственного «процесса» – явление далеко не однозначное. У современного читателя всех этих дел возникает психологическое ощущение, что сотрудники органов, в массе своей, разрывались между слепой верой в вечность режима и утопии и подкорковым страхом неминуемой гибели самой системы и их как преступников, которую они пытались оттянуть. Историка, изучающего одно за другим дела репрессированных в годы сталинского режима, прежде всего, поражает ярко проступающий в аргументах следователей феномен их маниакального страха подрыва советской системы. Комплекс этого страха, как представляется, изначальный – он возник вместе с рождением самого ЧК как реакция на собственные методы действия и является оборотной стороной ленинской теории упреждающего захвата власти и террора.

С чувством сарказма замечает историк, что большинство методов преследования, пыток и уничтожения изобретены не чекистами, а восходят к арсеналу средств средневековой инкцизиции и допетровской эпохи. С грустью он констатирует, что многие из тайных методов подавления инакомыслия вышли в наши дни на поверхность российской политической реальности и практикуются многими партиями и индивидуумами вполне открыто… Шизофрения шпионажа, очернительства и враждебной, испепеляющей оппозиции по сей день сидит в сознании нашего общества,

отравленного ядами непреодоленного прошлого. И в этом смысле мы все еще продолжаем оставаться заложниками сталинизма.

НКВД предстает перед нами как гигантская машина консервации, замораживания социальных противоречий, раздирающих страну, противоречий, которые сталинская система не в состоянии была положительно разрешить или разумно примирить (будь то всплески национализма, борьба социальных групп или амбиции творческой личности).

Третий срез проблематики: Документация позволяет более широко окинуть взором механику конвейера сталинских чисток и репрессий как строгую систему тоталитарной бюрократии:

- тотальная слежка, использование информации и информантов как политического оружия;
- создание картотек связей обвиняемого (жертвы) на предмет выяснения контреволюционных связей и контрреволюционных заданий (см. разительный пример карты связей, хитростью и нажимом полученных у Ганса Гауски);
- механистический принцип уничтожения на основе картотеки связей: вычистить (ликвидировать) не менее 2/3 подозреваемых;
- планомерное уничтожение интеллектуальной и художественной собственности (книги, рукописи, фотодокументы, картины и т. д.);
- абсолютизация превентивности (занятие не столько реальными, сколько возможными контрреволюционными сценариями);
- подавление, обработка, зомбирование (шизофренизация) личности обвиняемого в ходе следствия (методика запугивания, запутывания ложью, перекрестными допросами, приемы гипноза, открытого насилия);
- фальсификация как основной следственный жанр, отработка методики самооговоров (причем, обвиняемый должен был сознаться сам, оговорить себя и близких);
- абсолютное пренебрежение правами личности, закрытость процесса следствия и обвинения, обуславливающее полную апатию жертвы.

Четвертый, важнейший срез проблематики кагэбэшных документов – почти полностью зависимое поведение беззащитной, манипулируемой жертвы, макаберные оруэлловские фантазии подследственных сталинской инквизиции.

Трагически впечатляет этот шок послушания, зафиксированный в самообличениях сломленной красавицы Каролы Неер («Я прошу суд дать мне возможность доказать на деле, что я не антисоветский человек, что мое поведение было чисто обывательское»), в панических признаниях Третьякова («Горячо раскаиваясь перед советской родиной в совершенных мною неслыханных преступлениях против нее.., я ныне обещаюсь дать чистосердечные показания о своей шпионской деятельности по заданиям японской разведки, длившейся 13 лет вплоть до моего ареста»), в мученическом самобичевании Мейерхольда («К порогу революционных событий 1917 года я пришел с тяжелым грузом пережитков капитализма, как человек, выросший в буржуазной среде, ею воспитанный, начиненный мелкобуржуазными предрассудками, барскими навыками, в плоть и кровь вошли эксплуататорские замашки: высокомерие, щегольство, неумение прислушаться к советам умных людей из другой среды только потому, что она, эта среда, стояла ниже по лестнице кастовой иерархии»), в колебаниях лишенных воли Зускина или Вальдена во время следствия, в зависимости от различных методов давления.

Техника этого бреда стимулировалась главной психологической установкой «пыточных дел мастеров»: чем абсурдней, тем спокойней, безопасней для жизни, не будешь врать, будем бить.

Чтение всплывших на белый свет документов НКВД всесторонне знакомит нас с железным и отвратительно лживым театром лубянской инквизиции. Брехт как-то мечтал о неком театре-паноптикуме при социализме, который бы служил разоблачению лживости буржуазного строя и буржуазной морали. На деле же под покровительством Сталина осуществилась модель совсем другого театра. Все здесь играет свою роль, подчиненную главной цели изобличения и уничтожения. Протокол допроса существует лишь как фальшивка, призванная психически подавить и обезоружить жертву. Составлению протокола, как правило, предшествовали предварительные заготовки, написание сценариев будущих допросов. В совершенстве была отработана методика совместного создания анти-биографии жертвы, в которую она должна уверовать как в подлинную. Также специально была разработана техника диалога «следователя» и подсудимого, в котором каждый играет предустановленную роль, не имея права выходить за ее рамки.

Железный театр лубянской инквизиции, при всей его рационализации и бюрократизации, для достижения своих целей странным образом соединял фрейдистский подход с постулатами христианской морали (на что уже обращали внимание исследователи у нас и на Западе). На допросах психологически и физически стимулировалось поведение запуганного ребенка, у которого требуют признания в грехах. Конечной целью давления нередко являлось воссоздание состояния, близкого к религиозному покаянию. Самую высшую кару, епитимью обвиняемый должен был наложить на себя сам – полнотой своих признаний, раскаянием в якобы совершенном, уверованием в ложь как в истинную правду.

В лубянских и бутырских камерах и кабинетах разыгрывались своего рода репрессивные анти-психодрамы, рассчитанные на унижение, подавление личной воли и авторитета. Миссией жертвы становилось озвучивание идеологических постулатов, шпионских версий, а также страхов системы, внушенных следователями и пыточниками, а, в конечном счете, превращение в козла отпущения первородного греха сталинской системы, спроектированной как машина уничтожения и самоуничтожения.

И, наконец, пятый, важнейший срез проблематики «расстрельных протоколов» Лубянки – взаимоотношения художника и власти через призму НКВД как наиболее бдительного стража системы.

Согласно одному меткому высказыванию времен Сталина, логика отношения партбюрократии к интеллигенции, деятелям науки и культуры сравнима с принципом американских горок (вверх – вниз). Повороты культурной политики сталинской эры не могли бы предусмотреть даже ясновидцы.

В системе сталинизма искусство, литература вообще не имели ни самостоятельной ценности, ни какой-либо автономии. Терпимы могло быть только искусство и литература, подчиненные политически-идеологической доктрине. Главным методом руководства литературой и искусством уже с 20-х годов становятся специальные постановления и резолюции, перераставшие в крупные идеологические кампании, в ходе которых критиковалась и подвергалась остракизму та или иная враждебная идеологическая, а позднее и формальная тенденция. Для органов ГПУ-НКВД уста-

новки этих кампаний становились руководством в деле идеологического контроля над деятелями искусства, а также в работе широкой сети шпионажа за ними.

Заметим, что в органах НКВД никогда не было специального отдела по искусству, установки, скорее всего, шли из политбюро и наркоматов напрямую, путем секретных спецдиректив и телефонных указаний. Зато доподлинно известно, что были отдельные знатоки и специалисты по «разработке» именно мастеров литературы и искусства (так, в особо важных случаях для выбивания показаний приглашался следователь полковник Лев Шварцман, который вел, в частности, дела Бабеля, Кольцова, Мейерхольда, Косарева, Вальдена). Таким образом, органы совмещали функции репрессивного аппарата с идеологическим контролем и антишпионской работой. Критика из уст руководителей идеологического аппарата партии и членов политбюро автоматически переносилась в качестве рабочих установок в органы. Критика же или подозрение, высказанные в ходе допросов в стенах Лубянки, обычно не имели авторства, но однажды высказанная, она обладала огромной силой и фактически означала подготовку исправительно-карательных мер или грядущих репрессий.

Если одни лишь безобидные басни, сочиняемые Николаем Эрдманом из эстетически-игровой потребности, могли послужить в 1933 году основанием для его ареста и ссылки лишь потому, что в их метафорическом строе кому-то из стражей системы могло почудиться «враждебное политическое воздействие», то что можно говорить о сочинителях более сложных литературных и театральных жанров. Репортажи Сергея Третьякова, неоднократно упоминаемые во время его допросов, не обладали для следователей никакой художественной ценностью, они рассматривались лишь как идеологический повод, как прикрытие шпионско-диверсионной работы. Театр в особенности рассматривался как инструмент «протаскивания на сцене чуждой советскому строю идеологии». А еврейский театр, к примеру, в деле Венеамина Зускина рассматривался как «место, где по существу готовятся кадры еврейских националистов». Архивно-следственные дела 1936–1952 гг. с неприкрытым цинизмом раскрывают эту реальную цену искусства для сталинской власти. Искусство и здесь дорого, и в то же время оно абсолютно ничего не стоит.

С другой стороны, репрессивная, нетолерантная атмосфера в искусстве служила питательной средой тоталитаризма, и это, в высшей степени, поучительно. Сегодня мы особенно ясно видим, насколько идеологизированным было художественное сознание художника сталинской эпохи. Идеологизацию художественной фантазии следует рассматривать как тяжкие вериги революционной эпохи. Одних эта идеологизация лишила эстетических критериев, других, по выражению Пастернака, превратила в «мучеников догмата».

Анализируя архивно-следственные дела, мы видим всю ненужность и опасность для сталинского тоталитаризма неуравновешенного гения-творца (тогда как для Гитлера идеальным представлялся анархически-мистический тип художника – конечно, выражающий идею национального превосходства). В системе сталинизма художник, деятель искусства как существо стихийное, неуправляемое – так сказать, уже потенциальный преступник.

Документы НКВД показывают в полной мере, каких масштабов достигли тотальное доносительство и слежка за деятелями искусства и в их среде. Контролю над идеологическим сознанием художника времен советской империи не было пределов. Никто из историков или архивистов современной службы ФСБ России не в состоянии сказать сегодня, на скольких мастеров культуры было заведено специ-

альное досье, куда собирались все доносы, и где они хранятся (и вообще хранятся ли). Такие досье по сегодняшний день относятся к т. н. оперативным, следовательно, секретным материалам. Рассекречивание подобных материалов считается общественно опасным и вредным, как вскрытие ящика Пандоры.

Кроме того, существование досье в отношении отдельных видных, «неуязвимых» деятелей искусства (Эйзенштейн, Алексей Толстой, Шолохов) тем более коммунистов службой ФСБ рьяно отрицается как в принципе невозможное. Однако методы КГБ существуют вне категорий совести, вины, стыда, партийной этики. Так, по нашему убеждению, за Эрвином Пискатором, проведшим в эмиграции в СССР пять лет, непременно должна была вестись слежка. Во время нашей работы над сборником архивных материалов, в реабилитационных приложениях к делу Ганса Гауски мы случайно натолкнулись на данные о подобном досье.

Местонахождение указанного дела, по утверждению архивистов ФСБ, неизвестно. Наши исследования заставляют предполагать, что подобные же шпионские досье заводились и на других немецких политэмигрантов или гостивших в СССР писателей (Людвига Маркузе, Фридриха Вольфа, Бертольта Брехта, Лиона Фейхтвангера, Георга Лукача и других).

С другой стороны, степень идеологического самоконтроля писателя, деятеля искусства сталинской поры порой достигает фантастических, убийственных размеров, как свидетельствует случай Третьякова, случай Мейерхольда и многие другие случаи. Сталинизму, в высшей степени, присуща аномалия подавления творческой воли. Художник, лишенный чувства творческой свободы, автономной системы ценностей, подмененных идеологическими и экзистенциальными страхами – такой идеальный портрет подручного системы, в глазах органов, как стража системы.

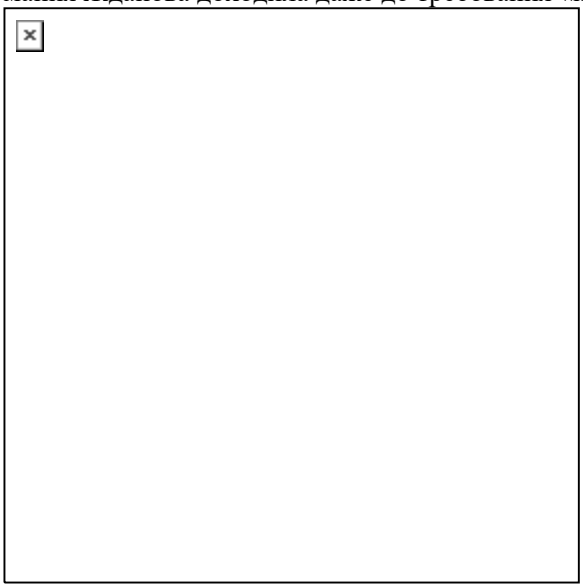
В большинстве архивных документах перед нами предстает художник-мученик на пороге казни, в столкновении с Танатосом, в проявлении всех слабостей его человеческой натуры, намеренно активизируемых сталинской инквизицией. Уничтожение личности предстает здесь как компонент негативной сталинской этики и как источник садистского удовольствия палачей. Патологические эксперименты НКВД продиктованы главной тоталитаристской установкой, ставящей политику и политическую борьбу выше экзистенциально-онтологического смысла. И поэтому не случайно в психологических установках любопытных, казалось, до всего палачей дух Танатоса совершенно вытесняет Эрос, какой-либо интерес к эротической жизни подследственных.

Какой трагический парадокс в том, что в России XX века именно смерть художника, творца вырастает в судьбу, свидетельствующую против системы!

Задумаемся еще раз над смыслом мейерхольдовской нравственной максимы, открывшейся ему в момент прозрения: «Не надо было мне…» (ВМС, с. 230, 231). В этом слышен голос античного рока. Мейерхольду виделся целый ряд негативно сформулированных им запретов, чего не надо было делать художнику, в какие политические дрязги не стоило ему вмешиваться, с чем не надо было соглашаться, чтобы не попасть в западню, не раствориться в тоталитарном поле. Благодаря этим трагическим образцам современный человек искусства лучше понимает, чего ему «не надо было делать».

Планомерные «чистки» и репрессии 30-х годов, хаотические «проработки» художественной интеллигенции в послевоенные сороковые годы, с кристаллизацией ждановских[10] принципов сменились внешне более либеральным курсом на «маркси-

стско-ленинское воспитание интеллигенции» («Правда» от 18 сентября 1946 года). Конкретным проявлением этого курса явились следующие друг за другом кампании «против безыдейности в литературе и искусстве» (напомним здесь печально знаменитые «проработки» Ахматовой и Пастерника, Шостаковича и Прокофьева, кампанию против космополитизма и еврейских националистов. Впрочем, «культуртрегерская» мания Жданова доходила даже до требования «иметь суды чести для министров»…



Собрание документов наглядно свидетельствует, что советской интеллигенции всегда пытались ПРЕПОДАВАТЬ некие УРОКИ, воспитывать « в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок» (Жданов). Пренебрежение и высокомерие к художнику, изначально (с 1876) враждебному, в первородном грехе преклонения перед Западом – типично сталинский менталитет, поступно усвоенный кагэбистской и культурной бюрократией. Теоретическая база под это неуважение и тотальный контроль по отношению к художественной интеллигенции были подведены в Письме ЦК ВКП(б) 1947 года, где была сделана попытка распространенное среди советской интеллигенции раболепие и низкопоклонство перед Западом объяснить некими «историческими корнями». Конечно, подобную культурную политику можно назвать лишь вконец антиисторической, извращенной и родственнной по своим методам инквизиции.

Перед: Всеволод Мейерхольд. Рисунок Кукрыниксы (начало 1930-х). Вторая: Пьер Бонар. Фотографии сцены. 1937 г. (R-0304). Всеволод Мейерхольд (R-3310, 1939). Вверху слева направо: Сергей Третьяков (R-4530, 1937); работник кино Борис Шумяцкий (R-4218, 1938). Все документы: архив ФСБ.

Случай Аси Лацис

В нескольких небольших по объему главках-эссе мы хотели бы обратить внимание на «диалектику абсурдизма» сталинских репрессий, на причудливую и ужасающую связь социально-классового террора по отношению к мастерам культуры и расчета

на индивидуально-психологические черты жертвы, которыми умело пользовались следователи для достижения своих иезуитски-варварских целей.

Особым совещанием при Народном комиссаре Внутренних дел СССР Анна Лацис была осуждена огульно, на основе дежурной Выписки из Протокола – заметим, без обычно подробной расшифровки преступлений и перечисления заговоров, в которых подследственный принимал участие: «проводила среди латышей контрреволюционную работу и фашистско-националистическую агитацию, занималась шпионско-разведывательной деятельностью в пользу одного иностранного государства» (ВМС, с. 148). В допросах следователям удалось лишь установить, что она связана по работе со своими актерами, в большинстве своем уже арестованных, и «состоит в письменной переписке» с крупными деятелями немецкой литературы и искусства Бертольтом Брехтом, Еленой Вайгель, Вальтером Беньямином, Эгоном Эрвином Кишом.

Следствие особенно интересовали личные взаимоотношения Лацис с Беньямином и Брехтом, но, как видно из протоколов допросов, Лацис совершенно не собиралась распространяться по этому поводу. Как оказывается, все эти лица были у НКВД «на контроле», они состояли в особых картотеках, о них собирались другие сведения, как свидетельствуют приложенные к реабилитационным документам Лацис справки о Брехте и Беньямине из Центрального государственного особого архива СССР (ВМС, с. 151–154). О личности и судьбе Лацис и в Германии, и в Латвии написано много, но многое и по сей день остается под покровом тайны. В секретном приложении к делу, однако, находим более позднее обращение-жалобу Лацис к Берии от 30 января 1940 года, где Лацис просит разрешить ей открыто заниматься режиссерской работой в клубе лагеря и среди прочего рассказывает о том, что ей «поручено было познакомиться» с австрийским журналистом, одним из коллег Вальтера Беньямина по его известной московской поездке 1926–1927 гг. Николаусом Бассехесом и встретиться с ним на квартире[11]. Следствию, как видно, не удалось выстроить шпионскую интригу ни вокруг Беньямина и Бассехеса, ни вокруг Брехта. Тот, кто однажды попадал в поле зрения сталинской инквизиции, никогда уже больше не выпадал из поля ее зрения. Найденная нами крайне истеричная и злобная по тону записка Сталина Кагановичу начала 30-х годов по поводу Бассехеса свидетельствует о том, что Сталин лично и весьма серьезно контролировал деятельность иностранных, в особенности, немецких литераторов и политэмигрантов. Приведем обширную цитату из указанной записки (тем более что Сталин обычно уклонялся от письменных характеристик и указаний по поводу подозреваемых ими или уже подвергшихся репрессии лиц):

> Посылаю вам гнусную пасквиль корреспондента Бассехеса на советскую экономику. Бассехес – корреспондент Neue Freie Presse. Он писал в свое время гнусности о принудительном труде в лесной промышленности. Мы его хотели выгнать из СССР, но ввиду раскаяния он был оставлен в СССР. Он писал потом гнусности о политике хозрасчета. Но мы, по глупости своей, прошли мимо этих гнусностей. Теперь он изощряется по поводу займа и колхозной торговли. А мы молчим, как идиоты и терпим клевету этого щенка капиталистических лавочников. Боль-ше-ви-ки, хе-хе…
> Предлагаю:
> а) облить грязью эту капиталистическую мразь на страницах «Правды» и «Известий»,
> б) спустя некоторое время после этого – изгнать его из СССР.

Все. Привет.
И. Сталин[12].

Как это ни парадоксально и драматично, сегодня, сорок шесть лет спустя реабилитации Аси Лацис мы не можем судить обо всех обстоятельствах ее следственного дела, так как оно до сих пор процентов на сорок считается закрытым для доступа исследователей – по причине наличия в нем «сведений оперативного и интимного характера». Весь объективный характер трагедии Лацис в полной мере можно понять, лишь проанализировав весь корпус следственных материалов.

Случай Бернхарда Райха

Бернгард Райх, в прошлом ученик Рейнхардта, с 1926 года связавший свою судьбу с СССР, педагог ГИТИСа, обладал острым умом политэмигранта-леворадикала, из-за которого он и ему подобные неизбежно попадали в число подозреваемых. Райх был человеком искренним и прямолинейным, за что и поплатился. Инакомыслие его не увяло даже под рентгеновским лучом НКВД.

Допросы Райха в далеком от мест военных действий Ташкенте неожиданно превратились в дискуссии о политической истории Германии, России и Европы. В этом есть явный элемент трагифарса. Следователь Бобылев, конечно, отнюдь не мог был интеллектуальным партнером Райха (попадались ли там вообще такие?). Задачей Бобылева было разговорить обвиняемого. Политические фантазии доморощенных гэбэшных философов исполняли разве что функцию кривого зеркала советской системы.

Знаменательно, что некоторые гэбистские «утки» 30-х годов стали реальностью в период войны (так, например, в следственных делах «Колонны линкс» речь идет об угрозе высылки русских немцев и политэмигрантов на север в случае войны). Что это – мистическое гадание или превентивная стратегия тоталитаризма?

Очень опасными для Райха оказались его открытые суждения о различиях русского и немецкого национального типов и путей развития. Разговор то и дело касался рокового хода исторических событий, рокового столкновения фашизма и большевизма (то, что впоследствии станет центральной темой пьес Хайнера Мюллера). На одном из допросов Райх высказал провидческий прогноз, который мог стоить ему жизни – прогноз о то, что советская власть (читай: ГПУ) своими вероломными методами воспитывают *собственного могильщика,* подпитывает антисоветизм.

Сколь сложно и драматично складывались взаимоотношения немецких политэмигрантов-инакомыслящих и их советских друзей и коллег по дискуссиям, неготовым к равноправному диалогу, свидетельствуют показания драматурга Владимира Волькенштейна, присосокупленные к следственному делу: «Райх – поклонник немецкой культуры, и России не оценил, так например он считал, что Островский не сильнее немецкого драматурга Анценгрубера. В своих высказываниях дела различия между немцами и фашистами, заявляя “неужели вы думаете, что в Германии нет порядочных людей?” Свое уважение к немецкой культуре Райх в известной мере переносил даже на фашистов… у них есть некоторые культурные навыки, так например,

он сообщил, что Гитлер день своего рождения провел в беседе с известным фашистским драматургом, беседуя о Гете» (ВМС, с. 318).

Другая дальновидная политологическая версия Райха: «после войны Запад будет давить на изменение экономической и политической структуры СССР» (ВМС, с. 314)[13]. Политологические идеи Райха, скромного мыслителя политэмиграции, нашли отражение в послевоенных исторических буднях. Согласно Райху, вполне естественно ожидать после войны совершенно новой полосы исторического развития и появления типа людей, оказавшихся между двух режимов.

За свои слишком свободные суждения в тылу Бернгард Райх расплатился восемью годами ссылки.

Случай Всеволода Мейерхольда

«Режиссура» дел малоизвестных художников существенно отличается от режиссуры дел крупных деятелей. Это крупные, далеко идущие культурно-политические акции, влияющие на смену погоды и установок в искусстве, в целом.

Сталин невзлюбил Мейерхольда с первых лет революции, и это, можно сказать, во многом предопределило его судьбу. Органы стали следить за ним еще во второй половине 20-х годов, но после партийной чистки 1933 года за ним велась неусыпная слежка. Он был арестован 20 июня 1939 года в Ленинграде, 22 ночью отправлен в Москву особым конвоем; жена, актриса ТИМа Зинаида Райх убита в своей квартире неизвестными лицами.

«Мозговая атака» на Мейерхольда началась задолго до ареста и достигла апогея в Бутырках. Видно большое количество заготовленных обвинений, протоколов, на составление собственных же показаний режиссеру почти не оставляют времени.

Анонимность ситуации Мейерхольда-жертвы потрясает. Общение со следствием, с прокурором почти полностью отсутствовало, знаменитый режиссер оказался выбитым из привычного творческого и психического состояния. В допросах критерии искусства было полностью заменены критериями политики и идеологии.

Допрос от 11 июля 1939 года большей частью был посвящен Эрвину Пискатору, его деятельности в МОРТе и позднейшей их встрече в Париже (ВМС, с. 224–225). Немецкая линия, однако, далее гэбистами не разрабатывалась – интернациональный масштаб фигуры Мейерхольда, признанного Рейнхардтом, Пикассо и Крэгом, оказался значительно шире. Массированным безумием следователей Воронина, Шибкова, Пинзура и того же Шварцмана знаменитый режиссер был доведен чуть ли не до сумасшествия, последние недели перед расстрелом 1 февраля 1940 года он провел в санчасти Бутырской тюрьмы. Ни на одно из многочисленных душераздирающих писем прокурору СССР и лично Берии и Молотову ответа Мейерхольдом не было получено. Да и кто способен был там услышать мучительно-философские строки этого Эдипа XX века из Бутырки? Прося аудиенции у прокурора, Мейерхольд, едва пришедший в себя после страшных избиений, писал:

> Показания мои ложны. Я оговаривал себя (клеветал на себя), я клеветал на других. От этих вынужденно (я находился под давлением) ложных показаний Я ОТКАЗЫВАЮСЬ. Эти вынужденно-ложные показания явились следствием того, что ко мне, 65-летнему старику (и нервному, и больному) на протяжении всего следствия применялись такие меры

ФИЗИЧЕСКОГО И МОРАЛЬНОГО воздействия, каких я не мог выдержать… Я лгал. Следователь записывал, вымыслы эти еще заострял, иные ответы за меня диктовал стенографистке сам следователь, и я все это подписывал. И даже тогда, когда физические меры воздействия прекращались и оставались лишь моральные меры воздействия («психическая атака»), я не решался следственной части сделать то заявление о снятии своих подписей под протоколами, какое я делаю сейчас вот Вам, гражданин прокурор Союза, потому что надо мной все время висела угроза возможного повторения вышеуказанных мер воздействия («будешь лгать, будем бить в три раза сильнее»)… Я никогда не был изменником родины, я никогда не участвовал ни в каких заговорческих организациях против советской власти, я не входил никогда ни в право-троцкистскую организацию, ни в какую иную троцкистского толка. И кто посмеет клеветать на меня, что я был шпионом хоть одного из иностранных государств?.. Прошу вызвать меня к себе и я дам развернутые объяснения, и назову имена следователей, меня к вымыслам вынуждавших» (ВМС, с. 227–228).

Акция уничтожения Мейерхольда означала для Сталина и его прихвостней, безусловно, желанную символическую расправу одновременно над изрядно надоевшим левым фронтом и эстетски-формалистическим мышлением в искусстве и одновременно предупредительный урок всем идущим по этому пути.

Дата расстрела Мейерхольда, что соответствовало частой практике НКВД-КГБ, была фальсифицирована, лишь в 60-е годы родственники смогли получить справку с указанием подлинной даты расстрела. Диалектика его следственного дела поистине гнетуща. Трагедия Мейрхольда, по выражению историка театра А. Мацкина, не уступает античной. Но как есть две тома мейерхольдовского дела, так есть и два акта этой трагедии. Один из ее актов, связанный с периодом самооговоров и вынужденного пересмотра собственных позиций в искусстве и клеветы, нам недоступен согласно законному запрету родственников. Историк будущего, который сможет получить и проанализировать обе части архивно-следственного дела Мастера, сможет в полной мере оценить масштабы унижения, пыток и духовного самовозвышения этого трагического художника.

Случай Вениамина Зускина

Масштабы фальсификации и цензурно-очернительских акций в отношении современного искусства к концу 40-х – началу 50-х годов достигают предела, свидетельствуя о близкой агонии сталинского режима. Закрыты театр Мейерхольда и Камерный театр Таирова, начаты широкие кампании против формализма в искусстве, еврейских националистов и художников-космополитов. В железном театре лубянской инквизиции дело актера ГОСЕТа, народного артиста и лауреата Сталинской премии Венеамина Зускина одно из самых пространных, абсурднейших и в то же время драматичнейших. Здесь участвуют сплошь культовые фигуры советского театра и культуры, в целом.

Типично чекистско-советское унизительное отношение к художнику как к существу изначально поднадзорному, последственному, превратило Вениамина Зускина – великого актера, но мягкого, инфантильного человека, по словам Майи Туровской, «меньше всего на свете годившегося в политзаключенные» – в жалкого, противного

самому себе мученика и подлеца. Следователи Рассыпнинский, Жирухин изощрялись в стремлении разговорить жертву, вынудить актера как бы к исповеди и покаянию. В полной мере было применено десятилетиями отрабатываемое искусство вытягивания подспудного, ущербного в человеке. Зависть-соперничество Зускина и Михоэлса, какие-то чисто актерские качества в Зускине были доведены следователями до мучительно осознаваемого им порока и использованы против него как средство душераздирающей силы. В итоге, свой рассказ Зускин начал как исповедь перед Богом за грехи. Арестован Зускин был 24 декабря 1948 года, а уже в январе следующего года он начинает говорить как по-писаному. В следствии сделан большой перерыв с марта 1950 по октябрь 1951 года. Тюремное заключение практически превратилось в ссылку.

Соломон Михоэлс, блистательный король Лир в спектакле ГОСЕТа 1935 года, представлен в материалах следствия как роковая фигура, готовящаяся к смерти, жертвоприношению во имя вождя. В поисках интепретации антисоветизма убитого из-за угла Михоэлса Зускина заставляют метаться, будто затравленного зверя. Бесконечные вариации, пережевывание одних и тех же тем должны были его вконец измучить. Трагедия Зускина, доведенного до отчаяния абсурдом бесконечных допросов, – трагедия превращения талантливого актера в живую марионетку. И еще раз процитируем Туровскую:

> Разумеется, ясно рисуется из показаний Зускина вся агония Еврейского театра (которая была лишь внешним выражением процесса более общего… Перед лицом пронзительно-правдивых, по-детски простодушных, предательских, вымученных из Зускина показаний сама ожиданная и насильственная смерть Михоэлса представляется едва ли милостью судьбы. Победа над нацизмом, за которую было так дорого заплачено, оказалась, таким образом, в некотором смысле победой нацизма) (ВМС, с. 403).

В деле Зускина просматривается – явно или неявно – также прямая и обратная связь партийной критики с репрессивным аппаратом. Думается, формирование советской идеологии происходило при непосредственном влиянии органов НКВД (и не только всем известной их верхушки), являвшихся одновременно и кузницей идеологии, и самым рачительным цензором. Следовало бы говорить об НКВД-КГБ как важнейшем центре контроля над художественной жизнью страны, с его всевидящим оком и карающим мечом. В этих кабинетах и застенках разрабатывалась методика выуживания компромата для очередных идеологических и репрессивных акций. Так, в начальной фазе допросов Зускина (допрос от 26 февраля 1949 года) совершенно очевидно пристальное внимание к Александру Таирову, эстету и формалисту, «протаскивающему на сцену пьесы западноевропейского репертуара», присматривание к нему как к очередной жертве.

Об истинном душевном состоянии актера в полной мере говорят источники, найденные и опубликованные писателем А. Борщаговским – запись рассказа Зускина заключенному министру ГБ Григорию Бежанову, изобличающая всю фальшь следствия, методы фальсификации протоколов допросов (см. ВМС, с. 359–360). И все-таки путь Венеамина Зускина, в целом, за эти пять лет следствия и до казни – это путь гамлетовского самопознания. Не об этом ли говорит реплика Зускина из пьесы «Король и шут», написанной писателем Александром Борщаговским о двух великих ак-

терах: «Не знаю – может быть, когда-нибудь нам этого не простят веселые и свободные люди».

Тождество и разница, параллели и расхождения двух тоталитарных систем в их отношении к своим интеллектуальным ресурсам

И мирное сосуществование, и противостояние Духа и Власти в различные эпохи приобретало различные формы, знало различные иезуитские модели. Но тоталитаризмы XX века совершили попытку тотальной институционализации этой связи, стремясь сделать художника полностью зависимым. Сталинизм и гитлеризм – модели двух очень мобильных карательных систем, в чем-то разных, но, в главном, единых и смыкающихся, а порой зеркально повторяющих принцип тотального подчинения. В России далеко не все еще могут привыкнуть к подобному постулату, еще десять лет назад казавшемуся кощунственным. Однако горы архивных документов последних времен лишают последние сомнения их былой почвы. Репрессиям отводилась особая, системная роль. Обобщая, можно было бы сказать, что репрессии занимали внутри идеологической системы функцию высшего фарисейского суда, скрытого от повседневного глаза и недосягаемого, словно Страшный суд.

В функционировании тоталитарных режимов четко различаются мифотворческий уровень, псевдотворчески-бюрократическая и собственно тоталитарно-репрессивная деятельность, существующие в неразрывной связи. И, как свидетельствуют история искусства этого времени, а история репрессий в особенности, «тоталитарный коктейль» в Германии и России был разным по составу и внешним признакам, что часто вводило в заблуждение таких тонких мыслителей, как Андре Жид, Андре Моруа, Лион Фейхтвангер, Вилли Бредель, Илья Эренбург.

Зависимость художника от власти и в Советской России, и в гитлеровской Германии обеспечивалась единой и четко продуманной цепочкой идеологических мероприятий – от участия в массовых идеологических действах, традиционных встречах партийной элиты с деятелями искусств до системы почетных званий, от цензуры в разных формах, чисток, проработок и запретов на профессию до призрака репрессивной системы «in effige» и непосредственной ее деятельности в особых кабинетах органов безопасности, тюрьмах и лагерях.

В творении эпохальных мифов режима в обеих системах огромную роль играли фигуры знаковых актеров, олицетворений народности и избранности, окруженных ореолом (в Третьем рейхе такую роль играли Вернер Краус, Густав Грюндгенс, Марика Рёкк, в сталинском отечестве – Любовь Орлова, Борис Бабочкин, Максим Штраух…). Огромной популярностью в той и другой системе пользовались благодарственные письма мастеров искусств партийным вождям.

Выпадение из обоймы избранных, знаковых, появление каких-либо подозрений в условиях сталинизма, не знающего обходительности и деликатности, арифметики «малых чисел», было чревато самыми худшими последствиями. Достаточно вспомнить, чем завершились подозрения в отношении Михаила Чехова[14] (лишением театра и эмиграцией), Михоэлса и Зускина (убийством от руки гэбистов и репрессиями), Александра Таирова (закрытием театра и смертью в психбольнице). Парадоксально,

что гитлеровская система допускала в виде исключений терпимость к подозреваемым (так, ведомство Розенберга допустило, чтобы подозреваемый критик Герберт Йеринг занял пост в Венском Бургтеатре – ситуация, совершенно недопустимая, с точки зрения советских идеологических критериев).

Что касается почетных званий, то сходства здесь очень любопытны. Звание «народного артиста» было введено в СССР в 1936 году, «государственного актера» в Германии – в 1934-ом. «Культурный сенатор рейха», введенный с 1935 года, до известной степени соответствовал положению депутата от сферы культуры в Верховном совете. Были соответствия и на более низком уровне (скажем, «генеральный интендант» – «художественный руководитель»).

Стало общим местом сетовать на повальный оппортунизм в кругах немецкой художественной интеллигенции времен фашизма: не высовывайся, не демонстрируй симпатий к коммунистам, и можешь жить спокойно. Богуслав Древняк писал об этом так: «Большинство театральных деятелей оппортунистически приспособились к новому статусу кво. Огосударствление театра укрепило гораздо более обширную театральную бюрократию в ее лояльности по отношению к режиму. Оппозиция, особенно в “добротные” гитлеровские годы, почти совершенно не проявляла себя»[15].

Конечно же, этого мы никак не можем сказать о формах существования оппозиции в сталинские годы, хотя терпимость по отношению к ней в разных случаях знала совершенно разные пределы (как полярные случаи пределов – фигуры Ахматовой и Мандельштама, которому не дано было знать никакого снисхождения). Открытая же оппозиция означала прямой путь в ГУЛАГ.

В сентябре 1933 года Гитлер выступил в известном немецком театральном журнале «Дойче бюне» (Немецкая сцена) со статьей «Обновление театра», которая, конечно же, была скрытой идеологической директивой: «Люди, которые думают, что если они теперь перешли на нашу сторону, то они могут под старыми масками действовать и дальше по старинке, глубоко заблуждаются. Им придется до основания переучиваться. Кто не захочет переучиваться, уничтожит сам себя без того, чтобы мы пошевельнули пальцем. Им не удастся меня подкупить. То, что я в силах сделать, уничтожить посредственность и лживость, то будет сделано»[16].

Сталин не выступал с подобными директивными статьями в периодической печати (предпочитая устную речь), но странным образом интонации одного диктатора полностью перекликаются с интонациями другого. По стилю выражения и манере угрозы статья Гитлера ничуть не отличается от практики проработки деятелей искусства, заведенной – по образцу вождя – в залах заседаний Наркомпроса. За подобным стилем стояло требование идеологической наступательности органов культуры, стоящих на службе социализма, обязанных перевоспитывать попутчиков и предупреждать зарвавшихся.

Некоторые элементы немецкой сверхорганизации в идеологической работе были чужды сталинской системе, ее типологии и ментальности. В ведомстве рейхсляйтера Розенберга велся специальный список «политически благонадежных деятелей», игравший огромную роль. Для ГПУ/НКВД и высших органов культуры подобные списки были бы слишком громоздкой картотекой, излишней добавкой к внутренней картотеке порочащих связей. Функционеры от культуры у нас больше доверяли мнению партийной прессы, устному мнению чиновников и, безусловно, слухам и доносам.

Для демонстрации своей благонадежности каждый деятель немецкой культуры должен был обязательно являться членом имперской палаты театра, кино, музыки или изобразительного искусства, символизирующей принадлежность к партии нацистов. Отсутствие такого членства было равносильно запрету на профессию. В Советском же Союзе достаточно было быть охваченным какой-нибудь массовой организацией, деятелю искусства не являлось строго обязательно быть членом партии (это была привилегия лишь кристально чистых идеологических бойцов).

Об одной параллели стоит сказать особо – о нетолерантно-репрессивном отношении к деятелям искусства – евреям. Если и в Германии они были отстранены от работы в искусстве уже к 1935 году (до 1937 года из немецкой культурной жизни было удалено 3000 евреев, а в июле 1939 оставалось всего 320 «с особого разрешения»!), дело двигалось к «окончательному решению», то в СССР евреи продолжали работать в искусстве и в интеллектуальных сферах, хотя и жестоко соблюдался процент их допустимости, остававшийся полной тайной (т. н. «5-й пункт»). В Германии тотальные страхи сразу же побудили волну разводов, отказов от жен-евреек и самоубийств (наиболее знаменитая жертва – пара актеров Готшальков из Лейпцига, решившая покончить с собой после того, как Геббельс ультимативно потребовал Йоахима Готшалька развестись с супругой). Если и в фашистской Германии по инициативе деятелей театра-национал-социалистов берлинские театры в одночасье были очищены в 1933 году от евреев, то жестокий приступ антисемитизма Сталина приходится на конец 40-х – начало 50-х годов, о чем свидетельствует убийство Соломона Михоэлса, дело ЕАК и арест Зускина. Поход против еврейской интеллигенции, бесстыдная и неприкрытая манипуляция ею в сталинском государстве были, в отличии от рейха, перманентно растянуты во времени, до поры до времени существовал еврейский театр ГОСЕТ (закрыт в 1949 году), комически шаржированным евреям (например, Михоэлсу в фильме «Цирк») всегда позволялось появляться в красочных эпизодах советских фильмов как иллюстрация дружбы народов.

При сталинском социализме более всего отвратителен феномен использования художника как маски, как шута, как игрушки, ваньки-встаньки идеологического аппарата, который – если он перестанет исполнять функцию певца сияющих вершин – быстро превращается в ритуальное животное, бросамое в застенок или лагерную топку… Весь этот репертуар инквизиторских процедур по приручению и усмирению зафиксирован в архивных делах КГБ, свидетельствующих, кроме всего прочего, о гигантском засорении сталинизмом творческого пространства русского языка. Зрелище Духа, в мгновение ока превращаемого в ничто, в пепел, или тайная, мистическая угроза этой кары должны были в итоге давать архаическое чувство страха, положенное в основание «вечного» режима.

При гитлеровском национал-социализме наиболее всего отвратителен феномен абсолютного любимца власти, недосягаемого, как вагнеровское божество, с одной стороны, и, с другой, упорядоченного, техничного функционирования искусства, вплоть до полного безразличия режима к абсолютно лояльным, проспособившимся и не высовывающимся. Можно было пожинать лавры, подобно ослепительному Вернеру Краусу, недосягаемому Густаву Грюндгенсу и мягкому Генриху Георге, можно было молчать, когда в концлагерь на верную смерть были брошены коммунист Ханс Отто или инакомыслящий Карл фон Оссиецкий, но можно было и тихо аплодировать, сидя в дальнем ряду, речам фюрера или рейхсминистра и не опасаться за судьбу собственных художественных деяний, произносимых, скажем, в таком почти со-

ветском духе: «Мы живем сегодня в великое и счастливое время. Вы видите перед собой вождя народа и государства, который в одно и то же время – один из самых ваших сильных и понимающих заступников. Он любит художников, потому что он сам художник. Под его благодатным водительством в стране наступил своего рода новый век ренессанса»[17].

Как видим, различия, даже некий бытовой «плюрализм» под колпаком тоталитаризма, не меняют фундаментального сходства, зеркального отражения идеологических доктрин. На этом уровне заканчивается область ментальных особенностей и начинается сфера действия тотальных идеологий.

Хрущевская реабилитация

О начальной фазе реабилитации однозначно пишется в книге на эту тему, подготовленной недавно «яковлевским» «международным фондом» «Демократия»: «После смерти Сталина его одноверцы физически чувствовали кровь на своих руках. Они начали процесс реабилитации. Начали с родственников правящей элиты, жен Молотова, Калинина, брата Кагановича. И все втихую, чтоб никто не знал. Но жизнь перехитрить трудно… Переломным событием стал XX сьезд КПСС. Хотя с опозданием, но началась Реформация России. Страна вступила на долгую и трудную дорогу к свободе»[18].

Реабилитация жертв сталинского режима, развернувшаяся после знаменитого доклада Хрущева на XX съезде партии (февраль 1956 года), была, конечно, делом грандиозным, громоздким, и, безусловно, несмотря на все декларации, достаточно бюрократическим. Ведь речь шла о восстановлении справедливости по отношении к нескольким миллионам жертв! Не до всех социальных групп очередь доходила одинаково быстро, одни деятели культуры были реабилитированы в конце 50-х годов, другие в 60-х или и того позднее. Многие же оставались надолго забытыми. Так, руководитель группы «Колонне линкс» Гельмут Дамериус был освобожден из ссылки в сентябре 1955 года, а актеры его театра Эффелайн и Шмидтсдорф (оба расстреляны в 1938 г. в Бутово) реабилитированы в 1957–58 гг. Карола Неер была реабилитирована в августе 1959 года, хотя справка о реабилитации ее сыну Георгу Беккеру (лишь 33 лет от роду узнавшему, кто были его родители) была выдана лишь 12 января 1968 года. Таким образом, от самой реабилитации до публичного ее оповещения прошло десять лет. История с реабилитацией Аси Лацис продолжалась целых три года из-за целого ряда препятствий идеологического и бюрократического рода. Поначалу, в ноябре 1953 года, МВД Латвийской ССР отказало Лацис в снятии с нее судимости под предлогом того, что «принадлежность Лацис к латышской контрреволюционной организации подтверждена свидетельскими показаниями» (ВМС, с. 148–149). Понадобилось новое заявление Лацис главному военному прокурору СССР А. Вавилову, основательная проверка дела московскими следственными органами, включая проверку ее связей с немецкими писателями, прежде чем в августе 1955 года ее окончательно освободили от подозрений.

Юридическая реабилитация художников – жертв сталинских репрессий не означала автоматически творческой и общественной их реабилитации. В обществе, от-

равленном ядами сталинизма, для понимания существа совершившегося зачастую требовались долгие годы. (Непостижимо, что со временем, в 90-е годы в очередь на реабилитацию потянулись родственники вершителей репрессий).

Мейерхольд был реабилитирован в ноябре 1955 года при помощи движения театральной общественности, в ходе которого в военную прокуратуру обращались десятки деятелей литературы и театра, в том числе Борис Пастернак и Николай Эрдман. Однако для возвращения его доброго имени, его театрального наследия, восстановления памяти о нем понадобился еще добрый десяток лет, огромные усилия Комиссии по творческому наследию Мейерхольда. По недосмотру и дикости советской бюрократии сам же Николай Эрдман был реабилитирован в 1990 году, двадцать лет спустя его смерти! Херварт Вальден реабилитирован только в октябре 1965 года, а актер Генрих Георге, заключенный по окончании войны в лагерь НКВД для военнопленных и там умерший, реабилитирован в 1998 году, лишь год спустя выхода в Москве книги «Верните мне свободу!»

В ходе спешной и массовой реабилитации не все данные подвергались основательной проверке. Семье Сергея Третьякова, реабилитированного в 1956 году, датой смерти писателя называлось 9 августа 1939 года, и лишь в середине 90-х годов после проверки выяснилось, что он был расстрелян 10 сентября 1937 года. Вероятно, потребуется еще добрая сотня лет, чтобы ликвидировать те залежи лжи, которые оставила после себя сталинская инквизиция в виде огромных архивных гор, все еще испускающих свои миазмы.

Стиль реабилитационного определения всегда был сухой, исключительно делопроизводственный. Ничего лишнего на бумагу не попадало – аккуратно регистрировались все доводы в пользу реабилитации и делался вывод о надуманности или провокационности предъявленного приговора. Не случайно вся эта акция воспринималась современниками как половинчатая и оскорбительная. Процитируем лишь мнение историка о случае Мейерхольда: «Сама эта реабилитация, как и во всех других случаях, поражала бюрократической черствостью и казалась оскорбительной для близких и друзей очередной жертвы сталинского произвола. Ни одного слова сочувствия, нормального человеческого сожаления. Юридическая процедура была вполне соблюдена, а никаких практических последствий не произошло»[19].

Справедливости ради нужно сказать, что эпоха реабилитации дала нам и выдающихся прокуроров вроде Бориса Ряжского, без усилий которого реабилитация Мейерхольда, Тухачевского, Арватова проходила бы вовсе не так эффективно. Несмотря на то, что реабилитационные определения крайне стандартны и умалчивают о многих подробностях, нужных для понимания существа дела, они, и, главным образом, собранные работниками прокуратуры в ходе реабилитации документальные материалы все же являются важным и необходимым источником для изучения механизма и истории репрессий. Так, именно в реабилитационных разделах нами были обнаружены и с помощью современно думающих архивных работников рассекречены десятки материалов по истории советско-немецких взаимосвязей, дающих ключи для дальнейших исследований (некоторые из этих документов цитировались нами в данной статье), а также документов, проливающих свет на механизм репрессий. Можно только догадываться, сколько еще открытий ждет историков в анналах этих архивов.

Другой вопрос, в какой степени сегодня доступны эти материалы для историков в соответствии с действующими архивными законами. Реабилитация и преодоление

сталинского прошлого обществом и различными его группами не оказались и не могли оказаться параллельными и синхронно текущими процессами. Не следует забывать, что реабилитация была актом политической воли советского государства, а сами дела репрессированных вместе с их реабилитационными дополнениями стали доступны лишь с началом горбачевской эпохи гласности, а, точнее, с момента выхода Закона РСФР о реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 года. Многие разделы архивно-следственных дел засекречены до сих пор. Информация об оперативных работниках НКВД/КГБ по существу недоступна, а без этой информации понять и раскрыть до конца механизм совершения лубянских преступлений невозможно. Отсутствие каталогов и описей имеющихся в архиве ФСБ материалов, а в особенности, произведений литературы и искусства является серьезнейшим препятствием на пути углубления исторических исследований и возможности выхода их на иной, более высокий уровень. Уровень доступности архивной информации является отражением меры цивилизованности нашей демократии. Ибо существующий закон о реабилитации и инструкции о доступе к архивной информации, в особенности трактовка «пределов ограничения права на доступ» (решение коллегии Росархива от 25 августа 1993 года) лишают исследователя, а вместе с тем и общество всестороннего, полного и независимого ознакомления со всеми документами осуждения и реабилитации. Многие новые ограничения и, прежде всего, абсолютное вето на материалы «оперативного» и «процессуального» характера закрывают путь к познанию внутренних механизмов и психопатологии сталинской инквизиции.

Сборник «Верните мне свободу!» впервые обнародовал описи изъятых у репрессированных художественных ценностей, личного имущества, рукописей, заметок, корреспонденции, фотографий и фотонегативов. Часть из этих ценностей, как следует из протоколов, вандалистски уничтожалась следствием «за ненадобностью» (так, были сожжены, среди прочего, «черновые записи Зускина В.Л. по театральному искусству на 55 листах», «визитные карточки с фамилией Зускина на немецком языке – 13 штук» – ВМС, с. 347).

Тем не менее нужно добавить, что, во-первых, местонахождение даже того, что, быть может, по счастливой случайности сохранилось, неизвестно (переписка, записные книжки, «разная рукопись» Сергея Третьякова, музыкальная библиотека Ганса Хауски, фотособрание и записные книжки Марии Остен, корреспонденция и ящики с книгами и рукописями Херварта Вальдена…). Во-вторых, до сих пор не решен национальный и международный правовой статус этого имущества и не разработаны правила его возвращения или финансового возмещения убытка родственникам репрессированных. Все это вопросы, не ставившиеся во времена реабилитации, и остающиеся открытыми.

Создание, по выражению Бориса Гройса, «архива эпохи, хранящего культурную память»[20], далеко не закончено и должно быть продолжено усилиями нового поколения, которое, на наш взгляд, пока еще не ощутило вкус «архива». Преодоление сталинского прошлого по-прежнему остается духовной максимой и настоятельной задачей в постсталинском российском обществе, в котором десятилетиями человеку «навязывалось тотальное отчуждение от собственного прошлого»[21], если это общество, действительно, заинтересовано в свободе и цивилизованном будущем.

* * *

Дух, как известно, в мучении обретает высшую стойкость. Мы видели это, и далеко не на примере одного или двух художников-мучеников сталинского чистилища. В сущности, мы их всех узнаем заново.

Живя в условиях демократии, пусть и половинчатой, пусть и извращенной, нельзя не думать о том, какой высокой ценой достались новой России современные преобразования. На наших глазах в конце XX века свершилось то, что следователям НКВД грезилось в их похожих на кошмарный сон обвинениях десяткам и сотням жертв, русских и немцев – уничтожение коммунизма и СССР – коммунистической империи. Трусливое опасение цепных псов власти, что *такой* бесчеловечный, безумный коммунизм не состоится и должен рано или поздно рухнуть, сбылось. Историческое развитие все равно пошло по сюжетному пути, пусть не идеальной, но реформации, которую стражи советской системы пытались остановить – бесчисленными процессами, кампаниями, физическим уничтожением интеллигенции, лучшего своего интеллектуального запаса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Николаев С.* Смерть Есенина как драматический поступок. – «Независимая газета», 1997, 2 октября.

[2] См. статью 4 о «пределах ограничения права на доступ» решения коллегии Росархива от 25 августа 1993 года, ограничивающую ознакомление со «сведениями о личной жизни подсудимых, об их здоровье, семейных и интимных отношениях», а также «сведениями о движении дела и процессе оперативного розыска и проверки, а также сведениями, содержащими государственную тайну».

[3] От архивистов ГАРФ (Государственного архива Российской Федерации, бывшего архива Октябрьской революции) мы нередко получали заранее просмотренные дела, на 70–80 процентов заправленные в коричневые конверты – с материалами, находящимися под конвертами, знакомиться воспрещалось.

[4] *Колязин В.Ф.* «Верните мне свободу!». Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора. Мемориальный сборник документов из архивов бывщего КГБ. – М., 1997. – Мемориальный сборник вышел тиражом 800 экземпляров, в основном, на немецкие пожертвования, при номинальном участии российских спонсоров, и разошелся буквально в течение полугода. Далее в тексте указывается номер страницы этого издания, напр.: ВМС, 1.

[5] *Наумов В.П.* Предисловие // Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. – М., 1994. С. 4.

[6] Цитируется по протоколу допроса Алексея Бауэра, согласно которому Метцгер должна была сказать, что… (*Прим. ред.*).

[7] Цитируемый отрывок допроса касается Оттвальда (*Прим. ред.*).

[8] В связи с этим можно упомянуть письмо Фейхтвангера Гранаху, благодаря которому актера не осмелились задержать, т. к. Фейхтвангер, в связи со своим визитом в Москву в 1937 году и его присутствием на втором судебном процессе, также беседовал со Сталиным. Однако ссылки на это письмо не были найдены ни в документах Фейхтвангера, ни в русских архивах. В фонде-архиве Берлинской академии художеств сохранилась копия письма, сделанная самим Гранахом, – в этом письме Гранах был якобы приглашен Фейхтвагнером для театральной работы в Париже. Копия лежала среди многочисленных писем актера своей будущей жене из Швейцарии Лотте Ливен-Штифель (которой Гранах предложил, чтобы он уехал из страны). Исследователь Гюнтер Агде не исключает, что Гранах, который тогда с нетерпением ждал разрешения на выезд, сам сочинил письмо и таким образом обманул паспортное бюро, и, соответственно, НКВД: он знал, что его почта проверяется последним (*Прим. ред.*).

[9] Вехами которого стали завершение показательного процесса против троцкистско-зиновьевского блока (август 1936, когда каждого члена партии обязали «своевременно доносить обо всех

подозрениях»), печально известное решение Политбюро от 2 июля 1937 года и главная директива НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года о репрессиях против бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов.

[10] Секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов (1896–1948) в своей официальной речи на первом советском съезде писателей в 1934 году провозгласил идеологию искусства в тоталитарном государстве, согласно которой искусство приравнивалось к массовой культуре. Эта идеология стала в социалистическом реализме единственно правильной и должна была быть понятной всему народу. Герой такого искусства – это новый рабочий (*Прим. ред.*).

[11] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-20065. Т. 2. Л. 19 об.

[12] РГАСПИ (раньше: ЦХИДНИ). Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Каганович Л.М. Переписка Кагановича со Сталиным И.В. (2 сент. 1932 – 5 сент. 1932). Л. 173–174.

[13] Здесь речь идет о высказывании писателя Виталия Зака, которое можно обнаружить в допросе Райха. Согласно этому высказыванию, Зак считал, что Советский Союз может быть ослаблен путем войны, и капиталистические державы должны использовать эти слабости, оказав со своей стороны влияние на изменение экономики и политики. Райх в этом разговоре с Заком выразил мнение, что Советский Союз пойдет на уступки в экономических вопросах, но не допустит никаких изменений в политической структуре.

[14] Актер, режиссер и театральный педагог в 1928 г. эмигрировал в Берлин и умер в 1955 г. в США.

[15] *Boguslaw Drewniak.* Das Theater im NS-Staat. Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933–1945. – Düsseldorf, 1983. S. 146.

[16] Цит. по: Theater und Film im Dritten Reich – Eine Dokumentation von Joseph Wulf. – Rowohlt, Gütersloh, 1964. S. 134.

[17] Там же. S. 49.

[18] *Артузов А., Сигаев Ю. и другие* (Состав.). Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. (= Серия «Россия. XX век. Документы». Под общей редакцией академика А.Н. Яковлева). – М., 2000. Т. 1. С. 5.

[19] *Мацкин А.* Время ухода. Хроника трагических лет. – «Театр», 1990, № 1. С. 50.

[20] *Гройс Борис.* Утопия и обмен. Стиль Сталин. О новом. Статьи. – М., 1993. С. 10.

[21] От составителей // «Звенья». Исторический альманах. Выпуск 1. Научно-исследовательский и просветительский центр «Мемориал». – М., 1991. С. 7.

Владимир Бухараев

ИГРА С ВЛАСТЬЮ КАК СЦЕНАРИЙ ВЫЖИВАНИЯ. Пример Эрнста Гельмса

«В годы войны я, немец по национальности, был взят на так называемый “спецучёт” и направлен работать слесарем-наладчиком сверлильных полуавтоматов на оборонный завод. Я был рад помочь Родине, но ведь насилие никому впрок не идёт», – вспоминал в начале 80-х годов Эрнст Гельмс (1912–1993)[1], составивший себе имя прежде всего как театральный художник. Представитель московской колонии немцев, он в самом начале 1942 года, согласно велениям властных органов, оказался на Волге, в Казани – тыловом тогда городе, чтобы и остаться здесь навсегда.

Впрочем, «повадки» военного времени лишь подчёркивают существо дела: под знаком преследований по этнокультурному признаку протекал весь жизненный путь русского немца. Судьба Гельмса, подобно «малым жизненным мирам» миллионов других этноизгоев, запечатлела масштабные процессы этнизации общества и политики в XX столетии, обернувшиеся депортациями и геноцидом. Наибольшего размаха этнические чистки достигали в условиях «гитлеровско-сталинского периода в европейской истории». Именно идеология национализма сыграла решающую роль в укреплении обеих – «красной» и «коричневой» – новейших деспотий.

Было бы, однако, неправомерно сводить основные, пусть даже крайние, проявления этнонационализма к деяниям Гитлера и Сталина. В конце прошлого столетия различные части европейского континента оказались подвержены новым приступам этнонационалистической истерии. Не кажется преувеличенным заключение, сделанное современным исследователем: «“Апартеид” – принцип, который в XX веке распространяется на европейском континенте»[2]. Поэтому истолкование «персональной судьбы» (В. Высоцкий) человека, попавшего в ситуацию этнополитических гонений – это тема, на которую современность отзывается живым нервом. Бесспорно, что на «историю» Гельмса тоже наиболее жёсткий отпечаток наложил сталинизм[3]. Дело не только в депортации, социальном нажиме. Ему не удалось полноценно реализовать себя в том виде творчества, к которому он изначально стремился (театральным художником Гельмс стал вынужденно). Сверх того, – был взят в «разработку» политической охранкой…

Автора данного социобиографического очерка интересовала даже не столько «внутренняя биография» его героя, когда «в фокусе исследования оказывается процесс становления личности, её душевная и мыслительная деятельность, развитие внутреннего мира человека»[4], важнее он посчитал выявление механизмов выживания и самосохранения творческой личности, испытывающей давление полицейско-бюрократической машины и играющей по устанавливаемым властью правилам.

«Хайматсорт» – город Москва

Представители этномаргинальных групп склонны возмещать свою социокультурную «ущербность» легендами о «благородном происхождении». По-видимому, фамилия Гельмсов здесь не исключение. Её появлению в Москве предшествовала – ес-

ли следовать семейному преданию – интрига: племянница Бисмарка Анна фон Трайбен, бабушка Э. Гельмса по отцовской линии, по распоряжению канцлера высылается в Ригу за совершённый ею предосудительный в аристократической среде проступок – мезальянс с бюргером Вильгельмом Гельмсом. Во всяком случае, отец Э. Гельмса Бруно Васильевич[5] действительно родился в Риге в 1880 году, около двух лет спустя, в 1882-м, семейство Гельмсов перебирается в Москву. Э. Гельмс напрямую увязывал и развитие своих творческих способностей, и выбор рода занятий с влиянием родителя, который, по его оценке, «был разносторонней личностью»: «Отец постепенно передавал мне свои профессиональные навыки, и это знание и театра, и графики, их сочетание, легло в основу профессии всей моей жизни, а поначалу – помогло сравнительно легко освоить культуру театрально-декоративного искусства»[6].

Разносторонние проявления личности Бруно Гельмса в условиях зачаточного состояния института «свободных профессий» в России рубежа XIX–XX вв. нашли отражение в широкой амплитуде его занятий и увлечений. Работая сначала в страховой конторе, Бруно Гельмс в 1919 становится актёром довольно популярного театра «Веденский народный дом». Последний он оставляет в 1922 году, в период нэповской конъюнктуры, и заступает на должность бухгалтера в частной артели. С 1924 по 1937 годы трудится в качестве главбуха отдела морского страхования Госстраха, в предвоенные годы числился «художником по договорам» в различных учреждениях. Б. Гельмс вошёл в историю отечественной прикладной графики: ему принадлежит авторство дизайна парфюмерного набора «Красный мак» (1928), являвшегося – подобно марке духов «Красная Москва» – одним из эстетических символов «роскошной жизни» в представлении советского человека 30–50-х годов[7].

Семейно-бытовая ситуация Эрнста Гельмса складывалась непросто. В восемь лет он остался без матери, Лидии Николаевны (в девичестве – Перекалиной), выросшей в семье русских провинциальных интеллигентов. В официальных бумагах 40-х годов Гельмс называет её специальность – зубной врач. Семейное сказание, однако, гласит, что Перекалина – первая в России женщина-ренгенолог; получив большую дозу радиации, она добровольно ушла из жизни, а её место в семье заняла женщина, значительно уступавшая ей в нравственных качествах. В этом апокрифе прослеживается не только стремление «приподнять» родословную, но и слышатся отзвуки семейной драмы четы Гельмсов в интерпретации уязвлённого сына: Бруно свёл знакомство со своей будущей, второй, женой (преподавателем иностранных языков в вузах Москвы, происходившей из немецкой колонии Уральского региона), ещё при жизни матери Эрнста.

Отношения с мачехой у сына не заладились, и в 14 лет он фактически ушёл из дома, проживая попеременно у родственников и друзей. Брак самого Эрнста Гельмса с московской немкой И.Е. Бекер, заключённый в 1932 году, распался около пяти лет спустя (их семья вплоть до официального развода в 1937 году оставалась бездетной). Далее, в 1938 году, он заключает новый брачный союз, с Брианной (Бряной) Михайловной Престман (1912–1970), кстати, хорошо владевшей близким к немецкому идиш, – её родным языком. В 1939 году у них родилась дочь Рената, оставшаяся единственным ребёнком в семье. До рождения ребёнка Брианна служила главным бухгалтером Моспродторга, а затем перешла на положение домохозяйки.

Ранее отчуждение Гельмса от отчего дома сопровождалось, видимо, его душевно-психологическим кризисом, а затем подтолкнуло юношу к выбору «надёжной» профессии, позволяющей быстро «встать на ноги». Не исключено и его намерение

получить «бронь» – отсрочку от службы в армии или, во всяком случае, обрести специальность, позволяющую если и служить в вооружённых силах, то по её «профилю». Заполняя в 1943 году соответствующую графу учётной анкеты, Гельмс пояснял: «В армии не служил, пользовался отсрочкой по учёбе и работе»[8]. Закончив семь классов 42-й московской средней школы, он бросает учёбу и около двух лет ведёт «свободный» образ жизни, а затем поступает на учёбу в Московский автодорожный комбинат, имевший, вероятно, статус техникума. Причём полный курс обучения в нём Гельмс так и не прошёл. Учитывая, что ВУЗ ему заканчивать не пришлось, по ранжиру общегосударственной образовательной системы он должен считаться человеком, получившим лишь неполное среднее образование.

Параллельно с занятиями, с мая 1930-го по апрель 1931 года, Гельмс работает техником-эксплуатационщиком Бюро рабочих изобретений Всесоюзного автотранспортного объединения, фактически выполняя функции штатного художника[9]. То же положение он обрёл, перейдя в апреле 31-го года на завод опытных конструкций ЦАГИ, первого советского авиационного научного центра: числился заведующим сектором планирования производства, а реально выполнял поручения как художник[10]. В марте 1933 года его должность и обязанности были, наконец, приведены в соответствие – он назначается художником отдела информации ЦАГИ. Но уже в августе 1934 года Гельмс покидает это место. Сам он объяснял свой уход из ЦАГИ тем, что последовал совету находившегося с ним в приятельских отношениях кадровика. Тот предупреждал о возможных неприятностях, которые могли подстерегать этнического немца на «режимном» предприятии в обстановке «усиления бдительности».

Гельмс всё же продолжает заниматься любимым делом, трудится теперь в качестве художника-дизайнера в системе наркомата местной промышленности. Затем он занимает должность руководителя художественной мастерской Центрального Дома ГВФ, на какой пребывает вплоть до октября 1941 года. Московский период жизни Гельмса завершался, как оказалось – навсегда.

Сотрудник негласного штата «Москвин»

Принудительные миграции в СССР, начиная с самой первой из них (депортации казаков в 1919 году) и практически до конца 1980-х годов находились в СССР в числе запретных тем[11]. Не случайно поэтому имя Гельмса, ставшего в послевоенный период знаковой фигурой российской театральной провинции и получившего признание в столичных театральных кругах, в среде художников-карикатуристов[12], было овеяно легендами. Культурная публика в советские времена улавливала лишь отголоски сведений о биографии художника. Авторы ограничиваются туманными фразами: «С 1942 г. (Гельмс. – *В.Б.*) живёт в Казани»[13], или: «В период войны, работая главным художником по проектированию интерьеров в Центральном Доме гражданского воздушного флота, Гельмс руководит мастерской по выпуску окон сатиры и агитплакатов. Эту же работу он продолжает и позднее, после своего переезда в Казань, где и протекает его дальнейшая жизнь»[14]. Специальные издания умалчивают об этнокультурных истоках его творчества.

Неосведомлённость окружающих – не единственный источник «персональной» легенды. Её возникновению нередко способствует стремление самой «легендарной»

личности заретушировать какие-либо факты своей биографии. В начале 90-х годов на страницах местной периодики явлены были, наконец, «тайны» Гельмса. Однако его жизненные коллизии освещались лишь в той мере, какую считал допустимой сам Гельмс, предпочитавший поддерживать свой личный миф. Это сказалось и на тех материалах, которые были обнародованы уже после его кончины. В этих публикациях Гельмс фигурирует, в основном, в качестве «ссыльного немца, находящегося под надзором НКВД»[15]. Семейное же предание повествует, что во время служебной поездки Гельмса из Москвы в Иркутск он был снят в Казани с эшелона сотрудниками органов госбезопасности. Нашему герою было что маскировать.

Историкам известно, что одним из обязательных условий допуска их к следственным или иным делам, заведённым в недрах спецслужб в советское время, является изъятие материалов, отражающих сферу оперативно-розыскной деятельности (внутриведомственные циркуляры с «двумя нулями», регулирующие технологию тайного сыска, агентурные донесения и проч.). Не говоря о том, что многие документы такого рода подверглись уничтожению. В каких-то случаях подобные материалы всплывают, неизменно привлекая повышенное внимание специалистов и читающей публики. Скажем, рецензент книги С.В. Журавлёва «“Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг.»[16] выделяет «обширное донесение сексота о настроениях домохозяек “немецкого дома”, по халатности забытое работниками НКВД в следственном деле и приводимое в книге практически полностью…»[17].

Сходная ситуация имела место и в нашем случае. В личном деле Эрнста Гельмса по недосмотру, проявленному сотрудниками органов внутренних дел в начале 50-х годов, оказался пространный документ («Заявление агента Москвина»[18]), анализ которого в свете фактов взаимосвязи позволил установить потаённую сторону деятельности Э. Гельмса.

Итак, в этой бумаге, перечисляя свои заслуги перед силовыми органами, Гельмс ходатайствует о снятии его «с учёта выселенцев немецкой национальности» и о разрешении вернуться в Москву[19]. В «агентурном» заявлении Гельмс сообщает: «Я связан с органами МВД и МГБ с 1936 года, как осведомитель», действуя, в частности, под кличками “Кисть” и “Москвин”»[20]. Как видим, первое агентурное прозвище «привязано» к его профессии. Другое намекает на его московское происхождение. Оно присвоено, вероятно, уже после того, как он был перемещён из столицы в восточные регионы страны. Надо понимать так, что москвич Гельмс, 24-х лет от роду, попал в поле зрения политической охранки как человек, представляющий для неё интерес, и был склонён к тайному сотрудничеству с ней.

Логично предположить, что некоторыми из обстоятельств, которые побудили эту службу обратить на него внимание, явились то положение, которое Гельмс к тому времени приобрёл в культурной среде, а также видимые перспективы его профессионального роста. В 1936 году Гельмс фактически занимал должность главного художника мастерских по производству мебели и интерьеров Мосдревмебели НКМП. По его выражению, «сочетая учёбу с работой художника», постигал секреты ремесла у крупных художников-оформителей того времени – Юрия Пименова, Петра Вильямса, Алексея Лентулова, посещая оформительские курсы Института повышения квалификации художников (Московский ИЗОинститут). Позади остались вечерняя школа при журнале «Крокодил», занятия у «патриарха российской карикатуры» Алексея Радакова и школа-студия при издательстве Изогиз.

Двумя годами ранее, в 34-м, к начинающему художнику-оформителю и карикатуристу пришёл первый успех, сыгравший решающую роль в его творческом самоопределении: рисунки Гельмса, исполненные в жанре политической сатиры (карикатуры на Гитлера и Геринга), были представлены в экспозиции первой Всесоюзной выставки молодых художников в Москве, проходившей в залах Государственного исторического музея. Согласие на сотрудничество с «органами» давал не просто набиравший обороты талантливый художник, но и рано обретший социальную зрелость, что называется, уже познавший жизнь человек.

Заметим, что особые отношения с секретными службами и в «обычные» времена существенно корректируют поведение человека. В тех условиях и в том положении, каких находился Гельмс во второй половине 30-х – начале 50-х годов, они решающим образом определяли крутизну его жизненного маршрута. Знание важных деталей позволяет приблизиться к «действительной, частной биографии».

В самом деле, то же доносительство было одним из главных инструментов социального контроля над населением, оно поощрялось во всех инстанциях, вплоть до ЦК партии и «вождя народов». «Работа» теневой армии информаторов – есть обыденность такого явления. По данным А.Г. Маленкова, в 1952 году насчитывалось 10 млн. осведомителей – платных и добровольных[21]. С «должности» сотрудника негласного штата НКВД начинал в первой половине 30-х годов и национальный герой России разведчик и партизанский боевик Николай Кузнецов (1911–1944)[22]. Он числился в то время под псевдонимами Кулик, Учёный и Колонист. Известно также, что порядка 80 % всех дел, заведённых в ходе проводившихся государством массовых политических репрессий, были непосредственно инициированы «простыми» гражданами. Последние занимались стукачеством на добровольной основе, хотя нередко небескорыстно. Мотивы были самые разные, от садизма до захвата жилплощади и вымогательства денег и пайков. Для тех же, «в ком ещё не умерли чувства тревоги и отвращения, соучастие было огромной силой, что хорошо понималось системой, которая сплела целую паутину вины и страха, от которой не было спасения»[23].

Между тем нет никаких оснований полагать, что Гельмс использовал свои конфиденциальные отношения с «органами» «из любви к искусству». В частности, он в своём заявлении, написанном от имени Москвина, наверняка бы поставил себе в заслугу «информацию», которую собирал добровольно, – если бы это было действительно так.

Последняя остановка – Казань

В нашем распоряжении нет сведений, хоть как-то проясняющих обстоятельства сотрудничества Гельмса с органами госбезопасности вплоть до его переезда в Казань. Скорее всего, он был им «полезен» и с ним выстраивали отношения на перспективу. Косвенно об этом можно судить по тому, как складывалась его судьба во второй половине 30-х – начале 40-х годов. В самом деле, его обошёл стороной «37-й год». В обстановке инспирируемых «верхами» шпиономании и этнопсихозов ему «оказывают доверие», позволяя занимать руководящие должности. Притом, что его близкие родственники, два дяди и тётя со стороны отца, были репрессированы в 1938 году, а двоюродный брат Эрнста вместе со своей матерью числились эмигрантами[24].

Последнее обстоятельство рассматривалось тогда официальными инстанциями в качестве серьёзного «компромата» на оставшихся в стране родственников.

После начала войны СССР с Германией на Гельмса возлагают обязанности руководителя художественной мастерской, специализирующейся на выпуске «Окон сатиры» Политуправления ГВФ, его карикатуры появляются на страницах газеты наркомата обороны «Сталинский сокол». В октябре 1941 года он получает назначение на должность заместителя начальника эшелона, перевозящего имущество Главного управления ГВФ в Восточную Сибирь, а именно в Иркутск[25]. Прибыв в этот город, он сразу включается в агитационно-художественную деятельность, а приехавшая вместе с ним жена устраивается бухгалтером в детский сад[26].

В середине декабря 41-го года Гельмс завершает процедуру сдачи находящихся в эшелоне ценностей. Затем он был «откомандирован» в распоряжение ГУ ГВФ, находящегося в эвакуации в Казани. Он работает художником издательства Аэрофлота, главным художником развёрнутой в Казани всесоюзной выставки, числится художником «по разовым договорам», пока в марте 1943 года не обретает постоянную работу – художника универсальной базы Татпотребсоюза. Ещё ранее, в октябре 1942 года, к нему из Иркутска переезжает жена, которая в январе 1943 года устраивается на незначительную должность приёмщицы ОРСа одной из фабрик системы НКЛП. Гельмсы снимают квартиру в частном доме[27].

Положение Гельмса и его семьи в первые годы войны можно посчитать даже вполне благополучным по сравнению с тем, что испытывали в это время сотни тысяч других этнических немцев. Объясняется ли это случайным – счастливым для него – стечением обстоятельств? Позицией руководящих работников Политуправления ГВФ, благоволивших молодому – видному! – остроумному и коммуникабельному художнику, всегда откликавшемуся на просьбы нарисовать их и их близких портреты? Отвечая на вопрос анкеты (24 февраля 1949 г.): «Кто из членов ВКП(б) Вас хорошо знает и где он сейчас?» Гельмс называет фамилии и даже указывает московские адреса начальника Центрального Дома ГВФ и начальника Политуправления ГВФ[28]. Для Гельмса вообще были характерны неформальные, так сказать, человеческие отношения с «просвещёнными» чиновниками различных ведомств. Или здесь проявилось «заступничество» спецслужб за своего нештатного сотрудника? Последнее объяснение всё же более вероятно. «Зачистка» московских немцев началась в первые же дни войны, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении», согласно которому «социально опасный» элемент подлежал «высылке в административном порядке» из областей, объявленных на военном положении. Две недели спустя, 6 сентября 41-го, ГКО принимает постановление «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и Ростовской области», предусматривающее их расселение в восточных районах страны «путём вселения в существующие колхозы и совхозы и расселения переселяемых на новом месте, с использованием всех пустующих строений в сельских местностях»[29]. В течение августа–октября 1941 года ГКО издаёт ряд постановлений о выселении этнических немцев из европейской части страны с последующим привлечением их, так же, как и немцев из Москвы и Поволжья, к аграрному труду.

Неблагоприятная ситуация на фронтах заставила руководство страны видоизменить такую «схему» расселения и санкционировать использование немецкого населения (как постоянно проживающего в районах страны, так и переселенцев) в других отраслях хозяйства, – прежде всего там, где складывались наиболее тяжёлые

условия труда (лесозаготовки, возведение промышленных объектов, строительство железных дорог, угледобыча и т. д.). Некоторая часть русских немцев направлялась на действующие предприятия по месту их проживания. Эта масштабная акция получила некое правовое прикрытие в виде постановлений ГКО о трудовых мобилизациях, принятых в 1942 году[30].

Гельмсу до поры до времени удаётся избежать участи, уготованной советско-партийным руководством его сородичам. Вольная – по меркам его положения – жизнь для Гельмса заканчивается 4 апреля 1943 года. В этот день Бауманский райвоенкомат Казани объявляет его мобилизованным и направляет как «военнообязанного» в распоряжение дирекции завода № 144 им. Калинина «для работы на заводе» по её усмотрению[31]. С 8-го апреля он заступает в цех № 5 и работает там сначала «станочником», а затем «слесарем 6-го разряда»[32], оставаясь официально на своём «боевом посту» до 1 января 1946 года. Начальник цеха, подписавший предусмотренные процедурой увольнения документы, послал «последний привет» своему мастеровому, коротко и ясно назвав причину увольнения: «За дезертирство». Понять раздражение начальника цеха можно, ведь вверенный ему участок производства покидал не просто умелый и добросовестный рабочий «с головой», но и художник, неизменно выводивший цех № 5 на первое место по заводу во всех смотрах наглядной агитации. А это считалось важным общественно-политическим достижением. Впрочем, этой записи не суждено было попасть в трудовые бумаги Гельмса. Когда он в 1992 году обратился в информационное бюро МВД Татарстана с просьбой предоставить ему его же трудовую книжку, то получил ответ: «В ИЦ МВД РТ Вашей трудовой книжки не имеется»[33].

Что стоит за «мобилизацией» Гельмса? «Агент Москвин» поясняет, что «в Казани я вначале был связан с органами НКГБ с лета 1942 года. По их заданию в марте 43 г. был мобилизован на з-д № 144». Зачем? В 1943-м году слишком бросалось в глаза, что этнический немец трудится художником по вольному найму? Не исключено. Могли быть другие причины? Вполне вероятно. Гельмс оказывается на заводе, где были сконцентрированы представители немецкой национальности. В этой ситуации органы внутренней политической «разведки» функционально нацеливались на выявление в их среде «антисоветских и сомнительных элементов», для чего должны были расширять на заводе сеть осведомителей. Кто-то из числа немцев, обращенных в мастеровых, мог интересовать службу «синего цвета» особо. Как Вилл Ламмерт. В том же заявлении «Москвин» напоминает, что накануне своей мобилизации «работал над Д.», а «в дальнейшем работал над Ламмертом»[34].

Гельмс и Ламмерт: в плену у системы

Вилл Ламмерт являлся весьма заметной персоной. Он родился в 1892 году в городе Гаген Земли Вестфален, в рабочей семье. Учился в художественных Академиях Гамбурга, а также Мюнхена, где познакомился со своей будущей женой Геттой, которая в 1921 году закончила медицинский факультет Мюнхенского университета. В 1931 году Ламмерту была вручена стипендия Прусской Академии искусств – так называемый «Римский приз», который ему позволил 9-месячное пребывание в

«Вилле Массимо»[35]. Осенью 1932 года, когда он возвращается из Италии в город Эссен, Ламмерт вступает вместе со своей женой в КПГ. Летом 1933 года, спасаясь от преследования новых властей (они объявили «испорченными» его работы и уничтожили их большую часть), бежит во Францию, потому что в то время можно было работать в Париже еще относительно спокойно. Однако ему и его семье (его жена была еврейкой) не удалось получить ни документы для пребывания там, ни места работы, и «по ходатайству Коминтерна и ЦК МОПР» в 1934 году он эмигрировал в Советский Союз. Здесь он обретает, так же, как и его супруга, советское гражданство[36].

«Не имея постоянной профессии до 1939 г. Ламмерт в течение нескольких лет выполнял самую различную работу. После нескольких безуспешных попыток, он получил статус кандидата Союза художников СССР, от которого сразу принял заказ на несколько работ. Вплоть до войны Вилл Ламмерт был свободным художником. 6 сентября 1941 года Ламмерт захотел продлить прописку для себя, своей жены и своего младшего сына Уле, однако, ему было сообщено, что их семья выслана из Москвы и должна покинуть город в течение суток. Старший брат Тилль, живший в студенческом общежитии, был около десяти дней спустя выслан вместе с большинством немецких эмигрантов в Караганду. Остальные три Ламмерта прибыли в Буинский район Татарстана, т. к. местный московский отдел здравоохранения после получения новости о высылке семьи Ламмертов отправил Гетту Ламмерт в уже эвакуированный туда детский дом № 50 “Мосгороно”»[37].

В декабре 1942 года члены семьи Ламмертов объявляются «мобилизованными» (в том числе, малолетний сын) и направляются в качестве рабочих-станочников в Казань, на военный завод им. Калинина. «Туда также были мобилизованы немцы Поволжья, – пишет Ламмерт в одном из своих обращений в высокие инстанции Союза ССР в начале 1949 года. – С тех пор, к нашему несчастью, судьба моя и моей жены, т. е. членов коммунистической партии Германии, политэмигрантов, эвакуировавшихся из Москвы, смешалась с судьбой выселенных немцев Поволжья»[38].

Органика карательных сил советской этакратии предписывала им действовать в отношении Ламмерта таким образом, чтобы избавиться от него как потенциально опасного свидетеля политических и хозяйственных практик «первого в мире социалистического государства». Однако в случае с Ламмертом этого сделать не удалось вследствие неусыпного внимания к его судьбе со стороны Вильгельма Пика. С 1935 года он являлся председателем компартии Германии. В своем ответе на письмо Ламмерта от 20 октября 1943 года, написанном 10 ноября[39], он пишет, что возвращение Ламмерта в Москву «наталкивается на большие трудности», но он пытается облегчить положение Ламмертов в Казани. При этом, В. Пик подробно поясняет, что должны будут сделать местные власти для улучшения условий их жизни. Но в действительности всё было по-другому. К тому времени, как письмо Пика дошло в Казань, Ламмерт, страдавший от тяжелого воспаления легких и не получавший помощи извне, уже полгода инвалид; при этом, он продолжал быть «трудмобилизованным». Ни одно из обещаний от Москвы не было выполнено. Перевод жены Ламмерта Гетты в фабричную поликлинику был произведен из-за недостатка врачей, причем, возможность ее обратного перемещения сохранялась. Сын Уле должен был до сентября 1947 года работать на заводе, который его мать покинула лишь в 1950-м. В разрушающемся подвале, в котором семье приходилось жить до декабря 1944 года вместе с супружеской парой из Ленинграда, болевшей туберкулезом, ни разу не

был сделан ремонт, и доступа к столовой у них не было. После получения инвалидности и выбытия из военного завода, Вилл Ламмерт стал получать намного меньший паёк продуктов; только во второй половине 1943-го он стал получать от Союза Художников дополнительный паёк[40].

Из упомянутых документов и их хронологического порядка хорошо видно, что изменение положения Вилла и Гетты Ламмерт не зависело от внешних факторов. Очевиден и тот факт, что вплоть до выезда в декабре 1951 года находились под влиянием ограничений трудовой армии, а позже – статуса «спецпереселенцев». Пик и Ульбрихт заставили МОПР обратить внимание на эту ситуацию и после войны хлопотали о возвращении Ламмертов, прежде всего, по распоряжению жены Фридриха Вольфа Эльзы.

Различные обстоятельства воспрепятствовали в 1946 году депортации семьи из Казани в Казахстан. В переписку и телефонные разговоры Ламмертов вмешивались остававшийся в Москве член КПГ Фёрстерлинг и советская секция МОПР. Поданное семьей ходатайство о выезде было переслано местным НКВД в Москву, откуда должно было поступить решение. После первого отказа в октябре 1946 года всё стало неустойчивым. Согласно данным, полученным от Уле Ламмерта, – «первое продвижение произошло 13 февраля 1950 года, когда секретариат СЕПГ дал согласие на возвращение, после этого министерство внешних дел ГДР получило заявление, и 6 марта 1951 года политбюро ЦК СЕПГ обратилось с соответствующей просьбой к ЦК КПСС, который дал положительный ответ 22 августа 1951 года. В то же время, по рекомендации дипломатической миссии ГДР в Москве, заявление Ламмерта было отправлено секретарю ЦК Суслову. 27 июля 1951 года семья была приглашена отделением помощи политэмигрантам Союза Общества Красного Креста (СОКК) в Москву, но до ноября приезду препятствовал НКВД»[41].

Обращает на себя внимание еще одна деталь. Практически одновременно, в феврале 1949 года, на имя Председателя Президиума ВС СССР Шверника Гельмс и Ламмерт отправляют сходные заявления с просьбой о снятии их со «спецучёта». В тексте Ламмерта явственно прослеживается строй и характер аргументации, свойственные изощрённым письменам Гельмса[42].

Является ли это согласованными действиями или нет, неизвестно. Уле Ламмерт помнит, что его отец писал письмо по рекомендации местного НКВД.

По-видимому, Эрнст Гельмс, который был принужден собрать компрометирующий материал о Ламмерте, не сообщил органам ничего «достойного». По наводке сына Уле художники познакомились в конце 1945 года, когда Гельмс попросил Ламмерта сделать декоративную скульптуру для его декораций к «Пути в Нью-Йорк». Две похожие работы он получил от него в 1947 году. Это были скульптура для постановки «Командир армии», а также четыре бюста для «Великой силы». Уле Ламмерт оценивает отношение к Гельмсу как «хорошее и дружеское», но не как «фамильярное». «Гельмс помогал Ламмерту найти работу в театре. После отъезда Ламмертов из Казани их связь прервалась, в том числе – за редким исключением – письменная». Спустя годы после смерти Ламмерта, Уле, работая над монографией о своем отце, обратился в письме к Гельмсу, который согласился послать несколько фотографий. В 1963 году по одному экземпляру книги были отправлены «с глубочайшим уважением» на адрес Гельмса и татарского Союза художников, но ответ не пришел[43].

Борьба за театр и волю как двуединая задача

У Гельмса не было таких высоких покровителей, как у Ламмерта. Он действовал, полагаясь лишь на самого себя. Его положение пролетария (12-часовой рабочий день, паёк – 600 граммов хлеба на день) было не из лёгких, и он выкручивался как мог: обменивал на «чёрном» рынке «доставшийся» ему на заводе спирт на соль и хлеб, присоединялся в воскресные вечера к аттракциону выступавшего в Казанском цирке клоуна Я. Шика (исполнял «моментальные рисунки») и проч. Однако в тех опасных играх с властью, в которые он играл в годы войны, ему удалось добиться главного – его мобилизация была проведена по щадящему варианту[44], и он не был выслан в Казахстан после того, как война закончилась. Гельмс имел известные формальные основания написать в одном из своих заявлений: «…Никогда никаким репрессиям, принудительным выселениям и высылкам не подвергался»[45]. Он наверняка отдавал себе отчёт в сути происходящего, но таков был один из его приёмов – с целью придания большей убедительности своим просьбам обыгрывать превратности волюнтарной советской национальной политики, базировавшейся не на конституционных принципах, а на прецедентном праве.

В годы войны и первое послевоенное время перед Гельмсом – наряду с задачей элементарного выживания – стояли два крупных и взаимосвязанных вопроса, а именно, обретения работы по специальности и возвращения гражданских прав в полном объёме. Гельмс взялся за их решение, демонстрируя энергию, напор и изобретательность. Причём даже «побочные» результаты предпринимаемых им усилий обычно способствовали стабилизации его социально-культурного статуса и улучшению условий существования.

Для того чтобы «разлучиться» с револьверным станком, ему надо было «показать себя», оказаться востребованным местными творческими институциями. Гельмс начал «завоевание» Казани с завода, к которому был прикреплён. Его «способности» оформителя замечены были заводской администрацией. По её распоряжению – надо думать, на фоне неприязненной реакции руководства цеха, работником которого Гельмс продолжал официально числиться, – он был переведён на должность художника парткома «Точмаша» (так более известен завод им. Калинина)[46]. Обретению Гельмсом имиджа умелого художника способствуют связи в кругах городской интеллигенции, которые он завязывает. Через врача поликлиники «Точмаша» Я.И. Тарнопольского Гельмс знакомится с инженером одного из эвакуированных в Казань московских заводов Г.Ц. Ротштейном. Последний в свою очередь, сводит его с четой Глушкиных, работавших вместе с Ротштейном на одном производстве. Яков Соломонович Глушкин (представлявшийся в условиях нараставшего государственного антисемитизма Якубом Сулеймановичем), продвинулся в Казани по партийной линии: инструктор, затем – зам. зав. промышленным отделом горкома партии. Он был одним из тех, кто «рекламировал» Гельмса и оказывал содействие в переводе того на работу в театр – там, где художник мог «всерьёз» закрепиться (в отличие скажем, от таких мест работы, как художественный фонд, оформительская работа по разовым договорам и т. п.) и быть зачисленным в номенклатуру художественных деятелей Татарии[47].

В 1944 году Гельмса приглашают для оформления двух спектаклей в Казанский кукольный театр, а осенью 1945 года «пробуют» в Качаловском драматическом, поручив подготовку эскизов для спектакля комедийного жанра[48]. «Отступные» театра

заводу в виде пары контрамарок Гельмс возвёл в лукавую легенду, распространявшуюся им и изустно, в его многочисленных интервью, и зафиксированную в его литературном опыте: «Председатель Верховного Совета ТАССР Динмухаметов безуспешно пытался освободить меня от работы на заводе, чтобы я, оставаясь на спецучёте, работал бы по своей основной профессии – художником. Театр же “купил” меня за несколько пропусков в театр, куда в те годы попасть было трудно – аншлаги каждый день»[49]. На самом деле, именно руководство местных органов внутренних дел, с учётом многочисленных ходатайств, приняло решение о переводе Гельмса на работу в театр. Контрамарки в подарок дирекции завода – дань ритуалу взаимных услуг, отношениям «блата». Не более того.

Искусство – материя тонкая. В том, что Гельмс состоялся как видный театральный художник, сыграли свою роль, по признанию искусствоведов и ценителей сценографии, его задатки и наработки как художника-дизайнера и графика[50]. Не остался втуне его талант художника-карикатуриста – он выдвинулся в число известных мастеров сатирической графики России. Но разве от этого становится менее драматичной судьба Гельмса как художника? Переход с завода в театр, конечно, был для него благом, но ему не позволили реализовать свой собственный выбор: «Конечно, меня гораздо более (чем работа в провинциальном театре. – *В.Б.*) интересует жизнь и работа в Москве в системе Союзмультфильма, куда в будущем я надеюсь всё же перейти…»[51]. Надеждам этим не суждено было сбыться.

Домашний адрес для товарища Сталина

Доступные Гельмсу способы действий, направленные на изменение его подневольного положения, заключались прежде всего в различного рода обращениях в те органы и к тем руководящим лицам, которые – по крайней мере, по представлениям Гельмса – способны были принять соответствующее решение. «Застрявший» в Казани московский немец приступает к «бумажной» осаде бюрократических крепостей. Первым делом он «организует» несколько писем в московские инстанции от имени администрации Союзмультфильма, которые поступают туда в течение 1944–1945 годов[52]. Руководство студии безуспешно пыталось вытребовать Гельмса для работы у себя. Следующие шаги в этом направлении Гельмс предпринимает сам, удостоверившись в характере политических решений послевоенного времени, касающихся судеб «трудовых армий». Здесь советско-партийные верхи руководствовались той же логикой, из которой они исходили, выстраивая свою политику относительно оставшихся в живых жертв террора – не допустить их возвращения в те места, где они были подвергнуты преследованию.

На основании Постановления СНК СССР от 8 января 1945 года и последующей директивы НКВД СССР № 68 от 24.03.1946 г. «мобилизованные» переводились на «положение спецпоселенцев»[53] (статус) и ставились на «учёт спецпоселения», т. н. «спецучёт»[54] (режим). Своеобразие этой нормативно-правовой ситуации придавало то обстоятельство, что поражались в правах лица, за которыми формально не числилось уголовного прошлого – и высылка, и трудовая мобилизация считались мерами административного порядка. Именно решения по существу дела, а не на основе проявленного к нему «формального» подхода, добивается Гельмс в своих

письмах Сталину, отправленных им в апреле–мае 1946 года: одном – как председателю Совета Министров СССР, другом – в виде «письма-ходатайства» к нему лично.

В этих посланиях, в основном, уже приводятся доводы, посредством обоснования которых Гельмс во всех своих последующих обращениях доказывает правомерность и необходимость принятия решения о снятии его со «спецучёта». Он выпячивает свои заслуги как «честного советского гражданина», который «честно заработал право быть освобождённым», в том числе – тем, что «был полезен *делу внутренней обороны* (выделено нами – *В.Б.*), что можно проверить»[55]: в системе идеологии и моральных ценностей большевизма доносительство было, так сказать, и самым честным и наиболее полезным делом. Под целесообразность переезда в Москву тоже подводится база в духе агитпроповского официоза: она мотивируется не личными творческими расчётами самого художника, а открывающимися там возможностями «полностью развернуть творческую работу во благо Родины и искусства»[56].

Ко времени написания своих писем Гельмс, как он сам поясняет, «после длительных хлопот» Казанского драматического театра, был «временно отпущен для творческой работы художника», но «в полном переводе отказывают и угрожают вернуть на завод, где я как квалифицированный художник совершенно не нужен»[57]. Перед нами следы внутриведомственных разногласий по поводу того вида «общественно-полезного труда», которым надлежит заниматься Гельмсу: руководство НКВД (МВД) не препятствовало и даже содействовало переводу Гельмса в театр, но – по всей вероятности – некоторые работники аппарата (скорее всего, – отдела «П») проявляли недовольство этим решением и готовили почву для его отмены. Это Гельмса всерьёз и беспокоило. Вряд ли он надеялся, что его письма Сталину уйдут в Москву. Скорее, они и были «адресованы» местным полицейским властям: во-первых, Гельмс «разоблачает» зреющий против него «заговор» в недрах силового аппарата; во-вторых, ставит их в известность о том, что в Москве у него есть «заступники» в лице крупных руководителей сферы искусства (таких, как директор Союзмультфильма Птушко[58]).

Свойственная писаниям Гельмса лингвокультура бюрократических экивоков и недомолвок сигнализировала: «москвичи» могут поспешествовать Гельмсу, и в случае его возвращения на завод «подать» это дело «где надо» так, как оно видится самому Гельмсу, а именно, в виде «издевательства» над честным и полезным Родине человеком, которому не дают «без страха за завтрашний день (автором письма используется идеологическое клише советской пропаганды. – *В.Б.*) творчески работать»[59]. Как и следовало ожидать, направленные Сталину письма до адресата не дошли и ответа Гельмс на них не получил, однако, он окончательно закрепляется в театре в качестве художника-постановщика[60].

Разумеется также, вряд ли можно рассматривать послания Гельмса лишь в качестве инструментов его бесстрастного расчёта. Письма несут на себе печать симптомов игры нервов человека, попавшего в западню государственно-монопольных хозяйственных отношений, дискриминируемого по этнокультурному признаку, лишаемому возможности творчески реализовать себя, возвернувшись в свой культурно-географический топос: «Прошу учесть, что я обращаюсь к Вам, доведённый до полного отчаянья совершаемой надо мной несправедливостью… продолжать дальше такое существование у меня нет ни моральных, ни физических сил»[61].

Психологическое состояние надежды на благополучный исход зачастую сопутствует даже тем устремлениям человека, безнадёжность которых им осознаётся ра-

ционально. Иначе как можно оценить такую деталь «личного» послания Гельмса вождю всех народов: он просит адресовать ответ – в обход местных инстанций – на его домашний адрес?

«Хорошее» МВД и «плохие» органы ГБ

Новый прилив «декларативной» активности Гельмса связан с принятием Указа Президиума ВС СССР от 26 ноября 1948 года, когда, как он написал в одном из обращений, «действие этого учёта (спецпоселения. – *В.Б.*) усугубилось». Согласно Указу переселение этнических меньшинств, включая немцев, «проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Его действие распространялось и на тех, кто проходил по категории «спецпоселенцев»[62], иначе говоря, на всех в своё время мобилизованных в «трудовые армии». В очередной «кампании» Гельмса просматривается своя логика. Адресуясь теперь, в первую очередь, к Председателю Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметову, являвшемуся в то время одним из заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР[63], Гельмс создаёт некий «задел» в системе своих апелляций. В дальнейшем он, когда считает это нужным, ссылается на своё обращение к Динмухаметову (или прилагает его к новому заявлению), посредством чего и информирует адресата о «размахе» своего дела, и пытается создать иллюзию его «продвижения» в законодательных инстанциях[64].

К началу 50-х годов Гельмс убедился в том, что и необходимым и достаточным условием его пребывания в Казани на положении «выселенца» выступает этническая принадлежность. Поэтому в своих обращениях он теперь старается выпятить свою причастность именно к русской культурной общности и, соответственно – отдалённость от немецкой: «Считаю себя русским не только по гражданству, но и по духу». Это утверждение призвана подкрепить ссылка на этническое происхождение обеих его жён, бывшей и нынешней, ни одна из которых не является немкой: первая – русская, другая – «по национальности еврейка»[65].

По-иному выглядит «сумма технологии» Гельмса в том заявлении, что направлено им за подписью «Москвина» на имя заместителя министра внутренних дел ТАССР, курировавшего проведение оперативно-розыскных мероприятий[66]. Написано оно весьма напористо и в «наступательном» ключе, на том языке, который – по разумению Гельмса – мог скорее «пронять» милицейское начальство. Со страниц заявления встаёт образ решительного, уверенного в себе человека, как бы на равных участвующего в «деле внутренней обороны». «Художник-слесарь» стремиться разыграть карту межведомственных трений, учитывая традиционное соперничество между криминальными и политическими подразделениями силовых структур. Гельмс нарочито одобрительно отзывается о методах милицейских органов и о характере их взаимоотношений с негласными осведомителями: «С момента работы в органах МВД я чувствую честное и прямое ко мне отношение, проявленные в рамках возможностей внимание и заботу обо мне (перевод в театр)»[67].

Напротив, работа органов политического сыска подаётся им как топорная, проводимая без учёта интересов сотрудничающих с ними лиц, а по отношению к нему носившая «характер издевательства»: его, в частности, постоянно «водили за нос», обещая перевод в Москву, но ничего для этого не сделали. Посему, заключает

Гельмс, «доверием моим лица из органов ГБ, после ряда обманов, не пользуются», – а до того он, де, считал, «что слова, сказанные ответственным работником, имеют вес»[68].

Гельмс не преминул проинформировать местные милицейские верхи, что он о таком поведении «сотрудников НКГБ» – оно является «не просто некорректным, а, по сути, издевательством» – «упомянул в письме в Верховный Совет». Автор послания одновременно подчёркивал, что он неуклонно следует заведённому порядку: «Конечно, в каждом письме я не мог указывать всех подробностей (своей негласной деятельности. – *В.Б.*), это понятно»[69]. Однако его обращения не имели успеха. Вопрос Гельмса и ему подобных находился в компетенции высшего политического руководства, что и продемонстрировал «казус» Ламмерта.

Компромисс режима с художником

Следующий «натиск» на бюрократическую машину Гельмс начинает сразу после смерти Сталина. Предпринятые послесталинским руководством первые шаги в направлении либерализации строя, происходившее изменение идейно-политической конъюнктуры стали сказываться на деятельности милицейских подразделений, надзирающих за контингентом «выселенцев». В органах внутренних дел, вероятно, сочли, что теперь следует – с целью придания большего правдоподобия «отказным» решениям – изыскивать дополнительную аргументацию. Особенно ту, которая хорошо «срабатывает» во всех инстанциях. К таким аргументам неизменно относится обнаружившаяся «неискренность» того или иного лица, пытающегося скрыть (от партии, правосудия и т. д.) какие-то факты своей биографии, которые надлежало придать огласке. В случае Гельмса они нашлись: в своих расчетах и играх тот иногда допускал передержки и просчёты. В официальных бумагах Э. Гельмс неизменно указывал, что его отец умер в Москве, в апреле 1942 года[70]. Данное сведение ранее не проверялось как несущественное для обоснования принимаемых в отношении «спецпоселенца» решений. Зато обман Гельмса сразу же выплыл наружу, когда это понадобилось ведомству внутренних дел. Проведённой – в связи с его очередным обращением в высшие инстанции – весной 1953 года проверкой было установлено, что его отец в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» был 24 июля этого же года выслан из Москвы в Тюмень в административном порядке, «о чём Гельмс в своих автобиографических данных скрывает (так в тексте. – *В.Б.*)»[71].

Последний отказ на своё заявление Гельмс получил в феврале 1954 года, и вновь, в частности, на том основании, что он пытался ввести в заблуждение официальные органы относительно реальных обстоятельств биографии своего отца[72]. А полгода с лишним спустя, 26 октября 1954-го, Гельмс был снят с учёта спецпоселения, но не как индивидуум, а согласно решениям, принятым в государственном масштабе – Постановлению Совета Министров СССР за номером 1738–789сс от 13 августа 1954 года и соответствующему приказу МВД (служебный номер – 00713) от 20 августа 1954 года[73].

Можно предположить, что Э. Гельмс ещё не раз пытался оспорить остававшийся в силе после 1954 года запрет на возвращение бывших «спецпоселенцев» на преж-

нее место жительства как не имеющий отношения к нему лично[74]. Однако в 1972 году, когда он мог бы возвратиться в столицу[75], куда так долго рвался, – этот вопрос утратил для него реальный смысл. В том году Гельмсу исполнилось 60 лет. Он уже укоренился в Казани. Художник был признан и отмечен наградами и званиями. До «заслуженного художника» России оставалось полтора года. Человеку, который летом 1949 года сочинял бумагу, содержащую изложение причин совершённого им серьёзного проступка – неявки в комендатуру для получения специальной отметки в документе, заменяющем паспорт[76], и кому разрешили выезжать на гастроли по стране со своим театром только в 1954 году, открылись заграничные маршруты по линиям «специального туризма» и «гостевых приглашений».

По словам его дочери Ренаты Гельмс, отец поведал ей в начале 90-х годов об одном эпизоде: оказавшись в 1973 году в Зальцбурге, культурная атмосфера которого его особенно привлекала, Гельмс подумывал, не переехать ли ему сюда насовсем. Но перевесило беспокойство за судьбу оставшихся бы в таком случае в Казани домочадцев. И потом, у него было теперь главное в жизни дело – Качаловский театр, который он считал своим.

Пессимистическая комедия

В послевоенный период, чем дальше, тем больше и специалистам, и публике становилось ясно, какого масштаба фигура живёт и творит среди них. Его знали, он был на виду, выделялся всё заметнее. Чтобы понять «позднего» Гельмса, пожалуй, следует коснуться его личности и поведения – социального и обыденного – в трёх измерениях: творчество, этнокультурная идентификация и, так сказать, жизненный темперамент. Исследование особенностей творений художника Гельмса, строго говоря, не входит в число приоритетов данного социобиографического «розыска». Однако выявление эстетических предпочтений художника способно помочь хоть что-то «услышать» от нашего героя в ответ на те вопросы, которые автор вознамерился поставить «перед ним» в качестве последних, итоговых: как он «переварил» результаты своего организационно-социального опыта, приобретённого в 30–50-е годы? Какие уроки – волей-неволей – извлекал из прошлого – своего и своей страны?

Не рискуя впасть в явное заблуждение, можно мыслить творческое кредо Гельмса в русле тех художественных поисков, которыми отмечена деятельность в искусстве носителей ценностей «шестидесятничества». Гельмса поругивали за «формализм» – «излишнее увлечение материалом и тяготение к линейно-графической разработке оформления», приводящих «порой художника к некоторой сухости и безжизненности колорита»[77]. Можно отметить, что подобные замечания базируются на тех подходах к оформительскому театральному искусству, согласно которым декорация призвана материализовать правдоподобные «измерения» текста в том виде и так, как их задумывал автор в процессе написания пьесы. Идея однозначной иллюстрации драматургического текста поощрялась в советском сценическом искусстве. Творческие продукты, создаваемые на базе этих сценографических ориентиров, которые Гельмс относил к «так называемым «творениям соцреализма»», казались ему «примитивными», «скучными», «унылыми»[78].

Его ироническое отношение к образцам «соцреализма» в станковой живописи было хорошо известно в сообществе художников. В материалах Гельмса сохрани-

лось анонимное послание, которое он получил осенью 1983-го года. Неизвестный автор, не стесняясь в выражениях, клеймил его за шаржирование местных столпов «реалистической» живописи, в котором – не без основания – критик усмотрел негативное отношение Гельмса к манере их творчества: «Гельмс! Как можно назвать твои хулиганские пародии на наших уважаемых художников…? Как смеешь ты именовать откровение своей подлой, низкой душонки – “дружеским” шаржем? С какой издёвкой и ненавистью показываешь ты их балаганными петрушками… Горько и обидно нам за наши таланты. Ведь надо же, наши… любимые народом художники в твоём представлении лишь бездумные, безмозглые кретины».

Гельмс, насколько можно судить, двигался в направлении эстетических идей, восходящих к концепциям Адольфе Аппиа и Эдворда Гордона Крэга, поставивших под сомнение универсалию натуралистической постановки и передавших сценографу новые полномочия, связанные с осознанием им своей автономности, и с принадлежащим ему правом на оригинальный вклад в развитие спектакля. Представление об автономности театрально-оформительского искусства утвердилось в современной мировой театральной практике, где «сценография уже не есть обязательный элемент в виде старинного рисованного холста, а динамичный и многофункциональный элемент театрального представления»[79]. Поэтому восприятие Гельмсом уровня советской сценографии, положение которой его совершенно не удовлетворяло и всерьёз заботило, было сродни ощущениям от «очень уж наболевших ран». В архиве Гельмса находятся несколько протографов статей, которые он готовил для театрально-художественных журналов, и переписка с редакциями по их поводу. Эти статьи остались лежать без движения: уровень содержащейся в них критики современной ему театральной жизни «зашкаливал» за допустимые цензурные пределы.

Первые девятнадцать лет работы художником в Качаловском театре Гельмс был «вторым», а заняв в 1965 году пост главного художника, развязал себе руки: номера «второго» не взял, а стал приглашать художников со стороны. Так на сцене казанского театра блеснула мастерством «известная художница» Татьяна Сельвинская. Оформил два спектакля главный художник любимовского театра на Таганке Давид Боровский, творчество которого Гельмс высоко ценил, назвав московского сценографа «знаменитым мастером нашего дела»[80].

Удивительно ли, что в эпоху брежневской ресталинизации творчество и неуёмный профессиональный активизм Гельмса вошли в противоречие с теми подходами, что насаждались в театре «застойных» годов? «Позднее, в семидесятые годы, – вспоминал Гельмс, – мне становилось работать тяжелее и тяжелее. И дело было не в (моих. – *В.Б.*) годах! Меня угнетала всё более и более общая атмосфера театра (читай – театральная политика. – *В.Б.*)… С годами и режиссура появилась невысокого профессионального уровня. Начались конфликты, особенно с главным режиссёром. И у меня начались неудачи с оформлением ряда спектаклей (трудно было ожидать творческих взлётов в тех межеумочных условиях, в которых оказался “разогнавшийся” в годы “оттепели” художник. – *В.Б.*). Словом, как говорится, меня ушли на пенсию… И с тех пор в театрах я не работал»[81].

Но практически вплоть до своих последних дней Гельмс не выпускал кисти из рук. Одно из самых поздних его произведений, написанных «уже для собственного удовольствия», – это «ряд эскизов по пьесе Салтыкова-Щедрина “История одного города”»[82] (закупленных, кстати, Союзом художников РСФСР). В этом «городе» прошла его жизнь.

В одном прощальном слове, сказанном после кончины Гельмса, говорится: «Немец от рождения, Эрнст Брунович стал подлинно российским творцом, получившим признание от его малой родины, каковой он считал Казань»[83]. Подобное «спрямление» проблемы мало что проясняет. Дело не только в том, что он своей малой родиной считал всё же Москву, а не Казань. Одним из основополагающих начал его творчества и мировосприятия была немецкая культура, понимаемая в расширительном смысле, включая культурный субстрат сообщества русских немцев.

Знаки духовности немецкого извода отчётливо проступают в творческой лаборатории Гельмса, а в неявных, замещённых формах – в его художественных изделиях. Домашняя библиотека Гельмса содержит обширное собрание репродукций немецких художников и напечатанные на языке оригинала книги немецких авторов, посвящённые проблемам эстетики и театрального искусства (немецким языком он свободно владел). Он оформил – впервые на советской сцене – обе части трагедии Гёте «Фауст», постановку которой осуществил в 1976 году Краснодарский драматический театр им. М. Горького.

Став «выездным» в середине 60-х годов, Гельмс получил возможность ознакомиться с работой производственных цехов «берлинских, венских, варшавских, пражских театров», однако в своих литературных штудиях обращался к опыту именно театров Германии. Сравнение производственной стороны театральной жизни Берлина с состоянием советских театров было явно не в пользу последних: становилось очевидным, «в каком нищенском и бюрократическом положении находятся наши театры». При этом Гельмс делает обобщение, на котором лежит отпечаток того мифа о немецких национальных качествах, дань которому отдаёт он сам (надо думать, – уже в качестве россиянина): «Если у нас работа построена на недоверии друг к другу, то в Берлинском театре – на доверии»[84].

Этнокультурное сознание «играло» в различных его реакциях. Помнится, как он с лёгким удивлением и ехидным восхищением повествовал, что его бабушка, умершая в Москве далеко за восемьдесят, вскоре после революции, поди ж ты! так и не выучилась говорить по-русски, зато слуги по-немецки заговорили. Или делился впечатлениями о встречах с актрисой А.Б. Фрейндлих, тоже происходящей из московской колонии немцев. Представь себе, поражался Гельмс, – и неказистая, и рост маловат, а какая актриса! Это ему, верно, импонировало – идти к цели вопреки обстоятельствам, даже бросая вызов природе вещей. Где-то в подтексте проскользнуло: видишь, немка, немецкие качества, «тоталь организирт». Да, Гельмс своё происхождение осознавал и осмысливал, но как? Он включал себя в немецко-культурную линию именно в России, ностальгии по стране Германия у него не было.

В характере и манере повседневного общения художника сразу бросался в глаза присущий ему юмористический темперамент. Гельмс нередко лицедействовал – человек театра всё-таки! – повествуя о различных случаях из своей жизни. Скажем, вспоминал как развесёлое приключение свой экзамен по обществознанию, который принимал у него в комбинате-техникуме известный историк и экономист тех лет В. Сарабьянов. Эрнсту было известно, что строгий преподаватель питал особую слабость к нелепому, с точки зрения европейского вкуса, «своему», армянскому, блюду – варенью из баклажанов. На экзамене всё решал последний, «коронный» вопрос, который задавал экзаменатор. Получил его и Гельмс: «Приведите пример единства и борьбы противоположностей». Прозвучал ответ: «Баклажанное варенье». Оценив находчивость молодого смехача, Сарабьянов, погрозив ему пальчиком, по-

ставил «отлично». Между тем за пределами рассказа, в тени, оставались вовсе не смешные обстоятельства. Доложи обществовед «куда следует» о столь вольном обращении учащегося с незыблемым законом диалектики, могло бы этому ученику-шалопаю куда как не поздоровиться.

Кажется, что не юмор нашёл Гельмса, не столько природная эксцентричность и экстравагантность тут сказались, сколько он сам выбрал его в качестве целенаправленной жизненной реакции. Юмор выступает и как опирающаяся на силу характера форма самоутверждения по отношению к алогизму бытия, и как средство самооценки и самоконтроля личности. Смех, самоирония были для ушибленного гонениями Гельмса маскировкой, служили той бронёй, которой он прикрывался. Не из этого ли ряда инструментов духовной самозащиты его настоящая страсть – изготовление масок, из пенопласта, дерева, гипса? Это был стойкий и сильно живой человек. Прошлое не отпускало его, но не смогло сломать. В его набросках о театре звучит фраза: «Вереница лет проходит передо мной. Я возвращаюсь к началу». Он мог позволить себе вернуться туда.

Цена игры с властью

Ставкой в той игре, в которую был втянут Гельмс, и от которой он не счёл возможным отказаться, была сама его жизнь. Потом вопрос «художник и власть» в такой его постановке был снят. Цена «оклада» понизилась до возможности продолжения работы под условие конформистского поведения. И вот здесь Гельмс уже не посчитал нужным идти на «сговор» с носителями системных правил и норм. В подготовительных материалах к книге «Мой театр» можно встретить ироническую интерпретацию поведения тех или иных деятелей, которые, как один из упоминаемых им директоров театра, ходили «на задних лапках перед парткомиссией».

Насколько можно судить, в отличие от близких ему по духу «шестидесятников», Гельмса отличало отсутствие каких-либо иллюзий относительно природы того социального строя, на реформирование которой в демократическом направлении они возлагали большие надежды. В новые, перестроечные, времена Гельмс не проявлял видимого интереса к течению внутриполитической жизни, разве что болезненно реагировал на любые проявления этноцентристских идей и практик в Татарстане. Здесь так же, как и в других регионах распадавшегося «красного» Третьего Рима, этнический национализм оказался «для некоторых националистических, квазинационалистических и коммунистических организаций удобным орудием манипуляций для завоевания популярности среди части населения»[85]. В недописанном письме, предназначавшемся «дорогой Раечке» (как явствует из текста, – своей давнишней знакомой, от которой он после долгого перерыва получил весточку через третьи руки), Гельмс использует экспрессивные и цинические выражения для характеристики национального радикализма и его носителей. Гельмс хорошо, слишком хорошо знал, во что на практике выливаются этнократические проекты общественного переустройства.

Можно, верно, сказать, что социальная биография Гельмса предстаёт в виде одной из типичных моделей отношений в связке «личность – идеократическая система». Гельмс продемонстрировал сценарий самосохранения и развития ориентиро-

ванной на высокие творческие задачи личности «в обществе, совершенно одичалом в результате упразднения правовых норм»[86]. Однако вряд ли стоит ставить вопрос о том, кто кого «переиграл» – он систему или она его? Ни один из этих «выигрышей» «уже не может быть выигрышем»[87]. После полувекового развития в послевоенные времена российское общество пришло к состоянию, о котором даёт понять маленькая картинка, «нарисованная» Гельмсом в конце 1991 года: «Ну, жизнь у нас прекрасна и весела. В самом деле – в соседнем магазине мне дают, без лимитов и талонов, колбасные обрезки для моих собак. Как персональный РСФСР-овский пенсионер имею спец. магазин. Там раз в месяц имею 300 гр. сыра – это уже наше достижение…»[88].

На историческом балансе системы, заставившей Гельмса играть с ней в игры «внутренней обороны», – истребительный удар, нанесённый ею по животворной и значимой для российского общества социально-культурной традиции российских немцев, которая уже никогда не сможет обрести полнокровное содержание.

Переводя разговор из плоскости социального познания в сферу этических интерпретаций, имеет смысл привести суждение одного автора. Оно, может быть, и не привносит ничего нового в рассуждения об ответственности человека, оказавшегося в ситуации, когда «сами понятия “государство” и “репрессивная система” по сути, становятся идентичными»[89]. Но мысль эта примечательна уже тем, что принадлежит человеку, какое-то время, в переломный момент российской истории, возглавлявшему ведомство госбезопасности: «Смелых людей, бойцов, диссидентов, противников режима было не много… Подавляющее большинство людей – и в годы сталинизма, и в годы брежневщины, просто учились, работали, принимали действительность такой, какая она есть, и, подчиняясь общему потоку жизни, жили и честно, как понимали, делали своё дело. Таковы суровые правила тоталитарного режима: либо ты живёшь “как все”, как указывает вождь, партия и “народ”, либо ты уже не народ, а “враг народа” и должен уйти в небытие. Люди приспосабливались к такой жизни, вырабатывали какие-то механизмы самозащиты, в том числе и от собственной совести. Совесть ведь тоже убивает. И кто сейчас возьмёт на себя смелость осуждать их? И за что? Даже невинно погибшие не стали бы это делать, потому что могли жить только так»[90].

«Механизмы самозащиты» оказываются не в состоянии, между тем прикрыть все стороны духовно-психической организации человека, занимающего позицию «сделки с совестью» и который расплачивается за это по своему собственному смысложизненному счёту. Цену, которую Эрнсту Гельмсу пришлось заплатить за некоторые роли, которые он сыграл в своей жизни, по-настоящему знал лишь он сам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитируется из неопубликованного текста Эрнста Гельмса, хранящегося в его личном архиве. Содержащиеся в нём материалы любезно предоставлены автору его дочерью Ренатой Гельмс (далее – «Коллекция Гельмс»). Данное извлечение содержится в набросках, сделанных в первой половине и середине 80-х годов. Они относятся к незаконченной Гельмсом книге «Мой театр». В соответствии с замыслом данного биохроникального изыска сформирована его источниковая основа, которую составляют: а) находящиеся в Архиве МВД РТ (Спецфондах МВД РТ) докумен-

ты, сведенные в «личное дело спецпоселенца» Э.Б. Гельмса (за номером 266; архивный номер – 161 СО; «подшито 195 страниц»; начато 15 апреля 1949 года, последний документ датирован 3-м сентября 1954 года). В деле собраны документы, относящиеся к периоду 1943–1954 гг. В 1954 году личные учётные дела на снятых с учёта спецпоселения, а также прекращённые агентурно-разыскные дела были «сданы в архивы I спецотделов МВД-УМВД по территориальности» (См.: *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 145); б) источники, отражающие работу Гельмса в Казанском БДТ им. В.И. Качалова, находящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ); в) разнообразные эгодокументы, хранящиеся в домашних «залежах» Э. Гельмса; г) материалы мемуарного характера, полученные, главным образом, в ходе интервью с некоторыми родственниками Гельмса и знавшими его людьми; д) результаты «включённого наблюдения», каковым можно считать общение автора с героем очерка на протяжении 1972–92 годов.

[2] *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М., 2000. С. 11. В оригинале тот же: Das Fanal von Sarajevo. Ethnonationalismus in Europa. Paderborn u.a. 1996. S. 9.

[3] Значительная часть литературы о «немецком вопросе» в России рассматривает, в первую очередь, репрессии против немецкого населения. Ср. Б.А. Ауман, В.Г. Чеботарева (созд.): История российских немцев в документах (1763–1972 гг.). – М., 1993; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худ. сборник, составленный С.У. Алиевой. 3 тома, здесь Т. 2. – М., 1993; *Чепцов В.В.* Трагические судьбы: Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. – М., 1998; Репрессии против российских немцев. Наказанный народ: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». – М., 1999 и др.

[4] *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. – М., 1999. С. 81.

[5] «Русификация» имён и отчеств представителей этнических меньшинств в России имела своим основным источником стремление «инородцев» к этнокультурной мимикрии перед лицом их дискриминации на государственном уровне, а также вследствие этнофобий, с которыми они сталкивались в условиях повседневности.

[6] Подготовительные материалы к книге «Мой театр». (Коллекция Гельмс).

[7] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 5, 10, 12, 28 и др.; Коллекция Гельмс.

[8] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 8.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] *Полян П.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. С. 14.

[12] Театральная Энциклопедия. Т. 1. – М., 1961. С. 1138; См. также: Там же. Т. 2. – М., 1963. С. 1044; *Крути И.* Русский театр в Казани. – М., 1958; *Червонная С.М.* Художники Советской Татарии: Мастера изобразительного искусства Союза художников Татарии. – Казань, 1984 и др. – Э.Б. Гельмс, занимавший с 1965 по 1981 гг. должность главного художника КБДТ им. Качалова, являлся членом Союза художников СССР, Союза журналистов СССР, ВТО, членом совета по декоративному искусству при ВТО, с 1954 года руководил секцией театральных художников зоны Среднего Поволжья и т. д. В его архиве хранятся адресованные ему поздравления по случаю различных творческих и жизненных юбилеев, принадлежащие видным деятелям советской культуры послевоенного времени.

[13] Э.Б. Гельмс // Народные художники / Сост. В. Аршинов, Ю. Петров. – Казань. 1983. С. 3.

[14] *Пожарская М.* [Предисловие] // Выставка произведений заслуженного деятеля искусств Татарской АССР Э.Б. Гельмса: Каталог. – М., 1958. С. 4; Театральная энциклопедия. Т. 1. – М., 1961. Стб. 1138.

[15] Коллектив БДТ имени В.И. Качалова, отдел культуры «Казанских ведомостей». Примите благосклонно… // Казанские ведомости, 8 сентября 1993.

[16] По-немецки: *Sergej Shurawljow.* Ich bitte um Arbeit in der Sowjetunion. Das Schicksal deutscher Facharbeiter im Moskau der 30er Jahre. – Berlin, 2003, ср. там же С. 140, сн. 163. В этой публикации исследуются биографии немецких рабочих-коммунистов, составивших костяк иностранной колонии московского завода.

[17] *Ватлин А.* Хайль зовет! Иностранные рабочие в сталинской России // Книжное обозрение «Ex libris НГ». 07.12.2000 г.

[18] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 40, 40-об. Весной 1950 года Гельмс обращался в качестве «агента Москвина» с пространным заявлением на имя одного из заместителей министра внутренних дел Татарской АССР.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] *Маленков А.Г.* О моём отце – Георгии Маленкове. – М., 1992. С. 55.

[22] См.: *Гладков Т.* С места покушения скрылся. – М., 2000.

[23] *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Т. 2. – Смоленск, 1994. С. 42.

[24] Архив МВД РТ. Ф.«П». Оп.1. Д. 161 СО. Л. 162, 168.

[25] Там же. Л. 45.

[26] Там же. Л. 12.

[27] Там же. Л. 7–9, 11, 12; интервью с Р. Гельмс 6 марта 2000 г.

[28] Там же. Л. 8.

[29] История российских немцев в документах…, см. сн. 3. С. 161–162.

[30] «…Видимость законности соблюдалась: вместо ареста – “мобилизация” через райвоенкоматы, вместо приговоров суда – Постановление Государственного Совета (так в тексте. – *В.Б.*) Обороны “О мобилизации граждан для работы в промышленности”, вместо фактического определения “заключённый” – термин “трудомобилизованный такой-то”. В обращении к нам звучало благородное слово “товарищ” и в “зоне” создавались даже партийные и комсомольские организации». (*Вольтер Г.* Три круга дантова ада: Очерк // Так это было… Т. 1. С. 167).

[31] Архив МВД РТ. Ф.«П». Оп.1. Д. 161 СО. Л. 19.

[32] Там же. Л. 20, 24. – Шестой разряд был достаточно высокой категорией, которую рабочий мог получить после нескольких лет работы и соответствующих достижений (*Прим. ред.*).

[33] Справка МВД РТ о нахождении на спецпоселении Гельмс Э.Б. 20 октября 1992. № 5/Г-2161. (Коллекция Гельмс). Таково было общее правило. Для многих поэтому годы «трудовой армии» оказались потерянными даже с точки зрения обыкновенного рабочего стажа.

[34] Вилли Вильгельмоич Ламмерт. Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 40. Автор очерка не считает нужным восстанавливать фамилии частных лиц, фигурирующих в заявлении «Москвина». Исключение сделано для В. Ламмерта – немецкого политэмигранта, в начале 50-х гг. уехавшего вместе со своей семьёй из Казани – места их депортации, и скончавшегося в Берлине 30 октября 1957 года. Надо представлять, что «разработка» носила, по сути дела, формально-ритуальный характер и сводилась во многом к фиксированию агентом «крамольных» высказываний заведомо намеченной спецслужбами жертвы. – Акты и документы, касающиеся Ламмерта, представленные в Москве (Архив Коминтерна) и Берлине (Фонд-архив массовых организаций и партий ГДР в Бундесархиве), остались не рассмотренными автором статьи. В тех отрывках, где это могло привести к неверным выводам, редакция позволила себе использовать цитаты из этих документов. Особую благодарность за внесенные поправки и уточнения хотелось бы выразить профессору Уле Ламмерту, архитектору и сыну скульптора Вилли Ламмерта. Ср. также: Will Lammert (1892–1957). Plastik und Zeichnungen. Hg. von der Akademie der Künste zu Berlin 1992. S. 107–129 (*Прим. ред.*).

[35] О работе Ламмерта во время его пребывания в Риме и возвращения оттуда см.: Will Lammert. Zeichnungen 1932. Mit einem Essay von Matthias Flügge. Stiftung Archiv der Akademie der Künste. – Berlin 2002.

[36] Архив МВД РТ. Л. 40, 40-об, 43, 43-об. См. также: Там же. Д. 414 СО. Личное дело выселенца № 25. Ламмерт Вилли Вильгельмович. Л. 1–44; интервью с Ренатой Гельмс 12.06.1999; интервью с Н.П. Глушкиной 10.12.1999 и др. – Согласно письменной справке, предоставленной Уле Ламмертом в апреле 2004 года: «Факт того, что отъезд в СССР произошел по ходатайству Коминтерна и МОПР, соответствует нормам того времени. При более глубоком рассмотрении, своим отъездом мы должны быть обязаны, прежде всего, Мюнценбергу и его международной помощи рабочим. Вилли Ламмерт писал в одном из формуляров (архив Коминтерна) в 1934 году: “С отъездом в Советский Союз выразили согласие: К.П. [Красная помощь], Ганс Баймлер, МПР [Международная помощь рабочим] Вилли Мюнценберг”. По данным из того же архива от 1943 года сюда

была привлечена и КПГ. Мои родители приняли советское гражданство только потому, что у них не было никаких других бумаг» (*Прим. ред.*).

[37] Там же. У. Ламмерт; Архив МВД РТ, Ф. «П». Оп. 1. Д. 414 СО. Л. 2, 10, 13, 14.

[38] Там же. Л. 19.

[39] Архив МВД РТ, Ф. «П», Оп.1. Д. 414 СО. Л. 10, 15, 16, 19.

[40] Там же. – Согласно письменной справке Уле Ламмерта (см. сн. 36): «Из открытки, отправленной Вальтером Ульбрихтом 19 апреля 1943 года в ответ на письмо от 6 апреля, становится ясно, что представители КПГ в Москве не имели возможности оказывать какое-либо влияние на ситуацию. В двух письмах 1943 года, адресованных председателю Национального комитета Свободной Германии Эриху Вейнерту, Ламмерт повторно жалуется на отсутствие поддержки со стороны членов партии» (*Прим. ред.*).

[41] Там же. У. Ламмерт. Архив МВД РТ. Л. 42.

[42] Архив МВД РТ. Ф.«П». Оп.1. Д. 161 СО. Л. 26; Д. 414 СО. Л. 19.

[43] Письменная справка Уле Ламмерта (см. сн. 36). После возвращения в ГДР Вилл Ламмерт до своей смерти работал над памятником «Две женщины» и стелой «Несущая» для бывшего женского концентрационного лагеря Равенсбрюк в Фюрстенберге (земля Бранденбург). Они были торжественно открыты в 1959 году, уже после смерти отца (*Прим. ред.*).

[44] Вопрос о «ранжировании» мобилизованных представителей российских немцев и других «инонациональностей» – в правовом, ведомственном и реально складывающемся отношениях – требует специальных историко-юридических разысканий, с учётом той нарочитой правовой двусмысленности, которая свойственна призванным регулировать «мобилизационную» сферу нормативно-правовыми актами, издаваемыми конституциоными и чрезвычайными органами власти. Отсюда разнобой в понимании особенностей «трудармейского» режима. Так, современный исследователь однозначно отождествляет «трудовые армии» и «рабочие колонны». (См.: *Земсков В.* Спецпоселенцы: по документам НКВД-МВД СССР // Социс, 1990, № 11. С. 8). Между тем, работники аппаратов системы МВД РФ, занимавшиеся в 90-е годы вопросами реабилитации репрессированных по этническому признаку, исходили из того, что «рабочие колонны» НКВД размещались в «зонах», за колючей проволокой, а «трудармейцы», по общему правилу, не подлежали содержанию под стражей. (Интервью с В.П. Петраковым, бывшим начальником Отдела реабилитации и архивной информации ИЦ МВД РТ 29.10.1999 г.)

[45] Архив МВД РТ. Ф.«П». Оп.1. Д. 161 СО. Л. 26.

[46] Там же. Л. 5.

[47] Интервью с Н.П. Глушкиной 10.12.1999 г., интервью с Р. Гельмс 12.06.1999 г. и др. см.: In russische Fachliteratur hatte Helms Eingang gefunden: Театральная Энциклопедия. Т. 1. – М., 1961. С. 1138; См. также: Там же. Т. 2. – М., 1963. С. 1044; *Крути И.* Русский театр в Казани. – М., 1958; *Червонная С.М.* Художники Советской Татарии: Мастера изобразительного искусства Союза художников Татарии. – Казань, 1984 и др.

[48] «Мой театр». (Коллекция Гельмс).

[49] Там же.

[50] В оформительском творчестве Гельмса «счастливо сочетаются конструктивное, графическое и живописное начала» // *Айзенштадт О.* Декоратор, график, карикатурист // Театральная жизнь, 1959, № 9. С. 27. См. также: *Ким С.* Молодость – возраст души // Советская Татария, 13 февраля 1983 г. и др.

[51] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп.1. Д. 161 СО. Л. 40.

[52] Там же. Л. 43-об. По всей вероятности, Гельмс напрямую договорился об этом с дирекцией Союзмультфильма во время своего пребывания в Москве в конце 1943 – начале 1944 годов, куда он ездил «по заданию НКГБ» (о характере «задания» можно только догадываться). См.: Там же. Л. 40.

[53] Январское 1946 года Постановление СНК СССР фигурирует в ведомственных документах этого времени под номером 35-м и под названием «О правовом положении спецпоселенца, выселенца». Различие в терминологии – «спецпоселенцы» и «выселенцы» указывало на то, что первые попали в «трудармию» из мест своего постоянного проживания, вторые же были предварительно депортированы. «Трудовые армии» были расформированы в течение 1947–1948 годов.

[54] «Спецучёт» означал на практике жёсткий комендантский контроль, предусматривавший, в частности, необходимость для «спецпоселенцев» ежемесячно отмечаться в комендатуре. Самовольный выезд из мест обязательного поселения наказывался лишением свободы.

[55] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 43, 43-об.

[56] Там же. Л. 43-об.

[57] Там же.

[58] А.Л. Птушко (1900–1973), советский кинорежиссёр и художник, один из зачинателей советского объёмного мультфильма («Новый Гулливер», 1935; «Золотой ключик», 1939 и др.). Лауреат Сталинской премии 1947 года.

[59] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 43, 43-об.

[60] См.: НА РТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 83. Л. 247, 312; Д. 94. Л. 1–13; Д. 93. Л. 1–27.

[61] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1 Д. 161 СО. Л. 43-об.

[62] «Спецпоселенцы» («спецпереселенцы») формально переводились на положение «выселенцев», при этом, сам режим, установленный в отношении этих лиц, продолжал именоваться «учётом спецпоселения» («спецучётом»). Дело учёта «спецпоселенцев» («выселенцев») и контроля над ними ставится на долговременную основу: в управленческой вертикали органов внутренних дел создаются соответствующие отделы («П»), а на «спецпоселенцев» заводятся стандартизированные «личные дела». Отдельной графой проходят «справки по заслуживающим внимание агентурным донесениям и другие компрометирующие материалы». Так, в описи личного дела В. Ламмерта значатся донесения «Москвина» и некой «Майи». В деле Гельмса тоже наличествует набор «компр-материалов» на него самого. Эти бумаги исследователям недоступны.

[63] Гельмс становится лично известен Динмухаметову ещё со времён его работы на заводе им. Калинина, когда художника стали привлекать к оформлению стендов, в частности, для экспозиции на одном из смотров в Москве. Динмухаметов тоже «хлопотал» о переводе Гельмса в театр. Однако вопрос о снятии со «спецучёта», разумеется, был вне его компетенции.

[64] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 26,27.

[65] Там же. Д. 161 СО. Л. 28, 30.

[66] Поскольку обеспечение контроля над бывшими «трудармейцами» возлагались теперь на милицейское ведомство (а не на органы госбезопасности), с ноября 1945 года Гельмс перешёл под «опеку» его оперативных служб. Последние после отмены в 1954–1955 годах режима спецпоселения оставили Гельмса «в покое», как и других лиц, находящихся в сходном с ним положении. Их «личные дела» были фактически закрыты и позже сданы в архив.

[67] Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 5,40.

[68] Там же. Л. 10–12,40.

[69] Там же. Л. 40.

[70] Там же. Л. 162, 178.

[71] Там же. Л. 178.

[72] Там же.

[73] Там же. Л. 195. Позже, 13 декабря 1955 года, эти нормативные акты были подкреплены Указом Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Надо было авторитетом высшего государственного органа подкрепить решение о том, что бывшие спецпоселенцы не имеют права возвращаться в те места, откуда они были высланы.

[74] Документальными сведениями на этот счёт мы не располагаем. Копии заявлений Гельмса в те или иные официальные органы в его архиве отсутствуют.

[75] Скорее, в индивидуальном порядке, нежели в качестве представителя сконструированной некогда советскими властями некой этнополитической общности «немцев, проживающих в Поволжье». – Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» от 03.11.72 г. вернул немцам и членам их семей право возвращения в те места, откуда они были выселены, но в действительности различного рода препоны на пути реализации этого права продолжали сохраняться.

[76] В «Объяснительной записке» от 27.08.49 г. Гельмс пишет: «Находясь формально в отпуску, я тем не менее был чрезвычайно загружен в театре в связи с подготовкой к отъезду театра в Ленинград на гастроли и подготовкой нового спектакля “На дне”, и поэтому, закрутившись с работой, пропустил явку на отметку. Такое опоздание у меня первое и непредумышленное, и вызвано перегруженностью работой». Гельмс был «предупреждён». (Архив МВД РТ. Ф. «П». Оп. 1. Д. 161 СО. Л. 31).

[77] *Айзенштадт О.* Ук. соч. С. 26.
[78] Коллекция Гельмс.
[79] *Patrice Pavis.* Dictionnaire du théatre. Цит. по *Пави П.* Словарь театра: Пер с фр. – М., 1991. С. 339.
[80] Коллекция Гельмс.
[81] Там же.
[82] Там же.
[83] Казанские ведомости. 1993, 8 сентября.
[84] Подготовительные материалы к статье Э. Гельмса для журнала «Советский театр». (Коллекция Гельмс).
[85] Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. – М., 1999. С. 9.
[86] *Johan Hiuzinga.* Homo ludens. Versuch einer Bestimmung des Spielelementes der Kultur. – Basel u.a. 1949. S. 164; по-русски: *Хёйзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. – М., 1992. С. 119.
[87] Ebd. S. 165; там же. С. 120.
[88] Коллекция Гельмс.
[89] *Шрейдер М.* НКВД изнутри: Записки чекиста. – М., 1995. С. 4.
[90] *Бакатин В.В.* Избавление от КГБ. – М., 1992. С. 5, 36.

Йенс-Фите Дварс

БЛИСТАЕТ АНГЕЛ С БАРРИКАДЫ.
Советская Россия в жизни и творчестве Иоганнеса Р. Бехера

«Советский Союз стал одним из важнейших переживаний моей жизни. Он самым глубоким образом изменил меня в человеческом, художественном и политическом отношении и бесконечно обогатил». Так писал Иоганнес Р. Бехер в 1951 г. в предисловии к специальному номеру журнала «Зинн унд форм», посвященному его 60-летию[1]. Верить ли этом пафосу юбиляра?

Хотя «Привет немецкого поэта Российской Советской Федеративной Социалистической республике», стихотворение, которое Бехер задним числом датировал 1917 г., и появилось двумя годами позже, он в действительности был первым известным автором на Западе, безоговорочно выступившим в поддержку нового государства на Востоке. Свидетельства страстной надежды на сказочный мир красной звезды можно найти почти во всех сборниках стихов прежнего мятежника – вплоть до его смерти в 1958 году.

Только лишь литературовед Ханс Майер в одном из своих последних интервью мог сказать о другом: «Тот самый Бехер, с которым мне было суждено очень близко познакомиться позже, который писал бессмысленные стихи вроде “Лейте, звезды, сиянье”, всегда пребывал в ненависти к сталинистскому Советскому Союзу. Он сознательно пользовался тактикой маскировки. Он жил в постоянном страхе»[2].

I

Столь же противоречивым, сколь все в жизни и литературной деятельности Иоганнеса Р. Бехера, было и его отношение к Советскому Союзу. Он родился 22 мая 1891 г. в Мюнхене в семье участкового судьи, который участвовал в создании баварского уголовного права и собственным трудом достиг должности председателя земельного верховного суда. Естественно, образцовый чиновник эпохи императора Вильгельма II хотел, чтобы тем же путем пошел и его сын и, конечно же, он достиг прямо противоположного результата. Мальчик, которого непрерывно наставляли в послушании, прилежании и любви к порядку, не подчинялся своим учителям, и отец изгнал его в пансионат в Оттрингене, где он из-за немецкого языка остался на второй год и начал тайно писать стихи. «Отец всегда обращался со мной как с обвиняемым – с самого детства я был обвиняем», – вспоминал Бехер еще и через пять десятилетий о травме своего происхождения «из хорошего дома»[3]. Лишение любви – таков был основной стереотип воспитания, которое рано сломало ему спину и заставило искать в фантазиях альтернативный мир.

Юноша ищет убежища в поэзии: «Я … поклялся стать одним из великих», – пишет он в 1909 г. Рихарду Демелю и посылает ему первые стихи[4]. Но молодой чело-

век не встречает понимания и у лирика, отец же давно предназначил его к карьере фаненюнкера. Только у продавщицы сигарет Фанни Фусс он находит то, чего так долго недополучал – понимание, признание, нежность. Но женщина, которая старше его на семь лет, несчастливо обручена и ищет мужчину, с которым вместе могла бы умереть. Вот двое и предпринимают на пасху 1910 г. двойную попытку самоубийства. Она умирает, а он выживает после тяжелой операции и трехмесячного пребывания в больнице.

Благодаря искусству убеждения, присущему отцу Бехера, сыну удается экстерном сдать экзамен на аттестат зрелости. Процесс из-за убийства, грозивший ему, был прекращен в соответствии с § 51, который гласил: «Тот, кто считает себя поэтом и ищет любви к простому народу, считается невменяемым»[5].

Выздоровев, Ганс Роберт последовал в 1911 г. за своим другом Генрихом Ф.С. Бахмайром в Берлин, чтобы изучать медицину. Вместо аудиторий он, однако, сидит в кафе огромного города и вместе с другом основывает издательство. Возрожденный в качестве автора крестится, обретая вслед за крестителем новое имя – Иоганнес Р. Бехер. Его дебют называется «Борющийся», гимн Клейсту, ровно за 100 лет до этого попытавшемуся вместе с женщиной принять смерть. Написав роман «Земля», Бехер осмыслит собственную попытку самоубийства, с помощью которой он хотел доказать свою сущность поэта.

Клейст, осмысленный неоромантически, Новалис и Гёльдерлин – вот примеры для 20-летнего, от которого отец уже вскоре требует возвратиться в Мюнхен. Авторы или сюжеты из России не интересуют студента, который днем редактирует в издательстве Бахмайра журналы «Революцион» («Революция») и «Нойе Кунст» («Новое искусство»), а ночи проводит среди богемной публики в кафе района Швабинг. Куда ближе ему была Франция Рембо и Бодлера:

Трудное дело немцем себя признать,
Не о французских пейзажах мечтать,
Не о Париже, чудной цели наших странствий –
Мы ведь живем в холодном прямоугольном пространстве.
(GW I, 73)
(*Здесь и далее, если не указано иначе,*
перевод стихов В. Брун-Цехового)

Не восстание в России в 1905 г. заставляет Бехера и ему подобных заклинать революцию на бумаге. Напротив, они задыхаются от господствующих отношений, от предопределенности жизненных путей в точно очерченном и все более удушающем пространстве, которому суждено взорваться по истечении 43 лет мира, заключенного императором:

Что делать, скажи? Все теснее наш мир
И нет от полиции вовсе спасенья.
(…)
Мы слушаем громкие трубные звуки
И ждём лишь её – мировую войну.
(GW I, 76)

Плакат-коллаж Й.-Ф. Дварса на основе фото Бехера начала 20-х гг.

Таково было настроение целого поколения, четко сформулированное Бехером летом 1914 г. в двойном томе «Упадок и торжество». Когда месяцем позже разразилась настоящая мировая война, то и экспрессионисты с развернутыми знаменами втянулись в битву. Бехер утверждал позже, что противником войны был с первого ее часа. В действительности же его освободили от военной службы только из-за огнестрельного ранения, нанесенного вследствие попытки самоубийства в 1910 г. Ведь и Бехер просился на фронт добровольцем.

Только когда манёвренная война начала выдыхаться в изнурительной борьбе на два фронта и эйфория, сопровождавшая выступление в поход, превратилась в шок, порождавшийся бесконечными битвами с использованием громадных объемов военного снаряжения, позиция того, кто остался дома, изменилась. Теперь он трансформирует войну в язык, делает слышимым новое качество, обособившуюся технику убийства, взрывая синтаксис, традиционное построение предложения в стихотворении: «Безумный слова темп подобен тактам / обрубленным, звенящим и хрипящим, / как бомбы зев…» (GW I, 244).

Программный характер имеют уже названия его книг: если в «Упадке и торжестве» шла речь о желании самоуничтожения механически закостеневшего бытия в мировой войне, чтобы, подобно фениксу, подняться из пепла к новой жизни, то вышедшие в 1916 г. сборники «Братание» и «К Европе» проникнуты надеждой на то, что из бойни корыстно настроенных государств возникнет континент, объединенный на началах братства. Теперь гарантом этой надежды предстает для него Россия:

Глаза закройте! Слово гильотине!
Вся площадь от людей черным-черна,
Пусть целится лучом рука народа,
Дойдя до сердца самого царя!! (GW I, 393)

Это «Посвящение русской революции» Бехер поначалу отметил в экземпляре «Упадка и торжества» для своего друга Бахмайра, поставив дату «13.10.17». Следовательно, оно могло быть написано только после Февральской революции, свергшей царизм. Когда 7 ноября 1917 г. большевики в Петрограде отстранили от власти буржуазное Временное правительство, чтобы передать законодательную власть Советам рабочих и крестьянских депутатов, лирик, в начале октября бежавший из психиатрической клиники, снова находился в состоянии горячечного бреда.

Почти целый год в 1917–1918 гг. Бехер провел в клиниках Мюнхена, Йены и Берлина, где подвергался неоднократно прерывавшемуся лечению воздержанием. Йенская история болезни раскрывает степень его зависимости, которую едва ли можно было себе и представить: он, как утверждалось, ежедневно делал себе до 40 инъекций 2 %-ного раствора морфия[6]. Наркотики еще до войны были частью самоосознания богемы – «высвобождение чувств», которое провозгласил Рембо, опробовалось на собственной шкуре. Но то, что было призвано способствовать обретению новых звуков, новых словесных конструкций, превратилось в наркоманию.

В 1915 г. отец Бехера взял на себя проведение последнего курса лечения воздержанием для неудачливого сына, который давно прекратил изучение медицины и не мог жить благодаря одной лишь литературной славе. За это 24-летнему молодому человеку пришлось взять на себя договорное обязательство навсегда покинуть Мюнхен[7]. Он уехал в Берлин, перебивался там во временных квартирах, гостиницах сомнительной репутации и, конечно же, под мостами – пока его не приютила переводчица итальянских футуристов Эльза Хадвигер. От голодной смерти, однако, его спас только граф Гарри Кесслер, виднейший меценат модернистов в Германии времен царствования Вильгельма II, считавший Бехера самым значительным талантом со времен Рильке[8]. В 1916 г. он присудил поэту стипендию сроком на три года и в то же время способствовал заключению договора на поощрительных условиях с издательством «Инзель».

Лирик мог бы вздохнуть, не будь на нем столько долгов. Кроме того, цензура запретила печатание его новых антивоенных стихотворений, и потерпели крах честолюбивые прозаические и драматические проекты. Вот Бехер и прибегает снова к морфию, если только он не погружается в дурман для того, чтобы уклониться от войны. Эксцессы регулярно повторяются в полугодовом ритме – всякий раз, когда ему предстоит новое освидетельствование. Вероятно, и он входил в число художников, добровольно, как Вальтер Рейнер, Оскар Мария Граф, Густав Реглер, Генрих Фогелер, Георг Гросс и Ганс Фаллада, пошедших в психиатрическую больницу, чтобы ускользнуть от вполне нормального безумия массового убийства.

В этом смысле Бехер представляет собой как показательный, так и в особый случай. В 1916 г. он попросил своего мецената охарактеризовать его:

> Я сказал: поверх грубого ядра – сверхчувствительная, очень мягкая кожа. Его пацифизм – проявление реакции, вытеснение его жесткости его же мягкостью. Он – очевидно мягкий и жесткий человек: на этих двух опорах стоит его личность. Он признал мою правоту[9].

Уже здесь можно увидеть стереотип, основное противоречие его жизни и литературной деятельности: сломанный в ранние годы, сверхчувствительный человек, внешне дисциплинировавший себя до обретения солдатской твердости и, в то же

время, пытавшийся восполнить свою тоску по любви и признанию в альтернативном мире поэзии. Отсюда и склонность к пафосу, к сентиментальности, погубившая многие его стихи, его стремление вознести себя на вершину, чтобы уйти от утраты веры в себя, от неустойчивости, которая еще не раз толкнет его на самоубийство. И, в то же время, твердость, сила, необходимая для концентрации – то, что действительно позволяло ему превзойти свое «я» и создавать стихи кристаллической плотности.

Всякий раз, когда он верил, что является пророком нового общества, когда обретал удовлетворение в роли провидца грядущего освобождения, его интонация, напоминавшая гимн, грозила сорваться в китч, и он, точно на конвейере, создавал хвалу желанному братанию по воле Божьей, революции или отечеству. Но в моменты подлинной потерянности, когда поэту оставалось надеяться только на самого себя, и он безоговорочно открывался бедствиям и лишениям, его окружавшим, ему удавались стихи, не поблекшие на протяжении длительного времени, ибо он вбирал в себя энергию измученных, конденсировал ее в себе и находил ей выражение.

Так писал он энергичные четверостишия в честь Февральской революции – жесткие, с грубой холодностью, компенсируя собственную слабость в бегстве от боли, посещавшей его во время лечения воздержанием – «Глаза закройте! Слово гильотине!» Адекватное выражение жесткости существовавших отношений. Лечение в клинике, где его на протяжении девяти дней довели от сорока инъекций до полного их отсутствия, было весьма бесцеремонным. И без современной психодиагностики, без вопросов о причинах его зависимости. Он увидел, что со столь же стихийной силой проявляется история – в войне и революции.

Бехер пытается излечить сам себя. Он хочет, благодаря литературному труду, доискаться причин болезни, войны, насилия в себе самом и преодолеть их. Эта воля к самоосвобождению, пронизывавшая уже его «Борющегося», связывается теперь с материалом, представленным Февральской революцией в России: в мае 1917 г. он уведомляет издательство «Инзель» о пьесе в пяти действиях «Бедствия и освобождение России», которая два месяца спустя получает название «Изнасилование»[10].

Возможно, он обратил внимание на Россию благодаря контактам с НСДПГ и группой «Спартак». В соответствии с различными данными, он вступил в обе организации в 1916–1917 гг., но это не поддается доказательству. Только в письме от июня 1915 г., незадолго до своего прибытия в Берлин, Бехер писал Бахмайру, что он работает «в одном социал-демократическом союзе» в качестве оратора и «политинформатора». Он пишет только воззвания, манифесты, программы. Поэтическое забыто, организации нужны ее лозунги[11].

Это был экспрессионистский пафос поколения молодых авторов, которые, словно в атмосфере второй «Бури и натиска», верили, что сумеют пробудить народы своим выразительным языком, творческим словом. На их знаменах были начертаны слова «новый человек», а чистая человечность, всеобщее братство составляли их религиозную программу в изначальном смысле слова – как «religare», т. е. заново связывающее, в условиях всеобщего разложения. Они предвосхитили распад унаследованного от прошлого императорского строя с его мнимым миром, скрывавшим за фасадом в стиле необарокко массовое обнищание и проституцию в любой сфере, разрушение традиционных форм во всех искусствах. Теперь, однако, в обстановке упадка фальшивых единств должны были восторжествовать подлинные: народы, связанные солидарностью вместо государств, ввергнутых во вражду национализ-

мом, равноправные братья (и сестры) вместо корыстолюбивых бюргеров и аристократия духа вместо феодальной надменности.

Бехер перенес эти надежды на русскую революцию, не зная ни ее предпосылок, ни ее реального хода. Скорее, восстание начиналось, в его представлении, с того, что дискриминируемые, несчастные требуют вернуть их детство – с прекрасной поэтической идеи[12]. Мы не знаем, насколько он мог, при этом, опираться на действительный исторический материал, ибо не сохранился ни один из его проектов.

Тем не менее Кесслер счел 11 октября 1918 г. трагедию «Импульс», в которую превратился проект, «своего рода экспрессионистским пра-Фаустом»[13]. Когда месяцем позже настоящая революция, распространяясь с быстротой пожара, охватила и Германию, лирик не участвовал в событиях. В мае покончил с собой его 19-летний брат. Бехер вскрыл себе артерии, но был спасен, принимал снотворное, попал в состоянии полной апатии в клинику в Йене, откуда был выписан 7 ноября. Когда больному пришлось проходить эту абсолютно самую низшую точку, на которой он в чистейшем самоотречении отказался от своего «я», ему удалось, мобилизовав невиданную энергию, снова пробить себе дорогу литературным трудом. Теперь, за два дня до триумфа революции в Берлине, он хотел продолжить изучение медицины в городе на Заале (так в Германии называют город Галле, расположенный на этой реке. – *Прим. перев.*), интегрироваться в буржуазное общество и уже в октябре подал ходатайство о повторном зачислении в университет.

В той мере, в какой существующее общество отказывает ему в этой интеграции, оно снова толкает лирика в политику: требовавшиеся от него сведения об оценках поры предыдущей учебы были быстро представлены, но без полицейской справки о поведении, которую он не мог представить за военные годы, у него не было возможности записаться в университет. Поистине кафкианская история. В то время как снаружи побеждала революция, внутри бюрократия оберегала старый порядок и препятствовала мирному участию в жизни для человека, который из-за своей растерянности только что еще раз вознамерился лишить себя жизни.

В начале 1919 г. Бехер вступил в Йене в едва лишь основанную КПГ. Это был знак солидарности с той партией, вождей которой в январе убили контрреволюционеры. Он держался особняком от повседневных боев и не присоединился ни к восстанию спартаковцев в Берлине, ни к защитникам Советской республики в Мюнхене, помочь которой призывал его Эрих Мюзам. Он не хотел «как дилетант стать политическим попутчиком и, чего доброго, натворить бед», – объяснил Бехер меценату графу Гарри Кесслеру[14]. Его вклад в революцию заключается в тоненькой тетрадке стихов, вышедшей в издательстве журнала «Акцион» и названной по первому радиообращению Советской власти после Октябрьской революции – «Всем». Именно так был озаглавлен призыв Ленина о прекращении войны народов путем ее превращения в войну против поджигателей войны в собственной стране.

Именно таким двойственным характером отличается и «Привет немецкого поэта Российской Советской Федеративной Социалистической республике», содержащийся в тетрадке:

Но будьте непреклонны! Будьте тверды!
Друзья, еще не кончен с прошлым счет.
Круши! Освобождай! Тогда лишь гордый

Воспрянет мирный человечий род.
(Иоганнес Р. Бехер. Стихотворения.
Прощание. Трижды содрогнувшаяся земля.
М.: Художественная литература, 1970. С. 174).

Слышится отзвук опыта превращения массового восстания, в значительной степени, бескровного, в варварство контрреволюции, ужаса перед той садистской силой, с которой добровольческие корпуса мстили дома рабочим и солдатским Советам за поражение, понесенное на фронте. Его гнев мог быть окрылен и бесправием отвергнутого студента-медика, которому пришлось пережить, как проректор, воспрепятствовавший его имматрикуляции, снова начинает травлю против «наследственного врага – Франции» и призывает создать академический добровольческий корпус для борьбы против «угрозы с Востока». Но твердость, стремление пробиться через упадок к торжеству, через ад в рай, были уже давно свойственны ему:

Хвала неукротимой силе!
Как ярко солнце засветило,
Кварталы бедняков согрев!
Блистает ангел с баррикады.
Ты слышишь звуки канонады?
В нем мира вечного напев!
(Там же)

И этому соответствует сообщение, которое Кесслер 4 сентября 1919 г. занес в свой дневник:

> В Бехере нет ничего от революционной энергии рабочих. В Тюрингии, где он – доверенное лицо Коммунистической партии, о путче не приходится и думать.… У всей партии нет вождей, опыта, всего того, что необходимо для осуществления успешной революции. Кроме того, она полностью разъедена шпиками. Рабочие воспринимают всю эту революцию лишь как средство добраться до автомобилей и шелковых чулок. Немецкий рабочий становится революционером, лишь когда он голоден. Коммунистическая революция в Германии была бы возможна только в том случае, если бы были установлены связи с Россией, с русскими вождями и русскими красногвардейцами[15].

Мы снова не знаем, несмотря на 30 лет субсидированного государством «исследования Бехера» в ГДР, был ли, и в какой степени, двуликий поэт действительно «доверенным лицом» КПГ[16]. Но в том, большей частью, и состоит судьба возвеличиваемых, что их подлинная жизнь исчезает за бронзовой оболочкой памятников, воздвигнутых в их честь. Напротив, стоит прислушаться к словам о красногвардейцах: похоже, что германская революция для него не жесткая и не решительная, она недостаточно «русская», чтобы участвовать в ней.

Тем более удивителен текст, который Бехер осенью 1919 г. написал на острове Хиддензее: торжественное представление «Рабочие, крестьяне, солдаты. Восхождение единого народа к Богу», оставшееся от всех его драматических проектов 1917 года. Это была не хвалебная песнь во славу русских красногвардейцев, а заключительная речь по поводу круговорота саморазрушающегося насилия. В центре ее стоит женщина с чертами лица Розы Люксембург, которая требует от «господина наси-

лия», главнокомандующего армией, отказаться от своей убийственной роли, чтобы вернуть в человечность самого себя как «вождя мира» и тех, кто вверен его власти. (GW VIII, 50–60)

Все стихотворения следующих трех-четырех лет вращались «Вокруг Бога», как Бехер озаглавил свой следующий том стихов. Это попытки вновь и вновь с повышенной интенсивностью обратиться к внутреннему голосу разрозненных индивидов, воодушевить их после разочарований войны и революции на изменение, на формирование новых обязанностей, сообщества, трогательным словом излечивающего раны, а потому «священного». Теперь же, когда поэт был представлен более чем десятком стихотворений в важнейших антологиях экспрессионизма, «Товарищах человечества» и «Сумерках человечества», ему оказалось недостаточно одного лишь авангардистского разрушения, деградировавшего до уровня моды, до сколь угодно воспроизводимой техники[17].

Язык должен снова стать инструментом возрождения, пусть даже в форме жалобы. В лучших из его меланхолических песнопений действительно ощущается плотность, свойственная Гёльдерлину, тем более что он пытался жить общиной и в швабской деревне Бад Урах, где с 1920 проводил каждое лето в доме красного матроса, который, крестьянствуя и владея гостиницей с трактиром, принимал у себя анархистов, антропософов, вегетарианцев и левых интеллектуалов в первобытно-коммунистических условиях «связи с природой»[18].

Но среди всякого рода поборников «внутренней эмиграции» Бехер не обрел внутреннего покоя. Не менялась к лучшему и внешняя ситуация, и его печальные песни обращались в пустоту, которую он начинает все более мистифицировать, украшать, эстетизируя, пока жалоба на утраченный смысл всяких усилий не обесценивалась или не дрейфовала даже в направлении народной псевдоархаики.

II

В 1923 г., на пике инфляции, эстет принял решение снова вступить в КПГ, на сей раз, однако, занял последовательную позицию: «Кафе остались в прошлом, нет места больше и веселым разговорам об искусстве, которые мы вели в Швабинге. Что ни минута, надо работать. Надо действовать…»[19]. Поэт, пребывавший в состоянии свободного парения, истерзанный внутренними противоречиями, превращается в солдата партии, снимает свое вечно сомневающееся, а теперь сомнительное и для него самого «я» в широчайшем боевом союзе движения, обновляющего мир: он хочет утратить свою буржуазность, воспринимаемую как нечто декадентское и, в то же время, в качестве органичного певца живого единства обрести новый смысл, новую профессию, более того, новое призвание.

Чем более Бехер воспринимал теперь свой уход в гимны «Богу», свои воззвания к индивидуальной совести как предательство революции, как свою совиновность в нищете, нараставшей в условиях послевоенного кризиса, тем яростнее гнал он массы агитационными стихами на новую войну – гражданскую. Искусство становится оружием в классовой борьбе, чтобы установить «диктатуру пролетариата», которая должна разрушить все разрушительное, как когда-то, в годы мировой войны, братание, о котором он грезил[20].

Проповедью ненависти против всех кровососов проникнута его поэма «У гроба Ленина», непримиримой ненависти к «классовому предательству» социал-демократии учит «Драма борьбы», в которую Бехер переработал в 1923 г. свое торжественное представление, и поистине смертельную ненависть к «преступниками перед народом», «паразитическим насекомым в человеческой шкуре» (GW II, 481) провозглашает его сборник стихов «Труп на троне» по поводу избрания Гинденбурга президентом Германии.

Он снова, более чем когда-либо ранее, возводит Советскую Россию на уровень надежды нового человечества. Но теперь это не только экран, на который проецируются его утопические стремления. Бехер постепенно приближается к чуждой действительности во всем ее своеобразии. Для начала о книгах: только теперь он, наряду с «Капиталом» Маркса, читает Ленина и Горького. В 1924 г. лирик переводит для издательства «Малик» поэму Маяковского «150 миллионов» и «Главную улицу» Демьяна Бедного. Предисловие Троцкого к последнему из двух переводов разумелось само собой, ведь будущую борьбу за власть среди большевиков еще нельзя было себе и представить.

Его имя как председателя «Рабочего сообщества коммунистических писателей» в Союзе защиты немецких писателей становится известно в Москве. Так, в 1925 г. он, очевидно, по поручению Коминтерна, пишет роман «Люизит, или Единственно справедливая война» – предупреждение о грозящей газовой войне ставших технически самостоятельными армий. Годом позже книга вышла одновременно в Германии и в русском переводе в Советском Союзе.

Летом 1925 г. органы юстиции Веймарской республики уже конфисковали стихотворения о «трупе» и распорядились об аресте автора на пять дней. С тех пор Бехер находился под надзором полиции, а его роман был не только сразу же запрещен в 1926 г., но и использован в качестве повода для того, чтобы в рамках идеальной совокупности преступлений вменить ему в вину богохульство и подстрекательство к гражданской войне, т. е. государственную измену средствами литературы.

Только в результате этого дела, передачу которого в Имперский суд в Лейпциге Верховная прокуратура много раз откладывает из-за растущих протестов в Германии и за границей и, наконец, прекращает после всеобщей амнистии 1928 г., только вновь получив клеймо аутсайдера, Бехер становится понятием, политической фигурой истории современности. И самому ему приходится ощутить обвинение как отличие, как подтверждение правильности пути, который начался в отчем доме с бунта против прокурора.

С гордостью поэт-партиец принимает в 1927 г. приглашение в Советский Союз. Во время празднования десятой годовщины Октябрьской революции заседало «Международное бюро революционной литературы» (МБРЛ), своего рода Литературный Интернационал, в секретариат которого Бехер был заочно избран уже в 1926 г. Теперь он может чувствовать себя активной частью всемирного движения (силу которого видел воплощенной во время военного парада на Красной площади – еще не превратившегося в хвастливо-пустую демонстрацию силы, но в грязи площади, пока не покрытой брусчаткой), свидетельствовавшего о душевном подъеме всех участников. Под впечатлением от увиденного гость записывает на прощание:

> Москва, красная Москва, Советская Россия была для меня самым сильным и самым счастливым переживанием. Впервые я могу от всего сердца сказать «Да» окружающему миру[21].

И счастье вернувшегося на родину продолжалось – не вопреки тому, что его преследовали в Германии, а именно поэтому. Ведь среди многочисленных заявлений солидарности, дававших поэту ощущение, что он борется за справедливое дело, и письмо Горького из Сорренто. Талантливых людей сейчас очень немного, пишет Горький. Европа XX столетия производит их скупо. Бехера, входящего в число талантливых, ждёт наказание за то, что он страстно любит и страстно ненавидит. «Я призываю всех честных людей протестовать против суда над Иоганнесом Бехером, виновного единственно в том, что он честен и талантлив». 8 января 1928 г. Вольфенштейн зачитал на сцене театра Пискатора, кроме этого приветственного адреса, резолюцию протеста за подписью 50 деятелей литературы и искусства, в том числе Дёблина, Мюзама, Гросса и Пискатора. Брехт воздал хвалу неподкупности юстиции, ибо теперь в целом мире ни один судья не соблазнится творить правосудие за самые большие денежные суммы. А Альфред Керр, папа литературной критики в Веймарской республике, заявил с неожиданным пафосом:

> Иоганнес Р. Бехер, это *ты, ты, ты*; а завтра то же, что сегодня происходит с тобой, произойдет с *нами*! … Но нам следовало бы, даже если мы сами не подвергаемся опасности, спешить на помощь брату, пылающему благородным огнем, тому, кто пытается воспрепятствовать болотистому застою или тому, кто в соответствии с высоким человеческим правом, говоря словами Фридриха Геббеля, «пробуждает мир от спячки»[22].

Бехер тотчас же подхватил образ и превратил в стихотворение о Ленине:

Он мир от спячки пробудил
Словами, что стали машиной,
Что домами растут, нефтевышкой растут,
Ходят тракторами, рвутся миной.
Что стали металлом и стали углем,
И стучат, стучат в цехах,
И неугасимым горят огнем
Во всех человечьих сердцах.
(Иоганнес Р. Бехер. Стихотворения. Прощание.
Трижды содрогнувшаяся земля, с. 42).

Ленин становится новым, футуристическим Христом, который своим Евангелием вызывает в атмосфере ветхозаветной строгости второе творение. Под знаком этого мифически возвысившегося образа новейшей истории Бехер видит объективированным свое собственное слово. Его субъективное стремление – взорвать в экспрессионистской манере не только синтаксис, унаследованную от прошлого систему языка, но быть и органическим выражением новой, становящейся целостности. В оригинале же образ того, кто пробудил мир, полон двойственности. В трагедии Геббеля «Гиг и его кольцо» звучат предупреждающие слова: «Не посягай на мирозданья сон!».

И.Р. Бехер в форме Союза красных фронтовиков, около 1927 г., фотография ателье Якоби, Шарлоттенбург

Ибо и миру нужен сон, чтобы расти. Засыпает же он над трофеями, завоеванными в последнем бою. «Попробуй взять – / И он пробудится. Какая сила / Нужна, чтоб удержать его в узде, / Когда он, полусонный, разъярится! / Какие надо россыпи богатств / Швырнуть ему взамен реликвий ржавых». С этой двойственностью Бехер теперь столкнулся на экзистенциальном уровне в стране Ленина или – все в большей и большей степени – Сталина, которую он с тех пор регулярно посещал в качестве председателя «Союза пролетарско-революционных писателей»[23], основанного в 1928 г.

III

В ноябре 1930 г. Бехер участвовал в состоявшейся в Харькове II конференции литературного бюро, которое было переименовано в «Международное объединение революционных писателей» (МОРП). Движение, поначалу только служившее объектом насмешек буржуазных профессиональных литераторов, изменилось к лучшему. Наряду с Бехером, избранным в президиум, из Германии прибыли также Киш, Ренн, Бредель и Зегерс, а из Франции Арагон и Эльза Триоле[24].

По окончании конференции все они разъехались по крупным стройкам, а потом приехали в Москву, где стали свидетелями судебного процесса. Обвинялась «Промпартия», группа техников и инженеров вокруг профессора Л.К. Рамзина, директора Всероссийского теплотехнического института, и В. Ларичева, председателя топливной секции городского планового комитета. Обвиненные в организации целенаправленного экономического саботажа по заданию парижского эмигрантского объединения, они сделали подробные признания и были приговорены к длительным срокам заключения, а пятеро к смертной казни.

Зарубежные гости были потрясены очевидным предательством и тем не менее вполне корректным процессом. Они и понятия не имели о том, что присутствовали

на первом показательном процессе, за которым последуют еще очень многие – с вымышленными обвинениями, мнимыми признаниями и заранее намеченными приговорами, служившими одному лишь устрашению, а не подлинному праву.

Бехер, осмысливая пережитое, создает эпическое произведение – «Великий план», песнь о первом пятилетнем плане Советского Союза. И, действительно, индустриализация огромного государства со 150 млн. жителей, которые еще за десять лет до этого были крепостными крестьянами, осуществлявшаяся согласно единому плану, представляла собой великое начинание. Бехер не видел ни масштаба этих стремлений, ни их жертв. На страницах его поэмы не говорят три миллиона умерших голодной смертью, жизни которых стали ценой одной лишь насильственной коллективизации на Украине. Он не знает, что сам Госплан ввергает страну в хаос и нуждается поэтому в козлах отпущения, чтобы обеспечить сохранение существующего строя[25]. Он, как и многие интеллигенты на Западе, видит только массовую нищету как результат безработицы, порожденной первым мировым экономическим кризисом капитала, в то время как на Востоке в результате труда масс, как будто из ничего, возникает новый мир.

В эпосе Бехера создание индустрии и судебное разбирательство соединяются в единый процесс – в удивительную самоорганизацию масс, создающих, словно по мановению волшебного жезла, гигантские заводы, возводящих города и в буквальном смысле слова двигающих горы. Сами массы, целые города и сельские округи просят слова и говорят о своем развитии и процветании, в то время как отдельный человек исчезает в этой собственной динамике. Одно лишь то, что Рамзин настаивает на своей особости как специалиста, делает его виновным. Целые города осуждают его, не ожидая доказательств его мнимого саботажа.

Индивид подвергается казни ради освобождения масс, ради высвобождения их энергии. Это исторический процесс, который воспевает Бехер. И это произошло поиному в тексте, который тогда же произвел фурор в Берлине – в пьесе Брехта «Мероприятие». В конце 1930 г. состоялась премьера поучительной пьесы, в ходе которой три агитатора оправдываются перед хором, представляющим контрольную инстанцию, за убийство четвертого, совершенное ими по необходимости, чтобы не поставить под угрозу свое задание – освобождение масс в Китае. Брехт показывает типичные действия индивидов, включая боль от убийства товарища как обрезание самих себя в безвыходной ситуации, которая, как жало, вновь и вновь заставляет задумываться об альтернативах собственного действия[26].

Настоящие товарищи из КПГ не хотели поддаваться этому подлинному трагизму и отвергали его как конструкцию, не имеющую никакого отношения к повседневности классовой борьбы[27]. С «Великим планом» Бехер спроектировал нечто контрастное – это собственная динамика масс, из признания тяжести их труда: «Скажи: / Климат Советской страны / суров. / Говори прямо, / не замалчивай» (*Иоганнес Р. Бехер. Великий план. Поэма социалистического строительства. М Л., 1931. С. 209*), –

Бехер и Максим Горький, июнь 1931 г.; справа от обоих – венгерский писатель Бела Иллеш

извлекающая «сверхчеловеческую силу» и демонстрирующая правильность своего лишенного альтернативы движения в разоблачении стоящего в стороне, сомневающегося, предателя.

Когда в 1932 г. эта альтернативная модель была представлена в теннисных залах в берлинском районе Вильмерсдорф, появляется еще и третий текст, посвященный явлению освобождения масс – эссе Эрнста Юнгера «Рабочий». Бывший фронтовой офицер описывает не отдельных трудящихся за станками, а понимает тип рабочего как историческую фигуру, задача которой заключается в том, чтобы господствовать над системой машин, со стихийной силой навязывающей свои ритмы любой сфере жизни и радикально ускоряющей все движения в режиме тотальной «мобилизации». Гражданская жизнь превращается в войну, а рабочий – в солдата в государстве, которое не воспроизводится более посредством выборов с сомнительными решениями большинства, а организуется в соответствии с принципом вождя (фюрера) и дружины[28].

И Бехер, написав роман «Люизит», предупреждал о том, что гражданская промышленность, выпускающая анилиновые краски, в любое время может приступить к производству отравляющих веществ. Именно его сборник стихов «Машинный ритм» (1927 г.) позволил обрести голос связи между промышленным способом производства и соответствующим образом жизни, и «Великий план» с его торжеством человека, который способен «оставить за собою / все прежние темпы» (*Там же. С. 212.*) предстает задним числом как иллюстрация к эссе Юнгера. Роковая особенность ситуации заключалась лишь в том, что Бехер видел себя «левым», а Юнгер – «правым». Не проникают ли противоречия друг в друга и не вынуждают ли авторов идти средним путем? Их позиции можно отвергнуть как крайности, но остается вопрос, не осмыслили ли они, таким образом, некий момент действительности.

Разве Ленин не пробудил, на самом деле, мир от спячки, не вверг, действительно, Россию в хаос? В вихрь высвобожденной энергии, которую Сталин хотел снова связать, направить в колею современной индустрии? Результатов процесса, длившегося в Англии три столетия, в США 150 и в Германии 80 лет, следовало достичь, а потом и превзойти за два-три пятилетних плана. Это был процесс, насильственный харак-

тер которого Маркс вновь и вновь подчеркивал в «Капитале». И эпос Бехера адекватно постигает происходящее – не как отгораживание от Европы с помощью возврата к азиатскому деспотизму, как до сих пор, в порядке защиты, утверждают на Западе, а как сжатый, уплотненный в аппарате для замедленной покадровой киносъёмки образ европейского модерна. Насилие, однако, в концентрированном виде оказывается заметным, присущим нашей истории.

Мегамашина, с помощью которой массы, наделенные динамикой, как в «Великом плане», так и у Юнгера сплавлялись с военной дисциплиной, была бы для Маркса вершиной человеческого самоотчуждения: объединение капитала в единое целое в качестве господства абстрактно обособленных, накопленных энергий, которое снова должно было бы поставить под свой «коллективный контроль» «свободную ассоциацию производителей», чтобы создать свободные пространства для развития индивидуальности каждого[29]. Такова позиция беспомощного критика Маркса. Марксизм в качестве силы, формирующей историю, вызвал, однако, обратный результат, прославляя абстракцию под названием «труд» и творя из рабочего кумира, в служении которому рабочие расходуют свою жизнь.

Именно потому, что Бехер не хочет разоблачить это искажение, он компрометирует его. Его задача – истинность системы, и поэтому он показывает эту систему во всей ее последовательности. Так, расстреливают Рамзина, хотя подлинный суд помиловал бы его, да и высший субъект этого мнимого царства свободы, в котором железная необходимость превращается в самоцель, исчезает в творении анонимного коллектива. Сталин как личность растворяется в «имени, которое еще не называлось», имеющем силу для всех. (*Бехер. Великий план, с. 205*)

Сталин не человек, он общий знаменатель всех порывов этого нового индустриального мира, он – корпоративный дизайн предприятия под названием «Советский Союз», а Бехер – специалист этого предприятия по связям с общественностью в немецком зарубежном представительстве[30].

IV

Такая ситуация могла бы продолжаться. Бехер полагает, что он на стороне победителей в истории, да и его личная жизнь, как представляется, уладилась. В 1928 г. он женился на Лотте Роттер, чешке, которая работала в советском торгпредстве. В том же году у них родился сын, и семья переехала в дом рядной застройки в Целендорфе. В принципе, они живут нормальной буржуазной жизнью, из которой его, наподобие шока, вырвала победа нацистов.

Бехер не хотел покидать Германию. Только после поджога рейхстага товарищи заставляют его эмигрировать, так как он внесен в списки разыскиваемых лиц, которыми руководствовались новые властители. С паспортом на имя Хельмута фон Франкенберга ему удается совершить побег через Прагу и Вену в Брно, где он скрывается у родителей жены, чтобы вскоре после этого уехать дальше – в Москву. Секретарь МОРП молчит неделями, в то время как руководство организации провозглашает, что приход Гитлера к власти – только признак упадка капитала. По поручению Коминтерна Бехер пишет призывы «Выстоять», которые иллюстрирует художник Ген-

рих Фогелер[31], но в то же время признает страшное поражение и в прошедшем страдании видит страдание будущее:

И видел я Ротенбургский алтарь,
Он полон был *наших* лиц.
И времени нашего образ узрел,
Что резчиком создан был.
Я видел орудия казни там – кресты,
Топоры и плахи,
И кровь выступала из этой резьбы
И в разные стороны била. (GW VII, 150f)

Язык Бехера меняется снова. Эмигрант другими глазами смотрит на литературное наследие, на традиционные формы, казавшиеся экспрессионисту обременительным результатом образования. Изгнанные из его страны, из его языка, они становятся для поэта точками остановки, он обнаруживает в готовых предложениях резервуары жизненных энергий, передающихся через время и пространство, дающих силу для сопротивления и способных в качестве средств взаимопонимания создать широкий союз, выходящий за границы политических различий. Так возникают сонеты, которые заставляют прислушаться к себе Генриха и Томаса Маннов[32]. И так он в то же время настаивает на создании «западного опорного пункта» МОРП вместо того, чтобы занять круговую оборону в московском руководстве объединения.

Весной 1935 г. Бехер организует в Париже «Конгресс в защиту культуры»[33]. Для Коминтерна это оказалось возможностью испытать на практике «народный фронт», который он вскоре объявит своей новой стратегией. Едва конгресс был подготовлен, как от его закулисных руководителей отказываются. Эмигрант возвращается в другую Москву. С момента убийства Кирова, руководителя Ленинградской партийной организации, советовавшего Сталину быть умеренным, повсюду разыскивали врагов и предателей. Арестовали и заместителя Бехера по журналу «Интернациональная литература», а сам он становится нежелательным в тех органах, где принимаются решения[34].

Лирик возвращается в журнал[35], привлекает к сотрудничеству видных представителей эмиграции – от Генриха Манна до Анны Зегерс и подвергает сам себя критике. В деревянном доме на окраине Москвы, тоскуя по Ураху, он спрашивает о причинах своего изгнания:

Да, мало мы любили! Потому
И терпим. Разве я вступал в беседу
С тем мужичком, подвязывавшим лозы
Под Кресбронном? Нет, он с своей лозою
Был мне не нужен. Потому-то я
И должен – на чужбине – с ним беседу
Наверстывать. Я чуждый проходил
И гордый знаньем, а другой, меня
Чуждаясь, шел сторонкой с «лучшим знаньем».
И все-то с «лучшим знаньем» этим! Каждый
Был умудрен. Любви ж недоставало,
Терпенья, чуткости. И дружных сборищ.

И обсуждений – вплоть до дел мельчайших! –
Всего, что жжет, томит и мучит душу.
(Иоганнес Р. Бехер. Избранные сочинения.
М., 1961, с. 298)

Ещё дома они со своими речами отправились в ссылку, они, вознамерившиеся вести народ, который теперь изгнал их. Едва ли какой-то другой антифашист столь радикально обнажал свою слабость, и ни один не настаивал с такой интенсивностью на диалоге и беседе. Но, когда в 1938 г. вышел том стихов «Искатель счастья и семь грехов», он произвел впечатление надругательства над муками, истязавшими не только души. Над террором «чистки», извращавшим беседу до состояния допроса.

Показательный процесс против Зиновьева и Каменева оказался шоком и для Бехера, вторым после победы нацистов. Невозможно было и представить себе, что давние соратники Ленина признались в связях с Гитлером, установленных по заданию Троцкого. Но Бехер и его товарищи сомневались не в обвинении, а в недостатке своей «бдительности», в которой они обвиняли друг друга в ходе партийного собрания, шедшего на протяжении четырех ночей июля 1936 г.

Движение оказывается жертвой своей структуры: организованное на парамилитаристских началах в виде иерархий, оно с «разоблачением» своих вождей лишает себя собственной основы – безусловного доверия к своим командующим. А так как в то же время «народный фронт» в качестве стратегии, направленной на завоевание большинства, был связан с тактикой «троянского коня» – внедрением в ряды классового врага с помощью его собственных лозунгов, то больше нет и классовой точки зрения, и меры бдительности. Ибо теперь подозрительны не только очевидные уклонисты, но и те, и как раз те, кто подчеркивал свою верность линии. Кому же еще можно верить?

Главными объектами нападений оказались Бехер и Ганс Гюнтер. Оба, недостаточно владея русским языком, покинули собрание, состоявшееся после процесса, еще до того, как была принята приветственная телеграмма Сталину, что сочли неслыханным оскорблением. Гюнтер пытается спасти себя, указывая на вину других. Бехер заявляет, что говорить следует об условиях труда, так как его политическим поручением является писательский труд[36].

Между тем рукопись «Искатель счастья» уже была готова к печати. Гюнтер написал издательский отзыв и сделал автору выговор за то, что классовая точка зрения расплывается в «якобы чисто человеческой». В качестве примера он цитировал стихотворение «Хватит!»:

«Довольно, хватит» – вижу по углам,
«Довольно, хватит» – так при взгляде вверх,
«Довольно» я страданием задушен,
«Довольно» до последнего послушен.
И «хватит» шепота! Скажи скорее *нет,*
«Довольно, хватит» – вот он, твой ответ. (GW IV, 120)

Стихи могли иметь троякое значение – возмущение измученного супруга, жертвы капиталистического угнетения или «партийца, с которым, как ему кажется, несправедливо обходятся какие-то партийные инстанции». (GW IV, 896) Бехер изменяет название, но не стихотворение: «На изгороди нового дома под Крайсбронном (на Боденском озере) есть надпись: “Довольно!”». Но эта-то уродливая часть здания

и указывала на подлинную значимость стихов: что знал московский читатель о заборе вокруг стройплощадки в далеком Крайсбронне? А вот Москва была сплошной стройплощадкой.

Бдительность не спасает Гюнтера. Он исчезает в ГУЛАГе вместе со своей спутницей жизни Труде Рихтер, как и Эрнст Оттвальт и его жена. В списке членов партии, документы которых должны были быть после марафонского заседания переданы НКВД, первоначально значились также «Бехер, Исаак» и «Корпус, Лили»[37]. Лили, которую он привез из Парижа, была в 1924 г. на вторых ролях при радикальном лидере КПГ Рут Фишер, а позже главным редактором журнала «Арбайтер-Иллюстриртен-Цайтунг». Страстная приверженка мировой революции оказывалась, тем самым, настоящей троцкисткой. То, что оба смогли отделаться лишь ужасом, подобно чуду, тем более что еврейское написание его имени свидетельствует о том, под какой угрозой прибывал Бехер – ведь среди «разоблаченных» было особенно много евреев. До сих пор неизвестно, кто его спас. Столь же мало поддается доказательству и предположение о том, что он откупился с помощью доноса, и протокол партсобрания длиною в четыре ночи позволяет скорее отрицать это.

Он хочет исправить свою «ошибку» стихами о Сталине. Но «Гимн имени»[38] ему удается напечатать только в своем журнале, ибо, как и в эпосе о пятилетнем плане, так и теперь он славит не героя Сталина, а имя, под знаком которого другие совершают свои дела. Это культ личности в самом радикальном смысле: – как культ персоны, маски, роли, которую играет человек, но не культ его самого. Лишь однажды, в поэме «Ялта», Сталин становится по-человечески ближе: «Ты лишь один, кому могу сказать: / “О, мой отец!”? “Отец” – как долго это слово / Во мне одну лишь горечь вызывало». Родному отцу, мучившему его страхом, противостоит «он, человек, что никогда не скажет “я”, / тот, от кого лишь “партия” услышишь». Сталин как партия воплощает страстно желаемого отца для «потерянного сына»; такова противоположность его происхождению, из которого он видит приходящих «варваров», одичавших буржуазных героев, в число которых когда-то входил и он. (GW IV, 509ff.)

Вот основной стереотип поведения почти всех авторов, пришедших из буржуазных семей и рано вступивших в коммунистическое движение: их внутренняя противоречивость, их неприятие показного мира буржуазности, отрицающей, что она основана на эксплуатации пролетаризированных масс, или же цинично соглашающейся с этим, толкнули их в 20-е гг. к солидарности с другими, угнетенными, протестовавшими в нищете. Чем больше эти сыновья и дочери буржуа чувствовали себя лишь из-за своего привилегированного происхождения причастными к вопиющей несправедливости бурлившего мира, тем с бóльшим демонстративным радикализмом совершали они переход в другой лагерь, на другую сторону баррикад, тем громче призывали они к гражданской войне. Большинство из них были готовы отказаться от своего маленького эгоистичного «я», чтобы снова обрести подлинную новую семью в большом «боевом содружестве» партии, что и описывает Бехер во многих своих автобиографически тонированных текстах[39]. Но почему после возгласа «Мой отец!» стоит вопросительный знак?

В романе «Прощание», вышедшем в 1940 г., дан еще один, совершенно иной, портрет Сталина. В главах 28 и 29 Бехер осмысливает свои воспоминания о пансионате Иоханнеса в Оттингене (GW XI, 162–170). Показан воспитательный дом со свирепыми наказаниями, наличие которых свидетели подтверждали еще в 1969 г.[40]. Но о том, что ненавистный директор заведения устраивал военные игры с воспитан-

никами под открытым небом, что он превращался, при этом, в любимого предводителя, и школьники подвергали друг друга коллективным наказаниям, об этом они не говорили. Не говорили они и об искалеченной руке, которой директор сладострастно поглаживал свои рыже-коричневые усы, допрашивая преступников, которые ему отвечали, пусть, мол, он скажет то, что им надлежит сказать, ибо он всё знает лучше всего… Здесь и должна дать себя знать подлинная работа романа, фантазия Бехера. Фантазия, тем очевиднее соответствующая индивидуальной физиономии Иосифа Джугашвили и атмосфере московских чисток[41].

Вопрос о том, целенаправленно ли Бехер ввел это соответствие в роман, не имеет решающего значения. Гораздо вероятнее это произошло неосознанно, ведь воспоминания об ужасах детства уплотнились под впечатлением их подобного шоку возвращения к многослойной психограмме сталинского террора. Но набрасывать такие картины типов человечески-нечеловеческого поведения ради истолкования имеющихся отношений – в этом состоят привилегия и задача подлинного искусства.

Не приходится поэтому удивляться, что в том же году Борис Пастернак восторженно благодарит Бехера за том стихов «Возвращение»: «… ты истинный, великий, уникальный поэт… Я поздравляю тебя от всего сердца, обладать таким богатством, как твоя книга, таким островом в сегодняшнем море лжи – это победоносное счастье»[42]. Бехер уже в 1935 г. посвятил ему один из прекраснейших своих сонетов: «Ты заставляешь дождь петь под окном / А снег, что падает, оплакивать могилу. / Ты знаешь, что в стихе мы молодеем, / Охотно в нём играя с пёстрым камнем». (GW III, 730) А в 1926 г. он почтил память покончившего с собой Сергея Есенина: «И мрачную ты песню пел о том, как в Никуда деревня уходила…» (GW III, 13). В принципе, в более глубоком сродстве с ним пребывали такие непролетарские поэты, нежели Маяковский или Горький, и в тихих нежных стихах открывался другой Бехер, писавший стихи о заснеженном «волшебном лесе» около Переделкино (GW IV, 686) и надеявшийся выжить в солдате партии с тем же именем.

Как выживают в море лжи? С заключением пакта Гитлера–Сталина враг превратился в друга. Как говорят, Бехер написал стихотворение «Сталину» следующего содержания»: «И сильною своей рукой ты защищаешь сад Советского Союза. И вырываешь ты любой сорняк. Ты, величайший сын России-матушки» – а теперь следует одна из величайших рифм немецкой литературы – «прими же в дар букет с цветами водосбора как знак тех мира уз, что прочно протянулись до са́мой канцелярии имперской». Этот халтурный стишок так нигде и не появился, его распространял только Хайнер Мюллер[43]. Несомненно, что стихи Бехера были слишком уж антифашистскими, чтобы опубликовать их к 50-летию автора в мае 1941 г. на русском языке. Когда сборник прошел корректуру, немцы стояли под Москвой.

Эмигрантов эвакуируют. В хаотической обстановке поэт попадает в Ташкент. Узнав о первом поражении вермахта, Бехер на протяжении двух недель пишет пьесу «Зимняя битва». Он не прославляет победоносную Советскую Армию, а показывает, как трудно немецкому солдату отказаться выполнять приказ, оставаться человеком в условиях бесчеловечной войны.

Уже весной 1942 г. Бехеру разрешают вернуться в Москву. Он снова издает журнал – все еще на языке врага, ибо столь велика его надежда, что Сталин, действительно, отличает Гитлера от немецкого народа. Но накануне Сталинграда уверенность иссякает. Как бы ни закончилась война, победят ли немцы Советскую Россию или Красная Армия – его народ, он, в любом случае, проиграет. Осенью

1942 г. Бехер предпринимает третью попытку самоубийства, которую партия скрывает[44].

Снова выздоровевший и дисциплинированный, он пишет листовки для фронта, выступает с радиообращениями и в качестве одного из основателей Национального комитета «Свободная Германия» беседует с пленными немецкими офицерами в монастыре в Суздале. Так продолжается до тех пор, пока в 1944 г. Вильгельм Пик не поручает ему разработать основные направления будущей культурной политики в освобождённой Германии. С того времени он может больше не ожидать возвращения на родину и всё же должен его бояться.

V

В июне 1945 г. Бехер первым из известных эмигрантов возвращается в страну, которая за десять лет до этого лишила его германского гражданства. Берлин – пустыня, состоящая из развалин, а его жители – живые руины. Страна принимает его как чужака, да и сам он мало кому еще памятен. С подъемом человека, изголодавшегося по делу и десятилетие томившегося в ожидании возможности вмешаться в происходящее, Бехер немедленно основывает «Культурбунд демократического обновления Германии». Прообразом этой организации стали эмигрантские объединения в Швеции и Великобритании, а не опыт Советского Союза. Напротив, советские культурофицеры предупреждают, что это название напоминает о «Бунде» – еврейском рабочем союзе, да и, вообще, «бунт» означает по-русски восстание, путч[45].

Бехер избегает всего, из-за чего он мог бы показаться поучающим, всезнайкой, вернувшимся в обозе победителей. Признание инакомыслящего и национальное возрождение посредством признания поражения по собственной вине – вот главные мотивы его речей 1945–1946 гг. После молчания о диктатуре следует для начала искать общий язык понимания. Поэтому Культурбунду надлежало быть «надпартийным», хотя Бехер создавал его, конечно же, с ведома своей партии и по ее поручению. Сегодня кое-кто считает его «организацией для маскировки политических целей» СЕПГ[46]. Но книга Бехера «Воспитание для свободы», объединившая в 1946 г. его московские проекты, была сплошной речью в защиту демократии: каждая диктатура, любая монополия разрушает сама себя, так как органическое развитие общества требует свободного выбора его лучших сил (GW XVI, 637f.)

Это было не только признание на словах, но и вывод, которому он был обязан опытом изгнания, даже если поэт ничего и не говорил о московском терроре. Столь же мало Бехер превозносил Сталина, мнимого освободителя, который даже не был назван во всей книге. Направленность книги была сравнима, скорее, с позицией Розы Люксембург, которой он 40 назад посвятил своё торжественное представление.

Культурофицеры Советской военной администрации (СВАГ) очень тонко ощущают это различие и требуют в сентябре 1946 г. увольнения Бехера. С.И. Тюльпанов констатирует, что он не марксист, а ориентируется «непосредственно на Англию и Америку, на западноевропейскую демократию». Напротив, начальник Политического отдела СВАГ В.С. Семёнов после разговора с Бехером счел его замену «в настоящий момент нецелесообразной»[47].

Лирик и активный участник культурно-политического процесса понимает, что он – пока еще – нужен, что он оказался во власти противоборства фракций в Москве, и пытается тем не менее использовать открывающиеся перед ним пространства для такого нового начала, которое извлекает уроки из того, как сбились с курса немецкая и советская история. Он основывает издательство «Ауфбау», в котором прежде всего и очень большим тиражом, опубликовал не свою автобиографию «Прощание», а роман Пливье «Сталинград», захватывающее изображение той низшей из низших точек в германо-русских отношениях, которая никогда не должна повториться. В 1946 г., вслед за издательством, начинает выходить еженедельник Культурбунда «Зонтаг», равным образом информирующий о Восточной и Западной Европе, а в 1949-м – первоклассный литературный журнал «Зинн унд Форм». В 1947 г. Бехер добивается в Цюрихе восстановления немецкой секции ПЕН-Клуба как открытия страны вовне, внутри же он угрожает Пику отставкой[48]. В марте 1948 г. он предостерегает Тюльпанова от изоляции интеллигентов Востока и предлагает заново основать в Париже объединение писателей в защиту культуры по образцу конгресса 1935 г[49]. Когда пятью месяцами позже в Бреслау собирается конгресс писателей, Бехер отказывается возглавить делегацию Культурбунда из-за того, что он против насильственного превращения города в польский Вроцлав и потому, что не хочет мириться с границей по Одеру-Нейссе, которая, в соответствии с Потсдамским соглашением, должна быть лишь временной до заключения мирного договора[50]. Первой поездкой представителей интеллигенции (Восточной) Германии в Москву в 1948 г. руководит также не Бехер, а Юрген Кучинский, председатель и основатель Общества германо-советской дружбы.

Диалог между Востоком и Западом ради того, чтобы не допустить грозившего раскола страны – такова была главная цель Бехера. Он сформулировал эту цель в словах написанного в 1949 г. Гимна ГДР «Германия, единое Отечество», без благодарности советским освободителям, славящей их, без упоминания перспективы грядущей революции и с элегической музыкой, следовавшей за «Песнью немцев» как призыв не сбрасывать слишком уж легкомысленно тяжелое бремя истории[51].

Но свободные пространства для проведения такой политики преодоления противоречий средствами культуры все более сужались. С проведением валютной реформы в 1948 г. Культурбунд стал банкротом и тем самым оказался в зависимости от государства и партии. Бехер идет на все новые компромиссы, он увеличивает свою сферу власти в качестве заместителя, а вскоре уже и президента Академии искусств и тем не менее становится все более бессильным. Так как союз и Академия не форсируют объявленные Ждановым поход против «формализма и космополитизма» и борьбу против модернистского искусства, партия создает на созванном специально для этого пленуме в 1951 г. государственную комиссию по делам искусств, задача которой – осуществление принципов «социалистического реализма» по советскому образцу.

Кесарю кесарево воздавал и Бехер, организовав издание специального номера «Зинн унд форм» под высокопарным заголовком «Лейте, звезды, сиянье. Советский Союз в моем стихе». Другой том, посвященный 60-летию поэта, вышедший в издательстве «Ауфбау» в том же в 1951 г. со статьями Дёблина, Фейхтвангера, Гессе

Двойной фотопортрет Иоганнеса Р. Бехера, сделанный Эдмундом Кестингом в 1952 г. (почтовая карточка изд-ва VEB Bild und Heimat, Райхенбах, 1963)

и братьев Манн, показывает более сложный образ «Поэта мира»[52], которого средства массовой информации Федеративной республики в то же время проклинают как «предателя духа»[53].

Бехер сделал слово «мир» важнейшим для себя еще в экспрессионистскую начальную пору своего пути. Конечно, этот мир, как уничтожение всего уничтожающего, имел двоякую природу – осуществления высокой идеалистической мечты можно было добиться только с помощью варварского насилия, если не помогали призывы. В соответствии с собственным двойственным характером поэт был чувствительно мягким и в то же время жестоким. Нарисовав фигуру Розы Люксембург и написав стихотворение «Деревянный домик», он обдумывал третий путь – путь диалога как постоянного, никогда не завершающегося усилия посредника, преобразования различных взглядов на мир ради их взаимного обогащения[54].

Все это обнаруживается и в 50-е гг.: в условиях холодной войны, которая в Корее давно уже снова превратилась в горячую, Бехер мечтает о мире, прославляет Советский Союз как силу мира и, где только может, способствует диалогу между Востоком и Западом. Нота Сталина, направленная в марте 1952 г. и предлагавшая вывод всех оккупационных войск и свободные выборы для воссоединения Германии, на миг вселяет надежду. Когда западные державы отклоняют ноту, а Ульбрихт провозглашает построение социализма, поэт знает, чего ждать – диктатуры по сталинской модели. Лирик лишается дара речи, тогда как агитатор Бехер по поручению партии пишет биографию Ульбрихта и в феврале 1953 г. принимает в Москве Международную Сталинскую премию мира.

Конечно, он горд премией, которую Брехт назвал как-то раз Нобелевской премией движения за мир. Он благодарит советских друзей за то, что у них он мог печалиться о Германии и размышлять о культурном наследии своей нации (GW XVIII, 183ff.), но умалчивает о том, почему он с 1945 г. так старательно избегает их страны. Вскоре после этого умирает Сталин, и Бехер, с 1942 г. не посвятивший ему больше ни одной стихотворной строки, пишет вдруг три стихотворения о красном вожде, из которых одно другого хуже: «И скажут немцы Сталину “спасибо”. / … /

Ты встанешь, Сталин, там, на Бодензее/ Среди цветущих яблонь / И доброта его пройдёт тогда сквозь Шварцвальд, / И подзовёт к себе там робкий оленёнок»[55].

Бемби приветствует Сталина. Почему поэт создает такую вопиющую безвкусицу? Из убеждения? Или из страха – чтобы заклинаниями изгнать дух мертвого? Ведь уже в 1949 г. в «Вавилонской башне» Бехер создал точную картину многонационального государства тогда еще живого тирана: «…Каин убивает Авеля / И как Бога его воспевают». Носятся слухи, правда замалчивается, слово низводится до бессмысленной вокабулы, и «башня Вавилона / В падении в ничто превратилась». (GW VI, 40)

Когда новое руководство в Москве вознамеривается предупредить переворот, у поэта уже 13 июня 1953 г. был наготове для Семенова целый пакет предложений о реформах[56]. А восстание, начавшееся четыре дня спустя, Бехер использует для ликвидации ненавистной комиссии по делам искусств и замены ее министерством культуры, которое он основывает в январе 1954 г. Ханс Майер с полным основанием назвал «счастливым случаем» этого министра, которого можно благодарить за расстановку вех для дальнейшего движения – от содействия «Берлинскому ансамблю» Брехта и «Комише опер» Фельзенштейна до возвращения немецких художественных сокровищ из Москвы[57].

Культура как скрепа расколотой нации, как мост для встречи, – вот его программа, а беседы между Востоком и Западом или «беседы Бехера» в Берлине и Мюнхене должны ее выполнить. Федеральное правительство во главе с Аденауэром отказывается, однако, от какого бы то ни было контакта, так что предложения оказываются брошенными на ветер. И в этот миг в Москве собирается XX съезд КПСС, оборачивающийся шоком новой встречи с тем, что вытеснялось.

«Теперь мне не надо больше молчать», – пишет Бехер. Наконец, он может покончить с самообманом, на котором строил жизнь, со своей совиновностью, вызванной молчанием. Он не хочет вступать в ряды тех, которые утверждают, что они ничего не знали или всегда были против. Скорее, надлежит «найти язык, чтобы выразить всё чудовищное». Чудовищное, начинающееся с того, что он возвеличивал Сталина и в то же время испытывал ужас перед его деяниями. Как могла развиваться трагедия века, когда люди, движимые единой волей, терзают друг друга? И Бехер делает набросок романа писателя-эмигранта, который изображает время арестов литературно незначимым, что позволяет ему объяснить самому себе самое абсурдное и именно таким способом, через банальность, повести речь о жути «атмосферы, подобной джунглям», в которой охотники становятся преследуемыми, а преследуемые охотниками[58].

Бехер не написал этот роман, но приступил к другому – ждавшему с 1940 г. продолжению своей автобиографии «Прощание», период повествования в которой прерывался с Первой мировой войной. Теперь он хочет отчитаться о своей второй жизни, со времени вступления в КПГ. И это должно иметь форму романа о 60-летнем романисте, которого окружают за столом персонажи его воспоминаний, которого они навещают, даже непрошеными, осужденными на немоту и не дающими ему покоя.

Роман должен был называться «Снова по-иному» (GWXI, 435–607). Но в самый разгар работы разражается восстание в Венгрии, а затем следует арест сотрудников Бехера Вольфганга Хариха и Вальтера Янки. Министр заявляет в ЦК СЕПГ, что в восстании виновны не Лукач и не клуб Петефи, а несостоятельность партии[59]. Он заявляет протест Ульбрихту, который его прогоняет, и идет к Ширдевану, второму человеку в Политбюро. Он говорит о намерении эмигрировать в Советский Союз,

где царит оттепель[60]. Тем бóльшую горечь испытывает он, когда Хрущев, укрепляя свои позиции в Москве, поддерживает Ульбрихта и отказывает в поддержке Ширдевану. Оказавшийся между оппозицией и верностью партии, преобразованию которой Бехер посвятил свою жизнь, он, обессилев, подчиняется власти и умирает в одиночестве.

В его последнем томе стихов «Шаг середины века» замалчивавшееся заставляет быть произнесённым:

А ночью – лифт. Вопросов всех страшнее:
Не постучат ли нынче в дверь твою?
Исчезнут без следа? Уйдите, страхи!
Страшусь грозы? Да нет, я нас боюсь. (GW VI, 342)

Но настоящую задачу он вычеркнул еще из гранок своего «Поэтического принципа», а сил, чтобы завершить роман, у него не было. Завершить ту трагедию века, в которую германская и российская история вплелись так болезненно, что она и по сей день ждет своего изображения.

Что осталось, так это «Завещание» Бехера: «Скажу всем тем, кто в мир ушел иной: / О бдите, вашу память сохраняйте» (GW VI, 500)[61].

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Johannes R. Becher:* Sterne unendliches Glühen. Die Sowjetunion in meinem Gedicht. 1917–1951. – Berlin (Ost) 1951 (= Sinn und Form. Sonderheft). S. 10.

[2] *Hans Mayer:* Interview. In: «Über den Abgrund geneigt …» Leben und Sterben des Johannes R. Becher. Ein Film von Ulrich Kasten und Jens-Fietje Dwars. – Berlin, 2001.

[3] 3 *Johannes R. Becher.* Gesammelte Werke. Hrsg. vom Johannes-R. – Becher-Archiv der Akademie der Künste der DDR. 18 Bde. – Berlin (Ost), 1966–1981; hier Bd. XI. S. 441. Далее в тексте цитируется как GW с номерами томов и страниц.

[4] *Johannes R. Becher.* Briefe. Hrsg. von Rolf Harder. 2 Bde. – Berlin, 1993; здесь Bd. I. S. 8.

[5] *Carsten Gansel* (Hrsg.): Metamorphosen eines Dichters. Johannes R. Becher. Gedichte, Briefe, Dokumente 1909–1945. – Berlin, 1992. S. 58–66.

[6] *Jens-Fietje Dwars:* Ein ungeliebter Ehrenbürger. *Johannes R.* Becher in Jena. Mit Dokumenten seiner Klinikaufenthalte. In: Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft 39 (1995). S. 101–110.

[7] *Gansel:* Metamorphosen. S. 101.

[8] *Harry Graf Kessler.* Tagebuch eines Weltmannes. Eine Ausstellung des Deutschen Literaturarchivs. – Marbach, 1988. S. 306.

[9] Все дневники графа Харри Кесслера в настоящее время издаются в Марбахе. Копия записей, относящихся к Бехеру, находится в Архиве Бехера Академии искусств (Берлин). В данном случае цитата по книге *Jens-Fietje Dwars:* Abgrund des Widerspruchs. Das Leben des Johannes R. Becher. – Berlin, 1998. S. 96.

[10] Becher und die Insel. Briefe und Dichtungen 1916–1954. Hrsg. von Rolf Harder und Ilse Siebert. – Leipzig, 1981. S. 90 und 100.

[11] *Becher:* Briefe, I. S. 32ff.

[12] Becher und die Insel. S. 118.

[13] *Dwars:* Abgrund. S. 107.

[14] *Harry Graf Kessler.* Tagebücher 1918–1937. Hrsg. von Wolfgang Pfeiffer-Belli. – Frankfurt/Main, 1996. S. 143.

[15] *Kessler:* Tagebücher. S. 202.

[16] Ср. в качестве примера *Horst Haase:* Johannes R. Becher. Leben und Werk. – Berlin (Ost), 1981. В ФРГ вовсе не было биографических исследований источников по Бехеру.

[17] Ср. ответ Бехера на вопрос газеты «Франкфуртер Цайтунг» 1923 г. в: Johannes R. Becher. Lyrik, Prosa, Dokumente. Eine Auswahl. Hrsg. von Max Niedermayer. – Wiesbaden, 1965, S. IV–VI.

[18] Vgl. Hans-Dieter Muck: «Roter Verschwörungswinkel» am ›Grünen Weg‹. Der ›Uracher Kreis‹ Karl Raichles. Sommerfrische für Revolutionäre des Worts, 1918–1931. Katalog. – Bad Urach, 1991.

[19] *Becher.* Briefe, I. S. 122.

[20] Vgl. «Von der Tribune» (GW XV, 35–53).

[21] *Lilly Becher, Gert Prokop:* Johannes R. Becher. Bild-Chronik seines Lebens. – Berlin (Ost), 1961. S. 75.

[22] Zit. nach Alfred Klein (Hrsg.): Aktionen, Bekenntnisse, Perspektiven. Berichte und Dokumente vom Kampf um die Freiheit des literarischen Schaffens in der Weimarer Republik. – Berlin (Ost), 1966. S. 91–108.

[23] Zur Geschichte des BPRS vgl. *Christoph M. Hein:* Der «Bund proletarisch-revolutionarer Schriftsteller Deutschlands». Biographie eines kulturpolitischen Experiments in der Weimarer Republik. – Münster und Hamburg, 1991.

[24] Vgl. Edgar Weiss: Johannes R. Becher und die sowjetische Literaturentwicklung (1917–1933). – Berlin (Ost), 1971. S. 141–156.

[25] Vgl. Hans-Henning Schröder: Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus (1928–1934). – Berlin, 1988.

[26] Об интерпретационных подходах ср. *Inge Gellert* (Hrsg.): Maßnehmen. Bertolt Brecht/Hanns Eislers Lehrstück «Die Maßnahme». Kontroverse, Perspektive, Praxis. – Berlin, 1999.

[27] Dokumentiert in Reiner Steinweg (Hrsg.): Bertolt Brecht. Die Maßnahme. Kritische Ausgabe mit einer Spielanleitung. – Frankfurt a. M., 1972. S. 378–393.

[28] *Ernst Jünger:* Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt (1932). – Stuttgart, 1982 (= Cottas Bibliothek der Moderne, Bd. 1). S. 155–203. Vgl. dazu Jens-Fietje Dwars: Ernst Jünger und *Johannes R.* Becher. In: Weimarer Beiträge 44 (1998). S. 242–264.

[29] *Карл Маркс.* Капитал. – *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд.. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

[30] Подробнее об этом см. *Dwars:* Abgrund, и Jens Fietje Dwars: Johannes R. Becher. «Der Grundirrtum meines Lebens». Drei Beiträge zur psychogenetischen Ergründung des Stalinismus. In: Pankower Vorträge, Heft 22. – Berlin, 2000. S. 5–20.

[31] *Heinrich Vogeler, Johannes R. Becher:* Das Dritte Reich. Zeichnungen von Heinrich Vogeler. Verse von Johannes R. Becher. – Moskau, 1934 (Reprint, mit einem Nachwort von Karl-Robert Schütze. – Berlin, 1995).

[32] О московском поэтическом цикле Бехера (сонеты и стихи о Германии) ср. *Horst Haase:* Johannes R. Bechers Deutschland-Dichtung. Zu dem Gedichtband «Der Glücksucher und die sieben Lasten» 1938. – Berlin (Ost), 1964.

[33] Vgl. Paris 1935. Reden und Dokumente. 1. Internationaler Schriftstellerkongreß zur Verteidigung der Kultur. Einleitung und Anhang von Wolfgang Klein. Hrsg. von der Akademie der Wissenschaften der DDR. – Berlin (Ost), 1982.

[34] Vgl. David Pike: Deutsche Schriftsteller im sowjetischen Exil 1933–1945 (1981). – Frankfurt a. M., 1992. S. 168.

[35] О публицистике Бехера в Советском Союзе ср. *Simone Barck:* Johannes R. Bechers Publizistik in der Sowjetunion 1935–1945. – Berlin (Ost), 1976.

[36] *Reinhard Müller* (Hrsg.): Die Saüberung. – Moskau, 1936: Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung. – Reinbek, 1991. S. 180 ff.

[37] Vgl. Reinhard Müller. «Wir kommen alle dran». Säuberungen unter den deutschen Politemigranten in der Sowjetunion (1934–1938). In: HermannWeber u. a. (Hrsg.): Terror. Stalinistische Parteisaüberungen 1936–1953. – Paderborn, München, Wien und Zürich, 1998. S. 121–166.

[38] *Johannes R. Becher:* Hymne auf einen Namen. In: Internationale Literatur. – Moskau, 1937, Heft 5. S. 34–40; Teilabdruck in: Becher. Sterne. S. 201–204.

[39] О психоаналитической деконструкции этой автобиографии ср. *Michael Rohrwasser:* Der Weg nach oben. Johannes R. Becher. Politiken des Schreibens. – Frankfurt a. M.; Basel, 1980. S. 47–124.

[40] *Adolf Haas:* Bechers Schulzeit in Oettingen. Handschriftlicher Aufsatz im Becher-Archiv der Akademie der Künste. BA S 34.

[41] Подробнее см. *Dwars.* Abgrund. S. 456–461.

[42] *Becher.* Briefe, II. S. 145f.

[43] *Heiner Müller, Erich Fried:* Ein Gespräch, geführt am 16.10.1987 in Frankfurt/Main. – Berlin, 1989. S. 42.

[44] Vgl. Ruth von Mayenburg: Blaues Blut und rote Fahne. Revolutionäres Frauenleben zwischen Wien, Berlin und Moskau (1969). – Wien, 1993. S. 297.

[45] Беседа с Хайнцем Вильманом, записанная на магнитофон 11 октября 1960 г., архив Бехера.

[46] Ср. *Pike.* Schriftsteller. S. 137; Magdalena Heider: Politik – Kultur – Kulturbund. Zur Gründungs- und Frühgeschichte des Kulturbundes zur demokratischen Erneuerung Deutschlands 1945–1954 in der SBZ/DDR. – Koln, 1993. S. 38.

[47] Zit. nach Wolfgang Schivelbusch: Vor dem Vorhang. Das geistige Berlin 1945–1948. – München, und Wien 1995. S. 158f.

[48] Vgl. Carsten Gansel (Hrsg.): Der gespaltene Dichter. Johannes R. Becher. Gedichte, Briefe, Dokumente 1945–1958. – Berlin, 1991. S. 42f.

[49] *Becher:* Briefe, I. S. 364ff.

[50] Vgl. Hans Mayer: Der Turm von Babel. Erinnerung an eine Deutsche Demokratische Republik (1991). – Frankfurt a. M., 1993. S. 110.

[51] GW VI, 61ff.; zur Geschichte der Hymne vgl. Heike Amos: Auferstanden aus Ruinen … Die Nationalhymne der DDR 1949 bis 1990. – Berlin, 1997.

[52] Dem Dichter des Friedens. Johannes R. Becher zum 60. Geburtstag. – Berlin (Ost), 1951.

[53] Vgl. Die Freiheit fordert eine klare Entscheidung. Johannes R. Becher und der PEN-Club. Hrsg. vom Bundesministerium fur gesamtdeutsche Fragen. – Bonn, 1951.

[54] «Усилия» – такое название дал Бехер своим четырём записным книжкам 1952–1957 гг. – GW XIII/IV.

[55] Стихотворения были стыдливо выпущены из полного собрания сочинений. Они включены в: Du Welt im Licht. J.W. Stalin im Werk deutscher Schriftsteller. Hrsg. von Günter Caspar. – Berlin (Ost), 1954. S. 212ff.; 309ff.; 353f.

[56] Vgl. Gansel: Der gespaltene Dichter. S. 86–90.

[57] *Mayer:* Turm. S. 111f.

[58] *Johannes R. Becher.* Selbstzensur. – Sinn und Form 40 (1988), H. 3. S. 543–551.

[59] Vgl. Gansel: Der gespaltene Dichter. S. 165–175.

[60] *Karl Schirdewan:* Aufstand gegen Ulbricht. Im Kampf um politische Kurskorrektur, gegen stalinistische, dogmatische Politik. – Berlin, 1994. S. 119.

[61] О непреходящем в творчестве Бехера ср. недавнюю работу *Jens-Fietje Dwars.* Triumph und Verfall. Johannes R. Becher. Eine Biographie. – Berlin, 2003, а также первый за 25 лет сборник стихов лирика: *Johannes R.* Becher: Wolkenloser Sturm. Ahrenshooper Gedichte. Hrsg. von Jens-Fietje Dwars. – Bucha bei Jena, 2004.

Томас Урбан

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ
как военный пропагандист

> Силой сокрушите расовое высокомерие германских женщин!
> Возьмите их как добычу, доставшуюся вам по праву!

Призывы к солдатам Красной Армии, подобные предпосланным этому тексту, в памяти военного поколения немцев неразрывно связаны с именем Ильи Эренбурга. Тогдашний советский военный корреспондент и журналист призывал продвигавшихся на Запад красноармейцев насиловать немецких женщин. Такие высказывания всегда можно найти в публикациях нынешних правых радикалов Федеративной республики[1]. Несомненно: имя Эренбурга, как и прежде, вызывает в Германии сильные эмоции; для консерваторов, а среди них – изгнанные, так же, как и для старых, и новых наци, оно является раздражителем, тем более что судьба населения тогдашней восточной Германии только в последнее время опять стала темой, широко обсуждаемой в средствах массовой информации. Тому немало способствовала новелла лауреата Нобелевской премии Гюнтера Грасса «Траектория краба», в центре которой трагедия корабля с беженцами «Вильгельм Густлоф»[2]. Один из главных участников действия определенно указывает на призыв Эренбурга насиловать немецких женщин, почему немцам и не осталось ничего иного, как бежать от Красной Армии[3].

Правда, многое говорит за то, что эта цитата, часто встречающаяся в приказах вермахта поздней осенью 1944 г., принадлежит вовсе не Эренбургу. Напротив, речь вполне может идти о фальшивке из недр пропагандистского аппарата национал-социалистического режима, не только дискредитирующей «кровожадных евреев», но и побуждающей солдат вермахта к последнему броску на защиту рубежей германского рейха. Расчет был очевиден: даже те немцы, которые не поддерживали национал-социализм, не сомневались в предложенной версии, так как изнасилования, действительно, имели место[4]. Сам Эренбург высказал свое отношение к теме в статье «Прогулки по Фрицландии», появившейся 25 ноября 1944 г. в армейской газете «Красная звезда»:

> Командующий немецкой армейской группой «Норд» обратился к своим фрицам со следующим приказом: «Илья Эренбург призывает азиатские народы “пить кровь немецких женщин”. Илья Эренбург требует, чтобы азиатские народы наслаждались нашими женщинами: “Берите белокурых женщин – это ваша добыча”». […] Когда-то немцы подделывали документы государственной важности. Они докатились до того, что подделывают мои статьи. Цитаты, которые немецкий генерал приписывает мне, выдают автора: только немец способен сочинить подобную пакость. […]

> Фрицы это профессиональные насильники, это блудодеи с солидным стажем, это потомственные павианы. Они загрязнили всю Европу. […] Что касается немок, то они вызывают в нас одно чувство: брезгливость. Мы презираем немок за то, что они – матери, жены и сестры палачей. […] Нам не нужны белокурые жены. Мы идем в Германию за другим: за Германией. И этой белокурой ведьме не сдобровать[5].

И в архиве министерства иностранных дел в Берлине, и в Военном архиве во Фрайбурге собраны многочисленные листовки с призывами Эренбурга периода Второй мировой войны. Но ни одна не содержит постоянно приписываемых ему требований к красноармейцам насиловать немецких женщин[6]. Тем не менее на него уже давно ссылаются даже в серьезных исследованиях[7].

«Убей немца!»

Однако не приходится сомневаться в аутентичности листовок, в которых Эренбург в разных вариантах, ясно требовал «Убей немца!». Наиболее известной является найденная в 1942 г. солдатами вермахта у убитого красноармейца. В этой листовке говорилось:

> Рабовладельцы, они хотят превратить наш народ в рабов. Они вывозят русских к себе, издеваются, доводят их голодом до безумия, до того, что, умирая, люди едят траву и червей, а поганый немец с тухлой сигарой в зубах философствует: «Разве это люди?..».
> […] Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. […] Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов[8].

В своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» Эренбург пишет, что призывы убивать возникли из чистой необходимости. Нужно было мобилизовать все силы, чтобы не позволить немецким оккупантам полностью разрушить страну:

> […] и только настоящая, глубокая ненависть могла положить предел торжеству фашизма. Повторяю, это было нелегко. Часто я испытывал жалость, и, может быть, сильнее всего я ненавижу фашизм именно за то, что он научил меня ненавидеть не только абсурдную, бесчеловечную идею, но и ее носителей[9].

Его многотомные мемуары и в Федеративной республике, и в Советском Союзе вызвали острые дебаты. Дискуссия в средствах массовой информации ФРГ в 1960-е годы была одним из серьезных обсуждений проблемы вины военного поколения, результатом которых стали процессы против комендантов и охранников концентрационных лагерей. Левые и либеральные публицисты выступали за Эренбурга, консерваторы и националисты ожесточенно на него нападали.

Листовка «Убей!»

Политический поворот

Будучи выходцем из семьи состоятельного коммерсанта, которая, как это было обычно среди еврейских средних слоев царской империи, дала своим детям возможность получить очень хорошее школьное образование, Эренбург уже гимназистом посещал кружки, где говорили о перевороте и революции. Его соученики неоднократно давали ему понять, что у него, еврея, и у них, русских, права не одни и те же[10]. В четырнадцать лет он примкнул к руководимой Лениным большевистской фракции социал-демократии, предположительно под влиянием своего старшего школьного товарища Николая Бухарина[11]. Это был 1905 г., год потерпевшего поражение восстания против царизма. За подавлением беспорядков последовала беспрецедентная волна антисемитизма, вершиной которой стали казачьи погромы в еврейских поселках и местечках. Хотя сам он отрекся от любой религии, понимание, что евреи подвергаются особой опасности, стало константой его жизни: отныне о каждом обществе он судил по тому, как в нем относятся к евреям. Это, прежде всего, относилось к немцам. Но политически он колебался. Он вышел из партии, так как ему претили ожесточенность и догматизм ее руководителей, включая Ленина, которого он считал лишенным чувства юмора. Некоторое время Эренбург испытывал склонность к католицизму и даже писал религиозные стихи. Но и от этого он быстро отошел. Он нигде не находил себе места и вел жизнь писательской богемы. Его критическая позиция в отношении большевиков еще больше укрепилась после захвата ими власти в октябре 1917 г., воспетого позднее как «Великая Октябрьская революция», и в ходе гражданской войны 1919–1920 гг. Эренбург находился в Киеве, где он

сочинял воинствующие статьи для белой прессы и написал поэму «В смертный час. (Молитва о России)», в которой осуждал революцию[12].

По этим причинам большевики видели в нем врага, и в 1920 г. в Москве он был арестован как якобы белогвардейский шпион и подвергнут допросу в Чека. По крайней мере, он сам так изобразил дело в небольшом очерке для выходившего в Берлине журнала «Новая русская книга»[13]. Хотя на основе его текстов московским инстанциям было бы легко посадить Эренбурга в лагерь как «врага народа» и даже расстрелять, его через несколько дней отпустили. Почему, до сих пор неясно. Есть только два убедительных объяснения. Во-первых, он договорился с Чека и пообещал оказывать ответные услуги, например, шпионить за эмигрантами. Во-вторых, его могло спасти знакомство с Бухариным, который к этому времени уже был в руководстве партии. Возможно, оба момента сыграли свою роль, так как Бухарин как редактор «Правды» живо интересовался эмигрантскими организациями и публиковал на страницах своей газеты много порочащих их статей.

Во всяком случае, благодаря Бухарину он получил заграничный паспорт для «творческой командировки», чтобы писать книгу о послевоенной Европе. Эта «командировка» в ноябре 1921 г. привела его в Германию. Там он не только установил контакты со многими левыми немецкими интеллектуалами, но принимал участие в культурной жизни колонии русских эмигрантов. Правда, многие эмигранты подозревали, что он шпик советской тайной полиции. Современник вспоминает: «Мы же знали, что он нередко прямо из нашего кафе отправлялся в советское посольство, где подолгу задерживался в просторном и богато обставленном кабинете “культурного” атташе»[14].

Однако смена политических позиций у Эренбурга, связанная с поворотом на 180 градусов от проповеди традиционных ценностей к отстаиванию авангарда в искусстве, была далеко не однозначной. Литературный критик Виктор Шкловский, который тогда тоже временно жил в Берлине, писал о нем:

> Обратившись из еврейского католика и славянофила в европейского конструктивиста, он не забыл прошлое. Из Савла он не стал Павлом. Он – Павел Савлович[15].

У Эренбурга, отвлекаясь от его возможной договоренности с Чека, были очевидные причины для личного поворота: в основе лежал вывод о том, что белые генералы, в принципе, хотели восстановить царизм с его порядками. Некоторые из них участвовали в еврейских погромах. Эренбург, в силу своего еврейского происхождения, не ожидал ничего хорошего. Напротив, ему было известно, что многие члены руководства партии были евреями. Таким образом, он скорее в них видел шанс на становление толерантного общества, закрывая, при этом, глаза на «красный террор» Чека.

Националист и социалист одновременно

Среди эмигрантов Эренбург числился «красным», однако, как показывают споры вокруг его первого, опубликованного в Берлине, романа, функционеры нового ре-

жима и сознательно служившие ему литераторы сначала вовсе не считали его «своим». Книга вышла под удивительно длинным заголовком «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: мсье Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айша; в дни мира, войны и революции, в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения Учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, о еврейском племени, о конструкции и многом ином». В форме повествования о путешествии Эренбург пародирует плутовской роман и жизнеописания святых, речь идет о злобной сатире на общество. Путь главного героя, Хулио Хуренито, проходит по многим странам. Сегодня, главы о Германии кажутся просто сенсационными. Здесь главной фигурой является будущий инженер Карл Шмидт, в комнате которого висят портреты Карла Маркса, кайзера Вильгельма и Иммануила Канта. Его политическая позиция зависит от позиции его собеседника: он то националист, то социалист. Потому что и те, и другие преследуют желанную для него цель – организация человечества, на всех уровнях, от семьи до государства.

Современники эту страсть все организовывать понимали как намек на Ленина, который сначала хотел создать советскую государственную систему по немецкому образцу, а имперское почтовое ведомство считал примером совершенного организаторского искусства. Однако у Эренбурга Карл Шмидт именно побежденных в Мировой войне немцев считает выше других народов. Он выступает за реваншистскую войну. Он хочет превратить Россию в колонию, как можно сильнее разрушить Францию и Англию, чтобы позднее лучше «организовать» их. Он охотно распространяется на тему убийства народов:

> Убивать – это неприятная необходимость. […] Убить для блага человечества одного умалишенного или десять миллионов – различие лишь арифметическое[16].

В этих пассажах Эренбург заявляет о себе как о прорицателе, который предчувствовал господство насилия национал-социалистов с массовым убийством миллионов и эвтаназией душевнобольных. В своих мемуарах он лаконично написал об этом: «За двенадцать лет до прихода Гитлера к власти я показал господина Шмидта, который “мог быть одновременно националистом и социалистом” […]»[17].

Между тем в кругах большевиков главу о России восприняли как нападки на идеалы революции. Сюда относился и пассаж об аресте Хуренито Чека. Вместо того чтобы обвинять тайную полицию в незаконном лишении свободы, Хуренито хвалит ее за то, что она снимает с незрелых граждан ответственность за организацию своей жизни. За роман Эренбург подвергся жесткой критике со стороны партийных функционеров, отвечавших за культуру. В середине 1920-х годов «Хулио Хуренито» был изъят из публичных библиотек и замалчивался вплоть до хрущевской «оттепели». На книгу резко нападали и в просоветских кругах берлинской эмиграции, агитировавших за возвращение в Россию. В рецензии в выходившей в Берлине, но финансировавшейся из Москвы газете «Накануне» Эренбурга обвиняли в беспринципности («идеология кофейни»), низкопробной порнографии, саморекламе, плагиате и антисемитизме. Кроме того, рецензент рекомендовал ему лечиться у психиатра[18].

Космополит на службе Сталина

Из Парижа, куда он, с согласия Москвы, перебрался в 1923 г., Эренбург наблюдал за возвышением НСДАП в Германии и многократно писал об этом. Еще в середине 1920-х годов он был твердо уверен в том, что большинство немцев не поверит лозунгам национал-социалистов. И московские политики не упускали НСДАП из поля зрения, считая ее идеологическим противником. Многие партийные руководители вокруг Сталина были евреями или, как, например, Вячеслав Молотов, имели жён-евреек. Правда, тот же Молотов после своего назначения комиссаром иностранных дел, что произошло гораздо позже, позаботился о том, чтобы удалить евреев с дипломатической службы[19]. В 1931 г. Сталин в общей форме осуждал антисемитизм. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. Эренбург избегал посещения Германии, но продолжал писать о национал-социалистах. В Париже он прочитал сообщение о том, что во время организованного СА сожжения книг из немецких библиотек достали и произведения «еврейского большевика Эренбурга». Позднее он узнал, что часть якобы сожженных книг была за валюту продана нацистами за границу.

В качестве корреспондента в Париже Эренбург с тяжелым сердцем следил за первыми показательными процессами в Москве. Однако Париж больше не был для него надежным местом, он уже давно попал в поле зрения НКВД. Его дочь Ирина рассказала позднее, что тайная полиция пыталась надавить на нее, чтобы она шпионила за отцом, НКВД, прежде всего, интересовали его контакты с зарубежными интеллектуалами[20].

Но сначала ему позволили продолжать работу, которую для него предусмотрел пропагандистский аппарат Сталина. Много фактов свидетельствуют о том, что Сталин лично покровительствовал Эренбургу, который на Западе должен был играть роль советского космополита и опровергать всех критиков, которые говорили об унификации культуры и насилии над ней. Живший тогда в Париже писатель Василий Яновский, покинувший родину молодым человеком после гражданской войны, писал:

> То же с Эренбургом, с мерзавцем, который в продолжении десятилетия обманывал и соблазнял французских интеллектуалов, рассказывая им про сталинский рай, хотя сам валялся в истерике, когда его вызывали на очередную побывку в Москву[21].

Действительно, Эренбург со страхом ехал в Москву, когда его в марте 1938 г. отозвали. Ведь предстоял очередной показательный процесс, и среди обвиняемых на этот раз был его покровитель Бухарин. Эренбург, как корреспондент «Известий», сидел на трибуне для зрителей. В той части своих воспоминаний, которая была опубликована более чем через 20 лет после его смерти, в конце перестройки, Эренбург воспроизвел комментарий известного журналиста Михаила Кольцова, который по этому поводу сказал главному редактору «Известий»: «[…] пусть он посмотрит на своего дружка». Эренбург вспоминал: «Все мне казалось нестерпимо тяжелым сном […]. Я теперь также ничего не понимаю, и “Процесс” Кафки мне кажется реалистическим, вполне трезвым произведением»[22]. Позднее он сказал своей дочери Ирине, что его принудили присутствовать на процессе. Как она вспоминает, после судебного заседания он пришел к ней домой и, ничего не говоря, лег в постель. Три дня он ничего не ел и ни слова не проронил о процессе, так глубоко его это потрясло[23].

Неизвестно, знал ли Эренбург, что тогда он сам подвергался большой опасности: как стало известно только в середине 1990-х годов, писателя Исаака Бабеля, которого схватила и подвергла пыткам тайная полиция, на допросах все время спрашивали о связях Эренбурга с «врагами Советского Союза». Бабель был у него в Париже. Вопросы об Эренбурге позволяют сделать вывод, что и против него было подготовлено обвинение. На одном из допросов Бабель сказал, что Эренбург во время каждой поездки в Москву боялся, что не получит согласия на возвращение в Париж[24]. И все же каждый раз он возвращался.

Шок от пакта Гитлера–Сталина

В ходе дебатов о сталинизме начала 1960-х годов, чему и он способствовал своими мемуарами, Эренбурга упрекнули в том, что он, поняв характер показательных процессов, тогда промолчал. В письме в редакцию «Известий» он признал, что молчал из страха, но ведь никто не поднял свой голос в защиту обвиняемых. Кроме того, выступить по этому поводу в печати было совершенно невозможно [25].

В конце августа 1939 г. Эренбург впал прямо-таки в психоз, когда, находясь в Париже, узнал о подписанном Молотовым и Риббентропом пакте, на основании которого вермахт вступил в Польшу. Для него это было крушением представлений о мире. Неделями он почти ничего не ел, по утрам не хотел вставать[26]. В Париж удалось добраться его старому варшавскому знакомому, польскому поэту Юлиану Тувиму, который тоже был евреем. Его рассказ о силе германских войск, которые за пару недель разбили польскую армию, командование которой считало себя выше вермахта, вызвал у Эренбурга шок. Позднее Тувим говорил, что Эренбург в то время носился с идеей уехать в Палестину[27].

Продвижение немецких войск к французской столице в июне 1940 г. положило конец этим намерениям. Эренбург стал свидетелем того, как Париж был оккупирован вермахтом. Защищенный советским дипломатическим паспортом, он ходил по городу и даже заговаривал с немецкими офицерами, которые принимали его за француза. Он должен был пережить и то, как делегация вермахта нанесла дружеский визит в советское посольство. Спустя несколько дней после размещения в Париже немецкой военной администрации его отозвали Москву. Вместе с небольшой группой советских дипломатов он на поезде, где сидели, в основном, опьяненные победой ехавшие в отпуск немецкие фронтовики, прибыл сначала в Берлин. Во время двухдневного пребывания в городе он впервые собственными глазами увидел таблички «Евреям вход запрещен»[28].

В Москве он понял, что его «антифашистские очерки» больше неуместны. Написанное им редакции отказывались принимать: критиковать нацистскую Германию, союзника, не разрешалось. Так, стихотворение, в котором Эренбург выражал сочувствие жителям Лондона, вновь подвергшегося бомбардировке люфтваффе, не было опубликовано[29]. Он был корреспондентом на Гражданской войне в Испании, написал о легионе «Кондор»[30], который поддерживал фалангистов в борьбе против подразделений левых и Интернациональных бригад, а теперь должен был смотреть, как этих немцев, в качестве союзников, обхаживают в Советском Союзе. Молотов, возглавивший правительство, критиковал «близорукую антифашистскую агитацию»[31].

Кроме того, Эренбург узнал, что многие высокие функционеры еврейского происхождения потеряли свои посты. Он снова начал бояться за свою жизнь. Он впал в депрессию, снова целыми днями не вставал с постели, не мог есть. За пару месяцев он похудел на 20 килограмм. Ирина Эренбург писала, что его взгляд помертвел, он утратил всю свою иронию и приветливость[32].

Наконец, он преодолел летаргию и даже собрал силы, чтобы начать новый роман: «Падение Парижа», в котором он хотел осмыслить впечатления от оккупации французской столицы войсками вермахта. Первая часть, действие которой разворачивается еще в предвоенные годы, с трудом прошла цензуру. Эренбург должен был кое-что изменить, например, вместо слов «Долой фашистов!» написать «Долой реакционеров!». Во второй части романа речь шла уже о начале Второй мировой войны, при этом, все немцы характеризовались негативно. Отрывки из нее Эренбург читал на вечерах деятелей искусств. Когда он однажды узнал, что в зале присутствует советник германского посольства, он настоял на том, чтобы тот ушел. Однако в дальнейшем такие вечера ему запретили, а цензура не допустила опубликования второй части романа[33].

Он снова почувствовал себя в немилости, снова стал испытывать приступы страха. Из такого состояния его вывел не кто иной, как сам Сталин. 24 апреля 1941 г. он позвонил писателю и спросил, не собирается ли тот писать о «германском фашизме». Когда Эренбург ответил, что сделал бы это в третьей части своего романа «Падение Парижа», но боится, что ее не пропустит цензура, Сталин сказал: «А вы пишите, мы с вами постараемся протолкнуть и третью часть…»[34] Это был важный знак непосредственно из Кремля: очевидно, Сталин исходил из того, что советско-германский союз, скрепленный Молотовым и Риббентропом, не будет прочным.

«План Барбаросса»

Действительно, 22 июня 1941 г., когда началось осуществление «плана Барбаросса» и немецкие войска, нарушив проходившую через оккупированную Польшу демаркационную линию, стали быстро продвигаться на Восток, пакту Риббентропа-Молотова пришел конец. А вскоре пробил час Эренбурга. Ввиду тяжелых поражений Красной Армии в первые недели войны, Управление пропаганды Центрального комитета партии решило задействовать писателей, которые должны были в своих текстах обратиться к людям и стряхнуть с них апатию и смирение. К этой работе сразу были привлечены Аркадий Гайдар, Алексей Толстой, молодые авторы Василий Гроссман, Константин Симонов, Александр Твардовский и, конечно, Эренбург. Он был наиболее плодовитым из этих «военных писателей»: почти ежедневно советские газеты публиковали его призывы к борьбе против немецких захватчиков, его голос звучал по радио, его четкие, часто написанные стаккато, короткими фразами тексты перепечатывались многими фронтовыми газетами.

Эренбург был убежден, что люди в Советском Союзе слишком хорошо думали о немцах: они традиционно уважали их культуру и техническое превосходство. Кроме того, многие хорошо усвоили старые пропагандистские клише, будто немецкий рабочий носит форму вермахта только из страха перед репрессивным аппаратом нацистов и при первой же возможности бросит оружие, чтобы вместе с советскими братьями по классу делать общее дело. В своих мемуарах он пишет об этом:

> Я знал, что мой долг показать подлинное лицо фашистского солдата, который отменной ручкой записывает в красивую тетрадку кровожадный, суеверный вздор о своем расовом превосходстве, вещи бесстыдные, грязные и свирепые, способные смутить любого дикаря. Я должен был предупредить наших бойцов, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность немецких рабочих, на то, что у солдат Гитлера заговорит совесть, не время искать в наступающей вражеской армии «добрых немцев», обрекая на смерть наши города и села. Я писал: «Убей немца!»[35]

Поэтому Эренбург считал необходимым с самого начала призывать красноармейцев безжалостно уничтожать врага. Снова и снова в резких выражениях он говорил о том, что немцы смотрят на русских как на недочеловеков, что они чинят произвол, угоняя гражданское население на принудительные работы в рейх, что они совершают массовые казни гражданских лиц, что они не останавливаются и перед уничтожением культурного достояния. Снова и снова он требовал от красноармейцев и партизан за линией фронта: «Убей немца!» В то время Константин Симонов написал стихотворение с тем же названием. Ирина Эренбург работала во фронтовой газете «Уничтожим врага». На каждой титульной странице большими буквами было напечатано «Смерть немецким оккупантам!»[36].

Когда в 1943 г. началось отступление вермахта, на освобожденных территориях Эренбург видел разрушения, последствия немецкой политики «выжженной земли». В своих текстах он часто цитировал письма немецких фронтовиков, которые с презрением отзывались о русских и даже гордились тем, что убивали русских, жгли их дома и добывали трофеи. Отныне почти в каждом тексте он призывал красноармейцев к мести, создавая, тем самым, впечатление, будто международное военное право и Женевская конвенция отменены. Правда, советское руководство и без того не признавало эти международные соглашения. Кроме того, и подразделения вермахта с начала осуществления «плана Барбаросса» их многократно нарушали.

Написанные Эренбургом листовки передавались из рук в руки, он стал героем фронтовиков. За четыре года войны на Востоке он написал почти полторы тысячи статьей, обращенных непосредственно к красноармейцам. Многие боевые подразделения производили его в свои почетные члены, на его адрес приходили десятки тысяч писем с фронта. И сегодня его почитают уже ставшие седыми ветераны.

Представитель еврейского народа

В руки вермахта попало множество листовок Эренбурга, и пропагандисты нацистского режима решили воспользоваться ими. Едва ли не каждый день берлинские радиостанции и приобщенная к господствующей идеологии пресса клеймили Эренбурга как «гнусного еврея», который, будучи представителем «еврейского большевизма», хочет уничтожить немецкий народ. Он становился демонической фигурой. За короткое время, благодаря аппарату пропаганды вермахта, его имя стало известно и среди немецких войск на восточном фронте.

Подобно Эренбургу, евреи в Советском Союзе, по крайней мере, интеллигенция, с самого начала осознавали, что немецкое нападение для них представляет смертельную угрозу. Приказы руководства СС об «окончательном решении еврейского

вопроса» были строжайше засекречены, однако, у наблюдателя не было сомнений относительно характера и цели террора против евреев. Среди советских евреев быстро распространились рассказы польских евреев, которые с осени 1939 г. до весны 1941 г. бежали через демаркационную линию из генерал-губернаторства в оккупированную СССР часть Польши. Несмотря на все репрессии, которые претерпели именно верующие евреи при Ленине, и, прежде всего, при Сталине, единственный путь своего спасения они видели в защите Советского Союза. В этом был заинтересован и Сталин, который под лозунгом защиты русской земли смог, благодаря незначительным уступкам, сделать своим союзником до того беспощадно преследуемую русскую православную церковь.

Через два месяца после нападения Германии на Советский Союз, вечером 24 августа 1941 г. в московском Парке культуры тысячи людей собрались на митинг «представителей еврейского народа». Он был санкционирован властями, и это означало радикальный поворот в проводимой до сих пор политике, так как существование «еврейского народа» в Советском Союзе не признавалось. В нем приняли участие представители партийного и государственного аппарата, военные и деятели культуры, в том числе музыканты Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс, бас Марк Рейзен, один из любимых певцов Сталина, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, писатели Самуил Маршак, Перец Маркиш и, наконец, Эренбург. На митинге он сказал:

> Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильней всего ненавидит Гитлер. И это нас красит. […] Чем меньше слов, тем лучше – не слова нужны – пули! […] Я обращаюсь теперь к евреям Америки, как русский писатель и как еврей. Нет океана, за которым можно укрыться. […] Помогайте всем, кто сражается против лютого врага. На помощь Англии! На помощь Советской России![37].

Отсюда видно, какая задача возлагалась на советских евреев, которым теперь разрешили создать свою организацию. Они должны были, прежде всего, агитировать за то, чтобы США поддержали оборонительную войну Советского Союза. Ввиду первых военных успехов вермахта, Сталин понял, что без такой помощи не обойтись. И это тоже стало поворотом в политике Москвы, ведь до сих пор контакты евреев в Советском Союзе с евреями за границей были запрещены. Но теперь большинство произнесенных на митинге речей было передано по московскому радио на многих языках. Понятно, что сначала тексты получили санкцию Управления пропаганды ЦК.

Еврейский Антифашистский комитет

Весной 1942 г. был создан Еврейский Антифашистский комитет (ЕАК). Его председателем стал театральный актер и режиссер Соломон Михоэлс, в Правление входил и Эренбург. Комитет находился под строгим контролем НКВД, даже ответственный секретарь ЕАК журналист Шахно Эпштейн был его агентом[38]. Как и публицистика в целом, ЕАК был частью централизованной системы военной пропаганды. Однако

Руководители ЕАК (слева направо): Перес Маркиш, Давид Бергельсон, Соломон Михоэлс и Илья Эренбург

тема преступлений немцев в отношении евреев в унифицированных средствах массовой информации проходила лишь краешком. Только в публикациях ЕАК, которые имели малые тиражи и не были широко доступны, об этом рассказывалось более подробно, в том числе и в выходившей на идиш газете Комитета «Эйникайт».

Уже давно был выдвинут лозунг «формирования советского человека». Таким образом, Управление пропаганды ЦК должно было следить за тем, чтобы ни один из «народов Советского Союза» особенно не выделялся, за исключением русских, которых после войны Сталин назвал «первым и лучшим из советских народов». Лев Копелев приводит одобренный на самом верху текст, с которым ознакомили офицерский состав Красной Армии:

> Некоторые товарищи еврейского происхождения полагают, будто эта война ведется во имя спасения еврейской нации. Эти товарищи заблуждаются. Мы ведем Великую Отечественную войну во имя спасения, свободы и независимости нашей Родины во главе с великим русским народом[39].

То, что, как только немецкие войска занимали их города и села, для евреев уже не было спасения, не особенно тематизировалось. И Эренбург столкнулся с тем, что эта тема была нежелательна. Но он не хотел это принимать, так как сообщения о том, что творили «айнзатцкоманды» СС, вызывали у него чувство солидарности с людьми, которые признавали себя евреями.

Полтора десятка лет до того Эренбург, постоянно подчеркивавший свой атеизм, держался подальше от еврейских организаций. Еще в начале 1920-х годов, во время своего пребывания в Берлине, он при каждой возможности подчеркивал свое «еврейское происхождение», как например, в краткой биографической заметке для журнала «Русская книга». Однако, при этом, он использовал библейское слово «иудей», а не русское «еврей»[40]. Правда, такое употребление слов он не обосновывал:

Авторы «Черной книги» Илья Эренбург и Василий Гроссман на фронте, 1942/43 гг.

нельзя определенно сказать, чего здесь было больше – признания своей принадлежности к вере или столь типичного для него кокетства.

С середины 1920-х годов «еврейская тема», определявшая некоторые его ранние романы, больше не играла роли в творчестве Эренбурга. Он пристроился к системе, провозглашавшей дружбу рабочих и крестьян по ту сторону всех национальных барьеров, и стал в это время, как он сам себя с удовлетворением называл, «уполномоченным Советского Союза по культуре» на Западе.

Во время Второй мировой войны Управление пропаганды Центрального комитета партии не было заинтересовано в том, чтобы обращать внимание на судьбу евреев, так как иначе один народ из многих «братских народов» Советского Союза оказался бы в особом положении. Поэтому использование весьма ценного для ЕАК пропагандиста Эренбурга всячески скрывалось от населения, а публикации Комитета об уничтожении евреев на территории СССР войсками СС не получали распространения.

Черная книга, Красная книга, Желтая книга

В 1943 г. ЕАК принял решение опубликовать «Черную книгу» о преступлениях немецких оккупантов в отношении еврейского населения Советского Союза. В редколлегию вошли Михоэлс и Маркиш, а позднее Эренбург и Гроссман. Вместе с другими писателями, а среди них Маргарита Алигер, Вера Инбер, Всеволод Иванов, Вениамин Каверин, Лидия Сейфуллина, Виктор Шкловский и др., они стали просматривать дневники, письма и свидетельства очевидцев, принадлежавших или относившихся к евреям на оккупированных территориях, а также документы вермахта и СС, предоставляемые редколлегии Красной Армией. Эренбург принимал участие в допросах немецких военнопленных, постоянно подчеркивая при этом, что он еврей[41].

В одной из записок для советских инстанций, которые должны были санкционировать проект, Эренбург отмечал:

> Не акты, не протоколы, а живые рассказы должны показать глубину трагедии. Чрезвычайно важно показать солидарность советского населения, спасение русскими, белорусами, украинцами и поляками отдельных евреев[42].

Наряду с «Черной книгой» о Холокосте, Эренбург предложил издать еще два сборника: «Красная книга» должна была представить свидетельства героизма красноармейцев еврейского происхождения, а «Желтая книга» документально отразила бы борьбу партизан-евреев[43]. Однако он и его сподвижники скоро заметили, что эта концепция встретила сопротивление партийных функционеров. В одном отзыве редколлегию упрекнули в том, что «в представленных очерках излишне много рассказывается о гнусной деятельности предателей народа из украинцев, литовцев и др., что смягчает силу главного обвинения, предъявляемого немцам, что должно являться основной и решающей задачей книги»[44].

В том же духе, после освобождения Киева Красной Армией в 1943 г., партийное руководство проводило свою информационную политику. В период оккупации, недалеко от Киева, в овраге Бабий Яр эсэсовцы расстреляли 40.000 евреев. В этом массовом убийстве участвовали и украинские добровольцы. Однако в официальных сообщениях речь шла только об уничтожении «мирных советских граждан»; о том, что это были евреи, мог написать только выходивший на идиш орган ЕАК. Но этот язык понимала лишь часть советских евреев, и даже Эренбург испытывал с ним трудности.

Так и статью об освобождении гетто в Минске и Вильнюсе, чему он был свидетелем, как военный корреспондент, ему разрешили написать только для ЕАК.

Члены редколлегии «Черной книги» узнали о многих случаях, когда на оккупированных территориях русские, белорусы, украинцы, литовцы, латыши сотрудничали с немцами, преследуя евреев, или приветствовали такие акции. Еврейский писатель Гирш Смоляр написал Эренбургу о поездке в родной Киев. В доме, где он раньше жил, он спросил: «Где же евреи?» Ему ответили: «Слава Богу, немцы их всех поубивали»[45].

Партийное руководство всячески стремилось избежать публичной дискуссии о коллаборационизме и участии советских граждан в Холокосте, лозунг «героической борьбы всех советских народов» должен был оставаться объединяющим и формирующим идентичность мифом.

Ответственные товарищи в ЦК повели двуличную политику: они всеми силами препятствовали работе над русскоязычной версией «Черной книги» и одновременно способствовали ее изданию для Соединенных Штатов. Поскольку страна пока еще остро нуждалась в материальной и политической поддержке США[46].

Членов ЕАК отправили в США, одной из целей было обеспечение содействия проекту. Почетными членами Комитета «Черная книга» были избраны супруга президента Элеонора Рузвельт, а также эмигрировавшие в Америку Альберт Эйнштейн и Томас Манн. Американское издание появилось в 1946 г., правда, без указания имен Эренбурга и Гроссмана[47]. Но именно Эренбург стал известным и в США, многие его фельетоны об общем враге, Германии, публиковались в американской прессе.

«Самый опасный враг немецкого народа»

На Западе едва ли заметили, что за год до этого Эренбург-публицист должен был на время замолчать. Весной 1945 г. Сталин определил новую линию в отношении немцев: пропаганда теперь представляла красноармейцев освободителями, гарантами права и порядка.

Обстоятельства такой смены курса еще не совсем ясны, так как имеющиеся в Москве соответствующие архивные материалы до сих пор недоступны исследователям. Еще не подтверждено документами, что перед Красной Армией стояла задача вызвать ничем не сдерживаемым поведением своих солдат массовое бегство немцев из областей восточнее Одера и Нейсе, которые по воле Сталина должны были отойти Польше и Советскому Союзу. Во всяком случае, в пользу этого говорят факты: командование Советской Армии сначала не принимало меры против поджогов, грабежей, насилия в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Однако в районах западнее Одера действовали другие установки: жившие там немцы были предназначены для строительства социализма. Их следовало превратить в союзников[48], и поэтому советская пропаганда должна была дистанцироваться от Эренбурга, этого «ненавистника немцев», как о нем писали нацисты. Другое дело, что армейскому командованию едва ли удалось добиться поддержки нового курса фронтовиками, поведение которых в отношении немецкого населения не изменилось[49].

Эренбург снова и снова заклинал о мщении, он призывал красноармейцев «пройти с мечом по Германии, чтобы навеки отбить у немцев любовь к мечу»[50].

Нацистская пропаганда собирала эти тексты и распространяла их по радио. Йозеф Геббельс поносил члена политбюро, еврея Лазаря Кагановича, которому Сталин очевидно, благоволил, и Эренбурга как «ответственных за несчастье всего мира». Не кто иной как Гитлер в приказе по случаю Нового 1945 года назвал Эренбурга, лидера движения «Сражающаяся Франция» генерала Шарля де Голля и министра финансов США Генри Моргентау, который хотел превратить Германию в аграрную страну, самыми опасными врагами немецкого народа[51]. 10 января 1945 г. «Красная звезда» опубликовала статью Эренбурга, где говорилось:

> На Берлин идут не только дивизии и армии, на Берлин идут окаменевшие матери, безутешные вдовы, седые дети. На Берлин идут все овраги, яры и балки, все пустыри. На Берлин идут капуста Майданека и деревья Витебска, на которых немцы вешали несчастных. На Берлин идут сапоги, ботинки, тапочки задушенных, и туфельки двухлетнего мальчика тоже идут на Берлин[52].

В последующие дни и недели Эренбург продолжал призывать к расплате с «немецкими палачами». 20 января 1945 г. он писал:

> И есть десять миллионов палачей. Эти нас не ждут. Но эти нас дождутся. Мы не станем расспрашивать, кто тюремщик: СС или СА, пруссак или саксонец, штурмфюрер или зондерфюрер. Мы их не станем спрашивать […] Потому что наболело сердце у каждого из нас. Мы твердо решили покончить с немцами…[53].

Накануне обсуждения и принятия ялтинских решений о разделе Германии, Эренбург в статье под заголовком «Настала расплата» констатировал: «Немцы повсюду

Эренбург с маршалом Рокоссовским и советскими офицерами

немцы». Красноармейцы не должны забывать, «как матери Ленинграда тащили на салазках своих мертвых детей. […] Но за муки Ленинграда Берлин еще не ответил»[54].

В это время, когда Красная Армия стояла еще восточнее Одера, приказы ее командиров были выдержаны в том же духе[55]. Александр Верт, британский корреспондент в Москве, один из немногих западных репортеров, кто мог освещать продвижение Красной Армии, писал: «То, что Эренбург писал о немцах, не идет ни в какое сравнение с тем, что русские солдаты видели собственными глазами и нюхали собственными носами, ибо везде, где прошли немцы, в воздухе стоял запах разлагающихся трупов»[56]. Верт считал, что не нужно было никаких пропагандистов, чтобы вызвать у красноармейцев жажду мести.

Конфликт со службой безопасности

Однако, когда Красная Армия пересекла линию по Одеру и Нейсе, партийное руководство дало новую установку. 26 марта 1945 г. в статье «Советский человек за рубежом родной страны» газета «Правда» напомнила красноармейцам о том, что они должны быть достойны задачи спасения «цивилизации» и гарантировать «дружбу между народами». В завуалированной форме командующих войсками призывали пресекать грабежи, насилие и унижение людей на занятых ими территориях[57]. Изменения линии партии постоянно требовали немецкие коммунисты, которые должны были занять руководящие посты в советской зоне оккупации.

К этому моменту и сам Эренбург уже давно стал сомневаться в правильности своей непримиримой позиции. Во время посещений частей и подразделений Красной Армии в Восточной Пруссии он узнал о преступлениях, учиненных советскими солдатами в отношении гражданского населения; он видел страдания простых немцев. Такой же урок получил и офицер-пропагандист Лев Копелев: он видел, что свои солдаты «жгут, грабят, разрушают» и, таким образом, «говорят на одном языке

с фашистами». Он написал об этом докладную записку и за «жалость к противнику» был арестован и попал в лагерь[58].

По возвращении в Москву Эренбург перед высшим военным составом критиковал «плохую политическую подготовку» Красной Армии. Это не укрылось от партийного руководства. Как и за другими писателями, за ним следили, а, кроме того, действовала густая сеть информаторов и шпионов контрразведки СМЕРШ.

29 марта 1945 г. начальник Главного управления СМЕРШ Виктор Абакумов направил Сталину докладную записку, правда, ставшую известной почти пять десятилетий спустя. В ней он обвинил Эренбурга в том, что тот, выступая «в общественных местах» с отчетом о поездке в Восточную Пруссию, «возводит клевету на Красную Армию». Перед 150 офицерами командного состава в Военной Академии имени Фрунзе он говорил о том, что «культура наших войск … якобы очень низка, и в политическом отношении они подготовлены плохо». Далее, у Абакумова, следует пассаж из устного выступления Эренбурга:

> Организовать на месте порядок, и притом быстро, не смогли. На местах самоуправство войск. […] Бойцы тащат все, что им попадается под руку, и главным образом даже не ценности […]. В занятых городах и районах происходит излишнее истребление имущества, продовольствия и скота […].

Выступая в редакции «Красной звезды», Эренбург сказал: «Вторые эшелоны Красной Армии […] занимаются мародерством, уничтожают и грабят ценности, пьянствуют и не отказываются от “любезностей” немок». Действительно ли Эренбург употребил слово «любезности» также не ясно, как и то, что он под этим подразумевал. Неизвестно, узнал ли он тогда о борделях для офицеров Красной Армии, где немецких женщин принуждали заниматься проституцией. Рапорт Абакумова Сталину основывался на отчетах девяти информаторов. Трое из них работали в «Красной звезде», четверо были офицерами из академии Фрунзе, двое, очевидно, были агентами СМЕРШ, приставленными к Эренбургу[59].

Наказание через «Правду»

Хотя Эренбург критиковал поведение Красной Армии, публично он продолжал призывать к отмщению, будто не замечал, что новая установка появилась в «Правде», что и обеспечило ей временную поддержку Главного политического управления армии. Кремль предоставил Эренбургу свободу действий еще на две недели. Поэтому 30 марта 1945 г. он мог в статье «Весна» написать: «Дело закончится в Берлине, и люди будут говорить, а немцы будут слушать, диктанта не будет, будет обвинительный акт, а потом суровый приговор»[60]. 11 апреля «Красная звезда» под заголовком «Хватит!» опубликовала его статью против тех, кто ратовал за будущую немецкую государственность:

> Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности[61].

В этой статье Эренбург предостерегает американцев и британцев от проявления чрезмерной уступчивости в отношении страны национал-социалистов. На следующий вечер он встретил Георгия Александрова, начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Марксистский философ, он был представителем поощряемого Сталиным великорусского течения в партии. Среди интеллигенции этот человек был известен своими высказываниями о слишком большом количестве «нерусских» (имелись в виду евреи) в сфере культуры[62]. На этот раз он был к Эренбургу снисходителен и похвалил его последнюю статью.

Но уже 14 апреля 1945 г. «Правда» опубликовала статью Александрова «Товарищ Эренбург упрощает»[63]. В ней высокий партийный функционер упрекал публициста, который до того был в чести и у самого высокого руководства, в том, что он всех немцев без исключения заклеймил как виновных или сторонников национал-социалистического господства и, тем самым, сделал их ответственными за преступную войну, развязанную режимом. Если признать такую точку зрения, то «все население Германии должно разделить участь гитлеровской клики». Среди немцев было немало решительных противников Гитлера, группа офицеров даже предприняла покушение на него, другие офицеры призывали солдат вермахта сложить оружие. Александров констатирует: «Советский народ никогда не отождествлял население Германии и правящую в Германии преступную фашистскую клику».

Публикация, очевидно, служила тому, чтобы уменьшить страх немцев перед Красной Армией. Атака на Эренбурга, имя которого среди немецких солдат и гражданского населения благодаря нацистской пропаганде пользовалось дурной славой, должна была, в то же время, сигнализировать о том, что советское руководство не допустит мести и расплаты, как он этого так часто требовал. Не случайно статья появилась за два дня до начала Берлинской операции Красной Армии.

Роль Эренбурга как военного пропагандиста, таким образом, была сыграна; он стал ненужным, так как в военной победе уже никто не сомневался. И его лозунги мести и ненависти больше не вписывались в концепцию московского руководства для послевоенной Германии, согласно которой от «освобожденного населения» нужно было добиться поддержки Сталина и его модели социализма.

Три с половиной недели молчания и страха

Уже на следующий день «Красная звезда» перепечатала статью Александрова. Но еще в тот же день Эренбург написал письмо Сталину. Он был шокирован и не сомневался в том, что нападки на него Александрова были санкционированы лично Сталиным. В своем письме он подчеркивал, что никогда не призывал к «уничтожению немецкого народа»:

> В те годы, когда захватчики топтали нашу землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. […] А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях […] я подчеркивал, что мы подходим к гражданскому населению с другим мерилом, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста[64].

Ответа он не получил. И так же, как после показательного процесса против Бухарина и после заключения пакта Риббентропа–Молотова, он впал в апатию, не хотел

по утрам вставать, не мог есть. «Он десять дней пролежал в постели», – пишет его дочь Ирина. Никто не звонил ему, он был отрезан от всех знакомых. Шеф-редактор армейской газеты обращался с ним как с солдатом-штрафником. Его место постоянного ведущего колонки занял писатель Леонид Леонов. Скоро у Эренбурга апатия сменилась возмущением: «Нужно было осудить меня, чтобы успокоить немцев»[65].

Особенно задело Эренбурга то, что после того, как он более трех лет все время повторял боевой клич «На Берлин!», он не мог сообщать о ходе Берлинской операции Красной Армии, а должен был оставаться в Москве. Так ему не удалось стать свидетелем ни долгожданной немецкой капитуляции, ни первого советского парада Победы в немецкой столице. Однако других последствий санкционированные Сталиным нападки «Правды» для Эренбурга не имели. Его имя на три с половиной недели исчезло со страниц советских газет, и тысячи читателей интересовались в редакциях, почему Эренбург больше не пишет. С 10 мая 1945 г. он снова мог вести политические колонки и писать фельетоны, правда, не касаясь политики в отношении Германии. Но другие писатели, чье дарование также использовалось для поднятия боевого духа, больше не могли публиковаться. Это, прежде всего, Анна Ахматова, Василий Гроссман, Андрей Платонов и Михаил Зощенко.

Эренбурга скоро отправили в побежденную и разрушенную Германию. Он сообщал о ходе нюрнбергских процессов и обновил свои контакты в кругах левых интеллектуалов во Франции, где после войны компартия снова стала серьезной политической силой и, казалось, вот-вот могла прийти к власти. Так Эренбург опять стал пропагандистом, расхваливавшим советское общество времен Сталина как пример для всех остальных стран. Несомненно, в то время он оказывал большое влияние и на многих американских интеллектуалов, о чем сожалел переехавший в США Владимир Набоков, решительно отвергавший как национал-социализм, так и советский социализм. Набоков, поборник парламентской демократии западного образца, избегал участвовать в мероприятиях, на которых должен был выступать Эренбург[66].

В своих публикациях Эренбург не возвращался к конфликтам с партийным руководством из-за своей военной пропаганды и критики злоупотреблений и преступлений красноармейцев. В романе «Буря» (1947 г.) он изобразил, как советские солдаты гладят по головкам немецких детей и с возмущением отвергают предлагающих себя немецких женщин. Произведение целиком и полностью отвечало линии партии и было отмечено Сталинской премией. Полтора десятилетия спустя, в своих мемуарах писатель весьма скупо сообщает о продвижении Красной Армии по Восточной Германии:

> Конечно, были случаи насилия, грабежа – в любой армии имеются уголовники, хулиганы, пьяницы; но наше командование боролось с актами насилия[67].

Запрет на издание «Черной книги»

Поскольку для советского руководства Эренбург, как и прежде, играл важную роль в деле пропаганды, антисемитские кампании 1948–1949 гг. и 1952–1953 гг. его непосредственно не коснулись. Правда, в первые месяцы после капитуляции Германии он интенсивно занимался подготовкой к изданию «Черной книги» об уничтожении

еврейского населения немецкими оккупантами, однако, осенью 1946 г. редколлегия получила указание приостановить работу.

В связи с этим Эренбург, Гроссман и Михоэлс обратились к ответственному за культуру секретарю ЦК ВКП(б) Андрею Жданову, но тщетно. Главный идеолог партии, поборник великорусской линии в искусстве и литературе, поручил Александрову, начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК, еще раз рассмотреть проект. Последний пришел к выводу, что «Черная книга» искажает истинную природу германского фашизма:

> Красной нитью по всей книге проводится мысль, что немцы грабили и уничтожали только евреев. У читателя невольно создается впечатление, что немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев. По отношению же к русским, украинцам, белорусам, литовцам, латышам и другим национальностям Советского Союза немцы якобы относились снисходительно[68].

Уже готовый набор «Черной книги» был рассыпан, а еще не отредактированные рукописи конфискованы. В 1980 г. в Иерусалиме появилось ее малотиражное издание на русском языке. Однако в Советском Союзе она была опубликована лишь за несколько месяцев до его распада в 1991 г[69]. Оба издания основывались на прошедшей цензуру рукописи 1947 г., которую сначала одобрили, но незадолго до того, как она пошла в печать, запретили.

Только в 1992 г. в архиве КГБ была обнаружена оригинальная, не прошедшая цензуру рукопись[70]. На следующий год книга появилась на русском языке в Вильнюсе. Только после этого стало известно, что Эренбург в 1967 г., т. е. за год до смерти, часть своего архива, в том числе спасенные им рукописи «Черной книги», передал в Москве одному французскому дипломату, который послал их с дипломатической почтой во Францию. И уже оттуда они были переправлены в Центр памяти жертв Холокоста Яд Вашем в Иерусалиме [71].

«Черная книга», будь она опубликована, подняла бы вопросы, которые советское руководство не могло допустить ни в коем случае. Например, о евреях, которые в 1939–1941 гг. хотели бежать на восток из оккупированных немцами областей Польши, но которых советские пограничники ловили и отправляли обратно. Или вопрос о сотрудничестве небольшой части соотечественников с немецкими захватчиками и их участии в уничтожении евреев – в «акциях» СС. Или вопрос о растаскивании имущества убитых евреев их соседями – неевреями.

Ставку на великорусский шовинизм делал, прежде всего, Сталин. Установка была дана в его знаменитом тосте на банкете в честь Дня Победы: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»[72]. Контроль за выполнением этой установки Сталин поручил Жданову, который, тем самым, стал главным идеологом. «Антисионизм» был одним из элементов культурной политики, названной «ждановщина». Ужесточение контроля над Еврейским антифашистским комитетом со стороны ЦК ВКП(б) и роспуск ЕАК в конце 1948 г. были частью принимаемых мер. Перед этим, по приказу политического руководства, вероятно, самого Сталина, был убит председатель ЕАК, режиссер и актер Михоэлс[73]. Выходившая на идиш газета «Эйникайт» была закрыта, многие представители еврейской интел-

лигенции были арестованы[74]. Некоторых обвиняли в том, что они участвовали в работе над «Черной книгой»[75].

«Дело врачей»

Эренбург не только вовремя дистанцировался от прежних соратников в ЕАК, но даже резко критиковал их взгляды. В статье, опубликованной в «Правде», он оспаривал существование «еврейского народа», на чем настаивали ведущие деятели ЕАК и, в частности, Михоэлс, а также заклеймил только что созданное государство Израиль как «буржуазное». Англо-американский капитализм, писал Эренбург, не в состоянии решить «еврейскую проблему». Это возможно только при социализме, реализованном в Советском Союзе. «Решение проблемы» он видел в ассимиляции. Поэтому он отвергал все проекты создания для советских граждан «еврейской национальности» территорий заселения, как например, Биробиджан в Приморском крае[76].

К этому времени Эренбург давно играл роль пропагандиста советской системы среди западных интеллектуалов, придерживаясь установок Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Однако, когда поздней осенью 1952 г. пресса сообщила о заговоре врачей, и для еврейской интеллигенции стали вырисовываться контуры новой антисемитской кампании, он решился на протест, не открыто, осторожно. По слухам, ходившим в Москве, инспирированная «заговором врачей» кампания должна была иметь финалом депортацию евреев в азиатскую часть СССР. О проекте говорили как о защитной мере. Советские люди якобы были возмущены тем, что «врачи-отравители», «советские граждане еврейского происхождения», готовили покушение на жизнь Сталина. На еврейских интеллектуалов оказывали давление, заставляя подписать письмо, предназначенное для публикации в «Правде». В нем они должны были заявить о своей солидарности с Советским Союзом и одновременно подвергнуть нападкам правительство Израиля, а также «промышленников и магнатов еврейского происхождения» в США. Но Эренбург сказал, что должен подумать. «Едва ли не спотыкаясь», он покинул собрание видных ученых и деятелей культуры еврейского происхождения до того, как до него дошел подписной лист. Так как он, совершенно очевидно, боялся, что антисемитская кампания на этот раз заденет и его, он написал завещание[77]. Но в Центральном комитете его нерешительности не придали значения. В декабре 1952 г. ему присудили Международную Сталинскую премию «За укрепление мира». Воодушевленный, он спустя два месяца, в разгар истерии в прессе по поводу «дела врачей», решил написать письмо Сталину лично.

В этом письме он повторил, что «еврейской нации» нет, и снова выступил за ассимиляцию живущих в СССР евреев, так как их обособление будет иметь для советского общества исключительно негативные последствия: «Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток возрождения еврейского национализма, который неизбежно приводит к измене»[78].

Неизвестно, получил ли Сталин это письмо. Во всяком случае, до большого переселения советских евреев дело не дошло. В своих мемуарах Эренбург в связи с этим лаконично замечает, что дело тут не в его письме, а в судьбе. Он имел в виду смерть Сталина 5 марта 1953 г.

Новое обретение немецкого языка

В своих мемуарах, написанных десятилетие спустя, Эренбург смог лишь вскользь коснуться той напряженности, которая возникла вокруг советских евреев. Более цензура не пропустила бы[79]. С большим интересом следил он за дискуссией, последовавшей за немецким изданием его воспоминаний в Федеративной республике. Она способствовала смягчению представления, сложившегося о нем у немцев. Кроме того, он стал старше и снисходительнее.

Эренбург более или менее сносно владел немецким языком. В первый год Второй мировой войны он поклялся, что больше никогда не скажет ни слова по-немецки. Но когда после выхода в свет книги «Люди, годы, жизнь» он был приглашен на ужин к издателю Хельмуту Киндлеру, он пришел без переводчика. Он вновь обрел немецкий язык[80].

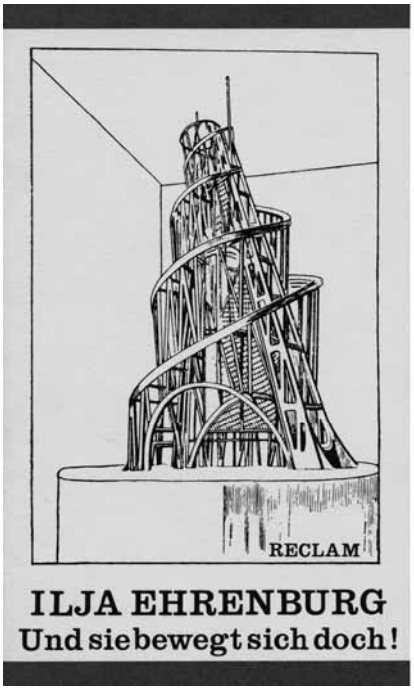
Заключение: между упрямством и приспособленчеством

На склоне дней Эренбургу было важно не войти в историю ни непримиримым ненавистником немцев, ни лакеем Сталина. В своих мемуарах он попытался написать о тех условиях, которым он вынужден был подчиняться. В глазах миллионов читателей он был писателем, который всегда мог прийти к Сталину и сказать, что не согласен с тем или иным его решением. Однако в действительности все было не так: «Я никогда не разговаривал со Сталиным (кроме телефонного разговора накануне войны, о котором писал). Я видел его издали на торжественных заседаниях, приемах или сессиях Верховного Совета. […] Я не могу дать портрет Сталина – я его лично не знал […]»[81]. Его дочь Ирина подтверждает, что он ни разу не видел Сталина вблизи и никогда ему не звонил. Напротив, Сталин один раз снял трубку, чтобы поговорить с ним о романе «Падение Парижа»[82].

Ирина Эренбург считала, что ее отец «вовсе не поддерживал Сталина»[83]. Но все-таки он, вероятно, чувствовал себя польщенным тем, что тот ценил его работу. Он был самовлюбленным человеком, и ему нравилось быть важной персоной. Для него также много значили предоставленные ему привилегии. Однако, несомненно, у Эренбурга не было иллюзий относительно характера диктатора.

То, что его не тронули во время чисток, не было случайностью, как он это сам себе объяснял. Планируя свою политику, Сталин всегда старался быть готовым ко всем возможным вариантам развития событий. Он был «мастером альтернатив»[84]. Так было и при заключении пакта Молотова–Риббентропа. Сталин хотел быть готовым к нарушению пакта и поэтому оставил в резерве Эренбурга: имея контакты с западноевропейскими и американскими интеллектуалами, он был весьма важной фигурой для формирования за границей представления о режиме, нуждавшемся в союзниках.

Эренбург знал, что многие его друзья и знакомые стали жертвами чисток. Он переживал за Исаака Бабеля, Осипа Мандельштама и Всеволода Мейерхольда. В своих мемуарах он попытался создать литературный памятник им и Марине Цветаевой,



Тексты Эренбурга, изданные в Москве в 1922 г. и появившиеся в июне 1989 г. в лейпцигском издательстве «Philipp Reclam»; справа – портрет Ильи Эренбурга работы Пабло Пикассо (29 августа 1948 г.) с надписью на французском: «Тебе, мой друг»

которая по возвращении в Советский Союз не могла публиковаться, и чье творчество во времена сталинщины замалчивалось. На страницах своих воспоминаний он постоянно дает понять, как он страдал от бесконечной лжи того времени.

И все же: он никогда не выражал своих сомнений. Напротив: перед зарубежными интеллектуалами он превозносил Советский Союз как лучшую из общественных систем. Он знал, что такую ложь от него ждали; если бы он этого не делал, то его отозвали бы из Парижа в Москву. Эмиграция, жизнь вне СССР, очевидно, не была для него выходом: он должен был знать, что советская тайная полиция убивала перебежчиков. Выходившая в Париже эмигрантская газета «Последние новости», которую он регулярно читал, сообщала об убийствах и похищениях, приписываемых агентам Сталина. Современники метко называли Эренбурга «мастером политического выживания», так как он следовал всем изменениям линии партии и каждый раз оставался в лидирующей группе. Он пережил чистки 1930-х годов, борьбу с космополитизмом в конце 1940-х годов и «дело врачей» незадолго до смерти Сталина, причем две последние кампании однозначно носили антисемитский характер. Он всегда точно знал пределы своих возможностей, и после того как в середине 1920-х годов понял, что режим упрочился, стал избегать критических высказываний[85].

Его биографы сегодня спорят о том, должен ли был Эренбург приспосабливаться и изменять самому себе, или он упивался близостью к трону Сталина и своей мнимой значимостью, или он просто был беспринципным человеком. Он делал комплименты «гениальному отцу народов»[86], хотя некоторые его ранние произведения

в Советском Союзе больше не печатались, например «Хулио Хуренито», или не могли быть опубликованы, как роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»[87]. После войны он играл роль, как он сам позднее выразился, «полезного еврея»: во время антисемитских кампаний, развязанных партийным руководством, он, выступая за границей, был живым доказательством того, что в СССР антисемитизма нет.

Несомненно, Эренбург полагал, что репрессии преходящи, что советское общество идет по пути к коммунизму. Кроме того, он верил в преодоление национальных противоречий через общий язык литературы и искусства, и хотел внести свой вклад в решение этой задачи, собирая вместе деятелей культуры из разных стран. Но он сам сводил эти намерения на нет, поскольку в глазах большинства зарубежных интеллектуалов был рупором Сталина, а будучи депутатом Верховного Совета, еще и коммунистическим функционером.

Отношение к нему разделило и немецких интеллектуалов, и отнюдь не только в Федеративной республике[88], но и в ГДР, где его мемуары были опубликованы лишь через 16 лет после появления первой русской версии и ее издания в ФРГ. Его имя было связано не только с гневными тирадами, распространявшимися газетами и листовками, но и с тезисом о коллективной вине немцев, который не совпадал с провозглашением ГДР «авангардом антифашизма». Хотя позднее Эренбург утверждал, что имел в виду исключительно оккупантов, однако, в текстах, относящихся к периоду Второй мировой войны, он постоянно писал о «немцах», проповедовал ненависть в отношении «немцев» как таковых.

У военной пропаганды свои законы; чтобы быть действенной, она должна быть острой. И другие писатели, например, Константин Симонов, Михаил Шолохов или Алексей Толстой, писали в том же стиле и духе, что и Эренбург. Но их имена не стали известными благодаря нацистской пропаганде. Они были русскими и представляли русскую культуру, поэтому они не годились для формирования образа врага. Напротив, Эренбург объединял в себе три характеристики врага – он был коммунистом, космополитом и евреем. Даже после Второй мировой войны большинство немецких интеллектуалов относилось к нему отрицательно, так как и в условиях холодной войны он продолжал пропагандировать советский режим. И в свете последних публикаций он остается фигурой неоднозначной.

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Немецкоязычная поисковая система в интернете на ключевое слово «Эренбург» выдает 100 web-страниц праворадикального содержания.

[2] Речь идет о торпедировании немецкого лайнера «Вильгельм Густлофф» 30 января 1945 г. советской подводной лодкой «С-13» под командованием А. Маринеско. (*Примечание переводчика*).

[3] *Grass G.* Im Krebsgang. – Göttingen, 2002. S. 101.

[4] Zarzycka-*Bérard E.* Burzliwe z'ycie Ilii Erenburga. Rosyjskie los, z'ydowskie szcesrcie. – Warszawa, 2002. S. 216.

[5] Прогулки по Фрицландии // Красная звезда. 25 ноября 1944.

[6] *Zayas de A.* Die Wehrmachtsuntersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. – München, 1980. S. 213.

[7] См.: *Rühle J.* Literatur und Revolution. Die Schriftsteller und der Kommunismus. Köln – Berlin, 1960. S. 132; *Nawratil H.* Vertreibungsverbrechen an Deutschen. Tatbestand, Motiv, Bewältigung. – München, 1982. S. 100, 255.

[8] *Эренбург И.Г.* Война. (Апрель 1942 – март 1943). – М., 1943. С. 22.

[9] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. – М., 1990. Т. 2. С. 221–222.

[10] См.: *Kochan L.* (Hrsg.). The Jews in Soviet Russia since 1917. – London, 1978. P. 124.

[11] Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга. Публикация Е. Берар // Минувшее. Исторический альманах. № 8, 1990. С. 388.

[12] *Р-ский Л.* (*Ржевский Л.*) Когда Илья Эренбург молился // Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. № 16 1952. С. 145.

[13] Писатели о себе (А. Толстой, И. Эренбург) // Новая русская книга. Ежемесячный критико-библиографический журнал. № 4 1922. С. 45.

[14] *Арбатов З.* «Ноллендорфплатцкафе» // Грани. № 41 1959. С. 107.

[15] *Шкловский В.* Гамбургский счет. – СПб., 2000. С. 73. Речь идет о библейском сюжете, о превращении молодого человека по имени Савл из яростного гонителя христиан в одного из самых преданных приверженцев учения Христа по имени Павел. (*Примечание переводчика*).

[16] *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников… Собр. соч. Т. 1. – М., 1962. С. 150–151.

[17] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 378.

[18] *Не-Буква* (*И.М. Василевский*). «Тартарен из Таганрога». (О двенадцати новых книгах г. Ильи Эренбурга) // Литературное приложение к «Накануне». 29 октября 1922.

[19] См.: *Громов Е.* Сталин. Власть и искусство. – М., 1998. С. 355.

[20] *Ehrenburg I.* So habe ich gelebt. Erinnerungen aus dem 20. Jahrhundert. – Berlin, 1997. S. 57.

[21] *Яновский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. – СПб., 1993. С. 169.

[22] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. II. С. 166–167.

[23] *Ehrenburg I.* Op. cit. S. 61.

[24] *Шенталинский В.* Рабы свободы в литературных архивах КГБ. – М., 1995. С. 48, 55.

[25] Не надо замалчивать существо спора. – Письмо в редакцию «Известий» // Известия. 6 февраля 1963.

[26] См.: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. II. С. 202.

[27] *Stradecki J.* Tuwim w Paryzu // Polityka. 17. III. 1984.

[28] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. II. С. 221.

[29] Там же. С. 225.

[30] Легион «Кондор» был сформирован из 4500 немецких добровольцев в 1936 г. для помощи франкистам. (*Примечание переводчика*).

[31] *Goldberg A.* Ilya Ehrenburg. Writing, Politics and the Art of Survival. London, 1984. P. 177.

[32] *Ehrenburg I.* Op. cit. S. 61.

[33] См.: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 226.

[34] Там же. С. 228.

[35] Там же. С. 248.

[36] *Ehrenburg I.* Op. cit. S. 74.

[37] Правда. 25 августа 1941.

[38] Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. Документированная история. Москва, 1996. С. 30–32.

[39] Цит. по: *Kopelew L.* Zur «Jüdischen Frage in der UdSSR». (Ein Brief an Roy Medwedjew) // *Kopelew L.* Im Willen zur Wahrheit. Analysen und Einsprüche. – Frankfurt a. M., 1984. S. 72.

[40] *Флейшман Л.*, *Хьюз Р.*, *Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. – Париж, 1983. С. 209.

[41] *Рубинштейн Д.* Верность сердцу и верность судьбе. Жизнь и время Ильи Эренбурга. – СПб., 2002. С. 214.

[42] Цит. по: Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. С. 248.

[43] *Черток С.* «Черная книга» Ильи Эренбурга // Русская мысль. – Париж. 23 июля 1998.

[44] Цит. по: Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. С. 252.

[45] Zarzycka-*Bérard E.* Op. cit. 220.

[46] См.: Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. С. 242–245.

[47] The Black Book. The Nazi Crime against the Jewish People. – New York: Jewish Black Book Committee, 1946.

[48] См.: *Deuerlein E.* Die sowjetische Deutschlandpolitik 1941–1945 // *Grau K.F.* Schlesisches Inferno. Kriegsverbrechen der Roten Armee beim Einbruch in Schlesien 1945. Eine Dokumentation. – Stuttgart, 1966. S. 11–26; *Fischer A.* Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg 1941–1945. – Stuttgart, 1975. S. 131–136.

[49] См.: *Kuby E.* Die Russen in Berlin 1945. – Rastatt, 1988.

[50] *Эренбург И.Г.* Накануне // Правда. 7 августа 1944.

[51] См.: *Рубинштейн Д.* Указ. соч. С. 240.

[52] *Эренбург И.Г.* О том же // Красная звезда. 10 января 1945.

[53] *Эренбург И.Г.* Такого еще не было // Красная звезда. 20 января 1945.

[54] *Эренбург И.Г.* Настала расплата // Красная звезда. 31января 1945.

[55] См.: *Zeidler M.* Kriegsende im Osten. Die Rote Armee und die Besetzung Deutschlands östlich von Oder und Neiße 1944/45. – München, 1996. S. 125–126.

[56] Цит. по: *Черток С.* Знаменитый и забытый Эренбург // Русская мысль. 23–29 апреля 1998.

[57] Советский человек за рубежом родной страны // Правда. 26 марта 1945.

[58] См.: *Копелев Л.З.* Хранить вечно. – М., 1990.

[59] Цит. по: *Решин Л.* «Товарищ Эренбург упрощает». Подлинная история знаменитой статьи «Правды» // Новое время. 20 февраля 1994.

[60] *Эренбург И.Г.* Весна // Красная звезда. 30 марта 1945.

[61] *Эренбург И.Г.* Хватит! // Красная звезда. 11 апреля 1945.

[62] Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации 1938–1953. – М., 2005. С. 27–29.

[63] *Александров Г.* Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 14 апреля 1945.

[64] Цит. по: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. – М., 1994. С. 156.

[65] Цит. по: *Решин Л.* Указ. соч.

[66] *Nabokov V.* Letter to the Editor // The London Times. 30 May 1962.

[67] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 377.

[68] Цит. по: Государственный антисемитизм в СССР. С. 99.

[69] *Гроссман В.*, *Эренбург И.* Черная книга. – Запорожье, 1991.

[70] См.: *Lustiger A.* Rotbuch: Stalin und die Juden. Die Tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden. – Berlin, 1998. S. 178.

[71] *Черток С.* «Черная книга» // Zarzycka-*Bŭrard E.* Op. cit. S. 220. Zarzycka-*Bŭrard E.* Op. cit.

[72] Цит. по: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. – М., 2005. С. 23.

[73] См.: *Борщаговский А.* Обвиняется кровь. Документальная повесть. – М., 1994. С. 79–88.

[74] См.: *Kochan L.* Op. cit. P. 321–323.

[75] См.: Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. С. 391–394.

[76] *Эренбург И.Г.* По поводу одного письма // Правда. 21 сентября 1948.

[77] *Свирский Г.* На лобном месте: Литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.). – Лондон, 1979. С. 76.

[78] Страна и мир. № 10, 1984. С. 73–74.

[79] Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга. Публикация Е. Берар // Минувшее. Исторический альманах. № 8, 1990. С. 387–406.

[80] Die Zeit. 10. August 1962.

[81] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 230.

[82] *Ehrenburg I.* Op. cit. S. 100.

[83] Ebd. S. 101.

[84] См.: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000.

[85] См.: *Laychuk J.* The evolution of Ilya Erenburg's Weltanschauung during the period 1928–1934 // Canadian Slavonic Papers. Nr. 2, 1970 H.4. P. 395–416.

[86] См.: *Koenen G.* Die großen Gesänge. Lenin, Stalin, Mao Tse-tung – Führerkulte und Heldenmythen des 20. Jahrhunderts. – Frankfurt, 1991. S. 209–210; Ilja Ehrenburg und die Deutschen. S. 78.

[87] Плутовской роман, написанный в 1928 г. и опубликованный у нас в 1989 г. (*Примечание переводчика*).

[88] См. напр.: *Walser M.* // Die Zeit. 10. August 1962; Der Spiegel. Nr. 16 1960, Nr. 36 1962, Nr. 16 1963; *Ehrenburg I.* Tötet! Tötet alle Deutschen! Eine Dokumentation der DeutschenSoldatenzeitung und Nationalzeitung München, 1962; «Tod den deutschen Ratten!». Zum Skandal um Ehrenburg-Verherrlichung in Deutschland // Deutsche Wochenzeitung. 17. Mai 1991.

Эрика Фогт

ПОСРЕДНИК, сидевший между всеми стульями. Исследователь Восточной Европы Мартин Винклер. Его вековой опыт и переживания

С окончанием Второй мировой войны миллионы людей и не только в Германии связывали надежду на новое начало. Других настигли их прежние злодеяния, а были и такие, которые «легли на дно». Относительно небольшое число немецких специалистов по русской истории находилось к концу войны, в известной степени, опасной ситуации – ведь во время национал-социалистского господства предмет их исследования и преподавания был в то же время нескрываемой целью войны для политического руководства германского государства.

1945 г.: Памятная записка о формировании восточноевропейских исследований и несбывшиеся надежды на новое начало

После поражения Германии сферы деятельности специалистов по русской истории, работавших в этой области науки, объективно подлежали критической проверке с учётом неожиданно значительной роли Красной Армии и Советского Союза в преодолении фашизма. Мартин Винклер ожидал свободных возможностей для новой ориентации в исследовании Восточной Европы, в которое он хотел внести свои соображения. В его наследии, которое в 1991 г. начали классифицировать Герд Фойгт и я, мы обнаружили документ, возникший на рубеже 1945–1946 гг. и называвшийся «Мысли о восстановлении восточноевропейских исследований в Мюнхенском университете». В первом разделе, названном «Прошлое», автор кратко обобщал опыт, накопленный в этой области исследований шестью немецкими университетами, находившимися до конца войны на немецкой территории: в Берлине, Бреслау, Гамбурге, Кёнигсберге, Лейпциге и Вене, – где проводились исследования на тему Восточной Европы. Вторая часть, названная «Настоящее», содержит соображения автора относительно задач, за решение которых, по его мнению, должны были взяться теперь специалисты. В прошлом, констатировал Мартин Винклер, регионом Восточной Европы «на удивление пренебрегали». «Это тем более непонятно, что Россия, усиливавшаяся держава, была с XVIII столетия крупнейшим соседом Германии». В отличие от исследований по славянской филологии, распространённых в немецких университетах, «среди историков, религиоведов и экономистов лишь от случая к случаю встречались специалисты по Восточной Европе… Ненависть нацистских диктаторов ко всему русскому разрушила многие из формировавшихся подходов»[1].

В связи с этим Мартин Винклер направил внимание на новую ситуацию, сложившуюся после войны. Так как «Россия, как никогда ранее в истории, взошла на вершину своей силы и значения», нельзя «оправдать далее тот факт, что массу немцев не информируют о Восточной Европе, почему они слишком легко оказываются жертвами односторонних представлений». Автор памятной записки считал настоятельно необходимым, выходя за рамки университетского преподавания, просвещать широкие круги населения в рабочих сообществах и народных университетах о «географии и этнографии страны вплоть до тончайших проявлений восточноевропейской сути в литературе, музыке и изобразительном искусстве»[2] усилиями специалистов, знатоков той или иной страны. Вовлечение восточноевропейских вопросов – «настоятельное требование момента», особенно, как он полагал, в духовно-культурном центре Баварии, в Мюнхенском университете, после того как, в результате поражения Германии, прежние центры исследования Восточной Европы – Бреслау, Кёнигсберг и Вена – были уничтожены или, как Берлин и Лейпциг, не входили больше в федеральную немецкую территорию.

Из документа видно сознание неотложной необходимости, которое двигало автором, когда он формулировал свои представления о начале заново исследования и преподавания различных аспектов жизни Восточной Европы. Его предложения содержали и соображения о финансировании публичных и научных библиотек, а также вечерних курсов для журналистов.

Для этих исследований следовало бы, по его мнению, разработать такого рода план:

1. Должность ординарного профессора социологии с особым учётом Восточной Европы. Представитель этого предмета должен был бы уделять сугубое внимание истории религии Восточной Европы.

2. Должность ординарного профессора истории Восточной Европы, политической и культурной истории, включая предысторию, историю революционного движения, изобразительных искусств и музыки, а также привлекаемые смежные науки, изучающие Восточную Европу.

3. Славянская филология, включая историю литературы. Если должна была зайти речь о новом замещении должностей на этой кафедре, важной самой по себе, следовало бы обдумать, не придётся ли при первоочерёдности обоих только что упомянутых специальностей пока, в современных условиях, по соображениям экономности удовлетвориться тем, чтобы обязанности руководителя замещал приват-доцент.

Сверх этого предполагалась подготовка приват-доцентов по следующим специальностям:

4. География, этнография и фольклористика Восточной Европы.

5. Экономика Восточной Европы.

6. Восточноевропейское право.

Далее предполагалось привлекать преподавателей, как минимум, для обучения русскому, польскому и чешскому языкам[3].

Наконец, Винклер ставил вопрос об основании «Института Восточной Европы при Мюнхенском университете», который рассматривал как «средоточие всех этих исследований» и предлагал принять немедленные меры для материального обеспечения этого проекта, например, с помощью создания «Сообщества покровителей Института Восточной Европы при Мюнхенском университете», «с помощью которого несколько расширится финансовый фундамент, пусть даже сегодня в очень

скромных границах». Кроме того, он видел и другие возможности в создании «фонда поддержки науки», который «мог бы внести вклад, соответствующий сегодняшнему значению исследования Восточной Европы»[4].

Исходя из опыта недавнего прошлого, Мартин Винклер полагал: «В число предпосылок воспитания немца на новых основах входит, несомненно, и его объективное введение в сущность Восточной Европы, так что происходящие там, в высшей степени, значимые события не оставались бы для него столь чуждыми, как прежде. В особенности молодое поколение всех слоёв населения может ожидать предпочтительного изучения этого предмета, имеющего задачей разъяснение проблем и распространение знаний, которые сегодня касаются каждого». И заключал он обоснованной мыслью: «Мы, однако, полагаем сверх того, что именно оккупационные державы должны быть серьёзно заинтересованы в том, чтобы в Германии больше, чем прежде, распространялось непредубеждённое знание о Восточной Европе»[5].

В наследии Мартина Винклера нет указаний на то, что соображения автора вызвали особый отклик в баварском государственном министерстве образования и культуры; одно лишь подтверждение получения от 30 января1946 г. доказывает поступление памятной записки в объёме шести страниц. Ответа, который продвигал бы дело, просто не последовало. Конечно, Мартин Винклер ожидал положительного отклика; одновременно он обращался и к общественности. Как видно из сохранившихся газетных сообщений и заметок, он выступал с докладами, которые были посвящены той же основной проблеме – как противодействовать незнанию России и Восточной Европы. Лекцию на тему «Значение России для Германии в последние столетия», прочитанную впервые в Гармиш-Партенкирхене в начале 1946 г., он повторял в следующие годы в различных баварских народных университетах[6]. Доклад Мартина Винклера был обстоятельно отрецензирован под заголовком «Ужас перед московитами!» в газете «Хохланд-Боте» № 58 от 19 июля 1946 г. Этот «ужас», по словам докладчика, бродил, как призрак, по международным отношениям в Европе ещё со времён Ивана IV, но сохранился он и после 1917 г., когда царская Россия рухнула, и Ленин создал Советское государство: «Третий Рим» стал «Третьим Интернационалом». Вот комментарий корреспондента:

> И снова – с 1933 г. это делал Гитлер – били в барабан, призывая к борьбе против московитской опасности. Хотя подписанный в 1939 г. договор о дружбе и откладывал решение, но, когда 22 июня 1941 года германские войска вломились в русские позиции, судьба Германии была решена. Сегодня русские войска стоят от Сахалина до западного берега Верры. Мюнхен всего лишь на 240 км удалён от этой точки. И вот что говорит теперь Мартин Винклер: «Освободитесь же, наконец, от *страха перед московитами*, решитесь, в конце концов, на духовную дискуссию с русской проблемой! Знание России необходимо! Проводить ещё и теперь “страусовую” политику или, надевая шоры, не видеть того, что очевидно – преступно. Это касается каждого из нас, и только с помощью систематизирующей заинтересованности, посредством осознанного намерения проникнуть в этот всё ещё чуждый мир, в эту другую культуру, мы внесём вклад в создание мирового гражданства в новой эпохе истории человечества».

С тех пор прошло более полустолетия, и как раз сегодня, перед лицом «глобализации», кажется, будто этот призыв ничуть не утратил своей актуальности.

Как констатировал в то время корреспондент д-р К.А. Шеель, докладчик «выступал с несколькими докладами на одну и ту же тему перед слушателями подготовительных курсов для молодых журналистов в Мюнхене, и мы надеемся, что его основательные знания вскоре станут в подходящем для этого месте доступными не только студенческой молодёжи, но что и его смелое, современное понимание русской проблемы станет достоянием всех мыслящих немцев».

В другой газетной заметке тех же времён сообщается следующее об «историке Востока и коллекционере русского искусства»:

> Ему, знатоку России, который завоевал свои знания не одними только историческими исследованиями, но и углубил и усовершенствовал их благодаря девяти большим поездкам в Советский Союз, – от Северного Ледовитого океана до Армении с 1924 по 1932 гг. – и который способен дать полную картину властного комплекса под названием Россия так, как нелегко будет кому-то другому, дважды пришлось почувствовать на себе всю жёсткость ушедшего режима. Это, однако, не воспрепятствовало его работе и не помешало его деятельности.

Разумеется, свидетель доклада Мартина Винклера в Поссенхофене под Мюнхеном не мог и предчувствовать, каким притеснениям, опасным для жизни, ещё подвергнется на протяжении следующего десятилетия исследователь России; он вкратце называет эпизоды прошлого:

> Сначала, с 1925 до 1929 гг., доцент Кёнигсбергского университета, затем профессор и заведующий кафедрой истории культуры и краеведения Восточной Германии, а также директор отдела истории Института России, в 1934 г. он был просто лишён места. Для продолжения своей работы он разыскал новое местожительство в Вене, где преподавал в университете историю Восточной Европы, но затем, при вступлении германских войск, был, ввиду сомнений в его политической благонадёжности, лишён и этой позиции. Так ему, в конечном счёте, осталась только деятельность свободного учёного[7].

Это положение Винклеру суждено было сохранить на остававшиеся ему сорок с лишним лет жизни. Как его соображения о переустройстве исследований Восточной Европы в немецких университетах, включая народные университеты, не нашли отклика со стороны властных структур, так не было удовлетворено и его ходатайство о преподавательской нагрузке в Мюнхенском университете и, как бывало уже не раз в его жизни, на сей счёт не последовало обоснования. В летнем семестре 1947 г. к декану философского факультета обратились по этому поводу студенческий комитет Мюнхенского университета, профессиональная группа славистов и историков. Ответ декана последовал 16 июня 1947 г.:

> Факультет ранее уже занимался вопросом о приглашении проф. Винклера, но не смог и вновь принять соответствующего решения. Лекции по специальности «История Восточной Европы» будет в ближайшем семестре, по-видимому, читать приват-доцент.

Винклер не предполагал тогда, что, начиная с этого бесцеремонного отказа, борьбу за его существование как научного работника, за исправление несправедливости, причинённой ему нацистским режимом, за его достойную человека дальней-

шую жизнь как учёного придётся вести ещё и на протяжении следующего десятилетия.

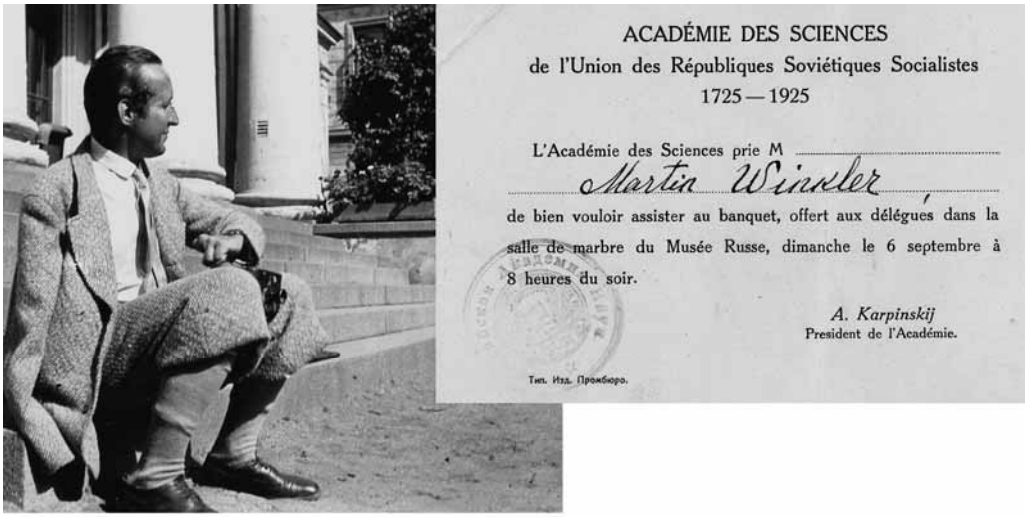
Мартину Винклеру, который родился в 1893 г. в Лейпциге, к концу войны шёл 52-й год. Он связывал с победой над национал-социалистским режимом большие надежды на научную жизнь, которая фомировалась бы в соответствии с демократическими принципами. Но для него эти надежды не оправдались. В Федеративной республике он оставался исключённым из официального преподавания и исследовательской работы. Он мог доказать всего лишь 14 лет и семь месяцев платной работы. На другой чаше весов при оценке жизни учёного лежат более шести десятилетий интенсивных занятий восточноевропейской историей, преимущественно русской историей и культурой. Если добавить к этому, за вычетом 1914–1915 годов, пришедшихся на войну и ранение, годы учёбы с 1914 по 1920-й, то образуется значительный промежуток времени. Мартину Винклеру, как едва ли какому-то другому преподавателю вуза, как едва ли какому-то ещё учёному в его области науки было суждено пережить такие события и накопить такой опыт, которые мы сегодня характеризуем в качестве отличительных для XX столетия. Винклер был страстным историком, который в истории, особенно в русском культурном прошлом, как материальном, так и вещественном, видел пережитую жизнь современников и пытался описать её. Исследователь икон в Галле на Заале, Конрад Онаш, который состоял с ним в проникнутом согласием научном обмене, метко охарактеризовал эту позицию:

> Стиль и метод Винклера характеризуются их восприимчивостью по отношению к индивидуальности предметов его исследования, идёт ли речь об иконах или о личностях из русской истории[8].

В этом смысле он был внимательным выпускником Института истории культуры и всеобщей истории им. Лампрехта при Лейпцигском университете, в котором и начал учиться в 1914 г. и который, излечившись от своих военных ран, закончил с присуждением учёной степени доктора[9] в 1920 г.[10].

Мемуары не были по сердцу Мартину Винклеру. В его наследии, которое автор сумела освоить лишь постепенно, нет никаких указаний на начало записи воспоминаний.

И тем не менее среди многочисленных научных разработок, писем, заметок и проектов имеются рукописи, своего рода резюмирующие воспоминания о пережитом, не носящие характера автобиографии и ни в коем случае не предусмотренные для публикации. Но с какой целью и когда были они записаны? Из более поздних публикаций перед нами предстает Мартин Винклер – точно формулирующий, очень компетентный и дисциплинированный в своих исследованиях учёный. Но чего намеревался достичь автор с помощью этих сочинений, выдержанных в столь эмоциональном тоне и уже этим отличающихся от прочих письменных заявлений? Эти тексты возникли в разное время и всякий раз специфическим образом освещают поворотные пункты в жизни автора. Хотел ли он таким способом осмыслить опыт – как хороший, так и горький? Только после того, как нам стали известны биографические рамочные данные, преимущественно из свидетельств, сохранённых в наследии, мы смогли понять, каким судьбоносным событиям следует соподчинить эти записи.



ACADÉMIE DES SCIENCES
de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes
1725 — 1925

L'Académie des Sciences prie M Martin Winkler
de bien vouloir assister au banquet, offert aux délégués dans la salle de marbre du Musée Russe, dimanche le 6 septembre à 8 heures du soir.

A. Karpinskij
President de l'Académie.

Тип. Изд. Промбюро.

Приглашение иностранных гостей на юбилей Академии Наук СССР (справа вверху), состоявшийся в 1925 г. в Ленинграде, и их прибытие на торжество. Нижнее фото – берлинский специалист по древней истории проф. Эдуард Мейер (в центре, в шляпе), слева за ним Мартин Винклер. Слева вверху – Мартин Винклер перед зданием немецкого посольства в Москве (1931 г.)

Лето 1915 г.: поездка из Дёберица на Западный фронт – упражнение в письме

Один из этих документов охватывает шесть мелко исписанных машинописных страниц.

Текст начинается так:

> 2 июля 1915 г. был установлен день нашего выступления в поход. Почти 7 месяцев, с 7 декабря 1914 г., продолжалось обучение. 2 месяца из них, с середины апреля до середины июня, я находился на офицерских курсах в Дёберице и после трёхнедельного отпуска мы должны были отправиться в полк. Стояло чудесное утро, когда я поехал в казарму. Там ещё раз проверили снаряжение. Был всего лишь небольшой транспорт – нас 8 человек с курсов в Дёберице, несколько выздоровевших и 3 офицера: мой одноклассник и друг Вильгельм Кунце, лейтенант Шёнхерр и лейтенант Бурлаге. После того, как музвзвод полка исполнил ещё несколько песен, мы промаршировали по улицам Линденталер-штрассе и Халлеше-штрассе к главному вокзалу. На платформе мы встретились с транспортом, состоявшим из 106 человек, где тоже были несколко наших дёберицких товарищей. Подошёл ещё батальон ландштурмистов. Так как у каждого из 3 батальонов был с собой свой музвзвод, а транспорт был невелик, отъезд оказался куда приятнее, чем мы ожидали… Вот мы и испытали полное удовольствие от отличной поездки… Наш маршрут вёл на Запад, по всей Германии, через горы Эйхсфельд, и 3 июля мы проснулись на Рейне около Нойса. Потом двинулись в Аахен… с его прекрасными церквами. У меня есть все основания утверждать, что Красный Крест ни на какой другой станции не организовал распределение пожертвований и прочего так хорошо, как здесь. Была видна благодарность людей воинам за то, что они остались пощажёнными врагом.

Далее описываются новые станции: Льеж, Брюссель, Гент, где молодой человек нашёл время предпринять «лучшее путешествие по художественным достопримечательностям», посетив собор Сен-Бавон. По его словам, «это чудесное сооружение, особенно богато украшенное изображениями». В конце концов, призывники добрались до первого места назначения, Ардойе. А затем: «Вечером 7 июля мы должны были, наконец, придвинуться ближе», это значит, стать поблизости от места боевых действий. Линия фронта проходила в то время в направлении Ипра, там они должны были ночью рыть окопы. В соответствии с записями Винклера, днём работать приходилось меньше; довольствие оказалось достаточным, квартира – хорошей. И далее: «Здесь жилось совсем даже неплохо, и был разработан некий план, чтобы поближе познакомиться с окрестностями».

Вызывает удивление тон этих записей – в особенности, если знать, что их автор вырос в Лейпциге, в семье врача, и уж никак не в атмосфере военных традиций. Звучат они в стиле «радостной войны и победы быстрой!» Далее в описании речь идёт о поездке во Францию. Вместе с товарищем из Лейпцига Мартин Винклер поселился на окраине города Рубэ на комфортабельной вилле. Вместе со своей семьёй дом занимал и его владелец, директор школы. Вечерами оба немецких солдата охотно и подолгу беседовали с французами:

> Так мы изучали французский. Мы говорили обо всём, и нам оставалось только удивляться тому, как мало старик и его сын знали об истории и литературе. Старик не мог составить себе правильного представления о Германии и считал Саксонию наполовину государством Рейнского союза, которое Пруссия только и соблазнила на участие в этой войне. И еще казалось, он не знал ни одного немецкого поэта, кроме Гёте.

Но «эта райская жизнь» изменилась «слишком скоро», уже в конце лета 1915 г.

Запись обрывается. Почему? Для чего вообще делались эти заметки, и зачем он хранил их так долго, на всех этапах своей жизни?

Мартин Винклер прибыл на Восточный фронт и сразу же попал в бои на реке Нарев, где сильные русские крепости Модлин, Ломжа, Остроленка, Ружан и Пултуск представляли собой почти непреодолимую линию укреплений. По прошествии недолгого времени он был тяжело ранен. Жизнь Винклеру удалось спасти, но он потерял правую руку, а на левой остались только половина большого пальца, а также безымянный и мизинец.

Для того чтобы не стать беззащитной жертвой этой личной катастрофы, требовались большая сила воли и беспримерная последовательность. Винклер обладал здоровой физической конституцией. Раны зажили довольно быстро, но труднее оказалось психическое преодоление происшедшего: учёба в Лейпциге, прерванная призывом в армию, имела целью получение профессии археолога; его мечтой была египтология. Об этом больше не приходилось и думать. 29 февраля 1916 г. ему сообщили о «демобилизации с пенсией по причине неспособности в длительной перспективе к гарнизонной службе и работе».

Внезапно человек 23-х лет оказался перед вопросом «что делать дальше?» Отец, врач, хорошо известный в Лейпциге, способствовал по мере сил процессу выздоровления, мать сетовала: «Ну почему же правая рука? Была бы это хотя бы правая нога!» Какая профессиональная альтернатива открывалась перед молодым человеком: отказ от научной карьеры (и чего ради её продолжать?) или возможность найти путь, который позволил бы, несмотря на тяжёлые ограничения, работать в гуманитарной сфере? А если так, то в какой области и на какой научной основе? Винклер нашёл выход в виде старой пишущей машинки, с помощью которой он более шести десятилетий мог заниматься научной работой и общаться с друзьями, коллегами и – не в последнюю очередь – с различными учреждениями. А одна из первых попыток писать, осуществлённая ещё на фазе выздоровления в родительском доме, сохранилась в его наследии – описание поездки летом 1915 г. из Дёберица на Западный фронт. Текст производит сильное впечатление. Ещё проявляется недавно пережитое всеобщее воодушевление войной, которое во время поездки встречало Винклера и его однополчан на каждой остановке, на каждом вокзале. В то же время эти страницы – первая попытка письменно высказаться в единственной теперь доступной ему форме. Он должен был учиться бережному обращению с письменным словом. Несколько вариантов на одну и ту же тему были едва осуществимы. Требовались железная дисциплина в формулировках и обстоятельное обдумывание высказываний. Он едва мог подвергнуть корректуре напечатанный текст, а вставить лист бумаги в машинку, особенно если требовались копии, всякий раз означало концентрацию и терпение – и так до преклонного возраста. Рукописных свидетельств очень мало, даже держать карандаш было нелегким делом. Самое же, однако, удивительное заключалось в том, что Мартин Винклер приспособился к этой тяжелой ситуации, продолжавшейся всю жизнь. От него никогда не слышали жалоб и не видели его в дурном настроении. Единственное, чего ему явно недоставало, это игры на виолончели, как неоднократно рассказывала жена Винклера Урсула.

С этой точки зрения, семь охарактеризованных страниц выделяются из массы военных сообщений и рассказов о фронте, оставленных другими. Их запись служила иной цели. Автор не хотел говорить о геройских деяних или поражениях, это было упражнение в письме – чтобы освоиться с машинкой, он рассказывал о том, что недавно пережил. Воспоминания были совсем свежими. Между поездкой из учебного лагеря в Дёберице под Лейпцигом на фронт в июле 1915 г. и написанием этих «За-

меток о поездке» лишь несколько недель – Винклер был ранен уже в августе этого года. Записи играли для него достаточно важную роль, так что он хранил их в постоянно росшем архиве и не оставлял без внимания на протяжении более шести десятилетий, во время всех своих переездов и поездок и с учётом полной непрогнозируемости внешних обстоятельств.

Воспитание умения переживать и фигура учителя: Карл Штелин

После того как Винклер принял решение двигаться по этому пути, он, преисполненный оптимизма, энергично взялся за работу. Свидетельством тому его зачётка: едва выздоровев, он возобновил занятия уже в зимнем семестре 1915–1916 гг. В октябре-ноябре 1915 г. подтверждается участие студента, в частности, в следующих лекциях: «Религия первых египтян» (проф. д-р Штейндорф), «Наполеон I» (проф. д-р Заломон, 1884–1966), «Великие колониальные империи современности» (проф. д-р Г. Майер), «Образ мира и мировоззрение в классической древности» (д-р Шульц). В зимнем семестре 1915–1916 гг. записи в зачетке Винклера сделаны, по-видимому, секретарём, о чём свидетельствует чёткий почерк; сохранившиеся пометки об уплате взносов за обучение собственноручно подтверждены профессорами. Из записи явствует, что Мартин Винклер в более поздние семестры вносил в свою зачетку ход лекций и семинарских занятий без посторонней помощи. Интересно, что сначала всё ещё преобладали темы по истории классической древности, Египта, европейской духовной истории ранних столетий. В летнем семестре 1917 г. студент слушал курс «Введение в славянскую археологию» у профессора д-ра Матья Мурко (1861–1952). Только с появлением в 1919 г. в Лейпцигском институте истории культуры и всеобщей истории преподавателя Карла Штелина тематика Восточной Европы приобретает в работе студента Мартина Винклера новые масштабы и новую интенсивность.

Дальнейший путь в науке вёл из Лейпцига в Кёнигсберг. Сделанным им выбором в пользу русской истории – вопреки мнению, разделявшемуся и его семьей, что этим можно было «заниматься между делом»[11], – он в известной степени был обязан своему профессору и научному руководителю в пору написания кандидатской диссертации Карлу Штелину (1865–1939). В отличие от директора Института истории культуры и всеобщей истории и коллеги Штелина Вальтера Гётца (род. в 1867 г., брат матери Мартина Винклера), Карл Штелин устанавливал другие критерии. Он осознал способности молодого человека и содействовал ему, когда стало ясно, что тот намеревается сконцентрировать свои исследования на русской истории.

Сам Штелин сначала, с 1883 г. по 1897 г., шёл по военной стезе и ещё лейтенантом изучил русский язык. С Лейпцигским институтом он познакомился в течение последующих пяти лет обучения у Карла Лампрехта[12]. До и после Первой мировой войны Штелин неоднократно и подолгу ездил по России. В 1910 г. он провёл несколько месяцев в русских архивах, преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, а также в Казани. Тогда он исследовал деятельность своего предка Якоба фон Штелина (1709–1785) в области истории культуры и науки[13]. Штелин живо симпатизировал интересу своего студента Мартина Винклера к России. Как бывало нередко у историков, изучавших Восточную Европу, оба, и Штелин, и Винклер, обладали

биографическими связями с Россией и русской историей и культурой, пусть даже и очень разными.

Начальные контакты Мартина Винклера с Россией развивались на более скромном уровне: родственники его отца в середине XIX в. обосновались в Санкт-Петербурге, но отпуск всегда проводили в родном Лейпциге. Тогда это называлось: «Русские приехали!» При этом речь не шла, конечно, о «великих исторических событиях», которые стоило исследовать в архивах. Да Мартин Винклер вовсе и не был способен на это – он даже *не мог* работать в архивах, знакомство с сохранёнными там материалами оказалось ему просто не по силам из-за ранения на войне. Осознавал ли он это, принимая решение о продолжении учёбы? Мы этого не знаем. Во всяком случае, это означало для него приближение к историческому материалу и его обработку другим, нетрадиционным способом. В целом же он требовал от себя огромной работы памяти – как в своих исследованиях и публикациях, так и при подготовке и чтении лекций и докладов.

Карл Штелин с сочувственным вниманием следил за стартом своего ученика в исторические исследования, может быть, еще и потому, что сам он изучил в качестве первой профессии военное дело и мог непосредственно представить себе последствия этой деятельности. Даже после того, как Мартин Винклер, с помощью второго значительного специалиста по русской истории, Отто Гёцша (1876–1946), сумел в 20-е гг. обосноваться в Кёнигсбергском университете, он поддерживал доверительный контакт с Карлом Штелином до самой его смерти – так же, как и с Гёцшем.

Оскорбительное увольнение в Кёнигсберге и Вене, увольнение на пенсию в качестве наказания и безрезультатная борьба за публикацию «Истории русской культуры»

Другой памятный предмет, хранящийся в наследии Винклера, возник много лет спустя. Автор оставил за собой тягостный и трудный этап жизни, взявшись за новое подведение итогов. С момента ранения прошло немало времени, и многое выпало на его долю – профессиональное признание и поощрение, уважение и одобрение со стороны студентов и коллег, прежде всего, русских специалистов, ставших друзьями во время многочисленных поездок по важнейшим регионам ранней русской культуры и архитектуры. Кроме того, он посетил памятники культуры на Кавказе и на Балканах, ездил в Италию и в Константинополь и на праздновании столетия Афинского университета представлял свой – Венский, в котором преподавал с 1936 г. В том же году он поехал в Доорн, в Нидерланды, чтобы побеседовать с последним современником переговоров, бывшим императором Вильгельмом II, по поводу тогда уже мало известного договора в Бьёрке[14]. Об этих событиях в «Записках» ничего не сказано, зато речь идёт о куда более горьком опыте, который их автору пришлось пережить в то же время.

Эти записи также не были предназначены для публикации. Вероятно, рукопись возникла в конце 50-х гг. В ней тоже подводятся итоги и даётся оценка непосредственному прошлому. Рукопись под названием «Мой цензор» (16 страниц) начинается так:

Здесь речь не идёт о вещах, двигающих миром, о воспоминаниях о так называемых «великих» людях или событиях «всемирно-исторического» значения. Это скромная, «повседневная» история, переживавшаяся тысячи раз и, несомненно, часто куда более драматично. И всё-таки… такие события нельзя забывать ради «пережитого». Кроме того, и они – часть неприкрашенной картины нашего недавнего прошлого.

Эта «повседневная» история разыгрывалась в 1938 г. в Вене после аншлюса, и у неё, конечно, был свой пролог. Мартин Винклер был в 1934 г. уволен из Кёнигсберга, где он занимался историей Восточной Европы сначала в статусе приват-доцента, затем профессора и директора отдела истории Института России, и в 1935 г. приглашён в Вену. Его прежняя кафедра в Кёнигсберге была в том же 1934 году по политическим причинам занята новым лектором – преемника, теолога и историка Восточной Европы и церкви, звали Гансом Кохом. Непосредственно вслед за аннексией Австрии Германией, ещё весной 1938 г., Винклер был подвергнут мелочному наблюдению. Дело дошло до имевшего разорительные последствия обыска его квартиры и институтских помещений сотрудниками гестапо, и на шесть недель в квартире Винклера был поселён полицейский. Затем в ноябре 1938 г. последовало увольнение в отпуск со всех должностей в Венском университете:

«На время увольнения в отпуск Вы должны воздержаться от выполнения всякой деятельности, осуществляемой в рамках Ваших преподавательских обязанностей и полномочий», – сообщал ему 4 ноября 1938 г. ректорат университета. В конце концов, Винклеру было объявлено начиная с 1 апреля 1939 г. об «увольнении на пенсию в качестве наказания с половинной пенсией из-за “политической неблагонадёжности”». Эта «мера на основе декрета о реорганизации австрийского профессионального чиновничества», распоряжение о которой подписал имперский наместник в Вене Зейсс-Инкварт, должна была положить конец профессиональной карьере Мартина Винклера[15].

Особенно неприятной делал эту историю тот факт, что кафедру истории Восточной Европы в Венском университете, ставшую вакантной, занял тот же человек, который в 1934 г. «унаследовал» пост изгнанного учёного в Кёнигсберге: с 1940 г. до конца войны оставленную Винклером кафедру занимал Ганс Кох[16].

Как сам Мартин Винклер, когда этот этап его жизни, длившийся почти два десятилетия, остался позади, и «горький путь по тёмной долине», – так он называл минувшие годы – был завершён, наблюдал и оценивал события, а также мотивы действующих лиц? Поначалу, после изгнания с профессуры в Вене в 1938–1939 гг., перед ним стоял тот же вопрос, на который пришлось отвечать уже в 1915 году. «Чем добывать средства к жизни? Работа руками была невозможна из-за ранения. Друзья, которых я просил предоставить работу, чтобы справиться с бедой, велели говорить, что их нет дома, а другие даже перестали приветствовать меня на улице», – вот как описывал Винклер своё положение в конце 30-х гг.

Правда, теперь историк находился в совсем другой ситуации, нежели в 1915 г. Сейчас он был под подозрением в «политической неблагонадёжности», что не исключало опасности для жизни. Так как с объявленным Винклеру «увольнением на пенсию в качестве наказания» были связаны высылка из города Вены и запрет посещения и пользования университетами и библиотеками в Германии, он, чтобы обеспечить средства к жизни, мог опираться только на свои прежние исследования. В Берлине он нашёл мужественного издателя, который был готов реализовать давно

планировавшийся проект: биография Александра I под названием «Легенда о царе» вышла на рубеже 1940–1941 гг.[17]. Книга нашла отклик и одобрение, в том числе в прессе[18]; новое издание тем не менее поддержки не получило и смогло быть реализовано только в 1948 г. Франк Тисс, автор книги «Цусима. Роман о морской войне» (Берлин – Вена – Лейпциг и др., 1937), 12 января 1943 г. писал Мартину Винклеру:

> Я с давних пор не читал книги, которая так же захватила бы меня, как Ваше исследование об Александре I. Оно представляет собой именно то, к чему я стремлюсь со времени «Цусимы» применительно к изложению исторических материалов, если они не изучались применительно к узкому кругу людей науки. Я говорю об образцовой точности, психологической уверенности и исполненном жизни искусстве изображения. Ни на одной странице не было ощущения встречи с воззрениями автора, неподдающимися контролю, повсюду ощущается прочная почва и приведение доказательств при всей филологической точности столь увлекательно, что читатель остаётся до конца заинтригованным, взволнованным и поучаемым. – Этой книгой Вы не только доставили мне большую радость, но и дали как нельзя более сильный стимул для моих собственных занятий. Я вижу значение книги, прежде всего, ещё и в том, что она незаметно открывает читателю глаза на глубину и убеждающую силу русской почвы […]

Посмотрим ещё раз на начало исследований России, которыми занялся Мартин Винклер. Уже во время подготовки своей первой поездки в Советский Союз (1924) он сформулировал тему исследований – «История русской культуры». Как лекции, так и публикации, которые он смог рализовать до 1933 г., были подчинены этой теме. «Легенда о царе» входила в этот общий замысел, с начала 20-х гг. он предусматривал и написание биографии Николая I, но больше к ней не вернулся. Теперь же, изгнанный с 1939 г. с преподавательских постов и лишённый возможностей исследования, он сконцентрировался на собранном и обработанном до сих пор материале, который весной 1942 г. обрёл вид готовой к печати рукописи объемом в 900 страниц. Автор назвал её «История русской культуры». Это была книга, которой, как писал Мартин Винклер, «надлежало преодолеть материальную нужду». «Трагикомедия с цензором началась, чтобы добиться разрешения на печать для моей “Истории русской культуры”. Предусмотрительно разложили три очистительных костра, чтобы убить всякую антинацистскую бациллу: цензурные инстанции министерства иностранных дел, министерств пропаганды и по делам оккупированных восточных территорий. Последнее, в моём случае, и принимало решение».

Когда Мартин Винклер представил рукопись на подпись к печати, механизм цензуры немедленно пришёл в движение:

> Д-р Гайгер, уполномоченный Розенберга по этим вопросам, не был, конечно, ни прожжённым злодеем, ни ловцом материальных партийных выгод. Моему издателю – снова издательство “Фрундсберг” – и мне пришлось разыскать крупного, неповоротливо-одутловатого человека в его жалкой, скудно обставленной квартире на юге Берлина, так как болезнь приковала его к постели. А потом во время переговоров, – «переговоры», конечно же, слишком строгое деловое выражение для обозначения этих дискуссий, уходивших в бесконечность! – около наших голов порхали пелёнки бесчисленных детей. Неопрятно одетая хозяйка дома, рано состаришаяся и усталая от повседневных забот, пыталась, без заметного успеха, удержать в узде своих старших отпрысков.

Своего «цензора» он характеризовал метко, без язвительности, с дистанцированным превосходством:

> Враждебность к царизму, которую он, родившийся в семье колонистов на Украине, впитал в себя с юности, превратилась в ненависть ко всему русскому. […] После революции 1917 г. он бежал в Германию и подавлял в себе злобу до тех пор, пока призыв Альфреда Розенберга к крестовому походу против Москвы не дал, казалось, смысл его бытию. […] Он был в числе тех, к сожалению, не редких личностей, – а они преобладали в министерстве Розенберга! – которые полагали, что родиться в России и говорить по-русски было достаточно, чтобы считаться знатоком страны и её прошлого. Это, кстати, трагическое недоразумение, за которое Германии пришлось за последние полстолетия заплатить достаточно горько!

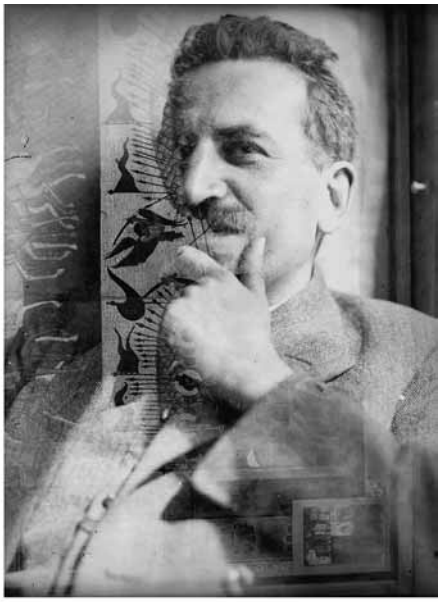
В принципе «цензор» высказал в своей рецензии, снова разбитой на отдельные главы, высокое признание объективному неформальному содержанию и изложению «истории русской культуры». Он даже полагал, что рукопись написана в таком захватывающем стиле, что «и ему самому всякий раз приходилось заставлять себя выпустить книгу из рук», и издатель, разумеется, мог отреагировать на это только довольной улыбкой.

И тем не менее – так, в соответствии с поручением, полагал Гайгер – не было твердой современной духовной позиции! Пример из одной из написанных Гайгером рецензий мог бы быть достаточен, чтобы охарактеризовать требования, предъявленные Мартину Винклеру. Так, по поводу глав, посвящённых времени от Николая I до Александра II, Гайгер, в частности, высказывается следующим образом:

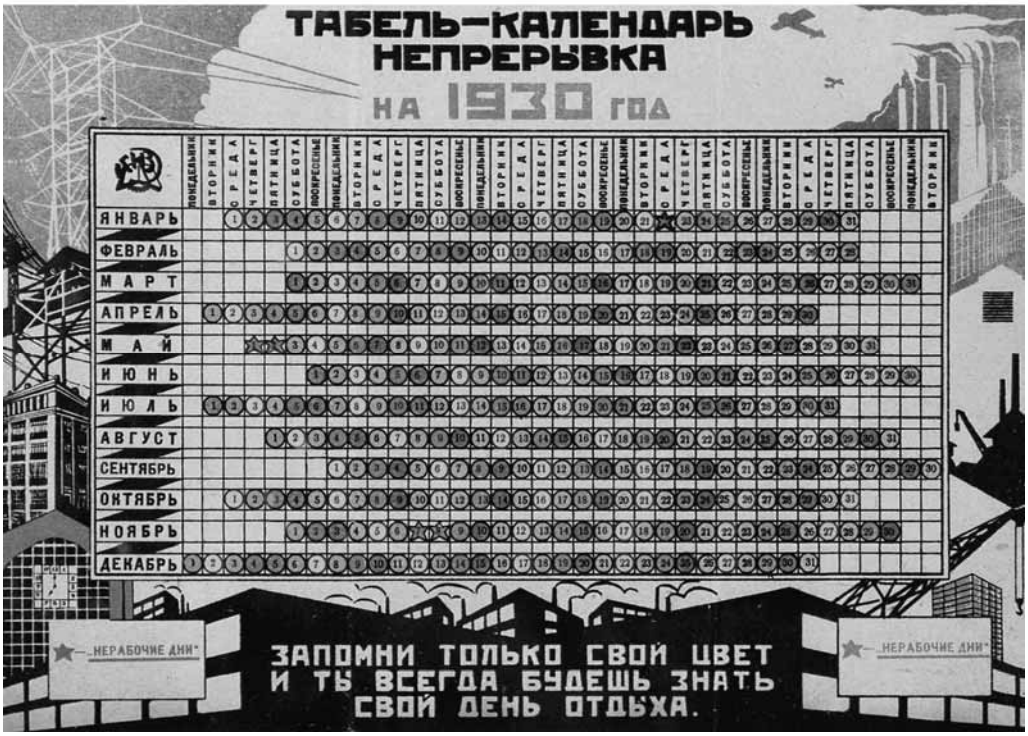
> Однозначная оценка необходима и при рассмотрении творчества и личности Достоевского, так как проявление его характера необычайно типично для характера русского духа. Достоевский с редкой однозначностью воплощает в себе расово-душевную раздробленность русского национального характера, которая является его основной несущей чертой. В результате возникновения из расового смешения, у русского национального характера отсутствует гармоническое народное сознание, и он, движимый своей расовой душой, в основе которой хаос крови, стремится принять в себя другие народы и расы и сделать их русскими. Поэтому он, исходя из своего расово-политического характера, является империалистическим. Так и Достоевский хочет сделать всех людей русскими. Потому, что этот «великий писатель», как его характеризует автор, несёт в себе многочисленные расовые души, он в состоянии также с помощью анатомического скальпеля психологии мастерски разрезать русскую душу на её составные части. – Для более глубокого и точного рассмотрения образа характера Достоевского «Мифы XX века» Розенберга предлагают наилучший возможный источник[19].

Какое несправедливое предположение в отношении Мартина Винклера! В годы учёбы он познакомился с другим пониманием науки. Оно было передано ему в Лейпцигском институте истории культуры и всеобщей истории, в число профессоров которого входил и Рихард Заломон[20]:

«К источникам по русской истории, которые должен знать историк, Заломон, предъявлявший высокие требования к самому себе и своим ученикам, причислял также произведения русских писателей», – сообщает Герд Фойгт в своём исследовании



В начале своей деятельности в Кёнигсберге в 1923 г. Мартин Винклер с помощью монахини Антонии установил контакт с филипонами, жившими в мазурской деревне Альт-Укта, приверженцами старообрядческой секты, происходившей из России; справа: на этом коллаже Винклер запечатлел своего коллегу Рихарда Заломона; внизу: в 1929 г. в Советском Союзе был введён новый календарь, в соответствии с которым на предприятиях и в учреждениях работали в пятидневном ритме. Для каждого занятого имел силу определённый цвет, обозначавший выходной день. На обороте календаря на 1930 г. предлагались книги по сниженным ценам, в том числе Франца Меринга о Карле Марксе и Богданова о 1905 годе



о «судьбах учёных». Фриц Эпштейн передал характерное для своего учителя Рихарда Заломона высказывание, дошедшее из 1920 г., которое можно прочитать у Фогта. Обратившись к студентам с вопросом о том, какие источники они изучают, Заломон заметил: «Я надеюсь, что Вы не слишком узко очертите свой горизонт: нам, собственно, следует теми же глазами рассматривать Тургенева и Достоевского, что и хронику Никона или “Русскую Правду”. Именно в этом и заключается подлинная прелесть изучения Востока Европы». Герд Фогт продолжает:

> Гёцш, в высшей степени активный в политическом отношении, был едва ли не всю свою жизнь связан с произведениями Достоевского и Толстого, которые перечитывал вновь и вновь. Для своей оставшейся неопубликованной рукописи по истории России при Александре II, которую учёный писал после увольнения (1935), он подготовил внушительную главу о Достоевском в современном писателю русском обществе. Немецкие историки, в том числе Карл Штелин и Леопольд Карл Гётц, придавали произведениям русских романистов информационную значимость исторических источников, видя в авторах не только писателей, но и авторитетных в стране философов и моралистов, интерпретаторов своего времени. В уважении к русской литературе и культуре заключалась одна из причин того, что роковая картина «русской опасности» не играла никакой роли в мышлении немецких специалистов по русской истории[21].

Конечно, не было случайностью то обстоятельство, что Мартин Винклер две свои «Русские исторические миниатюры», которые он в последующие годы завершил и частично смог опубликовать, посвятил именно этим двум выдающимся русским писателям[22]. Со времени своей учёбы в Лейпциге он пребывал во взаимовыгодном, с точки зрения стимула, контакте с Рихардом Заломоном, чьи воззрения на историю русской культуры укрепили его в формировании научных интересов. На сей раз, однако, ему не приходилось рассчитывать на поддержку. Заломон уже находился в эмиграции, когда Мартин Винклер обсуждал со своим «цензором» возможность публикации «Истории русской культуры». От цензора, однако,

> зависел хлеб мой насущный. В его руках, в последнее время направлявшихся Розенбергом, я, в силу обязанностей, оказывался выданным на милость или немилость. А его требования, на удовлетворении которых он жёстко настаивал, задевали самую суть моей рукописи. […] Требовали не более и не менее как подчинения политическим позициям, которые были и несовместимы с научной истиной, и не соответствовали моим политическим убеждениям. Правда, Гайгер признал, что фактическое содержание моей книги помогло бы устранить невероятное, о чём он не умалчивал, незнание России. […] Но дух в целом был невыносим, его приходилось изменять коренным образом. […] Гайгер не мог терпеть еретические лжеучения, отклонявшиеся от догм его библии, от «Мифов» Розенберга. Я должен признать: мне не удалось, согласно его желанию, пробиться, терзаясь, через эту сколь проникнутую надменностью, столь же и скучную стряпню, движимую намерением навязать культ отца всего сущего Вотана в качестве государственной религии. Я и впредь оставался, пользуясь словами Розенберга, одним из «обскурантов нашего времени». И всё же, насколько легче было бы мне, если бы я рассматривал русскую историю с возвышавшегося трона германского человека-господина. […] Но один лишь миф ещё не помог мне обрести тысячелетнее блаженство. Поначалу обозначенное лишь едва-едва, со временем всё настоятельнее проявлялось новое требование – по мере ухудшения военного

положения на Востоке и падения настроения. Его выполнение сделало меня тогда, а также после несомненной окончательной победы, хотя и бесхарактерным, […] но состоятельным человеком. Привлекали тиражи в сотни тысяч экземпляров.

Кроме того, был шанс на получение гонорара в 50.000 марок. Но этим дело не ограничивалось, требовалось добавить заключительную главу, ибо «мы выступали не только против Англии! Мы двинулись в поход и против Востока, против большевизма, по словам Гайгера, брака хаотического, в кровном отношении, и варварского московита с мировым еврейством!». Гайгер предложил свои услуги для написания этой заключительной главы, если автор «Истории русской культуры» считает себя не в состоянии справиться с задачей. Это гарантировало бы приобретение книги «всеми партийгыми структурами». Тогда бы «можно было простить и моё политическое прошлое вместе с наказанием и снова назначить меня на мою должность». Ввиду материального положения Винклера это, казалось, было «соблазнительное предложение», как он отмечал позже, но какое же оскорбление для увлечённого исследователя России!

«На протяжении четырёх лет я, как и мой издатель, отклонял требования цензурных инстанций, отказывался, вопреки предъявлявшимся мне требованиям, стать членом палаты литературы (государственного учреждения, к которому должны были принадлежать все литераторы, если они хотели публиковаться. – *Прим. перев.*). При этом, по временам доходило до восхитительных интермеццо. Таких, например, когда высказывалось намерение примириться с изображением деятельности Антона Рубинштейна, если бы он мог исчезнуть под русским именем!» В один прекрасный день Мартин Винклер отметил, что в ходе бесконечных дискуссий о рукописи речь шла о гораздо большем: «СД высказывала сомнения в мой адрес!.. Другие представители Министерства по делам оккупированных восточных территорий ставили мне в вину “дружеское отношение к советско-русским кругам”, активное выступление в пользу австрийско-польского культурного соглашения и многое другое».

После Второй мировой войны: тяжёлая борьба за реабилитацию и против угнетения духа

Мартин Винклер сохранил непоколебимую верность своим научным убеждениям, почему его «История русской культуры» и не была напечатана[23]. В тем большей степени он по окончании войны возлагал надежды на возможность внести собственный вклад в новый старт в преподавании и науке на демократических началах. Понятно, что, тем самым, обоснованно ожидалось и урегулирование на новой основе его финансового положения. Новая власть, однако, автоматически продолжала выплату половинной пенсии, установленной в связи с увольнением на пенсию в качестве наказания. На заявление Мартина Винклера по поводу урегулирования на новой основе его жалованья, поданное в январе 1946 г. в обер-финанцпрезидиум Мюнхена, 19 сентября 1947 г. был получен следующий ответ:

В соответствии с изданными до сих пор постановлениями Государствнного министерства финансов Баварии, для обеспечения пособий принимаются во внимание, прежде всего,

получатели обеспечения на территории прежнего германского Рейха, его небаварских земель, общин и союзов общин, имеющих разрешение на поселение в Баварии, и прибывшие из немецких областей к востоку от линии Одер-Нейсе или те, кто прибыли из судетонемецких областей, как и из занятых русскими до 1.4.1946 немецких областей, а также заслужили в этих областях своё право на обеспечение. Немцы или австрийцы, прибывшие из занятых русскими австрийских областей и там также выслужившие свои пенсионные выплаты, не могут получать пособие. Так как применительно к Вам данные предпосылки отсутствуют, я сожалею о невозможности удовлетворить Ваше ходатайство.

Тем самым, потерпела неудачу первая попытка искупления противоправного деяния, совершённого национал-социалистским режимом, хотя Винклер, и, работая в Вене, оставался германским гражданином. В новом ходатайстве, адресованном в декабре 1948 г. в Центральное ведомство по возмещению ущерба, находившееся в Бад-Наухайме, он подчёркивал, что «как “политически неблагонадёжный” был 1 апреля 1939 г. уволен с половинной пенсией с должности ординарного профессора Венского университета».

Следовательно, несомненно, что я, после того, как уже в 1938 г. был освобождён от всех должностей, был в нарушение всякого права уволен по политическим мотивам и, кроме того, подвергся сокращению пенсии. [Поэтому продолжаю считать себя] ещё и сегодня преподавателем вуза с сохранением всех должностных прав и обязанностей. Кроме того, однако, ординарный профессор вообще не может быть «уволен на пенсию», но лишь «уволен в отставку», т. е. он обладает правом на выплату своего полного жалованья вплоть до смерти. По этим причинам я ходатайствую о: 1. Доплате полного жалованья с 1 апреля 1939 (за вычетом выплаченной мне половинной пенсии)… 2. Полной выплате жалованья с момента прекращения существования гитлеровского режима.

Учёный, достигший к тому времени 55 лет, прибавлял к написанному следующее: «Я могу заметить, что по сей день не восстановлен в должности профессора. Это для меня особенно тяжко, так как я… из-за тяжёлого ранения, полученного во время Первой мировой войны, не могу найти применения в других профессиях. Во Второй мировой войне мне не было необходимости участвовать ни в военной, ни в гражданской сфере, так как я был сочтён “неспособным к военной службе”».

Бюрократические мельницы пришли в движение, но это не дало просителю никакого результата. В августе 1950 г. Мартин Винклер, тем временем поселившийся в Партенкирхене, снова обратился в отделение выплаты пенсий переселенцам в Главную финансовую дирекцию Мюнхена: «После консультации со здешними окружным и финансовым управлениями я позволю себе передать Вам моё дело». После описания упомянутой предыстории Мартин Винклер констатировал:

С 1945 г. выплата пенсии прекращена. С 1 июня 1946 г. я получал ежемесячно 150 рейхсмарок от общественной организации для оказания материальной помощи преподавателям вузов, состоящим в штате Министерства просвещения и культуры в Мюнхене, превратившиеся в результате валютной реформы в 100 марок. […] Примерно десять недель назад я заполнил анкету Федерального правительства, которая должна была учитывать, прежде всего, изгнанных чиновников и изгнанных со своих должностей вузовских преподавателей. Могу ли я после этого описания моей карьеры просить Вас сообщить мне, какие шаги

(и в каких учреждениях) следует мне предпринять, чтобы, наконец, увидеть реализацию моих пенсионных прав? Я хотел бы особенно указать Вам на то, что моё бедственное состояние заслуживает быть как нельзя более принятым во внимание из-за моего крайне тяжёлого ранения (потеря правой руки и 2-х пальцев на левой).

Примерно через шесть недель Верхнебаварское ведомство по возмещению ущерба сообщило Винклеру, что ему следует решить, причитается ли ему возмещение ущерба, причинённого до 1945 г., в соответствии с «Законом о реституции от 10.11.1947» или «Законом о возмещении от 12.8.1949». «Вам предоставляется возможность, – говорится далее в “Решении” баварского ведомства – получить информацию о названных законах, а затем проверить, в какой из инстанций следует подать ходатайство. Вам указывается заявить до 10.10.1950 о своем мнении относительно дальнейшего рассмотрения Вашего ходатайства. Если до этого времени Вашего заявления не поступит, Вы должны считаться с официальным решением».

Тем временем исследования Восточной Европы снова обрели твёрдую почву в Мюнхене: после того как Ганс Кох в 1945 г. в силу изменения ситуации из-за поражения Германии прекратил свою деятельность в Венском и Софийском университетах, он работал в 1945–1951 гг. священником в Штирии. Когда в 1951 г. стало ясно, что в Мюнхенском университете предстоит основание Института Восточной Европы, он вернулся к университетскому преподаванию. Случайно ли Мартин Винклер отказался в то же время от членства в созданном незадолго до того Германском обществе по изучению Восточной Европы, хотя он входил в число инициаторов создания этой организации? В январе 1952 г. он получил письмо от государственного советника д-ра Ганса Майнцольта, государственного министра Баварии по делам образования и культуры, который был назначен председателем совета фонда Института Восточной Европы. В письме говорится: «Попечительский совет Института Восточной Европы в Мюнхене предложил Вас в качестве своего нового члена. Совет фонда утвердил это предложение. Поэтому я позволю себе задать Вам вопрос о том, готовы ли и можете Вы вступить в попечительский совет Института Восточной Европы в Мюнхене в качестве его члена. Прилагаю 1 экземпляр учредительной грамоты».

Фриц Т. Эпштейн внимательно следил за событиями в своей области науки, истории Восточной Европы, намечавшимися по окончании войны в различных немецких университетах. 24 января 1952 он писал Мартину Винклеру:

Как Вы, вероятно, можете подумать, Ваши сообщения о запутанном положении Общества Восточной Европы и Института Восточной Европы чрезвычайно заинтересовали меня, и я вполне могу себе представить, что Вы с сомнением, если даже не с опасением, противостоите развитию событий, Вами охарактеризованному. У меня уже сложилось впечатление, что открытие Института Востока в Берлине в начале декабря определялось соображениями, направленными на то, чтобы поставить общественность перед совершившимся фактом. Или, может быть, открытие берлинского института определялось идеей опережения параллельных планов по созданию Института Востока. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы держали меня в курсе развития баварских планов касательно исследования Восточной и Юго-Восточной Европы[24].

Из ответного письма Эпштейна Мартину Винклеру можно сделать вывод, что последний обсуждал с коллегой и другом, знакомым ему с 20-х гг., в том числе и

продажу части своей библиотеки. Тяжёлое финансовое положение учёного вновь и вновь заставляло его обращаться к этому болезненному средству. Как явствует из письма, Винклер предлагал на продажу «обширное собрание русских сатирических журналов времён русской революции 1905 г.», ведь вопрос о возмещении нанесённого ему ущерба всё ещё не был урегулирован.

В мае 1952 г. Мартин Винклер получил на свой запрос ответ от баварского правительства о том, что «Ваше ходатайство о возмещении в соответствии со сформированными до сих пор делами переслано для дачи распоряжений Бав. государственному министерству по делам образования и культуры в Мюнхене, Сальвадорплац 2». Тем временем имели место и официальные расследования в центре документации о деятельности Винклера с 1934 г., т. е. как ещё в Кёнигсберге, так и после его приглашения в Вену. В результате разысканий учёный был 12 августа 1952 г. приглашён на собеседование в отдел по возмещению ущерба в Мюнхенской главной финансовой дирекции. В своём письменном заявлении от 15 августа 1952 г. по поводу содержания дискуссии Винклер сумел доказать, что уже через день после вступления Гитлера в Вену был предупреждён о ведущемся против него «расследовании НСДАП». «О том, насколько оправданным оказалось это предостережение, свидетельствовал в высшей степени обстоятельный обыск, проведённый гестапо, который мне пришлось пережить через несколько дней, 23 марта 1938 г. как в моей квартире…, так и в моём институте. При этом в квартире конфисковали многочисленные портфели, полные письменных материалов, включая всю мою переписку с Вильгельмом II. […] С этого дня в мою квартиру сроком на 6 недель для наблюдения за мной поместили австрийского полицейского». На следующий день Мартин Винклер узнал, что осуществления этой «смягчённой» меры добился некий его знакомый, «не в последнюю очередь благодаря указанию на необходимость оказывать мне помощь из-за увечья, нанесённого мне на войне, хотя меня намеревались отправить в тюрьму на Элизабетпроменаде».

«В соответствии с материалом центра документации я считался во мнении НСДАП настроенным пробольшевистски», – продолжает Винклер в своём заявлении 1952 г. и переходит к защите:

> Я ни под каким видом не отрицаю, что как в Кёнигсберге, так и в Вене поддерживал отношения с советскими представительствами и с 1924 по 1932 гг. предпринял несколько продолжительных поездок по России. Это без труда объясняется тем, что моей научной специализацией является Восточная Европа, в первую очередь, история русской культуры. Поэтому я должен был посещать Россию, как и Польшу, пользоваться возможностями их представительств, как, кстати, и представительств других стран, особенно Восточной и Юго-Восточной Европы. Тем не менее, я решительно отвергаю утверждение о какой бы то ни было пробольшевистской пропаганде […] Я должен в данном случае напомнить о том, что для НСДАП все специалисты по Восточной Европе, не унизившиеся до превращения в инструменты проведения курса Розенберга, имели репутацию пробольшевистских. Я имею право напомнить о судьбе Отто Гёцша, которого обвиняли даже в материальной зависимости от Советского Союза, и о судьбе Георга Заке[25], погибшего в концлагере. К тому же, будь я настроен пробольшевистски, я едва ли женился бы на своей жене, которая в 1924 г. приехала в Германию в качестве русской эмигрантки после того, как её мать повесилась у себя на родине под впечатлением революции, а отец исчез в большевистской ссылке.

По поводу дальнейших пунктов, названных в материале центра документации (переписка с Вильгельмом II и участие Винклера в подготовке австрийско-польского культурного соглашения, но, прежде всего, однако, то, что в его семинаре в Вене преобладали еврейские студенты), равно как и об утверждении о его членстве в имперской палате литературы, он высказал своё мнение. Как Мартин Винклер узнал в связи с этим по запросу от сотрудницы бывшего издательства «Фрундсберг», издававшего в 1940–1941 гг. его «Легенду о царе», в то время «соответствующий документ выдавался вообще только для книг, авторы которых входили в палату. Поэтому вопрос о моём членстве обсуждали тогда издательство и палата». Винклер не был в своё время проинформирован об этих переговорах, но мог посредством информации бывшей сотрудницы издательства доказать свои высказывания о том, что он не был членом палаты.

Членство в других организациях, как то: Национал-социалистском союзе преподавателей, в «Имперском объединении специалистов – преподавателей высшей школы», в которое он, как утверждалось, входил, или в Национал-социалистском имперском союзе физических упражнений, – не было, как известно, после оккупации Австрии, как и ранее в Германии, предметом свободного выбора участников. О том, что на процессы против Мартина Винклера, начатые в 1934 г. в Кёнигсберге, в Вене, в конце концов, оказывал влияние путем личного вмешательства Гейдрих, учёный узнал только в 1952 г. из материала центра документации. В этом ведомстве находились, по-видимому, письма Гейдриха, датированные 1938 г., давшие повод утверждать, что Винклер был членом различных национал-социалистских организаций; эти мнимые факты были обстоятельно представлены в ответе с отказом, который Мартин Винклер получил двумя годами позже, 28 сентября 1954 г.

Обвинения, которые выдвигал Гейдрих, цитируются следующим образом:

> В письмах группенфюрера СС Гейдриха, относящихся к апрелю и июню 1938 г., податель заявления характеризовался как пробольшевистски настроенная личность и из-за девяти поездок в Россию, которые он предпринял с 1914 (! – следует читать 1924. – *Э.Ф.*) по 1932 гг., он был обвинён в тесных отношениях с Советским Союзом, включая дипломатические и консульские представительства этого государства, а также в дружеских отношениях с различными лицами в Республике Советов. Гейдрих утверждал далее, что податель заявления даже имеет доступ к высокопоставленным лицам в Кремле, распространяет запрещённую большевистскую пропаганду и продаёт в Германии русские иконы. И после 1933 г. он продолжал поддерживать тесные отношения с официальными учреждениями и частными лицами Советской России[26].

Несмотря на поправки к обвинениям, сообщённые Винклеру на основании информации из центра документации, на которые он отвечал в письменном виде, ему пришлось весной 1953 г. снова подать все документы с ещё одним ходатайством, которое «10.4.1953 было представлено федеральному министру внутренних дел в Бонне, для принятия решения». Произошедшее было подтверждено тамошним ведомством со следующим указанием: «При большом числе ежедневно поступающих дел ещё не представляется, к сожалению, возможным проинформировать Вас, когда можно будет сообщить Вам ответ».

И снова дело Мартина Винклера было затянуто более чем на год. 28 сентября 1954 г. федеральный министр внутренних дел сообщил ему: «Ходатайство не может

быть удовлетворено». К числу «причин решения» относились следующие: подателю заявления «не удалось» доказать,

> что он, находясь на службе, – в Кёнигсберге (Пруссия) и в Вене – претерпел ущерб от национал-социалистских мероприятий по преследованиям и угнетению из-за своих политических убеждений (причины расовой принадлежности, вероисповедания или мировоззрения исключаются с самого начала) […] Под «политическими убеждениями» следует понимать только характерную, достойную уважения, покоящуюся на нравственных основах, сохранившуюся на протяжении определённого времени и проявляемую вовне словом и делом основную установку. Причиной мер преследования должна была быть проявлявшаяся враждебная позиция преследуемого в отношении национал-социализма […]; требуется, чтобы податель заявления находился в видимом и деятельном противоречии с НСДАП.

Как должен был этот ответ подействовать на учёного, преданного своему делу? С 1938 г., т. е. на протяжении полутора десятилетий, ему препятствовали в следовании научному призванию. В марте 1955 г. у Мартина Винклера был повод, а теперь им овладел ещё и вполне обоснованный, не вызывавший возражений гнев, заставивший его в письме депутату бундестага д-ру Адольфу Арндту, которого он по совету друзей просил о помощи, констатировать следующее:

> Гротескность в негативном решении федерального министерства подчёркивается прежде всего случаями двух моих коллег: проф. д-р Ганс Юберсбергер, который как нелегальный член НСДАП должен был в 1934 г. покинуть Австрию и занимал сначала должность ординарного профессора истории Восточной Европы в университете Бреслау, а затем до 1945 г. в Берлине и был штандартенфюрером СА, в настоящее время перебрался из Австрии, где он, как видный в прошлом член НСДАП, оказался бы без средств к существованию, в Мюнхен и получает здесь свою пенсию в полном объёме. Лично для меня ещё горше и тяжелее второй случай. 4 декабря 1934 г. проф. д-р Ганс Кох, которому, как нелегальному члену НСДАП, пришлось покинуть Австрию, занял мой кабинет в отделе истории Института России Кёнигсбергского университета, немедленно запретив мне входить в эту комнату и продолжать ведение дел в качестве директора, так как он назначен моим преемником. Кох стал моим преемником и в Вене после моего увольнения на пенсию, осуществлённого в качестве наказания. В настоящее время он – директор Института Восточной Европы в Мюнхене и почётный профессор в Мюнхенском университете. Следовательно, ему не придётся, как мне, однажды начать борьбу за свою пенсию.

Во всех сохранившихся в наследии Винклера документах, связанных с возмещением ущерба, возникает новый аспект, которого он до тех пор избегал, – формулировка свидетельствует об обессиленности и озлобленности:

> Чтобы не обошлось ещё и без трагикомедии, позволю присовокупить, что мой «случай» по необычной причине представляется мне – и отнюдь не мне одному! – особенно тяжёлым. Дело в том, что я, в том числе и согласно информации, представленной в 1929 г. в Прусском министерстве по делам культуры, являюсь преподавателем немецкого высшего учебного заведения с крайне тяжёлым увечьем, полученным во время Первой мировой войны – потерей всей правой руки и среднего, указательного и половины большого паль-

цев на левой (письменное уведомление о размере назначенной пенсии от органа социального страхования: 100 % + надбавка к пенсии инвалидам войны). Именно поэтому порядочные национал-социалисты были в 1939 г. возмущены моим увольнением с половинной пенсией. Само собой разумеется при этом, что с тех пор из-за растущей с возрастом необходимости в оказании помощи – я родился в Лейпциге в 1893 г. – возникают дополнительные расходы. Несомненно, постыдно, что я, так как из-за увечья для меня закрыты почти все возможности дополнительного заработока, ещё и теперь, в 1955 г., вынужден, как при Гитлере, непрерывно продавать большие части моей научной библиотеки, чтобы быть в состоянии обеспечить расходы на жизнь.

Это напоминало призыв в (почти) последнюю минуту. Врач Винклера, д-р Рудольф Райн, засвидетельствовал 25 марта 1955 г.:

Г-н профессор Винклер страдает из-за своего тяжёлого военного ранения […] тяжелейшими невралгическими болями. […] Этим обусловлена существенная повышенная возбудимость всей нервной системы, ещё возросшая из-за наказаний и угроз со стороны НСДАП, которые и я сам отчасти пережил в Кёнигсберге (Пруссия) после захвата власти [нацистами]. Получив в сентябре 1954 г. отказ на ходатайство о возмещении ущерба, г-н профессор В. испытал состояние чрезвычайного возбуждения в сочетании с крайней степенью раздражительности, которая постепенно сошла на нет только примерно через три месяца. В этот период он был неспособен справляться с какими-либо нагрузками или усилиями, вызывавшими новое психическое возбуждение. Ещё и сегодня состояние пациента из-за нервной перегрузки, испытывавшейся им на протяжении десятилетий, таково, что его следует оберегать от каждого значительного волнения, ибо в противном случае возможны тяжелейшие рецидивы.

В этой едва ли не безвыходной ситуации на помощь Винклеру пришли друзья из времён его преподавания в Кёнигсбергском и Венском университетах. Без их поддержки, как сочувствием, так и действием, учёный едва ли справился бы с нервной нагрузкой из-за бюрократических придирок, только лишь обозначенных в цитировавшихся документах[27]. Мартин Винклер не хотел смириться с унижением и пытался сохранить внутреннюю силу для дальнейшей постоянной работы над своими научными темами – ведь с 1933 г. он смог опубликовать одну лишь упоминавшуюся «Легенду о царе». Постепенно последовали статьи по разным направлениям исследований учёного[28]. Он собирал их под названием «Русские исторические миниатюры». В сжатой форме отдельные исследования – 16 статей общим объёмом около 250 стр. – представляют собой живо выраженный взгляд на исторические переломные пункты русского прошлого, начиная с формирования ранних торговых путей между Москвой и Британскими островами через Архангельск во время царствования Ивана IV; увлекательным чтением оказываются также исследования о центральных фигурах русской истории – Пётр I в разговоре со своим сыном; молодая Екатерина побеждает в диспуте со своей предшественницей Елизаветой; Винклер рисует великих мыслителей Достоевского и Льва Толстого в драматических ситуациях, когда их жизнь оказывалась под угрозой. Завершается цикл изображением событий, связанных с «Кровавым воскресеньем»[29]. Два из этих исследований были особенно близки автору, он расширил их и тщательно разработал. В первой «миниатюре» – «Жемчужины» – описываются культурные намерения и проекты Шереме-

тевых, одного из богатейших семейств российской знати XVIII–XIX вв.; второе исследование названо «Тернистый путь Льва Толстого»[30].

В конце концов, и ему было суждено испытать моральное удовлетворение – Мартин Винклер, как он сам говорил, «прошёл тёмную долину». На основании Федерального закона о возмещении от 29 июня 1956 г. на его ходатайство был, наконец, дан положительный ответ. Констатировалось, что «податель заявления» был «уволен как в Кёнигсберге, так и в Вене и досрочно переведён на пенсию по политическим мотивам. Поэтому он является преследовавшимся в соответствии с § 1 Федерального закона о возмещении и в соответствии с § 3 настоящего закона имеет право на возмещение согласно данному закону».

Теперь Мартин Винклер получил возмещение причинённой ему несправедливости. Перенесённое оскорбление заживало, однако, лишь очень медленно. После его изгнания со всех профессорских должностей прошло 18 лет. Ему не разрешалось вернуться к преподаванию в университете. «Драматических преследований», «садистских мучений» и «кровавого убийства», о которых он рассказывал в своём очерке «Мой цензор», не было. Всего этого он не пережил, но испытал «связывание духа». Поэтому его снова беспокоили события, которые он наблюдал в своём окружении, записывая этот текст. Он записывал свои переживания ради приобретенного им самим опыта. Это, по его мнению, нельзя забывать:

> Мы живём в торопливое время, которое подхлестывает развязанный дух, заставляя его совершать всё новые открытия. У него действительно есть причина быть гордым своими успехами. За несколько часов полёта мы преодолеваем огромные расстояния, слышим человеческий голос вокруг всего земного шара, смотрим через эфир, обрели энергию, которая за долю секунды решает судьбу сегодня десяти тысяч, завтра миллионов. Газеты, как и радио, ежечасно осыпают нас новостями из всех зон и различных областей бытия. О горько-сладостный наркотик быстроты! Но этим дело не ограничивается. Мы привыкаем к тому, чтобы радио диктовало нам режим дня, привыкаем читать, когда звучит соната Бетховена или сидеть со стаканом пива, слушая фугу И.С. Баха! Мы утратили чувство того, что больше не являемся господами техники, а представляем собой её рабов. […] Прогресс – это золотой телец, вокруг которого сегодня человечество водит хоровод.

Винклер отмечает «страх перед свободным временем», «боязнь пустоты» – боязнь пространства. «Сенсационное, актуальное перекрикивает всё, не оставляет времени на размышление. Дух бодрствует, так что он не может больше обрести покоя. Больше нет рассудительной оценки и добросовестного взвешивания. Слова, когда-то полноценные, наделённые весомым содержанием, быстро изнашиваются во всё ускоряющейся круговерти. Смущённые выражения, вроде ни к чему не обязывающего “интересно”, лишь симулируют критическую позицию. – Эта боязнь пространства является, в конечном счёте, знаком внутреннего страха, смертельной боязни пустоты. Дух и жизнь, это начинают чувствовать, расходятся всё дальше».

Он призывает противодействовать этому: события прошедших лет, затронувшие любого человека, не могут быть просто вытеснены затоплением сенсационной информацией. Люди, считал Мартин Винклер, должны осознанно осмысливать свой опыт. Его требование – «воспитание для переживания». Прежде всего молодёжь должна стать более восприимчивой для открытого активного переживания. Здесь говорит историк, наблюдающий современность с позиций специальных знаний:

«Речь не идёт больше в прежней степени о “людях, делающих историю”, о полководцах, государственных мужах и властителях, действовавших вовне… Сегодня на первое место выдвинулись те, которые претерпевали историю. Английский премьер-миинстр Эттли обоснованно говорил о грядущем “веке простого человека”. До сих пор через голову этого человека принимались решения о войне или мире. “Простой человек” и сейчас снова несёт расходы по катастрофе. Но “простой человек” никогда не был так богат переживаниями, как сейчас». То, что было пережито, не должно окончиться ничем, соскользнуть в забвение, оно должно быть сохранено. «Повседневные истории», наподобие тех, которые пережил сам Мартин Винклер и которые он зафиксировал в записях о своём «цензоре», «являются симптомами более существенных событий в различных глубинных слоях». Мы узнаём из его «повседневной истории», в чём он видел угрозу себе, что его ужаснуло сильнее всего: «связывание духа, в особенности книжного производства».

В одном австрийском сочинении из времён Наполеона он нашёл следующие слова: «Всякая инквизиция во вред царству науки, она делает воздух удушливым и отнимает дыхание». Книга, которая должна пройти десять цензур, прежде чем она увидит свет мира – больше не книга, а поделка священной инквизиции, несчастный, очень часто изувеченный, высеченный розгами, с завязанным ртом, но всегда раб». «История русской культуры» Мартина Винклера и по сей день остается ненапечатанной.

Участие в научной деятельности друга – Мартин Винклер и московский исследователь икон Александр Анисимов

Среди документов, оставленных в наследии Винклера, я обнаружила по окончании работ над этим эссе неизвестную до сих пор обширную и недатированную рукопись на немецком языке объемом в 75 машинописных страниц с рукописными дополнениями. Из содержания явствует, что она возникла во второй половине 1928 г.[31]. Ее автор – русский исследователь икон и реставратор профессор Александр Иванович Анисимов, а названа она «Древнерусская иконопись. Её открытие, её школы, стиль и развитие». Под последней строкой автор поставил своё имя[32]. Каково значение текста, как вообще попал он в наследие Винклера? Новые вопросы требуют ответа.

Мартин Винклер познакомился с Анисимовым уже в 1924 г., во время своей первой поездки в Советский Союз. В качестве члена Германского общества по изучению Восточной Европы Винклер был информирован о его планах, в которые входила и подготовака большой выставки древнерусской живописи в Берлине, организация которой была согласована с народным комиссариатом просвещения на 1929 г. Осенью 1928 г. Винклер снова был в Москве. Случайно ли он перенёс свое возвращение домой с начала октября на 31-е число этого месяца? В это время Анисимов входил в число сотрудников Исторического музея и в качестве ведущего специалиста по реставрации древнерусских икон отвечал за проведение выставки, т. е. за отбор объектов и за немецкий текст каталога. Вовлёк ли он в эту работу немецкого друга? В ноябре между немецкой и советской сторонами были заключены конкретные соглашения, включая личное приглашение специалистам по представляемой области искусства. Наряду с Игорем Грабарём[33] просьба о сопровождении выставки в

Берлин и затем по нескольким немецким городам была направлена Александру Анисимову и Н.П. Лихачёву.

23 января 1929 г. в Берлин пришла телеграмма из Москвы, в которой сообщалось, что отправлен выставочный груз, упакованный в 36 ящиков и состоящий из 131 единицы. «Неожиданно оказалось, что первоначально заявленные русской стороной эксперты проф. Грабарь и проф. Анисимов не приехали, как и академик Лихачёв», – сообщалось в дополнение. Генеральный секретарь Общества по изучению Восточной Европы, д-р Ганс Йонас, сообщил президенту Общества д-ру Шмидт-Отту: «Зато приедет проф. Шмидт, чья вполне марксистская позиция нам (по прежним совместным проектам. – *Э.Ф.*) вполне известна». С очевидным разочарованием констатировалось, что «настоящие эксперты исключены из участия по политическим причинам». Йонас просил обдумать, «не следует ли сообщить русскому посольству как желание нашего Общества о том, что немецкие научные круги ещё и сегодня были бы очень заинтересованы в намечавшемся первоначально приезде профессоров Грабаря, Анисимова, Лихачёва»[34].

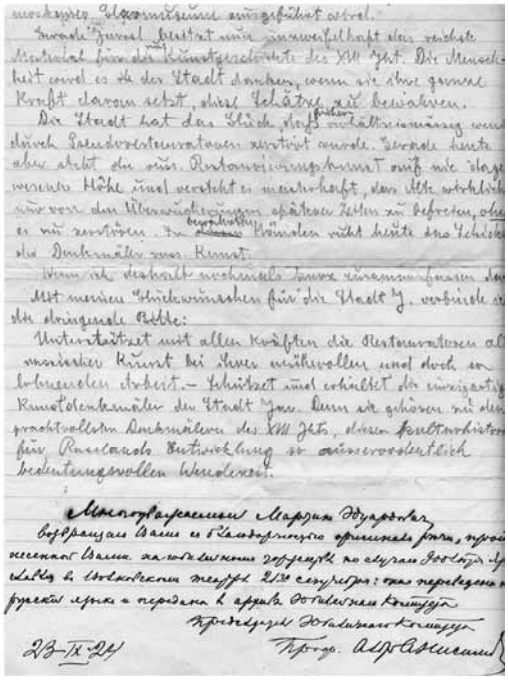
До конца 1928 г. Анисимов ещё исходил из того, что он сможет представить в Германии русские иконы вместе с Грабарём и Лихачёвым, хотя с середины 1928 г. в Москве шла против него кампания в печати. Знал ли об этом Мартин Винклер? Знал ли он и о возможных последствиях этого для своего друга? В конце концов, под руководством Грабаря в Берлине была подготовлена презентация; вероятно, Грабарь отказался от участия своей жены в поездке в Германию – ее поездка была, как Ганс Йонас узнал из кругов, близких к советскому посольству[35], предлогом для первоначального отказа в выдаче ему выездной визы. 10 февраля 1929 г. была открыта экспозиция. В то же время в Москве начался процесс увольнения Анисимова со всех его должностей. Знал ли об этих событиях Винклер? В какой степени посвятил Анисимов своего гостя из Германии в меры, предпринимавшиеся с конца 20-х гг. не только против него?[36]

Вне всяких сомнений, Винклер без промедления осмотрел выставку икон, открытую 10 февраля 1929 г. в Берлине. Может быть, он даже приехал на открытие из Кёнигсберга. В конце концов, сфера его научных интересов, вероятно, не в последнюю очередь, под влиянием Анисимова и его круга, к которому принадлежали Лихачёв и Чириков, через исследование северорусской деревянной архитектуры расширилась до разгадывания древнерусских икон и их значения для тогдашних современников. Интересно, что в заграничном паспорте Винклера имеется доказательство ещё одной его поездки в Москву – 14 марта 1929 г. Продолжительность пребывания не отмечена. Несомненно, он посетил Анисимова и рассказал ему о выставке. Можно предположить, что тот только теперь передал немецкому коллеге свою разработку для каталога. Почему?

Подготовка к выставке, как отбор 131 экспоната, так и запись сопроводительного текста, была проведена Анисимовым. Когда в январе 1929 г. выяснилось, что в Германию поедет один Грабарь, Анисимов не выпустил свою разработку из рук. Грабарю пришлось в кратчайший срок написать для согласованного каталога собственный текст, и вместе с предисловием О. Гёцша и А.В. Луначарского этот каталог появился только через два дня после открытия выставки[37].

В каком, однако, состоянии нашёл Мартин Винклер в марте 1929 г. своего «уважаемого друга», как он впоследствии всегда называл Анисимова? Уже весной 1928 г. Анисимов в письме эмигрировавшему историку-искусствоведу М.Н. Беляеву

В мастерской реставраторов в Ярославле. Г.О. Чириков (сидит) (1882–1936) был с начала столетия наряду с Анисимовым (1877–1937) одним из ведущих экспертов по древнерусскому искусству. Здесь Чириков вместе с реставратором Тюлиным за работой над иконой XII–XIII вв., известной под названием «Богоматерь Оранта»; слева: та же икона в 1973 г. в Третьяковской галерее в Москве сфотографированная Винклером. В 1924 г. Винклер посетил Ярославль и познакомился с мастерскими реставраторов икон, руководитель которых, профессор А.И. Анисимов, пригласил его на празднование 900-летия города. По просьбе хозяев, Винклер в своей краткой речи подчеркнул культурно-историческую ценность памятников древнерусского искусства. Чтобы не вызвать внимания со стороны пропагандистских органов, он попросил Анисимова подтвердить речь, зафиксированную в письменном виде (справа внизу)



Многоуважаемый Марфин Эдуардович

Доверяющий Вашему и Городского Совета приказу, прос[illegible] исполнить Вашим заключением доверенные по случаю Годовщины [illegible] в Московском Музее XIX century: что переведено [illegible] русский язык и передано в архив Областного Комитета

Председатель Областного Комитета

23-IX-24 Проф. А. Анисимов

намекал на ситуацию в стране, драматически обострившуюся в связи с «культурной революцией»[38]. В то же самое время, когда Анисимов 1 февраля 1929 г. потерял своё место в московском Историческом музее, его стремление открыть древнерусскому искусству путь в мир искусства европейского нашло за границей подобающий отклик. В Германии на долю его выставки выпало неожиданно большое одобрение, что повторилось затем в Лондоне, Вене и городах США.

Дальнейшая судьба учёного была, однако, уже предрешена: до своего ареста, последовавшего в ночь с 6 на 7 октября 1930 г., он потерял всякую возможность работы. 7 октября его неоднократно допрашивали на Лубянке. Его обвиняли, в частности, в подготовке упоминавшейся выставки икон и поддержании контакта с учёными за границей, более того, в публикации своих работ за рубежом[39]. Наряду с английским коллегой в протоколах были названы имена Мартина Винклера и австрийского историка-искусствоведа Фаннины Галле[40]. Все эти события оценивались как совершённое обвиняемым антигосударственное действие. Его намерение заключалось, однако, по собственным показаниям, лишь в том, чтобы сохранить ценные свидетельства раннего русского искусства и, независимо от политической ситуации, иметь возможность продолжать работу на благо своей страны.

Мартин Винклер принял рукопись, вполне сознавая, какое сокровище оказалось в его руках, и никогда не расставался с этими страницами. Бумага поблёкла, но текст ещё хорошо читается, с чёткими исправлениями и дополнениямим, сделанными автором от руки. 131 пронумерованный выставочный экспонат прокомментирован в изображении «развития древнерусской живописи», её «школ» и «стилей».

Судьба не даровала Винклеру возможности опубликовать, согласно своему желанию, собственные труды, и тем менее это касалось работы автора, охарактеризованного в Советском Союзе как «враг народа». Винклер наверняка так никогда и не узнал о том, что Анисимов после ареста в ночь с 6 на 7 октября 1930 г. был приговорён к десяти годам заключения в лагере на Соловецких островах, а в 1937 г. расстрелян как «вредный балласт».

1979 г.: страсти коллекционера, щедрые дарения и последняя поездка Винклера в Советский Союз

Может быть, Мартин Винклер был прав, заявив много позже: «Я просвещённый человек XIX столетия!» Наслаждение исследователя и любопытство к сущности изучаемого объекта привлекали и впоследствии, вырывая его из «внутренней эмиграции», в которую он удалился до конца войны, не позволяли ему обрести покой за старой пишущей машинкой. В рамках широкой темы, называвшейся «История русской культуры», возникли рукописи, из которых лишь немногие смогли выйти в свет[41]. Его большим желанием было ещё раз поехать в Россию, увидеться со старыми друзьями и коллегами, посетить места, которые он осматривал и исследовал в молодости после интенсивной подготовки и под компетентным руководством тамошних специалистов – увидеть северорусскую деревянную архитектуру церквей и монастырей Владимира и Суздаля, Ярославль, Киев и, конечно, «Золотое кольцо» вокруг Москвы и Ленинград. Это стало осязаемо близким после значительной нормализации дипломатических отношений между СССР и Федеративной Республикой Германия, но до реализации этого прошло ещё немало лет.

Третье документальное свидетельство переживаний, сохранившееся в наследии Мартина Винклера – в то же время, и самое обстоятельное (136 страниц). Оно возникло в 1979 г. Важные моменты записи представляют собой воспоминания о поездках в Советский Союз в 20-е гг., дополняют отчёт Винклера вузовскому руковод-

ству, написанный в 1925 г. Мы объединили оба документа в уже цитированной книге[42]. Но и у этой обширной рукописи был свой пролог.

В личности Винклера захватывали его несокрушимая жизнерадостность и стремление открывать – вопреки всем обусловленным временем превратностям, выпадавшим на его долю. Он не мог и не хотел покоряться судьбе, которая, как кажется, предусмотрела его выталкивание с пути учёного. Усилия по реабилитации ещё не были завершены, когда он обратился к новым проектам. Памятуя о принципе ранних лет учёбы, – «вовлекать все формы выражения человеческого бытия в историческое исследование» – он сформировал страсть собирателя, включавшую предметные, письменные и художественные свидетельства как духовной, так и повседневной культуры, прежде всего, минувших столетий России. На его долю выпадали счастливые находки. О его коллекции русских икон уже рассказывалось[43]. Ещё в 1936 г. венская газета «Нойе фрайе прессе» восхваляла сокровища нового «обладателя кафедры истории Восточной Европы в Венском университете». «Коллекция профессора Винклера на Залезианергассе – в своём роде новая венская достопримечательность. Едва ли какой-либо другой частный собиратель в Европе мог бы обладать сегодня хотя бы приблизительно столь же многочисленной коллекцией старинных русских крестов и амулетов», – писала газета. Многие экземпляры из этого собрания, с которыми он познакомился и которые научился понимать в пору изучения русской иконографии в 20-е гг. у специалистов Григория Чирикова и Михаила Тюлина, формировали позже (1956) основу Музея икон в Реклингхаузене. Дарение не далось Винклеру столь уж легко, даже если он таким образом и способствовал большему осознанию немецкой общественностью икон как произведений, являющихся частью истории искусств. Голо Манн также понимающе откликнулся: «Вы прожили тяжелую жизнь, – писал он из Кильхберга на Цюрихском озере 15 июня 1968 г., – и как же хорошо я пониммаю, что Вы горюете о своей прекрасной коллекции икон. Мир ничего не знает, а особенно в Германии и знать ничего не хотят о таких утратах и судьбах, как Ваши. Тем громче заботятся там о тех, которые, несомненно, тоже что-то потеряли, совершенно очевидно, но большинству которых сегодня в новой стране куда лучше, нежели было когда-то им на утраченной родине».

У Сухаревой башни, на блошином рынке, рассказывал позже Мартин Винклер, «я купил мою первую икону, созданную на исходе XVII века. Неплохая работа, но в жалком состоянии. Двадцать рублей, которые я за неё уплатил, оказались для меня выгодным вложением. Ведь потом, в Кёнигсберге, на примере этой иконы я испробовал методы очищения икон, освобождения от позднейших поновлений. Мои друзья в реставрационной мастерской в Москве очень терпеливо посвящали меня в эту технику»[44]. Исследование икон занимало Винклера и впоследствии, он сумел опубликовать отдельные статьи[45]. По инициативе Винклера и под его руководством в Реклингхаузене было выпущено весьма высококачественное сводное издание «Иконы»[46], сочетавшееся с определёнными религиозными темами из разных столетий и снабжённое соответствующими комментариями. Тексты к этим шести томикам писал сам инициатор издания.

Важные, прежде известные только в виде копий или даже вовсе не известные стихотворения, картины, рисунки и заметки русского поэта М.Ю. Лермонтова входили в число счастливых находок, в разное время выпавших на долю Мартина Винклера.

Переплетённые друг с другом жизненные пути немецких и русских семей в XIX столетии, которые были связаны с русским поэтом, многие десятилетия изучал и впечатляющим образом охарактеризовал писатель Ираклий Андроников (1908–1990)[47]. С момента окончания войны он пытался проследить известные тесные семейные контакты Лермонтова со Штутгартом, с обитателями замка Хохберг, но тогда международная атмосфера не способствовала осуществлению такого намерения. Прошёл не один год, и когда в 1955 г. после визита канцлера Аденауэра в Москву обозначились изменения в политических отношениях, Андроников получил важное сообщение: «Профессор В.Н. Лазарев сказал мне, что в Константинополе на конгрессе византинистов он познакомился с искусствоведом из Мюнхена, профессором д-ром Мартином Винклером»[48]. Винклер говорил о произведениях русского поэта – стихотворениях, картинах маслом и акварелью, письмах, находившихся в его владении и до сих пор известных в виде копий, а то и вовсе не известных. Не было необходимости подчёркивать, что Андроников вслед за этим сообщением приложил все усилия, чтобы возможно быстрее установить контакт с «источником», о котором шла речь.

О дальнейшем ходе событий можно прочитать у самого Андроникова. В декабре 1962 г. в доме Мартина Винклера был заключён «Протокол о передаче материалов из наследия Александры Верещагиной»[49]. В 1935 г. в подготовленном к продаже замке, где ранее жили Верещагина и её родственники (замок Хохберг под Штутгартом), при последнем осмотре комнат Винклер обнаружил в корзине для бумаг подлинники рукописей и рисунки Лермонтова, которые учёный хотел предоставить в расопряжение советских коллег.

В протоколе приводятся восемь позиций, в том числе оригинал автопортрета Лермонтова (до тех пор была известна только его копия), знаменитый портрет Варвары Лопухиной в одежде испанской монахини, а также оригиналы стихотворений, в частности, «Ангел смерти», и текст одного письма. Для Ираклия Андроникова и его круга исследователей это была минута счастья! Мартин Винклер связывал с происшедшим надежду на то, что все документы станут доступны научной общественности[50]. В то же время, с этим связывалась для него долго лелеемое желание – ещё раз поехать в Россию, снова увидеться со старыми друзьями, посетить знакомые места. В знак уважения к великодушному жесту учёного Министерство культуры СССР предложило ему многомесячную поездку согласно его собственному желанию и с достойным сопровождением. И опять прошло немало лет. В апреле 1968 г. Андроникову пришлось напомнить властям об их согласии, но поездка состоялась только в 1973 г.

Третий документ из наследия Мартина Винклера, связанный с воспоминаниями и входящий в наш контекст, возник как отзвук этой последней поездки в страну, которой он обязан столь многими непреходящими переживаниями.

«После почти полустолетия, весной 1973 г., мне было суждено снова, в последний раз, увидеть Москву», – писал Мартин Винклер.

> Старого города двадцатых годов больше не было. Его примета, молчаливые переулки, исчезла. Бесчисленным маленьким деревянным домам, обновлённым после пожара 1812 г., пришлось уступить место новым современным зданиям. Отслужили свой век старые тряские пролётки, на козлах которых возвышался извозчик, укутанный в тёплую и толстую

одежду на ватине… Мощные экскаваторы оставили глубокие раны в почве города на семи холмах, создали место для бетонных колод, домов казарменного типа высотой с башню, которые не удалось возвести достаточно быстро, чтобы они могли принять население, чья численность стремительныо растёт. Потерянными, одинокими лежали в глубоких ущельях между этими зданиями старые церкви с золотыми куполами, где давно уже не было богослужений. Под городом протянулась на манер катакомб помпезно облицованная мрамором великолепная сеть московского метро…

Ах, Москва моя, Москва! Скоро уже и бабушка не сможет больше рассказывать о тебе своему внуку. О тебе, сказочный город золотых времён![51]

Винклер с большими ожиданиями отправился в поездку по приглашению Министерства культуры СССР. Он ещё раз собрался поехать в страну, которая столько дала ему, и своей жене Урсуле он хотел показать важные места, которые посещал полвека назад и архитектуру, и культуру которых исследовал, – не только Москву и Ленинград, Владимир и Суздаль, они хотели осмотреть ещё и Киев. Но атмосфера в стране изменилась. Экскаваторы разрыли не одни лишь улицы городов. Те сердечность и открытость, которые были столь милы ему в ранние годы, теперь, казалось, уступили место оборонительной сдержанности по отношению к иностранцам. Старые друзья велели сказать, что их нет или якобы нельзя было найти, а желания гостя относительно маршрута бесцеремонно отвергались. В конце концов, возникла болезненная атмосфера, в которой Мартин Винклер решил раньше срока прекратить поездку.

Он вернулся домой, полный противоречивых ощущений. Конечно, была и печаль о том, что Винклер не нашёл ожидаемого приёма, но в то же время его осчастливливало свидание с давно знакомыми свидетельствами русской культуры, которые он так ценил: маленькая церковь «Храм Покрова» на реке Нерль под Боголюбово, «Церковь Богородицы на Нерли», – Винклер называл её «художественной мечтой, превратившейся в действительность» – а также икона из Владимира, реставрацию которой («открытие», как называли это действие) мастером Григорием Чириковым в 1924 г. он наблюдал. Теперь это ценное произведение искусств, представляющее облик Богородицы в молитвенной позе и называемое в иконографии «Орантой», находилось в Третьяковской галерее в Москве, и Винклер смог сделать фотографию этой иконы, оказавшуюся удачной.

Мартин Винклер был фотографом милостью Божьей, обладавшим отличным чувством перспективы, света, подчёркивания деталей. В результате многочисленных поездок альбомы и коробки для диапозитивов наполнились неповторимыми снимками. Может быть, с помощью этих фотографий он с женой повторял переживания из прошлого, оставшиеся для него гораздо более приятными переживаниями по сравнению с недавними. Обстоятельно и в легко запоминающемся стиле он рассказывал о своих ранних поездках, о пережитом и испытанном, о людях и наблюдениях, и это с критическим взглядом, но, вероятно, с очень большой способностью проникновения, с юмором и любознательностью, которая не покидала его до глубокой старости. Документ воспоминаний Винклера, записанный в 1979 г. в результате этих рассказов о прошлом, дополняет как нельзя лучше официальное сообщение, которое молодому учёному пришлось написать для властных структур по окончании первой поездки в 1924 г., и которое Герд Фойгт в 1984 г. обнаружил в Секретном государ-

ственном архиве в Мерзебурге[52]. С помощью этого текста Мартин Винклер за три года до смерти, в 1982 г., вернулся к дорогой его сердцу России и примирился с ней.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Оригинал памятной записки находится, как и все документы, цитированные в этой статье и не обнаруженные в другом месте, в наследии Мартина Винклера, которое, если нет других пометок, заботливо сохраняется вдовой Мартина Винклера, г-жой Урсулой Винклер, и подготовлено к передаче Баварской государственной библиотеке. Эта памятная записка перепечатана также в книге *Martin Winkler.* Zwischen Moskau und Archangelsk. Meine erste Reise in der Sowjetunion im Jahre 1924. Hrsg. und eingeleitet von Gerd und Erika Voigt. – Berlin, 1996, Anhang. S. 193–197.

[2] Ibid.. S. 195.

[3] Ibid.. S. 196.

[4] Ibid.. S. 197.

[5] Ibid.

[6] В наследии Мартина Винклера находится рукопись «Значение России для Германии в прошлом и настоящем», опубликованная до сих пор лишь частично, объёмом 311 с.

[7] Газетная вырезка из «Эвангелиш: Гондель», (1946?), Бавария, наследие Мартина Винклера.

[8] Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. Hrsg. von Ernst Eichler u. a. – Bautzen, 1993. S. 439.

[9] *Martin Winkler.* August von Schlözers Studien zur russischen Geschichte. Phil. Diss. – Leipzig, 1920; Nachlass Winkler.

[10] О биографии Винклера ср. *Gerd Voigt.* Russland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945. – Berlin, 1994; ders. Martin Winkler. Ein deutscher Russlandhistoriker, 23.12.1893–3.8.1982. Zu seinem 100. Geburtstag. – Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte 1 (1994). S. 149–159.

[11] *Gerd Foigt.* Rußland. S. 9.

[12] Карл Лампрехт (1856–1915) – историк, профессор Лейпцигского университета, в противоположность преобладавшему историзму, сформированному Ранке и характеризовавшемуся ориентацией на силу государства и отдельных личностей, представлял понимание истории народов и этнических групп, фиксированное на экономических, общественных и культурных процессах. Тем самым, он спровоцировал так называемый спор вокруг Лампрехта, в котором хотя и проиграл, но который привёл к основанию в 1909 г. «Института истории культуры и всеобщей истории им. Лампрехта» при Лейпцигском университете, снискавшего международное признание.

[13] *Karl Stählin.* Reisebericht aus Russland 1910. Briefe an seine Frau. Отобрано и подготовлено к копированию в виде рукописи дочерью Карла Штелина Гертрудой Энгель. Шондорф, 1968 г. (в собственности автора) и до сих пор не вышло в свет. В результате этих архивных разысканий возникла впечатляющая публикация Штелина Aus den Papieren Jacob von Stählins (Königsberg und Berlin: Ost-Europa-Verlag 1926), которую автор «С совершеннейшим почтением посвящает Академии Наук Советского Союза». О личности и деятельности Карла Штелина ср. исследование Karl Stählin в рамках труда *Gerd Voigt*, op. cit.. S. 160–182.

[14] Договор, подписанный между Вильгельмом II и Николаем II в 1905 г. поблизости от финского острова Бьёрке на Балтийском море. С помощью этого договора Вильгельм II пытался оторвать Россию от Франции; договор так никогда и не вступил в силу.

[15] Ср. *Erika Voigt.* Martin Winkler – ein Wissenschaftlerleben im 20. Jahrhundert. – Osteuropa 7 (2000). S. 822.

[16] Ханс Кох (1894–1959) – австрийский историк и протестантский теолог, области деятельности – история Украины и православной церкви; в 1912–1914 и 1921–1923 гг. изучение теологии в Венском университете; 1914–1921 гг. участие в мировой войне и войне Польши против советской власти на Украине в 1920 г., пребывание в тюрьме в Советской России; с 1924 г. – д-р философии, с 1927 – д-р теологии (в обоих случаях, согласно российской традиции речь идёт о степени канди-

дата. – *Прим. перев.*), 1929 – присуждение степени доктора в Венском университете, доцентура по истории церкви; неоднократное пребывание в Папском восточном институте в Риме; вступление в НСДАП, рекомендован Юберсбергером (австрийский историк, который в 1935 г. в качестве преемника Гёцша преподавал в Берлинском университете русскую и восточноевропейскую историю и был убеждённым нацистом, имевшим звание штандартенфюрера СА) 6 ноября 1933 имперскому министерству науки, воспитания и народного образования (ИНВН. – Немецкое сокращение; прим. перев.) для приёма в институт по изучению Европы в Германии (документ 47), в 1934 г. без ведома соответствующего факультета – ординарный профессор восточноевропейской церковной истории в Кёнигсбергском университете (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz [GStAPrK] Merseburg, Rep. 76 V a Sekt.11 Tit. IV Nr. 18, Bd. VII, Bl. 262, vom 20. April 1934), 24 августа1934 г. куратор охарактеризовал его как «старого бойца национал-социалистского движения в Австрии», с 3декабря 1934 г. также директор «Института по изучению России» в Кёнигсберге; в 1937–1940 гг. директор Института Восточной Европы в Бреслау и профессор университета (история Восточной Европы); 1940–1945 гг. – ординарный профессор Венского университета и директор Германского научного института в Софии (1940–1941 гг.); до 1941 г. сотрудничество в подразделениях министерства Розенберга, офицер Абвера в X военном округе; участие в войне против СССР, в 1941 г. – представитель министерства по делам оккупированных восточных территорий при группе армий «Юг»; в рамках общей антисоветской концепции выступал за принятие Украины «в Европу под немецким водительством» (Hauptmann Prof. Koch. Der Sowjet-Nachlass in der Ukraine, Stimmungs- und Erfahrungsbericht vom 30. September 1941, BA Abt. Potsdam, Film 13741, Aufn. – Nrn. 755–770, auch: Guide 28, Serie 92, Rolle 92; ders.: Psychologische Folgeerscheinungen des Bolschewismus. Vortrag, GStAPrKMerseburg, Rep. 178 XIV Nr. 96, Bd. 2, 1942). Карьера в ФРГ с 1952 г. Список публикаций без «рассуждений, слишком обусловленных временем, от которых, вероятно, он сам отстранился бы» (Юберсбергер): Zur Geistesgeschichte Osteuropas. *Schriftenverzeichnis H.* Koch 1924–1954, München 1954. Автор статьи «Osteuropäische Geschichte». – Deutsche Wissenschaft, Arbeit und Aufgabe, Leipzig 1939 (Festschrift zum 50. Geburtstag Hitlers). В виде фрагментов цитируется в *Gerd Voigt*, op. cit.. S. 242–243, 247

[17] *Martin Winkler.* Zarenlegende. Glanz und Geheimnis um Alexander I. – Berlin, 1941. (Neuaufl. – München, 1948, 2. Aufl. 1968).

[18] Frankfurter Volksblatt vom 27. Juni 1941; Münchener Neueste Nachrichten vom 21. Oktober 1941; Frankfurter Zeitung vom 22. Januar 1941; Die Woche Nr. 24 (1941); Königsberger Allgemeine Zeitung vom 7. Januar 1942 u. a.

[19] Ср. об этом *Gerd Voigt,* op. cit.. S. 492, Anhang: Brief von Dr. Geiger an Martin Winkler vom 3. Oktober 1942.

[20] Рихард Заломон (1884–1966) – историк, византинист, литературовед, профессор и заведующий кафедрой русской культуры и истории в Колониальном институте в Гамбурге, в 1916–1917 гг. основал восточноевропейский семинар, в 1925 и 1929 гг. ездил в СССР, работал в Германском обществе по изучению Восточной Европы (местная группа в Гамбурге); в 1933 г. уволен на пенсию, в 1937 г. – эмиграция в США, с 1939 г. преподавал в Кеньон-колледже в Гамбире (Gambier), был в дружеских отношениях с М. Винклером.

[21] Rußland. S. 209.

[22] *Martin Winkler.* Dostoevskijs Begegnung mit dem Tode. – Deutsche Beiträge 4 (1950). S. 277 ff.; ders. Lev Tolstojs Leidensweg. – M. W.: Russische Historische Miniaturen. – Privatdruck, 1978.

[23] Переработанная Мартином Винклером по окончания войны рукопись «Истории русской культуры» (1500 с.) находится в Баварской государственной библиотеке, Мюнхен, отдел рукописей, Winkleriana Nr. 99034.

[24] Фрицу Т. Эпштейну (1898–1979) пришлось в 1934 г. эмигрировать, и в это время он работал в Славянском отделе Библиотеки Конгресса. К этому же письму от 24 января 1952 г. была приложена копия следующего документа, который Эпштейн нашёл в фонде конфискованных немецких документов:

«Руководству штаба 3369/38 Ба/Берлин, 12 апреля 1938 г.

Г-ну д-ру Лейббрандту

В стенах данного здания!

По поводу: Мартина Винклера.

Некий Мартин Винклер, (профессор?) из Кёнигсберга, утверждает, что предоставил Вам различные материалы о Советской России.

Я прошу сообщить, верно ли это, откуда Вы знаете этого Мартина Винклера, что он из себя представляет, чем занимается и что Вы о нём думаете.

Подписал Шикеданц

[25] Георг Заке – род. в 1902 г. в Кишинёве, специалист по истории России, культуролог. В 1944 г. арестован, заключён в концлагерь Нойенгамме, погиб во время «марша смерти» в Любекский порт 27 апреля 1945 г.

[26] Ср. Wiedergutmachungsbescheid auf den Antrag des ehemaligen Ordentlichen Professors Dr. Martin Winkler …vom 28. September 1954, Nachlass Martin Winkler.

[27] О помощи прежних студентов и друзей в качестве свидетелей ср. Erika Voigt, Martin Winkler – Wissenschaftlerleben. S. 819 ff.

[28] Ср. библиографию в *Martin Winkler*, op. cit.. S. 200 ff.

[29] *Martin Winkler.* Russische Historische Miniaturen. Manuskript. 247 S.

[30] *Martin Winkler.* Russische Historische Miniaturen. – Privatdruck, 1978. 128 S.

[31] См. С. 48 соответствующей рукописи.

[32] А.И. Анисимов владел, кроме своего родного языка, русского, ещё пятью – латынью, греческим, итальянским, немецким и французским. Эти и другие данные о его личности стали впервые известны из лагерного протокола (Соловецкий лагерь ГУЛАГа) 1937 г., в котором были зафиксированы решение о расстреле Анисимова и исполнение этого приговора, ср. об этом *И. Кызласова.* История отечественной науки об искусстве Византии и древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. – М., 2000. С. 345.

[33] Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – русский живописец, искусствовед, руководитель первого научного исследования «Истории русского искусства» (1909–1916), Большой энциклопедический словарь называет его одним из основоположников советского музееведения, реставрационного дела и охраны памятников древнерусского искусства. Ср. об Игоре Грабаре также статьи Екатерины Грабарь и Ады Раевой в книге Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Dagmar Herrmann (=West-östliche Spiegelungen, Bd. 4 B). – München, 2004 (im Druck). Об И.Э. Грабаре, А.И. Анисимове и Н.П. Лихачёве ср. также *И. Кызласова.* История отечественной науки…

[34] Письмо Ханса Ионаса Шмидт-Отту от 23 января 1929 г., Geheimes Staatsarchiv Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Rep. 92, Nachlass Schmidt-Ott, Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas, Bd. IV, Kopie des Dokuments im Nachlass Gerd Voigt.

[35] Ibid.

[36] О событиях в Москве, в том числе преследовании академиков, ср. письмо А.И. Анисимова коллеге, историку-искусствоведу Н.М. Беляеву, от 28 февраля 1929 г., впервые опубликованное в книге И. Кызласовой. С. 283.

[37] Denkmäler altrussischer Malerei: Russische Ikonen vom 12.–18. Jahrhundert. Katalog zur Ausstellung des Volksbildungskommissariats der RSFSR und der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas in Berlin, Köln, Hamburg, Frankfürt a. M., München, Februar/Mai 1929. 3. Aufl. Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1929 (38 S.).

[38] Об Анисимове ср. *И.Л. Кызласова.* Александр Иванович Анисимов. 1877–1937. – М.: Издат. Московского Государственного Горного Университета, 2000. С. 45; *она же.* История…, здесь также три протокола допроса Анисимова от 7 октября 1930 г. С. 329–345.

[39] *А.И. Анисимов.* Владимирская икона Божьей матери. – Прага: Seminarium Kondakovianum, 1928.

[40] Фаннина В. Галле, урожд. Рубенштайн (1881–1963) – австрийский историк, специалист по древнерусскому искусству, позже также социолог и публицист, ещё до 1914 г. поддерживала научные контакты с русскими историками искусств, например, Н.П. Кондаковым и А.И. Анисимовым (с 1911 г.), до 1917 г. и в 20-е гг., в том числе благодаря обращению Анисимова к Мартину Винклеру, она объездила области, имевшие центральное значение для изучения древнерусской культуры. Труды: Altrussische Kunst, Berlin 1921, Ikonen aus dem ehemaligen Museum Kaiser Alexander III. in St. Petersburg. – Leipzig 1924; Die Bauplastik von Wladimir-Susdal: Russische Romantik. – Berlin/Wien/Zürich, 1929. С 1940 г. она жила в США (Нью-Йорк). В своих многочисленных публи-

кациях Ф. Галле обращалась к «восточным» темам: Die Frau in Sowjвtrussland. Wien: Zsolnay 1932 (566 S.); Frauen des Ostens. Vom Matriarchat bis zu den Fliegerinnen von Baku. Zürich 1938 и занималась историей кавказских евреев. Ср. об этом: *И.Л. Кызласова.* История…. С. 144.

[41] Ср. об этом библиографию в кн. *Martin Winkler.* Von Moskau bis Archangelsk. S. 200 ff.

[42] *Martin Winkler.* Zwischen Moskau und Archangelsk.

[43] Ср. Ikonen-Museum. Kunstsammlungen der Stadt Recklinghausen. (Katalog zur Eröffnung). Recklinghausen 1956; также Gerd Voigt. Rußland. S. 199.

[44] *Martin Winkler.* Bericht über meine Reisen in der Sowjetunion. 1979. Masch. – schriftl. Manuskript. S. 117.

[45] *Martin Winkler.* Anfänge russischer Ikonenforschung. – Jahrbücher zur Geschichte Osteuropas, NF 1 (1953). S. 270–281.

[46] Восемь томов со следующими тематическими сочетаниями: Богородица, праздники, Иисус Христос, Святой Николай, страсти Христовы, апостолы и евангелисты, ангелы и пророки, святые и жития святых; всё это вышло в Реклингхаузене в 1956–1960 гг.

[47] *Ираклий Андроников.* Лермонтов. Исследования и находки. – М., 1968.

[48] Там же. С. 194.

[49] А.М. Верещагина (1810–1873) – дальняя родственница М.Ю. Лермонтова, в 1837 г. вышла замуж за вюртембергского дипломата Карла фон Хюгеля (1805–1870), оставила Россию и поселилась в замке Хохберг под Штутгартом. Она привезла с собой в Германию произведения молодого Лермонтова. После гибели поэта «двоюродная сестра Верещагиной, Варвара Лопухина, глубоко любившая Лермонтова до его последнего вздоха, также передала подаренные лично ей рисунки и рукописи на хранение в замок Хохберг».

Ср. *Irakli Andronikow.* Literarische Forschungsfahrten. – Die Sowjetunion – heute, Nr. 20 vom 16. April 1964. S. 22; гораздо подробнее: *он же.* Лермонтов. Исследования и находки. С. 198–239. Упомянутые документы оставались в собственности семьи Берольдинген, членом которой дочь Верещагиной Александрина стала в результате замужества. Благодаря своей второй жене Норе, которая в первом браке была замужем за одним из Берольдингенов, Мартин Винклер установил отношения с этой семьёй. Поэтому в 1936 г. ему было поручено подготовить замок для продажи.

[50] 21 июня 1962 г. Андроников писал Винклеру: «Примите сердечную благодарность за Ваш ценный подарок Литературному музею в Москве. …Я чувствую большое удовлетворение тем, что письма и стихи, написанные в прошлом столетии в Москве, снова вернулись на родину Лермонтова. Поразительная судьба архива Верещагиной-Хюгель может считаться символом культурных отношений между Германией и Россией, существовавших издавна…».

[51] *Martin Winkler.* Zwischen Moskau und Archangelsk. S. 129.

[52] Оба текста были сведены воедино в томе, вышедшем в 1996 г. – *Martin Winkler.* Zwischen Moskau und Archangelsk.

Карл Аймермахер

«ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЕ ВЗАИМООТРАЖЕНИЯ» Льва Копелева: взгляд в прошлое. Размышления о Вуппертальском проекте[1]

> Моя вера касается не только могущественного слова поэзии, но и будничного, простого, написанного или произнесенного во имя правды, чтобы опровергнуть ложь, чтобы помочь – пусть даже одному-единственному человеку…
> После всего этого я признаюсь сегодня, что я не могу примириться с инерцией зла, которая отравила и искалечила жизнь многим моим соотечественникам. Я не могу и не хочу молчать о государственном произволе, о том, что люди преследуются за мысли и слова только потому, что их слова не понравились преследователям…
> Только моя совесть может быть моим вождем, цензором и судьей[2].
>
> *Лев Копелев*

Во время Второй мировой войны Лев Копелев ощущал себя свободным человеком, с верой, что воюет во имя лучшего общества против всех форм фашистского захвата власти и ее распространения. Его лишили свободы, заставили молчать, арестовали, когда он выступил против насилия и несправедливости, против нарушения международного права и преступлений Красной Армии.

Позднее, когда Копелев после освобождения из-за ограничений цензуры вплоть до полного запрета публиковаться имел голос только на Западе, его личные принципы отчетливо зазвучали за пределами московских диссидентских кругов, среди более широкой мировой общественности.

Что же беспокоило Копелева? Более чем очевидно, что у него было два желания: защищать преследуемых и участвовать в создании свободного от произвола, юридически упорядоченного, пронизанного гуманизмом общества. Эти желания были для него теми ценностями, которые определили его биографию и его действия в критических жизненных ситуациях. Он желал лучшего общества и поэтому стал коммунистом. Он пошел на войну, чтобы всеми своими силами бороться против призрака фашизма. Оружием одаренного молодого писателя и журналиста было слово, была пропаганда. В своей борьбе против врага он прибегал, помимо прочего, к мифам, работал с предрассудками о коммунисте и фашисте. Но враг все же не сразу стал для него врагом. В большей, степени он пытался на войне спасти людей от последствий ставших привычными агрессивных действий своих собственных соратников. Это превратило его самого, коммуниста, в жертву социально-политической системы, в которую он верил и которой служил.

Ввиду обнажившейся, как минимум, после XX съезда партии правды о бесчеловечности сталинизма Копелев сначала надеялся, что даже диктаторскую социальную систему можно изменить к лучшему изнутри. Веря в силу личности – в этом он сле-

довал западно-европейской идейной традиции, идущей от Великой французской революции, а также российского толстовства, – он был убежден, что с помощью обращения к разуму и активного вмешательства в политику можно реорганизовать централизованно управляемое государство и существенно уменьшить зависимость его граждан, чтобы, тем самым, медленно и постепенно создать условия для общества, основанного на праве. При этом, Копелев думал не о революции с бесчисленными жертвами, а о постепенном вытеснении диктаторского государственного аппарата как о предпосылке для более человечного мира.

Если Копелев, пытаясь следовать этому базовому убеждению, в послевоенное время столкнулся с советским государственным аппаратом и не смог уклониться от конфликтов с ним, то это объясняется исключительно силой его личности. Она проявлялась прежде всего там – и это было правилом, – где речь шла о благе и страданиях других. Именно это неустанное, самоотверженное заступничество позволило Йоханнесу Рау, тогдашнему министру-президенту земли Северный Рейн – Вестфалия, при награждении Льва Копелева государственной премией этой земли оценить его как «великого европейца». Эта оценка выражалась и в последующих наградах и чествованиях.

Жизненный опыт Копелева и его впечатляющая эрудиция помогли ему – как и многим другим его современникам – прийти к более глубокому пониманию, которое стало основой и исходным пунктом многих инициатив последних десятилетий его жизни, о том, что, в первую очередь, необходимо демонтировать образы врага. Льву Копелеву были известны пропагандистские девизы бесчисленных, не только коммунистических кампаний, такие как «Кто не с нами, тот против нас» или «Если ты нам не друг – ты наш враг», которые варьировались в зависимости от ситуации и во время Второй мировой войны базировались на крайне поляризованной идейной конструкции «мы versus другие / чужие». Чутьем, порожденным широкими историческими знаниями и личным горьким опытом, он уловил в дискуссии 1980-х гг. о «чужих» в Германии и других западных государствах явную аналогию с пропагандистскими битвами Второй мировой войны – правда, ведшимися открыто. Вновь речь шла об исключении и обесценивании «других», «чужих». При этом, он думал не только о внешних отношениях таких стран, как Германия и Россия, но и о хрупких внутренних отношениях между различными этническими группами в отдельных европейских странах. Вновь Копелев неустанно подчеркивал, что «другого» нельзя сходу помечать негативным клеймом «чужого», и уж совершенно недопустимо превращать кого-либо в потенциального врага из-за его «инаковости» или «чужеродности».

Для Копелева важным было не только разрушение межчеловеческих и межгосударственных барьеров и предрассудков, но и, прежде всего, выявление конструктивного в отношениях между людьми и культурами. Эту основную позицию можно ясно увидеть уже в 1982 г. в инициированном им исследовательском проекте «Западно-восточные взаимные отражения». Предстояло выяснить и оптимально оценить на уровне нашего нынешнего понимания немецко-российских отношений, «что на протяжении веков немцы и русские знали друг о друге, как немецкие поэты и ученые, дипломаты, путешественники по торговым и исследовательским надобностям, публицисты думали и писали о России и русских, а их русские современники – о Германии и немцах, и какой образ непривычного другого возникал из их трудов». И далее он пишет: «Этот вклад в изучение образов чужого имеет значение не только для политической истории обоих народов, но, в еще большей степени, для их куль-

турного и социально-психологического развития. Он должен также опосредованно служить исследованию мира и помогать историкам, публицистам, а, в конечном счете, также политикам и всем, кто прилагает усилия к обеспечению мира и рождению доверия, противостоять националистическим и даже шовинистическим предрассудкам, реминисценциям и образам врага, разрушить их»[4].

Этот подход к копелевскому «чужеведению» лежал также в основе его последнего «любимого дитяти», альманаха «Forum XXI»[5]. Задача виделась в том, чтобы исследовать в прошлом и настоящем, на основе каких национальных и политических предпосылок и механизмов образования стереотипов «другой» объявляется» «врагом», вместо того чтобы быть сперва признанным хотя бы аналогично мыслящим и, тем самым, рассматриваемым как потенциально позитивный член общества.

Сформулированное намерение, в значительной степени, связано с опытом Копелева – в прошлом активного коммуниста. Инициатива систематического изучения немецко-русских образов чужого, развернутая в позитивном направлении, в значительной степени базировалась на критической оценке Копелевым собственного опыта участия в советской военной пропаганде. Он пишет о своей деятельности в качестве офицера-пропагандиста во время Второй мировой войны:

> Да, я действительно верил почти во всё, что я тогда говорил и писал, точно так же, как и большинство моих друзей и товарищей. Почти во всё. Но в тех случаях, когда я сомневался в официальных изображениях истории Советского Союза и партии или даже сознательно «забывал» неудобные факты, заменяя их удобными официальными мифами, я был убежден, что отдельные маленькие неправды необходимы, чтобы обосновать большую правду наших идеалов и наших идей, нашего государства, нашей партии, чтобы отстоять их против всякой фашистской, нацистской и прочей реакционной лжи[6].

И дальше в этом же тексте читаем:

> Постепенно должен был понять каждый, кто еще мог трезво мыслить, и чье сердце не очерствело к человеческим страданиям, что те слова, которыми мы пользовались как оружием правды и человечности, стали инструментом лжи и тоталитарной бесчеловечности[7].

Выраженное в нескольких пассажах самопознание с 1960-х гг., наряду с основными гуманистическими принципами, стоящими, в конечном счете, за его действиями, послужило для него важнейшим импульсом для мужественных акций в поддержку своих друзей-диссидентов, которых официальная сторона все в большей степени рассматривала как «чужих в собственной стране», и для выступления за устойчивое улучшение немецко-российского взаимопонимания.

Поэтому неудивительно, что Копелев после принудительного лишения советского гражданства в начале 1981 г. быстро стал известен широкой общественности Германии. Свидетельство тому – многочисленные публикации о нем, вышедшие за 20 лет, с конца 1970-х до конца 1990-х гг. Кто не вспомнит, при этом, сразу о его сходстве с Львом Толстым – «высоком старике с белой бородой» – и его впечатляющем присутствии в средствах массовой информации? Восхищение и уважение вызывали его неустанное заступничество за всех тех, кто преследовался и был арестован. Восхищало и захватывало то, что для беспокойного современника Копелева и в России, и в Германии важна была не критика ради критики, а проблема последо-

вательно отстаиваемого вопроса об общих гуманистических основах межнационального взаимодействия. Сам Копелев понимал себя как посредника между культурами в Германии и России, и именно в этом качестве он прочно запечатлелся в Германии в памяти многих людей. Итоговым венцом его жизненных достижений должен был стать задуманный и более пятнадцати лет руководимый им Вуппертальский исследовательский проект о немецко-русских культурных связях с истоков до начала XX в. Результаты этих невероятных усилий впечатляющи – при всей открытости поставленных проблем. Они воплощены в томах «Западно-восточных взаимных отражений», опубликованных Копелевым и им задуманных, но завершенных его соиздателями и сотрудниками Дагмар Херрман, Мехтильдой Келлер, Карлом-Хайнцем Корном, Александром Осповатом и Гердом Кёненом. Эти публикации впервые обзорно освещают историю немецко-русских образов чужого от фазы их формирования до начала XX в. И хотя первоначально это не было им предусмотрено, в конце жизни Лев Копелев был воодушевлен идеей продлить книжную серию в XX век. Эта идея была продиктована обилием граней, обнаруженных, благодаря его исследованиям, во взаимоотношениях между немцами и русскими, становившихся с течением веков все более сложными.

* * *

Каждый, кто лично встречался с Копелевым, кожей чувствовал его человечность, близость и участие, а также его постоянную, неусыпную общественно-политическую увлеченность. Он каждого воспринимал серьезно, каждого умел выслушать, на любое высказывание и вопрос реагировал наглядно, просто и понятно. Он терпеливо выслушивал, часто обещал помощь – и, действительно, помогал, находя, благодаря своему шарму и сильным аргументам, благотворителей и помощников. Его обезоруживающее добродушие в совокупности с твердыми принципами действовали необыкновенно сильно. Для многих людей он был очень привлекателен. Хотелось просто пожать ему руку, попросить автограф, посвящение. Многие непременно хотели сообщить ему устно или письменно о своем собственном опыте, обычно из времен войны, плена или о более поздних встречах с русскими. Самокритичной оценкой собственной жизни он во многих вселял мужество разобраться со своим отношением к России. Копелев и его рано умершая жена и соратница Раиса Орлова с момента лишения гражданства утратили приватную сферу. Их кёльнская квартира была своего рода «русской кухней в Германии», международным местом встречи. Здесь спонтанно выставлялось на стол все съедобное. Здесь даже самых печальных посетителей заражал искренний смех Копелева. Но на болтовню и обмен кулинарными секретами здесь не было времени. Часто здесь, в разных контекстах, шла речь об акциях помощи нуждающимся или смертельно больным, чью судьбу следовало смягчить. Сюда, как магнитом, влекло поборников прав человека и гражданских прав из всевозможных организаций. Здесь они вместе с Копелевым, не утратившим юношеского энтузиазма для всяких эмансипационных движений, разрабатывали концепции и стратегии новых форм международного сотрудничества, спорили и приходили к единству мнений. Главной темой, при этом, оставались немецко-русские взаимоотношения.

Непретенциозный стиль Копелева, его открытый дом и то, что он был почти в любой момент доступен, превращали его в институцию особого рода. Его авто-

биографические тексты, в которых он с открытым сердцем размышляет о своих поступках, признает ошибки и вину, не выпячивая и не оправдывая себя, делали его образцом, а для некоторых – вторым отцом: Копелев, который мог быть воинствующим, особенно в отношении «невежественного зазнайства», был серьезным собеседником, в том числе для его критиков и оппонентов. Тот, кто знает его по радио- и телепередачам, кто слышал его доклады и присутствовал на его лекциях или, тем более, встречался с ним лично, был и останется под обаянием его притягательной личности.

Именно его непосредственным воздействием можно объяснить то, что Копелев почти повсеместно в Германии был признан в качестве моральной инстанции и часто приглашался представителями политики, бизнеса и СМИ, чтобы изложить свои личные оценки по сложным вопросам культурного взаимодействия. Было очевидно, что Копелев дискутирует бескорыстно и открыто, без тактических задних мыслей и двоемыслия и что на его высказывания, оценки и рекомендации можно положиться.

* * *

Как могло случиться, что Копелев – сначала интересный аутсайдер внутри советской культуры – смог как никто другой из «чужаков» почти сходу превратиться в центральную фигуру общественно-политической жизни Германии?

Его сильная личность, охарактеризованная выше в общих чертах, была, конечно, существенным фактором, но, быть может, лишь одним из многих, объясняющих почти некритичное признание Копелева в Германии. Другие предпосылки для этого находятся в российском и немецком культурно-политических контекстах, сформировавших наше сознание во второй половине XX в.; именно они позволили полностью раскрыться импозантной личности Копелева.

* * *

Пока Лев Копелев действовал в Советском Союзе, его воспринимали в Германии (примерно с середины 1960-х гг.) почти исключительно как диссидента и неутомимого борца за сохранение прав человека. В 1970-е гг. он стал известен за границей, в том числе в ФРГ, прежде всего, благодаря трем своим самым впечатляющим книгам: откровенной автобиографии «Хранить вечно» (1976), сборнику смелых писем и высказываний по центральным спорам между государственной властью и представителями альтернативной мысли («Запретите запреты», 1977), а также книге «Школа коммуниста: и создал мне кумира» (1979). Все они вышли до его отъезда в ФРГ и лишения гражданства. Книга «Утоли мои печали» (1981) вышла уже после.

Названные публикации рисуют Копелева как сталиниста вплоть до лагерного времени, как коммуниста-антисталиниста в 1950-е гг., а после XX съезда партии 1956 г. – как человека, который вместе с другими стал надеяться на исправление советского режима. Во всех этих фазах Копелев выступает как радикальный демократ, который все более решительно борется против тоталитаризма всех видов и обращается, в конце концов, к раннехристианским принципам и базовым убеждениям Нагорной проповеди, не становясь при этом христианином и не отрицая своих еврейских корней. Эта позиция держалась на наивно-прагматической вере в добро в человеке, не нуждавшейся в специальной теологической дискуссии. При этом, Копелев в душе оставался интернационалистом и гуманистом, который всю свою жизнь выступал против искажений коммунистических идеалов человечества.

* * *

Наконец, из позиции интернационалиста вытекают линии связей и дружеские узы, например, с Анной Зегерс, Евой и Эрвином Штриттматтерами, Кристой Вольф, Вольфом Бирманом и, в первую очередь, с Генрихом и Анне-Марией Бёллями. Правда их творчества была очень близка представлению Копелева о правде и справедливости. И хотя все эти писатели тематически, стилистически и идейно были в известной степени далеки друг от друга, у них было нечто общее – искреннее стремление к достоверности. Кроме того, можно найти связь и с другими писателями, например, с Эрихом Марией Ремарком, с которым Копелев рано познакомил Россию и который в конце 1950-х – начале 1960-х гг. нашел отклик в новой советской военной литературе сходной направленности: произведениях Георгия Бакланова, Василя Быкова и других, очень быстро появившихся в переводах сначала в ФРГ, затем в ГДР. В 1960-е и 1970-е гг. к ним добавились произведения Василия Аксенова, Ирины Грековой, Юрия Трифонова и Василия Шукшина. Их откровенный анализ реальной социалистической повседневности представлял собой в своем роде новое слово, отчасти альтернативное официальному литературному канону, и содействовал возникновению чувства общности стихийного союза единомышленников. Они чувствовали себя стоящими по ту сторону всякой официальщины, они были другими, более открытыми, не впадая, однако, в политическую полемичность и агрессивность. Все они более или менее отчетливо осознавали, что участвуют в общем процессе культурной дифференциации, направленном, в конечном счете, против любых властных попыток централизованного регулирования, но не переходящем в открытую конфронтацию.

* * *

Автобиографически окрашенные произведения Копелева пластично показывают, как он, подобно Сахарову и другим диссидентам, в прямом столкновении с политически оцепеневшим властным аппаратом нового номенклатурного класса превратился в защитника гражданских прав, чувствующего ответственность за все общество и признающего только универсальные принципы гуманизма. Одновременно его тексты и речи вскрыли общественно-политические контексты, которые – мы смогли понять это позже – были выражением альтернативных движений, развивавшихся и в Германии, и в России. Сегодня мы знаем, что их начало нужно искать еще во второй половине 1950-х гг. и что они были выражением эрозийных явлений в культуре якобы развитого социализма, представлявшейся монолитной. Это субкультурное развитие, первоначально происходившее в обеих странах порознь, Копелев рано осознал как однонаправленное, увидев в нем общее подтверждение, в конечном счете, неминуемого фундаментального изменения социализма советского образца. Это убеждение, наряду с мостами, которые русская и немецкая литература, персонально и содержательно наводили с конца XVIII в., также содействовало формированию основы для новых, сходно направленных принципов действия. Всех объединяла мысль о «лучшем мире»: несмотря на многие мелкие различия во взглядах, они чувствовали себя единомышленниками.

* * *

Осознание возникновения транснациональных культурных контекстов началось, как следует из вышеизложенного, непосредственно после смерти Сталина в 1953 г. и в

связи с осуждением на XX партийном съезде сталинской политики уничтожения старых товарищей по партии, политических противников и многих этнических групп. С этого времени оно тщательно исследовалось, анализировалось и документировалось как в самой стране, так и в так называемых «странах народной демократии», и на Западе. В этом процессе тонкого наблюдения участвовали многие группы. Так, благодаря многочисленным переводчикам русской литературы и популяризаторам русской культуры в широком смысле слова, два – три десятилетия спустя на Востоке и Западе [Германии] возник широкий круг интересующихся Россией людей, который также, в итоге, содействовал, пусть не целенаправленно и не преднамеренно, формированию общих базовых предпосылок спонтанного признания и устойчивого воздействия «феномена Копелева». В этом процессе усвоения, наряду с популяризаторами культуры, с 1950-х –1960-х гг. участвовали многие молодые слависты, литературные критики, переводчики, политологи и журналисты (Александер Кемпе, Ина Тинцманн, Томас Решке, Хелен фон Сахно, Карла Хильшер, Вольфганг Айхьведе, Карл Шлегель, Фритц Мирау). Все они «извне» занимались изучением сталинской диктатуры и различных проявлений «оттепели». Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде партии, направленный против преступлений Сталина, и вытекающие из него последствия занимали, при этом, центральное место: возникшие тогда и не утихавшие вплоть до 1980-х гг. повсеместные культурно-политические конфликты внутри советской власти пристально наблюдались, широко документировались и комментировались в Германии, прежде всего в ФРГ. В результате, и у тех в Германии, кто лишь спорадически знакомился с культурной политикой, и у тех, кто занимался ею более или менее систематично, возникала относительно реалистичная картина тенденций развития Советского Союза.

Значительное участие в последовательном просветительском процессе приняли также такие писатели, как Рудольф Хагельштанге, Луизе Ринзер, Генрих Бёлль, публицисты и журналисты Клаус Менерт, Герд Руге, Фритц Пляйтген, Клаус Беднарц, Клаус Кунтце, Петер Бауэр, Кристиан Шмид-Хойер, Эльфи Зигль и многие, многие другие, со знанием дела комментировавшие почти каждое политическое или культурно-политическое событие в России.

Из острых, всегда очень памятных культурно-политических событий, о которых каждый раз подробно сообщалось и которые в большинстве случаев сопровождались большими публикациями в прессе, следует упомянуть о тех, тенденции оценок которых надолго определили германский образ России. В 1960-е гг. в них нередко участвовал и Копелев[8]: дебаты вокруг присвоения Нобелевской премии Борису Пастернаку и его вынужденного, в итоге, под давлением государства отказа от премии в 1958 г.; полемика о мемуарах Ильи Эренбурга в начале 1960-х гг.; запрет части выставки в Манеже в декабре 1962 г.; процессы против поэта (позднее – Нобелевского лауреата) Иосифа Бродского в 1964 г., против писателей Андрея Синявского (Терца) и Юлия Даниэля (Аржака) в 1966 г.; лишение гражданства Валерия Тарсиса в 1966 г.; конец «Пражской весны» в августе 1968 г.; дискуссия о романах Солженицына в 1960–1970-е гг. («Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «В круге первом»); цензурные меры против журнала «Новый мир» и его главного редактора Александра Твардовского; уничтожение выставки художников-нонконформистов в сентябре 1974 г. (так называемой «бульдозерной» выставки); вынужденная эмиграция Александра Солженицына, Виктора Некрасова, Ефима Эткинда, Александра Галича в 1974 г., Владимира Максимова в 1975 г., Андрея Амальрика в 1976 г.; «мет-

ропольное дело»[9] 1979 г., ссылка Андрея Сахарова в 1980 г., ввод советских войск в Афганистан и, наконец, лишение гражданства Льва Копелева, Владимира Войновича и Георгия Владимова.

* * *

В конце 1981 г. Лев Копелев и его жена Раиса Орлова прибыли с визитом в Германию. Это была маленькая сенсация. Вслед за тем их лишили гражданства, и их визит против их воли превратился в изгнание. Это стало не только человеческим потрясением для них самих, но и большим событием для СМИ, вследствие чего прежняя жизнь Копелева оказалась на виду общественности. Это, в свою очередь, неизбежно подразумевало оживление и частичную переоценку упомянутых культурных контекстов, которые в ходе длительного процесса выработались в сознании людей в Германии. Не всякий случай эмиграции из Советского Союза вызывал такой всплеск интереса к судьбе диссидента в советское послевоенное время, как дело Копелева: присутствовавшее в диффузном виде знание о бесчеловечности коммунистического режима отныне вновь упрочилось, а некоторые предположения, надежды и ожидания либерализации и плюрализации в СССР вновь развеяны. В этот момент Копелев оказался нужным человеком в нужном месте. От него ожидали нового подтверждения того, что уже было известно о советском режиме благодаря многолетней информационной работе многочисленных посредников. Кроме того, возник устойчивый интерес к вопросу, как люди в Советском Союзе могут жить, работать и надеяться на лучшее будущее в столь суровых условиях. Обнаружился спрос на аутентичную и свежую информацию из первых рук. Этот бум интереса, как никому другому, помог Копелеву в его многочисленных докладах, интервью, речах на открытиях выставок и в статьях, в которых он вновь и вновь, в различных вариациях, мог использовать имевшиеся у него с 1950-х гг. знания о России и о ее людях и заново оценить их. Решающими все же были не только почти идеальная для него ситуация всеобщего интереса, но и то, что он, сам оказавший влияние на диссидентскую среду, теперь мог дифференцированно и уверенно информировать Запад о возникновении и особенностях альтернативной культуры в СССР, уже приобретшей ясные контуры, и о ее жестких столкновениях с официальным аппаратом власти.

Это были новые оценки, спонтанность и эмоциональность которых производили впечатление большей достоверности, чем, собственно говоря, не менее достоверные сообщения иностранных корреспондентов. Обнаружилось, что сформулированные на очень хорошем немецком сообщения инсайдера оказывают точное и непосредственное воздействие и вызывают особое доверие благодаря сознательно применяемой риторике устной речи, подчеркнуто медленной манере говорить и эмоциональной окраске голоса. Копелеву легко удавалось – часто в отличие от именитых историков и политологов – изобразить самое сложное положение дел просто и образно. Это касалось, например, возникновения сталинского тоталитаризма и его трансформации при Хрущеве и Брежневе или того, что, в конечном счете, привело к перестройке и гласности: возникшего в конце 1960-х гг. принципиального расхождения между официальной и набиравшей форму альтернативной культурами и обозначенных этим расхождением перспектив.

Чрезвычайно многогранное восприятие, сформированное в течение нескольких десятилетий, благодаря актуальным сообщениям СМИ о социокультурном развитии

в Советском Союзе и выдающаяся личность Лев Копелев с его богатой биографией дополнили друг друга самым благоприятным образом: в 1981 г. Копелев вновь стал жертвой советского режима. Он были неподкупен в своих суждениях. Он обладал способностью собрать за столом переговоров бывших военных противников, политиков и ученых самых различных окрасок и традиций. Его отличала достоверность превращенного в Павла Савла. Он углублял и усложнял «немецкий взгляд» на эродирующую советскую систему и удивлял «взглядом извне» на немецкую литературу и культуру. Его речи не были пессимистичны и мрачны, они были пронизаны дышащими молодостью надеждами. Они учили, что, в принципе, все человеконенавистнические модели поведения, которые немцы и русские должны были испытать на себе во времена диктатур, как и образы врага, исторически сформированные и бессовестно эксплуатирующиеся политиками в своих интересах, могут быть демонтированы, в том числе с помощью непосредственных человеческих контактов, так что в будущем мирное сосуществование прежних врагов могло получить шанс. Большое впечатление производило постоянное стремление Копелева, несмотря на критику войн или преследований противников диктаторских режимов, к примирению и интеграции. Примирение и интеграция были его главной целью. За них он вступал в борьбу каждый раз, когда считал свое вмешательство необходимым. Подлинность его опыта, полученного в различных политических и культурных контекстах, и настойчивость его общественных воззваний, вышедших из моды в послевоенной немецкой культуре, вдруг зазвучали из уст неустанного просветителя Копелева свежо и уместно. Из этого становится совершенно ясно, почему Копелев понимал свою мега-мечту, Вуппертальский немецко-российский проект примирения (1982), как актуальный вклад в улучшение крайне отягощенных Второй мировой войной отношений между Германией и Россией и целенаправленно следовал этой задаче до самой смерти. Эта попытка вскоре увенчалась успехом. Ему удалось почти невозможное: многие немецкие ученые покинули свои традиционные ниши, чтобы совместно с русскими авторами принять участие в реализации копелевского видения будущего. Это был успех, в который тогда почти никто не верил.

Удивительно было также, что Копелев, который во время своего приезда в Германию в 1980 г., с одной стороны, отчасти подтвердил немецкие стереотипы о «русском медведе» (борода, высокий рост, громкий голос, прямолинейность, быстрая ориентация в незнакомой местности), с другой стороны, поражал тем, что этот уникум был чрезвычайно компетентен и обладал метким, самостоятельным, незатасканным суждением как о русской, так и о немецкой культуре. Копелев был способен, например, играючи и удивительно компетентно экспромтом дать оценку немецкой или русской культуре в том или ином их проявлении, и объяснить их значительную, традиционно существующую общность. Широкое историческое знание немецко-российских взаимоотношений служило, при этом, кладовой, из которой он мог черпать бесконечно.

Автобиографические тексты Копелева, его знание произведений классической и современной мировой литературы, как и тот факт, что он более полувека, находясь на тех или иных скромных позициях, активно влиял на политику и отношения между Германией и Россией, – все это подготовило его к занятию центральной позиции во время его вынужденной немецкой эмиграции. Вскоре после его прибытия в Германию искра этого «честного маклера» человечности и межкультурного взаимопонимания перекинулась на влиятельные персоны. В первую очередь, нужно назвать

Йоханнеса Рау, Рихарда фон Вайцзекера, Марион Дёнхофф, Анке Брунн, Петру Келли, Герда Бастиана, Руперта Нойдека и многих других. Все они самым небюрократическим образом открылись навстречу большим копелевским планам. Наряду с идеей исторически обоснованного проекта об основах конструктивных и деструктивных немецко-российских взаимных отношений, сама харизма личности Копелева совершила почти невозможное: Копелев, находившийся тогда в пенсионном возрасте, получил, вопреки всем обычаям, пожизненную исследовательскую профессуру в тогдашней Вуппертальской общей высшей школе, а также скромное персональное обеспечение, чтобы совместно со своими сотрудниками начать исследовательский проект о немецко-русских образах чужого.

Согласно стремлению к примирению в российско-немецкой истории, следовало отметить встречи между русскими и немцами, содействующие взаимному доверию, а случаи страшного непонимания нужно было подвергнуть изучению, с точки зрения их причин, и заново конструктивно интерпретировать, потому что все они вместе были, конечно, важнейшими гарантами будущего плодотворного сотрудничества. Противоречия не подчеркивались и не использовались, тем самым, деструктивно, а трезво рассматривались, освобождались от стереотипов и при необходимости маргинализировались. Одновременно Копелев призывал искать и наводить мосты понимания и примирения, исходя из общности аналогичного опыта. Для этого он до конца своих дней неустанно ездил по стране в поисках единомышленников, тратя – и, в конечном счете, разрушая – свое физическое здоровье.

Ученый энтузиаст Копелев был посредником и просветителем, в лучшем смысле слова. Он был человеком примирения и надежды на разумное будущее. Пусть его завещание будет долго жить в виде результатов его проекта о немецко-российских образах чужого!

Перевод с немецкого Игоря Нарского

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На немецком статья опубликована в качестве послесловия к последней книге изданной Львом Копелевым серии West-ostliche Spiegelungen. См.: *Dagmar Herrmann*. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. Reihe B, Band 4. – Munchen, 2006. S. 1229–1242.

[2] *Lew Kopelew.* Bekenntnis zum Wort. In: L. K.: Verbietet die Verbote! In Moskau auf der Suche nach der Wahrheit. – Hamburg, 1977. S. 19, 20, 23.

[3] Присуждение государственной премии Северной Рейн-Вестфалии 27 ноября 1991 г. в Дюссельдорфе (Verleihung des Staatspreises Nordrhein-Westfalen am 27. November 1991 in Dusseldorf. Dusseldorf, 1991. S. 10).

[4] *Kopelew L.* Fremdenbilder in Geschichte und Gegenwart. Einleitung. In: Russen und RuBland aus deutscher Sicht. 9. – 17. Jahrhundert. Hrsg. von Mechthild Keller (=West-ostliche Spiegelungen. Band 1A). – Munchen: Wilhelm Fink, 1985. S. 13.

[5] Forum XXI, Mit dem Fremden leben? Erkenntnisse, Traume, Hoffnungen zum 21. Jahrhun-dert. Hrsg. von Lew Kopelew unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn, Brigitte Segschneider-Bruckner, Christiane Schroeder-Angermund. – Koln, 1994.

[6] *Kopelew L.* Waffe Wort. – Gottingen, 1991. S. 107.

[7] Ibid. S. 109–110.

[8] Ср.: *Orlova R., Kopelev L.* Wir lebten in Moskau. – Munchen–Hamburg, 1987; а также: *они же.* Zeitgenossen, Meister, Freunde. – Munchen–Hamburg, 1989. На русском языке: *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. 1956–1980. Ann Arbo. 1988.

[9] См. подробно: Дирк Кречмар. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко, 1970–1985 гг. – М.: АИРО, 1997. С. 103–122 (серия «Первая публикация в России»).

2. КРУШЕНИЕ ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

Обоюдное наблюдение и взаимооценка

Анне Хартман

РУКОВОДСТВО КУЛЬТУРОЙ и культура руководства в советской зоне оккупации Германии

Помнится хорошее

Оглядываясь на то, как в 1945 г. возрождалась в Германии культурная жизнь, первое послевоенное время многие вспоминали потом как «золотые голодные годы»[1], как время, отмеченное, несмотря на лежавшие вокруг руины, подъемом и энтузиазмом, а еще как время, проникнутое – прежде всего, в Берлине – стремлением освободить культуру из-под обломков нацистской диктатуры и вдохнуть в нее новую жизнь. О том, как именно советские культурофицеры[2] старались обновить и активизировать радио и прессу, возобновить театральную и концертную деятельность, отыскать пропавших деятелей культуры и помочь им материально и морально, как почтительно относились они к достижениям немецкой культуры – обо всех этих достославных деяниях остались бесчисленные рассказы и благодарные воспоминания. Рассказывают, например, о том, как они искали весьма уважаемого в Советском Союзе Бернхарда Келлермана и обнаружили его в г. Вердер в Бранденбурге, или как в Агнетендорф, к престарелому Герхарту Гауптману была послана целая экспедиция, чтобы уговорить его, короля немецких писателей, сотрудничать в качестве репрезентативной фигуры с новой демократической Германией, или как прозорливые культурофицеры привезли в Берлин Ханса Фалладу, который под именем Рудольф Дитцен исполнял обязанности бургомистра в Фельдберге, и дали ему возможность работать в «Tägliche Rundschau»[3]. «Уважаемыми и незабвенными»[4] остались в памяти немцев, прежде всего, Сергей Тюльпанов – начальник Управления информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ), Александр Дымшиц – начальник отдела культуры СВАГ, музыковед Сергей Барский, театровед Илья Фрадкин и Александр Кирсанов – главный редактор газеты «Tägliche Rundschau»[5]. Деяния выдающихся культурофицеров прямо-таки овеяны легендами: «Они все были замечательными, эти советские офицеры: они были политически мудры и по-человечески очень хорошо понимали людей»[6]. Совместная работа с ними, относившимися к немецким антифашистам как к «братьям», «приносила счастье»[7]. Журналист Ханс Боргельт пишет, что Дымшиц был «профессором-искусствоведом, энту-

зиастом своего дела и непосредственным инициатором оживления культурной жизни в послевоенном Берлине», то есть – одним «из тех, кто и сделал те голодные годы золотыми». В свое время он вместе с Тюльпановым поставил себе честолюбивую цель: снова сделать из Берлина «Мекку искусств, культурный центр единой Германии»[8].

Все единодушно отмечают образованность и высокий культурный уровень этих советских публицистов, германистов, педагогов, философов, музыковедов и театроведов в военной форме, их глубокое знание немецкой истории и культуры, позволявшее им зачастую удивить, а то и посрамить немцев, с легкостью воспроизводя сложные исторические эпизоды в их взаимосвязи, стихи или фрагменты текстов. Подчеркиваются, далее, бескорыстие и щедрость той помощи, какую они оказывали возрождению культурной жизни. Для них, пишут немецкие мемуаристы, важна была не столько идеология, сколько качество. Их либерально-прагматическая стратегия, основанная на принципе «свобода вместо ограничений» (Петер де Мендельсон)[9], отслеживалась американской стороной с завистью и раздражением. В первое время именно американцы часто высказывали недовольство по поводу того, что советские культурофицеры на первое место ставили профессионализм деятелей искусства и очень снисходительно относились к их политическому прошлому[10].

В своих мемуарах, комментариях и интервью культурофицеры сами содействовали формированию такого представления о гармоничном сотрудничестве и культурном общении. Так, в 1970 г. Александр Дымшиц открыл серию опубликованных в ГДР воспоминаний книгой «Звенья памяти. Портреты и зарисовки»; в 1981 г. появилась книга Григория Вайса «Утром после войны»; в 1984 г. Сергей Тюльпанов опубликовал «Воспоминания о немецких друзьях и товарищах», а в 1986 г. подвел итог своей культурно-политической деятельности в книге «Германия после войны (1945–1949)»; Владимир Галль в 1988 г. выпустил мемуары «Мой путь в Галле». Мемуаристика подтверждает уважение к немецкой культуре и самоотверженность в деле ее возрождения. Например, у Дымшица о ситуации после окончания войны говорится:

> Когда я прибыл в Берлин, в моей полевой сумке лежал список тех мастеров немецкой культуры, которых я знал по их творчеству, по их общественной деятельности. Я искал их, чтобы сказать им добрые слова уважения и любви, чтобы помочь им в работе. […] С первых же дней стало ясно: гитлеризм не убил в людях живую душу. Люди искусства верны народу, готовы творить и уже творят. Их нужно объединить, их нужно сплотить вокруг общих целей[11].

В мемуарах рассказываются занимательные истории из жизни деятелей искусств, описываются поступки культурофицеров – зачастую неординарные, – а также подчеркивается новаторский характер задач, вставших перед ними, и трудная цель – победить в конкуренции с оккупационными властями союзников. Советские участники событий тоже пишут о времени сразу после войны как о ситуации, в которой почти все возможности были открыты: в культурном плане она была сравнима с периодом «бури и натиска» после Октябрьской революции[12]. Независимо от того, как и что конкретно описывает тот или иной культурофицер в своих мемуарах, короткое время, проведенное ими тогда в Германии (не больше четырех лет, а чаще всего два или три года), в их воспоминаниях предстает как важнейший период в их биогра-

фии, часто как высшая точка профессиональной карьеры. Это обычно был самый героический период в жизни тех, кто «родился слишком поздно, чтобы участвовать в революции»[13]. Поэтому, как в объективном восприятии, так и в субъективных оценках, их деятельность в Германии и тот вклад, какой они внесли в восстановление и созидание культурной жизни страны, приобретают важнейшую значимость. В своих воспоминаниях советские и немецкие авторы единодушно высоко оценивают как возможности, существовавшие в первые послевоенные годы, так и то, что было тогда сделано.

В официальных изданиях о работе Советской военной администрации в Германии эта светлая память превратилась в жесткий идеологический шаблон. В советской и восточногерманской историографии, посвященной послевоенному периоду, встреча культур утвердилась в виде ритуализованных манифестаций германо-советской дружбы:

> Как во всех сферах антифашистско-демократических преобразований, так и в области культуры военнослужащие Советской армии, сотрудники СВАГ проявили себя надежными друзьями и советчиками, которые охотно делились своим опытом и богатыми знаниями культурного строительства в Советском Союзе. […] Советские культурофицеры проделали огромную работу, разоблачая фашистскую и империалистическую идеологию, возрождая гуманистическую немецкую духовную традицию и, прежде всего, распространяя марксизм-ленинизм. […] Своей революционной деятельностью в духе международного рабочего движения они способствовали общественному прогрессу на немецкой земле и оказали большую помощь немецкому рабочему классу и интеллигенции[14].

Общим местом в этой историографии является тезис о том, что вступление Красной Армии в 1945 г. на территорию Германии означало для немецкого народа не постыдное поражение, а освобождение. И если в других зонах оккупации оккупационное право осуществлялось как «право диктатуры победителя»[15], то СВАГ действовала, как утверждалось, в духе «согласия интересов Советского Союза и интересов немецкого народа», в духе братской дружбы и товарищества, «пролетарского интернационализма»[16]. В рассказах о деятельности советской администрации господствовали слова «помощь», «поддержка», «инициатива», «руководство», а такие понятия, как «диктат», «вмешательство», «администрирование», были, напротив, из словаря вычеркнуты. Конфликты, если о них вообще шла речь, объяснялись еще не до конца преодоленным влиянием фашистской идеологии и трудностями нового начала, но, прежде всего, ставились в вину западным державам, которые своей агрессивной политикой холодной войны угрожали и препятствовали делу созидания.

Документы позволяют трезвее взглянуть на вещи

Прежде всего, документы из советских архивов и архивов ГДР, ставшие с конца 1980-х годов доступными общественности, а также новые свидетельства участников тех событий[17] позволяют более трезво взглянуть на процессы послевоенного времени. Светлый образ уступает место образу проясненному. Это отнюдь не означает, что вносимые поправки могут полностью обесценить все сделанное советскими

Более десяти лет назад русские покинули свои гарнизоны на территории бывшей ГДР, но в Бранденбургском лесу остались следы их пребывания: некогда запретный военный городок советского гарнизона Фогельзанг в Цеденик-Укермарке, покинутый в 1994 г. Эти фотографии, сделанные в 2005 г. показывают как природа постепенно наступает здесь на остатки быта.

культурофицерами. Панорама времени, которую рисуют идеализирующие мемуары и фиксирует официальная культура памяти, не аннулируется, но требует дополнений и нюансировки в свете новых знаний. Конечно, новые источники дают ответы не на все вопросы. Во-первых, далеко не все основные архивные фонды доступны, так что по сей день нельзя, например, полностью восстановить биографии даже известных культурофицеров. Во-вторых, факты и детали, которые теперь можно установить на основании документов, не создают единой гармоничной картины, а, напротив, разрушают прежнюю, гладкую концепцию, выявляя противоречивые моменты.

Так, обозначился резкий контраст между блеском культурного подъема, достигнутого при советской помощи, и тенью, которую на него отбрасывала практика сталинизации. Уже в первые послевоенные годы западные критики указывали на «несоответствие между теорией и практикой, между “Домом культуры Советского Союза” и местной советской комендатурой с подвалом НКВД»[18] – причем, скорее всего, именно второй фактор определял представление широких слоев населения об оккупационной власти. Журналистка Рут Андреас-Фридрих 6 февраля 1946 г. записала в дневнике:

> Со всей страстью добиваются обновления духовной жизни. «Культура! – говорят наши победители с Востока. – Мы уважаем культуру! Для нас нет дела более важного и неотложного, чем щедрая поддержка культуры».
> Двумястами метрами дальше стоит здание ГПУ, в котором пять месяцев назад исчез Макар Иванов. Там «об него обламывали дубинки», истязали его и пытали. Где же правда? Где та точка зрения, которая позволяет примирить между собой эти противоречия?[19]

Сегодня, когда в нашем распоряжении стало больше информации о насильственных методах советского господства, эти противоречия сильнее, чем когда-либо прежде, сопротивляются сглаживанию или тем более примирению. В мае 1945 г. в Берлине маршал Жуков заявил: «Мы штурмом взяли Берлин, но души немцев нам еще только предстоит завоевать». Однако его оптимистическое предсказание, что завоевателей «и на этом фронте ожидает блестящая победа»[20], не сбылось. Такой победе препятствовали уже те явления, которыми сопровождался приход Красной Армии: изгнание немецкого населения, изнасилования, грабежи. Однако «было бы, пожалуй, ошибкой предполагать, будто Германия оказалась потеряна для Советов из-за поведения их солдат. […] Она была для них потеряна еще до того, как они ступили на германскую землю, и дело было тут не в тех преступлениях, которые они совершили, а в тех, которые совершили немцы в СССР»[21]. К этому следует добавить произвол при экспроприации крупной земельной собственности и предприятий, неясную судьбу немецких военнопленных в Советском Союзе, репрессии в отношении политических противников и правовую неопределенность в Советской зоне оккупации: всё это усиливало имевшие место страхи и антисоветские предрассудки. Имея в виду все это, едва ли стоит удивляться тому, что восприятие советских культурофицеров как толерантных собеседников отчасти было связано с чувствами облегчения и благодарности за то, что они не были тупыми или опасными «аппаратчиками»[22].

Картина крупномасштабной, в том числе и материальной, помощи немецкому населению, которую рисовала официальная пропаганда, безнадежно дезавуировалась действиями подразделений, занимавшихся репарациями, демонтажом предприятий и сбором трофеев. Такие акции часто были скоропалительными, недальновидными, бессмысленными, а приказы о строительстве или сносе чего-либо – противоречивыми. Последствия были катастрофическими, в том числе и для усилий по завоеванию симпатий немцев. Вскоре после своего возвращения из США, 9 декабря 1948 г., Бертольт Брехт, уже лишившийся всяких иллюзий, записал в своем «Рабочем журнале» такие наблюдения:

> Передача производства пролетариату происходит в момент, когда продукция поставляется победителям (и потому многим кажется, что происходит она с этой целью). У народных предприятий, которые из самых разнородных частей разбитых механизмов собрали себе производственные цеха, неоднократно забирали станки в счет репараций[23].

Теперь такие взаимосвязи проявились со всей очевидностью, и стало ясно, что необходимо рассматривать деятельность культурофицеров не изолированно, а в более широком контексте советской политики в отношении оккупированной Германии, институтов и инструментов этой политики. В такой перспективе, с одной стороны, великодушная помощь, оказываемая советской стороной немецкой культуре,

до некоторой степени теряет блеск и значение. С другой стороны, из состава аппарата СВАГ – в остальном, почти безликого, анонимного – выделяются культурофицеры «первого часа»: личности действительно яркие. Это были не чиновники-служаки, а болевшие за свое дело интеллектуалы. Некоторые из них, привлеченные к работе в Советской зоне оккупации Германии из-за знания немецкого языка, были выходцами еще из старых образованных сословий[24]. СВАГ предоставила им поле деятельности, на котором они, после долгих лет военной работы, часто далекой от области их профессиональных занятий, снова могли использовать свои специальные познания и употребить свою квалификацию для созидания культурной жизни. Содействие культуре было для них не только заданием, но и личным делом.

Однако наряду с «очень тонким человеком – подполковником Тюльпановым»[25], который был «организатором, обладавшим живым умом, незашоренным, не обижавшимся на независимые суждения»[26], наряду с этим приветливым человеком с большим чувством юмора и шармом, теперь все более четко проступает Тюльпанов-политик[27], который не церемонился, по разным поводам вмешиваясь в дела немецкой стороны, и, по оценке американских военных властей, был «фанатичным коммунистом»[28]. Так, он принимал самое активное участие в смещении председателей Христианско-демократического союза в Советской зоне оккупации Андреаса Хермеса и Вальтера Шрайбера в 1945 г. и их преемников Эрнста Леммера и Якоба Кайзера в 1947 г. Тюльпанов был также среди тех, кто форсировал слияние СДПГ и КПГ в Социалистическую единую партию Германии и кто резкой риторикой готовил блокаду Берлина. Кроме того, будучи сторонником своего земляка из Ленинграда и покровителя Андрея Жданова, который в 1947 г. выступал с резкими антизападными заявлениями, Тюльпанов в связке с Ульбрихтом ратовал за отдельное немецкое государство как сферу влияния СССР[29], т. е. за преобразование Советской зоны оккупации по советскому образцу.

Но все же, как теперь стало ясно благодаря открытию новых источников, статус и степень влияния Тюльпанова обычно переоценивали. Руководимое им Управление информации, к которому относились культурофицеры, – всего их в разное время насчитывалось до 500 человек, а собственно в руководстве Управления в Карлсхорсте работало 150 сотрудников[30] – являлось лишь *одним* из отделов гигантской структуры СВАГ, где в разные периоды работали несколько десятков тысяч человек[31]. СВАГ – это была «сложная мега-организация», возникшая из «конгломерата разных, иногда самостоятельных советских специализированных учреждений и аппаратов» и позднее неоднократно подвергавшаяся реорганизациям, что имело следствием – вполне преднамеренным – непрозрачность ее структуры и деятельности и дублирование компетенций. Внутри и вовне существовали сложные отношения соперничества и соподчинения, переплетение функций военных, гражданского управления, дипломатических и секретных служб, а это вело «порой к возникновению двойных и тройных профессиональных и иерархически-дисциплинарных структур»[32].

Управление информации возникло не сразу; контроль над средствами массовой коммуникации и политика в области пропаганды сначала осуществлялись политотделом Штаба политического советника. Он был создан в октябре 1945 г. как Управление пропаганды, но в июле 1947 г. переименован, так как понятие «пропаганда» «было дискредитировано фашистским режимом»[33]. Управлению информации подчинялись отделы политических партий, профсоюзной работы, взаимодействия с местными органами власти, работы с молодежью, работы с женщинами, связей с церко-

вью, прессой, информации, цензуры, радио, культуры (литературы, театра, изобразительного искусства и музыки)[34]. Помимо собственно пропагандистских и цензурных функций, его обязанностью очень скоро стал «контроль над *основными внутренними политико-идеологическими процессами* в Советской зоне оккупации», включая «общее руководство и координацию советской политики в области культуры, содействие культурной жизни Германии и распространение советской культуры»[35]. С ноября 1945 г. отделом литературы, музыки и изобразительного искусства руководил Александр Дымшиц, который до того был в Берлине инспектором по делам печати и сотрудником газеты «Tägliche Rundschau»[36].

Реконструкция структуры СВАГ[37] (осуществленная, прежде всего, Яном Фойциком) заставляет иначе оценить некоторые пропорции. Сергей Тюльпанов, который долго находился на авансцене благодаря своим эффектным публичным выступлениям и пропагандистски обставленной популярности, на самом деле занимал сравнительно скромное место в иерархии этой организации. Он, правда, играл особую роль постольку, поскольку на сферу его деятельности не распространялся «запрет братания» и он даже был по службе обязан устанавливать и поддерживать контакты с немцами, выступать публично[38], но должен был также и совершать неприятные демарши вроде тех, которые упоминались выше. Кроме того, его выступления, как и выступления других культурофицеров, врезались в сознание потому, что, в отличие от многих высокопоставленных военных и политиков, он говорил по-немецки и мог напрямую общаться с немецкой стороной.

Однако, по существу, он был только рупором и переводчиком, который в формальной иерархии тех, кто принимал решения в СВАГ, стоял, в лучшем случае, на пятой ступени, и только после того как в 1947 г. политические функции Военного совета были ограничены, он сумел повысить свою значимость по сравнению с «простыми военными», но несущественно и лишь на короткое время[39].

Архивные материалы показывают, что занятые в сфере собственно культуры офицеры, чья деятельность в Германии казалась такой независимой и автономной, на самом деле целиком зависели от указаний сверху и контролировались московскими инстанциями, и что другие отделы достаточно часто вмешивались в их работу и даже подрывали ее. И хотя в первое время было можно и должно зачастую импровизировать, все равно, директивы и для культурной политики давались всегда из Москвы. Тот же Дымшиц, который, будучи большим знатоком как русской, так и немецкой литературы, после окончания войны много сделал для развития разносторонней и высококачественной культурной жизни в Германии, в конце 1947 г. столь же настойчиво пропагандировал ждановский тезис о делении мира на два полярных лагеря[40], а в 1948 г., по советскому образцу и наверняка по указке из Москвы, начал кампанию против формализма в искусстве[41]. Разрыв, существовавший между ситуацией первых лет в Советской зоне оккупации Германии – еще сравнительно либеральной – и ужесточением культурно-политической линии в СССР, начавшимся в 1946 г. после ждановских постановлений по вопросам литературы и искусства, театра, кино и музыки[42], последовательно сокращался[43].

Однако тесная связь с советскими инстанциями существовала не только в отношении программных установок, но и в каждодневной культурной жизни. В Советском Союзе главным ведомством по всем практическим вопросам культурного обмена было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Почти ежедневная (часто с изъявлениями досады по поводу проволочек и бюрократических

Закрашенные агитационные и учебные стенды, на которых когда-то демонстрировались славный путь Советской Армии, ее техника, ее спортивные достижения

Наиболее приятным местом службы на закрытой территории была кухня

рогаток) переписка между СВАГ и ВОКС демонстрирует, что каждое связанное с пересечением границы СССР культурное мероприятие (концерты, выставки, переводы, переписка, делегации) проходило по инструкциям и под контролем ВОКСа. Эта организация тоже была частью советского аппарата, и в том, что касалось сфер компетенции, она находилась в непроясненных конкурентных отношениях с другими инстанциями[44]. В конечном счете, решения, касавшиеся Германии, исходили от структур советской системы и несли на себе отпечаток ее законов.

Принцип намеренно непрозрачной системы отдачи приказов определял и отношения между СВАГ и немецкими инстанциями. Внешнему наблюдателю казалось, будто они могут действовать достаточно самостоятельно, и только взгляд за кулисы позволяет понять, каким жестким было советское управление, что тщательно пытались скрыть даже в поздней мемуаристике. Речь идет, прежде всего, о цензуре, контроле над средствами массовой коммуникации[45], а также о целенаправленной кадровой политике, когда на ключевые посты советские начальники ставили надежных немецких товарищей, а сами отступали на задний план, в качестве якобы всего лишь совещательной, поддерживающей, охраняющей инстанции. Все вместе позволяло

эффективно осуществлять скрытое управление. Советскую политику «во всех сферах культурной жизни» проводили партийные органы СЕПГ[46].

Далее, контрастность картины усиливало несоответствие между компетентностью, даже «мастерством» советских ведущих (в обоих смыслах слова) специалистов, которые ориентировались «в сложных переплетениях и поворотах немецкой истории и литературы», и «полным невежеством средних и низших чинов, не говоря уже о солдатской массе. Никакой градации между «плохо», «посредственно», «хорошо», «превосходно». Знание было атрибутом должности, функции. Оно определяло принадлежность к привилегированным, к номенклатуре»[47]. На сегодняшний день, правда, уже стало известно, что блестящие знания литературных хитросплетений и деталей биографий, с помощью которых советские офицеры умели расположить к себе своих немецких собеседников, были нередко почерпнуты из секретных досье для служебного пользования, например, из документации Коминтерна[48].

Задачи культурофицеров были гораздо более щекотливыми, чем это можно предположить, исходя из их позднейшей славы. Конечно, в сферу их деятельности входили тесные рабочие контакты с немцами, равно как и контакты с Западом, однако, такие связи всегда могли быть отрицательно истолкованы. «Сотрудники внешнеполитического ведомства всегда подозревались в том, что завязывали изменнические “зарубежные контакты”. Каждому офицеру в Управлении грозило в двадцать четыре часа быть высланным в Советский Союз»[49]. Ведь, например, бесчисленное количество советских военнопленных, которые только что были освобождены из немецкого плена, попали в сибирские лагеря.

Основная идеологическая кампания послевоенных лет была направлена опять – как это уже было в СССР в 30-е годы – против всего иностранного и против «загнивающей буржуазной» идеологии Запада, но кроме этого она велась под лозунгом «борьбы с безродным космополитизмом» и имела ярко выраженную антисемитскую направленность[50]. Кульминационными точками этой кампании стали роспуск Еврейского антифашистского комитета в 1948 г., арест (или убийство) сотен представителей еврейской интеллигенции, показательные процессы против партийных руководителей и прочих функционеров в странах народной демократии – эти люди якобы были ключевыми фигурами некоего империалистически-сионистского заговора, – а также «дело врачей», по которому в начале 50-х гг. были арестованы кремлевские врачи-евреи, якобы злоумышлявшие против видных деятелей советского государства. Докатилась кампания и до ГДР[51]. Впрочем, первые ее признаки появились гораздо раньше – например, когда в ходе Большого террора некоторым арестованным предъявлялись специфически антиеврейские обвинения, или когда после войны систематически замалчивались Холокост и участие евреев в боях, т. е. они исключались как из истории жертв, так и из истории победителей[52].

Советскую военную администрацию в Германии эта кампания затронула напрямую, так как немалая часть ведущих культурофицеров была еврейского или немецко-еврейского происхождения: осенью 1946 г. евреи составляли 180 из 489 сотрудников Управления информации[53]. Это обстоятельство было с неудовольствием отмечено вышестоящими московскими инстанциями, и подбор кадров «с точки зрения национального признака» был признан особенно неудачным. В качестве причины, по которой такая кадровая политика вызывала нарекания, называлась текущая ситуация в стране: «Такое положение в условиях Германии, зараженной антисемитизмом, явно ненормально»[54].

Тех, кого отзывали из Германии, ждала неизвестная судьба: одни культурофицеры сгинули в лагерях, другие остались в армии и были демобилизованы лишь много времени спустя. Почти все они рано или поздно очутились и в профессиональном, и в социальном отношении на обочине жизни, так что работа в Германии оказалась для них одновременно и кульминационной, и переломной стадией в биографии. Надо полагать, те подозрения, которые существовали по отношению к вернувшимся культурофицерам, «как правило, навсегда или надолго исключали для них возможность заниматься подобающей им научной работой»[55]. Новые работники, занявшие в конце 40-х гг. их освободившиеся должности в СВАГ и в Советской контрольной комиссии (СКК), отличались уже не столько широтой эрудиции и взглядов, сколько неуклонной верностью линии партии[56]. Из этих людей уже ни один не стал видной фигурой в культурной жизни ГДР.

Даже те из советских культурофицеров, популярность которых в Германии позволяет назвать их «звездами», в собственных рядах зачастую пользовались не столь однозначной репутацией. Например, Тюльпанова уже осенью 1946 г. по результатам внутренней проверки обвиняли в «серьезных ошибках», недостатке руководительских качеств и склонности к интригам[57]; оргвывод, сделанный в декабре того же года, был таков: Тюльпанова надо сменить. Критика его работы периодически возобновлялась, звучали требования отстранить его от должности. Так, в начале лета 1948 г. было заявлено, что полковнику недостает подобающей государственному человеку гибкости, политического такта и организаторских способностей[58]. «Темные страницы» биографии Тюльпанова – а именно, тот факт, что его родители были арестованы в 1937 г. (мать, латышка, стала жертвой одной из кампаний, направленных против этнических групп), а он не указал этого в своей анкете для личного дела, – дополнительно ослабляли его позицию[59]. Предпринимались также попытки обвинить его в том, что он либо соучаствовал, либо знал о преступлениях Иосифа Фельдмана – цензора восточноберлинской газеты «Nacht-Expreß», арестованного за шпионаж, дачу взятки и незаконное обогащение[60]. Правда, в июне 1948 г. Тюльпанова наградили орденом[61], а в 1949 г., уже после отстранения от дел, он был произведен в генерал-майоры. Когда в сентябре 1949 г. он, будучи в командировке, находился в Москве, ему запретили возвращаться в Берлин, а 18 октября секретариат ЦК ВКП(б) принял решение освободить его от занимаемой должности[62].

В 1984 г. Юрген Кучински писал, что на Тюльпанова «после его возвращения из нашей республики на родину в 1950(!)[63] году были возведены облыжные политические обвинения, и прошло немало времени, прежде чем ему удалось опровергнуть этот донос»[64]. Сначала он несколько лет проработал преподавателем политэкономии в Военно-морской академии в Ленинграде и только в 1956 г. был уволен из вооруженных сил. После этого он занимал пост проректора ЛГУ им. Жданова и занимался, в частности, политэкономией развивающихся стран. В своих публикациях Тюльпанов продолжал резко критиковать капиталистический строй[65]. Однако досье, собранное на него органами, в течение многих лет продолжало оказывать свое действие: Тюльпанов стал невыездным. Даже когда в 1959 г. Лейпцигский университет присвоил ему звание почетного доктора, приехать на получение диплома Тюльпанов не смог; другие многочисленные приглашения, приходившие из ГДР, ему тоже приходилось под надуманными предлогами отклонять, о чем он неоднократно с горечью писал.

Только в 1965 г. Тюльпанову разрешили съездить в ГДР с официальным визитом. В это время вокруг его имени уже формировалась легенда, и в ней этот промежуток времени был затушеван, а вместо него была создана видимость непрерывных связей Тюльпанова с Германией. Например, Рут Зайдевиц и Макс Зайдевиц писали:

> После ликвидации Советской военной администрации смогла осуществиться давняя мечта товарища Тюльпанова. В марте 1951(!) года он возвратился в Ленинград, где впоследствии стал профессором экономики в университете. Правительство новообразованной Германской Демократической Республики присвоило ему орден «За заслуги перед Отечеством» в золоте как руководителю Управления информации СВАГ в период демократического преобразования Советской оккупационной зоны. Позже он стал почетным доктором Лейпцигского университета им. Карла Маркса, в котором он каждый год на протяжении нескольких недель читал лекции[66].

Александр Дымшиц[67] тоже покинул свой пост в Советской военной администрации в Германии немирно. Правда, он ушел в отставку сам, сделав выводы из начатой против него травли[68]. 19 января 1949 г. он подал в секретариат партбюро Управления информации прошение об отставке и одновременно направил рапорт Тюльпанову[69]: как следует из этих документов, в резолюции партбюро от 7 января Дымшица обвинили в том, что он не извлек надлежащих выводов из ждановских постановлений ЦК по идеологическим вопросам. На это Дымшиц отвечал:

> Я утверждаю и могу это доказать фактами, […] что и я лично (как и мои товарищи в Отделе) целым рядом мероприятий (десятками докладов и лекций, инструктивных совещаний с советскими и немецкими работниками, множеством статей, вызвавших живой и положительный отклик в среде прогрессивной немецкой общественности) проводил активную и действенную пропаганду этих исторических постановлений.

Дымшиц отмечал, что его работу в должности начальника отдела культуры проверяли самые разные комиссии, и ни одной претензии к нему не было, а теперь все его труды перечеркиваются одним росчерком пера.

Обвиняли Дымшица, в частности, в том, что он нарушил свои обязанности по надзору за деятельностью Дома культуры Советского Союза. В большинстве своем обвинения концентрировались вокруг сборника «Советская поэзия», составленного для конкурса переводчиков, который проводили Дом культуры и газета «Tägliche Rundschau»: главным пунктом обвинений было то, что в сборнике содержались стихи о Тито, а Дымшиц не предпринял никаких мер к тому, чтобы пресечь распространение такой книги. В ответ на это Дымшиц указывал, что ответственность лежала не на нем, а на офицере Абрамове, который ведал Домом культуры. Кроме того, продажа и раздача книги были прекращены немедленно после того, как вышла резолюция Коминформа против Тито, подчеркивал Дымшиц, а называть публикацию текстов о Югославии его упущением – это абсурдно, ведь предвидеть разрыв с Тито было никак невозможно. Поэтому, писал Дымшиц Тюльпанову, «в обстановке травли и клеветы» он не мог продолжать свою деятельность в качестве заведующего отделом культуры. Все происходящее, подчеркивал он, свидетельствовало о том, что партбюро, которое уже в течение целого года отказывало ему в какой-либо помощи, вовсе не заинтересовано в том, чтобы разобраться в истинном положении дел, а искажает доказанные факты с целью дискредитировать его, Дымшица.

Уход этого человека «пробил брешь в нашей и в моей личной жизни и работе»[70], признавался Ю. Кучински в мае 1949 г., открывая длинный ряд благодарственных слов и изъявлений дружбы в адрес Дымшица. Официальная версия была такова, что Дымшиц захотел вернуться к своей академической карьере, прерванной войной[71]. Истинные же обстоятельства его отставки нигде не упоминаются. На эту тему было наложено табу, которое строго соблюдал и сам Дымшиц: описывая в мемуарах конкурс переводчиков, он и директор Дома культуры Валерий Полтавцев с гордостью писали о нем как о новаторском мероприятии, печальных же последствий его не упоминали[72].

Навязанное раздвоение сознания?

Итак, коррективы, которые надлежит внести в гармоничные картины воспоминаний и в отлакированное изображение событий, преподносимое официальной историографией, несут с собой больше вопросов, чем ответов. Применительно к сфере культуры и тем, кто в ней работал, сформулировать этот клубок вопросов можно так: были ли культурофицеры на самом деле лишь сравнительно пассивными исполнителями чужой воли, «ничего или почти ничего не подозревавшими симпатичными пешками в несимпатичной игре»[73] – или же они, считая, что находятся на относительно безопасном расстоянии от Москвы, пытались тайком осуществить то, что в Москве было бы немыслимо?[74]. К этому вопросу о степени свободы действий культурофицеров примыкает вопрос об их мотивах: та деликатность в вопросах культурной политики, которую они проявляли в самые первые послевоенные годы, и то, как они обхаживали немецкую интеллигенцию (достаточно вспомнить, например, манифестации «Германия зовет Генриха Манна»), те пышные мероприятия, которые они организовывали в честь выдающихся деятелей искусства, та забота о «культурном наследии», которую они проявляли, – было ли все это лишь надетой из тактических соображений маской, которую с началом холодной войны можно было сбросить и показать скрывавшееся за нею «сталинистское лицо»? Или же культурофицеры отдавали только «непременную дань классовой ненависти» (как выразился Вольфганг Харих)[75] с тем, чтобы оградить свое истинное, в глубине души диссидентское «Я»?

Применительно к двум нашим героям эти вопросы звучат так: прав ли Басистов, утверждающий, что Тюльпанов только внешне изображал «стопроцентного ортодокса», а на самом деле был «слишком умен, чтобы и внутри быть догматиком»?[76] Если так, то с его стороны было вполне последовательно приветствовать в 1968 г. «Пражскую весну» (как сообщает далее Басистов[77]), а первые послевоенные годы в Советской зоне оккупации ностальгически сравнивать со сравнительно либеральной эпохой начала 20-х гг. в СССР[78]. Но как же тогда объяснить догматизм его работ по экономике, написанных в такие времена, когда ему уже не надо было бояться за свою жизнь?

И если Тюльпанов был таким двуликим, то был ли таким же Дымшиц? Если да, то которое из двух лиц было «настоящим» – восторженный любитель и знаток литературы, поклонник Маяковского, стремившийся, словно «археолог», кропотливо откапываать германское искусство, погребенное под руинами нацистской диктатуры[79], заступавшийся за своего земляка-ленинградца Евгения Шварца и за арестованного

немецкого актера и режиссера Густафа Грюндгенса, стремившийся поддерживать дружеские контакты с деятелями германской культуры и, как утверждают, мудро и иронично заявлявший, что ему вообще неведомо что́ такое социалистический реализм[80]? Или же истинным был убежденный коммунист Дымшиц, решительно выступавший как раз за тот самый социалистический реализм[81], против экспрессионизма, формализма и декадентства[82], после возвращения в СССР превратившийся, по словам Х. Майера, в «оголтелого сталиниста»[83] и даже еще в 60-е и 70-е годы публиковавший памфлеты об «идеологической борьбе в литературе и эстетике» [84] и о «нищете советологии и ревизионизма»[85]?

Представлять тюльпановых и дымшицев жертвами обстоятельств или считать их «раздвоенными личностями», называть их «неоднозначными», «противоречивыми», «многоликими» – хорошо, если желать найти извинения для их «сталинистских перехлестов», сохраняя их имидж объектов всеобщих симпатий. Но все же это по необходимости будет спекулятивной и, в конечном счете, неадекватной конструкцией.

С одной стороны, некоторое «раздвоение сознания» – разделение на доминирующую социальную роль и на «подлинное Я» со всеми его остаточными явлениями и нишами, но и с механизмом самоцензуры (решавшей уже на уровне мысли, что официально можно, а что нельзя говорить), было одним из характерных признаков «публичной сферы»[86] сталинской эпохи. С другой стороны, поступки и публикации культурофицеров не поддаются исчерпывающей классификации по этой схеме. Может быть, вопрос следует ставить совсем иначе и искать не факторы расщепления, а, наоборот, те факторы, которые обеспечивали единство личности и, в некоторой (может быть, даже значительной?) степени, интегрировали то, что кажется несовместимым.

Культура сталинской эпохи как «руководящая и направляющая» модель

Ключ к разгадке, как будет показано ниже, следует искать в культуре сталинской эпохи, которая была для культурофицеров «руководящей и направляющей» и стала таковой для Советской зоны оккупации Германии и затем для ГДР. Разумеется, было бы недопустимым обобщением говорить о некой единой модели культуры сталинских времен, но, с другой стороны, и это было бы оправданно постольку, поскольку с начала 30-х гг. в СССР для литературы и изобразительного искусства были заданы общеобязательные институциональные, идеологические и эстетические рамки. Шедшая в 20-х гг. борьба различных направлений и группировок писателей и художников, – борьба, в которой решался, в частности, вопрос о гегемонии (кто может, а кто не может претендовать на право говорить от имени партии?), – была окончена вмешательством сверху, соперничавшие группы были в 1932 г. распущены, а члены их вошли в новообразованный Союз советских писателей[87]. В качестве творческого метода на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934) был закреплен социалистический реализм. Что это значило, стало ясно лишь постепенно.

Установление нового порядка писатели сначала приветствовали, потому что оно сулило окончание жестоких усобиц и означало востребованность «инженеров человеческих душ» для участия в строительстве социализма. Приобщение интеллиген-

ции к этой задаче обеспечивалось также на основе концепции «культурности», которой Сталин придавал большое значение: под культурностью подразумевался, во-первых, культурный образ жизни (проводились целые кампании с целью насадить дисциплинарные, гигиенические и этикетные нормы в обществе, социально фрагментированном и даже «одичавшем» в результате революции, гражданской войны, коллективизации и форсированной индустриализации); во-вторых, концепция культурности означала, что фаза революционного аскетизма окончена, а новой элите советского общества – рабочим-ударникам, партийно-государственным функционерам и новым «капитанам индустрии» – гарантируется определенный стиль жизни – советский, хотя и вполне мелкобуржуазный по своему содержанию: потребительские блага[88], модные вещи, гардины, абажур и фикус в кадке[89]. В 30-е гг. существовала такая дразнящая двойственность: наряду с репрессивным насилием террора действовала моделирующая власть положительных образцов для формирования идентичности. Новый советский человек формировался с помощью кнута *и* пряника. В-третьих, концепция культурности обеспечивала возможность социальной реабилитации для «старорежимной интеллигенции». Она как «отдельный класс мандаринов» была лишена своей прежней власти, деклассирована и унижена, а теперь партия большевиков переняла ее ценности и эстетические представления, а ее саму приглашала к активному участию в новой советской празднично-досуговой культуре (в частности, речь идет о крупномасштабных праздничных мероприятиях в 1937 г., посвященных столетию со дня гибели А.С. Пушкина)[90].

Эта перемена объясняет – согласно тезису, сформулированному Вольфгангом Шифельбушем, опиравшимся, в свою очередь, на тезис Шейлы Фицпатрик[91], – то неожиданное обстоятельство, что культурофицеры были не наскоро выкованными кадрами рабоче-крестьянского происхождения, а выходцами из среды старой интеллигенции и крупной буржуазии. Вытеснение же пролетарско-революционных и авангардистских концепций новыми консервативными догмами позволяет увидеть культурную политику в Советской зоне оккупации Германии в ином свете: поддержка традиционной буржуазной культуры (например, Томаса Манна, Герхарта Гауптмана, Вильгельма Фуртвенглера) русскими культурофицерами на этом фоне выглядит вполне логичной, а не «чуждой или даже противной [советской] системе»[92].

Однако программа насаждения культурности основывалась не на внезапной смене ценностей, она представляла собой сталинистское завершение давно начатых процессов. Радикальные требования пролеткультовцев и футуристов «во имя нашего Завтра» сжечь Рафаэля, разрушить музеи и растоптать цветы искусства[93] или сбросить «с парохода современности» Пушкина, Достоевского и Толстого[94] Ленин уже в 1920 г. однозначно отверг. Это объяснялось не только его личными вкусами, но и прагматическими соображениями, а также тем, что после победоносной революции было трудно сформулировать руководящие принципы для такого искусства, которое было бы адекватно новому общественному устройству и, при этом, стояло бы и на достаточно высоком качественном уровне. От литературы требовалось воспитывать человека, но, кроме того, быть эстетически убедительной, а произведения писателей-пролеткультовцев считались не дотягивавшими до уровня прежней русской литературы, футуристические же произведения – слишком элитарными.

Литература, писательство в России уже в XIX в. имели иное значение, нежели в культурах Запада, устроенных по-другому. Через эстетическую функцию русский

Обрезанный Ленин с испуганным взглядом – прислоненная к стене побледневшая икона

писатель – одновременно художник и проповедник – хотел и должен был донести до читателей «некую метафизически обоснованную истину»; слово поэта приобретало «характер откровения»[95]. Ленин и, в особенности, Сталин еще больше усугубили это привилегированное положение литературы и культ деятелей искусства (в ущерб их автономии, конечно): в слове они видели действенную силу и, следовательно, педагогический потенциал, способность исполнить заданный «социальный заказ», но, вместе с тем, они боялись и обратной стороны этой действенности слова, которая могла оказаться подрывной силой. «Забота» о литературе, которую партия и правительство проявляли в форме возвеличивания одних и травли других литераторов, – одна из наиболее неоднозначных специфических характеристик советского режима.

Ленин говорил о том, что задачей современного общества является не выдумывание некой новой культуры, но «*развитие* лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»[96], закономерное развитие «тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[97]. Впоследствии из этого сложилась доктрина, которая в 30-е гг. заняла центральное положение в советском культурном самосознании. Доктрина эта базировалась на очень важном смещении модальности: если сначала Сталин в противоположность требованию всемирной и перманентной революции, выдвигавшемуся Троцким, утверждал в качестве политического ориентира *возможность* построения социализма в одной, отдельно взятой, стране, то в 30-е гг. неожиданно речь как о *факте* стала идти о том, что в СССР уже достигнута «полная победа социализма».

Тем самым, была оборвана телеологическая силовая линия, ведшая в светлое будущее, которая всегда была характерна для марксистского движения, как и ориентация на будущее, типичная для футуризма и других утопических концептов[98]: теперь будущее откладывалось на неопределенное время, оно превратилось в вечность, и движение к нему стало самодовлеющим. Сталинская эпоха рассматривала себя как «эсхатологическое время после конца истории»[99]. Знаменитые слова Сталина «жизнь стала лучше, жизнь стала веселее», сказанные в 1935 году, означали, что обещание выполнено. Чем больше Советский Союз понимался как последнее слово истории, тем интенсивнее становились усилия, направленные на административное насаждение (например, с помощью дебатов о формализме и натурализме, которые были способом задания нормы, или требований «чистоты» языка) того идеального искусства, которое призвано было в репрезентативных произведениях выразить это ощущение завершения пути. Всевозможные разновидности «формализма» и «натурализма» представляли собой не только отклоняющиеся от канона *эстетические* решения: за ними стоял иной подход к миру, и те, кто ведал политикой в области культуры, внимательно за этим следили. На этом уровне бесчисленные культурно-политические кампании (сначала в СССР[100], а потом в Советской зоне оккупации Германии и в ГДР) представляются попытками как бы насильственно обеспечить «истинность фиктивного мира» (формулировка Ханны Арендт[101]), которая в гармоничной целостности эстетизирует «новую жизнь». Но, как и идеальное общество, идеальное произведение искусства нуждается в том, чтобы его вновь и вновь приводили к нормативному образцу[102], постоянно контролировали и проверяли на предмет отклонений от модели. Пусть нельзя было декретом осуществить ожидание Сталина, что наступит новый классический век, но возникла легенда о новом человеке и о Стране Советов как о земле, где царят достаток и изобилие, а эксплуатации и отчуждения трудящихся от продуктов их труда более не существует.

Представление о том, что СССР, построивший социализм, достиг конечной и высшей точки всей истории, предполагало убежденность в том, что строители социализма обладают «правдой» и знают «законы развития человечества» (об этом писал Ромен Роллан в 1936 г.[103]). Поскольку в этой конечной точке замыкается круг прошлого, то с этой высшей точки, обладая полнотой знания, можно было оглянуться на прошлое и принять наследство всех традиций, расцениваемых как хорошие и правильные, а прочие – отринуть. Понятие «наследство», происходящее из юридического языка, предполагает, что человек, «получающий» его, принимает на себя право собственности на некое «имущество», и может распоряжаться им[104]. Это привело в 30-е гг. к важному повороту в историографии и патриотическом воспитании, – повороту, имевшему отчасти явно националистические оттенки. В обращенной лицом к прошлому, но антиисторичной культуре сталинской эпохи[105] были воскрешены славянофильские теории о русской особости или мессианском предназначении России как избранной страны. Страна самовлюбленно воспевала собственное национальное величие и героическое прошлое, создавала галерею образов славных богатырей, героев, бояр и царей.

Изменение схемы времени сопровождалось изменением схемы пространства: местом, где исполнились все чаяния, и центром мира стал теперь Советский Союз, земля начиналась от Кремля, а над всем этим в недосягаемой выси находился Вождь – Сталин. Восхваление Советского Союза и почитание Сталина – как тогда говорили, «безграничная любовь, пламенная вера в Первого Строителя социализма»[106] – обра-

зовывали две стороны этого культа абсолютной власти вождя. Все советское: политика, экономика, наука, культура – в этой исполненной самолюбования картине мира было самым лучшим и самым передовым на планете, и достойной этого стилистической фигурой было постоянное употребление прилагательных в превосходной степени.

Иерархии устанавливались во всех областях, в том числе и в литературе: «Маяковский *был и остается* лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»[107], – постановил Сталин в 1935 г. По случаю столетия со дня смерти (1937) Пушкин был сделан национальной иконой[108]; в качестве «великого поэтического гения Германии» был канонизирован Гёте[109]. Определено было не только *кого* считать образцом, но и *что* из его произведений считать удачным, и *как* это следует читать. В биографических, а лучше сказать – агиографических, восхвалениях Маяковского, например, акцент нельзя было делать на его авангардистских экспериментах с формой, а следовало подчеркивать, что эта фаза была вскоре им преодолена благодаря революционной сознательности и последовательному отходу от футуристического сектантства[110].

В то же время, гордая пирамида советского общества имела и свою тень – столь же разработанную отрицательную иерархию, спускавшуюся в преисподнюю. Населяли ее бесчисленные «вредители», «уклонисты» и «диверсанты», от которых страну стремились «очистить». Предводителем этих сил был Троцкий – демонический антагонист Сталина. К царству тьмы относился и Запад. Возвышение Советского Союза и его достижений над всеми остальными странами означало принижение Других, Чужих, не допускавшее ни свободных обмена, торговли и сообщения, ни свободного сравнения. Если коммунистическое движение начала XX в. было интернациональным и по целям, и по составу, то после того, как Сталин начал строить социализм в одной, отдельно взятой, стране, все иностранное стало восприниматься с подозрением. Уже тогда, в 1934 г., Жданов сформулировал «теорию двух лагерей» о «противоположности между нашей системой, системой победившего социализма, и системой отмирающего, загнивающего капитализма»[111]; в 1947 г. эта теория антагонистического противостояния с классовым врагом была провозглашена вновь.

Границы СССР были наглухо закрыты, всякое их пересечение контролировалось с максимально возможной строгостью; международные пассажирские перевозки были резко сокращены, а внутри страны мобильность как иностранцев, так и советских граждан была крайне затруднена. Это была изоляция пространства в географическом и в метафизическом смысле: государственная граница все больше и больше обретала значение водораздела между Добром и Злом. Запад был враждебным антимиром, в котором царили разложение, гниль и упадок. Это разделение между «мрачным воинством империализма, которое хочет выкопать человечеству могилу», и «светлыми силами социализма»[112] было определяющим принципом сопоставления Востока и Запада в течение последующих лет правления Сталина.

Таким образом, картина мира, насаждавшаяся в тридцатые годы, была глубоко манихейской; как свидетельствуют многочисленные высказывания культурофицеров, даже наиболее выдающиеся из них усвоили эту картину. Они прибывали в Германию с ярко выраженным сознанием собственной миссии и ощущали себя представителями и более передового общественного строя, и более прогрессивного искусства, причем победа во Второй мировой войне как бы служила доказательством этого превосходства[113]. Обладая этим знанием, они уже могли судить и отбирать из «со-

кровищницы человечества» то, что могло пригодиться. Культурные богатства прошлого, писал Дымшиц, теперь попали к законным «наследникам великой гуманистической культуры прошлого»[114]. Этот процесс селекции естественно предполагал, что, как отмечал Тюльпанов при открытии Дома культуры Советского Союза, «при критическом подходе к прошлому многое было отклонено и отвергнуто»[115].

Почитание классиков и великих реалистов XIX и XX столетий было, таким образом, не тактическим маневром, а неотъемлемой составной частью той модели литературы, которой были привержены культурофицеры. Дымшиц ссылался на «ленинскую критику сектантства пролеткульта» и «нигилистических позиций по отношению к классическому наследию», которое было «чрезвычайно полезно» для «полемики с приверженцами так называемого авангардистского искусства и хулителями классического наследия, каковых в то время среди деятелей искусств было немало»[116]. Это уважение к традиции, вошедшее в основу концепции «Культурбунда за демократическое обновление Германии», оказалось действенным средством привлечения широких слоев интеллигенции и надежным инструментом для преодоления исторического фатализма и культурного пессимизма[117], – но это было скорее побочным эффектом, хотя и очень удачным для дела мобилизации симпатий. Упование «на силу извечно человеческого»[118] возбуждало у немцев различные ожидания и опасения по отношению к советским оккупационным властям, однако, с точки зрения большинства населения Германии, выглядело как весьма многообещающий признак. Правда, оно вызвало недовольство у всех тех, кто ожидал, что приход Красной Армии будет означать революцию в области искусств[119]; кроме того, у живых мастеров не было шансов выиграть конкуренцию у канонизированных – и потому «безопасных» – мертвых[120].

Социалистический реализм отнюдь не означал отказ от традиций: в советской руководящей культуре он понимался как наивысший синтез прежних выразительных форм и эквивалент их наиболее полного проявления. Он был возведен в ранг «своего рода метаязыка для символического описания мира как советской вселенной»[121]. Дымшиц, который в Советской оккупационной зоне сначала пропагандировал соцреализм, а потом и требовал его, объяснял его именно в этом смысле, как отбор и соединение лучшего: социалистический реализм, говорил он, следует понимать отнюдь не только как продолжение критического реализма XIX в., ведь он «унаследовал и все другие наивысшие достижения художественного развития человечества, во всем разнообразии их выразительных стилей»[122].

Искусство социалистического реализма в плане формы и содержания следовало понимать не ретроспективно: достижения прошлого в нем суммировались для творческого преобразования современности. По мере того как в противоречивой поначалу политике СССР в отношении Германии все яснее определялась тенденция к включению Советской зоны оккупации в сферу абсолютного влияния Москвы, все более наступательным становился и тон, которым провозглашались регулятивы в области искусства – как запреты, так и требования, – нацеленные на то, чтобы формировать самовосприятие и самоописание восточных немцев как части этой советской вселенной.

Отвергнуты были те художественные течения, которые были сочтены непригодными для прославления и созидания нового человека, пребывающего в гармонии с самим собой и с обществом. Уже через три месяца после окончания войны Дымшиц заклеймил, например, экспрессионизм как художественно несостоятельный ответ на

войну, показавший свою негодность еще после Первой мировой: «Экспрессионизму недоставало нераздробленного охвата темы, глубокого ее анализа и четкой идеологической перспективы. Он предлагал лишь рваные эмоции, вскрики больной, израненной души, порой одни только мистические заклинания»[123].

Среди же «черт нового искусства» автор отмечал следующие: «Оно насаждает в сердцах читателей идеалы нового человечества. На этом основывается его созидательная, движущая сила»[124]. Таким образом, предполагалось, что, являя людям образцы доброго и прекрасного, искусство оказывает прямое, катарсическое воздействие. А все отрицательное и отвратительное рассматривалось как естественное выражение присущего западному лагерю упаднического модернизма с его расщепленностью индивида и раздробленностью жизненного опыта.

Все жестче становился тон, которым от художников требовали прославлять прекрасное новое социалистическое настоящее и осуждали фиксацию внимания на прошлом как непозволительную потерю темпа в социалистическом строительстве. Слышались все более гневные упреки в адрес литературы, что она отстает от «стремительно текущей жизни»[125]. Риторика возвышенности всего советского и социалистического предполагала исключение или обесценивание всего отклоняющегося от нормативной модели; в первую очередь, это касалось антагонистического западного полушария. Начиная с рубежа 1947–48 гг. «холодная война» задавала те рамки, в которых нашла свое полное развитие риторика биполярного противостояния, борьбы прогрессивной, мирной культуры социализма против упаднической, тоталитарной, милитаристской «культуры» империализма. «Два мира противостоят друг другу: мир расцветающего социализма и мир загнивающего, обреченного на неотвратимую смерть капитализма»[126], – так звучала новая направляющая идеологема, которая, правда, по своей структуре и своим обоснованиям лишь повторяла то, что сказал Жданов еще в 1934 г.

* * *

В литературе уже достаточно часто описывались перемены, происходившие в Советской зоне оккупации в 1945–1949 гг., равно как и изменение политики СССР в отношении Германии, вообще, и проводимой там культурной политики, в частности[127]. Ильзе Чертнер резюмирует эту эволюцию следующим образом:

> Советская оккупационная политика за годы с 1945 по 1949 проделала заметную эволюцию, которую можно выразить такой формулой: от попытки создания многопартийной системы, основанной на демократических выборах, к единовластию СЕПГ […] и к открытому политическому диктату. […] Культурная политика Советской военной администрации очевидным образом напрямую зависела от внешней политики СССР; в ней тоже можно проследить резкую перемену, формула которой приблизительно такова: от подчеркнутого великодушия и поразительно, даже непостижимо лестной для немецкого национального чувства мирно-консервативной позиции, провозглашавшей воскрешение «лучших немецких» традиций в искусстве, а именно – традиций буржуазно-гуманистических, демократических и антифашистских, – к враждебным нападкам на современное искусство, охаиванию его как «формализма и упадничества», к борьбе против «космополитизма» (что значило – против культурной открытости по отношению к Западу) и против «низкопоклонства», к пропаганде социалистического реализма, поверяемого «здравым народным чувством»[128].

И, действительно, этот процесс сужения перспектив и опускания железного занавеса можно наблюдать во многих сферах и зачастую сравнительно точно датировать, хоть и идут по сей день споры о том, произошла ли на самом деле (и если да, то почему) смена политики или же, начиная с 1947/1948 гг., просто ускорились трансформационные процессы, которые начались задолго до того. Не прекращаются и дискуссии о том, в какой мере осуществлялась «советизация» извне, а в какой и где происходила дополнявшая, превосходившая или смягчавшая ее собственная внутригерманская эволюция[129]. Вдаваться здесь в эту дискуссию нет необходимости.

Многие писатели и интеллектуалы восприняли отход от «социализма голубеньких цветочков» (как назвал его Клаус Гизи в апреле 1948 г. на одном заседании писателей-членов СЕПГ) и ставшие категорическими предписания советских властей в области политики и искусства как обострение конфронтации. Гизи говорил: «Многие еще стоят в стороне от очевидных столкновений наших дней, они еще не поняли, в чем заключаются коренные вопросы идейного противостояния. Мы должны фронтальным ударом двинуться на разрешение идеологических проблем»[130].

Прежняя политика широкого антифашистского консенсуса, под знаменем которой возглавлял «Культурбунд за демократическое обновление Германии» Иоханнес Бехер, отжила свое[131]. Теперь уже недостаточно было лояльности по отношению к государству и правительству, теперь требовалась уже активная идейная позиция, однозначный выбор за или против: например, участие в «борьбе за мир во всем мире» (причем демаркационную линию между лагерем борцов за мир и лагерем врагов мира определяли в Москве), принятие «социального заказа», который после введения планового хозяйства стали выдавать в ГДР и деятелям искусств. Борьба за выполнение плана «невзирая на реакционное сопротивление и саботаж врагов народа – суровая борьба, – говорил Антон Акерман на конференции “Художники и писатели и их место в двухлетнем плане” в сентябре 1948 г., – и никто не может оставаться в стороне от нее. Каждый писатель и каждый художник в своей работе будет либо отвергать, либо утверждать выполнение двухлетнего плана, препятствовать ему или способствовать»[132]. Писатели теперь уже превратились в культурно-политические кадры: их объединили в организацию, школили и проверяли: в 1950 г. по советскому образцу был создан Союз писателей, были учреждены национальные премии, в 1951 г. возникли Управление литературы и издательского дела и Государственная комиссия по делам искусств.

Писатели получали много выгод от предоставленных им привилегий и от того ореола всеобщего почитания, которым, как и в России, жизнь и творчество деятеля искусств были окружены в Советской зоне оккупации Германии и в ГДР. Но – и в этом тоже было сходство с положением их советских коллег – у такого статуса была и оборотная сторона: литературные произведения и вопросы искусства оказались в ведении высших партийных и государственных органов. Это было сомнительное благо: «внимание» властей проявлялось в бесчисленных кампаниях, призванных дисциплинировать интеллектуалов и заставить их «писать по-настоящему». Кульминационным пунктом стало, несомненно, принятое на Пятом заседании ЦК СЕПГ в марте 1951 г. постановление «Борьба против формализма в искусстве и литературе, за прогрессивную немецкую литературу», которым социалистический реализм был предписан в качестве общеобязательного художественного метода[133].

Эта кампания, впрочем, лишь привела к логическому завершению процесс, начавшийся гораздо раньше. В период между 1945 и 1949/1951 гг. *политика* в области

культуры переживала серьезные изменения, однако, не происходило принципиального изменения *концепции* искусства – такой, о которой говорится, например, в процитированном выше резюмирующем пассаже из И. Чертнер. То, что в этом пассаже представляется как разворачивавшийся во времени последовательный переход от «мирно-консервативной» позиции к «враждебным нападкам на современное искусство» и к проведению в жизнь принципов соцреализма, включая борьбу с «формалистическими вывертами», на самом деле, в сталинской советской культуре, игравшей руководящую роль в культурной жизни Восточной Германии, существовало одновременно. На фоне этой «руководящей культуры» те действия, устные и письменные высказывания ее представителей в Советской зоне оккупации (Тюльпанова и Дымшица следует назвать, в первую очередь, не только ввиду их должностного положения[134]), которые, на первый взгляд, кажутся столь разнородными, обнаруживают неожиданное внутреннее единство.

Их кажущаяся противоречивость есть лишь проявление двуликой природы самой этой культуры: свой сияющий лик она являла там, где слово «Человек» писалось с большой буквы, где пропагандировалась возвышенная идея благородного дела, где знаменем служили понятия «демократия» и «мир», нагруженные магическим содержанием, где поэтов чтили и искусство возводили на пьедестал. А свою обезображенную отвращением гримасу она показывала тогда, когда карала отщепенцев, искореняла уклоны, расправлялась с вредителями, врагами мира, Западом, формалистами, короче говоря, – со всеми, кто пятнал идеал. И оценка как периода сталинизма в СССР, так и послевоенной эпохи в Советской зоне оккупации Германии и в ГДР, зависит по сей день от того, в которое из этих двух лиц посмотреть.

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной и Кирилла Левинсона

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Borgelt H.* Das war der Frühling von Berlin oder Die goldenen Hungerjahre. Eine Berlin-Chronik. – München, 1980.

[2] Культурофицеры (от нем. Kulturoffizier) – название, которое, по воспоминаниям Е.А. Кацевой, не использовалось в первое время после окончания войны: его «придумали позднее, для обозначения сотрудников военных администраций союзнических войск, которые работали в Германии в области культуры». См. *Кацева Е.А.* Мой личный военный трофей // Знамя. № 1 (2002). URL http://magazines. russ. ru/znamia/2002/1/kats-pr. html. (*Прим. перев.).*

[3] См. *Reinhardt R.* Zeitungen und Zeiten. Journalist im Berlin der Nachkriegszeit. Köln, 1988. S. 77–79. «Tägliche Rundschau» – немецкоязычная газета СВАГ. (*Прим. перев.*).

[4] *Burghardt M.* Ich war nicht nur Schauspieler. Erinnerungen eines Theatermannes. – Berlin – Weimar, 1983. S. 301.

[5] См. напр.: Серия статей И. Кречмар к 25-летию Общества германо-советской дружбы в журнале «Freie Welt» за 1972 г., № № 24, 33, 40: *Kretzschmar I.* Fragen an einen alten Freund [A.W. Kirsanow]; dies. «… ein Stück Herz blieb hier!» [S. I. Tjulpanow]; dies. «… und mehren mit junger Kraft» [A.L. Dymschitz]; см. также серию статей «Встречи с советскими культурофицерами» к 30-летию Освобождения в «Sonntag» за 1975 г., № № 10, 12, 13, 15, 16: «Ich habe etwas zu essen beschafft…» [Arseni Gulyga]; Der Anfang von Schönheit und Reichtum [Lew Dubrowizki]; Mein erster Tag begann abends um zehn [Alexander Kirsanow]; Vier Episoden [Wolodja Ruban]; Bis jetzt noch geht mich alles an [Jewgenija Kazewa].

[6] *Rentmeister M.* Beratung bei Generalmajor Kotikow // Im Zeichen des roten Sterns. Erinnerungen an die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft / Hrsg. vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. 2. Aufl. – Berlin, 1975. S. 465.

[7] *Abusch A.* Aus den ersten Jahren unserer Kulturrevolution // … einer neuen Zeit Beginn. Erinnerungen an die Anfänge unserer Kulturrevolution / Hrsg. vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED und vom Kulturbund der DDR. – Berlin–Weimar, 1981. S. 61.

[8] *Borgelt H.* Das war der Frühling von Berlin. S. 201.

[9] Цит. по: *Schivelbusch W.* Vor dem Vorhang. Das geistige Berlin, 1945–1948. – München–Wien, 1995. S. 55–56.

[10] *Chamberlin B.S.* Kultur auf Trümmern. Berliner Berichte der amerikanischen Information Control Section Juli – Dezember 1945. Stuttgart, 1979. S. 20–21. В отчете американской военной администрации от 10 июля 1945 г. (OMGUS 5/35–3/4) отмечалось: «Основной интерес русских заключается в восстановлении культурной активности любой ценой, так что они, за исключением наиболее одиозных случаев, терпят включение в работу бывших нацистов». (Ebd. S. 20, Anm. 26).

[11] *Дымшиц А.* Звенья памяти. Портреты и зарисовки. 2 изд. – М., 1975. С. 275.

[12] Такое сравнение проводит, например, Сергей Тюльпанов: *Tulpanow S.* Vom schweren Anfang // Weimarer Beiträge. 13 (1967). H. 5. S. 731. В другой статье этот период «бури и натиска» он характеризует как «маленькую Октябрьскую революцию» и пишет в связи с этим: «…это было начало чего-то совершенно нового. Мы все чувствовали романтику переворота в мышлении». – Zeit des Neubeginns. Gespräch mit Sergej Tjulpanow // Neue Deutsche Literatur. 27 (1979). H. 9. S. 52–53. Возможно, в том же самом ностальгическом смысле надо понимать слова Дымшица о том, что в первые послевоенные годы «соблюдался принцип, который в СССР в двадцатые и начале тридцатых годов принес реальную пользу, – принцип свободной, широкой творческой дискуссии». – *Dymšic A.L.* Literaturbeziehungen zur Sowjetunion am Neubeginn (1945–1949) // Begegnung und Bündnis. Sowjetische und deutsche Literatur. Historische und theoretische Aspekte ihrer Beziehungen / Hrsg. von G. Ziegengeist. – Berlin, 1972. S. 64. О том, какой иной смысл можно увидеть в таких пассажах, см. *Schivelbusch W.* Vor dem Vorhang. S. 57.

[13] *Theek P.* Vorwort // *Weiss G.* Am Morgen nach dem Kriege. Erinnerungen eines sowjetischen Kulturoffiziers. – Berlin, 1981. S. 7. (*Вайс Г.* Утром, после войны. Очерки. – М., 1977). В то же время, в исследованиях и в мемуарах говорится и о трудностях, – для некоторых непереносимых, – связанных с тем, что восстановительная, созидательная работа делалась для народа, который совсем недавно был врагом и принес столько страданий стране, а часто родным и близким советских культурофицеров.

[14] *Schulmeister K.-H.* Einleitung // … einer neuen Zeit Beginn. S. 14–15.

[15] *Theek P.* Vorwort. S. 11.

[16] *Schulmeister K.-H.* Einleitung. S. 15. Сергей Иванович Тюльпанов также подчеркивает разницу между «социалистической» и «империалистической» оккупацией: *Tjul'panov S.I.* Die Hilfe der Sowjetunion bei der demokratischen Neugestaltung von Wissenschaft und Kultur nach 1945 // Deutschland – Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit. – Berlin, 1966. S. 185.

[17] См. *Bassistow J.* Zwischen Kultur und Ideologie. Zur Kulturpolitik der SMAD // Bildung und Erziehung. 45 (1992). S. 393–403; Ders. Oberst Tjulpanow und die Bildungs- und Kulturpolitik der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 1996. S. 305–317; *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. – М., 1995; Hochschuloffiziere und Wiederaufbau des Hochschulwesens in Deutschland 1945–1949. Die Sowjetische Besatzungszone / Hrsg. von M. Heinemann. – Berlin, 2000; *Чубинский В.* Моя «оккупация» Германии. Русский офицер в Берлине и окрест 1946–1950. – СПб., 2005.

[18] C.W. Eine verfehlte Mission // Der Tag. 9. März 1949.

[19] *Andreas-Friedrich R.* Schauplatz Berlin. Tagebuchaufzeichnungen 1945 bis 1948. – Frankfurt a. M., 1986. S. 123. – Макар Иванов был московским другом юности Лео Борхарда, дирижера Берлинского филармонического оркестра. Они снова встретились в Берлине, где Иванов работал переводчиком в советской спецслужбе. Иванов был арестован вскоре после того, как к нему на службу заехала спутница жизни Борхарда Рут Андреас-Фридрих в сопровождении английского полковника, чтобы сообщить о трагической смерти музыканта, которого по ошибке застрелил американский патруль. По свидетельству очевидца, М. Иванова пытали, а потом он исчез.

[20] Цит. по: *Вайс Г.* Утром, после войны. С. 40–41.

[21] *Kuby E.* Die Russen in Berlin. Neuaufl. – Rastatt, 1988. S. 330.

[22] «О них вспоминали с дружеским уважением и даже удивлением, как о большом приятном разочаровании». – *Tschörtner I.* «Die Seelen der Deutschen erobern». Über die Kulturoffiziere der SMAD // Berliner Debatte. 1994. H. 1. S. 99.

[23] *Brecht B.* Arbeitsjournal. Bd. 2: 1942–1955 / Hrsg. von W. Hecht. – Frankfurt a. M., 1974. S. 533.

[24] См. наглядное описание этого типа в кн.: *Schivelbusch W.* Vor dem Vorhang. S. 59–60.

[25] *Mayer H.* Ein Deutscher auf Widerruf. Erinnerungen. – Frankfurt a. M., 1984. Bd. 2. S. 15.

[26] *Kantorowicz A.* Deutsches Tagebuch. – Berlin, 1978. Bd. 1. S. 282. Канторович вспоминает, что Тюльпанов, питавший к нему личное расположение, оказывал поддержку издаваемому им журналу «Ost und West» перед лицом нападок со стороны функционеров СЕПГ (там же. S. 581).

[27] О Тюльпанове См. *Naimark N.M.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. – Cambridge (Mass) – L., 1995; *Strunk P.* Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. – Berlin, 1996; *Creuzberger S.* Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. – Weimar [u. a.], 1996; *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945 bis 1953. – Berlin, 1998; *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion. – Berlin, 1999; *Бонвеч Б.*, *Бордюгов Г.*, *Неймарк Н.* СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов 1945–1949. – М., 1994.

[28] Special Intelligence Summary. The Other Zones of Germany. Part II. Political Developments in the British, French and Russian Zones. 22.11.1947. – Bundesarchiv (BArch) Koblenz: OMGUS ODI 3/429–3/9. Историки ГДР тоже считали Тюльпанова «пламенным пропагандистом марксизма-ленинизма» – см. *Doernberg S.* Befreiung. Ein Augenzeugenbericht. – Berlin, 1985. S. 201.

[29] Д. Штариц цитирует составленный Тюльпановым в начале мая 1948 г. 26-страничный меморандум, который предусматривает для восточной части разделенной Германии «развитие по типу новых демократий» – см. *Staritz D.* Die SED. Stalin und die Gründung der DDR. Aus den Akten des Zentralen Parteiarchivs // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 1991. B 5. S. 5.

[30] *Handel G.* Zum internationalistischen Wirken von S.I. Tjulpanow als Politoffizier der Sowjetarmee // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1976. H. 4. S. 360.

[31] Об изменениях кадрового состава и кадровой политики СВАГ См. *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration. S. 202–214.

[32] Ebd. S. 100–101.

[33] Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (далее: РГАСПИ, бывш. РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 475. Цит. по: *Creuzberger S.* Op. cit. S. 36. Anm. 86.

[34] Организационная структура Управления информации неоднократно преобразовывалась, численность отделов и сотрудников менялась постоянно. См. *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration. S. 143–146.

[35] *Handel G.* Zum internationalistischen Wirken. S. 360–361.

[36] Отдел культуры сначала подчинялся Управлению народного образования и только в 1946 г. вошел в Управление информации. См. *Köhler R.* Die Zusammenarbeit der SED mit der SMAD bei der antifaschistisch-demokratischen Erneuerung des Hochschulwesens (1945–1949). – Berlin, 1985. S. 65. В другой работе говорится, что это слияние произошло только в 1947 г. Ср. *Feige H.-U.* Aspekte der Hochschulpolitik der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (1945–1948) // Deutschland Archiv. 25 (1992). S. 1169.

[37] См. *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) // SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1946–1949 / Hrsg. von M. Broszat / H. Weber. – München, 1990. S. 7–69; Ders. Sowjetische Militäradministration; ср. также *Захаров В.В.* / *Филипповых Д.Н.* / *Хайнеман М.* Материалы по истории Советской Военной Администрации в Германии 1945–1949 гг. 2 тт. – М., 1998 и 1999.

[38] Возможно, имидж культурофицеров «отличался в лучшую сторону» от прочих советских военных в том числе и потому, что они общались с немецким населением, будучи одеты в граждан-

ское. Тюльпанов утверждает, что он лично добился разрешения на это у Жукова. См. *Tjulpanow S.* Deutschland nach dem Kriege. S. 48.

[39] *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration. S. 136. Фойцик отмечает: «Как стало теперь известно, в мемуары Жукова его фамилия тоже была вписана задним числом: в черновике Жуков не вспомнил о полковнике [Тюльпанове]». – Ebd. S. 137.

[40] Ср., например, его выступление на I Германском конгрессе писателей – об этом см. *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Kontroverse Ost/West. *Der I.* Deutsche Schriftstellerkongreß – ein Beginn des Kalten Krieges // Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. 17 (1992). H. 1. S. 66–92; *Gansel C.* Parlament des Geistes. Literatur zwischen Hoffnung und Repression 1945–1961. – Berlin, 1996, особенно S. 61–62.

[41] См., прежде всего, *Dymschitz A.* Warum wir gegen Dekadenz sind // Tägliche Rundschau. 21. März 1948; Ders. Über die formalistische Richtung in der Malerei // Tägliche Rundschau. 19. und 24. November 1948.

[42] Подготовка этой кампании началась уже в 1943 г. См. *Бабиченко Д.Л.* И. Сталин: «Доберемся до всех». (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг.) // Исключить всякие упоминания… Очерки истории советской цензуры / Сост. и автор предисл. *Горяева Т.М.* – Минск – М., 1995. С. 139–188.

[43] См. *Hartmann A.*, *Eggeling W.* Zeitverschiebungen. Sowjetisches Modell und Kulturpolitik im Nachkriegsdeutschland // Text + Kritik 108: MachtApparatLiteratur. Literatur und «Stalinismus» / Hrsg. von F. Meyer-Gosau. – München, 1990. S. 27–37.

[44] Архив ВОКС находится в Государственном архиве Российской Федерации: ГАРФ. Ф. 5283. Д. 16. См. *Naimark N.M.* The Russians in Germany. S. 411–416; *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Sowjetische Präsenz. S. 174–181.

[45] *Strunk P.* Zensur.

[46] См. *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 308.

[47] *Mayer H.* Ein Deutscher auf Widerruf. Bd. 2. S. 15.

[48] См. *Tschörtner I.* «Die Seelen der Deutschen erobern». S. 103.

[49] *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 311.

[50] См. *Azadovskii K.* / *Egorov B.* From Anti-Westernism to Anti-Semitism. Stalin and the Impact oft the «Anti-Cosmopolitan» Campaigns on Soviet Culture // Journal of Cold War Studies. 4 (2002). H. 1. P. 66–80.

[51] См. *Haury T.* Antisemitismus von links. Kommunistische Ideologie, Nationalismus und Antizionismus in der frühen DDR. – Hamburg, 2002, особенно S. 293–428.

[52] См. *Koenen G.* Mythus des 21. Jahrhunderts? Vom russischen zum Sowjet-Antisemitismus – ein historischer Abriß // *Koenen G.* / *Hielscher K.* Die schwarze Front. Der neue Antisemitismus in der Sowjetunion. – Reinbek, 1991, особенно S. 170–174.

[53] Из докладной записки А. Панюшкина, К. Казакова и М. Бурцева А. Жданову о результатах проверки работы Управления пропаганды СВАГ. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 674. Цит. по: *Бонвеч Б.*, *Бордюгов Г.*, *Неймарк Н.* СВАГ. Управление пропаганды. С. 191.

[54] Из записки заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКБ(б) Н. Миронова и заведующего сектором Управления кадров ЦК ВКП(б) И. Катюшкина А. Кузнецову о проверке руководящих кадров СВАГ. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 758. Цит. по: *Бонвеч Б.*, *Бордюгов Г.*, *Неймарк Н.* СВАГ. Управление пропаганды. С. 204–205.

[55] *Bernhardt R.* Die Bedeutung sowjetischer Kulturoffiziere für die Konzeptionsbildung bis 1947 // Zwischen politischer Vormundschaft und künstlerischer Selbstbestimmung. Protokoll einer wissenschaftlichen Arbeitstagung vom 23. bis 24. Mai 1989 in Berlin / Hrsg. im Auftrag der Akademie der Künste Berlin von I. Hiebel [u. a.]. o. O., o. J. S. 43.

[56] Один немец-информатор американской военной администрации в своем донесении от 15 марта 1948 г. даже сравнивал их с офицерами СС. – BArch Koblenz: OMGUS, ODI 7/22–1/10–13.

[57] Из докладной записки А. Панюшкина, К. Казакова и М. Бурцева А. Жданову. С. 191.

[58] Из докладной записки комиссии ЦК ВКБ(б) в составе А. Соболева, В. Полякова, В. Федосеева, В. Немчинова, Г. Константиновского А. Жданову о результатах проверки работы Управления информации СВАГ. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 572. Цит. по: *Бонвеч Б.*, *Бордюгов Г.*, *Неймарк Н.* СВАГ. Управление пропаганды. С. 214.

[59] Докладная записка заместителя начальника Главного Политического Управления ВС СССР С. Шатилова Г. Маленкову об освобождении Тюльпанова от работы – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 567. Цит. по: Там же. С. 233–234. Позже Тюльпанов пытался добиться реабилитации своих родителей.

[60] Об инсценировке отзыва Тюльпанова см. *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 315–316.

[61] См. Советское слово. 26 июня 1948 г.

[62] О т. Тюльпанове С.И. Решение Секретариата ЦК ВКП(б) – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 567. Цит. по: *Бонвеч Б.*, *Бордюгов Г.*, *Неймарк Н.* СВАГ. Управление пропаганды. С. 234. О предшествовавших этому нападках на Тюльпанова см. *Bonwetsch B.* / *Bordjugov G.* Die Affäre Tjul'panov. Die Propagandaverwaltung der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland im Kreuzfeuer der Kritik 1945–1949 // Deutsche Studien. 31 (1994). S. 247–272; *Naimark N.* The Russians in Germany. P. 338–340.

[63] Тюльпанову весной 1950 г. только разрешили ненадолго вернуться в Берлин, чтобы уладить там личные дела; сам же он тоже распространял версию о завершении своей работы в СВАГ именно в марте 1950 г.: «В марте 1950 г. я вернулся, и все сотрудники нашего управления вернулись на родину». – Zeit des Neubeginns. S. 60.

[64] *Kuczynski J.* Mein Freund Sergej Iwanowitsch Tulpanow // Sinn und Form. 36 (1984). S. 956.

[65] См. его публикации, например: *Тюльпанов С.И.* Основной экономический закон современного капитализма. – Л., 1953; *Он же.* Возникновение и развитие мирового рынка. – Л., 1955; *Он же.* Колониальная система империализма и ее распад. – М., 1958; *Он же.* Крисис мирового капитализма. – М., 1962; *Он же* / *Шейнис В.Л.* Актуальные проблемы политической экономики современного капитализма. – Л., 1973. О работах, опубликованных Тюльпановым во время службы в Советской зоне оккупации Германии, и о его деятельности в те годы см. *Handel G.* / *Meyer M.* Bibliographie Sergej Iwanowitsch Tjulpanow aus der Zeit 1945 bis 1949 // Wiss. Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Ges. – und sprachwiss. Reihe. (1976). H. 4. S. 370–376.

[66] *Seydewitz R.* / *Seydewitz M.* Unvergessene Jahre. Begegnungen. – Berlin, 1984. S. 149.

[67] О биографии и карьере Дымшица см. воспоминания его однокашника Григория Вайса 1977 г. – Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR im Bundesarchiv (далее: SAPMO BArch): Zentrales Parteiarchiv (ZPA): ZPA EA 1838; *Moldowski D.* / *Snimstschikowa G.* / *Ziermann K.* Alexander Lwowitsch Dymschitz – Ein Lebensbild // Alexander Dymschitz. Wissenschaftler, Soldat, Internationalist / Hrsg. von K. Ziermann. – Berlin, 1977. S. 7–49; *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Sowjetische Präsenz. S. 167–174; *Eggeling W.* Alexander Dymschitz. Skizze einer Biographie zwischen Bildungsanspruch und Parteiraison // Zwischen Restauration und Innovation. Bildungsreformen in Ost und West nach 1945 / Hrsg. von Manfred Heinemann. – Köln [u. a.] 1999. S. 303–315.

[68] Согласно версии, которую Дымшиц распространял впоследствии, он уже в 1948 г. из-за тоски по родине хотел вернуться в Ленинград и заручился для этого поддержкой Александра Фадеева, бывшего тогда председателем Союза советских писателей; почему это желание не исполнилось, он не объяснял: «Пару недель спустя, летом 1948 г., я получил уведомление о том, что я демобилизован и могу ехать домой. Фадеев попросил назначить меня заместителем редактора "Литературной газеты", и это поддержал тогдашний главный ее редактор В. Ермилов. Однако этот план сначала осуществить не удалось: меня еще почти год продержали в Берлине, и затея Фадеева едва не потерпела крах». *Alexander Dymschitz*. Ein unvergeßlicher Frühling. S. 90.

[69] Фонд Дымшица в Российском государственном архиве литературы и искусства. Москва (далее: РГАЛИ). Ф. 2843. Оп. 1. Д. 2500.

[70] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 151.

[71] См. Dymschitz verläßt Berlin // Berliner Zeitung. 4. März 1949.

[72] *Dymšic A.L.* Literaturbeziehungen. S. 62–66. См. *Poltawzew W.* Haus der offenen Tür am Kupfergraben //… einer neuen Zeit Beginn. S. 375.

[73] *Tschörtner I.* «Die Seelen der Deutschen erobern». S. 107.

[74] См. *Schivelbusch W.* Vor dem Vorhang. S. 56;

[75] Цит. по: ebd. S. 61.

[76] *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 313. См. также собственные воспоминания Басистова и других бывших сотрудников Управления информации о Тюльпанове в: *Heinemann M.* (Hrsg.) Hochschuloffiziere.

[77] См. *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 317.

[78] См. прим. 11.

[79] *Dymschitz A.* Rückblick und Ausblick. Rede auf der Schlußsitzung des 1. Künstlerkongresses gehalten am 30. Oktober 1946 in Dresden // Sonntag. 10. November 1946.

[80] Пересказано Басистовым в *Bassistow J.* Oberst Tjulpanow. S. 308.

[81] За социалистический реализм Дымшиц боролся еще долгие годы после своего возвращения из Германии – см., например, *Дымшиц А.Л.* Искусство принадлежит народу. Сборник статей о социалистическом реализме. – Л., 1960.

[82] См. прим. 40.

[83] Интервью с Хансом Майером. Тюбинген, 15 июня 1988.

[84] *Дымшиц А.Л.* Идеологическая борьба в литературе и эстетике. Сборник статей. – М., 1972.

[85] *Он же.* Нищета советологии и ревизионизма. – М., 1975; нем. изд.: *Dymschiz A.* Wandlungen und Verwandlungen des Antikommunismus. Essays zu Literatur und Ästhetik. – Berlin, 1977.

[86] См. *Studer B.* / *Unfried B.* «Das Private ist öffentlich». Mittel und Formen stalinistischer Identitätsbildung // Historische Anthropologie. 7 (1999). S. 83–108. О «публичных сферах» в обществах советского типа см. *Rittersporn G.* / *Rolf M.* / *Behrends J.* Von Schichten, Räumen und Sphären: Gibt es eine sowjetische Ordnung von Öffentlichkeiten? Einige Überlegungen in komparativer Perspektive // Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten / Hrsg. von dens. – Frankfurt a. M. [u. a.], 2003. S. 398–421.

[87] Отдельные стадии этого процесса и их основное содержание описывает *Eimermacher K.* Einleitung: Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1917 und 1932 // Dokumente zur sowjetischen Literaturpolitik 1917–1932 / Hrsg. von dems. – Stuttgart [u. a.], 1972. S. 13–71.

[88] *Hessler J.* Cultured Trade. The Stalinist Turn Towards Consumerism // Stalinism. New Directions / Ed. by S. Fitzpatrick. – L. – N. Y., 2000. P. 182–209.

[89] См. *Fitzpatrick S.* The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. – Ithaca-L., 1992. P. 216–237; *Volkov V.* The Concept of Kul'turnost'. Notes on the Stalinist Civilizing Process // *Fitzpatrick S.* (Ed.): Stalinism. P. 210–230; о домашней сфере в Советском Союзе (в сравнении с частной жизнью в Америке) см. Buck-*Morss S.* Dreamworld and Catastrophe. The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge/Mass. – L., 2000. P. 190–205.

[90] См. *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebrations in the Time of Stalin. – Bloomington–Indianapolis, 2000. P. 114–115.; *Rolf M.* Feste der Einheit und Schauspiele der Partizipation. Die Inszenierung von Öffentlichkeit in der Sowjetunion um 1930 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 50 (2002). H. 2. S. 163–171.

[91] См. *Fitzpatrick S.* The Cultural Front, особенно P. 146–147.

[92] *Schivelbusch W.* Vor dem Vorhang. S. 59.

[93] См. стихотворение поэта-пролеткультовца В.Т. Кириллова «Мы»: http://proletcult. ru/? p=3; Proletarische Kulturrevolution in Sowjetrußland (1917–1921). Dokumente des «Proletkult» / Hrsg. von R. Lorenz. – München 1969. S. 78–79.

[94] См. Манифест футуристов: Пощечина общественному вкусу. Стихи, проза, статьи. – М., 1913. С. 3.

[95] См. *Städtke K.* Einleitung // Welt hinter dem Spiegel. Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre / Hrsg. von dems. – Berlin. S. XV и XVII.

[96] *Ленин В.И.* Проект резолюции о пролетарской культуре (9 октября 1920 г.) // В.И. Ленин о литературе и искусстве. 6-е изд. – М., 1979. С. 445.

[97] *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи (2 октября 1920 г.) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. С. 78.

[98] См. *Гюнтер Х.* Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб., 2000. С. 41–48.

[99] *Groys B.* Gebaute Ideologie // Ders.: Die Erfindung Rußlands. – München–Wien, 1995. S. 154.

[100] Так называемые «дебаты об экспрессионизме» (1936) на страницах выходившего в Москве эмигрантского немецкого журнала «Das Wort» следует рассматривать не изолированно, но в данном контексте.

[101] *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. – Frankfurt a. M. 1955. S. 575. Рус. изд.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. – М., 1996.

[102] Свидетельством тому служат многочисленные переработки, которым авторы подвергали свои произведения, даже «классики» советской литературы, такие как «Цемент» Гладкова, «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Девятнадцать» Фадеева и «Как закалялась сталь» Островского, – см. Текстология произведений советской литературы. – М., 1967.

[103] Цитата в контексте звучит так: «И уверенность их в этом будущем тем глубже, что их марксистское евангелие показывает им нерушимость законов развития человечества, которое осуществляется ими и говорит их устами». Г. Ягода, продолжает автор, говорит «с радостной увлеченностью апостола своим трудом, который превращает преступников вновь в людей». – *Rolland R.* Aus Moskau zurückgekehrt // Internationale Literatur. 6 (1936). H. 1. S. 17.

[104] См. *Ketelsen U.-K.* Literatur und Drittes Reich. – Schernfeld, 1992. S. 389–390.

[105] О замершем, отвердевшем времени и об обращенности в прошлое, как чертах сталинской эпохи см. *Паперный В.* Культура Два. – М., 1996. С. 41–60.

[106] Keine Gnade für Terroristen und Verräter! // Internationale Literatur. 5 (1935). H. 1. S. 4.

[107] Обстоятельства канонизации Маяковского, которая была инициирована обращением Лили и Осипа Бриков, описывает *Huppert H.* Ungeduld des Jahrhunderts. Erinnerungen an Majakowski. – Berlin, 1976. S. 131–132; о том, как не сбылись надежды, которые соратники-авангардисты связывали с канонизацией Маяковского, см. *Максименков Л.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. – М., 1997. С. 17–22.

[108] См. *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, особенно P. 113–131.

[109] Zwanzig Jahre sozialistische Ära // Internationale Literatur. 7 (1937). H. 11. S. 3. См. посвященный Гете том серии «Литературное наследство». Т. 4–6. – М., 1932.

[110] См., например, статью «Маяковский» (автор Евг. Тагер) в БСЭ. Т. 38. М., 1938. С. 547–555. В этом же ключе написаны работы о Маяковском Дымшица. Он еще до начала Второй мировой войны подготовил докторскую диссертацию об этом поэте (см. ее тезисы, опубликованные в журнале Ленинградского университета: *Дымшиц А.Л.* Основные этапы идейно-творческой эволюции В.В. Маяковского. – Фонд Дымшица в РГАЛИ. Ф. 2843. Оп. 1. Д. 2669), однако на основании отзывов оппонентов, разбор которых затянулся до 1943 г., работа была отклонена, и Дымшиц только в 1966 г. получил степень доктора, представив кумулятивное исследование «Некоторые проблемы развития немецкой лирики и эстетического мышления в середине XIX века».

[111] *Жданов А.А.* Советская литература, самая идейно богатая и прогрессивная литература в мире. Цит. по: Sozialistische Realismuskonzeptionen. Dokumente zum 1. Allunionskongreß der Sowjetschriftsteller / Hrsg. von H. – J. Schmitt / G. Schramm. – Frankfurt a. M., 1974. S. 45.

[112] *Schaginjan M.* Goethe. – Berlin, 1952. S. 188.

[113] См. *Naimark N.* The Russians in Germany. S. 398.

[114] *Dymschitz A.* Warum wir gegen Dekadenz sind.

[115] *Tjulpanow S.* Deutschland nach dem Kriege. S. 285.

[116] *Dymšic A.L.* Literaturbeziehungen. S. 63–64.

[117] См. Münz-*Koenen I.* Literaturverhältnisse und literarische Öffentlichkeit 1945 bis 1949 // Literarisches Leben in der DDR 1945 bis 1960. Literaturkonzepte und Leseprogramme. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von I. Münz-Koenen. – Berlin, 1980. S. 56.

[118] *Tulpanow S.* Vom schweren Anfang. S. 730.

[119] См. *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Sowjetische Präsenz. S. 155–157.

[120] См. *Mayer H.* Ein Deutscher auf Widerruf. Bd. 2. S. 31.

[121] *Städtke K.* Von der Poetik des selbstmächtigen Wortes zur Rhetorik des Erhabenen // Ders. (Hrsg.) Welt hinter dem Spiegel. S. 14.

[122] *Dymschitz A.* Ein Nachwort zur Diskussion // Tägliche Rundschau. 27. Februar 1949.

[123] *Ditz A.* Krieg und Kunst // Tägliche Rundschau. 1. August 1945.

[124] *Dymschitz A.* Züge einer neuen Kunst (III) // Tägliche Rundschau. 15. August 1946.

[125] *Dymschitz A.* Die Literatur – Seele des Volkes. Rede auf dem Ersten Deutschen Schriftsteller-Kongreß // Tägliche Rundschau. 5. Oktober 1947.

[126] *Dymschitz A.* Warum wir gegen Dekadenz sind; см. ders. Totalitäre Kunstpolitik im Westen // Tägliche Rundschau. 28. September 1947; ders. Gedanken zum neuen Jahre // Tägliche Rundschau. 1. Januar 1948.

[127] См., например, *Pike D.* The Politics of Culture in Soviet-Occupied Germany, 1945–1949. Stanford/Ca., 1992; *Dietrich G.* Politik und Kultur in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands (SBZ) 1945–1949. Mit einem Dokumentenanhang. – Bern [u. a.], 1993.

[128] *Tschörtner I.* «Die Seelen der Deutschen erobern». S. 100–101.

[129] Об этом см. историографический обзор в кн. *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration. S. 482–494.

[130] SAPMO BArch: ZPA IV 2/906/254.

[131] О разногласиях между союзниками по поводу Культурбунда осенью 1947 г. и о демаршах американской и русской сторон см. *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Zum «Verbot» des Kulturbunds in West-Berlin, 1947 // Deutschland Archiv. 28 (1995). H. 11. S. 1161–1170.

[132] Bekenntnis und Verpflichtung // Neues Deutschland. 5. September 1948. См. Tagung der Schriftsteller und bildenden Künstler am 2. und 3. September in Klein-Machnow [Protokoll]. – SAPMO BArch: ZPA IV 2/906/254.

[133] См. *Krenzlin L.* Das «Formalismus-Plenum». Die Einführung eines kunstpolitischen Argumentationsmodells // Brüche, Krisen, Wendepunkte. Neubefragung von DDR-Geschichte / Hrsg. von J. Černý. – Leipzig [u. a.], 1990. S. 52–62.

[134] Другие культурофицеры занимали более уклончивую, «более диссидентскую» позицию – например, Илья Фрадкин, который был открыт авангарду и Западу, вступался за Брехта и был сторонником десталинизации в области искусства. См., например, его статью *Fradkin I.* Vor neuen Aufgaben // Kunst und Literatur. 10 (1962). H. 1. S. 1–5.

Наталья Тимофеева

ОТ ОСТОРОЖНОГО ДИСТАНЦИРОВАНИЯ к нарастающему интересу. Пропаганда СВАГ в Восточной Германии 1945–1949 гг.

В годы Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции вели с нацистской Германией и психологическую войну, невиданного «размаха достигло использование всех форм манипулирования человеческим сознанием»[1]. Борьба за умы и сердца людей продолжалась и после военного поражения фашизма. Важную роль в психологической войне играла политическая пропаганда[2].

Весной 1945 г. наступление Советской Армии вызвало панику у немецкого населения. Стремясь избежать столкновения с «русскими варварами», многие уходили на Запад. Оставшиеся испытывали ужас, вспоминая злодеяния немецких солдат на оккупированной территории Советского Союза и ожидая возмездия. Рассказы беженцев из Восточной Пруссии, переживших встречу с советскими солдатами, подтверждали опасения немцев, усугубляя ситуацию.

Советская политическая элита опоздала с выработкой форм и методов взаимодействия Красной Армии с населением Германии. В последние месяцы войны своим поведением на оккупированой территории Красная Армия способствовала утверждению у значительной части немцев образа советского человека в соответствии со стереотипами нацистской пропаганды. Уже внешний облик солдат вызывал неприятие педантичных и аккуратных немцев. «Страшно плохо одеты наши советские солдаты и шоферы. Худшего вида для компрометации нашей Красной Армии трудно придумать. Они грязны, оборваны, одеты по-разному. На фоне англичан и американцев выглядят оборванцами»[3]. Все это вызвало дистанцированную настороженность населения Восточной Германии, воспринимавшего присутствие советских военных как явление временное и чужеродное, которое приходилось терпеть лишь в связи с постигшим немцев поражением в войне.

Борьба с нацистским наследием, ставшая актуальной после подписания акта о безоговорочной капитуляции Вермахта генерал-фельдмаршалом Кейтелем 9 мая 1945 года в Карлсхорсте, требовала, однако, активного взаимодействия Советской Армии с немецким населением. Советское руководство понимало необходимость срочных мер, направленных на установление контактов между советскими оккупационными войсками и немецким населением. Особенное значение имели, при этом, нормы питания, о которых жители Берлина узнали 13 мая 1945 г.

В течение дня в городе работали звуковещательные установки. В густонаселенных районах Целендорф, Митте, Фриденау, Пренцлауер Берг, Лихтенберг и Тегель было проведено 152 передачи. По городу расклеили или роздали в руки прохожим 120.000 листовок с воззванием «К населению Берлина», в котором также сообщалось о нормах питания и порядке получения продовольствия. 15 мая было расклеено

21 апреля 1945 года: 5-я ударная армия Николая Берзарина вошла в берлинский район Марцан. Фронтон дома № 563 на Ландсбергер аллее еще сегодня «помнит» это историческое событие

еще 500 тыс. экземпляров листовок. Во всех названных районах объявление о нормах питания передавалось через соответствующие установки. В совокупности было сделано 420 передач[4].

Член Военного Совета 5-й Ударной Армии генерал-лейтенант Боков сообщал в Москву о настроениях в городе: «Во время передач слышались такие возгласы: “Благодарение богу!”, “Боже мой! Дети получают сахар и молоко”. “Русские будут давать натуральный кофе. Интересно, где они его возьмут!”. После передачи через МГУ о новых нормах один чиновник в разговоре с другим заявил: “Русские начали не совсем хорошо, часы с меня сняли, но если нормы дадут, то проживем и без часов”». Генерал-лейтенант Боков констатировал: «Основная масса населения лояльно относится к мероприятиям советского правительства по установлению нормальной жизни. В городе охотно выполняют все мероприятия, связанные с затратой труда»[5].

К лету 1945 г. Советской Военной Администрацией Германии (= СВАГ) был накоплен значительный опыт взаимодействия Советской армии и гражданского населения Германии. Он был разный. В нюне 1945 г. начальник VII отдела Политуправления 1-го Белорусского фронта полковник Мельников направил донесение в ГлавПУ РККА, в котором сообщал о «неблаговидном поведении советских воинов и отмечал рост случаев ограблений и насилия над населением, незаконного отбора велосипедов и автомашин, вывоза из домов мебели и домашней утвари»[6]. Ту же тенденцию отмечало Политуправление 1-го Украинского фронта.

Трудно входившие в реалии послевоенной Германии победители могли быть, однако, и до курьеза великодушны. Упомянутый выше полковник Мельников писал в Москву: «В Берлине отмечается много случаев, когда военнослужащие своими действиями увеличивают рост цен, спекуляцию и дезорганизацию торговли. В парикмахерских вместо платы 1–2 марки, наши военнослужащие очень часто дают 100 марок, отказываясь получать сдачу. Группа военнослужащих купила в магазине 3 банки клея и две кисточки. Торговцем был выписан счет на 4 марки 20 пфеннингов. Эти военнослужащие заплатили 10 марок, отказавшись от сдачи. Те же военнослужащие через два часа послали своего товарища за такой же покупкой. Продавец на этот раз написал ему счет на 100 марок»[7].

Наряду с восстановлением нормальных условий жизни в Восточной Германии советская оккупационная власть стремилась продемонстрировать свой просвещен-

ный характер. Политсоветник при Главноначальствующем Советской Военной администрации в Германии Владимир Семенов рекомендовал Жукову после посещения Веймара: «Учитывая всемирную известность Гете и Шиллера и политическое значение факта внимания советских оккупационных властей к памяти великих немецких писателей считаем необходимым дать указание Чуйкову в короткий срок реставрировать домик Гете за счет советской администрации, после чего передать домик городским властям»[8]. Поддерживая любую инициативу, направленную на возрождение культурной жизни в своей оккупационной зоне, советская военная администрация стремилась привлечь к сотрудничеству представителей немецкой творческой интеллигенции и вырвать население из состояния апатии.

Большую роль должна была при этом играть советская пропаганда. После военного поражения фашизма в методах и содержании советской пропаганды мало что изменилось. Так же, как и в военное время, она находилась в ведении 7-го Управления Глав ПУ РККА. Возглавлял 7-е Управление Михаил Бурцев. С осени 1945 г. в составе советской военной администрации появилось Управление пропаганды[9]. Им руководил Сергей И. Тюльпанов, являвшийся до назначения на эту должность начальником 7-го отдела Политуправления советских оккупационных войск в Германии.

Советская пропаганда осуществлялась от имени Красной Армии и от имени немцев-антифашистов. С момента перехода государственной границы СССР в Восточной Пруссии основная работа с немецким населением велась политорганами от имени Красной Армии. В живом общении с немцами, в лекциях и докладах для населения, через прессу, радио и кино советские офицеры разъясняли цели пребывания Красной Армии на территории Германии, освещали политику СССР, давали информацию о Советском Союзе. Одновременно разоблачались утверждения фашистской пропаганды о намерениях Красной Армии относительно немецкого народа, а немецкое население информировалось о зверствах нацистских оккупантов в Советском Союзе, о причиненных ими разрушениях[10].

Сотрудничество советских военных с немецкими антифашистами сложилось сразу же после прекращения военных действий[11].

Немцы-антифашисты, прежде всего коммунисты, должны были, по замыслу советского руководства, разоблачать немецкий фашизм как виновника захватнической войны и катастрофы немецкого народа, вскрывая его соучастие в преступлениях гитлеровского режима, и разъясняя необходимость признания немецким народом своей ответственности за преступления фашизма, искоренение последствий двенадцатилетнего господства нацистов и демократизацию Германии[12]. Деятельность немецких антифашистов, за исключением коммунистов, прибывавших в Германию из эмиграции в СССР, не вызывала абсолютного доверия советских военных. Она осуществлялась в рамках антифашистско-демократических партий и общественных организаций Восточной Германии, находившихся под контролем оккупационной власти.

В потоке новостей, актуальных для Восточной Германии, день ото дня нарастал удельный вес тем, связанных с Советским Союзом и призванных вытеснить из сознания немцев внушенный им нацистской пропагандой образ СССР. Он должен был быть постепенно заменен более привлекательным, новым образом Советского Союза, мотивировав в сознании немцев возможность широкого сотрудничества с оккупационной властью.

Значительная роль в данном процессе отводилась прессе. Усилиями политорганов уже в мае 1945 г. на немецком языке начала выходить газета «Теглихе Рундшау» (Ежедневное обозрение), в середине месяца ее тираж составил 80 тысяч экземпляров[13]. Публикации в этой газете являлись показательными для всей советской пропаганды в Восточной Германии.

30 мая 1945 г. «Теглихе Рундшау» предложила своим читателям материал по теме, которую нацисты использовали весьма интенсивно для запугивания немецкого обывателя. Газета сообщала о жизни советских колхозников. «Советский колхозник остался крестьянином, но живет, благодаря советской власти и коллективно-хозяйственной системе, как свободный гражданин на свободной земле. Он не знает помещичьего гнета, цепей ростовщика и перекупщика. Он забыл нужду и бесправие». Выписанный облик советской деревни не имел ничего общего с реальной действительностью, но это несовпадение не заботило советских пропагандистов. Они действовали по накатанному шаблону, опираясь преимущественно на свой опыт работы в условиях государственной монополии на информацию.

«Теглихе Рундшау» предлагала своим читателям и сведения о якобы уважительном отношении к СССР и советским людям в других странах, например, в Румынии, являвшейся союзницей Германии в войне[14]. Последнее обстоятельство было существенным, оно как бы подталкивало немцев к выводу о возможности учесть чужой положительный опыт и сотрудничать с советской оккупационной властью[15]. Журналисты сообщали также о достижениях русского и советского искусства[16], подавая этот материал рядом с информацией о памятниках культуры, разрушенных на территории Советского Союза гитлеровцами[17]. Такие противопоставления подчеркивали несостоятельность нацистской пропаганды в отношении СССР и напоминали немцам об их вине перед советским народом.

Большое значение имело кино. Летом и осенью 1945 г. основная часть немецких зрителей относилась к советским фильмам настороженно, а иногда и враждебно. Ситуация изменилась, когда началась планомерная демонстрация переведенных на немецкий язык кинокартин. С июня 1945 г. по декабрь 1946 г. их посмотрели 90 млн. зрителей[18]. Немцы радовались прежде всего возможности отвлечься от тягот послевоенного времени, но военные отмечали и пропагандистский эффект от проката советских кинофильмов. В одном из донесений Тюльпанову приводилось следующее высказывание гражданина земли Саксония: «Россия нам казалась страной примитивной, и вдруг мы узнали, что у русских есть свои кинофильмы. Ведь, чтобы заснять кинофильм, требуются артисты, техническое умение. Нам говорили, что у русских есть только заграничные фильмы. И вдруг такая неожиданность. Меня, как знатока кино, ваша картина очень поразила, такую картину мог сделать только культурный народ. Я счастлив признать русских не только хорошими воинами, но и высококультурными людьми»[19].

Медленно, но менялось отношение немцев к советским солдатам и офицерам, обретавшим опыт жизни в инокультурной среде. Военные наблюдали чужую действительность и делали по поводу немцев и их страны подчас неожиданные для себя выводы. «Положительно у них порядок, дома богатые, все в домах есть»[20]. «Меня в Германии поразили дороги, автострады, сады кругом…». Оказалось, что с немцами можно иметь дело и даже дружить. Были контакты, даже любовь была. «Немцы работали у нас в госпиталях, в магазинах. Любовь мою звали Марта, в 1945 г. и после войны она работала в кафе. Чуть было не женился. Да тогда запрещено было. И было

мне 20 лет»[21]. А вот свидетельство Марии Рожман: «Во время войны была ненависть, там стреляют, убивают, а после войны я встретилась не с солдатами, а с людьми… Мы с немками дружили. Моя хозяйка квартирная помогала мне с дочкой и все говорила, ой, какие у твоей дочки глаза голубые, она как немка. Да и дочка половину по-русски, половину по-немецки говорила»[22].

Все это напоминало ситуацию, описанную в романе Льва Толстого «Война и мир». Попавший в плен Пьер Безухов был доставлен к маршалу Даву. Маршал сначала решил Пьера расстрелять, но, встретившись с ним глазами, отказался от своего намерения. Француз увидел в русском не противника, а такого же, как он сам, усталого человека. В одно мгновение изменилось отношение друг к другу, казалось, непримиримых врагов…

Летом 1945 г. русские и немцы получили возможность посмотреть друг другу в глаза. Через опыт чужого началось их познание себя, но этот процесс был тут же взят под контроль.

Политуправление группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) разослало в политотделы армий директиву с требованием всемерного усиления работы среди своих войск и немецкого населения. В директиве говорилось: «Начальникам политорганов и замполитам частей систематически продолжать воспитательную работу в войсках, направленную на создание правильных взаимоотношений с немецким населением, установить строгий контроль над постановкой этой работы, как важнейшей и неотъемлемой составной части всей партийно-политической работы»[23].

Армейские пропагандисты предлагали советским солдатам и немецкому населению идентичный образ СССР. Это объяснялось тем, что основным заказчиком, определявшим содержание формировавшейся в Восточной Германии информационной реальности, являлось Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В июне 1945 г. в Управлении насчитывалось 259 сотрудников, из них 215 трудились на своих местах не более пяти лет[24]. Эти люди руководили психологической войной СССР против *гитлеровского блока*, но они же апеллировали теперь к населению Восточной Германии, механически перенося на немецкую почву свой опыт и знание пропагандистской работы в Советском Союзе.

Пережившие страшную войну, дошедшие до Берлина воины легко воспринимали рассуждения об идеальном советском обществе. Им хотелось верить в свое светлое будущее после возвращения из Германии на Родину. Эта вера придавала искренность и докладам офицеров-пропагандистов. Население советской оккупационной зоны, напротив, сохраняло, холодную дистанцию и жесткую критичность суждений в отношении победителей, рассказывавших немцам о своей стране.

В апреле 1946 г. 7-й отдел Политуправления ГСОВГ усилил пропагандистскую работу среди научных работников, студенчества, преподавателей Восточной Германии, то есть тех, кто был призван решать задачу перевоспитания немецкой молодежи. Офицеры 7-го отдела приступили к чтению лекций в Берлинском и Йенском университетах, на семинарах преподавателей Потсдама, Бабельсберга, Грабова, Эрфурта, на курсах переподготовки учителей в Эберсвальде, Бернау, Шверине и т. д. Рассматривались как крупные темы, например, «Советский общественный строй», «Принципы советской демократии», так и специальные вопросы. Среди последних большим успехом пользовалась лекция «Творчество Льва Толстого».

Результаты не замедлили сказаться. В спецдонесении начальнику Глав ПУ Вооруженных сил СССР Иосифу Шикину сообщалось: «…возрос интерес к докладам об СССР со стороны преподавательского состава школ»[25]. Приводились примеры, передававшие реакцию немецкой аудитории на лекции советских офицеров. Так, один руководитель курсов сказал: «Это очень хорошо, что мы теперь имеем возможность узнать правду о Советском Союзе. Я бы просил Вас чаще приезжать к нам и делать подобные доклады. Ведь на протяжении 12 лет нас пичкали всякой дрянью и обманывали нас». Присутствовавший на курсах, при этом, заметил: «Своим выступлением Вы заставили многих задуматься о преимуществе социалистической системы над капиталистической»[26]. Естественно, что наибольший успех офицеры-пропагандисты имели у новых учителей, то есть выходцев из рабоче-крестьянской среды, пришедших в систему народного образования Восточной Германии в результате денацификации средней школы после краткосрочной подготовки на учительских курсах.

Офицеры трудились неустанно. С 1 ноября 1945 г. по 20 апреля 1946 г. 50 сотрудников 7-го отдела ПУ ГСОВГ и 7-х отделов политотделов армий и дивизий сделали 480 докладов и провели более тысячи бесед, охватив своим вниманием 388 тысяч немецких слушателей[27]. Большинство офицеров были мастерами своего дела. Постоянный интерес слушателей вызывали, например, доклады и лекции Якова Драбкина[28]. Он получал за вечер более 70 вопросов в устной и письменной форме, на его лекции собиралось до тысячи человек. Устроителям приходилось продавать дополнительные билеты[29]. Лекции и доклады политофицеров завершались зачастую показом советских художественных фильмов. Немцы охотно смотрели музыкальные комедии, например, «Волга-Волга», посещали концерты художественной самодеятельности красноармейцев.

С июня 1945 г. в «Теглихе Рундшау» появилась постоянная рубрика «Информация из Советского Союза». Под этой рубрикой рассказывалось о достижениях науки, культуры и спорта в СССР. Немецкий читатель не мог не удивляться, открывая для себя страну, где даже в тундре знали «Фауста» Гете[30]. Много места в газете стало отводиться фоторепортажам. Советские люди: крестьяне, служители церкви, женщины, работницы – выглядели на них уверенными в себе, красивыми, счастливыми, занятыми любимым делом[31]. В связи с международным женским днем, 8 марта 1946 г., в «Теглихе Рундшау» были опубликованы две статьи – об Элеоноре Рузвельт («Спутница великого человека») и о Надежде Крупской «Жена и соратница Ленина»). Сопоставления такого рода стали, однако, уже редкостью. Они почти исчезли с газетных страниц в связи с явным ухудшением в отношениях между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции.

Весной 1946 г. началась публикация путевых заметок немецкого писателя Альфреда Куреллы «Отпуск на Кавказе». Это было яркое, хотя пока еще редкое свидетельство немца для немцев в пользу Советского Союза. СССР представал перед читателем как страна трудового народа, без национальных противоречий, уверенно идущая в светлое будущее[32]. Курелла писал и о трудностях советской действительности, но они были в его интерпретации временными и решаемыми. Например, он сообщал о неурожае в одном из советских колхозов: «Никто не жаловался на тяжелое положение, так или иначе касавшееся всех… Никто всерьез не беспокоился по поводу возможного голода. Было известно, что руководство колхоза и сельсовета доложило в райсовет о неурожае. Уже приезжала оттуда комиссия, и никто не сомневался, что деревня получит искомый кредит в виде продуктов питания и зерна

для посева. В советской колхозной системе призрак голода, господствовавший в царской России, перестал внушать людям ужас»[33]. Так формировался новый миф о Советском Союзе, идеальной стране, в реальности которой советская пропаганда должна была убедить немцев.

Анализируя и обобщая свой опыт работы с немецким населением, советские офицеры чувствовали, однако, ее неэффективность. Они искали причину этого и отмечали недостаточность материалов «о жизни в Советском Союзе, положении крестьянства, рабочего класса, интеллигенции», просили организовать снабжение их актуальной информацией «через органы Совинформбюро», а также доставить им материалы по экономике, политике, истории и культуре Германии. Офицеры считали целесообразным создание специального отделения по изучению «англосаксонских стран, политико-морального состояния их вооруженных сил, а также англо-американской пропаганды среди населения Германии»[34]. Союзники были явно более удачливы в обращении с немецким населением, что вызывало в Москве недовольство и подозрение в отношении тех, кто отвечал за пропаганду в советской оккупационной зоне. Начались бесконечные проверки деятельности руководимого Тюльпановым Управления пропаганды[35]. Появились многочисленные рекомендации по перестройке советской пропаганды в Германии. Показательной в них была констатация успеха не только пропаганды союзников, но и воздействия на немецкое население христианско-демократической и либерально-демократической партий, влияние которых было несопоставимо с влиянием КПГ/СЕПГ, особенно, если речь шла о средних городских слоях или интеллигенции. 30 марта 1946 г. в записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгию Александрову начальник Главного Политуправления Вооруженных Сил СССР Иосиф Шикин рекомендовал «больше и лучше использовать немецкие антифашистские кадры в советской пропаганде в Восточной Германии»[36]. Он предложил даже подкрепить СВАГ, отобрав дополнительно «2000 военнопленных немцев из числа окончивших антифашистские школы и курсы в СССР» и направив их в советскую оккупационную зону. Кроме того, Шикин считал необходимым усилить и собственно советскую пропаганду в Германии, то есть:

1) наладить издание массового иллюстрированного журнала о Советском Союзе, а также альманахов из советской прессы и переводов лучших произведений советской литературы на немецком языке;

2) создать в Берлине Дом русской культуры с лекторием, библиотекой-читальней и киноконцертным залом, возложив на Дом русской культуры популяризацию экономических и культурно-политических достижений СССР, пропаганду советской внешней политики, содействие немцам в изучении русского языка[37];

3) направить в Германию по линии Всесоюзного общества культурных связей с заграницей художественные коллективы, а также деятелей советской науки и искусства для чтения докладов и лекций о Советском Союзе;

4) Министерству кинематографии организовать специальные выпуски кинохроники о Советском Союзе[38].

23 мая 1946 г. заместитель начальника политотдела политсоветника в Германии И. Филиппов подчеркнул в записке на имя заместителя министра иностранных дел СССР Соломона Лозовского недопустимость отставания советской пропаганды в Германии. Ввиду обострившихся противоречий в отношениях СССР с западными союзниками Филиппов предлагал незамедлительно приступить к ее перестройке. Он

писал: «Несомненно, что союзники еще более усилят наступление на нас в области пропаганды, имея в виду предстоящие выборы в местные органы управления в нашей зоне и в Берлине»[39].

Выборы стали жарким временем для советских офицеров-пропагандистов. С 1 июля по 15 августа 1946 г. в советской оккупационной зоне было прочитано 840 лекций, проведено более 700 бесед. Офицеры выступали на курсах и собраниях антифашистской молодежи, на учительских конференциях, собраниях рабочих, женщин, заседаниях активов СЕПГ. Они организовывали школьные утренники, массовые гуляния молодежи, вечера вопросов и ответов, концерты художественной самодеятельности красноармейцев. Их деятельность оказала свое воздействие на результаты выборов. В некоторых городах успех СЕПГ связывался не в последнюю очередь с активной работой офицеров-пропагандистов[40]. В целом же результаты выборов не оправдали ожиданий советского руководства. Население Восточной Германии не простило СЕПГ чрезмерной близости к оккупационной власти, а также методов, которыми рабочая партия пользовалась во время избирательной кампании. СЕПГ имела самый большой агитационный аппарат и позволяла себе подкуп избирателей. За поддержку СЕПГ на выборах они могли получить уголь или промышленные товары. Неприятие населения вызывал и обнесенный колючей проволокой квартал вилл в Нидершенхаузене, где проживало руководство СЕПГ – Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт, Антон Аккерман и др. Охранявшие квартал советские постовые выглядели при этом весьма символично.

Сложившееся в результате выборов 1946 г. соотношение сил в советской оккупационной зоне позволило оппозиции, в противовес СЕПГ и СВАГ, заявить о единстве страны как важнейшем условии дальнейшей демократизации Германии. В ситуации, определявшейся эскалацией холодной войны, это не могло не привести к обострению политических противоречий в советской оккупационной зоне.

Советская пропаганда реагировала соответственно. Усилилась критика Запада. Действия бывших союзников – теперь «поджигателей новой войны» – часто сравнивались советской прессой с фашистскими. 1 августа 1946 г. в газете «Правда» была опубликована статья под названием «Лобызание Геббельса», в которой, в частности, говорилось: «Совпадение полное: Черчилль повторил Геббельса… Перед своим издыханием Геббельс словно напутствовал будущих антисоветских клеветников … послал им последнее мерзостное лобызание». Недавние союзники объявлялись в статье оплотом реакции, а западные зоны оккупации – прибежищем реакции на немецкой земле, советская же зона интерпретировалась как центр притяжения всех прогрессивных сил немецкого общества[41]. Образ врага-фашиста получил новое географическое измерение, он был перемещен прессой в Западную Германию. Теперь этот образ включал в себя и бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

В то же время вниманию читателей предлагался идеальный образ Советского Союза. СССР выступал как страна с решенным национальным вопросом, открытая для конструктивного диалога на международном уровне, заинтересованная в мире ради восстановления своего разрушенного в войну народного хозяйства, вызывающая уважение и интерес всех прогрессивных людей планеты. В «Теглихе Рундшау» публиковались письма граждан разных стран, искавших партнеров для переписки в СССР или обращавшихся к советским людям с тем или иным предложением[42]. Отвечая на вопросы читателей о советских людях, газета писала: «Содержанием жизни советского человека является работа на благо отечества и всего человечества. Он

трудится, осознавая все свои права, не заботясь о старости или обстоятельствах, которые могли бы вывести его из строя на время или навсегда, лишив возможности зарабатывать на жизнь»[43].

22 июня 1946 г., в память о страшной дате нападения фашистской Германии на Советский Союз, в «Теглихе Рундшау» была напечатана таблица, свидетельствовавшая о потерях СССР в войне. На следующей странице газета отвечала на вопрос: «Почему победила советская страна?» Ответ гласил: «Строй, при котором отсутствует эксплуатация и подавление человека человеком, при котором все нации равноправны и могут свободно развиваться, должен вызывать у людей, чувствующих угрозу этому строю и поднимающихся на его защиту, недюжинную силу, ту, которую мы действительно видели у народов Советского Союза. Невероятные успехи в тылу и героизм на фронте были возможны только потому, что массы трудящихся поставили на службу социалистическому отечеству все свои силы»[44].

В нарисованной картине присутствовало очень важное рациональное начало – СССР победил в страшной войне, и эта правда как бы подтверждала остальную информацию, весьма далекую от реалий советской действительности – об идеальном государственном строе, свободном человеке. В том же номере был опубликован репортаж о советском воине, дошедшем до Берлина, его намерении, наконец, вернуться на Родину. Устами советского солдата давалась следующая интерпретация Германии и немцев: «Простому человеку, рабочему, крестьянину, война не нужна… Я знаю, что главными виновниками в том, что случилось, являются Гитлер и те, кто давал ему деньги…, не думаю, что немецкие рабочий и крестьянин дадут еще раз себя обмануть. Конечно, еще много немцев думают по-другому, поэтому я рад, что окончательное уничтожение фашизма происходит под надзором нашей армии»[45]. Простые люди, рабочие и крестьяне, получали как бы прощение советского воина, он будто освобождал их от ответственности за войну.

Разделенная по классовому признаку Германия рисовалась советской прессой в движении. Убежденные реакционеры, финансировавшие Гитлера, связывались географически с Западом страны или намеревались туда перебраться, прогрессивные рабочие и крестьяне – с Востоком, колебавшиеся в выборе прочие нуждались в опеке прогрессивных сил, находившихся, конечно же, под покровительством СССР. Эта схема легко усваивалась советскими людьми, но отторгалась населением Германии. Многие восточные немцы имели родственников и друзей на Западе страны и не могли согласиться с такой интерпретацией политической действительности Германии.

Изменение подачи материала советской прессой появилось после решений политбюро ЦК ВКП(б), направленных на улучшение работы в области пропаганды. В соответствии с ними, 2 августа 1946 г. было принято постановление политбюро в отношении газеты «Правда». Радикальной чистке подверглась редколлегия газеты «Красная звезда». Одним из критериев, по которым оценивалось качество той или иной газеты, являлось освещение событий в Германии. Например, «Известиям» вменялось в вину «отсутствие боевитости» и конкретности в изложении материала», «уклончивость» и «полунамеки» в определении тех, кто «пытается мешать успешному разрешению проблемы демилитаризации и денацификации Германии»[46].

Решения политбюро повлияли и на содержание советской пропаганды в Германии. В августе 1946 г. в статье «Признаки нового искусства», опубликованной в «Теглихе Рундшау», начальник отдела культуры в управлении пропаганды и цензу-

ры советской военной алминистрации в Германии Александр Дымшиц применил понятие «новый человек». Двумя месяцами позже Дымшиц уточнил: новый человек – это советский человек[47], он должен был стать для немцев положительным идеалом и героем, достойным подражания. Радикально начали меняться тон и подача информации об СССР в прессе. Образ советского человека конкретизировался, обретал национальные черты. Новый человек был русским, и его покровительство гарантировало благополучие другим народам. Такая подача материала способствовала утверждению в сознании немцев понятий «русский» и «советский» как идентичных.

Пресса вела речь и «о советском оптимизме», который противопоставлялся «историческому пессимизму» недавних союзников СССР по антигитлеровской коалиции. «Когда гитлеровцы потерпели крушение под ударами армий союзников, они начали кричать о крушении всего мира… После поражения германского фашизма полюс пессимизма переместился в Америку. Его зона очень обширна, она простирается также над Англией. Народы, которые находятся в зоне пессимизма, оказываются во власти чувства безнадежности и озабоченности… Полюс оптимизма, свойственный молодому, восходящему обществу, находится над Советским Союзом… В политических бурях нашего времени советские люди видят не конец, а начало. Зона советского оптимизма расширилась»[48].

Западная Германия оказывалась в данной интерпретации в зоне пессимизма, а Восточная – в зоне советского оптимизма. Впервые столь наглядно был проведен водораздел между двумя частями Германии, причем подчеркнутое различие выглядело и как определявшее перспективу неодинакового развития западных зон и советской зоны оккупации.

Принятые ЦК ВКП(б) меры привели в Восточной Германии к результатам, прямо противоположным искомым. В конце 1946 г. начальник Политуправления группы советских оккупационных войск генерал-майор Калашник сделал подробный анализ состояния советской пропаганды в Восточной Германии. Характеризуя возможности прессы с точки зрения ее воздействия на население Восточной Германии, генерал-майор Калашник, при этом, констатировал:

1. Буржуазные газеты добились большего распространения;
2. Из газет советской оккупационной зоны наибольшую популярность имеют местные газеты;
3. Меньше всего распространяется официальная газета советской военной администрации «Tägliche Rundschau». Нужно заметить, что и этого распространения она добилась после того, как начала печатать списки военнопленных и письма из русского плена.

По наблюдению Калашника, образ СССР, формировавшийся радио и прессой Восточной Германии, отталкивал читателей и радиослушателей. Навязчивый характер статей и передач приводил немцев к выводу о том, что они являются лишь объектом «большевистской пропаганды». Информация подавалась средствами массовой информации неоперативно, случалось, что одни и те же события комментировались на Востоке страны позже, чем на Западе, где советская пропаганда по сути отсутствовала[49].

Калашник точно определил причину столь низкой эффективности советской пропаганды. Он писал: «…мы подходим к немцу с той же самой меркой, как к нашему человеку, воспитанному в условиях иного, принципиально отличного государственного и общественного строя»[50].

Резкая оценка состояния советской пропаганды не помешала генерал-майору Калашнику констатировать огромный интерес немцев к СССР. О проявлениях интереса к СССР, а также о последовательном улучшении отношения немецкого населения к коммунистической партии и Советскому Союзу сообщали и из 7-го отдела Политуправления группы советских оккупационных войск в Германии:

> Население убеждается, что оккупационные власти стремятся сделать все возможное, чтобы обеспечить трудящимся необходимые условия для существования. Население… видит, что командование Красной Армии ведет борьбу против мародерства, насилий и убийств, чинимых отдельными военнослужащими. Население убеждается, что советские оккупационные власти смогли лучше организовать экономическую, политическую и культурную жизнь в своей зоне, чем это имеет место в западных зонах. Этим объясняется и возрастающий интерес к Советскому Союзу со стороны населения[51].

Военные преувеличивали, население убеждалось, прежде всего, в долговременности происходившего и пыталось приспособиться к новым условиям жизни, демонстрируя лояльность по отношению к советской оккупационной власти и взаимодействуя с ней по мере надобности.

В начале 1947 г. взятое прессой направление в подаче материала об СССР и советском человеке получило свое развитие. 9 января 1947 г. в «Теглихе Рундшау» была опубликована статья под названием «Герои и идеалы героев», в которой говорилось о героическом мире России и ее героических рабочих. В качестве примера приводился шахтер Алексей Стаханов, который в одной смене отработал норму 14 раз. После констатации успехов советских рабочих, «построивших из развалин старого строя, среди хаоса, голода и гражданской войны, новый мир», задавался вопрос, не должно ли это послужить примером «нового, подлинного героизма для разрушенной Германии, оставившей позади гитлеризм и милитаризм?». Утверждалось: «Фальшивые идолы должны быть сброшены с пьедестала», но пьедестал не может остаться стоять пустым. На него следовало возвести нового, то есть советского человека, ибо «советским людям удалось в трудовых буднях, в ходе преобразования и создания новых форм человеческих связей гармонично соединить личное и общественное, они смогли выработать и закрепить новую, более высокую и благородную мораль и новые законы человеческого поведения в повседневной жизни»[52].

Новый человек превращался, по сути, в сверхчеловека, и это было узнаваемо. Многое действовало как пароль, известный немцам, посвященным в штампы нацистской диктатуры.

Население Восточной Германии реагировало мгновенно. Оно легко воспроизводило стереотипы мышления и поведения, выработанные в условиях нацистского государства. Немцы получили, по сути, подсказку – они хорошо знали, как нужно действовать в таких условиях. Филолог Виктор Клемперер, сам член СЕПГ, отмечал появление нацистских штампов в речах функционеров рабочей партии[53], многие из которых прошли через опыт эмиграции в СССР. Этот опыт ограничивал их внутреннюю свободу, обусловливая склонность к компромиссам с оккупационой властью. Как у прибывших из эмиграции в СССР, так и у действовавших в нацистском подполье немецких коммунистов была выработана привычка к жесткой партийной дисциплине и уже поэтому склонность к исполнительству[54]. Кадровая политика СВАГ, ориентировавшейся в условиях холодной войны преимущественно на ком-

мунистов в рядах СЕПГ[55], потенциально сужала социальную базу советской оккупационной власти.

27 февраля 1947 г. был открыт Дом культуры Советского Союза в Берлине. В апреле 1947 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разработало «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». Основная идея этого плана заключалась в последовательном противопоставлении всего советского, то есть «передового, прогнившему – буржуазному»[56]. Этот план касался и советской пропаганды в Восточной Германии. рассматривавшейся руководством СССР как пограничная территория советской сферы влияния в Европе. Постоянная констатация успехов СССР стала сочетаться в прессе с неудержимой критикой всего западного. В качестве основного врага Советского Союза определялись Соединенные Штаты Америки. Суть происходившего хорошо определил Илья Эренбург. Реагируя на постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О “Литературной газете”», он отметил: «Задача была воспитать презрение, воспитать ненависть к нашим сегодняшним недоброжелателям и нашим завтрашним противникам – воспитать эту ненависть у огромного количества людей. Какова должна быть основная мишень? Ясно, – Америка и американский образ жизни…»[57].

Сложность задачи требовала выработки эффективного механизма воздействия на массовое сознание советской оккупационной зоны. Имевшийся арсенал средств был явно недостаточен, тем более что СВАГ и СЕПГ не располагали в Восточной Германии монополией на информацию, а бывшие союзники демонстрировали завидное превосходство в обращении с немецким населением.

Приоритет западных союзников в вопросах пропаганды наглядно представил в своем письме Сталину писатель Петр Павленко. Саркастически рисуя, при этом, реальность Берлинского Дома советской культуры, Павленко отмечал: «…ежедневно толпы немцев. С интересом они разглядывают выставку скверных репродукций с оригиналов Третьяковской галереи и выставку гравюр Павлова, посвященных старой деревянной Москве. В двух-трех комнатах развешаны случайные картины нескольких советских художников…». Отмечая просчеты советской пропаганды, писатель констатировал: «Немцы проявляют значительный интерес к советской книге… Мы ограничились открытием магазинов “Международной книги”, которые торгуют, механически переводя цену в рублях на марки. “Тихий Дон” Шолохова, стоящий 22 рубля, продается за 44 марки. Для Германии это цена баснословная. Немецкий, американский, английский роман стоит 3–5 марок… Мне кажется совершенно необходимым, чтобы “Международная книга” назначила цены в соответствии с ценами немецкого книжного рынка, чтобы она открыла при магазинах читальные залы и ввела в практику продажу книг с рассроченным платежом – специально для студентов»[58].

Павленко отмечал и пагубную несогласованность действий советских ведомств и организаций, занимавшихся советской пропагандой в Германии[59]. При этом, он подчеркивал необходимость повышения культурного уровня личного состава группы советских оккупационных войск в Германии. Соприкасаясь так или иначе с населением, советские солдаты и офицеры должны были, по меньшей мере, не опровергать образ советского человека, создававшийся советской пропагандой.

Резкое обострение внешнеполитической ситуации требовало ускорить создание в Восточной Германии выгодной СССР информационной реальности. Но сделать это было трудно, мешало отсутствие монополии СВАГ на средства массовой информа-

ции и саму информацию. Большинство населения зоны относилось к советской оккупационной власти с прежним недоверием и настороженностью. В таких условиях переименование Управления пропаганды в Управление информации[60] оказалось абсолютно оправданным.

В мае 1947 г. Управление информации приступило к усиленной лекционной работе среди немецкого населения. Штат отдела пропаганды в Управлении пополнился четырьмя лекторами. Одновременно при отделе была создана внештатная лекторская группа из 15 работников других отделов Управления. В июне внештатные лекторские группы появились при всех отделах информации в землях и провинциях советской оккупационной зоны. Интерес к СССР в Германии рос, но писем и докладных записок с критическими замечаниями в адрес советской внешнеполитической пропаганды и предложениями ее совершенствования не становилось меньше. Неэффективность советской пропаганды в Восточной Германии беспокоила и немцев, связавших свою жизнь с коммунистической концепцией развития страны[61].

30 июня 1947 г. в Берлине было создано Общество по изучению культуры Советского Союза. Его возглавил известный профессор – экономист Юрген Кучинский[62]. Образование общества, соответствовавшего традиции, сложившейся еще в годы Веймарской республики, инициировали СВАГ и СЕПГ[63]. Оно состояло преимущественно из представителей интеллигенции и не являлось массовым. Медленный рост его рядов Юрген Кучинский по праву объяснял «политическим и культурным уровнем немецкого населения, отсутствием большого числа людей, чьи убеждения соответствовали бы целям общества»[64].

Весной 1948 г. прекратил свою деятельность Союзный Контрольный Совет, началось прямое подключение восточной и западной частей Германии к политике противоборствующих сторон. Этот процесс сопровождался экономическим, политическим и культурным обособлением советской и западных оккупационных зон. В обеих частях Германии были приняты меры по ограничению влияния оппозиции, наиболее последовательные представители которой выехали за пределы Восточной Германии или подверглись репрессиям[65]. Политический конформизм вознаграждался и тактика выживания толкала основную массу населения к демонстрации лояльности по отношению к советской оккупационной власти.

Пропаганда СССР стала носить более наступательный характер. Важную роль при этом играли немцы, которым довелось побывать в Советском Союзе в 1947–48 гг.[66]. В СССР им обычно предлагалась хорошо продуманная программа, включавшая посещение Третьяковской галереи в Москве, Эрмитажа в Ленинграде, частных квартир далеко не рядовых советских граждан, например, Александры Коллонтай или Ильи Эренбурга, мавзолея Ленина. Немцы уезжали потрясенные тем, что они узнавали о злодеяниях фашистских оккупантов на советской земле и грандиозностью восстановительных работ. Какие выводы делались, при этом? «Мы убеждены, что в вашей стране – больше, чем в других странах – господствует право, справедливость и свобода», – заявил писатель Бернгард Келлерманн перед отъездом из СССР на Родину[67]. Годом позже премьер-министр земли Бранденбург, Карл Штайнхофф сказал: «Наша поездка убедила нас, что факты, которые мы здесь наблюдали собственными глазами, уличают во лжи клеветническую прессу западных империалистов и их немецких пособников во всех ее нападках на Советский Союз… Если где-либо на свете народ свободен, то это здесь. Если где-либо на свете жизненный уровень населения высок – то это здесь. Если где-либо личность развивается и ува-

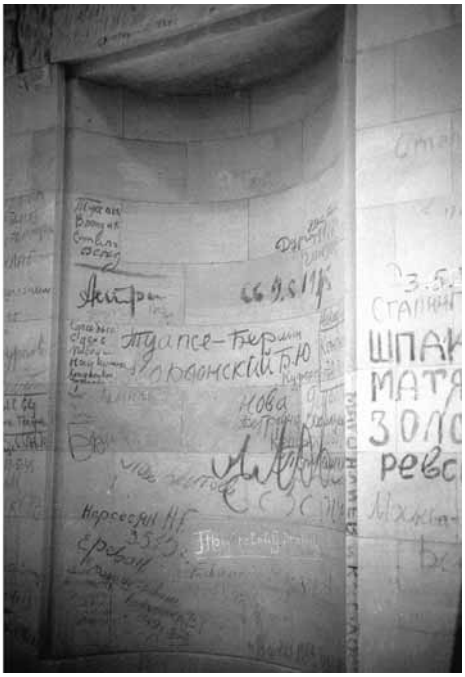
жается – то это здесь. Поэтому мы еще лучше и эффективнее, чем раньше, будем выступать против антисоветской пропаганды, изобретенной и постоянно вскармливаемой международными монополистическими капиталистами, … мы будем выступать за честную и неограниченную дружбу с Советским Союзом»[68].

Как удалось установить контакт с населением Восточной Германии так, чтобы культурные и политические посольства принимались и понимались там лучше? В советской оккупационной зоне начали практиковаться общественные просмотры кинокартин до выпуска их на экран для актива СЕПГ, прессы, массовых демократических организаций. Просмотры обеспечивали должное восприятие немцами советских фильмов и помогали «ознакомить широкие слои немецкого населения с государственным и общественным строем, культурой и бытом Советского Союза…». Осуществлялся просмотр и не синхронизированных на немецкий язык советских фильмов для актива СЕПГ и Общества по изучению культуры Советского Союза, выявлялись «возможности сделать советские фильмы наиболее понятными и доходчивыми для широких масс немецкого зрителя». Предложения и пожелания участников общественных просмотров тщательно изучались в процессе дальнейшей синхронизации советских фильмов на немецкий язык[69].

Управление информации СВАГ, установив соответствующие контакты с немецкой прессой, добилось привлечения внимания немецкого зрителя к советским фильмам. Резко возросло количество статей и рецензий о советском кино[70]. Выпущенные в 1947 г. в прокат 38 советских полнометражных художественных и документальных фильмов заняли 174.980 экранодней в кинотеатрах Восточной Германии, то есть 43,8 % к общему количеству экранодней всех кинотеатров. На эти фильмы было продано 59.689.513 билетов[71].

Изменения затронули и деятельность Общества по изучению культуры Советского Союза. В 1948 г. стали очевидны возможности Общества. Анализируя его развитие, заместитель политсоветника СВАГ Михаил Грибанов обратил внимание своего руководства на цель этой организации. Она заключалась в «*воспитании кадров подлинных* друзей Советского Союза и популяризации его достижений среди широких слоев населения».

Грибанов докладывал в Москву: «Положительным моментом в содержании деятельности Общества является установка на пропаганду Советского Союза как передового социалистического государства и заостренно антиимпериалистический характер этой пропаганды»[72]. Ему было понятно, что советская пропаганда в Восточной Германии может и должна вестись преимущественно от имени немцев. Москва реагировала принятием решения о разработке мер по приданию Обществу массового характера. 1.03.1949 г. Политбюро ЦК СЕПГ обсудило вопрос о его работе и состоянии. В соответствии с решениями Политбюро земельные или окружные секретариаты СЕПГ были обязаны принять меры в поддержку Общества. Политбюро указывало на его особое значение в борьбе с антибольшевизмом, ибо оно могло вовлечь в эту борьбу широкие массы. Отделу партучебы поручалось разработать механизм подготовки функционеров Общества. В бюджеты министерств народного образования земель включалась сумма в размере 500 тысяч немецких марок для потребностей общества. В информации, переданной СВАГ в Москву, сумма совокупной дотации Обществу составила 5 млн. марок[73]. В июне 1949 г. Общество по изучению культуры Советского Союза было переименовано в Общество германо-советской дружбы. Изменение названия устранило последнее препятствие для превращения



Оставшиеся надписи победителей. Справа – в Берлинском Рейхстаге в 1945-м, слева – на полигоне в Укермарке в 80-х годах (сегодня это место – заповедник)

этой организации в массовую[74]. Незадолго до образования Германской Демократической Республики советская пропаганда в Восточной Германии оказалась передана в руки самих немцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Басистов Ю.В.* Особый театр военных действий: Листовки на фронтах Второй мировой войны. – СПб., 1999. С. 7.

[2] Проблема роли и эффективности советской пропаганды во внешней политике СССР второй половины 1940-х гг. является до сих пор одной из малоизученных в отечественной исторической науке. Монография А.В. Фатеева «Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг.» (М. 1999) носит обзорный характер и не затрагивает ряд весьма важных внешнеполитических направлений советской пропаганды того времени. Кроме названной работы в отечественной исторической науке данной проблеме посвящены несколько статей, например: *Филитов А.М.* «Образ врага»: роль мисперцепции в формировании менталитета и политики «холодной войны» // Основные проблемы и тенденции международных отношений. По материалам международной конференции 21–23 ноября 1989 г. Москва. – М., 1992. С. 125–141; *Печатнов В.О.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М., 1999. С. 108–133.

Вне сферы внимания российских исследователей не осталась и советская пропаганда в Восточной Германии 1945–49 гг. В той или иной степени этот вопрос затрагивали в своих трудах многие историки (Г.А. Бордюгов, Е.Ю. Зубкова, Е.С. Сенявская, Д.Н. Филипповых и др.). За рубежом он получил отчасти свое отражение в работах таких ученых, как Б. Бонвеч, Н. Неймарк, Д. Пайк, Я. Фойтцик, А. Хартманн и В. Эгелинг).

В данной статье предпринята попытка представить эволюцию советской пропаганды в Восточной Германии второй половины 1940-х гг. Статья базируется на источниках, выявленных в фондах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) в г. Подольск, материалах прессы и периодической печати 1940-х гг., а также воспоминаниях ветеранов войны, полученных в ходе опроса.

[3] Цит. по: *Печатнов В.О.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М., 1999. С. 131.

[4] О политическом настроении г. Берлин в связи с новыми нормами питания. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 20.

[5] Там же. – Л. 22.

[6] Начальнику ПУ 1 УФ. Политическое донесение. ЦАМО РФ. – 1УФ. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 349. Л. 845.

[7] Центральная сводка № 69. – РГАСПИ. Ф. онд 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 42.

[8] АВП РФ. Фонд Секретариат Вышинского. Оп. 10. Папка 18. Д. 236. Л. 27.

Владимир Семенович Семенов (1911–1992) – известный советский дипломат в Германии. В 1953–54 гг. Верховный комиссар СССР в Германии и посол в ГДР, в 1978–86 гг. посол СССР в ФРГ, ср. также: Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–91. – Berlin 1995. Василий Иванович Чуйков (1900–1982) – с июля 1946 года – заместитель, затем первый заместитель, с марта 1949 года – Главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

[9] Подробнее см.: Bernd Bonwetsch, Gennadij Bordjugov, Norman M. Naimark (Hg.): Sowjetische Politik in der SBZ 1945–1949. Dokumente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjulpanov. – Bonn, 1997.

10 См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. Сборник документов. Под редакцией Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. – М., 1994. С. 22–23.

[11] Вышедшие из тюрем и концентрационных лагерей немецкие антифашисты посещали места скопления людей, собирая необходимую информацию о настроениях населения. Их донесения не были простым воспроизведением чужих мнений, они пытались влиять на оккупационную власть. Один из информаторов, действовавший под кличкой «Антифашист», писал: «Население вследствие своего недостаточного политического развития считает, что Красная Армия должна помогать, а не конфисковывать и грабить. Разочарования порождают чувства безразличия и равнодушия по отношению к оккупационным властям». По сути «Антифашист» посоветовал принять меры по укреплению дисциплины в оккупационных войсках. Политдонесение Тюльпанову. – ЦАМО РФ. Ф. онд 233. Оп. 2374. Д. 170. Л. 832.

12. См.: СВАГ: Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. С. 22–23.

[13] Начальнику 7 Управления Глав ПУ РККА генерал-майору Бурцеву. Докладная записка. О работе среди немецкого населения. – ЦАМО РФ. ГСОВвГ 348092с. Д. 1. Л. 18.

[14] См.: Russische Wissenschaftler und Künstler in Rumänien // Tägliche Rundschau. 31.05.1945.

[15] См. также: Delegation der britischen Genossenschaften über Sowjetrussland//Tägliche Rundschau. 2.06.1945.

[16] См., например: Die Sowjetkunst blüht auf // Tägliche Rundschau. 3.06.1945.

[17] Von den deutschen Eindringlingen in der UdSSR zerstörte Kulturdenkmäler// Tägliche Rundschau. 3.06.1945.

[18] А. Смирнову, М. Грибанов // Архив внешней политики Российской Федерации(АВПРФ). – Фонд Германия референтура 1948. Оп. 35. Папка 174. Л. 57.

[19] 1 Белорусский фронт. Политуправление. Политдонесение С.И. Тюльпанову. – ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2374. Д. 170. Л. 819. В документе, к сожалению, не сообщено, о каком фильме идет речь. Характер высказывания позволяет заключить, что это не может быть аутентичным высказы-

ванием немца. Судя по языковой и идейной составляющей этого текста, здесь, скорее всего, представлено заранее подготовленное сообщение. Советские фильмы перед войной были неизвестны большим городам Германии из-за запрета на них.

[20] Запись воспоминаний А.М. Калиберды, майора в отставке, танкиста 180-ой танковой бригады // Из личного архива автора.

[21] Запись воспоминаний И.С. Любимова, бывшего механика-водителя танка 4 танковой армии, старшего сержанта // Из личного архива автора.

[22] Запись воспоминаний. М.П. Рожмана, в бывшем младшего сержанта связи 4-ой танковой армии // Из личного архива автора.

[23] Там же. Л. 401.

[24] См.: *Фадеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. С. 45.

[25] Спецдонесение И. Шикину. О работе 7 отдела ПУ ГСОВГ за апрель 1946. ЦАМО. Ф. 254. Оп. 245720С. д.11. Л. 339.

[26] Там же. Л. 340.

[27] Там же. Л. 354.

Личный состав 7-го отдела ГСОВГ состоял из 15 человек, в 7-х отделах Политотделов армий и дивизий работало еще 52 человека. Все они являлись членами ВКП(б), большинство из них имело высшее или незаконченное высшее образование. Среди них был и один кандидат наук. Немецким языком владели свободно, отлично и хорошо 22 офицера, удовлетворительно 23 и слабо – 30. Там же. Л. 357.

[28] Боевой товарищ и друг Льва Копелева, возглавляет ныне Центр германистических исследований ИВИ РАН.

[29] Там же. Л. 494.

[30] «Faust» in der Tundra // Tägliche Rundschau. 18.02.1945.

[31] См., например: Das sowjetische Volk wählt // Tägliche Rundschau.18. 02.1946.

[32] См., например: *Alfred Kurella.* Urlaubsreise nach Kaukasus // Tägliche Rundschau. 19.04.1946. Альфред Курелла (1895–1975) – в 20–30-е гг. работал в Советском Союзе редактором и работником культуры, с 1937 г. жил в качестве советского гражданина в Москве и Казани. В 1946–49 гг. работал в Кавказе переводчиком (Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Белинского) и издателем. Только в 1954 г. ему было разрешено вернуться в ГДР.

[33] Там же. 26.04.1946.

[34] Спецдонесение И. Шикину. ЦАМО. Ф. 254. Оп. 245720С. Д. 11. Л. 592–593.

[35] См. также: *Norman Naimark*. Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – Berlin, 1999. S. 375–411. (*Прим. ред.*).

[36] Документ № 45. Записка начальника Главного Политического Управления ВС СССР И. Шикина начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александрову об итогах проверки Управления пропаганды СВАГ // СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. С. 146.

[37] Дом культуры Советского Союза был открыт в Берлине по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 17 ноября 1946 г.

[38] Документ № 45. Записка начальника Главного Политического Управления ВС СССР И. Шикина… (см. сн. 36), здесь С. 147.

[39]. Записка заместителя начальника политотдела политсоветника в Германии И. Филиппова заместителю министра иностранных дел С. Лозовскому о перестройке советской пропаганды в Германии. 23 мая 1946 // СВАГ. Управление пропаганды… С. 150–151.

[40] Спецдонесение И. Шикину. ЦАМО РФ. Ф. 254. Оп. 24 5720С. Д. 11. Л. 599.

[41] 12 июля 1946 г. газета «Красная звезда» опубликовала карикатуру Бориса Ефимова «Уютное гнездышко для фашистских птичек». Художник изобразил гнездо, из которого высовывались страшные лица. На головном уборе одного из них стояла надпись: «Гитлеровец». Карикатура была снабжена следующим текстом: «Американская и английская зоны стали прибежищем для заведомых преступников. В американской и английской зонах открыто ведется враждебная СССР пропаганда».

[42] Freundschaft über Länder und Meere. Briefe der Jugend des Auslandes an die Sowjetjugend // Tägliche Rundschau. 9.06.1946.

[43] Wir antworten auf die Fragen // Tägliche Rundschau. 16.06.1946.

[44] Tägliche Rundschau. 22.06.1946.

[45] Там же. S. 6.

[46] *Фатеев А.В.* Образ Германии в советской пропаганде 1945–1954 гг. С. 47.

[47] См.: Probleme der heutigen Sowjetkunst // Tägliche Rundschau. 13.10.1946.

[48] Там же. 7. 11. 1946.

[49] Спецдонесение исполняющего обязанности начальника ПУ ГСОВГ генерал-майора Калашника И. Шикину. 11.11.1946. ЦАМО РФ. Ф. 254. Оп. 245720. Д. 12. Л. 21–41, здесь Л. 27.

[50] Там же. Л. 40.

[51] Начальнику 7-го отдела ПУ ГСОВГ Беседину. ЦАМО РФ. ГСОВГ. Оп. 245720С. Д. 5. Л. 441.

[52] Die große umgestaltende Kraft // Tägliche Rundschau. 13.06.1947,

[53] *Klemperer V.* LTI Notizbuch eines Philologen. Halle 1947. S. 20. Russische Ausgabe: LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. – М., 1998.

[54] Например, немецкое центральное управление народного образования возглавлял вернувшийся из эмиграции в СССР коммунист П. Вандель. В годы войны он являлся руководителем и старшим преподавателем немецкой группы в школе Коминтерна под Уфой. По мнению бывшего курсанта школы В. Леонгарда, Вандель «был законченным типом интеллигентного сталиниста… безоглядно отдавшим свои огромные теоретические познания делу обоснования, разъяснения и пропаганды директив, спускавшихся ему свыше». – См.: *Leonhard W.* Die Revolution entläßt ihre Kinder. – Köln, 1990. S. 240.

[55] После образования СЕПГ усилия СВАГ и бывших функционеров КПГ были направлены на борьбу с «социал-демократизмом» в рабочей партии. Одним из методов борьбы стали внутрипартийные чистки. – См. подробнее: Hermann Weber/Ulrich Mählert: Terror: stalinistische Parteisäuberungen (1936–1953). – Padeborn, 1998.

[56] «В основу работы по воспитанию советского патриотизма должно быть положено указание товарища Сталина, что даже “последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства”». См.: *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. С. 63.

[57] Там же. С. 80.

[58] Писатель Петр Павленко в ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 298–301. Павленко работал в Берлине над сценарием к кинофильму «Взятие Берлина».

[59] В.О. Печатнов называет в качестве основных следующие ведомства и организации, занимавшиеся в СССР внешнеполитической пропагандой: Совинформбюро, ВОКС, Радиокомитет, «Международная книга», Международный отдел ВЦСПС, ТАСС, Издательство иностранной литературы, «общественные» комитеты – Женский, Еврейский, Славянский, Молодежный. См.: *Печатнов В.О.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы, – М., 1999. С. 108–133.

[60] Это произошло в апреле 1947 г.

[61] Одним из тех, кто искренне переживал все просчеты советской пропаганды, являлся президент Союза деятелей культуры за демократическую Германию (Культурбунда) И.Р. Бехер. Весной 1949 г., будучи в Москве, он пытался представить свой взгляд на советскую пропаганду в разговоре с председателем правления ВОКСа А.И. Денисовым, но не смог сделать этого, опасаясь последствий. И.Р. Бехер пообещал Денисову указать на все недостатки советской пропаганды, когда они встретятся в Германии. – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – фонд референтура по Германии. Оп. 36. Д. 115. Папка 198. Л. 65.

[62] См. подробнее: *Anneli Hartmann, Wolfram Eggeling.* Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft. Zum Aufbau einer Institution in der SBZ/DDR zwischen deutschen Politzwängen und sowjetischen Steuerung. – B., 1993. S. 24. Кучинский в 1945 году вернулся «с другой стороны» – политэмигрант приехал из английской ссылки. В последние годы войны был научным сотрудником Управления планирования стратегических бомбардировок (Strategic Bombing Survey) США и полковником американской армии. Его сестра Рут Вернер под псевдонимом «Соня» работала на Рихарда Зорге.

[63] Там же. S. 24–25.

[64] По данным Юргена Кучинского общество насчитывало осенью 1948 г. 36 000 членов. – См.: *Hartmann, Eggeling.* Die Gesellschaft… S. 29.

[65] См. подробнее: «Порядок есть порядок» и как его поддерживали органы НКВД // *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. – М., 1995. С. 155–180.

[66] Например, Э. Клаудиус (Шмидт), посетивший в апреле 1948 г. СССР в составе делегации немецких писателей, сделал 10 докладов о Советском Союзе и своих впечатлениях специально для рабочих крупных предприятий земли Бранденбург, охватив в общей сложности более 4 тысяч рабочих. Грибанов – Смирнову. 12.7.1948. АВП РФ. Фонд Германия референтура 1948. Оп. 35. Папка 174. Л. 42.

[67] Отчет о пребывании в СССР делегации немецких писателей и деятелей культуры 7.04. – 4.05.1948 г. Там же. Л. 30.

[68] АВПРФ. Фонд Германия референтура 1949. Оп. 36. Д. 116. Папка 198. Л. 36.

[69] М. Грибанов – А. Смирнову 22.07.1948. // АВП РФ. Фонд Германия референтура 1948. Оп. 35. Папка 174. Л. 54.

[70] В 1946 г. была опубликована 851 рецензия, в 1947 г. – 7690. Там же. Л. 58.

[71] Для сравнения – в том же году в советской зоне оккупации было показано 3 американских, 14 английских и 10 французских кинофильмов. Там же. Л. 55.

[72] М. Грибанов – А. Смирнову 12.7.1948 // АВП РФ. Фонд Германия референтура 1948. Оп. 35. Папка 174. Л. 50.

[73] Вальтер Ульбрихт – Чрезвычайному и полномочному послу СССР тов. Семенову АВП РФ. Фонд Германия референтура 1949. Оп. 36. Д. 115. Папка 198. Л. 22–23; А. Смирнову – Г. Аркадьев, заместитель политсоветника СВАГ, 17.03.1949. Там же. Л. 34.

[74] *Hartmann, Eggeling.* Die Gesellschaft… S. 28.

Алексей Филитов, Зоя Водопьянова

ГДР. ДЕНЬ «ИКС»: 17 ИЮНЯ 1953 г. Доклады советских офицеров разведки в Москву

Экономические выступления рабочих в июне 1953 г. в Берлине, переросшие в политическую забастовку против правительства ГДР по всей республике, до 1990-х годов не были предметом изучения советских историков. Эти события лишь кратко упоминались в исследованиях, посвященных проблемам европейской безопасности и германскому вопросу, причем, трактовались в том духе, что речь шла о «фашистской вылазке». Только в последнее время начали серьезно изучаться их причины, ход и итоги[1]. В ноябре 1996 г. состоялась Международная конференция в Потсдаме, на которой были подведены итоги изучения проблемы. Берлинские акции протеста 1953 года определены как первое послевоенное восстание трудящихся против социалистической системы. Новый импульс в исследовании проблемы дало введение в научный оборот документальных источников из вновь открытых архивов, их публикация[2] и издание мемуаров политических деятелей СССР и ГДР[3], сотрудников аппарата ЦК КПСС и государственных учреждений[4].

На основе анализа литературы и источников в статье делается попытка по-новому рассмотреть такие аспекты проблемы – что же предшествовало событиям июня 1953 года в ГДР; как относилась советская элита к тем экспериментам, которые проводились в ГДР; знали ли в Кремле об истинном состоянии дел; пыталась ли предотвратить взрыв; был ли конфликт по вопросу о будущей германской политике в советском руководстве после смерти Сталина; если был, то в чем выражался и между кем разыгрывался; какова была роль «фактора ГДР» – пассивного объекта или активного действующего лица; кто несет ответственность за драматические события июня 1953 года; каково отношение к этим событиям различных слоев советского общества.

Курс на строительство основ социализма

В июле 1952 г. Вторая конференция СЕПГ приняла решение о том, что «политические и экономические условия, а также сознание рабочего класса и большинства трудящихся развиты в такой степени, что “строительство социализма в ГДР стало основной задачей”». Оно должно было осуществляться с использованием опыта построения социализма в СССР, т. е. включать индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Руководство СЕПГ не учло ни менталитет немецкого народа, ни близость открытых границ с Западным Берлином, ни силы СЕПГ. Ее Первый секретарь Вальтер Ульбрихт (1893–1973) старался во всем копировать опыт построения социализма в СССР. Был разработан пятилетний план развития народного хозяйства ГДР, который предусматривал увеличение промышленной продукции Республики вдвое по сравнению с довоенным уровнем, предусматривался рост на-

родного дохода на 60 %[5]. Уже к концу 1952 г. обнаружилось противоречие между предполагаемыми темпами развития и реальными возможностями. Взяв курс на форсированное развитие тяжелой промышленности и достигнув в этой сфере определенных успехов, руководство СЕПГ пренебрегало задачами производства товаров широкого потребления. В сельском хозяйстве был взят курс на создание сельскохозяйственных производственных кооперативов и применение административных мер, направленных против единоличных частных хозяйств. Сельскохозяйственные кооперативы создавались принудительно. К 1 мая 1953 г. было создано 4.380 таких объединений, в них более двух третей крестьян были включены насильственно[6]. Осуществлялась политика вытеснения мелких частных предпринимателей и торговцев. Частные ремесленники и крестьяне лишались кредитов, сырья. Зарплата рабочих, занятых в частном секторе, была намного ниже, чем на госпредприятиях. Они не пользовались социальной помощью. Переход рабочих из частного сектора в государственный был запрещен. Это вызывало недовольство среди рабочих. Недовольство еще больше усилилось, когда в январе – марте 1953 г. при активном участии Советской контрольной комиссии в Германии, в порядке проведения так называемого «режима экономии» был отменен ряд льгот и преимуществ, которыми немецкие рабочие пользовались с 1945 г. Эта политика привела к перебоям в снабжении населения продуктами питания, предметами первой необходимости, топливом и энергией. 19 апреля 1953 г. были повышены цены на продукты, содержавшие сахар.

Усилилась вербовка молодежи в казарменную полицию, причем нарушались принципы добровольности. Расходы на содержание полиции должны были составить в 1953 г. 5.280 млн. марок, на строительство казарм 4.106 млн. марок. Отставание от плана обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, увеличение финансирования на казарменную полицию вызвало эмиссию денежной массы в сумме 500 млн. марок. Для укрепления бюджета пришлось увеличить налоги с частного сектора на 7–10 %. Взыскание налогов с частных предприятий и крестьян сопровождалось применением принудительных мер, вплоть до экспроприации и привлечения неплательщиков к уголовной ответственности. На основе закона «Об охране народной собственности» тысячи людей арестовывались и осуждались на 1–3 года за малейшее нарушение закона. По данным отчета Верховного комиссара за разные формы провинности в первом полугодии 1953 г. было осуждено 51.276 человек[7].

В начале 1953 г. органами власти был принят ряд мер административного характера, направленных на ограничение деятельности церкви. Проводилась конфискация благотворительных церковных учреждений, прекращена выплата государственных дотаций церкви, осуществлялось преследование молодежной религиозной организации «Юнге Гемайнде». Администрирование преобладало и в отношениях с интеллигенцией. Так, в беседе с начальником отдела информации СКК в Германии А.Л. Орловым председатель Национально-Демократической партии Лотар Больц сетует на то, что в ГДР «часто грубят интеллигенции, обижают ее достоинство». В качестве доказательства своего утверждения Л. Больц приводит пример того, как его знакомый, пожилой архитектор, после долгих мытарств вынужден был закрыть свою мастерскую и сбежать на Запад, несмотря на то, что государство было должно ему за работу 60 тыс. марок[8]. В государственных учреждениях и школах была проведена чистка. Недовольство всех слоев населения курсом, проводимым правительством ГДР, выражалось, прежде всего, в бегстве на Запад. По данным отчета Верховного комиссара СКК Владимира Семенова, за первое полугодие 1953 г. из Республики ушло 185.327 человек[9].

Советские представители в ГДР не только не били тревогу в связи с этими тревожными тенденциями, но по существу одобряли их, рассматривая как доказательство верности руководства СЕПГ той модели «строительства социализма», которая осуществлялась в СССР в период сталинской диктатуры. Если они выражали недовольство немецкими «друзьями», то это было связано, главным образом, с поиском «националистических тенденций» в сфере идеологии и пропаганды.

Отражением этого сверхподозрительного отношения к «немцам» (включая элиту родственного по идеологии и политической практике «рабоче-крестьянского государства») можно считать дошедший до самого «верха» – на уровень руководства Внешнеполитической комиссии ЦК КПСС – документ, присланный из аппарата Советской Контрольной Комиссии в Германии (СКК). Речь шла о кляузе в адрес центрального органа СЕПГ – газеты «Нойес Дойчланд» в связи с помещенной там статьей директора Института истории Лейпцигского Университета историка Эрнста Энгельберга «Генерал Вперед» – о прусском полководце Гебхарт Леберехт фон Блюхере. Казалось бы, «политическая корректность» в этом материале газеты была соблюдена: при Блюхере прусская армия вместе с русской вела освободительную войну против Наполеона. Чем плохо было вспомнить об этой традиции «братства по оружию» в обстановке, когда вновь с Запада, как утверждалось, угрожала агрессия? Оказывается, плохо было то, что в изображении немецкого историка в роли освободителя Германии предстает не русский народ, а прусский генерал, и более того – статья-де может подтолкнуть немецкого читателя к выводу, что надо бороться против любого иностранного военного присутствия на территории Германии, в том числе и присутствия «русских» войск»[10]. Эпизод этот, конечно, анекдотический, и не имевший, видимо, особых политических последствий (во всяком случае, не отозвавшийся на личной судьбе Энгельберга, ставшего впоследствии председателем Немецкого Сообщества историков и национального комитета историков ГДР), но он показателен.

Другой пример, отражающий уже не личное мнение сверхбдительного идеологического надсмотрщика, а официальную позицию одного из ведущих подразделений СКК – Отдела по общегерманским вопросам (ООВ). В датированной 5 февраля 1953 г. справке анализируется процесс разработки и пропаганды «Программы национального воссоединения Германии», принятой VII пленумом ЦК КПГ[11] 2 ноября 1952 г. Опять-таки беспокойство в справке выражается тем, что в первоначальный проект программы вкралась-де «националистическая формулировка» насчет того, что «Германия должна быть миролюбивой и демократической, независимой, *великой и сильной».* Два последних эпитета и были сочтены почти что криминалом. Не случайна также и еще одна претензия к западногерманским коммунистам в этой справке: публикуя в своей прессе намеки на то, что «освобождение от гнета режима Аденауэра» может оказаться делом «нескольких часов», они, как отметили эксперты из ЦК КПСС, проповедуют «политику авантюризма»[12].

В тех, достаточно редких случаях, когда со стороны аналитиков ГДР высказывались нестандартные и, в принципе, вполне разумные мысли о новых явлениях в международной политике, которые могли бы быть использованы для определенного смягчения отношений Восток-Запад, со стороны советских собеседников из СКК следовало молчание, и разговор переводился на другой предмет. Этот стиль общения ярко проявился в состоявшейся 20 января 1953 года беседе между членом секретариата ЦК СЕПГ, ответственным за «работу на Запад», Паулом Фернером (1911–

1986) и начальником Отдела общегерманских вопросов СКК полковником М.М. Кияткиным. Речь там шла о беспрецедентном событии в политической жизни Западной Германии: аресте английскими оккупационными властями группы бывших видных нацистов во главе с Вернером Науманом. Причины ареста Фернер объяснил англо-американскими противоречиями в Германии и, как, пишет Кияткин в записи беседы, «заявил, что у него есть информация, что английское правительство якобы заинтересовано в мирном разрешении острых международных проблем и что Черчилль выступает за переговоры между СССР и США при участии Англии…»[13].

В словах Фернера чувствуется тенденция к отходу от тогдашних шаблонов типа: «англо-американские оккупанты возрождают в ФРГ нацизм». Характерно, однако, что со стороны представителя СКК такая тенденция не нашла ни малейшего отклика: словечком «якобы» он отмежевался от нестандартного тезиса собеседника и поспешно перевел беседу на другую тему. «Ускорить присылку информации о том, как члены и функционеры КПГ изучают и пропагандируют материалы XIX съезда КПСС и труда тов. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”», – таково было, пожалуй, единственно конкретное пожелание, высказанное представителем СКК своему собеседнику. Такая позиция вполне адекватно отражала полнейший концептуальный вакуум в тогдашней советской политике – и не только в германском вопросе. Место реальных акций и инициатив заняли бесплодные пропагандистские кампании и рутинные отписки для «отчета».

«Необходимы рекомендации немецким друзьям»

После смерти Сталина советско-восточногерманские отношения перешли как бы в другую плоскость[14]. Как известно, главное внимание московского руководства было поглощено борьбой за власть, поэтому отношение к ГДР имело знаковый характер и определяло принадлежность к той или иной группировке в Президиуме ЦК. Принято считать, что реформаторское направление в этом вопросе было представлено фигурой Л.П. Берии, а его главным антагонистом был Вячеслав Молотов. Действительно, Берия после смерти Сталина стремился распространить свое влияние на все отрасли государственной деятельности. По отзывам его сподвижников, «он всячески старался подчеркнуть свою особую роль в государстве». 6 мая 1953 г. в ЦК КПСС Берии была подана записка, посвященная анализу причин ухода жителей ГДР на Запад[15]. Следует отметить, что это была не новая проблема для советского руководства и тем не менее в той борьбе, которая разворачивалась за власть, Берия вновь вынес ее на обсуждение Президиума ЦК КПСС для выработки «необходимых рекомендаций немецким друзьям». В ней признавалось, что поднятая по этому вопросу «в печати англо-американского блока шумиха» имеет под собой веские основания. Указывается, что только за первый квартал 1953 г. бежало в Западную Германию 84.034 человека, среди них членов СЕПГ – 1836 человек, членов Союза свободной немецкой молодежи – 1781 человек. Отмечая истинные причины ухода, Берия подчеркивает, что они объясняются «не только усилением вражеской пропаганды западногерманских органов среди населения ГДР» и тем, что «ЦК СЕПГ и ответственные государственные органы ГДР не ведут достаточно активной борьбы против деморализующей работы, проводимой западногерманскими властями», но и ухуд-

шившимися условиями жизни населения. Руководство СЕПГ слишком увлеклось задачами «улучшения материального благосостояния инженерно-технических работников», не уделяя в то же время должного внимания питанию и обмундированию служащих народной полиции». В итоге, предлагалось: усилить карательные органы и идеологическую обработку населения ГДР – это притом, что и то, и другое уже превышало там все разумные пределы, как раз и став одной из причин массового недовольства. Можно согласиться с выводами авторов книги «Поле битвы – Берлин. ЦРУ и КГБ в холодной войне»: анализируя этот документ, они замечают, что он «заканчивался на ноте совсем не реалистичной, зато политически приемлемой» (т. е. другими словами, не содержал никакого осуждения прежней политики)[16].

Записка рассматривалась на заседании Президиума ЦК КПСС 9 мая 1953 г. Решение по этому вопросу, к сожалению, не доступно исследователям, так как находится в особой папке и еще не рассекречено. Известна, однако, реакция ЦК на записку, которую примерно в это же время подготовил Молотов. В документе, датированном 8 мая и направленном на имя Георгия Маленкова и Никиты Хрущева, содержалась резкая критика тезиса о ГДР как государстве «диктатуры пролетариата», с которым 5 мая выступил первый секретарь СЕПГ Ульбрихт. В записке подчеркивалось, что Ульбрихт не согласовал это свое выступление с советской стороной и что оно противоречит данным ему ранее рекомендациям. Эта записка была рассмотрена на заседании Президиума ЦК КПСС 14 мая 1953 г. В результате им было решено направить телеграмму советским представителям в ГДР Василию Чуйкову и Павлу Юдину[17]. В ней ЦК требовал, чтобы они посетили Ульбрихта и передали ему, что в Москве считают политически несвоевременным его заявление 5 мая 1953 г. и указали на то, что оно наносит ущерб борьбе ГДР и Советского Союза за объединение Германии на миролюбивых и демократических началах[18]. Президиум ЦК КПСС рекомендовал Ульбрихту предпринять все усилия, чтобы его заявление не стало предметом обсуждения в печати ГДР. Партийное руководство выражало неудовольствие и действиями Юдина, «допустившего грубейшую ошибку»: он не только не проконтролировал В. Ульбрихта, но и не проинформировал Москву об этом высказывании руководителя СЕПГ. Советским представителям рекомендовалось в срочном порядке переговорить с руководством СЕПГ о необходимости до окончания весенних и осенних сельскохозяйственных работ не форсировать создание новых кооперативов[19]. В это время в ГДР проводилась кампания по «раскулачиванию» и насильственному насаждению сельскохозяйственных кооперативов[20]. Если сравнивать документы, внесенные в Президиум ЦК Берией и Молотовым, то можно, пожалуй, придти к выводу, что последний отреагировал на ситуацию в ГДР более оперативно, остро и содержательно.

Именно в аппарате МИДа, под руководством Молотова началась выработка нового плана по германскому вопросу. Первый проект появился 18 апреля 1953 г.[21]., за ним с интервалами буквально в несколько дней появилась серия других. Общей во всех них была идея создания общегерманского правительства при временном сохранении правительств обоих существующих в Германии государств. В то же время пункты, которые можно было бы трактовать как нацеленные на интеграцию ГДР в «соцлагерь» (предложение о заключении с ней договора о дружбе и взаимопомощи), оказались в ходе плановой работы снятыми. Разумеется, отнюдь не очевидно, что и в таком виде этот план оказался бы приемлемым для правительств и общественного мнения Запада. Многое, если не все зависело от того, 1) удастся ли заинтересовать

западных влиятельных политиков, идеей нового подхода к решению германской проблемы и 2) удастся ли достаточно быстро и решительно оздоровить обстановку в ГДР, повысить ее «кредит» как будущего партнера по переговорам в глазах немецкой и мировой общественности.

Для решения первой задачи, очевидно, необходимо было задействовать те каналы и контакты, которые имелись у ведомства Берии. Именно в этом аспекте следует трактовать известные высказывания в мемуарах Павла Судоплатова о «лихорадочной активности» в разведаппарате МВД «перед самым Первомаем» и о «плане Берии» по решению германского вопроса. Судоплатов передает основные идеи этого плана в следующем виде: «… Нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит наше положение в мире. Восточная Германия, или Германская Демократическая Республика, стала бы автономной провинцией новой единой Германии»[22].

Об активизации деятельности Берия по решению вопроса по отношению ГДР вспоминают и проходившие по одному делу с ним Савченко, Коротков и Обручников: «Получив из МИД материалы по германскому вопросу, Берия поручил Людвигову и Шария разработать проект контрпредложений, в частности высказаться за ликвидацию курса на строительство социализма и роспуск колхозов». Однако, если проанализировать подготовительные материалы МИДа, то видно, что принципиально новых контрпредложений сотрудники МВД не предложили. Это был, по сути, парафраз мидовских разработок, обсуждавшихся еще с середины апреля 1953 г. Главное было в решении вопроса, касавшегося «либерализации» ГДР. В Кремле отношение к строительству социализма в ГДР было двойственным. С одной стороны, администрация СКК оказывала помощь правительству ГДР и руководству СЕПГ в разработке реформ, с другой – в Кремле не могли не видеть преждевременность курса на быструю социализацию экономики ГДР.

Вопрос о руководстве СЕПГ обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС 20 мая 1953 г., когда рассматривался вопрос о мероприятиях в связи с 60-летием Ульбрихта. Видимо, обсуждение складывалось не в пользу Ульбрихта, т. к. Президиум ЦК КПСС поручил Михаилу Суслову лично переговорить с Вильгельмом Пиком[23]. Вопрос об общем положении в ГДР обсуждался на заседании Президиума Совета Министров СССР 27 мая 1953 г. Существует несколько очень разных свидетельств его участников о том, где, как и когда оно проходило[24]. Результатом этого обсуждения явилась подготовка в МИДе СССР проекта постановления Совмина СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Анализ проектов показывает, в каком направлении шла работа над документом. Если в первом варианте проект содержал формулировки об отказе от пропаганды построения социализма ГДР и, тем самым, косвенно дезавуировал эту идею, в третьем варианте проекта, датированном 1 июня, осталось лишь осуждение курса на «ускоренное строительство» или «форсирование строительства» социализма в Восточной Германии. Пункты, где отмечалась несвоевременность или даже неправильность лозунга о «необходимости перехода к социализму», сняты[25]. Из окончательного текста документа снят и ранее имевшийся в проекте пункт о необходимости первоочередного улучшения положения рабочего класса ГДР. В этом, очевидно, отразилось распространенное в советском руководстве мнение, что рабочие в ГДР и так живут слишком хорошо и не мешало бы их слегка «поприжать», о чем упоминает в своих мемуарах Валентин Фалин[26]. Правда, сейчас мы можем сказать, что, по крайней мере, Молотов и Семе-

нов, которые готовили первый проект, этого мнения не разделяли. Но они и не проявили какой-либо решительности в отстаивании своей, безусловно, более адекватной позиции.

Последний вариант отражал мнение большинства в ЦК КПСС. На его основе и было принято 2 июня 1953 г. Совмином СССР распоряжение № 7576 «О мерах по оздоровлению политической обстановке в ГДР»[27]. В этот же день, 2 июня, в Москву прибыла делегация СЕПГ, возглавляемая Ульбрихтом и Гротеволем. Последний оставил краткие заметки о переговорах с советскими руководителями. Вот как выглядят, согласно записи Гротеволя, их высказывания на основном заседании, начавшемся в 10 часов утра 3 июня[28]:

Маленков: будем исходить из того, что надо изменить существующие условия в ГДР.
Берия: мы все наделали ошибок; никаких упреков.
Молотов: ошибок много; поэтому исправлять так, чтобы это увидела вся Германия.
Хрущев: насчет СХК[29]: максимум добровольности.
Берия: исправлять быстро и решительно – документ сможете взять с собой.
Каганович: самое худшее – это бегство из республики. Наш документ – перелом, ваш – реформа.
Микоян: перелом невозможен без ревизии пятилетнего плана (тяжелая промышленность). Зачем строить домны, если чугун можно купить?
Маленков: насчет престижа – не надо бояться; если не исправим сейчас, может быть катастрофа. Исправлять в открытую. Души.
Ленин = политика нэпа.
И так много времени потеряно.
Нужно действовать быстро.
В спокойном рабочем стиле.

Какова же была реакция руководства ГДР? От его лица выступил Ульбрихт. В конспективной записи Отто Гротеволя это выглядело следующим образом:

Никакой паники в СХК.
1. Снижение обязательных поставок.
2. Улучшить дело с оборудованием для МТС.

Как видим, Ульбрихт ответил только одному Хрущеву, как бы развив ход его мыслей: коллективизация сама по себе дело хорошее, надо ее продолжать, а добровольность приложится, если будет соответствующее материальное обеспечение и стимулирование. Замечания же прочих «друзей» лидер СЕПГ попросту проигнорировал, постаравшись обойти наиболее острые и неприятные для себя вопросы своей деятельности. Надо отдать должное его политическому чутью: он вполне разобрался, на кого ему можно опереться. Видимо, отсюда берет начало тот тандем Хрущев – Ульбрихт, который многое объясняет в последующей советской политике по германскому вопросу: безоговорочная поддержка «социалистической» ГДР в ущерб идее германского единства.

Вооруженные личными «замечаниями советских друзей» и их руководством к действию в виде распоряжения Совмина СССР от 2 июня 1953 г., немецкие руководители на заседании Политбюро ЦК СЕПГ 9 июня 1953 г. приняли решение о «но-

вом курсе». 11 июня это решение было опубликовано. Нельзя сказать, чтобы лидеры ГДР/СЕПГ особенно поспешали, но еще более характерно было то, что не было принято никаких мер к предварительному оповещению функционеров среднего и низшего звена о столь резком повороте в политике и разъяснению им сути принятой программы. В результате, весь партийно-государственный аппарат оказался фактически парализованным.

Сюда добавилось и еще одно роковое обстоятельство: «новый курс» не улучшал положение рабочего класса ГДР. Между тем 28 мая 1953 г. правительством ГДР было принято постановление об общем повышении норм выработки на 10 %. Инициатором и основным проводником политики повышения норм был Ульбрихт. «Однако в некоторых отраслях промышленности, – отмечал в своем отчете Верховный комиссар, – министры самостоятельно повысили нормы на 30–60 %, что вызвало массовое недовольство рабочего класса»[30]. Был отменен ряд постановлений. 8 июня ЦК СЕПГ на места были посланы указания на недопустимость перегибов. Однако указания ЦК СЕПГ о снижении норм выработки от 8 июня не были выполнены, в результате чего, по данным отчета Верховного комиссара, «зарплата была снижена на 25–40 %. Снижение зарплаты коснулось в том или ином размере многих рабочих»[31]. Основной формой протеста против этого курса были забастовки. Еще задолго до 16 июня в некоторых местностях ГДР возникали забастовки рабочих, направленные против повышения норм выработки. Однако ЦК СЕПГ не обратил на это внимания.

«Не появился ни один народный полицейский»

14 июня органы госбезопасности ГДР и Берлинский горком СЕПГ получили сведения о подготовке забастовки против повышения норм выработки строительных рабочих в Берлине, в частности, на строительстве Сталин-аллеи. Однако этим сообщениям они не придали никакого значения и не доложили о них руководству СЕПГ и СКК.

Утром 16 июня в ответ на посланную накануне премьер-министру Гротеволю петицию рабочих со строительной площадки во Фридрихсхайне, туда явилась группа «инструкторов» для проведения «разъяснительной работы», которая началась с того, что было отдано распоряжение запереть ворота и фактически арестовать собравшихся. Эти действия были изначально не осуществимы. Они спровоцировали демонстрацию рабочих[32]. Свои наблюдения за ходом событий в Берлине подробно излагает корреспондент газеты «Правда» Павел Наумов, проведший два дня – 16 и 17 июня – в самой гуще событий. В своем сообщении Главному редактору газеты «Правда» Дмитрию Шепилову 22 июня[33] он отмечал, что поначалу требования демонстрантов и митингующих касались, в основном, экономических проблем: отмены повышения производственных норм, снижения цен, улучшения положения с жильем, пенсиями и т. д. Корреспонденты «зафиксировали все лозунги, которые провозглашались забастовщиками». Среди них были такие: «Мы требуем повышения жизненного уровня», «Мы требуем снижения норм», «Мы требуем снижения цен в ХО[34] на 40 %». Вроде бы политика как таковая отсутствовала. Только изредка, вторгаясь в виде возгласов «Где Пик?»[35], да и то, когда был пущен слух, будто бы президент ГДР арестован в Советском Союзе. Время от времени демонстранты тре-

бовали: «Ульбрихта или Гротеволя», призывали провести общие германские выборы. Однако, если проанализировать содержание лозунгов, можно заметить следы будущих грозных событий. «Мы хотим быть свободными людьми», «Мы рабочие, а не рабы» – было написано на плакатах. «Мы хотим масла, а не народную армию», «Долой народную армию!» – это уже лозунги действия. Если вовремя не осознать и не повернуть такой настрой масс, то выступления не избежать. Среди руководства СЕПГ и ГДР таких людей не нашлось, а, может быть, и не могло найтись. Вечером 16 июня советский корреспондент отмечал, что демонстрантами «не было провозглашено ни одного лозунга против правительства ГДР, против СЕПГ или Советского Союза»[36]. И это несмотря на то, что в колонне «то тут, то там возникали потасовки… то и дело избивали и изгоняли людей, которые по-видимому проявляли колебания…» и уже были случаи, когда «забастовщики, в основном, молодые парни, разбивали стекла и репродукторы, пытались перевернуть машину» со звукоусилительной установкой, вещавшей о решении правительства об отмене повышения норм[37].

Что же привело к эскалации конфликта 17 июня? По мнению Наумова, этому способствовали два фактора. С одной стороны, им отмечается целенаправленная деятельность американской радиостанции РИАС из Западного Берлина, «беспрестанно» повторявшей объявление о том, что «всеобщая забастовка намечена на 17 июня на 7 часов утра». Наумов подчеркивает, что смысл всех выступлений, транслировавшихся радиостанцией, сводился к следующему: «рабочие правильно выбрали момент для восстания… Задача воспользоваться банкротством режима СЕПГ и добиться максимального свержения этого режима»[38]. Он сообщал, что «среди демонстрантов бросались в глаза “пришельцы” из западных секторов». По его мнению, «очевидно, что лозунги были составлены заранее, в колонне было несколько очагов, откуда раздавались лозунги, в центре этих очагов шли организаторы»[39]. С другой стороны, советского корреспондента поразила странная пассивность властей. «На всем пути шествия колонны не появился ни один народный полицейский. Даже регулировщики движения сразу же снимались со своих постов при приближении колонны»[40]. В сообщении отмечалось, что если ранее ЦК СЕПГ подчеркнуто игнорировал стекавшуюся от парторганизаций информацию о боевом настрое рабочих[41], то во время событий руководство партии «проявило полное незнание настроений масс, отсутствие связи с массами, неумение разговаривать с народом»[42].

Следует по достоинству оценить эту первую попытку анализа случившегося. Документы подтвердили и роль РИАС, и масштабы проникновения в ряды демонстрантов лиц из Западного Берлина (австрийский историк Гелер отмечает, что они составляли «относительно большую долю» среди арестованных зачинщиков беспорядков[43]). Сложнее обстоит дело с тезисом Наумова о том, что движение протеста направлялось «из одного центра». Безусловно, в ГДР имелась разветвленная агентура западных спецслужб. В книге Мэрфи–Кондрашева–Бейли говорится о том, что ЦРУ создало некую «полувоенную структуру» на территории ГДР на базе так называемого «Союза свободных юристов» (ССЮ). Деталей по поводу деятельности этой «структуры» авторы не сообщают, акцентируя внимание на разногласиях по конкретным вопросам сотрудничества со «свободными юристами» и оценки их потенциала в аппарате ЦРУ[44]. Весьма вероятно, что немецкие агенты ЦРУ могли дезинформировать (или не информировать) своих спонсоров о конкретных сроках своих «операций» и даже об их характере, так что нельзя полностью исключать фактор некой неожиданности берлинских событий для руководителей американской разведки.

Однако это отнюдь не снимает с них ответственности за эти акции: надо было знать, кого вербовать.

Что касается странных действий (или бездействия) властей ГДР, то здесь ставшие впоследствии известными факты полностью подтвердили то, что корреспондент «Правды» сформулировал в виде намеков и догадок. Вот один из них: к 1953 г. в ГДР существовали достаточно мощные силы «казарменной народной полиции» (КНП). Ее общий штат в 1953 г. составлял 109.210 человек, фактически же имелось 89.984 человека, т. е. 82,5 % к штату. Это была довольно значительная сила, которая, в принципе, легко могла справиться с нарушителями порядка. Однако в ночь с 16 на 17 июня Ульбрихт лично отдал директиву, которая запрещала использование вооруженных подразделений КНП. Основание: таково мнение советских «друзей». Ульбрихт лукавил: он сам до того заявил советским военным, что на КНП нельзя полагаться, она-де «политически неблагонадежна». Директива была отменена – но уже после того, как разгорелось самое настоящее восстание, и после того, как пришлось ввести в действие советские войска. Оказалось притом, что немецкие полицейские более чем «благонадежны»: именно на их счет пришлось большинство убитых и раненых среди гражданского населения. Между прочим, если руководство ГДР было столь не уверено в лояльности своих полицейских, то как можно было объяснить такую нелепость: подразделения разбивали на мелкие группы и отправляли их «патрулировать» по заполненным возбужденной толпой улицам – с винтовками, но… без патронов (!)[45]. Позже в своем отчете за 1953 г. Верховный комиссар СССР в Германии отметит, что «за хорошую службу работникам полиции в 1953 г. вынесено командованием 70.913 поощрений», укажет на «здоровое политико-моральное состояние личного состава полиции» и ее стойкость при ликвидации «фашистской провокации 17 июня»[46]. Но это будет потом. Бездеятельность же властей ГДР в ночь на 17 июня привела к тому, что события в ГДР, действительно, приняли характер, далеко выходящий за рамки оправданного протеста против нелепых (или провокационных, если верна наша гипотеза[47]) действий властей.

Вот как описывает появление советских танков на улицах Берлина и реакцию на них населения Наумов:

> Советские войска появились… рано утром 17 июня. Сначала они разъезжали по улицам, не препятствуя движению колонн. Демонстранты поначалу их встречали только свистом и ревом, а когда страсти разгорелись, посыпались оскорбления. Я неоднократно слышал: «русские свиньи», «обезьяны». Рассказывали, что в отдельных случаях демонстранты набрасывались на советские грузовики с солдатами и даже танки. В некоторых местах в советских солдат летели камни[48].

А вот те же самые события глазами советской администрации. Приведем выдержки из текста одной из первых телефонограмм по ВЧ, отправленных из Берлина 17 июня Верховным комиссаром Семеновым на имя Молотова и Николая Булганина (она содержала доклад о положении в Берлине и ГДР на 14.00 и была принята в Москве в 18.15):

> Захваченное демонстрантами здание правительства ГДР освобождено от демонстрантов после появления танков у здания. Демонстранты отбиты также от зданий ЦК СЕПГ и берлинского Полицейпрезидиума. У здания Полицейпрезидиума немецкой полицией и нашими войсками был открыт огонь по демонстрантам. Сведений о раненых или убитых не имеем.

В районах Александерплатц и Панкове демонстрантами строились баррикады и завалы. Провокаторы организовали погром магазина «Международная книга». В ряде правительственных зданий и магазинов были выбиты стекла.

Пока наши войска не принимали активных мер по пресечению беспорядков, демонстрантам удавалось преодолевать сопротивление немецкой народной и казарменной полиции, действующих в общем безотказно. С начала активности действий наших войск положение в Берлине стало восстанавливаться. При появлении советских танков демонстранты рассеиваются.

В 12.00 по нашему приказу прекращено движение по городской железной дороге и метро, чтобы затруднить переброску провокаторов из Западного Берлина.

В 13 часов в Берлине объявлено военное положение.

В последние часы наблюдалось некоторое уменьшение беспорядков в Берлине…

Наиболее серьезное положение создалось в городе Герлице на германо-польской границе, где 30-тысячная толпа разгромила магазины, тюрьму, здание управления МГБ ГДР и райком СЕПГ. В Герлиц направлен усиленный мотострелковый батальон с бронетранспортерами.

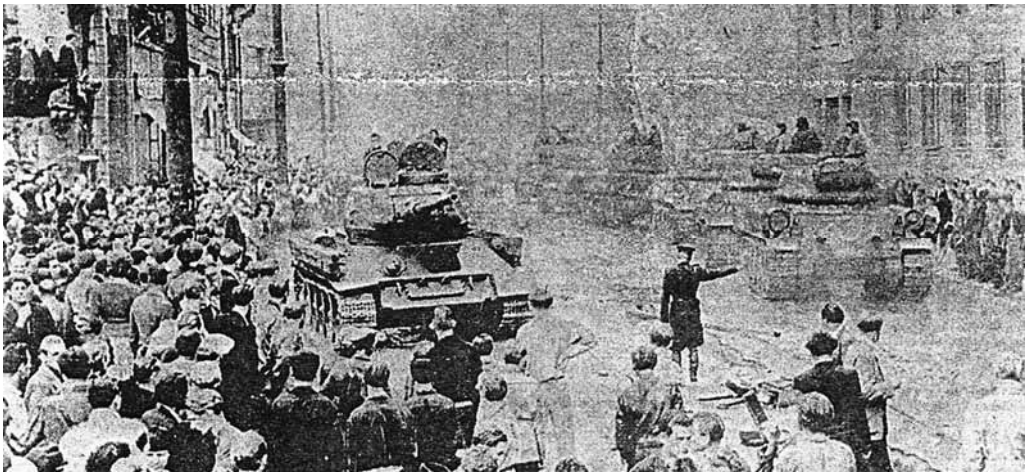
В Магдебурге провокаторы подожгли здание окружкома СЕПГ, тюрьму и вступили в перестрелку с войсками МГБ ГДР. В город стягиваются советские войска. Значительных размеров приняли беспорядки в округе Галле. Около тысячи рабочих с заводов «Лейна» и «Буна», среди них большинство пьяных, сняли полицейскую охрану…[49].

В следующей телефонограмме, отправленной из Берлина в 23.00 того же дня (уже за двумя подписями – Семенова и командующего советскими войсками в ГДР Андрея Гречко), отмечалось, что «к 18 часам… движение демонстрантов к центру Берлина в восточном секторе сократилось», однако, продолжается «скопление больших групп» в центре города, в переулках «отмечена перестрелка». Передается тревожная информация из Лейпцига: «немецкой полицией и нашими войсками открывался огонь по повстанцам. Убито 7 и ранено 17 немцев». По Магдебургу, где имела место «перестрелка с обеих сторон», приводится общая цифра убитых и раненых – 50 человек. Отмечен и такой факт: «В районе Биттерфельд округа Галле все административные и общественные здания заняты демонстрантами»[50]. Такого рода сообщения шли из Берлина еще несколько дней. Лишь в телефонограмме Семенова и Василия Соколовского от 20 июня впервые констатировалось, что «в Восточном Берлине и ГДР все промышленные, транспортные, торговые и коммунальные предприятия работают нормально. Никаких инцидентов не отмечено»[51].

Каковы же последствия выступления? Согласно донесению советского военного командования от 20 июня 1953 г., за время событий было убито 33 и ранено 132 «бунтовщика», в то время как «среди сторонников демократической власти, представителей партии и правительства убитых 17 человек, раненых 166 человек»[52]. О потерях в советских войсках ничего не сообщается. Потери и ранения, конечно, были, но, как всегда, о них предпочли промолчать[53].

«Мы наделали некоторые ошибки…»

Что же в это время происходило в Москве? Как реагировало на события в ГДР советское руководство? Имелось ли там что-либо похожее на конфликт мнений и установок?



Документальное фото драматических июньских дней в Восточном Берлине: «Советские танки создают порядок».

Советское руководство объясняло события 16–21 июня 1953 г. в Берлине и крупных городах Восточной Германии, прежде всего, действиями иностранных спецслужб. Официальное объяснение, данное советской пропагандой, гласило: имела место «авантюра иностранных наймитов», не поддержанная большинством трудящихся, которые сохраняли лояльность делу социализма и «партии рабочего класса». В опубликованном 23 июня 1953 г. в газете «Известия» письме военного коменданта советского сектора Берлина генерал-майора Павла Диброва комендантам западных секторов города в связи с событиями 17 июня 1953 г. указывалось, что «принятые 17 июня советскими военными властями… меры были совершенно необходимы для прекращения поджогов и других бесчинств, которые чинились засланными сюда группами провокаторов и фашистских агентов из западных секторов Берлина»[54]. В письме отмечалось, что советская сторона располагает неопровержимыми доказательствами своим заявлениям. Поэтому отпор «империализму» и помощь «братьям по классу» означали выполнение советской стороной своего интернационального долга. Однако закрытая информация, поступавшая в ЦК КПСС, говорила о другом. В информации Наумова, кроме сведений, подтверждающих положения письма генерала Диброва, о едином центре событий[55], содержались сведения о массовом характере движения. Указывалось, что «если по пути колонны попадались работающие люди,.. забастовщики подбегали к ним и призывали влиться в колонну. Не было случая, чтобы рабочие при этом не прекращали работу. Даже на лесах здания ЦК СЕПГ…». Причем подчеркивалось, что в забастовке приняли активное участие «не только отсталые рабочие, но и часть тех, кто был до сих пор на хорошем счету, активисты, новаторы, в том числе некоторые члены СЕПГ»[56].

События в Берлине были неожиданны для советского руководства и очень напугали его. Сейчас уже имеются свидетельства, что не всем членам Президиума ЦК КПСС поступала достоверная информация из Восточной Германии, что у Ульбрихта были, видимо, достаточно сильные покровители в Москве, которые и «прикрывали» его саботаж. Валерий Мазаев, бывший в 1953 г. сотрудником СКК, а затем аппарата Верховного Комиссара, сообщает, например, что ему и его коллегам поступило ка-

тегорическое указание – в своих докладах не упоминать о каких-либо фактах бедствий или недовольства среди рабочего класса ГДР[57]. После получения первых сведений о недовольствах в ГДР у членов Президиума ЦК КПСС сразу же отпало желание играть в либерализм в отношении восточных немцев. Одним из первых отреагировал Берия. В мемуарах Семенова приводится эпизод, говорящий об отношении шефа госбезопасности к кризисным событиям в ГДР. Это – его звонок 17 июня из Москвы с вопросом «Почему Семенов жалеет патроны?»[58]. Берия, как отмечает Судоплатов, надеялся, что «демонстрация силы… лишь усилит наши шансы в достижении компромисса с западными державами по вопросу мирного объединения Германии»[59]. Если в данном случае ход мыслей Берии изложен точно, можно лишь сказать, что они покоились на совершенно неверных представлениях о западной политике: жесткие действия СССР могли лишь укрепить и в действительности укрепили позиции крайних сторонников жесткого курса Запада, проповедников доктрины «отбрасывания коммунизма».

Впрочем, реальные действия советских властей по отношению к повстанцам никак не соответствовали программе «патронов не жалеть». Так, в донесениях аппарата Верховного комиссара США в Германии в администрацию США указывалось, что некоторые демонстранты выражали признательность и даже благодарность советским солдатам за крайнюю сдержанность в применении силы и отсутствие случаев стрельбы на поражение в толпу[60]. На то, что советским солдатам запрещено было стрелять на поражение, указывают и участники событий. Из их воспоминаний следует, что разрешение стрелять на поражение было получено только 20 июня. Ясно, что Верховный комиссар сам не мог решить вопрос об открытии огня по демонстрантам. Логичен вывод и о том, что не Берия, отдавший приказ «Гречко и Семенову навести порядок с помощью военной силы»[61], определял тогда политику. Возможно, ее определял Молотов, который понял, что определенная сдержанность в подавлении восстания, с одной стороны, поможет сохранить Советскому Союзу свое лицо перед мировой общественностью, с другой – не приведет к сильному ожесточению восточных немцев и позволит сохранить прежний режим. Кроме определения своей позиции относительно положения ГДР, члены Президиума ЦК КПСС искали виноватого, допустившего просчет в отношениях с восточными немцами. Семенов в мемуарах вспоминает, что после подавления восстания в Берлин приехали два эмиссара Берии – Гоглидзе и Кобулов[62]. Мемуарист ставит их миссию в прямую связь с дошедшими до него тогда слухами, что на собрании актива МВД СССР по итогам событий в ГДР было прямо сказано о том, что «Семенов и маршал Чуйков сами и организовали фашистский путч»[63] (!). По утверждению Семенова, Гоглидзе и Кобулов прибыли в Берлин с прямым заданием шефа – найти «доказательства» для этого обвинения[64]. Разумеется, это только предположения мемуариста, знавшего, что иногда и более нелепые обвинения стоили людям жизни. Но, может быть, он недалек от истины. Берия должен был отвести обвинения в упущениях от себя и своего ведомства. Ведь, как указывалось потом на июньском Пленуме ЦК КПСС, перед самыми событиями аппарат МВД в ГДР был сокращен в 7 раз, по его предложению Коллегией МВД был также упразднен инструкторский аппарат в Германии, «в результате чего в момент вражеской вылазки американской агентуры, советские разведывательные органы были лишены информации о вражеских действиях»[65].

Кризис в ГДР не был причиной падения Берии, однако, его арест позволил свалить на него все просчеты во внешней и внутренней политике партии и государства.

Теперь политическое выживание того или иного члена Президиума ЦК КПСС, того или иного высшего должностного лица напрямую зависело от того, в какой близости от опального маршала они находились. Хрущев потребовал от всех, кто близко знал Берию, письменные воспоминания о встречах и контактах с Лаврентием Павловичем[66]. Члены Президиума свое отношение должны были высказать на Пленуме ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г[67]. На том этапе выжить удалось всем членам Президиума. Впоследствии все обвинения очередной намеченной к изгнанию из Президиума ЦК КПСС высокопоставленной «жертве» начинались с выяснения того, какое отношение она имела к деяниям лубянского маршала. Через этот процесс прошли и Маленков, и Молотов, и Каганович, и Ворошилов и др. Молотов, защищаясь от нападок на него членов Президиума, обвинявших его в неправильной позиции при решении вопроса об отношении с Югославией, вынужден был признаться в своих ранее сделанных ошибках. Он сказал: «Мы наделали некоторые ошибки. Шатания по германскому вопросу»[68]. Признание, сделанное Молотовым, показывает его прямое отношение к разработке политики СССР в отношении ГДР в начале 1953 г. и противоречит современной версии о глубоком конфликте в постсталинском руководстве СССР между «прогрессивным» шефом госбезопасности и «консерваторами» из военного и мидовского аппарата.

Конфликт, как уже отмечалось, следовало искать по другой линии – между, условно говоря, «государственниками» и «партаппаратчиками», реформистами и безнадежными реакционерами, как в СССР, так и в ГДР. В этом отношении парадоксальным образом можно считать Ульбрихта главной выигравшей стороной в результате кризиса его режима. Его личное положение укрепилось, а программа «нормализация плюс либерализация» сменилась другой: «нормализация минус либерализация». Усилились и позиции Хрущева в советском руководстве. Его противники и их «либеральный» курс были скомпрометированы.

«Против фашистской вылазки в Берлине»

Июньские события в Восточной Германии были потрясением для КПСС: против Правительства ГДР выступил класс, который должен был являться его поддержкой и опорой. Советское руководство объясняло события 16–21 июня 1953 г. в Берлине и крупных городах Восточной Германии, прежде всего, действиями иностранных спецслужб. Официальное объяснение, данное советской пропагандой, гласило: имела место «авантюра иностранных наймитов», не поддержанная большинством трудящихся, которые сохраняли лояльность делу социализма и «партии рабочего класса». Однако на уровне внутренних оценок первой реакцией были поиски «националистических извращений» в сфере идеологии и культуры ГДР.

19 июня ЦК КПСС запретил развертывать в СССР выставку книг, изданных в ГДР с 1945 по 1953 г. Подверглась критике редакция «Литературной газеты», опубликовавшая 14 июля на своих страницах стихотворение лауреата Сталинской премии за мир 1952 г. Иоганеса Р. Бехера «Песня единства»[69]. Стихотворение в оригинале, называвшееся «К Германии» и призывавшее немцев к объединению, после текстологического исследования в ЦК КПСС, было признано националистическим, а его публикация – грубой идеологической ошибкой. Главному редактору были сделаны соответствующие внушения по партийной линии[70].

Со временем подозрительное отношение к творчеству писателей ГДР пошло на убыль, и напротив осуждению стали подвергаться те, кто пытались их «поправить». Эта новая тенденция отразилась в разразившемся вскоре литературном скандале. Издательство художественной литературы в конце 1952 г. выпустило в свет книгу очерков «Первая шеренга» немецкого писателя Штефана Хермлина. При публикации редакция сочла возможным без ведома автора изъять четыре рассказа: «Белая роза» – о группе Сопротивления среди мюнхенских студентов, во главе которой стояли брат и сестра Шолль, – «из-за мистической окраски и националистической идеи», «Петер Габерноль» – о солдате немецкой армии, убитом нацистами, «Группа Баум», «Руди Арндт» – «из-за еврейского национализма». Книга вышла и до поры до времени все было тихо, пока не возник возмущенный писатель. Он указал издателям на то, что в русском издании книги искажен его замысел – показать широту патриотического антифашистского движения, «что особенно важно сейчас для создания единого фронта борьбы за мир, за единую Германию». Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС дал задний ход: от него последовало предложение привлечь к партийной ответственности директора Издательства иностранной литературы П. Чувикова и заведующего редакцией художественной литературы В. Вдовиченко – «за произвол и самоуправство при издании книги». Однако, в конечном счете, было решено ограничиться указаниями Отдела в оперативном порядке.

Открытая пропагандистская кампания в связи с событиями в ГДР, в значительной мере, отражала озабоченность советского руководства настроениями широких кругов населения СССР. Для руководства КПСС было очень важно не допустить, чтобы советские люди узнали об истинных причинах конфликта. Дело в том, что в СССР условия жизни были значительно хуже, чем в ГДР. В письмах в ЦК КПСС трудящиеся жаловались на свою трудную жизнь. Вот, например, письмо из Воронежа. Оно написано спустя год после описываемых событий, но условия жизни народа вряд ли изменились за год. Письмо без подписи. Авторы себя называют рабочими и просят не считать их «антисоветскими людьми» за поставленные в письме вопросы, которые волнуют не только их, «но и большинство рабочих… завода». Рабочие пишут: «…В магазинах, кроме хлеба ничего нет. Сахар появился на 3–4 месяца и исчез, мяса нет, масла нет, да вообще по государственным ценам ничего не достанешь. А покупать все на базаре, получая 600–700 рублей в месяц и имея семью 5–6 человек? Это просто, что ничего. Ведь масло на базаре – 35 рублей, килограмм сахара – 16 рублей, мясо – 18 рублей…»[71].

В своем письме в ЦК КПСС работница одной из московских фабрик жалуется: «Я зарабатывала 430 рублей в месяц, а после пересмотра норм и снижения расценок заработок упал до 335 рублей в месяц. Работницы стали выражать недовольство, но администрация цеха на это нам сказала: “Не хотите работать по новой ставке, можете уволиться, мы вас не держим”». Воронежские рабочие описывают жизнь колхозников в деревне. «Мы … ездим в деревню за картофелем. Ведь это какая-то обнищалая, убогая деревня, почти такая, как писал про деревню Некрасов. Ведь быт нашего колхозника стоит на самом низком уровне. Большинство колхозников в своем дому ничего не имеют. Мы во время войны побывали за границей, видели быт немецкого крестьянина, австрийского, чехословацкого. Ведь, по совести говоря, мы по быту от них отстали на 100 лет и с момента коллективизации 1928 г. мы почти нисколько не выросли»[72]. В письме высказывается просьба: «… Мы просим обьяснить,.. долго ли нас будут кормить обещаниями. Ведь это уже продолжается 35 лет.

Ведь это отражается очень на политико-моральном состоянии большей части рабочего класса. Ведь Вы все не знаете, что говорят рабочие, а говорят они не в нашу пользу… А породили эти настроения экономические трудности. Вы не думайте, что это настроение небольшой кучки, нет. Это захватывает большой процент рабочих»[73].

Для того, чтобы у советских рабочих не возникали подобные вопросы и не было желания узнать первопричины возникновения берлинских событий, в СССР, и была развернута полномасштабная кампания против «фашистской вылазки» в ГДР, открывшаяся публикацией во всех центральных советских газетах статей под заголовком «Провал авантюры иностранных наймитов в Берлине».

В стране, как по мановению волшебной палочки, стали проходить многотысячные митинги в поддержку рабочего класса ГДР. Поражает их многолюдность. Так, в митингах в г. Горький участвовало 55.000 человек[74], а на митингах, состоявшихся 25 июня на 14 предприятиях Москвы, присутствовало 52.000 человек[75]. Отчитываясь перед ЦК КПСС о проведенных мероприятиях, секретари горкомов и обкомов партии отмечали, что митинги прошли «организованно и активно». Анализ отчетов секретарей обкомов и горкомов партии, резолюций митингов позволяет сделать любопытный вывод о том, что события 17 июня подавались, как провокация реакционных сил, «фашиствующих элементов», пытавшихся «ввергнуть народы мира в мировую бойню». Преднамеренно сокращалась территория, охваченная недовольством. Речь шла о «событиях в Берлине», хотя народные выступления прошли по всей стране. На народ Советского Союза, недавно вынесший на своих плечах всю тяжесть войны, подобный пропагандистский прием действовал безотказно. В документах содержится путаница насчет того, кого обвинять и кого разоблачать в организации провокации. В резолюциях и обращениях встречаются обвинения в адрес «агентов Аденауэра», «западногерманских империалистов» и «американских оккупационных властей». Позднее в ЦК КПСС была принята такая формулировка: «Провокацию организовали “иностранные наймиты”, подстрекаемые агентами западных империалистических держав»[76].

Следует отметить, что все резолюции и обращения, принятые на «стихийных митингах» просматривались и редактировались в ЦК КПСС. Во всех без исключения документах, принятых на собраниях, подчеркивалось, что советские люди поддерживают рабочих ГДР и призывают их «всемерно поддерживать мероприятия правительства ГДР и СЕПГ, направленные к улучшению жизненных условий трудящихся республики и являющихся большим шагом по пути объединения Германии в единое миролюбивое демократическое государство»[77]. Тезис о борьбе за объединение Германии на демократических основах содержался и в выступлениях на митингах. Характерно то, что при редактировании в ЦК КПСС эти положения сохранялись, в отличие от призывов о развитии социалистического соревнования, повышения производительности труда и увеличения выпуска продукции, которые безжалостно вычеркивались рецензентами[78]. Оставались лишь те части текста, которые касались трудовых обязательств советских трудящихся. Интересно, что из всех резолюций и обращений вычеркнут лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Видимо, в этой ситуации он выглядел двусмысленно. В некоторых резолюциях содержатся пожелания использовать опыт советского народа в борьбе с «врагами народа»[79].

Просматривалась и редактировалась в ЦК КПСС и вся ответная почта – «отклики немецких трудящихся». Она проходила длинный путь. Письма, присланные из ГДР в адрес заводских комитетов, направлялись вначале в МИД СССР, затем просматри-

вались Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями, и лишь потом пересылались в обком для передачи адресату[80]. Но даже такая цензура подчас за штампованными фразами не видела подтекста, который содержали письма из ГДР. Так, рабочие завода легких металлов в г. Раквице рядом с Лейпцигом в письме к коллегам Сталинградского тракторного завода намекали на то, что в подавлении июньских событий основную роль сыграла Советская Армия[81].

Кроме митингов и обращений к немецким рабочим в СССР проводились совещания докладчиков и пропагандистов. Так, на состоявшемся 25 июня в МГК КПСС совещании с сообщением о событиях в ГДР выступил секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов. После сообщения участники совещания задали следующие вопросы: «что слышно о товарище Вильгельме Пике, был ли правильным лозунг СЕПГ – вести строительство основ социализма в Германии, в чем суть ошибок СЕПГ, не предпринимает ли клика Аденауэра, подогреваемая американскими империалистами, новые провокации, какова сейчас обстановка в Берлине?»[82]. После 26 июня стал задаваться еще один вопрос: «Связана ли вредительская деятельность Берии с событиями в Берлине 17 июня 1953 г.?»[83]. По характеру заданных вопросов можно судить о том, что в конце июня 1953 г. советские партийные органы возлагали ответственность за происшедшие в ГДР события на руководство республики. После ареста Берии акценты сместились – он оказался идеальным «козлом отпущения».

Для оказания «пропагандистской помощи СЕПГ» и выяснения настроения немецких рабочих Секретариат ЦК КПСС принял постановление о направлении в ГДР рабочих делегаций с предприятий Москвы, Ленинграда, Урала и Украины. Были сформированы 4 группы рабочих общей численностью 40 человек. Делегаты для поездки формально выбирались на общем собрании рабочих предприятия. Они должны были соответствовать определенным стандартам: быть передовиком производства, общественником, иметь большой трудовой стаж, состоять в партии. Впрочем, определенный процент беспартийных даже приветствовался. Членам делегации на собраниях трудовых коллективов давался наказ[84]. Каждая группа имела своего руководителя: московская делегация – Платонова, ленинградская – Блинова и др. Во главе делегаций был поставлен секретарь ВЦСПС И.В. Горшенин. Продолжительность поездки определялась в 20 дней. Для делегаций были утверждены директивные указания и проведен в ЦК КПСС инструктаж.

По возвращении делегации из ГДР в ЦК КПСС было созвано совещание, на котором присутствовали Суслов, Поспелов, Шверник. Сохранилась стенограмма заседания. Этот документ интересен не только как источник о пропагандистских мероприятиях в поддержку режима Ульбрихта. В нем отразились и впечатления членов делегации от встреч в ГДР, информация о настроениях немецких рабочих. По вопросам Суслова, который председательствовал на совещании, можно судить о том, как советское руководство воспринимало причины событий[85].

Делегаты отмечали, что встретили их вначале в ГДР «не совсем доброжелательно, но потом эти настроения быстро рассеялись после того, как наши рабочие встали за рабочие места и показали образцы работы не хуже, а лучше их»[86]. Представители Верховного комиссара на местах их оберегали. Так, в Магдебурге «генерал предложил дать целую роту переодетых офицеров» для сопровождения представителей из СССР на завод. У делегатов даже сложилось «мнение, что он [генерал] думал, как бы нашу жизнь сохранить». После посещения завода, на котором делегаты завоевали «исключительно большое доверие и распрощались со слезами», им показалось, «что наши товарищи, сидящие там, живут сводками и вас информируют»[87].

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

город ЦВИККАУ.

Рабочим, инженерам и техникам автомобильного завода "Хорха".

Уважаемые товарищи!

Многотысячный коллектив горьковских автомобилестроителей, собравшись сегодня на митинг в связи с тревожными сообщениями об авантюре иностранных наймитов в Берлине, выражает глубокое возмущение и клеймит позором новые происки врагов мира.

Еще свежи в памяти народа ужасы второй мировой войны, которая принесла человечеству неисчислимые страдания.

События в Берлине 17-18 июня с/года, спровоцированные агентурой американских империалистов, показывают, что враги человечества рассчитывают вновь разжечь военный пожар и ввергнуть народы мира в пучину войны и бедствий. Они толкают немецкий народ на новую войну, на углубление раскола Германии.

Благополучие германского народа, расцвет единой миролюбивой Германии, неразрывно связаны с постоянной заботой о повышении производительности труда и развитием мирной промышленности.

Мы приветствуем рабочих, инженеров и техников Вашего завода, включившихся в соревнование за повышение производительности труда и увеличение выпуска продукции.

Мы призываем Вас всемерно поддерживать мероприятия правительства Германской Демократической Республики, и Социалистической единой партии направленные к улучшению жизненных условий трудящихся республики и являющихся большим шагом по пути объединения Германии в единое миролюбивое Демократическое государство.

Мы призываем Вас ~~отдать~~ направить все свои силы и энергию ~~укреплению безопасности Германской Демократической республики, вести неустанную~~ на борьбу за мир между народами, за прочный вечный мир между Германской Демократической республикой и великим Советским Союзом.

Разоблачайте поджигателей войны, диверсантов и изгоняйте из своей среды провокаторов и шпионов, агентов ~~Аденауэр~~ западных и американских детектив- врагов германского народа.

Черновик письма, подготовленный в Горьковском автомобильном заводе, выражающий солидарность рабочим автозавода Цвиккау

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза
ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Отдел

№ К-341 27. июня 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

тов. ПОСПЕЛОВУ П.Н.

ЦК КПСС 37322 - 2 ИЮЛ 1953 9214. ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ в Общий отдел Секретариата

ИНФОРМАЦИЯ

о митингах протеста трудящихся Горьковской области против провокационных действий иностранных наймитов в Берлине.

Трудящиеся Горьковской области глубоко возмущены провокационными действиями иностранных наймитов в Берлине. На 35 крупнейших предприятиях городов: Горького, Дзержинска, Павлова, Богородска, Кулебак, Городца, Выксы и Балахны прошли многолюдные митинги. Только в г. Горьком на митингах участвовало более 55000 человек.

На двенадцатитысячном митинге коллектива автомобильного завода им. Молотова с сообщением выступил парторг ЦК КПСС тов. Кожевников, сообщивший о событиях 17 июня в Берлине. "В последние дни,- говорит он,- в демократическом секторе Берлина фашистскими наймитами была совершена провокация, имеющая своей целью нанести удар по Германской Демократической Республике. К счастью для германского народа, к счастью для дела мира в Европе эта преступная авантюра иностранных наймитов позорно провалилась. Германский народ с презрением отвернулся от погромщиков, пытавшихся сорвать дело мира и одобрил действия Правительства Германской Демократической Республики, направленные на улучшение жизненного уровня населения, развитие промышленности и укрепление мира".

Затем выступил кузнец тов. Васильичев. "Честные люди на земле хотят мира,- говорит он. Наше родное Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы обеспечить мир народу, но реакционные силы вновь пытаются ввергнуть народы мира в мировую бойню. Мы, рабочие Горьковского автомобильного

Информационное письмо комитета партии Горьковской области секретарю ЦК Поспелову

При посещении членами делегации предприятий немецкие рабочие, в основном, задавали вопросы о жизни советских рабочих, о нормах на советских предприятиях, об оплате труда в СССР, жаловались на свою жизнь: применение сверхурочных работ, длительная задержка готовой продукции, оторванность дирекции от рабочих.

Задавались и «провокационные» вопросы. Так, на машиностроительном заводе «Саксенверк – Нидерзедлиц» ленинградской делегации были заданы следующие вопросы: «Почему СССР меньше помогает ГДР, чем США – Западной Германии?», «Сохранились ли могилы гитлеровских солдат в России?», «Кто заплатит немецким рабочим за время, которое они потратили на беседу с делегацией?», «Возвратятся ли когда-нибудь наши пленные домой?», «Почему в составе делегации нет ни одной женщины, может быть, они у Вас стоят на последнем месте?», «Почему советские солдаты пристают к нашим женщинам, даже в день приезда делегации?», «Проводится ли в СССР новый политический курс?» и др. Было задано до 25 вопросов. Неблагоприятное впечатление на рабочих произвело то, что зарплата за время участия в собрании не будет выплачена. Как позже отмечалось в записке Начальника Главного Управления советским имуществом за границей В. Сергеевым в ЦК КПСС ответы на вопросы советского представителя Блинова «были не совсем четкими и недостаточно убедительными»[88], что впрочем объяснялось наличием конфликта между делегацией и дирекцией завода. Так что делегатов подстерегали не только трудности общения с немецкими рабочими, но и конфликты с советскими управляющими заводами. На встрече в ЦК КПСС Блинов этого конфликта не коснулся.

Каковы же были впечатления делегатов от увиденного в ГДР? Прежде всего делегацию поразило то, что спустя месяц после событий ни партийные органы, ни руководство предприятий не старалось поговорить с рабочими о новом курсе, принятом СЕПГ. Такая плохая постановка агитационно-пропагандистской работы настолько изумила руководителя московской делегации Платонова, что перечисление всего того, чего он не обнаружил в ГДР, заняло довольно много времени. Он сказал:

> Мы сравнивали с нашими условиями. Если происходит у нас событие, то здесь все бывает поставлено на ноги. Мы ничего подобного не обнаружили в Германии… Мы не обнаружили ни лозунгов, ни призывов. Мы не обнаружили, чтобы в обеденные перерывы проводились беседы. Мы не обнаружили, чтобы использовалось радиовещание. Мы не обнаружили, чтобы оповещалось широко о мероприятиях партии и правительства в районных газетах. Я не говорю уже, чтобы было тесное общение руководителей, партийных и профсоюзных функционеров с рабочими… Когда мы стали говорить, что о новом курсе принято решение Политбюро, что правительство приняло решение, они об этом решении не знают[89].

Последнее заставило изумиться Суслова: «Неужели не знают?» И получил утвердительный ответ: «Если так дело пойдет, как мы его застали сейчас, то, конечно, практических выводов они не сделают». Подтвердил высказывания Платонова руководитель ленинградской делегации Блинов. Рассуждая о событиях, предшествовавших 17 июня, он считает странным, что решения СЕПГ от 9 и 11 июня многие рабочие не знали. «Я вникал в это дело досконально», – сказал он и продолжил, – «причем оказывается, что было сообщение только по радио и то один или два раза, в печати же этого ничего не было. В Германской Демократической Республике большинство

рабочих заявляет, что в печати ничего не было». Трудно сказать, кто кого дезинформировал: рабочие ГДР советского гостя, или он участников совещания: решение Политбюро о «новом курсе», конечно, было опубликовано, и все население ГДР о нем прекрасно было осведомлено.

Впрочем, сам Блинов быстро перешел от довода о «неинформированности» рабочих ГДР о решениях партии к другому, кстати, более соответствующему истине. Продолжая свое выступление, он заявил: «У нас складывается такое впечатление, что они не верят заявлениям. Им заявили, что новый курс был принят 9 и 11 числа, а они говорят: "…мы 16-го получили получку и вместо 600 марок получили 400 марок"»[90]. На этих словах Суслов прервал выступающего, заявив: «Партийный актив не был организован. Приняли решение и даже членов ЦК не собрали». Вопрос о повышенных нормах и об информированности рабочих о принятом СЕПГ новом курсе в течении беседы возникал неоднократно. Каждый раз он упирался в разговор о бездеятельности и безответственности в ГДР партийных деятелей и государственных чиновников, о плохой организации агитационно-пропагандистской работы, о раздутых штатах служащих. Вывод делегатов заключался в том, что не пересмотр норм был главной причиной событий, а «ошибка была в том, что пересмотр был проведен без подготовки»[91]. Отмечалось, что после 17 июня на целом ряде предприятий партийные органы своей работы не усилили, «а наоборот, как бы испугались…» и стали «во многом уступать рабочим».

Выступавшие на совещании отмечали, что немецкие рабочие, в том числе и члены СЕПГ не скрывали своего активного участия в «дне икс». Так они узнали, что на заводе им. Карла Либкнехта из 250 членов партии во время событий на заводе осталось всего 90 человек вместе с беспартийными, остальные бастовали.

Делегатами высказывалась необходимость вести борьбу «за единство и чистоту рядов Единой партии Германии»[92]. Огорчили нашу делегацию и немецкие профсоюзы, которые «свою роль сводят к тому, чтобы бороться за интересы трудящихся, и совершенно выпадает из поля зрения профсоюзов другая сторона, не менее важная – как мобилизовать трудящихся на выполнение плановых заданий государства. В частности вопрос, связанный с социалистическим соревнованием»[93]. Делегаты не могли представить, что социалистическое соревнование можно отменить и усиленно рекомендовали начинать его с низших форм, таких, как конкурс на лучшую профессию.

Потрясло делегатов и то, что «в вопросах политики многие рабочие стоят в стороне, причем,.. прямо заявляют, что нас интересуют только марки и что на эти марки можно купить в магазинах». Это выступление было прервано возмущенным возгласом с места: «Они говорят, что политика приходит из желудка»[94]. Выступавший поддержал эту реплику такими словами: «Наиболее нахальным, которые о Западе много говорили, мы прямо заявляли, что надо думать не только желудком, но и головой». Делегаты отмечали большой консерватизм немецких рабочих, заниженность норм труда, устаревшую технологию производства. Однако ими было подчеркнуто, что вопрос об оплате труда рабочих в ГДР необходимо решать, привлекая на производство молодежь.

Проблемам молодежи ГДР уделялось в сообщениях делегатов много места. С большим огорчением и возмущением они поведали секретарям ЦК о поведении студентов города Йена, выбросивших из окон учебники с произведениями Маркса и Энгельса, учение которых «марксизм–ленинизм является священным». Очень удивили рабочих и иждивенческие настроения, высказанные некоторыми представителями

рабочего класса ГДР. «Когда мы заявляли, что у нас были трудности, что было время, когда было мало хлеба, некоторые даже так нехорошо выступили: “Вы – русские, народ очень здоровый. Вам можно меньше питаться, а мы, немцы, так питаться не можем”».

Отметили делегаты и то, что в кинотеатрах ГДР показывают старые кинокартины, «снятые еще до Гитлера, которые никакого воспитательного значения не имеют», а перед началом показа «выступал с веселыми рассказами человек. Он очень долго говорил минут 40… Ему все время хлопали и аплодировали», потом выяснилось, что «это была одна пошлятина, никакого идейно-воспитательного содержания в его рассказах не было»[95]. Поднимался на совещании и вопрос об отношении немцев к войне. Было заявлено, что «война им, конечно, уже всем осточертела и они ее бояться и не хотят», но «до сих пор в немецком народе существует такое мнение, что они пошли в Россию защищать родину» и «надо на это обратить более серьезное внимание»[96].

Отмечалась позитивная роль отпущенных из СССР в ГДР немецких военнопленных. Предлагалось их использовать в качестве пропагандистов наших достижений. Однако перед тем, как их отпускать на родину, показывать им Москву, наши высотные дома, заводы, чтобы они не сомневались, что в СССР могут быть такие дома[97]. Во время беседы возник вопрос о недостойном поведении некоторых советских офицеров в Германии, хулиганстве, пьянстве, неуважительном отношении к местным жителям. Суслов попросил делегатов описать каждый случай и представить отдельную записку в ЦК КПСС. В конце беседы он отметил большую работу, проведенную делегатами, добавив: «Конечно, никто из нас и вы не ожидали, что можно там все перевернуть. Это и не мыслимо… За немцев все не сделаешь. Теперь дело за немецкими товарищами. Я имею в виду, в первую очередь, его руководителей… Надо продолжить работу по обмену делегациями. Теперь немцев надо сюда приглашать». После этих слов послышались голоса с мест: «Правильно, только рабочих», «Как быть на местах, выступать ли нам с докладами?»[98]. Суслов ответил, что ничего плохого не будет, если такие выступления будут. Однако четко определил, в каком ключе должны быть выступления. «Будет хорошо, – сказал он, – если вы расскажете, что проделали большую работу и что оценку дали такую-то». Суслов попросил руководителей делегаций письменно обобщить полученные в поездке впечатления, пообещав: «Все ваши обобщения учтем. Конечно, вы не командовали и мы не командуем, но найдем пути. Мы до сих пор их находили, чтобы сообщить. Вот так»[99].

По всему было видно, что руководство КПСС отнюдь не было заинтересовано в выяснении подлинных причин кризиса в ГДР, а больше – в соответствующем идеологическом воздействии на собственное население.

«Кто виноват?» и «Что делать?»

На оценку событий в ГДР наложила отпечаток изменившаяся обстановка в СССР. Был арестован Берия. Меняется тон и характер постановлений Президиума ЦК КПСС. Изменилось и отношение к Ульбрихту. 29 июня 1953 г. ему была направлена поздравительная телеграмма, в которой не было и намека на недавнее недовольство,

она содержала «братские» поздравления в связи с 60-летием[100]. В связи с этим представляет интерес письмо немецкого коммуниста Яна Фогелера в ЦК КПСС 26 июня 1953 г. В письме дается анализ политики СЕПГ, приведшей к июньским событиям. Характеризуя Ульбрихта, Фогелер пишет, что он «силен тем, что он твердо и безоговорно ориентируется на русских большевиков, стремится им подражать, исходя из принципа: сделаем, как делали русские и все будет хорошо»[101].

Фогелер робко предложил заменить Ульбрихта Рудольфом Херрнштадтом (1903–1966). Советские товарищи, прочитав письмо, вызвали его автора на беседу, где сообщили ему, что «приведенная т. Фогелером характеристика некоторых руководителей СЕПГ не вносит ничего нового»[102]. Таким образом, в Москве прекрасно понимали, что из себя представляет Ульбрихт, но, видимо, укрепились во мнении, что именно такой безоговорочно лояльный союзник в данный момент им необходим в ГДР. События 1953 г. позволили ему укрепиться во власти и избавиться в СЕПГ как от «правых», так и от «левых». Воспользовавшись арестом в СССР Берии, руководство ГДР срочно сфабриковало «дело Цайссера – Херрнштадта»[103]. Цайссера обвиняли в намерении пойти на капитуляцию перед ФРГ и реставрировать капитализм в ГДР. Что касается Херрнштадта, то ему поставили в вину идею сплошной коллективизации ГДР. Что объединяло их – это оппозиция Ульбрихту, за что они и пострадали. Обращения в ЦК КПСС жены Цайссера Элизабеты за помощью в изменении методов расследования, применявшихся Комиссией партконтроля СЕПГ, ничего не дали. Официальная позиция ЦК КПСС по делу группы Херрнштадта – Цайссера состояла в том, чтобы не вмешиваться в дела СЕПГ[104].

После «контрреволюционного путча» в ГДР ужесточились репрессии. Участников событий искали везде. Даже на совещании в ЦК КПСС с делегацией рабочих-активистов, вернувшихся из ГДР, возник вопрос об осужденном на 15 лет «провокаторе», бывшем коммунисте, бывшем министре сельского хозяйства земли Саксония, которого немецкие рабочие называли «хорошим человеком». Его осудили за то, что он вывел рабочих завода на демонстрацию, предварительно зачитав им воззвание, в котором содержались экономические требования. Пункт 10 – об отставке правительства – он выкинул[105]. Видимо, это и спасло его от расстрела или пожизненного заключения.

В сообщении Управления советским имуществом в Германии за сентябрь 1953 г. содержатся сведения об уволенных с предприятий и арестованных участниках событий[106]. По данным отчета Верховного комиссара, судами ГДР за события июня 1953 г. было осуждено 1 464 человека, в том числе 6 приговорено к смертной казни, 4 – к пожизненному заключению, к лишению свободы на сроки от 10 до 15 лет – 11 человек, от 5 до 10 лет – 125 человек, от одного года до 5 лет – 904, до года – 414 человек[107]. Шла чистка и в СЕПГ: «Было разоблачено и изгнано из партии много враждебных и антипартийных элементов» Во втором полугодии 1953 г. из СЕПГ было исключено 15.370 человек[108]. Многие из руководящих партийных работников были отстранены от работы или привлечены к партийной ответственности за непартийное поведение во время событий. Сообщалось, что «было вскрыто и ликвидировано враждебное подполье, созданное Восточным бюро СДПГ в районах Альтенбург, Герлиц, Баутцен, Ниски, Циттау… За враждебную деятельность против ГДР и связь с иностранными разведками органами МГБ ГДР в течение 1953 г. было арестовано 120 членов ХДС и 143 члена ЛДП»[109].

Укрепляется казарменная полиция ГДР. Ее штат был увеличен на 13.556 человек[110], в том числе по Берлину на 3.607 человек. К концу 1953 г. численность полиции достигла 89.984 человека. На случай беспорядков создавались резервные отряды, оснащенные броневиками, автоматическим и стрелковым оружием, водометами для разгона толпы и гранатами со слезоточивым газом.

Изменился и порядок межзонального передвижения немецкого населения. В августе западные оккупационные власти в одностороннем порядке отменили межзональные пропуска и разрешения на пребывание для граждан ГДР, въезжающих в Западную Германию. Правительством ГДР также были отменены межзональные пропуска, но сохранена система выдачи местными властями ГДР разрешений на пребывание в ГДР[111]. С 1 июля по 31 декабря 1953 г. жителям ГДР выдано 1.056.948 межзональных пропусков и временных удостоверений. За тот же период прибыло в ГДР по межзональным пропускам из Западной Германии 340.393 человека, в том числе из Западного Берлина 162.926 человек[112].

Президиум ЦК КПСС считал, что события июня 1953 г. стали возможными еще и потому, что аппарат МВД в ГДР был резко сокращен в марте–июне 1953 г. и не имел самостоятельности в принятии решений, поэтому проходит реорганизация этого аппарата. Для того чтобы иметь возможность получать своевременную и достоверную информацию с мест и оказывать в необходимых случаях помощь местным и центральным немецким органам, Президиум ЦК КПСС 16 июля принял решение «организовать представительства Верховного Комиссара во всех округах ГДР вместо 5-ти, предусмотренных по постановлению СМ СССР “О реорганизации советских органов в Германии” от 16 июня 1953 г.». Штат Верховного комиссара был увеличен на 70 человек[113]. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 31 июля 1953 г. газета, издательство и типография «Теглихе Рундшау» были оставлены в ведении Верховного комиссара[114], хотя ранее их намеревались передать немецкой стороне. 26 июня 1953 г. для разрядки напряженности в ГДР Советское руководство направило Правительству ГДР Памятную записку о возможной передаче ГДР 6.994 военнопленных и других находившихся в распоряжении советских властей немецких граждан. Правда, возвращение военнопленных не состоялось, и решение этого вопроса было отложено по просьбе руководства ГДР.

Кроме политической поддержки Правительства ГДР, Советский Союз осуществляет и экономическую помощь. В дополнении к постановлению СМ СССР от 24 июня 1953 г. о поставках продовольствия и товаров первой необходимости в ГДР Президиум ЦК КПСС 16 июля принял постановление «О дополнительных поставках продовольственных товаров в ГДР». Было принято закупить для ГДР 16,5 тыс. т масла, 1,5 тыс. т. сыра, 15 тыс. т. семян масличных культур. Закупку продовольствия для ГДР СССР намеревался осуществить в капиталистических странах, продав для получения валюты серебро и платину[115].

Вопрос о поставках продовольствия для ГДР неоднократно обсуждался на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Он приобретал первостепенное значение после того, как 10 июля 1953 г. президент США Эйзенхауэр в своем послании Правительству СССР объявил, что Правительство США выделяет на закупку продовольствия для граждан ГДР 15 млн. долларов. Так стал проводиться в действие разработанный в США план «психологической войны» против СССР. Центральное место в этом плане отводилось бесплатной раздаче продовольственных наборов жителям ГДР. Эта акция была призвана продемонстрировать симпатии американцев к восточным нем-

цам и обострить отношения между населением и властями ГДР[116]. В своем ответе, утвержденном Президиумом ЦК КПСС 11 июля 1953 г., Правительство СССР отмечало, что беспорядки в Берлине организованы из американского сектора города и что посылка товаров в Берлин является «неуклюжим пропагандистским маневром»[117]. Возмущение действиями США были высказаны и в письме Верховного комиссара СССР в Германии Семенова Верховному комиссару США Дж. Конэнту[118].

Однако, несмотря на протесты советской стороны, американцы продолжали раздавать продуктовые наборы. Всего было роздано 5,5 млн. наборов[119]. Руководство СЕПГ пыталось воспрепятствовать – и репрессиями, и пропагандой – поездкам жителей ГДР за бесплатными продуктами, но не в силах было предотвратить этот процесс. Даже члены партии ездили за подарками и не один раз. Так, во время разговора советских делегатов – рабочих с немецким рабочим выяснилось, что один «член партии, бывший подполковник фашистской армии, возглавлял районный комитет, причем, 17 июня вел себя хорошо, а потом допустил такую вещь: поехал в Берлин и получил 7 американских подарков. Его начали разбирать, исключать из партии. Пока этим занимались, он удрал в Западную зону… В окружном комитете партии есть люди, которые поддерживают таких и не принимают достаточных мер»[120].

Советский Союз вынужден был оказывать ГДР продовольственную помощь[121], однако, это не снижало пропагандистского эффекта американской акции. Требовались более решительные меры, и они, хотя и с явным запозданием, были приняты. 31 июля была проведена корректировка пятилетнего плана развития народного хозяйства ГДР[122]. В августе во время визита Правительственной делегации ГДР в СССР были решены вопросы о прекращении взимания репараций, об уменьшении расходов на содержание советских войск на территории ГДР, о довоенных и послевоенных долгах. Интересна реакция немецкого персонала предприятий советских акционерных общества, передававшихся ГДР. В информации начальника Главного управления советским имуществом за границей указывается, что «значительная часть рабочих и инженерно-технических работников правильно реагировала на решение», но «были зафиксированы и отрицательные высказывания», в основном, касающиеся запоздалости и пропагандистского характера этого акта. Сообщается, что обстановка на предприятиях все еще остается сложной, проводятся собрания с требованиями: освобождения политических заключенных, проведения перевыборов профсоюзов, разрешения читать западногерманские газеты. «Работа враждебных элементов в августе приняла более скрытый характер и проявляется, в основном, в форме разбрасывания листовок, помещения реакционных надписей, попыток организации диверсионных актов. Так, на заводе “Купфер унд Мессингверке”… в мартеновском цехе был нарисован человек в форме Советской Армии и помещена эмблема СС с подписью: “Долой коммунистов”. В листопрокатном цехе был нарисован портрет Гитлера с подписью: “Один народ, одно государство и один вождь”»[123].

Все эти факты свидетельствовали о том, что проводимая советским руководством пропагандистская политика в Восточной Германии не достигала своей цели, нуждалась в корректировке. Одной из мер было в этом плане создание Управления по работе с местным населением при Главнокомандующем группой советских войск. Целями его определялись разработка и проведение в жизнь «политики сближения», содержание которой конкретизировалось в проведении совместных с местным населением вечеров самодеятельности, просмотра кинокартин, концертов, бесед, выставок, в распространении советской литературы и т. п., а также в установ-

лении и поддержании постоянного контакта с местными немецкими партийными и общественными организациями, изучении практикуемых ими форм и методов работы с населением и оказании им «помощи». На Управление возлагалось рассмотрение конфликтов, возникавших между советскими военнослужащими и немцами. Видимо, проведение этой политики также было не очень успешным, так как нелицеприятные оценки массовых настроений в «рабоче-крестьянском государстве» давали в беседах с советскими представителями в ГДР их собеседники самого разного калибра – от Эриха Хонеккера до писателя-«диссидента» Штефана Гейма[124]. Последний, в частности, обращал внимание на то, что главным мотивом «средних немцев», ринувшихся за бесплатными наборами, были не экономические соображения, не стремление досадить правительству, а желание «попасть в американский список тех, кто получил пакет, чтобы на всякий случай запастись доказательством своей лояльности по отношению к американцам»[125]. По словам Гейма, его «приятно поразило заявление Аденауэра о том, будто правительство ГДР пользуется поддержкой 10 % населения»[126]. По его мнению, этот процент мог быть еще ниже. Эти высказывания были сделаны в 1955 г., когда обстановка в ГДР уже стабилизировалась.

Итак, советская политика в отношении ГДР и вообще Германии за короткий период от марта до июля 1953 г. претерпела качественные изменения: вначале от паралича позднесталинского периода к попытке компромиссного решения германского вопроса на основе предварительной глубокой трансформации режима в ГДР, а затем – вспять, к концепции «двух Германий» и к безоговорочной поддержке восточногерманских друзей. Эта поддержка оказывалась, несмотря на ясное понимание того, что режим СЕПГ не имеет массовой опоры в населении страны и что большинство этого населения ориентировано на «западный образец». События 17 июня 1953 г. являются лакмусовой бумажкой, позволившей увидеть истинные мотивы, двигавшие как различными слоями немецкого общества, так и странами. Иногда, задаешь себе вопрос, что было бы, если бы немецкие трудящиеся смирились с повышением норм и не вышли 16 июля на демонстрацию. Смогло бы советское руководство провести намеченные преобразования? А может быть, оно, испугавшись трудностей, все равно решило бы оставить все, как есть? И все была только игра в либералы? Ведь прошлое у всех советских руководителей было отнюдь не демократическим. При первом же упоминании о недовольстве в ГДР первым был вопрос: «Почему Семенов жалеет патроны?». Впрочем, история не знает сослагательных наклонений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Филитов А.М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – М., 1993. С. 150–161. *Наумов В.П.* Был ли заговор Берии? // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 17–39; *Остерманн К.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 49–66. *Филитов А.М.* СССР и ГДР: Год 1953 г. // Вопросы истории. 2000. № 7; *Knight A.* Beria: Stalin s First Lieutenant. – Princeton, 1993; *Richter G.* Khrushev s Double Bind: Domestic and Foreign Constrains on Soviet Foreign Policy, 1953–1964. – Baltimore, 1994, ch2; *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. – New York, 1996. P. 178–190; *Zubok V.*, *Pleshakov K.* Inside the Kremlin s Cold War. From Stalin to Khrushchev. – Cambridge (Mass.), 1996. P. 154–163; *Gaddis J.* We Now Know. Rethinking Cold War History. – New York, 1997. P. 129–131; *Loth W.* Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. – Berlin, 1994; *Scherstjanoi E.* Die sowjetische Deutsch-

landpolitik nach Stalins Tod 1953. Neue Dokumente aus dem Archiv des Moskauer Außenministeriums// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1998, H.3. S. 497–549; *Reimann M.* Beria, Malenkov und die deutsche Einheit // Deutschland-Archiv, 1999, H.3, 456–460; *Wettig G.* Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? Die sowjetische Deutschland-Politik 1945–1955. – München, 1999.

[2] Берия: конец карьеры. – М., 1991; Дело Берии: Стенографический отчет июльского 1953 г. Пленума ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1–2; *Водопьянова З., Домрачева Т.*, *Филитов А.* Берлин брали дважды. // Московские новости. Июнь 1993 и др. *Stöckigt R.* Ein Dokument von großer historischer Bedeutung vom Mai 1953 // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1990, H.4. S. 648–654.

[3]*Громыко А.А.* Пережитое. Кн. 2. Изд. 2-е, доп. М. 1990; Н.С. Хрущев вспоминает: Пленки периода гласности. – Бостон, 1990; Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.И. Чуева. – М., 1991; Мемуары Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 2/3; *Микоян А.И.* Так было: Размышления о минувшем. – М., 1999.

[4] *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. – М., 1994; *Semjonov W.* Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. – Berlin, 1995; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. – М., 1996; *Murphy D.E.*, *Kondrashev S.A.*, *Bailey G.* Battleground Berlin. CIA vs. KGB in the Cold War. – New Haven, 1997.

[5] Справка Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями «Германская Демократическая Республика». 30 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 3. Л. 90.

[6] См. там же Л. 91.

[7] Отчет Верховного комиссара СССР в Германии за 1953 г. Берлин. 1954 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 53. Л. 48.

[8] Там же. Л. 42.

[9] Там же. Л. 42, 100.

[10] РГАСПИ, ф.17. Оп. 28. Д. 887, лл. 248–250.

[11] Западногерманская КПГ в первом бундестаге была представлена 15 депутатами; процесс, начатый в 1954 году федеральным конституционным судом в Карлсруэ, привел к запрету партии в 1956 году. (*Прим. ред.*)

[12] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 62, лл. 13–16.

[13] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 54, лл. 28–29.

[14] Изучение постановлений Президиума ЦК КПСС с октября 1952 по март 1953 г. показывает, что его внимание концентрировалось, в основном, на вопросах внутриполитического характера. На заседания Президиума ЦК КПСС ставились лишь те вопросы внешней политики, которые требовали экстренного вмешательства. Эти решения оформлялись как «особые папки». Вообще за 1953 г. германский вопрос и вопросы ГДР рассматривались на заседании Президиума ЦК КПСС 76 раз, из них 11 решений относились к разделу «особых папок». Такие решения преобладали в мае, июле–августе 1953 г. Наиболее часто вопрос советско-германских отношений поднимался в июле (15 раз) и в августе (18 раз). Удивительно то, что ни во время событий, ни сразу после них эти вопросы на заседаниях Президиума ЦК КПСС не рассматривались. Первое постановление Президиума ЦК КПСС, принятое опросом, относится к 29 июня 1953 г. и посвящено принятию приветственной телеграммы в связи с 60-летием В. Ульбрихта. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что советское руководство не предвидело такой развязки событий в ГДР и до июля 1953 г. находилось в состоянии сбора и анализа информации.

[15]Документ рассекречен СВР РФ. Цитаты из него предоставлены исследователем С.В. Кондрашовым.

[16]*Murphy D.E.*, *Kondrashev S.A.*, *Bailey G.* Battleground Berlin. CIA vs. KGB in the Cold War. – New Haven, 1997. P. 157–158.

[17] Чуйков Василий Иванович (1900–1982) – в 1949–1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии, в 1953–1960 г. командующий войсками Киевского военного округа; Юдин Павел Федорович (1899–1968) – советский философ и общественный деятель. С апреля по май 1953 г. политический советник при Председателе Советской контрольной комиссии в Германии; с мая по ноябрь 1953 г. заместитель Верховного комиссара СССР в Германии.

[18]Протокол заседания Президиума ЦК КПСС 14 мая 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 23. Л. 41. Об этом также смотри восспоминания П. Судоплатова «Разведка и Кремль». – М., 1996. С. 415.

[19] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 23. Л. 41.

[20] *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. – М., 1994. С. 90–91.

[21] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Д. 19, п.271. Л. 16.

[22] *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. – М., 1996. С. 414.

[23] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 23. Л. 5.

[24] Об этом см.: *Филитов А.М.* СССР и ГДР: Год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 126. В статье выделяются пять версий этого обсуждения, принадлежащие соответственно Хрущеву, Молотову, Громыко, Микояну и Семенову. Б. Старков в статье «Сто дней “Лубянского маршала”», посвященной обзору особых папок МВД за этот период, поддерживает версию Молотова, указывая, что речь шла о заседании Президиума СМ СССР. (Источник. 1993. № 4. С. 87–88.)

[25] Подробнее см. *Филитов А.М.* СССР и ГДР: Год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 127.

[26] *Falin V.* Politische Erinnerungen. – München, 1993. S. 315–316.

[27] К сожалению, этот документ взят из немецкого архива и известен лишь в переводе на немецкий язык. См.: *Stöckigt R.* Ein Dokument von großer historischer Bedeutung vom Mai 1953 // Beitrage zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1990, H.4. S. 648–654.

[28]См.: Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR (SAMPO BArch), DY 30 J 1Y 2/2/286

[29]Сельскохозяйственные кооперативы.

[30]Отчет Верховного комиссара СССР в Германии за 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 53. Л. 42.

[31]Там же. Л. 46.

[32] *Mitter A.*, *Wolle S.* Untergang auf Raten. Unbekannte Kapitel der DDR-Geschichte. – München, 1993. S. 91.

[33] См. информацию о событиях в Берлине 16 и 17 июня 1953 г. корреспондента газеты «Правда» П. Наумова главному редактору газеты Д.Т. Шепилову. 22 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 73–80, 124–137. Информация 24 июня была направлена Д.Т. Шепиловым Н.С. Хрущеву (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 73–80) и П.Н. Поспелову (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 124–137) // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 72, 123. Сведения, содержавшиеся в документе, были настолько важны, что документ, видимо, не пересылался по почте, так как не проходил через общий отдел ЦК. Штамп регистрации был проставлен на документе лишь при списании его в архив: на экземпляре Н.С. Хрущева – 11 июля, П.Н. Поспелова – 23 октября 1953 г. На экземпляре Н.С. Хрущева пометка: «Доложено. Шуйский».

[34] Сокращенное название государственной торговой организации ГДР.

[35] В. Пик находился в это время на лечении в СССР.

[36] См.: Информацию о событиях в Берлине 16 и 17 июня 1953 г. корреспондента газеты «Правда» П. Наумова главному редактору газеты Д.Т. Шепилову. 22 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 77.

[37] См. там же

[38] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 79.

[39] См. там же. Л. 76–77.

[40] См. там же. Л. 78.

[41] См. там же. Л. 76.

[42] См. там же. Л. 80.

[43] *Gehler M.* Von der Arbeiterrevolte zur spontanen politischen Volkserhebung: Der 17. Juni 1953 in der DDR im Urteil westlicher Diplomatie und Politik // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1995. H.2. S. 381.

[44] *Murphy D.E.*, *Kondrashev S.A.*, *Bailey G.* Battleground Berlin. CIA vs. KGB in the Cold War. – New Haven, 1997. P. 123–126.

[45] *Hagen M.* DDR – Juni 53. Die erste Volkserhebung im Stalinismus. – Stuttgart, 1992. S. 79–81.

[46] Отчет Верховного Комиссара СССР в Германии за 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 54. Л. 98.

[47] В недавней фундаментальной работе по истории холодной войны американский историк Дж. Гэддис указывает, что столь странная черта «нового курса» доказывает лишь сознательный саботаж со стороны ульбрихтовского руководства в отношении «плана Берии». Мысль вполне здравая. Отказ от «казарменного социализма» в ГДР, курс на сближение с ФРГ, на компромисс и гер-

манское единство грозил Ульбрихту и его присным, в лучшем случае, уходом на пенсию. Поэтому они были готовы, по-видимому, даже пойти на риск далеко идущей дестабилизации режима, лишь бы скомпрометировать «новый курс» и спасти свою монополию на власть. Расчет был циничен и прост: спровоцировать массовое недовольство, беспорядки, тогда вмешаются советские войска, и уж конечно, будет не до либеральных экспериментов. В этом смысле можно сказать, что известный «день икс» – 17 июня 1953 г. – в ГДР стал результатом не только деятельности «западной агентуры» (роль ее нельзя отрицать), но и сознательной провокации со стороны руководства ГДР (размах народного движения далеко вышел за рамки замышлявшегося антилиберального шантажа и немало напугал самих провокаторов – но так зачастую бывает). Этой версии придерживается и П.А. Судоплатов. Говоря о двух версиях событий 17 июня, он указывает, с одной стороны, на спонтанное выступление доведенных до крайности народных масс, с другой, «что беспорядки были спровоцированы самим Ульбрихтом, отказавшимся выполнить требование бастовавших рабочих об увеличении заработной платы… В Восточной Германии существовало ложное представление о том, что правительство Ульбрихта не поддерживается русскими и они не выступят против забастовщиков» (См. *Судоплатов П.* Указ кн. С. 416–417). Определенным недостатком этой версии, помимо отсутствия прямых «улик», можно считать то обстоятельство, что она чрезмерно преувеличивает степень самостоятельности руководства ГДР/СЕПГ.

[48] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 79.

[49] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Д. 93. П. 280. Л. 1–2.

[50] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. Д. 300. П. 51. Л. 8.

[51] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. Д. 93. П. 280. Л. 34.

[52] Эти данные из документов Архива Генерального штаба Российской Армии (Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 1) привел российский военный историк В.М. Гобарев на международной конференции в Потсдаме в ноябре 1996 г. Немецкие историки приводят другие цифры: 50 убитых и 20 расстрелянных со стороны повстанцев, 3 погибших – с другой стороны (*Mitter A.*, *Wolle S.* Untergang auf Raten. Unbekannte Kapitel der DDR-Geschichte. – München, 1993. S. 105).

[53] В немецких источниках имеются сведения о том, что после восстания 17 июня 1953 г. в ГДР было расстреляно более сорока советских солдат, отказавшихся стрелять по восставшим. (Сведения из кн.: *Берия С.* Мой отец – Лаврентий Берия. – М., 1994. С. 360). Нам неизвестны документы, подтверждающие эти данные. Мало того, участник событий, которого нам посчастливилось найти, дает прямо противоположные сведения. Он говорит, что солдаты с нетерпением ожидали поступления приказа, который разрешал бы открывать огонь на поражение. На вопрос об отказниках, он ответил отрицательно: в частях еще были солдаты и офицеры, прошедшие войну, молодое пополнение росло во время войны, у многих отцы погибли на фронте, поэтому и те, и другие видели в немцах врага; следует учитывать и то, что немецкое население в массе своей относилось негативно к советским воинам: демонстранты бросали не только камни, но и стреляли по ним. По мнению данного очевидца, скорее можно предположить, что были репрессированы солдаты, открывшие огонь на поражение, когда приказ на это отсутствовал. Потом эти события у немецкой стороны превратилось в миф об отказниках. Интервьюируемый говорит, что участие советских военнослужащих в событиях 1953 года в ГДР не отражалось в военных сводках, полученные ими ранения не причислялись к ранениям, полученным в результате военных действий, и не влияли на размер пенсий. Убитых во время событий солдат хоронили на военных кладбищах времен войны, а родителям писали, что погиб из-за несчастного случая.

[54] Известия. 1953. 23 июня.

[55] См. Информацию о событиях в Берлине 16 и 17 июня 1953 г. корреспондента газеты «Правда» П. Наумова главному редактору газеты Д.Т. Шепилову. 22 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 76–77. П.А. Наумов пишет: «Совершенно очевидно, что лозунги были составлены заранее; в колонне было несколько очагов, откуда раздавались лозунги; в центре этих очагов шли организаторы, которые объявляли очередной лозунг и давали команду к его провозглашению».

[56] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 77–78.

[57] См.: Независимая газета. 1998. 18 июня.

[58] *Semjonov W.* Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. – Berlin, 1995. S. 295.

[59] См. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. С. 417.

[60] См. *Остерманн К.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 55.

[61] См. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. – М., 1996. С. 417.

[62] Имеется версия о том, что Берия сам был в Берлине во время «путча» и провел там три дня, «наводя порядок», причем, это его временное отсутствие в центре власти сыграло решающую роль в победе антибериевской коалиции (см. *Жуков Ю.И.* Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 60). Имеющиеся документальные и мемуарные свидетельства ее не подтверждают.

[63] Кстати сказать, нетрудно увидеть сходство между этой версией советского шефа госбезопасности и той, которую, как пишет К. Остерманн, поначалу выдвинули американские разведчики относительно событий 16–17 июня в Берлине – будто их инсценировали «Советы», дабы избавиться от непопулярного лидера ГДР (См. *Остерманн К.* указ. статья. С. 53). Согласно данным, приводимым в книге Бейли–Кондрашева–Мэрфи, помимо Гоглидзе и Кобулова, в присланную по линии МВД в Берлин группу входил еще ряд высокопоставленных сотрудников спецслужб. П.А. Судоплатов в мемуарах сообщает, что «для зондажа реакции Запада по вопросу объединения Германии в Берлин прибыла» советская разведчица З. Рыбкина, которая после ареста Л.П. Берии возвратилась в Москву (См. *Судоплатов П.А.* Указ. мемуары. С. 417).

[64] *Semjonov W.* Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. – Berlin. 1995. S. 298.

[65] См. *Старков Б.* Сто дней «Лубянского Маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 85–86.

[66] В РГАНИ сохранились письменные «признания» о знакомстве и контактах с Л.П. Берией, Абакумовым, Багировым: С.М. Штеменко, В.Н. Меркулова, М.В. Зимянина, Мхитарова, Кумехова, В.Д. Бонч-Бруевича (Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. С. 31–105).

[67] См.: Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953: Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 1, 2.

[68] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 35–36.

[69] Скорее всего, речь идет о тексте национального гимна ГДР, написанном в 1949 году и озвученном Гансом Айслером. (*Прим. ред.*).

[70] Постановление Президиума ЦК КПСС «О стихотворении И. Бехера “Песня единства”», опубликованном в «Литературной газете» от 16 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 30. Л. 10. Вырезку из «Литературной газеты» от 14 июля 1953 г. и дословный перевод стихотворения И. Бехера «К Германии» смотри РГАНИ. Ф. 3. Оп.8. Д. 34. Л. 6–11.

[71] См. Анонимное письмо жителей Воронежской области в Воронежский обком КПСС от 3 августа 1954 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 12–15. Это письмо было отправлено 5 августа 1954 г. секретарем обкома КПСС Н. Игнатовым в ЦК КПСС. В сопроводительной записке указывалось: «Если вопросы, затронутые в письме, представляют известный интерес, то прошу доложить об этом руководству». На записке пометка: «Доложено. В. Малин» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 11).

[72] См. Анонимное письмо жителей Воронежской области в Воронежский обком КПСС от 3 августа 1954 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 13.

[73] См. там же Л. 12–13.

[74] См. информацию Горьковского обкома КПСС секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову «О митингах протеста трудящихся Горьковской области против провокационных действий иностранных наймитов в Берлине» от 27 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 33–36.

[75] Записка МК КПСС Н.С. Хрущеву о мероприятиях, проводимых Московским горкомом в связи с событиями 17 июня 1953 г. в восточном секторе Берлина от 26 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 87–91.

[76] См. Резолюции митингов и обращения рабочих заводов города Горький и Горьковской области // РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 37–51. Тексты этих документов были отредактированы в Отделе ЦК КПСС и посланы в Совинформбюро для передачи по телетайпу в Берлин // РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 52. Сообщения о митингах публиковались в газете «Правда», перепечатывались немецкими газетами (РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 26).

[77] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 52. Л. 21–26, 33–51, 53–58; Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 87–91.

[78] См. Обращение рабочих Горьковского автомобильного завода к рабочим, инженерам и техникам завода «Хорха» г. Цвиккау // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 5 2. Л. 37; Обращение железнодорож-

ников Горьковского узла Горьковской железной дороги к железнодорожникам г. Магдебург // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 52. Л. 39–40 и др.

[79] См. Обращение коллектива Горьковского стекольного завода им. М Горького к рабочим Стекольного завода г. Ильменау //РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 52. Л. 44; Резолюция коллектива Первого Государственного подшипникового завода им. Л. М. Кагановича // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 87–88.(Выдержки из нее приводятся в записке МК КПСС Н.С. Хрущеву 26 июня 1953 г.)

[80] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 64–66.

[81] РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 67–68.

[82] Записка МК КПСС Н.С. Хрущеву о мероприятиях, проводимых Московским горкомом, в связи с событиями 17 июня 1953 г. в восточном секторе Берлина от 26 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 5. Л. 91.

[83] См. Информацию МК КПСС в ЦК КПСС о митингах, беседах среди трудящихся, о пленумах райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области в связи с деятельностью Берия от 10 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 4. Л. 12.

[84] См. Записки ЦК КП Украины в ЦК КПСС о составе украинской делегации рабочих от 29 июня 1953 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп.28. Д. 52. Л. 55–57.

[85] См.: Стенограмма совещания в ЦК КПСС с делегацией рабочих и профсоюзных деятелей, возвратившейся из ГДР. 25 августа 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 48–108. К стенограмме приложен листок с пометками: «Тов. Кованов просит направить ему один экземпляр стенограммы для изучения и разработки предложений по улучшению агитации на предприятиях. В. Воронцов.28.08.1953», «В архив. Тов. Кованов ознакомился со стенограммой. В. Воронцов» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 47. На пометке стоит виза М.А. Суслова.

[86] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 59.

[87] См. там же. Л. 104.

[88] См. Записку Начальника Главного Управления советским имуществом за границей В. Сергеева секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову о посещении делегацией ленинградских рабочих машиностроительного завода «Саксенверк–Нидерзедлиц» 11–14 августа 1953 г. от 23 сентября 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 24–26.

[89] См. там же. Л. 49.

[90] См. там же. Л. 61.

[91] Там же. Л. 102.

[92] См. там же. Л. 93, 97.

[93] См. там же. Л. 51.

[94] Там же. Л. 61.

[95] Там же. Л. 99–100.

[96] См. там же. Л. 64, 91, 102, 104–106.

[97] См. там же. Л. 104.

[98] См. там же. Л. 106.

[99] См. там же. Л. 108.

[100] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «О приветствии товарищу Ульбрихту в связи с его 60-летием» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 27. Л. 4, 6.

[101] Письмо Я.Г. Фогелера в ЦК КПСС о событиях в ГДР в июне 1953 г. от 26 июня 1953 г.// РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 54. Л. 129–139.

[102] См. Записку Заведующего сектором Отдела ЦК КПСС И. Кабина о письме Я.Г. Фогелера от 9 июня 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 29. Д. 54. Л. 140. и Записку Заведующего Отделом ЦК КПСС И. Кабина о беседе с Я.Г. Фогелером от 11 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 54. Л. 141. На записке помета: «Архив. Шуйский. 13.07.1953».

[103] Вильгельм Цайссер (1893–1958) и Рудольф Херрнштадт (1903–1966), с начала 30-х по 1947 год жили в Советском Союзе. Оба были исключены из партии на 15-м пленуме ЦК СЕПГ в июле 1953 года из-за «антипартийной деятельности». Цайссер потерял свой пост министра госбезопасности ГДР и до своей смерти работал переводчиком; в 1993 году он был реабилитирован. Херрнштадт в 1949 году занял пост главного редактора газеты «Нойес Дойчланд». (*Прим. ред.*).

[104] См. Письмо Э. Цайссер в ЦК КПСС о реабилитации мужа В. Цайссера //РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 94. Л. 23–35.

[105] См.: Стенограмма совещания в ЦК КПСС с делегацией рабочих и профсоюзных деятелей, возвратившейся из ГДР. 25 августа 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 63.

[106] Информация начальника Управления советским имуществом в Германии М.А. Суслову о политическом настроении немецкого персонала на советских предприятиях от 25 сентября 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 27–30.

[107] См. Отчет Верховного комиссара СССР в Германии за 1953 г. Берлин. 1954 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 53. Л. 96–97.

[108] См. там же. Л. 56.

[109] См. там же. Л. 56, 62.

[110] См. там же. Л. 98–99.

[111] См. там же. Л. 150.

[112] См. там же. Л. 99.

[113] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об организации представительств Верховного комиссара в Германии во всех округах ГДР» от 16 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 30. Л. 2, 25.

[114] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «О газете, издательстве и типографии “Теглихе Рундшау”» от 31 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 36. Л. 4, 13. К постановлению приложена записка П.Н. Поспелова, В. Степанова от 28 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 40. Л. 53.

[115] См. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 30. Л. 3, 28–29. К постановлению приложены: записка СМ СССР от июля 1953 г., записка А.И. Микояна от 13 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 33. Л. 46–52.

[116] См.: *Остерманн К.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С 57.

[117] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об ответе на послание Эйзенхауэра от 10 июля 1953 г.» от 11 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 29. Л. 3,12–13.

[118] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «О проекте письма Верховного комиссара СССР в Германии т. Семенова Верховному комиссару США в Германии» от 21 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 33. Л. 2, 5–6; Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг.: Документы и материалы. – М., 1974. С. 272–273.

[119] См.: *К. Остерманн.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 57.

[120] См.: Стенограмма совещания в ЦК КПСС с делегацией рабочих и профсоюзных деятелей, возвратившейся из ГДР. 25 августа 1953 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 93.

[121] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «Вопрос ГДР» от 20 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 32. Л. 2; Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг.: Документы и материалы. – М., 1974. С. 271–272.

[122] См. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об изменениях народнохозяйственного плана на 1953 г. и корректировке цифр пятилетнего плана развития народного хозяйства ГДР» от 31 июля 1953 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 36. Л. 3.

[123] См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 34. Л. 27–30.

[124] См. Информация корреспондента газеты «Правда» М Подключникова «О настроениях среди населения ГДР». 29 апреля 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 325. Л. 190–201. Информация была переслана Д.Т. Шепиловым М.А. Суслову 24 мая 1955 г. На сопроводительном письме резолюция «Тов. Смирнову. М. Суслов» и помета: «Ознакомлены. Необходимые данные учтены для работы. Материал информационный. И. Кабин. 02.06.1955» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 325. Л. 189.

[125] См. Информация корреспондента газеты «Правда» М Подключникова «О настроениях среди населения ГДР». 29 апреля 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 325. Л. 194.

[126] См. там же. Л. 343.

Йорг-Уве Фишер

СМЕРТЬ СТАЛИНА.
Скорбь и память в программе телевидения ГДР 1953–1956 гг.

> «А потом, понимаете ли, – сказал он, – произошло нечто очень печальное. Это и вправду было очень мучительно. Сергей Сергеевич умер в тот же день, что и Сталин».
> «Да почему же это было так мучительно?» – спросил я. «Ну… видите ли… как это объяснишь… – замялся коллега Прокофьева, – наши газеты были полны статьями о Сталине и его заслугах… Места для некролога Прокофьеву не нашлось».
>
> *Николай Набоков. Багаж.*
> *Мемуары русского космополита. 2003*

5 марта 1953 года в Москве умер русский композитор Сергей Прокофьев, ставший всемирно известным благодаря своей музыкальной сказке для детей и взрослых «Петя и волк». Эта смерть была едва замечена у него на родине и в управлявшихся оттуда государствах, ибо она оказалась в тени куда более значительного усопшего – в тот же день, что и Прокофьев, скончался Иосиф Виссарионович Сталин[1].

Почитание вождя, организованное на манер культа, существовало издавна. В XX столетии феномен культа личности в своём внешнем проявлении в качестве понятийного определения едва ли был столь тесно связан с какой-то другой личностью, как со Сталиным. Он сам претендовал на роль высшего авторитета во всех сферах политической, экономической и культурной жизни. Он приказывал прославлять себя в роли «гения человечества». С 1924 г. Сталин занимал первенствующую позицию в советской империи и с 1928 г. до смерти господствовал в качестве неограниченного диктатора.

В Советской оккупационной зоне и, позже, ГДР культ Сталина характеризовал политическую пропаганду на исходе 40-х – начала 50-х гг. Под давлением Советского Союза СЕПГ создала политическую систему, характеризовавшуюся косной, иерархически построенной политической структурой, экономической негибкостью, репрессиями против инакомыслящих и идеологическим фанатизмом. К числу важнейших предпосылок и форм проявления сталинизма в ГДР относилась реализация безусловного политического главенства СЕПГ. Компонентами этой системы являлись клятвенные признания в дружбе с советским народом и культ как живого, так и мертвого Сталина, чьё тело ещё было объектом псевдорелигиозного почитания.

Всего несколько лет спустя после краха национал-социализма СЕПГ предписала населению Восточной Германии новое, на сей раз марксистско-ленинское, учение о спасении, а в лице Сталина – титаническую фигуру вождя для идентификации и подчинения[2]. В то время, как в первые послевоенные годы имел место вполне осознанный отказ от почитания Сталина сверх всякой меры, летом 1949 г. началась систематическая подготовка к прославлению диктатора. Через три года после основания

Иллюминация, изображающая Сталина в 1949 г. в Берлине (Восточном)

ГДР культ вокруг личности Сталина достиг там полного расцвета; доходило до массированной идеологизации будней и политической культуры[3]. Прославление диктатора служило СЕПГ для сохранения её власти, и формула этого была проста: тот, кто положительно относился к Сталину, поддерживал систему, кто занимал по отношению к нему отрицательную позицию, становился врагом системы.

Ленинскому коммунистическому самосознанию соответствовала задача, поставленная перед средствами массовой информации (печатью, радио и телевидением): «нести слово партии в массы»[4], доносить до них политическую ориентацию, желательную для СЕПГ. СМИ служили «инструментом пропаганды и маскировки»[5] для партийного и государственного руководства, результатом чего была «непрерывная и всепроникающая идеологическая индоктринация населения»[6]. С 1945 г. печать и радио оглушали народ, рассказывая биографию Сталина, делали центром своих корреспонденций германо-советскую дружбу, на верность которой многократно присягали, и превозносили союз с «исторически превосходившим» Советским Союзом.

Кульминацией культового почитания Сталина были торжества, устроенные СЕПГ в честь 70-летия диктатора 21 декабря 1949 г.; увенчанием же стала церемония государственного траура по случаю его смерти. Средства массовой информации в ГДР (к печати и радио в декабре 1952 г. добавилось еще находившееся в экспериментальной фазе телевидение) целыми днями и неделями превосходили друг друга в подобострастных легендах о святом, торжественном китче и восторженных восхвалениях умершего диктатора. Ни одно слово не было достаточно величественным, чтобы выразить роль Сталина в современной цивилизации. Газетные статьи, выступления по радио и телевизионные комментарии постоянно начинались и заканчивались указанием на его «гениальность». Средства массовой информации в качестве пропагандистского инструмента указывали, что официально следовало думать и говорить.

Смерть Сталина была первым большим событием, в ходе которого ответственным лицам в берлинском руководстве телевидения пришлось отклониться от заранее подготовленного хода экспериментальной программы и отреагировать на новую ситуацию. В рамках своих технических возможностей предпринимались попытки предложить зрителям возможно более актуальную траурную программу и в то же время использовать повод, чтобы показать, как государственному и партийному руководству, так и общественности, сколь гибко и актуально можно было реагировать на события. И тем не менее 9 марта 1953 г. Берлинский телецентр не показал собственной программы по случаю похорон Сталина. Трансляция из Москвы была доверена радио, средству массовой информации, актуальность которого не подлежала сомнению. Предлагаемая вниманию читателей статья показывает в форме обзора, как телевидение ГДР реагировало на смерть Сталина, как его траурная программа воспользовалась культоподобным почитанием вождя и в чём заключалась суть процесса формирования программы. Рассмотрение проблемы заканчивается происшедшим три года спустя быстрым исчезновением приверженности исполнению завещания усопшего вождя, которое столь боевито подчёркивалось до 1956 г.

Телевидение в ГДР к началу 50-х гг.

Телевидение в ГДР утвердилось к началу 50-х гг. как самое молодое средство массовой информации. Монопольным положением обладало радио: к концу 1950 г. было выдано уже почти 3,5 млн. разрешений на пользование радиоприёмниками[7]. Развитие телевидения в ГДР восходит к 1949 г. В октябре этого года генеральное интендантство радио дало поручение на проектирование телецентра в Берлине. Этому предшествовали в июне 1949 г., после того как Союзный Контрольный Совет выдал разрешение на создание телевизионной сети в четырёх зонах оккупации Германии, переговоры Немецкой экономической комиссии с Советской военной администрацией о создании системы телевидения для Советской зоны оккупации. В декабре 1951 г. началась опытная эксплуатация телевидения во внутреннем режиме. Одновременно вошёл в строй и первый телецентр ГДР мощностью 100 Вт, находившийся в берлинском районе Митте, в здании ратуши на площади Молькенмаркт. Благодаря направленной радиосвязи он был соединён со студией в районе Берлин-Адлерсхоф. С точки зрения капиталовложений и мощности, передатчик был построен так, что он позволял обеспечивать программами на дальности примерно в 40 км наряду с Берлином и пограничные области, относившиеся к земле Бранденбург. Кроме городов Потсдам, Фюрстенвальде и Бернау в этой сфере вещания оказались и многочисленные машинопрокатные станции (МПС). Это были предприятия, поддерживавшие сельскохозяйственный труд с помощью технического оборудования и превратившиеся тогда в так называемые центры тяжести, с политической, экономической и культурной точек зрения. Следовало обеспечить рабочим МПС, наряду с горожанами, приоритетный доступ к телевидению. Норма вещания соответствовала обычной для СССР и стран сферы советского влияния норме OIR, в противоположность принятой на Западе норме CCIR. Позже последовала перенастройка на окончательные телевизионные частоты, установленные в Стокгольме[8].

По прошествии трёхлетнего подготовительного периода технические устройства были настолько скомплектованы, расширены и испытаны, что 21 декабря 1952 г.,

в день 73-летия И.В. Сталина, стало возможным начать официальную испытательную программу Берлинского телецентра. Предусматривались серии передач для актуальной информации, по национальному вопросу, сообщения о строительстве социализма в ГДР, о Советском Союзе и труде женщин, о проблемах молодёжи, научно-популярные лекции, спортивные и развлекательные передачи и телевизионные спектакли[9]. Программный журнал «Дер Рундфунк» рискнул ещё в том же месяце выпустить первую телепрограмму[10] для немногих зрителей, которым первый вечер у голубого экрана открывал сам интендант Герман Циллес (1903–1956):

> Меня особенно радует то обстоятельство, что мы начинаем эту программу именно сегодня, в день особого праздника для всех миролюбивых людей. Но это и серьёзная обязанность для нас. Ведь жизнь и деятельность человека, чей день рождения празднует сегодня мир, включает жизнерадостность, веру в прекрасное мирное и счастливое будущее, как и борьбу за эти высшие блага жизни и его победу в этой борьбе. Да, его имя – непреходящий символ борьбы и победы: С т а л и н [выделено в оригинале. – *Й.-У.Ф.*].

Циллес говорил в своем пятиминутном выступлении, что телевидение стремится сделать эту радость жизни слышимой и видимой, а встречу с новым средством информации, насколько возможно, как действенной, так и приятной. «Начало осуществления нашего намерения, – подчеркнул Циллес в заключение, – это наш подарок Вам ко дню рождения величайшего из живущих людей – С т а л и н а»[11].

Ещё один берлинец, писатель Карл Шног (1897–1964) пережил начало программы 21 декабря в тесном кругу, в обществе, собравшемся в Доме германо-советской дружбы в Берлине. В статье для программного журнал «Дер Рундфунк» он описывал свои впечатления, причем особое впечатление произвели на него два чтения стихов, с которыми выступал актёр Роберт Трёш (1911–1986):

> Роберт Трёш читал сильно, ясно и впечатляюще, от самого сердца, великолепное стихотворение о Сталине. А потом мы почти незаметно скользнули от портрета Сталина, увенчанного лавровым венком […] в волнующую танцевальную сюиту в исполнении советского ансамбля и идущую без пауз программу, посвященную народному искусству […]. После второго стихотворения о Сталине, живо и непосредственно исполненного Трёшем, мы увидели великолепный советский фильм о Сталинградской битве – он стал кульминацией первой телевизионной программы[12].

С точки зрения формирования программы, эта первая демонстрация советского фильма должна была состояться в рамках программы, приуроченной к открытию, а концерт народного искусства в честь дня рождения Сталина проходил под названием «За вечную дружбу». Вечер был завершён исполнением гимнов СССР и ГДР[13].

Уже в январе 1952 г. партийно-государственное руководство ГДР обратилось к Советскому правительству с просьбой о технической помощи для введения государственного телевещания. 15 февраля 1952 г. председатель Советской контрольной комиссии в Германии генерал армии В.И. Чуйков объявил в приказе № 24 о мерах, которые Совет Министров СССР принял для содействия телевидению ГДР. Речь шла о поддержке радиотехнической исследовательской работы, поставке телевизоров, трубок и другого необходимого оборудования, производившегося на советских предприятиях, а также о предоставлении научно-технического персонала[14]. Эти ме-

ры помощи, в особенности же, предоставление персонала и разрешение на выдачу телевизоров, сделали возможным начало передач. В ходе обмена программами сотрудничество началось со старта пробных передач. До начала 60-х гг. пересылались, прежде всего, записи фильмов[15]. Практически, однако, речь едва ли шла об обмене – скорее, имела место односторонняя поддержка со стороны Советского Союза.

В начальные годы много экспериментировали[16]. Привычное сегодня тогда было сродни аттракциону. Сотрудники нового СМИ пришли с радио, из театра и кино, а также были специалистами разных других профессий. Для производства передач имелись поначалу только дикторская студия, кинокамера, два развертывающих устройства с бегущим лучом для диапозитивов, два развертывающих устройства с проекторами типа «Мехау» для пленки шириной 35 мм и небольшой микшерный пульт для изображения и звука[17]. Первая студия, соответствующая телевизионным требованиям, с необходимой радиоаппаратной, была введена в эксплуатацию в ноябре 1953 г. В конце 1955 г. для вещания имелись в наличии уже три студии и театральный зал, оснащенные, в общей сложности, девятью телекамерами, и два передвижных трейлера, с тремя телекамерами каждый. В целом восемь телепередатчиков обеспечивали программами уже две трети территории ГДР. С помощью этих технических мощностей 3 января 1956 г., в тот день, когда президент Вильгельм Пик праздновал своё 80-летие, была завершена прежняя экспериментальная программа и начато регулярное вещание под новым названием «Немецкое телевизионное вещание». На протяжении первых двух лет время передачи составляло лишь немногие часы ежедневно: по рабочим дням с 20.00 до 22.00, по воскресным и праздничным дням с 16.00 до 18.00 час. Для технических испытательных целей, как и прежде, между 12.00 и 14.00 проводились регулярные передачи, чтобы, в особенности, позволить предприятиям, на которые возлагалось производство телевизоров, проверять аппараты, облегчать установку приёмников на предприятиях и иметь возможность ориентировать телевизионные антенны в соответствии с временем суток. Для 1953 г. средняя продолжительность вещания указывалась равной 14, в 1954 и 1955 гг. – 15 программным часам в неделю. В 1956 г. продолжительность недельной программы увеличилась до 22 часов[18]. Предварительной цензуры со стороны советских контрольных офицеров, как практиковалось на радио с начала июня 1945 до середины 1948 г., не было. Наблюдение над программой осуществляли ответственные сотрудники телевидения. Шаг за шагом внутренний контроль развивался через так называемые «разрешения». Руководство вещанием приняло на себя ответственность за краткосрочное планирование, т. е. оно контролировало создание и разрешение программы. Для этого оно проверяло материалы путем ознакомления, посредством чтения рукописей, а также с помощью участия в студийных и генеральных репетициях.

С началом вещания в 1952 г. началась и кампания по пропаганде коллективного телеприема[19] – по аналогии с коллективным приемом радиовещания, который практиковался с 1935 по 1944 гг., – в телевизионных комнатах и так называемых телевизионных кабинетах, устраивавшихся частично в коммунальных помещениях, частью в так называемых пунктах политического просвещения Национального фронта[20], а отчасти в домах культуры предприятий и на молодежных турбазах и в домах молодёжи. Тем самым, широкие слои населения должны были получить возможность бесплатно смотреть телевизионные передачи. Частные «зрительские сообщества» из числа родственников и соседей, складывавшиеся вокруг гордых обладателей индивидуальных телеприемников и не позволявшие, как правило, им проводить вечера в

одиночку, – были к началу 50-х гг. еще исключением. На первых порах только в Берлине можно было следить за программой, принимаемой примерно 75 телевизорами марки «Ленинград Т-2»; время вещания составляло поначалу два часа ежедневно. На 1953 г. указано число в 600 телевизоров[21]. Первый год, когда статистика указывает большее число аппаратов – 1954 г. с 2.313 зарегистрированными телевизорами[22].

В 1950 г. с «Ленинграда Т-2» (электронно-лучевая трубка 17 см) в ГДР началось производство телевизоров, правда, они поступали не на отечественный рынок, а предназначались в качестве поставок в счёт репараций для Советского Союза. Первое более значительное число приборов поступило на рынок в 1955 г. после того, как Советский Союз не принял около 40.000 экземпляров, сочтя их устаревшими[23]. В эти годы телевизор, стоивший примерно 3.500 марок, представлял собой предмет роскоши, а его приобретение превращалось в вопрос не только дохода, но и престижа. В своём читательском письме в программный журнал «Унзер рундфунк» в июле 1953 г. берлинец Альберт Донле критиковал, наряду с высокой ценой, в особенности недостаточное регулирование коллективного приёма телепередач: «Телевизионный центр вещает для трудящегося народа. Следует незамедлительно создать предпосылки для того, чтобы народ мог и принимать его передачи»[24]. Два года спустя недовольство выразил и руководитель вещания телецентра Артур Немцов в интервью органу ССНМ «Юнге вельт»: «О том, что многие еще не понимают значения телевидения, свидетельствует, например, скандальная ситуация в некоторых телевизионных комнатах Национального фронта. Ответственные лица ещё не осознают, сколь ценное агитационное средство им дано. Иначе не могло бы так много аппаратов пылиться по углам, как мне это бросилось в глаза, прежде всего, в Берлине»[25]. О резонансе телепередач едва ли можно было говорить к началу 50-х гг. – численность телевизоров была слишком мала. Но это стало испытанием для будущего. Телевидение, хотя оно ещё и не было средством массовой информации, в рамках своих возможностей вносило вклад в мобилизацию, агитацию и пропаганду.

До середины 60-х гг. телевидение со сравнительно небольшим временем вещания и малой степенью распространения уступало в информационном отношении радио[26]. С точки зрения СЕПГ, на этой ранней фазе оно не было средством массовой информации, почему его влияние оставалось маргинальным, и это означало одновременно меньшую степень политической индоктринации. Только когда телевидение ГДР к концу 50-х гг. располагало большей дальностью действия и серьезными возможностями распространения, партийное руководство обратило на него внимание[27]. В качестве созданного Советом Министров 14 августа 1952 г. подразделения Государственного радиокомитета телевидение было с самого начала интегрировано в государственный аппарат. Программа создавалась в централизованном порядке под руководством и наблюдением комитета, как и под контролем и постоянным влиянием Отдела печати и радио ЦК СЕПГ. В «Законе о народнохозяйственном плане на 1953 г.» были названы задачи для лиц и органов, ответственных за программу:

> § 6 Следует продолжать улучшение опытных телевизионных передач и в течение года распространить их за пределы Берлина на остальную территорию Германской Демократической Республики. […] § 12 Следует продолжать развитие кинематографии и телевидения. Темы фильмов следует ориентировать на задачи борьбы за единство Германии

и строительства социализма в Германской Демократической Республике. Следует повысить долю тем, касающихся борьбы германского рабочего класса за своё освобождение[28].

Внутри страны этому телевидению надлежало внести свой вклад в сохранение и укрепление системы господства СЕПГ. Его задача применительно к внешнему миру, зрителям Федеративной республики заключалась в том, чтобы агитировать в пользу общественно-политической системы ГДР, а также дискредитировать в глазах западногерманской общественности определённые лица и круги в ФРГ. В январе 1963 г. VI съезд СЕПГ оценил телевидение в ГДР как значительный фактор политической и культурной жизни и поставил перед ним новые задачи в сфере воспитания масс в процессе развернутого строительства социализма, причём, в условиях борьбы с «классовым врагом» следовало, в особенности, укреплять сознание собственного населения и обогащать на широкой основе духовно-культурную жизнь в ГДР[29]. Ввиду постоянного роста степени обеспеченности граждан телевизорами: в 1968 г. она составляла 63,6 на 100 семей[30], – телевидение испытало поздним летом 1968 г. посредством отделения от радио решительное повышение своей значимости и обрело более сильную политическую ориентацию. По решению Совета Министров ГДР, 4 сентября 1968 г. были созданы Государственный комитет по телевидению и Государственный комитет по радиовещанию и оба средства информации превращены в независимые друг от друга организационные сферы. Тем самым, телевидение стало и вовне прямо подчиненным указаниям и контролю партийного и государственного руководства. В то же время, была подтверждена и достигнутая к тому периоду позиция средства массовой информации и пропаганды СЕПГ. Теперь обеспечивалось прямое воздействие партии на производственные процессы и содержание телепрограмм[31].

Траурная программа о Сталине

«Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина»[32]. Этими словами московское радио информировало народ о смерти Сталина. Руководитель партии и государства, находившийся в бессознательном состоянии после инсульта, перенесённого тремя днями ранее, умер вечером 5 марта 1953 г. Гроб с телом Сталина был установлен для прощания в Колонном зале Дома Союзов, затем тело было забальзамировано и погребено в мавзолее Ленина. Людей охватила неуверенность, никто не знал, чего ждать после Сталина. Тридцать лет спустя М.С. Восленский, в 1953 г. ведущий редактор в Совинформбюро при Совете Министров СССР, вспоминал в еженедельнике «Ди Цайт» о часах, означавших глубокое изменение в советской истории:

> По радио звучал печальный голос, зачитывавший письмо Центрального Комитета КПСС советскому народу: Сталин был действительно при смерти. На протяжении десятилетий он был для нас богом – неумолимым, всеведущим и всемогущим. Казалось непостижимым, что он мог умереть – и не потому, что мы так уж любили Большого брата, собственно, мы его ненавидели, а просто потому, что он был здесь, неизбежный и вечный, как мир, не человек, а некое высшее существо – одновременно гений и чудовище[33].

Март 1953 г. в Москве. Хрущёв и Берия (первый ряд, первый и второй справа) во время похорон Сталина.

Гюнтер Шабовский, который в 1953 г. был журналистом профсоюзной газеты «Трибюне», также описывал чувства, овладевшие им и коллегами по редакции после того, как они узнали о смерти Сталина:

> 6 марта 1953 г. пришло сообщение о том, что ночью умер Сталин. Наша реакция представляется мне […] теперь доказательством той степени экзальтации, в которую нормальные люди смогли быть ввергнуты под воздействием обожествлявшей пропаганды и разжигаемого ею самовнушения […] Мы были точно парализованы. От нас ушел не «генералиссимус», а попыхивавший трубкой «батюшка» Сталин. Уменьшительная форма обращения приближала к нам умершего как родственника. Мы ощущали не только боль, но и пустоту. Как и кто должен был заполнить громадную брешь в нашем революционном мире, лишившемся вождя? Испытывая невероятные печаль и тревогу, мы находили подтверждение им в том эхо, которое смерть Сталина вызвала повсюду в мире, в том числе и среди врагов. На протяжении всего дня это ложилось нам на стол в виде сообщений агентств, определяя характер радиопередач[34].

И, добавим мы, также телепередач. Берлинский телецентр заменил свои предусмотренные ранее телепередачи траурной программой. Источником доказательств тому, как и всех изменений в программе по чрезвычайному поводу, не могут служить программы передач, опубликованные в специальном журнале и ежедневной печати, так как сообщения о передачах из-за существенного времени упреждения для печати должны были предоставляться редакциям уже несколькими днями ранее[35]. Орган Государственного комитета по радиовещанию журнал «Унзер рундфунк» извещал о смерти Сталина через десять дней после события, 15 марта. Взятый в траурную рамку титульный лист третьего мартовского номера показывает портрет диктатора в форме маршала Советского Союза. Это человек в лучшую пору своей жизни, с глад-

ко зачёсанными назад волосами и тщательно причёсанными усами. На развороте, так же траурно оформленном, размещены сообщение ЦК КПСС от 5 марта, а также телеграмма с выражением соболезнования от имени ЦК СЕПГ[36]. Титульная фотография следующего номера – люди, проходящие мимо памятника Сталину на одноимённой алее в Берлине (ныне Карл-Маркс-аллея). Фотографии шествия демонстрантов 9 марта, в день похорон, иллюстрируют и передовую статью, которая под названием «Сталин с нами – с нами победа» в патетических словах характеризует события дня:

> Венки поверх венков… зелёный парк из еловой зелени и цветов растёт вокруг памятника – Берлин прощается. […] Голубое небо ранней весны и солнце озаряют серьёзную и, одновременно, устремленную в будущее картину. Студенты рабоче-крестьянского факультета в голубых блузах Союза свободной немецкой свободной молодёжи маршируют теперь мимо памятника Сталину. Их знамёна развеваются высоко на ветру, и эти флаги украшены четырьмя профилями, знакомыми каждому … Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. В их духе Германия создаёт своё будущее. Их дело будет жить вечно[37].

«В честь товарища Сталина» в апрельском выпуске журнала помещена подборка писем в адрес Государственного комитета по радиовещанию, «в которых выражается не только глубокая печаль наших трудящихся города и деревни, но и их непоколебимая воля победоносно продолжать дело Сталина»[38]. Приходили восхваления Сталину, связанные с обязательствами достичь высших результатов в труде, – подобные после 5 марта можно было найти повсюду в средствах массовой информации ГДР.

Ко времени начала регулярных телепередач программа состояла, прежде всего, из выпусков последних известий, докладов и декламации, почти исключительно иллюстрировавшихся диапозитивами. В особенности привлекательной для зрителей была трансляция художественных и научно-популярных фильмов отечественного и зарубежного, прежде всего, советского, производства, даже если они и были отягощены многочисленными недостатками и неудачами в технике передачи и приёма. Ежедневная телепрограмма шла в соответствии с жёстким стереотипом: картинка-заставка, музыкальное вступление, объявление, «Актуальная камера» (выпуск последних известий на телевидении ГДР. – *Прим. перев.*), прогноз погоды, заставка паузы, промежуточное объявление, актуальные передачи на публицистические и культурные темы, художественный фильм, объявление в конце передачи и заключительная музыка. Ответственность за отдельные передачи возлагалась на рабочие группы «Музыка», «Новости дня», «Промышленность и сельское хозяйство», «Молодёжь и воспитание», «Культурная политика», «Приобретение фильмов и телевизионные спектакли». Программа должна была предлагать актуальную информацию о политических, художественных и спортивных событиях, с помощью которых могли удовлетворяться интересы и потребности зрителей, но ей надлежало также выполнять агитационно-пропагандистскую задачу, поставленную перед ней руководством партии и государства[39].

«С глубокой серьёзностью народы всего мира слушали сообщение из Москвы»[40]. Этим объявлением диктор открывала 4 марта 1953 г. телевизионную программу. Ещё до последних известий и сообщений о погоде последовало зачитывание бюллетеня о состоянии здоровья Сталина. Из-за сообщений из Москвы руководство вещания из-

менило программу; исчезло всё развлекательное, мультфильм «Волшебное сокровище» и предусмотренный на вечер весёлый телевизионный спектакль «Сиятельный». Нечто подобное происходило и 5 марта. И в этот день была измененная, сообразно ситуации, программа с зачтением бюллетеня и отменой популярной кинокомедии в пользу советского фильма «Александр Попов». В пятницу, 6 марта, распоряжением Совета Министров ГДР вводился национальный траур по Сталину до дня его похорон 9 марта включительно. Публичные увеселения, танцы и другие мероприятия, не соответствовавшие трауру, а также все спортивные соревнования отменялись[41].

В соответствии с событиями, вечернюю программу открывал траурный марш из «Героической симфонии» Бетховена. «Глубокая скорбь, – говорила диктор – охватила мир. Со склонённой головой стоят народы мира у гроба величайшего человека нашего времени». Зачитывалось уже распространённое по радио и опубликованное на следующий день в «Нойес Дойчланд» сообщение ЦК КПСС из Москвы. Следовала телеграмма соболезнования Вильгельма Пика в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника и, в заключение, уведомление «[…] попытаться в нашей завтрашней программе выразить нечто из того, что означал великий усопший для нашего немецкого народа и что он будет означать на все времена, нечто из обязывающей благодарности, которой преисполнены наши сердца»[42].

Траурные мелодии открывали телевизионную программу и 7 марта. В качестве вступительной музыки исполнялись «Героическая баллада» Арно Бабаджаняна и 1-я часть «Кантаты о Сталине» Кубы (псевдоним Курта Бартеля. – *Прим. перев.*), музыку к которой написал Жан Курт Форест. Все передачи были посвящены памяти Сталина. Чувство боли «в нас и во всех прогрессивных людях Германии» руководитель телецентра Циллес поставил в центр своего комментария:

> Иосиф Виссарионович Сталин скончался. Кажется, будто наши собственные сердца на миг прекратили биться, когда мы услышали эту скорбную весть! Настолько стал примером и путеводной нитью для нас этот великий человек и его труд. В этот первый миг в наших мыслях воцарилась пустота: теперь нам не хватает его, мудрого вождя и советчика, доброго друга, ведущего в новую жизнь на пороге миров, когда заканчивается предыстория человечества и начинается его история[43].

За этим следовало зачтение многостраничных соболезнований со всего мира, подобранных службой новостей. После стихотворения Иоганнеса Р. Бехера «Его имени» и чтения отрывка «Встреча со Сталиным» из воспоминаний «Рассказы из жизни» советского инженера Александра Яковлева телевизионный вечер завершался двенадцатиминутной серией диапозитивов «Жизнь Сталина в картинах», которая повторялась в вечерней программе 12 марта.

8 марта делегация в составе одиннадцати человек во главе с премьер-министром ГДР Отто Гротеволем вылетела на похороны в Москву. В этот день по всей ГДР состоялись траурные митинги. Телевизионная программа в Международный женский день полностью проходила под знаком преклонения женщин перед Сталиным. После введения с траурной музыкой Лео Шписа и Сергея Василенко юная пионерка (так назывались в ГДР ученики 1–3 классов. – *Прим. перев.*) Ингрид Летч прочитала «Приветствие матерям мира» с обещанием «учиться у Сталина и всех хороших людей, чтобы стать такими, как они»[44]. Содержанием передачи «Благодарность женщин Сталину» была печаль, посвящённая «ему, учителю и вождю в борьбе за рав-

ноправие женщин»[45]. Актёр Гарри Хиндемит читал стихотворение Гедды Циннер «Новый человек», в котором Сталин описывался как простой и скромный человек, обменивающийся дружескими словами с обычным рабочим[46].

В день похорон Сталина, событии в Москве, при котором столпилось так много любопытных, что некоторые были растоптаны, Берлинский телецентр не передал ни одной программы. В кратком объявлении зрителям сообщили:

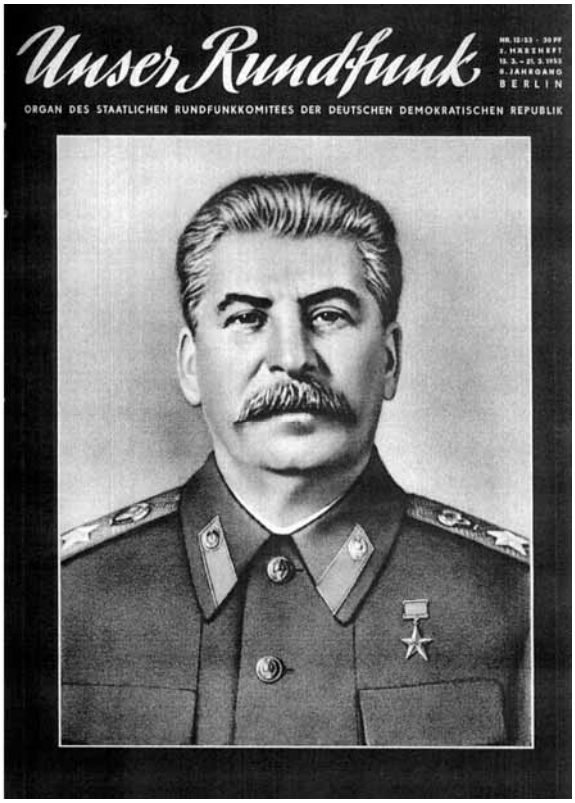
> Повсюду в необъятном Советском Союзе, но и во всех остальных странах, трудящиеся люди повторяют свою клятву – собственными руками продолжать непреходящее дело великого усопшего. Такова единственная мысль, переполняющая в этот час миролюбивое человечество. Поэтому, несомненно, наши друзья испытают желание снова включить один из каналов Государственного радиокомитета, постоянно сообщающих о том, как народы мира отметили сегодняшний день. Поэтому они поймут, что Берлинский телецентр сегодня отказался от собственной программы и только завтра в обычное время обратится к Вам[47].

И, действительно, телевидение никоим образом не могло конкурировать с радио, оперативно сообщавшим о событиях в Москве и определявшим весь день. Люди хотели «вживую» прочувствовать печальные торжества с помощью аппарата, а телевидение было ещё не в состоянии сделать это. Известны следующие программы станций Берлин I, II и III Государственного радиокомитета на 9 марта[48]:

> 9.40: траурная музыка – 10.00: радиомолчание – 10.05: траурные марши композиторов-классиков.
> 10.30: радиосообщение о государственном акте ЦК СЕПГ, правительства ГДР и президиумов Народной палаты и Палаты земель в здании Немецкой государственной оперы в Берлине; актёр Вольфганг Лангхоф читает стихотворение лауреата Сталинской премии мира Иоганнеса Р. Бехера «Вечно живому».
> 12.15–18.00: Сообщения о траурных торжествах в Москве, о траурном марше населения Берлина и траурных торжествах во всём мире.
> 19.00–20.00: Итоговое радиосообщение о траурных торжествах в ГДР, Берлине и Западной Германии. – 20.20: Симфония Бетховена.
> 21.00: Итоговое радиосообщение о траурных торжествах в Москве и во всём мире.

В дни после похорон актуальная информация всё ещё подавалась под знаком памяти и скорби. «Актуальная камера» в своих выпусках от 10, 11 и 12 марта предлагала ретроспективный взгляд на события и обзор траурных митингов и демонстраций в Москве и Берлине в день похорон. С окончанием государственного траура ход программ вернулся в «нормальное русло»; вводная траурная музыка была заменена медленными и торжественными произведениями классической музыки. В программе, наряду с передачами и фильмами, ориентированными непосредственно на Сталина или Советский Союз, снова появились развлекательные передачи вроде вальсовой музыки или передачи-советчика «Куда пойти в выходные». Как своего рода последний аккорд траурной программы и воспоминаний о покойном Берлинский телецентр передал 13 марта специальный выпуск еженедельной кинохроники студии ДЕФА под названием «Дело Сталина живет в веках». Фильм уже демонстрировался во многих кинотеатрах Берлина ГДР. Он рассказывал о печали жителей Берлина,

Титульный лист 3-го мартовского выпуска еженедельника «Унзер рундфунк» (1953 г.)



возлагавших цветы к памятнику на Сталин-аллее, у памятников советским солдатам в Трептов-парке и Тиргартене. Были показаны этапы жизни Сталина: время первых пятилеток, победа над гитлеровской Германией, Сталин у гроба Ленина, речь Сталина 6 ноября 1941 на станции московского метро. «Выдающийся фильм, – писала в своём комментарии “Нойес Дойчланд”, – который позволяет чувству горя и глубокой печали найти отзвук в клятве: “Теперь вперёд и только вперёд с именем Сталина!”»[49].

Не удовлетворившись оказанием почестей диктатору, ЦК СЕПГ потребовал 17 марта выполнить завещание Сталина. Его труды надлежало издавать по-немецки ускоренным темпом, были сделаны заказы репродукций бюстов и статуй Сталина работы советских скульпторов. «Институт Маркса-Энгельса-Ленина» получил название «Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина». Новый город при металлургическом комбинате Ост, возникший под Фюрстенбергом-на-Одере, был назван Сталинштадт. Имя Сталина было присвоено электроаппаратному заводу в Трептове и Высшей школе плановой экономики. Телевидение ГДР обосновало правомочность требования партийного руководства, показав передачу «Специальный выпуск о Сталине», которая повторяла еженедельную кинохронику ДЕФА от 13 марта.

Вполне под знаком памяти о Сталине проходил день 21 декабря 1953 г. По поводу его 74-летия телевидение ГДР в первую годовщину старта испытательной программы снова подготовило специальную программу, посвященную его личности. Объявление для слушателей проникнуто эйфорией и звучит подобно гимну:

Значимый день, обязывающий нас уделить время размышлению и осознанию своей позиции. – Давайте перелистаем книгу истории, книгу человечества и задержимся на миг у имён, вписанных в неё золотыми буквами. Это не имена могущественных завоевателей, диктаторов и монополистов, следами которых были кровь и слёзы, которые несли человечеству смерть и гибель. Непреходящие и сияющие в веках имена лишь тех, кто дал бедным хлеб, чья духовная сила преодолела затхлость мира, кто заткнул кулаками жерла пушек. Бессмертны лишь те, кто победили врагов человечества, кто победили слёзы матерей, это первопроходцы в светлое и мирное будущее. Их имена золотыми буквами написаны в книге истории человечества. Много имён, великих имён, и одно из наиболее значительных мы вспоминаем сегодня особым образом. Сегодня Иосифу Виссарионовичу Сталину исполнилось бы 74 года. Бессмертно дело Сталина, Сталин остаётся в наши дни непреходящим в социализме, в счастье человечества. Его дело – это мир. Тот, кто говорит «мир», думает о Сталине, тот, кто называет имя Сталина, подразумевает мир. Да, только благодаря ему слово обрело новое значение, свой более глубокий, подлинный смысл как залог человеческого счастья. Сталин указывает путь к миру во всём мире[50].

Объявление предваряло уже неоднократно повторявшиеся фильм «Дело Сталина бессмертно» и передачу «Встречи со Сталиным». Новостей дня в этот день не было, вместо них в программу включили, наряду с различной декламацией, короткометражные фильмы «Песня о Сталине» Анатоля Виеру и «Кантата о Сталине» А.В. Александрова.

С 1954 по 1956 гг. в программах телевидения ГДР и в журнале, где печаталась программа, ещё четыре раза встречались передачи, непосредственно посвящённые Сталину: «Гимн Сталину» 22 июня 1954 г. (13-я годовщина немецкого нападения на Советский Союз); «Сталин, картины великой жизни» 21 декабря 1954 г. (75-летие Сталина); «Дело Сталина бессмертно» 5 марта 1955 г. (2-я годовщина со дня смерти Сталина), а 21 декабря 1955 г. (76-летие Сталина) литературная передача «В память о Сталине» с текстами Луи Фюрнберга («Рождение Сталина»), Фридриха Вольфа («Слово Сталина»), Лиона Фейхтвангера («Мы любим Сталина») и Рудольфа Леонхардта («Сталин»). Другие телепередачи этого времени хотя и содержали, по аналогии с радиопрограммами, упоминание о Советском Союзе или советские фильмы, но в них не шла напрямую речь о Сталине. А после марта 1956 г. уже ничто больше в ежедневных программах телевидения и радио не напоминает о диктаторе. В третью годовщину его смерти показывают даже развлекательные передачи, например, фильм-балет немецкого телевидения «Принцесса и семеро рыцарей».

Визуализация траура

Поначалу телевидение ещё было для большинства людей чем-то новым и оказывалось поэтому особенно привлекательным. Но в испытательной программе, составленной из многочисленных фильмов и лишь немногих студийных передач, отсутствовали актуальность и возможность непосредственного сопереживания, присутствия. В качестве равноправных формирующих элементов выступали произнесённое слово и подвижная картина, обусловливавшие друг друга. И тем не менее телевидение, как ни одно другое средство информации, было и остаётся пригодным для непосредст-

венного воздействия на людей. Благодаря впечатлению о возможности видеть вещи собственными глазами и сопереживать им, должно было создаваться представление о достоверности.

Для восприятия телевидения имели значение непосредственно передававшиеся объявления и переходы к отдельным передачам, так как зрителю сообщались тем самым временна́я непосредственность воздействия средства информации и ощущение присутствия. Функция диктора выходила далеко за пределы простого оповещения о программе. В момент своего появления он был представителем института «Телевидение», устанавливающим непосредственную связь со зрителем. Он информировал о ходе программы и подводил к отдельным передачам. Бесполезных комментариев и изложения содержания избегали, зритель должен был быть в состоянии сам сформировать свою оценку. Тексты были, большей частью, дружественно-обязательными, а объяснение выдерживалось в очень личностных тонах.

От диктора зрители узнавали тогда, в 1953 г., нечто новое о состоянии здоровья Сталина: «С глубокой серьёзностью народы всего мира слушали сообщение из Москвы. Прочнее, чем когда-либо, горячие желания нашего народа связываются с желаниями наших советских друзей, так как все наши мысли и надежды обращаются в это мгновение в Москву, к великой, достойной подражания жизни человека, на которого, исполненные благодарности, смотрят все народы»[51]. От диктора они получили сообщение и о его смерти. Перед дикторами встала задача рассказать о значении этого события. В объявлениях о программе в следующие дни подчеркивалось чувство преобладающей над всем боли, а также непрерывное повторение мыслей о значении умершего для немецкого народа и связанная с этим «обязывающая благодарность». В подводках к передачам были вмонтированы оценки Сталина, «друга и вождя всех людей, любящих мир», «мудрого учителя международного рабочего класса», «великого друга немецкого народа» и «большого друга детей». В качестве резюме всех оценок, которыми Сталин наделялся в программе 1953 г., звучало заявление от 21 декабря:

> Тот, кто совершил столь великое и кого так любили люди, мог быть не только гениальным учёным, полководцем и государственным деятелем, но ещё и выдающимся человеком, сердечным другом всего благородного и прекрасного[52].

Особый упор в заявлениях делался на понятии «Мы».

> Сталин – это часть нашей жизни. Как много наших идей рождены его познаниями! Как много наших дел стали реальными благодаря лишь тому, что был он. Мы изучаем его учение, его жизнь и созреваем, становясь подлинными людьми[53].

Этим «мы» следовало, во-первых, показать, что за сказанным стоял весь институт под названием «Телевидение ГДР», а во-вторых, этим способом из вечера в вечер снова завязывались узы взаимных отношений между публикой и людьми на экране. «Мы» использовалось как связующее звено, чтобы усилить представленные во время объявления точки зрения и рекомендации относительно того, как «нам», зрителям, следует рассматривать то или иное дело. Это слово применялось не как банальное общее место, а должно было служить знаком доверия к искренности сказанного[54].

Выпуски новостной передачи «Актуальная камера» и другие передачи создавались в форме серий диапозитивов. Благодаря отбору диапозитивов и произнесенных подписей визуализировалась определённая картина отца народов Сталина. В качестве примера других подобным образом созданных передач можно назвать серию диапозитивов «Жизнь Сталина в картинах», показанную 7 марта. Текстовый пример из этой передачи, которая с помощью 33 диапозитивов изображала жизнь Сталина, мог создать впечатление о том, с помощью каких изобразительных средств и комментариев представлялся зрителю процесс его становления:

> […] Диапозитив 2: Преисполненные уважения, мы вспоминаем женщину, подарившую его миру, Екатерину Георгиевну Джугашвили.
>
> Диапозитив 3: …и нам дорог этот маленький дом в Гори, в котором 21 декабря 1879 г. родился Сталин.
>
> Диапозитив 5: В лице 19-летнего молодого человека мы уже узнаём знакомые черты глубокого мыслителя и несгибаемого революционера.[…][55]

Сохранившиеся рукописи и тексты дикторов обнаруживают исправления и вычёркивания в различном объёме. При этом, преобладают поправки стилистического, содержательного характера, но есть и сокращения. В том, что касалось культа личности, не должно было быть тёмных пятен. Созданием гимнов, часто беспримерных по масштабам, характеризуются, наряду с декламацией стихотворений и прозаических отрывков, также публицистические выступления и выступления на тему культуры. Они визуализируют картину деятельности Сталина как вождя в сферах революционной, политической и военной деятельности, выполняя функцию создания критериев в областях искусства и культуры, а также наук, в том числе естественных. Во время траурной программы между такими передачами и актуальной информацией оставалось лишь немного места для художественных фильмов. Показанные по телевидению и созданные для кинотеатров фильмы советского производства, например, «Повесть о настоящем человеке», «Александр Попов», «В мирные дни» или «Семеро смелых», также могут быть причислены к программе возвеличения Сталина, ибо они были проникнуты преклонением перед ним и Советским Союзом. Они рассказывают о людях, которые «в мире этого величайшего государственного человека взошли на высшую ступень человечности»[56], осуществляли его учение и хранили ему верность. Они показывают людей, которые, будучи воспитаны Сталиным, «добились замечательных результатов», «в них продолжает жить Сталин, а в их работах и трудах действует дух Сталина»[57].

Не в последнюю очередь, к формированию программы относилась и музыка, предварявшая и заключавшая программы, а также используемая в качестве музыкального антракта. С 6 по 9 марта 1953 г. в программу были включены, наряду с «Героической симфонии» Бетховена, траурными маршами и кантатами о Сталине, также мелодии героического, например, траурная музыка Сергея Василенко или боевого звучания, например, «Интернационал». «Интернационал» звучал как в паузах между отдельными частями, так и внутри передач, чтобы действенно подчеркнуть и усилить впечатление от видеоряда.

Прочной составной частью программы были и запланированные паузы, которые должны были дать зрителям время, необходимое для размышления об увиденном, и сопровождались соответствующими заставками. Так, в ежедневных расписаниях в качестве заставки, как правило, использовались станционные часы, антенна-мачта на территории телецентра или различные сюжеты Берлина, часто «проложенные» музыкальными произведениями. Отклонением является план передач 5 марта 1953 г., где по понятным причинам после зачтения второго бюллетеня, в котором ЦК КПСС и Совет Министров СССР сообщали о состоянии здоровья советского вождя, в качестве заставки вводилась наплывом «неподвижная фотография Сталина».

Сталин еще при жизни стал мифом, не в последнюю очередь, благодаря средствам массовой информации. При этом, его показывали всегда одинаково. До конца 1955 г. и телевидение ГДР показывало его исключительно как неразрывно связанного с народом отца нации, неустанно работавшего на благо советского, а также немецкого народа. Его показывали как непогрешимую фигуру отца, на которую следовало взирать с благоговением и трепетом, его представляли как простого, скромного человека, который был не более и не менее как выражением коллективной воли народа. С некоторыми изменениями, эти описания встречались почти во всех передачах, больше всего будучи связанными с подтверждением того, что память о Сталине должна сохраняться «вечно». После секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. эти пропагандистские материалы, характеризовавшиеся разными оттенками, – от цветистой наивности до утонченной фальсификации истории – исчезли в архивах, пали жертвой шуток или систематически изымались из оборота.

Постепенное исчезновение легенды

Главной опорой легенды о Сталине была его вездесущность во всех сферах жизни. Годами средства массовой информации непрерывно сопровождали упоминание его имени ритуальными формулами. Всё, что рассматривалось как успех в Советском Союзе или в странах, входивших в его сферу влияния, объяснялось Сталиным и снабжённое соответствующими превосходными степенями распространялось с помощью СМИ. Повсюду, включая и самое глухое захолустье, его личность представлялась корнем успеха. Конечно, почитание Ленина было значительно, но почитание Сталина доходило до крайней границы вообразимого, он считался «величайшим сыном истории человечества».

Сталин сам создал особого рода лицемерный авторитет, с помощью которого он мог принимать любое решение, не считаясь с утратой престижа. Проникнутое низкопоклонством и исполненное принуждения почитание, в котором он был уверен применительно к самому Советскому Союзу и странам, входившим в его лагерь, позволяло ему это. Этот авторитет умер с ним.

XX съезд КПСС, состоявшийся 14–25 февраля 1956 г., потряс весь социалистический лагерь. В своем секретном докладе Хрущёв свёл счёты со Сталиным и вызвал, тем самым, серьёзный кризис в коммунистических государствах. Вспоминает восточногерманский социолог религии и правозащитник Эрхарт Нойберт:

> Ритуальное почитание деспота было гарантией специфической и повсюду единой политической и экономической системы в государствах, находившихся под коммунистическим господством. Но после смерти деспота эти ритуалы всё в большей степени теряли свою силу интеграции и ориентирующее воздействие на всё сложнее развивавшиеся индустриальные общества Восточной Европы. […] Теперь земля обетованная, имя которой было «социализм», лежала по ту сторону Сталина[58].

Делегация ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем не была допущена на закрытое заседание съезда, на котором прозвучала речь Хрущёва, но узнала достаточно деталей о человеке, чье учение СЕПГ ещё считала «непобедимым» в своем приветственном послании XX съезду[59]. Уже 4 марта 1956 г. Ульбрихт канализировал в «Нойес Дойчланд» дискуссии, сделав акцент, в основном, на том, что Сталин отныне больше не «классик»[60].

Видимые последствия имели место только после XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.). Телезрители узнали об этом 14 ноября 1961 г., когда диктор в позднем выпуске «Актуальной камеры» зачитал следующее сообщение:

> После ознакомления с материалами XXII съезда КПСС магистрат Большого Берлина, учитывая нарушения революционной законности в период культа личности Сталина и тяжелые последствия этого, решил переименовать прежнюю Сталин-Аллею от Александерплац до Франкфуртер Тор в Карл-Маркс-Аллею, от Франкфуртер Тор в восточном направлении во Франкфуртер-Аллею, а также снести памятник Сталину[61].

Памятник Сталину, который 3 августа 1951 г. с большой пышностью открыл Вальтер Ульбрихт, исчез буквально за ночь, а с ним из лексикона общественности исчезло и имя советского диктатора. Новый словарь Мейера издания 1964 г. осуждал культ Сталина, в результате которого «народ и партия были оттеснены на задний план, а их значение снижено. С.[талин] начал чрезмерно переоценивать свои заслуги, требовал прославления своей личности и самым грубым образом нарушал внутрипартийную демократию и социалистическую законность. На XX и XXII съездах КПСС эти ошибки были подвергнуты беспощадной критике, а культ личности, чуждый марксизму-ленинизму, осуждён»[62]. Точное содержание секретного доклада Хрущёва стало известно в ГДР только в 1990 г. В то время, как отдельные авторы, включая писателей, анализировали режим прежнего советского диктатора, в восточногерманских средствах массовой информации не было расчёта со Сталиным и его 29-летним господством. Его роль не обсуждалась. Приведём в заключение пример на сей счёт.

Советский фильм «Покаяние»[63] грузинского режиссёра Тенгиза Абуладзе вышел на советские киноэкраны в начале 1987 г. в рамках курса гласности и перестройки. Это притча об ужасах сталинского времени и расчет с тиранией грузина Сталина. В ГДР фильм не показывали, но осенью 1987 г. он был продемонстрирован по второму каналу западногерманского телевидения (ЦДФ) и стал, тем самым, доступен зрителям на Востоке Германии. После этой передачи партийные функционеры, ответственные за культуру и СМИ, инициировали в октябре 1987 г. под видом «общественного мнения» пропагандистскую кампанию против фильма в газетах «Юнге Вельт» и «Нойес Дойчланд». Утверждалось, что он – вогнутое зеркало, в принципе, опрокинутого мира; выражение исторического пессимизма, циничного раздражения

Aus unserer Sicht

Wie die Geschichte befragen?

Wahrhaftig und klassenbewußt, zuversichtlich und aktuell lehrreich
Diese „Reue" ist regelrechte Schwarzseherei und Schwarzmalerei
Offene Worte nach einem anregenden Klubgespräch in Halle

Von Dr. Harald Wessel

mir wissen, ob ich den kurz zuvor im ZDF gezeigten sowjetischen Film „Reue" für einen gelungenen Beitrag zu unserem Geschichtsbild hielte. Da ich ebenso offen wie charmant gefragt worden war, habe ich offen

gravierende Fortschritte zu einem besseren, menschenwürdigen Zustand der Welt gemacht. Europa, von dem in der ersten Hälfte dieses Jahrhunderts zwei mörderische Weltkriege

darf nicht unter die Erde. Er wird immer wieder ausgegraben und schließlich den Vögeln zum Fraß vorgeworfen: ewige Schuld, ewige Reue, ewige Rache.

Подстрекательская статья редактора отдела истории «Нойес Дойчланд» против фильма «Покаяние» в связи с его демонстрацией по каналу ЦДФ, опубликованная в газете 31 октября 1987 г.

на мир, выдаваемого за истину в последней инстанции; цветной фильм черного пессимизма и очернительства, и инструмент антикоммунизма для буржуазных СМИ[64]. Эти интерпретации вызвали жесткую реакцию в письмах читателей[65]. Для официальной стороны дискуссия и намерение размышлять оставались в ГДР нежелательными до конца 80-х гг.

Обращение Абуладзе, гласящее: «Будущее можно построить только в том случае, если будет беспощадно преодолено прошлое»[66], не нашло отклика. Только после падения стены, незадолго до конца ГДР, 10 февраля 1990 г. «Покаяние» было, наконец, показано в этой стране.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В память о Сергее Прокофьеве в газетах «Берлинер Цайтунг» от 20 марта 1953 г. и «Нойес Дойчланд» от 26 марта 1953 г. появились краткие статьи; 21 апреля 1953 г. радиостанция «Берлин III» рассказала о нем в серии «Композитор недели».

[2] Ср. об этом *Walter Laqueur.* Stalin. Abrechnung im Zeichen von Glasnost. – München, 1990. S. 235 ff.; *Thomas Friedrich.* Welch eine Kraft es gab, als Stalin sprach. Personenkult und SED. – Berlin, 1992; *Ulrich Mählert.* Die gesamte junge Generation für den Sozialismus begeistern. Zur Geschichte der Freien Deutschen Jugend. – Jürgen Weber (Hrsg.). Der SED-Staat. Neues über eine vergangene Diktatur. – München, 1994. S. 80 ff.; *Jörg-Uwe Fischer.* Im Zeichen des Personenkults. Stalins Geburtstag im ostdeutschen Rundfunk (1945–1956). – Rundfunk und Geschichte 21 (1995), Nr. 4. S. 247–253; *Katharina Klotz.* Führerfiguren und Vorbilder. Personenkult in der Ära Ulbricht. In: Parteiauftrag: Ein Neues Deutschland. Bilder, Rituale und Symbole der frühen DDR. Hrsg. von Dieter Vorsteher. – Berlin, 1996. S. 322–340.

[3] Ср. *Mählert,* op. cit.. S. 75.

[4] Kleines Politisches Wörterbuch. 7. Aufl. – Berlin 1988. S. 17.

[5] *Peter Ludes.* Das Fernsehen als Herrschaftsinstrument der SED. – Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» (12. Wahlpe-

riode des Deutschen Bundestages). Hrsg. vom Deutschen Bundestag. Bd. II/3. Machtstrukturen und Entscheidungsmechanismen im SED-Staat und die Frage der Verantwortung. – Baden-Baden, 1995. S. 2198.

[6] *Klaus Schröder.* Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. – München, 1998. S. 618.

[7] Ср. Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik 1956. Hrsg. von der Staatlichen Zentralverwaltung für Statistik. 2. Jg. – Berlin [Ost], 1957. S. 476.

[8] Deutsches Rundfunkarchiv Potsdam-Babelsberg, Schriftgutbestand Fernsehen (далее DRA FS): Studiotechnik/Deutsche Post – Die Entwicklung der technisch-technologischen Forschung und des wissenschaftlich-technischen Fortschritts im Funkwesen sowie der Bau von Ausrüstungen und Rationalisierungsmitteln für die Deutsche Post der DDR, 1945–1985, Textfassung. – Berlin, 1987. S. 24; ferner: Die Fernsehvorbereitungen in der Ostzone. – Fernseh-Informationen, 1. Juli-Ausgabe 1951. S. 8–10; H.S. Auch in der Ostzone sind Fernseh-Kinderkrankheiten überwunden. – Der Kurier, 21. Januar 1952; *Karl Kiehle.* Fernsehzentrum Berlin. – Der Rundfunk 8 (1953), Nr. 6 u. 7. S. 22 bzw. 20.

[9] Ср. Fernsehzentrum Berlin sendet ab 21декабря. – Neues Deutschland, 16декабря 1952.

[10] Der Rundfunk 7 (1952), Nr. 52. S. 19.

[11] DRA FS: Korrigierter Sendeplan vom 21декабря 1952, Eröffnungsrede Hermann Zilles. Историк телевидения Петер Хофф подчёркивает с полным основанием в своей статье о зарождении телевидения ГДР, что своего рода частью «политического фольклора» в советских сателлитах стало «посвящение каждого значительного события в истории этих государств, находившихся на дистанционном управлении из Москвы, «великому Сталину». В качестве пикантной детали историографии восточногерманского телевидения Хофф оценивает перенос на более ранний срок – на 13 декабря 1952 г. официального старта телепрограмм (день, на который Политбюро ЦК СЕПГ наметило начало испытательной программы), так как телевидение ГДР впоследствии очевидно стыдилось 21 декабря. *Peter Hoff.* Fernsehen als «kollektiver Organisator» – Anfange des DDR-Fernsehens 1947 bis 1956. – Knuth Hickethier. Geschichte des deutschen Fernsehens. – Stuttgart und Weimar, 1998. S. 104.

[12] *Karl Schnog*. Ein Historischer Fernseh-Empfang. – Der Rundfunk 8 (1953), H. 3. S. 11.

[13] 13 DRA FS: Korrigierter Sendeplan vom 21 Dezember 1952: Laufplan für die Volkskunstsendung «Für ewige Freundschaft».

[14] Приказ № 24 председателя Советской контрольной комиссии в Германии об оказании технической помощи ГДР в развитии телевидения. Перепечатано в Beziehungen DDR – UdSSR 1949–1955. Dokumentensammlung, 2 Halbbde. – Berlin [Ost], 1975; Halbbd. 1. S. 340.

[15] Ср. об этом *Mathias Müller.* Die internationale Zusammenarbeit des Rundfunks und des Fernsehens der DDR. – Deutsche Außenpolitik (Berlin [Ost]) 4 (1959), H. 11. S. 1158–1164; *Karolus Heinz Heil.* Das Fernsehen in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1953–1963. – Bonn und Berlin, 1967. S. 67 ff.

[16] Ср. об этом *Hans Müncheberg / Peter Hoff.* Experiment Fernsehen. Vom Laborversuch zur sozialistischen Massenkunst. Die Entwicklung fernsehkünstlerischer Sendeformen zwischen 1952 und 1961 in Selbstzeugnissen von Fernsehmitarbeitern (= Podium und Werkstatt 15/16). – Berlin, 1984; Hoff. Op. cit.,. S. 95 ff.

[17] DRA FS: Studiotechnik/Deutsche Post – Die Entwicklung der technisch-technologischen Forschung. S. 27 f.

[18] Ср. Informationen über das Fernsehen der DDR. Hrsg. vom Fernsehen der DDR. – Berlin [Ost], 1973.

[19] Ср. об этом *Hans Gabler.* Fernsehen im Einzel- und Kollektivempfang. – Rundfunk und Fernsehen, hrsg. vom Hans Bredow-Institut (Hamburg), H. 2, (1956). S. 148–154.

[20] Национальный фронт – созданная в ГДР около 1949 г., руководившаяся СЕПГ объединяющая организация для политического охвата всего населения, проводившая свою массово-политическую работу сначала в пунктах политического просвещения, позже в агитпунктах по месту жительства. Ср. об этом также *Arthur Nehmzow.* Fernsehen – ein neuer politischer Faktor. – Unser Rundfunk (Berlin [Ost]) 9 (1954), H. 19. S. 19.

[21] Ср. Informationen über das Fernsehen der DDR. Материалов для периода с 1952 по 1955 гг., которые позволили бы аутентичным образом познакомиться с индивидуальным характером восприятия телезрителей, практически нет. Хотя отдельные письма зрителей и восходят ко времени до 1954 г. они касаются прежде всего отдельных передач преимущественно драматического жанра. Социологическое исследование зрителей осуществлялось на телевидении ГДР только с середины 60-х гг. Эпизодически письма зрителей публиковались и в программных журналах.

[22] Ср. Statistisches Jahrbuch (1956). S. 476. Применительно к 1955 г. статистика фиксирует 13.575, к 1956 г. – 70.607 зарегистрированных телевизоров.

[23] Ср. *Heil.* S. 58. В соответствии со статистикой в 1956 г. в среднем 249,3 человек в ГДР должны были делить друг с другом телевизор. При распределении данных по отдельным округам статистика даёт, например, для Берлина (Восточного) 103,1, для Потсдама 79,1 и Нойбранденбурга 2.246,3 человека на телевизор. Для сравнения количество людей на радиоприёинмк: в среднем всего 3,37, для округов Берлин (Восточный) 2,63, Потсдам 3,50 и Нойбранденбург 4,17. Statistisches Jahrbuch (1956; ibid.). S. 476.

[24] Bühne ohne Publikum. Leserbrief abgedruckt in: Unser Rundfunk (Berlin [Ost]) 8 (1953), Nr. 31. S. 19.

[25] *Ludwig Müller.* Warum noch «Versuchs»-Programm? – Junge Welt vom 6./7. August 1955.

[26] В соответствии с официальной статистикой в 1955 г. из 100 семей ГДР телевизором владели 1,2, в середине 60-х гг. эта доля составляла примерно половину и только в 1980 г. почти каждая семья в ГДР владела аппаратом. Ср. Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik. Hrsg. vom Statistischen Amt der DDR. – Berlin, 1990. S. 325.

[27] Ср. *Ludes.* Op. cit.. S. 2198; *Schröder.* Op. cit.. S. 568.

[28] Цит. по «Neues Deutschland» от 18 декабря 1952 г.

[29] Ср. Bericht des Zentralkomitees an den VI. Parteitag der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. In: Protokoll der Verhandlungen des VI. Parteitags der SED. Bd. 4. – Berlin [Ost], 1963. S. 240.

[30] Ср. Statistisches Jahrbuch (1990). S. 325.

[31] О политическом руководстве телевидением ср. *Gönter Holzweissig.* Medien und Medienlenkung. In: Die SED-Herrschaft und ihr Zusammenbruch. Hrsg. von Eberhard Kuhrt (= Am Ende des realen Sozialismus. Beitrage zu einer Bestandsaufnahme der DDR-Wirklichkeit in den 80er Jahren, Bd. 1). – Opladen, 1996. S. 51–68; *Peter Hoff.* Organisation und Programmentwicklung des DDR-Fernsehens. In: Institution, Technik und Programm. Rahmenaspekte der Programmgeschichte des Fernsehens. Hrsg. von Knut Hickethier (= Geschichte des Fernsehens in der Bundesrepublik Deutschland, Bd. 1). – München, 1993. S. 268.

[32] Сообщение Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, перепечатано в «Neues Deutschland» vom 7. März 1953.

[33] *Michael Voslensky.* Die Angst beim Tode des Diktators. Wie ein Sowjetbürger Stalins Sterben erlebte. In: Die Zeit, Nr. 10, 1983. S. 9.

[34] *Günter Schabowski*. Der Absturz. Reinbek bei Hamburg 1992. S. 84f.

[35] Реконструировать траурную программу, посвященную памяти Сталина, можно только на основе сохранившейся документации о программах телевидения ГДР: программ передач, дикторских текстов, текстов передач и комментариев. Отдельные переданные материалы, если речь не шла о телевизионных спектаклях или фильмах, вовсе не архивировались. Текущие программы передач на 1953 г. раскрываются только на основе откорректированной программы передач, которую вела программная дирекция и которую соответствующим образом исправляли после передачи программы дня. Откорректированная редакция программы передач находится в Архиве немецкого радио за период с 1952 по 1991 гг. Из передач телевидения ГДР с 1952 по 1956 гг. лишь небольшая часть осталась в Потсдамском филиале Архива немецкого радио, где хранятся программные материалы радио ГДР. Для 1952 г. там доказано наличие 1, для 1953 г. – 2, 1954 г. – 5, 1955 г. – 49 и 1956 г. – 30 материалов.

[36] Unser Rundfunk (Berlin [Ost]) 8 (1953), Nr: 12. S. 2f.

[37] Ibid. 8 (1953), Nr. 13. S. 2f.

[38] Ibid. 8 (1953), Nr. 14. S. 17.

[39] Ср. Heil, op. cit.. S. 95.

[40] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Programmansage vom 4. März 1953.

[41] P. Bekanntmachung des Ministeriums des Innern. In: Neues Deutschland vom 7. März 1953.

[42] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Programmansage vom 6. März 1953.

[43] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Kurzkommentar Hermann Zilles vom 7. März 1953.

[44] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage und Manuskript «Gruß an die Mütter der Welt» vom 8. März 1953.

[45] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage und Manuskript «Dank der Frauen an Stalin» vom 8. März 1953.

[46] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage und Manuskript «Neue Menschen» von Hedda Zinner vom 8. März 1953.

[47] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Programmansage vom 9. März 1953.

[48] Программа перепечатана в «Vorwärts. Montags-Ausgabe Neues Deutschland» от 9 марта 1953 г. Немецкое сообщение о похоронах диктатора и напоминающий по стилю гимн доклад Вольфганга Лангхофа во время государственного акта в Берлинской государственной опере дают некоторое представление о настроении, которое стремились создать. Обе записи в виде звуковых документов опубликованы в серии «Голоса XX века» на CD «Сталин-аллея – город Сталинштадт» («Stalinallee – Stalinstadt»), издана Германским историческим музеем / Архивом немецкого радио, 1997.

[49] 49 Aus dem Kulturleben. DEFA-Bildbericht: «Stalins Werk ist unsterblich». In: Neues Deutschland vom 12. März 1953.

[50] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage vom 21. Dezember 1953.

[51] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage vom 4. März 1953.

[52] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage vom 21. Dezember 1953.

[53] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage vom 7. März 1953.

[54] DRA FS: Sendeleitung F 2889 – Inge von Wangenheim: Einige Gedanken zur Tätigkeit und Wirkung unserer Sprecher (1954).

[55] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Sendemanuskript «Stalins Leben in Bildern» vom 7. März 1953.

[56] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage «Der wahre Mensch» vom 4. März 1953.

[57] DRA FS: Korrigierter Sendeplan – Ansage «Die sieben Kühnen» vom 12. März 1953.

[58] Ehrhart Neubert: Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989. 2. Aufl. Bonn 1998. S. 103.

[59] Приветственное послание, перепечатано в «Neues Deutschland» от 14 февраля 1956.

[60] *Walter Ulbricht.* Über den XX. Parteitag der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. In: Neues Deutschland vom 4. März 1956.

[61] DRA Bestand Fernsehen, IDNR 62839: Ostmitschnitt Aktuelle Kamera vom 14. November 1961.

[62] Meyers Neues Lexikon. Bd. 7. Leipzig 1964. S. 721.

[63] *Werner Adam.* Beichte, Buße, Reue. Sowjetische Vergangenheitsbewältigung: Film-Kritik an Stalin. In: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 27. Januar 1987: Абуладзе дал своему произведению название, которое переводится на немецкий язык словами Beichte, Buße или Reue и «тем самым, соответствует многозначности того, что в форме аллегорических сцен, фантасмагорических эпизодов и гнетуще реалистических реминисценций превратилось в чрезвычайно актуальную и современную мастерскую работу».

[64] Ср. об этом документацию «Die Reue» in: Film und Fernsehen, hrsg. v. Verband der Film- und Fernsehschaffenden der DDR, 18 (1990), H. 2. S. 26–40, hier S. 26ff.

[65] Ср. об этом, в частности, «Читательский форум» о дискуссии вокруг «Покаяния» в «Unsere Zeit», 31. Oktober 1987 и 17. November 1987.

[66] Цит. в документации «Die Reue». S. 26.

Диттмар Дальман

ПОЕЗДКИ НЕМЕЦКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ в Советский Союз с 30-х по 60-е гг.

Странствующий купец был известен уже в античные времена, да и XXI веку хорошо знаком его образ. Ни одна страна не бывает слишком далекой для торговца и коммерсанта, чтобы и там не заняться делами. Торговля с отдаленными регионами была привлекательным, хотя и не вполне безопасным делом, как о том поведал нам в своих сообщениях венецианец Марко Поло, посетивший Китай во второй половине XIII в., или, два столетия спустя – русский купец Афанасий Никитин, рассказавший о путешествии в Индию.

Правда, в литературе сообщения о путешествиях[1] торговцев и купцов не столь часты, как отчеты дипломатов и священников, которые после своих поездок скорее склонялись к тому, чтобы записать увиденное, услышанное и пережитое и передать это потомкам. Поэтому не случайно лучшие с XVI века путевые заметки о России вышли из-под пера дипломата, императорского посланника Сигизмунда фон Герберштейна (ездил в Московское царство в 1517 и 1526 гг.), секретаря шлезвиг-гольштейнской миссии Адама Олеария[2] (в 1633–1639 гг. он возглавлял делегацию в Россию и Персию) или Эберхарда Исбранда Идеса и Адама Бранда, сопровождавших в 1692–1695 гг. русское посольство в Пекин. При этом, Исбранд Идес и Бранд играли двойственную роль, ибо, будучи купцами и находясь в дипломатической миссии, они совмещали коммерческие дела с политикой[3].

В XVIII в. отчеты странствовавших дипломатов и купцов были постепенно, в конце концов, заменены записями других людей, пускавшихся в путь «в силу профессии» – исследователей и ученых, с тех дней прямо-таки в массовом масштабе обосновавшихся на страницах рассказов о путешествиях[4]. Но и коммерсанты с предпринимателями вовсе не прекратили рассказывать о своих многочисленных путешествиях[5]. Сегодня они едва ли делают это в форме опубликованных описаний поездок, прибегая большей частью к сообщениям при закрытых дверях и запискам «для служебного пользования». Такого рода поездки предпринимателей служат, в основном, деловым интересам, передаче инноваций и технологий, ознакомлению с шансами сбыта и выхода на рынок.

Россия издавна, самое позднее со времен средневековой Ганзы, была одним из самых интересных и самых привлекательных рынков для германских торговцев, коммерсантов и предпринимателей. Немало их селилось там на более или менее долгий срок (начиная, прежде всего, с XVII в.), а некоторые остались навсегда. В разъездах они находились постоянно[6]. По мере улучшения возможностей передвижения, благодаря железнодорожному строительству и более удобным, быстроходным и надежным кораблям, численность и частота этих поездок возрастала. Теперь быстро преодолевались даже большие расстояния, сбыт значительных масс товаров за границей в результате лучших возможностей транспорта больше не был непреодолимой проблемой.

Со второй половины XIX века поездки германских предпринимателей в Россию стали делом само собой разумеющимся. В последней четверти столетия Альфред Траппен, главный конструктор предприятия «Меркише Машиненбау-Анштальт», находившегося в Веттере-на-Руре, а позже ставшего частью фирмы «Маннесман», ежегодно ездил в Южную Россию, чтобы посетить там своих клиентов и получить новые заказы[7].

Братья Макс и Райнхард Маннесманн действовали точно так же и чаще ездили в российскую столицу Санкт-Петербург, чтобы улучшить деловые отношения и, может быть, создать предприятие в Российской Империи, а также провести переговоры о новых заказах. Макс Маннесманн жил в 1897 г. в Санкт-Петербурге в гостинице «Гранд-отель Европа», которая и сегодня снова входит в число мировых лидеров гостиничного бизнеса. Маннесманн счел ее «очень изысканной и просто шикарной». Райнхард Маннесманн чаще бывал в России на медвежьей охоте, на которую его приглашала семья друзей-предпринимателей Нобелей. Так как существовали и деловые отношения, обе сферы хорошо сочетались друг с другом[8].

Несколькими годами ранее, осенью 1881 г., Готлиб Даймлер объехал Россию по поручению фабрики газовых двигателей «Дойц» под Кёльном. Его путь вел через Ригу, Санкт-Петербург, Новгород, Москву, Тулу и Харьков в Одессу. И ему предстояло там проверить шансы сбыта. Речь шла о газовых двигателях, которые строила фирма. В отличие от братьев Маннесманн Даймлер вел путевой дневник, в котором фиксировал свои впечатления не только письменно, но и графически – с помощью многочисленных чертежей и рисунков[9].

Даймлер не испытал удовольствия от поездок в переполненных поездах по российским дорогам, о чем он писал еще незадолго до смерти в 1900 г.: «Столпотворение в поездах во время летних отпусков и тирания железных дорог были мне противны и натолкнули на мысли о самостоятельном перемещении и т. п.»[10]. Кое-кто мог бы усмотреть в этом решающий повод для разработки автомобиля. Во всяком случае, вернувшись из России, Даймлер ушел из фирмы «Дойц», объединился в 1882 г. с В. Майбахом, начал строить бензиновые двигатели и в 1890 г. основал компанию «Даймлер-Моторенгезельшафт». Со времени своей поездки в Россию Даймлер поддерживал интенсивные деловые отношения и с Российской Империей, прерванные только с началом Первой мировой войны[11].

В принципе, русский рынок был весьма интересен для германских предприятий уже, как минимум, с 30-х гг. XIX в., когда начался поиск новых рынков сбыта[12]. Неудивительно поэтому, что до Первой мировой войны трудно было найти хоть одно крупное германское предприятие, не развивавшее там активности, даже если та или иная попытка оканчивалась неудачей[13]. В 1913 году, последнем перед началом Первой мировой войны, доля Германии в русском экспорте составляла 32%, а в импорте почти 50%. Около 15% заграничной собственности Германии находилось в Российской Империи[14].

Все это изменилось с началом «тектонической катастрофы XX столетия», Первой мировой войны, окончание которой привело к краху трех крупных центрально- и восточноевропейских монархий. Поездки в революционную Россию стали труднее и опаснее, они вели в страну с совершенно другой политической и экономической системой. Границы преодолевались с куда бóльшим трудом, поездки по железной дороге существенно удлинились[15]. Если до Первой мировой войны поездки стали чем-то рутинным, ибо по обе стороны границы делового человека ожидало привыч-

ное качество обслуживания в гостиницах и ресторанах, дружески настроенные или, по крайней мере, знакомые семьи предпринимателей, клубы, приемы и званые вечера, то после окончания Гражданской войны в России всего этого больше не было. Гостиницы и рестораны оказались большей частью национализированы, как и вся экономическая система, которая, включая внешнюю торговлю, управлялась государством. Больше не было и предпринимателей, в подлинном смысле слова. Они уступили место партийным функционерам в министерствах или беспартийным экономическим экспертам, которые не могли позволить себе противоречить постановлениям и распоряжениям коммунистической партии. Все предприятия были национализированы, клубы закрыты или перепрофилированы, ушли в прошлое и дружеские застолья. Продолжали, однако, существовать приемы, о чем подробно сообщали почти все немецкие предприниматели и промышленники. Слишком уж отличались эти события от советской повседневности.

Все это не помешало немецким предпринимателям едва ли не сразу по окончании мировой войны взяться за восстановление экономических контактов, существовавших до 1914 г. в самых многообразных формах. Этому не мешало изменение взглядов и формирование отношений с системой, совершенно противоположной собственным политическим, но, прежде всего, экономическим представлениям немецкого бизнеса.

И после революции и Гражданской войны заинтересованными в советском рынке оставались, прежде всего, электропромышленность с двумя ее крупными предприятиями – АЭГ и «Сименс», металлургия и машиностроение. При этом, первые инициативы исходили от Феликса Дойча, генерального директора АЭГ, и президента этой компании Вальтера Ратенау[16]. Трудности в решении возникших задач были необъятны. Немецкие предприниматели желали, прежде всего, правовых гарантий и возможностей экономической деятельности в России. Одну из главных целей немецких предпринимателей тогдашний министр иностранных дел Фредерик Ханс фон Розенберг видел после заключения Рапалльского договора в том, чтобы представления германских предпринимательских кругов позволили индивиду снова стать активным в России в своей торговой и промышленной деятельности при максимально возможной защите личности и собственности. В противном случае, предприниматели проявляли бы лишь незначительный интерес к заключению новых договоров с Советским Союзом[17]. Несмотря на эту несовместимость систем, Германия стала в 20-е и начале 30-х гг. важнейшим внешнеторговым партнером Советского Союза[18].

Лишь с большим трудом можно установить, какими знаниями об этой стране обладали немецкие предприниматели. Рольф-Дитер Мюллер констатирует, суммируя, в своей статье «Образ России у экономической элиты в “Третьем рейхе”», что образ России (во времена Веймарской республики понятие «Россия» было употребительным, даже если речь шла о Советском Союзе) в «немецких деловых кругах принципиально не отличался от того, который был свойствен другим руководящим элитам». Он сохранял те же стереотипы и предрассудки, которые были одинаково нечетки и одномерны; он не подлежал сомнению в своих основных чертах задолго до 1933 г. и его корни можно проследить в XIX в.; к тому же, он меньше изменился в результате взятия власти национал-социалистами, нежели под воздействием событий Октябрьской революции 1917 г.[19].

Мюллер констатировал ранее, что «систематическому исследованию образа России во мнении германской экономической элиты, с точки зрения его возникновения, проявления и функционирования» противостоят многообразные препятствия, так как документальное наследие и архивы фирм доступны лишь в ограниченной степени[20]. Проблемы, однако, возникают, на мой взгляд, не столько из-за того, что источников нет или их слишком мало, сколько из-за вопроса о репрезентативности материала, который ставит и сам Мюллер.

Из немногословного, но содержащего богатый материал очерка Ханса Лемберга о восприятии России в Германии в межвоенное время можно, прежде всего, сделать вывод о том, что образ Советского Союза был тогда, в значительной степени, размытым, единство не хотело формироваться и старые образцы восприятия или стереотипы перекрывались новыми образами и впечатлениями. Старое и новое отчасти связывалось друг с другом[21]. К тому же, можно со всей ясностью установить, что в широких кругах немецкого общества восприятие Советского Союза в период между двумя войнами характеризовалось противоречиями. Вслед за Георгом фон Раухом, Лемберг отмечает, что пара противоречащих понятий «опасность» – «очарование» была определяющей для восприятия образа страны[22].

Конечно, образ Советского Союза формировался и для значительной части немецких предпринимателей в виде смешения из страха и очарования, но это утверждение, не поддающееся безусловному доказательству, без всяких «но» и «если». Основа предлагаемого очерка об образе Советского Союза, каким его видели германские предприниматели с конца 20-х по конец 60-х гг. – сообщения предпринимателей или руководящих служащих об их поездках по Советскому Союзу. В архивах немецких предприятий имеются сообщения для служебного пользования об этих поездках, часто объемом всего лишь в несколько страниц, а иногда и весьма обширные. Они рассказывают нам о том, каково было впечатление о Советском Союзе, и каков был его образ, создававшийся в те годы некоторыми германскими предпринимателями и ведущими служащими, и как менялось это восприятие с изменением политической ситуации.

Материал в силу неизбежности фрагментарен, а степень пригодности к обобщению лишь с трудом поддается измерению, хотя некоторые оценки и наблюдения подтверждают ходячее восприятие Советского Союза. Широко распространена стереотипизация, клише являются обычным делом. Имеющиеся сообщения окрашены сильным субъективизмом и представляют собой отдельные мнения. Они, однако, основываются на собственных наблюдениях и содержат попытку рассказа о собственных переживаниях и непосредственном опыте. Ясно, что путешественники ехали в Советский Союз уже с «образами в головах», везли с собой свои предрассудки и стереотипы. Немало случаев, когда эти значительные предрассудки, стереотипы и клише со всей своей вирулентностью проявляются в сообщениях о поездках. Некоторые отчеты – скорее, идеологические трактаты, чем путевые заметки. Другие изложения увиденного и пережитого представляются, по крайней мере, на первый взгляд, в значительной мере, свободными от этого, для них характерны непринужденность, любопытство и открытость.

Взгляд на эти сообщения, сделанные немецкими предпринимателями в течение примерно 40 лет, позволяет обнаружить определенную преемственность, разъяснить, насколько живучи стереотипы и клише, какую роль играли и какое место занимали национальные предрассудки. Ни одно из таких сообщений не предназнача-

лось для широкой общественности. Они служили лишь для информирования «руководящих этажей» собственного предприятия или циркулировали в узком кругу германских предпринимателей и менеджеров высшего звена[23].

Один из первых обстоятельных отчетов написал дюссельдорфский предприниматель Эрнст Пёнсген, заместитель председателя правления металлургического концерна «Ферайнигте Штальверке», в феврале–марте 1931 г. объехавший Советский Союз с делегацией известных германских промышленников, чтобы в условиях экономического кризиса найти новые рынки сбыта. Капитаны делового мира находились в Советском Союзе около двух недель, останавливаясь при этом в Москве и Ленинграде[24]. В число важнейших участников делегации входили, наряду с Эрнстом Пёнсгеном, Петер Клёкнер («Клёкнер-Верке», Дуйсбург), Вольфганг Ройтер из компании «Демаг» в Дуйсбурге, Конрад фон Борзиг из Берлина, Карл Коттген из «Сименс-Шуккерт-Верке», Артур Клоцбах («Крупп»), Рихард Буц из фирмы M. A. N. в Аугсбурге, Йозеф Майер-Этшайт из концерна «Гутехоффннунгсхютте» в Оберхаузене, Рудольф Пласс из компании «Метальгезельшафт» во Франкфурте и Франц Краэ из концерна Отто Вольфа[25].

Отчет Пёнсгена, составленный еще под впечатлением поездки и охарактеризованный как конфиденциальный, свидетельствует о явном очаровании гигантской строительной площадкой, которую представлял собой Советский Союз того времени[26]. Масштаб и темп преобразований в промышленности были таковы, «каких еще не встречалось в мире». Пёнсген неоднократно использовал слово «фантастический», чтобы выразить свое удивление.

Он признал, что на основе посещения им одиннадцати предприятий едва ли можно было нарисовать достаточно обстоятельную картину состояния советской промышленности, не говоря уже о тенденциях ее развития. Ему, однако, было ясно, что Советскому Союзу, несмотря на все усилия, для реализации собственной программы потребуются еще десятилетия. То, что представилось ему на фабриках, он не сумел привести к общему знаменателю. Он видел поступательное движение, шансы и возможности, как и многочисленные недостатки: было занято слишком много рабочих, темп работы и порядок оставляли желать лучшего, но все машины были новыми и построенными по американским и немецким образцам.

Система труда, существовавшая в то время в Советском Союзе, при которой все машины и конвейеры работали круглый год, кроме пяти праздничных дней, воскресенье было отменено, а из оставшихся шести дней в неделе пять были рабочими, и даже машинистки-стенографистки работали сдельно в три смены по восемь часов – хотя, как кажется, и произвела впечатление на рейнского предпринимателя, но он видел также ее недостатки и вряд ли рассматривал как модель, достойную подражания.

Пёнсген не хотел высказываться о возможностях выполнения пятилетнего плана, ибо, по его словам, мнения экспертов настолько противоречили друг другу, что он и не хотел их обсуждать. Он позитивно оценивал положение и снабжение рабочих, прежде всего, низкие цены на продукты питания, но разъяснял, что многое – пропаганда, с помощью которой «рабочему внушают», что он владеет государством. Пёнсген полагал, однако, что не увидел в Москве большого воодушевления трудящегося населения системой. По его впечатлению, «дисциплина и готовность людей трудиться» были малы. Осуществление первого пятилетнего плана могло стать возможным за счет голодания всего населения. Об этом, по словам Пёнсгена, ему говорили «влиятельные русские».

Так как германские предприниматели действительно встречались со многими высокопоставленными функционерами, конкретное указание на один или несколько источников информации едва ли можно найти. При составлении этого «конфиденциального» сообщения, о принципе распределения которого по адресатам мы ничего не знаем, не было, однако, причины для раздувания каких-либо фактов или измышления информации. Пёнсген, как и Петер Клёкнер, исполнявший обязанности руководителя делегации, входил в число очевидных приверженцев улучшения и интенсификации «бизнеса с Россией». Это основывалось, правда, прежде всего, на экономических интересах, чтобы обеспечить необходимыми заказами германскую промышленность, испытавшую тяжелые удары мирового экономического кризиса, и ни в коей мере не на политических симпатиях[27].

Пёнсгену бросилась в глаза большая жилищная нужда прежде всего в Москве, где квартиры были переполнены, и люди поэтому предпочитали располагаться на улицах. Он увидел, что старые здания разрушаются и «десятилетиями не ремонтируются», окна грязные, их ни открыть, ни закрыть. Следовательно, ему представилось безотрадное зрелище. Кроме того, приезжий отметил отсутствие магазинов как в Москве, так и в Ленинграде. Он видел разве что «убогую цветочную лавчонку» и несколько продовольственных магазинов, где можно было «по фантастическим ценам» купить любые продукты.

Пёнсген, имевший среди немецких промышленников репутацию дипломата[28], был внимательным наблюдателем, от глаз которого ничто не ускользнуло. Он делал записи о транспорте, об одежде, питании, о спорте и театре, а также о партии, о ее съезде, работавшем во время поездки (XVI съезд ВКП(б) работал 26 июня – 13 июля 1931 г. – *Прим. перев.*), о Красной Армии, об отсутствии правовой безопасности, о браке и морали, о религии и отношении рабочих к своим начальникам. Заключительной оценки он не давал. И это тоже характерно, так как показывает двойственные, в любом отношении, впечатления, которые отразились в его сообщении.

Партийная пропаганда оказывала весьма притягательное воздействие. Пёнсген считал плакаты «искусно сделанными и эффективными», а длительное «орошение» политической и антирелигиозной пропагандой через рупоры, установленные во всех общественных местах, производило, по его мнению, весьма существенное впечатление на рабочих, которые были объектом постоянного целенаправленного обращения.

Один из самых интересных разделов в отчете Пёнсгена – его рассуждения об «отсутствии правовой безопасности». Нигде в своих размышлениях Пёнсген не указывает на конкретные имена тех, кто его информировал, или на использованный им источник. Он пишет, в общем и целом, о «многочисленных рассказах», о свидетельствах очевидцев и сообщениях тех, кто вернулся из Советского Союза. Тайная полиция, ГПУ, господствовала над страной и терроризировала ее как тайный суд «феме», пишет Пёнсген. Этот террор обращен, прежде всего, против «прежнего образованного сословия», представители которого живут в постоянном страхе. Ввиду неограниченных полномочий тайной полиции, имеет место «абсолютное отсутствие правовой безопасности». Речь идет также о кампании против вредительства и связанных с этим показательных процессах, прежде всего, против буржуазной интеллигенции, в конце 20-х гг. Пёнсген разглядел механизмы процессов, признания, полученные с помощью пыток, приговоры, основанные на ложных обвинениях, вообще, маскировочный характер этих действий, призванных отвлечь от ошибок и недостатков системы. По его мнению, эти процессы давали причину предполагать, что в Советском

Союзе, прежде всего, в провинциальных городах, господствует значительное недовольство.

Пёнсген не усматривал в Советском Союзе и коммунизме опасность, угрозу или врага. По крайней мере, это не вытекает из рассматриваемого конфиденциального сообщения. Обращает на себя внимание редкость стереотипов, представляющих собой, скорее, исключения. Можно почувствовать скептически-отвергающее удивление гигантскими планами по созданию нового, совершенно иного общества.

Нечто совсем другое мы узнаем из сообщения о поездке по Советскому Союзу в том же году двух представителей среднего управленческого персонала «Ферайнигте Штальверке», во главе которого стоял Эрнст Пёнсген. С 12 мая по 8 июля 1931 г., т. е. на протяжении почти двух месяцев, они объехали Урал, Западную Сибирь, Донбасс и Кавказ[29]. Протяженность их странствий составила около 21.000 км по железной дороге, по воздуху, по шоссейной и грунтовой дороге и водным транспортом. Это предприятие стало следствием состоявшегося только двумя месяцами ранее визита делегации промышленников в Москву и Ленинград. Как говорилось в «конфиденциальном и личном» сообщении горных асессоров и докторов технических наук В. Хаака и М. Кнеппера, речь шла о сборе материала о природных основах русской естественной жизни и особых явлениях в ней. Иными словами, о форме промышленного шпионажа, чтобы «придти к оценке имеющейся экономической ситуации и перспективах развития советской промышленности».

Сообщение разделено на «Результаты» и «Ежедневные отчёты». Обе части охватывают около 200 машинописных страниц и рисуют всестороннюю и обширную картину не только экономического положения Советского Союза, но и, как констатировалось уже применительно к отчету Эрнста Пёнсгена, практически всех сфер жизни в стране. Едва ли какой-то ее аспект остается вне поля зрения, оба путешественника и автора высказывают свое мнение обо всем, даже об историческом развитии. Описание интенсивное и плотное, взгляд на ситуацию в Советском Союзе чрезвычайно критичен, характеризуется воздействием предрассудков, стереотипов и клише.

Как и Пёнсген, они постоянно говорят о России, а не о Советском Союзе. Это понятие появляется крайне редко и почти всегда только в форме прилагательного или составных слов вроде Советского государства, советской системы или Советской России. Россия, утверждается на первой же странице «Результатов», снова оказалась «полностью под азиатским влиянием», так как Генеральный секретарь партии – чистой воды азиат, а с ним в партии возобладало «азиатское большинство»[30]. Поэтому борьба за власть между Сталиным и Троцким – столкновение между европейским интеллектуалом и Азией. Теперь же Россия – «Азия без европейской видимости».

Такой взгляд был широко распространен среди интеллигенции времен Веймарской республики. Социолог культуры Альфред Вебер писал еще в начале 20-х гг., что с осуществлением советского господства последовало новое превращение России в азиатское государство, ибо Россия только «временно, до некоторой степени по недоразумению» принадлежала к Европе, а теперь возвращается к себе самой[31].

Эти первые страницы «Результатов», представленных Хааком и Кнеппером, могут быть своего рода введением в историю России и актуальную общественно-политическую ситуацию: в России должна быть доказана правильность марксистской революции; при этом, делается попытка искоренить прошлое, ибо мышление в Советском Союзе начинается «сегодня с революции».

Устранение собственности и всякой возможности ее приобрести обнаружило только негативные последствия, ввергло народ в состояние личного безволия, сковало какой бы то ни было интерес и любую инициативу. Путешественники видели, как над экономикой и всей государственной жизнью доминирует «бюрократия чудовищных свойств и масштабов». Государство всемогуще и душит частную инициативу всякого рода.

В экономическом развитии Советского Союза и создававшейся экономической системе Хаак и Кнеппер не могли обнаружить положительных сторон. Во всяком случае, пятилетний план казался приезжим, принимая во внимание констатированную ими отсталость страны в этой области, обоснованным. Все представлялось, однако, экспериментом с крайне сомнительным результатом, ибо проводился он только с учетом политических, а не экономических подходов. Об этом, по мнению авторов отчета, свидетельствовало уже то, что советское руководство вовсе не взялось за создание транспортных линий, необходимых для столь гигантского проекта, проводя в то же время коллективизацию сельского хозяйства. Это преобразование экономической и социальной структуры страны, осуществляемое ценой человеческих жертв и огромных экономических потерь. (109 и далее.)

В Советском Союзе – таков итог двухмесячной научной командировки – обнаруживается «самый резкий экономический абсолютизм небольшого правящего верхнего слоя», полного жестокости и безразличного к положению населения, управляющего при поддержке безмерной бюрократии. Народ терпит крайние лишения и лишен всякой собственной жизни. Рабочие находятся на казарменном положении, а на селе правящий слой пользуется новой формой крепостничества. (125 и далее.)

Правда, экономические отношения между Германией и Советским Союзом, так называемые «русские сделки», безусловно, одобрялись, ибо, если Германия не будет поставлять то, в чем нуждался СССР, это станут делать другие западные государства, и, тем самым, своя страна потерпит еще больший ущерб в экономическом и политическом отношении. В связи с этим обсуждался и вопрос о том, не поспособствуют ли «поставки в Россию» формированию средств борьбы, «которые русские захотят позже использовать для победы над европейским врагом». Оба путешественника не считали такую возможность реальной, ибо качество продукции низко, расходы слишком высоки, а зависимость от заграницы сохранится еще надолго. (123 и далее.)

Только ход Второй мировой войны показал, что имела место ошибочная оценка, в ходе которой многие советские изделия оказались, прежде всего, с военно-технической точки зрения, равноценными немецким, а то и превосходили их. Ошибочной оказалась и оценка лояльности населения системе, ибо серьезного сопротивления населения ей во время Второй мировой войны практически не было.

Сообщение двух представителей среднего управленческого слоя, несколько месяцев разъезжавших по стране и посетивших бесчисленное количество предприятий – пример того, как восприятие формируется под воздействием предрассудков, представлений о чужих и стереотипов. Советский Союз был, в глазах авторов сообщения, частью не Европы, а Азии. Почти повсюду можно было наблюдать культурную отсталость, уходящую корнями в века, народ тупо существовал, пребывая под самовластным господством небольшого верхнего слоя.

Даже при изменении восприятия Советского Союза в условиях национал-социализма поездки представителей германской экономики в эту страну продолжались,

достигнув еще одной кульминации после заключения пакта Сталина–Гитлера и предоставления германских кредитов Советскому Союзу[32]. Вплоть до кануна немецкого нападения на Советский Союз 22 июня 1941 г. многие директора германских фирм и ведущие служащие германских предприятий находились здесь, чтобы заключать коммерческие соглашения[33].

Эти поездки следует, правда, рассматривать и в контексте развития событий, т. е. предстоявшего уже вскоре нападения Германии на Советский Союз. К тому же, они доказывали тесную связь, существовавшую между рейхсвером и предпринимателями. Так, германская делегация во главе с полковником, работавшим в руководящем штабе люфтваффе и включавшая директоров фирм «Аскания», «Электрон», «Сименс», «Даймлер-Бенц», «Маузер», «Хеншель» и АТГ, обстоятельно познакомилась с пятью важнейшими советскими предприятиями-производителями военных самолетов. Показанное там качество продукции впечатлило всех[34]. Осмотр, по словам Швендемана, стал возможен только потому, что Сталин хотел продемонстрировать германской делегации военную мощь Советского Союза и предостеречь ее от военной недооценки страны[35].

Только в начале мая 1941 г. Вильгельм Кункеле, один из директоров «Даймлер-Бенц-Верке» в Генсхагене, возвратился из Советского Союза, где он осматривал, прежде всего, заводы по строительству авиадвигателей. Свои наблюдения он обобщил 25 июня 1941 г. в докладной записке руководству предприятия в Штутгарте. На него произвели впечатление стандарты авиастроения, производственные показатели, точность работы и рациональность производственного процесса. Кункеле был точно информирован о мощности советских двигателей и самолетов, о потреблении бензина, а тем самым, и о радиусе действия советских истребителей и бомбардировщиков. Его сообщения и записка касаются технических процессов, методов, а также качественных и количественных характеристик производства. Уровень всех этих показателей немецкий визитер оценивал весьма высоко[36].

В январе 1941 г. Й. Ратье, член правления фирмы «Гутехоффнунгсхютте» (ГХХ) в Оберхаузене посетил Советский Союз[37]. В программе поездки значились, прежде всего, переговоры о поставках машин советским внешнеторговым объединениям «Машиноимпорт» и «Технопромимпорт». Завершением стала обычная культурная программа в Москве. Сообщение, скорее, поверхностно и подтверждает клише и стереотипы: повсеместная загрязненность, лица, лишенные интеллекта, запущенные здания, плохой сервис. Этому противостоят точные наблюдения уровня дохода и структуры цен.

Ратье не мог констатировать принципиального недовольства населения Москвы советской системой. Вместо этого он полагал, что большие массы живут надеждами на улучшения, которые будут происходить год от года. Такие сообщения большей частью содержат уже в самом начале извинительное замечание о том, что на протяжении кратковременного пребывания едва ли можно было нарисовать адекватную картину. Для тех, кто еще находился в то время по коммерческим делам в Советском Союзе, именно это – бизнес – и пребывало почти исключительно на повестке дня. Русский комитет немецкой экономики и Имперское ведомство внешней торговли продолжали в мае и июне 1941 г. оказывать свои информационные услуги промышленности. Указаний на возможность войны не встречалось. Кроме представителей ГХХ, в Советском Союзе бывали и сотрудники фирмы «Маннесманн», продолжавшие свою деятельность до начала войны. Подобное можно сказать и о советских хозяйственниках в Германии[38].

В этих путевых заметках лишь изредка встречаются представления о Советском Союзе и его образы, отмеченные подчеркнутым воздействием идеологии. Преобладают стереотипы и клише, «передвижные декорации» восприятия, формирование которого происходило на основе не прочной информации, а неполных знаний, образов, дошедших от прошлого, которые, очевидно, все более упрочивались на протяжении последних ста лет.

Если Эрнст Пёнсген, очевидно, еще мог удивляться и выражать это удивление выбором слов, то в сообщении инженеров Хаака и Кнеппера нас встречают концентрированные стереотипы и предрассудки, весь набор клише, касающиеся старой России и нового Советского Союза, что весьма удивляет читателя. Предвзято и без какой бы то ни было критической дистанции от собственного взгляда оба автора предлагают не только путевые заметки о Советском Союзе начала 30-х гг., но и глубокое проникновение в структуры мышления и взгляд на мир, свойственные части германской экономической элиты.

Вторая мировая война прервала экономические отношения между Германией и Советским Союзом куда серьезнее, чем это было с началом Первой мировой войны, ибо только в 50-е гг. снова началось постепенное сближение между Федеративной республикой и Советским Союзом[39]. Хотя экономические связи начали налаживаться уже вскоре после основания Федеративной республики Германия, интенсивные экономические контакты возникли только после установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Федеративной республикой в 1955 г. Правда, уже в 1952 г. был основан Восточный комитет немецкой экономики, продолжение Российского комитета немецкой экономики, существовавшего до 1945 г.

При всей заинтересованности предпринимателей Федеративной республики в торговле с Советским Союзом, и, прежде всего, при большом интересе к экономическим отношениям с Федеративной республикой с советской стороны, часть федерального правительства относилась к такого рода интенсификации крайне сдержанно. Поэтому поездки предпринимателей в Советский Союз не приветствовались столь уж безусловно. Совершенно другую позицию занимало федеральное министерство экономики, рассматривавшее такие поездки как «общий обычай»[40].

В конце концов, в октябре и ноябре 1956 г. состоялась одна из первых больших поездок западногерманских менеджеров высшего звена управления в Советский Союз. Его участниками были фирмы «Сименс», ДЕМАГ, «Гутехоффнунгсхютте», «Круп», «Маннесман» и АЭГ, пославшие в эту поездку, в целом, 15 представителей, чтобы получить информацию из первых рук. Наряду с Москвой они посетили промышленные центры на Украине, на Средней Волге, на Кавказе и на Урале. О поездке длительностью примерно четыре недели ее участники составили совместный отчет объемом около 160 страниц, предназначенный для внутреннего пользования[41].

Сообщение охватывало все сферы промышленного производства, наблюдения над экономикой и организацией производства, заработными платами и социальными выплатами, над общим и профессиональным образованием, а также включало общие впечатления. Изложение было обширным и подчеркнуто детальным вплоть до технических подробностей, касавшихся машин и аппаратов. Была нарисована картина хотя и, в высокой степени, индустриализованной, но отсталой, прежде всего, в технологическом отношении, и до крайности бюрократизированной страны, где именно сфера производства основывалась на всеобъемлющем контроле.

На основе многочисленных данных были подробно изображены условия жизни населения СССР, очевидно, чтобы дать максимально объективную картину. Точные данные касались оплаты различных профессиональных групп, размеров квартирной платы, цен на продовольствие, одежду и все виды технического оборудования. Отправной величиной была «наша ситуация», и едва ли приходилось ожидать чего-то другого. Это касалось, например, одежды, размера и оборудования квартир. Так пытались избежать однозначно негативных выражений, которые тем не менее появляются вновь и вновь. Как отмечалось, бросается в глаза, что «оборудование квартир и их содержание в плохом состоянии. Умонастроения населения, со всей очевидностью, не ориентированы на культуру быта»[42]. В отчете особенно подчеркивались книжные магазины и низкие цены на печатную продукцию, которые, как отмечали авторы, никак не соответствовали общей шкале цен. Имеет место «сильная жажда знаний», встречающая официальную поддержку. Подчеркивалось, хотя и без комментариев, что немецкая литература, в оригинале и переводная, «занимает первое место среди иностранной литературы»[43].

Последние четыре страницы сообщения были названы «Обобщающие наблюдения над техникой и экономикой», но, в принципе, в этом разделе речь шла о сравнении систем. Бюрократическая плановая экономика Советского Союза сравнивалась с западным капитализмом и оценивалась как явно уступающая. Тем не менее высказывалось мнение, что советские продукты вполне заслуживают внимания, с точки зрения их качества и пригодности. Было подчеркнуто значение техники в Советском Союзе с указанием на то, что многие советские граждане даже характеризуют свое государство как «государство инженеров». Как отмечалось, большую роль играет пропаганда, ибо знания о «западной системе», прежде всего, капиталистической экономической системе, очень малы и в правящем слое.

Государство все еще осуществляет значительный контроль над населением во всех отношениях. О подлинной свободе индивида не может быть и речи. Подчеркивались также политизация предприятий и отсутствующие возможности выбора профессии и места работы.

В заключение отмечалось, что в ходе сравнения систем, у Запада все еще есть «отчасти значительное преимущество» «как в технической, так и – в особенности – в личной области». Затем следовали сформулированные в немногих предложениях общие наблюдения над различиями между блоками, в которых выражались многочисленные стереотипы собственного образа и образа другого. Так, «советская система», вероятно, приемлема для страны и целесообразна, «принимая во внимание прошлое и историческое развитие Росси», но «свободная инициатива западного мира… лучше содействует развитию и прогрессу». На Западе следует, однако, стремиться к тому, чтобы сохранять существующее «преимущество в технической области и в отношении нашей личной свободы»»[44].

Едва ли, пожалуй, можно было четче нарисовать образ Советского Союза, существовавший в середине 50-х гг. в кругах немецких менеджеров высшего звена. Размышления шли в категориях точных и ясных различий двух миров или блоков, диаметрально противостоявших друг другу. Один из них, Запад, оберегал свободу и индивидуальность, другой – Восток – был закостеневшим объектом централизованного управления, без личной инициативы и, вне всяких сомнений, проигрывал.

Накануне этой первой большой поездки представителей предпринимательских кругов ФРГ в Советский Союз имел место интенсивный обмен мнениями между

представителями политики и экономики по вопросам экономических отношений Советского Союза с Федеративной республикой. Правительственная сторона, правда, за исключением министерства экономики, хотела сохранить существовавшее против СССР эмбарго, чтобы не содействовать экономическому развитию там и в так называемых «государствах-сателлитах». Напротив, представители промышленности занимали позицию, в соответствии с которой необходимо поставлять определенные продукты, чтобы таким способом «обрести влияние на развитие советского экономического потенциала». Уже поэтому они считали настоятельно необходимыми информационные поездки, которые рассматривались в качестве равновесной меры по отношению к визитам советских специалистов[45]. Председатель Федерального союза немецкой промышленности (ФСНП) Фриц Берг разделял это мнение и считал взаимные информационные поездки важными. Они должны были, однако, ограничиваться экономическими контактами и не «использоваться в политико-пропагандистских целях»[46]. В этом смысле следует понимать, конечно, и воспроизведенное выше сообщение, которое, правда, ни в коем случае не может быть сведено к чисто экономическим контактам, но сообщает и послание однозначно политико-идеологического характера.

Так как основные политические условия со стороны Федеративной республики изменились довольно скоро, то с конца 50-х гг. экономические отношения с Советским Союзом приобретали все большее значение. К примеру, посол ФРГ в Москве Ханс Кролль подчеркивал в ноябре 1958 г. в беседе с делегацией фирмы «Фарбверке Хёхст», что федеральное правительство и посольство «придают большое значение тому, что совершенно независимо от очень напряженной сейчас политической обстановки экономические отношения с Советским Союзом и далее поддерживаются и развиваются»[47]. Уже поэтому в следующие годы начались интенсивные поездки представителей немецкой экономики в Советский Союз.

Сообщения об этих поездках, подготовленные в период до конца 60-х гг., весьма похожи друг на друга. Очень многие предприниматели того времени и менеджеры высшего звена писали соответствующие отчеты для правлений и руководства предприятий. Лейтмотивами оставались превосходство западной системы и «идеологическая» направленность советской экономики. Вновь и вновь подчеркивалась приветливость и радушие «русских», подробно характеризовалось «поведение за столом», которое описывали вновь и вновь, хотя оно давно уже должно было быть, в принципе, знакомым. Не были забыты и культурные стороны каждой поездки – большей частью оперные спектакли и концерты, высокий уровень которых подчеркивался.

Немецкие предприниматели особенно ценили удовольствие от охоты, на которую их приглашали во время поездок в Советский Союз. Хайнц К. Хоппе, член правления «Даймлер-Бенц» АГ с 1970 г., подробно описывает эти впечатления в своих мемуарах[48]. В путевых заметках, предназначавшихся для правлений и наблюдательных советов, такие события упоминаются реже. Они напоминают о временах до Первой мировой войны, когда Райнхард Маннесманн со своими русскими компаньонами устраивал многочисленные пикники с охотой.

В своих мемуарах Хоппе подчеркивает, что с течением времени, благодаря многочисленным поездкам как советских представителей в Федеративную республику, так и немецких в Советский Союз, по ту сторону «всех политических противоречий и исторического бремени» сформировались хорошие межличностные отношения со многими представителями советской экономики, управленческого слоя и дипломатии[49].

Ни одни из упомянутых здесь путевых заметок не предназначались для широкой публики, никто из путешественников не был заинтересован в публикации. Подчеркнем еще раз: все эти документы служили только для информирования руководства своих фирм или широких экономических и финансовых кругов. Циркулируя в узкой сфере, они были, как правило, немногословны и сформулированы в точных выражениях. Информация служила, в принципе, только экономическим и экономико-политическим целям, часто выходя, однако, за эти границы. Следует заметить тем не менее, что большая часть имеющихся сообщений о поездках предпринимателей, менеджеров и руководящих служащих, действительно, посвящена только техническим, экономическим и внутрипроизводственным темам. Целью поездки был бизнес, он, в принципе и стоит в центре сообщений.

Характерно, что только один из руководящих немецких управленцев высшего звена, десятилетиями поддерживавших деловые отношения с Советским Союзом, подробно отразил свой опыт. Ф. Вильгельм Кристианс, представитель «Дойче Банк», издал свои «Пути в Россию» лишь в конце 80-х гг[50]. К тому же, они начинаются с поездки в Москву в 1969 г., когда развивалась политика разрядки, и, тем самым, начали коренным образом меняться и экономические отношения между двумя государствами.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О жанре путевых заметок и важных вопросах, касающихся путевых заметок как исторического источника ср. *Christiane Uhlig.* Utopie oder Alptraum? Schweizer Reiseberichte über die Sowjetunion 1917–1941. – Zürich, 1992, Kap. 2.

[2] Ср. *Walter Leitsch.* Das erste Russlandbuch im Westen – Sigismund Freiherr von Herberstein, sowie Uwe Liszkowski. Adam Olearius' Beschreibung des Moskauer Reiches. In: Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jahrhundert (= West-ostliche Spiegelungen, hrsg. von Lew Kopelew, Bd. 1A). Hrsg. von Mechthild Keller. – München: Fink, 1985. S. 118–149 bzw. 223–247.

[3] *Michael Hundt* (Hrsg.). Beschreibung der dreijährigen Chinesischen Reise. Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in den Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand. – Stuttgart, 1999.

[4] Ср. об этом *Jürgen Osterhammel.* Die Entzaüberung Asiens. Europa und die asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert. – München, 1998. Книга содержит многочисленную литературу о путешествиях и литературе, посвященной им. Ср. также *Peter J. Brenner.* Der Reisebericht in der deutschen Literatur. Ein Forschungsüberblick als Vorstudie zu einer Gattungsgeschichte (= 2. Sonderheft Internationales Archiv fur Sozialgeschichte der deutschen Literatur). – Tübingen, 1990; *Ders* (Hrsg.). Der Reisebericht. Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur. – Frankfurt a. M., 1989; *Ders.* Die Erfahrung der Fremde. Zur Entwicklung einer Wahrnehmungsform in der Geschichte des Reiseberichts. In: Ibid.. S. 14–49; Dittmar Dahlmann. Von Kalmucken, Tataren und Itelmenen: Forschungsreisen in Sibirien im18. Jahrhundert. In: Eva-Maria Auch/Stig Forster (Hrsg.). «Barbaren» und «Weiße Teufel». Kulturkonflikte und Imperialismus in Asien vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. – Paderborn, 1997. S. 19–44. О проблеме восприятия «чужого» ср., кстати, также *Gabriele Scheidegger.* Das Eigene im Bild vom Anderen. Quellenkritische Überlegungen zur russisch-abendländischen Begegnung im 16. und 17. Jahrhundert. In: Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, N. F. 35 (1987). S. 339–355.

[5] По поводу формулировки понятия «предприниматель» см. *Toni Pierenkemper.* Unternehmensgeschichte. Eine Einführung in Ergebnisse und Methoden. – Stuttgart, 2000. S. 185ff. Здесь под «предпринимателем» должны подразумеваться не только собственники, принимающие на предприятии

«стратегические решения», но и оплачиваемые менеджеры и руководящие служащие. Ср. также Dittmar Dahlmann. Lebenswelt und Lebensweise deutscher Unternehmer in Moskau vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. In: Nordost-Archiv, N. F. 3 (1994). S. 135.

[6] *Viktor N. Sacharow.* Von Nowgorod nach Petersburg. Deutsche Kaufleute in Russland von den Zeiten der Hanse bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts. In: Dittmar Dahlmann u. a. (Hrsg.). «Eine grosse Zukunft». Deutsche in Russlands Wirtschaft. – Berlin, 2000. S. 12–21. Имеется и русский перевод книги: Большое будущее. Немцы в экономической жизни России. Б., 2000. Цитируется только немецкоязычное издание.

[7] *Horst A. Wessel.* Mannesmann und das Russlandgeschäft von den Anfangen bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. In: Dahlmann u. a. (Hrsg.). «Eine grosse Zukunft». S. 234 f.

[8] Ibid. S. 237–239.

[9] *Wolfgang Rabus / Jochen Hausler.* Immer in Russland: Von Gottlieb Daimler und Karl Benz zu DaimlerChrysler. In: Dahlmann u. a. (Hrsg.), «Eine grosse Zukunft». S. 266. Оригиналы дневника поездки и эскизов находятся в архиве фирмы Даймлер-Крайслер в Штутгарте-Унтертюркхайме.

[10] Ibid.

[11] Ibid. S. 266–272.

[12] *Walther Kirchner.* Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815–1914. – St. Katharinen, 1986; *Manfred Pohl.* Geschäft und Politik. Deutsch-russisch/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen 1850–1988. – Mainz, 1988; *Joachim Mai.* Das deutsche Kapital in Russland 1850–1894. – Berlin, 1970 (со включением старой советской литературы).

[13] Ср. об этом соответствующие статьи в книге *Dittmar Dahlmann/Carmen Scheide* (Hrsg.). «… das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. – Essen, 1998, а также уже упоминавшийся сборник *Dittmar Dahlmann u. a.* (Hrsg.). «Eine grosse Zukunft».

[14] *Werner Beitel/Jürgen Notzold.* Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik. Eine Bilanz im Hinblick auf die gegenwärtigen Probleme. – Baden-Baden, 1979. S. 51; Ср. также *Brigitte Lohr.* Die «Zukunft Russlands». Perspektiven russischer Wirtschaftsentwicklung und deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen vor dem Ersten Weltkrieg. – Stuttgart, 1985.

[15] О поездках в Советский Союз в период между двумя мировыми войнами см. в книге *Matthias Heeke.* Reisen zu den Sowjets. Der ausländische Tourismus in Russland 1921–1941. Mit einem biobibliographischen Anhang zu 96 deutschen Reiseautoren. – Münster u. a., 2003; в труде Хееке имеется глава «Торговые и деловые поездки». Ср., кроме того, *Viktoria Hertling.* Quer durch: Von Dwinger bis Kisch. Berichte und Reportagen über die Sowjetunion aus der Epoche der Weimarer Republik. – Königstein/Ts., 1982; *Bernhard Furler.* Augen-Schein, Deutschsprachige Reisereportagen über SowjetRussland 1917–1939. – Frankfurt a. M., 1987.

[16] Ibid. S. 52; Ср. также *Horst Günther Linke.* Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. – Köln, 1970. S. 62f., 89, 94 und 142.

[17] Строго секретное письмо Розенберга в Москве графу Ульриху Брокдорф-Ранцау от 18 апреля 1923 г. – *Horst Günther Linke* (Hrsg.). Quellen zu den deutschsowjetischen Beziehungen 1917–1945. – Darmstadt, 1998. S. 122 f.

[18] *Beitel/Notzold.* Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen (Anm. 15). S. 93ff. с дифференцированным анализом импорта и экспорта по отраслям; ср. также таблицы. S. 208ff. О проблематике сотрудничества немецкого предприятия (Клёкнер-Гумбольдт-Дойц в Кёльне) с московским (завод «Красный пролетарий» в Москве) ср. *Margarete Busch.* «Man kam sich vor wie im Zoo …». Zur Tätigkeit der Kölner Humboldt-Deutzmotoren AG in Moskau 1926 bis 1934. In: Jahrbuch des Kölnischen Geschichtsvereins 67 (1996). S. 181–203.

[19] *Rolf-Dieter Müller.* Das Russlandbild der Wirtschaftseliten im «Dritten Reich»: Problemskizze und Hypothesen. In: Hans-ErichVolkmann. Das Russlandbild im Dritten Reich. – Köln u. a., 1994. S. 366. Статья опирается, в основном, на гипотезы, если это понятие рассматривается как эквивалент утверждения, которые лишь при случае доказываются с помощью отдельных примеров. Очень выразительна также статья Вольфрама Ветте Russlandbilder der Deutschen im 20. Jahrhundert.1999. – Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts 10 (1995). S. 38–64.

[20] *Müller.* Das Russlandbild. S. 365.

[21] *Hans Lemberg.* «Der Russe ist genügsam». Zur deutschen Wahrnehmung Russlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg. In: Birgit Aschmann/Michael Salewski (Hrsg.). Das Bild des «Anderen». Politi-

sche Wahrnehmung im 19. und 20. Jahrhundert. – Stuttgart, 2000. S. 121–131; Ср. также *Thilo Stenzel.* Das Russlandbild des «kleinen Mannes». Gesellschaftliche Prägung und Fremdwahrnehmen in Feldpostbriefen aus dem Ostfeldzug 1941–1944/45. – München, 1998.

[22] Ibid. S. 126. Ср. также *Donald O'Sullivan.* Furcht und Faszination. Deutsche und britische Russlandbilder 1921–1933. – Köln u. a., 1996.

[23] Исключением было сообщение горных асессоров В. Хаака и М. Кнеппера из компании «Ферайнигте Штальверке», которое – см. ниже, прим. 30 – находится также в делах Фрейбургского военного архива. Bundesarchiv, Abt. Militararchiv, Freiburg RW19, Anh. I. Это документы так называемого Управления экономического оснащения, которое с 1942 неоднократно переименовывалось в Военно-экономическое управление, затем Военно-экономический штаб и, наконец, Полевое экономическое управление. В сообщениях нет корреспонденции, но состояние документов во Фрейбурге свидетельствует о явном сотрудничестве между рейхсвером и частью германской промышленности.

[24] Ср. об этом *Rolf-Dieter Müller.* Das Tor zur Weltmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion fur die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. – Boppard, 1984. S. 223ff.; *Hans-Jürgen Perrey.* Der Russlandausschuss der Deutschen Wirtschaft. Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen in der Zwischenkriegszeit. – München, 1985. S. 144ff.; *Günter Rosenfeld.* Sowjetunion und Deutschland 1922–1933. – Köln, 1984. S. 399–410. *Hartmut Pogge von Strandmann.* Industrial Primacy in German Foreign Policy? Myths and Realities in German-Russian Relations at the End of the Weimar Republic. In: Richard Bessel/E. J. Feuchtwanger (Hrsg.). Social Change and Political Development in Weimar Germany. – London, 1981. S. 241–267; *Wolfgang Müller.* Russlandberichterstattung und Rapallopolitik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1924–1933 im Siegel der deutschen Presse. Phil. Diss., – Saarbrücken, 1983.

[25] *Rosenfeld G.* Sowjetunion und Deutschland. S. 400, с полным списком 17 немецких предприятий; ср. также Gustav Hilger: Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. – Frankfurt a. M. und Bonn, 1964. S. 231ff.

[26] Ernst Poensgen: Bericht über die Russlandreise März 1931: Mannesmann-Archiv, Mülheim/Ruhr (früher Düsseldorf), PR 3 7306. При этом, речь идет о 23-страничном машинописном материале, разделенном на «Технический отчет» (10 стр.) и «Общие впечатления» (13 стр.). Разделы названы, в частности, «Характеристика дорог», «Транспорт», «Одежда» и т. д.. Все дословные цитаты взяты из пронумерованной рукописи Пёнсгена.

[27] *Perrey.* Der Russlandausschuss. S. 153ff.

[28] *Lutz Hatzfeld*. Ernst Poensgen (1871–1949). In: Rheinische Lebensbilder 7 (1977). S. 217.

[29] Eisen, Kohle und Öl in Sowjet-Russland. Tagesberichte einer von Mai bis Juli 1931 ausgeführten Reise durch den Ural, Westsibirien, das Donezbecken und den Kaukasus, zusammengestellt von Bergassessor a. D. Dr. Ing. W. Haack und Bergassessor Dr. Ing. M. Knepper; вторая часть имеет то же название, только «ежедневные отчеты» были заменены «результатами». Mannesmann-Archiv, PR 3 7306. Обе части классифицируются как «конфиденциальные и личные». Еще один экземпляр обоих сообщений находится в Федеральном архиве, отдел «Военный архив», Фрейбург, ср. выше, прим. 24.

[30] *Haack/Knepper*. Ergebnisse (Anm. 30). S. 2. Следующие свидетельства в скобках относятся к этому сообщению.

[31] *Alfred Weber.* Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa. 2. Aufl. – Stuttgart, 1925. S. 118f., zitiert bei: Hildegard Kochanek: Die russisch-nationale Rechte von 1968 bis zum Ende der Sowjetunion. Eine Diskursanalyse. – Stuttgart ,1999. S. 179.

[32] Об этом см. подробно *Heinrich Schwendemann.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Alternative zu Hitlers Ostprogramm? – Berlin, 1993.

[33] Ibid. S. 329 ff.

[34] Ibid.

[35] Ibid. Швендерман ссылается на сообщение комиссии, находящийся в военном отделе Федерального архива во Фрейбурге: RL 3/2245, Bericht. S. 4.

[36] DaimlerChrysler-Archiv, Stuttgart, Bestand DBAG 97: Bericht Kunkele.

[37] Rheinisch-WestfalischesWirtschaftsarchiv Köln, Bestand GHH: 130–400 1015/63.

[38] *Schwendemann.* Wirtschaftliche Zusammenarbeit. S. 339f.; ср. в противовес этому dagegen Perrey. Der Russlandausschuss. S. 324ff.

[39] См. об этом основополагающие моменты, приведенные в книге *Karl-Heinz Schlarp*. Zwischen Konfrontation und Kooperation. Die Anfangsjahre der deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen in der Ära Adenauer. – Hamburg, 2000.

[40] Ibid. S. 169ff. Ср. также документы Министерства иностранных дел, приведенные Шларпом.

[41] Отчет о научной командировке в СССР с 22 октября по 16 ноября 1956 г.: Mannesmann-Archiv, M 40.130. Имеющийся экземпляр не датирован. В начале февраля 1957 г. он был доведен в узком кругу руководства фирмы «Маннесман» до сведения ее директоров, которые имели возможность дискутировать с обоими участниками поездки во время информационного мероприятия. Ср. также *Schlarp*. Zwischen Konfrontation und Kooperation. S. 176f.; Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Berlin, Referat 413, Bd. 96.

[42] *Schlarp*. Zwischen Konfrontation und Kooperation. S. 150.

[43]Ibid. S. 153.

[44] Ibid. S. 157f.

[45] Ibid. S. 176f.

[46] Ibid. S. 177, прим. 114 – парафраза письма фон Берга фирме «Хартман & Браун» во Франкфурте-на-Майне от 10 ноября 1956 г.: Rheinisch-Westfälisches Wirtschaftsarchiv, Köln, Bestand Otto Wolff K 189–14 (Ostausschuss/Russland-Ausschuss).

[47] HistoCom, Frankfurt a. M. (Business History Communications Archives): Сообщение о беседах в Москве по монтажу установки для производства полиэтилена(11–17 1958 г.), датированное 28 ноября 1958 г.

[48] *Heinz C. Hoppe*. Ein Stern für die Welt. Vom ›einfachen Leben‹ in Ostpreußen zum Vorstand bei Daimler-Benz. – München, 1991. S. 152ff.

[49] Ibid. S. 170 f.

[50] *F. Wilhelm Christians.* Wege nach Russland. Bankier im Spannungsfeld zwischen Ost und West. Hamburg 1989; 2. erw. und aktualisierte Aufl. – Hamburg, 1990.

Елена Левина

ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ.
Научные контакты победителей и побежденных в первое послевоенное десятилетие

1945–49 годы в России и Германии. Разрушения огромны, отношения между победившими и проигравшим войну агрессором крайне напряжены. Помимо определенных договорами обязательств Германии перед государствами-союзниками по антигитлеровской коалиции, возникают новые отношения между военными администрациями на оккупированной территории, с одной стороны, и администрациями и населением, с другой. Попытки сотрудничества наталкиваются на конфронтацию, но потребность во взаимодействии все же естественна и неистребима. Помимо восстановления промышленности, производства и, в целом, залечивания ран войны, возникают конкретные проблемы, по которым научные контакты наиболее актуальны. Это борьба с инфекциями в разрушенных городах, т. е. проблемы биомедицинские, и военно-политическая задача преодоления монополии США в области ядерного оружия, требовавшая объединения усилий физиков, техников, радиобиологов. Несколько позже, помимо вопросов восстановления учреждений образования и культуры в каждой из стран, проявились осознание необходимости культурного и научного взаимодействия между бывшими противниками при неизбежном переходе от конфронтации к мирному сосуществованию.

В советской зоне оккупации Германии

В документах Советской военной администрации в Германии (СВАГ) 1945–49 гг. отражены события этого времени, что позволяет составить представление не только о мерах, предпринятых для восстановления деятельности научных и образовательных учреждений в восточной зоне оккупации, но и о проблемах взаимодействия немецких ученых, инженеров и техников с советскими представителями на административном и персональном уровне, возможностях деловых контактов между учреждениями и отдельными специалистами в восточной и западных зонах. Коллекция содержит яркие документы, освещающие настроения в научной среде и попытки советской администрации и части немецких специалистов нормализовать научную жизнь в восточной зоне, решать общие проблемы, дать работу специалистам и техническому персоналу на немногочисленных восстановленных производствах. Заметны противоречия между попытками сохранить производственные мощности для возможно более оперативного восстановления работы учреждений и решительными действиями отдела репараций в его естественном стремлении вывезти из Германии все оборудование, находящееся в рабочем состоянии, для обеспечения предприятий и учреждений на территории СССР. Сбалансированное решение этой, по существу,

политической проблемы было не под силу военной администрации, особенно в первые полтора-два послевоенных года.

СВАГ было организовано специальное Управление по изучению достижений науки и техники Германии, дублирующее по содержанию задач отделы здравоохранения и сельского хозяйства. Заметна конкуренция между отделами за получение информации и «подачу» её в Москву. В последние годы действия оккупационной администрации – 1947–49 гг.– в Отделе здравоохранения функционировало свое Бюро научно-технической информации, отчеты которого анализировались Ученым медицинским советом МЗ СССР в Москве.

Согласно советским источникам, наиболее тесное взаимодействие ученых осуществлялось в области медико-биологических исследований (антибиотики, рак и инфекционные заболевания), а также ветеринарии, организации здравоохранения, медицинского образования. Ввиду очевидной первоочередности решения проблем здравоохранения, восстановления системы образования, борьбы с распространением инфекций среди скота (как части задачи обеспечения населения продовольствием), такое отражение документами СВАГ состояния сотрудничества немецких и советских специалистов, вероятно, соответствует действительности.

Актуальный интерес с этих позиций представляли институты бактериологического профиля, научно-исследовательские лаборатории, обслуживающие задачи производства антибиотиков, академические биологические институты, связанные с разработкой проблем фундаментальной биологии, имеющих выход в медицинскую практику (вирусология, злокачественный рост, радиобиология), а также медицинские институты, занятые насущными задачами терапии и хирургии (раневые инфекции, кровезаменители, ортопедия в плане протезирования и т. п.). На почве решения этих общих проблем сотрудничество было возможно, несмотря на ожесточенность людей утратами близких и материальными потерями.

В середине мая советской военной администрацией был принят первый советско-германский научно-исследовательский институт – Медико-биологический институт в Берлин-Бухе, образованный на базе Института мозга Общества кайзера Вильгельма. Инициатива преобразования принадлежала Николаю Тимофееву-Ресовскому, русскому генетику, руководившему генетическим отделом Института в течение 20 лет. Было достигнуто соглашение с военными о том, что институт (под названием Института генетики и радиобиологии) переходит под патронаж советского командования, получает охрану, а назначенный директором Тимофеев-Ресовский обеспечивает работу всех подразделений и лояльность персонала[1]. Однако когда директор, заинтересованный в продолжении важных исследований, попытался воспрепятствовать беспорядочному и неразумному демонтажу оборудования Института представителями отдела репараций, директора отправили для разбирательства в Москву[2], где его ожидал арест и ответственность за пребывание в гитлеровской Германии после окончания официального срока командирования ученого в 1937 г.

В сентябре 1945 г, институт практически был демонтирован, часть редкого специального оборудования, как электронный микроскоп и генератор нейтронов, поставленный в свое время концерном «Ауэр», была вывезена[3].

Оставшимся в Берлине сотрудникам, к которым присоединился биохимик с мировым именем Отто Генрих Варбург, удалось позднее реанимировать исследования по медицинской биохимии, вирусологии, анализу структуры белков в связи с их ферментативной активностью[4]. При организации в Берлине Академии наук ГДР

(1949 г.), институт был введен в Академию и объем исследований, в целом, расширился. Работы же в области популяционной генетики и радиобиологии, которые проводились прежде в отделе Тимофеева-Ресовского, имели мировую известность и представляли наибольший интерес в связи со складывающимися после взрыва первой атомной бомбы изменениями в приоритетах мировой науки, возобновлены в Восточной Германии не были.

В отчетах ОЗ СВАГ в качестве готовых к продолжению функционирования в сентябре 1945 г. упоминаются также:

– Институт микроморфологии (директор проф. Гельмут Руска, один из знаменитых братьев Руска, изобретателей электронного микроскопа);

– Биохимический институт, занятый в эти годы, главным образом, изучением вопросов улучшения продуктов питания (директор проф. Д. Ломан);

– Институт растениеводства в Гатерслебене (директор – крупный ботаник и генетик растений Ганс Штуббе);

– Диабетический институт в Гарце/Рюген (директор проф. А. Кач);

– Витаминный институт в Лейпциге, причем отмечено, что советской администрацией найдена и возвращена в институт библиотека, предназначенная для эвакуации на Запад;

– Медицинский биофизический радиологический институт, хорошо оборудованный, в Обершлемме/Рудные горы;

– Институт клеточной физиологии в Либенберге;

– Бактериологический институт во Франкенберге (замок Саксенберг на о. Римс), б. филиал Имперского Института микробиологии им. Р. Коха, (фигурирует также под названием Института микробиологии вооруженных сил в Саксенберге, Вирусного института, Ящурного института);

– несколько научно-исследовательских лабораторий, принадлежащих фирмам Шотта и Цейса.

Научного руководителя в некоторых институтах нет, назначена только временная администрация. Проблема кадров в восстанавливаемых учреждениях стояла остро по двум причинам. Первая – бегство специалистов, если не вовсе из страны, то в зоны оккупации западными союзниками, и вторая – признанная союзниками на Лондонской конференции 1945 г. необходимость денацификации научных кадров, занимающих руководящие должности.

Специальный интерес – и для немцев, и для советской администрации – представлял по ряду обстоятельств институт на о. Римс (бактериологического профиля).

В документах учреждение иногда названо Ящурным институтом, потому что наиболее известным его научно-практическим достижением было создание противоящурной вакцины, нужда в которой ввиду распространения инфекционных заболеваний скота в первое послевоенное время была велика. Кроме того, военные части, вошедшие в г. Франкенберг, конфисковали в институте архив Бюро по изучению иностранной медицинской информации при фюрере (руководитель – доктор медицины, штурманбанфюрер СС, Х. Бауэр)[5].

Из документов трофейного архива следовало, что Бюро имело вне Германии обширную агентуру, занятую сбором сведений о состоянии противоэпидемической службы и медицинских исследований в СССР. Поскольку во время немецкой оккупации Юга России в 1941–43 гг. в Германию были вывезены документы Ростовского противочумного института, неудивительно, что среди материалов Бауэра были со-

общения о чуме и туляремии на Северном Кавказе (на русском языке), служебные отчеты эпидемиологов, рабочие материалы бактериологических исследований. Принадлежность института и бюро военному ведомству была однозначно подтверждена обнаруженными в архиве двумя секретными документами. Это отношение начальника Саксонской службы Верховного командования Вооруженных сил от 23.5.1944 г. (за № 654–44), которое предписывало институту испытать доставленную из Ростова русскую вакцину, предлагаемую для лечения туляремии, и служебная записка от 26.1.1945, в которой указывалось, что доктору Бауэру надлежит обсудить с генералом Шрейбером вопросы дальнейшей работы микробиологического института в Саксонии, причем, отмечалось, что в работе института участвует СС. В списках русских сотрудников, вывезенных из Ростовского института, значилось 9 научных работников[6].

Деятельность информационного бюро не ограничивалась сбором сведений по бактериологии. В архиве были обнаружены обзор данных по организации службы переливания крови в СССР, донесения особых отрядов Бюро о врачах Ленинграда, литература и чертежи электронного микроскопа, обзор и оценка работы органов здравоохранения в СССР и Прибалтике, отчеты о работе АН УкрССР… В замок были свезены материалы и других учреждений (например, института по изучению еврейского вопроса) для надежного сокрытия документов.

Материалы архива института, касающиеся бактериологии и эпидемиологии, были переданы в ветеринарный институт в Загорске (ныне снова Сергиев Посад), где после войны было организовано отделение Института микробиологии МО СССР. Научная программа последнего включала создание вакцин и противовирусных препаратов для защиты армии от природных инфекций и биологического оружия, а также выведение новых штаммов микроорганизмов-продуцентов биологически активных веществ терапевтического назначения и штаммов, предназначенных для военных целей. Таким образом, произошел своеобразный «обмен» научной информацией двойного назначения – как известно, «все, что ни придумают ученые, годится для войны» – между Ростовским и Загорским институтами через специальные лаборатории, заключенные в замке Саксенберг…

Дальнейшая судьба института в Саксенберге была вскоре определена.

Из доклада ОЗ СВАГ[7] следует, что, ввиду своего расположения вдали от промышленных объектов и помещения в старинном замке с толстыми стенами, институт совершенно не пострадал от бомбежки и лаборатории, вместе с прекрасным оборудованием, полностью сохранились. Первое решение военной администрации в июле 1945 г. – демонтировать институт – было частично выполнено, и 6 вагонов прошли через Ленинградский порт в адрес упоминавшегося военного ветеринарного института в Загорске. Однако после демонтажа наиболее ценных лабораторных приборов начальник санитарного отдела СВАГ Чуенков внес предложение прекратить демонтаж производственного оборудования, необходимого для восстановления производства биопрепаратов. Распоряжение подоспело, когда значительная часть оборудования уже была снята со своих мест и приготовлена для упаковки. Тогда возникла идея отправить в СССР ведущих специалистов – директора Вальдмана и его заместителя доктора Трауба, ветеринарного врача Чайковского, недавнего сотрудника Ростовского института. Министр сельского хозяйства СССР Бенедиктов, в ведение которого входила и ветеринарная служба с научными подразделениями, ответил, что не считает привлечение немцев целесообразным.

Несмотря на недостаток в институте аналитических приборов, в середине 1946 г. было дано указание начать восстановительные работы. Работе придавалось большое значение, т. к. два основных исследовательских учреждения, в которых велось изучение возбудителей опасных инфекций (Институт имени Роберта Коха в Берлине и Институт экспериментальной патологии во Франкфурте-на-Майне) находились у союзников, а центральные российские институты были или разрушены (как Ростовский), или бедны (как Хабаровский, директор которого, лишенный подписки на журналы в годы войны, запрашивал в ОЗ СВАГ хоть какую-нибудь литературу по специальности). Обследовавшие институт в Саксенберге советские специалисты (профессор Зильбер и военные медики подполковник Лебедев и майор Бундель) дали высокую оценку уровню организации института. В течение полутора лет было налажено производство вакцин, необходимость в которых и в Германии, и в СССР была велика (против ящура сельскохозяйственных животных, чумы птиц, рожи свиней). Кроме того, вакцины, производимые на территории советской зоны, могли стать предметом экспорта.

Чуенков считал необходимым постоянное присутствие в Саксенберге советских специалистов не только для контроля за производством, но и для освоения немецкого опыта.

«Инстанции», в том числе и союзнические, опасавшиеся возобновления в Саксенберге военных исследований и указывавшие на членство профессора Вальдмана в НСДАП во времена третьего Рейха, не раз высказывались против сохранения за ним руководства институтом. Ответ рационально настроенного советского военного чиновника состоял в аргументации необходимости сохранить институт и производство, невозможности найти равную Вальдману замену и напоминании о том, что и Вальдман, и Трауб прошли процедуру денацификации[8].

В Берлине 1947 года тема возможного сотрудничества немецких и русских ученых в области военной бактериологии обсуждалась в связи с нашумевшей историей ареста сотрудника Медико-биологического института, находящегося в советской зоне[9].

В июне 1946 г. в восточную зону вернулся из плена крупный ученый-бактериолог и вирусолог Ойген Хааген. Было известно, что он, будучи мобилизован в действующую армию, некоторое время работал в качестве врача в Эльзасском концлагере, где в ужасных условиях содержались поляки и цыгане. Причиной назначения именно врача-бактериолога был свирепствовавший в лагере сыпной тиф. Хааген применил для лечения предложенную им сухую сыпнотифозную вакцину, прежде не проходившую испытаний в клинике, что оправдывалось остротой ситуации. Вакцина работала, эпидемия была остановлена, но несколько особенно истощенных узников умерли. По этому поводу Хааген, которого конец войны застал во Франции, был привезен в Нюрнберг и допрошен. Обвинения против него выдвинуто не было, т. к., по словам целого ряда медиков, Хааген спас многих. Он был отпущен и по возвращении в Германию получил предложение занять кафедру в Лейпциге, но предпочел вернуться туда, где работал перед войной – в Институт мозга, теперь превращенный в Медико-биологический институт. В ноябре того же года Хааген отправился навестить сестру в западной части Берлина и был арестован на улице сотрудниками английской военной администрации. Позже, уже из тюрьмы, он сообщил сестре, что, по его мнению, слежка за ним велась практически со времени его возвращения в Бух. От него добивались признания в том, что в Медико-биологическом институте он за-

нят, по поручению советской администрации, секретными исследованиями, связанными с подготовкой новой войны. Выдержки из дневника Хаагена, который он вел в тюрьме города Метц, позднее были опубликованы в берлинской газете его адвокатом («Национал Цейтунг», 14 мая 1948 г.).

В Медико-биологическом институте в действительности велись работы по бактериологии и эпидемиологии: исследовались механизмы диффузии вирусов эпидемической пневмонии и геморрагической лихорадки в животные клетки. Объектами исследования были вирусные штаммы, полученные из коллекций в Грайфсвальде и Москве. В работе с использованием электронного микроскопа и другого оборудования, достаточно редкого в Европе, принимали участие советские специалисты (М.П. Чумаков и И.М. Родин). Последнее обстоятельство, очевидно, и послужило поводом для предположения о военном характере задач исследования. В программе института задачей его санитарно-эпидемиологического отдела значилась подготовка советских вирусологов в контакте с профессором Герцебергом, крупным вирусологом, и доктором Хаагеном. Разрабатывались, в частности, методы культивирования вирусов (в куриных эмбрионах), очистки и концентрирования вирусов, необходимые для приготовления любых противовирусных вакцин. По инициативе советского вирусолога Льва Зильбера, была поставлена специальная тема по полиомиелиту в актуальном, т. н. «берлинском», варианте этого вируса. При обсуждении плана на заседании научного совета ОЗ СВАГ место проведения исследований вирусов опасных инфекционных заболеваний было признано все-таки неудачным, во-первых, ввиду опасности внутрилабораторных заражений, и, во-вторых, ввиду нежелательного резонанса, который вызвал арест (а по существу, похищение) доктора Хаагена и публикация в газетах выдержек из его дневника, в которых раскрывалось содержание навязываемых ему следствием признаний.

Сотрудничество немецких и советских специалистов не ограничивалось вирусологией и включало исследования в области биохимии, медицинской и фундаментальной, теоретической и клинической онкологии в институтах и клиниках, сохранивших оборудование и персонал. Цель сотрудничества – освоение немецкого опыта и оперативная реализация задач, поставленных перед советскими специалистами в условиях неудовлетворительного состояния инфраструктуры науки в только вышедшем из войны СССР. Вероятно, политическое руководство, санкционируя такое сотрудничество, преследовало и цель привлечения немецких специалистов в восточную зону, что реализовалось, как следует из известных фактов оттока квалифицированных специалистов не только в первые послевоенные, но и в последующие годы становления ГДР, с большим трудом.

В 1945–46 гг. в состав военной администрации входило специальное подразделение, координирующее вывоз немецких специалистов в СССР (т. н. «бюро Антипина», по имени начальника службы)[10]. Например, при наборе специалистов для работы в Ленинграде предлагались подъемные суммы порядка 7.000 марок и до 13.000 марок на упаковку имущества. Об общем количестве специалистов, выехавших при посредстве этой службы, данных в нашем распоряжении нет, но известно, что среди обращавшихся были научные работники и преподаватели. Так, инженер Гельмут Гарц, попавший в СССР на завод в Кимрах, писал в 1947 г. жене о том, что намерен продлить свое пребывание в СССР и сообщал о желании продолжить там свою исследовательскую работу по механике дробления семян сахарной свеклы с целью получения однороскового семенного материала.

Доктор Траубе, пока проблема восстановления производства в замке Саксенберг на острове Римс не была еще решена, выражал желание (как отмечается в документах, по своей воле, без принуждения к этому со стороны беседовавшего с ним сотрудника Управления Лысова[11]) отправиться работать в СССР. С другой стороны, через год, когда, казалось, кадровые проблемы в институте были решены, еще один военный администратор, начальник Управления по изучению достижений науки и техники Германии, т. Тер-Мкртичьян опасался, что до сих пор – 11 августа 1947 г. – из Римса не вывезены немецкие бактериологи (Вальдман, Траубе, Гобом, Дедье, Шрейдер, Петерман), в то время, как профессор Вальдман собирается вскоре выехать на конференцию в Женеву, и есть опасность, что не вернется в советскую зону, как многие…[12].

На основании только СВАГовских источников информации, пожалуй, трудно сделать заключение о действительных настроениях конкретных людей в среде немецкого научного персонала. Упомянем только еще один документ – анонимное письмо немецкого рабочего пенициллинового завода, переданное через сотрудника ОЗ СВАГ Соколова генералу Колесниченко (оба обследовали завод в апреле 1949 г.), и адресованного начальнику Управления пропаганды СВАГ генералу С.И. Тюльпанову[13].

Научно-производственный комплекс, включавший Микробиологический институт и пенициллиновый завод при институте, был одним из наиболее успешных предприятий, функционировавших в советской зоне оккупации в эти годы, а сотрудничество в области решения проблемы антибиотиков, в целом, – наиболее эффективной частью совместной научной деятельности советских и немецких ученых в это время. Известно, что полученные в 1941–42 гг. препараты бактерицидного действия, представляющие собой продукты жизнедеятельности плесневого грибка пенициллиума, требовали доработки в производственном и фармакопейном плане. Проблемы технологии выработки стабильной, приемлемой для фармации лекарственной формы препарата, а вскоре после войны и установления химической структуры вещества, обладающего высокой бактерицидной активностью широкого спектра действия, были уже решены общими усилиями английских и американских микробиологов и химиков, результаты которых получили патентное оформление. В СССР и в Германии в военное время в госпиталях были опробованы достаточно «сырые», но многообещающие препараты пенициллина, однако, методики, позволявшей организовать масштабное производство стабильного и высокоактивного препарата, в распоряжении немецких и советских специалистов не было. С начала 1946 г. обе стороны форсировали организацию производства пенициллина и стрептомицина. К 1949 г. в штате Микробиологического института значилось 400 человек, из них 20 составлял руководящий персонал во главе с доктором Кнолем. Комплекс занимал пятиэтажное здание площадью 20.000 кв. м, в котором совершенствовалось производство антибиотиков широкого спектра действия пенициллина и стрептомицина.

Суть упомянутого обращения рабочего состояла в жалобе на усиливавшуюся день ото дня деятельность НКВД на заводе и в институте, что создает беспокойство, побуждая научных работников и персонал стремиться выехать на Запад, «чтобы, может быть, там иметь бóльший покой». По мнению писавшего, вред наносят действующие на производстве *«охранная полиция» и «криминальная полиция».* Первая работает на заводе почти открыто. Работающие на заводе получают открытки, подписанные дежурным гауптвахмистром, в которых предлагается явиться в *немецкую*

охранную полицию для допроса. «Их приводят в комнату, где сидит русский, который пытается завербовать их в целях агентурной службы для России». Разговор кончается указанием «о неразглашении», иначе, «в соответствии с русскими законами, ему грозит трудовой лагерь в Сибири». Криминальная полиция – тоже разновидность преследования: «одного спрашивают о другом, грозят Сибирью. Весь завод знает об этом, только русские ничего не знают». Кроме этого существует еще *комендатура,* куда в любое время вызывают рабочих на заводе в целях «взаимной связи», причем, допросы могут продолжаться до глубокой ночи. Случается, что рабочих допрашивают и «прямо в НКВД». Аноним-доброжелатель считает, что подобный период «натиска» уже был в 1946 г. В свое время генерал Добровольский, к которому тогда он обращался по этому поводу, оказал помощь и даже извинился. Главным образом, как заметил автор, допросам подвергаются служащие, вынужденные по делам бывать в западной зоне. Многие теперь отказываются ехать, чтобы не подвергаться допросам. «Один научный работник чувствует за собой слежку и вследствие внутреннего напряжения не может выполнять срочных работ к началу февраля… Одному важному инженеру цеха, к которому проявляет интерес Москва, сказали, что он должен сдать в НКВД два фото. Теперь хочет уехать, а от него зависит изготовление пенициллина в советской зоне. В институте используют одного мужчину против другого, женщину против женщины и наоборот. Видные научные работники предпочитают сложить чемодан и уехать, несколько уже уехали на Запад. На заводе с числом рабочих 3.000 человек деятельность НКВД ни для кого не является тайной, только с русскими об этом нельзя говорить, т. к. если будет произнесена какая-либо фамилия, то он должен попасть в мельницу НКВД».

Пишущий опасается, что уедут важные для производства специалисты, кроме того, «это использовалось бы в западных зонах для развязывания политики против России».

Судьба именно этого обращения по доступным документам не прослеживается, но обращает на себя внимание его адресность – Управление информации (ранее Управление пропаганды) военной администрации и известный своей сдержанностью экономист в форме генерала – Сергей Иванович Тюльпанов, вскоре отозванный в Москву[14].

«Микробиологический институт на заводе Шотт» (так институт назван в письменном отчете о командировке) посетил в декабре 1945 – январе 1946 г. ботаник (цитолог растений) профессор П.А. Генкель из Москвы[15]. Его конкретное задание состояло в освоении электронного и люминисцентного микроскопов, сконструированных в Германии, и овладении техникой приготовления различных видов препаровальных игл и микропипеток из стекла, которыми славились лаборатории Шотта с довоенных времен. Доктор Кноль был в 1939 г. приглашен фирмой именно как специалист по созданию оборудования для тонких экспериментальных работ в области микробиологии и цитологии. Названные микропипетки применялись в процедуре отбора единичных клеток, необходимой для ведения чистых, наиболее продуктивных образцов культур лучистых грибов (актиномицетов), потенциальных продуцентов антибиотичеких веществ, производство которых планировалось советской фармацевтической и микробиологической промышленностью. Представленный в Академию наук отчет Генкеля содержит интересные приложения: «Докладную записку о состоянии ботанических учреждений и ботаники в Германии в 1945 г.» и «Краткие сведения о состоянии некоторых культурных учреждений и памятников старины в

Германии в 1945 г.» (там же, л. 8–34 и 5–7 соответственно). Показательно сравнение данных, приведенных в отчете Генкеля 1945 г. и 1954 г, когда профессор в составе делегации вторично посетил Восточную Германию.

Отмечая в 1945 г. большие разрушения зданий, гибель систематических гербариев, что затрудняет изучение систематики студентами, и бедность оборудования лабораторий институтов и университетов, Генкель вместе с тем высоко оценивает рациональность организации учебных помещений, демонстративность лекционного материала в немногих уже функционирующих аудиториях, высокий уровень оранжерейного дела.

Описывая свои встречи с учеными в январе 1945-го, Генкель, видимо, до этого не имевший контактов с немецкими коллегами, замечает:

> Для немецких ученых… характерна известная узость горизонта. Дальше тех вопросов, которые их интересуют, они не смотрят, но в то же время некоторые из них занимаются не одним вопросом. Ярким примером ученого подобного рода является профессор Тоблер в Дрездене, являющийся одновременно специалистом в области технических растений и в области биологии лишайников. Сам он в личной беседе с нами указывал, что он считает правильным для ученого работу не в одном, а в нескольких направлениях. По его словам, он всегда ехал на двух лошадях, причем, когда едешь на одной, то другая отдыхает и с тем большим успехом на ней можно впоследствии продолжить путь.

Огорчает подполковника Генкеля то обстоятельство, что встреченные им немцы плохо знакомы с русскими работами, за исключением почвоведов, агрохимиков, гидробиологов («знают три русских имени – Прянишников [Д.Н.], Максимов [Н.А.], Иванов Л.А., некоторые называют Палладина [В.И.] и Костычева [С.П.]»). Такую выборочность автор отчета связывает с известной объединительной работой, которая всегда проводилась международными обществами почвоведов и лимнологов, членство в которых не было прервано и с приходом к власти наци. «Интерес к русской науке у них, по-видимому, искренний, – продолжает Генкель, – и вот, как мне кажется, по каким соображениям.

Бесспорно, в течение многих лет русская наука их мало интересовала и они проходили мимо нее, или, как известно о Страсбургере или Франке, зная хорошо русский язык, присваивали себе русские открытия, публикуя аналогичный материал, без ссылки на аналогичные ранее вышедшие русские работы, которые были им заведомо известны. Прежде всего, они видят, что русская наука стоит на высоком уровне и Россия вышла победителем из войны благодаря мужеству и героизму своего народа и высокому уровню науки и техники. Все это заставляет их интересоваться русским народом и его наукой, сумевшими сломить немецкий милитаризм и показать превосходство нашей системы организации труда и государства если сравнивать с немецкой. Особый интерес проявил в отношении русской литературы агрохимик Йенского университета Бореш, кстати сказать, пришел к выводу о восточном происхождении и миграции галофильной флоры Европы. Мысли подобного рода, как это было указано С.Ю. Липшицем (русский ботаник, автор известного биографического словаря «Русские ботаники»), имелись у Бурцева еще в 1865 г. и развивались в этом направлении рядом других исследователей.

Все литературные ссылки профессор Бореш тщательно записал и очень благодарил за них». В заключение разговора Бореш показал Генкелю рукописный перевод

известного в России учебника по физиологии растений Максимова, сделанный местным профессором Якобом с намерением опубликовать рукопись в издательской фирме Шпрингера.

Восхищает Генкеля забота немцев о памяти «своих великих и просто значительных людей». Он описывает памятные доски, которыми отмечено пребывание во Фрейбурге не только Мартина Лютера, Гумбольдта, Рихарда Вагнера, но и малоизвестного профессора теологии и проповедника. Однако дощечки, сообщающей о пребывании в городе М. Ломоносова (работал в металлургической лаборатории-заводе), ему не встретилось…

Заключая отчет выводами, Генкель пишет:

> Большинство посещенных нами немецких научных учреждений сильно пострадали от войны, особенно учреждения Общества кайзера Вильгельма в Берлин-Далеме, а также Ботанический институт в Дрездене (сгорел полностью). Дрезденская высшая техническая школа и несколько менее пострадал Ботанический институт Йенского университета. …Полностью сохранились: Лесная академия в Тарандте, Фрейбергская горная академия, Филетический музей Геккеля в Йене. Научная жизнь во всех учреждениях только начинает налаживаться и испытывает трудности из-за недостатка кадров и других затруднений военного времени. Очевидно, в течение последних 5–6 мес. научная работа была полностью парализована…

Однако, как сообщает Генкель, «большинство крупных ботаников и агрохимиков остались на местах: Дилье, Гильгер, Ноок, Тоблер, Шиман, Шнейдер, Леммерман, Борнмюллер, Реймарс, Бруно Губер, Герцог, Опитц, Драверт, Кольвитц». В американскую зону уехали профессора Руланд и Троль. «Таким образом, следует отметить, что на территории трех немецких провинций – Брандебурга, Саксонии и Тюрингии – руководящие научные кадры в области ботаники сохранены почти полностью… С научной точки зрения следовало бы использовать немецких специалистов для разработки тематики, нужной Советскому Союзу, под контролем соответствующих русских ученых. Использование немецких специалистов должно было идти по линии приспособления их тематики к нашим задачам. Немецкие ученые, по нашим наблюдениям, и личным впечатлениям, не отличаются способностью быстро менять тематику своей работы. …смена новых направлений может привести к более длительной перестройке и силы указанных специалистов не смогут быть рационально использованы».

Для заимствования опыта профессор рекомендует:

рациональность организации учебного процесса с иллюстративной точки зрения;

большую простоту и продуманность ряда лабораторных работ и приспособлений; наличие ботанических садов и оранжерей при каждой высшей школе; высокую культуру садов и садовых учреждений в Германии.

Разумеется, интерес советского руководства к немецкой науке не ограничивался ботаникой, гидробиологией, физиологией (как об этом свидетельствуют отчеты приезжавших академических ученых, одетых, по обычаю времени, в военную форму подполковников и полковников). Отделение технических наук АН СССР посылало своих сотрудников на съезд работников горнорудной промышленности, завод Шоппера, годичные собрания общества металлургов и общества германских электротехников, конференцию по автоматической технике, конференцию по испытанию ма-

териалов. Оперативный обмен научной информацией между немецкой и советской сторонами осуществлялся путем издания ОЗ СВАГ сборников научной информации и пересылки в Германию советских научных журналов, а также изданием в СССР для Германии медицинских учебников, необходимость в которых признавалась в связи с запрещением немецких изданий нацистского толка. Помимо прекрасных руководств для вузов и средних специальных учебных заведений, в Берлин хлынул поток книг по мичуринской биологии, политических брошюр и т. п.

Советский атомный проект: физики и биологи

Известно, какое значение союзниками по обе стороны линии фронта в Европе придавалось разработке новых видов оружия массового уничтожения как в ходе войны, так и сразу по окончании военных действий. Использование наивысшего достижения физической науки того времени – энергии ядерного распада – позволило, в итоге, создать атомную бомбу. Успех был достигнут усилиями интернационального коллектива ученых, работавших в США, уже после подписания Германией акта капитуляции. Впервые это оружие огромной разрушительной силы было применено против союзника Германии – имперской Японии, практически уже поверженной, что справедливо было расценено миром как акт беспримерной по жестокости демонстрации силы, направленной против мирного населения. Обладатели атомного оружия получали возможность политического диктата в мире.

В СССР планировавшиеся еще до войны ядерные исследования не получили развития в военных условиях и были форсированы только в 1945 г.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что причиной, заставившей союзников (западных втайне от СССР, удерживавшего натиск противника на беспримерной по протяженности линии фронта) активизировать исследования и создание ядерного заряда, была боязнь успеха в этой области немецких ученых, побуждаемых военными Рейха.

История создания атомной бомбы детально описана как самими военными, так и историками. Не замалчивается и тот факт, что возможность деления ядра урана на две или несколько частей, прекрасно объясняющая появление в эксперименте элементов из середины таблица Менделеева была предсказана, в потоке публиковавшихся еще в начале 1930-х гг. результатов исследований действия нейтронов на различные элементы, именно в Германии Идой Ноддак. Судьба открытия Отто Гана и его коллег, история их пленения и их разочарование в несостоятельности создания «оружия возмездия» в годы войны, также преданы гласности[16]. Широко обсуждается историками поступок немецкого физика Клауса Фукса, предупредившего советскую сторону в 1942 г. о том, что в США в условиях секретности уже ведутся работы по созданию бомбы[17]. История же участия немецких специалистов в решении аналогичной задачи в СССР значительно менее известна. Некоторые сведения можно почерпнуть из воспоминаний участников. Из советских источников история попала на страницы специальных изданий только в 1993 г, а в 1995 г. была в виде отрывочных сведений включена в сборники статей, приуроченных к 50-летнему юбилею создания оружия огромной разрушительной силы.

В истории советского атомного проекта есть почти детективный эпизод, свидетельствующий о косвенном участии немецких физиков в осуществлении проекта еще в стадии принятия решения о разработке проблемы[18].

23 февраля 1942 г. на юге России, в районе Таганрога, во время боевого рейда советских морских пехотинцев и партизан в тыл противника, среди трофеев оказался добротный портфель, а в нем – толстая тетрадь, принадлежавшая, как было выяснено в ходе допроса пленных, прибывшему на фронт накануне «высокому чину». Находка, переданная в штаб армии (А.А. Малиновского), далее была переслана в наркомат обороны, где, не ознакомившись с содержанием, материал передали С.В. Кафтанову в отдел науки ГКО. После получения отзывов просмотревших текст ученых, стало ясно, что содержание записей, действительно, важно: это были расчеты количества энергии, выделяемой при распаде урана-235… Напомним, что именно в это время обобщался материал разведданных о начале работ по атомному оружию на Западе, и письмо С.В. Кафтанова и А.Ф. Иоффе, сообщавшее о новом свидетельстве, стало дополнительным аргументом «за» форсирование проблемы.

В конце 1942 г. Игорь В. Курчатов по личному поручению председателя ГКО И. Сталина начал собирать физиков, решение же о создании первого в стране специального научного учреждения, призванного заняться атомной проблемой, было принято 11 февраля 1943 г.

О том, что группа разведки западных союзников, в которую входили и ученые, знавшие немецких физиков и контактировавшие с ними в 1930-е гг., начала действовать по мере продвижения войск союзников с запада на восток Германии 24 февраля 1945 г, т. е. до объединения союзных армий, в мире стало известно из материалов, опубликованных в 1947 г.[19]. Задачей миссии «Алсос» было обнаружение и эвакуация ядерных материалов, оборудования и документации. Главные усилия миссии были сосредоточены также на том, чтобы вывезти ученых-ядерщиков. Это удалось, т. к. все наиболее видные физики стремились к началу оккупации Германии оказаться по понятным причинам в ее западной части (О. Ган, В. Гейзенберг и др.). К концу апреля операция миссии подходила к концу, а 3 мая были захвачены последние из интересующих миссию ученых – Герлах, Дибнер и Гейзенберг[20].

В литературе последних лет признается, что решение проблемы первого советского атомного заряда («изделия» в терминологии секретных документов), было ускорено не менее, чем на год, с помощью урана, найденного на территории советской зоны оккупированной Германии. Перед участниками аналогичной американской советской экспедиции также были поставлены задачи выяснить состояние немецких разработок по использованию ядерной энергии и «найти уран и торий или их соединения, потому что с этим делом у нас было трудно». По воспоминаниям Юлия Б. Харитона, который был одним из главных действующих лиц поисковой группы, данные о состоянии немецкого атомного проекта, полученные экспедицией, совпадали с итогами обследования «Алсос», завершившей свою акцию несколько раньше. Что касается урана и тория, к началу поиска стало известно, что значительное количество руды было ввезено в Германию из Бельгии. Местонахождение руды было установлено на основании опроса многих людей, среди которых были антинацистски настроенные, охотно сообщавшие отдельные детали. В результате поиска в маленьком городке Нейштадте (4 тысячи жителей, на границе советской зоны оккупации) на территории кожевенного завода было обнаружено около 100 тонн окиси урана[21]. Как свидетельствуют участники проекта и историки, часть полученного урана была

передана в лабораторию № 2 (ЛИПАН, ныне Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова). Были вывезены библиотеки Физического института в Галле и оборудование Физико-технического института в Роненбурге, института физики кайзера Вильгельма, лаборатории Физико-технического института в Штадтильме (Тюрингия). На Московский электролитический завод была перевезена установка для получения тяжелой воды с завода Лойна Верке[22].

Сравнение эффективности действий советской и американской инспекций в Германии обнаруживает большие преимущества последней: деятельность «Алсос» обеспечила США 1100 тонн руды (частично оксид урана, частично обогащенный концентрат), найденной на севере Германии, в Страстфурте, близ Магдебурга, еще до соединения союзнических армий, и отправлена немедленно, до установления границы зон, во Францию и затем в США.

Всего в работах советского атомного проекта принимали участие, по разным данным, от 200 до 300 немецких специалистов (Южный Урал, Грузия, г. Электросталь Московской обл., ведущая академическая Лаборатория № 2 – ЛИПАН). Хотя жизнь немецких ученых протекала в условиях строгой секретности, материальные и жилищные условия были очень хороши даже без скидки на послевоенные трудности. Государственный Комитет Обороны не жалел средств для достижения паритета в атомном оружии с США.

Автор «журналистского расследования» С. Пестов выражает сомнение в добровольности приезда немецких специалистов в СССР («держали на хлебе и воде в камерах НКВД»)[23]. Говорить о насильственном вывозе в СССР специалистов, имевших возможность раньше уехать на Запад, как Риль и Ромпе в Берлин-Бухе и ряд других крупных ученых, как Герц, фон Арденне, вряд ли справедливо, хотя и исключить такую форму привлечения технического персонала нельзя.

В СССР в 1945 г. в рамках Атомного проекта были организованы, помимо уже функционировавших специализированных академических лабораторий в Москве и научно-производственных на Урале и в Поволжье, несколько лабораторий в Грузии (поселки Агудзеры, Келсаури, Синоп), причем, место было выбрано Манфредом фон Арденне, переехавшим со своей лабораторией, для транспортировки которой понадобился целый поезд[24]. В лаборатории, в течение года реорганизованные в исследовательский институт (в документах фигурирует как «институт № 5»), «были приглашены и добровольно трудились там ученые из Германии»[25].

Главной научно-технической задачей начального этапа проекта было совершенствование методов разделения изотопов урана в общем русле поисков промышленных методов обогащения урана для накопления необходимого изотопа с атомной массой 235. Несколько лабораторий параллельно разрабатывали различные технические варианты решения. Первая центрифужная установка для разделения изотопов была сконструирована в 1942 г. немецким физиком Фрицем Ланге, советским гражданином, приехавшим в СССР в 1935 г, начальником отдела Института физики и математики АН УССР, эвакуированного в 1941 г. в Уфу (Ю. Урал). В январе 1943 г. центрифуга – ее называли «горизонтальная центрифуга Ланге» – была построена на заводе «Серп и молот» в Казани и в апреле 1943 г. испытана в Москве в Лаборатории № 2 (будущий Институт атомной энергии им. Курчатова). Однако проблема не была решена таким образом, хотя физическая информация, полученная в этих экспериментах, принесла большую пользу для последующих работ по развитию центробежного метода разделения изотопов[26].

Лаборатории «А» (Агудзеры), которой руководил Манфред фон Арденне, было поручено разработать методы разделения изотопов урана в магнитном поле и методы маис-спектроскопического анализа полученных продуктов разделения. Предпринимались попытки сконструировать масс-спектроскоп и электронный микроскоп. Работавший в лаборатории «Г» Густав Герц был занят разработкой иного – газодиффузного – метода разделения изотопов. Для Герца из Германии было доставлено оборудование – циклотрон и высоковольтный электростатический ускоритель (генератор Ван-дер-Граафа), но оборудование было плохо укомплектовано, не имело запасных частей и измерительных приборов и не использовалось. Лаборатория «Г» проводила испытания фильтров и отработку методов изготовления диафрагм для диффузионного процесса. Само же изготовление фильтров передавалось на промышленные предприятия в России и на Украине. Работы выполнялись лабораториями Петра-Адольфа Тиссена и А. Мора. В отчете Специальному комитету при ГКО СССР, датированному ноябрем 1945 г., академик А.Н. Алиханов, отмечая плохое знание немецкими специалистами литературы военного времени, предлагал организовать их выезд в библиотеки Москвы и Ленинграда.

Впоследствии в лаборатории «А» и «Г» неоднократно направлялась информация по тематике их исследований. Немецкими специалистами были предложены и разрабатывались установки для выделения урана-235 методом испарения и конденсации шестифтористого урана со «стахановским планом выработки» 100 граммов урана в сутки к декабрю 1946 г. (лаборатория Э. Юстуса Мюллендорфа). Лаборатория доктора Иккерта была занята разработкой второстепенных методов очистки шестифтористого урана, анализов чистоты урана и фтора и т. п. Наиболее заметна была деятельность лаборатории В. Шютце, работавшей в области атомного ядра, совершенствования циклотрона, создания новых видов диффузионных фильтров, а также исследования физика-теоретика Борвиха. Перспективными казались исследования отдела, возглавляемого М. Штеенбеком, занятого разделением изотопов урана методом конденсации пара на капельках растворителей при центрифугировании. Среди вариантов диффузионных фильтров испытывались диафрагмы из меди и каучука (доктор Зиверт и сотрудники), из никеля (Тиссен и Мор). Главный успех Института № 5, объединившего перечисленные лаборатории, именно разработка трубчатых диффузионных фильтров, нашедших применение в производстве, был достигнут к 1948 г. Требовалось, кроме того, разработать экспресс-метод оценки коррозийной устойчивости диффузионных фильтров с получением результата не через 30–40 дней, а через 5–6 дней, что также было сделано в немецких лабораториях.

Специалисты по получению урана работали также в НИИ-9 (проф. М.Г. Фольмер, Р. Доппель с помощниками), в лаборатории № 2 (И. Шинтельмейстер), на заводе № 12 (Николаус Риль и Гюнтер Виртц).

Таким образом, работавшие по контрактам немцы в условиях максимально возможной для времени оптимизации условий их труда, осуществляли комплексное исследование в области, в которой в СССР были специалисты, однако, задача форсирования исследований военной проблемы решалась затратным образом, путем привлечения возможно большего их числа. Решение пытались ускорить приглашением высокопрофессиональных сотрудников, среди которых, помимо физиков, были и техники, стеклодувы и т. д.

Исследования, выполненные в области технологии производства ядерных материалов, были отмечены присуждением государственных наград и премий[27]. Виртц

за внедрение технологии получения урана и В. Шютце за разработку фильтров для диффузионной техники в составе группы награждались Государственной (Сталинской) премией, Риль – за участие в разработке технологии производства чистого урана стал Героем Социалистического Труда, Герц в 1951 г. был удостоен Государственной премии, фон Арденне и Тиссен – Сталинской премии дважды.

Среди опубликованных в 1999 г. документов организации и осуществления советского атомного проекта воспроизведено письмо ученых, награжденных Сталинскими премиями и орденами, товарищу Сталину со словами благодарности за высокую оценку их деятельности. Среди подписавших письмо нет имени Риля. Это не осталось незамеченным. В левом верхнем углу страницы рукой генералиссимуса поставлен вопрос: «Почему нет Риля (немец)?»[28].

В советской литературе отмечается, что ни Арденне, ни Герц «не сделали заметных работ, которые могли бы свидетельствовать об их крупном творческом участии в решении атомной проблемы в СССР»[29]. Точнее было бы сказать, что в решении комплексной проблемы крупными коллективами вклад отдельных его участников оценить достаточно трудно. Приглашение немецких специалистов, кроме того, свидетельствовало о традиционном недоверии власти в Союзе к возможностям отечественной науки. Немецкие специалисты провели в СССР от 5 до 10 лет. По возвращении в Германию фон Арденне, Макс Фольмер и Герман Кларе выбрали местом жительства ГДР, Николаус Риль и Алексадр Кач, в итоге, обосновались в ФРГ, вернувшись к избранной ими ранее исследовательской деятельности в области ядерной физики и медицинской биофизики[30]. Фриц Ланге, принявший советское гражданство еще в 1937 г., проработал в Союзе около 20 лет, вернувшись в Германию (ГДР) в 1959 г. В должности директора Института биофизики тогдашней Немецкой академии наук в Берлине, он занимался теоретической и инструментальной биофизикой.

Использование атомной энергии в военных и других целях заставляло решать и проблему безопасности. Задачи радиобиологии и радиомедицины решались также совместными усилиями советских и немецких специалистов.

Радиобиологическая часть советского атомного проекта до настоящего времени не нашла столь же подробного освещения, как физико-техническая. Известно только, что один из первых медико-радиологических институтов начинался с маленькой лаборатории немецкого доктора Розе в пос. Обнинское Калужской области. О радиобиологических исследованиях на Южном Урале, непосредственно вблизи «объекта» – промышленного комбината по производству урана и позже – плутония – кратко рассказано в статье, посвященной деятельности Тимофеева-Ресовского. В лаборатории «Б», расположенной в здании бывшего санатория в Сунгуле, было продолжено продуктивное сотрудничество русского биолога, по существу создавшего учение о биогеоценологии, с его друзьями и коллегами по институту в Берлин-Бухе – немцами А. Качем, Хансом Борном и Карл-Гюнтером Циммером. Лаборатория просуществовала до 1955 г., после чего группа советских сотрудников была переведена в Институт биофизики Уральского филиала АН СССР в Свердловске. Немецкие сотрудники выехали из Сунгула несколько раньше, когда строительство комбината для промышленной переработки урановой руды было, в основном, завершено

Евгений Забабахин, возглавивший комбинат в феврале 1955 г., так вспоминал об этом событии:

> Приехали на 21-ю площадку, где раньше работал Тимофеев-Ресовский в так называемой лаборатории «Б». А еще раньше там находился санаторий. Во время войны – госпиталь,

как положено. Это очень хорошее живописное место – узкий перешеек между двумя озерами. В двух зданиях санатория мы и расположились, а вокруг появились небольшие коттеджи. После войны там работали пленные немецкие ученые, вместе с ними Тимофеев-Ресовский. Они проводили как физические, так и биофизические исследования. К нашему приезду, конечно, эту группу перевели…

В послевоенные годы появлявшиеся на территории СССР немцы многими, в том числе и физиком-теоретиком, выпускником Военно-воздушной академии Е.И. Забабахиным, воспринимались только как пленные[31]. Должны были пройти десятилетия, прежде чем сотрудничество ученых воевавших стран стало возвращаться к паритетным отношениям между научными сообществами и отдельными их представителями, без оглядки на политический диктат, по которому обмен научной информацией был заключен в рамки Варшавского Договора, отдельных двусторонних договоров и т. д.

Вопросам радиобиологической безопасности в период авральной работы над созданием оружия не придавалось должного значения. Тем более не осознавались губительные для здоровья человека и природы последствия не только прямого воздействия радиации на живые организмы, но и отдаленные эффекты накопления в среде даже невысоких концентраций вторичных источников излучения. Последствия же были настолько разрушительны, что Ю.Б. Харитон, один из основных разработчиков проекта, впоследствии директор Федерального ядерного центра в г. Саров (в советское время секретный «Арзамас-16»), вынужден был признать в одном из последних своих интервью в 1996 г.:

Я уже не уверен, что человечество дозрело до владения этой энергией. Я осознаю нашу причастность к ужасной гибели людей, к чудовищным повреждениям, наносимым природе нашего дома – Земли[32].

Архивные документы заседаний Научно-технического совета, организованного в конце 1940-х гг. для координации исследований и рассматривающего вопросы радиации и ядерной безопасности, содержат стенограммы ряда выступлений по этим вопросам (об образовании медсанчасти ПТУ (Первого главного управления), об охране труда на заводе № 12 и т. д.), но инициативы немецких специалистов здесь не зафиксированы ввиду сугубо подчиненного положения последних.

Сотрудники радиобиологических лабораторий в Сунгуле тепло вспоминают общение с немецкими коллегами, отмечая их высокий профессионализм, корректность и дружелюбие[33]. Существенно, что тон в Отделе задавался интернационалистом по натуре, человеком широких взглядов Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским.

Закрыв глаза, можно представить совершенно утопическую в условиях середины XX века картину: международная группа ученых – физики и химики, со своей стороны, биологи и медики – со своей – объединенными усилиями решают актуальную для всех проблему освоения нового вида энергии и все сопутствующие вопросы безопасности использования радиоактивных источников. Результаты их исследований, за исключением конкретной технологии, представляющей коммерческий, а не военный интерес, публикуются в открытой печати… Политики и ученые не смогли прийти к подобному соглашению.

В условиях разделенной Германии: общение «группами»

Вопрос, можно ли говорить о взаимодействии *научных сообществ* на территории послевоенной Европы, разделенной политиками на два противостоящих «лагеря», дискуссионен. Интернациональный характер научной деятельности в идеале не предполагает жестких государственных границ при обмене научной информацией, не затрагивающей проблем обороны. Напротив, всячески приветствуются международные союзы, ассоциации, постоянно действующие международные конференции, комитеты, организуются на постоянной основе международные научные центры. Роль личных контактов в создании международных организаций трудно переоценить.

Общение немецких и советских ученых во времена разделенной Германии, осуществлялось в условиях, когда возможности контактов между коллегами по научному поиску в ГДР и ФРГ, с одной стороны, и в СССР – с другой, контролировались строжайшим образом усилиями «компетентных органов» трех государств. Восстановление культурных связей, в целом, на фоне взаимных претензий осуществлялось медленно.

Рассматривая тематику сотрудничества в первое послевоенное десятилетие на материале отчетов ученых, представленных в направлявшие их научные организации, прежде всего. Академию наук СССР можно отметить, что преобладало научно-техническое сотрудничество в областях, существенных для восстановления пострадавшего в годы войны хозяйства СССР и Восточной Германии. Представитель Академии наук СССР – академик, генерал-майор В.С. Кулебакин – работал в Восточной Германии еще со времени действия в Восточной зоне оккупации Германии военной администрации. Именно ему адресовал свой рапорт профессор, подполковник П.А. Генкель, сообщая об оригинальном экспресс-методе оценки плотности древесины, разработанном в Тарандской Лесной академии[34].

Наиболее значительные направления сотрудничества этих лет:

– технология разработки месторождений бурого угля;

– разработки в области производства из бурого угля высококачественного кокса;

– технология переработки отходов цветных металлов с целью извлечения редкоземельных элементов;

– проблема реанимации территории угольных выработок;

– проблема освоения заболоченных территорий и их сельскохозяйственного использования;

– технология получения обогащенного витаминами рыбьего жира;

– конструирование рельсовой машины;

Помимо научно-технического обеспечения решения перечисленных насущных задач, советские специалисты принимали участие в съезде работников горнорудной промышленности во Фрайбурге, годичных собраниях общества немецких металлургов, общества германских электротехников, конференциях по испытаниям металлов.

В области фундаментальных естественных наук преобладали биологические, физические и химические специальности. В 1950 г. в ГДР прошли конференции по физиологии, бывшие, по существу, повторением известной Павловской сессии АН СССР и АМН СССР, закрепившей в официальной науке преобладание павловского направления в изучении физиологии высшей нервной деятельности в ущерб другим, уже получившим признание в мире. В области фундаментальных направлений сельскохозяйственной науки также насаждалось официально признанное в СССР так на-

зываемое «мичуринское» направление, встретившее, однако, открытое противодействие видного генетика растений и руководителя Института культурных растений в Гатерслебене Ханса Штуббе. Обширные связи немецких и советских биологов поддерживались в области защиты растений. В физике наиболее эффективными контактами выделялись институты, которыми руководили Роберт Ромпе (2-й Физический институт Университета в Берлине и Институт источников излучений), и Густав Герц (Физический институт Лейпцигского университета). Химики сотрудничали в области химии полимеров, в разработке методов синтеза антибиотиков, структурной химии других биологически активных соединений, в том числе стероидных гормонов человека и животных (вновь созданный институт в Йене) и ряде других направлений.

Только в начале 1950-х гг. советские ученые получили возможность принимать участие в проходивших на территории Западной Германии международных конференциях и съездах, причем, сами поездки сопровождались всеми принятыми в то время мерами безопасности: политическая благонадежность членов делегации, контроль за перемещением и контактами, предварительное представление зачитываемых текстов, подробный отчет по возвращении. Каждая делегация получала свои «наставления», принятые на заседании ПБ ЦК КПСС.

Исчерпывающий анализ направлений сотрудничества не входит в задачу настоящей статьи. Обратимся к отчетам ученых, принимавших участие в таких организованных на межгосударственном уровне контактов, и их оценкам форм этой работы как необходимого элемента функционирования науки.

На первых порах – конец 1940-х – начало 1950-х гг. – отчеты были довольно пространными, от чисто деловых, освещающих выполнение конкретных поручений, до оценивающих общее состояние проблемы в учреждениях, с которыми довелось ознакомиться. С 1955 г. – времени организации в Академии наук Управления внешних связей и отдельных подразделений, отвечающих за сотрудничество со странами социалистического лагеря и капиталистическим миром, что связано с приходом к руководству УВС Академии полковника КГБ С.Г. Корнеева, – требования к отчетам изменились. Поскольку предполагалась публикация отчетов с грифом «для служебного пользования», из них исчезли все личностные оценки. В действительности публиковались не все отчеты, а лишь наиболее значимые из персональных и (в обязательном порядке) отчеты руководителей делегаций. Тем не менее, по отчетам, оставленным в соответствующих отделениях Академии (они могли отличаться от вариантов, переданных в УВС), можно судить об общих настроениях ученых в отношении сотрудничества с немецкими научными учреждениями. Следует, разумеется, помнить о многоступенчатом «фильтре» – партийном бюро учреждения, комиссии по выездам в райкоме партии, академии и, наконец, отделе науки ЦК, осуществлявшем отбор кандидатов. На этом фоне те общие рекомендации (и претензии) к организации официальных контактов между учеными выглядят еще более убедительными. Краткие выводы – независимо от научной специальности ученого – таковы.

Все отмечают длительность оформления и ограниченность в передвижении по стране, краткость сроков, позволяющих решить задачи только ознакомления, но не экспериментальной работы, в случаях, когда целью поездки заявлялось не только участие в конференции. Из бесед с немцами, сотрудниками учреждений в ГДР, с очевидностью следует, что организация сотрудничества с советской стороной вызывает наибольшие, в сравнении с другими восточно-европейскими социалистическими и народно-демократическими странами, трудности. Ученые Восточной Германии

Слева: коллективная исследовательская работа в лаборатории ZIMET, Йена, 1984 год. Доктор Инна Левина из Москвы с доктором Гельмутом Кашем и профессором Куртом Шубертом (слева направо). Справа: встреча Николая Тимофеева-Ресовского, Льва Тумермана и Макса Дельбрюка в Москве в 1976 году

общаются с западными коллегами значительно легче, чем с советскими, хотя нужда в таком общении признается. Почти в каждом отчете пересказываются претензии немецкой стороны в организации обмена научной литературой, связанные с задержками заказанных советских изданий. Все авторы отчетов сходятся в высокой оценке оснащенности научных учреждений Германии техникой, высоким качеством производимых в Германии научных приборов и реактивов. Одновременно высказывается сожаление о неудовлетворительном состоянии инфраструктуры науки в СССР, вполне объяснимом трудностями восстановительного периода. Способность германских государств превзойти советские темпы восстановления в этой области вызывает не всегда добрые чувства визитеров. С большим одобрением отзываются советские ученые об организации исследовательских центров в виде научных городков, изолированных от города и отлично обустроенных. В СССР подобная практика получила распространение на рубеже 1950–60-х гг. Различение «немцев» и «ненемцев», имевшее место в профессиональном сотрудничестве в первые послевоенные годы, вскоре уходит.

Ряд выдержек из отчетов академических ученых иллюстрирует приведенные выше положения.

Филолог Г.С. Жирмунский, руководитель делегации на международной конференции по германистике, приуроченной к 70-летию Теодора Фрингса, сообщает об обнаруженной им словарной картотеке, вывезенной из Германии в 1945 г. и организует ее передачу немецкой стороне[35].

М.С. Гиляров, крупный советский зоолог, бывший в июне 1950 г. на юбилейных торжествах, посвященных 250 Германской академии наук в Берлине и совершивший поездку по профильным научным учреждениям, сетует, что «имеют случаи посылки в качестве специалистов, и даже профессоров в университеты ГДР, лиц, которые не обладают требуемой квалификацией. Это не способствует поддержке научного авторитета.». Несмотря на это обстоятельство, «прием со стороны немецких ученых был радушен. Двери буквально всех комнат университета были открыты».

С.А. Бокарев, историк земледелия, член той же делегации: «Я не мог принять участия в прениях по недостаточному знанию немецкого языка. <…> Все жалуются на плохую поставку литературы из СССР»[36].

В отчете о поездке на Павловскую конференцию в декабре 1952 г. в Лейпциге сообщается, что, помимо советской делегации, присутствовали 3 представителя от Польши, 2 – от Румынии, 2 – от Чехословакии и 1 – от Болгарии. От ФРГ, по сведениям автора, было подано 26 заявок, но «западно-германские власти разрешили 8, от ГДР присутствовало всего около 2000 клиницистов, биохимиков, нейрофизиологов и физиологов». В пленарном докладе доцента Лейпцигского университета Мюллера-Геккемана о значении учения И.П. Павлова для теоретической и практической медицины, по мнению авторов отчета Л.Г. Воронина и И.Г. Курицина, профессоров Московского университета, была «высказана ошибочная точка зрения, имеющая широкое хождение среди немецких ученых, что Людвиг и Гейденгайн являются учителями Павлова и что Павлов усовершенствовал метод Гейденгайна». Профессора надеются, что немецкие медики, «работающие до сих пор почти в полном неведении учения Павлова, в скором времени наверстают упущенное». При посещении учебных заведений было отмечено, что студенты до сих пор пользуются учебником, изданным в начале века и переизданным в Западной Германии в 1952 г. В целом, признают Воронин и Курицин, «немцы далеки от понимания и признания Павловского учения, интерес к которому только зарождается»[37].

Глава делегации советских почвоведов академик Н.П. Герасимов сообщает свои впечатления от бесед с учеными при посещении институтов:

> В беседах с нами академик Митчерлих сдержанно, но лояльно высказался по отношению к демократическим преобразованиям в ГДР, признавая, что ему в настоящее время предоставлены для работы значительно более широкие возможности, чем ранее…
> Профессор Штремме, почвовед, наиболее крупный немецкий ученый в этой области, в период гитлеровского режима жил и работал в Данциге, где и остался после занятия города советскими и польскими войсками. В Берлин переехал после окончания войны. Сын, почвовед, живет в ФРГ (г. Киль). Участвовал в работе совещания. К советской делегации довольно благожелателен… Молодой сотрудник доктор Каш проявлял подчас лояльность и любезность к делегации. Комментируя поездку в Берлин «на территории Германской Демократической Республики», Герасимов отмечает, что значительная часть географов, занимающих кафедры в Западной Германии, в годы нацизма были проводниками и пропагандистами архи-реакционных геополитических учений, что оказало пагубное влияние на развитие географической науки, продолжающей оставаться в плену вульгарного географизма, бесплодной хронологической концепции Гертнера…[38].

В октябре 1955 г. на юбилейных торжествах советская делегация высокого уровня была принята со всеми подобающими почестями. Но вот что сообщает в своем отчете профессор, сотрудник Института биохимии АН СССР, А.В. Букин, посланный тогда же с конкретными поручениями президента А.Н. Несмеянова и Главного ученого секретаря АН СССР А.В. Топчиева (ознакомиться с Институтом биофизики в Берлин-Бухе, осмотреть витаминное производство, получить в Академии наук ГДР список непоставленных советской стороной изданий и т. д.):

> Со стороны немецких организаций прием был оказан в подавляющем большинстве случаев весьма хороший, и лишь в отдельных случаях прием был более чем сдержанный». От

посещения растениеводческих учреждений у профессора осталось впечатление, что комфорт в учреждении, экспериментальная база «рассчитана на получение больших результатов, чем те которые достигнуты». Автор, привыкший в старом здании Института биохимии на Б. Калужской улице к более скромным условиям, предполагает, что это может объясняться либо молодостью научных кадров, либо, может быть, немцы не желают особенно делиться результатами, сказать трудно…[39].

Сотрудничество в науке вопреки «холодной войне» в политике

Период холодной войны, продолжавшийся до середины 1970-х гг., как известно, не способствовал продуктивному сотрудничеству и общению, которое удовлетворяло бы взаимный интерес советских ученых на профессиональном и персональном уровне. Объем сотрудничества во всех областях стал расширяться в послесталинское время, но преимущество оставалось за странами народной демократии и странами-сателлитами. Объем взаимодействия СССР и двух германских государств в сфере экономических и научно-исследовательских интересов ограничивался, в первую очередь (и часто в ущерб сотрудничеству), политическими соображениями. Вместе с тем, советское руководство пристально следило за уровнем и направлениями исследований в ФРГ, координировавшей свою научную политику с европейской и американской. Среди документов Отдела науки, школ и вузов ЦК КПСС можно найти немало информационных материалов, подготовленных в Государственном комитете по науке и технике и Академии наук СССР на основании отчетов советских специалистов, направлявшихся в служебные командировки в европейские страны, причем, центральное место в обобщенных материалах отводилось данным, касающимся ФРГ. Советское руководство учитывало эти данные при построении своей политики в области науки, особенно в области оборонных задач и энергетики[40].

В начале 1960-х гг. в советской биологической науке, пережившей более чем 30-летнее засилие административного давления сторонников Трофима Лысенко, влияние которого на советских лидеров времен Сталина и Хрущева было чрезвычайно сильным (что и позволило им проникнуть в структуры руководства наукой всех уровней), наступили новые времена. Ученым удалось убедить власть в необходимости форсировать исследования в области физико-химической биологии и постепенно, к концу 1970-х, используя потенциал отечественных научных школ, ликвидировать существующий в уровне исследований в этой области разрыв с мировой наукой. Необходимая финансовая поддержка уже формировавшихся направлений была обеспечена правительством. Однако успех и темпы исследований не могли бы быть такими впечатляющими, если бы не помощь и понимание со стороны западных коллег. Несмотря на прошлое военное и нынешнее политическое противостояние, именно со стороны немецких ученых сообщество советских биологов встретило наибольшее понимание и поддержку.

Ганс Цахау, профессор Мюнхенского университета, биохимик, познакомился с московскими биологами в 1961 г. во время Международного биохимического конгресса. По научным интересам он близко сошелся с В.А. Энгельгардтом, биохимиком мирового уровня, известным своими открытиями в области биологического окисления и механо-химии мышц. Энгельгардт был представителем старшего поколения

Слева: Александр Баев и Владимир Энгельгардт в 1968 г. в Москве. Внизу: конгресс в Риге в 1970 году; в первом ряду слева направо: Анна Суровая (СССР), Ганс Цахау (ФРГ), Контиру Имура (Япония), Роберт Чемберс (ФРГ), сзади: Игорь Ундризов (СССР), Дмитрий Ластил (Венгрия), Елена Левина (СССР)

русских биологов и идеологом нового, физико-химического направления в биологии середины века, человеком обаятельным и элегантным. Он владел основными европейскими языками – английским, немецким и французским, и общение с зарубежными коллегами не вызывало затруднений, всегда было продуктивным в обсуждении проблем и обмене идеями. Общие научные интересы в структурных исследованиях нуклеиновых кислот, области науки, развивавшейся весьма динамично, катализировали взаимную личную симпатию, расширение круга общения с более молодыми коллегами Энгельгардта в его институте, позднее и с учениками последних, охватив, таким образом, три поколения ученых. Энгельгардт и Цахау стали, когда позволило время, инициаторами регулярных симпозиумов в рамках заключенного в 1976 г. двустороннего (СССР-ФРГ) сотрудничества. Германо-советские встречи-совещания по структуре и функциям генома проводились с интервалом в 1–2 года. Первый симпозиум проходил в Мюнхене, следующие – в Баку (1977), затем снова в Мюнхе-

не (1978), в Ереване (1983), в Мюнхене (1983), в Кельне, Ленинграде, Гейдельберге, Суздале, Гамбурге, Иркутске…[41].

«В 1979 г., – вспоминал в 1985 г. Г. Цахау, – правительство ФРГ через посольство в Москве пригласило В.А. Энгельгардта в двухнедельную поездку по нашей стране. В качестве сопровождающего он выбрал себе Андрея Мирзабекова, а я помогал ему при планировании поездки. Его путь лежал через Мюнхен, Гейдельберг, Кельн, Геттинген и Гамбург. Кельн привлекал профессора Энгельгардта не только по научным соображениям. Он продекламировал мне по-русски и по-немецки знаменитое стихотворение Александра Блока “Скифы”, в котором речь идет о Кельне. Я надеюсь, что Кельн в 1979 г, который, вероятно, сильно отличался от Кельна времен Блока, не слишком разочаровал Энгельгардта. Он вел многочисленные беседы во многих лабораториях и посетил много культурных учреждений. Думаю, мы показали ему нашу страну с хорошей стороны.»[42] О характере совещаний можно судить по воспоминаниях об этих встречах Г. Цахау:

> Я был президентом западногерманского биохимического общества, которое имело хорошие связи со всеми западными биохимическими обществами, но очень мало с восточными, точнее, не имело совсем. Я попытался установить более тесные связи с ГДР. Это оказалось бесполезной попыткой из-за политической ситуации. Я вспомнил наши хорошие контакты с русскими коллегами, слетал в Москву и договорился с академиками Энгельгардтом и Баевым об условиях проведения первого двустороннего симпозиума, который должен был состояться в Мюнхене. Из СССР должно было приехать 15 ученых, не все из Института молекулярной биологии и не все из Москвы. Наиболее важным является то, что все члены группы (по советской терминологии – делегации) должны были быть учеными высокого уровня и доказать это лекциями на симпозиуме по своей собственной экспериментальной работе. Здесь не надо говорить, что условие не было обычным в то время. Мне было очень интересно наблюдать, с какой тщательностью Энгельгардт и Баев выбирали достойных участников симпозиума; учитывать следовало множество факторов, и не только научных…[43].

Коллеги по научному поиску Цахау, Энгельгардт и Баев отлично понимали друг друга и проблемы преодоления препятствий, поставленных на пути их сотрудничества политиками, были общими. Одним из важных преимуществ симпозиумов, проходивших в Германии, была возможность включить в делегацию молодых ученых из Советского Союза, дать им возможность предпринять первую – коллективную – поездку на Запад. Если такая поездка проходила хорошо, некоторые из них могли рассчитывать на другие поездки на Запад уже индивидуально. Для активно работавшей в науке молодежи чрезвычайно важно было не только получить возможность поработать в отлично оборудованных немецких лабораториях, но и войти в интернациональный круг общения профессионалов высокого уровня. Дружелюбная атмосфера этих встреч, основанная на взаимном уважении организаторов, ученых старшего поколения, сыграла большую роль в профессиональной и личной судьбе многих молодых ученых того времени.

О высокой степени доверия между Цахау и Баевым свидетельствует следующий эпизод. В 1964 г. А.А. Баев стал членом КПСС. Многим казался странным такой поступок для человека, пережившего годы «большого террора» в тюрьме и ссылке. Разумеется, выбор «символа веры» – дело глубоко личное. Однако А.А. заботился о том,

чтобы быть понятым своими коллегами. «Вскоре после нашего знакомства, вспоминал Цахау, – он пришел ко мне с намерением объяснить, почему он вступил в коммунистическую партию. Я знал о тех 17 годах, которые он провел в ГУЛАГе. И он, вероятно, думал, что я не пойму тех мотивов, которые заставили его стать членом партии, т. е. как бы официальным приверженцем системы. Я не буду здесь перечислять причины его решения, поскольку он подробно написал об этом в своей автобиографии[44]. Что меня поразило в то время, это его манера излагать свои мысли и тот факт, что ему было важно, чтобы его поняли правильно».

> Баев любил свою страну. Он не был, конечно, националистом, но он был патриотом. Это, насколько я понял его, было ведущим в его национальной и интернациональной деятельности, а также в его компромиссах с правящими силами…[45].

Возможно, такой уровень взаимопонимания между российским и немецким ученым был достигнут, в значительной мере, благодаря общности не столь давнего исторического прошлого – существования научной интеллигенции в условиях тоталитарных режимов в Германии и Советской России. Об этом свидетельствует замечание Ганса Цахау, завершающее его очерк памяти Александра Баева:

> Когда этические пуритане, особенно такие, которые не жили при деспотическом режиме длительное время, презирают людей за такие компромиссы, им я хотел бы сказать, что я доверяю Баеву… Платя эту цену, он имел возможность сделать многое для своей страны, для развития отечественной науки и, наконец, для людей, которые зависели от него[46].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 56. Д. 34.Л. 262–267. Отчет 03 СВАГ министру здравоохранения СССР Е. Смирнову (сентябрь 1948 г).

[2] *Медведев Ж.А.* Международное сотрудничество ученых и национальные границы. – Macmillan, 1972. С. 126. (см. статью в первом томе Копелевского сборника: *Левина Е.С.* Н.В.Тимофеев-Ресовский в Берлине).

[3] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 7. Л. 187, 197, 211. Очерк истории СВАГ (раздел Отдел здравоохранения).

[4] Там же. Оп. 56. Д. 21. Л. 5. Донесение начальнику отделения комендантской службы провинции Мекленбург с предложением организовать из антифашистов группу для «охраны имущества и оборудования института клеточной физиологии проф. Варбурга» (октябрь 1945 г.); Д. 34. Л. 45. Заключение проф. Б.И. Збарского по поводу работы проф. О. Варбурга «Мысли о химии ферментов опухолей» (Медико-биологический институт в Берлин-Бухе), приложенной к акту проверки плана выполнения работ в области медицинской науки. (Адресовано в Ученый совет МЗ СССР).

[5] Там же. Д. 21. 14–28. Донесение начальника Отдела здравоохранения СВАГ наркому здравоохранения СССР Митереву Г.А. (30.12.1945).

[6] Там же. Л. 21.

[7] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 36. Д. 21. Л. 20. Отчет об обследовании проф. Зильбером, п/п м/с Лебедевым и майором Бунделем вирусного института на о. Римс, находящегося в подчинении МВД Германии (1.8.45). Л. 6–7. Донесение п/п м/с Лебедева и майора м/с Киктенко заместителю начальника ОВД СВАГ п/п Лаленкову (6.10.45); Л. 8–11. Донесение майора м/с Воробцова начальнику отдела НКВД СВАГ генерал-майору Малькову;. Д. 23. Л. 14–17.Доклад о состоянии п/ящурного института на о. Римс. 12.6.47. Расхождения в наименовании института в донесениях объясняется незавершенностью анализа комплекса документов, изъятых в институте летом 1945 г.

[8] Там же. Д. 23. Л. 5, 8–64. Сообщение Управления по изучению достижений науки и техники Германии.

[9] Там же. Д. 34. Л. 108–112. Об аресте Евг. Хаагена («Судьбой Хаагена занимается Отдел ВНД СВАГ»); Л. 113–151. Оригинал статьи, перепечатка статей из газеты «Националь Цайтунг», русский перевод статей.

[10] ГАРФ. Ф. 7317. Оп.2. Д. 7. Л. 22–28. Отчет начальника Бюро.Там же. Оп. 36. Д. 36. Л. 3.

[11] Там же. Оп.36. Д. 36. Л. 3–16. Отчет Управления по изучению достижений науки и техники Германии СВАГ. Информация об Институте в Римсе и его сотрудниках Вальдмане и Траубе.

[12] Там же. Л. 22–23. Сообщение начальника Управления по изучению достижений науки и техники Германии Тер-Мкртичьяна заместителю министра здравоохранения П. Лобанову (12.7.1947).

[13] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 4б. Л. 47–61. Отчет начальника Отдела здравоохранения СВАГ А.Е. Соколова о работе Кнолля по производству пенициллина, стрептомицина и вопросу его материально-бытового положения. Текст анонимного письма – Л. 52–61.

[14] *Неймарк Норман.* Предисловие. // СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. – М.: «Россия молодая». 1994. С. 11–12.

[15] Архив Российской академии наук (А РАН) Ф. 579. Оп.2. Д. 37. Л. 1–4; 8–34; 35. Отчет профессора, п/п П.А. Генкеля, представленный в Отделение биологических наук АН СССР. Vgl. D.N. Prjanischnikow: Die Düngerlehre. Hg. von M. v. Wrangel. – Berlin, 1923.; *Ders.* Spezieller Pflanzenbau. Der Anbau der landwirtschaftlichen Kulturpflanzen. Hg. von Ernst Tamm. – Berlin, 1930; *N.A. Maximow.* Kurzes Lehrbuch der Pflanzenphysiologie. – Berlin (Ost), 1952; *Ders.* K.A. Timirjasew und die moderne Biologie. – Berlin (Ost), 1953; *Л.А. Иванов.* Свет и влага в жизни наших древесных пород. – М., 1946; *W. Palladin*. Pflanzenphysiologie. – Berlin, 1911; *Ders.* Pflanzenanatomie. – Leipzig und Berlin, 1914.; *S. Kostytschew*. Lehrbuch der Pflanzenphysiologie. 2 Bde. – Berlin, 1926 und 1931. (*Прим. ред.*)

[16] Первые достоверные данные об аресте немецких физиков американской разведывательной группой относятся к 1962 г.: *Groves L.* Now it can be told: The history of Manhattan project. – N.Y., 1962. (В русском переводе: *Гровс.Л.* Теперь об этом можно рассказать. – М.: 1964). Документы, цитированные Гровсом («Протоколы Фарм Холла») опубликованы: *D. Hoffmann* (Hg.): Operation Epsilon: Die Farm-Holl-Protokolle oder Die Alliierten vor der deutschen Atombombe. – Berlin, 1993.

[17] Атомная отрасль России. События. Взгляд в будущее. – М.: ИздАТ. / Ред. А.А. Староверов. С. 117. (Сборник статей по материалам юбилейных конференций, проходивших в Москве в 1995 г. Среди авторов – министр атомной промышленности РФ – В.Н. Михайлов, И.А. Беляев, Г.Г. Малкин).

[18] Рассказ профессора Белезина и С.В. Кафтанова в записи Б. Володина. Химия и жизнь. 1986. № 6; 1985. № 3.

[19] *Samuel A.Goldsmit.* Alsos. – Henry Schuman, Inc.: New-York. (В русском переводе *С. Гоудсмит.* Миссия «Алсос». – М., 1963. 184 с.)

[20] *Max Steenbeck*. Impulse und Wirkungen. – B., 1977. (В русском переводе: *М. Штеенбек.* Путь к прозрению. – М., 1989). *M. von Ardenne*. Ein glückliches Leben für Technik und Forschung. Autobiographie. – Berlin (Ost), 1979, 5. Aufl.; *Ders.* Ich bin ihnen begegnet: Wegweiser der Wissenschaft, Pioniere der Technik. Köpfe der Politik. – Düsseldorf, 1997.

[21] Из стенограммы выступления Ю.Б. Харитона на конференции участников создания первых образцов советского ядерного оружия во ВНИИЭФ в апреле 1992 г. Цит. по: Советский атомный проект. Конец атомной монополи. Как это было… – Нижний Новгород, 1995. С. 65.

[22] Атомная отрасль России (см. сн. 17). С. 138.

[23] *С. Пестов* // Химия и жизнь. 1986. № 6.

[24] *Нейбауэр А.* Немецкие химики в советском атомном проекте после 1945 г.: Макс Фольмер // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1991. № 4. С. 21–27.

[25] Атомная отрасль России… С. 138.

[26] *Д.Л. Симоненко.* Краткое описание первых экспериментальных работ по разделению изотопов урана в СССР (1942–1948 гг.) // История советского атомного проекта. – М., 1998. С. 135–185.

[27] *Нейбауэр А.* Цит. соч. С. 28.

[28] Атомный проект СССР. Документы и материалы Том II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. – М., 1999. С. 660–661. Подлинник см.: Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 53. Д. 301.Л. 36–37. Н. Риль

награжден в соответствии с Постановлением СМ СССР № 5070–1944/СС от 29 октября 1949 г. и Указом Президиума от 29 октября 1949.

[29] Атомная отрасль России… С. 203.

[30] *Н. Тимофеев-Ресовский.* Нескучная историческая эпоха // Воспоминания. – М., 1995. С. 324.

[31] *В.С. Губарев.* Челябинск-70. – М., 1993. С. 5.

[32] Беседа Ю.Б. Харитона с редактором журнала «Атом». Атом. 1995. № 1. С. 5

[33] *Сокурова Е.Н.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский – ученый и человек // Н.В. Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. – М., 1993. С. 207–215.

[34] А РАН. Ф. 579. Оп.2. Д. 37. Л. 35. Специальный рапорт проф. П.А. Генкеля о методе определения плотности древесины Мюллер-Штоля, позволяющего сократить время при отборе материала для строительства самолетов.

[35] А РАН. Ф. 579. Оп. 2 Д. 38. Отчеты за 1947–56 гг. Л. 24–57. Отчет делегации советских ученых о поездке в ГДР для участия в международной конференции по германистике.

[36] Там же. Л. 61–65. Отчет советской делегации о поездке в ГДР на торжества, посвященные 250-летию германской Академии наук в Берлине.

[37] А РАН. Ф. 579. Оп. 2.Д. 37.Л. 52–85. Отчет проф. Л.Г. Воронина и проф. И.Г. Курицина о поездке советской делегации на Павловский съезд в Лейпциг, созванный как международная конференция.

[38] Там же. Л. 65–84. Отчет акад. Н.П. Герасимова о поездке в ГДР.

[39] Там же. Л. 105–120. Отчет советской делегации, присутствовавшей на 250-летии Германской Академии наук в Берлине.

[40] Российский Государственный Архив Новейшей Истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 220. Л. 126–177. Справка о направлениях работ Министерства по научным исследованиям.

[41] *A.A. Bayev, T.V. Venkstem, H.G. Zachau.* Stationen molekularbiologischer Zusammenarbeit // Entwicklungen: Die sowjetischen der Deutschen Forschungsgemeinschaft mit der sowjetischen Akademie der Wissenschaften. 1970–1990. – Bonn, 1993. S. 105–108.

[42] *Г. Цахау.* Большой ученый и достойный человек // Воспоминания о В.А. Энгельгардте. – М., 1989. С. 226.

[43] *Г. Цахау.* Встречи с Александром Баевым // Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания. – М., 1998. С. 379.

[44] *Bayev Alexandr A.* The path of my life // Selected topics in the history of biochemistry: Personal recollections. IV. Amsterdam etc., 1995. P. 439–479. (Comprehensive Biochem.; Vol. 38).

[45] *Цахау.* Встречи с Александром Баевым (см. сн. 43). С. 381.

[46] Там же.

Сергей Кувшинов, Дмитрий Соболев

СОВЕТСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ
и германские авиационные специалисты

Одним из периодов, являющихся менее исследованным как российскими, так и германскими историками, является период 1945–1954 гг. Это период активного освоения и оценки научно-технического опыта побежденной Германии европейскими странами и США, определение государствами стратегических направлений в развитии послевоенной науки и техники.

По известным причинам, жизнь и работа немецких специалистов и членов их семей скрывалась в СССР и замалчивалась в Германии. Изредка появлялись публикации на эту тему в Германии в 70-е годы, но в России только в конце 90-х годов. Среди публикаций, в первую очередь, необходимо отметить мемуары немецких специалистов авиационников, двигателистов, ракетчиков[1]. Во многих журнальных статьях, по некоторым сведениям отрывочного характера исследователи пытались дать описание самолетов, двигателей, приборов над которыми работали немецкие специалисты в Германии и в СССР. Благодаря большой поисковой работе в архивах, на предприятиях, группе российских и немецких историков удалось обнаружить важные документы, образцы авиационной техники, удалось встретиться с людьми, работавшими ранее на заводах вместе с немецкими специалистами, и, кроме того, встречи с немецкими специалистами на форумах в 1996 году в Германии – все это позволило прояснить многие вопросы организации акции, которую столь оперативно провело правительство СССР. В результате, появилось несколько публикаций историко-научно-технического характера, на основании которых стало возможным подвести некоторые итоги[2].

Авторами этой статьи была составлена библиография по данной теме, в которой насчитывается уже свыше 100 публикаций (в Германии и России), однако, некоторые вопросы, связанные с данным эпизодом в истории двух стран, все же остались вне обсуждения. Одним из таких вопросов, своеобразной проблемой, является анализ «социальной реакции» наиболее образованных слоев общества, в основном, технической интеллегенции, как в Германии, так и СССР, на процесс проведения советской государственной системой операции по заимствованию научно-технического опыта Германии в области авиационной техники, и впервые проявляются новые черты, присущие советскому тоталитаризму в данный период[3].

Прежде всего остановимся на исторических фактах и хронологии самой акции.

До недавнего времени сведения и документы по проблеме заимствования СССР научно-технического опыта Германии в области авиации и ракетной техники, путем вывоза большого количества специалистов, оборудования и самих объектов техники тщательно скрывались. На предприятиях СССР, на которых работали немецкие специалисты, практически вся техническая документация и, самое главное, делопроизводство, были засекречены и после завершения работ бóльшая часть была уничтожена! Восстановление исторической картины этого процесса, на основе документов, воспоминаний участников работы, явилось комплексным многоплановым исследо-

ванием, в результате которого удалось провести реконструкцию данного исторического периода.

В 1945 году на территории Германии, в советской зоне оккупации специальными комиссиями было выявлено и обследовано около 600 немецких предприятий и их филиалов, которые были так или иначе заняты производством самолетов, авиамоторов, авиаприборов или их агрегатов и деталей. Из этого общего количества заводов основных авиационных предприятий было 213, которые принадлежали ведущим немецким авиационным фирмам: Юнкерс Флугцойг унд Моторенверке АГ, Арадо Флугверке ГмбХ, БМВ Флугмоторен ГмбХ, Даймлер-Бенц АГ, Сименс унд Гальске АГ, и Аскания Верке АГ[4].

Основные немецкие авиационные фирмы, расположенные в советской зоне, имели 2.189.901 кв. м производственных площадей, 53.129 единиц оборудования и 350.484 человек работавших, что к общему итогу авиационных предприятий, находившихся в Советской зоне, составляло: по производственным площадям 50,2 %, по оборудованию 35 % и по количеству работавших 59 %[5].

Самым большим научно-техническим достижением Германии к 1945 году было создание и освоение в производстве перспективных образцов реактивной техники, аналогов которой не было в то время ни в одной стране мира. Среди них необходимо назвать:

– реактивные самолеты;

– авиационные газотурбинные и жидкостные реактивные двигатели;

– управляемые по радио и неуправляемые реактивные снаряды дальнего действия;

– самолеты-снаряды и управляемые по радио с самолетов реактивные планирующие бомбы;

– зенитные реактивные снаряды.

Внедрение реактивной техники в авиации, флоте и артиллерии проводилось в Германии в большом масштабе, и немцы в этой области имели серьезные успехи и предопределили развитие авиационной и ракетной техники в мире на много лет вперед.

Последние три года войны отмечены особой активизацией германской военной машины по проведению экспериментальных работ практически во всех областях техники. Это было связано с тем фактом, что производство серийной военной техники стало все больше уступать производству военной техники в СССР, Великобритании и США. Германии был необходим новый, технологический качественный прорыв для успеха в боевых операциях.

В СССР изучение германской военной техники проводилось на протяжении всей войны, но осознание достижений, масштабов исследований и, самое главное, информация об освоении Германией в серийном производстве некоторых образцов реактивной техники, привели советское руководство к необходимости организации в 1945 году специальной программы по освоению немецких военно-технических достижений. Собственные проектно-конструкторские работы по многим перспективным направлениям были практически свернуты уже в самом начале войны и главные силы сосредоточили на эвакуации предприятий и освоении выпуска серийной продукции по проектам, которые были заложены еще в 1939–1940 гг.

Целями программы по освоению достижений Германии были следующие:

– освоение в советском производстве передовой немецкой техники, для быстрого восстановления подорванного войной экономического и военного потенциала;

– использование промышленного и научного потенциала Германии для обеспечения качественного, революционного скачка в области передовых технологий;

– создание образцов боевой авиационной техники нового поколения[6].

Возможность успешной реализации СССР «трофейной» программы по созданию в послевоенный период мощной боевой авиации определялась двумя главными факторами:

– использованием германской техники и производственной базы;

– работой в программе квалифицированных немецких специалистов.

Весна 1945: инвентаризация в советской оккупационной зоне Германии

Начало было положено посылкой в 1945 году в Германию групп ведущих советских специалистов, таких как профессора Бочвар, Мартынов, и многих других, ставших впоследствии известными учеными и руководителями. Задачами указанных групп являлись:

– выявление и учет крупных германских научно-технических сил;

– подробное ознакомление с направлением деятельности предприятий: оценка состояния экспериментальной, лабораторной и промышленной баз;

– поиск технической документации и натурных образцов техники;

– выяснение местонахождения и составление списка высококвалифицированных немецких кадров.

Работа строилась на допросах и опросах немецких специалистов, оставшихся на территории, занятой советскими войсками.

На этом этапе к работе было привлечено большое количество известных немецких специалистов. В числе привлеченных научных сил были такие ученые и специалисты, как Альфред Шайбе, Брунольф Бааде, Фриц Фрайтаг, Фогст, Гюнтер Е. Бокк, Гернер, Зоннер, Бек, Ханцерлинг и другие. Каждый из привлеченных немецких специалистов должен был составить отчет или доклад о прошлой деятельности научного учреждения, в котором он работал, и своей личной деятельности как научного специалиста. На этом этапе впервые встает вопрос об отношении образованных слоев германского населения, в первую очередь, технической интеллигенции, к предложению сотрудничества с советской тоталитарной структурой. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

В адрес Советской Военной Администрации (СВА) в Германии, начиная с 1945 года, на протяжении 3–4-х лет поступали письма от немецких специалистов с конкретными предложениями типа:

> …я нахожусь в любое время в расположении русских военных властей, поскольку «НАТТЕР» [небольшой реактивный самолет, использовавшийся как истребитель-перехватчик – *Прим. ред.*] представляет собой интерес, я предлагаю дать возможность собрать всех быв. сотрудников путем личного посещения их, и этим самым собрать письменные материалы и чертежи. Будет ли успех, в данное время не могу обещать. Также повторяю, что я не хочу приобрести этим путем источник дешевой и легкой наживы – я много раз готов объяснить, как это уже делал одному из политруководителей – майору из

> местной комендатуры. Моя временно плохая обстановка не должна играть никакой роли при этом[7].
>
> Как старый член коммунистической партии, желая создать государству всех трудящихся это огромное техническое преимущество перед капиталистическими странами и передать исследовательским организациям мои исследования, я обращаюсь к СВА, так как сам, к сожалению, принадлежу не к русской зоне…

и далее следуют новые авиатехнические исследовательские данные для борьбы с атомной бомбардировкой[8].

> …Я инженер, конструктор машиностроения, с июня 1945 года вместе с семьей нахожусь в Германии, и несмотря не все старания не могу найти заработка. Мне хотелось бы применить свои знания и опыт для развития промышленности в нашей стране. Прошу выслать условия[9].

Подобных примеров можно привести еще несколько[10].

Наиболее крупные немецкие специалисты выполняли работы за весьма солидное вознаграждение и выделение дополнительных продуктовых пайков[11]. Советская администрация не успевала делать экспертные заключения о тех или иных предложениях (для этого требовались собственные квалифицированные кадры, которых в Германию командировали по особым распоряжениям, но они были крайне ограничены). В результате, многие известные немецкие специалисты, проживавшие в советской зоне, остались без внимания и предложили свои услуги другим военным миссиям. Например, доктор Борнеман, профессор Курт Танк, доктор Койне и другие[12].

Высокий профессиональный уровень немецких специалистов позволял им получить работу по заданиям СВА в Германии и не по своей основной специальности – крупнейший специалист по экспериментальной аэродинамике доктор Ланге работал в группе министерства автомобильной промышленности, а один из старейших конструкторов гидросамолетов Германии доктор Духензе работал по строительству жилых домов[13].

При относительной лояльности немецких специалистов к советской военной администрации, весьма сильным было и отторжение. При анализе архивных фондов нам удалось найти документы, свидетельствующие о фактах неподчинения властям отдельных специалистов. Например, Вальтер Маттос – специалист высокого уровня завода Юнкерс, директор авиамоторного завода в городе Тауха под Лейпцигом, под руководством которого в 1944 году производился монтаж и испытания двигателя для истребителя Ме-262, 26 мая 1946 года был арестован и осужден за саботаж (вместе с пятью другими специалистами) во время демонтажа завода и сокрытие от советской администрации 27 металлообрабатывающих станков[14]. Подобные факты не были редкостью.

Вся довольно обширная документация, подготовленная немецкими специалистами с заключениями советских экспертов, направлялась в Министерство Авиапрома СССР (МАП) и соответствующие институты для более глубокого их изучения и использования в практической работе. Всего немецкими специалистами по заданиям МАПа в 1945–46 годах было выполнено 160 работ (докладов)[15]. На основании этой информации советской военной администрацией создавалась картина промышлен-

ного и научного потенциала Германии, и, самое главное, формировались конкретные мероприятия по заимствованию ее научно-технических ресурсов.

Было выявлено, что главными немецкими авиационными научно-исследовательскими центрами в советской зоне оккупации являлись:

– в Берлине: Научно-исследовательский институт авиационных проблем «Дефауэль» и Всегерманский институт испытания материалов;

– в Дессау: Опытный центр фирмы «Юнкерс» по самолетам, моторам и винтам, аппаратуре непосредственного впрыска;

– в Галле: Опытный завод авиационной фирмы «Зибель»;

– в Лейпциге: Институты Лейпцигского университета, завод «Лангбейн-Пфангаузер АГ» и завод «Зюд И.Г. Фарбениндустри»;

– в Штассфурте: Опытный центр по воздушно-реактивным двигателям фирмы «БМВ» (ранее находившийся в Берлине-Шпандау под названием БМВ Флугмоторенверке Бранденбург ГмбХ);

– в Ростоке: Опытный центр фирмы «Эрнста Хейнкеля Флугцойгверке ГмбХ».

Освоение новой техники путем заимствования, даже если имеются натурные образцы и документация, сопряжено с решением множества технических, производственных и научных проблем. Но самой важной оказывается кадровая проблема: где взять специалистов, в совершенстве разбирающихся в современной и перспективной технике, представляющих себе объекты исследования, и, что особенно важно, имеющих опыт работы по данным направлениям?

Решение этой проблемы можно было проводить различными способами, однако, в конкретной исторической обстановке, в условиях дефицита времени на подготовку соответствующих кадров и дефицита времени на создание работоспособных изделий, при условии ограниченных средств, советским руководством было принято решение: использовать немецких специалистов, ранее работавших по этим направлениям в Германии.

Принятие этого решения основывалось на достаточно лояльном отношении технической интеллигенции Германии к советской военной администрации, которая реально могла обеспечить работой по специальности и дать средства к существованию. Понимание общей ситуации как временной, переходной способствовало нахождению «общего языка», нахождению компромиссов между специалистами и властями.

Как следствие, Наркомавиапромом уже в августе и сентябре 1945 г. были организованы в Германии конструкторские группы из немецких специалистов, которые работали под руководством представителей Наркомавиапрома и находившегося в Берлине заместителя наркома авиапромышленности А.С. Яковлева. На основе проведенной работы, в конце ноября того же года, в Москву были присланы на утверждение проектные задания на разработку и постройку силами немецких специалистов новых образцов советской реактивной техники.

Рассмотрев полученные предложения, Совет Народных Коммиссаров принял Постановление об опытном производстве самолетов и реактивных двигателей силами немецких специалистов в Германии:

– в Дессау на базе бывшего завода «Юнкерс»;

– в Штассфурте на базе бывшего опытного завода «БМВ»;

– в Галле на базе бывшего завода «Зибель»;

– в Берлине на базе бывшего филиала завода «Асканиа»[16].

Таким образом, на территории Германии, уже во второй половине 1945 года, на базе бывших крупнейших немецких научно-исследовательских центров были созданы Особые Конструкторские Бюро (ОКБ) – для разработки силами немецких специалистов научно-исследовательских тем и проектирования новых авиационных конструкций для советской военной промышленности. С этого момента начинается второй этап заимствования опыта – «создание научно-технического задела».

Осень 1945: создание и перебазирование немецких Особых Конструкторских Бюро

Особые Конструкторские Бюро работали под руководством и при участии советских специалистов. Основная же часть сотрудников ОКБ состояла из образованных, технически грамотных, имеющих большой опыт работы немецких ученых, инженеров, техников и рабочих. Для работы в конструкторских бюро, в первую очередь, были привлечены те немецкие специалисты, которые являлись постоянными работниками в данных центрах в период войны. Естественно, встает вопрос о количестве привлеченных специалистов, по которому можно было бы судить о масштабности этой акции и соответственно отношении технической интеллигенции Германии к новой, победившей тоталитарной структуре. В 1945 году для работ в ОКБ только по авиационной тематике на добровольной основе было привлечено 635 докторов наук, дипломированных инженеров и около 1.500 техников и мастеров[17].

Тематика работ по ОКБ была распределена в соответствии с постановлением Совета Народных Коммисаров (СНК) следующим образом:

1. г. Берлин – Особое Конструкторское Бюро по приборостроению.
2. г. Дессау – Особое Конструкторское Бюро, в котором имелись:
   а) конструкторское бюро по моторостроению,
   б) конструкторское бюро по самолетостроению;
   в) конструкторское бюро по проектированию воздушных винтов;
   г) научно-исследовательский отдел.
3. г. Галле – Особое Конструкторское Бюро по самолетостроению.
4. г. Штассфурт – Особое Конструкторское Бюро по моторостроению.
5. г. Лейпциг – исследовательское бюро по авиационному литью и металлическим покрытиям.
6. г. Росток – особое конструкторское бюро, в котором имелись:
   а) конструкторское бюро по катапультам;
   б) конструкторское бюро по разработке ветроагрегатов, гидролотков и некоторые другие.

В марте 1946 года Особой Правительственной Комиссией под председательством заместителя Министра Авиационной промышленности Яковлева было обследовано состояние работ по освоению новой немецкой техники и эффективности использования немецких специалистов. После чего Советом Министров (бывший СНК) было принято новое решение о дальнейшем проведении в Германии опытных работ по созданию конструкций реактивных двигателей и реактивных самолетов. Решением Совета Министров от 17 апреля 1946 г. № 874–366сс был утвержден план этих работ. С этой даты проектные работы в ОКБ в Германии по структуре, организации и

финансированию мало чем отличались от советских. 17 апреля 1946 года стало официальной датой организации ОКБ-1 в Дессау, ОКБ-2 в Штасфурте, ОКБ-3 в Галле и ОКБ-4 в Берлине[18].

В начале 1946 г. были также организованы небольшие конструкторско-технологические бюро, работавшие по очень узким тематикам: ОКБ-5 и ОКБ-6 в Берлине, ОКБ-7 в Галле, ОКБ-8 в Нойхаузене[19].

Рубежным же событием в послевоенном развитии реактивной авиации СССР стал приказ Министра Авиационной промышленности № 228 сс от 19 апреля 1946 года. В этом документе были определены конкретные тактические и стратегические планы в деле освоения реактивной авиации: технические задания на проектирование образцов перспективной техники в Германии и СССР, план перемещения специалистов из Германии, места их новой дислокации, численный состав, время и способ переезда.

19 апреля 1946 года стало началом отсчета третьего этапа «Проведение проектно-конструкторских работ в Германии».

Организационные мероприятия в ОКБ начались с восстановительных работ на территориях тех заводов, где планировалось проведение исследований. Были восстановлены ограждения территории, проведено освещение, установлена постоянная вооруженная охрана, скомплектованная из военных, введена система пропусков, организованы архивы для хранения чертежей, а также созданы секретные части для ведения закрытого делопроизводства.

Кадровый состав немецких специалистов всех ОКБ постоянно возрастал, так, например, в ОКБ-3 на 1 декабря 1945 г. числилось всего 41 человек, на 3 марта 1946 г. – 724 человека, на 1 мая –786 работников, на 6 июня уже – 1156 человек[20]. В ОКБ-4 на 15 мая 1946 г.– 263 человека, на 7 июля – 427 человек, на 17 сентября – 581 человек, и на 17 октября – 692 сотрудника[21]. По составу специалистов, например, в конструкторском бюро доктора Бааде ОКБ-1, насчитывалось 276 человек и 157 в исследовательских лабораториях, среди них: инженеров-докторов – 2 человека, дипломированных инженеров – 31, инженеров – 164, конструкторов – 106, чертежников – 33, рабочих и служащих – 95 человек, а также 2 пилота. Всего работало под руководством Бааде – 433 человека[22]. Стремительный рост численности работников предприятий свидетельствует о том, что инициатива устройства на предприятия исходила, прежде всего, от самих немецких специалистов и рабочих; советская администрация не смогла бы провести работу по комплектации кадров, даже в принудительном виде, столь качественно и быстро. Немногочисленная советская администрация предприятий полагалась на рекомендации уже работавших и зарекомендовавших себя немецких специалистов.

Для управления немецкими коллективами, советским руководством была разработана специальная системы оплаты и несколько видов премий.

За действиями немецких специалистов был установлен достаточно строгий контроль. Службами безопасности, в соответствии с указаниями заместителя министра внутренних дел СССР Серова, проводилась тщательная проверка всей корреспонденции специалистов, перекрывались возможности миграции их в зоны оккупации, контролируемые союзниками. Главное внимание службы уделяли вопросам предотвращения утечки информации по тематикам работ ОКБ.

Разрушенная войной жизнь постепенно входила в мирные, рабочие будни. Это способствовало успокоению, появлению надежды на завершение социальных потря-

сений. Но как показало будущее, это было только прелюдией в сложнейшей операции межгосударственных масштабов, в которой человеческие судьбы опять были уподоблены пресловутым «винтикам» в советской тоталитарной мегамашине.

По приказу министра авиационной промышленности, имевшему гриф «Совершенно секретно», № 228 сс от 19 апреля 1946 г. все работы в Германии должны были быть завершены в октябре 1946 года, а специалисты перевезены в СССР на предприятия МАПа. Приведем некоторые фрагменты документа, которые не требуют комментариев по оценке бездушности и авторитарности советской тоталитарной властной системы.

…3. Обязать Министерство авиационной промышленности (т.т. Хруничева и Лукина) в течение октября 1946 года перевезти в Советский Союз:
а) на завод № 458 (Московское море):
Самолетное ОКБ из г. Дессау
инженеров и конструкторов – 150 человек
рабочих – 160 человек
Самолетное ОКБ из г. Галле
инженеров и конструкторов – 85 человек
рабочих – 60 человек
Приборное ОКБ из г. Берлина
инженеров и конструкторов – 15 человек
рабочих – 40 человек
б) на завод № 145 в пос. Красная Глинка Куйбышевской
области:
ОКБ по двигателям из г. Дессау
инженеров и конструкторов – 250 человек
рабочих – 240 человек
ОКБ по двигателям из г. Унзебург
инженеров и конструкторов – 150 человек
рабочих – 200 человек
в) на завод № 500 (г. Тушино):
ОКБ из г. Дессау по дизелям
инженеров и конструкторов – 100 человек
рабочих – 40 человек
Всего перевести в Союз инженеров и рабочих 1400 человек, а вместе с семьями до 3500 человек.
4. Завод № 458 (Московское море) переименовать в опытный завод № 1 по разработке и производству опытных реактивных самолетов. Директором завода № 1 утвердить Абрамова В.И.
Организовать на заводе № 1 следующих три конструкторских бюро из немецких специалистов:
а) ПО БОМБАРДИРОВЩИКАМ И ШТУРМОВИКАМ – главный конструктор доктор Бааде;
б) ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ САМОЛЕТАМ – главный конструктор инженер Рессинг;
в) ПО АВТОПИЛОТАМ – главный конструктор инженер Мантейфель.
Все три конструкторских бюро подчинить директору завода № 1.

Немецкие специалисты, которые работали на заводе № 2 в Самаре (Куйбышеве), жили в поселке Управленческий в одноэтажных деревянных домах в сельских условиях. Клуб был местом проведения досуга. Внизу: семьи участвуют в праздничной демонстрации, предположительно по случаю 1 мая.

5. Завод № 145 (Красная Глинка, Куйбышевской области) переименовать в опытный завод по разработке и производству опытных реактивных двигателей.
Директором завода № 2 утвердить т. Олехновича Н.М.
Организовать на заводе № 2 следующие два конструкторских бюро из немецких специалистов:
а) ПО ГАЗОВЫМ ТУРБИНАМ ТИПА ЮНКЕРС – главный конструктор доктор Шайбе;
б) ПО ГАЗОВЫМ ТУРБИНАМ ТИПА БМВ – главный конструктор доктор Перстель.
Оба конструкторских бюро подчинить директору завода № 2…
7. Заместителю Министра внутренних дел СССР т. Серову И.А. совместно с т. Лукиным разработать план мероприятий по перевозке из Германии инженерно-технического состава, рабочих и их семей и осуществить эту перевозку в течение октября 1946 года.
Перевозку организовать в специальных пассажирских эшелонах, предусмотрев выделение необходимого количества грузовых вагонов для погрузки личного имущества без ограничения весом.
Перевозимых немецких специалистов обеспечить питанием в пути следования и выделить для сопровождения эшелонов работников Министерства Внутренних дел.
8. Министру Внутренних Дел СССР т. Круглову совместно с т. Хруничевым установить особый режим на заводах, где будут размещены немецкие специалисты.

9. Поручить т.т. Берия, Маленкову, Вознесенскому, Хруничеву и Визиряну рассмотреть и решить вопросы материально-технического обеспечения опытных заводов №№ 1 и 2 в связи с переводом на них немецких ОКБ.
10. Обязать т. Хруничева представлять ежемесячно Председателю Совета Министров СССР отчет о выполнении настоящего постановления.

ВО ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ, ПРИКАЗЫВАЮ:
…
Все работы по реконструкции этих заводов, строительству промышленных и жилищных объектов и полную подготовку к приему и размещению немецких специалистов с их семьями на опытных заводах № 1, № 2 и № 500 закончить не позднее 1 сентября 1946 года, руководствуясь при этом, что дополнительный жилищный фонд и др. бытовые устройства потребуются для размещения:
на заводе № 1: инженеров и конструкторов в количестве – 250 человек, членов их семей в количестве – 350 человек, рабочих в количестве – 260 человек, членов их семей в количестве – 400 человек;
на заводе № 2: инженеров и конструкторов в количестве – 400 человек, членов их семей в количестве – 600 человек, рабочих в количестве – 440 человек, членов их семей в количестве – 650 человек;
на з-де № 500: инженеров и конструкторов в количестве – 10 человек, членов их семей в количестве – 25 человек, рабочих в количестве – 40 человек, членов их семей в количестве – 75 человек[23].

Как видно из приказа первоначально планировалась перевозка ОКБ-4 на завод № 458, но впоследствии план был пересмотрен, и ОКБ было переведено в поселок Управленческий на завод № 145.

В приказе были однозначно определены особенности депортации немецких специалистов и членов их семей. Процесс носил именно характер депортации, т. е. принудительного выселения, перемещения, проводимого в административном порядке, из мест постоянного жительства и поселения людей в новом месте с особым режимом нахождения, в другом государстве с ограничением свободы перемещения.

Никаких юридических документов, регламентирующих взаимоотношения со специалистами, естественно, оформлено не было.

Эти перемещения специалистов касались только министерства авиационной промышленности. Общее же число намеченных к депортации ученых, инженеров и рабочих составляло примерно 2200 человек. Среди них были специалисты в области ракетной техники, атомной техники, электроники, оптики, радиотехники, химии. Около 500 из них планировалось направить на предприятия Министерства вооружения, 350 – на предприятия Министерства средств связи, 30 – в распоряжение Министерства сельхозмашиностроения (под этой невинной вывеской с 1946 г. велись работы по твердотопливным ракетным снарядам, в частности, по крылатой ракете типа Хеншель Hs 293), 25 – на судостроительные предприятия. С учетом членов семей численность депортируемых немцев равнялась 6–7 тыс. человек.

Одной из важнейших причин столь скорого перемещения являлось то, что само существование авиационных центров в Германии осложнялось подписанием в 1946 г. соглашения о взаимном контроле над научными исследованиями на территории Германии. Г.А. Серов докладывал из Германии Сталину:

29 апреля на заседании Союзного Контрольного Совета в Берлине по предложению Главнокомандующего американскими войсками в Германии генерала Макнерни был принят и подписан четырьмя Главнокомандующими: английским фельдмаршалом Монтгомери, американским генералом Макнерни, генералом армии Соколовским и французским генералом Кельцем закон № 25 «О контроле над научными исследованиями», согласно которому все военные исследовательские организации должны быть распущены, а постройки военного характера должны быть уничтожены или вывезены. В приложении «а» к этому закону перечислены «запрещенные прикладные научно-исследовательские работы», в числе которых в параграфе 3 перечислены: «ракетные двигатели, пульсирующие двигатели и газовые турбины». В связи с проводимыми в Германии мероприятиями согласно постановлению Совета Министров, этот закон может вызвать для нас дополнительные трудности…[24].

Несмотря на все меры конспирации, о существовании авиационных ОКБ стало известно на Западе. По сообщению того же Серова, в июне 1946 г. заместитель Главнокомандующего американскими войсками в Германии генерал Клей в беседе с маршалом Соколовским «поднял вопрос о том, что необходимо принять решение в Контрольном Совете о посылке специальной комиссии во все зоны оккупации Германии для контроля над военным производством. При этом, он заявил, что у него имеются данные, что, например, французы восстановили немецкий авиационный завод и выпускают на нем моторы, а затем добавил, что «в русской зоне оккупации Германии занимаются производством реактивной техники…»[25].

Обеспечить секретность исследований в глубине российских просторов было бы намного проще, чем вблизи группировок англо-американских войск – бывших союзников, а теперь, с наступлением эпохи «холодной войны», – потенциальных противников.

С лета 1946 года началась работа над списками перевозимых специалистов и проверка их сотрудниками службы государственной безопасности. Приказ министра № 228 носил гриф «совершенно секретно» поэтому практически до начала сентября никто из немецких специалистов не мог знать о готовящейся акции.

Имеются документы о том, что сами специалисты выходили с инициативой краткосрочной поездки в СССР для проведения доводочных работ. Из письма главного конструктора Бааде: «…Для успешного проведения летных испытаний, считаю необходимым просить Вас о разрешении командировать в СССР комплексную бригаду немецких специалистов в количестве 18 человек»[26].

О настроении людей, которые были вынуждены подчиниться приказу о переезде, можно судить по письму специалистов ОКБ-1:

МИНИСТРУ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

г. Москва 23.X.46 г.

На совет Министра Авиационной Промышленности написать нашим семьям письма с предложением немедленно переехать в Советский Союз мы, после зрелого размышления, отвечаем следующим образом:

Мы не можем перед своими женами и детьми, без чрезвычайно основательных на то причин, взять на себя ответственность за их переезд в СССР в условиях очень суровой русской зимы, к которым они не привыкли физически и к которым они не подготовлены в смысле наличия теплой одежды. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что

в СССР они будут поставлены в совершено необычные для них жилищные условия, весьма отличающиеся от тех, в которых они жили на родине.

Кроме этих затруднений весьма существенными являются и те затруднения, которые очевидно будут иметь место в дороге, учитывая достаточно большое расстояние, зимние условия и наличие больных и пожилых людей, а также маленьких детей. Все это создает для переезжающих весьма серьезную опасность.

В этой связи мы хотели бы указать на то обстоятельство, что в решениях Потсдамской конференции, касающихся эвакуации немецкого населения из районов, отошедших к союзникам, рекомендуется не проводить эту эвакуацию в зимнее время, несмотря на то, что зима в Европе значительно более мягкая.

В настоящее время мы сами лишены возможности серьезно и с сознанием ответственности перед своими семьями побеспокоиться о соблюдении тех обещаний, относительно представляемых здесь нам и нашим семьям условий жизни, которые были нам даны. Это происходит вследствие того, что все наши попытки более детально на месте ознакомиться с обещанными нам жилищными условиями или попытки оформить эти обещания договором по недостаточно ясным причинам были отклонены. Помимо этого Генерал-майор Сталин и генерал Лукин заверили нас в том, что в самом скором времени мы будем иметь возможность вернуться на родину.

Заботясь о благополучии наших семей и нашей собственной работоспособности, мы в настоящее время не видим ни малейшей возможности предоставить нашим семьям возможность переезда в СССР.

Поэтому мы просим в настоящее время при всех условиях оставить наши семьи на родине, а также обеспечивать им впредь обещанную защиту и поддержку.

Группа немецких специалистов завода «Юнкерс».

(следуют подписи в количестве 47)[27].

Немецкими инженерами и ведущими специалистами был поставлен ряд вопросов, на которые советское руководство не дало ответ ни в тот период, ни даже спустя несколько лет после переезда. Основной вопрос – это юридическое оформление: контракты на работу с каждым специалистом и рабочим – которые так и не были заключены. Советская тоталитарная система привыкла распоряжаться судьбами людей, в первую очередь, своих собственных, достаточно вспомнить спецтехотделы, организованные из взятых под стражу и просто из тюрем, ведущих советских авиационных инженеров. Кроме того, никто в руководстве не представлял, что делать с немецкими специалистами после завершения ведущихся совершенно секретных работ в области передовых технологий. «Нормальным» для тоталитарного государства советского типа являлось бы их физическое уничтожение, либо отстранение от работ и изоляция от закрытой технической деятельности на сроки от 10 до 15 лет, в зависимости от степени осведомленности.

Хотя сроки переезда тщательно скрывались, однако массовый демонтаж оборудования скрыть не удалось и причины его также были понятны[28]. Ниже приводится комплекс вопросов, которые, по мнению немецких специалистов, должно было решить советское руководство. Специалистов интересовало:

1) На какой срок они будут перевезены в СССР. Будет ли этот вопрос обусловлен договором.

2) Какие квартирно-бытовые условия будут им предоставлены.

3) Какая предусмотрена оплата труда специалистов и рабочих: ставки и разряды.

4) Будет ли оказана единовременная денежная и материальная помощь при переезде в СССР.

5) В связи с прибытием немецких специалистов и рабочих в СССР глубокой осенью, будут ли они обеспечены на зиму топливом, картофелем и овощами.

6) Будет ли на немцев распространяться в СССР репарационный налог, как в Германии.

7) Будут ли на немецких специалистов, рабочих и членов их семей распространены все права советских граждан (социальное страхование, бесплатная медицинская помощь, пользование курортами, больницами и домами отдыха).

8) Разрешено ли будет членам их семей поступление на работу на тот завод, где работает глава семьи или на другое предприятие или учреждение.

9) Разрешена ли будет выписка периодической литературы из Германии.

10) Будет ли предоставлено специалистам и рабочим, а также членам их семей право свободного перемещения по территории СССР (республики, области, города и т. д.).

11) Смогут ли немецкие специалисты, рабочие и члены их семей переходить в советское подданство.

12) Будет ли разрешена им переписка с родственниками и знакомыми в Германии, денежные переводы и т. п.

13) Будут ли организованы школы для детей немецких специалистов при поселках или отделения при городских школах.

14) Будет ли предоставлено право немецким специалистам и рабочим во время отпуска выезда в Германию с членами семей или только главам семьи.

15) Если специалист или рабочий переезжает в СССР один, как будет обеспечиваться его семья, оставшаяся в Германии.

16) Если специалист или рабочий на определенный срок переезжает в СССР, сохранится ли за ним его дом, усадьба и имущество. Как это будет гарантировано[29].

С позиции сегодняшнего дня, многие вопросы специалистов кажутся просто наивными.

На работы по заданиям советской авиационной промышленности, по состоянию на сентябрь 1946 года, в Германии было привлечено около 8000 человек. Весь состав работающих был подобран из квалифицированных инженерно-технических работников и рабочих всех специальностей, из этого количества, согласно решению правительства, в СССР должно было быть вывезено около 1500 человек[30].

22 октября на рассвете на железнодорожный вокзал в Дессау был подан эшелон, специальные бригады сотрудников внутренних войск на автомашинах объехали по адресам, где жили немецкие специалисты, в течение 30–40 минут погрузили вещи, забрали членов семей и через несколько часов эшелон был уже в пути. Оперативность, с которой была проведена эта акция, и сегодня, по воспоминаниям специалистов и членов их семей, позволяет говорить о тщательности продуманной и проведенной операции.

Перевозка в СССР проводилась в специальных пассажирских эшелонах, кроме этого было выделено достаточно большое количество грузовых вагонов для погрузки личного имущества, так как было разрешено вести с собой багаж без ограничения веса. Некоторые специалисты везли в СССР даже громоздкие музыкальные инструменты, многие везли мебель.

Перевозимых специалистов и членов их семей обеспечивали питанием в пути следования. Однако выход из вагонов на всем пути следования был запрещен и любая попытка сразу же присекалась сопровождающей вооруженной охраной.

Из Германии доставили также опытные образцы самолетов и двигателей – два EF-131 (второй летный экземпляр и самолет для статиспытаний), EF-126 (третий летный экземпляр), «Зибель 346», двигатели Jumo 004C, Jumo 012 (5 экз.), BMW 003C (7 экз.), BMW 018, «Вальтер 109–509» (4 экз.). «Зибель 346», также как и один из привезенных раньше самолетов EF-126 передали в ЦАГИ для продувок в натурной трубе, три двигателя BMW 003C отправили в ОКБ А.И. Микояна, остальную технику доставили на опытные заводы № 1 и № 2.

Через несколько недель на эти заводы прибыли станки и другое оборудование (транспорт, чертежные доски, столы, стулья, и даже сантехника) бывших немецких авиационных ОКБ – всего около 3000 наименований. Демонтаж этих предприятий и вывоз оборудования закончился только в феврале 1947 г.

С октября 1946 года начинается четвертый этап «эпопеи» перемещения германских технологий.

Проектно-конструкторские работы в СССР

С апреля 1946 года на советских предприятиях велись обширные работы по подготовке к приему немецких специалистов и членов их семей, а вскоре после приезда немцев МВД направил в свои областные управления директиву:

> Придавая большое значение вопросу наблюдения за прибывшими специалистами и их бытовому устройству, Вам необходимо:
> 1. Связаться с директорами заводов, на которых работают немецкие специалисты, и ознакомиться с организацией их производственной деятельности, бытового обслуживания и т. д.
> 2. Ознакомить директоров предприятий, где будут работать немецкие специалисты, с прилагаемой инструкцией, и оказать им необходимую помощь в деле организации порядка проживания немецких специалистов в СССР…[31].

Согласно инструкции МВД, прибывшие специалисты и члены их семей должны были считаться подданными Германии, проживающими в СССР по «видам на жительство» для иностранцев с отметкой «до особого распоряжения». Однако, в отличие от обычных иностранцев, им было запрещено покидать территорию заводских поселков. Для контроля над режимом на предприятиях организовали специальные комендатуры и контрольно-пропускные пункты.

После переезда, в ноябре–декабре 1946 г. проектные и производственные работы, начатые в Германии, были продолжены в СССР. Разрабатывались новые типы реактивных самолетов: истребитель с пульсирующим реактивным двигателем на базе EF-126, скоростной бомбардировщик EF-131, высотный разведчик, экспериментальная сверхзвуковая летающяя лаборатория «346», для оценки возможности создания на его базе сверхскоростного перехватчика, тактический фронтовой реактивный бомбардировщик «150», новые схемы мощных форсированных турбореактивных двигателей на базе JUMO-004, BMW 003, турбовинтовых двигателей, мощных дизе-

лей, жидкостно-реактивных двигателей и ускорителей, а также специальная аппаратура для автоматического самолетовождения[32].

В освоении немецких технологий начался новый этап, в котором проявился особый, советский прием, советская специфика перенятия опыта.

В первую очередь, рассмотрим организационную структуру предприятий, в работе которых были использованы немецкие специалисты. Можно выделить четыре типа предприятий.

Первый тип характеризуется тем, что вся кадровая система предприятия была построена на принципе «дублирования» должностей. Так, на заводе № 1 в Подберезье, во главе практически всех инженерно-конструкторских подразделений были поставлены немецкие специалисты, должности и рабочие места, требующие высокой квалификации, также были закреплены за немцами. Все заместители, помощники и, естественно, ученики рабочих были русские. Главным конструктором ОКБ-1 был назначен Бааде, а его заместителем Обрубов. Главным конструктором ОКБ-2 – Хейнц Рессинг, заместитель – Березняк. При данной системе предполагалось, что немецкие специалисты передадут свой опыт, а русские освоят и после «выведения» немцев из производственной деятельности на заводе останется нормально функционирующая производственная структура из русских специалистов.

Второй тип предприятий, в основном это завод № 2, отличался тем, что практически все должности были заняты немецкими специалистами и переход к структуре, характерной для первого типа, должен был начаться лишь спустя 3–4 года. В процессе выполнения заданий специалисты, работавшие на предприятиях первого и второго типов, обменивались со своими русскими коллегами информацией, выезжали на совместные испытания техники, встречались с работниками ЦАГИ, ЦИАМ и других институтов, с работниками самолетных и двигательных конструкторских бюро. Одним словом, они не были информационно изолированы.

Третий тип предприятий – где специалисты постоянно работали и выполняли отдельные задания, находясь в полной информационной изоляции, кроме того, решавшие подобные задачи советские специалисты практически не знали о деталях работы немцев. Такой подход был характерен для немецких специалистов, занятых в области ракетной техники.

Четвертый тип – заводы, на которых немецкие специалисты были в незначительном количестве, работали отдельными группами, и выполняли специальные задания, в основном, по доводке авиационной и ракетной техники.

Советская номенклатура понимала, что эффективность насилия в творческом процессе ограничена и пыталась стимулировать немецких специалистов достаточно высокой, по условиям того времени, зарплатой.

В соответствии с распоряжением Совета министров от 9 декабря 1946 г. немецким специалистам, работавшим на предприятиях МАПа, была предусмотрена следующая система оплаты: (на примере завода № 2) по 7.000 рублей – 2 оклада; по 6.000 рублей – 4 оклада; по 5.000 рублей – 20 окладов; по 4.000 рублей – 30 окладов; по 3.500 рублей – 30 окладов; по 3.000 рублей – 45 окладов; по 2.500 рублей – 89 окладов; по 2.250 рублей – 90 окладов; по 2.000 рублей – 110 окладов; по 1.750 рублей – 90 окладов; по 1.500 рублей – 90 окладов; по 1.250 рублей – 45 окладов. Остальным категориям – рабочим низкой квалификации, служащим, ученикам, оплата труда производилась по существовавшим в то время тарифным расценкам[33].

Еще одним источником использования интеллектуального потенциала Германии для развития военной промышленности СССР являлся поиск немецких ученых

и конструкторов среди военнопленных. Всего к 22 июня 1946 г. сотрудники МВД выявили в лагерях для военнопленных около 1600 квалифицированных немецких специалистов. Среди них было несколько десятков авиационных инженеров, в том числе бывший технический директор моторостроительной фирмы «Аргус Моторен ГмбХ», член Германской академии наук Манфред Христиан и доктор технических наук, специалист по двигателям Пауль Хейландт. В проекте постановления Совета Министров СССР об использовании находящихся в лагерях немецких специалистов в промышленности, указывалось:

> 1. Поручить Госплану при Совете Министров Союза ССР (т. Воскресенский) совместно с МВД СССР (т. Круглов) распределить выявленных среди военнопленных и интернированных специалистов по отдельным отраслям промышленности.
> 2. Поручить МВД СССР (т. Круглову):
> а) освободить отобранных для работы в промышленности специалистов из лагерей для военнопленных и интернированных;
> б) выдать им временные удостоверения на право проживания в местности, куда направляются на работу;
> в) установить контроль за режимом проживания освобожденных специалистов, с обязательной регистрацией их один раз в месяц в местных органах МВД.
> …4. Предоставить Министерствам право производить денежную оплату освобожденным специалистам по существующим ставкам для советских специалистов соответствующей квалификации, причем половину этой суммы выдавать в валюте государств, подданными которых являются военнопленные и интернированные.
> 5. Оставить за МВД СССР право обратного водворения в лагерь специалистов, которые не проявили себя положительно на работе в течение первых трех месяцев или по каким-либо другим причинам не могут быть в дальнейшем использованы на производстве…[34].

На основании анализа работы предприятий, по годовым отчетам, представлявшихся в министерство и служебной переписке, можно сделать вывод о том, что с самого начала отношение к немецким специалистам, во всех эшелонах власти, было как к «инородным телам», которые рано или поздно, но должны быть ликвидированы и заменены собственными квалифицированными кадрами. Советское тоталитарное государство было построено на исключительности его новой общности людей – советском народе. Здесь содержится главное отличие от политики других государств в деле заимствования технологий.

Использование немецких специалистов рассматривалось как временная мера, и стратегически предусматривалось создание государственной системы подготовки технических кадров. Начальным звеном этой системы стал принцип подготовки советских специалистов на базе изучения новейшей трофейной немецкой техники. В Постановлении Государственного Комитета Обороны о мероприятиях по изучению и освоению немецкой реактивной техники в пункте 11 было отмечено:

> Обязать Наркомавиапром – т. Шахурина, Наркомбоеприпасов – т. Ванникова, Наркомсудпром – т. Носенко, Наркомвооружения – т. Устинова и Наркомэлектропром – т. Кабанова для подготовки специалистов по реактивной технике создать в своих высших учебных заведениях специальности по реактивной технике[35].

Уже в 1945 году в высших технических учебных заведениях начали организовываться соответствующие специальности и кафедры.

В Московском авиационном институте (МАИ), в Куйбышевском авиационном институте (КуАИ) и в других вузах подготовка специалистов по реактивной технике была начата с оснащения лабораторий, в первую очередь, немецкой техникой, ее препарирования и подготовки к учебному процессу. Изучая сегодня учебники по конструкции самолетов и двигателей периода 50-х и даже 60-х годов, мы видим образцы немецкой авиационной и ракетной техники. Даже до настоящего времени в лабораториях МАИ и КуАИ хранятся части от немецких самолетов и двигателей, на которых проводится учебный процесс. Правда, сегодня они используются исключительно как образцы исторических конструкций.

Таким образом, вузовская программа подготовки кадров также базировалась на изучении немецкой реактивной техники, и эта тенденция сохранялась свыше 20 лет. Реконструируя сегодня процесс подготовки специалистов авиационного профиля (начиная с 40-х годов) и сопоставляя его с современным, мы видим, что черты, характерные для системы профессиональной подготовки тоталитарного государства, остались практически все без изменений.

Программа подготовки авиационных инженерных кадров основывалась на изучении немецкой реактивной техники, и эта тенденция сохранялась до 60-х годов, затем место морально устаревшей немецкой техники заняла американская и английская. Таким образом, принцип подготовки специалистов на основе изучения лучших образцов иностранной техники сохраняется и сегодня. С одной стороны, эта тенденция поддерживается властью, исходя из принципа секретности отечественных разработок (от своих же будущих специалистов!? – но, в этом и есть тоталитаризм), и, с другой стороны, исторический подход, характерный для русской государственности – «за границей все самое лучшее».

Фундамент технического образования, образования, в целом, фундамент тоталитарной науки и техники закладывается там и тогда, где государство:

– делает науку, как и культуру, в целом, орудием своей идеологии и средством борьбы за власть;

– монополизирует все формы и средства научно-технической жизни страны;

– создает всеохватывающий аппарат контроля и управления наукой и техникой;

– из всего многообразия методологических подходов, существующих в данный момент в науке, выбирает один, наиболее отвечающий его целям (и всегда наиболее консервативный), и объявляет его официальным, единственным и общеобязательным;

– начинает и доводит до конца борьбу со всеми методологическими и методическими подходами и принципами, отличными от официальных, объявляя их реакционными, враждебными классу, расе, народу, партии, государству, человечеству и всему социальному прогрессу;

– проводит образовательную и воспитательную работу на всех уровнях, начиная с детских учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями, таким образом, что формируется новое поколение людей, «привитых» идеями господствующей партии.

Возвращаясь к проблемам «социальной реакции» в процессе заимствования немецкого опыта, отметим сложность, неопределенность, и, самое главное, практическую несовместимость инженерного психологического климата немецких и советских специалистов.

Из года в год осуществлялось насыщение авиационной промышленности выпускниками вузов, техникумов и училищ. Так, например, весь первый выпуск моторного факультета Куйбышевского авиационного института в 1947 г. был направлен на работу на опытный завод № 2. Быстрое пополнение кадров привело к вытеснению немецких специалистов с руководящих должностей, с ключевых ответственных постов и, как следствие, резко обострились отношения на заводе.

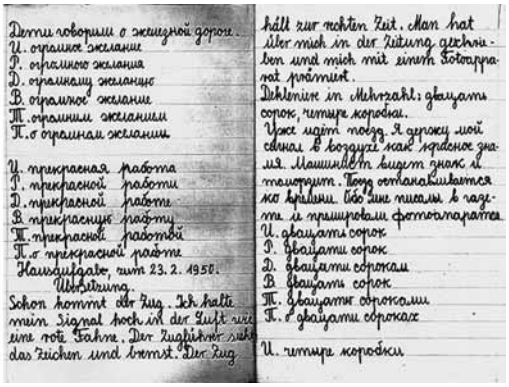
Как же развивались события на предприятиях спустя 2–3 года после перемещения немецких специалистов в СССР?

На Опытном Союзном заводе № 1 до 1948 года существовало два, раздельных для каждого ОКБ, производства. Во главе всех научно-технических подразделений стояли немцы. Такая организация управления отрицательно влияла на ход работы завода, вносила, по мнению руководства завода, безответственность среди немецкого руководящего состава, в то время как русские заместители, практически, не могли эффективно влиять на ход производственного процесса. Для иллюстрации достаточно отметить, что из 15 начальников цехов в 1947 году – 8 являлись немецкими специалистами или – как они значились в сводках – спецконтингент. Естественно, такое положение раздражало советских заводских руководителей, среднего звена руководства, и в январе 1949 г. была проведена реорганизация производства, состоявшая в объединении однотипных цехов, объединении аппарата производственного управления, выдвижении на руководящую работу русских специалистов. При этом, был также пересмотрен принцип подбора и расстановки среднего руководящего состава цехов (мастера, технологи и т. д.). В результате реорганизации, количество цехов основного производства сократилось вдвое, а из 9 начальников цехов – 8 человек были назначены из числа русских специалистов. Одновременно с этим, вследствие объединения цехов, появилась возможность качественного подбора мастеров путем перевода некоторых немецких специалистов в число квалифицированных рабочих.

Для выяснения вопроса касательно определения тоталитарным режимом поведенческой линии депортированной технической интеллигенции Германии в СССР покажем социально-бытовые условия нахождения данных групп в СССР на примере специалистов, проживавших в поселке Подберезье.

Для немецких специалистов и членов их семей в поселке был выделен каменный жилой массив. Дома были двух-, трех- и четырехэтажные. Были также построены финские дома в сосновом бору, которые можно видеть и сегодня. Для обслуживания немецких специалистов на заводе были организованы специальная столовая и буфет, а в городе – магазин. Еще в Германии были заготовлены столовая и чайная посуда, столовые и чайные приборы, ковры, мебель для заводских столовых и для кабинетов главных конструкторов, столовое и постельное белье, ванны, колонки для ванн, холодильные шкафы и другие предметы. (По свидетельству старейших работников завода № 1, многие из этих предметов так и не дошли до конечного пункта назначения).

Для немецких детей в рабочих поселках заводов № 1 и № 2 организовали специальные школы. В Управленческом в немецкой школе в 1949 г. училось 340 человек. Директор и заведующий учебной частью были русские, остальные 16 педагогов – немцы, в основном из домочадцев прибывших в СССР специалистов. Кроме того 14 немецких детей из Управленческого обучалось в русской средней школе.



Дети говорили о железной дороге.
И. огромное желание
Г. огромного желания
Д. огромному желанию
В. огромное желание
Т. огромным желанием
П. о огромном желании

И. прекрасная работа
Г. прекрасной работы
Д. прекрасной работе
В. прекрасную работу
Т. прекрасной работой
П. о прекрасной работе

Hausaufgabe, zum 23. 2. 1958.
Übersetzung.
Schon kommt der Zug. Ich halte mein Signal hoch in der Luft wie eine rote Fahne. Der Zugführer sieht das Zeichen und bremst. Der Zug hält zur rechten Zeit. Man hat über mich in der Zeitung geschrieben und mich mit einem Fotoapparat prämiert.
Zahlenine in Mehrzahl: двадцать сорок, четыре коробки.
Уже идёт поезд. Я держу мой сигнал в воздухе как красное знамя. Машинист видит знак и тормозит. Поезд останавливается по времени. Обо мне писали в газете и премировали фотоаппаратом.
И. двадцать сорок
Г. двадцати сорок
Д. двадцати сорокам
В. двадцать сорок
Т. двадцати сорокою
П. о двадцати сорках

И. четыре коробки

Дети специалистов принимали участие в деятельности различных кружков и секций, здесь – фотография танцевальной группы поселка Управленческий; справа: страницы из школьной тетради немецкого школьника из Подберезье по немецкому и русскому языку

Так как до октября 1947 г. в СССР существовала карточная система, всем немцам были выданы продуктовые карточки. Дипломированные специалисты обеспечивались специальным пайком, инженеры, мастера и наиболее высококвалифицированные рабочие получали продукты по «войсковой норме», остальным была выдана обычная «рабочая карточка». Неработающие члены семьи получали «иждивенческую карточку». Стандартный дневной паек инженера состоял из 700 г хлеба, 200 г рыбы или мяса, 500 г картофеля, 320 г других овощей, 140 г крупы, 50 г жиров, 50 г рыбных консервов, 25 г сахара, 30 г соли, небольшого количества чая и печенья. В спецпаек входили также яйца, молоко, фрукты и кофе (последний, правда, суррогатный). Следует, однако, сказать, что первое время продукты по карточкам выдавались весьма нерегулярно. Об этом свидетельствуют строки из писем немцев на родину, датированных 1947 годом (вся их переписка, естественно, находилась под контролем органов внутренних дел):

> Прошло уже 5 недель, а мы еще не получили ни грамма жиров, такая же история с крупой. Картофель мы не получали на протяжении всего времени… (Отто Шеманн, фрезеровщик завода № 2);

> Продукты отовариваются плохо, сегодня 16-е число, и мы по карточкам ничего, кроме хлеба, не получали. Поэтому мы вынуждены покупать продукты на рынке, а когда будут отовариваться карточки, то мы не сможем покупать [по ним], так как кончаются деньги. (Курт Уде, техник завода № 2)[36]

Подобное положение вещей не могло не сказываться на настроениях и взаимотношениях специалистов с администрацией, поэтому Берия распорядился улучшить продуктовое снабжение специалистов. «Через Министерство Торговли дано указание поставщикам производить отпуск фондовых товаров опытным заводам №№ 1 и 2 в улучшенном ассортименте и количестве»[37], – сообщал в конце 1947 г. Министр авиапромышленности М.В. Хруничев.

Кроме продуктового пайка с 1947 г. немцам платили зарплату. Она была значительно выше, чем у советских инженеров и рабочих. На вспомогательных должнос-

тях (чертежники, уборщики и т. п.) разрешили работать женам и взрослым детям прибывших из Германии специалистов. Это помогало пополнить семейный бюджет. По желанию, немцы могли получать часть зарплаты (до 50 %) в немецких марках и переводить эти деньги своим близким в Германию, правда, только тем из них, кто жил в советской зоне. Можно было также отправлять и получать продуктовые посылки.

По воспоминаниям старожилов, отношения между русскими и немецкими инженерами и рабочими были вполне нормальными, деловыми. Общались друг с другом без переводчика; русские, используя школьные знания, старались говорить по-немецки, немцы – по-русски, чтобы скорее выучить язык. Некоторые, например, Б. Бааде, неплохо освоили русскую речь. Он вообще был очень общительный человек. Советские инженеры охотно консультировались с ним, обращались к нему на русский манер – Бруно Вильгельмович. Остальные руководители ОКБ – Хейнц Рессинг, Альфред Шайбе, Карл Престель вели себя более замкнуто. Несколько немцев женились на русских и потом они вместе уехали в ГДР.

За все время случилось только одно уголовное преступление, когда в Подберезье погиб немецкий сотрудник завода Шуман. Убийство произошло на бытовой почве. В Управленческом, по словам Фердинанда Бранднера, было несколько случаев самоубийств среди немцев[38]. Умерших хоронили на местных кладбищах. В Управленческом существовало специальное немецкое кладбище, в Подберезье могилы немцев соседствовали с захоронениями местных жителей.

В конце 40-х годов немецким специалистам стали давать отпуска – 24 дня в год. Свободное время немцы часто проводили на Волге, на Московском море – купались, плавали на байдарках. В хорошую погоду мужчины ходили в своей национальной одежде – коротких кожаных штанах, что первое время весьма шокировало местных жителей. Некоторые немецкие специалисты пытались получить разрешение на поездку во время отпуска на родину, но безуспешно.

Как на производстве, так и в быту, отношения между немецкими и советскими специалистами первоначально строились на основе взаимного уважения, хотя конфликтные ситуации между русскими и немцами были нередки.

В Подберезье, например, в тот период слой образованных людей был невелик, так как исторически в крае основным видом занятий было кустарное производство – сапожное дело, развиты были ремесла – скорняжное, шорное, валяльное. Техническая интеллигенция появилась с пуском авиационного завода перед войной. Как восприняли люди появление немцев в 1946 году, для которых они должны были освободить часть домов, для которых на заводе создали специальную столовую, магазин в городе и обслуживание специальными пайками?

В первые годы, для них это были немцы и в большинстве «фашисты», которых год назад победоносно разбила Советская Армия.

Пытаясь воссоздать отношения советской технической интеллигенции, мы провели социологический опрос среди людей, работавших в то время на заводе, ветеранов труда, в том числе с бывшими руководителями. Первое, что поразило, – это нежелание беседовать на эту тему (как впоследствии выяснилось, это объяснялось нежеланием разглашения бывшей «государственной тайны города» и боязнью последствий этого), и, второе – это убеждение в правильности всего, что делало в тот период правительство победившей страны «во благо советского общества». Было уже воспитано не одно поколение, у которого «выжигалось каленым железом» сомнение в правильности распоряжений властей.

Группа немецких специалистов ОКБ-1 в Подберезье на празднике в 1954 году

Люди есть люди, – несмотря на свои политические убеждения, уклады домашнего быта, – совместный труд над одними проблемами так или иначе сближал их. До настоящего времени некоторые из русских и немецких коллег обмениваются письмами.

Отношение немецких и советских специалистов к труду было различно: прилежное выполнение немцами своих служебных обязанностей в течении рабочего дня, в сознании всего советского персонала, дисгармонировало с нежеланием и просто отказом немцев явится на испытание техники после рабочего дня, без предварительно оговоренной оплаты или какой либо компенсации в другой форме. Ввиду того, что для советского производства «трудовой подвиг» считался нормой, поэтому соответствующее отношение немецких специалистов часто рассматривалось как демарш, умышленный срыв работы по планам правительства, и вызывало кризисные производственные отношения.

Для ликвидации подобных ситуаций проводилась работа по политической обработке «спецконтингента». 14 июля 1947 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О политической и культурной работе среди немецких специалистов, работающих в СССР». С этого момента целый ряд политинструкторов был направлен на предприятия со «спецконтингентом» для организации и контроля идеологической работы. На основании докладных записок заместителю министра авиационной промышленности по кадрам о политической и культурно-массовой работе на предприятиях со «спецконтингентом» и членами их семей можно реконструировать технологию политической обработки.

Вся работа строилась по трем направлениям: активная политическая работа (лекции, беседы, политсеминары и т. д.; обеспечение литературой и газетами); культурно-массовая работа; физкультурная работа[39].

Основной формой политической, агитационной работы были лекции на немецком языке типа «Советский Союз – оплот мира и демократии», «Сталинская Конституция» и другие[40]. Ориентация всей политической работы была следующая:

Деревянные дома в Подберезье были названы «финскими» – так обозначали немецких специалистов. Справа – жители, которые не могли выбрать свое место жительства и которые не знали, сколько им еще придется здесь остаться, изображены в домашней обстановке

> Учитывая, что коллектив немецких специалистов в своем составе имеет подавляющее большинство профашистский элемент и привелегированную интеллигенцию бывшей фашистской Германии и лишь незначительное количество лояльно настроенных по отношению прогрессивной марксистской политике, поэтому, нами принимаются меры на расслоение коллектива и проведение политически правильной работы внутри коллектива[41]. (Таков стиль государственного документа).

Главным источником литературы была техническая библиотека на заводе, в которой имелось более 1000 экземпляров политической и художественной литературы на английском и немецком языках. Однако читателей этой литературы за 1949 год было всего 314 человек «спецконтингента»[42]. Руководство партийной организации такое незначительное количество читателей объясняло тем фактом, что библиотека находилась внутри завода и поэтому члены семей немецких специалистов не имели возможности пользоваться ей. Практически ежегодно среди специалистов проводилась агитация за подписку на политические газеты: «Новая Германия», «Ежедневное обозрение», «Иллюстрированное обозрение», но все ежедневные газеты доходили до читателей с опозданием на 15–20 суток, что всегда и во все времена раздражало и раздражает читателей, заплативших за них определенную сумму денег. (Дискуссии об очередных подписных кампаниях всегда протекали при бурном обсуждении специалистов.)

Говоря языком заводского отчета, – специально для «спецконтингента» был

> организован шахматный клуб, который объединяет в себя шахматный кружок, членами которого состоят 297 чел., кружки художественной самодеятельности и физкультурные секции, а именно: 1) Литературно-драматический кружок (рук. Айтнер), 2) Кружок сольного пения (рук. Шуман), 3) Хоровой кружок (рук. Фельбах), 4) Кружок народных инструментов – музыкальный (рук. Вернер), 5) Балетный кружок (рук. Вульф), 6) Футбольная секция, 7) Секция Пин-Понг, 8) Секция легкой атлетики (рук. Уль), 9) Авиамодельная секция (рук. Рик)[43].

Только одно перечисление показывает, что инициатива организации клубной работы целиком и полностью принадлежала немецким специалистам и членам их се-

мей. Эта активность была одной из форм заполнения того душевного и психологического вакуума, все больше и больше появлявшегося из-за неопределенности жизни в закрытых городах.

Тоталитарная государственная машина через заводских политических руководителей не могла оставить без контроля деятельность «спецконтингента» и членов их семей в свободное от работы время, им необходимо было управлять даже этим процессом (хотя бы даже на бумаге): «Все перечисленные кружки художественной самодеятельности и физкультурной секции свою работу проводят исключительно регулярно и по заранее составленному плану, согласованному с отделом обеспечения, за соблюдением и выполнением которого со стороны работников последнего и осуществляется контроль»[44].

Исследователей неоднократно поражала в документах, которые все носили гриф «секретно», та скрупулезность указания количества человек, которые приняли участие в том или ином вечере самодеятельности, или просмотре кинофильма и т. д. В этом проявляется особый характер власти тоталитарной структуры.

Уменьшение количества и возвращение специалистов

В 1948 году начинается последний – пятый – этап перемещения немецкой авиационной технологии – свертывание работ по тематикам, проводимым с участием немецких специалистов. Пятый этап – «кризис общей программы».

Начало кризиса было связано с принятием в СССР государственной программы по свертыванию авиационного опытного производства, вообще. Сокращение коснулось не только немецких разработок, но и большинства советских опытных конструкторских бюро, которые были закрыты, а люди и техника переведены на другие предприятия. Кроме того к этому же периоду относится и политическая акция вставшего на ноги советского тоталитарного государства. В 1947 г. по указанию Сталина для усиления патриотических настроений в народе развернулась компания по «борьбе с космополитизмом». Все достижения науки и техники были объявлены заслугой исключительно отечественных ученых и изобретателей, положительные отзывы о западной культуре и промышленности расценивались как «преклонение перед капитализмом» и грозили увольнением с работы, а то и тюрьмой. О немецких заслугах в реактивной авиации постарались забыть, ухудшилось отношение и к послевоенным разработкам немецких специалистов. Поползли слухи о преднамеренном срыве полученных ими заданий. Например, когда директор завода № 1 Ребенко довел до сведения немцев решения МАП, это вызвало панику. Немецкие специалисты очень боялись, что, оказавшись ненужными, они будут отправлены в лагеря для военнопленных или вообще ликвидированы. Руководители ОКБ Бааде и Рессинг писали отчаянные письма в высшие инстанции. Из письма Бааде заместителю Министра государственной безопасности Серову (10 июля 1948 г.):

> Наш коллектив, который пользовался Вашим вниманием и помощью, сейчас переживает самое тяжкое время, которое только можно себе представить – он лишился главного – работы по специальности…[45].

Из письма Рессинга Молотову и Сталину (9 июля 1948 г.):

Нас перевели из Германии в завод, который представлял собой практически руины. Наши специалисты месяцами были заняты строительными работами, транспортом машин и т. д. Только часть требующихся для изготовления самолета машин до конца года находилась на нашем заводе. Обеспечение материалами и приборами почти что совершенно не осуществлялось….Я предлагаю назначить на завод № 1 немедленно русского квалифицированного главного конструктора, который будет снабжен всеми полномочиями русских главных конструкторов, так как нам, немцам, одним невозможно бороться с существующим здесь положением… Я заверю, что мы все готовы вложить все наши силы, и весь коллектив был бы рад, если бы Вы предоставили нам средства и предпосылки, которые обеспечили бы успешную работу. Вы имели бы в этом случае опытный коллектив, от которого Вы могли бы ожидать многого[46].

Призывы немецких специалистов на этот раз были услышаны. МИД и МВД обратились в МАП с предложениями разобраться в ситуации. Так, в письме МИД, адресованном министру авиационной промышленности М.В. Хруничеву, говорилось: «В своем письме Главный конструктор Рессинг обратился к Молотову с жалобой на то, что высококвалифицированному коллективу немецких специалистов, имеющему большой опыт проектно-конструкторской работы, не созданы нормальные условия для эффективного использования их в России и просит назначить по этому поводу соответствующую комиссию. Предварительной проверкой установлено, что изложенные факты в письме Главного конструктора Рессинг, это также относится и коллективу Главного конструктора Бааде, имеют место. Руководство Особого Главного Управления не создало нормальных взаимоотношений между руководством завода и немецкими специалистами. Директор завода тов. Ребенко допускает излишнее администрирование в технических вопросах, не ведя при этом правильной воспитательной работы среди немецких специалистов. Являясь менее компетентным в вопросах опытного самолетостроения и приборостроения, чем немецкие специалисты, т. Ребенко навязывает свои технические идеи. В результате этого сложилась совершенно нездоровая обстановка между директором завода и немецкими специалистами. Имея в виду, что этот вопрос имеет большое политическое значение, разрешить который силами Особого Главного Управления невозможно, – считаю необходимым просить Вас создать комиссию под председательством тов. Лукина М.М., которому необходимо вменить в обязанность дать предложения об эффективном использовании немецких специалистов на заводах №№ 1, 2 и 500. Полагаю, что этот вопрос необходимо заслушать на заседании Коллегии»[47].

По указанию Хруничева в Министерстве состоялось заседание по данному вопросу, на которое пригласили Б. Бааде и Г. Рессинга. Несмотря на то, что завод № 1 перешел в разряд серийных (в конце 40-х годов там началось производство крылатых ракет морского базирования), немецкие ОКБ решили сохранить, а Лукину поручили взять ситуацию под контроль.

В октябре 1948 г. главным конструктором завода назначили Алексеева, работавшего во время войны первым заместителем Лавочкина, а затем возглавлявшего КБ по реактивным истребителям. Он принял ряд мер по улучшению творческого климата в коллективе. Алексеев вспоминает:

Я попросил разрешения нанять 50 человек советских инженеров для работы в конструкторском бюро. И уже в первые два-три месяца в немецких КБ трудилось их человек двад-

цать, приток продолжался. Макар Михайлович [Лукин] принял меры по изменению режима работы и быта немецких специалистов. Комнату, где осведомители получали задания, занял под свой кабинет главный контролер завода. Пропускной пункт между поселком Подберезье и городом Кимры также ликвидировали. Однако кордон через туннель в сторону Москвы оставили[48].

В 1948 году, по указанию Особого Управления МАП, началась разработка схемы реорганизации заводов в 1949 году, с учетом назначения завода для опытного производства, исходя из принципов жесткого режима экономии и максимального сокращения накладных расходов.

В 1949–1951 гг. стало ясно, что экспериментальная тематика, в частности, завода № 1 и других немецких ОКБ не имеет перспективы. Приказом министра авиационной промышленности Хруничева № 1010 от 12 октября 1951 года на опытном заводе № 1 было организовано уже новое ОКБ, которое в дальнейшем стало крупнейшим авиационным предприятием – МКБ «Радуга». Начальником ОКБ был назначен заместитель Рессинга – Березняк А.И.

С этого периода начинаются перемещения специалистов, чаще всего без учета их прежней специальности, на другие предприятия. Так, группа двигателистов и прибористов с завода № 1 и с завода № 16 были переведены в Куйбышев. Падение интереса к опытным работам немцев проявилось в сокращении уровня финансирования, недопоставках комплектующих узлов и деталей, задержке с испытаниями, в переброске кадров с одного завода на другой.

1948–1954 годы – это период психологического кризиса среди немецких специалистов и членов их семей, вызванного неопределенностью их дальнейшей судьбы. Проблема усугубилась тем, что в 1949 году были провозглашены два новых германских государства. Нерешенные юридические вопросы перемещения немцев в СССР и их статус стали одними из самых главных.

Как следует из отчетов спецслужб, в этих условиях стали все ярче проявляться «брожения» среди «спецконтингента». Поселки Подберезье и Управленческий были насыщены сотрудниками МВД, немцев заставляли вести слежку друг за другом и информировать о своих наблюдениях. О самостоятельных поездках за пределы поселков не могло быть и речи. Ко всему этому примешивалось угнетающее чувство неизвестности и страха, никто не знал, будет ли ему суждено вернуться в Германию или всех потом отправят в Сибирь. «Оторванность от родины на совершенно неопределенное время и полная неизвестность нашего будущего являются для всех нас тяжелым испытанием», – говорилось в письме сотрудника 1-го завода Ф. Штробеля, адресованном в МВД СССР[49]. Один из немецких специалистов в Управленческом, Г. Лидерманн, в 1949 г. пытался бежать, был задержан за попытку перехода границы и осужден.

Отсутствие правовых и социальных гарантий, оторванность от родины, память о насильственной депортации – все это способствовало распространению антисоветских настроений среди немцев. Имели место даже случаи диверсии. Из донесения руководства завода № 2 в МАП (1949 г.):

В процессе работы и в прошлом, и в текущем году мы обнаруживали в моторе [речь, очевидно, идет о ТВД «022» – *Авт.*] куски битого стекла, что приводило к срыву испытаний мотора, в станках в коробке скоростей обнаруживали резцы, толченый наждак, причем,

> как правило, обнаруживалось это в станках остродефицитных на заводе, а в прошедшие праздничные дни был обнаружен факт злобного контрреволюционного порядка. Дело в том, что в праздники 32-й Годовщины Октябрьской Социалистической революции мы впервые за время пребывания у нас немцев вывесили флаги на домах, занимаемых немцами, и 8 ноября утром обнаружено, что на одном из домов флаг сорван, сам флаг обнаружили изорванным в куски и выброшенным в кювет[50].

Нередко немцы не скрывали своих взглядов. Помощник директора Опытного завода № 1 Мурашев в декабре 1949 г. сообщал: «Главный конструктор Бааде в присутствии своего шофера и помощника директора по спецвопросам Смирнова П.П. совершенно прямо и откровенно восхвалял американские порядки, жизнь, культуру и прочее. На вопрос тов. Смирнова,

> «поехали бы Вы сейчас на работу в Америку, если бы Вам была представлена такая возможность?», Бааде ответил: «Безусловно поехал бы без промедления. Я там жил с 1929 по 1936 г., принял Американское гражданство, получал 700 долларов и имел к себе самое хорошее отношение. В Америке, – продолжал он, – все рабочие живут очень хорошо и они никогда не захотят строить социализм»[51].

22 августа 1953 года в Москве было подписано Коммюнике и протокол между ГДР и СССР о прекращении взимания германских репараций. С 1953 по 1954 годы проводились мероприятия по возвращению в Германию немецких специалистов. К этому времени многие предприятия, на которых работали немцы, уже перешли на выпуск другой продукции оборонного характера, и нахождение «посторонних» на заводах, с точки зрения советской администрации, было крайне нежелательно.

В этот заключительный и весьма сложный в психологическом плане для всей немецкой колонии период проявилась характерная черта специалистов – их воля к выживанию и отстаиванию своих профессиональных и личных интересов: группе специалистов, свезенных из поселков Подберезье и Управленческий в Савелово (рядом с городом Кимры), в инициативном порядке начала работу над проектом пассажирского реактивного самолета. Проект самолета «152» создавался на базе бомбардировщика «150», был расчитан на немецкие двигатели, созданные в Управленческом. (После возвращения немецких специалистов в Германии этот самолет был построен, однако судьба его оказалась трагична.) Говоря о социальной значимости техники для немецких специалистов, необходимо отметить, что техника помогала им восстанавливать духовную гармонию, утраченную в реальности. Создавая слаженную, гармонично построенную систему, работающую без сбоя «как часы», люди получали истинное наслаждение, творческое удовлетворение от осознания и созерцания функционирующей по законам материального мира искусственно ими построенной системы.

Профессиональная деятельность была одной из форм приспособления исследуемой нами группы людей к политическим условиям, но не единственной.

Немецкие специалисты пытались активно бороться за свои права. С момента перевода немецких специалистов на работу в СССР, они с определенной периодичностью пишут колективные письма руководству заводов, на которых они работают, министру авиационной промышленности, министру внутренних дел, министру иностранных дел и даже Верховному главнокомандующему Сталину с просьбой дать

ответы на вопросы, связанные с их судьбой и условиями пребывания в СССР (многие из этих вопросов были указаны выше). Однако ответов не было. Видя безрезультатность подобных шагов, специалисты выбирают другой путь: включают свои «политические» проблемы в научно-техническую документацию, которая должна проходить по заводским и министерским инстанциям.

> Работы были выполнены соответствующим образом, хотя как это выяснилось позднее, двигатель 012 не был записан в тематический план опытного завода № 2. Также и информация о правах немецких специалистов в общем является недостаточной. В качестве примера указываю на то, что вопреки данного нам объяснения о порядке отпусков немецких специалистов, соответствующие советские законы на них не применяются. Руководство ОКБ-1 само по себе не в состоянии выяснить эти вопросы. Также и во многих случаях не было возможности удовлетворительно решать жилищные проблемы немецких специалистов, так как из обещанных министром МАП в марте 47 г. 100 финских домиков для расширения жилплощади были предоставлены лишь около дюжины для этих целей…[52].

Но этот путь не принес результатов. Немецкие специалисты пытались всячески обратить на себя внимание общественности, например, посылали поздравительные телеграммы новому правительству Германии[53], поздравления в посольства по случаю праздников и т. д. «Коллектив немецких специалистов Калининской области желает Правительству Германии полного успеха при мирном строительстве новой единой демократической Германии, в котором коллектив надеется вскоре принять участие на самой Родине»[54]. Однако данный ход службой безопасности был «разгадан» и оценен как демарш, о чем свидетельствуют рапорты и указания начальников секретных служб руководителям заводов о принятии соответствующих мер.

В 1950 г. начался поэтапный вывоз немцев из СССР. Первая группа немецких авиационных специалистов с семьями – всего около 800 человек – отбыла в ГДР осенью 1950 г. В нее входило около 120 самолетостроителей из Подберезья, участники работ по двигателям и приборам с Опытного завода № 2. Остальные немцы продолжали заниматься доводкой и испытаниями ТВД и самолетов «150» и «346». Последняя группа немецких авиационных специалистов и членов их семей были отправлены в Германию в 1954 году. На этом заканчивается пятый этап.

Выводы

Государственная программа по перенятию опыта изжила себя. Каковы же результаты этой программы? Что касается организационно-технической стороны в освоении немецкой технологии, то в этом вопросе был достигнут существенный прогресс.

1. Из Германии был осуществлен вывоз практически всего ценного, работоспособного промышленного, технологического и лабораторного оборудования.

2. Работа по изучению и освоению немецкой реактивной техники – реактивных самолетов, реактивных газотурбинных двигателей, авиационных жидкостных реактивных двигателей и самолетов-снарядов – была закончена успешно, некоторые образцы авиационных двигателей были освоены в серийном производстве практически без изменений.

3. Были созданы новые научно-исследовательские институты, конструкторские бюро по направлениям перспективных работ, начатых еще в Германии. Первыми заданиями этих организаций было изучение немецких опытных образцов вооружения.

4. В системе советского высшего технического образования были приняты новые программы подготовки инженеров на базе изучения трофейной реактивной техники.

Но можно ли на этом основании утверждать, что были переняты – опыт немецких специалистов; их подход к решению сложных технических проблем; организационные формы работы творческого коллектива, выполняющего сложную, комплексную задачу; планирование рабочего дня; формы стимулирования труда и самоорганизации; и, наконец, были ли переняты трудовые навыки, характерные для немецкой организации труда, как на производстве, так и в конструкторской деятельности?

На основании комплексного многопланового исследования, базирующегося на документах по отчетной деятельности заводов, технических описаниях конкретных изделий, переписки администрации, касающейся работы немецких специалистов, анализа документов мемуарного характера, бесед с ветеранами заводов, социологических исследований, можно сделать вывод о том, что, в целом, государственная программа по перенятию опыта, носителем которой были немецкие специалисты, не имела значительных реальных результатов.

Вывоз оборудования с немецких предприятий носил тотальный и планомерный характер, списки станков, приборов испытательных стендов, технологической оснастки и т. д. тщательно выверялись; весь станочный парк отбраковывался и распределялся по конкретным предприятиям, которые заранее уведомлялись о поставках. Промышленная база в СССР расширялась существенным образом. Такое расширение требовало обученных специалистов, число которых измерялось тысячами, а их – то в СССР не было. Решение было найдено, как казалось, самое простое: для освоения промышленного производства, вместе со станками и оборудованием как приложение к технике, дополнительными «винтиками» должны были быть вывезены и люди, которые будут на них работать до тех пор, пока в СССР не будут подготовлены соответствующие специалисты. Такой же подход имел место и в исследовательской и проектно-конструкторской работе. Ситуация по отношению к существующим советским проектно-конструкторским организациям сложилась как конкурентная борьба за выживание (финансовое и техническое). Исход подобной конкуренции был предопределен с самого начала этой программы, поэтому и отношение даже среднего звена руководства к немецкому опыту было исключительно как к барьеру, который необходимо преодолеть, создав свои, более совершенные объекты техники.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ferdinand Brandner:* Ein Leben zwischen Fronten. Ingenieur im Schussfeld der Weltpolitik. – München, 1973; *Werner Albring:* Gorodomlija. Deutsche Raketenforscher in Russland. – Hamburg-Zürich, 1991; *Ulrich Albrecht, Andreas Heinemann-Grüder, Arend Wellmann:* Die Spezialisten.Deutsche Naturwissenschaftler und Techniker in der Sowjetunion nach 1945. – Berlin, 1992.

[2] Среди них необходимо отметить работу *Jürgen Michels, Jochen Werner* (Hgg.): Luftfahrt Ost 1945–1990. Geschichte der deutschen Luftfahrt in der Sowjetischen Besatzungszone (SBZ), der Sowjetunion und der Deutschen Demokratischen Republik (DDR). – Bonn, 1994; *Соболев Д.А.* Немецкий след в истории советской авиации: Об участии немецких специалистов в развитии авиастроения в

СССР. – М., 1996; *Michels J., Kuwschinov S., Srelov W., Woronkow J.* Deutsche Flugzeugspezialisten im sowjetischen Russland.Leben und Arbeit 1945–1954. Moskauer Gebiet: Podberesje, Sawjelowo, Tuschino, Chimki. – M., 1996; *Michels J., Kuwschinov S., Srelov W., Woronkow J.* Deutsche Flugzeug Spezialisten im Sowjetischen Russland. Leben und Arbeit 1945–1954. Gebiet Samara: Uprawlentscheski, Kazan. – M., 1996.

[3] Полное освещение этой проблемы предлагает Кристоф Мик: *Christoph Mick.* Forschen für Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Rüstungsindustrie 1945–1958. – München, Wien, 2000. В своем исследовании автор также ссылается на результаты работ Соболева и Кувшинова. (*Прим. ред.*)

[4] О работе немецкой авиационной промышленности за 1939–1945 гг. Часть V «Немецкая авиационная промышленность советской зоны оккупации и ее разоружение», МАП, Берлин, сентябрь 1946. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6333.

[5] См. там же.

[6] Постановление Государственного комитета Обороны о мероприятиях по изучению и освоению немецкой реактивной техники. 1945. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1318.

[7] Докладная записка начальника 1-го отдела управления уполномоченного спецкомитета при Совете Министров СССР в Германии Ананьева представителю МАПа СССР Лукину о сообщении немецкого инженера-авиационника по прибору «Наттер». Октябрь 1946. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6686. С. 16–17.

[8] Доклад Отто Кассмана в СВА. Май 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6686. С. 18–34.

[9] Докладная записка подполковника Тяжлова заместителю министра авиационной промышленности СССР Лукину о предложениях немецких специалистов своих услуг иностранным государствам. (Выписки из писем специалистов). Дессау 17.06.1946. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6686. С. 1–3.

[10] Письмо Хейнера Шнабля в СВАГ г. Берлин, 26.06.1946. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6684 С. 14–15.

[11] Краткий отчет о работе бригады подполковника профессора Мартынова. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6688. С. 115–124.

[12] Докладная записка подполковника Тяжлова заместителю министра авиационной промышленности СССР Лукину о предложениях немецких специалистов своих услуг иностранным государствам. (Выписки из писем специалистов). Дессау 17.06.1946. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6686. С. 1–3.

[13] Докладная записка помощника главнокомандующего по авиации и воздухоплаванию начальника военно-воздушного отдела СВА в Германии Куцекалова командующему ВВС ВС Союза ССР маршалу авиации тов. Вершинину. 1947. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1647. С. 125–127.

[14] Письмо заместителя министра внутренних дел Союза ССР Серова заместителю министра авиационной промышленности ССР Лукину о возможности использования инженеров Маттоса и Мерка на авиационных заводах. 16.07.1946, РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6686. С. 5.

[15] Перечень работ /докладов/ немецких специалистов, выполненных по заданиям МАПа в 1945–1946 годах. РГАЭ СССР Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6335. С. 49–60.

[16] Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР об опытном производстве самолетов и реактивных двигателей силами немецких специалистов в Германии.(На документе стоит дата 18.1.1946), РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1321.

[17] О работе немецкой авиационной промышленности за 1939–1945 гг. Часть VI «Использование немецкой авиатехники», МАП, Берлин, сентябрь 1946. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6312. С. 4.

[18] Приказ министра авиационной промышленности № 228 сс 19 апреля 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1384.

[19] Список технических и конструкторских бюро министерства авиационной промышленности в Германии. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6688. С. 75; Сведения по опытному производству ОКБ-5, ОКБ-6, ОКБ-7 и Центральному ОКБ штаба уполномоченного министерства авиапромышленности в Германии на 1/х-46 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6488. С. 64.

[20] Отчет о работе особого технического бюро № 3 министерства авиационной промышленности за январь, февраль, март и апрель месяцы 1946 г., г. Галле, РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6677 С. 1–11.

[21] Отчет о работе ОТБ-4 за время с 8-го по 17 октября 1946 года. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6676; Рапорт начальника ОТБ-4 МАПа инженера-полковника Н. Леонтьева заместителю

министра МАПа генерал-майору М.М. Лукину, 24 июля 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6676. С. 57–63.

[22] Сводка о наличии кадров в ОКБ в г. Дессау. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6679.

[23] Приказ министра авиационной промышленности № 228 сс 19 апреля 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1384.

[24] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135. Л. 385.

[25] См. Там же. Д. 138. Л. 5.

[26] Докладная записка главного конструктора Бааде министру авиационной промышленности тов. Хруничеву М.В. 12 июня 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1492. С. 251–252.

[27] Письмо группы немецких специалистов завода «Юнкерс» министру авиационной промышленности. 23 октября 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1492.

[28] Рапорт начальнику управления оборудования министерства авиационной промышленности СССР Гришину Л.А. от уполномоченного министра авиапрома в Германии Голдабенкова о демонтаже и отгрузке оборудования и имущества с опытных объектов по состоянию на 10 февраля 1947 года. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6693.

[29] Письмо группы немецких специалистов завода «Юнкерс» министру авиационной промышленности. 23 октября 1946 г. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1492.

[30] Служебная записка министру авиационной промышленности СССР тов. Хруничеву М.В. заместителя министра МАПа М. Лукина. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1493. С. 76–79.

[31] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 779. Л. 331.

[32] Более подробное описание и анализ создаваемой техники приводится в работах авторов *Соболев Д.А.* Немецкий след; *Michels J., Kuwschinov S., Srelov W., Woronkow J.* Deutsche Flugzeugspezialisten (ср. сн. 2).

[33] Докладная записка директора завода № 2 заместителю министра авиационной промышленности о назначении должностных окладов немецким специалистам. 30.12.1946. Архив Самарского Аэрокосмического Университета, Центр истории отечественного двигателестроения.

[34] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 243–244.

[35] Постановление Государственного комитета обороны о мероприятиях по изучению и освоению немецкой реактивной техники. 1945. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 1318.

[36] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1604. Л. 89–90.

[37] См. Там же. Л. 86.

[38] Brandner: Ein Leben zwischen Fronten (см.сн. 1). С. 205.

[39] Докладная записка заместителю министра авиационной промышленности СССР по кадрам тов. Афанасьеву ВРИД директора завода № 1 Полонского. О политической и культурно-массовой работе среди немецких специалистов завода № 1 МАП за 1949 г.15.12.1949. РГАЭ Ф. 8044. Оп. 1. Ед. хр. 6441; Ср. Заводской отчет о культурно-массовой работе за 1949 г. Там же. С. 46–52.

[40] См. Там же.

[41] См. Там же.

[42] См. Там же.

[43] См. Там же.

[44] Там же. С. 62

[45] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1797. Л. 28.

[46] Там же. Л. 53–54.

[47] Там же. Л. 63.

[48] *Алексеев С.М.* Депортация // Крылья Родины. 1993. № 11. С. 9.

[49] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1797. Л. 31.

[50] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 6441. Л. 32.

[51] Там же. Л. 42.

[52] Отчет о работе ОКБ-1 опытного завода № 2 МАП в министерство. Исп. Шайбе. 01.06.1948. Архив Самарского Аэрокосмического Университета, Центр истории отечественного двигателестроения. С. 8–9.

[53] Имеется в виду правительство ГДР. (*Прим. ред.*)

[54] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 6441. Л. 27.

Иоганнес Рашка

К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРЯДКУ – с помощью уголовного кодекса? Преследование «тунеядцев» в СССР и в ГДР

4 мая 1961 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Другие союзные республики либо уже приняли подобные законы[1], либо сделали это вскоре после России. ГДР включила соответствующие нормы в изданное сразу после строительства Берлинской стены, 13 августа 1961 г., «Положение об ограничениях на проживание», согласно которому к «уклоняющимся от работы лицам» могла применяться такая мера воздействия, как «трудовое воспитание».

В данной статье предыстория и последствия принятия этих двух правовых актов будут рассмотрены в сравнительной перспективе. Преследование «тунеядцев» в Советском Союзе и «асоциальных элементов» в ГДР до сих пор представляют собой «белое пятно» в правовой истории Восточного блока, хотя оба государства с начала 60-х годов придавали уголовно-правовому преследованию «паразитизма» огромное значение. В тюрьмах ГДР «антиобщественные элементы» в 70-е годы составляли самую многочисленную категорию заключенных, намного превосходившую все прочие.

В статье будет рассматриваться, главным образом, время правления Хрущева и Брежнева в СССР и соответствующий период в ГДР. Во времена Сталина законы о борьбе с паразитическими элементами имели предшественников лишь в том отношении, что созданное при НКВД «Особое совещание» в 1934 г. получило право приговаривать «общественно-опасных лиц» к ссылке сроком на 5 лет или к заключению в исправительно-трудовые лагеря. Тем самым, Особое совещание при НКВД реализовывало то же право, которое было дано в 1920 г. ЧК: арестовывать «нарушителей трудовой дисциплины» и «паразитические элементы», которым грозило заключение на 5 лет в исправительно-трудовой лагерь[2]. После смерти Сталина Особое совещание было ликвидировано, но несознательное отношение к труду и низкая трудовая дисциплина оставались одной из главных проблем советской экономики.

Применительно к ГДР нам предстоит исследовать вопрос о том, в какой мере восточногерманское государство продолжало следовать примеру СССР после смерти Сталина и после окончания фазы усиленной советизации. В других областях – например, в области внешней политики и политики безопасности, – ГДР, бесспорно, зависела от Советского Союза, ее суверенитет был, в лучшем случае, ограниченным. Неясно, однако, в какой мере советский образец и советское влияние сказывались на внутренней и правовой политике восточногерманского государства-сателлита. Можно ли считать, что ГДР просто следовала в области правотворчества советским образцам, или же дело было в том, что похожие экономические и социальные проблемы вызывали похожие реакции? Можно ли обнаружить собственные «немецкие» разработки или особенности в этой области?

В заключение речь пойдет также о том, как диктатуры советского образца обходились с лицами, уклонявшимися от труда, не желавшими работать или нетрудоспособными: ведь «целевой группой» законов о борьбе с паразитическими элементами были не политические противники режима, а преимущественно люди, чьему образу жизни была вынесена отрицательная социальная оценка. Сюда относились не только «тунеядцы», но и «фарцовщики» или «спекулянты», то есть, люди, занимавшиеся частным предпринимательством или кустарным промыслом и извлекавшие выгоду из очевидных недостатков плановой экономики. Необходимо выяснить, в какой мере эти законы и их применение встречали понимание и одобрение со стороны населения. Наконец, будет речь идти о границах права: должно ли было право обеспечивать такие вещи, как встраивание «антиобщественных элементов» в общественную жизнь и социально-одобряемое поведение, – и может ли оно это делать, в принципе?

Источниками для нашего исследования послужили тексты законов, статьи в юридической периодике, а также архивные материалы Министерства юстиции и Прокуратуры РСФСР, которые хранятся в ГА РФ, и некоторые материалы ЦК КПСС. В том, что касается ГДР, были просмотрены документы руководства ЦК СЕПГ, а кроме того – обнаруженные документы Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел, а также Верховного Суда, архив которого, как и архивы других государственных органов ГДР, хранится в Федеральном Архиве в Берлине.

Новая юридическая политика при Хрущеве

В ходе преодоления культа личности Сталина и его последствий в СССР вспомнили о ленинском принципе «социалистической законности», который предусматривал как строгое соблюдение и единообразное применение норм права всеми государственными органами, так и монополизацию партией высшего авторитета[3]. Возвращение к «социалистической законности» после смерти Сталина означало конец массового террора, но не переход к независимой юстиции или разделению властей. Несмотря на требование уважать действующее право, партийность законов и судов оставалась непреложным принципом. В декабре 1958 г. Верховный Совет СССР принял «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», где подчеркивалась гарантия того, что преступлением может считаться только то деяние, которое соответствует предусмотренному законом составу преступления. Уголовное наказание могло применяться только по приговору суда[4]. 1 января 1961 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс (далее: УК) РСФСР, в котором проводилось различие между тяжкими или совершенными повторно преступлениями, с одной стороны, и менее тяжкими правонарушениями, с другой; в последнем случае главная роль отводилась перевоспитанию преступника[5].

Однако, принимая законы о борьбе с паразитическими элементами, политическое руководство СССР заботилось не столько о законности, сколько о трудовой дисциплине, а тем самым – об эффективности экономики страны. Как стало ясно уже в начале 50-х годов, террор, использовавшийся для этих целей при Сталине, оказывал все более парализующее действие, ибо вместо того, чтобы мобилизовать людей, он вызывал в них апатию и боязливость. Промышленность и сельское хозяйство были

неэффективны, уровень жизни был низким. Нерадивое отношение к труду и низкая его производительность угрожали дееспособности всей системы. Поэтому одна из основных проблем, стоявших перед Хрущевым при начале реформ, заключалась в том, как создать стимулы для более высокой производительности труда или какие меры принять против пренебрежения трудовым долгом со стороны граждан[6]. Одним из решений этой проблемы стали попытки политического руководства страны мобилизовать население для новых целей; другим решением стали законы о борьбе с паразитическими элементами.

Кроме того, после амнистий и ликвидации лагерей росло опасение, что выпущенные на свободу заключенные могут вызвать значительный рост преступности и большую нестабильность в городе и на селе. Уже в июне 1956 г. Общий отдел ЦК сообщал, что за последнее время стало поступать все больше писем трудящихся из крупных промышленных городов, в которых они жаловались на хулиганство, бандитизм и плохую работу милиции. Трудящиеся требовали от партии восстановить порядок и очистить города от хулиганов и воров. Правда, среди этих «трудящихся» было, похоже, и некоторое количество высокопоставленных партийных работников: среди авторов жалоб, как сообщал Общий отдел, было несколько членов ЦК. В последующие годы проблемы с людьми, оторванными от корней, и с потенциальными преступниками, вышедшими из ликвидированной лагерной системы, не утратили своей остроты[7].

Уже 5 октября 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». В указе, правда, не давалось четкого определения «цыган», но утверждалось, что некоторые из них вели «паразитический образ жизни». Поэтому достигшие совершеннолетия цыгане, «которые будут злостно уклоняться от общественно полезного труда», по решению суда могли быть «наказаны ссылкой на срок до пяти лет в соединении с исправительно-трудовыми работами»[8]. Одновременно с этим в УК РСФСР была введена статья 209, предусматривавшая наказание за попрошайничество и бродяжничество.

Также в 1956 г. началась работа над законом «Об усилении борьбы с антиобщественными паразитическими элементами», чтобы продемонстрировать членам партии и гражданам, что руководство взялось за решение проблемы, и мобилизовать таким образом, поддержку населения. В конце февраля 1957 г. Бюро ЦК по РСФСР сообщило, что по его указанию в августе 1956 г. законопроект был опубликован во всех областных и районных газетах; на предприятиях и в колхозах, а также в местных советах были организованы обсуждения. Как видно из сообщений местных партийных комитетов, говорится далее в записке Бюро ЦК, трудящиеся приветствовали законопроект, так как в городах и деревнях по-прежнему еще есть спекулянты, нищие и хулиганы, а новый закон обеспечивает непосредственное исполнение нашего замечательного правила «Кто не работает – тот не ест»[9].

Однако до непосредственного исполнения «замечательного правила» в РСФСР было еще далеко. Сначала руководство «испытало» новый закон в нескольких небольших союзных республиках. Проблематичным был заложенный в него принцип, согласно которому наказания назначались собраниями общественности, а не судами. Кроме того, закон противоречил проводившейся Хрущевым политике «укрепления законности». Значительная часть судей и прокуроров возражали против этих мероприятий – равно как и против возвращения смертной казни в качестве наказания за тяжкие экономические преступления: они рассматривали новые законы как частич-

ный возврат к старой системе и, кроме того, опасались, что профессиональные юристы лишатся части своих компетенций[10].

Советские законы о борьбе с паразитическими элементами часто связывают с учреждением так называемых общественных судов. В связи со стремлением Хрущева переложить государственные функции на общество, выборные общественные органы получили судебные полномочия[11]. В случае с законом о борьбе с паразитическими элементами эта передача функций была весьма проблематична, так как речь шла не о мелких делах – например, трудовых конфликтах или соседских спорах, – а о назначении серьезных уголовных наказаний. Однако, как станет видно ниже, связь между законами о борьбе с паразитическими элементами и общественными судами никогда не была очень глубокой, так как роль этих органов в деле претворения норм права в жизнь оказалась незначительной. Вместо этого законы скоро превратились в своего рода административную инструкцию для органов власти по борьбе с определенными социальными проблемами послесталинского общества. Как по своему оформлению, так и по сопровождающей риторике законы союзных республик о борьбе с паразитическими элементами оказывались шагом назад, к сталинизму.

Преследование «тунеядцев» в какой-то момент прекратилось, потом было возобновлено: это показывает, что политика Хрущева была политикой кампаний. До 1959 г. восемь союзных республик ввели у себя законы о борьбе с паразитическими элементами. Закон Киргизской ССР от 15 января 1959 г., например, в качестве своей «целевой группы» называл лиц, которые для видимости устраивались на официальную работу, но жили на нетрудовые доходы и наживались, таким образом, за счет трудящихся. Другие добывали себе средства к жизни попрошайничеством или бродяжничеством. Говоря о «составе преступления», закон формулировал предельно размытые общие определения, которые позволяли наказывать любого, кто не имел «нормальной» работы или не выполнял ее подобающим образом. В то же время закон объявлял имеющими обязательную силу некие «правила социалистического общежития» и «нормы коммунистической морали», причем, ни те, ни другие не получали четкого определения. В обоснование таких правовых норм в тексте приводились ссылки на «многочисленные пожелания и предложения трудящихся и общественных организаций» об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами. В будущем к совершеннолетним трудоспособным гражданам, ведущим «антиобщественный, паразитический образ жизни, злостно уклоняющимся от общественно полезного труда и живущим на нетрудовые доходы», могли применяться меры общественного воздействия в виде ссылки по общественному приговору на срок от двух до пяти лет с привлечением к трудовой деятельности по месту ссылки[12].

Проблематичным было, с одной стороны, заявленное наказание, так как приговор влек за собой ссылку в пределах Киргизской ССР, а закон не оговаривал, куда именно осужденных нужно было ссылать, к каким работам они должны были привлекаться и какие меры следовало принимать в местах ссылки. Кроме того, проблематичной была приговаривающая инстанция: наказание должно было назначаться не судом, а «собранием общественности» – «общим собранием граждан» района или аула – посредством открытого голосования. Собрание могло приговорить подсудимого вместо ссылки к предупреждению с испытательным сроком. «Общественный приговор к ссылке» требовал утверждения исполнительным комитетом сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся, решение которого было окончательным[13].

В законе Грузинской ССР от 5 сентября 1960 г. это положение было модифицировано: совершеннолетние трудоспособные граждане, которые «злостно уклоняются от общественно полезного труда и ведут антиобщественный, паразитический образ жизни», по решению исполнительных комитетов местных советов, могли быть выселены на срок от 6 месяцев до 2 лет. Ходатайство о применении к тунеядцу этого наказания могли подать в исполком как общие собрания граждан и общественные организации, так и учреждения милиции[14]. Правда, за счет этого закон, в значительной мере, утрачивал свой социально-мобилизующий характер и превращался в своего рода положение об административных наказаниях: ведь теперь приговор выносился не обязательно собраниями граждан; милиция и исполнительная власть могли депортировать неугодных им лиц в административном порядке.

4 мая 1961 г. указ о борьбе с паразитическими элементами принял Президиум Верховного Совета самой большой союзной республики – РСФСР. Особенность его была в том, что в качестве главной «целевой группы» в нем фигурировали не столько нищие или проститутки, сколько «спекулянты», т. е. люди, которые, по сегодняшним представлениям, занимались мелким частным предпринимательством. Лица, «не желающие […] честно трудиться», определялись в преамбуле: это были те, кто «занимаются запрещенным промыслом, частным предпринимательством, спекуляцией и попрошайничеством, извлекают нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади». Сопутствующими явлениями «паразитического существования этих лиц» были «пьянство, моральное разложение и нарушение правил социалистического общежития, что оказывает отрицательное влияние на других неустойчивых членов общества»[15].

Как уже упоминалось, совершеннолетние трудоспособные лица, которые устроились на работу на предприятие или в колхоз «лишь для видимости», а «в действительности подрывают дисциплину труда, занимаются частнопредпринимательской деятельностью, живут на средства, добытые нетрудовым путем», могли «по общественному приговору, вынесенному коллективами трудящихся», подвергаться «выселению» на срок от 2 до 5 лет с обязательным привлечением к труду по месту поселения. Следовательно, общественные суды в РСФСР состояли из работников тех предприятий, на которых работали обвиняемые. В отношении всех прочих лиц, которые вели «паразитический образ жизни», решение принимал суд. Приговор суда был окончательным и не подлежал обжалованию, в то время как «общественный приговор» требовал утверждения исполкомом местного совета депутатов трудящихся. Выявление лиц, подозреваемых в тунеядстве, обязаны были производить милиция и прокуратура. Если при этом выяснялось, что в действиях лица, ведущего паразитический образ жизни, имеются признаки уголовного преступления, то дело о таком лице подлежало направлению в органы прокуратуры и дальше рассматривалось в соответствии с Уголовным Кодексом[16].

Уже новый УК, который вступил в силу 1 января 1961 г., сделал борьбу с «паразитическим образом жизни» задачей уголовного права, так как предусматривал наказания за занятие бродяжничеством и попрошайничеством, частнопредпринимательской деятельностью и запрещенным промыслом[17]. Наряду с этим в советском уголовном праве имелась статья «хулиганство»: состав этого преступления закон не уточнял – по крайней мере, для простого состава. «Квалифицированный» состав (т. е. «злостное хулиганство» – *Прим. пер.*) заключался в «вандализме или нарушении общественного порядка», повторном совершении наказуемого деяния или со-

вершении его с «исключительным цинизмом или дерзостью»[18]. За него УК 1961 г. предусматривал то же самое максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, которое было введено в 1935 г. «Просто» хулиганство, как и раньше, наказывалось лишением свободы на срок до одного года. Однако закон предусматривал теперь и альтернативные виды наказания – например, исправительные работы или общественное порицание[19]. В начале 60-х годов хулиганство составляло самую большую группу среди зарегистрированных преступлений (см. табл. 1).

Похожего размаха достигала лишь численность краж (хищений личной собственности граждан) и повреждений государственной или общественной собственности. В то же время, надо отметить, что огромный прирост числа зарегистрированных правонарушений в 1961 г. в по сравнению с предыдущим годом стал проявлением эффекта от проводившейся в начале 60-х годов кампании по усиленной борьбе с преступностью.

Таблица 1. Уголовные преступления, зарегистрированные в РСФСР в 1960–1963 гг.

	1960	1961	1962	1963
Всего	407.127	506.106	–	512.607
Хулиганство	80.922	137.945	–	96.476

Источник: Данные Прокуратуры РСФСР о зарегистрированных преступлениях[20].

Преследование «тунеядцев» при Хрущеве

Уже в сентябре 1960 г. молодежная газета «Комсомольская правда» сообщила о новой кампании по усиленному преследованию «тунеядцев»: к «лицам, ведущим антиобщественный паразитический образ жизни» и подлежащим наказанию, относились «спекулянты» и прогульщики, а также люди, которые занимались частнопредпринимательской деятельностью, «кто заражен стяжательством, погоней за длинным рублем, кого одолевает мелкособственническая стихия». Это были те, кто сдавал внаем углы, комнаты или дома, разбивал огороды и сады, чтобы на них наживаться. Комсомол, подчеркивалось в газете, тоже должен участвовать в борьбе с тунеядством, и «тысячам способов тунеядцев уйти от труда, укрыться от суда общественности нужно противопоставить десятки тысяч способов контроля за тунеядцами, привлечения их к общественно полезной деятельности, перевоспитания» – например, устанавливая комсомольские посты в очередях за дефицитными товарами. Необходимо, говорится далее в статье, создать атмосферу общественного презрения к паразитическим элементам и проводить публичные показательные суды над ними[21].

Основанием для таких судов должен был служить российский закон о борьбе с паразитическими элементами. На практике, однако, возникали огромные проблемы с правоприменением. В конце июля 1961 г. Прокуратура сообщала Президиуму Верховного Совета, что за период с момента выхода Указа (4 мая) до 1 июля в РСФСР было выявлено более 100.000 человек, которые не занимались никаким общественно полезным трудом. «Воспитательное воздействие» указа состояло в том, что после его публикации более 23.000 из этого числа трудоустроились. Но уже на

тот момент стало очевидно, что ожидавшийся от этого законодательного акта социально-мобилизующий эффект наступил лишь в очень ограниченном объеме, так как милиция и прокуратуры, которые должны были вести дознания в отношении «тунеядцев», передавали подавляющее большинство дел в суды, а не собраниям граждан: к началу июля 1961 г., как сообщала Прокуратура РСФСР, органы внутренних дел и следственные органы передали судам и трудовым коллективам 3.760 дел; 2.356 человек были выселены по приговорам судов и только 130 – по приговорам трудовых коллективов[22].

Кроме того, органы уголовного преследования сосредоточивались на «тунеядствующих элементах» и пренебрегали охотой за мелкими предпринимателями: поскольку прокуратуры и милиция были заняты, прежде всего, борьбой против лиц, уклонявшихся от общественно полезного труда, сообщала Прокуратура РСФСР, не уделялось достаточного внимания борьбе с теми, кто работал только для видимости, а на самом деле проживал на нетрудовые доходы. Об этом свидетельствовало то обстоятельство, что суды лишь в немногих случаях конфисковывали имущество, нажитое нетрудовым путем. В отдельных случаях люди были осуждены лишь потому, что они некоторое время не работали. Порой упускалось из внимания то, что указ может применяться только к трудоспособным совершеннолетним гражданам, и были привлечены к ответственности люди, которые не трудились вследствие болезни или инвалидности. Серьезные проблемы, отмечалось далее, возникали в местах поселения, которые никак не были подготовлены к принятию осужденных «тунеядцев» из других областей: зачастую проходило слишком много времени до тех пор, пока «паразитам» предоставляли работу и жилье. Так, например, в Красноярске решение о размещении и трудоустройстве выселенных было принято только тогда, когда они уже прибыли, а Иркутский облисполком определил для поселения таких лиц районы, в которых не имелось для них ни жилья, ни рабочих мест[23], говорилось в отчете.

В течение всего 1961 г. ничего в этой проблемной ситуации не изменилось. По-прежнему органы уголовного преследования передавали большинство дел в суды, а назначенные места поселения по-прежнему оказывались не подготовлены к приему направленных туда «паразитов». В начале февраля 1962 г. Прокуратура РСФСР сообщала Президиуму Верховного Совета, что на конец 1961 г. были приговорены к наказанию за тунеядство судами 13.797 человек, а общими собраниями граждан – 820; по-прежнему ряд областей не принял мер к тому, чтобы обеспечить выселенных жильем и работой; на Сахалине, например, 95 мужчин и 83 женщины были в ноябре размещены в четырех бараках[24].

В местах поселения работодатели стремились как можно скорее избавиться от направленных к ним «бездельников» – например, выдавая им хорошие характеристики. Против поселения «тунеядцев» в более отдаленных областях выступали тамошние прокуратуры, так как в небольших коллективах эти лица оказывали особенно губительное воздействие на трудовую дисциплину[25]. Из-за огромных трудностей с жильем и трудоустройством Прокуратура РСФСР уже в октябре 1962 г. предложила давать право судам или исполкомам советов в местах поселения решать вопрос об освобождении, если выяснятся ранее не известные обстоятельства, делающие невозможным обеспечение переселенных[26].

Чтобы уменьшить проблемы в местах поселения, Совет Министров издал 15 января и 17 июля 1962 г. два распоряжения, согласно которым «тунеядцев» можно бы-

ло переселять в пределах одной и той же области. Это, однако, вело к тому, что, как сообщала Прокуратура РСФСР, «паразитические элементы» переселялись часто в соседний район с такими же экономическими, климатическими и географическими условиями. Таким образом, наказание утрачивало характер ссылки. Часто «тунеядцы» возвращались на свое прежнее место жительства и продолжали уклоняться от «общественно полезного» труда[27].

В практике применения закона о борьбе с паразитическими элементами в регионах наблюдалась масса противоречий с принципами «Основ уголовного законодательства», принятых в 1958 г.

В Башкирской АССР, например, Министерство юстиции выявило «серьезные нарушения социалистической законности»: Верховный суд по представлению от прокуратуры отменил 11 приговоров против лиц, приговоренных судами к наказанию за тунеядство, в том числе против одной женщины, имевшей детей, которая совершила правонарушение повторно: она была освобождена за два месяца до нового осуждения. Подобные случаи имели место и в других районах: милиция производила необоснованные и незаконные аресты, поставив гражданам нереальные сроки для устройства на работу. В нескольких областях арест и заключение под стражу лиц, которые должны были привлекаться к ответственности на основании Указа от 4 мая 1961 г., получили огромное распространение. Зачастую этих людей держали в заключении несколько дней, хотя их вина не была достоверно установлена, и суды их, скорее всего, оправдали бы. Особого внимания, говорится в документе, заслуживает то обстоятельство, что лиц, совершивших преступления, суды и прокуратуры не привлекали к уголовной ответственности по статьям УК, а выселяли в административном порядке в соответствии с Указом от 4 мая, тем самым, давая упомянутым лицам возможность избежать более тяжелого наказания[28].

Из сообщения, полученного из Республики Коми, можно почерпнуть сведения о тех, кого осуждали суды по закону о борьбе с паразитическими элементами: большинство приговоренных – это люди, которые уклонялись от «общественно полезного» труда, «систематически» пьянствовали, занимались «частнопредпринимательской деятельностью» или предавались «разврату». Многие приговоренные были ранее судимы, часто за хулиганство. В некоторых случаях суды приговаривали людей к выселению за «шабашничество», т. е. частное предпринимательство в виде выполнения строительных либо ремонтных работ. Не обошлось, правда, без «серьезных нарушений социалистической законности»: в четырех случаях народные суды приняли решения о выселении в отношении матерей, имевших малолетних детей; иногда они необоснованно выселяли людей, несмотря на то, что те работали.

Причиной таких нарушений, очевидно, была практика судов, которые выносили приговоры исключительно на основе материалов, предоставленных милицией и прокуратурами: судопроизводство на основании Указа от 4 мая 1961 г. носило чисто административный характер и не было связано с нормами, действующими для разбирательства уголовных дел[29].

Московский городской суд при перепроверке 190 дел пришел к выводу, что подавляющее большинство приговоренных были ранее судимы или привлекались к административной ответственности за незначительные проступки – например, за мелкое хулиганство. Более половины не состояли в браке; дети – у тех, у кого они были, – сплошь и рядом пребывали в небрежении. Почти все были уволены с последнего места работы за пьянство, прогулы или неоднократное нарушение трудовой дисци-

плины. Результаты проверки показали, что люди, «ведущие паразитический образ жизни», имели низкий культурный и образовательный уровень. Более трех четвертей проверенных посещали школу только до 7 класса; женщины в большинстве своем зарабатывали проституцией[30].

Хотя, сообщал далее Мосгорсуд, указ применяется, в основном, правильно, имеют место и «серьезные ошибки и недостатки». По-прежнему недостаточно ведется борьба против лиц, которые работают лишь для вида и проживают на нетрудовые доходы. Ни в одном случае суд не назначил конфискацию имущества. По-прежнему не привлечена в достаточной мере к выявлению «паразитических элементов» общественность. В большинстве случаев этим занимается милиция. Часто народные суды заседают в зданиях судов, а не публично – таким образом, не устанавливается связь с общественностью, которая необходима для достижения воспитательного воздействия. Деятельность судов должна обязательно быть открыта более широким кругам общественности, чтобы создать атмосферу «нетерпимости» по отношению к «паразитическим элементам». Кроме того, наказания иногда выносятся слишком либеральные[31].

В Брянской области, сообщал областной суд Министерству юстиции, общественные организации почти не участвовали в борьбе с «тунеядцами»: реализацией Указа от 4 мая занимались почти исключительно административные органы. Прокуратуры использовали указ, чтобы выселять в административном порядке преступников и, таким образом, избавляться от проблем. Милиция зачастую ставила людям для устройства на работу нереальные сроки в несколько дней. Иногда суды выселяли обвиняемых без предупреждения, что противоречило смыслу указа. Причины, по которым обвиняемые не работали, суды слишком часто не выясняли в достаточной мере – например, в случаях, когда человек, несмотря на все свои старания, не мог найти работу[32].

Из-за огромных процессуальных нарушений при проведении в жизнь законов о борьбе с паразитическими элементами пленум Верховного Суда СССР 18 марта 1963 г. принял решение рекомендовать верховным судам союзных республик внести в республиканские верховные советы предложения по усовершенствованию этих законов: суды должны были получить право по представлению от органов милиции освобождать от выселения лиц, которые более не были трудоспособны. В районах поселения должны были быть образованы специальные комиссии, призванные проверять, выполняет ли милиция постановления судов относительно выселенных. Верховный Суд предлагал привлекать к уголовной ответственности тех, кто повторно уклонялся от исправительных работ. Суды в будущем должны были получить право определять на работу лиц, уклонявшихся от «общественно полезного» труда. Эти нормы должны были, в частности, сделать возможным наказание лиц, которые «систематически пьянствуют» и нарушают общественный порядок. В таких случаях суды должны были получить право направлять этих людей в исправительно-трудовые колонии на срок до одного года[33]. Таким образом, помимо более эффективного контроля над деятельностью милиции, Верховный Суд СССР стремился добиться ужесточения уголовного преследования «тунеядцев». После этого Верховный Совет РСФСР 6 мая 1963 г. принял дополнения к закону о борьбе с паразитическими элементами[34]. Они, однако, касались только второстепенных проблем и не вели к глубоким изменениям Указа от 4 мая 1961 г.

Преследование «паразитов» в начале 60-х годов явно носило характер кампаний: так, в РСФСР применение закона уже через несколько лет заметно пошло на убыль, –

в частности, потому, что профессиональные юристы протестовали против практики общественных судов, а также из-за недостаточной эффективности выселения как вида наказания. Рвение органов внутренних дел в выявлении нарушителей указа от 4 мая 1961 г. тоже ослабло. В августе 1963 г. прокуратура высказывала недовольство по поводу того, что в ряде районов и городов деятельность милиции по выявлению лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, значительно сократилась. Часто органы милиции, призвав гражданина к устройству на работу, не проводили последующих проверок. Были сообщения, свидетельствующие о том, что обстоятельства, по которым человек не работал, – как, например, состояние здоровья или семейное положение, – выяснялись недостаточно. Серьезные нарушения законности наблюдались в местах поселения: милиция недостаточно контролировала выселенных на предмет их усердия в труде и ограничивалась тем, что время от времени отмечала их. Иногда выселенные не являлись на отметку в течение нескольких месяцев. Они не исполняли требования милиции об изменении места жительства и места работы. Среди лиц, прибывавших в места выселения, широкое распространение получили алкоголизм и хулиганство[35].

В мае 1964 г., т. е. в конце пребывания Хрущева на посту руководителя страны, Прокуратура РСФСР в записке, поданной в ЦК КПСС, подвела предварительный итог преследования тунеядцев: с момента выхода Указа от 4 мая 1961 г. были выявлены более 400.000 человек, которые вели антиобщественный, паразитический образ жизни. После соответствующего внушения большинство из них встали на путь «честного труда». 37.000 человек, которые упорно уклонялись от устройства на работу, были выселены. Тем не менее по-прежнему имелись трудоспособные лица, которые не работали и чье паразитическое существование характеризовалось алкоголизмом, аморальным поведением и нарушением правил социалистического общежития. Только в 1963 г. неработающими лицами было совершено около 40.000 преступлений. В районах поселения не принималось достаточных мер, чтобы в полном объеме использовать выселенных лиц в работе. На «серьезные недостатки в перевоспитании выселенных» указывало и большое число совершенных ими правонарушений. В течение трех лет с момента вступления в силу указа 10.000 выселенных были привлечены к ответственности за злостное уклонение от труда и совершение преступлений[36].

Для совершенствования мер по перевоспитанию и исправлению тунеядцев республиканская прокуратура предлагала внести изменения в закон: должна была быть повышена ответственность местных советов за трудоустройство неработающих граждан по месту жительства. Каждому, кто подпадал под действие Указа от 4 мая 1961 г., должен был предоставляться месячный срок для устройства на работу. Если гражданин не следовал этому указанию, исполнительный комитет местного совета должен был получить право привлекать его к работе. Если же «тунеядцы» сопротивлялись этим распоряжениям, наказание для них должно было носить характер ссылки: лица, уклоняющиеся от «общественно полезного» труда, по мнению прокуратуры, должны были направляться в «особые, отдаленные места», где они должны были быть полностью обеспечены работой и условиями для приобретения квалификации и повышения общеобразовательного уровня. Непременно требовалось усилить контроль над выселенными. Ответственность за это должна была быть возложена на исполнительные комитеты местных советов[37].

Часть этих предложений была осуществлена в СССР после снятия Хрущева, потому что и после прихода к власти Брежнева повышение крайне низкой трудовой

морали было одной из главных проблем в деле повышения эффективности советской экономики.

Преследование «паразитов» после снятия Хрущева

После снятия Хрущева и прихода к власти Леонида Брежнева новое руководство КПСС спешно произвело новую централизацию власти и стало подчеркивать значение именно авторитета государства – гораздо более настойчиво, чем это делал Хрущев, который пытался ускорить отмирание государства за счет укрепления «общества». Брежнев и его соправители стабилизировали партию и укрепляли ее власть в государстве и экономике. Одновременно они негласно осуществляли окончательный отход от политики десталинизации.

Законы о борьбе с паразитическими элементами в СССР при Брежневе сохранялись, однако в них были внесены изменения, укреплявшие роль местных администраций и отменившие общественные суды[38], которые – как уже говорилось – и без того играли в преследовании «тунеядцев» все менее значительную роль. Компетенции общественных организаций в этой сфере, по новому законодательству, также были урезаны почти до нуля. Ликвидация института общественного правосудия отражала типичный для брежневского времени компромисс между интересами различных группировок в партии и государстве – в данном случае это был шаг навстречу профессиональным юристам, которые все время были недовольны умалением своих компетенций и статуса в пользу общественных судов.

Новая редакция закона о борьбе с паразитическими элементами от 20 сентября 1965 г. описывала круг лиц, к которым он должен был применяться, еще менее четко, нежели предшествующая: лица, упорно уклоняющиеся от честного труда, несмотря на трудоспособность, и ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни. Теперь по решению исполкома местного совета они могли трудоустраиваться принудительно. Уголовно-правовые меры воздействия были ограничены двумя главными городами страны: из Москвы и Ленинграда «тунеядцев» могли по решению суда выселять на срок от 2 до 5 лет с обязательным привлечением к труду по месту выселения. Эта особая мера была связана с проблемой перенаселенности в столицах.

Расследование вели органы милиции «по имеющимся у них материалам, по инициативе государственных и общественных организаций и заявлениям граждан». Неподчинение решениям о трудоустройстве или переселении закон определял как уголовно наказуемое деяние[39]. «Состав преступления», согласно новой редакции, предусматривал только уклонение от работы: в него больше не входили занятие запрещенным промыслом, спекуляция и т. д. Фактически статья 1 нового закона представляла собой инструмент, с помощью которого исполнительные комитеты советов могли обеспечивать кадры для непопулярных рабочих мест[40]. Ограничение круга действий, рассматриваемых как «тунеядство», означало, что закон теперь более терпимо относился к мелкому частному предпринимательству, тем более, что до тех пор «спекулянты» составляли самую малочисленную группу среди приговоренных «тунеядцев», а многие из этих действий и так подлежали уголовному преследованию согласно УК.

Следующие изменения были внесены в законодательство 25 февраля 1970 г.: фактически уклонение от работы теперь было отнесено к сфере действия уголовного права. Как и прежде, «совершеннолетние, трудоспособные граждане, […] уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни», могли исполнительными комитетами местных советов принудительно направляться на работу. Если упомянутые лица не приступали к работе в течение 5 дней, то они могли привлекаться к ответственности по новой статье 209 Уголовного Кодекса («злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования»), которая предусматривала лишение свободы или исправительные работы на срок до одного года. При рецидиве срок лишения свободы увеличивался до 2 лет[41].

Согласно комментарию к закону, для осуждения за «тунеядство» требовалось, чтобы обвиняемый не работал в течение четырех месяцев, а также должен был наличествовать прямой умысел. Уже в 1969 г. было дано указание милиции, прокуратурам и судам действовать в отношении лиц без определенной работы и занятий со всей строгостью. В 1970 г. Советский Союз как никогда нуждался в законах о преследовании лиц, не желавших трудиться. «Тунеядцы» по-прежнему составляли одну из самых больших групп среди всех осужденных: в 1969 г., вместе с нищими и бродягами, 14 %. Закон о борьбе против тунеядства был выражением попыток использовать уголовно-правовые средства для укрепления трудовой дисциплины и повышения эффективности экономики. Подобные кампании проводились и в других социалистических государствах[42].

ГДР: «Положение об ограничениях на проживание» 1961 г.

Стиль советских законов о борьбе с паразитическими элементами был воспроизведен и в «Положении об ограничениях на проживание», которое было издано в ГДР 25 августа 1961 г., сразу после строительства Берлинской стены. Его целью было, прежде всего, подкрепить постройку стены судебными санкциями. После возведения этого «антифашистского защитного вала» в августе 1961 г. по ГДР прокатилась волна арестов, призванная, главным образом, предупредить возможное сопротивление[43]. Против нарушителей порядка, бродяг и лиц, чье поведение не вписывалось в общие рамки, могли, согласно § 3 п.1 Положения, применяться ограничения права проживания и принудительные работы. Мишенью этого закона были, прежде всего, люди, которые раньше ходили через границу, работая в Западном Берлине или получая там образование. Согласно § 3 п. 2, теперь и «в отношении уклоняющихся от работы лиц по требованию местных органов государственной власти по приговору окружного суда может применяться трудовое воспитание»[44]. В той мере, в какой этот пункт имел целью юридическое обеспечение тылов для строительства стены, он был просто излишним, потому что принудительное направление на работу уже регулировалось пунктом 1; но в той мере, в какой он должен был служить основанием для преследования «паразитических» и «асоциальных» элементов и обеспечивать поддержку населения крайне непопулярным репрессивным мерам, принимавшимся после строительства стены, он показал себя весьма эффективным инструментом.

Применяя «трудовое воспитание» в отношении «асоциальных элементов», ГДР не только перенимала советские образцы, но и продолжала «традиции» Веймарской

республики, которые, в свою очередь, имели предшественников в Пруссии и Германской Империи[45].

Уже Всеобщее Прусское земское право 1794 г. предусматривало возможность направлять воров-рецидивистов и проституток после отбытия ими тюремного заключения в работный дом. Уголовным кодексом Германской Империи 1871 г. было введено «коррекционное послетюремное заключение», которое могло применяться в отношении бродяг, нищих и проституток[46]. После прихода к власти национал-социалистов в январе 1933 г. внимание репрессивных органов было направлено, прежде всего, на группы лиц, которые уже во времена империи и Веймарской республики подвергались полицейскому и уголовному преследованию: нищих, бездомных, «асоциальные» семьи и «уклоняющихся от работы» получателей благотворительного пособия.

Осуществляли эти меры прежде всего муниципальные органы. Наряду с работными домами они, начиная с 1934 г., стали сооружать «лагеря социальной опеки закрытого типа», продолжавшие традицию, согласно которой получателей социального обеспечения помещали в специальные учреждения; в своем конкретном воплощении, они, однако, были несопоставимы с учреждениями времен кайзеровской Германии или Веймарской республики. Муниципальные власти устраивали эти лагеря самостоятельно, и они не подчинялись никакому центральному управлению. Только в 1938 г. гестапо и уголовная полиция начали депортацию «асоциальных элементов» в концентрационные лагеря. Во время Второй мировой войны нацистский режим систематически осуществлял преследование лиц, уклоняющихся от работы, проституток и асоциальной молодежи[47].

Институт «работного дома», существовавший в рамках национал-социалистического закона о злостных рецидивистах, был унаследован правовой системой ГДР, в которой он был учрежден в августе 1954 г. под названием «дома социального попечения»[48]. По закону о злостных рецидивистах от ноября 1933 г. суды могли принимать решение о помещении в работный дом проституток, нищих и лиц, уклоняющихся от работы, с тем чтобы осужденные «принуждались к труду и приучались к законной и упорядоченной жизни». Пребывание в таком доме продолжалось столько, «сколько нужно для достижения его цели»[49]. В то время как американская оккупационная администрация после 1945 г. упразднила работные дома, эта форма наказания существовала потом в Федеративной Республике Германии (в 1953 г. она была вновь введена и для бывшей американской оккупационной зоны) вплоть до 1969 г. и была применена к нескольким тысячам осужденных[50].

Правда, переименование работных домов в «дома социального попечения» в ГДР стало лишь внешним оформлением процесса, который на практике уже давно состоялся. Уже в 1948 г. Германское управление внутренних дел – организация-предшественник МВД ГДР – проявило интерес к дальнейшему использованию старых и образованию новых «работных домов (трудовых лагерей) для уклоняющихся от работы элементов». На тот момент в Саксонии уже действовали полицейские лагеря заключения, в которых «часть криминальных, асоциальных и уклоняющихся от работы элементов трудом демонстрирует перевоспитание в полезных, трудолюбивых людей»[51]. 13 января 1949 г. саксонское Министерство юстиции, ссылаясь на приказ Советской военной администрации, издало указание, что «трудоспособное лицо, которое вследствие своего асоциального поведения требует социальной опеки, на основании судебного приговора может быть направлено в подходящее учреждение»[52].

Впоследствии тоже именно оккупационная администрация высказывала восточногерманским органам власти «настоятельное пожелание» создавать работные дома[53]. В августе 1949 г. саксонские исправительно-трудовые учреждения и дома для беспризорных получили наименование «дома социального попечения». Для размещения «социально незащищенных и уклоняющихся от работы лиц» там имелось 240 мест; в течение года к ним добавились два новых «дома» на 235 мест. Однако, как отмечало Министерство труда и социального обеспечения, они были сильно недогружены: «Чтобы хотя бы приблизительно достичь рентабельности этих домов, социальным учреждениям предлагается немедленно рассмотреть и оформить все дела о социально незащищенных и уклоняющихся от работы лицах и получить в компетентных органах юстиции судебные приказы о наложении наказания или судейские приговоры с распоряжением о направлении в дом социального попечения»[54].

В конце 1949 г. Министерство юстиции также указывало на «необходимость вынесения приговоров» в адрес лиц, уклоняющихся от работы, проституток и нищих и их помещения в «дома социального попечения». Тем самым, не только «осуществляется профилактика преступности, облегчается поддержание порядка и экономятся государственные средства, но, кроме того, путем помещения в дома социального попечения эти люди возвращаются к исполнению своих задач перед обществом, создается возможность для их воспитания, а рабочие руки используются на благо нашего народного хозяйства»[55].

Подобная цель – эффективное использование рабочих рук на благо народного хозяйства – явно преследовалась и в судебных процессах на основании «Положения об ограничениях на проживание» от 25 августа 1961 г. Согласно одному из докладов Министерства юстиции, местные органы государственной власти до середины сентября 1961 г. подали в прокуратуры несколько сотен заявлений о выдаче предписаний на трудовое воспитание. Много заявлений поступило от советов трудовых коллективов, рассчитывавших таким образом принудить к работе на предприятиях тех сотрудников, которые после заключения с ними трудовых договоров уклонялись от выполнения своих обязанностей[56]. Очень скоро стало ясно, что государство и партия стремились, прежде всего, к тому, чтобы с помощью устрашения добиться соблюдения определенных социальных норм и чтобы с помощью наказания «лиц, уклоняющихся от работы», мобилизовать поддержку населения. Поэтому Генеральная прокуратура и Министерство юстиции указывали судам и прокуратурам на то, что, применяя «Положение об ограничениях на проживание», они выступают «исполнителями воли трудящихся». Судебные процессы необходимо было популяризировать «в прессе, широко и убедительно», с «Положением» должны были быть ознакомлены «самые широкие круги населения». Трудящиеся должны были «активно содействовать проведению в жизнь» этого закона. Главное, подчеркивалось в документе, не в том, чтобы проводить «большое число процессов, а в том, чтобы в слаженном взаимодействии с местными органами государственной власти и, руководствуясь волей населения, принимать меры против лиц, которые […], как типично асоциальные элементы, являются помехой общественному развитию»[57].

Это стремление добиться общественного согласия и одобрения с помощью репрессий против лиц, уклоняющихся от работы, пали на особо благодатную почву в восточногерманском обществе, которое определяло себя, прежде всего, через отношение к труду (точнее говоря – через обладание постоянными рабочими местами). Юридическая наука тоже отреагировала на новшества. В «Neue Justiz» (NJ) – веду-

щем правоведческом журнале ГДР – появилась статья, где «отношению правонарушителя к социалистическому труду» придавалось большое значение при оценке «общественной опасности» деяния и, в частности, при решении вопроса о применении или неприменении наказания. Люди, которые уклоняются от работы, говорится далее в статье, «своими преступлениями фактически ставят себя вне социалистического общества». Преследованием «паразитических тенденций» уголовное право содействует «развитию производительных сил как правонарушителя, так и лиц с похожей идеологической установкой» и, таким образом, вносит «существенный вклад в повышение трудовой морали правонарушителя и всего коллектива»[58].

Как уже говорилось, одной из важнейших целей уголовного преследования лиц, уклоняющихся от работы, было устрашение. Как и в Советском Союзе, применение трудового воспитания к отдельным индивидам должно было подвигнуть остальных к тому, чтобы исполнять определенный минимум трудовых обязанностей. Одновременно государство таким способом придавало обязательный характер определенным нормам поведения. «Положение об ограничениях на проживание» от 25 августа 1961 г., заявил начальник соответствующего отдела Министерства юстиции на одном из заседаний, подчеркивало «значение социалистических принципов морали» и препятствовало тому, чтобы «одиночки отбивались от социалистического общества»[59].

К кому же применялась такая мера воздействия, как трудовое воспитание? В округе Шверин это были преимущественно молодые люди. 60 % лиц, осужденных по «Положению» 25 августа 1961 г., не окончили школы, 65 % не имели законченного профессионального образования. Часто это были рецидивисты, в большинстве случаев имела место алкогольная зависимость. Приговор к трудовому воспитанию должен был, прежде всего, оказать действие на граждан, ведущих подобный образ жизни[60]. Исследования в Лейпциге и Карл-Маркс-Штадте (ныне снова Хемниц) дали похожие результаты: здесь 80 % осужденных составляли мужчины, около половины из них были моложе 25 лет. Алкогольная зависимость была, скорее, правилом, чем исключением. 50 % не закончили школы или посещали спецшколу. Лишь немногие имели законченное профессиональное образование, многие бросили учебу. Часто играло роль отсутствие жилья. Семьи имелись только у незначительного числа осужденных, большинство были холосты или разведены. В семьях были обычным делом насилие в отношении детей и пренебрежение родительскими обязанностями. Часто, как гласят данные исследования, осужденные вступали в «асоциальную связь с лицами, ведущими такой же или похожий образ жизни»; «приставали к гражданам и совершали хулиганские действия»[61].

Трудовое воспитание должно было осуществляться в специально устроенных для этой цели лагерях. Наши познания об этих исправительно-трудовых учреждениях по-прежнему скудны. В ГДР они создавались, главным образом, при предприятиях, на которых имелась нехватка рабочей силы – в частности, в производстве стройматериалов, в горнодобывающей промышленности и на строительстве железных дорог[62]. Созданные в 1961 г. «команды трудового воспитания» первоначально были рассчитаны на 1044 рабочих мест, из них 220 для женщин. К концу этого года общая численность арестантов в командах составила 1195 человек. В частности, лагерь Кведлинбург был переполнен на 100 %: в нем содержались 200 женщин. Многих из вновь набранных охранников пришлось уволить из-за профнепригодности, ряд начальников лагерей не справлялись со своими задачами. Оборудование лагерей было неудовлетворительным. Из-за переполненности или плохой организации многие за-

ключенные так и не получали работы. Результаты работы считались неудовлетворительными. С точки зрения предприятий, трудовое воспитание было делом проблематичным, так как многие из направленных к ним работников оказывались непригодными для выполнения назначенных операций, тем более, что суды в нарушение инструкций приговаривали к трудовому воспитанию, в том числе, и нетрудоспособных, и психически больных граждан[63]. Невзирая на этот негативный опыт, преследование лиц, уклоняющихся от работы, в ГДР продолжалось.

Статья «асоциальность» нового уголовного кодекса ГДР 1968 г.

В январе 1968 г., после длительного подготовительного периода, ГДР приняла собственный «социалистический» уголовный кодекс, который по своей структуре следовал советскому образцу. Вместе с классификацией из советского уголовного права были заимствованы и такие составы преступления, как «нарушение общественного порядка асоциальным поведением» (статья 249 УК ГДР) и «хулиганство» (ст. 215)[64]. Правда, в формулировке статьи 249 был учтен опыт использования трудового воспитания на основе «Положения об ограничениях на проживание» от 25 августа 1961 г. Эти две статьи привносили в уголовное право ГДР социализирующий компонент, так как новые составы преступления призваны были служить, прежде всего, для того, чтобы добиться от индивидов определенного поведения, «соответствующего обществу».

Согласно ст. 215, подлежал уголовному наказанию тот, кто «участвует в группе, которая из неуважения к общественному порядку или правилам социалистического общежития осуществляет акты насилия, угрозы или грубые оскорбления по отношению к лицам или злонамеренные повреждения предметов или оборудования»[65]. Имелись в виду нанесение телесных повреждений или порча имущества, совершенные в составе группы, преимущественно молодыми правонарушителями[66]. В этом отношении состав преступления «хулиганство» (Rowdytum) в ГДР был более узким, чем «хулиганство» по советскому уголовному праву.

Состав преступления «асоциальное поведение», в соответствии со ст. 249 УК ГДР, включал в себя перешедшее из «Положения об ограничениях на проживание» 1961 г. «уклонение от работы», а кроме того – проституцию и добычу средств к существованию «другим нечестным способом». В качестве наказания ст. 249 предусматривала, как и прежде, трудовое воспитание. Ни в одной другой статье кодекса такой вид наказания не упоминался. Подобно старому кайзеровскому уголовному законодательству, новое уголовное право ГДР не предписывало для трудового воспитания никакого точного размера наказания, а только его верхний предел: «Трудовое воспитание составляет минимум один год и продолжается до тех пор, пока не будет налицо воспитательный успех». Наступил «воспитательный успех» или нет – решал суд, оценивавший трудовые достижения и дисциплину осужденного. Рецидивистов могли приговаривать к трудовому воспитанию на срок до 5 лет[67].

Перед принятием нового УК восточногерманские правоведы выступали за сохранение «трудового воспитания» как меры наказания. Но, в отличие от «Положения» 1961 г., теперь юристы в ГДР уже не использовали риторику советских законов о борьбе с тунеядцами, а – как бы следуя «германской традиции» – говорили, как в

Веймарской республике, об «асоциальности». В связи с обсуждением проекта УК в «Neue Justiz» в 1967 г. вышла статья, где подчеркивалось осуждение обществом лиц, уклоняющихся от работы, чья асоциальность охватывает «весь образ жизни человека» и отрицает «социалистические принципы в сфере труда», а это несет угрозу гражданскому общежитию и общественному порядку. Одним из сущностных признаков асоциальности в статье названы «отсутствие воли или наблюдаемая до сих пор неспособность к трудовому участию в общественной жизни». Поэтому уклонение от работы и асоциальность рассматриваются как «источник дальнейшего морального разложения асоциального гражданина, а также и других неустойчивых граждан»[68]. Уже в 1962 г. два ведущих правоведа ГДР, Джон Лекшас и Иоахим Ренненберг, определили уклонение от работы как «постоянное хищение народного достояния»[69].

Изменения асоциального образа жизни, говорилось далее в статье в «Neue Justiz» 1967 г., можно достичь только воспитательным воздействием, включая принуждение. «Абсолютизация неспособности к включению в общественную жизнь» или представления о «невоспитуемости» лиц, уклоняющихся от работы, для ГДР неприемлемы. Уголовно-правовому преследованию асоциальности придавалось большое значение в деле уменьшения преступности, которая в ГДР почему-то все никак не снижалась в той мере, в какой правоведы это прогнозировали для социалистического общественного строя. В статье говорилось, что существует тесная связь между асоциальностью и различными формами преступлений против собственности. Вероятность совершения преступлений «асоциальными» элементами расценивалась как высокая. Поэтому уголовное преследование асоциальности может «внести исключительно большой вклад в борьбу с преступностью, все последствия которого пока еще невозможно предвидеть»[70]. Однако уже скоро стало очевидно, что наказание человека за уклонение от работы не предупреждало преступлений, а наоборот, зачастую клало начало его криминальной карьере. В 1968 г. среди лиц, приговоренных к трудовому воспитанию, уже было от 40 до 50 % ранее судимых. Тем не менее правоведы ГДР напрямую связывали борьбу против «асоциального, паразитического образа жизни» с борьбой против уголовной преступности.

Кроме того, преследование асоциальности представлялось эффективным средством мобилизации общественной поддержки режиму. Мероприятия государственной власти в отношении лиц, уклоняющихся от работы, говорилось в одной из статей в «Neue Justiz» в 1968 г., пробудили и усилили «нетерпимость других граждан по отношению к таким проявлениям»[71]. В ГДР, как и в СССР, стремились приобщать граждан к преследованию асоциального поведения: конфликтные комиссии на предприятиях могли проводить «воспитательные процессы», если работник нарушал трудовую дисциплину. В компетенцию арбитражных комиссий в жилых районах входило обсуждение случаев уклонения от работы и назначение взысканий и денежных штрафов, если граждане не имели постоянной работы[72].

Уголовно-правовое преследование, однако, оставалось в ГДР – в отличие от СССР хрущевской эпохи – делом судов. Количество приговоров лицам, уклоняющимся от работы, не уменьшилось после конца волны массовых репрессий, последовавшей за строительством Берлинской стены, а наоборот, непрерывно возрастало на протяжении всех 60-х годов. Но в массовом порядке трудовое воспитание стало применяться только в 70-е годы, при Эрихе Хонеккере.

Преследование «асоциальных элементов» в ГДР во времена Эриха Хонеккера

После прихода к власти Эриха Хонеккера, ставшего первым секретарем ЦК СЕПГ 3 мая 1971 г., и уголовное законодательство, и практика правоприменения стали значительно строже. «Внутриполитическое ужесточение»[73] после 1971 г. выразилось, прежде всего, именно в кампаниях, направленных на более строгое преследование и более жесткое наказание «асоциальных элементов». В октябре 1972 г. партийное начальство затребовало информацию о тех, с кем приходилось иметь дело в ходе этих кампаний. Исследование, проведенное Отделом вопросов государства и права ЦК СЕПГ в округах Эрфурт и Росток, показало, что наиболее четко очерченную группу правонарушителей, проходивших по этой статье, образовывали проститутки. Что же касалось большинства остальных лиц, осужденных за «асоциальность», то в докладе демонстрировалась тесная связь между низким уровнем образования, злоупотреблением алкоголем, рецидивной преступностью и «асоциальным образом жизни». Основную массу приговоренных составляли «неустойчивые, неприспособленные к жизни люди», которые не в состоянии заниматься упорядоченной трудовой деятельностью, говорилось в докладе, однако, без подробностей. Кроме того, в эту группу входили «слабоумные» личности, т. е. психически больные. «Выраженной политической позиции» у осужденных «в подавляющем большинстве случаев не наблюдается», что также обусловлено их «низким образовательным уровнем». Только у отдельных лиц была заметна «декларируемая враждебность к социалистическому строю»[74].

В первые годы правления Хонеккера функционеры судебной системы ГДР демонстрировали убежденность в том, что смогут этих людей исправить с помощью статей нового социалистического уголовного кодекса, то есть воспитать их посредством наказания. Поскольку восточногерманская юстиция получила в 1968 г. новый, социалистический, уголовный кодекс, перед ней стояла теперь неотложная задача: быстро сократить число преступлений и продемонстрировать успех. Однако статистика преступности не свидетельствовала ни о каком спаде. Так как наказанию в виде лишения свободы приписывалось, прежде всего, воспитательное действие, многие суды полагали – в соответствии с политической генеральной линией первых лет правления Хонеккера, – что особенно большого воспитательного эффекта смогут добиться путем присуждения строгих наказаний[75].

Но сначала нужно было убрать с дороги «формально-юридические» преграды: ранней регистрации «асоциальных элементов», говорится в докладе Отдела государства и права ЦК СЕПГ от октября 1972 г., противодействует истолкование статьи 249 УК Верховным Судом[76]. Имелось в виду решение Президиума Верховного Суда ГДР от 7 января 1971 г., которое в общих чертах определяло составы преступления, предусматриваемые статьей 249: признак состава преступления «уклонение от работы» налицо, если преступник «не занимается никакой упорядоченной трудовой деятельностью, злостно прогуливает работу или для видимости нанимается на работу, чтобы скрыть свое уклонение от труда». Однако, если человек время от времени отсутствует на рабочем месте, «неохотно исполняет определенные работы» или часто переходит на другую работу – это еще не прогульщик. Сюда же дополнялись разные способы занятия проституцией и «получения средств к существованию нечестными способами». Последнее относилось, например, к азартным играм или сутенерству.

Однако составы преступления могли считаться наличествующими только в том случае, если деяние повлекло за собой «вредные последствия для социалистического общества»[77].

Отдел вопросов государства и права ЦК поручил Верховному суду республики выработать «такое истолкование понятия «асоциального поведения», которое не позволяло бы соответствующим лицам уйти от государственных мероприятий и от уголовно-правовой ответственности путем случайной работы или краткосрочных трудовых договоров». Ограничительные критерии решения Президиума от 7 января 1971 г. относительно «уклонения от работы» необходимо отменить, говорилось в статье[78].

После этого Верховный Суд проверил свои документы по асоциальности и рецидивной преступности – действительно ли «они противодействуют скорейшему решению и высокой общественной эффективности приговоров, а также быстрой и энергичной государственной реакции […]». Относительно решения от 7 января 1971 г., которое теперь рассматривалось как ограничительное, – сообщалось, что оно уже отменено. Впредь до выхода нового указания практика вынесения приговоров Верховным Судом должна была стать ориентиром для нижестоящих инстанций. Третьему уголовному сенату Верховного Суда было поручено «посредством целенаправленных решений сделать борьбу против асоциальности более последовательной и устранить сужающие толкования относительно применения мер наказания»[79].

Более жесткое преследование «асоциальности» и рецидивной преступности, которого требовало партийное начальство, привело к далеко идущим реакциям судебных органов. Впрочем, из-за того, что круг наказуемых деяний поначалу не был расширен, число зарегистрированных преступлений в 1973 г. (137.588) оставалось практически неизменным по сравнению с предыдущим годом (136.911). Однако суды теперь значительно чаще стали приговаривать не к условному наказанию, а к лишению свободы. Доля наказаний в виде лишения свободы достигла в 1973 г. небывалого уровня в 49,2 %. Это означало прирост больше чем на треть по сравнению с 1971 г.[80]. (правда, уже в 1974 г. этот показатель снова сильно упал, что свидетельствовало об окончании кампании по более жесткому наказанию преступлений).

Необычайный рост числа преступлений в летние месяцы 1973 г. явился также следствием операции «Знамя», призванной усилить эффект политико-правового курса первых лет режима Хонеккера[81]. Операция «Знамя» представляла собой комплекс мер безопасности, принятых во время X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Восточном Берлине: это были своего рода запоздалые «коронационные торжества» Хонеккера, призванные служить прежде всего подъему престижа социалистического германского государства внутри страны и за границей. Мероприятия в связи с этой всемирной встречей молодежи особенно наглядно показали, насколько гигантский эффект это событие произвело на внутреннюю и судебную политику ГДР на все время пребывания Хонеккера в должности. В то же время, снова стало очевидно, что борьба с преступностью в 70-е гг. носила характер кампаний. Аресты, произведенные в рамках операции «Знамя», призваны были не допустить, чтобы на улицах столицы ГДР появились «враждебно настроенные лица и группировки уголовных и асоциальных элементов, склонные к актам насилия, невменяемые и амнистированные лица»[82].

О том, какое значение придавало правительство ГДР безопасности во время фестиваля, говорит то обстоятельство, что операция «Знамя» была назначена, сплани-

рована и осуществлена при помощи военных приказов. 17 мая 1973 г. высший военный руководящий орган ГДР – Национальный совет обороны – издал распоряжение, чтобы во время фестиваля не было допущено «никаких чрезвычайных происшествий». Фестиваль должен был «отражать рост ГДР и укреплять ее международный авторитет в мире». Более всего Национальный совет обороны опасался, как бы не повторилась трагедия, случившаяся во время Олимпийских игр в Мюнхене в сентябре 1972 г., когда арабские террористы напали на израильскую команду[83], поэтому он дал министру государственной безопасности приказ взять на себя руководство мероприятиями по обеспечению охраны фестиваля. Для этих целей министр мог использовать не только силы полиции и полк охраны своего министерства, но и дополнительные части, подчиненные министерствам внутренних дел и обороны[84].

Госбезопасность занималась, прежде всего, охраной иностранных участников фестиваля и надзором за ними, а также предотвращением терактов. Контролировать и задерживать «обычных» уголовных преступников и «асоциальных элементов» было делом прокуратур и полиции. Уже 7 февраля 1973 г. Генеральная прокуратура и Министерство внутренних дел издали совместный циркуляр, призванный обеспечить полную зачистку столицы на время фестиваля: в отношении «асоциальных лиц и проституток» предписывалось начать и завершить следственные мероприятия «сконцентрированно и ускоренно». Через пять дней начальник управления полиции Восточного Берлина издал приказ – «вскрыть и в основном устранить все проявления асоциальности и проституции в мае месяце 1973 г.». Эти мероприятия были направлены, прежде всего, против 150–180 известных городских проституток, а также против примерно 1000 человек, которые «упорно продолжали вести асоциальный образ жизни». Начиная с июня, приказ требовал обеспечить «постоянный и полный учет вновь выявляемых асоциальных лиц и проституток» и немедленно начинать «необходимые следственные действия» против них. Таким образом, планировалось добиться того, чтобы «столица ГДР […] в ходе подготовки и проведения X Всемирного фестиваля была очищена от всех известных асоциальных лиц и проституток»[85].

В конце лета 1973 г. руководство народной полиции ГДР рапортовало об «успехах» в деле обеспечения безопасности фестиваля: с 23.532-мя лицами, имеющими «криминальные и асоциальные наклонности», полицейские привели «профилактические беседы», чтобы удержать их от поездки в Восточный Берлин. Кому-то полицией было запрещено уходить в отпуск, у кого-то были конфискованы удостоверения личности. В 2.293 случаях было «применено» взятие под стражу, т. е. краткосрочное лишение свободы. 604 человека с психическими расстройствами уголовная полиция на время фестиваля приказала поместить в психиатрические больницы, примерно 2.500 детей и подростков – в исправительно-трудовые колонии для несовершеннолетних или «специальные детские дома»[86].

«Значительный рост», говорится далее в отчете, демонстрировал такой показатель, как расследования дел по ст. 249 (асоциальное поведение). Если в первом полугодии 1972 г. таких дел было еще 2.003, то в первом полугодии 1973 г. число их более чем утроилось: следствия прошли по 6.635 делам. Особенно резкий скачок наблюдался в Восточном Берлине (более 530 %) и в соседнем округе Франкфурт-на-Одере (ок. 500 %)[87]. В «период непосредственной подготовки и проведения Всемирного фестиваля» с 1 июля по 4 августа 1973 г. было расследовано еще 3.671 дело. При обработке материалов следствия полиция и судебные органы в соответствии с указаниями Политбюро применяли, как отмечается в полицейском отчете, «простые и эффективные методы»[88].

Число приговоров, вынесенных по статье «асоциальное поведение», в ходе мероприятий по обеспечению безопасности X Международного фестиваля молодежи и студентов выросло во много раз. Уже в течение первых двух лет правления Хонеккера наблюдался отчетливый прирост зарегистрированных правонарушений, подпадавших под эту статью: если в 1970 г. их было еще 3.756, то в 1971 г. уже 5.061, а в 1972 г. – 5.686. В 1973 г. последовал взрывообразный рост до 14.164, а на следующий год снова спад до 7.414 дел. Таким образом, Генеральная прокуратура зарегистрировала в 1974 г. примерно вдвое больше случаев «асоциальности», чем в 1970 г. Аресты, произведенные до и во время фестиваля, представляли собой лишь кульминационную точку того более жесткого внутриполитического курса, который стал проводиться в ГДР после прихода к власти Хонеккера.

Ужесточение пенитенциарной практики неизбежно должно было привести к новым проблемам в управлении обществом: вместо желаемого снижения преступности число зарегистрированных преступлений росло, тюрьмы заполнялись, и скоро был превышен предел их вместимости. 31 декабря 1973 г. они были заполнены на 125 %, а женские даже на 147 %[89]. Администрация мест заключения с большим трудом обеспечивала размещение, продовольственное снабжение и медицинское обслуживание заключенных[90]. Под конец мест в тюрьмах уже едва хватало, чтобы справиться с последствиями новой политики. Такого количества заключенных, как в первые годы правления Хонеккера, в ГДР не было с 50-х гг.

Тем не менее власти продолжали уголовно-правовое преследование «асоциальных элементов» вплоть до 1989 г. Правда, особый вид наказания за «асоциальность» – трудовое воспитание – новым Законом об исполнении наказаний от 1977 г. был отменен. Поправка явилась, не в последнюю очередь, результатом усилий, предпринятых ООН с целью добиться улучшений в тюрьмах государств-членов организации. Новый Закон ГДР об исполнении наказаний следовал принятым в 1955 г. содружеством наций минимальным стандартным правилам обращения с заключенными и предусматривал, наряду с ликвидацией трудового воспитания, целый ряд других улучшений в области практики исполнения наказаний[91].

Обобщение и анализ

Среди главных причин, которыми были вызваны огромные экономические проблемы Советского Союза и его восточногерманского сателлита, были низкая трудовая мораль работников и низкая производительность труда. Посредством законов о «лицах, уклоняющихся от общественно полезного труда», государство как бы маркировало ту границу, далее которой оно уже не готово было терпеть нарушения трудовых обязанностей. Кроме того, наказание «тунеядцев» должно было выполнять и другие функции, а именно – делать определенные социальные нормы обязательными для исполнения и действовать устрашающе не только на наказанных, но и на других граждан, расценивавшихся как «неустойчивые». Приговоры, вынесенные отдельным лицам, должны были побудить остальных к исполнению определенного минимума обязанностей. Далее, как в Советском Союзе, так и в ГДР, у государства и партии была цель наказанием «тунеядцев» или «асоциальных элементов» мобилизовать одобрение и поддержку населения. Эти усилия властей, направленные на то,

чтобы обеспечить в обществе консенсус и согласие с проводимым курсом посредством репрессий против лиц, уклоняющихся от работы, пали на особо благодатную почву в том обществе, которое определяло себя, прежде всего, через отношение к труду (точнее говоря – через обладание постоянными рабочими местами).

Чтобы обеспечить санкции против пренебрежения трудовыми обязанностями, Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ от 4 мая 1961 г., – после того, как другие союзные республики уже издали похожие законы. Однако этот акт противоречил важнейшему принципу политики Хрущева в области права – «укреплению социалистической законности». Как по форме, так и по риторике, которой они сопровождались, законы о борьбе с тунеядством оказались шагом назад к сталинизму. Кроме того, проблематичным, с юридической точки зрения, было закрепленное в законе положение, согласно которому выносить приговоры могли не только судебные органы, но и собрания общественности. Правда, связь между общественными судами и законами о борьбе с паразитическими элементами никогда не была очень тесной, так как роль этих институтов в проведении правовой нормы в жизнь оказалась незначительной. Скорее, законы превратились в средство, позволявшее органам власти административным путем бороться с социальными проблемами постсталинского общества.

Применение этих норм на практике было связано с очень большими трудностями. Ожидавшийся социально-мобилизующий эффект наступил лишь в очень ограниченном объеме, так как милиция и прокуратуры, которые должны были вести дознания в отношении «тунеядцев», передавали подавляющее большинство дел в суды, а не собраниям граждан. Катастрофические последствия имело применение такой формы наказания, как «выселение», потому что назначенные места поселения никак не были подготовлены к принятию «тунеядцев», направлявшихся к ним по приговорам из других областей. Вместо того, чтобы обеспечивать воспитательное воздействие, эта мера вела к тому, что в районах поселения возрастали преступность и алкоголизм.

Впрочем, преследование «тунеядцев» при Хрущеве носило характер кампаний. В РСФСР применение закона о борьбе против тунеядства уже через несколько лет пошло на убыль, – не в последнюю очередь, вследствие того, что ослабело усердие органов внутренних дел по выявлению нарушителей Указа от 4 мая 1961 г. При преемнике Хрущева, Брежневе, несознательное отношение к труду и низкая трудовая дисциплина оставались одной из главных проблем советской экономики. По этой, в частности, причине закон о борьбе против тунеядства сохранял в РСФСР силу, хотя в 1965 и 1970 гг. в него были внесены изменения, которые инкорпорировали его положения в уголовное право и одновременно отражали характерный для брежневского правления более четкий акцент на власти государства. Общественные суды упразднялись, а роль административных органов была усилена – они получали теперь право направлять «тунеядцев» на работу под угрозой наказания.

ГДР следовала за Советским Союзом с отставанием всего на несколько месяцев: при первой же предоставившейся возможности цели советского закона о борьбе с паразитическими элементами получили отражение в восточногерманском праве, когда в августе 1961 г. было издано «Положение об ограничении права проживания». Правда, полиция и суды в советской зоне оккупации Германии и в ГДР уже с конца 40-х годов – часто по настоянию оккупационной власти – направляли «асоциальных лиц» и «тунеядцев» в работные дома. В преследовании «асоциальных элементов» здесь играл роль не только советский образец, но и «немецкие традиции» времен

Германской Империи и Веймарской республики. В соответствии с ними, для наказуемого «уклонения от работы» применялось название «асоциальность», тем более, что применение слова «паразит» имело бы в Германии еще более дурной привкус. Кроме того, преследование «уклоняющихся от работы элементов» на основании «Положения об ограничениях на проживание» было призвано выполнять и еще одну функцию – отвлекать внимание от крайне непопулярных репрессивных мер, принятых после строительства Берлинской стены, и обеспечить коненсус между властями и населением в вопросах правоприменения. Эта цель была достигнута.

В массовом порядке статья «асоциальность» стала применяться в ГДР только при Хонеккере. Сразу после его прихода к власти в мае 1971 г. началась кампания по более строгому преследованию и более жесткому наказанию «асоциальных элементов». Через какое-то время вместимости тюрем в ГДР уже едва хватало, чтобы справиться с последствиями новой политики. Такого количества заключенных, как в начале правления Хонеккера, в ГДР не было с 50-х гг. Суды ГДР и в других правовых вопросах обращались с «асоциальными лицами» хуже, чем с прочими гражданами – например, при рассмотрении дел о лишении родительских прав, при исках о выселении из квартиры или при назначении меры наказания за то или иное преступление. Граждане зачастую разделяли мнение государства о малой ценности этих членов общества и требовали более жестких наказаний для «уклоняющихся от работы элементов»[92].

В отличие от СССР периода правления Хрущева, где собрания общественности лишь в очень ограниченной мере оправдали возлагавшиеся на них надежды касательно социальной мобилизации в форме осуждения «тунеядцев», в ГДР применение государственными органами ст. 249 УК встретило широкую поддержку населения – например, в виде выступления общественных обвинителей на процессах, которые обычно требовали более жестких наказаний подсудимым. С этой точки зрения, статья выполнила свою цель – мобилизовать во внеполитической сфере готовность к принятию определенных социальных норм в качестве общеобязательных. Как бы ни расценивать социальный феномен «асоциальности», вопрос тем не менее остается: надо ли было этих людей наказывать и сажать за решетку. Как в Советском Союзе, так и в ГДР практика показала, что уголовное право – неподходящий «воспитательный» инструмент для того, чтобы заставить «асоциальных лиц» или «паразитов» включиться в общественную жизнь и упорядоченную трудовую деятельность.

Перевод с немецкого Кирилла Левинсона

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Строго говоря, «указ» и «закон» – не одно и то же, но автор использует эти два слова как синонимы, и такое словоупотребление сохранено в переводе. – *Прим. перев.*

[2] *Schroeder F.-Chr.* Gesellschaftsgerichte und Administrativjustiz im vorrevolutionären Rußland // Osteuropa – Recht. 1962. S. 292–305.

[3] *Ленин В.И.* О «двойном» подчинении // *Он же*: О социалистической законности (1917–1922 гг.). – М., 1958. С. 695–699.

[4] Die Grundsätze der Strafgesetzgebung der UdSSR und der Unionsrepubliken (= Studien des Instituts für Ostrecht, 10) / Mit einer Einführung und Erläuterungen von F. – Chr. Schroeder. – Herrenalb, 1960 (см. http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr6067.htm – *Прим. пер.*).

[5] *Schittenhelm U.* Strafe und Sanktionssystem im sowjetischen Recht: Grundlinien der Kriminalpolitik von den Anfängen bs zum Ende des Sowjetstaates (= Beiträge und Materialien aus dem Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht, 46). – Freiburg, 1994 (zugl. Univ. Diss. Tübingen, 1993). S. 228–243.

[6] *Filtzer D.* Die Chruschtschow-Ära. Mainz, 1995. S. 17–20.

[7] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 186. Л. 74 и 85.

[8] *Schroeder F.-Chr.* Gesellschaftsgerichte und Administrativjustiz. S. 292–305. (Рус. цит. по: www.fidh.org/IMG/pdf/Romrussie501russe2008.pdf – *Прим. пер.*).

[9] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 22. Л. 104–105.

[10] *Filtzer D.* Die Chruschtschow-Ära.. S. 42f.

[11] Положение об общественных судах РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 26 (в оригинале статьи цит. по: Jahrbuch für Ostrecht. 1961. Bd. 2. S. 209–217).

[12] Закон об усилении борьбы с антиобщественными паразитическими элементами в Киргизской ССР // Советская Киргизия. 20 января 1959 г. С. 2. (В оригинале статьи цит. по: Ostprobleme. 16. Oktober 1959. Bd. 21. S. 673f.).

[13] Там же.

[14] Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР об усилении борьбы с антиобщественными паразитическими элементами // Заря востока. 6 сентября 1960 г., здесь цит. по: Ostprobleme. 14. Oktober 1960. Bd. 21. S. 655.

[15] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни // Советская Россия. 5 мая 1961 г., здесь цит. по: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 18. С. 273, в оригинале статьи цит. по: Jahrbuch für Ostrecht. 1961. Bd. 2. S. 218–220.

[16] Там же.

[17] *Schittenhelm U.* Strafe und Sanktionssystem. S. 236.

[18] Strafgesetzbuch der RSFSR vom 22. Januar 1926 in der am 1. Januar 1952 gültigen Fassung. Berlin, 1953. S. 28f.

[19] *Schittenhelm U.* Strafe und Sanktionssystem. S. 241.

[20] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. а-461. Оп. 12. Д. 47. Л. 2–13 и Д. 39. Л. 2.

[21] Очистим наше общество от тунеядцев! // Комсомольская правда. 3 сентября 1960 г. С. 1 (В оригинале статьи цит. по: Ostprobleme. 14. Oktober 1960. Bd. 21. S. 656).

[22] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 691. Л. 1–2.

[23] Там же. Л. 3–6.

[24] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 890. Л. 3.

[25] *Hasbych A.* Rechtsalltag im Spiegel der «Izvestija» // Osteuropa-Recht. 1965. Jg. 11. S. 39–51.

[26] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 892. Л. 6–8.

[27] ГАРФ. Ф. а-7212. Оп. 11. Д. 1295. Л. 4–6.

[28] ГАРФ. Ф. а-353. Оп. 13. Д. 957. Л. 1–5.

[29] ГАРФ. Ф. а-353. Оп. 13. Д. 957. Л. 48–52.

[30] ГАРФ. Ф. а-353. Оп. 13. Д. 955. Л. 17–19.

[31] Там же. Л. 21–24.

[32] ГАРФ. Ф. а-353. Оп. 13. Д. 956. Л. 61–69.

[33] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 892. Л. 11–12.

[34] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 892. Л. 14–15.

[35] ГАРФ. Ф. а-461. Оп. 11. Д. 1120. Л. 1–4.

[36] ГАРФ. Ф. а-7212. Оп. 11. Д. 1295. Л. 4–6.

[37] Там же.

[38] *Schroeder F.-Chr.* Die Abschaffung der Gesellschaftsgerichte in der Sowjetunion und die Periodisierung der sowjetischen Rechtsentwicklung // Osteuropa-Recht. 1967. Bd. 13. S. 89–96.

[39] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об изменениях Указа от 4 мая 1961 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 38. Ст. 932 (в оригинале статьи цит. по: Jahrbuch für Ostrecht. 1965. Bd. 6. S. 225–228).

[40] *Bilinsky A.* Novellierung der Parasitengesetze in der UdSSR // Jahrbuch für Ostrecht. 1965. Bd. 6. S. 201–209.

[41] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об изменениях Указа от 4 мая 1961 г. (в оригинале статьи цит. по: Jahrbuch für Ostrecht. 1972. Bd. 13. S. 257–259).

[42] *Behrendt E.* Zum neuen Parasitengesetz in РСФСР // Jahrbuch für Ostrecht. 1972. Bd. 13. S. 107–137.

[43] *Werkentin F.* Politische Strafjustiz in der Ära Ulbricht (= Forschungen zur DDR-Geschichte, 1). – Berlin, 1995. S. 47–52, 250–271.

[44] Verordnung über Aufenthaltsbeschränkungen vom 25. August 1961 // Gesetzblatt der DDR (далее: GBl.). Teil II. S. 343.

[45] На тему преследования «асоциальных элементов» в ГДР в последнее время опубликованы следующие работы: *Korzilius S.* «Asoziale» und «Parasiten» im Recht der SBZ, DDR: Randgruppen im Sozialismus zwischen Repression und Ausgrenzung. – Köln, 2005; *Lindenberger T.* «Asoziale Lebensweisen«: Herrschaftslegitimation, Sozialdisziplinierung und die Konstruktion eines «negativen Milieus» in der SED-Diktatur // Geschichte und Gesellschaft. 2005. Bd. 31. S. 227–254.

[46] *Ayass W.* Die «korrektionelle Nachhaft». Zur Geschichte der strafrechtlichen Arbeitshausunterbringung in Deutschland // Zeitschrift für neuere Rechtsgeschichte. 1993. Heft 15. S. 184–201.

[47] *Idem*. «Asoziale» im Nationalsozialismus». – Stuttgart, 1995. S. 100 ff.

[48] Erste Durchführungsbestimmung zur Strafprozessordnung vom 31. August 1954 – Überprüfung und Aufhebung von Maßnahmen der Sicherung // GBl. II. S. 777.

[49] Gesetz gegen gefährliche Gewohnheitsverbrecher und über Maßregeln der Sicherung und Besserung vom 24. November 1933 // Reichsgesetzblatt. *Teil I.S.* 996.

[50] *Ayass W.* Die «korrektionelle Nachhaft». S. 198.

[51] Schreiben der DVdI an das sächsische Innenministerium vom 3. Februar 1948 sowie Schreiben der Polizeiabteilung des Sächsischen Innenministeriums vom 21. Februar 1948. Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden (далее: SächsHStA). Landesregierung Sachsen (далее: LRS). Ministerium des Inneren (далее: MdI). 81. Bl. 47, 50.

[52] Rundverfügung des sächsischen Justizministeriums vom 13. Januar 1949. SächsHStA. LRS. Ministerium der Justiz (далее: MdJ). 1019.

[53] Sitzungsbericht des sächsischen Justizministeriums zur Einrichtung eines Arbeitshauses für Dresden am 6. Juli 1949. SächsHStA. LRS. MdJ. 1019.

[54] Rundschreiben des sächsischen Ministeriums für Arbeit und Sozialwesen vom 25. August 1949. SächsHStA. LRS. MdJ. 1019.

[55] Rundverfügung des sächsischen Justizministeriums vom 19. November 1949. SächsHStA. LRS. MdJ. 1019.

[56] Bericht des MdJ vom 22. September 1961 über die Durchführung der Verordnung über Aufenthaltsbeschränkung. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (далее: SAPMO-Barch). DY 30 IV 2/13. 423. Bl. 171–176.

[57] Anleitung 2/61 des Justizministers und des Generalstaatsanwalts zur Verordnung über Aufenthaltsbeschränkung. SAPMO-BArch. DY 30 IV 2/13. 423. Bl. 18–21.

[58] *Weber H.* Welche Bedeutung hat die Einstellung des Rechtsbrechers zur sozialistischen Arbeit für die richtige Einschätzung der Straftat und die Differenzierung der Strafe? // Neue Justiz (далее: NJ). 1961. Jg. 15. S. 769–773.

[59] *Frenzel L.* Zur Bedeutung des XXII. Parteitages der KPdSU und des 14. Plenums der SED für die Strafgesetzgebung der DDR // NJ. 1962. Jg. 16. S. 91–94.

[60] *Wagner H. / Krohn P.* Arbeitsbummelantentum und Kriminalität // NJ. 1963. JG. 17. S. 776–778. Авторы работали прокурорами в округе Шверин.

[61] *Manecke K. / Bischof J.* Die Asozialität und ihre Bekämpfung // NJ. 1967. Jg. 21. S. 374–377.

[62] *Fricke K.W.* Politik und Justiz in der DDR. Zur Geschichte der politischen Verfolgung 1945–1949. – Köln, 1979. S. 528–529.

[63] *Eberle H.* GULag DDR? – Ökonomische Aspekte des Strafvollzugs in den 50er und 60er Jahren // Die DDR – Recht und Justiz als politisches Instrument (= Dokumente und Schriften der Europäischen Akademie Otzenhausen, 89) / Hg. von H. Timmermann. – Berlin, 2000. S. 132–136.

[64] *Schroeder F. – Chr.* Der Kampf der Sowjetunion gegen das Rowdytum // Jahrbuch für Ostrecht. 1966. Jg. 7. S. 87–132.

[65] Strafgesetzbuch der DDR. Berlin, 1968. S. 80.

[66] *Freiburg A.* Jugendkriminalität in der DDR // Jugendkriminalität in beiden deutschen Staaten / Hg. von G. Helwig. Köln, 1985. S. 89.

[67] Впрочем, к трудовому воспитанию нельзя было приговаривать на срок, превышающий срок тюремного заключения, которое тоже было предусмотрено в качестве меры наказания за это преступление, т. е. для пункта 1 – до двух лет, для п. 3 – до пяти лет. – Strafgesetzbuch der DDR. S. 21 f.

[68] *Manecke K. / Bischof J.* Die Asozialität. S. 374–377.

[69] *Lekschas J. / Renneberg J.* Lehren des XXII. Parteitags der KPdSU für die Entwicklung des sozialistischen Strafrechts der DDR // NJ. 1962. Jg. 16. S. 76–90.

[70] *Manecke K. / Bischof J.* Die Asozialität. S. 374–377.

[71] *Mürbe H. / Schmidt H.* Das Einführungsgesetz zum StGB und zur stopp // NJ. 1968. Jg. 22. S. 193–197.

[72] *Hantsche W. / Winkler R. / Gärner K.* Neue Bestimmungen über die Tätigkeit der Konflikt- und Schiedskommissionen – weitere Ausgestaltung der sozialistischen Rechtsordnung // NJ. 1968. Jg. 22. S. 741–748.

[73] *Brunner G.* Einführung in das Recht der DDR. 2. Aufl. – München, 1979. S. 33.

[74] Bericht der Abteilung Staats- und Rechtsfragen des ZK zur Asozialität in Rostock und Erfurt vom 6. Oktober 1972. SAPMO-BArch. DY 30. Vorl. SED 19429.

[75] *Buchholz E.* Strafrecht // Die Rechtsordnung der DDR. Anspruch und Wirklichkeit / Hg. von U.J. Heuer. – Baden-Baden, 1995. S. 321f.

[76] Bericht der Abteilung Staats- und Rechtsfragen des ZK zur Asozialität in Rostock und Erfurt vom 6. Oktober 1972. SAPMO-BArch. DY 30. Vorl. SED 19429.

[77] Beschluß des Präsidiums des Obersten Gerichts der DDR (OG) zur Anwendung des § 249 vom 7. Januar 1971 // NJ. 1971. Beilage 3.

[78] Bericht der Abteilung Staats- und Rechtsfragen des ZK zur Asozialität in Rostock und Erfurt vom 6. Oktober 1972. SAPMO-BArch. DY 30. Vorl. SED 19429.

[79] Правда, Верховный Суд ГДР присовокупил меморандум, в котором подчеркивал свою дифференцированную позицию: «Ни принципиальное усиление наказаний, ни другие изолированные меры не обеспечивают большей эффективности: вместо этого в каждом конкретном случае необходимо выбирать наиболее подходящие меры, с точки зрения как вида наказания, так и его размера». – Vorschläge des OG vom 6. Juni 1973. Bundesarchiv Berlin (далее: BArch). DP 3 I. 67. Bll. 78–82.

[80] Kriminalitätsstatistik der DDR. BArch. DP1. VA. 8630.

[81] *Werkentin F.* Politische Strafjustiz. S. 389f.

[82] Schreiben Mielkes an die Leiter der Bezirksverwaltungen für Staatssicherheit vom 2. August 1973.

[83] Anlage zum Befehl 26/73 des Ministers für Staatssicherheit vom 26. Juni 1973. Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR (далее: BStU), Zentralarchiv (далее: ZA), GVS MfS 8–665/73. Sicherheit bei den X. Weltfestspielen. Sitzung des NVR am 17. Mai 1973. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). VA 1. 39500. Bll. 31–33.

[84] Aktenvermerk vom 24. Mai 1973 über die erste Beratung der Arbeitsgruppe des Ministers für Staatssicherheit. Minderheitenvotum des Abgeordneten Michael Arnold und der Fraktion Bündnis 90/Grüne zum Schlußbericht des Sonderausschusses zur Untersuchung von Amts- und Machtmißbrauch infolge der SED-Herrschaft. Berichte der Untersuchungs- und Sonderausschüsse des Sächsischen Landtags der 1. Wahlperiode, Drucksache 1/4773, Anlagenband. S. 925ff.

[85] Konzeption des Präsidiums der Volkspolizei Berlin, Abteilung Kriminalpolizei, zur Führung und Leitung des Kampfes gegen Asozialität und Prostitution vom 4. Mai 1973. BArch. DO 1. 5.0, 43168.

[86] Wesentliche Ergebnisse der Arbeit des Dienstzweiges Kriminalpolizei bei der Vorbereitung und Durchführung der X. Weltfestspiele in Berlin vom 5. August 1973. BStU. ZA. HA IX 5354. Bll. 2–23.

[87] Bericht der HA Kriminalpolizei vom 24. Juli 1973. BStU. ZA. HA IX 5353. Bll. 2–14; Maßnahmen des Präsidiums der Volkspolizei Berlin, Abteilung Kriminalpolizei, zum Politbürobeschluß vom 24. April 1973 und zu den Arbeitstagungen vom 17. Januar und 1. Juni 1973. BArch. DO 1. 5.0, 43168.

[88] Wesentliche Ergebnisse der Arbeit des Dienstzweiges Kriminalpolizei. BStU. ZA. HA IX 5354. Bl. 9.

[89] Ungezeichnetes Papier des MdI mit handschriftlichem Vermerk «Zuarbeiten für einen Vortrag Abt. Sicherheit beim ZK.» BArch. DO 1. 32, 53245.

[90] Probleme des Strafvollzugs. Papier des MdI vom 5. Oktober 1974. BArch. DO 1. 32, 53245.

[91] StVG vom 7. April 1977. GBl. I. S. 109–112.

[92] *Markovits I.* Der Handel mit der sozialistischen Gerechtigkeit. Zum Verhältnis zwischen Bürger und Gericht in der DDR // Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR (= Zeithistorische Studien, 12) / Hg. von T. Lindenberger. – Köln, 1999. S. 315–347, здесь 339f.

Вражда и преданность в «холодной войне»

Николаус Катцер

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НА ГАРЕВОЙ ДОРОЖКЕ. Спортивные встречи между обеими Германиями и СССР после Второй мировой войны

Спорт наряду с массовой прессой, кино, радио, туризмом и телевидением был одновременно и отличительной особенностью, и двигателем модернизации новейшего времени. Этот социальный институт превратился в подсистему обществ, которая не была ни эквивалентом, ни простым отражением социальных отношений. Спорт как публичное зрелище и как частное досуговое развлечение, спорт как регламентируемая и как свободная игра, спорт как институт, связанный с политическим строем и с культурой каждой страны, но в то же время способный осуществлять наднациональную, международную коммуникацию, – во всех этих качествах спорт обрёл некую собственную жизнь, которая имеет ключевое значение для понимания новейшей истории.

Массовые спортивные мероприятия обставлялись как битвы за престиж между государствами и народами. Они требовали огромных инфраструктурных инвестиций, ибо они со временем всё больше и больше воспринимались ещё и как мерило мощи и уровня развития страны. После потерь и разрушений Первой мировой войны работники социального образования, гигиенисты и политики видели в физкультуре и спорте, кроме того, ещё и экспериментальную площадку для перспективных общественно-воспитательных опытов. В частности, в расшатанных обществах проигравших войну государств большим спросом пользовались теории движения, поскольку казалось, что они оказывают регулирующее, ориентирующее и стабилизирующее действие на социум, движущийся в неизвестное будущее. Эти теории, неизменным центром которых были молодость, здоровье, сила и выносливость, сыграли важнейшую роль в формировании представлений о «современном образе жизни». Аскетизм, дисциплина, сила воли, мужество и энтузиазм – их неотъемлемые атрибуты – повлияли и на восприятие труда. Национал-социализм и сталинизм выработали каждый свои формы большого спорта и массового физкультурного движения, связав элементы этих двух разных и отчасти даже противоположных программ со специфическими политическими, военными и идеологическими целями.

Стремление к чрезвычайным достижениям, к героизму, который позволял достигнуть счастья, благосостояния и величия, больше чем когда-либо раньше выдвигало на передний план исключительное достижение и рекорд, лишая силы традиционные идеалы равенства и справедливости. Дух коллективизма спортсмены, среди которых становилось всё больше женщин, встречали преимущественно в мире своей команды, коллектива, спортклуба, нации или государства. Небывалые материальные разрушения и социальные потрясения Второй мировой войны повлекли за собой не

только коренные изменения в международной расстановке сил и раскол мира: они также преобразовали и активизировали процесс социализации и инструментализации спорта, сопровождавшийся его нарастающей профессионализацией и медиализацией. Близость к инстанциям власти приводила к тому, что в особенности большой спорт становился как бы замещающим полем битвы конкурирующих политических систем Востока и Запада, он поднимал престиж страны в мире и содействовал её внутренней интеграции. Германо-советские отношения после 1945 г. отражали эту инструментализацию спорта для политических целей, равно как и различные исторические варианты физического воспитания, физкультуры и спорта. В них выражались новизна и непрерывность, разрыв с прошлым и традиция, конфронтация и сближение. Но вначале они определялись ситуацией, сложившейся в конце Второй мировой войны. Как держава-победительница, Советский Союз наряду с западными союзниками выступал в качестве оккупационной власти, которая решала все вопросы, касавшиеся жизни Германии. Чем более отчётливо обозначалось разделение Германии на два государства, тем сложнее становились отношения между «немцами» и «русскими» и тем более необходимо было изыскивать для них адекватные формы общения и словарь. Это хорошо видно на примере установления и интенсификации спортивных контактов.

Так как холодная война неизбежно усиливала противоречия между двумя частями Германии и всё сильнее подталкивала каждую из них к тому, чтобы подчиниться соответствующей оккупационной администрации и прописаться в её «лагере», вскоре сложилась такая ситуация, при которой западные и восточные немцы в спорте противостояли друг другу, а также и те, и другие противостояли русским (или «советским»), своим вчерашним противникам в войне. Ещё свежее воспоминание о недавнем прошлом и опыт первых послевоенных лет не позволяли надеяться на скорую разрядку напряжения в треугольнике Москва – Восточный Берлин – Бонн. По мере того как спортивные связи в 50-ые гг. постепенно интенсифицировались, они были официально подчинены системному конфликту между «демократией» и «диктатурой», «капитализмом» и «социализмом», «миром» и «империализмом», «прогрессом» и «реставрацией». Казалось, что именно на спортивных площадках решался вопрос, кто «друзья», а кто – «враги».

Но как нерешённый вопрос о том, какое государство имеет право выступать представителем немецкой «нации», так и национальный стимулирующий фактор в спортивном состязании между странами складывавшегося «социалистического лагеря» шли вразрез с такими биполярными делениями. Элемент «чисто спортивного» соревнования, соревнования по твёрдым собственным правилам и в разнообразных дисциплинах, оказалось не так-то легко преодолеть или устранить. Победам и поражениям можно было придавать идеологическое значение. Но добиваться побед или избегать поражений можно было только за счёт лучших методов тренировки и более эффективного выращивания талантов. В борьбе за симпатии международной общественности и собственных зрительских аудиторий порой важнее оказывалась, скорее, эстетичная, нежели грубая игровая культура, или элегантность во владении собственным телом, а не политическая принадлежность.

Спортсмена как «социальную фигуру»[1] невозможно было свести к роли шахматной фигуры в политической игре. Он не ограничивался функциями «дипломата в тренировочном костюме», «героя нации» или «примера для молодежи». Из взаимодействия с экономическими, политическими, социальными и культурными инстан-

циями возникали многомерные влияния, переменчивые мотивации, амбивалентные ориентации и конкурирующие системы отсчёта, которые определяли и постоянно изменяли его действия как атлета и как личности. В этом смысле было совершенно невозможно предвидеть и предопределить то, каким образом перенесённая на гаревую дорожку и игровое поле холодная война каждый раз повлияет на германо-советские отношения в действительности.

Предпосылки и традиции

В советских теориях движения 20-х гг. мир труда и мир досуга ещё рассматривались в качестве идеального единства. В концепциях новой «коммунистической физкультуры» и «социалистического спорта» проявлялся поиск альтернатив как дореволюционным дворянским развлечениям, так и «буржуазному спорту» того времени, которые революцией в России якобы были лишены социальной базы. На них же основывалось и убеждение, державшееся даже после Второй мировой войны, что спорт служит, в первую очередь, восстановлению физических сил и здоровья трудящихся и здоровому досугу советских людей. Социальные гигиенисты и евгеники предупреждали о вредности отдельных дисциплин – например, тяжелой атлетики, спортивной гимнастики, борьбы, бокса или футбола – для телесного здоровья. По их представлениям – и вопреки постулатам армейских специалистов по спорту – эти занятия нарушали идеал гармонично и цельно развитого нового человека[2]. Поэтому ещё в 1929 г. была принята резолюция ЦК ВКП(б) против «стремления к установлению рекордов» и к спортивным достижениям[3]. Однако с начала 30-х гг. всё более заметным стало расхождение между теоретическим лозунгом массового спорта и практикой поддержки рекордсменов, хотя о фактическом уровне мастерства советских атлетов в мире поначалу почти ничего не было известно[4].

У колыбели советского спорта стояла, впрочем, идеология обороны. При создании Красной Армии тренировка по военно-спортивным дисциплинам служила для физической закалки призывников, которые в большинстве случаев происходили из крестьян. После политической победы 1917 г. советской власти пришлось отстаивать себя в ходе Гражданской войны против многочисленных противников. Но и после войны связь с военными нуждами – как и предписанный всем, начиная с 30-х гг., патриотизм – оставалась одним из важнейших элементов официального понимания спорта. Эта связь находила своё организационное выражение в массовых организациях Всевобуча[5] – созданного декретом ЦИК от 22 апреля 1918 г. военного учреждения, на смену которому в середине 20-х гг. пришел ОСОАВИАХИМ[6], а затем ДОСААФ[7] в 1951 г.[8]. Мужчин и женщин в возрасте от 14 лет, состоявших в этих военно-спортивных организациях, готовили к воинской службе, воспитывали в них постоянную готовность к обороне и «любовь к советским вооруженным силам». Их ориентировали на «героические традиции советского народа» и обучали важнейшим военно-спортивным дисциплинам. Иерархическая структура предусматривала центральную организацию на самом верху и далее региональные и локальные организации в учреждениях, учебных заведениях, на заводах и в сельскохозяйственных предприятиях. Организация имела собственный флаг и собственную эмблему, издавала журналы, газеты, агитплакаты, брошюры и фильмы пропагандистского содер-

жания. Помимо неё, зримым выражением симбиоза спорта и власти были спортивные клубы армии[9] или службы государственной безопасности (например, возникший в 1923 г. из Московского пролетарского спортивного общества клуб «Динамо» (Москва)).

Слабые независимые спортивные организации дореволюционного времени (клубы, союзы, ассоциации) были упразднены и заменены гораздо более всеохватной организационной системой, которая базировалась непосредственно на предприятиях, учреждениях, профсоюзах и других массовых организациях[10]. Утопическая затея воспитать огромную аграрную страну с помощью всеобщего «рабочего спорта» и превратить её в «пролетарский космос» стала лейтмотивом «героического десятилетия» с конца 20-х до конца 30-х гг.[11].

С началом сталинской индустриализации, с первыми пятилетками, с внедрением сдельной зарплаты и с появлением ударных бригад в советском дискурсе о спорте стала утверждаться ориентация на достижения. По образцу героизации стахановцев в экономике, «соколов» в авиации и героев-танкистов в армии, были созданы герои спорта, который вышел из зачаточного состояния, стал требовать более суровой дисциплины и превратил двигательные упражнения из игровой гимнастики в атлетическую. Направляющий импульс исходил от Всесоюзного совета по физической культуре и спорту. В марте 1931 г. он начал осуществлять программу «Готов к труду и обороне» (ГТО), которая устанавливала не только средние физические способности по каждому виду спорта для каждого возраста, но и общенациональную систему достижений для наиболее сильных спортсменов с соответствующими наградами[12]. С учреждением значка ГТО дебаты 20-х гг. о чрезмерном увлечении рекордами и вреде физического перенапряжения получили символичное завершение[13]. Теперь вёл себя в духе времени и в соответствии с ожиданиями общества тот, кто превосходил сам себя у станка, в тире или на арене. За границами СССР, однако, до Второй мировой войны становились известны преимущественно советские достижения в технических дисциплинах, таких как авиация, или в географических экспедициях (например, перелёт через Северный полюс, перелёт из СССР в Америку или восхождение на Памир). Это были примеры ограниченного восприятия далёкой, во многом ещё чужой страны, обращение которой к большому спорту осталось почти незамеченным. Развивавшийся на волне феноменального энтузиазма населения по поводу авиации, воздушный спорт ярчайшим образом демонстрировал расхождение между спортом массовым и спортом рекордсменов. В то время как сотни тысяч людей увлекались строительством авиамоделей или выдумывали технические новшества в любительских аэроклубах, для большинства «мечта о полёте», в основном, исчерпывалась аскетическим культом героев, а возможности активно что-то делать самим в этом направлении у них не было. Только с началом Второй мировой войны нашла себе применение масса теоретически подкованных пилотов-любителей и авиатехников[14].

Пропасть между «самодеятельностью» и вызывавшими всеобщее восхищение рекордами расширялась с 30-х гг. всё больше, хотя немалые средства инвестировались и в массовый спорт. Вместо гармонии движений тела с ритмами труда всё большее место занимало применение мышечной силы как боевого фактора. Спортивные способности находили военное обоснование: гребец предвосхищал разведчика, форсирующего водную преграду, за альпинистом угадывался горный стрелок, а борцы и фехтовальщики демонстрировали свою способность к ближнему бою с

применением штыка. Великая Отечественная война, казалось, задним числом доказывала правильность таких расчётов. Спортивные журналы призывали к закалке тела, пропагандируя лозунг: «Красный спорт: хватай, разбивай, уничтожай врага!»[15] Герой гражданский и герой военный сливались друг с другом.

Накануне нападения Германии на Советский Союз, в период действия пакта Риббентропа–Молотова, благодаря особому соглашению, заключённому поздней осенью 1939 г., казалось, что германо-советские спортивные контакты переживают расцвет. Утверждают, будто спортивные встречи между СССР и третьим рейхом в одном только 1940 г. превзошли числом все те, что имели место между Советской Россией и всеми западными государствами, вместе взятыми, с 1917 г.[16]. То есть, за два года примерно 250 германских спортсменов побывали в Советском Союзе; 175 советских атлетов съездили за границу[17]. Вообще это было первое соглашение о спортивных контактах, которое советское руководство подписало с западной страной. Неискренние политические намерения, в контексте которых был заключён этот договор, и последующая война на уничтожение, начатая Германией против Советского Союза, затмили эту примечательную главу германо-советской спортивной дипломатии, если она, вообще, имела место. Нападение Гитлера на СССР не только резко оборвало такие эпизоды в области культуры: оно также маркировало конец послереволюционной эпохи в истории спорта – эпохи, когда советские атлеты лишь изредка принимали участие в больших международных соревнованиях.

Единственная социалистическая страна мира не входила ни в одну из значительных международных спортивных организаций, таких как Олимпийский комитет или ФИФА[18].

С конца 20-х гг. «строительство социализма» требовало направить внимание и силы преимущественно на внутренние задачи. Оно углубляло изоляцию страны, хотя контакты «с буржуазными» спортивными организациями и не полностью прекратились[19]. Время от времени происходил обмен официальными делегациями, но открыть дорогу живому спортивному сообщению на разных уровнях он не мог. Даже эти минимальные связи воспринимались в Красном спортивном интернационале (КСИ) с подозрением, потому что они противоречили идее исключительности коммунистического пролетарского спорта. Основание КСИ в июле 1921 г. только сторонникам советской власти могло казаться важным успехом на пути к международному рабочему спортивному движению, потому что, будучи подчинённым Коммунистическому Интернационалу (Коминтерну), он конкурировал с созданным в 1920 г. в Люцерне Спортивным интернационалом (с 1928 г. – Социалистический рабочий спортивный интернационал) и резко отграничивал себя от германских социал-демократических и других национальных социалистических рабочих спортивных ассоциаций[20]. Проводившиеся КСИ рабочие олимпиады (первая внутрироссийская прошла уже в 1920 г. в Омске) и спартакиады (первая из них прошла в 1928 г. в Амстердаме как мероприятие, альтернативное Олимпийским играм), несмотря на всю помпу, которой они были обставлены, оказались, вопреки ожиданиям, не способны стать мощной альтернативой «буржуазному» спорту и зародышем единого всемирного пролетарского спорта. В конце 30-ых гг. был распущен КСИ, который и близко не достиг той численности членов, какую имел его социалистический конкурент, и не мог всерьёз соперничать с ним за лидерство[21].

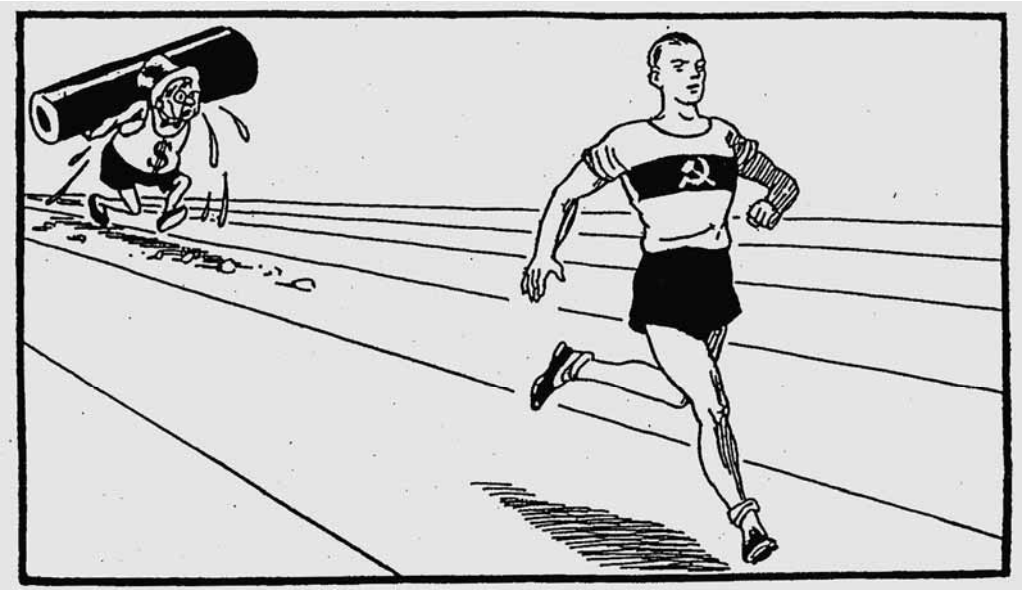
Итоги спортивных контактов межвоенного времени оказались неоднозначными, так как советское правительство колебалось, отдать ли предпочтение национальному

или интернациональному, революционному или традиционному, пролетарскому или внеклассовому, профессиональному или любительскому спорту.

Спорт и политика в годы холодной войны

После Второй мировой войны советское руководство подвело черту под своей нерешительной спортивной политикой прежних лет. ЦК ВКП(б) в своём постановлении 1948 г. поставил на ближайшее будущее задачу: достичь ни много ни мало мирового первенства по всем основным видам спорта[22]. Победа над фашизмом, несмотря на огромные человеческие и материальные жертвы, укрепила партийную элиту в убеждении, что она должна наступательно утверждать за собой право на ключевую роль в мировой политике. Тем самым, был дан ход эпохальному эксперименту. Едва лишь замолчали пушки, страна, с одной стороны, была изолирована от влияний извне, как перед войной; с другой стороны, она должна была открыться настолько, чтобы могло беспрепятственно происходить состязание с «капиталистическими» спортивными клубами. В период между 1946 и 1952 гг. Советский Союз вступил в 22 международных спортивных ассоциации, начиная с футбольной и тяжелоатлетической и кончая велосипедной, хоккейной и парусного спорта[23]. Хотя, при этом, статус «государственного любителя», выплата денежных премий атлетам и смешение спортивных целей с политическими вызывали большие споры, обе стороны избегали срыва переговоров о вступлении СССР в эти ассоциации. Советские функционеры из-за жёсткой позиции международных ассоциаций пошли на ряд формальных компромиссов.

Этот процесс присоединения СССР к международному спортивному сообществу шёл так быстро и был на фоне обострения политических конфликтов настолько поразительным, что руководство в Москве поначалу не было уверено, действительно ли советские атлеты, которых с 30-е гг. на внутринациональных соревнованиях ориентировали на определённые стандарты, уже готовы к тому, чтобы постоянно одерживать победы на международной арене. Поражениям, понесённым от классового врага, в этих честолюбивых планах места не было. Если представители советского спорта не выполняли возложенный на них «патриотический долг», им грозили тяжёлые санкции[24]. В преддверии Олимпиады 1948 г. в Лондоне советский спорт сотрясла волна чисток среди атлетов, функционеров, тренеров, медиков и учёных, в результате чего оказалось невозможным участие советских команд в этих играх[25]. От участия в зимних Олимпийских играх в Осло в 1952 г. тоже отказались, и только к летним играм в Хельсинки в том же году советская команда была сочтена готовой для того, чтобы добиться запланированных успехов. Таким образом, только казалось, что сенсационные результаты – согласно неофициальной оценке по очкам, Советский Союз шёл наравне с командой США – были достигнуты «с места». Скорее, эти достижения показывали, что страна, решившая доказывать превосходство социализма спортивными рекордами, быстро продвигалась к этой цели, в частности, за счёт сильнейшего давления на спортсменов. Ленинский девиз модернизации – «догнать и перегнать» капиталистические страны – сулил на спортивном поприще более быстрые и менее дорогостоящие успехи, чем в экономике, которая была, в значительной мере, разрушена, или в области вооружений. С помощью рекордов и медалей



«Не догонишь!» В этой карикатуре Юрия Семёнова спортивное соревнование между Советским Союзом и США напоминает – с точки зрения первого – состязание ежа с зайцем из известной сказки. Карикатура впервые была опубликована в 1954 г. в журнале «Новое время»

можно было улучшать имидж страны более эффективно, нежели с помощью сравнительных статистических данных об уровне жизни, которые из-за невозможности их проверить вызывали сомнения. Быстро растущий интерес средств массовой информации – наряду с прессой, фотографией, документальным кинематографом, теперь в их число вошло ещё и телевидение, – к спортивным достижениям умножал идеологические дивиденды и всё больше ориентировал внешнеполитические расчёты на то, чтобы расположить в сторону СССР «мировое общественное мнение»[26].

Эту тенденцию подхватила карикатура, опубликованная в начале 1954 г. в советском внешнеполитическом еженедельнике «Новое время». На ней изображены советский и американский атлеты, соревнующиеся в беге. Легким и изящным шагом, с выпрямленным корпусом и без видимого усилия советский спортсмен мчится к невидимому финишу. Его уверенно выставленная вперёд грудь украшена серпом и молотом. С большим отставанием, в поте лица, за ним следует его коренастый соперник, согнувшийся под грузом пушечного ствола. В качестве эмблемы на его майке – знак доллара. Исход забега нетрудно предугадать: американец уже не сможет догнать ушедшего вперёд советского бегуна. Смысл карикатуры был однозначно политический: красивая мирная держава Советский Союз без сомнения победит неуклюжего монстра вооружений – Америку. В то же время, этот рисунок обозначил перемену ментальности, происходившую тогда не только в СССР, но и в коммунистических системах ГДР и Восточной Европы, а именно – изменение роли спорта в репрезентации советского образа жизни. В качестве компенсации дефицита материальных благ выдвигались на первый план символические успехи – например, на спортивном поприще[27]. Поэтому столь же амбициозная, сколь и щекотливая мис-

сия советского спорта требовала определенной проницаемости границ. «Железный занавес», прикрывавший жёсткую политику в области культурного строительства позднесталинского времени[28], ради спортивных встреч приходилось осторожно снова приподнимать. Риск, связанный с таким частичным открытием, удерживали в контролируемых рамках посредством строгой регламентации и формализации, тотального надзора за собственными спортсменами в заграничных поездках и ограничений на передвижения иностранных спортсменов по Советскому Союзу. Истерический страх перед иностранцами, распространившийся с первых лет холодной войны, вовсю давал себя знать и в этой области, заставляя оптимистов воздерживаться от слишком беззаботных надежд на либерализацию. Это подчёркивалось великорусским шовинизмом, проявлявшимся, например, в стремлении очистить спортивную терминологию от интернациональных слов. На место расхожих слов «футбол», «голкипер» или «пенальти» пришли русские неологизмы «ножной мяч», «вратарь» и «штрафной» («11-метровый»)[29]. В перспективе, однако, была неизбежна интеграция в международный спорт и приспособление к его порядкам. Соревнования нельзя было ограничить, как в упомянутой карикатуре, состязанием только между СССР и США. По соседним дорожкам бежали атлеты, чьи мотивы не всегда совпадали с интересами новых сверхдержав. Благородный, грациозный и уверенный советский бегун-борец за дело мира, каким представляла отечественных спортсменов пропаганда, воспринимался не только в западных, но и в оккупированных Советским Союзом центрально- и восточноевропейских странах как «русский», победить которого англичанин или француз стремились не меньше, чем поляк или венгр. Причина была не в том, что американцы приняли советский вызов, хотя лозунг Маккарти «Бей русских!» вполне соответствовал настроениям общественности. Скорее, дело было в другом: постулат «нового (советского) человека» 30-х гг., дополненный теперь спортивной составляющей, только ещё утверждался в неонационалистической атмосфере послевоенного времени, которую, в значительной мере, усугубляли антисемитские, ксенофобские и русоцентристские кампании позднесталинского периода.

Первыми спортивными контактами с заграницей после войны стали выезды советских футбольных команд в 1945 г. в Румынию («Динамо» (Тбилиси)) и Югославию («Динамо» (Москва)). Но особенно сильную сенсацию московские динамовцы произвели в Великобритании, добившись впечатляющих результатов в играх против лучших клубов, таких как «Глазго рейнджерс», «Кардиф сити», лондонские «Челси» и «Арсенал»[30]. Эти встречи отражали ещё сравнительно спокойную атмосферу в отношениях между союзниками и положили начало короткому, эйфорическому спортивно-политическому интермеццо, продолжавшемуся, пока секретарь ЦК Жданов не заклеймил «космополитизм» в культуре, и международные отношения не получили антизападную ориентацию. Поездка «Динамо» была первой зарницей, предвещавшей сильные потрясения, которые вызвал выход советского спорта на международную арену. Неистощимая, как казалось, энергия атлетов из СССР задавала совершенно новые масштабы и внесла основательную сумятицу в систему координат мирового спорта.

На этом фоне германо-советские спортивные контакты начинались в крайне трудных условиях. Сначала отсутствовали как психологические, так и материальные предпосылки для них. Исторических традиций, как уже сказано выше, было мало. Отношения периода рапалльского договора ни в политическом, ни в культурном отношении не являлись образцом, достойным подражания. Обращаться к опыту отно-

шений 1939–1941 гг. было, само собой, нельзя. Рабочий спорт в его коммунистической форме пользовался не лучшей репутацией и изжил себя. Короткий ренессанс его в советской оккупационной зоне (с ориентацией на КСИ) был делом бесперспективным[31]. Впрочем, в западных оккупационных зонах попытки его возрождения также потерпели неудачу[32]. Пролетарский спортивный интернационализм, таким образом, был уже устаревшей моделью на тот момент, когда СССР экспортировал его в оккупированные страны Восточной Европы. Рабочие олимпиады, спартакиады и спортивные фестивали, проводившиеся под идеологическими лозунгами «борьбы за мир» и «дружбы народов», теперь необратимо оказывались в тени Олимпийских игр, а также чемпионатов Европы и мира.

Если использовать спорт для установления двусторонних отношений со своим бывшим противником у СССР как державы-победительницы и не было причин, то всё же советские оккупационные власти вынуждены были заниматься осуществлением культурной политики в Восточной Германии и, в частности, реорганизацией спорта[33]. Все и всякие ассоциации в стране находились под подозрением, так как в своё время были практически полностью захвачены и подчинены нацистами. После нескольких временных положений Контрольный совет союзников, по настоянию советских представителей, 17 декабря 1945 г. издал Директиву № 23, в которой всем существовавшим в Германии до капитуляции «спортивным, военным или военизированным атлетическим организациям (клубам, ассоциациям, учреждениям и другим организациям)» была запрещена любая деятельность и предписывалось до конца года самораспуститься. Создание новых было дозволено только на локальном уровне и требовало разрешения, как и проведение соревнований, выходивших за рамки округа. Потом были приняты постановления, регулировавшие денацификацию или политическую чистку спорта, занятие руководящих постов и надзор за соблюдением предписаний[34]. Вследствие модификаций, предпринимавшихся органами военных администраций, создание новой организационной структуры спорта проходило в четырёх оккупационных зонах очень по-разному и, ввиду растущего напряжения между союзниками, давало поводы для взаимных наветов. Во всяком случае, роспуск традиционных ассоциаций в советской оккупационной зоне привёл, в отличие от западных зон, к долговременному изменению организационной структуры спорта, хотя в переходный период остатки прежних клубов ещё продолжали существовать.

Руководство Коммунистической партии Германии, разрешённой советской военной администрацией в июне 1945 г., было полностью ориентировано на советскую общественную модель 30-х гг. и под руководством русских офицеров переносило административные структуры советского спорта на советскую оккупационную зону, впоследствии ГДР. При всем родстве с этим, частично навязанным, частично добровольно воспринятым образцом, позднейшее «спортивное чудо» ГДР было, однако, ещё и результатом процесса эмансипации. Хотя московское руководство и СЕПГ в начале 50-х гг. ориентировали восточногерманских атлетов на активную роль в противостоянии политических систем, этим не было задушено стремление после смерти Сталина, после формального объявления о суверенитете, после интеграции в социалистический лагерь и XX съезда (1956 г.) постепенно высвободиться из стальных объятий функционеров великой державы. Двусторонние спортивные встречи, соревнования внутри социалистического лагеря и на международной арене давали возможность не только позиционировать себя по отношению к «классовому врагу», но и отграничиваться от «большого брата».

Основанный в 1950 г. Германский институт физкультуры в Лейпциге и сеть спортивных школ и интернатов постепенно позволили спортивным ассоциациям и руководству клубов целенаправленно растить таланты. В то же время, на спортивных науках отрицательно сказывалось не только медленное преодоление сталинской научной доктрины и последствия слишком узкого истолкования теоретического наследия И.П. Павлова[35], но, прежде всего, непрерывные вмешательства партии, в особенности секции спорта аппарата ЦК СЕПГ, и органов государственной безопасности[36]. Прежде всего, именно благодаря этому вмешательству физкультура и спорт с самого начала были подвергнуты всеобъемлющей милитаризации. Ядром этого процесса стало Общество спорта и техники (GST), основанное в 1952 г. по образцу ДОСААФ и призванное, как и его прообраз, служить делу повышения боеготовности населения с юных лет[37].

В западных оккупационных зонах и затем в ФРГ ректором Кёльнского Спортивного института стал в 1947 г. организатор берлинской Олимпиады 1936 г. Карл Дим. Карл фон Хальт, президент оргкомитета зимних игр в Гармиш-Партенкирхене 1936 г., стал в 1951 г. президентом Национального Олимпийского комитета Германии (основан в 1949 г.), а Гидо фон Менгден, последний глава национал-социалистического спортивного ведомства, стал правой рукой вновь избранного президента Германского спортивного союза Вилли Дауме[38].

В ГДР – по крайней мере, среди верхушки новой восточногерманской спортивной бюрократии – не было такой кадровой преемственности с нацистской эпохой; она дополнительно затруднила бы спортивные связи с восточноевропейскими соседями. Тем не менее прошлое отбрасывало свои длинные тени на первый период развития спорта и в ГДР.

Денацификация реорганизуемых или просто переименованных структур доставляла больше хлопот, чем признавала официальная пропаганда «Демократического спортивного движения»[39]. Но поскольку эта тема не должна была стать предметом публичного обсуждения, данная часть исторического наследия постепенно изгладилась из исторической памяти.

Спортивные связи ГДР с Советским Союзом складывались медленно и были отягощены антисоветскими манифестациями зрителей и активистов[40]. В большинстве случаев советские и восточногерманские спортсмены встречались на особых мероприятиях с участием нескольких социалистических государств – например, на ежегодных «велопробегах мира» по Восточной Европе, на проходивших с 1958 г. каждый год в Москве международных соревнованиях по лёгкой атлетике памяти популярных стайеров 30-х гг. братьев Георгия и Серафима Знаменских (1903–1946, 1906–1942), на встрече легкоатлетов в Баку «памяти 26-ти бакинских комиссаров» или в спортивных лагерях для юниоров «Дружба», на играх городов-побратимов или на Балтийских неделях в Прибалтике. Специальный Спортивный комитет армий Варшавского Договора, который начал свою деятельность в 1958 г. в Москве, организовывал ежегодные турниры армейских клубов и клубов служб безопасности. Они были призваны «крепить дружбу между армиями», совершенствовать физическую подготовку военнослужащих и популяризировать достижения армейского спорта[41]. В среднем каждый год проходило больше дюжины таких чемпионатов армейских клубов и клубов «Динамо» по олимпийским или военно-спортивным дисциплинам (включая летние и зимние спартакиады)[42].

Решение Москвы подкрепить превосходство социалистического общественного строя рекордами и медалями дало Германской Демократической Республике, кото-

рой международное сообщество отказывало в признании как государству, уникальную возможность косвенным путём добиться такого признания[43]. Спортивные связи не упирались в политический тупик несовместимых программ воссоединения Германии, а оказались гибким инструментом международных отношений как между двумя немецкими государствами, так и между ГДР и остальным миром. С одной стороны, они могли создать иллюзию, будто единство немецкой нации можно поддерживать оживленным обменом или общегерманскими командами. С другой стороны, они противодействовали соответствующим официальным заявлениям, если предпринимались попытки избегать спортивных встреч на том основании, что они выхолащивали претензию ФРГ на исключительное представительство немецкой нации. Это относится в особенности к 50-м гг., когда были ещё возможны стихийные совместные спортивные мероприятия в пограничных районах ФРГ и ГДР.

Политические и спортивные интересы невозможно было полностью совместить. Однако спортивные успехи можно было использовать для того, чтобы предлагать обществам идентификационные модели и осуществлять социальную интеграцию[44]. Руководитель СЕПГ и глава государства Вальтер Ульбрихт сформулировал данный тезис более недвусмысленно, чем это звучит в партийных протоколах и решениях: «Мы придерживаемся той точки зрения, что хороший спортсмен сделает для нашего рабоче-крестьянского государства больше и поднимет его престиж выше, если он сможет при содействии партии и государства готовиться к высоким спортивным достижениям, нежели если он на своём рабочем месте будет одним из многих»[45].

Победы на гаревой дорожке и на травяном игровом поле были одними из самых популярных «достижений» ГДР, тем более что восточногерманские спортсмены их добивались на международных соревнованиях вопреки блокаде, враждебным выпадам и бойкотам. Так, например, как ни старалась секция футбола в начале 1956 г. найти партнёров для своей сборной, ей удалось – с полугодовой задержкой – только от Польши и Болгарии, да ещё от находившейся в европейском турне команды Индонезии получить согласие сыграть с ГДР[46]. Во время Олимпийских игр 1956 г. в Кортина д'Ампеццо и Мельбурне восточно- и западногерманские атлеты впервые после конца Второй мировой войны выступили общей командой. К 1960 г. два немецких государства уже разошлись далеко друг от друга, но во время Олимпийских игр этот факт был затушёван использованием «нейтрального» флага с пятью олимпийскими кольцами на чёрно-красно-золотом фоне и «Оды к радости» Бетховена взамен официальных флагов и гимнов ГДР и ФРГ[47]. Среди большинства спортсменов, между тем росло желание честно соревноваться и беспрепятственно проходить квалификационные процедуры. Соперничество существовало и до строительства Берлинской стены (1961). Хотя в 1964 г. на Олимпиаде в Токио снова выступала единая общегерманская команда, неофициально победы и поражения давно уже записывались раздельно на счёт ГДР и ФРГ, причём, на долю последней успехов приходилось явно меньше. «Национальный» престиж и политический расчёт пришли в противоречие друг с другом. В 1965 г. ГДР была официально признана как самостоятельный член Олимпийского движения. Правда, в 1968 г. в Гренобле и Мехико её спортсмены всё ещё выступали под флагом с олимпийскими кольцами, а вместо гимна ГДР исполнялась «Ода к радости». Но в Саппоро и Мюнхене в 1972 г. над стадионом уже впервые развевался флаг с молотом, циркулем и венком колосьев и звучал гимн «Возродившись из руин». В соперничестве между двумя Германиями за международное признание победила стратегия руководства ГДР. Договор об осно-

вах отношений с Федеративной республикой, принятие в ООН и волна дипломатических признаний как бы задним числом подтверждали успех атлетов. Послевоенное время в спорте кончилось признанием ГДР как спортивной державы.

В области спорта конкуренция между двумя германскими государствами приняла перманентный характер. В большинстве олимпийских видов спорта восточные немцы демонстрировали явное превосходство и благодаря сравнительно интенсивной государственной поддержке могли составить достойную конкуренцию даже советским атлетам. Сравнение числа олимпийских наград позволяет увидеть, как менялась ситуация: если в 50-х гг. блистала победами ФРГ, а в 60-х успехи были примерно равны, то с начала 70-х ГДР прочно вышла на лидирующие позиции[48]. На международных соревнованиях теперь восточногерманские и советские спортсмены сменяли друг друга на пьедесталах почёта. ГДР вошла в тройку ведущих спортивных держав мира, наряду с США и СССР[49]. Она не только достигла в этой области международных стандартов, но и неоднократно сама задавала планку другим. Лозунг «Учиться у Советского Союза – значит, учиться побеждать» уже давно приобрёл смысл «учиться побеждать Советский Союз». За некоторые позорные проигрыши на олимпиадах утешением западногерманским атлетам служили их постоянные успехи в футболе и других популярных у зрителей спортивных зрелищах, которые до тех пор ни в Советском Союзе, ни в ГДР не получали такой государственной поддержки, чтобы достичь конкурентоспособности в международном масштабе. Только в 70-е и 80-е гг. они время от времени поднимались на верхние строчки европейских турнирных таблиц. И всё же футбольной сборной ГДР удалось на проходившем в ФРГ чемпионате мира 1974 г., ровно через 20 лет после «бернского чуда», добиться если не большого успеха, то хотя бы уважения, обыграв со счётом 1:0 будущего чемпиона мира – сборную ФРГ, которую, кстати, тренировал уроженец восточной Германии, дрезденец Хельмут Шён.

Пространства и границы

В разрушенных городах и сёлах послевоенных лет спортом можно было заниматься лишь на немногочисленных уцелевших стадионах или на импровизированных площадках. Миллионы людей погибли, потеряли родину и всё имущество, бывшие солдаты стекались после капитуляции с фронтов, из плена и с принудительных работ домой, беженцы и изгнанные искали себе нового пристанища. В хаосе послевоенного времени прочерченные по-новому политические границы лишь постепенно входили в сознание людей, ещё сохранявших привычные пространственные представления из довоенного прошлого.

В уцелевших спортзалах оборудовались временные жилища, бассейны и стадионы стали непригодными для использования, спортивные снаряды пошли на топливо или были использованы не по назначению в другом месте. Хотя и были тогда дела гораздо важнее спорта, удивительно скоро стала возрождаться его организационная структура и возобновились игры. На примере спортивных встреч на локальном, региональном, национальном и международном уровне в последующие десятилетия отчётливо видно, как новые политические пространства между оккупационными зонами и между государствами сначала игнорировались, потом заполнялись и осваи-

вались и, в конце концов, невзирая на оформившиеся границы, были открыты заново, будь то посредством обмена делегациями, встреч между командами или устроения транснациональных соревнований. Во время «велопробегов мира», например, послевоенную «новую» Восточную Европу открывали для себя участники и зрители вдоль трассы, а также удалённые наблюдатели в гостиных у радиоприёмников, за газетой или, позже, перед экранами телевизоров. Для всех них этот пробег становился поездкой в неизведанные края. Но в первое время, конечно, организация международных встреч была сильно затруднена по политическим и финансовым причинам, из-за недостатка в материальном обеспечении, отсутствия организационных структур или из-за отказа в признании.

Попытка изолировать население Советского Союза и ГДР от окружающего мира и в то же время добиться в этом мире успехов требовала от руководства этих стран сложной политической эквилибристики. Спорт демонстрировал «границы диктатуры» в двух смыслах: с одной стороны, он до определённой степени был их пленником, с другой же стороны, он почти неизбежно должен был эти границы нарушать[50]. Не менее сложным был путь в западный мир для ФРГ, которая одновременно настаивала на единстве нации и имела неурегулированные отношения с могущественной державой на Востоке. Отсутствие обычных восточногерманских и советских людей за границей и, наряду с этим, ставшее скоро вездесущим присутствие атлетов этих стран на спортивных аренах мира, где они показывали себя мастерами даже в самых экзотических дисциплинах, требовало убедительного объяснения. Чем больше спорт расширял международный радиус своего действия и, как казалось, подтверждал «победу социализма», тем острее вставал вопрос о фактическом процветании страны, о её экономической и технической инновационной способности и об уровне жизни населения за фасадом большого спорта. Чем дальше уходили в прошлое лишения войны и первых послевоенных лет, тем сильнее внимание спортсменов, болельщиков и зрителей обращалось на показатели материального благосостояния и альтернативных стилей жизни.

Коммерциализация не пощадила культурный обмен и социальную коммуникацию с заграницей. Средства массовой информации делали спорт доступным и близким каждому переживанием, индивидуальным и коллективным, невзирая на границы между политическими системами. Благодаря возросшей дальности действия передатчиков, сообщения об успехах атлетов доносились в самые глухие углы самых отдалённых окраин и в каждую квартиру гигантских новых городов-спутников. Помимо всего прочего, передатчики доносили и критические иностранные репортажи о недостатках якобы самого передового социалистического общественного строя, социалистической концепции спорта и социалистической модели культуры, и это сильно мешало праздновать триумфы. Советский Союз и ГДР вынуждены были подчиниться независимому от политического строя кодексу правил спорта и, тем самым, признать его собственные границы и пространства. Уже невозможно было дольше делать вид, будто, действительно, существуют социалистический и капиталистический прыжок в длину, восточная и западная техника бега, прогрессивная и реакционная физическая форма.

Спортивное соперничество отвоевало обратно «нейтральную» территорию игры и вывело её из сферы борьбы политических систем, но лишь затем, чтобы, в конце концов, её поглотил «рынок» средств массовой информации и спонсоров. Спортивное соревнование порождало напряжённый интерес, будило эмоции и символизиро-

вало изменчивость жизни с её сюрпризами и непредсказуемостью. Через спортивное соревнование в повседневную жизнь возвращалась конкуренция, которая в труде порицалась. Пока особый характер спорта, его свободное пространство и его специфические правила оставались, в основном, неприкосновенными, спорт мог выполнять эти функции, пусть даже отчасти его и ставили на службу политическим интересам. Махинации и нарушения правил конкурентной борьбы, которые реально или предположительно имели место, например, при создании ассоциаций, при переводе целых команд в другие города и на другие предприятия или при некоторых играх за первенство ГДР по футболу, были для репутации спорта как популярной формы досуга ударами сильными, но не смертельными[51]. Интерес зрителей был сосредоточен не на классовой принадлежности спортсменов, а на секундах и сантиметрах. Их симпатии завоёвывали те, кто быстрее всех бегал, дальше и выше всех прыгал или хотя бы обладал самым красивым телом и самым большим обаянием. Самые большие восторги выпадали, конечно, на долю представителей собственной страны. Во всяком случае, спорт открыл в обстановке холодной войны совершенно особую арену, которая лишь на первом плане была обставлена политическими декорациями. Соревнование, которое в Хельсинки в 1952 г. было объявлено «соревнованием систем», после смерти Сталина приобрело собственную динамику, от политических систем уже не зависевшую.

Отдельные атлеты и команды без видимых усилий мобилизовали массы на стадионах, а потом и перед экранами телевизоров, и создавали образцы нового представления о принадлежности к советскому государству, к западногерманскому или восточногерманскому обществу.

В то же время постоянные спортивные зрелища деполитизировали гражданина, отвлекали его от пропагандируемых идеалов политической системы, способствовали пассивному потреблению изображения, снижали его готовность к индивидуальной деятельности и уводили – лишь на время – его внимание от материальных трудностей повседневной жизни. Привыкнув всё время праздновать победы, люди постепенно пришли к отрезвлению, и зрелища спортивных достижений начали утрачивать своё магическое очарование. При Брежневе была сделана попытка противодействовать этому процессу с помощью кампаний по пропаганде утренней гимнастики, развития спортивной жизни на производстве и занятий физкультурой в свободное время[52]. Однако методы мобилизации, заимствованные для этих кампаний из 20-х гг. – золотого века «физкультурников», – обеспечили не больше успеха, чем борьба с пьянством и алкоголизмом. Когда основная политическая цель официального спорта в начале 70-х гг. была достигнута, в ГДР начались похожие явления. Концентрация ресурсов в области поддержки рекордсменов стала объектом критики, так как простые граждане перестали активно участвовать в официозных массовых спортивных мероприятиях и, тем самым, из общественной жизни ушли в частную.

Тем не менее ещё в начале 80-х гг. подчёркивалось, что ведущие позиции во многих видах спорта были завоёваны атлетами СССР и ГДР благодаря целенаправленной поддержке массового спорта. В расчёте на действенность магии цифр, официальные инстанции перечисляли более 60 больших стадионов, более 2000 спортзалов, 45 бассейнов, 400 футбольных полей и неопределённое множество площадок для лёгкой атлетики и других видов спорта. Предприятия и общественные организации содержали собственные спорткомплексы. Тысячи «групп закаливания» и более сотни спортивных клубов свидетельствовали, что «спортивно-массовая работа» ве-

дётся. Следовательно, такие клубы как «Торпедо», «Спартак», «Динамо» или «Серп и молот» были венцом этой страсти к движению, владевшей обществом, насквозь проникнутым любовью к спорту[53]. Фактическое состояние этой инфраструктуры и реальное положение дел в провинции выглядели в большинстве случаев отнюдь не столь радужно. Строительство достойных спортивных сооружений и площадок не успевало за быстрой урбанизацией и разбуженными в людях ожиданиями «современного стандарта» советского спортивного образа жизни. Статистические данные о размерах спортивных клубов и обществ, о численности участников физкультурных и спортивных праздников, об успехах на международных чемпионатах и Олимпийских играх или о расширении сети спортивных учреждений стали играть важную роль в репрезентации ГДР на международной арене, демонстрируя «новый путь немецкого спорта»[54].

Политические пространства Центральной и Восточной Европы были в 1945 г. радикально преобразованы. Победоносным продвижением Красной Армии вплоть до середины континента были созданы территориально-политические данности, которые затем были закреплены на конференциях дипломатами, проведшими новые границы. Однако после разрыва между державами-победительницами возобладали новые формы международной политики: угрожающие жесты, провокации, демонстрации мощи, блокады, сдерживание, гонка атомных вооружений, шпионаж и зарубежная пропаганда. Конференц-зал утратил свою значимость как место принятия решений и открытого обмена мнениями. Он стал суррогатной сценой для риторических баталий. Таким образом, территориальные границы, с одной стороны, являли собой свершившиеся факты, закреплённые военной силой, но, с другой стороны, в отсутствие мирных договоров между Германией и некоторыми странами, оставались временным явлением, стабильность которого была неочевидна. Углублявшаяся, начиная с 1947 г., взаимная изоляция между Востоком и Западом увенчалась строительством Берлинской стены в 1961 г.

В восприятии многих людей граница между «Западом» и «Востоком» приняла характер окончательного водораздела ещё раньше. Бегство множества людей из ГДР в ФРГ можно было истолковать как демографическое завершение процесса послевоенного геополитического передела. Они подтверждали, что мигранты, перемещавшиеся из одной Германии в другую, оказались перед альтернативой: они должны были сделать выбор в пользу одного или другого образа жизни, по ту сторону или по эту сторону «границы между системами».

Спортивные связи в некотором смысле нарушали эту границу. В то время как разделение на политические лагеря закреплялось военными, экономическими и политическими средствами, нарастал и элемент фактической или виртуальной мобильности в виде современного спорта. Если основные потоки нарождающегося массового туризма за границы этих лагерей не выходили, то интернационализация спорта предполагала их проницаемость. «Выездные» спортсмены до 1989 г. служили ядрами кристаллизации специфической формы привилегированной международной миграции. Как официальные «посланники» своей страны, атлеты и сопровождавшие их лица по необходимости становились своими собственными рекламными агентами, должны были много путешествовать и общаться с людьми, непрерывно расширяя радиус своих поездок и контактов. Примат политики никоим образом не означал, что гаревые дорожки, футбольные стадионы, хоккейные поля и шахматные доски полностью превращались в театры холодной войны.

Границы политических и спортивных пространств проходили по-разному и пересекались только в некоторых местах. Насколько соперничество политических систем доминировало в спорте, настолько подрывным для этого соперничества оказывалось аполитичное (в тенденции) поведение во время соревнований на территории, не относящейся к сфере влияния ни одной из систем. Внутри политических лагерей чемпионаты были средством индивидуального или «национального» отличия. В отношениях в рамках треугольника СССР–ГДР–ФРГ был заключён трудно поддающийся контролю потенциал альтернативных возможностей идентификации. Спорт открывал спортсменам, зрителям и болельщикам пространство, в котором можно было вступать в новые социальные связи и устанавливать соответствующие конвенции относительно индивидуальности и общности. Атлеты одной страны принимали участие в жизни атлетов другой и образовывали временную виртуальную общность[55]. Спортивные пространства во внутреннем и внешнем восприятии подчинялись иным правилам, нежели пространства политические. Правила политики были нацелены на прочность и постоянство, правила спорта определялись «дефицитом времени», относительностью результатов и постоянным движением. Таким образом, даже организованный спортивный обмен влёк за собой динамичные перемены[56]. Действующие лица – как на сцене – выступали не только в центральном публичном театральном пространстве, но и передвигаясь непрерывно между авансценой и задней сценой. Зрителям видна была только часть событий, в то время как роль спортсменов не ограничивалась этим фрагментом, в большинстве случаев тождественным их официальной функции[57]. В заданных обстоятельствах послевоенной Европы (пассажирское сообщение, свобода перемещения, критерии отбора видов спорта и атлетов) спортивные пространства в отношениях между Советским Союзом, ГДР и ФРГ были зонами, на которые была направлена фантазия спортсменов, зрителей и болельщиков. С определёнными стадионами, аренами или трассами были связаны легенды и мифы, которые с годами складывались в отдельную историю. В пределах этих пространств (и отчасти благодаря специфической архитектуре спортивных сооружений) могла время от времени создаваться иллюзия бесклассовой общности, в которой различия между поколениями и полами, социальными группами и иерархическими рангами казались отменёнными[58].

Мир игры был чётко отделён от мира будней. Из тесной связи советского и восточногерманского спорта с общественными организациями, предприятиями и учреждениями вытекали характерные особенности его облика. Однако они в долгосрочной перспективе не препятствовали тому, что процессы, специфические для спорта, протекали невзирая на сильное стремление к его политизации и невзирая на формальную организационную привязку к сферам производства и бюрократии. Кроме того, благодаря конструкции символических пространств релятивировалась зависимость зрителей и атлетов от конкретных спортивных комплексов или от личного присутствия[59]. Такое событие, как, например, финальный матч чемпионата мира по футболу 1954 г. в Берне, происходило «в присутствии» не только зрителей на стадионе, но и бесчисленных радиослушателей. Киножурналы и репортажи нарождавшегося тогда телевидения усиливали ощущение причастности к легендарному событию, независимо от удалённости. Взаимодействие публичного и приватного, коллективного и индивидуального, непосредственного и опосредованного восприятия спортивных событий и спортивных пространств пробуждало соблазны и ожидания, устремления и запросы, которые не могли удовлетворить ни политические

инстанции, ни спортивные общества. Скорее можно сказать, что ширящийся мир современных спортивных событий создавал свободные пространства, в которых могли возникать неформальные сети личных связей (группы болельщиков, коллекционеров, неофициальные тотализаторы) и альтернативные стили жизни.

Поэтому история спортивных отношений между Москвой, Восточным Берлином и Бонном, с точки зрения правительств и спортивных обществ, способна, в лучшем случае, изучать соответствующие той или иной политической системе репрезентации власти и саморепрезентации обществ. Она не заметит того, как инфраструктуры спорта, ориентированные на рекорды и на массовое физкультурное воспитание, меняли критерии социальных различий, механизмы отбора и шансы на социальную мобильность[60]. Поскольку спорт, по самой своей природе, предполагает общение, международные спортивные контакты не могли лишь воспроизводить существующие соотношения сил холодной войны.

Социалистические герои и современные спортивные звезды

Фигура «нового человека» сталинской эпохи, который бескорыстно служит делу строительства социализма и приносит личное в жертву общему, постепенно поблекла и начала уступать место «звезде» современной индустрии развлечений, которая ценится по спросу на постоянно растущем рынке, выставляется на продажу (в коммерческом или идейном смысле) разными заинтересованными группами и наталкивается на многообразные потребности самоидентификации у гетерогенной публики, в которой различаются элементы разного социального происхождения, пола и возраста. Это тесно друг с другом переплетённые процессы послевоенной истории, которые находят в спортивных отношениях между Востоком и Западом весьма показательное отражение.

Атлет не просто кооптируется в «тоталитарный героический пантеон» (Ганс Гюнтер) рабочих, воинов, вождей и мучеников: он вытесняет их вследствие меняющихся экономических, социальных и общественных условий и в силу переходящей на него ауры модерности[61].

Символом этого прогресса и перехода ФРГ к жизни в достатке и процветании был автомобиль[62]. Мало- и микролитражные легковые машины сделали в 50-е и 60-е гг. мобильными даже не тысячи, а миллионы людей[63]. Эти люди искали «родину» – страну грёз, которую изгнанные в конце войны немцы идентифицировали со своими прежними, теперь недоступными местами жительства в Восточной Европе, в то время как те, кто никуда не уезжал из родных мест, обращали взгляд в другие дали. При этом, устремления этого моторизованного «общества досуга» направлены были не вслед за взором боннской политики – на запад, а через альпийские перевалы, на солнечный юг. К востоку же все они повернулись спиной. С пляжей Средиземного моря туристы – охотники за трофеями привозили сувениры, которые дома обеспечивали им преимущества в борьбе за статус. Манящий ассортимент роскошных товаров помогал людям отвлечься от безобразного вида послевоенных руин и создавал, по крайней мере, видимость прекрасной жизни.

Спорт открывал невиданные возможности для повышения самооценки, будь то за счёт самостоятельных занятий или за счёт самоидентификации с достижениями

выдающихся атлетов. В конце 50-х гг. большинство немцев называли спорт наиболее частым своим занятием в часы досуга. Правда, лишь меньшинство занималось им активно. На футбольное поле, например, выходили примерно шестьсот тысяч человек в неделю, а на них приходилось 5 миллионов зрителей и 12 миллионов тех, кто играл на тотализаторе[64]. На первом финальном матче чемпионата западных оккупационных зон в 1948 г. (играли команды Нюрнберга и Кайзерслаутерна) на Мюнгерсдорфском стадионе в Кёльне присутствовало 70.000 зрителей, а миллионы людей на Западе и Востоке следили за игрой, сидя у радиоприёмников. Ошибочно мнение, будто только «бернское чудо» – неожиданная победа немецкой сборной над венграми, фаворитами чемпионата мира 1954 г., – дало немцам повод, восхищаясь несколькими героями, восстановить свою сокрушённую национальную гордость. На роль образцового спортсмена годился и лыжник Зепп Вайлер, чьи прыжки с трамплина производили фурор уже в 1950 г. Вильгельм Херц установил мировой рекорд на мотоцикле NSU. Во время зимних Олимпийских игр 1952 г., к участию в которых впервые снова были допущены немецкие спортсмены, Мирль Бухнер и Осси Райхерт завоевали четыре медали. А на летней Олимпиаде Герберт Шаде в беге на 5 километров пришёл к финишу третьим вслед за Эмилем Затопеком и Крисом Чатевеем. Херберт Кляйн установил мировой рекорд в плавании. Буби Шольц стал в 1958 г. чемпионом Европы по боксу в среднем весе. Среди лучших в турнирах по верховой езде был в те годы немец Фриц Тидеман.

Превращение ГДР в страну спортсменов-победителей началось с задержкой, однако, продвигалось вперёд гигантскими шагами. В споре об общегерманских квалификациях и чемпионатах, а также по поводу правил отбора участников национальных команд для международных соревнований по отдельным видам спорта сначала в большинстве случаев брала верх ФРГ, тем более, что она опиралась на поддержку международных спортивных ассоциаций. После того, как в середине 50-х гг. существование двух германских государств было закреплено формально, а строительством Берлинской стены в 1961 г. и фактически, успехи системы большого спорта, сложившейся в ГДР, тут же стали заметны. Чем более ясно становилось, что соревнования между спортсменами ФРГ и ГДР нацелены на соперничество, а не на квалификационные результаты, тем чаще записывались победы и рекорды на «национальный» счет ГДР. Олимпийские призёры, чемпионы мира, «спортсмены года», «заслуженные мастера спорта», кавалеры Почетного значка или лауреаты Премии Гутсмута[65] были популярны – сначала только в границах Восточной Германии, но скоро, с ростом числа выдающихся рекордов, также и во всём мире. В ФРГ признание этих новых кумиров и, возможно, самых важных героев другого немецкого государства происходило с очень большим трудом. Дело в том, что постепенно эти атлеты стали излучать некое «чувство “Мы”», которое независимо от того, выдавали ли его официально за свидетельство существования «социалистического сознания», обладало интегрирующим действием[66].

Поскольку политические дебаты об историческом наследии и национальной традиции ГДР ещё только начинались и были, ввиду сложного и нестабильного внутри- и внешнеполитического положения, подвержены значительным колебаниям, культурные герои-спортсмены предлагали безобидный и к тому же современный образец, с которым можно было себя отождествлять. Они, в бóльшей мере, чем «герои труда», воплощали в себе чувство силы и мощи, так как были легче, элегантнее, стремительнее их. Конечно, они были обязаны на «пропагандистской сцене» под

руководством режиссёра-государства декламировать догмы социалистической морали и на фоне декорации в виде «разделённого неба» (Криста Вольф) играть роль в «пьесе» о конкуренции разных образов жизни. Однако их непрекращающиеся успехи обеспечивали им место в «национальном» пантеоне ГДР, и культ их гарантировался не одной только политикой. А кроме почитания, им полагались ещё и материальные привилегии, и повышенный социальный статус[67]. В качестве актуальных поведенческих образцов для подражания они были привлекательнее тех фигур героев труда, которые, как Адольф Хеннеке, были скроены по советскому образцу 30-х гг. и апеллировали к пролетарским идеалам довоенного времени. Образы спортивных рекордсменов глубже проникали в обыденное сознание населения также и по сравнению с блекнущими культовыми образами героев войны, антифашистского сопротивления и послевоенного восстановления страны. По сравнению с покорителями космоса они казались менее удалёнными от земной жизни, чаще присутствовали среди людей и производили впечатление, что они – «герои как мы». Так как всё время – и всё чаще – появлялись всё новые и новые рекордсмены, спорт излучал ауру непрерывного движения, обновления и творчества.

Но с учащением рекордов и привыканием публики к необычайным достижениям спорт в 70-е и 80-е гг. стал, в значительной мере, утрачивать свой сияющий ореол. Другие медиа-герои – например, актеры кино и телевидения – выходили на авансцену, оттесняя с неё атлетов[68]. Из-за этого и государство не могло уже так широко использовать спортсменов в качестве вестников, передававших общественности его ясные политические послания. Чтобы и дальше доказывать, что ГДР – это «лучшая Германия», СЕПГ стала теперь усиленно заимствовать аргументы из исторического прошлого. В 1983 г. в один ряд с «борцом за свободу» Томасом Мюнцером был поставлен очищенный от своих «реакционных» сторон Мартин Лютер. Затем последовали отретушированные портреты прусских генералов и реформаторов, до тех пор пока, наконец, не была подготовлена почва для того, чтобы включить в «национальную» галерею героев ГДР и Бисмарка, и «старого Фрица»[69]. «Великие мужи» возвращались в восточногерманскую историю, оживляли скудную панораму строго детерминированной классовой борьбы и снова указывали на место маленьким людям из рабочего движения.

Руководство СССР боялось, что если советские атлеты на международных соревнованиях будут занимать не первые места, то это повредит престижу страны. Из-за этого страха и ещё из-за предписанного им строго аскетического поведения на публике советские герои спорта тоже с опозданием вступили в залы славы международного спорта послевоенного времени. Первое время, скорее, исключением были чемпионы мира из Советского Союза такие, как штангист Григорий Новак в 1946 г.

Тип советского спортсмена и советской спортсменки первых десятилетий после 1945 г. – будь то в лёгкой или в тяжёлой атлетике, в плавании или гимнастике, в метании молота или фигурном катании – ещё оставался таким, каким создала его сталинская система подготовки рекордсменов. Только государство и его органы – общественные организации – предоставляли привилегии и отбирали их[70]. Только с «оттепелью» после смерти Сталина атмосфера в спорте постепенно разрядилась, хотя на спортсменов и продолжали с прежней силой давить ожидания, которые возлагало на них государство. Спортивные связи с другими странами в результате дипломатических поездок Хрущёва активизировались[71]. Это, в не меньшей степени, чем общая его политика «мирного сосуществования», способствовало тому, что при

встречах с представителями «загнивающего Запада» советские спортсмены стали держаться раскованнее.

В конце октября 1954 г. сборная Москвы по хоккею произвела сенсацию, приняв участие в «Кубке бархата и шёлка», проходившем в Крефельде, Кёльне, Дюссельдорфе и Дортмунде (так этот кубок был назван в честь Крефельда, по традиции именуемого «городом бархата и шёлка»), и попутно провела ряд товарищеских матчей против западногерманских команд. В доброжелательном по тону репортаже советского внешнеполитического еженедельника «Новое время»[72] отмечалось, что приём московским хоккеистам был оказан «очень сердечный», а отдельные «враждебные выпады» не нарушили, в целом, объективного освещения игр спортивной прессой. В самом деле, любопытство немцев по отношению к чужестранным гостям было велико, не в последнюю очередь, потому что Советский Союз в марте того года выиграл чемпионат мира. Бурными аплодисментами приветствовали московскую команду на кёльнском стадионе, где между двумя германскими флагами развевался флаг СССР. Не только крефельдская команда «Пруссия» потерпела от советских гостей поражение (1:9): все следующие игры они тоже закончили в свою пользу. Московская сборная стала не только полноправной обладательницей кубка, но и получила приз за корректную игру, так как её игроки получили меньше всех штрафных минут. Во время приёма, устроенного в честь всех участников турнира, председатель Крефельдского хоккейного клуба Куно Пурш отметил, что приезд гостей с Востока – отрадный пример «чисто спортивных отношений». Гости умело подхватили эту мысль, подтвердив желание завязывать с помощью спорта «узы дружбы между народами», и от имени советской хоккейной федерации пригласили хозяев приехать в январе 1955 г. в Москву. В обстановке ожесточённых споров вокруг германского вопроса, признания двух германских государств и вступления ФРГ в западный оборонительный союз, этот размещённый в значимом издании спортивный репортаж производил такое впечатление, будто ещё немного и отношения между Бонном и Москвой наладятся. Автор резюмировал: «Наша поездка убедила нас в том, что широкие круги западногерманской общественности благожелательно относятся к нашей стране»[73]. На обратном пути советская сборная сделала ещё одну остановку в Восточном Берлине, где во Дворце спорта имени Вернера Зееленбиндера она обыграла германо-германскую команду.

До 1953 г. карьерам ведущих советских спортсменов точно так же угрожали внезапные политические пертурбации, как карьерам партработников, специалистов в промышленности, должностных лиц или учёных. Даже большая популярность и выдающиеся достижения не защищали в 30-е и 40-е гг. атлетов от произвольного ареста и приговора или, по крайней мере, запрета на выезд за рубеж на соревнования. Волны чисток захватывали, например, таких исключительных спортсменов, как прыгун в высоту Николай Ковтун: в том же самом 1937 г., когда он, прыгнув на 2,01 м, поставил рекорд страны, продержавшийся потом почти два десятилетия, его за «контрреволюционную деятельность» осудили на 10 лет лагерей. Через три года после отбытия этого срока он снова был арестован, и реабилитировали его только в 1955 г.[74]. Столь же горькой была судьба братьев Николая, Александра, Андрея и Петра Старостиных, футбольный талант которых в 30-е гг. производил сенсации не только в СССР, но и во время выездных игр за рубежом.

Первые современные кумиры зрителей из числа советских спортсменов пали в 1942 г. жертвой интриг наркома внутренних дел Берии и члена ЦК Маленкова. Оче-

видно, их (спортсменов) неполитическая слава приняла такие размеры, что блюстители партийных интересов стали бояться за свои контрольные полномочия. Звёзд футбола обвинили в том, что они переняли «нравы и обычаи буржуазного спорта», пропагандировали «роскошную жизнь» в стиле западных стран и во время игры перед советской элитой на Красной площади планировали покушение на руководство. За этими обвинениями, отчасти фантастическими, стоял, однако, не в последнюю очередь, тот банальный факт, что Берия был футбольным болельщиком. Как почётный председатель спортивного клуба органов госбезопасности, он, очевидно, не мог вынести того, что «его» клуб «Динамо» (Москва) проиграл созданному лишь в 1935 г. спортивному обществу работников кооперации «Спартак» (Москва), за который играли Старостины. Проведя долгие годы в различных лагерях и тюрьмах, братья лишь в 1955 г. вернулись в общественную жизнь[75].

Международные встречи «государственных любителей», «псевдопрофессионалов», «псевдолюбителей», «профессионалов» и «любителей» происходили после смерти Сталина на различных уровнях. Центральное место среди них занимали Олимпийские игры, на которые были направлены самые честолюбивые амбиции советской системы большого спорта. Во многих олимпийских видах спорта занять лидирующие позиции было тем легче, что соперники из западных индустриальных государств не скрывали своего статуса профессиональных спортсменов и потому не допускались к участию в играх. Хотя популярность и непосредственный интерес зрителей играли второстепенную роль по сравнению с перспективой получения медалей, советский спорт не мог вечно уклоняться от таких соревнований, которые, как, например, чемпионаты по популярным командным видам спорта – футболу, хоккею или баскетболу – благодаря регулярным репортажам в печати, на радио и телевидении получали всемирный резонанс, гарантировали полные стадионы и всё больше и больше подчинялись законам коммерциализации. На этом, втором, уровне успехи случались гораздо реже и менее регулярно. Если не считать многолетнего первенства в области хоккея, число побед и поражений здесь было примерно одинаково. Тот эффект постоянных побед, которого в олимпийских видах спорта, предполагающих индивидуальные достижения, удавалось добиваться благодаря государственной поддержке и эффективной практике поиска молодых дарований, требовал в зрелищных видах спорта более высоких инвестиций, инфраструктуры по всей стране и выхода на растущий мировой рынок спорта.

Поэтому имевшиеся ограниченные ресурсы приходилось направлять на те дисциплины, которые обещали скорые успехи. Атлеты, выступавшие в личном зачёте, приносили больше медалей, чем команды. Дорогостоящие или требующие высоких технических издержек дисциплины, такие как автомотоспорт (который уже в конце 20-х гг., несмотря на ничтожно малый объём отечественной автомобильной промышленности, окрылял фантазию современников[76]), парусный спорт, прыжки в воду или водные лыжи, имели мало шансов на государственную поддержку. Классические зрелищные виды, как, например, скачки, борьба или футбол, финансировались только из особых фондов и по собственным финансовым каналам. Против других – например, бокса, борьбы, каратэ и бодибилдинга, – долго сохранялись предубеждения, восходившие к «гигиенистам» 20-х гг. От них отказывались либо из-за их якобы «иррационального», «опасного» или «эксгибиционистского» характера, либо из-за того, что они якобы служили только цели «наживы». Сохранял свою силу и пуризм приверженцев Пролеткульта[77], которые вместо «индивидуализирующей гимнастики» пропагандировали «не испорченный буржуазией спорт»[78].

Чем дальше в прошлое уходила война и чем заметнее время распадалось на «работу» и «досуг» (в 1967 г. была введена пятидневная рабочая неделя), – тем более несостоятельными казались такие возражения против профессионального спорта, к тому времени уже давно существовавшего в Советском Союзе и в ГДР, а также против индивидуальных и неорганизованных спортивных занятий в свободное время, разнообразие которых лучше удовлетворяло потребности индивидов, чем коллективные действа, нацеленные на «массовость». Такой спорт становился, подобно рыбалке, охоте или альпинизму, чисто приватным хобби[79].

В США энергию направляли в научные исследования спортивных методик, в разработку новых снарядов и инвентаря (например, шестов их стекловолокна, пластиковых лыжных ботинок или тартанового покрытия), в улучшение техник движения (переворот вперёд согнувшись в плавании, прыжок в высоту способом «фосбери-флоп» или четырёхкратное вращение в метании молота). В советском же спорте внимание уделялось, прежде всего, расширению и интенсификации существующих методов тренировки. При этом, продолжало играть важную роль противоречивое научное наследие павловской школы, приверженцы которой связывали биологию, генетику и евгенику с социальными утопиями и интегральными концепциями тела. Целью было воспитание – или создание – «новых людей»[80]. Когда же было принято решение последовательно перенимать достижения мировой науки и результаты практических испытаний, часто не хватало необходимого опыта работы с рискованными новыми методами и устройствами. Одним из последствий этого было то, что высокоспециализированная тренировка будущих рекордсменов, начиная с 50-х гг., всё чаще стала проводиться уже с детьми и подростками. В особенности девочки и женщины, предназначенные стать рекордсменками, подвергались жесточайшему дисциплинированию. Советские учёные негласно экспериментировали с братьями и сёстрами, близнецами и так называемыми «мужеподобными женщинами». Это привело к тому, что в 1968 г. был введён обязательный тест на определение пола[81].

В немецкой прессе специалисты строили догадки относительно причин удивительной мощи некоторых спортсменок, чьё женское очарование несло на себе слишком уж мужские черты. Врачи объясняли биологический процесс превращения «нормально развитых женщин» с «предрасположенностью к маскулинности» в «псевдо-гермафродитов» или в «мужчин» длительными высокими физическими и психическими спортивными нагрузками[82]. Между тем длинный список рекордов, поставленных на Олимпийских играх и чемпионатах мира, свидетельствовал, невзирая на множащиеся обвинения в махинациях, о том, что путь, которым пошёл с конца 40-х гг. спорт в Советском Союзе и в ГДР, был – или казался – весьма удачным. Статистика рекордов и побед была такова, что на её фоне не допускались сомнения по поводу требований, предъявлявшихся к спортсменам, и методов достижения рекордных показателей. Критически настроенная общественность, которая поднимала вопрос о цене успехов, находилась за границей, и её голос отметался как враждебная пропаганда. Мы никогда не узнаем, как население относилось бы к своим героям, если бы знало об использовании ими допинга.

Итак, нам остаётся резюмировать всё вышесказанное: стереотипы холодной войны и конфликт между Западом и Востоком долгое время определяли их взаимное восприятие и оценку спортивных достижений. Лишь немногие спортсмены завоевали себе место в стороне от идеологических битв вокруг «миролюбивого Советского Союза» и «лучшей из двух Германий». Среди них – легендарный Лев Яшин (1929–

1990), который к 1970 г. провёл 813 игр в качестве вратаря московского «Динамо», участвовал в 1954–1967 гг. в составе сборной Советского Союза в 78 международных турнирах и был, как многие считают, лучшим голкипером всех времён[83].

Перевод с немецкого Кирилла Левинсона

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Eisenberg C.* «English sports» und deutsche Bürger. Eine Gesellschaftsgeschichte 1800–1939. Paderborn, 1999; Eadem. Der Sportler // Der Mensch des 20. Jahrhunderts / Hg. von U. Frevert / H. – G. Haupt. – Frankfurt a. M., N. Y., 1999. S. 87–112.

[2] Ср. *Read J.* Physical Culture and Sport in the Early Soviet Period // Australian Slavonic and East European Studies. 1996. Vol. 10. Nr. 1. P. 76, 81; *Graham L.R.* Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920es // The American Historical Review. 1977. Vol. 82. P. 1133–1164; *Adams M.B.* Eugenics as a Social Medicine in Revolutionary Russia: Prophets, Patrons, and the Dialectics of Discipline-Building // Health and Society in Revolutionary Russia / Ed. by S. Gross Solomon / J.F. Hutchinson. – Bloomington, Indianapolis, 1990. P. 200–223.

[3] *Ruffmann K.* – H. Sport und Körperkultur in der Sowjetunion. – München, 1980. S. 51.

[4] *Zobel P.* Sport im Lande des sozialistischen Aufbaus. – Berlin, [1931]; *Gounot A.* Weltrekorde und Olympische Spiele im Visier. Der Wendepunkt der sowjetischen Sportpolitik Mitte der 30er Jahre // Sport und Sozialer Wandel. Proceedings of the ISHPES Congress 1998 Sunny Beach, Bulgaria. – Sankt Augustin, 2001. S. 93–102.

[5] Всевобуч = Всеобщее военное обучение

[6] ОСОАВИАХИМ = Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

[7] ДОСААФ = Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

[8] См. подборку документов по этой теме в сб.: Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 / Под ред. И.Г. Чудинова. – М., 1957.

[9] Например, основанный в 1923 Центральный Спортивный Клуб Армии (ЦСКА) в Москве.

[10] История физической культуры. – М., 1964. С. 268–272; *Sendlak P.* Leibesübungen und Sport in der Sowjetunion // Geschichte der Leibesübungen / Hg. von H. Ueberhorst. 6 Bde. – Berlin u. a., 1972–1989, здесь Bd. 4: Die großen Sportnationen: Leibeserziehung und Sport in den Vereinigten Staaten, Leibesübungen und Sport in der Sowjetunion, Sport in Großbritannien, Geschichte der Leibesübungen und des Sports in Japan. S. 92–102. О дореволюционной системе спорта см. *McReynolds L.* Russia at Play. Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. – Ithaca, London, 2003. P. 76–112.

[11] О пользе ориентации на проблемы, а не событийную канву при исследовании истории советского спорта – см. *Schlögel K.* Moskau lesen. – Berlin, 1984. S. 93–96.

[12] *Чудинов И.Г.* Основные постановления… С. 51–54.

[13] *Read J.* Physical Culture… P. 59–84; *Morton H.W.* Medaillen nach Plan. Der Sowjetsport. – Köln, 1963. S. 148–168.

[14] *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades. Celebrations in the time of Stalin. – Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 3–84.

[15] Цит. по: *Schlögel K.* Moskau lesen… S. 94.

[16] По крайней мере, в германских архивах до сих пор не удалось найти никаких конкретных свидетельств, подтверждающих такие предположения, восходящие к *Riordan J.* Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR. – N. Y., 1977. P. 361. О возобновлении культурных связей между СССР и Германией, почти прекращённых после 1933 г., см. *Rosenfeld G.* Kultur und Wissenschaft in den Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion von 1933 bis Juni 1941 // Deutsch-russische Beziehungen / Hg. von L. Thomas (= Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Bd. 1). – Berlin, 1995. S. 124–127; *Teichler H.J.* Internationale Sportpolitik im Dritten Reich. – Schorndorf, 1991. S. 290.

[17] *Романов А.О.* Международное спортивное движение. – М., 1973. С. 192.

[18] О причинах – см. *Riordan J.* The USSR and the Olympic Games // Stadion. 1980. Bd. 6. S. 291–313. Это, однако, не исключало встреч между сборной командой московских клубов «Спартак» и «Динамо» с чешскими и французскими командами в 1935 и 1936 гг. – см. *Edelman R.* Serious Fun. A History of Spectator Sports in the USSR. N. Y., Oxford, 1993. P. 49–51; *Riordan J.* Sport in Soviet Society… P. 359.

[19] *Exner-Carl K.* Sport und Politik in den Beziehungen Finnlands zur Sowjetunion 1940–1952. – Wiesbaden, 1997. S. 56.

[20] О взглядах социал-демократов и коммунистов на эти вопросы ср.: *Dierker H.* Die Beziehungen zwischen Luzerner Sportinternationale/Sozialistischer Arbeitersportinternationale und Roter Sportinternationale (1920/21–1928/29) // Arbeiterkultur und Arbeitersport / Hg. von H.J. Teichler. – Clausthal-Zellerfeld, 1985. S. 142–167; *Lieske B., Zobel P.* Bürgerlicher Sport und Arbeitersport. Drei Vorträge. – Berlin, 1924.

[21] Когда именно прекратил своё существование КСИ – неясно: данные расходятся в пределах от 1937 до 1942 г. О его истории см. *Gounot A.* Die Rote Sportinternationale, 1921–1937. Kommunistische Massenpolitik im europäischen Arbeitersport. – Münster, 2002; The Story of Worker Sport / Ed. by A. Krüger / J. Riordan. – Champaign, Il., 1996; *Dierker H.* Arbeitersport im Spannungsfeld der zwanziger Jahre. Sportpolitik und Alltagserfahrungen auf internationaler, deutscher und Berliner Ebene. – Essen, 1990; Illustrierte Geschichte des Arbeitersports / Hg. von H.J. Teichler / G. Hauk. – Berlin / Bonn, 1987; *Timmermann H.* Geschichte und Struktur der Arbeitersportbewegung 1893–1933. – Ahrensburg, 1973; *Ueberhorst H.* Frisch, frei, stark und treu. Die Arbeitersportbewegung in Deutschland, 1893–1933. – Düsseldorf, 1973.

[22] *Новиков И.* Большой спорт и внешняя политика // Культура и жизнь. II. Январь 1949. С. 3; ср. *Kühnst P.* Der mißbrauchte Sport. Die politische Instrumentalisierung des Sports in der SBZ und DDR, 1945–1957. – Köln, 1982. S. 78; *Прозуменщиков М.Ю.* Большой спорт и большая политика. – М., 2004. С. 3–5.

[23] См. таблицу в: *Exner-Carl K.* Sport und Politik… S. 177.

[24] После того, как советские футболисты в одной восьмой финала олимпийского турнира 1952 г. в Тампере (Финляндия) потерпели поражение от югославской сборной и выбыли из соревнований, команда Центрального Дома Красной Армии (ЦДКА), составлявшая костяк олимпийской сборной СССР, была расформирована и больше не участвовала в клубных чемпионатах (*Edelman R.* Serious Fun… P. 102–110).

[25] *Романов Н.Н.* Трудные дороги к Олимпу. – М., 1987. С. 200–204; *Столбов В.В.* Советский спорт и основные тенденции развития международного движения // Спорт и перестройка / Под ред. С.И. Гуськова. – М., 1988. С. 146–148.

[26] Об истории советских средств массовой коммуникации, в которой выдающаяся роль спорта, впрочем, до сих пор почти не находит отражения, см. *Stites R.* Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. – Cambridge, 1992; Очерки истории советского радиовещания и телевидения. – М., 1972; О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. – М., 1972; Телевидение и радиовещание СССР. – М., 1979; *Глейзер М.С.* Радио и телевидение. Даты и факты. 1917–1986. – М., 1989; *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. – М., 2000; *Eadem.* Unterwerfung und Gleichschaltung des Rundfunks in der UdSSR // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. von D. Beyrau. – Göttingen, 2000. S. 197–218; *Murašov J.* Das elektrifizierte Wort. Das Radio in der sowjetischen Literatur und Kultur der 20er und 30er Jahre // Die Musen der Macht. Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre / Hg. von J. Murašov / G. Witte. – München, 2003. S. 81–112.

[27] Ср. *Aman A.* Symbols and Rituals in the People's Democracies during the Cold War // *Arvidsson C.* / *Blomquist L.E.* Symbols of Power. The Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe. – Stockholm, 1987. P. 43–60.

[28] *Katzer N.* Die belagerte Festung. Wiederaufbau, Nachkriegsgesellschaft und innerer Kalter Krieg in der Sowjetunion, 1945 bis 1953 // Osteuropa. 2000. Jg. 50. Nr. 3. S. 280–299; *Zubkova E.* Russia after the War. Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. – N. Y., u. a. 1998; *Eadem.* Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945–1953) // Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936–1953 / Hg. von H. Weber / U. Mählert. – Paderborn, 1998. S. 187–281; *Romanovskij N.* Zur Anatomie des Spätstalinismus // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. Nr. 2. S. 9–39.

[29] Советский спорт. 20 июля 1948. С. 2; Vollmert-*Spiesky S.* Vergleichende Untersuchung der Lexik des Fußballspiels im Russischen, Polnischen und Deutschen. Ein Beitrag zur Eurolinguistik. Wiesbaden, 1996; *Riordan J.* The Strange Story of Nikolai Starostin, Football and Lavrentii Beria // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. Nr. 4. P. 686. Ср. *Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // The Russian Review. 2004. Vol. 63. P. 241–255.

[30] *Edelman R.* Serious Fun… P. 87–91; *Peppard V.* / *Riordan J.* Playing Politics: Soviet Sport Diplomacy to 1992. Greenwich, Ct. / London, 1993. P. 50–58. Ср. заметки в лондонской «Times» от 14, 20, 21, 22 и 29 ноября 1945 и в «Правде» от 14, 16, 18 и 22 ноября 1945.

[31] *Wonneberger G.* Arbeitersport in der DDR. Zur Realisierung der Ziele und Träume deutscher Arbeitersportler im ersten deutschen Arbeiter- und Bauernstaat // Der internationale Arbeitersport. Der Schlüssel zum Arbeitersport in 10 Ländern / Hg. von A. Krüger / J. Riordan. – Köln, 1985. S. 14–34.

[32] *Nitsch F.* Warum entstand nach 1945 keine Arbeitersportbewegung? // Sportwissenschaft. 1976. Bd. 6. S. 172–199.

[33] *Dietrich G.* Politik und Kultur in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands (SBZ) 1945–1949. – Bern u. a., 1993; *Hartmann A.* / *Eggeling W.* Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945–1953. – Berlin, 1998; *Naimark N.M.* Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – Berlin, 1997. S. 501–582.

[34] *Weisspfennig G.* Der Neuaufbau des Sports in Westdeutschland bis zur Gründung des Deutschen Sportbundes // *Ueberhorst H.* Geschichte der Leibesübungen… здесь Bd. 3/2: Leibesübungen und Sport in Deutschland vom Ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart (1982). S. 759– 764; *Wonneberger G.* Sport in der Sowjetischen Besatzungszone von 1945 bis 1949 // Idem et al. Geschichte des DDR-Sports. – Berlin, 2002. S. 24–27.

[35] *Wonneberger G.* Sport in der DDR von 1949 bis 1960 // Geschichte des DDR-Sports… S. 138–147. Ср. выходивший, начиная с 1952 г., журнал «Теория и практика физкультуры» («Theorie und Praxis der Körperkultur») и брошюры Спортивного издательства (Sportverlag der DDR) из серии «Методические тетради по физкультуре и спорту СССР и стран народной демократии» («Lehrhefte für Körperkultur und Sport der Sowjetunion und der Volksdemokratien»), где в дидактических целях распространялись в ротапринтной печати переведённые с русского тексты, например *Simkin N.W.* / *Lechtmann I.B.* Die Automatisierung der menschlichen Bewegungen im Lichte der Lehre Pawlows von der höheren Nerventätigkeit. – Berlin (Ost), 1954. О научном и политическом контексте: *Rüting T.* Pavlov und der Neue Mensch. Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland. – München, 2002.

[36] *Amos H.* Politik und Organisation der SED-Zentrale 1949–1963. Struktur und Arbeitsweise von Politbüro, Sekretariat, Zentralkomitee und ZK-Apparat. – Münster u. a., 2003; *Geiger H.* Das Ministerium für Staatssicherheit und der Leistungssport // Körper, Kultur und Ideologie. Sport und Zeitgeist im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. von I. Diekmann / H.J. Teichler. – Bodenheim bei Mainz, 1997. S. 217–247.

[37] О его истории см. *Heider P.* Die Gesellschaft für Sport und Technik (1952–1990) // Im Dienste der Partei. Handbuch der bewaffneten Organe der DDR / Hg. von T. Diedrich / H. Ehlert / R. Wenzke. 2., durchgesehene Aufl. – Berlin, 1998. S. 169–199.

[38] Ср. *Bernett H.* Guido von Mengden. «Generalstabschef» des deutschen Sports. – Berlin / München / Frankfurt a. M., 1976; Nationales Olympisches Komitee für Deutschland. – München, 1989. Об обвинениях в военных преступлениях, выдвигавшихся против последнего руководителя спорта Третьего рейха и первого президента НОК, см. Ermittlungen gegen die Deutsche Bank 1946/1947 / Hg. von OMGUS [Office for Military Government (US)]. – Nördlingen, 1985. S. 57–59.

[39] *Kluge V.* «Wir waren die Besten» – Der Auftrag des DDR-Sports // I. Diekmann / H.J. Teichler. Körper, Kultur und Ideologie… S. 177.

[40] *Holzweissig G.* Diplomatie im Trainingsanzug. Sport als politisches Instrument der DDR in den innerdeutschen und internationalen Beziehungen. – München / Wien, 1981. S. 89–91.

[41] *Романов А.О.* Международное спортивное движение… С. 177.

[42] *Riordan J.* Sport, politics and communism. – Manchester / N. Y., 1991. P. 136f.

[43] *Geyer M.H.* Der Kampf um nationale Repräsentation. Deutsch-deutsche Sportbeziehungen und die «Hallstein-Doktrin» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Jg. 44. Nr. 1. S. 55–86.

[44] Ср., например, Direktive des Sekretariats des ZK über die Aufgaben der Parteileitung bei der Entwicklung einer sozialistischen Körperkultur vom 5. Januar 1953 и Führungslinie für die Erarbeitung eines Beschlusses des Staatsrates der DDR: Die Aufgaben der Körperkultur und des Sports bei der Gestaltung

des entwickelten gesellschaftlichen Systems des Sozialismus in der DDR vom 6. Juni 1968 // *Teichler H.J.* Die Sportbeschlüsse des Politbüros. Eine Studie zum Verhältnis von SED und Sport mit einem Gesamtverzeichnis und einer Dokumentation ausgewählter Beschlüsse. – Köln, 2002. S. 248–252, 540–544.

[45] Цит. по: *Krockow Chr. V.* «Sieg oder Tod». Über Sport und Politik // Schneller, höher, weiter. Eine Geschichte des Sports / Hg. von H. Sarkowicz. – Frankfurt a. M. / Leipzig, 1996. S. 365.

[46] *Schulz B.* / *Pöge A.W.* Niemand wollte gegen die DDR-Auswahl spielen! // Libero / Spezial deutsch / Hg. von IFFHS [International Federation of Football, History & Statistics]. 1993. Nr. 4 / D8. S. 53.

[47] *Holzweissig G.* Diplomatie… S. 34–38.

[48] См. статистику медалей в *Riordan J.* Sport, politics and communism… P. 143.

[49] Ср. таблицу там же, p.140.

[50] Ср. общие размышления о господстве СЕПГ в ст. *Lindenberger T.* Die Diktatur der Grenzen. Zur Einleitung // Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur. Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR / / Hg. von T. Lindenberger. – Köln u. a., 1999. S. 20.

[51] См. примеры в *Baingo A.* / *Horn M.* Die Geschichte der DDR-Oberliga. Göttingen, 2003. S. 40; Schlüsseldokumente zum DDR-Sport. Ein sporthistorischer Überblick in Originalquellen / Hg. von G. Spitzer / H.J. Teichler / K. Reinartz. – Aachen, 1998. S. 234–238.

[52] *Вайль П.* / *Генис А.* 60-е. Мир советского человека. – М., 1996. С. 206–214.

[53] Ср. *Метаев Ю.А.* Физическая культура и спорт в СССР. – М., 1955.

[54] Kleine Enzyklopädie Körperkultur und Sport. 5., neu bearbeitete Aufl. – Leipzig, 1979. S. 39, passim.

[55] Ср. *Goodman N.* Weisen der Welterzeugung. – Frankfurt a. M., 1984; *Gebauer G.* / *Wulf Ch.* Spiel – Ritual – Geste. Mimetisches Handeln in der sozialen Welt. Reinbek b. – Hamburg, 1998. S. 24.

[56] *Boschert B.* Der Sport und der Raum – der Raum des Sports // SportZeiten. Sport in Geschichte, Kultur und Gesellschaft. 2002. Bd. 2. S. 1–37; здесь S. 20, Anm. 4, а также S. 21, Anm. 7; *Rigauer B.* / *Robert N.F.* Soziodynamische Prozesse in Sportspielen. Eine feld- und figurationssoziologische Untersuchung und Theoriebildung. – Köln, 2001.

[57] Об этом *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. – N. Y., 1959 (рус. изд. *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М., 2000); *Alkemeyer T.* Körper, Kult und Politik. Von der «Muskelreligion» Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936. – Frankfurt a. M. / N. Y., 1996. S. 341.

[58] На примере Москвы и Берлина 30-х годов это показано в *Stommer R.* / *Dalügge M.* Masse – Kollektiv – Volksgemeinschaft. Massenästhetische Inszenierungen der zwanziger und dreißiger Jahre // Berlin – Moskau, 1900–1950 / Hg. von I. Antonowa / J. Merkert. – München / N. Y., 1995. S. 355.

[59] *Boschert B.* Der Sport und der Raum… S. 30.

[60] См. об этом рассуждения Бошерта (*Boschert B.* Der Sport und der Raum… S. 30–33), опирающиеся на «Программу для социологии спорта» Бурдьё в *Bourdieu P.* Choses dites. – Paris, 1987 (рус. изд. *Бурдьё П.* Начала. Choses dites / Пер. с фр. Шматко Н.А. – М., 1994.), а также *Löw M.* Raumsoziologie. – Frankfurt a. M., 2001.

[61] Ср. «Einführung» // Der Mensch des 20. Jahrhunderts / Hg. von U. Frevert / H.-G. Haupt. – Frankfurt a. M. / N. Y., 1999. S. 14f.; *Günther H.* Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. – Stuttgart / Weimar, 1993. S. 177–179.

[62] Die fünfziger Jahre. Als das Leben wieder anfing / Hg. von D. Franck. – München / Zürich, 1981; *Schildt A.* Moderne Zeiten. Freizeit, Massenmedien und «Zeitgeist» in der Bundesrepublik der 50er Jahre. – Hamburg, 1995.

[63] *Glaser H.* Das Automobil. Eine Kulturgeschichte in Bildern. – München, 1986; *Kubisch U.* Motor-Roller mobil. Vom zivilisierten Zweirad zum Fast-Automobil. Eine Geschichte der Massenmotorisierung. – Berlin, 1985.

[64] *Baukloh F.* Massensport Fußball // Frankfurter Hefte. 1952. Bd. 11. S. 859ff.

[65] Премия Гутсмута (GutsMuths-Preis) названа в честь педагога Иоганна Фридриха Гутсмута (1759–1839), который считается одним из первопроходцев современного физического воспитания. Премия была учреждена в 1961 г. в ГДР и присваивалась за «выдающиеся научные труды, содействующие развитию социалистической физической культуры».

[66] Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR. – Berlin, 2002. S. 94.

[67] *Gries R.* Die Heldenbühne der DDR. Zur Einführung // Ibid. S. 84–100, особенно S. 85 ff.

[68] *Schenk R.* Vor dem Mauerfall. Wie der Osten den Westen sah // Lexikon des internationalen Films. Kino, Fernsehen, Video, DVD / Hg. von H.P. Koll / S. Lux / H. Messias. 4 Bde. Frankfurt a. M., 2002, здесь Bd. 1. S. D2-D7; Idem. Normal war der Austausch nie. Ehe im Schatten und andere «Austauschfilme» // Ibid. S. D7-D10.

[69] *Weber H.* Geschichte der DDR. Aktualisierte und erweiterte Neuausgabe. 2. Aufl. – München, 2000. S. 329.

[70] См. мемуары председателя Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Н.Н. Романова, который в 1948 г., ввиду критики из высочайшей инстанции, был смещён со своего поста, но после смерти Сталина вновь занял его: *Романов Н.Н.* Трудные дороги к Олимпу…

[71] *Donaldson R.H.* / *Nogee J.L.* The Foreign Policy of Russia. Changing Systems, Enduring Interests. – Armonk, NY, / London, 1998. P. 67–75.

[72] *Korotkow P.* Moskauer Eishockeyspieler in Westdeutschland // Neue Zeit. № 50. 11. Dezember 1954. S. 29–31.

[73] Ibid. S. 31.

[74] Krämer-*Mandeau W.* Regionale Spiele und Sportarten auf dem Gebiet der ehemaligen Sowjetunion // Stadion. Internationale Zeitschrift für Geschichte des Sports. 1991. Bd. 17. Nr. 2. S. 268.

[75] О бурной биографии Старостиных см. *Старостин Н.* Футбол сквозь годы. – М., 1989; *Starostin N.* Der Fall der Brüder Starostin // Berija. Henker in Stalins Diensten – Ende einer Karriere / Hg. von V.F. Nekrassow. – Berlin, 1992. S. 275–281 (рус. изд. Берия, конец карьеры / Сост. В.Ф. Некрасов. – М., 1991); *Edelman R.* Serious Fun… S. 83–85, passim; *Riordan J.* The Strange Story… P. 681–690.

[76] *Krämer-Mandeau W.* Regionale Spiele… S. 269; *Siegelbaum L.H.* Soviet Car Rallies of the 1920s and 1930s and the Road to Socialism // Slavic Review. 2005. Vol. 64. Nr. 2. P. 247–273.

[77] Пролеткульт (= пролетарская культура) – революционное культурное течение в Советской России (1917–1925), имевшее своей целью создание особой пролетарской массовой культуры.

[78] *Krämer-Mandeau W.* Regionale Spiele… S. 264.

[79] *Zuzanek J.* Work and Leisure in the Soviet Union. A Time-Budget Analysis. – N. Y., 1980. P. 37f., 47–49, 67ff.; *White A.* De-Stalinization and the House of Culture. Declining state control over leisure in the USSR, Poland and Hungary, 1953–89. – London / N. Y., 1990; *Рототаев П.С.* К вершинам. Хроника советского альпинизма. – М., 1977.

[80] *Rüting T.* Pavlov und der Neue Mensch… S. 172–176; Beiträge zur Theorie der Körpererziehung. Berlin (Ost), 1959. Эта брошюра содержит переводные статьи русских специалистов о «автоматизации движений» и о советских методах тренировки спортсменов.

[81] *Kühnst P.* Sport. Eine Kulturgeschichte im Spiegel der Kunst. – Dresden, 1996. S. 359, 403 (Anm. 52).

[82] Среди прочих примеров можно назвать исключительную советскую спортсменку Александру Чудину, которая на предолимпийских всесоюзных отборочных соревнованиях 1952 г. в Киеве победила в четырёх дисциплинах (прыжки в высоту и в длину, метание копья, пятиборье) (Der Spiegel. 23. Juli 1952. S. 22f.). В Хельсинки корреспондент агентства ЮПИ спросил советского тренера: «Может быть, Александру Чудину на самом деле надо было бы звать Александром?».

[83] *Bausenwein C.* Die letzten Männer. Zur Gattungsgeschichte und Seelenkunde der Torhüter. – Göttingen, 2003. S. 382f.

Михаил Прозуменщиков

СПОРТ
в контексте советско-германских отношений в 1950-х – начале 1980-х гг.

Спорт и политика в течение всех семи десятилетий советской власти были неразрывно связаны друг с другом, хотя советскому человеку настойчиво внушалась мысль, что это вещи совершенно несовместимые. На практике же политика не только активно вмешивалась в спортивные дела, влияя (и подчас весьма существенно) на итоги соревнований, но и нередко спорт использовался откровенно в политических целях.

В довоенный период, в условиях жесткого противостояния с враждебным капиталистическим окружением, советское руководство пыталось, хотя и без особого успеха, создать альтернативную систему международных «рабочих» Олимпиад, спортивных соревнований «пролетарских спортсменов». После второй мировой войны были сделаны первые шаги на пути вхождения СССР в мировую спортивную систему: начиная со знаменитого турне московского «Динамо» по Англии осенью 1945 года и кончая разрешением на участие в летних Олимпийских играх 1952 года, которое Сталин незадолго до своей смерти даровал советским спортсменам.

Влияние побед советских олимпийцев на мировую общественность, возросший авторитет СССР как крупной спортивной державы убедили руководителей КПСС в том, что большой спорт можно использовать в качестве мощного идеологического оружия в противостоянии двух политических систем. По их замыслу, советские спортсмены должны были стать проводниками официальной политики Москвы во всех уголках земного шара, а спортивные успехи Советского Союза – символизировать преимущество социалистического строя.

Подобный подход к большому спорту был присущ не только руководителям советского государства: в разное время и в разных странах под спортивные достижения пытались подвести политическую базу, поставить успехи или неудачи на спортивных аренах в зависимость от правильности политической ориентации. Однако только в СССР эта зависимость спорта от политики была доведена до совершенства.

Спорт активно использовался советским руководством не только в идеологическом противоборстве с капиталистическими государствами, но и в сложной системе взаимоотношений со своими союзниками, которые появились у Москвы в Восточной Европе и Азии вскоре после второй мировой войны и образовали так называемую социалистическую систему во главе с СССР. Во времена И.В. Сталина характерными чертами данной системы являлось отсутствие у союзников СССР сколько-нибудь самостоятельной, прежде всего, внешней политики, а также бездумное копирование советского опыта, вне зависимости от особенностей развития каждого из государств. В области спортивных связей последнее имело не столь негативные последствия, как, например, в сфере экономики, где попытки следовать во всем за Советским Союзом приводили порой к катастрофическим результатам. А вот что касалось

самостоятельности, то в этом вопросе спортивные функционеры всех социалистических стран старались не проявлять ненужной инициативы, неизменно сверяя каждый свой шаг по Москве.

Перемены в СССР, начавшиеся в 1953 г. и особенно ускорившиеся после XX съезда КПСС и бурных событий в Восточной Европе осенью 1956 г., в некоторой степени демократизировали взаимоотношения внутри социалистического лагеря, включая контакты в области спорта. Однако и СССР, и его союзники достаточно скоро столкнулись с одной сложной и весьма противоречивой проблемой, к решению которой им приходилось то и дело возвращаться все последующие годы. В стремлении дистанцироваться от сталинского прошлого новое советское руководство всемерно поощряло проявление самостоятельности у своих союзников, гневно отвергая любые обвинения в кремлевском «диктате», «навязывании собственных взглядов» и т. д. Имидж содружества независимых социалистических государств был, естественно, гораздо более привлекателен в глазах мирового сообщества, чем представление о Восточной Европе, как о сталинской тюрьме народов.

Но, одновременно с этим, несмотря на все происходившие изменения, для Советского Союза оставалось крайне важным, чтобы социалистические государства продолжали выступать на мировой спортивной арене единым фронтом, помогая друг другу в решении спорных вопросов и отстаивая интересы всего содружества. Марксистский тезис о «свободе как осознанной необходимости» применительно к новой ситуации означал, что в СССР очень хотели, чтобы их союзники почувствовали себя «свободными», но только в пределах советского блока. В Москве допускали, что социалистические государства вполне могут проводить самостоятельную спортивную политику и даже выступать на международных спортивных форумах с собственными предложениями и инициативами. Важно только, чтобы эта «самостоятельная» политика не выходила бы за рамки общей политической линии всего лагеря, согласованной в Москве, а инициативы и предложения, исходившие от стран «народной демократии», перед их обнародованием предварительно получали бы одобрение в Советском Союзе.

С целью координации деятельности социалистических государств с середины 1950-х гг. СССР стал организовывать ежегодные совещания руководителей их спортивных ведомств, на которых, как отмечалось в документах ЦК КПСС, «обсуждаются вопросы спортивного сотрудничества социалистических стран, определяется календарь двусторонних и многосторонних соревнований, рассматриваются вопросы участия в деятельности МОК[1], организаций национальных олимпийских комитетов и международных спортивных федераций, вырабатываются перспективные планы сотрудничества на международной спортивной арене в целом»[2]. Однако, несмотря на совместно выработанные и согласованные решения, они не всегда соблюдались всеми союзниками. Проблемы возникали и тогда, когда интересы отдельных социалистических стран оказывались диаметрально противоположными: попытки СССР добиться компромисса часто не приносили желаемого результата. Все это крайне нервировало советское руководство, так как за каждым из таких случаев оно видело опасность раскола и ослабления единства рядов социалистического содружества.

Со своей стороны, социалистические страны также находились перед дилеммой. С одной стороны, пребывание в «едином социалистическом спортивном строю» приносило им несомненные выгоды. СССР оказывал своим «друзьям» существенную материальную и финансовую помощь, его квалифицированные специалисты и

тренеры способствовали быстрой подготовке национальных спортивных кадров достаточно высокого уровня, спортсмены социалистических стран регулярно проводили сборы и тренировки на советских спортивных базах и т. п. Немаловажным было и то, что при непосредственном содействии Советского Союза представителям этих государств удавалось занимать высокие посты в международных спортивных федерациях и организациях.

Но, желая сохранить все это, странам социализма одновременно хотелось и большей самостоятельности. Для одних это было средством продемонстрировать всему миру определенную независимость от Москвы, для других – удовлетворить свои честолюбивые интересы. И вот тогда-то и возникали те самые нарушения согласованных решений или проводились акции, направленные на повышение престижа одной из стран, нередко в ущерб интересам остальных «друзей». Правда, при этом, их организаторы понимали, что заходить за определенную грань все же небезопасно и пытались на всякий случай подстраховаться. В Москву направлялись «оправдательные» документы с извинениями, разъяснениями и уверениями в верности единому курсу социалистических стран, о чем в устной форме руководители национальных спортивных ведомств спешили также заверить своих советских коллег. В крайнем случае, в качестве «жертвы» выбирался какой-нибудь спортивный функционер, который якобы «не разобрался в ситуации» или проявил несанкционированную инициативу.

Весьма характерными были в этом плане взаимоотношения Советского Союза с Германской Демократической Республикой (ГДР), которая и в политике, и в спорте постоянно нуждалась в советской помощи, но при каждом удобном случае старалась продемонстрировать свою независимость от Москвы, что порождало серьезные проблемы. В большинстве случаев первоисточником этих проблем становилась все та же большая политика, когда представителям спортивных организаций приходилось либо озвучивать концепции своего политического руководства, либо пытаться приспособить спорт к изменившимся политическим условиям.

ГДР между преданностью и непослушанием

1. Бег с препятствиями к дипломатическому признанию

С ГДР ситуация была особенно острой, так как она не признавалась большинством стран мира и, соответственно, первоначально не допускалась в различные международные спортивные объединения и федерации. Главным выразителем ее интересов на мировой арене выступал Советский Союз, который находился во взаимоотношениях с обоими германскими государствами на привилегированном положении. Правительство Федеративной Республики Германии (ФРГ), не признававшее «искусственно созданную» ГДР, долгие годы бдительно следило за тем, чтобы никто не вступал в контакт с его восточным соседом. В противном случае санкции следовали незамедлительно: с Югославией, признавшей в середине 1950-х гг. ГДР, были тут же разорваны дипломатические отношения, прерваны экономические связи и т. д. Единственной страной, для которой было сделано исключение, оказался Советский Союз. Это объяснялось той ролью, которую играла Москва в процессе послевоенного урегулирования в Европе, в решении германского вопроса, а также в связи с не-

обходимостью возвращения из советского плена все еще находившихся в СССР тысяч немецких солдат. Побывавший с визитом в Москве в 1955 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр подписал с советскими руководителями соответствующие соглашения, и Советский Союз почти на полтора десятилетия стал единственной в мире страной, поддерживавшей дипломатические отношения одновременно с обоими германскими государствами.

Но в то время, как советское руководство прикладывало огромные усилия с целью придания легитимности существованию независимой ГДР, борьбе Москвы за международное спортивное признание Восточной Германии наибольшие сложности создавал… сам Берлин. Политика руководителей спорта ГДР была подчас совершенно непредсказуемой, а временами и попросту провокационной.

Фактически ГДР, как и ФРГ, собирались принять в МОК еще в 1951 г., но глава Немецкого спортивно-гимнастического союза (ДТСБ) Восточной Германии Курт Эрдель неожиданно заявил, что ГДР дает согласие только на признание олимпийского комитета ФРГ, а вопрос о признании олимпийского комитета ГДР следует перенести на более поздний срок. Спустя некоторое время в СССР стало известно, что К. Эрдель подписал соглашение, по которому олимпийский комитет Восточной Германии фактически оказывался в подчинении у олимпийского комитета ФРГ[3]. Спохватившись, политическое руководство ГДР признало данное решение ошибкой и аннулировало соглашение, но и в дальнейшем спортивные функционеры страны продолжали совершать непонятные действия, которые никак не способствовали решению вопроса о признании ГДР в международных спортивных федерациях. Так, в 1954 г. делегация ГДР, прибыв в Копенгаген для переговоров с МОК об окончательном признании олимпийского комитета страны, в последний момент без объяснения причин не явилась на совещание, по сути, сорвав его. Чуть позже, как будто специально накануне очередного обсуждения вопроса о признании Восточной Германии членом МОК, в ГДР была выпущена брошюра, направленная против члена МОК от ФРГ Карла Риттера фон Хальта[4]. Скандал еще более усилился, когда выяснилось, что некоторые снимки в брошюре были сфабрикованы. Как следствие, ГДР вновь не была принята в международное олимпийское движение[5].

В свете происходивших событий не могло не создаться впечатления, что лидеры страны в первые годы существования ГДР были не заинтересованы в положительном решении данной проблемы. Более того, учитывая колоссальную и всестороннюю зависимость Ульбрихта и его окружения от Москвы, а также тот факт, что советский Спорткомитет[6] постоянно сигнализировал в ЦК КПСС об ошибочных действиях восточногерманских спортивных лидеров (которые продолжали тем не менее «ошибаться» и дальше), невольно возникает подозрение, что и в советском партийном руководстве были лица, заинтересованные в подобной политике ГДР на международной спортивной арене.

В 1950-х гг. еще сохранялась надежда на мирное объединение Германии, и одним из свидетельств этого было существование в течение нескольких лет ОГК – Объединенной германской команды, в которую входили спортсмены из восточной и западной частей Германии[7]. Однако если Советский Союз настойчиво добивался поиска взаимопонимания на спортивных аренах между представителями двух немецких государств, то в ГДР, казалось, все помыслы были направлены на то, чтобы максимально противопоставить друг другу спортсменов Восточной и Западной Германии.

Так, в начале 1956 г. при непосредственном участии советских представителей в МОК президентами национальных олимпийских комитетов ГДР и ФРГ фон Халь-

том и Гайнцом Шёбелем[8] было достигнуто принципиальное согласие на формирование единой германской команды для участия в VII зимней Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо. Но именно в эти же дни достоянием мировой прессы стали выступления В. Ульбрихта и председателя Комитета по физической культуре ГДР Манфреда Эвальда[9] на III конференции спортивных обществ восточной зоны в Хемнитце. Зная о принципах олимпийского движения, осуждающих любые попытки политизировать спортивные состязания, В. Ульбрихт тем не менее, заявил что «в спорте необходимо доказывать превосходство ГДР… для того, чтобы выполнить задачи социализма, и спорт должен воспитывать человека политически». Руководителю ГДР вторил Эвальд: «Спорт в Федеральной Республике не имеет будущего. Спортивные встречи между ГДР и Федеральной Республикой должны быть хорошо подготовлены политически, чтобы победы над представителями Федеральной Республики укрепляли доверие к нашей республике и ее силу»[10].

Обескураженный президент МОК Эвери Брендедж срочно направил письмо в Москву, понимая, что если кто-то и может воздействовать на руководство ГДР, так это те, от кого оно целиком и полностью зависит. В своем письме Брендедж отмечал, что он понимает, что «этот вопрос не находится непосредственно» в ведении СССР, но все же просил «помочь нам разъяснить деятелям Восточной Германии, что любительский спорт не должен употребляться как политическое оружие»[11]. Обеспокоенные не меньше президента МОК советские лидеры немедленно дали указание послу СССР в ГДР Георгию М. Пушкину переговорить по данному вопросу с Вальтером Ульбрихтом. Больше столь откровенных высказываний на официальном уровне со стороны партийных и спортивных функционеров ГДР не было.

В то же время это не означало, что руководство ГДР как-то изменило свою позицию. Абсолютное нежелание возвращаться в единую Германию, где у СЕПГ не было никаких шансов удержаться у власти, заставляло Берлин упорно противопоставлять два немецких государства друг другу, подчеркивая принципиальную разницу между ними и невозможность их объединения. Можно сказать, что если бы не усилия СССР и ряда других государств, то ГДР согласилась бы даже на спортивную изоляцию в олимпийском движении, только бы не объединяться со спортсменами ФРГ. А так как вплоть до 1964 г. такое объединение приходилось терпеть, то руководство СЕПГ ставило перед спортсменами своей страны главную задачу – любой ценой выступить лучше, чем их коллеги из Западной Германии.

Продолжавшаяся политизация спорта руководителями республики иногда принимала совершенно неожиданные формы. На совещаниях руководителей спортивных ведомств социалистических государств, регулярно проводившихся с 1950-х гг., спортивные функционеры ГДР нередко устраивали диспуты с югославами, которые весьма едко высмеивали насаждавшиеся в Восточной Германии идеи, типа «диаметральной противоположности спорта социалистических и буржуазных государств»[12]. Придерживаясь «особого мнения» в социалистическом лагере, Югославия доказывала, что «спорт должен стоять вне политики и не число медалей должно определять сущность спорта, а универсальный характер спорта должен сближать молодежь и служить человеку вне зависимости от политической и социальной принадлежности»[13]. Данный упрек предназначался в адрес всех стран социалистического содружества, но только ГДР открыто озвучивала идеи политического характера большого спорта.

Еще более неожиданной выглядела реакция в ГДР на вполне невинную на первый взгляд публикацию в советской прессе осенью 1962 г. Комментируя для «Правды» убедительную победу сборной советских шахматистов на командном первенстве мира, знаменитый советский гроссмейстер, чемпион мира Михаил Ботвинник заметил, что серьезную конкуренцию победителям могли бы составить немецкие спортсмены, если бы они выступали не отдельно – за ФРГ и ГДР, а единой общегерманской командой[14]. Никто не обратил в Москве внимания на эту фразу, а вот в Берлине среагировали мгновенно. Интервью Ботвинника попало на глаза самому Ульбрихту, который возмутился: почему какой-то шахматист осмеливается давать советы, относящиеся к компетенции исключительно политиков! Да еще в тот момент, когда происходило новое обострение межгерманских противоречий.

И в Советский Союз была направлена жалоба, причем сразу в ЦК КПСС. Заодно пресс-атташе ГДР в СССР Деринг высказал претензии советскому МИДу: мало того, что М.М. Ботвинник сожалел о том, что на чемпионате не играла единая германская команда, так он еще при упоминании фамилий участников турнира из ГДР и ФРГ не делал никаких различий, называя их всех «немецкими шахматистами»! Не отреагировать на «обеспокоенность друзей» в Советском Союзе, естественно, не могли. С гроссмейстером провели в ЦК КПСС разъяснительную беседу, хотя в данном случае было непросто понять, что можно инкриминировать Ботвиннику, оценивавшему выступление команд исключительно со спортивной точки зрения. Гораздо хуже пришлось заместителю главного редактора «Правды» Иноземцеву, пропустившему данный материал в печать. За «утрату бдительности» ему был объявлен выговор[15].

2. Бой с «вражеским» – борьба с «большим братом»

Стремление ГДР противопоставлять себя на спортивных аренах ФРГ в сочетании с установкой на обязательную победу над своими бывшими соотечественниками причудливо переплеталось с нежеланием участвовать во многих соревнованиях, где выступали и спортсмены Западной Германии. Если же такие состязания проводились в социалистических странах, то в Берлине тут же проявлялось нескрываемое раздражение: зачем пригласили команду ФРГ? Зачастую после этих претензий ГДР демонстративно отказывалась от участия в турнирах. Впрочем, возникали и совсем запутанные ситуации.

В 1954 г. СССР заранее оповестил многие страны о проведении в Москве в июне 1955 г. международных легкоатлетических соревнований. Среди приглашенных были и оба германских государства, но ГДР не изъявила желания участвовать в соревнованиях вместе с легкоатлетами ФРГ. В Москве не стали отменять соревнования из-за позиции Берлина, а Спорткомитет, внося предложения в ЦК КПСС о приглашении в СССР легкоатлетов из других стран, не включил в список приглашенных спортсменов Восточной Германии. Когда же до начала соревнований оставалось всего несколько дней, в ГДР неожиданно заявили, что они тоже хотят участвовать. Советские чиновники проявили чудеса оперативности, оформив в срок все необходимые документы и послав приглашение легкоатлетам ГДР. Но там все равно остались недовольны, благо повод для этого был найден: заместитель председателя Спорткомитета Андрианов не ответил на письмо Эвальда. Как выяснилось впоследствии, Андрианов и не мог этого сделать, так как находился в тот момент в загра-

ничной командировке, но это не помешало Ульбрихту выразить свое недовольство послу СССР в ГДР Пушкину[16].

Несмотря на обструкционистскую политику Берлина, Советский Союз в 1950-х гг. стремился максимально развивать спортивные контакты с обеими частями Германии. Как событие первостепенной важности в Москве рассматривали проведение в августе 1955 г. (накануне визита канцлера К. Аденауэра) товарищеского матча по футболу между сборной СССР и чемпионами мира, командой ФРГ. По этому поводу на заседаниях Президиума ЦК КПСС было принято несколько постановлений, в т. ч. «О приеме туристов из Западной Германии и ГДР в связи с футбольной встречей между сборными командами СССР и Западной Германии». Включение в текст постановления упоминания о туристах из ГДР было неслучайным. В Москве стало известно о желании многих немцев из Восточной зоны посетить футбольный матч и, хотя руководство ГДР отнеслось к этому не слишком с большим энтузиазмом, в СССР было решено не только принять в «качестве туристов из Западной Германии до 1000 человек и из ГДР – до 500 человек», но и сообщить правительству Германской Демократической Республики о «желательности организовать поездку немцев как из Западной Германии, так и из ГДР»[17]. Берлину пришлось выполнять «пожелание».

Зависимость Восточной Германии от СССР определялась не только крайне непрочным положением режима В. Ульбрихта, но и тем, что Советский Союз был готов оказывать практически любую помощь спорторганизациям ГДР, учитывая «особые политические условия, в которых происходит развитие спорта и приходится работать немецким товарищам»[18]. Обращения руководителей Восточной Германии к Советскому Союзу за оказанием помощи в области спорта можно условно разделить на две категории. К первой относились просьбы о поддержке чисто спортивного характера. Москва регулярно поставляла в Берлин различное спортивное оборудование, направляло туда своих специалистов и тренеров, принимала у себя команды из ГДР для проведения совместных тренировок, товарищеских матчей, организации отдыха и медицинского осмотра. Причем, все это делалось, как правило, безвозмездно, за счет финансовых резервов Спорткомитета или иных советских организаций.

В основном, такая помощь осуществлялась безостановочно и оперативно даже тогда, когда запрашивающая сторона вела себя не слишком корректно. По сообщениям советских представителей в ГДР, «некоторые ответственные работники спортивного движения ведут себя в отношении советских спортивных организаций бесцеремонно, добиваясь во что бы то ни стало удовлетворения всех своих просьб, нередко упрекая советских товарищей в непонимании политической обстановки, существующей в ГДР и т. п.»[19].

Эти упреки были явно несправедливыми. Разумеется, в СССР существовала определенная дифференциация в оказании помощи более сильным и более слабым союзникам. Первым она оказывалась не всегда в полном объеме запрашиваемого, иногда какие-то расходы приходилось брать на себя и «друзьям» (например, по полной или частичной оплате расходов по пребыванию в стране советских спортсменов или специалистов, которых просили прислать для оказания помощи спортивным организациям «братских стран»). Но к ГДР, учитывая ее специфическое положение, это никак не относилось.

В то же время СССР оказывал помощь Восточной Германии и другого, спортивно-политического характера. Как указывалось в поступавшей в ЦК КПСС информации, «несмотря на сопротивление реакционных сил, удалось добиться приема спор-

торганизаций ГДР в 42 международные спортивные федерации, избрания немецких товарищей в руководящие органы некоторых федераций»[20]. Ради удовлетворения интересов своих союзников Москва была готова идти и на определенные жертвы. Советский Союз, например, претендовал на проведение в Москве в 1962 г. европейского чемпионата по водным видам спорта, однако, в последний момент уступил настойчивым просьбам ГДР, которая также хотела провести у себя эти состязания. Представители Восточной Германии уверяли своих советских коллег, что организация в их стране «первенства по таким массовым видам спорта, как плавание, прыжки в воду и водное поло для ГДР будет иметь большое политическое значение»[21]. СССР пошел навстречу этой просьбе, сняв свою кандидатуру, хотя, естественно, что, прежде чем давать свое согласие, Спорткомитет проконсультировался в ЦК КПСС, где фактически и было принято окончательное решение. Аналогичных примеров можно привести достаточно много.

Вместе с тем, чем чаще СССР удовлетворял требования и пожелания, раздававшиеся из ГДР, тем более не «по-дружески» вели себя спортивные функционеры Восточной Германии, которым явно потакали в этом представители высших партийных кругов ГДР. По информации советского посольства в Берлине, «немецкие спортсмены и их руководители не раз проявляли к советским спортсменам неуважительное, высокомерное отношение»; «как только немецкие спортсмены достигают повышения класса своей спортивно-технической подготовки, отношение их к советским спортсменам меняется в худшую сторону»[22]. На этом фоне особенно бесцеремонным выглядело заявление члена федерации лыжного спорта ГДР Гезелла на совещании представителей спортивных организаций социалистических стран в Москве. Зная об отсутствии в СССР хороших зимних баз, Гезелл заявил, что руководство ГДР… готово финансировать строительство таких баз в Советском Союзе для проведения там тренировок немецких спортсменов[23]. Недоумение участников совещания вызвали и самоуверенные высказывания Гезелла о том, что Ульбрихт сумеет договориться с Хрущевым о выделении земли для строительства упомянутых баз.

Попустительствуя подобным действиям и заявлениям, руководство ГДР невольно способствовало разжиганию антисоветизма в стране, когда все хорошее приписывалось исключительно «правильной» политике СЕПГ, а неудачи – будь то на политической или на спортивной арене – объяснялись зависимостью от Москвы. В разной степени и в разные годы такая ситуация была характерна для многих стран социалистического лагеря. Антисоветизм на спортивных аренах часто проявлялся и тогда, когда местное партийное руководство пыталось поднять свой престиж на волне спортивного национализма, а советские спортсмены своими победами вольно или невольно этому препятствовали.

Конечно, случалось и обратное: бросив все силы на какое-то одно направление, получая всестороннюю поддержку от руководства своей страны, спортсмены из социалистического лагеря перехватывали в отдельных видах спорта лидерство у «самого Советского Союза». Тогда победители и рекордсмены «друзей» становились национальными героями, они получали все мыслимые при социализме блага и привилегии, несопоставимые с теми, что имели даже ветераны войны или труда. Но чаще все же было так, что местные «герои» терпели неудачи в противоборстве со спортсменами из «братского» СССР, и тогда, с молчаливого одобрения партийной элиты этих стран, на спортивной почве начинали быстро произрастать антисоветские настроения.

3. Велосипедный стиль ГДР

Именно так развивались события в ГДР в начале 1960-х гг., когда немецкие велогонщики становились неоднократными триумфаторами велогонки Мира. К этому времени политическая и экономическая ситуация в Восточной Германии достигла критической отметки: тысячи немцев бежали из «коммунистического рая» в ФРГ, режим В. Ульбрихта держался, главным образом, за счет широкомасштабной помощи из СССР и советского военного присутствия в стране. В сложившейся обстановке руководство ГДР сделало ставку на спорт, пытаясь отвлечь внимание населения от социально-экономических и политических проблем. Победа гонщиков Восточной Германии в Велогонке мира 1960 г. ознаменовалась колоссальным, проникнутым духом национализма митингом, на котором сама Велогонка была представлена как крупнейшее международное и политическое событие, а успех немецких спортсменов – как великая победа всей ГДР[24].

Неудивительно, что когда на следующий год победу праздновала советская команда, это вызвало в ГДР взрыв антисоветских и националистических выступлений. Масла в огонь подлил инцидент на одном из этапов Велогонки, когда советский гонщик Юрий Мелихов перед финишем столкнулся с велосипедистом из ГДР Манфредом Вайследером. Несмотря на то, что инцидент был мирно урегулирован, а судейское жюри оштрафовало обоих спортсменов, признав виновными в столкновении и Мелихова, и Вайследера, официальная пропаганда ГДР развернула бурную антисоветскую кампанию, обвиняя во всех своих неудачах советского велосипедиста и сборную СССР, в целом[25]. Это спровоцировало еще большее разжигание националистических настроений в Восточной Германии, хулиганское поведение публики в отношении советских велосипедистов, угрозы и оскорбления в их адрес. Попытки Москвы обратить внимание руководителей ГДР на ту травлю, которой подверглась советская команда, не увенчались успехом. Уже после окончания соревнований представители спортивного ведомства ГДР заявили, что рассматривали этот вопрос в ЦК СЕПГ и «пришли к выводу, что со стороны органов пропаганды ГДР при освещении последней велогонки Мира не было допущено никаких ошибок, а само освещение было вполне объективным. Что касается враждебных и антисоветских выходок во время последней велогонки, то вина за них полностью ложится на советскую команду, отдельные велогонщики которой неправильно себя вели»[26].

При таком отношении союзников советской стороне ничего не оставалось, как забыть на время о «дружеских» отношениях и занять достаточно жесткую позицию. В ответ на очередные претензии Берлина, суть которых сводилась фактически к тому, что СССР своей победой на велогонке Мира «не содействовал укреплению международного авторитета ГДР»[27], Москва пригрозила, что если не будут приняты действенные меры, Советский Союз откажется от участия в следующей Велогонке. Результат не замедлил сказаться. ГДР, оказавшаяся в кольце международной изоляции после возведения Берлинской стены в августе 1961 г., очень надеялась использовать предстоявшую XV велогонку Мира для прорыва политической и спортивной блокады. Известие о возможном неучастии в соревнованиях СССР (а его могли поддержать и некоторые другие социалистические страны) вызвало шок у руководства Восточной Германии. Руководители спортивных организаций ГДР, еще недавно проявлявшие пренебрежительное отношение к советским спортсменам и тренерам, бросились уверять Советский Союз, что «при организации и проведении Велогонки

1962 года будут приняты специальные меры, исключающие какие-либо отрицательные явления, имевшие место в прошлом году». Одновременно секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер сообщил в ЦК КПСС, «что партийные органы ГДР гарантируют проведение Велогонки 1962 года в нормальных условиях»[28].

Москва дала добро на участие в соревнованиях, которые в последующие годы проходили без серьезных эксцессов. Отказ властей ГДР от провоцирования антисоветских настроений объяснялся не только опасениями, что СССР может скорректировать свою политику в германском вопросе. В партийном руководстве ГДР увидели, что, разыгрывая антисоветскую карту, они невольно ставят под удар и себя, так как в Восточной Германии все чаще стали появляться заявления о том, что выступления зрителей в ходе велогонки Мира 1961 г. продемонстрировали отношение немецкого населения не столько к советским спортсменам, сколько к самой СЕПГ и ее «друзьям» из Кремля.

Забегая вперед, нужно отметить, что спустя четверть века велогонка Мира неожиданно вновь стала «яблоком раздора» между Москвой и Берлином. В середине 1980-х гг. с подачи СССР Польша и Чехословакия выступили с «инициативой» о том, чтобы расширить территорию проведения велогонки Мира. Повод для этого был выбран очень удачный – празднование 40-летия Победы над фашизмом в 1985 г. В отличие от поляков и чехословаков немецкие «друзья» не торопились упрашивать Советский Союз провести часть велогонки на своей территории, и им пришлось довольно прозрачно намекать на необходимость такого шага[29].

Три этапа велогонки Мира состоялись в 1985 г. на советской земле, собрав рекордное количество участников, что дало руководителям КПСС основание для того, чтобы предложить и впредь проводить в СССР часть велогонки. На прошедшем в конце того же 1985 г. совещании представителей оргкомитета велогонки Мира это предложение было принято всеми, кроме представителей ГДР, которые сослались на отсутствие у них необходимых полномочий (хотя само совещание проходило в Берлине!)[30]. Москве пришлось оказать давление на руководителей СЕПГ через советское посольство в Берлине, но Эрих Хонеккер и после вынужденного согласия продолжал в частных беседах упоминать о том, что такое решение может снизить интерес к соревнованиям со стороны зарубежных спортсменов и в принципе нарушает традиции велогонки. Спор между Москвой и Берлином разрешила чернобыльская трагедия, которая произошла в апреле 1986 г., за десять дней до старта Велогонки в Киеве. Подавляющее большинство иностранных спортсменов, опасаясь находиться в зоне повышенной радиации, отказались приезжать в СССР. И хотя этап Велогонки по маршруту Киев-Житомир-Ровно-Львов пусть и в очень урезанном составе все же состоялся, но больше Советский Союз свою территорию для проведения велогонки Мира не предлагал.

Дипломатические шахматные ходы и прыжки через козла

Несмотря на возникавшие то и дело разногласия, СССР продолжал оказывать спортивную помощь ГДР, которая в начале 1960-х гг. оказалась в особенно тяжелом положении. После возведения Берлинской стены в 1961 г. ГДР подверглась остракизму на международной арене, и спортивные связи не стали в этом плане исключением:

Восточную Германию упорно не хотели приглашать на многие международные соревнования, а в некоторых случаях отказывались от исполнения гимна ГДР и поднятия ее флага. СССР прикладывал максимум усилий, чтобы отстаивать интересы своего союзника, хотя это удавалось далеко не всегда.

В этот период Советский Союз оказывал помощь ГДР одновременно по нескольким направлениям. Прежде всего, было значительно расширено спортивное сотрудничество непосредственно между двумя странами, ибо, как признавали руководители Спортивно-гимнастического союза ГДР, они «испытывают трудности, связанные с недостаточным опытом отечественных тренеров в некоторых видах спорта, а также с ограниченными возможностями проведения международных соревнований со спортсменами ряда стран НАТО, проводящих политику дискриминации спортсменов ГДР»[31]. В первой половине 1960-х гг. в документах архива ЦК КПСС постоянно встречаются информации и постановления различных советских партийных органов со стереотипными заголовками – «Об оказании помощи спортивным организациям ГДР».

Советскому Союзу удалось также добиться сохранения ОГК на Олимпиадах 1964 г. Против этого объединения выступали уже не представители ГДР, а некоторые страны Запада, требовавшие после августа 1961 г. не только исключения Восточной Германии из различных спортивных федераций, но и недопущения ее спортсменов на Олимпийские игры. В Берлине выразили Москве признательность «за помощь и поддержку, оказываемую спортивным организациям ГДР в решении вопросов их участия в деятельности Международного олимпийского комитета и других международных спортивных объединений». Но при этом, вновь заявили, что свою главную задачу руководители ГДР видят в том, чтобы на Олимпиадах «в объединенных командах Германии спортсмены ГДР составляли большинство по сравнению со спортсменами ФРГ»[32].

Советская помощь проявлялась и в том, что Москва направляла своих спортсменов на соревнования в ГДР, когда они оказывались под угрозой срыва из-за бойкота западных стран. Нередко эти решения приходилось принимать оперативно, ломая собственные планы, но СССР неизменно ставил во главу угла политическую целесообразность. В начале 1960-х гг. Восточная Германия, пытаясь поднять свой международный престиж, регулярно озадачивало советский Спорткомитет подобными неожиданными просьбами. В 1963 г. Москва уступила настойчивым письмам из Берлина, умолявшим советскую сторону принять участие в соревнованиях по фигурному катанию. Эта поездка никак не вписывалась в планы советских спортсменов, более того – могла отрицательно сказаться на их графике подготовки к официальным международным соревнованиям. Но возобладали политические интересы, и фигуристам все же пришлось ехать в ГДР[33].

Еще меньше желания было посылать в том же году советских представителей на первоначально не планировавшийся шахматный турнир в Берлине. Первая просьба ГДР о направлении на турнир советских шахматистов встретила в Москве решительный отказ. И тогда, как всегда в подобных случаях, были задействованы рычаги политического давления. Немцы обратились напрямую в ЦК КПСС со следующей аргументацией: «указанный турнир проводится в дни работы VI съезда СЕПГ, и общественные организации ГДР придают большое значение участию в нем советских шахматистов»[34]. После таких доводов ЦК КПСС ничего не оставалось, как дать соответствующее указание Спорткомитету: гроссмейстер Л.А. Полугаевский и мастер

А.П. Гипслис поехали в Берлин поддерживать спортивно-политическое реноме Восточной Германии.

Если в какой-то степени и были обоснованными требования ГДР к Советскому Союзу по изменению планов спортивных связей и дополнительному участию в соревнованиях, так это в 1968 г., после ввода на территорию Чехословакии войск пяти государств Варшавского Договора. Многие страны под теми или иными предлогами отказывались от состязаний с государствами-оккупантами, в число которых входили СССР и ГДР. Пересматривали свои планы и международные спортивные федерации. Так, Европейский союз футбольных ассоциаций (УЕФА) на экстренно созванном заседании своего исполкома отменил уже проведенную ранее жеребьевку розыгрышей европейских кубков по футболу и принял новое решение, по которому клубы Восточной Европы были искусственно отделены от других команд и должны были на первых этапах турниров играть только друг с другом. Свои действия руководители европейского футбола объясняли благими намерениями: предотвратить возможные инциденты и конфликты на стадионах в Западной Европе, если туда приедут команды из социалистического лагеря. Но никаких выступлений протеста на западных стадионах не было, так как СССР, а вслед за ним большинство других социалистических стран Европы, включая ГДР, отказались от участия в розыгрыше европейских кубков по футболу сезона 1968–1969 гг[35].

В ответ на проявленную солидарность в «чехословацком вопросе» руководство ГДР требовало от СССР «компенсации» в виде организации турниров среди представителей социалистических стран, подвергшихся вынужденной изоляции, внепланового приема в Советском Союзе восточногерманских команд для товарищеских соревнований и дополнительного направления в ГДР советских спортсменов. Все эти просьбы-требования Москвой оперативно исполнялись. Исключение составил, пожалуй, только один случай, все с тем же Михаилом Ботвинником. В конце 1968 г. гроссмейстер неожиданно и для Москвы, и для Берлина наотрез отказался ехать в ГДР на международный шахматный турнир памяти многократного чемпиона мира по шахматам Эмануэля Ласкера. Причин для отказа было две. Во-первых, Ботвинника не устраивал крайне слабый состав участников турнира, что произошло из-за отказа многих известных западных шахматистов приезжать в страну в связи с событиями в Чехословакии. Во-вторых, пока в ГДР рассчитывали, что приедут все сильнейшие, Ботвинника, к тому времени уже экс-чемпиона мира, пригласили как бы между прочим, в устной форме, без направления ему официального персонального приглашения. Зато, когда стало ясно, что мировая шахматная элита вряд ли посетит Восточную Германию, в Берлине тут же «вспомнили» о советском шахматисте, срочно направили ему приглашение и распространили по всем средствам массовой информации сообщение о том, что Ботвинник уже давно давал согласие на участие в турнире.

Гроссмейстера дважды вызывали в Спорткомитет, убеждая его «в необходимости и значении в настоящее время поездки в ГДР на указанный турнир», доказывая, что его отказ от участия в соревновании приобретает политический характер[36]. Но все усилия спортивных функционеров были тщетны. Ботвинник не только упрямо стоял на своем, но и заявил, что он «настаивает на предоставлении ему права самостоятельно выбирать шахматные турниры, в которых он будет участвовать». Вместо ГДР он предложил направить его на представительный шахматный турнир в Голландию, пригрозив, что в противном случае он отказывается «в дальнейшем участ-

вовать в шахматной жизни страны, о чем намеревается сделать публичное заявление»[37].

Спорткомитету было, конечно, не под силу тягаться с Ботвинником, и там предпочли передать решение вопроса в ЦК КПСС. Отдел пропаганды ЦК, в свою очередь, прибегнул к старому проверенному способу: чтобы найти управу на строптивого гроссмейстера, надо собрать на него компрометирующий материал. Вышла, однако, осечка. «Самое страшное прегрешение» экс-чемпиона мира – отказ в 1967 г. от участия в международном шахматном турнире, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции – явно не тянуло на серьезный компромат. И потому в ЦК КПСС предложили, чтобы Спорткомитет в третий раз вызвал на беседу Ботвинника и указал ему, ссылаясь на мнение партийного руководства страны, что его поведение получает «характер политической демонстрации». Одновременно гроссмейстера следовало предупредить о том, что «в случае повторения отказа от участия в турнирах, предусмотренных планом международных спортивных связей и спортивным календарем внутренних соревнований, он будет снят со стипендии»[38] О том, как проходила третья беседа в Спорткомитете, судить трудно[39], но достоверно известно только то, что гроссмейстер на турнир в ГДР так и не поехал.

Самой неудобной и сложной проблемой для Советского Союза в его спортивно-политической поддержке ГДР в 1960-х гг. было требование Берлина проявлять солидарность с Восточной Германией в тех случаях, когда ее спортсменов не пускали на международные соревнования. СССР пытался идти навстречу таким требованиям, хотя это удавалось далеко не всегда и ставило под угрозу позиции самого Советского Союза (а также других стран социализма) в международных спортивных федерациях. Советские представители в Берлине настойчиво повторяли, что СССР «и впредь будет добиваться в международных спортивных объединениях удовлетворения законных прав и требований спортсменов ГДР, выступать против дискриминации спорторганизаций ГДР. В то же время решения о возможности отказа советских спортсменов от участия в международных спортивных мероприятиях будут приниматься в исключительных случаях, с учетом конкретной обстановки»[40]. В 1962 г. было принято специальное решение Секретариата ЦК КПСС, подтверждающее эту принципиальную позицию Спорткомитета, прежде всего, в той ее части, где говорилось, что советские спортсмены «не будут уклоняться» от участия в соревнованиях, на которые не допускаются спортсмены ГДР.

К тому же сами спортивные руководители ГДР действовали в данном вопросе крайне непоследовательно и противоречиво. Как уже отмечалось, в числе дискриминационных мер, предпринимавшихся в ряде стран против спортсменов Восточной Германии, значилось нежелание организаторов соревнований вывешивать флаг ГДР и исполнять ее национальный гимн, если кто-то из спортсменов этой страны завоевывал медали. После долгих консультаций с «товарищами из Советского Союза» партийное руководство ГДР решило не бойкотировать те соревнования, на которых вообще не вывешивается никаких флагов и не исполняется гимнов, а также согласилось на возможную замену на отдельных соревнованиях флага ГДР олимпийским стягом, но только при условии, что такая же процедура будет проведена с флагом ФРГ.

Однако в действительности даже эти решения на практике не соблюдались. В 1960 г. на соревнованиях в Австрии, после протеста команд социалистических стран на отказ организаторов вывесить флаг ГДР, австрийцы согласились провести

состязания без подъема национальных флагов. Несмотря на это, руководство команды ГДР, даже не посоветовавшись предварительно со своими союзниками, заявило об отъезде с турнира. Поставленные перед фактом, делегации «братских стран» были вынуждены также в знак солидарности покинуть состязания[41]. Такие случаи были далеко не единичными. Не случайно, что в СССР отмечали, что «точка зрения немецких товарищей часто меняется, линия, занимаемая ими в отношении международных федераций, порой бывает неубедительной и неоправданной…; после того, как немецкие товарищи приняли то или иное решение, они обращаются к нам за советами и просят поддержки»[42].

Тем не менее СССР продолжал активно защищать интересы ГДР. В 1960-х гг. в документах ЦК КПСС неоднократно встречаются директивные указания советским представителям в международных спортивных федерациях или руководителям делегаций, требующие «в случае игнорирования законных интересов ГДР заявить решительный протест и отказаться от участия в соревнованиях». В то же время, когда самому СССР потребовалась помощь со стороны Восточной Германии, в Берлине сделали вид, что ничего не поняли.

Речь идет о чемпионате мира 1969 г. по легкой атлетике в Греции. СССР, гневно осуждавший повсюду диктатуру «черных полковников»[43], все же собирался без особой рекламы принять участие в этих соревнованиях. Но неожиданную для Москвы инициативу проявил Шведский комитет за демократию в Греции, призвавший все страны бойкотировать чемпионат мира. Хотя СССР еще задолго до призыва шведов безуспешно ставил перед Международной федерацией легкой атлетики (ИААФ) вопрос о переносе чемпионата мира в другую страну, обращение Шведского комитета серьезно спутало планы советских лидеров. Надо было как-то реагировать на шведскую инициативу, которая к тому же получила поддержку в ряде стран мира, и особенно в загнанной в подполье компартии Греции. Последняя настойчиво просила, чтобы не только Советский Союз, но и другие социалистические страны бойкотировали чемпионат в Греции[44].

Однако попытка выяснить позицию своих союзников в этом вопросе сразу же столкнулась с решительным демаршем Восточной Германии. ГДР недвусмысленно дала понять, что в любом случае к бойкоту присоединяться не собирается. Греки заверили ГДР, что ее флаг при открытии чемпионата официально поднимут вместе со всеми стягами других стран, а в случае успехов спортсменов из Восточной Германии, будет, как и положено, звучать гимн страны. Эти обещания проливали бальзам на души спортсменов ГДР, измученных в последние годы различными дискриминационными мерами. Поэтому ни о каком отказе Восточной Германии от участия в состязаниях в Греции не могло быть и речи.

За оставшиеся несколько месяцев до чемпионата мира по легкой атлетике Москва использовала все средства, чтобы и в турнире принять участие, и избежать обвинений в пособничестве военной диктатуре. Посольства СССР в Швеции и Норвегии предложили этим странам заявить о готовности принять чемпионат мира у себя. Аналогичная просьба поступила и в Спортивно-гимнастический союз ГДР, однако ни одно из этих предложений не было встречено с пониманием. Пришлось СССР ехать в Грецию, предварительно попытавшись успокоить греческих коммунистов, которые еще верили в пролетарскую солидарность. В письме, направленном в адрес КПГ, где обосновывалось принятое решение, в частности, говорилось, что чемпионат мира – это «международное, а не национальное мероприятие», что победа совет-

ских спортсменов вызовет благоприятный международный резонанс и «окажет моральную поддержку демократическим силам Греции», тогда как в случае бойкота чемпионата мира социалистическими странами на нем будет наверняка доминировать команда ФРГ, и это «оставит плохое впечатление у греческого народа».

Барьер – Западный Берлин

Возведение Берлинской стены резко обострило еще одну хроническую германскую проблему, связанную со статусом Западного Берлина, который правительство ФРГ, вопреки существовавшим соглашениям, при каждом удобном случае пыталось представить как неотъемлемую часть западногерманского государства. В области спорта это регулярно оборачивалось стремлением боннских правителей в ходе соревнований, проводимых на территории ФРГ, организовать хоть какой-нибудь из этапов этих состязаний в Западном Берлине. Такие попытки неизменно оборачивались протестами социалистических стран и, в случае неудовлетворения протестов, бойкотами соревнований.

Так, в 1962 г. страны Восточной Европы отказались участвовать в чемпионате Европы по настольному теннису и в заседании исполкома Международного совета спорта и физического воспитания, которые должны были пройти в ФРГ, но в последний момент боннское правительство перенесло их в Западный Берлин. По той же причине в 1965 г. бойкотировался чемпионат мира по гандболу среди женских команд, проводившийся в Западной Германии: прекрасно представляя себе возможную советскую реакцию на это решение, организаторы первенства тем не менее запланировали проведение ряда встреч, включая матч СССР-ФРГ в Западном Берлине[45].

В 1965 г. на сессии Международного олимпийского комитета в Мадриде при самом непосредственном участии СССР было принято компромиссное решение о том, что спортсмены Западного Берлина смогут принимать участие в Олимпиадах в составе команды ФРГ. Это решение отнюдь не означало, что Западный Берлин признавался частью Федеративной Республики Германии, на что так рассчитывали многие политики на Западе, но создавало определенные предпосылки к этому. ГДР была вынуждена согласиться с таким решением, поскольку взамен она получала долгожданное право выступать на Олимпийских играх отдельной командой. Кроме того, тем самым, фактически снималась проблема исполнения гимна и вывешивания флага ГДР на всех международных состязаниях.

В действительности до окончательного решения и западноберлинской, и «гимно-флаговой» проблемы было еще очень далеко. На отдельных международных соревнованиях и во второй половине 1960-х гг. продолжались попытки дискриминационного отношения к спортсменам ГДР. Даже применительно к Олимпиадам, где, казалось бы, после 1965 г. все стало предельно ясно, противники Восточной Германии предпринимали такие попытки. Например, перед Олимпиадами 1968 и 1972 гг. регулярно возникали предложения о том, что флаг ГДР на Играх следует вывешивать только в тех видах спорта, федерации которых признают Восточную Германию в качестве самостоятельного государственного образования.

Сохранялась проблема и Западного Берлина. В этом вопросе СССР занимал двойственную позицию: советские спортсмены участвовали во всех многосторонних

международных соревнованиях, где были представители Западного Берлина в составе команд ФРГ, но, при этом, категорически отказывались от двусторонних встреч со сборными из Западной Германии, если в их составе были жители Берлина. Бессмысленность такого разделения была очевидна для всех, но только не для советских политиков. В начале 1970-х гг. СССР отказался выдать визы двум спортсменам из Западного Берлина, входившим в команду ФРГ по стрелковому спорту, которая собиралась в Москву для двусторонних соревнований. Как следствие этого, в СССР не поехала вся германская команда[46]. Но спустя всего несколько месяцев, Советский Союз разрешил своим стрелкам участвовать в крупном международном турнире, где они соревновались с западногерманской командой, куда входили все те же спортсмены из Западного Берлина.

Все попытки представителей спортивных кругов ФРГ переубедить СССР оказывались долгое время тщетными. Побывавшие в Советском Союзе в мае 1971 г. руководители Немецкого спортивного союза (ДСБ) ФРГ настойчиво доказывали Спорткомитету, что Спортивный союз Западного Берлина входит в ДСБ с момента его основания в 1950 г., что ДСБ (а следовательно, и Спортивный союз Западного Берлина) представляют не ФРГ, а общественную спортивную организацию, и речь идет не о политических, а сугубо спортивных проблемах. На все эти и другие доводы глава Спорткомитета С.П. Павлов, как автомат, повторял одно и то же: «Мы не будем участвовать ни в каких соревнованиях, носящих политический характер»[47].

Разумеется, такая позиция Спорткомитета была связана с жесткими инструкциями, которые были даны его руководителям на Старой площади. Это сознавали и их собеседники, которые прямо заявляли, что понимают, что Спорткомитет «как государственная организация находится в трудном положении», но, при этом, он является еще и спортивной организацией, и в этом качестве его руководители «тоже должны иметь свое мнение»[48]. Эту же мысль подчеркивали и политические лидеры ФРГ – федеральный канцлер Вилли Брандт и министр внутренних дел Ганс-Дитрих Геншер, с которыми С.П. Павлов встречался летом 1971 г. в Бонне. В частности, Геншер отмечал, что в Западной Германии «есть определенные круги», которые выступают как против подписанного в 1970 г. в Москве советско-западногерманского договора, так и против шедших в тот момент переговоров четырех держав по Западному Берлину. В этих условиях отказ СССР «допустить 2–3 западноберлинских спортсменов в составе команд ФРГ к соревнованиям в Советском Союзе, например, на матч по легкой атлетике в Киеве в сентябре с. г., используется этими кругами и вызывает у населения очень нежелательную реакцию»[49].

Подписание в сентябре 1971 г. четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, ратификация договоров ФРГ с Советским Союзом и Польшей, прием в члены ООН ГДР и ФРГ – все это также не поставило точку в спортивных проблемах Западного Берлина. В последующие годы представители ФРГ и Западного Берлина постоянно использовали разные уловки, чтобы продемонстрировать не только спортивное, но и политическое единство этих территорий. Так, согласно установленным правилам, на соревнования, проводившиеся в Западном Берлине под эгидой ДСБ ФРГ, должны были направляться официальные приглашения участникам от имени сената или правящего бургомистра Западного Берлина. Отказ от рассылки таких приглашений приводил к тому, что на соревнования в Западный Берлин поступали приглашения только от спортивных организаций ФРГ, что входило в противоречие с позицией социалистических стран, заявлявших о непринадлежности и неподвласт-

ности города ФРГ. Именно это произошло в 1976 г. на чемпионате мира по конькобежному спорту. Социалистические страны, получив приглашение не от представителей Западного Берлина, а от ДСБ, бойкотировали этот турнир, поставив его, тем самым, фактически на грань срыва[50].

Приход к власти нового правящего бургомистра Западного Берлина Штоббе и опасения властей города, что в случае дальнейших бойкотов Западному Берлину могут отказать в организации крупных международных соревнований, привели к тому, что перед проведением первенства мира по плаванию 1978 г. Штоббе был вынужден впервые направить такое приглашение. Правда, приглашение было послано не непосредственно национальным спортивным союзам, а Международной федерации по плаванию (ФИНА). Но даже такое «ограничительное толкование западноберлинской стороной положений четырехстороннего соглашения» вызвало понимание в Москве и резко негативную реакцию некоторых политических кругов в Западном Берлине, расценивших это решение как «уступку принципиального характера»[51]. Одновременно ДСБ, внимательно следивший за связями западноберлинских спортивных организаций с социалистическими странами, в целях исключения самостоятельного установления таких контактов без ведома вышестоящих федеральных объединений поспешил ввести в практику «разрешительную систему» на проведение соревнований, прежде всего, с государствами Восточной Европы[52].

В свою очередь, СССР, постоянно напоминая о том, что по четырехстороннему соглашению 1971 г. Западный Берлин не является частью ФРГ, старался перенести это же положение и на спорт. В частности, большие споры возникли перед московской Олимпиадой 1980 г. по поводу того, как быть в том случае, если призовое место займет представитель Западного Берлина, входящий в состав команды ФРГ. После долгих переговоров Советский Союз с трудом согласился пойти на то, чтобы в этом случае при награждении звучал гимн ФРГ и поднимался флаг этой страны. Пойти на такую уступку Москве на самом деле было не очень сложно, так как советские руководители были заранее проинформированы о том, что «до настоящего времени ни на одних Олимпийских играх спортсмен из Западного Берлина призового места не занимал»[53].

Говоря о различных бойкотах, сопровождавших спортивные взаимоотношения СССР с обоими германскими государствами, следует сказать, что, хотя все они имели своей первоосновой политические причины, эти бойкоты не всегда возникали из-за различной трактовки политического статуса ГДР, ФРГ и Западного Берлина. Под «политические принципы» порой маскировали гораздо более приземленные цели. Например, в конце 1966 г. между Спорткомитетом и советским посольством в ГДР шла активная переписка по поводу возможного выступления советских велосипедистов в международном велокроссе в Западном Берлине, который предполагалось провести в январе следующего года. По мнению посольства, участие СССР в столь престижных состязаниях, где будут выступать лучшие гонщики мира, в т. ч. профессионалы, резко поднимет авторитет Советского Союза в глазах населения Западного Берлина.

Но в Спорткомитете с окончательным ответом не торопились. Сначала сделали запрос – как обстоит дело с визами, поскольку советские спортсмены не могут получать их в посольстве ФРГ[54]. В Западном Берлине ответили, что с визами никаких проблем не будет, а ФРГ и вовсе к этим состязаниям не имеет никакого отношения. Через некоторое время спортивные чиновники стали интересоваться условиями

проживания спортсменов, жаловаться на недостаток времени для подготовки и т. п. Не выдержавший этой волокиты посол СССР в ГДР Петр Абрасимов направил раздраженное письмо секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву с критикой Спорткомитета, который, по его мнению, к данному вопросу «отнесся недостаточно серьезно, без учета политической важности развития прямых связей между Советским Союзом и Западной Германией»[55].

В ЦК КПСС, естественно, заинтересовались этим вопросом и решили разобраться. Пришлось Спорткомитету откровенно признаваться, что дело совсем не в визах, не в условиях проживания и даже не в сроках подготовки. Просто уровень мастерства отечественных велокроссменов оставлял желать много лучшего. На соревнованиях по велокроссу, проводимых среди стран социализма, СССР в последнее время постоянно проигрывал спортсменам ГДР, а те, в свою очередь, на мировых первенствах с участием сильнейших профессиональных гонщиков не входили даже в число 20 лучших. Нетрудно догадаться, какое в таком случае место могли занять советские гонщики на предстоявших соревнованиях. Так что, речь могла идти не о повышении авторитета советского спорта, а, как скромно писали руководители Спорткомитета, наоборот, о «нежелательном политическом эффекте». В ЦК КПСС подумали и согласились: в Западный Берлин советских велогонщиков решили не пускать.

Олимпийские отборочные соревнования

Проблемы с бойкотами иногда возникали и без непосредственного участия Советского Союза. В апреле 1977 г. под угрозой срыва оказался финал VI командного чемпионата Европы по шахматам, организованный в Москве. Проблема возникла с бывшим чехословацким шахматистом Л. Пахманом, который эмигрировал в ФРГ, получил там гражданство и был включен в состав сборной Западной Германии. Очень не хотелось ни советским шахматистам, ни чехам встречаться с Л. Пахманом, но немцы пригрозили бойкотом соревнований, исходя из того, что шахматист является полноправным гражданином ФРГ. После обсуждения этого вопроса в ЦК КПСС и ЦК КПЧ, и интенсивной переписки послов двух стран со своим руководством Л. Пахмана пустили в Советский Союз, хотя чехословацкое правительство все же запретило своим шахматистам играть с «предателем»[56].

Особенно большие сложности у Советского Союза возникли на рубеже 1960–1970-х гг., когда в качестве столицы XX Олимпиады 1972 г. был избран западногерманский Мюнхен. В Москве к этим Играм готовились как никогда тщательно. Во-первых, СССР очень хотел взять реванш за неудачу на предыдущих Олимпийских играх в Мехико, где советские спортсмены уступили в командном зачете американцам. Но, кроме этого, имелся еще и существенный политический аспект. Летние Игры 1972 г. впервые после второй мировой войны должны были пройти на немецкой земле. Хотя на рубеже 1960–1970-х гг. «новая восточная политика» правительства ФРГ во главе с канцлером Брандтом стала приносить свои плоды и привела к разблокированию ряда политических проблем, сохранявшихся с послевоенных времен, Германия оставалась по-прежнему расколотой на два антагонистических государства. Каждое из них видело себя единственным представителем немецкого народа и весьма болезненно относилось к успехам, в т. ч. и спортивным, своего конкурента.

Выдвижение Мюнхена в качестве кандидата на проведение Олимпийских игр 1972 г. вызвало нервную реакцию в соседней ГДР, которая усмотрела в этом очередную политическую провокацию Запада. Но, пожалуй, в самом затруднительном положении перед голосованием об избрании столицы летних Игр 1972 г. оказался СССР. Кроме Мюнхена, заявки на проведение Олимпиады подали также канадский Монреаль, американский Детройт и столица Испании – Мадрид. У первых двух претендентов из этой тройки шансов практически не было. Последние Игры прошли на американском континенте, а с учетом того, что Олимпиады не было в Европе с 1960 г., становилось ясно, что преимущество будет отдано европейскому городу. Впрочем, даже если бы шансы Детройта или Монреаля были выше, СССР все равно не стал бы поддерживать эти кандидатуры, опасаясь, что на американском континенте главные советские конкуренты из команды США, «как и в 1968 году, будут иметь большие преимущества перед нашими спортсменами»[57].

Приходилось выбирать будут между Мюнхеном и Мадридом, но ни тот, ни другой город Советский Союз никак не устраивал. Во франкистскую Испанию, с которой СССР не поддерживал официальных отношений, ехать совсем не хотелось. Но и за Мюнхен голосовать было нельзя: руководство ГДР умоляло советскую сторону не допустить проведения Олимпиады в Западной Германии. При этом, СССР был отнюдь не единственной страной, в которой долго не могли принять окончательного решения. Тысячи политических заключенных, полицейский террор и постоянные нарушения демократии – все это делало Мадрид не слишком привлекательной кандидатурой даже в глазах тех государств, которые отнюдь не являлись сторонниками социалистического пути развития. В то же время, представители многих стран не решались поддерживать и Мюнхен, опасаясь спровоцировать этим новое усиление конфронтации между Востоком и Западом. В этих условиях в головах советских политиков зародилась даже идея вообще сорвать выборы, перенеся их на более поздний срок, а за это время в спешном порядке найти и выставить более-менее устраивающую всех кандидатуру.

Однако достаточно скоро стало ясно, что подобная идея оторвана от реальности и голосовать все же придется. Очевидно, давление из Восточного Берлина было столь велико, что в СССР, выбирая «из двух зол», в конце концов, согласились на Мадрид. Для Советского Союза тех лет такое решение можно было смело назвать сенсационным, и, не случайно, что оно было скрыто многочисленными грифами секретности. Советской делегации, отправившейся на сессию МОК в Рим, было дано указание «при вынужденном выборе» голосовать за испанскую столицу. Неизвестно, какие использовались аргументы, но в необходимости данного шага удалось убедить даже Долорес Ибаррури, которая заявила, что компартия Испании не возражает против проведения Игр в Мадриде[58]. Однако в Риме СССР пришлось пожинать плоды своей собственной политики: Москва столь часто говорила о терроре в Испании и нарушениях этой страной прав человека, что многие члены МОК при голосовании, помимо других факторов, не могли не учитывать и более благопристойный политический имидж главного города Баварии.

Избрание Мюнхена столицей Олимпиады 1972 г. вызвало лавину претензий из ГДР в адрес Советского Союза, не сумевшего защитить интересы своего союзника и предотвратить такое решение. У Москвы было единственное оправдание: как бы в обмен на избрание Мюнхена национальный олимпийский комитет ГДР получил наконец-то полноправное признание в МОК и мог уже с 1968 г. представлять ГДР

на Олимпиадах не в составе ОГК, а в качестве самостоятельной сборной. Но в Восточном Берлине все равно выражали свое недовольство. Понимая, однако, что ничего изменить уже нельзя, в ГДР мобилизовали все ресурсы для того, чтобы обыграть своих западных соотечественников на их поле. Одновременно Советский Союз оказался завален письмами, поступавшими из Берлина и включавшими в себя как сообщения о подготовке олимпийской сборной ГДР и «коварных происках» Бонна, так и просьбы о материальном, идеологическом и политическом содействии спортивным представителям Восточной Германии.

В СССР с откровенным интересом знакомились с информацией о подготовке обеих частей Германии к Олимпийским играм. И в Бонне, и в Берлине этой проблеме уделялось повышенное внимание, все вопросы решались на высшем государственном уровне. Ставки были невероятно велики. Представители обеих стран, словно позабыв на время о принципах олимпизма, соревновались в озвучивании тезисов о политическом значении предстоявших Игр. Руководители ФРГ заявляли, что «перед Мюнхеном стоит задача показать образец, отвечающий высоким требованиям в соревновании с востоком», что «восточные и юго-восточные народы надо привлечь к Западной Европе с помощью спортивных мероприятий», а успех Западной Германии послужит «росту ее национального престижа»[59]. В ГДР, в свою очередь, утверждали, что они не отступят «перед вызовом определенных националистических и реваншистских сил… и постараются с честью представить именно в Мюнхене социалистическое спортивное движение и свое социалистическое отечество»[60]. Лидеры Восточной Германии также не раз подчеркивали в беседах с советскими представителями, что для них «не столь существенно, какое место займет их Олимпийская сборная, главное, чтобы она была впереди команды ФРГ»[61].

Подготовка к мюнхенской Олимпиаде в ГДР больше смахивала на приготовления к крупной военной кампании, которая велась по всем правилам военного искусства. И на противника, и на собственное население был обрушен мощный пропагандистский шквал, «разоблачавший» деятельность реакционных кругов ФРГ. Точка зрения Берлина по всем олимпийским вопросам назойливо распространялась через посольства и представительства ГДР в других странах, а в СССР, также по просьбам ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), то и дело собирались совещания социалистических государств для координации действий в связи с мюнхенской Олимпиадой. Отбор двух тысяч туристов ГДР для поездки в Мюнхен проходил на основании специальных решений Секретариата ЦК СЕПГ и был невероятно жестким: 92 % туристов являлись членами партии и, хотя сама поездка была для них бесплатной, они должны были рассматривать ее как «важное партийное поручение»[62].

При всей той поддержке, которую оказывали в СССР «справедливой» позиции ГДР, временами ее действия даже в Москве вызывали некоторое раздражение. Тем более, что наряду с постоянными просьбами и претензиями сами руководители ГДР вновь и вновь действовали либо вопреки уже согласованной с Советским Союзом политике по конкретному вопросу, либо занимали в спорных ситуациях абсолютно непримиримую, бескомпромиссную позицию. Большая «заслуга» в этом принадлежала многолетнему лидеру СЕПГ Ульбрихту, последнему в Восточной Европе представителю ортодоксального сталинизма. Лишь когда в 1971 г. с огромным трудом и при самом непосредственном участии Москвы Ульбрихта удалось заменить на более прагматичного Хонеккера, были скорректированы, с точки зрения совре-

менной политической ситуации, некоторые элементы политики республики, в т. ч. и в области спорта. Во всяком случае, по оценке советского посольства в Берлине, политика ГДР «по отдельным вопросам Олимпийского движения стала более гибкой», а новое руководство страны предпочитает исходить из того, что «разумнее пойти на компромисс, чем подвергать угрозе сам факт участия ГДР в Олимпийских играх, что нанесло бы гораздо больший политический ущерб международному престижу республики»[63].

Обилие информации, поступавшей из Берлина в Москву, создавало для советского руководства определенные проблемы в «отделении зерен от плевел», т. е. в выяснении того, какие претензии ГДР к организаторам Олимпиады справедливы, а какие нет. Хотя абсурдность некоторых идей, выдвигавшихся Восточной Германией, была очевидна. В СССР не нашли понимания предложения посла ГДР в Советском Союзе Биттнера о маршруте олимпийского огня, организации в Мюнхене молодежного лагеря и проведении там культурной программы. ГДР выступала как против участия в культурной программе Олимпиады, так и против молодежных лагерей – якобы над ними может взять шефство реваншистская организация ФРГ «Немецкая молодежь Востока». Что же касается маршрута олимпийского огня, то в Берлине предлагали сделать его максимально коротким («нечего рекламировать Игры в Мюнхене»), а лучше всего – переправить его на самолете сразу из Греции в ФРГ[64]. По мысли руководства ГДР, остальные социалистические страны должны были придерживаться того же мнения.

Но в ЦК КПСС не разделяли этой уверенности. Все, что удалось Битнеру добиться от советских лидеров, это обещание не предоставлять территорию СССР для прохождения маршрута олимпийского огня и сократить свою культурную программу на Играх в Мюнхене. Относительно молодежных лагерей Москва заверила Берлин, что пошлет в них группу наиболее политически подготовленной молодежи по линии ЦК ВЛКСМ[65].

Вместе с тем, и многие действия ФРГ в рамках подготовки к Олимпиаде были далеко не безупречными и носили подчас откровенно провокационный характер. В течение длительного времени в Западной Германии доказывали, что поднимать флаг ГДР и исполнять ее гимн на Олимпиаде следует лишь в ходе соревнований по тем видам спорта, в которых соответствующая международная федерация категорически требует этого. Более того, в 1969 г. в западногерманском Майнце произошел неприятный инцидент, когда в ходе показательных выступлений женской олимпийской команды Восточной Германии местная полиция сорвала флаг ГДР[66].

Еще больший скандал разгорелся вокруг выпуска в ФРГ памятных монет с олимпийской символикой. Первый выпуск этих монет, якобы по недосмотру, содержал надпись «XX Олимпийские игры в Германии». СССР, ГДР, а вслед за ними другие страны и организации, включая МОК, заявили протест. В ФРГ срочно изготовили другие монеты, поменяв слово «Германия» на слово «Мюнхен». Но первый выпуск успел разойтись и даже оказаться в Советском Союзе, куда его, опять-таки будто бы случайно («банк дал не те монеты»), привезли с собой руководители делегации ДСБ ФРГ, посетившие с официальным визитом СССР в 1971 г.[67]. На фоне этого скандала в Москве довольно вяло отреагировали на еще одну провокационную спортивно-политическую затею ФРГ: незадолго до Олимпийских игр в Западной Германии были организованы соревнования по легкой атлетике и футболу между командами «немцев померанских и судетских территорий»[68].

Борясь за спортивно-политические интересы ГДР, Советскому Союзу приходилось в то же время выслушивать критику других своих союзников, которые считали, что руководство Восточной Германии, ссылаясь на свое «особое положение», которое стало еще более «особым» в преддверии мюнхенской Олимпиады, игнорирует интересы других социалистических стран, а нередко и вредит им. В 1969 г. на совещании руководителей спортивных ведомств стран социалистического содружества ГДР подверглась коллективной резкой критике за частые нарушения соглашений, а также за то, что в двусторонних связях с социалистическими странами «немецких товарищей интересуют лишь те виды спорта, которые выгодны только спортивным организациям ГДР»[69]. Те же обвинения в адрес ГДР раздавались и в последующие годы, причем, как на общих совещаниях, так и в ходе двусторонних переговоров представителей СССР с руководителями спортивных делегаций социалистических стран[70].

Серьезные разногласия возникали и у Советского Союза со спортивным руководством ГДР по поводу возможного изменения программы летних Олимпийских игр 1972 г. Москва добивалась от МОК сокращения программы Олимпиад в тех видах спорта, где доминировали американцы (прежде всего, в плавании и мужской легкой атлетике), и, наоборот, включения в программу соревнований, которые могли принести дополнительные награды социалистическим странам. ГДР оказалась единственной страной в восточном блоке, которая решительно воспротивилась предложениям об исключении из программы ряда состязаний по плаванию и легкой атлетике, так как сама рассчитывала завоевать здесь немало медалей – по распоряжению руководства ГДР в стране был взят курс на специальную подготовку атлетов именно в этих видах спорта.

Спорткомитету СССР вновь пришлось обращаться за помощью в ЦК КПСС. Но и высшему советскому руководству оказалось не так просто решить эту задачу. СССР не хотел оказывать давление на только что пришедшего к власти в Восточной Германии нового руководителя страны Эриха Хонеккера, тем более, что в Берлине при каждой официальной и неофициальной встрече не уставали напоминать, какое колоссальное значение именно для Восточной Германии будет иметь выступление ее спортсменов в Мюнхене, на территории соседнего немецкого государства. Очевидно, поэтому советская сторона вынуждена была, в конце концов, смириться с заявлением Берлина о том, что «спортивные организации ГДР, поддержав сокращение числа участников в легкой атлетике и плавании, выступают против внесения каких-либо изменений в программу легкой атлетики и больших изменений в программу плавания»[71].

Во всем комплексе проблем, связанных с мюнхенской Олимпиадой, была одна, которая, как ни странно, гораздо больше волновала СССР и другие страны Восточной Европы, чем ГДР. Речь шла о радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа», расположенных на территории Западной Германии, но находившихся на содержании спецслужб США. Обе станции вещали на СССР и другие страны Восточной Европы (кроме ГДР) с откровенно антисоветских и антикоммунистических позиций, за что безжалостно глушились за «железным занавесом». Неопределенность статуса этих радиостанций давала СССР возможность регулярно ставить вопрос о правомочности работы их корреспондентов во время предшествующих Олимпиад. Теперь же сами спортсмены фактически приезжали «в гости» к «Свободе» и «Свободной Европе», и это не могло не вызвать серьезную озабоченность социалистических стран.

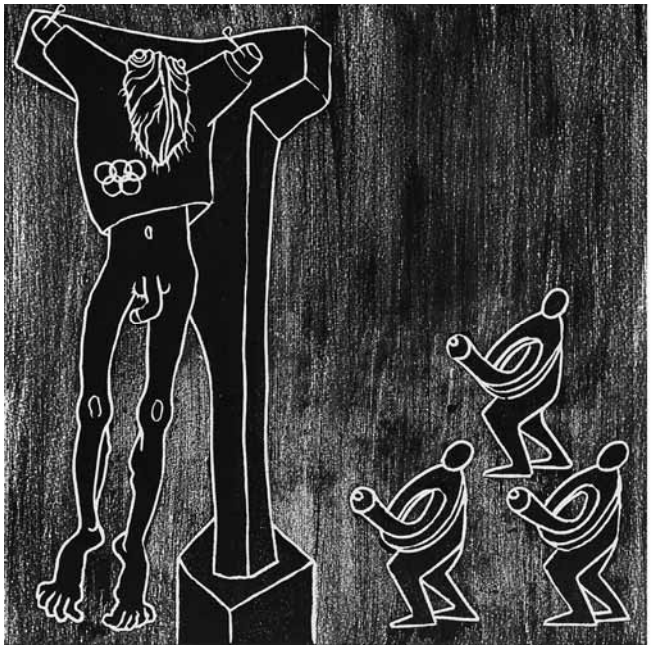


Иллюстрация. Вадим Сидур, из цикла «Олимпийские игры» (1972–1973). Сразу после Мюнхенского теракта московский скульптор подготовил рисунки тушью по теме спорта и насилия, через год он переработал свои материалы, уже в форме линогравюры. Этот лист носит номер 13

Проблему этих радиостанций советское руководство поднимало при каждом удобном случае, напоминая правительству ФРГ о взятых им гарантиях и обязательствах не допускать в ходе Олимпиады «всяких элементов шантажа, угроз, дискриминации, оскорблений»[72]. В ФРГ также не испытывали восторга от ситуации со «Свободой» и «Свободной Европой», сознавая ограниченность собственных возможностей оказывать влияние на их деятельность. Федеральный канцлер Брандт в ходе визита в США в 1971 г. специально обсуждал этот вопрос с президентом Никсоном в связи с предстоявшей Олимпиадой. Одновременно министр внутренних дел ФРГ Геншер заверял Советский Союз, что по данному вопросу Западная Германия обязательно примет решение, «которое удовлетворит обе стороны, хотя, возможно, вы и не будете считать его идеальным»[73]. Большие усилия в разрешении конфликтной ситуации приложил и президент МОК Брендедж.

С немалыми трудностями найти компромисс все же удалось. Представители радиостанции «Свободная Европа» даже получили аккредитацию на Олимпийских играх, дав обязательство, что они не будут «брать интервью ни у одного из участников Игр из стран Восточной Европы»[74]. Подробности этого соглашения долгое время держались в тайне и всплыли лишь через четыре года. Со своей стороны, руководство ФРГ еще раз подтвердило, что оно «гарантирует успешный и бесперебойный ход всех соревнований, тренировок, культурной и иных программ для спортсменов и гостей»[75]. Политика, однако, не собиралась соответствовать этим заверениям: впервые в истории Олимпиад Игры в Мюнхене омрачились кровавой драмой, когда в результате террористического акта, осуществленного палестинской организацией «Черный сентябрь», оказались в заложниках и погибли ни в чем не повинные участники соревнований. Олимпийские игры были прерваны на сутки, спортивный праздник облачился в траур.

Возвращаясь к спортивной стороне Олимпиады 1972 г., надо отметить, что и ГДР, и Советский Союз добились поставленной цели, выиграв микродуэли у своих главных оппонентов. Преимущество ГДР, занявшей третье место в общекомандном зачете, над командой Западной Германии, довольствовавшейся четвертым местом, было даже более ощутимым, чем превосходство СССР над США. Нетрудно догадаться, что победы и медали были тут же конвертированы в политические очки: в ГДР без устали твердили о превосходстве социалистической системы, более гармоничном развитии человека в условиях нового общественного строя. Все это встречало полное понимание и одобрение в СССР, хотя там и отметили, что руководители ГДР излишне спокойно относились к высказываниям части населения республики, которые свидетельствовали о сохранении чувств национальной общности немцев и проявлении симпатий к правительству Брандта[76]. Судя по всему, Москве не очень пришлась по душе и форма поощрения героев Олимпиады из ГДР: кроме обычных приемов, банкетов и т. п., всех медалистов, их тренеров и членов их семей отправили на пять недель отдыхать на Кубу.

От братского командного духа к дистанцированию в спортивной политике

Но и после мюнхенской Олимпиады спортивная политика ГДР не раз игнорировала союзнические договоренности. Совершенно ясно, что такая линия могла осуществляться в социалистической Германии только с ведома и негласного одобрения высшего партийного руководства. Когда же возникали проблемы и к представителям ГДР предъявлялись законные претензии, там, как обычно, находили «стрелочников», на которых можно было свалить всю ответственность. В 1974 г. Москва выразила протест против действий некоторых представителей ГДР в международных спортивных федерациях, наносивших ущерб интересам других социалистических государств. Руководитель спортивного ведомства Восточной Германии Эвальд заявил, что во всем виноваты конкретные чиновники, представляющие страну в международных федерациях (один из них вообще пьяница, «а пьяный человек может отступить от классовых позиций»), и заверил советских коллег, что в отношении них «вопрос будет рассматриваться особо и в случае их неправильного поведения» будет принято решение об отзыве данных лиц[77]. Трудно сказать, что и как «рассматривалось» в Берлине, но уже через несколько лет фамилия одного из тех, кого Эвальд собирался отзывать, всплыла в очередном протесте советской стороны в связи с новым «отходом представителей ГДР от согласованных позиций по ряду проблем». Тот же самый Вическ, делегат от Восточной Германии в Международной федерации легкой атлетики, на конгрессе федерации в Афинах в 1982 г. по целому ряду вопросов голосовал против СССР и его союзников. И тот же самый Эвальд вновь каялся, говорил, что это была ошибка, и «осуждал поведение своих делегатов в Афинах»[78].

Политика ГДР критиковалась и другими социалистическими странами, но критика эта предназначалась, в первую очередь, Москве, так как советские союзники не без оснований полагали, что только Советскому Союзу под силу призвать немцев к порядку. Был и еще один не слишком приятный для СССР аспект данной проблемы –

пример ГДР мог оказаться заразительным. В то время как к Восточной Германии то и дело выдвигались различные претензии, в Москве заметили, что уже не только ГДР, но и другие союзники пытаются нарушать достигнутые ранее официальные и неофициальные соглашения. В середине 1970-х гг. в СССР вынуждены были констатировать, что кроме немцев теперь и Болгария, и Румыния все чаще проявляют «настойчивое стремление делегировать своих представителей в руководящие органы международных спортивных объединений, иногда вопреки предварительно достигнутой взаимной договоренности о кандидатурах из других социалистических стран»[79].

Параллельно с ростом политического признания ГДР в мире и увеличением спортивных дисциплин, в которых Восточная Германия добивалась успехов на спортивных аренах, менялась и система ее отношений с партнерами по социалистическому лагерю, в т. ч. и с Советским Союзом. Если раньше представители ГДР на совещаниях спортивных организаций социалистических государств вели себя очень скромно, напоминая о себе только тогда, когда страна подвергалась очередной дискриминации со стороны Запада, то по мере того, как рушились барьеры и ГДР становилась полноправным членом международных спортивных организаций, политика немцев в области спорта все больше становилась эгоцентричной, игнорирующей интересы других союзников по социалистическому лагерю. В 1970-х гг. в архиве ЦК КПСС все больше появляется документов, содержащих информацию о разногласиях в «братском лагере» стран социализма на почве спорта, откровенном нежелании ГДР идти в едином спортивном строю. Правда, руководители Восточной Германии (а именно от них, естественно, исходила инициатива в осуществлении такой политики) не доводили дело до открытых скандалов, но не заметить некоторые демонстративные акции спортивного ведомства ГДР уже было нельзя.

Нередко раздражающим фактором становились частые победы советских спортсменов в различных видах спорта, в т. ч. в тех, где ранее законодателями мод выступала ГДР. И тогда происходило прямо противоположное тому, в чем Запад постоянно обвинял социалистический лагерь: за кулисами соревнований происходил не сговор союзников, а попытки «друзей» хоть в чем-то навредить советским спортсменам. За внешне благопристойным фасадом сотрудничества «братских стран» то и дело закипали нешуточные страсти, отголоски которых, хоть и редко, но становились слышны за пределами социалистического лагеря.

В 1972 г. на чемпионате Европы по фигурному катанию на коньках возник «заговор» судей из социалистических стран против фигуристов из СССР, в котором первую скрипку играли представители ГДР. По сообщению в ЦК КПСС председателя Спорткомитета С.П. Павлова, «судьи С. Листинг и Х. Фон Викки (ГДР), Э. Георги и П. Вашерхели (ВНР), М. Зухович (ПНР) демонстрировали необъективное судейство, предвзятое отношение к нашим фигуристам…, выносили явно заниженные оценки советским фигуристам по сравнению даже с оценками, даваемыми судьями из капиталистических стран»[80]. Из-за такой позиции «друзей» некоторые советские спортсмены заняли на чемпионате Европы более низкие места, чем те, на которые они претендовали, а наиболее неожиданной даже для специалистов стала победа танцевальной пары из ФРГ над советским дуэтом (Пахомова и Горшков).

Через шесть лет, когда решением конгресса Международного совета конькобежцев (ИСУ) советские судьи, якобы за «национальное пристрастие», были отстранены от судейства всех чемпионатов 1978 г. по фигурному катанию, ГДР активно под-

талкивала Советский Союз к бойкоту предстоявших чемпионатов по фигурному катанию. Причем, со стороны Берлина твердой гарантии того, что ГДР присоединится к бойкоту, не было[81]. В последний момент все же возобладал здравый смысл, и СССР даже без советских судей выступил на чемпионатах 1978 г. еще лучше, чем за год до этого[82].

В 1970-х ГДР стала все чаще скрывать собственные научные разработки и методики тренировок от советских «друзей». При этом, немцы убеждали СССР, что «научное сотрудничество в области спорта между нашими странами должно затрагивать те виды, в которых мы отстаем от капиталистических стран. В тех видах, по которым спортсмены ГДР добились значительных успехов, такое сотрудничество, обмен опытом нецелесообразен, так как в этом случае это ведет к усилению соперничества между спортсменами наших стран, и ГДР может утратить свои преимущества, а, значит, и завоевать меньше медалей на международных соревнованиях»[83]. ЦК КПСС иногда «обращал внимание» ЦК СЕПГ на ошибочность таких заявлений, и в Берлине делали вид, что исправляются. На практике же мало что менялось.

В 1977 г. в ходе переговоров с руководством ГДР представители СССР в очередной раз выразили «неудовлетворение содержанием и темпами развертывания и проведения совместных исследований» в области спорта. Признав справедливость советских упреков, ГДР продолжала упорно отказываться от расширения совместной с Советским Союзом комплексной программы по легкой атлетике, в которой немецкая сторона достигла значительного прогресса, под предлогом того, что у Восточной Германии уже и так существует «большая программа сотрудничества по легкой атлетике с другими социалистическими странами»[84].

Вдохновленное успешным выступлением на Олимпиаде 1976 г., руководство ГДР поставило перед своими спортсменами задачу выиграть первое общекомандное место на московских Играх. Конечно, официально об этом не говорилось, чтобы не сердить Советский Союз, но все действия Восточной Германии в конце 1970-х гг. указывали на наличие такой установки. Советские спортсмены и тренеры, не посвященные в детали этого замысла, с удивлением сообщали, что в ГДР местные спортивные функционеры под явно надуманными предлогами срывали проведение совместных сборов и тренировок, демонстрировали холодное и недружелюбное отношение к советским представителям. Когда же лаборатория допинг-контроля, расположенная в ГДР, стала вдруг систематически «обнаруживать» следы допинга у тех спортсменов социалистических стран, которые являлись главными конкурентами членов немецкой сборной, Спорткомитет забил тревогу. Павлов обратился в ЦК КПСС с просьбой проинформировать об этих и других фактах ЦК СЕПГ[85]. В советском партийном руководстве отнеслись к этой просьбе без энтузиазма, так как хорошо знали, что главным инициатором подобных действий как раз и является высшее руководство Германской Демократической Республики[86].

Спорткомитет и раньше в качестве главной меры по искоренению существовавших недостатков во взаимоотношениях со своими союзниками предлагал проведение специальных переговоров с руководством спортивных союзов социалистических стран, в ходе которых советская сторона должна была бы обращать внимание партнеров по переговорам на факты, когда эти «недостатки» наносят ущерб «делу укрепления дружбы между странами»[87]. Хотя советское спортивное ведомство в ответ на такие предложения, как правило, получало формальный отказ в ЦК КПСС, но его обращение к руководству страны, нередко подкрепленное еще и авторитетом

советского МИДа, не оставалось там незамеченным. Вопрос о ненормальных взаимоотношениях «друзей» на спортивных аренах так или иначе всплывал затем в ходе двусторонних переговоров, проходивших между «братскими» странами на гораздо более высоком уровне, чем руководство национальных спортивных организаций. Это вполне устраивало Спорткомитет, так как, с одной стороны, избавляло его от выполнения не слишком приятной обязанности, а с другой – способствовало гораздо более оперативному и эффективному решению существовавших проблем. После того, как вопрос оказывался включенным в повестку дня переговоров, проходивших на высоком партийно-государственном уровне, партийной элите социалистических государств, привыкшей к подчинению Москве, ничего не оставалось, как пытаться навести порядок в собственном спортивном хозяйстве или хотя бы создать видимость таких попыток.

Для ГДР это было необходимо еще и потому, что далеко не все вопросы в области германской проблематики в спорте были решены. В течение всех 1970-х гг. ГДР безуспешно добивалась того, чтобы на официальных соревнованиях команды ее соседей-соотечественников выступали бы не под названием «Германия», а «ФРГ» или хотя бы «Западная Германия». СССР вел беспрерывные переговоры по этому поводу и с главой олимпийского комитета ФРГ В. Дауме, и генеральным секретарем ДСБ ФРГ Карлхайнцом Гизелером, и даже с министром внутренних дел ФРГ Герхартом Баумом. Все соглашались с тем, что название следовало бы поменять, но дальше слов дело не шло. Сама ГДР в переговорах с ФРГ эту тему предпочитала не затрагивать, а на недоуменные вопросы со стороны СССР давала понять, что инициатива должна исходить не от нее: по словам Эвальда, в МИД ГДР считали, что «если советская сторона или другие социалистические страны внесут такое предложение в МОК, то ГДР будет оказывать им поддержку»[88].

Лишь накануне Олимпийских игр в Москве удалось добиться компромисса: в обмен на упоминавшееся выше согласие СССР использовать гимн и флаг ФРГ при награждении возможных победителей из Западного Берлина представители ФРГ объявили о том, что их сборная выступит под названием «команда ФРГ». В прошлое должно было уйти старое название, которое воспринималось в соседней ГДР как претензия Бонна выступать от имени всего немецкого народа.

Как известно, Олимпиада-80 омрачилась бойкотом Игр со стороны целого ряда стран, протестовавших против советской оккупации Афганистана. Москва до последнего момента пыталась избежать этого бойкота, для чего в ход были пущены все средства. С одной стороны, СССР достаточно недвусмысленно намекал через своих послов в некоторых государствах, что «решение о неучастии в Играх может иметь неблагоприятные последствия для развития двусторонних спортивных и иных связей между нашими странами». С другой – Москва была готова предоставлять для команд, решившихся все же приехать на Олимпиаду, дополнительные льготы по оплате проезда и содержанию в Олимпийской деревне, а также не возражала принять заявки на участие в Играх и после 24 мая, когда истекал официальный срок их подачи.

СССР особые надежды возлагал на Западную Германию, рассчитывая, что ее спортсменам все же будет дано официальное разрешение приехать в Москву. Эти надежды, в какой-то степени, подогревали и сами западногерманские политики, передававшие неофициальные просьбы в СССР не считать окончательным решение их олимпийского комитета об отказе от поездки в Москву. Скрытая от мирового сообщества политическая борьба вокруг московской Олимпиады продолжалась букваль-

но до самого дня ее открытия, однако, несмотря на титанические усилия советского руководства, Олимпийские игры в Москве прошли далеко не в сильнейшем составе. Ряд национальных олимпийских комитетов ведущих спортивных держав мира, включая ФРГ, под давлением собственных правительств не прислал в Москву своих представителей. Это, безусловно, заметно снизило уровень спортивных состязаний: накал борьбы оказался не столь высок, рекордов было установлено меньше, чем рассчитывали организаторы Игр, а подавляющее количество наград досталось спортсменам из социалистических стран, прежде всего, СССР и ГДР[89].

Позиция западных стран в отношении московской Олимпиады вызвала ответную реакцию в Советском Союзе. Еще 10 июня 1980 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС рассматривался вопрос «О спортивных связях с ФРГ, США, Канадой и Японией» с учетом их отношения к московской Олимпиаде. Правда, в последний момент советское руководство решило дифференцировать свое отношение к ведущим капиталистическим государствам, участвовавшим в бойкоте Игр. Через неделю на том же самом Секретариате было принято новое постановление «О спортивных связях с США, Канадой и некоторыми другими капиталистическими странами», в котором предусматривалось осуществление «более жесткого подхода к участию советских спортсменов в международных встречах и соревнованиях» с представителями этих государств. Главный удар был направлен против США, а ФРГ попала во вторую группу стран, характер и объем спортивных связей с которыми должен был определяться «со строгим учетом роли этих стран в антисоветской кампании, развернутой США вокруг Олимпиады-80, а также с учетом наших внешнеполитических отношений с той или иной страной».

Впоследствии Москва применила ответные санкции к Олимпиаде-84 в американском Лос-Анджелесе, не только не приняв в ней участие, но и заставив пойти на такой же шаг своих союзников. В качестве компенсации для спортсменов социалистических стран, не попавших на Олимпиаду, был организован турнир «Дружба-84», который всячески рекламировался, как соревнование, где участвует почти 50 % рекордсменов и чемпионов мира. Правда, от внимания первых лиц советского государства, которых постоянно информировали о ходе соревнований, не ускользнул тот факт, что наиболее негативно о состязаниях высказывались как раз представители тех социалистических стран, чьи спортсмены стали заложниками политической линии Москвы и своих собственных правителей[90].

На Старой площади также было известно о том, что руководство ГДР весьма критически отнеслось к бойкоту Олимпиады. В Берлине стали раздаваться голоса, что им все меньше нравится ситуация, когда Советский Союз самостоятельно принимает решения, касающиеся спортивных интересов других стран. Как бы предвидя возможный бойкот и следующих Игр 1988 г., проведение которых было запланировано в Южной Корее, спортивные функционеры ГДР стали аккуратно намекать, что в Сеул они обязательно поедут.

Некоторые действия Восточной Германии в этот период можно было вообще расценить, как откровенно демонстративные. В начале 1980-х гг. СССР прикладывал значительные усилия, чтобы восстановить в МОК и других международных спортивных организациях Народную Республику Кампучию, правительство которой было сформировано после «освобождения» страны от режима Пол Пота соседним Вьетнамом и потому не признавалось международным сообществом. В июне 1985 г. в Берлине должна была пройти очередная сессия МОК, на которой предполагалось

решить вопрос о восстановлении прав Кампучии в этой организации. Однако большая подготовительная работа, проделанная СССР (Москва добилась к этому времени принятия спортивных организаций НРК в шесть международных федераций, что являлось одним из необходимых условий признания со стороны МОК), оказалась напрасной. Руководство ГДР, сославшись на большую занятость, якобы «забыло» пригласить в Берлин представителей Кампучии[91]. В этом, как и в целом ряде других эпизодов, наглядно проявилось стремление ГДР дистанцироваться в спортивно-политической области от Советского Союза.

Вместе с тем, следует отметить, что в середине 1980-х гг. спорт начал постепенно утрачивать то специфическое значение, которое он имел в общем комплексе проблем советско-германских отношений послевоенного времени. Большая политика продолжала оказывать определенное воздействие на большой спорт в самых различных его проявлениях, однако, спорт уже переставал играть роль индикатора политических настроений, выполнять во многом искусственно навязанную ему функцию одного из центров противостояния двух общественно-политических систем. В полной мере это относилось и к спортивным отношениям СССР с обоими немецкими государствами, которые постепенно очищались от различных политических наслоений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] МОК – Международный олимпийский комитет.

[2] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 97. Л. 71.

[3] Отчет председателя Олимпийского комитета СССР, К.А. Андрианова ЦК КПСС (далее: ЦК) к участию советских представителей в работе секции МОК в Греции в мае 1954 – письмо 18 июня 1954 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 272. Л. 56.

[4] Карл Риттер фон Хальт (1891–1964) – десятиборец, в 1929–64 гг. член МОК, в 1934–45 гг. руководитель ведомства по легкой атлетике в «национал-социалистическом союзе по физическим упражнениям», в 1951–60 гг. президент НОК ФРГ. (*Прим. ред.*)

[5] Отчет, см. сн. 3. Л. 56–57.

[6] В 1950–1980-х гг. главное спортивное ведомство СССР называлось по-разному: Всесоюзный Комитет по делам физической культуры и спорта, Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР, Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Для удобства изложения в статье при упоминании в дальнейшем этой организации будет использоваться ее краткое название, часто встречавшееся на страницах документов тех лет – Спорткомитет (СК).

[7] На XVI Олимпийских Играх в Мельбурне в 1956 г. ОГК заняла четвертое общекомандное место, завоевав 35 медалей, в т. ч. 13 золотых. На XVII играх в Риме в 1960 г. успех объединенной команды был еще бóльшим – 42 медали и третье общекомандное место. Наконец, в Токио в 1964 г., когда состоялось последнее выступление ОГК, единая немецкая команда получила 50 медалей, сохранив, вслед за СССР и США, третье место. В эти же годы ОГК выступала и на зимних Олимпийских играх, хотя и с гораздо меньшим успехом.

[8] Хайнц Шёбель (1913–1980) – в юности футболист в Рабочем спортивно-гимнастическом союзе в Лейпциге, по профессии продавец книг и позже руководитель издательства, в 1939–45 гг. – унтер-офицер артиллерийского полка, в 1955–73 гг. президент НОК ГДР, с 1966 г. член МОК.

[9] Манфред Эвальд (1926–2002) – в Третьем Рейхе занимался нелегальной политической деятельностью, был в советском плену, в 1961–88 гг. президент Германского спортивно-гимнастического союза и в 1973–90 гг. президент НОК ГДР. В 1964 г. был тренером всей германской команды на Олимпийских играх. С 1963 г. член ЦК СЕПГ.

[10] Информационное письмо посольства СССР в ГДР ЦК КПСС о высказываниях лидеров ГДР о роли и значении спорта в социалистическом обществе, март 1956 г., цит. по: РГАНИ. Ф. 5.

Оп. 47. Д. 164. Л. 12. Высказывания Ульбрихта и Эвальда были приведены в русском переводе без ссылки на немецкий оригинал.

[11] Письмо президента МОК руководителю НОК СССР с просьбой оказания влияния на спортивных руководителей ГДР при их выступлениях по спортивно-политическим вопросам, март 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 164. Л. 10.

[12] Запись разговора руководителя СК с представителями спортивных организаций Югославии, 5 марта 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 2.

[13] Там же.

[14] Правда. 1962. 11 октября.

[15] Справка отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС РСФСР о жалобе представителей ГДР об интервью гроссмейстера Ботвинника, опубликовано в «Правде» 10 ноября 1962 г., цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 202. Л. 197–198.

[16] Справка отделов ЦК 20 июня 1954 г. в адрес секретаря ЦК М.А. Суслова к вопросу жалоб репрезентантов ГДР в связи с приглашением легкоатлетов из ГДР на международные соревнования в Москве в июне 1954 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 374. Л. 92.

[17] Телеграмма президиума ЦК послу СССР в ГДР по вопросу организации товарищеской встречи футбольных команд СССР и ГДР в Москве // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 270. Л. 39.

[18] Справка отделов ЦК о неудовлетворительном состоянии отношений в спортивной сфере между представителями СССР и ГДР и о мерах к его улучшению // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1136. Л. 11.

[19] Там же. Л. 12.

[20] Там же. Л. 11.

[21] Информационное письмо СК от 11 марта 1962 г. о готовности советской стороны к отмене своей заявки о чемпионате Европы по водным видам спорта в пользу ГДР // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 279. Л. 160.

[22] Справка отделов ЦК о неудовлетворительном состоянии отношений в спортивной сфере между представителями СССР и ГДР и о мерах к его улучшению // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1136. Л. 11.

[23] Там же. Л. 12.

[24] ГДР стала с Эрихом Хагеном единственным победителем и завоевала кубок лучшей команды. Велогонка Мира была «восточным Tour de France» и крупнейшей велосипедной гонкой непрофессионалов. Однако создана была не ГДР, т. к. при первой гонке в 1948 г. республики просто не существовало. Сначала гонка была польско-чешской, а в 1952 г. третьим участником стала ГДР. (*Прим. ред.*)

[25] При явном давлении со стороны представителей ГДР жюри велогонки, несмотря на собственные заявления о том, что в столкновении виноваты в равной степени оба велосипедиста, вынесло им разные наказания: лидер гонки Мелихов был оштрафован на 2 минуты, тогда как Вайследер – лишь строго предупрежден. Между тем официальная пропаганда ГДР сообщала только о наказании Мелихова, ни словом не упоминая Вайследера, и всячески обыгрывала тот факт, что в результате падения обоих спортсменов первым финишную черту на этом этапе пересек шедший на третьем месте другой советский гонщик А. Петров.

[26] Информационное письмо посольства СССР в ГДР от 28 декабря 1961 г. ЦК КПСС о «неверной позиции», занятой представителями политических и спортивных кругов при освещении успехов XIV велогонки Мира // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 414. Л. 2.

[27] Справка отделов ЦК о неудовлетворительном состоянии отношений в спортивной сфере между представителями СССР и ГДР и о мерах к его улучшению // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1136. Л. 8.

[28] Информационное письмо отделов ЦК о результатах переговоров с находящейся в Москве делегацией представителей спорта ГДР 23 марта 1962 г. и о решении организации «нормальных» условий при проведении велогонки Мира 1962 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 414. Л. 69.

[29] Записка СК секретариату ЦК о проблемах в связи с предложением СССР по проведению одного из этапов Велогонки Мира в СССР // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 28. Д. 1389. Л. 19.

[30] Там же. Л. 19–20.

[31] Справка отделов ЦК о ситуации в связи с событиями в Берлине в 1961 г. по отношению к роли ГДР в международных спортивных отношениях // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 487. Л. 95.

[32] Там же. Л. 95.

[33] Информационное письмо отделов ЦК о незапланированной отправке делегации советских конькобежцев на соревнования в ГДР // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 12. Л. 61.

[34] Информационное письмо отделов ЦК о незапланированной отправке делегации советских шахматистов на турнир в ГДР // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 12. Л. 15.

[35] В заявлении Федерации футбола, которое было одобрено решением Секретариата ЦК КПСС, говорилось, что «СССР возлагает всю полноту ответственности за последствия этого постыдного решения на тех политиков и дельцов из УЕФА, которые подменяют принципы спортивного сотрудничества темными махинациями» // Советский спорт. 1968. 14 сентября.

[36] Информационное письмо СК ЦК от 14 октября 1968 г. об отказе бывшего чемпиона мира М. Ботвинника принять участие в шахматном турнире в память об Э. Ласкере в ноябре–декабре 1968 года в ГДР // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 36. Л. 82.

[37] Записка и. о. руководителя отдела пропаганды ЦК А.Н. Яковлева от 23 октября 1968 г. о мерах, необходимых в случае отказа М. Ботвинника принять участие в шахматном турнире в ГДР // Там же. Л. 85.

[38] Там же. Л. 85–86.

[39] В документах ЦК КПСС сохранилась лишь краткая справка заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК А.Н. Яковлева, который, со ссылкой на председателя Спорткомитета С.П. Павлова, сообщал, что М.М. Ботвинник в результате проведенной беседы «признал, что он поступил неправильно… и заверил, что впредь он готов дисциплинированно и активно сотрудничать» со спортивными организациями страны // Там же. Л. 88.

[40] Справка СК, отправленная ЦК, об успешных переговорах спортивных руководств обоих государств по организации и проведению велогонки Мира 1962, прошедших в Берлине 5 марта 1962 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 414. Л. 66.

[41] Справка отделов ЦК о неудовлетворительном состоянии отношений в спортивной сфере между представителями СССР и ГДР и о мерах к его улучшению // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1136. Л. 13.

[42] Там же. Л. 12.

[43] Имеется в виду военная диктатура правого толка в Греции, или Хунта, лидером которой был Георгиос Пападопулос. Хунта проводила в отношении своих противников широкие политические репрессии с применением пыток.

[44] Справка отделов ЦК о рассмотрении в секретариате ЦК ситуации, возникшей на чемпионате мира по легкой атлетике в Греции // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1036. Л. 106–110.

[45] Информацонное письмо отделов ЦК о причинах бойкота советскими спортсменами чемпионата мира по гандболу среди женщин в Западном Берлине в 1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 107–108.

[46] Справка СК, отправленная ЦК о ходе проведения и результатах переговоров шефа спортивного комитета с делегацией Немецкого спортивного союза (DSB) ФРГ в Москве 27 мая 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 98.

[47] Запись беседы представителя спорткомитета Павлова с делегацией DSB от 12 мая 1971 г. // Там же. Л. 108.

[48] См. сн. 47. Л. 104.

[49] Конспект беседы делегации спортивного комитета с бундесканцлером Вилли Брандтом, 15 августа 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 179.

[50] Справка генерального консульства СССР в Западном Берлине от 21 июня 1977 г. о проблемах, связанных с организацией и проведением мирового чемпионата по плаванию в Западном Берлине в 1978 году // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 303. Л. 46.

[51] Там же. Л. 48–49.

[52] Информационное письмо посольства СССР в ГДР ЦК от 29 июня 1973 г. «О мерах ФРГ с целью централизации спортивных отношений западногерманских и западноберлинских организаций с социалистическими странами» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 645. Л. 207.

[53] Справка оргкомитета «Олимпиады-80» ЦК о проведении переговоров с представителями Западной Германии об изменении имени команды на предстоящих Олимпийских играх в Москве, 21 января 1979 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 202. Л. 9.

[54] В качестве одного из способов «привязки» Западного Берлина к Западной Германии, являлось оформление виз и прочих международных документов, относящихся к этой территории, че-

рез посольства ФРГ, против чего решительно выступали СССР и следующие в фарватере его внешней политики социалистические страны.

[55] Записка посла СССР в ГДР, П. Абрасимова, ЦК о необходимости быстрого разрешения вопроса об участии советских велосипедистов в гонке в Западном Берлине // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 908. Л. 66–70.

[56] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 303. Л. 21.

[57] Справка отделов ЦК, утвержденная секретариатом, о директивах советских представителей, принимавших участие в выборах города Олимпийских игр 1972 года // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 82.

[58] Там же. Л. 84. – Между тем в 1970 г. президент Оргкомитета летних Игр 1972 г. В. Дауме заявил на пресс-конференции журналистам, что Советский Союз всегда положительно относился к идее проведения Олимпиады в ФРГ и голосовал за Мюнхен на сессии МОК (См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 48. Л. 141). Интересно, кого все-таки обманывали в Москве – ГДР или ФРГ?

[59] Информационное письмо ЦК СЕПГ партийным организациям по вопросу предстоящих Олимпийских игр в Мюнхене, 22 октября 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 186–187.

[60] Там же. Л. 190.

[61] Информационное письмо посольства СССР в ГДР ЦК «О подготовке Олимпийских игр 1972 в Мюнхене», 7 июня 1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 174.

[62] Там же. Л. 172. – Такой отбор обусловил соответствующее поведение граждан ГДР. Как отмечали западногерманские газеты, в первые дни Олимпиады «они держались обособленно, не вступали в разговоры с западными немцами, избегали отвечать на вопросы журналистов, “ходили с каменными лицами” и т. д.». А когда настал день отъезда, то выяснилось, что домой вернется 1.999 человек: член парткома одного из предприятий Магдебурга, изменив своим убеждениям, предпочел не возвращаться в «социалистический рай».

[63] Там же. Л. 173.

[64] Информационное письмо СК, отправленное ЦК, о переговорах посла ГДР Биттнера в Москве и его предложениях о ряде мероприятий, связанных с открытием и проведением Игр в Мюнхене // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1097. Л. 121–123.

[65] Там же. Л. 124.

[66] Информационное письмо посольства СССР в ГДР ЦК о характере спортивных отношений между двумя германскими государствами, 13 апреля 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 91.

[67] Справка спортивного комитета ЦК о ходе проведения и результатах переговоров шефа спортивного комитета с делегацией Немецкого спортивного союза (DSB) ФРГ в Москве 27 мая 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 100.

[68] Согласно послевоенной политической карте Европы, Померания и Судеты не входили в состав Федеративной Республики Германии.

[69] Информационное письмо спортивного комитета ЦК «О сборе руководителей спортивных организаций социалистических стран», 5 октября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 159.

[70] В частности, в конце 1970 г. в беседах с председателем Спорткомитета С. Павловым руководители спортивных ведомств Болгарии и Польши Т. Мартински и Ю. Рутковский высказывали серьезные претензии в адрес спортивных организаций ГДР «за их односторонний подход в вопросах сотрудничества и отказ в ряде случаев от ранее согласованных позиций» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 10–11.

[71] Информационное письмо спортивного комитета ЦК о сборе руководителей спортивных организаций социалистических стран по вопросу программы летних и зимних игр, 15 апреля 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 162.

[72] Запись беседы председателя СК Павлова с министром внутренних дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером, президентом оргкомитета XXII Олимпийских игр в Мюнхене, Вилли Дауме и президентом спортивного союза Крегелем, 16 августа 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 180.

[73] Там же. Л. 181.

[74] Письмо президента международной ассоциации спортивной прессы (AIPS), Ф. Тайлера, по вопросу отношений между радиостанцией «Free Europe» и МОК, которое он отправил вечером дня открытия XL конгресса AIPS национальным делегациям, 5 апреля 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 423. Л. 52.

[75] Запись беседы председателя СК Павлова с министром внутренних дел… (см. сн. 72). Л. 180.

[76] В Восточной Германии в дни Олимпиады нередко можно было услышать заявления: «Если бы была общегерманская команда, результаты были бы еще лучше»; «Без Брандта участие в Олимпийских играх самостоятельной команды ГДР было бы невозможным»; «Такие впечатляющие игры способны организовать только немцы» и т. п.

[77] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, о «Сборе руководителей спортивных организаций социалистических стран», 30 сентября 1974 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 129. Л. 64.

[78] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, об «Успехе конференции руководителей спортивных организаций социалистических стран в Гаване», 11 ноября 1982 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 139. Л. 49.

[79] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, об «Успехе конференции руководителей спортивных организаций социалистических стран в Гаване», 22 октября 1975 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 448. Л. 23.

[80] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, о ситуации в связи с судейским решением на конькобежном чемпионате Европы в Гетеборге, 21 января 1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 90. Л. 17.

[81] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, о дисквалификации советских конькобежцев и фигуристов международной организацией по ледовым вида спорта, 9 июня 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 303. Л. 43.

[82] По сравнению с 1977 г. советские фигуристы выступили на чемпионате Европы 1978 г. даже еще лучше: если в 1977 г. ими было завоевано по 2 медали каждого достоинства, то через год общее количество медалей осталось прежним, но одна из бронзовых медалей превратилась в третью серебряную награду.

[83] Записка СК ЦК о недружеских переговорах в спортивном руководстве, связанных с уничтожением договоренностей двух стран о совместной спортивной работе, 8 ноября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 199.

[84] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, об успехах разрешении проблем с Германским спортивно-гимнастическим союзом ГДР о совместной спортивной работе // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 303. Л. 85.

[85] Записка председателя СК Павлова ЦК «О некоторых аспектах совместной спортивной работы с ГДР», 29 ноября 1979 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 202. Л. 56.

[86] По имевшейся в ЦК КПСС информации, два научных сотрудника ГДР, посетившие тренировки советских пловцов и представившие о них руководству Германского спортивного союза весьма благожелательные отзывы, получили после этого… по партийному выговору! Там же. Л. 57–58.

[87] Справка руководящих отделов ЦК о проблемах в области спортивных отношений между СССР и Румынией // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 361. Л. 51.

[88] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, об успехах разрешении проблем с Германским спортивно-гимнастическим союзом ГДР о совместной спортивной работе, 20 ноября 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 303. Л. 87.

[89] На XVII Олимпиаде было установлено 76 олимпийских и 30 мировых рекордов; на XVIII – 81 и 32; на XIX – 84 и 27; на XX – 94 и 46; на XXI – 82 и 34. Отсутствие целого ряда сильных спортсменов на московской Олимпиаде и, как следствие этого, снижение конкуренции похоронили надежды на превращение Игр в Москве в «Олимпиаду рекордов»: на XXII Олимпийских играх было установлено 74 олимпийских и 36 мировых рекордов. Зато рекорд поставила советская команда – на своем поле и в отсутствие многих сильных противников советские олимпийцы завоевали 195 медалей, из которых 80 были золотыми.

[90] Справка государственного комитета СССР по иностранному туризму ЦК о мнениях туристов капиталистических и социалистических стран по поводу проведения турнира «Дружба 84» в СССР, 31 августа 1984 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 144. Л. 66–67.

[91] Информационное письмо СК, адресованное ЦК, «О конференции руководителей спортивных организаций социалистических стран», 9 декабря 1985 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 94. Д. 117. Л. 126.

Утопия и ее крушение

Хольгер Бёнинг

«А ЧТО, ЕСЛИ ДЕЛО ЛИШЬ КАЖЕТСЯ ПРОИГРАННЫМ». К вопросу о восприятии Советского Союза в политической песне ФРГ

Неполитических песен просто не бывает.
Франц Йозеф Дегенхард[1]

«В Германии снова появились песни», – с воодушевлением констатировал в 1967 г. издатель сборника текстов[2]. После 1945 г. в течение двух десятилетий немцам было не до песен, традиционная народная песня считалась непригодной для гитары и глубоко дискредитированной, новых песен не было. Они появились только в начале 1960-х годов под влиянием американской музыки в стиле фолк и французского шансона, вначале как «балаганные песни», или «зонги протеста», но скоро названные и поклонниками, и противниками «политической песней». Эта политическая песня Федеративной Республики Германия[3], которая в 60-е и 70-е годы XX века приобрела значительное массовое воздействие, относится к мало исследованным источникам по истории культуры и музыки, а также политической истории. То же можно сказать и о теме Советского Союза и социалистических стран в ней[4]. Самое позднее исполнение политических песен снова стало анахронизмом после 1989 г., не говоря уже о песнях борьбы социалистического рабочего движения, которые просто исчезли из общественного сознания и чей революционный пафос кажется зна́ком давно прошедшего времени[5]. Празднично-приподнятое, подобное гимну, патетически провозглашающему победу в революционной борьбе, пение никогда не отражало жизнеощущения населения ФРГ. Другое дело певцы, которые, ссылаясь на Жоржа Брассенса, Бориса Виана, Боба Дилана, Пита Сигера или Джоан Баэс, говорят о своих чувствах и политических идеалах на родном языке, якобы пригодном только для пустяковых песенок и шлягеров. Всего за двадцать лет, ставших эпохой, они приобрели значительное влияние на целое поколение населения Федеративной республики.

С первой половины 1960-х годов до 1980-х ежегодно на политические темы появлялись сотни литературных текстов, в которых певицы и певцы высказывали свое отношение к окружающему миру, определяли свою позицию по актуальным проблемам, анализировали состояние общества или просто радовались тому, что могут в поэтическом и музыкальном ключе разобраться с социальными процессами. Многие тысячи политических песен на немецком языке, в исполнении сотен певцов и певиц, так называемых зонг- и зинге-групп, хоров и рок-ансамблей, уличных певцов и шансонье собирали сотни тысяч слушателей. Некоторым певцам удавалось продавать сотни тысяч своих пластинок[6].

Эти песни только им присущим образом сопровождали ход истории, они рассказывали историю – истории, – и бóльшая их часть уже сама является историей. Здесь можно найти все: и тихий, осторожно-критический шансон, и песни с острой критикой недостатков, и громоподобные песни борьбы. Наряду с песнями, чья поэтическая сила до сего дня подкупает и доставляет радость, находим оперативные, на злобу дня литературные формы, которые именно поэтому являются ценными историческими свидетельствами политической воли и социальной активности. Все эти песни объединяет то, что они по-своему отражают историю Федеративной Республики Германия, позволяют почувствовать себя участником политического развития, предоставляют моментальные снимки прошлых событий и условий. Не в последнюю очередь, в них выражается культурно-историческое развитие, которое с середины 1960-х до конца 1970-х годов сильно изменило лицо немецкого общества. Эти песни являются выражением интенсивнейшего участия в событиях политической жизни, которые они не только отражали, но пытались на них влиять. Они документируют пережитую историю так, как этого не могут другие источники.

Еще в 1960 г. немецкое общество отмахивалось от политики. Песни, создававшиеся с начала 1960-х годов, были одним из тех элементов, с помощью которых общество начало процесс своей цивилизации. Они были частью процесса обучения, в ходе которого недовольная общественность предъявила требование активного участия в политической жизни, а публицистика добилась возможности реализации закрепленного в Основном законе права на контроль и критику. В этих процессах песенная публицистика выполняла важную функцию: она обращалась к той части населения, прежде всего, к либеральным и леволиберальным интеллектуалам, которые были движущей силой общественного движения, важнейшей вехой которого стал 1968 год.

Далее следует осветить некоторые аспекты политической песни, понимая, что, при этом, всей полноты добиться нельзя, что будет не хватать и наглядности, которая в этом жанре достигается только вместе с музыкой. Текст, в принципе, это только полдела. Надо поставить вопрос о том, как эти песни изображают Советский Союз, причем, отношение к этой стране и ее общественной системе часто может быть раскрыто только опосредованно, через соответствующие утопии и социальный анализ. Сначала нужно указать на некоторые песенные и музыкальные традиции, без знания которых будет трудно понять, как рассматривать эту тему в Федеративной республике.

Советский Союз в песнях рабочего движения

Красная Россия, государство рабочих,
в деле освобождения ты идешь впереди всех.
Возникшее из угнетения и рабства,
свободное Отечество всех трудящихся[7].

Поздней осенью 1917 г. жившая в рабочем движении утопия нового бесклассового общества получила имя. В последующие годы Октябрьская революция, как прежде только Французская революция, вдохновила сотни поэтов и композиторов во всем

мире на создание песен, которые с воодушевлением приветствовали переворот в России и несли надежды на более справедливое в социальном отношении будущее. Так было и в Германии. Текстовики и композиторы больших хоров движения «Музыка рабочих» переводили русские революционные песни на немецкий язык и исполняли их перед своей публикой. 21 сентября 1920 г. в рабочем кафе «Новый мир» в Нойкёльне, наряду с песнями Шумана и Шуберта, впервые в исполнении смешанного хора прозвучали русские революционные песни, представленные «Смешанным хором Большого Берлина» под управлением его хормейстера, известного композитора Германа Шерхена[8]. Уже 3 сентября берлинский хор имени Шуберта, так же под управлением Шерхена, в большом зале филармонии, наряду со «Смело, товарищи, в ногу» (песней, до сих пор популярной, переведенной с русского, ставшей одной из любимейших песен рабочего движения) исполнил русский траурный марш:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли за него,
За честь его, жизнь и свободу!
Настанет пора – и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный![9]

Шерхен, как и Арнольд Шёнберг, который принадлежал к известным покровителям авангарда в музыке, а также перевел «Смело, товарищи, в ногу», называл Октябрьскую революцию событием своей жизни. Он являет собой пример тех многочисленных поэтов и музыкантов, которые были околдованы переворотом в России и стремились к сотрудничеству с рабочим движением. То же относится и к родившемуся в Польше австрийцу Хуго Хупперту, который перевел на немецкий язык «Левый марш» Владимира Маяковского, где в связи с молодым Советским Союзом находим такие строки: «Довольно жить законом, / данным Адамом и Евой. / Клячу истории загоним…». Чувства многих современников выражали направленные против Антанты слова: «Коммуне не быть покоренной». Немецкому писателю Иоганнесу Р. Бехеру принадлежат положенные на музыку Хансом Айслером и спетые Эрнстом Бушем варьирующие библейские представления об избавлении и спасении, слова о Ленине: «Он мир от спячки пробудил».

Октябрьская революция и отношение к Советской России стали важнейшими пунктами, в которых проявлялся обозначившийся с 1914 г. раскол рабочего движения. Правда, симпатии к революционным преобразованиям в России проникали и в ряды социал-демократии, однако, общим достоянием стали песни, которые пропагандировали немецкую Советскую республику или выражали солидарность с Советским Союзом, прежде всего, в коммунистически ориентированной части рабочего движения. Особенно в первые годы Веймарской республики было написано множество песен, в которых, одновременно с единением с Советским Союзом, присутствовала безграничная ненависть к представителям социал-демократии, на которых в Германии возложили часть ответственности за разгром революции и за бесчинства «добровольческих отрядов». Такова, например, переведенная Альфредом Курелла песня «Пролетарские сотни»:

Под развевающимися красными знаменами
они стоят на каждой фабрике,
все, кто хочет, все, кто предчувствует
восход республики рабочих.
Смерть не страшит красные легионы,
которых убивают наймиты Носке.
Они шагают в ногу с миллионами,
которые по всей Земле идут за Лениным.
Да здравствует Ленин![10]

Новую песню популяризировали бесчисленные сборники, такие как «Боевые песни красных спортсменов», «Вперед, на красный штурм! Сборник песен борьбы», «Сборник рабочих песен. С Лениным», «С песней на борьбу», «Песенник для детей рабочих» или «Наша песня», которые при ничтожной цене часто достигали тиражей во много сотен тысяч экземпляров[11]. Пение и музицирование стало среди рабочих одним из самых любимых занятий в свободное время, причем, инициатива организации шла снизу. В 1928 г. «Немецкий рабочий певческий союз» насчитывал 280 тысяч хористов[12]. О том, какое значение придавали пению полиция и юстиция Веймарской республики, свидетельствуют запреты, аресты и наказания в виде тюремного заключения за публичное исполнение запрещенных песен, от чего страдали, прежде всего, коммунистические организации. Имперский суд запрещал тексты многих песен, которые затем появлялись в песенниках без слов, но с названием и музыкой, или с указанием «Текст запрещен Имперским судом германской Республики». В сохранившихся экземплярах видно, как их владельцы вписывали тексты от руки[13]. Много раз подвергалась запрету и одна из самых известных песен борьбы «Красный Веддинг», в которой говорилось: «Республика наша – красивый дворец, / Но только построил его глупец / Среди реакционных болот. / Возведем мы жилище на собственный вкус, / Мы построим Германский советский союз, / Свободы надежный оплот»[14].

Конечно, в таких песнях начисто отсутствовала критика Советского Союза, что, не в последнюю очередь, было следствием кровавого противостояния государственной власти и коммунистических организаций, а также плохих условий жизни. Так, в песне «Рабочий, ты живешь в нужде», написанной в 1928 г. Хельмутом Дамериусом – он, как и другие участники театра агитпропа «Колонне линкс», в Советском Союзе стал жертвой сталинского террора[15] – находим такие слова: «Рабочий, ты живешь в нужде, – / тебя преследуют нищета и смерть. / Буржуи кутят, все в вине и шампанском, / только не ожидай, пока ты подохнешь. […] Красная Россия, ты подаешь сигнал, / ты смертельный враг капитала. / Красное знамя – это твое боевое знамя, / мы идем за тобой!»[16].

Накануне 1933 г. агитация на выступлениях таких театральных коллективов, как «Роте ракетен/Штурмтруппе Аларм (Красные ракеты/Передовой отряд “Тревога”)», «Ротер блитц (Красная молния)», «Ди ротен троммлер (Красные барабанщики)» или «Юнге гарде (Молодая гвардия)», переживала наивысший подъем. Их представления проходили на школьных дворах и на задворках, на оживленных улицах, перед стадионами и бассейнами или во время праздничных гуляний в парках и на пикниках. В «Отрядной песне» берлинской труппы «Колонне линкс» говорилось: «Крестьянин, рабочий. / Зачем тебе Республика? / Заключи братский союз с Россией, / Создай Красное Отечество»[17].

На закате Веймарской республики тема «Советский Союз» в политической песне была широчайше представлена. Для значительной части рабочего движения и многочисленных интеллектуалов он, еще почти несокрушимо, олицетворял утопию нового общества. С энтузиазмом форсируемое и сопровождаемое активной пропагандой строительство в первом социалистическом государстве, казалось, подтверждало преимущество нового строя. Заложенные уже в ленинской концепции, поощряющие террористические формы господства представления о том, что с помощью насилия можно создать другое общество, отрицание любого плюрализма, правового государства и индивидуальных прав и свобод, так же, как и схема «друг – враг», получали мнимое подтверждение и оправдание, благодаря действиям государственного аппарата Веймарской республики. Последний, пренебрегая демократическими завоеваниями, не очень-то церемонился со своими противниками слева и разделял ответственность за то, что в массовом сознании сложилось представление о неустранимости, в существующих общественных условиях, бесправия и бесперспективности. Характерное для сталинизма господство террора с его абсолютистскими формами проявления и расширением полицейского государства, что противоречило всем традиционным идеям рабочего движения и гуманистическим ценностям, стало явным только в 1930-е годы, а до 1933 г. едва ли приобрело влияние на массы. Вместо этого все шире распространялась озабоченность тем, что в будущей войне Советский Союз может оказаться в опасности. К 1 мая 1932 г. ученик Ганнса Эйслера Эрнст-Германн Майер – и он был выходцем из буржуазной семьи и руководил хорами рабочих[18] – написал слова и музыку песни, в которой были такие строки: «Из фабрик, контор, с полей, / Бирж труда, военных кораблей, из угольных шахт, / Беднота всего мира сегодня призывает: / Защитим Советскую власть!»[19].

Одной из самых любимых боевых песен стал переведенный в 1931 г. с русского на немецкий Вилли Каршем марш Красной Армии «Мы – красные солдаты», получивший название «Мы защищаем Советский Союз». В его первой строфе и припеве говорилось: «Мы ненавидим вас, дармоеды / в поместьях, на фабриках и в банках. / Вы грабители народов, / мы – ваша погибель! / И если вы направите оружие / против Советского Союза, / то красные войска постоят / в борьбе за революцию!»[20].

Уже в конце 20-х годов XX века Эрих Вайнерт[21] написал текст песни «Тайный поход», которая, исполненная мощным голосом, в едва ли не воинственной интерпретации певца Эрнста Буша стала производящим наиболее сильное воздействие, особенно популярным в коммунистическом рабочем движении гимном единения с Советским Союзом. В нем предупреждалось об угрозе прихода к власти в Германии фашистов, поддерживаемых крупным капиталом, и империалистической войны против Советского Союза:

Шепчут хозяева стали и нефти,
Шепчут владыки угля и машин.
Шепот летит и ползет по планете
[…]
Голос фашизма шепчет, неистов:
«Мы уничтожим страну коммунистов!»
[…]
Слушай, трудящийся! Этот поход –
Не в защиту наций и рас.

Это война мировых господ
Против рабочего класса.
Это война, что стоит у ворот,
Против тебя,
народ!
Рабочий! Крестьянин! К оружью скорей!
Отчизна труда под ударом!
Разобьём фашистских мы палачей!
Пусть сердца наши вспыхнут пожаром!
Над каждым заводом каждой страны
Пусть взовьется красное знамя –
Чтобы из пепла последней войны
Мировой революции
вспыхнуло пламя![22]

Эту и другие песни пели на вечерах «Общества друзей Советского Союза», на массовых мероприятиях, митингах и демонстрациях или во время уличных выступлений групп агитпропа. Если таким поэтам, как Вайнерт, не было доступа на радио, они использовали публичные выступления и пластинки, продававшиеся через торговую посылочную фирму «Арбайтер-культ». Веймарская юстиция, запрещая продажу и выступления, а также налагая наказания в виде многолетнего тюремного заключения за измену родине в литературных произведениях, как, например, в случае с сатириком Фрицом Хампелем, осложняла жизнь не только авторам-коммунистам. До весны 1932 г. Вайнерту было запрещено выступать и произносить речи, против чего протестовали и добились успеха Ромен Роллан, Мартин Андерсен-Нексё, Анри Барбюс, Теодор Драйзер и Максим Горький. Осенью 1932 г. юстиция снова активизировалась против Вайнерта. По мнению прокуратуры, в стихотворении «Бык просит слова» в немедленно конфискованной «Arbeiter-Illustrierten-Zeitung» «высмеивалась светлая идея защиты Отечества». В нем пророчески говорилось:

Я не приверженец новых мод
И новым не доверяю фразам.
Я – старогерманский рогатый скот
И сохранил свой нехитрый разум.
[…]
Ведь бык и мясник испокон веков
В содружестве жили, отчизне полезном.
Мясник существует, чтоб резать быков,
А бык существует, чтоб быть зарезанным[23].

На короткий пятнадцатилетний период Советский Союз и связанные с ним надежды стали основной темой политической песни, и, прежде всего, ее массового исполнения в коммунистическом рабочем движении. В 1933 г. начался ураганный огонь пропаганды, которая возымела действие и среди части рабочего класса. Мировой «еврейско-большевистский» заговор был объявлен главной опасностью для немецкого народа, а народы Советского Союза – славянскими «недочеловеками». Немецкое рабочее движение не могло сдержать обещания, данного в «Марше красногвардейцев», написанном Эрихом Мюзамом в 1920 г. в крепости Ансбах: «Мы

идем не для того, чтобы воевать с народами. / Мы протягиваем всему Земному шару руку братства! / Каждый народ помогает всем народам победить, / одолевая врага в своей собственной стране»[24].

Послевоенные годы и холодная война

В отношении к Советскому Союзу в западногерманском обществе и обществе ранней Федеративной республики заложен континуум «образа врага». Бесчисленные биографии свидетельствуют, что, прежде всего, и почти исключительно заключенные фашистских концентрационных лагерей и тюрем с надеждой и неотрывным вниманием следили, после поражения вермахта под Сталинградом, за продвижением Красной Армии на Запад и были благодарны за стоившее больших жертв освобождение от фашизма. То же самое относится к возвращавшимся со всего мира в Германию эмигрантам, которые и в советской зоне оккупации сталкивались с тем, что только очень небольшая часть населения разделяла чувства, выраженные в песне, слова которой написал Иоганнес Р. Бехер, а музыку Ганнс Эйслер:

Кто нас в незабвенные даты
Избавил от бедствий войны?
Советского войска солдаты,
Герои Советской страны.
Спасибо ж вам, братья-солдаты,
Герои Советской страны[25].

Эту песню часто приводили как образец жалкого произведения партийного поэта. Лишь с трудом последующее поколение смогло представить себе, что написание таких строк не нуждалось в партийном заказе. Актер и певец Эрнст Буш, освобожденный 27 апреля 1945 г. из тюрьмы солдатами Красной Армии, описал, насколько слова Бехера соответствовали его ощущениям весной 1945 г. Он описал также, с каким трудом давалось новое начало с деморализованным немецким населением, преисполненным страха и недоверия в отношении Советской Армии: «Перед нами стояла нелегкая задача. Мы потеряли слишком много хорошей молодежи, а русские еще больше. Там, где нам нужны были семьдесят парней, у нас было только семь слабаков, остальная часть только горевала, что Гитлер проиграл войну. Все остальное было замечательно. Истребление народов, преследование евреев – все в порядке. И с такими ты строишь демократию. Мы боролись здесь за второй Сталинград»[26].

Здесь должно быть упомянуто последовавшее уже в послевоенное время проявление отношения немецких авторов-эмигрантов к фашизму и реставрации, начавшейся в западных зонах оккупации. Правда, написанные ими стихи и песни едва ли имели непосредственное воздействие, но они были активно восприняты первым поколением авторов политических песен 1960-х годов в Федеративной республике, как об этом сообщает не только Франц Йозеф Дегенхардт в своем «Почти автобиографическом жизнеописании западногерманского левака»[27]. В 1946 г. Эрих Вайнерт написал свою песню «В тот раз все это так же начиналось» («Die Hakenrune»), в которой яв-

но чувствуется скепсис в отношении быстро переменившихся сторонников фашизма в советской зоне оккупации: «Едва лишь фактом непреложным стал / Разгром “империи тесячелетней”, / Как свастику любой из них содрал, / Чтоб алый бантик выделить приметней». Но, прежде всего, песня направлена против проявившихся к этому времени тенденций реставрации в западных зонах реваншизма и против оправдания войны на уничтожение на Востоке:

И кое-кто кровавой машет лапой
И с наглым видом бредит наяву:
Не худо было б воскресить гестапо
И двинуться походом на Москву.
[…]
Как, для того ль чистейшими сердцами
Чистейшая была пролита кровь,
Чтоб эта мразь воскресла и пред нами
Посмела ныне подыматься вновь?
В тот раз все это так же начиналось.
И если так все сызнова пойдет,
Свершиться правосудье, как свершалось,
И не простит нас ни один народ[28]..

Совершенно похожие слова находим у Бертольта Брехта, который уже в 1947 г., еще в американской эмиграции, написал балладу «Анахроничное шествие, или Свобода и демократия», которая была положена на музыку сначала Паулем Дессау в 1956 г., а в 1958 г. Ганнсом Эйслером. В ней Брехт предупреждал об опасности той роковой преемственности, возникновение которой он усматривал в альянсе старых нацистов, промышленников и оккупационных властей западных союзников. В 41 строфе[29] Брехт описывает процессию представителей индустрии и прежних правящих слоев, впереди – крест на простыне, на котором сегодня нет крюков: «Вот и свастика паучья, / но с нее убрали крючья: / раз такие времена – / превратилась в крест она»[30]. В 1960-е годы многозначительными стали, прежде всего, те произведения Брехта, в которых он до и после 1945 г. рассматривал отношение немецкого народа к фашизму. Понадобился временной интервал в двадцать лет, пока стихи и песни Брехта, как, например, «Немецким солдатам на Восточном фронте», вызвали резонанс в общественности, и среди западногерманского населения смогло начаться переосмысление отношения к Советскому Союзу.

Если дружба с Советским Союзом в советской зоне оккупации и потом в ГДР стала государственной доктриной, которой нельзя было публично противоречить[31], то в западных зонах господствовавшим было чувство, что здесь больше повезло с оккупационными властями, которые смерть и разрушение в собственных странах испытали гораздо менее остро или не пережили вовсе. Если КПГ, которая в общественном сознании, в бóльшей мере, идентифицировалась с Советским Союзом, на первых выборах в ландтаги еще обнаруживала значительный потенциал избирателей, то еще до запрета в 1956 г. ее влияние почти везде снизилось, и доля ее избирателей не дотягивала до пятипроцентного барьера. Падению влияния коммунистов, в бóльшей степени, способствовало то, что КПГ стала наиболее значимым внутренним врагом государства, а Советский Союз, в параллель с западной интеграцией и ремилитаризацией, – главным внешним врагом.

Утрате общественностью Федеративной республики 1950-х годов иллюзий в отношении социальной системы Советского Союза способствовала, в том числе, и развернувшаяся еще до запрета КПГ кампания перевода коммунистической идеологии в уголовно-процессуальную плоскость. 19 сентября 1950 г. федеральное правительство приняло решение, известное как «указ Аденауэра», о том, что любое «членство, участие, деятельность» в КПГ и поддержка партии и десяти поименно названных организаций, таких как Союз свободной немецкой молодежи, Культурбунд или «Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме», «неумолимо» должно повлечь за собой «немедленное отстранение» чиновников, служащих и рабочих от государственной службы. До и после запрета КПГ были возбуждены десятки тысяч политических уголовных дел. «Политическая уголовная юстиция 1950-х и начала 1960-х годов, – пишет защитник по уголовным делам Генрих Ханнофер, – была продолжением преследования коммунистов национал-социалистами. Она не заслуживает названия “правосудие”, она была осуществлением политики Аденауэра средствами юстиции»[32]. Множество коммунистов, которые в 1933–1945 гг. познали, что такое концентрационные лагеря, отправились в тюрьму, нередко осужденные теми же судьями; тысячи лишились пенсии, которая им полагалась бы как лицам, преследовавшимся при нацизме[33]. Кроме того, существенную роль в том, что антикоммунизм смог стать основой широкого общественного консенсуса, конечно, сыграли действия СССР в Восточной Европе и в его зоне оккупации, и в ГДР. Самое позднее с началом войны в Корее в 1950 г. желание снова быть использованными в качестве партнера против Востока усиливалось и способствовало распространению основного, воинственного реакционного настроя. Психологически для поколения активных участников войны это означало облегчение, ведь задним числом антибольшевистские военные цели Германии были до известной степени легитимированы. Характерным для этого времени было культивирование неопределенного чувства страха по отношению к Советскому Союзу.

В то время как в ГДР идеологическому воздействию и воспитанию средствами музыки и песни уделялось самое большое внимание[34], политические песни в Федеративной Республике Германия во время холодной войны, апогеем которой стали строительство Берлинской стены и Кубинский кризис, практически, роли не играли. Вторая половина 1940-х годов и 1950-е годы, так можно резюмировать, не были временем политической песни и споров о социалистических утопиях. Старые марши и боевые песни рабочего движения были забыты или полностью утратили свою притягательную силу[35]. Стремление извлечь уроки из только что закончившейся войны и обеспечить мир позволило появиться нескольким, правда, очень немногим, политическим песням, некоторые из них были восприняты и в Федеративной республике. Здесь следует назвать, прежде всего, написанные Бехером между 1946 и 1950 годами «Новые немецкие народные песни», положенные на музыку Ганнсом Эйслером. По композициям Айслера видно, что и для него время боевых массовых песен в маршевом ритме прошло. В своих беседах с Хансом Бунге Эйслер это объяснил так:

> Когда мы вернулись в Берлин – мы же слышали по радио эти отвратительные гитлеровские песни (некоторые были украдены и у рабочего движения; есть там несколько мелодий, которые сначала пели с фашистскими словами), – поскольку у меня вообще было такое отвращение к маршировке – (это, в общем, недиалектическая позиция, дело вкуса). Брехт, с одной стороны, это понял, с другой стороны, ему не хватало наших плебейских

вульгаризмов, которые ведь очень необходимы. Этот жанр словно заиндевел из-за злоупотреблений варваров. Несколько лет нужно быть очень внимательным. Чтобы отвыкнуть, нужно время[36].

Отвращение Эйслера к вульгарности и примитивности маршей заходило так далеко, что он, например, отказался от симфонизма «Песни единого фронта» и использовал ее как народную песню со строгой музыкальной схемой. Одним из прекраснейших примеров композиций того времени является музыка написанного Брехтом «Детского гимна» («Силы юности прекрасной / Без остатка все отдай…»)[37].

В самом начале холодной войны дело не дошло до серьезной дискуссии об этой песне Брехта, которого в западных зонах оккупации быстро стали преследовать как коммуниста и поэта на службе у неправового государства. Только в 1990 г. графиня фон Дёнхоф в «Die Zeit» предложила выбрать эту песню, написанную в 1949 г. в качестве альтернативы «Песне немцев», национальным гимном объединенной Германии.

Если в песнях 1945–1960 гг. темы «Советский Союз» вообще нет, то, как особый случай, следовало бы назвать, в первую очередь, песни изгнанных с родной земли. В них присутствует политический контекст, в котором они возникли[38]. Изгнание – это историко-политическое событие, о котором те (кого оно коснулось) поют со своим субъективным отношением. «Господь, имей сострадание и жалость, – говорится в силезской песне, – ко всем нам, безвинным беднягам». Во многих из этих песен поется о страдании, которое изгнанники испытали сами, как в одной песне дунайских швабов[39]. Наконец, в другой песне, в беспомощных стихах можно было услышать: «Мы должны покинуть нашу родину, / И мы хорошо знаем, почему; / Все народы вокруг только ненавидят нас, / Виновата в этом только наша кровь»[40].

Велик был шок изгнанных, когда они столкнулись с тем, что в рейхе не спешили проявлять солидарность с родными по крови «фольксдойче», и, напротив, везде, куда они добирались, на себе испытывали неприятие окружающих. Слово «беженец» стало ругательством, которое противодействовало всей пропаганде о «народной общности». Как пример наихудшей доли, постоянно описывался насильственный увоз в Россию, который постиг часть немецкого меньшинства в Восточной Европе: «Наши любимые далеко / Далеко в Россию их угнали, / Все были бы рады / Жить на родине»[41].

Несомненно, прочное место во многих этих песнях занимает образ врага; вину за все беды несут партизаны, коммунисты и большевистская Россия. «Красная Армия победила, – говорится в песне дунайских швабов, – / И поэтому мы должны страдать»[42].

И фашистская пропаганда о русских «недочеловеках» отразилась в песнях, которые пели немцы, угнанные под конец войны в Россию: «И все мы здесь в России / Испытываем горькую боль. / И часто мы думаем про себя, / Хотя это разрывает нам сердце. / Потому что мать далеко, / Отец и брат на фронте, / И мы здесь совсем одни / Среди обовшивевшего народа»[43].

Однако известно, что это испытанное на себе страдание имеет историю: «Когда мой отец попрощался, / Он отправился на войну за Германию, / С большой надеждой и верой / Оставил он нас на родине. // О отец, ты предвидел, / Как коммунист нас побеждает; / Разбитые, ограбленные, изгнанные, / Мы так бедны, как нищие[44].

Было несколько сотен песен, которые хранили память о потерянной родине и тематизировали тяжелую участь обустраивающих жизнь в новом окружении. Их еще

до 1960-х годов исполняли хоры «Союза лишенных родины и прав», члены «Немецкой молодежи Востока» и на встречах изгнанных с родины.

Если уж в 1950-е годы и создавались новые песни политического содержания, в которых высказывалось критическое отношение к общественным явлениям, то это оставалось почти целиком в рамках кабаре. Весной 1947 г. в Дюссельдорфе Каем и Лоре Лоренц был основан «Ком(м)ёдхен», летом в Киле появилось студенческое кабаре «Ди Амнестиртен». В Берлине возникли «Штахельшвайне», в Мюнхене «Ди Шаубуде», во Франкфурте-на-Майне «Ди Шмире», а Ханс Дитер Хюш основал «Архе нова». Здесь, в маленьких помещениях перед немногочисленной публикой выражали свое отношение к прошлому, критически рассматривали проявления реставрации и, правда, редко, говорили об антикоммунизме в Федеративной республике. Здесь, например, в «Штахельшвайне», можно было услышать такие стихи: «Теперь все благодарите Бога, / что у нас есть злой Восток, / теперь все благодарите Бога! / Это так чудесно отвлекает / от наших кнутов / и нашей плахи. / Кто думает со страхом / перед потоками с Востока, / которые разрушат все, / если их никто не остановит, / кто думает о мутных, / грязных водах, / в которых мы ловим… / ваши деньги?»[45].

От холодной войны к мирному сосуществованию: 1960-е годы

> Тогда я должен был позволить, чтобы мне сказали,
> Что немецкий солдат ценнее русского солдата.
> […]
> что я сейчас же должен идти на Москву[46].
>
> *Ханс Дитер Хюш на фестивале в замке Вальдек в Хунсрюке*

Уже к концу 1950-х годов направленный вовнутрь и вовне антикоммунизм стал общепринятой руководящей линией государственной политики в Федеративной республике, голоса отступников не были представлены в парламенте. Если СДПГ в своем «Плане для Германии» 1959 г. еще признавала примат объединения страны и требовала сменить существующие военные пакты системой коллективной безопасности, то отныне НАТО становилась исходным пунктом и системой координат социал-демократической внешней политики и политики безопасности. Во внешней политике в ноябре 1959 г. с принятием Годесбергской программы последовало отмежевание от социал-демократических традиций и марксистских позиций. Здесь кроются важные причины того, что приблизительно в 1960 г. началось формирование внепарламентской оппозиции, которая не только существенным образом влияла на внутриполитические разногласия во второй половине 1960-х годов, но способствовала тому, что впервые снова появились самобытные политические песни.

Правда, в этих песнях внутриполитическая система или внешняя политика Советского Союза нигде специально не тематизировались, однако ставились под сомнение основные догмы политики ФРГ, согласно которым Советский Союз и его сателлиты несли главную ответственность за наращивание вооружений и конфронтацию великих держав. Они создавались в рядах движения «пасхальных маршей», которое зародилось в Западной Германии по английскому образцу: в Британии в 1958 г. состоялась первая демонстрация, а в 1960 г. прошел марш от Гамбурга до ра-

кетного полигона в Берген-Хоне[47]. В 1961 г. пасхальные марши – в них участвовали 20.000 человек – состоялись уже в семи федеральных землях, в 1963 г. они 19-ю колоннами прошли уже по всем федеральным землям, в 1964 г. в их рядах насчитывалось 100.000 человек. Эрих Кестнер принадлежит к сторонникам этих демонстраций так же, как и Рольф Хоххут, Эрих Куби, Герхард Цверенц, Мартин Нимёллер и Ханс-Магнус Энценсбергер[48].

Вместо одностороннего обвинения Советского Союза в наращивании и гонке вооружений «Кампания за разоружение», которая была организатором пасхальных маршей, констатировала общую ответственность великих держав. В воззвании пасхального марша 1963 г. говорилось о «бессмысленной и неслыханной по масштабам политике вооружений на Востоке и Западе», препятствующей «мирному сотрудничеству народов». Выдвигалось требование оказать общественное давление на великие державы с тем, чтобы они не оставляли переговоры; заставить государственных деятелей прекратить испытания ядерного оружия, помешать распространению атомного оружия, заключить договоры о зонах, свободных от атомного оружия, и отказаться от дальнейшего производства ядерных вооружений, а также начать общее разоружение[49].

В лозунгах и песнях было сформулировано многое, что должно было позднее стать частью программы мирного сосуществования: «Кто строит бункеры, думает о войне!», «Со-существование лучше, чем не-существование», «Вместо сильных армий больше мужества и идей»[50] или «Матери, речь идет о ваших детях». Во время маршей демонстранты пели все, что хоть в какой-то мере было знакомо, от христианских хоралов до рабочих песен, особенно часто пользовались произведениями англо-американской музыки «фолк», множество песен были переводами с английского. Музыку играли на барабанах, гитарах и банджо; исполняли короткие скетчи, сцены из представлений кабаре и маленькие пьесы, читали антивоенные стихи. Особенно ангажированным был основанный в 1958 г. Комитет «Народное искусство против атомной смерти». Наиболее значимыми певцами движения пасхальных маршей стали Дитер Зюверкрюп и Фазия Янзен, Ханс Дитер Хюш в 1963 г. опубликовал «Carmina Urana – четыре песни против бомбы»[51]. Заказанная в 1959 г. Западногерманским радио музыкальная фонограмма никогда не передавалась. Вдохновленный движением пасхальных маршей, Хюш попытался посредством музыки и слова изобразить людей, убаюканных достатком и равнодушно дремлющих, реагирующих на угрозу атомного уничтожения пустой болтовней и ее преуменьшением[52]. Авторы и певцы из ГДР, такие как Фолькер Браун, Эрик Нойч, Хельмут Прайсслер, Вольф Бирман и Гизела Май – частью, как Браун, внося свой литературный вклад, – также участвовали в первых пасхальных маршах и митингах.

В припеве наиболее часто исполнявшейся песни пасхальных маршей «Наш марш – доброе дело» говорится: «Мы вышли в поход против Востока? Нет! / Мы вышли в поход против Запада? Нет! / Мы вышли в поход за мир, / который никакого оружия больше не выдержит, / так как для нас это самое лучшее!»[53].

Под мелодию песни можно было маршировать, а игра вопросов и ответов в рефрене призывала к участию.

Наиболее значительным представителем литературы «Кампании за разоружение» стал родившийся в 1919 г. лирик Герд Земмер со своим сборником стихов и песен в стиле шансон – «Возражения»[54]. До самой своей смерти в 1967 г. он был одним из немногих литераторов в Федеративной республике, непосредственно участвовавших

во внепарламентской оппозиции, что в то время означало отказ от писательского успеха. Его становление как музыканта и поэта началось с переводов английских и французских песен. Свои песни он рассматривал «как поэтические репортажи […] о реальностях эпохи. Надо пользоваться случаем, чтобы писать песни. Но нужно выходить за рамки актуального. Поэт, сочиняющий песни, должен смотреть в рот народу и вносить в поэзию язык повседневности»[55]. Популярной и также исполнявшейся на больших церковных мероприятиях была его песня «Адская бомба»[56].

Этот и другие зонги предназначены не для прослушивания, а для пения хором. Кроме того, они появлялись на пластинках основанного в 1961 г. в Дюссельдорфе издательства «Pläne»[57]. Чаще всего музыкальные образцы поступали из США, такие мелодии, как «Over in the Glory Land», «Down by the Riverside» или «We shall overcome», пользовались большой популярностью. Однако возврата к традициям агитпропа Веймарской республики не произошло. Вместо этого в то время возникали многочисленные самодеятельные скиффл-группы (исполнявшие смесь джаза и фолка) и фольклорные ансамбли, которые выступали на мероприятиях оппозиции и наложили свой отпечаток на пасхальные марши. Правда, вне рядов демонстрантов резонанс был незначительный. «Явное одобрение еще невелико», – писал в 1962 г. Герд Земмер.

> Господствует благоприобретенный скепсис и снобистская апатия людей, которых планомерно оттесняли от активной демократии, активностью которых часто злоупотребляли; которые, поскольку работают или должны работать за других, разучились быть активными одновременно за себя и других. […] Чтобы пробиться через такой панцирь и вызвать искорку разума, надо уяснить, что мы конкурируем с общим фронтом потребления, с совершенной рекламой и агитацией. Ручная вышивка сегодня людям подозрительна, за ней не стоит власть и поэтому для них она смешна и закрыта[58].

Однако государственная власть реагировала на пасхальные марши; «мир» было опасное слово, употребляя которое люди попадали под подозрение, что они участвуют в управляемой коммунистами пропагандистской кампании[59]. Подозрительность в отношении потенциальных врагов государства после запрета КПГ не ослабла и была направлена против всех, кого подозревали в том, что они выполняют пропагандистский заказ Советского Союза. Подозревали сторонников германского нейтралитета и пацифистов, левых интеллектуалов-нонконформистов и буржуазных противников атомного оружия, под постоянным подозрением находились Общество германо-советской дружбы, так же, как и основанный в 1960 г. Немецкий союз мира или Общегерманская народная партия, среди основателей которой был Густав Хайнеман[60]. Бесчисленные издевательства, прежде всего, запреты исполнять песни, все же не помешали пасхальным маршам вплоть до середины 1960-х годов набирать значительную силу[61].

Важнейшее значение движения пасхальных маршей и рожденных в его рядах политических песен надо видеть в том, что оно поставило под сомнение и поколебало прочные в политической общественности Федеративной республики образы врага. Советский Союз и восточноевропейские государства здесь считали не заклятыми врагами или «прибежищем зла», но, вместе с их населением, частью человечества, которому угрожают атомные бомбы. В четырех изданных Комитетом этнографов против атомной смерти сборниках «Песни против бомбы» не найти ни одного при-

мера явного обращения к теме роли Советского Союза. Только в одной песне она присутствует там, где введенные в заблуждение немецкие солдаты отдают свои жизни. В третьем куплете пародии на «Лили Марлен» говорится:

Отправились на фронт
Не за честь Германии,
И с излучины Волги
Не было возврата.
Там наши умирали – девять из десяти,
И над нами кричали во́роны:
Будь здорова, Лили Марлен[62].

Размывание образов врага исподволь сопровождалось критикой собственного правительства, чьим заверениям в миролюбии больше не верили безоговорочно и на которое смотрели с точки зрения исторической преемственности двух мировых войн. В песнях движения пасхальных маршей видно, как очень медленно открывалось немецкое прошлое, а с ним и параллели с современностью. «Сегодня точно так же, как прежде», констатируется в песне «Не имеющие понятия» Терезы Ангелофф, чтобы специально указать на ровно два десятилетия, прошедших с войны против Советского Союза[63].

С середины 1960-х годов для значительной части движения пасхальных маршей традиционный образ врага полностью отходит на задний план или целиком ставится под сомнение. На его место заступает милитаризм в собственной стране, раскрывается его ответственность за вооружение в прошлом и настоящем. Теперь чаще прибегают к сравнениям с национал-социалистической военной политикой:

Для нашей армии, несущей знамя,
каждый театр военных действий становится полем чести.
И так же, как некогда старые вояки,
мы украшаем цветочками наши новые танки,
испытывая национальную гордость,
рука на древке знамени,
как уже когда-то при Адольфе Гитлере[64].

Этот взгляд на прошлое больше не допускает представления о «русском» как агрессивном и жаждущем войны, теперь он появляется не как угроза, а как жертва: «За границей с радостью видят, что мы начеку, / что мы опять созрели для Сталинграда. / И русский не чувствует никакой угрозы, / потому что он же знает, что мы всегда были мирными».

Через Земмера, Янзен и Зюверкрюпа разные линии ведут от движения пасхальных маршей к фестивалям фолкзонга, которые в 1960-е годы ежегодно проходили в замке Вальдек и которые, наряду с движением пасхальных походов, могут быть названы важнейшим местом рождения новой политической песни в Федеративной республике[65]. Уже перед Первой мировой войной замок Вальдек в Хунсрюке стал центром исполнителей народных песен, а с 1920 г. молодежных объединений «Неротер Вандерфёгель» и «Дойчен Югендшафт», которые сами себя понимали как антимилитаристское и антифашистское крыло союзной молодежи. Следовало обновить эти традиции. Инициаторы стремились к созданию «Баухауза европейской песни»[66];

в замке Вальдек были заложены вехи для создателей песен 1970–1980-х годов. Наряду с многочисленными зарубежными гостями, здесь выступали едва ли не все ставшие позднее известными немецкие певцы: Франц Йозеф Дегенхардт, Вальтер Хедеман, Ханс Дитер Хюш, Джоана, Райнхард Май, Вальтер Мосман, Кристоф Штелин, Рольф Швендтер, Ханнес Вадер, Катя Эпштейн, Кристин Бауер-Хорн, Михаель Ваксман, «Floh de Cologne», Шоберт и Блэк. Поддерживать и развивать следовало амбициозный, в литературном отношении, шансон, особенно по французскому образцу, однако, в сознание вернулись также песни на слова Курта Тухольского, Вальтера Меринга, Эриха Вайнерта, Франка Ведекинда или Эриха Мюзама. Большое влияние на молодых певцов имел один ученый. Заключенный в двух толстых томах труд Вольфганга Штайница «Немецкие демократические народные песни за шесть веков», который вышел в 1954 и 1962 годах, немного уменьшил недоверие в отношении народной песни, которую прославили романтики и которой злоупотребил национал-соцализм. Отныне стали сознательно исходить из немецких демократических песенных традиций[67]. Исполнялись баллады бродячих певцов, балаганные песни, песни Французской революции и буржуазной революции 1848 г., почти полностью забытые еврейские песни на идиш или песни в подражание Франсуа Вийону. Важная цель, особенно для Хайна и Осса Крёер, состояла в том, чтобы через песню воссоединить послевоенную Германию с Европой и миром: «Хотелось пригласить молодежь Европы на праздник ее песен. Предложение было принято, так как оно соответствовало “духу Вальдека”, тем более что зарубежный песенный фольклор всегда находил здесь приют»[68]. В своей речи на открытии фестиваля Дитхарт Кербс говорил о «демократизации всей Европы», чему фестиваль должен способствовать так же, как и более тесные отношения с Восточной Европой: «Нас не удивляет то, что по обе стороны “железного занавеса” есть боязливые, узколобые, догматики и реакционеры, которые с недоверием относятся к таким контактам и пытаются помешать им. Чем дальше мы друг от друга, чем лучше мы друг от друга изолированы, тем легче ненавидеть друг друга, не испытывая никаких колебаний. Поперек прочно устоявшегося фронта страха проходит фронт тех, кто хочет своими глазами увидеть, как там, кто от случая к случаю хочет сам решать, что такое свобода, что такое красота, что такое любовь»[69].

Постепенно содержание песен становилось все более критическим, балаганные песни отходили на второй план, укреплялись позиции песни с однозначно политическим содержанием. В 1967 г. название фестиваля приобрело подзаголовок «Ангажированная песня». Актуализировалась проблема прежде выборочной, направленной на единичные явления, критики; характерным было требование перейти от недовольства симптомами общественного неблагополучия к рассмотрению их причин в общественной системе.

В замке Вальдек молодое поколение знакомилось с песнями американского антивоенного движения, борцов за гражданские права и профсоюзов, впервые слушало новые зонги итальянских левых и старые песни заключенных немецких концентрационных лагерей. Оспаривая опыт и взгляды зарубежных гостей, исполнители и слушатели все чаще и чаще вступали в конфронтацию с немецким прошлым. И эта, год от года растущая, политизация фестиваля в замке Вальдек шла параллельно с аналогичным процессом в движении пасхальных походов. Певцы Шоберт и Блэк представили песню «Выписка из списков маленького Великогерманского национального кладбища», в которой рассказали о тех, у кого там заслуги перед народом

и Отечеством и кто достоин места в этом пантеоне. Для многих текстов характерны ужас перед преступлениями поколения отцов и то, что, оказывается, это поколение и в Федеративной республике занимает важные посты в политике, экономике, юстиции и образовании. Примером тому является написанная с явными отзвуками «Лесного царя» Гёте песня Франца Йозефа Дегенхардта «Прогулка», в которой сын, гуляя с отцом, совершенно неожиданно осознает, что тот – убийца[70]. Мимоходности, с которой было сказано о чудовищном, в последнем куплете соответствует само собой разумеющийся переход к обыденным делам, к холодному пиву. Эту тему, ставшую основным уроком молодого поколения, Дегенхардт варьирует во многих песнях 1960-х годов[71]. Снова и снова он дает портрет руководителей Федеративной республики, которые весьма неохотно оглядываются назад и считают фашизм производственной травмой. Известными стали его «сенаторы» и нотариусы, которые со своими девизами «Все хорошо в меру» и «Все целесообразно» благополучно миновали все невзгоды, «между строк оказывали сопротивление, тогда», а прошлое комментируют фразой: «Вот только Освенцим, это было немножечко слишком»[72]. Однако у Дегенхардта не остается не задетым и тот, кто поднялся по социальной лестнице, всегда «идущий в ногу со временем», с гордостью рассказывавший «как незадолго до Сталинграда он в лепешку раздавил 12 шеренг Сталина, 50 иванов», а пару лет спустя знающий только о том, «как он в 42-ом, под Сталинградом дал под зад скотине генералу Паулюсу»[73]. Вскоре у Дегенхардта остался только горький сарказм в отношении того поколения, которое ввергло в войну полмира и, уверенное в своей непогрешимости, холит и лелеет свои старые образы врага, будто ничего не произошло. Пример тому песня «Талисман», в которой говорится о том, как один из таких благородных отцов, в «году сорок втором в Париже» произведя на свет ребенка, позаботился о том, чтобы его назвали «Гермина» и потом с талисманом от матери Гермины, – «крохотный горшочек с ручкой был из зеленого фарфора», – отправился на Восток:

На войне талисман творил чудеса:
Пуля, которая попала в него под Сталинградом,
отскочила от горшочка рикошетом,
попала в товарища
рядом с ним.
Когда потом страну разделили на две части,
он успел вскочить на последний поезд
туда, где снова носили мундиры из грубого сукна.

Герой песни быстро начинает производство горшочков, становится «богатым и толстым, свободным», пока тоска не гонит его в Париж, в маленькую комнату для удовольствий «на углу улицы Сен-Дени». Он сталкивается с Герминой, узнавшей маленький зеленый талисман: «Я поклялась над гробом матери, / отомстить и вырванные волосы, / в наказание, потому что она была подружкой врага». Приключение заканчивается кастрацией западногерманского воротилы[74].

Обсуждение немецкого прошлого – одно из важнейших событий фестиваля в замке Вальдек, только благодаря этому стало возможно критическое обсуждение современного состояния общества и господствующих стереотипов образа врага и, как следствие, возникновение нового отношения к коммунистическому движению и Со-

ветскому Союзу. Важную роль при этом, наряду с родившимся в 1931 г. юристом Дегенхардтом, сыграл родившийся в 1934 г. джазовый гитарист и работавший в сфере рекламы график Дитер Зюверкрюп, который принадлежит к исполнителям, оставившим глубокий след в истории фестиваля в замке Вальдек. Словом он владел так же виртуозно, как и своим инструментом. Он был автором одной из самых известных песен того времени «Жутко сентиментальная уличная песня о зашифрованном коммунисте», в которой высмеивается антикоммунистическая истерия. В ритме танго и с «ухууу» вместо припева, как в песне о привидениях, здесь в карикатурном виде предстают стереотипы сознания.

Когда солнце, что характерно, поднимается на Востоке
и краснеет за облаками,
наступает его время, тогда он, крадучись как тигр,
встает из грубой, как власяница, постели.
Он неохотно умывается и смотрит в зеркало
на свое лицо монгола.
Он чистит зубы самогоном и выпивает стакан водки,
больше он ничего на завтрак не ест.
У, ухууу.
Потом коммунист натягивает специальные сапоги
и идет на свою секретную подпольную работу[75].

Склонный к юмору и гротеску дуэт Шоберт и Блэк исполнял совершенно похожую песню под названием «Убей злого Мао», в которой в сатирическом и гротесковом ключе обыгрывалась тема антикоммунизма. Шаг вперед Зюверкрюп сделал в 1968 г., когда, имея в виду чрезвычайные законы, в качестве основного мотива правящих кругов назвал страх перед повторениями русской Октябрьской революции:

Озабоченные теперь
Господа пекутся о том, что они
получат в чрезвычайной ситуации, и готовятся на этот раз – с опаской:
к тому, что 50 лет назад в октябре произошло в России
или к большому красному китайскому походу,
или к тому, что сегодня поднимается во Вьетнаме,
а завтра утром, на рассвете поднимется где-нибудь еще[76].

В 1969 г. фестиваль в замке Вальдек прошел в последний раз. Шесть слётов, за которыми внимательно следили и электронные средства массовой информации, означают существенный прорыв в области немецкой музыкальной культуры. Волна фольклорной музыки 1970-х годов немыслима без замка Вальдек; те, кто там впервые выступили публично, отныне собирали полные залы, успешно выпускали пластинки, им подражали сотни певцов. Повсюду в Федеративной республике возникали фольклорные фестивали и фестивали самодеятельной песни[77]. Во всех более или менее крупных городах возникали Фолк-клубы. Наряду с рецепцией направлений зарубежной музыки и популяризацией песни, исполнявшейся на немецком языке, фестиваль в Вальдеке демонстрирует и политический прорыв, политизацию, которая – не без иронии – причастна к его прекращению. «Поставьте гитары в угол», – так в 1969 г. молодые агитаторы, понимавшие песню не иначе как буржуазную эскападу, призывали певцов к политическому действию.

Конец 1960-х – начало 1970-х годов: возвращение социалистических утопий

Это должен стать Октябрь,
это должен быть Октябрь.
Вы должны взывать к небесам
о бедах человека на Земле[78]

Ханс Дитер Хюш 1970 г.

И кубинский ром хорош.
Миллион долларов
Платит Советский Союз
Кубе ежедневно,
Все-таки в компании антиавторитарный
Товарищ говорит:
«Контрреволюционер». Так выпьем за здоровье[79].

Франц Йозеф Дегенхардт 1969 г.

Если после окончания «эры Аденауэра» политический и культурный климат стали постепенно меняться, то завоевавшая новую популярность, благодаря фестивалю в Вальдеке и международному движению фолк-музыки, политическая песня, в значительной степени, способствовала тому, что состояние собственного общества было подвергнуто критическому анализу, тем самым, в сознании общественности был разрушен антикоммунистический образ внутреннего и внешнего врага, который утратил свою сплачивающую силу, прежде всего, среди молодых интеллектуалов. Влияние исполнительниц и исполнителей в истории немецкой музыки было беспрецедентным: выпущенная в 1965 г. пластинка Дегенхардта «Не играй со сбродом» разошлась 200-тысячным тиражом. Помимо ведущих представителей политической песни, сотни певцов и групп экспериментировали, чтобы музыкой и собственными словами сказать о своем опыте, о своем миропонимании, о своих желаниях и целях. Сопровождавшие антикоммунизм запреты на теорию, мышление и действие, выражавшиеся в запугивании, диффамации и доносительстве, потеряли свое влияние. В рядах студенческого движения шла активная дискуссия – прежде всего, о войне во Вьетнаме, но также о путче в Греции и о ситуации в Иране, как учебной теме по предмету «свободный мир» Запада, – которая с такой очевидностью показала неправоту противостоявшей Советскому Союзу великой державы США и лозунгов о свободе и демократии и много способствовала тому, что отмеченные антикоммунизмом попытки оправдать эту войну перестали пользоваться доверием.

Связанные с памятью о немецком прошлом песни требовали от слушателя самостоятельных действий. С нового взгляда на США – так, в одной песне говорилось: «И эскадрильи бомбардировщиков несли в страну западную свободу. Если народ защищается от диктатуры и нужды, Господь своей дубинкой подавляет его восстание»[80] – который особенно проявился в песнях Дегенхардта, Зюверкрюпа и Фазии Янзен, началась полемика с противником США на международной политической арене, с Советским Союзом. Это иронично звучит в написанной где-то в 1968 г. песне Зюверкрюпа «Отстаньте же от меня с вашим сраным Вьетнамом», в которой бы-

ли обработаны высказывания прохожих, агрессивно, в антикоммунистическом духе реагировавших на демонстрацию против войны во Вьетнаме: «Если янки хочет удержать свои колонии, что же он должен делать? / Русский только завидует, потому что у него самого нет колоний! […] / Поверьте мне: русский хочет сталинизма на всем земном шаре!!! / Я был в русском плену с 44-го. […] / Я тоже наступал / против сталинизма в России в 42-ом; / я хотел только как лучше, / а именно защитить социализм от застывшей доктрины, от террора»[81].

Одновременно, во второй половине 1960-х годов в рядах формирующегося студенческого движения и внепарламентской оппозиции стремительно набирают притягательную силу марксистские социальные теории и модели преобразования общества[82]. Через целое десятилетие после запрета КПГ коммунистические утопии, а с ними и Советский Союз снова стали темой общественной дискуссии. Прошла всего пара лет, и такие значимые авторы и исполнители политических песен, как Дегенхардт, Зюверкрюп и Вадер публично признали себя коммунистами, стали членами или сторонниками ГКП и даже не скрывали своей солидарности с социалистическими странами, включая СССР. Петер Шютт написал стихи «Наши перспективы»: «Каждая новая электростанция на просторах Сибири, / каждое открытие советских ученых / и каждый роман, создающий образ будущего / человеческого сообщества, доказывает нам, / что будущее принадлежит социализму»[83].

Более скептические ноты слышны у трижды получавшего ученую степень доктора певца Рольфа Швендтера. В его «Балладе о мечте» 1969 г. говорится: «В человеке мечта о свободе и социализме, / мечта, которой злоупотребляют. / Мечта, которую хотят убить представители реализма, / мечта, которая проявляется в своем противоречии»[84].

Идеологическое становление Франца Йозефа Дегенхардта было типичным для значительной части целого поколения студентов университетов Федеративной республики. У него рано проявилось стремление найти политическую силу, которая преследовала бы цели, альтернативные существующей экономической и социальной системе. В песне «Аргументы социал-демократа перед фабричными воротами» он в сатирической форме спорит с реформистским крылом рабочего движения, которое, ссылаясь на экономическое чудо, отреклось от революции и отрицает социализм в Советском Союзе и ГДР: «… и сегодня / посмотри-ка на себя: / комната, ковер, / все, что ты хочешь, / даже машина. / Дети работают, зарабатывают, / и тут приходите вы: РАБОЧИЙ, ТЕБЯ ЭКСПЛУАТИРУЮТ… / ГДР, / отстаньте от меня, / все же намного хуже»[85].

Еще в 1968 и 1969 годах Дегенхардт написал две песни, в которых сталинизм назван невыносимым, и поднимается тема подавления Пражской весны. В «К некоторым авторитетам по ту сторону» певец впервые занимает позицию принципиальной солидарности с социалистическим лагерем, которая ему видится как участие в международной борьбе на стороне правого, но одновременно еще разделяет критическую позицию своего «красного собрата» Бирмана:

Теперь это невыносимо:
Не то, что приличные люди понимают
под «в мелкую клеточку», когда гуляют
по вашему окруженному государству.
Им мешает спертый воздух. О чем это?

Зачастую работа дурно пахнет.
И кружевные накидочки поверх
ваших сердец не мешают мне,
потому что каждый, у кого в доме ничего не было,
позже нажирается досыта.

Это теперь невыносимо:
Не потому, что нет того, что те, кто
может выбирать между Даш и Омо[86]
с непростительной
уверенностью называют свободой.
Мне также не мешают воинственные крики.
Жив еще классовый враг,
который льет крокодиловы слезы
по утраченному единству.
И пока он еще шествует к своим свободным рынкам,
оружие лучше держать наготове.

Нет, невыносимо теперь вот что:
Гигантская гипсовая фигура, которая
с головой Сталина у ноги
не знает, что на каждое действие
должно быть противодействие.
Заносчивость глупого старика,
который обзывает «темными людьми» тех,
кто в кромешной тьме
поет о красной заре.
Этого теперь больше не могут не замечать те,
кто все еще стоит на вашей стороне[87].

Пражскую весну 1968 г. Дегенхардт понимает как «весьма рискованный прыжок на другую ступень социализма» и поет о своей ярости по поводу «победы танков / над Прагой. / Которая все же / была победой / Праги».

Обоснование такой позиции дает опубликованная в 1968 г. песня «О Праге», в которой была отражена реакция тех кругов Федеративной республики, «которые инцидент в бухте Кочинос / называют неприятностью / инцидент в Санто-Доминго / удавшимся / инцидент в Греции / совсем никак не называют»,

Они скорбят
и говорят о стыде,
солдаты Сталинграда,
маклеры и генералы
и их заступники
в редакциях газет и в других учреждениях.

Дегенхардт понимает себя уже как часть социалистического движения и с иронией пишет: «А мы, друзья, / кажется, хорошо поработали, / Потому что послушайте-ка этих типов, / председателей наблюдательных советов, / председателей правлений

и хозяев концернов / и их заступников / на правительственных и других скамьях. / Они возмущены, / так как строительство социализма затормозили / в Праге»[88].

Одновременно с превращением Дегенхардта из поэтичного балаганного певца (который тонко, образно, беглыми штрихами давал картину западногерманского общества) в политического агитатора, который даже был готов связаться с политическим «сбродом», менялась и его публика. В песнях с появившейся в 1969 г. пластинки «В год свиней» он спорит с антиавторитарным движением, которое в это время распадалось на фракции, определившими, наряду с прочим, политический ландшафт страны 1970-х годов. Критике подверглись оторванность от жизни и самоизоляция, одержимость теорией и отсутствие связи с практикой, политический акционизм и индивидуализм. В 1970 г. Дегенхардт, еще член СДПГ, начинает выступать за проведение совместных акций социал-демократов и коммунистов, а в 1971 г. на выборах в ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн призывает на голосовании по партийным спискам поддержать ГКП. Его исключили из партии. В том же году он пишет песню «Руди Шульте», в которой отдает должное традициям коммунистического рабочего движения и персонифицирует их. Руди Шульте испытал все, что могло выпасть на долю коммуниста в Германии: восстание в Руре, тюрьму и каторгу в годы Веймарской республики, концентрационный лагерь в «третьем рейхе», а в Федеративной республике – знакомство с «господами в кожаных пальто», среди которых ему встретились «знакомые лица». С любовью и иронией Дегенхардт описывает разговор Шульте с молодыми товарищами – «куда ни погляди, длинные волосы, бороды, девочки» – и заканчивает сном старого коммуниста, приходящим к нему по ночам, которые становятся все более тяжелыми:

Он просто едет на крыше большого красного локомотива
по просторам Советского Союза
до Красной площади. Тут сирены возвещают
на рассвете о конце длинной ночи.
И товарищ Ленин прислоняется к кремлевской стене
и говорит: Шультен Руди, ты правильно сделал.
И потом оглушительно звенит будильник. Опять идти на смену.
Да, о своем сне он, само собой, не говорит.
Потому что борьба продолжается,
день за днем,
а иногда даже ночами,
за дело, такое простое,
но так трудно исполнимое
до и после победы
пролетариата[89].

Как и прежде Дегенхардт создавал образы, которые постоянно появлялись в его произведениях, а теперь, благодаря контактам с коммунистами, наряду с Руди Шульте, возникают новые лица – «Наташа Шпеккенбах» и «Мамаша Матильда»[90]. В 1971 г. он написал, что многие старые друзья его теперь ненавидят, «так как он перестал быть прежним». Год спустя, в 1972-ом, в своей песне «Да, я имею в виду эту Германию» Дегенхардт окончательно встает на сторону социалистических стран, как конкретной утопии, где, на его взгляд, покончено с господством рынка и товарным фетишизмом и созданы условия для развития личности[91].

В то время как Дегенхардт после политической переориентации по-прежнему собирал полные залы, а его пластинки хорошо продавались, долгое время хвалившие его авторы литературных колонок газет все больше от него дистанцировались. Отчеты о концертах под такими заголовками, как, например, «Звездный час Советов – автор песен в отставке настраивает свою гитару на лево-фашистский лад» ясно указывали на то, что здесь был перейден Рубикон. С сожалением констатировалось, что поэт якобы обезобразил свое искусство идеологией. Требовали даже запретить «ходатаю нетерпимого блока держав» «писать свои подстрекательские песни»[92]. На Северо-германском радио на карточки с названиями новых песен Дегенхардта ставили отметку относительно трансляции «Только после разговора с директором программ», некогда часто исполнявшиеся песни звучали по радио все реже[93].

Похожая судьба постигла и другого немецкого певца, Вальтера Мосмана, который, как и Дегенхардт, стал известен широкой общественности благодаря своим выступлениям в замке Вальдек и сначала был любимцем литературных колонок, но потом из-за радикальных политических взглядов стал вызывать раздражение средств массовой информации. Правда, гамбургское издательство «Hoffmann und Campe» заявило о готовности издать сборник текстов песен, но настаивало на изменениях, которым певец не захотел следовать[94]. В конце 1960-х годов певец – в отношении Советского Союза и социалистического лагеря – занял позицию, противоположную позиции Дегенхардта. Творчество великих французских шансонье Жоржа Брассенса и Бориса Виана подвигло Мосмана, родившегося в 1941 г. в Карлсруэ, на создание собственных, богатых метафорами и образами песен, которые, совершенно несправедливо, принесли ему репутацию живого олицетворения социологии[95]. В 1968 г., в «Обращении к публике» относительно пластинки «Большой запрос» он изложил свое кредо. Он полагал, что в то время обратившийся к политике автор песен мог быть уверен в том, что найдет определенный круг слушателей: «Послевоенное поколение так остро наточило свой арсенал демократических идеалов (к последующему неудовольствию любителей поучать) на историческом материале нацизма, что высматривает теперь живую добычу». Он с сожалением констатирует начавшиеся в конце 1960-х годов попытки раскалывающейся на разные политические фракции публики поставить себе на службу исполнителей политических песен. Если рецензенты все еще искали немецкого Боба Дилана или Брассенса, современный, соответствующий всем требованиям времени бард уже давно был совсем другим: «Вызывающий сочувствие революционер, облаченный в тогу из деяний Ленина, Троцкого, Мао, Че Гевары, не способный понять отличия исторической и общественной ситуации, т. е. полезный человек, который стряпает песни, которые можно швырнуть в голову любому злодею … ну как красные яйца». Достаточно рано он выступил против распространявшихся в рядах левого движения табу, рассказав, как один известный поэт объяснил ему, что в принципе ГДР такая же фашистская страна, как Греция, но только об этом, конечно, нельзя говорить вслух. «Конечно, – комментирует Мосман, – определение “фашистская” было использовано, как водится, бездумно. Но интересны тактические соображения, по которым надо замалчивать правду. Она “политически неверна”. Результат таких соображений я называю тенденциозной поэзией. В этой связи своеобразную роль играет мифическое “единство левых”: конфликты между строптивцами, говорят мне, нельзя выносить на публику, это будет на руку противнику». Мосман, будучи против такого самоограничения, ссылается на стихи Генриха Гейне:

«Он не принял решения!» – возмущенно кричали тогда зашоренные, простодушные сторонники единства. «Он не принял решения!» – хвалит сегодня эстет. Очень может быть, он решительно судит о своем обществе, тевтонском национализме, коммунизме. Нет, он, несчастный, не отдался со всеми потрохами никакой партии, и назвал своими именами глупость, тупость, ханжество и своекорыстие также и в рядах оппозиции.

Если исполнитель политических песен вопреки голосу рассудка следует линии партии, подводит итог Мосман, то он все равно что проститутка[96].

Для Вальтера Мосмана раньше и более выражено, чем у других певцов, Октябрьская революция в России стала важным историческим ориентиром, имеющим большое значение для современности и неослабную силу притяжения для любого левого движения. В песне «Октябрьская революция», слова которой принадлежат Александру Груберу, особо подчеркивается – пожалуй, впервые в политической песне конца 1960-х годов – всемирно-исторический характер этого события:

Кто верит в победу революции?
Ленин верит, и еще один человек,
лучший Троцкий верит в нее.
Кто верит в победу революции?
Погибшие, и Мао Цзэдун в Енани,
и Троцкий, бежавший, верят в нее.
Кто верит в победу революции?
Бесправные индейцы верят в нее,
и Троцкий, убитый, верит,
Октябрь пылает красным над страной[97].

«Не поносите при мне Красный Октябрь, богатый плодами сезон урожая» – так пел Вальтер Мосман в своей песне «Красный Октябрь», основные мысли которой были многократно подхвачены в других песнях. Однако симпатии Мосмана относились только к первым годам Октябрьской революции. Дальнейшее послереволюционное развитие в Советском Союзе, как угадывается уже в песне «Октябрьская революция», он понимает только как предательство революционных идеалов:

После кровавого предательства Сталина
цензура запретила железные стансы.
С тех пор его преемники пародируют только
рефрен о Петрограде.
Вы, фальсификаторы, не хвалите при мне с государственных трибун
Красный Октябрь.
Смотрите, правда в намордник жалит
как миллионы китайских пчел. […]
Убийцы наследовали жертве – старая комедия.
Покрасили свои одежды в пурпур
и украли голову дракона.
Убили и Троцкого, человека,
его колокол продолжает звать на правое дело[98].

Такой точке зрения на Советский Союз соответствовал взгляд на Германию и, прежде всего, на социализм ГДР, который не мог быть лучше, чем на родине рево-

люции: «Моя Германия, ах, что я говорю, / Не моя, не моя. / Плоды Красного Октября / в Германии прогнили, / замерзли на ветру немецкого Ноября, / а позднее испортились еще основательнее. / Октябрьские яблоки слишком красиво блестят, / они слишком хороши и для половины Германии, / там на хлеб социализма намазывают/ заплесневелый мармелад. […] / Там стансы революции звучат / как нелепая шутка, / там покрывается плесенью плодотворная традиция, / давно ставшая собственностью евнухов».

И на попытки лишить Мосмана очевидного для него права критически судить о социалистических странах он отвечал: «Не говорите, какое ему дело до слезы / в союзной юдоли печали. / У меня в голове громко звучит старая песня, / так звучит интернационал»[99].

Тема не отпускала Мосмана. В своей посвященной Колин Вильки песне «Бродячий музыкант» он рассказывает не только о том, что он вместо «коричневых, как лесные орешки, песен»[100] пел «Дезертира» Виана, но и о реакции на свои песни: «У высоких врат Москвы подул мне ветер в лицо, / песня на слова Троцкого не понравилась его наследникам. / Бродяга не поет господам дифирамбы, / он только выплевывает порой свое зернышко в землю, / так возделывают чертополох»[101].

В 1970 г., накопив определенный опыт в рядах студенческого движения, Мосман не только прервал учебу, но в последующие годы перестал публично выступать как бард. В его песнях, которые снова стали исполняться только с 1975 г., прежде всего, в рядах движения против использования атомной энергии, старые темы, окопные бои между левыми студентами, практически, больше не имели значения. Отныне речь для него шла о том, чтобы быть полезным для движения гражданских инициатив, он пишет «Песни-листовки»[102]. Теперь он убежден, что популярные политические песни живут, подпитываясь от повседневности и при повседневном использовании[103].

Точно так же, достаточно рано свое скептическое отношение к развитию в социалистических странах выразил Рольф Швендтер, хотя эта тема стояла еще на втором плане по сравнению с критикой мировой державы США. Примером тому является написанная в 1969 г. «Баллада о принципе надежды»[104].

Удивительно, что практически нет песен о новой «восточной политике» социал-либерального правительства ФРГ и о «восточных договорах», которые приветствовала ГКП и которые отвергло большинство маоистских и троцкистских организаций. В 1970-е годы для распавшейся на многочисленные осколочные группы и мелкие коммунистические партии внепарламентской оппозиции, при всех различиях в понимании характера социалистических стран, общей была позитивная оценка Октябрьской революции. Так, в 1977 г. фурор произвела пластинка группы «Schmetterlinge» («Бабочки»). В песне под названием «Страсть пролетариев» история, начиная с Реформации, была пересмотрена заново, сознательно в противовес тому, что было принято в школьных учебниках. Доминирующая историография хотела бы, вопреки интересам угнетенных, легитимировать существующее состояние и объявить борьбу законченной раз и навсегда. Так, «Schmetterlinge» заявили: «В противоположность этому мы хотим показать, что в каждом случае бои угнетенных являются двигателями истории – обеспечивают ее дальнейшее, более высокое развитие»[105]. Конечно, в «Страсти пролетариев» главную роль играет Октябрьская революция, в этом смогли объединиться все, кто создавал основу для текстов Хайнца Р. Унгера: «Иногда может случиться такое, / ты слышишь пульс планеты, / когда останавливаются облака, / как если бы Земля перестала вращаться / и затаила дыхание».

Однако трудности начинались там, где надо было что-то сказать о роли Советского Союза в настоящий момент. По этому вопросу мнения в группе были настолько разными, что тема не разрабатывалась. Так что дело ограничилось несколькими песнями, в которых прославлялось историческое значение Октябрьской революции и воспевалось ее всемирное влияние[106].

В течение 1970-х годов Дегенхардт был тем, кто, хотя и в немногих песнях, в наиболее наступательном духе выражал свои симпатии к «социалистическому лагерю» и Советскому Союзу. Публика, преимущественно интеллектуалы, требовала четкой позиции и внимательно следила за борьбой между разными идеологическими направлениями, возникшими в результате раскола студенческого движения, которые Дегенхардт охарактеризовал в таких своих песнях, как «Человек в пальто из замши», «Бодо, по кличке Красный», «Паломничество к Большому Цеппелину», «Рондо-пастораль», «Несгибаемый»[107]. Он также занял решительную позицию в отношении дистанцировавшегося от Советского Союза еврокоммунизма, о котором он пел как о том самом «социализме, ну, как его, с человеческим лицом» и который, якобы, один только и был в интересах «господ» в государстве и экономике[108]. Его позиция завоевала доверие, не в последнюю очередь, благодаря международной политической обстановке, когда победы национально-освободительных движений обещали преобразования повсюду и вселяли оптимизм[109].

Певцы, рок-группы, поэты-песенники из мастерских «Литература мира труда» и музыканты, Дитер Зюверкрюп, Ханнес Вадер, «Floh de Cologne», Фазия Янзен, Эккес, Райнхольд Конрадс, Петер Майвальд, Эрика Рунге, Вольф Браннаски, Хартмут Б. Клингер, Рихард Лимперт, Мюнхенская зонг-группа, «Lokomotive Kreuzberg» («Локомотив Кройцберг») или группа «Peter Paul und Barmbeck» («Петер, Пауль и Бармбек»)[110], обращались, хотя многие из них разделяли взгляды Дегенхардта, почти исключительно к внутренним конфликтам и событиям в Федеративной республике или писали песни о борьбе международного освободительного движения. Было совершенно очевидно, что советская модель общества не находит никакой симпатии в широких слоях населения и не зависит от песен, направленных против устоявшихся оценок. Одним из немногих, очевидно, вдохновленных Дегенхардтом, исключений является песня Уве Вандрая «Дорожная песня», в которой рассказывается о посещении ГДР: «У того, кто путешествует, / потом есть, что рассказать […] В стране, о которой я как раз и рассказываю, / люди мне говорили, / что им, конечно, кое-чего не хватает, / но они ни о чем не жалеют. / Однако еще мне говорили, как это начиналось: / Ну, кто тут босс? […] / Да, так это было, у богатых забрали / сначала все. / Богатые сказали: “Как подло!” / Скоро людям стало хорошо. / И отныне правили рабочие. / Сначала что-то не получалось. / Они планировали и продолжали вкалывать, / пока дело не пошло»[111].

В середине 1970-х годов только Зюверкрюп в песне «Открытый протест», написанной в духе его же «Зашифрованного коммуниста», пытался подорвать стереотипы представлений о социалистических странах, правда, сильно при этом перегибая палку: «Каждый день перед заводскими воротами стоят два гипнотизера, / все, что происходит, они сверяют с линией партии; / из-за этого годами обеденные перерывы / отменяются для проведения собраний»[112].

С такой песней исполнитель не мог рассчитывать на то, что публика, не испытывающая никаких симпатий к социалистическим странам, примет перетаскиваемые с места на место пародийные идеологические декорации. Они становились темой

только тогда, когда, как, например, в спорах вокруг Александра Солженицына, общественное мнение и без того было расколото. В своей песне «Русский рабочий хор» Зюверкрюп в пародийном ключе оспаривает антисоциалистическую позицию Солженицына и, исходя из достигнутого в широких кругах леволиберальной общественности согласия относительно того, чтобы принципиально не подвергать сомнению существование социалистических стран, не затрагивает центральную проблему свободы творчества и высказывания мнений. Поскольку в широких кругах общественности Октябрьской революции (против несправедливого и продажного царского режима) принципиально не было отказано в легитимности, он смог устами своего рабочего хора поставить Солженицына в положение неправого:

Мы покорнейше просим об отпущении грехов,
Мы их осознали.
Вот стоим мы, русские пролетарии.
Мы еще не очень умеем молиться,
однако, глубоко тронуты. Мы хотим исповедаться. […]
Мы хотим опять молитвенно сложить руки.
И преклоняем колени. Нам стыдно.
Ах, в смутные, безумные годы
Мы подняли руку на нашего царя,
что было безбожно – противно всей нашей сущности. […]
Почему мы разрушили священный порядок,
соответствовавший нашей русской душе?
Крепостничество и голод, грязь и нищета издавна
вписываются в эту впечатляющую картину –
почему мы вдруг не вынесли этого? […]
Нас подвигло к этому положение недочеловеков.
Мы вдруг захотели быть среди людей.
Теперь нам не хватает всего: капитализма.
Князей и неграмотности. Мы все променяли
на не что иное, как скучное равенство.
Святой Солженицын …[113]

Как большинство его коллег-бардов, Франц Йозеф Дегенхардт, продолжая пользоваться большой популярностью, до 1980-х годов обращался преимущественно к общественным проблемам ФРГ и международным конфликтам. Однако он постоянно говорил о вопросах, возникших в связи с непростыми германо-советскими отношениями, о том «дранг нах остен» правящих кругов в экономике и политике, который певец и в 1979 г., в песне «Болтовня вокруг да около», считал все еще актуальным, хотя и осуществляемым другими средствами[114]. В том же году он спел о «Великомерзкой Германии от Мааса до Мемеля, от Эчь до Бельта», где «прежние господа снова построены в прежнюю фалангу и с новыми старыми господами громко призывают идти на старые новые рынки» и ракеты снова угрожающе направлены на Восток[115]. Он наблюдает «вчерашних людей», снова думающих о завтрашнем дне в тех же стереотипах, которые определили представление о России у целого поколения: «Я знаю русских / Лето 41-го / до Сталинграда / впрочем это была тяжелая ошибка ГИТЛЕРА / тогда мы могли бы пройти прямо / прямо до МОСКВЫ […] / РУССКИЙ не изменился / Не поймите меня превратно / я вообще против него ничего не имею / я только говорю / РУССКИЙ это МЕДВЕДЬ / Добродушный и уютный

/ но и непредсказуемый и очень прожорливый / против него надо выступать без страха / он боится НЕЙТРОННУЮ БОМБУ […] / И так, если бы решали Вы, / тогда мы были бы беззащитны перед ударами его лап / Господи, еще раз – поймите же наконец / На этот раз мы не одни / На этот раз АМЕРИКАНЕЦ на нашей стороне / посмотрим / какие у него тогда будут глаза / у ИВАНА / если вдруг ТАНКИ НАТО / появятся на газоне в нашем КЁНИГСБЕРГЕ»[116].

«Двойное решение» НАТО и движение за мир – 1980-е годы

Во все времена народы
проигрывали битвы за мир,
однако мы пришли в этот мир,
чтобы, наконец, победить – у нас нет выбора[117].
Ханнес Вадер

Песня Дегенхардта «Вчерашние люди снова думают о завтрашнем дне» уже является документом того движения за мир, которое широко развернулось после того, как в 1979 г. НАТО приняло «двойное решение». Мнение Дегенхардта, согласно которому социалистическому лагерю угрожала империалистическая политика вооружений и он поневоле защищался собственными ракетами, конечно, разделяла лишь небольшая часть демонстрантов, которых насчитывалось сотни тысяч. Однако все были едины в страхе перед дальнейшим атомным вооружением и угрозой, в чем, по меньшей мере, обвиняли Запад и чему обе сверхдержавы должны были положить конец. Для Дегенхардта Вторая мировая война и нападение на Советский Союз всегда оставались фоном для понимания действий Германии и Запада. Эту мысль он настойчиво проводит в одной из самых красивых своих песен, таком маленьком портрете Волгограда, который за меланхоличными точными наблюдениями повседневности никогда не дает забыть о прошлом:

Здесь погиб мой брат.
На небе ни облачка.
Фотография: мертвый солдат
на снегу – Кто же это был?
Нет, как и другие города
этот город не для нас.
Слишком много тех, кто говорит о нем
со страхом или яростью на лице.
Начало конца для многих.
Но для нас начало
конца гитлеровского фашизма
и стоявших за ним господ.
И ничто не забыто, ничто не забыто
И никто[118].

В рядах движения за мир начала 1980-х годов пели преимущественно другие песни, но и они часто напоминали о военном прошлом Германии. Особенно популяр-

ным стал, также член ГКП, Ханнес Вадер, которого еженедельник «Die Zeit» в 1982 г. назвал певцом мечты о мире на всей Земле[119]. Гимном антивоенного движения стала его песня «Время пришло»; и он ссылается на прошедшую войну, у него солдаты разных национальностей одинаково обмануты своими командирами и кладут свои жизни. Ответственность за войну остается общей, избежать ее в будущем – задача «человечества»[120].

В 1981 г. движение за мир приобрело широту также и в музыкальном отношении, и в своих песнях. Концерты перед десятками тысяч слушателей и пластинки объединяли деятелей искусства самых разных направлений. «Мы хотим жить» – так звучал лозунг, пелось в «Песнях против смерти». Несмотря на противоположные взгляды, «Schmetterlinge» и рок-группа из Нидерландов «bots», «Die 3 Tornados», Хайн и Осс и «Bernies Autobahnband», Ханс Дитер Хюш и Вальтер Мосман, Хельмут Дебус и Леррин, «Liederjan» и «Floh de Cologne», «Peter Braukmann Band», «Zupfgeigenhansel»[121] и Ханнес Вадер призывали поставить свою подпись под Крефельдским воззванием и пожертвовать гонорар Крефельдской инициативе, которая стала организатором сопротивления планам довооружения. Только Мосман четко проводил политические различия и передал свою часть гонорара профсоюзным деятелям в Польше, арестованным на основе военного права, вследствие введения военного положения в стране[122]. В самих песнях политические противоречия, в интересах создания и сохранения союза, по возможности, сглаживались. Сплошь и рядом обсуждалась тема вооружения Америки и Германии, как, например, в песне группы «Schmetterlinge» «Между войнами»: «Между двумя войнами каркают три вороны, / Одна дохлая, другая черная, третья – инвалид: / “Следующая война будет в Германии, / Она еще и всех нас захватит!” / Для следующей войны в Германии устанавливают ракеты, / Управляют ими из другого места, / Однако стоят они в Германии. / Чужим не дают определять / Смерть и время запуска, / Если поля боя быть не должно … / “Счастливое время между войнами”»[123].

Примечательно, что вторая мировая держава, включенная в гонку вооружений, по крайней мере, в песнях отсутствует. Только у Вальтера Мосмана возникают вопросы к социал-демократу: «Тупица, ты думаешь, что мы считаем русские бомбы безобидными / Или немецкий строевой шаг, по ту сторону, под липами», и ответ: «Ты же знаешь, что в Москве живут не только генералы и что русский народ пошлет в отставку своих господ только тогда, когда мы перестанем ему угрожать». Тема роли и значения Советского Союза – даже как жертвы политики вооружений – в песнях антивоенного движения не конкретизируется, в центре, в общем виде, стоят стремление к миру и любовь к миру. Исключением является даже такая строфа песни группы «Die 3 Tornados»: «Если бомбы упадут, / Русский больше совсем ничего не скажет. / Его ракетам из папье-маше – крышка. / И они больше не взлетят. / Перед нами Москва, / За нами Сталинград. / Тогда я нарисую карты / От Черного моря»[124].

Проблема так называемого довооружения разрабатывалась, главным образом, с позиций пацифизма, но было одно исключение. Вольф Бирман, после того как его в 1976 г. лишили гражданства ГДР, неожиданно вошел в круг исполнителей политической песни Федеративной республики, где уже раньше, благодаря своей критике сталинизма, имел большое влияние на западногерманских левых[125]. Из-под его пера вышли несколько песен, в которых он в духе пацифизма призывает к миру, такие,

как «Солдат, солдат» или те, что были написаны в 1967 г. и исполнены опять в 1980 г. в ходе актуальной дискуссии: «Когда же, наконец, наступит мир? / В это безумное время / Столь масштабное производство оружия / Не несет ничего, кроме большого горя / Земля кровоточит / Стенают народы / Голодают дети / Угрожает великая смерть / ЭТО не цепи / ЭТО не бомбы / ЭТО / человек / который угрожает человеку»[126]. Однако в многочисленных других песнях Бирман бросает взгляд на Советский Союз и ГДР, что принципиально отличало его от большинства его новых коллег-бардов и позволяло ему, в том, что касалось вооружений, отождествлять Восток и Запад[127]:

Нависло бомбами небо
Ад полыхает на Земле
Что дальше с нами будет
Мы доконали себя
[…]
Растут леса оружия
Пухнут от голода животы
Как страшная эпидемия
Свирепствуют на Востоке и Западе
Эти развращенные старики!
Ничтожные правители мира
огромным включателем запускают
последний праздник смерти[128].

И в Федеративной республике Бирман говорил о том, чего он не боялся еще в ГДР, о «подкрашенной красным тирании» и враждебных демократии структурах, когда характеризовал Советский Союз и ГДР. В его песнях СССР, конечно, не был «империей зла», но он не мог его представить и сторонником мира, совершенно не виноватым в деле гонки вооружений. К тому же, он снова и снова поднимал тему табуированного у части левых сталинизма, на который возлагал основную ответственность за то, что социалистические страны потеряли свою притягательную силу. В цикле стихов «Германия. Зимняя сказка» находим такие (обращенные к Эрнсту Тельману, убитому в немецком концлагере председателю КПГ) слова: «А твое политбюро, Тедди, / Тебе я могу сказать: / Из 11 товарищей 6 умерли / В лагерях Иосифа Сталина»[129]. Особенно впечатляюще он критикует сталинизм в песнях «Один немецкий коммунист» – про беженца из Бухенвальда, который погибает в Советском Союзе – и «Молитве старой коммунистки бабушки Мойме в Гамбурге», где обращается к теме роли сталинизма в коммунистическом движении, которая в Федеративной республике была более известна, чем в ГДР: «Господи! Если бы только у нас не было Сталина, / мне все равно, пусть в результате покушения. / Господи, этот дьявол вел себя в советском государстве, / прости, как фашист / А сам-то был коммунистом / и убил миллионы коммунистов / И поработил народ всей своей властью / И лгал, подлец, самым бессовестным образом, / И довел нас, собака, до нищеты, / О Господи, пусть победит коммунизм!»[130]

Политические песни после 1989 г. – конец утопий?

Мы сами себя предали, продали и
жестоко над собой посмеялись…
и все же не все мои мечты, красные,
умерли и похоронены с нашими мертвыми.
Вольф Бирман

А что, если дело, за которое пало так
много наших, только кажется проигранным?
Франц Йозеф Дегенхардт[131]

В период «поворота» 1989 г., который стал началом немецкого воссоединения и конца Советского Союза, политические песни играли второстепенную роль. Константин Веккер в песне «За здоровье, Германия» задается вопросом и в то же время предвидит, что тех, кто своим мужеством и активностью способствовали переменам в ГДР, скоро отодвинут в сторону: «И куда попрятали тех, / кто действительно впереди, / как новая чистая мелодия, печатал шаг по грязи, / кто пожинал лавры, куда кануло это время, / канула эта слишком короткая теплая осень единения?»[132].

«Германия, единое Отечество» – эта строка национального гимна ГДР стала по-новому актуальной. Известно лишь немного песен, темой которых была бы роль Советского Союза. Бирман пел свою «Балладу о развращенных старцах», больных «сталинским сифилисом»[133]. «Беда заключалась не в наших тиранах, – говорится в другой песне, – / Красным подкрашенной тирании / Беда заключалась в нас самих / В нашей трусости и лакействе»[134].

Бирман также дает советы президенту Советского Союза в преддверии распада его мировой империи: «Михаил Горбачев, / Знаешь, где я сегодня был? / В мавзолее, совершенно один / Теперь все совершенно ясно, / Владимир, сказал я, / С Горби все ясно / – или он играет снова только / Современного царя. / Ой, ой, Бирман, / Сказал Ленин, / Лучше дай мне спать / В моем гробу, как Белоснежке / Ой, ой, Горби, / Старина, не дай маху / Тебе еще нужны силы / – я те кой-чего отдам…»[135].

Прежние и новые недружелюбные мотивы в отношении «русских» звучали еще тихо. Пародия на поп-зонг «Lady in Black» («Леди в черном»), в которую были включены хвастливые великогерманские лозунги, была исполнена в Берлине 11 ноября 1989 г. и записана со слов, передававшихся из уст в уста: «Тысяча квадратных миль / только минных полей, / колючей проволоки, / тут ты понимаешь, где я живу, / я живу в Зоне. / Но однажды все изменится, / тогда мы посадим бонз в кутузку, / тогда мы выкинем русских / и построим единую Германию … / Ах-ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха …»[136].

О распадающемся Советском Союзе пели мало. Барбара Тальхайм, нежданно-негаданно ставшая певицей Федеративной республики, меланхолично рассказывала своей, прежде всего, восточногерманской публике о «замершем времени стагнации», когда любовь принадлежала собственному садику-огородику и ездили в Восточную Европу, которая только и была открыта туристам из ГДР; поездки, встречи с Советским Союзом, «там часы почти переставали тикать, при Брежневе в центре застоя». Затишье было обратной стороной все подавляющих «уюта и удобств», которые все-таки давали чувство защищенности и «мягкой постели», однако, ««революю-

ция» – это звучало как издевательство», утопии ограничивались тем, чего нельзя было купить. Но и у дефицита была своя обратная сторона: «Ты еще думаешь о кругленькой сумме на искусство и еду, на квартплату и аренду, а умные далеко не всегда были глупы, бессовестные не всегда – властью» В постоянном поиске «человечных бонз» в «кабинетах застоя», еще сморкаясь в тряпичные носовые платки, проклиная ежедневную газету с ее «сказками времен застоя», можно было все-таки каждый день напиваться, не было недостатка в друзьях, однако, пропавшим поэтам не надо было платить, «разбитым кирпичам нет замены»[137]. Это было прощание.

После 1989 г. время утопий кончилось, но надежды еще оставались. И об этом поет Барбара Тальхайм, с грустью, на мелодию написанного Бехером национального гимна погибшего государства: «Воскресшая из догм / И обратившаяся к жизни / Дай нам теперь пройти по тебе единой / Германия, когда-то разделенная страна / Наша беда – беда мышления / И беда стен тоже / Была бедой постоянно управляемых / Духовной опустошенности при набитом желудке / И мужество тоже умерло / Соедините дороги / Уберите с пути бетон / Просторы без границ по-прежнему / Последняя привилегия / Если мы по-братски объединимся / Мы все же останемся сами собой / Мы останемся стоять на собственных ногах / А сердце продолжает биться слева / А сердце бьется слева / Не дайте нам теперь смириться / Даже если мы потерпели неудачу / Проигравший не народ / А те, кто выше / Те, кто поднимался в небо / Вне времени и пространства / Их власть кончилась / И народ сажает свое дерево, / Он создает свое пространство …»[138].

И Дегенхардт, который – в отличие от Зюверкрюпа – в 1990-е годы неутомимо продолжал петь свои песни, не избежал меланхолии. Сам о себе он говорил как о «настолько несогласном с господствующими отношениями и с господствующими взглядами, эстетическими, политическими, философскими – короче, несогласном со всем, что есть». Он не отказался от своей мечты о совершенно другом мире, «где нет денег и товаров», но есть общество, недостижимое с помощью бюллетеня для голосования, «основанное на экономике потребительной стоимости и потребности, как предпосылке демократии и прекращения эксплуатации»[139]. Удивленный, даже ошеломленный, он отмечает, что немецкие войска опять находятся в чужих странах, и не может при этом забыть историю, которая так тесно переплетена с отношениями между Германией и Советским Союзом. В его песне «Невероятно, что это им удается снова и снова» говорится: «Твоему деду они сказали: / Против славянских орд. / За западную культуру. / Он этому, и правда, поверил. / Что он получил? / Ранение в живот и дурную голову. / Под Сталинградом. / Твоему отцу они теперь рассказывают: / Против геноцида. / За права человека. / Невероятно, но он этому верит. / Что же он получит? / И где на этот раз?»[140].

Дегенхардт упрямо, устами своего коммуниста Руди Шульте, жизнь которого он с любовью проследил до могилы, завещал: «Мы должны преодолеть»[141], однако, он пел и о «нескольких оставшихся друзьях», и о многих других, покинувших тонущую лодку коммунистической утопии[142].

Конечно, не случайно этот певец, вдохновленный стихами Йохана Христиана Гюнтера, почти трехсотлетней давности, в 1995 г. написал песню «Trostaria» («Утешение»), которая должна была нести надежду на будущее: «Наконец, не станет ничего вечного. / Наконец, появится утешение. / Наконец, расцветет букет надежды. / Наконец, перестанут плакать. […] / Наконец, вода превратится в вино. / Наконец, пробьет час радости. / Наконец, падут застенки. / Наконец, залечатся самые глубо-

кие раны. / Наконец, кончится рабство. / Наконец, и последний будет свободным. / Наконец, течение жизни / положит конец всем бедам. / Наконец, все восстанут / против всякой зависимости. / Наконец, после стольких лет / освобождение действительно настанет»[143].

Если сегодня, в третьем тысячелетии, прийти на концерт тех певиц и певцов, которые более трех десятилетий назад вдохновляли молодое поколение на борьбу и аккомпанировали ей, то мы окажемся в зале среди пятидесяти–, шестидесятилетних, среди тех, кто старел вместе с идолами своей молодости. Молодые исполнители такая же редкость, как и молодые слушатели политической песни, даже при том, что они есть, например, оптимистичный, обладающий чувством юмора певец Йок Квеченпауа из Берлинской автономной сцены, панк-рок-группы часто с песнями на удивительные слова и молодая публика, которая даже интересуется Дегенхардтом и Вадером, слушает Константина Веккера и наслаждается изящным стилем исполнения Ханнса Дитера Хюша. И все же несомненно, что снова наступило «время после марта»[144], которое мало способствует пению. Чтобы расцвести, политическая песня (и этому учит история не только Федеративной республики) нуждается в массовом политическом движении или, по меньшей мере, в широко распространенном чувстве недовольства настоящим состоянием общества. Без этого резонатора она останется не услышанной.

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Франц Йозеф Дегенхардт в интервью Рольфу-Ульриху Кайзеру // Das Songbuch. Ahrensburg – Paris, 1967. S. 73.

[2] В названии статьи также цитата из Дегенхардта: Von der Fahne // Da müssen wir durch. Polydor 1987. LP 833–842; CD 833 842–2.

[3] Активизировавшееся в ГДР в это же время, наряду с другими общественными структурами, политическое песенное творчество не является предметом данной статьи, хотя часть цитируемых в ней зонгов (напр., Дегенхардта и Зюверкрюпа) была известна восточногерманской публике благодаря их исполнению на проводившихся с 1970 по 1989 год в Восточном Берлине фестивалях политической песни и распространению пластинок и книг. В 1980-е годы образ Советского Союза был представлен там, прежде всего, многочисленными переводами песен обоих наиболее значимых советских бардов Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого. См.: Romanze vom Arbat. *Bulat Okudshawa.* Lieder, Gedichte. – Berlin (Ost), 1985; *Wladimir Wyssozki.* Zerreißt mir nicht meine silbernen Seiten. – Berlin und Weimar, 1989; *Lebedewa K.* Komm Gitarre, mach mich frei! Russische Gitarrenlyrik in der Opposition. – Berlin, 1992.

[4] См.: *Dietrich Th.* Der große Boom mit den kleinen Liedern. Deutschlands Liedermacher erobern sich den Plattenmarkt // Fono Forum. 24 (1979), H. 6. S. 32–34; ders.: Der große Boom mit den kleinen Liedern // Fono Forum. 24 (1989), H. 6. S. 32–34; *Frey J.* Das haben wir draus gelernt. Neue politische Musik zum Leben und Überleben. – Reinbek bei Hamburg, 1979; *Henke M.* Die großen Chansonniers und Liedermacher. Wichtige Interpreten, bedeutende Dichtersänger. – Düsseldorf, 1987; *Hornig M.* Die Liedermacher und das zeitkritische Lied der 60er Jahre. Diss. – Universität Bochum, 1974; *Huff H.* Liedermacher. Songpoeten, Mundartsänger, Blödelbarden, Protestsänger. – München, 1980; Chanson 67. Chansons und Folklore. – Bad Godesberg, 1968; *Kerschkamp D.*, *Lindau D.* Die großen Liedermacher. – München, 1981; *Klasen E.*, *Heimann W.* Kritische Lieder der 70er Jahre. – Frankfurt a. M., 1978; *Mayr G.* Politische Aspekte in den Texten deutscher Liedermacher // Publizistik. 31 (1986), H. 3 / 4. S. 315–327; *Moßmann W.*, *Schleuning P.* Alte und neue politische Lieder. Entstehung und Gebrauch. Tezte und Noten. – Reinbek bei Hamburg, 1978; *Petzold L.* Bänkelsang. Vom historischen Bänkelsang zum literarischen

Chanson. – Stuttgart, 1974; *Riha K.* Moritat, Bänkelsong, Protestballade. Zur Geschichte des engagierten Liedes in Deutschland. – Frankfurt a. M., 1975; *Rothschild Th.* Liedermacher. 23 Porträts. – Frankfurt a. M., 1980; *Rudorf R.* Schach der Show. Über Lach- und Liedermacher in Deutschland. – Wiesbaden, 1974; *Schmidt F.* Das Chanson. Herkunft, Entwicklung, Interpretation. – Frankfurt a. M., 1982; Liedermacher-Lesebuch: Prosa, Cartoons, Lieder. – Würzburg, 1982; *Steinbiß F.* Deutsch-Folk: Auf der Suche nach der verlorenen Tradition. Die Wiederkehrdes Volksliedes. – Frankfurt a. M., 1984; *Tibbe M.*, *Bonson M.* Folk, Folklore, Volkslied. Zur Situation in- und ausländischer Volksmusik in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart, 1981.

[5] О политической песне в Федеративной республике и ГДР см.: *Böning H.* Der Traum von einer Sache. Aufstieg und Fall der Utopien im politischen Lied der Bundesrepublik und der DDR. – Bremen, 2004.

[6] Институт изучения немецкой прессы в университете Бремена располагает коллекцией многих тысяч относящихся к политической песне звуконосителей и текстов, собранной Карл-Хайнцем Каммертёнсом. Здесь следует назвать хотя бы некоторые важные сборники, помимо указанных в последующих сносках: Freunde der Ofen ist noch nicht aus. Lieder aus dem neuen Widerstand. Ahrensburg – Paris, 1970; *Maurer Ph., Jatzek G.* Gegentöne. Kritische Lieder – rebellischer Rock. – Wien, 1987; Kritische Lieder der 70er Jahre. – Frankfurt a. M., 1978; *Degenhardt F.J.*, *Neuss W.*, *Hüsch H.D.*, *Süverkrüp D.* Da habt ihr es! Stücke und Lieder für ein deutsches Quartett. – Reinbek bei Hamburg, 1970; *Ekkes F.* Neue Lieder zum Anfassen. – Oberhausen, 1982; *Schwendter R.* Ich bin noch immer unbefriedigt. Lieder zum freien Gebrauch. мBerlin, 1980; *Brannasky W.* Erste Hochrechnung. Politische Lieder aus fünfzehen Jahren. – München, 1982; Das sind unsere Lieder. Ein Liederbuch. – Frankfurt a. M., 1977.

[7] Lieder der Partei. – Leipzig, [1961]. S. 73. Речь идет о «Марше Красных ракет» Макса Енсена, который был песней театра агитпропа «Роте ракетен».

[8] О Г. Шерхене см.: *Pauli H.* Hermann Scherchen. 1891–1966. – Zürich, 1993; *Kreikle M.* Der Dirigent Hermann Scherchen als Pionier der Musik im Rundfunk: 1924–1932. Diss. Univ. – Frankfurt a. M., 1994.

[9] Текст на немецком языке см.: *Lammel I.* Arbeitermusikkultur in Deutschland 1844–1945. Bilder und Dokumente. – Leipzig, 1984. S. 122–123.

[10] Lieder der Partei. S. 61–62.

[11] См.: *Lammel I.* Op. cit. S. 82–85.

[12] Erstes deutsches Arbeitersängerbundesfest in Hannover – Am 16, 17. und 18. Juni. Hannover 1928 // Ebd. S. 155.

[13] Ebd. S. 88.

[14] См. перепечатку текста из каталога пластинок посылочной торговой фирмы «Arbeiter-Kult» // Ebd. S. 105. Русский перевод Е. Эткинда // Поэзия ГДР. – М., 1973. С. 75–77.

[15] См. об этом: *Schafranek H.* Kontingentierte «Volksfeinde» und «Agenturarbeit». Verfolgungsmechanismen der stalinistischen Geheimpolizei NKWD am Beispiel der fiktiven «Hitler-Jugend» in Moskau (1938) und der antisowjetischenGruppe von Kindern repressierter Eltern» (1940). Mit einem Dokumentenanhang // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 2001, H. 1. S. 1–76. См.: *Damerius H.* Über zehn Meere zum Mittelpunkt der Welt – Erinnerungen an die «Kolonne Links». – Berlin, 1977. Обширную новую информацию см.: *Müller R.* Menschenfalle Moskau. Exil und stalinistische Verfolgung. – Hamburg, 2001.

[16] Цит. по: Lieder der Partei. S. 74–75.

[17] Перепечатка опубликованной песни группы // Ebd. S. 106.

[18] См.: *Niemann K.* Ernst Hermann Meyer. – Leipzig, 1989.

[19] Illustrierte Rote Post. Jg. 1932, Nr. 18.

[20] Lieder der Partei. S. 76–77. На русском языке первый куплет и припев звучат так: «Мы, красные солдаты,/За бедный люд стоим,/Свои поля и хаты/Мы в битвах отстоим./ Все пушки, пушки грохотали,/Трещал наш пулемет,/Бандиты отступали,/Мы двигались вперед!» (*примеч. перев.*).

[21] См.: *Posdzech D.* Das lyrische Werk Erich Weinerts. Zum Verhältnis von operativer Funktion und poetischer Gestaltung in der politischen Lyrik. – Berlin, 1973. S. 48.

[22] *Вайнерт Э.* Избранное. – М., 1958. С. 221–222. Перевод Ю. Александрова.

[23] *Вайнерт Э.* Избранное. – М., 1965. С. 121. Перевод Л. Гинзбурга. См. также: *Erich Weinert.* Bildbiographie von Werner Preuß. – Berlin, 1970. S. 92.

[24] Lieder der Partei. S. 33.

[25] *Бехер И.Р.* Лейте, звезды, сиянье! // Библиотека всемирной литературы. Т. 137: *Иоханнес Р. Бехер*. Стихотворения. Прощание. Трижды содрогнувшаяся земля. – М., 1970. С. 200. Перевод Л. Гинзбурга.

[26] *Ernst Busch.* Eine Biographie in Texten, Bildern und Dokumenten. – Berlin, 1987. S. 232. См. также: *Siebig K.* Ich geh'mit dem Jahrhundert mit: Ernst Busch. Eine Dokumentation. – Reinbek bei Hamburg, 1980.

[27] *Degenhardt F.J.* Im Jahr der Schweine. 27 neue Lieder mit Noten. – Hamburg, 1970. S. 68–71. Здесь говорится о посещении спектаклей Брехта на Шифбауердамм.

[28] Стихотворение «Свастика» («Die Hakenrune») см.: Erich Weinert – Ein Lesebuch für unsere Zeit. – Berlin – Weimar, 1976. S. 76. Русский перевод В. Бугаевского // Поэзия ГДР. С. 91–93.

[29] В издании «Bertolt Brecht. Vorwärts und nicht vergessen … Ausgewählte Werke» (Moskau, 1978) в этой балладе 40 строф (*примеч. перев.*).

[30] Библиотека всемирной литературы. Т. 139: *Бертольт Брехт.* Стихотворения. Рассказы. Пьесы. – М., 1972. С. 269. Перевод С. Кирсанова.

[31] Об этом полемично написано: *König H.* Rote Sterne glühen. Lieder im Dienste der Sowjetisierung. – Bad Godesberg, 1962.

[32] «Richten Sie Ihrem Chef bitte aus, daß er sich schämen möge». Ein Briefwechsel zwischen Rechtsanwalt Heinrich Hannover und dem Bundeskanzler(amt) über die Rehabilitierung und Entschädigung westdeutscher Justizopfer des Kalten Krieges // Blätter für deutsche und internationale Politik. 6/2002. S. 762–764.

[33] См.: *Posser D.* Anwalt im Kalten Krieg. Ein Stück deutscher Geschichte in politischen Prozessen 1951–1968. – München, 1991; *Brünneck A.* Politische Justiz gegen Kommunisten in der Bundesrepublik Deutschland 1949–1968. – Frankfurt a. M., 1978.

[34] *Schäfer O.* Pädagogische Untersuchungen zur Musikkultur der FDJ. Ein erziehungswissenschaftlicher Beitrag zur Totalitarismusforschung. – Berlin, 1998.

[35] *Adamek K.* Politisches Lied heute. Zur Soziologie des Singens von Arbeiterliedern. – Essen, 1987.

[36] См.: *Brecht B.* Journale 2. S. 293 // Große Berliner und Frankfurter Ausgabe. Bd. 27.

[37] Библиотека всемирной литературы. Т. 139. С. 285–286. Перевод В. Корнилова. «Детский гимн» можно услышать: Stimmen des 20. Jahrhunderts: Hymnen der Deutschen. Eine Produktion des Deutschen Historischen Museums und des Deutschen Rundfunkarchivs Frankfurt/M. und Potsdam-Babelsberg.

[38] Об этих «политических песнях» послевоенного времени см.: *Habenicht G.* Leid im Lied. Südost- und ostdeutsche Lagerlieder und Lieder von Flucht, Vertreibung und Verschleppung. – Freiburg, 1996.

[39] Ebd. S. 123.

[40] Ebd. S. 225.

[41] Ebd. S. 55.

[42] Ebd. S. 161.

[43] Ebd. S. 172.

[44] Ebd. S. 124.

[45] См.: *Budzinski K.* Wer lacht denn da? Kabarett von 1945 bis heuteBraunschweig, 1989. S. 100–101.

[46] Перепечатано в: Ich bin ein deutscher Lästerer // *Degenhardt F.J.*, *Neuss W.*, *Hüsch H.D.*, *Süverkrüp D.* Op. cit. S. 36–39.

[47] О созданных в связи с этим песнях и стихах см.: *Hahn U.* Literatur in der Aktion. Zur Entwicklung operativer Literaturformen in der Bundesrepublik. – Wiesbaden, 1978; *Leise W.* Die Literatur und Ästhetik der Studentenbewegung (1967–73). Diss. phil. FU. – Berlin, 1979.

[48] Wir wollen dazu was sagen. Neue Lieder gegen die Bombe. Düsseldorf: Pläne Verlag [Lieder zum Ostermarsch 1964], Textbeilage zur Platte, Angaben «Kampagne für Abrüstung». (Издательство «Плене» [Песни к Пасхальному маршу 1964 г.], текстовое приложение к пластинке, данные «Кампании за разоружение»).

[49] Ostersongs 62/63 gegen die Bombe. Düsseldorf: Pläne Verlag [1962/63], Textbeilage zur Platte.

[50] По-немецки это рифмованный лозунг: «Statt starker Armeen: mehr Mut und Ideen».

[51] В названии сборника автор перефразировал название известной хоровой кантаты Карла Орфа (1895–1982 гг.) «Carmina Burana». (*Примеч. перев.*).

[52] Пластинка. – Дюссельдорф: Плене, 1963. Текст см.: *Hüsch H.D.* Carmina Urana. Vier Gesänge gegen die Bombe. – Ahrensburg, 1964.

[53] Песня была написана Ханнесом Штюцем, популяризировалась Дитером Зюверкрюпом и Фазией Янсен; см. ненумерованное текстовое приложение в: Wir wollen dazu was sagen.

[54] *Semmer G.* Widerworte, Gedichte und Chansons. – Berlin, 1965.

[55] Ein Lied drei vier. Neue Chansons von Gerd Semmer und Dieter Süverkrüp. Düsseldorf: Pläne Verlag, Schallplatte 33. Covertext. См. также: Wir wollen dazu was sagen. Texte für eine andere Republik 1949–1967. – Oberhausen, 1999.

[56] Перепечатка: Ebd. S. 114.

[57] Ça Ira Lieder der Französischen Revolution 1789–1795. – Düsseldorf: Pläne Verlag, 1961.

[58] Volkskunst in Aktion. 1963, H. 2.

[59] См.: *Füllner K.* Frieden – ein «gefährliches Wort». Gerd Semmers politische Lyrik der 50er Jahre // Literatur in Westfalen. Beiträge zur Forschung. – Paderborn [u. a.], 1994. S. 223–235.

[60] См. об этом: *Benz W.* Opposition gegen Adenauers Deutschlandpolitik // Die Republik der fünfziger Jahre. Adenauers Deutschlandpolitik auf dem Prüfstand. München, 1989. S. 68–69. Густав Хайнеман в 1960–1970-е годы был министром юстиции и президентом Федеративной республики.

[61] См.: *Otto K.A.* Vom Ostermarsch zur Apo. Geschichte der außerparlamentarischen Opposition in der BRD 1960–1970. – Frankfurt a. M., 1977.

[62] Lieder gegen die Bombe. H. 1–4. Bochum [1961 ff.], H. 1. Последняя страница обложки.

[63] Ebd. H. 3 [1965]. S. 10–11. См. также на С. 12–13 песню Герда Земмера «Гражданская война Менде» (Эрих Менде в 1963–1966 гг. был министром по внутригерманским отношениям и вице-канцлером ФРГ – *примеч. перев.*), где говорится: «Вы говорите о гражданской войне / Господин Менде, Вы сумашедший? / Рыцарский крест на шее – / и все еще мало?».

[64] *Angeloff T.* Fahnenweihe // Ebd. H. 4 [1966]. S. 10–12.

[65] Фестиваль в Вальдеке впервые был организован в 1964 г. под программным названием «Международный шансон – фольклор – поют молодые европейцы», в последний раз он состоялся в 1969 г. Своим основанием он обязан певцам Хайну и Оссу Крёер, Петеру Роланду и Дитхарду Кербсу, а также некоторым членам Рабочего кружка «Замок Вальдек».

[66] Автор статьи ссылается на роль знаменитой авангардной школы архитектуры, изобразительного искусства и дизайна в Веймарской республике, которая до сих пор является образцом объединения прогрессивных представителей искусства и педагогики из разных стран мира. См. в этом томе: *Фольперт А.* В поисках места для общего житья. Архитектор Баухауза из Дессау Филипп Тольцинер (1931–1996 гг.) в Советском Союзе.

[67] *Steinitz W.* Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Bd. 1–2. – Berlin(Ost), 1954–1962.

[68] Об истории фестиваля в Вальдеке см.: *Kröher H.* und O. Rotgraue Raben. Vom Volkslied zum Folksong. – Heidenheim/Brenz, 1969. S. 57.

[69] Ebd. S. 66.

[70] Впервые песня появилась на пластинке в 1966 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Alle Lieder von Franz Josef Degenhardt. – München, 1979. Nr. 32. Полная библиография о Дегенхардте и его творчестве есть в Интернете: http:/www.franz-josef-degenhardt.de/. См. также: *Maske A.*, *Maske U.* Das werden wir schon ändern. Franz Josef Degenhardt und seine Lieder. – Dortmund,1977.

[71] Der schwarze Mann. Впервые песня появилась на пластинке в 1965 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Nr. 24. См. также: Spaziergang //Ebd.

[72] Notar Bolamus. Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 49.

[73] Horsti Schmandhoff. Впервые песня появилась на пластинке в 1966 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 30.

[74] Der Talisman. Впервые песня появилась на пластинке в 1966 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 53.

[75] Впервые песня появилась на пластинке в 1967 г. Слова песни см.: Lieder aus dem Schlaraffenland. Politische Lieder der 50er–70er Jahre. – Oberhausen, 1976. S. 186–189.

[76] Слова песни см.: Ebd. S. 216–217.

[77] Наиболее крупными продолжателями традиций Вальдека были фестивали «Интерфолк» в Оснабрюке, Международные дни зонга в Эссене, слет бардов в Нюрнберге, слет бардов в Ингельхайме, фестиваль «Раскрытое ухо» в Майнце и множество других более мелких фестивалей.

[78] *Hüsch H.D.* Politische Lieder und Texte. Schallplatte. – Dortmund, Pläne, 1970.

[79] Landleute nageln tote Eulen oft an ihre Scheunen. Впервые песня появилась на пластинке в 1969 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Nr. 73.

[80] Knüppel Gottes. Слова Терезы Ангелофф, музыка Фазии Янзен // Lieder aus dem Schlaraffenland. Politische Lieder der 50er–70er Jahre. – Oberhausen, 1976. S. 238–239.

[81] Ebd. S. 242–243.

[82] Об этом имеется обширная исследовательская литература. Показательным является документальный сборник «Protest! Literatur um 1968. Eine Ausstellung des Deutschen Literaturarchivs u. a. Marbach a. N., [1998].

[83] *Schütt P.* Unsere Perspektiven // Friedensangebote. – Hamburg, 1971. S. 5.

[84] *Schwendter R.* Ich bin noch immer unbefriedigt // *Böning H.* Der Traum von einer Sache. S. 50–51.

[85] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Nr. 56.

[86] Стиральные порошки.

[87] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 70.

[88] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 57. И у Вольфа Браннаски есть песня «Думая о Праге», в которой есть такие слова: «Когда по Ку'дамм идет демонстрация сторонников Шютца и К°, / и демагогически постулируют либеральный социализм, / когда Шпрингер, сгорая от любви к свободе, забывает, / что коммунистическая партия у нас еще запрещена». См.: *Brannasky W.* Erste Hochrechnung. Politische Lieder aus fünfzehn Jahren. – München, 1982. S. 20–21. «Шютц и К°» – имеется в виду правящий бургомистр Западного Берлина (*Примеч. перев.*).

[89] Впервые песня появилась на пластинке в 1971 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Nr. 82.

[90] Впервые песни появились на пластинке в 1972 г. Слова см. Ebd. Nr. 95, 97.

[91] Впервые песня появилась на пластинке в 1972 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 98.

[92] Schwelmer Zeitung. 27. Mai 1971.

[93] NDR. Archiv-Nr. Mp 08 001/1. Одна такая карточка воспроизведена в: Bis der Wind sich dreht? Die Angst des Redakteurs beim NDR // Rote Blätter. 1/1980. S. 32.

[94] См.: *Moßmann W.* Flugblatt-Lieder, Streitschriften. – Berlin, 1980.

[95] О Мосмане см.: *Rothschild Th. Liedermacher.* 23 Porträts. S. 124–138.

[96] Все цитаты по: *Moßmann W.* Vorrede an das Publikum // Schalplatte «Große Anfrage». Da camera song SM 95006. Перепечатка в текстовом приложении: CD 1996 RBM 463 146.

[97] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Переписано – Хольгер Бёнинг (далее – Х.Б.).

[98] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Переписано – Х.Б.

[99] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Переписано – Х.Б.

[100] Имеется в виду песня «Schwarz-braun ist die Haselnuß» («Лесной орех черно-коричневый»), популярная во времена нацизма.

[101] Впервые песня появилась на пластинке в 1968 г. Переписано – Х.Б.

[102] *Moßmann W.* Flugblatt-Lieder.

[103] См. об этом: *Moßmann W.*, *Schleuning P.* Alte und neue politische Lieder. Entstehung und Gebrauch, Texte und Noten. – Reinbek bei Hamburg, 1978.

[104] *Schwendter R.* Ich bin noch immer unbefriedigt. S. 65.

[105] Schmetterlinge. Proletenpassion. 3LP, Ariola 25535 Xu. См. также: *Unger H.R.* Die Proletenpassion. Dokumentation einer Legende. – Wien – Zürich, 1989; *Karger I.* «Politische Musik und naïve Musiktherapie» – Eine Untersuchung zum Erleben politischer Konzerte in den 80er Jahren am Beispiel von Aufführungen des szenischen Oratoriums Proletenpassion der Politik-Rock-Gruppe Schmetterlinge. – Oldenburg, 2000. Все слова песен и цитаты – из последней указанной работы.

[106] Все слова песен и цитаты – из Schmetterlinge. Proletenpassion. 3LP, Ariola 25535 Xu. См. также: *Unger H.R.* Die Proletenpassion. Dokumentation einer Legende. – Wien – Zürich, 1989.

[107] Слова всех названных песен см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen.

[108] Der anachronistische Zug oder Freiheit, die sie meinen. Впервые песня появилась на пластинке в 1972 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 99.

[109] Arbeitslosigkeit. Впервые песня появилась на пластинке в 1977 г. Слова песни см.: Ebd. Nr. 122.

[110] Слова песен всех этих исполнителей см.: Lieder aus dem Schlaraffenland.

[111] Ebd. S. 575–576.
[112] Ebd. S. 492–495.
[113] Ebd. S. 518–519.
[114] Drumherumgerede. Впервые песня появилась на пластинке в 1980 г. Слова песни см.: *Degenhard F.J.* Reiter wieder an der schwarzen Mauer. – München, 1987. S. 7–13.
[115] Unser Land. Впервые песня появилась на пластинке в 1980 г. Слова песни см.: Ebd. S. 24–29.
[116] Es denken die Leute von gestern wieder an morgen. Впервые песня появилась на пластинке в 1981 г. Слова песни см.: Ebd. S. 59–62.
[117] *Wader H.* Uns bleibt keine Wahl // Daß nichts bleibt, wie es war. Hannes Wader und seine Lieder. – Dortmund, 1984. S. 448–449.
[118] Wolgograd. Впервые песня появилась на пластинке в 1975 г. Слова песни см.: *Degenhardt F.J.* Kommt an den Tisch unter Pflaumenbäumen. Nr. 111.
[119] Die Zeit. 26. November 1982. Интерес представляет обзор влияния ГКП на бардов и зинге-группы, автор которого, правда, никак не доказывает свои утверждения и, очевидно, сделал его с целью доноса. См.: *Mensing W.* Maulwürfe im Kulturbeet. DKP-Einfluß in Presse, Literatur und Kunst. – Zürich, 1983. S. 53–70.
[120] Es ist an der Zeit // Daß nichts bleibt, wie es war. S. 407–409. Известна только одна песня Вадера, темой которой в ироничном ключе является Советский Союз. См.: Ebd. S. 350–355.
[121] Дуэт, принявший название сборника фольклорных песен, изданного в Лейпциге в 1913 г. (*примеч. перев.*).
[122] Приложение к: Wir wollen leben. Lieder gegen den Untergang. LP Folk Freak 1982.
[123] Zwischen den Kriegen // Ebd.
[124] Все тексты см.: Ebd.
[125] См.: *Rothschild T.* Wolf Biermann: Liedermacher und Sozialist. – Reinbek bei Hamburg, 1976.
[126] Wann ist denn endlich Frieden. Сборник текстов к «Eins in die Fresse, mein Herzblatt. Vol. 10. – Altona, 1998. Песня впервые появилась на LP в 1980 г.
[127] Правда, не в отношении прошлого. В песне «Товарищи, кто же из нас не был бы против войны» говорится: «Но / благозвучие органа Сталина / когда он солдатам Гитлера / на Рождество кричит в замерзшие уши о МИРЕ НА ЗЕМЛЕ». Цит. по: *Biermann W.* Mit Marx- und Engelszungen. – Berlin, 1968. S. 37.
[128] Mein Herz weiß alles besser. (1984) // *Biermann W.* Alle Lieder. – Köln, 1991. S. 367–369.
[129] *Biermann W.* Deutschland. Ein Wintermärchen. – Berlin 1972. S. 52–54.
[130] Ebd. S. 196–197.
[131] Von der Fahne // Da müssen wir durch. – Polydor 1987. LP 833 842; CD 833 842–2.
[132] Prost Deutschland. Впервые песня появилась: CD, *Wecker K.* Classics [1991].
[133] Ballade von den verdorbenen Greisen (1989) // S. 412–413.
[134] Ich hatte es auch schon halb vergessen (1990) // S. 425–427.
[135] Michail Gorbatschow (1988) // S. 403–406.
[136] Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg: A 224 392. Перепечатано в: Freiheit lebet nur im Liede. Das politische Lied in Deutschland. Eine Ausstellung des Bundesarchivs in Verbindung mit dem Deutschen Volksliedarchiv in Freiburg i. Br. Koblenz, 1992. S. 154.
[137] So lebten wir in den Zeiten der Stagnation //Abgesang. CD BMG/Amiga, 1995.
[138] Слова песни см.: *Thalheim B.* Mugge. 25 Jahre on the road. Erinnerungen. – Berlin, 2000. S. 245–246.
[139] Brief an einen wohlmeinenden Medienmenschen //http://www. franz-josef-degenhardt. de/
[140] Eigentlich unglaublich // … Далее в тексте: Polydor, 1996. CD 531 011–2.
[141] Da müssen wir durch. Polydor, 1987. LP 833 842; CD 833 842–2.
[142] Geht's nicht auch so? // … Далее в тексте: Polydor, 1996. CD 531 011–2.
[143] Trostaria // … Далее в тексте: Polydor, 1996. CD 531 011–2.
[144] Имеется в виду время политического затишья, которое наступило после революции 1848 г. (*примеч. перев.*).

Франк Вагнер

«…НА ПУСТОМ МЕСТЕ, ПО-НОВОМУ». Образ России и Советского Союза глазами Анны Зегерс*

Годы жизни Анны Зегерс (она родилась в 1900 и умерла в 1983 году) почти совпадают с *Эпохой Крайностей.* Еще в юном возрасте, она мало-помалу начала интересоваться Россией и русской литературой. После ее скитаний Советский Союз стал для нее альтернативой буржуазному и больше не справедливому миру. А после ее возвращения из эмиграции у нее уже было много тесных связей с советскими организациями и людьми. «Социализм» и «Советский Союз» были для нее неразъединимыми понятиями. Она учила русский до последних лет своей жизни. И умерла почти за десять лет до позорного распада социалистической системы в Европе.

Изучая чудесным образом сохранившуюся библиотеку Анны Зегерс[1], можно многое узнать об изменении ее читательских интересов.

После публикации в «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» рецензии на роман Федора Гладкова «Цемент» в 1927 году, она полностью посвятила себя русскому искусству и русской литературе.

Ее статьи о Толстом и Достоевском образуют целую книгу. Изменявшиеся с течением времени позиция, оценка и толкование России и Советского Союза находят свое воплощение не только в газетных и журнальных публикациях Анны Зегерс, но и в прозе: начиная с новеллы «Крестьяне из Грушова» («Bauern von Hruschowo»; 1929) и заканчивая рассказом «Встреча в пути» («Die Reisebegegnung»; 1973).

1900–1925: Достоевский – в книгах настоящий, в жизни – нет

Анна Зегерс родилась в 1900 году в Майнце в еврейской семье под именем Нетти Рейлинг и была единственной дочерью антиквара Исидора Рейлинга. Она довольно рано вошла в контакт – пусть еще не очень тесный – с Россией и ее противниками: солидная фирма Германа и Исидора Рейлинга была поставщиком двора русского царя (а также прусского короля и великого герцога Бадена). Кроме того, среди знакомых родителей Нетти были беженцы из России[2].

Если верить поздним воспоминаниям, писательница сначала не была заинтересована в происходивших вокруг нее политических событиях. Когда в 1967 году ей задали вопрос о ее отношении к Октябрьской революции, она ответила сдержанно:

> Я скажу неправду, если стану утверждать, что Октябрьская революция сразу же оказала влияние на мой образ мыслей. […] Прошло немало времени, пока это событие путем раз-

* Автор выражает свою благодарность Пьеру и Рут Радваньи за предоставленную ими информацию, и Рут Радваньи – за разрешение на просмотр переписки.

личных слухов, сообщений и речей […] до меня докатилось. Оно предстало в моих глазах до того противоречиво и часто непонятно, странно, что я не смогла в этом сразу разобраться. Но […] очень скоро это событие связалось для меня с одним новым понятием […] с новым, сильным, невероятным понятием справедливости. […] В первый раз я полностью осознала, – до того как мне кто-то это объяснил – что существует Верх и Низ, Небо и Земля[3].

В своей памяти Анна Зегерс связала это событие мирового масштаба с некоторыми происшествиями в Майнце. Один арестованный, которого вели под конвоем полиции по улицам, громко протестовал против произвола властей. Анна Зегерс говорила: «Это происшествие почти не имеет никакой связи с революцией, но все-таки в моем сознании они соединены друг с другом». И еще одна вещь повлияла на писательницу: роман «Огонь» Анри Барбюса.

«Несправедливость войны и возникший из этого лозунг «Хлеба и мира» – я была уже достаточно смышленой для того, чтобы осознать эти вещи»[4]. Девушка рассматривала происходящее вокруг себя как приобретение нового опыта: арест жителя родного города, гибель соседки от французской авиабомбы, раненые, которые ехали в госпиталь через Майнц, работа матери сестрой Красного Креста, мучительные новости с военного фронта. Возможно, еще тогда, возможно, чуть позже, она поняла значение открытки, отправленной полевой почтой с Восточного фронта. На открытке была изображена сцена братания немецкого и русского солдата, стоявших в снегу рядом с елкой, с подписью «Россия – январь 1918». На обратной стороне, 19 февраля 1918 года, ефрейтором Георгом Ратацци было написано: «Встреча русских с нами: Теперь это позади. Вчера война началась снова. […] Мы будем продвигаться до города “Мир”»[5].

О пробуждении активного интереса к другой стране говорит тот факт, что Нетти Рейлинг начала учить русский еще в школе, а весной 1920-го сдала экзамен на аттестат зрелости. В ее библиотеке стоят русские книги с ранними годами издания, только Достоевского – 36 книг (из них до 1925-го – 24 книги). В своем автобиографическом очерке она упоминает «частично» Горького, Гоголя, Чехова[6]. На появление именно таких интересов мог повлиять друг семьи, социал-демократ Герман Вендель. В 1905 году он написал работу о Достоевском, который из всех русских писателей был «самым русским»[7]. «Это правильно, что я открыла для себя Достоевского через “Преступление и наказание” и “Братьев Карамазовых”»[8], – говорила Анна Зегерс, оглядываясь назад.

Учеба в Гейдельберге и два семестра практики в Музее искусства Восточной Азии в Кельне создавали совершенно новые условия для восприятия мира с социальной и политической точки зрения, для понимания истории с точки зрения централизации Европы, уже преодолевшей свою национальную замкнутость, для приобретения культурных связей, выходивших за пределы традиционного и привычного – всем этим не преминула воспользоваться студентка Нетти Рейлинг. Она защитила в 1924 году докторскую диссертацию – «Евреи и еврейство в работах Рембрандта», начала писательскую деятельность и к рождеству 1924-го опубликовала свой первый рассказ. В августе 1925 года она вышла замуж за своего бывшего сокурсника, эмигранта из Венгрии, доктора Ласло Радваньи.

Записи в дневниках 1924–25 годов, доступные читателю благодаря биографии Кристианы Цель Ромеро, открывают страстную душу, которая скрывалась за маской равнодушия. «Я не могу не работать, я *должна* писать, я чувствую в себе волю и желание»[9].

Среди мероприятий, которые посещала писательница, она сразу находит «русское». Она слушала лекции Николая Бубнова (1880–1962) по истории русской литературы. Ее другом был Филипп Шефер[10] (он был немного старше Нетти), разделивший с ней любовь к китайскому – Шефер вырос в России и был интернирован во время войны, уехав оттуда вместе со своей русской женой. Однако если он был просто спутником для студентки из Майнца, то Ласло Радваньи был ее лоцманом.

Позже Анна Зегерс поймет, что в эти годы своей жизни она сделала решающий шаг к социалистическому пониманию мира и к поддержке Советского Союза. В университете, говорила она, «я была среди студентов, которым пришлось эмигрировать из своих родных мест – я это чувствовала и таким образом смогла себе объяснить, что я чувствовала до этого»[11]. Да, ее сокурсники и учителя, действительно, открыли для нее новые пути. Цель Ромеро пишет в биографии: «В первом же семестре Нетти Рейлинг записалась на курс “Социальная теория марксизма”, который вел экономист и социолог Эмиль Ледерер (1882–1939), социалист еврейского происхождения и австро-марксистских взглядов, член Независимой социал-демократической партии Германии»[12]. У него Анна Зегерс слушала лекции о «социальных и социально-политических движениях» и о «теории социализации». У Ледерера она встретила и Ласло Радваньи, который позже в Берлине будет носить имя Йоганн (Лоренц) Шмидт. Благодаря ему и его друзьям, она смогла узнать образ мыслей членов Будапештского воскресного кружка, в котором самым юным участником являлся сам Радваньи. Как и другие в этом объединении, он активно выступал за Венгерскую советскую республику, однако, после ее разгрома вынужден был бежать. С этим рюкзаком поучений, дискуссий и большого опыта революций и контрреволюций Радваньи завязал беседу с наивной и в то же время любопытной, задающей серьезные вопросы девушкой из Майнца[13].

Ласло Радваньи написал у Ясперса докторскую диссертацию «Хилиазм. Попытка изучения хилиастической идеи и действия». Хилиазм – религиозное движение с иудейскими и раннехристианскими корнями. Оно основано на «Откровении Иоанна», где повествуется об установлении тысячелетнего царства для воскресших мучеников, и имело различных представителей в разные эпохи (например, Томас Мюнцер – был одним из анабаптистов). Радваньи защитил свою работу в 1923 году. В свое заключение он включил размышления о «большевизме».

> Однако, что происходит, какие возможности появляются, когда приверженец хилиастического учения проходит весь путь очищения; когда он уже не ждет ничего от божества, а хочет сам провести *всю* работу по спасению мира, уничтожить зло и осуществить добро? […] Нечто подобное мы можем найти в большевистской идеологии, которая с религиозной точки зрения соответствует идеологии «демонического», «безбожного» хилиазма[14].

В духовной среде, где выросла девушка, позже взявшая имя Анна Зегерс, большевизм был представлен так же, как и другие течения мысли, которые, в какой-то степени, все-таки оказали влияние на формирование социалистических взглядов. Понимание девушкой этого явления складывалось по кусочкам из дискуссий о Марксе, Достоевском, Розе Люксембург и Ленине в Будапеште, Вене и Гейдельберге – они были, как доказывает это название статьи Зауерланда, очень значимым источником информации, оказавшим влияние на появление у Нетти Рейлинг собственной системы взглядов на социализм.

Но эти взгляды возникли не только благодаря Марксу и Энгельсу, как считалось ранее, – у Нетти Рейлинг были и другие наставники. Так, Бела Балаш, который наравне с Дьёрдем Лукачем задавал тон в «Будапештском кружке» и работал под его руководством в Наркомате просвещения Венгерской советской республики 1919 года, в свою очередь, являясь начальником и товарищем Радваньи, в 1922 году написал о «парадоксальности» Достоевского.

> Политиком […] Достоевский был реакционным. […] Тем не менее, революционеры […] в России и во всей Европе читали работы Достоевского как Библию, укреплявшую их веру и воодушевлявшую их на борьбу. Поэтому Достоевский был и остался […] пророком революционной этики[15].

Возможно даже, что именно впечатления Нетти Рейлинг от прочитанного были ее первыми шагами к социализму и к его оценке, при которой всегда необходимо учитывать нравственный фактор.

В своем дневнике Нетти как будто произносит короткую молитву: «Революция – влечение к жизни – неизбежность смерти». С другой стороны, в задуманном ею сочинении можно встретить выражение «Миф революции!»[16] Здесь она использует революционный термин, который мало связан с реальными общественными переворотами, в том числе и с Октябрьской революцией. Скорее всего, речь здесь идет о «побеге» от портящегося, чужого и больше несправедливого миропорядка, об *опыте прорыва.* В этом состоянии для Нетти Рейлинг была важна русская литература: сочувствие «униженным и оскорбленным», уважение «маленького человека». Так произошло ее столкновение с обществом, в котором сам человек излишен и все лучшее погибает, оставшись неиспользованным. Криста Вольф спросила Анну Зегерс в 1965 году: «откуда возникло волнение, охватившее Вас и Ваших знакомых после прочтения Достоевского?» Ответ был следующий:

> Действительность пришла к нам из книг, в жизни мы ее еще не видели. Для нас это была волнующая, революционная действительность. Я сейчас говорю не о политической революции, которая, конечно, имела место в то же самое время тогда, я говорю о революционном «выходе наружу», о движении человеческой судьбы, о чем-то совершенно немещанском[17].

И нужно добавить, «неклассическом», если оценивать с точки зрения «классических» работ Гете и Шиллера.

Позже она обратит внимание на изображение внутреннего мира человека – особенно у Достоевского, – будет считать писателя «капитаном большого плавания в душу человека» и приобретет неустрашимость перед неуслышанным и табуированным, но приходящим из повседневной жизни. Из одной записи 1954 года, адресованной для Союза Писателей СССР Владимиру Стеженскому:

> Я была потрясена и удивлена. […] В русских книгах мысли и действия, в том числе великие, были взяты из жизни. Жизнь была насыщеннее моей, люди были в большей степени людьми, их страдание было в большей мере страданием, их свобода была больше свободой, их снег был тоже больше снегом, хлеб – больше хлебом. Потому что все это пришло из жизни, […] я осмелилась начать писать. Я поняла: нет ничего, что невозможно было бы

> описать. Помню, что мне особенно запомнилось, например, у Гоголя: Здесь, в ужасной комнате, стояла отвратительная старая женщина. И вдруг – тут открывалась широкая огромная страна. Как это было прекрасно. И здесь уже не было места для конкретного человека. Когда я ушла от своей мерзкой тетки, передо мной была пусть и не степь, но Рейн. И что это значит? Я узнала (бессознательно), как важно понимать, когда ты пишешь, что сознательность возникает из действительности. Что революция и контрреволюция связаны с повседневной жизнью[18].

(Маркс и Энгельс могли бы с доброй усмешкой посмотреть на особый подход к их политэкономической терминологии: юная поэтесса!) Довольно откровенные и неожиданные сообщения, которые не предназначались для публикации, многое говорят об истоках своеобразной, даже громоздкой литературной концепции. 50 или еще 30 лет назад я представлял себе путь ее развития более прямолинейным и однообразным.

1925–1933: два рассказа, роман «Спутники» и первая поездка в Советский Союз на конгресс писателей в Харькове

До этого Нетти Рейлинг создавала свой образ России, революции и Советского Союза из сообщений, дискуссий и из академических лекций, но прежде всего, из художественных произведений. В Берлине все стало по-другому.

Радваньи[19] на следующем жизненном отрезке Нетти Рейлинг строил мосты в совершенно новые для нее миры. Так как у евреев и коммунистов не было доступа к научной карьере, в начале 1925 года он занял должность представителя советской торговой миссии в Берлине и, тем самым, стал получать скромные средства для существования. 10 августа 1925 года Нетти и Радваньи поженились и переехали в берлинскую квартиру. Решение выйти замуж и переехать в Берлин, в оживленный столичный город, имело за собой новые последствия. Оно заставило пережить Нетти новые испытания и осознать необходимость принятия независимых решений. Возможность вступить в контакт с «русским» и «советским» предоставили Марксистская школа для рабочих (MASCH) и Союз пролетарско-революционных писателей Германии.

Ласло Радваньи принимал участие в создании MASCH в конце 1926 года, был ее организационным руководителем в Берлине, а потом и во всем рейхе. Программа MASCH была довольно насыщенной: проводились лекции и дискуссии, в которых, конечно же, особое место занимал Советский Союз и его произведения искусства того времени – многое делалось для того, чтобы познакомить слушателей с советскими фильмами, которые с 1927 года с трудом находили дорогу в Германию[20].

Нетти Радваньи после 1925 года создавала свой образ Советского Союза преимущественно с помощью изучения искусства; в 1967-м Анна Зегерс говорила: «Я думаю, что по существу у всего моего поколения есть эти книги», – она упоминает «Цемент» Гладкова, «Бруски» Федора Панферова, «Февраль» Тарасова-Родионова, – «примерно в одно время с чтением книг смотрели фильмы, например, “Броненосец Потемкин”, а также “Потомок Чингисхана” и “Путевка в жизнь”. Эти фильмы и книги произвели на меня огромное впечатление. Ничего подобного я еще не видела и не слышала»[21].

Первый раз Нетти смогла выразить свое мнение о литературе в уже упомянутой рецензии на роман «Цемент» Гладкова, которая была опубликована 22 мая 1927 года в «Франкфуртер Цайтунг унд Хандельсблатт»[22]. Роман в 1925 году был издан на русском, в 1927-м – на немецком. «Цемент» изображает период перехода от гражданской войны к мирному строительству в рамках НЭПа. Один красноармеец возвращается в свой родной город к жене и понимает, что характер его супруги уже успел очень сильно поменяться.

Рецензия с названием «Революционный быт» («Revolutionärer Alltag») описывает проблему конфликта ума и сердца человека. «Хотят ли эти люди быть счастливыми или несчастливыми, слабыми или сильными, порядочными или непорядочными, тяга к труду разрушает тормозящую инерцию в их душах. […] Сердце еще там, бьется глухо и тяжело в покинутой постели, а подъемные краны цементного завода уже зовут».

Автор рецензии считает, что этот новый роман написан старой перьевой ручкой, «без того стального, кованого ритма, который в некоторых строках Бабеля и Рейснер создает язык будущего». Окончание рецензии выглядит почти странно: «Пока еще здесь слишком много любви и слишком мало цемента». Если это не только дерзкий парадокс, то тут можно увидеть и уверенность в обновляющей человека силе труда. Тогда можно объяснить вопрос автора во введении: «может ли новое государство и его новый гражданин преодолеть и обойти неизбежную действительность и наполниться энергией или […] действительность сможет *его* обойти и сломить *его* энергию»[23].

Уже очевидно: в этот первый «берлинский период» у Нетти появились принципиально новые условия для получения информации, для встреч и связей. С 1928 или 1929 года она стала членом Союза пролетарско-революционных писателей Германии. Будучи немецкой секцией Международного объединения революционных писателей, Союз был тесно связан с советской литературой и усилиями, прикладываемыми Москвой ради создания интернациональных связей.

Между тем Нетти Радваньи сменила свое имя, став писательницей Анной Зегерс: в 1927 году ее рассказ «Грубеч» появился в «Франкфуртер Цайтунг» именно под именем Зегерс. В 1928-м в издательстве «Кипенхойер» (Kiepenheuer) был опубликован второй, «Восстание рыбаков». После вручения писательнице очень престижной премии имени Клейста в том же году, литературная общественность обратила на нее внимание. Книга быстро получила международный успех[24]. В 1930 году Анна Зегерс вошла в число 14 делегатов Союза пролетарско-революционных писателей Германии, отправившихся на II международную конференцию пролетарских и революционных писателей в Харьков.

В 1967 году она вспоминает:

> Я была юна и чрезвычайно любопытна. […] Харьковская конференция […] была для меня и моих спутников чем-то другим, нежели обычная встреча писателей. […] Я попала в первую и единственную страну в мире, где, как мне рассказывали, люди и вещи были озарены особым светом. И если даже здесь были бездомные, и голод, и холод, и все прочие неприятности, то свет этой страны подействовал на меня невероятно сильно, он подействовал на меня навсегда.

Она вспоминает «радостное смущение», когда комсомол перевел ее «первую маленькую книгу [“Восстание рыбаков”] на украинский язык, “Интернационал”, кото-

рый на всех языках пели участники съезда – звук остался и уже позже барабанил нам в уши, электростанцию на Днепре, еще находившуюся в стадии строительства […] с огромным удивлением мы наблюдали за соревнованием между двумя берегами. […] Но что из того, что мы ожидали здесь увидеть, мы смогли обнаружить в действительности? Человеческую справедливость – в жизни и в искусстве»[25].

Увиденное, казалось, совпало с ожидаемым, и юные советские друзья, литературовед Тамара Мотылева и германист Лев Копелев, были также наполнены этим чувством. Копелев особо подчеркивает интернационализм[26].

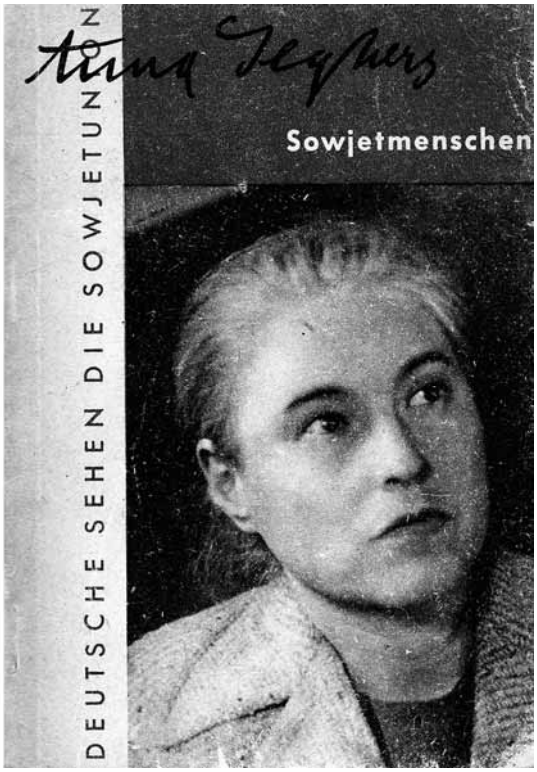
Фотография, на которой сняты Анна Зегерс, Людвиг Ренн, Ф.К. Вайскопф во время разговора с рабочими, передает энтузиазм участников этой встречи. Здесь можно увидеть возможность возникновения другого, нового вида работы и жизни. В 1931 году Анна Зегерс с большой готовностью и желанием приняла участие в создании сборника «Красный труд. Новый рабочий в Советском Союзе», изданном позже Юргеном Кучински[27]. Она представила полемический текст, противопоставляющий ударное промышленное производство первой пятилетки в Советском Союзе и мировой экономический кризис в капиталистических странах, а также осуждающий принудительный труд. Зегерс провела сравнение между строительством Турксиба и строительством железной дороги в Бельгийском Конго силами африканских рабов. Она с убежденностью очевидца писала про Турксиб: «кто не был окончательно тупым, должен был присмотреться к этой победоносной борьбе с природными силами, которая сплотила людей и заставила их идти вперед, где стимулом ее участников был не кнут надзирателя, не страх перед голодом, не надежда на прибыль, а сила, еще неведомая истории человеческого труда». Подводя итоги, автор заключает: «Осознание участия в строительстве нового мира смогло уничтожить раздельное существование граждан и объединило сотни тысяч людей в ударные бригады, которые сделали Турксиб, Днепрострой и Магнитострой реальностью»[28].

Это – центральный образ Советского Союза, за который крепко держится Анна Зегерс, и, равно ей, миллионы других людей. Она опиралась на него, занимаясь в последние годы существования Веймарской республики проблемами подростковой беспризорности и безработицы в Германии. В своих сочинениях она защищала Советский Союз от возможных угроз и нападок извне. Зегерс написала в 1931 году статью, которая оправдывала первые процессы против советских руководителей индустрии[29].

Автор написала этот материал не потому, что лучше знала то, о чем пишет, а потому, что защищала «новое» в истории и верила в него как в реальную альтернативу голоду и страданию, уничтожению человека и человеческой силы, обществу войн и кризисов, альтернативу безработице и классовому подходу, деградации и беспризорности. То, что эти процессы в действительности были коварными инсценировками, организованными с целью оправдать сталинскую концепцию форсированной индустриализации в отсталой аграрной стране и найти «козлов отпущения» для объяснения ее неудовлетворительных результатов – осталось неизвестным людям, восхищавшимся советским индустриальным строительством.

Ось восприятия мира писательницей была построена на противоречии: старый мир капитализма, мирового финансового кризиса, общества, которое эксплуатирует и расходует лучшие силы народа, ввергает человечество в войны, – и новый мир социалистического строительства, которое производится силами народа и развивает своих граждан.

После Второй мировой войны Анна Зегерс снова напишет о советских гражданах, и, в первую очередь, о советских женщинах. Ее 13 рассказов были опубликованы в 1948 году восточноберлинским издательством «Культур унд Фортшритт», с предисловием Юргена Кучински и оформлением Клауса Витткугеля



В работах Зегерс этого времени такой взгляд на мировое устройство проявляется в описании как историческая перспектива. Рассказ 1929 года «Крестьяне из Грушова» повествует о борьбе крестьян Карпатской Руси (или Закарпатской Украины – в 1920–1938 гг. входила в состав первого чехословацкого государства) за свой лес. Октябрьская революция, советский указ о земле, победы и поражения Советской России оказывали влияние непосредственно на этот удаленный регион положительно либо отрицательно.

Такая дихотомическая картина мира еще четче очерчена в романе «Спутники» («Die Gefährten»; 1932), изображающем польских, китайских, итальянских, болгарских и венгерских революционеров после поражения в обильном жертвами противостоянии против их контрреволюционного режима. Здесь проявляются ярчайшие контрасты. Национализм против интернационализма. Советский Союз, хотя и является в этом произведении местом действия только некоторых эпизодов, представляет собой обратную картину капиталистического общества: государство без господ и эксплуататоров создается во всеобщей борьбе и становится опорой революционеров и центром мировой революции. Во время обмена военнопленными на советско-польском фронте в 1920 году – между польским национальным гимном «Еще Польша не погибла» и призывом Интернационала «Вставай, проклятьем заклейменный» – один освобожденный обращается с речью:

> Перед вами, русские товарищи, стоит первое поколение пленных, которое видит результаты собственной борьбы. […] Еще ни один из нас, ни один из наших заключенных, плен-

ных, убитых товарищей не видел своими глазами цену его борьбы. Мы первые, кто ее видим[30].

В творчестве Анны Зегерс эта всемирная хроника жертв и страданий предстает как крайность: «Песнь песней» революционерам с присущим им аскетизмом и самоотречением.

Свое мнение об Октябрьской революции и Советском Союзе писательница выразила в «Разговоре с ребенком о Ленине» («Gespräch mit einem Kind über Lenin»), написанном в довольно поучительном тоне. Этот очерк был опубликован в январе 1932 г. в «Роте фане» («Красное Знамя» – ежедневная газета КПГ). Мать отвечает на вопрос, кем, собственно, был Ленин:

> Он был товарищем, который самым внятным образом сумел объяснить всем бедным крестьянам и рабочим, как можно справедливо разделить земельные владения так, чтобы они смогли построить страну, в которой почти нет бедных и богатых, нет угнетателей и угнетенных, в которой каждый ребенок может есть столько, сколько ему нужно, и учиться так, как он хочет[31].

Поэтому «все рабочие всей Земли направили свои взоры на Россию. Огромные массы тружеников во всех странах мира примкнули к партии Ленина»[32].

1933–1947: творчество в бегстве и противостояние против Гитлера. Роман «Мёртвые остаются молодыми»

После назначения Гитлера рейхсканцлером Анна Зегерс с семьей бежала из Германии и эмигрировала во Францию. Потом ей снова пришлось уезжать, теперь уже из Европы, пока она не нашла убежище в Мехико, где жила с мужем и детьми в 1941–47 гг. На протяжении этих 14 лет скитаний она ни разу не была в СССР. Возможность посетить Союз могла представиться в августе 1934 года – во время первого Всесоюзного съезда советских писателей, но тогда Зегерс была в Австрии, где она принимала участие в следствии по Февральскому восстанию и следила за процессами против щуцбундовцев. В июле 1936 года ее пригласил Михаил Кольцов, но она снова не смогла посетить Москву, так как должна была закончить роман «Освобождение» («Die Rettung»)[33].

13 июля 1940 года, терпя огромную нужду (ее супруг был интернирован, вермахт вошел в Париж), она разыскала советское посольство в Париже[34].

Советский Союз был, писала она в 1937 году, исходной точкой всех мировых событий, к которым можно было относиться как положительно, так и отрицательно. «С тех пор, как существует Советский Союз, […] он принадлежит к нерушимому, непреходящему и неприкосновенному запасу всей человеческой мысли»[35].

Такую оценку она сохраняла и развивала до тех пор, пока в 1967 году не написала речь [для IV съезда советских писателей. – Прим. пер.] под заголовком «Свет Октября» («Licht des Oktober»). После гитлеровской диктатуры стало необходимым коренное переосмысление многих бывших представлений. Зегерс и ее соратникам пришлось признать, что ни социалистическая революция, ни советская Германия

уже не стояли на повестке дня, а главной задачей стала защита демократии. Тогда она отреклась от всего «сектантского». Новые ориентиры писательницы проявились в 1935 году на I Международном конгрессе писателей в защиту мира в Париже. Анна Зегерс прочитала «Майн кампф» Гитлера и поняла, что эта идеологическая бурда оказала влияние на массы граждан. В романе «Мертвые остаются молодыми» автор заставляет одного героя, рабочего, произнести такие слова: «Мы знали, что идея превратится в насилие, если достигнет масс. Теперь эта ложь превратилась в насилие, потому что достигла масс. Этого мы не могли себе представить»[36].

Она многое сделала для того, чтобы докопаться до сути этой губительной силы тяготения (к фашизму) и развить сопротивление. Она считала себя и искусство идущими впереди, предшествующими программам антифашистского народного фронта. «Я верю, что эти решения возникли и из наших художественных изображений. […] Не искусство после решений, а решения после искусства»[37]. Это было для Зегерс не видоизмененной пропагандой и не тактической уловкой, а воссозданием гуманности и, как она надеялась, отказом от не терпящего возражений соперничества, которое она всегда осуждала.

При новых обстоятельствах рабочие отношения с СССР, которые сформировались у Анны Зегерс еще с 20-х годов, были особенно важны. Эрвин Пискатор в 1934 году снял в Советском Союзе фильм по рассказу «Восстание рыбаков», добавив при этом в экранизацию агитацию политической антифашистской борьбы, чего не было в оригинале. Советские издательства публиковали все романы и рассказы Анны Зегерс – на русском, частично на немецком, на украинском, а чуть позже – на других языках Союза. Это давало семье писательницы средства к жизни. Что было особенно важно, у Анны Зегерс была возможность публиковать свои материалы в московских немецкоязычных журналах «Интернационале литератур» (или «IL» – Мировая литература; 1932–1945) и «Дас Ворт» (Слово; 1936–1939). «Дас Ворт» был изначально рассчитан на объединение немецких писаталей-эмигрантов, о чем уже говорили имена редакторов – Брехт, Фейхтвангер, Бредель. Анна Зегерс помещала публикации в оба журнала и переписывалась с их издателями. «Эти письма свидетельствуют о том, что в то время не всегда светило солнце, и мнения и оценки писателей, живших в сталинской Москве, и их товарищей в западных странах часто сильно различались. Но, несмотря на возникавшие порой споры, а, подчас, и оскорбления, они все же показывают сохранявшуюся солидарность и чувство единства. […]»[38].

Анна Зегерс смогла узнать о тогдашних условиях работы в Москве по намекам ее собеседников. Вилли Бредель, редактор «Дас Ворт», написал «дорогой Анне», что 9 августа 1937 года прошло заседание немецких писателей при участии Герберта Венера и Вальтера Ульбрихта, членов политбюро КПГ, которые «при разговоре с нами использовали резкий тон и очень серьезно высказывались о вас, парижских друзьях. [У нас не должно быть] никакого авторитарного и центрального руководства». По этому поводу в Москве «разгорелась большая дискуссия»[39]. По письму Бределя можно заметить, какое давление испытывали на себе эмигранты в Москве после показательных судебных процессов в августе 1936 года. Речь здесь в особенности шла о «заседаниях-чистках» в редакции IL 4–9 сентября 1936 года[40]. Очевидно, Анна Зегерс не могла себе представить инквизиторскую атмосферу этих ночных заседаний. Хотя, конечно, кое-что в поведении ее московских коллег казалось ей странным, особенно, когда дело касалось антифашистского объединения. Насколько необходимой она считала решительную дискуссию о литературе и народном фрон-

те, настолько нецелесообразной казалась ей эксклюзивная полемика Куреллы, Эрпенбека и Лукача о реализме и экспрессионизме в «Слове». В двух письмах своему другу Георгу Лукачу, в июне 1938 года, она продемонстрировала иное, более широкое, понимание истории искусства и реализма. Она протестовала против отрицания наследия экспрессионизма – это, по ее мнению, могло бы ослабить фронт борьбы против «главного противника фашизма». Она была разочарована тем фактом, что ее переписка была опубликована только летом 1939 года, и притом в IL. «Дас Ворт» неожиданно остановил ее публикацию в марте 1939-го. Знак? Но знак чего? В то время произошли и другие события, которые было трудно объяснить.

При всем этом, только Советский Союз Зегерс считала надежным укреплением против экспансивного гитлеровского фашизма. Такую позицию укрепляло отношение западных демократий к оборонительной борьбе в Испанской Республике, с которой была солидарна. Она приняла участие во Втором Международном конгрессе писателей в защиту культуры в 1937 году в Мадриде, Валенсии и Барселоне (а также Париже). О нем писали, что «вера в Советский Союз теперь обосновывалась исключительно проявлением солидарности с Испанией […], внутреннее развитие СССР вряд ли могло служить образцом [для других стран]»[41].

Статья Анны Зегерс в IL по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции говорила о «нашем четком, безоговорочном “да”» советскому государству[42]. Так, два года назад писательница поддерживала на Всемирном конгрессе в защиту мира Николая Тихонова и Илью Эренбурга, которые вступили в полемику с французской троцкисткой Магдаленой Пац. Последняя заявила свой протест против запрета на выезд из СССР Виктора Сержа, который с 1923 года примыкал к левой оппозиции Троцкого. (Серж немного спустя, благодаря заступничеству Ромена Роллана и Андре Жида, смог покинуть Советский Союз. В 1941 году он уехал из Франции на одном и том же корабле с семьей Радваньи, после чего также поселился в Мехико[43]).

Радиопьеса Зегерс «Процесс Жанны д'Арк в Руане» содержит отсылку к процессам в гитлеровской Германии, но в то же время отражает суть и московских процессов. Постановка транслировалась в 1937 году на голландском радио и, кроме того, была опубликована в IL. Хотя основой для этого произведения послужили документы судебных процессов, автор также делает акцент на современной ситуации: «Жанна […], находясь под давлением вопросов, наставлений и угроз образованного судьи, крепко держится за свою веру в “голоса”, ее отречение скорее тактическое»[44]. И она отрекается от отречения. Автор не дает своих комментариев, но, путем изображения исторического процесса, через 20 лет после которого, как известно, последовала реабилитация осужденной, осуждает потомков. «Между тем […] главной является борьба, а не судьба борца»[45].

Но и в эти годы было над чем посмеяться. Во всяком случае, можно прочитать юмористическо-сатирические очерки Анны Зегерс, которые были опубликованы в начале 1939 года в журнале «Ди нойе Вельтбюне» под общим названием «Путешествие в одиннадцатый Рейх» («Reise ins Elfte Reich»). Если сложности с паспортом для ищущих убежища, шумное приветствие, страсть к орденам, культ личности, авторитарное воспитание в школах описываются на основе опыта беженцев, то это *также* могло быть отнесено к Советскому Союзу. На студенческой конференции в университете Гумбольдта в Берлине в 1985 году Тамара Мотылева выразила согласие с этим утверждением и добавила, что в этих очерках может также присутствовать намек на помпезные парады в Москве.

Анна Зегерс после Второй мировой войны сохраняла дружеские отношения с Ильей Эренбургом, здесь – их встреча в 1950 году

О повороте назад и об изменении собственных взглядов не могло быть и речи. Все же слишком многое связывало Анну Зегерс с этой страной. К тому же, она не знала коварства судебных процессов и массовых репрессий. Кое-что она все-таки смогла выяснить, когда кузина Радваньи провела полтора года в заключении в московской тюрьме и после международных протестов была в 1938 году выдворена из пределов СССР. Однако подобные примеры Анна Зегерс считала исключениями или ошибками. Тем не менее она смогла понять, что народ и государство в Советском Союзе не могут без проблем создать единое целое, и что руководство не застраховано от ошибок и промахов[46].

Так как рассказы и романы Анны Зегерс публиковались в советских издательствах, и притом большими тиражами, читатель доверял ее имени и ее произведениям как в никакой другой стране. Между тем читатель в Германии ничего о ней не слышал. Хотя в 1939 году роман «Седьмой крест» после второго дополнения не был напечатан, в 1940 году в Москве в небольшой библиотеке «Международной книги» появилась книга на немецком языке «Die schönsten Sagen vom Räuber Woynok. Sagen von Artemis» (Лучшие предания о разбойнике Войноке. Сказания об Артемиде), которая была, кстати, единственной публикацией писательницы в этом военном году. После этого в течение долгого перерыва ее книги в СССР не издавались.

Германо-советское сближение, договор (о ненападении между Германией и Советским Союзом) от 23 августа и, в первую очередь, договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года должны были неизбежно вызвать у Анны Зегерс и многих ее товарищей удивление, испуг, вселили в нее неуверенность. Внезапная перемена сталинских настроений являлась актом «антисолидарности» с антифашистами Европы. Это глубочайшим образом отразилось на условиях существования беженцев, которые были классифицированы парижским правительством как враги. В то же самое время Франция и Англия вели «странную войну» против гитлеровской Германии, до тех пор, пока вермахт не положил этой «странности» конец. После победы Гитлера у беженцев возникла опасность попасть в руки врага.

Зегерс приложила огромные усилия, чтобы обеспечить безопасность себе и своим родственникам. Илья Эренбург в своих мемуарах пишет: «Тринадцатого июля

[1940 года] в посольство пришла Анна Зегерс. За нею следили, ей грозила смерть. Она просила помочь ей пробраться в “свободную зону”»[47]. Согласно рассказам Татьяны Мотылевой, Зегерс говорила ей о том, что обдумывает побег в СССР. С этим мог быть связан и визит в посольство 13 июля[48]. Иоганнес Р. Бехер в письмах Алексею Толстому от 27 июня и 6 июля вступился за спасение немецких писателей – 6 июля он упомянул в своем послании Фридриха Вольфа, А. Радваньи (Анну Зегерс), Ганса Мархвица, Альфреда Дёблина, Фрица Брюгеля, Густава Реглера, Рудольфа Леонгарда, Альфреда Канторовича, Бенедикта Фрайштадта (Бруно Фрая)[49]. В материалах политбюро СЕПГ по делу Франца Далема можно найти инструкцию Соломона Абрамовича Лозовского, заместителя тогдашнего наркома иностранных дел Молотова, Богомолову, полпреду СССР во Франции при режиме Виши. Для 20 человек, в т.ч. для Анны Зегерс, должны были быть подготовлены советские паспорта и деньги для передачи[50]. Сам Далем получил свой паспорт, но тем не менее попал в руки немцев.

Семья Радваньи к этому времени была уже на корабле. Анна Зегерс ничего не знала об этих обстоятельствах, она чувствовала себя брошенной на произвол судьбы. Эту критическую ситуацию она изобразила в романе «Транзит» (1944 – на испанском, 1948 – на немецком). Дискуссия о «русском пакте» велась здесь во французской семье рабочих:

> Споры разгорались у нас только, когда разговор касался России. Одни Бинне утверждали, что Россия думает лишь о себе, что она бросила нас на произвол судьбы; другие же считали, что здешние правители договорились с немцами, чтобы те двинули свои армии на Восток, а не на Запад, но русские сорвали эти планы. Старик Бинне, стараясь нас примирить, говорил, что когда-нибудь люди узнают правду – ведь секретные документы рано или поздно станут достоянием гласности, – но он, вероятно, уже не доживет до этого.

И чуть позже:

> Мы спорили о том, о чем тогда спорили все, – удастся ли немцам высадиться в Англии, долго ли просуществует русско-немецкий пакт, отдаст ли Виши немцам военно-морскую базу Дакар?[51]

Можно предположить, что дискуссии среди эмигрантов нашли свое отражение здесь, в романе, в разговорах этой семьи. В приведенных отрывках диалогов присутствует самое главное: ожесточение против сталинской имперской внешней политики, пренебрежительное отношение вождя к интернационализму (которое также растолковывается как большой дипломатический маневр для разжигания «мирового пожара»), понимание причин принятия антисоветского курса «политики умиротворения», принятие во внимание временной ограниченности «русского пакта»[52].

Во время долгого путешествия из Европы, начавшегося 24 марта 1941 года в Марселе, с чувством облегчения из-за удавшегося побега, с тревогой по поводу неизвестного места прибытия, в изолированности от внешнего мира и событий в нем, семья Радваньи–Зегерс в июне прибыла на остров Эллис в бухте Нью-Йорка. В 1975 году писательница рассказывала, что им был отрезан доступ в Нью-Йорк.

> Неожиданно начала распространяться новость, – если кому-то это было уже известно, то для некоторых это было именно «неожиданно» – что Германия напала на Советский Союз.

> В общем замешательстве все испытывали волнение, все хотели разобраться в ситуации и узнать детали. Потом к нам подошел наш друг – […] Герхард Эйслер. […] Сохраняя спокойный тон, он сказал: «Тогда Советский Союз должен разбить гитлеровскую Германию». […] Даже в самое тяжелое время, когда вермахт глубоко проник в пределы СССР, мы не сомневались, что придет день освобождения. Эту уверенность мы долгое время сохраняли в себе, выражали ее устно и письменно, иногда на демонстрациях, на мероприятиях, участие в которых некоторым создало определенные трудности[53].

Восхищение Анны Зегерс советской нацией и ее руководством в лице Сталина было огромно, и теперь она уже не сомневалась в единстве власти и народа.

В РГАЛИ (Российском Государственном Архиве литературы и искусства) Леонора Кренцлин и Дитер Шиллер смогли найти некоторые письма Зегерс, отправленные ей и ею во время войны[54]. Небольшое количество этих посланий и их неупорядоченность заставляет сделать вывод о существовавших сложностях при связи с внешним миром. Приветственная телеграмма апреля 1942 или 1943 года выражает солидарность Зегерс со вторым или третьим всеславянским антифашистским митингом, 1 сентября 1942 года писательница сообщает о своей деятельности в Мехико, в частности, об одной демонстрации в знак солидарности и просит передавать ей новости больше и чаще. В марте 1945-го она отправила Тихонову, председателю Союза писателей, телеграмму с выражением соболезнования в связи с кончиной Алексея Толстого.

Мехико был центром активности движения «Свободные немцы» («Freie Deutsche») и ежемесячного журнала «Свободная Германия» («Freies Deutschland»; 1941–1946). Анна Зегерс активно принимала участие в обеих организациях и, кроме того, была в этом сборе оппонентов Гитлера президентом «Клуба Генриха Гейне» (1941–1946). Вольфганг Кислинг, историограф эмиграции в Мехико, вспоминает: «Основным стремлением “Свободных немцев” было выражение солидарности с несшим основную “тяжесть” антигитлеровской коалиции Советским Союзом. […] До лета 1944 года речь все время шла о создании второго фронта в Европе»[55]. В связи с этим Анна Зегерс написала несколько статьей, такие, как «Тыл миллионов» («Hinterland von Millionen»; 1942) – для того чтобы показательно описать «негероические» силы сопротивления в повседневной жизни – и «Марш [немецких военнопленных] в Москве» («Marsch [der deutschen Kriegsgefangenen] durch Moskau»; 1944).

Размышляя о потенциале сопротивления в истории, она вспомнила про поражение Наполеона в России в 1812 году. Она снова заинтересовалась русской литературой и ее главными представителями и написала статьи «Земное наследие Толстого» («Tolstois irdisches Erbe»; 1942) и «Князь Андрей и Раскольников» («Fürst Andrej und Raskolnikow»; 1944). С этого момента начинаются ее обширные публикации по теме анализа произведений Достоевского и Толстого. Насколько мне известно, именно тогда Зегерс впервые стала проявлять повышенное внимание к Толстому. «Из двух писателей – представителей одного народа – первый показывает как главного врага заставляют сложить оружие, а второй – как опровергается его [Наполеона] идея борьбы за власть»[56].

Если смотреть вперед, уже во время после победы над вермахтом, то речь в этом отрывке идет о возможных последствиях «гитлеровской идеологии», об образе мыслей «Все разрешено», которым противопоставляется элементарное утверждение: «Человек не вошь». Станет ли уважение к человеку больше, если удастся восстано-

вить человеческое достоинство? Этот вопрос присутствует на всех страницах романа «Мертвые остаются молодыми», который начал писаться Зегерс одновременно с победой и освобождением, чтобы у новой «немецкой молодежи сразу появилось понимание преступления и наказания»[57].

Произведение охватывает временно́й период с 1918/19 по 1945 год и задумано как подробная характеристика и изображение немецкой нации. Художественная сила произведения – во впечатляющем, порой волнующем, описании человеческого стремления к цели и человеческой реакции. Здесь показывается, как из быта рабочих, военных, крестьян и промышленников, женщин, мужчин и подростков, как из существования отдельной личности рождается история. Но и тут слышны голоса эпохи. Автор добирается до сути причин национальной катастрофы и также связывает их с Советским Союзом. В захватнической и истребительной войне против Советского Союза достигает своей высшей точки вражда демократии и социализма, из-за чего в результате злая участь постигла весь народ. В конце же романа читателю как будто приходится проверить собственную нравственность: веришь ли ты, что тебе все разрешено? Или: жизнь и достоинство личности для тебя святы или ничего не стоят?

Роман начинается с призыва: «Ну, кончайте!»[58]. Он адресован отделению солдат. Он относится также к революционеру Эрвину и его мечте о другом, новом, устройстве общества, в котором все желания можно самому претворить в жизнь.

> Революция означала для них [Эрвина и его товарищей] не просто слова «переворот», «советское государство» или лозунг «Вся власть Советам!» – революция была для них новой жизнью, столь же мало похожей на прежнюю, как потусторонний мир на этот. Они ожидали раздела земли не менее горячо, чем рождения неизведанных чувств в своей душе. Эрвин надеялся, что ему удастся стать слесарем-механиком, […] как надеялся, что новый мир будет государством неисчерпаемой мощи, основанным на свободе и справедливости[59].

Эта утопия подпитывалась новостями из революционной России и относилась к будущему Германии: для одних она была надеждой, для других – угрозой их привилегиям и руководящему положению. В утопических описаниях чувствуются и юношеские порывы писательницы, в том числе что-то «достоевское».

Оценка происходящих вокруг событий снова проявляется в диалогах. Изображение внутреннего мира героев характеризует их личность, вносит новый смысл в произведение и показывает возникающие разногласия, при этом, здесь не нужен авторский комментарий. Так, в тихой комнатке обсуждаются и осуждаются московские процессы над социал-демократическими и коммунистическими рабочими[60]. Надо помнить, что роман был опубликован в 1949 году в восточноберлинском издательстве «Ауфбау» – и никто не поднял шумихи по этому поводу!

Работой над романом «Мертвые остаются молодыми» Анна Зегерс завершила этот период своей жизни. Говоря об ее отношении к СССР, показательна одна фотография из Мехико, на которой ее сын дает ей прикурить сигарету. На стене сзади висит плакат с портретом маршала Тимошенко. Пьер Радваньи говорит сейчас, что это изображение было широко распространено в то время. А для семьи Зегерс оно стало символом того, что фашистская Германия будет побеждена и рано или поздно они смогут туда вернуться.

1947–1983: «Я не позволю, чтоб меня убили обломками низвергнутых богов». Послевоенные романы «Решение» и «Доверие»

Как изменились условия литературной работы и общения для Анны Зегерс, когда она в 1947 году вернулась в освобожденную Германию! Раньше у нее никогда не было такого тесного контакта с советскими гражданами. И как поменялся образ Советского Союза в мире после победы над гитлеровской Германией! Теперь, поскольку СССР оккупировал восток страны и восточный сектор Берлина, через советскую военную администрацию, Кремль мог использовать свою силу.

Связи Анны Зегерс с издательствами остались прежними, несмотря на то, что сами издательства немного поменялись. В Москве ее книги издавались снова и снова – к тому же, большими тиражами. Если не принимать во внимание Восточную Германию, то можно смело утверждать, что ее книги не распространялись ни в одной другой стране так, как в Советском Союзе.

Одна фотография изображает Зегерс 10 мая 1947 года на заседании по случаю Дня свободной книги с другими немецкими писателями и тремя офицерами оккупационной армии, среди них – выступающий полковник Сергей Тюльпанов, ответственный за пропаганду в советской зоне. У всех слушателей скучные лица, и только Анна внимательно смотрит на человека за кафедрой[61]. С Тюльпановым и его супругой у нее были дружеские отношения. От Тюльпановой она по-настоящему узнала, что такое ленинградская блокада[62] – хорошая иллюстрация возможностей получения информации. В Берлине она, конечно, также смогла встретить бывших беженцев в СССР.

Писательница стала заместителем председателя недавно образованного «Общества изучения культуры Советского Союза», в 1949 году переименованного в «Общество германо-советской дружбы»[63]. Так возникли тесные отношения с Москвой. Возможность аналогичной совместной работы появилась в Союзе писателей СССР, в 1952 году Зегерс была избрана председателем Союза писателей ГДР. Ее сотрудником в Москве стал Владимир Стеженский[64] – важный партнер, позже ставший и другом.

Движение сторонников мира стало главной площадкой политической деятельности Анны Зегерс, она рассматривала это как продолжение антифашистской работы[65]. В декабре 1951 года она получила международную Сталинскую (Ленинскую) премию «За укрепление мира между народами». (Кстати, возможно, что в ГДР это могло обеспечить ей защиту от подозрений в «антисионистских» акциях.) Она даже стала членом комитета по присуждению премий.

Всё это привело к множеству официальных и неофициальных знакомств и путешествий, дало возможность поездок во время отпуска (в том числе, для семьи) и ради архивных исследований. Об этом свидетельствует обширная переписка.

В писательской среде у Зегерс были особенно близкие отношения с Ильей Эренбургом и его женой – они общались на французском языке; хорошо она относилась и к Александру Фадееву, Ефиму Эткинду, Константину Федину, Константину Симонову, Борису Полевому и Даниилу Гранину.

Интенсивное деловое общение с литературоведами и критиками, прежде всего, с Татьяной Мотылевой, превратилось «с 1930 года в чудесную дружбу»[66]. В некоторых

Вверху: полковник Сергей Тюльпанов и Анна Зегерс в президиуме комитета по организации первой годовщины Общества изучения культуры Советского Союза, май 1948 года; внизу: Анна Зегерс и Лев Копелев с корреспондентами в Москве, 1962 год

случаях она распространялась и на родственников. В 1966 году Мотылева пишет, что ей нужно также передать привет от мамы, Миши, семьи Копелевых и Фрадкиных, Сюзанны [Розановой?] и многих других. Ученые, студенты и студентки, занимавшиеся филологией, выпрашивали у нее биографические и исторические справки. Некоторые публикации сообщают об этом. Отдельную группу составляют соратницы из Союза пролетарско-революционных писателей, которые часто приходили просить о помощи (Дора [Додо] Гарай, Мария Вернер, Труде Рихтер). Также сюда входят многочисленные читатели, которые в своих письмах изливали свою душу известной немецкой писательнице.

В общем и целом – все более густая паутина из жизненных нитей. Перед отъездом из Москвы 7 июля 1956 года Зегерс написала оптимистический стишок: «Путешественник, уезжающий из Москвы, / Везет целый ворох вещей. / Икрой, «Старкой», прочим его чемоданы полны, / А голова – идеологией!»[67].

Первое серьезное столкновение с послевоенной советской Россией произошло у Анны Зегерс через год после ее возвращения из Мексики: во время четырехнедельного путешествия в апреле–мае 1948 года. Она была членом, как это тогда называлось, «делегации немецких деятелей культуры (преимущественно писателей), приглашенных на съезд Союза писателей СССР. Это была первая поездка такого коллекти-

ва после войны»[68]. Кроме нее и руководителя делегации Юргена Кучински, в путь отправлялись Бернхард Келлерман со своей женой, Вольфганг Лангхофф, Эдуард Клаудиус, Вольфганг Харих, Михаэль Чесно-Хелль, Гюнтер Вайзенборн и живописец Генрих Эмзен: все – однозначные враги Гитлера. Эта поездка помогла преодолеть изоляцию Германии от остального мира.

Анна Зегерс почувствовала огромную разницу между ее ощущениями после первого посещения страны в 1930 году: теперь, спустя три года после ужасной войны, ей часто приходилось встречать недоверчивых собеседников, словно вопрошающих взглядом: «а что вы за немцы?». Свои впечатления она перенесла в книгу «Советские люди. Жизнеописание, основанное на их сообщениях» (Sowjetmenschen. Lebensbeschreibungen nach ihren Berichten), появившуюся осенью 1948 года. Но немецкие читатели не жаждали положительных впечатлений от поездки в Россию сразу после войны и после денежной реформы, а тем более во время Берлинской блокады. Начиналась «холодная война». Обоюдная враждебность стала нормой. Теперь речь шла о принципиальных политических предпочтениях немцев. С неудовольствием Анна Зегерс вспоминала перебранку между американцем Мелвиллом Ласки и его советским оппонентом на окончании Первого германского съезда писателей в 1947 году.

Защищая широкий взгляд на искусство, она пыталась бороться с мнением, согласно которому в Советском Союзе господствовала бездушная доктрина. Она ссылалась на Фадеева – он якобы объяснил ей, что нельзя считать социалистический реализм подчиняющимся узким шаблонам и стереотипам. Однако она принимала желаемое за действительное. Так как начатая в СССР кампания борьбы с космополитизмом и формализмом скоро продолжилась и в ГДР – инициатором этой идеи выступил заместитель политсоветника военной администрации Владимир Семенов[69].

Поскольку Анна Зегерс отправилась в поездку как заместитель председателя Общества изучения культуры Советского Союза, ее задачей было добиться взаимопонимания. Свой отчет о путешествии она заканчивает исторической отсылкой. Она приводит в пример Французскую и Октябрьскую революцию в надежде, что Германия также сможет ликвидировать свое историческое отставание.

В личной беседе писательница все же выражала свое огорчение. Копелев писал о мнении, высказанном Зегерс позже, в 1965 году; тогда она была расстроена. «Я была так *degoutée* [сыта по горло, испытывала отвращение (*фр.*) – *Прим. перев.*] всем этим», – говорила она[70]. Это может объяснить, почему тогда у ее слушателя возникло впечатление, что она разговаривала сдавленным голосом. Однако никаких перемен это за собой не повлекло. Как удалось сохранить такое глубокое убеждение?

В письмах, написанных после войны близким друзьям, можно найти указания на истоки появления такого убеждения. Зегерс пишет Лизль и Эгону Эрвину Кишам: «Нашим лучшим [советским] друзьям – и такое же впечатление создавалось у французских друзей, с которыми я разговаривала – легко удается быть оптимистами с их чрезвычайной убежденностью. Они могут себе позволить считать поколениями. Они могут смело надеяться, что через 30 или 50 лет вещь будет выглядеть по-другому, когда мы, привыкшие считать отдельными жизнями, хотим лучшего уже через три или пять лет»[71].

Дочь Анны Зегерс, Рут Радваньи, и сын Пьер говорят, что их мама до конца жизни сохраняла веру в то, что советский народ, живший в огромной и богатой стране, имел достаточно сил для самоочищения и для строительства социализма. Это,

Анна Зегерс в музее-квартире Достоевского в Москве, 27 апреля 1957 года

пожалуй, и было причиной размолвки между ней и Львом Копелевым, который, чем дальше, тем больше отдалялся от этой надежды. Но не Анна Зегерс. Она считала, что, находясь уже на закате своей жизни, сможет до конца держаться за свою надежду и не отыскивать для себя других.

Однако это не исключило глубоких потрясений, увеличивавшегося недоверия и значительных изменений ее исторических представлений. От сталинского культа Анна Зегерс держалась в стороне. В ее эссе 1948 года, где речь идет о праздновании 1 мая, один раз упоминается имя Сталина. «Это была демонстрация рабочих, которые шли перед Сталиным и ЦК мимо мавзолея»[72]. В диалогическом тексте к смерти Сталина 5 марта 1953 года она утешает «юного друга»: «Теперь тебе кажется, что все замерло. Потому что самое сильное из всех движений – сердцебиение Сталина – остановилось». После этих высокопарных предложений все-таки следуют размышления об исторической непрерывности. Народ бессмертен[73]. Анну Зегерс до глубины души потрясли преступления Сталина и его людей, тайну которых раскрыл Хрущев. Через десять лет, в 1967-м, она цитировала из поэтического наследия турецкого писателя Назыма Хикмета: «Я не позволю, чтоб меня убили обломками низвергнутых богов»[74].

Все эти годы не прекращалось ознакомление писательницы с русской литературой, иногда она читала очень интенсивно. Страсть любительницы чтения к советской современной литературе и заново или только что изданным старым книгам заставляла искать людей со схожими интересами. Отчасти нарушив сложившиеся официальные устои, в 1971 году она написала одной студентке:

> Я должна Вам признаться, что Максим Горький не оказал большого влияния на развитие моих писательских качеств. […] Но писатели начала революции, например, Александр Блок и Есенин, произвели на меня огромное впечатление. И только недавно я узнала таких писателей, как Булгаков, Платонов и […] Тынянов. […] Но сейчас я стала понимать, что о многих, многих я забыла: например, о Симонове, Фадееве, Полевом и других[75].

У своих московских товарищей она старательно выпрашивала рекомендации для чтения. Например, в 1962-м Тамара Мотылева указала Зегерс на Солженицына, в 1963-м Копелев посоветовал ей Марка Галлая и Айтматова, в 1969-м Стеженский открыл для нее Василия Белова. В 1970 году она написала Стеженскому, что «Горячий снег» Бондарева – «пока самая чудесная книга». Через два года она говорила, что «Белый пароход» Айтматова очень хорош[76]. Анна Зегерс разделяла симпатии читателей ГДР в плане советской литературы такого рода – выпускаемой, в основном, издательством «Фольк унд Вельт» (Народ и мир).

Новое обращение к русской классической литературе в начале 50-х годов было связано с ее специальным проектом. Речь шла о романе о, как она это называла, русском полифоническом типе, каким он был, по ее мнению, у Толстого и Достоевского. В 1954 году, продолжая стабильно организовывать различные рабочие и дружеские встречи, она начала, в сотрудничестве с Владимиром Стеженским, объемные архивные исследования по Толстому, результаты которого нашли свое воплощение в письме-эссе, адресованном Жоржу Амаду, – «О создании “Войны и мира”» (Über die Entstehung von “Krieg und Frieden”)[77]. Зегерс интересовало, как появился роман «Война и мир». На основе документов из архивов, она установила, что Толстой сначала намеревался написать произведение о декабристах. Однако чтобы изобразить русский народ, «все классы и слои» населения, он решил описать предыдущую эпоху. К этому времени Анна Зегерс уже начала обдумывать роман о восточной зоне/ГДР[78].

Через девять лет она снова напишет в схожей манере письмо-эссе Амаду, правда, уже с парохода, возвращающего ее в Европу из Бразилии. На этот раз она была занята продолжением своего первого романа о послевоенном времени. Сопоставляя события, можно предполагать, что действие нового произведения будет разворачиваться с 1952 по осень 1953 года, в центре общественного внимания – смерть Сталина в марте 53-го и Берлинский кризис 17 июня в ГДР. Но отправной точкой этого богатого мыслями сочинения является идея о том, что литература приходит из литературы[79]. Образ великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевского (1880) связан с образом в «Доне Карлосе» Шиллера (1867). А в «Докторе Фаустусе» Томаса Манна (1947) уже чувствуется присутствие Достоевского. Как «странствование» героев, так и их различия в работах Шиллера, Достоевского и Томаса Манна – «откуда они приходят и куда они уходят» – мог заметить внимательный читатель. Это имеет большую познавательную ценность, с точки зрения истории. У автора, вновь и вновь ставящего вопрос о мужестве писать реалистично, под воздействием внешних и внутренних рычагов, в итоге всегда появляется проблема необходимости оценки, анализа и рассмотрения перспектив этого реалистического письма.

То, что интересовало писательницу теперь, в начале 60-х годов, явно было другим, чем десять лет ранее, и, конечно, отличалось от пристрастий 20-х годов. В то время чтение Достоевского давало ей импульс к приобретению социалистических взглядов, мораль Достоевского занимала важное место в фундаменте ее картины мира. 40 лет спустя возникшую вокруг нее реальность, имя которой – социализм,

она связывала с теми основными ценностями. Соответствовало ли новое общество идеалам, для осуществления которых была захвачена власть? При размышлении над этой темой – снова после серьезной работы в архивах – Анна Зегерс задалась одним из, в высшей степени, актуальных философско-исторических вопросов: об отношении идеи и ее воплощения, духа и силы в социализме.

Зегерс проанализировала разговор братьев Карамазовых, в котором Иван рассказывает брату сочиненную им поэму о Великом инквизиторе, о старце и Иисусе. Иисус снова вернулся на землю, вылечивает больных и воскрешает мертвых. Народ выносит ему приговор.

> Его судят и сажают в тюрьму. Никто ему не помогает. […] В тюрьме к нему приходит Великий инквизитор. […] Он ставит инквизиции в заслугу то, что она, наконец, победила свободу и сделала людей счастливыми. Так как человек не переносит свободы[80].

Прямая, очевидная ссылка текстов Зегерс на Достоевского может быть неоднократно подтверждена. Можно взять нравоучения: «Не хлебом единым жив человек», «человек не вошь», – и противопоставить: стигматизация морали «сверхчеловека» (Übermensch), «ничто не запрещено». Уже из этого несложно сделать вывод, что моральные ценности Анны Зегерс схожи с ценностями Федора Достоевского. Хотя это не так очевидно, стоит указать и на то, что после XX съезда КПСС писательница хотела осмыслить проблематику сталинизма на основе идей Достоевского – правда, из этого ничего не вышло. В рассказе «Справедливый судья» речь идет о «злом старце»; в предательстве, совершенном по отношению к социализму, по сути, всем обществом, обвиняют одного судью. Однако такая конструкция не могла прожить долго. Возможно, писательница тоже так считала, поэтому оставила черновики и не отправила произведение в типографию. Чуть позже мы еще вернемся к роману «Доверие».

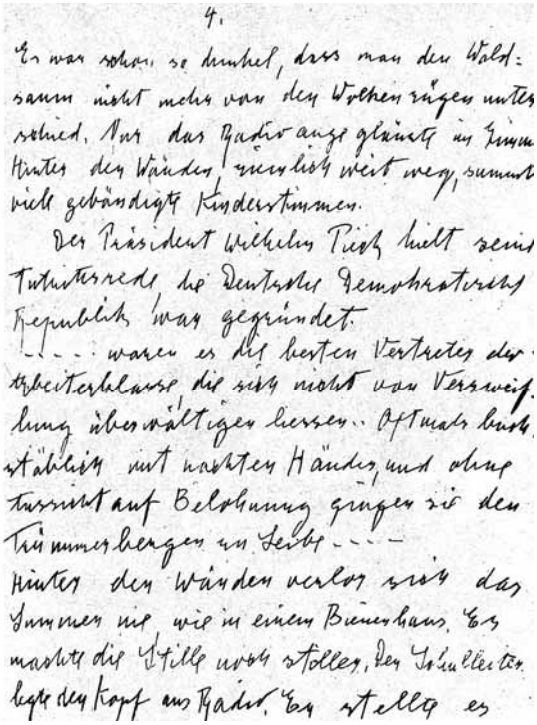
Последняя фаза активной работы с русской классикой начинается в 1968 году и посвящена Николаю Гоголю. В январе 1971 года Зегерс просит Тамару Мотылеву сообщить ей все, что «Вы знаете из биографии (возможно, с датами) Кафки и Гоголя. Но не говорите об этом другим… И об Э.Т.А. Гофмане. […] Что с Копелевым – я уже давно ничего не слышала о нем»[81].

Результатом этой работы стал рассказ «Встреча в пути» («Die Reisebegegnung»; 1973), в котором Э.Т.А. Гофман, Гоголь и Кафка встречаются в 1922 году в пражском кафе, «чтобы обдумать и обсудить художественные приемы, задачи и влияние литературы. […] Гоголя […] автор считает самым гениальным из трех: с помощью своего романа «Мертвые души» он смог передать сущность крепостного строя. Однако необходимо сделать критическое замечание: страх перед государственной властью в последние годы жизни Гоголя стал причиной появления мешающей его творчеству самоцензуры»[82].

Здесь также обсуждаются и темы, интересовавшие лично автора, особенно, когда речь идет о бремени, возложенном на писателя. Зегерс резко возразила Льву Копелеву, когда тот сказал, что она полемизирует с Кафкой. «Мне даже в голову не приходило спорить с Кафкой, которого, полагаю, я знаю дольше, гораздо дольше, чем Вас. […] Эти люди, конечно, не так далеки от нас»[83].

В начале пятидесятых годов Советский Союз только в отдельных исключениях был местом действия коротких рассказов. В романе «Решение» (1959), появившемся

Четвертая страница рукописи романа «Решение»


4.
Es war schon so dunkel, dass man den Wald-
saum nicht mehr von den Wolkenzügen unter-
schied. Nur das Radio ganz glänzt im Zimm
Hinter den Wänden, unendlich weit weg, summt
viele gebändigte Kinderstimmen.
Der Präsident Wilhelm Pieck hielt seine
Antrittsrede, die Deutsche Demokratische
Republik war gegründet.
---- waren es die besten Vertreter der
Arbeiterklasse, die sich nicht von Verzweif-
lung überwältigen liessen.. Oftmals buch-
stäblich mit nackten Händen, und ohne
Aussicht auf Belohnung gingen sie den
Trümmerbergen zu Leibe ----
Hinter den Wänden verlor sich das
Zimmer nie, wie in einem Bienenhaus. Es
machte die Stille noch stoller, der Jüngste
legte den Kopf ans Radio. Er stellte es

через три года после хрущевского разоблачения на XX съезде, бросается в глаза робость при изображении советского государства и его граждан. Эта сдержанность кажется странной, учитывая к тому же, что центром событий 1947–51 годов в произведении является сталелитейный завод в советской зоне / ГДР. Создается впечатление, что писательница лишилась дара речи. Ее изображение эпохи осветлено, острота оценки смягчена, а войска победителей / оккупирующих сил, репарации, многократно производимые разрушения, законные и незаконные аресты почти полностью остались за страницами книги.

Роман «Доверие» (1968) в этом смысле поэтому может быть рассмотрен именно здесь: в нем центром сюжета является не только восстание 17 июня 1953 года, но и смерть Сталина в марте того же года. В центре внимания Анны Зегерс, «закаленной» своими исследованиями, касавшимися Толстого, оказываются события, в которых всему обществу приходится пройти через определенные испытания и где важную роль играют тесные взаимоотношения ГДР и СССР. Повествование же акцентируется, главным образом, на действиях и судьбах героев. Сталин как представитель социализма, московское «дело врачей», смерть Сталина, судьба эмигрантов в СССР, вынужденное молчание – все эти темы появляются в мыслях и разговорах персонажей. Действующие лица характеризуются именно таким образом, однако, нельзя считать их высказывания мнением автора, иначе может создаться ошибочное впечатление[84]. Кроме того, писательница не наделяла своих героев знаниями, которых у них просто не могло быть в 1952–53 годах. Таким образом, проявляется последовательность изменяющихся взглядов, убеждений и перемен в сознании от времен гитлеровской диктатуры до консолидации двух немецких послевоенных обществ.

Общий характер изображения и главная тема определены вопросом о *гуманизме при строительстве общества* «почти что на пустом месте, по-новому»[85], в котором каждый человек – и он сам должен это понимать – важен и необходим. Особенно с помощью образа Янауша автор попытался изобразить провалы этой интеграции. После войны старый рабочий стал заботиться о молодежи: на заводе он постоянно дает им свои поучения и наставления, чтобы они не «опускались». Он не чувствует, что на национализированном предприятии зарождается что-то новое, и его недоверие сохраняется, несмотря на попытки его окружающих что-либо ему объяснить. Двум молодым рабочим, членам СЕПГ и убежденным социалистам, старый рабочий комментирует заключение медицинской экспертизы о характере болезни Сталина, опубликованного в газетах марта 1953 года: «Если я заболею, такого бюллетеня, пожалуй, что и не вывесят». Один из рабочих, Эрнст, говорит ему с усмешкой: «К тебе ветеринара придется вызывать». А второй, Томас, ему поддакивает: «Что правда, то правда». Янауш чувствует себя глубоко оскорбленным – он думает про Томаса: «Будь он проклят, этот сопляк!» (Д 114). В нашем случае, при прочтении романа, важна оборотная сторона сталинского культа: извращение социализма, презрение к простому, близкому рабочему, образ почитаемых верхов и ничтожных низов.

Но проявляется ли здесь – даже если несознательно – прежнее мировоззрение писательницы? В образе Лины Саксе Анна Зегерс изображает в некотором роде набожный характер, – юную и полную энтузиазма работницу, которая недавно была членом Союза немецких девушек[86]. Поражение в войне уничтожило веру героини в Гитлера. Новая «преподавательница» преподносит ей новое учение – веру в Сталина. Лина чувствует себя призванной передавать его дальше. Жизнь становится соразмерной учению, поступки людей – их решениям. Автор придает Лине обаяние и способность любить, которая смешивается с энтузиазмом. Нарушение ее другом Томасом запрета партийного руководства СЕПГ на выезд в Западный Берлин – он хотел сам посмотреть, «что делает людей дикими, алчными, неверными» – означает для нее предательство, предательство и по отношению к ней лично. Правду, которая может повредить ее идолу, она воспринимает как личную угрозу.

На протяжении всего романа ведутся многосторонние дебаты о «деле врачей». Говорят о том, что какая-то женщина получила орден за то, что писала в ЦК жалобы на этих врачей. После смерти Сталина это стало означать, что социалистическая законность не была соблюдена. Юный Томас спрашивает свою подругу: а не заставили ли ее насильственно дать ложные показания?

> Почему же все-таки у врачихи отняли орден? Только за то, что суд неправильно сформулировал обвинение? […] – Лина с ненавистью посмотрела на него. – […] Когда такой жизни грозит опасность, люди не в состоянии взвешивать каждое слово (Д 134).

Это высказывание можно соотнести с обидой старого рабочего, Янауша. (Нет, не все разрешено. И человек не вошь.)

Кто-то говорит, что список фамилий врачей мог быть с таким же успехом опубликован в «Der Stürmer»[87], как и в «Правде». Большинство героев не способны разобраться в этой путанице; молодой рабочий просит своего старого учителя объяснить ему всё. Тот отвечает: «В доносительстве, в поклепе есть что-то фашистское» (Д 220). Этими словами показывается, что в Советском Союзе происходит нечто противоречащее гуманистической морали – в присутствии которой в советском об-

ществе была уверена Анна Зегерс. Однако как бы ни сильны были эти причинения вреда, писательница крепко держится за убеждение в том, что народ всегда способен научиться преодолевать все подобные трудности. В изображении современной автору эпохи появляются черты желаемого образа мира, среди реальной жизни возникает утопия. Можно прийти к парадоксальной формулировке: здесь представлен реализм лучшей возможности.

В романе есть также эпизоды, в которых переданы впечатления немецкого коммуниста, бежавшего во время гитлеровской диктатуры в Союз, и отношение других людей к его опыту.

При возвращении из западной эмиграции Анна Зегерс встретила немалое число немцев, которые вернулись из советской эмиграции. Некоторые из них были или будут друзьями, лучше же всего она сумела найти общий язык с Эрихом Вендтом, до 1954 года – руководителем издательства «Ауфбау», – и его женой Лотте, ранее Венер[88]. Вероятно, долгое время Зегерс сохраняла убеждение о гостеприимности по отношению к эмигрантам на «родине всех трудящихся». Но все чаще ей приходилось слышать противоположные отзывы. Так, 16 января 1949 года Эмма Нейцке из Берлина-Мариендорф написала ей, что ее муж, Герман Нейцке, участник ноябрьской революции, коммунист и с 20-х годов представитель различных советских организаций, в СССР был арестован, и с 1939 года Эмма уже не получала никаких сведений о нем.

> В 37-м году в Москве было арестовано много иностранцев и почти все немцы, что для Вас не могло остаться неизвестным. Однако эти меры […] могли быть действительно необходимы. А вот что человека официально и открыто могли привезти туда, принять прямо из рук гестапо и там арестовать – этому, конечно, никто не поверит[89].

Как отреагировала на это письмо Анна Зегерс, если вообще отреагировала, неизвестно. Да и с кем она могла обсудить это? С Тюльпановым? С Пиком?

С 1955–56 годов начало увеличиваться количество писем от подруг, которые сообщали о своем возвращении: от Доры Гарай, Марии или Греты Вернер. 30 июля 1956 года Зегерс получила призыв о помощи от Труде Рихтер (1899–1989) из Магадана (т. е. от доктора Эрны Барник, спутницы Ганса Гюнтера). До этого Рихтер уже обращалась к Бехеру и Пику, но безуспешно. Анна Зегерс, которая была известна своей соратнице как секретарь Союза пролетарско-революционных писателей, ответила на письмо сразу же: «Почему мы от тебя ничего слышали, сегодня, когда многие возвращаются…?». Зегерс обратилась с просьбой о помощи в Союз писателей СССР, а также в различные инстанции в ГДР, с тем, чтобы добиться выезда Рихтер из СССР, и соответственно, возвращения на родину. Обе женщины постоянно поддерживали контакт друг с другом, и Зегерс, через множество посредников, удалось создать Труде Рихтер в 1957 году, можно сказать, третью жизнь в ГДР – в качестве преподавателя литературы[90].

Вернемся к роману. Выше описанный опыт автора из жизни отражается в образе директора завода Ульшпрегера, замкнутого и неразговорчивого человека. К Ульшпрегеру приходит Рихард Хаген, партийный секретарь. Хаген до этого воевал в испанских интернациональных бригадах, был интернирован во Франции, в итоге, попал в немецкий концлагерь и, к счастью, выжил. Теперь он рассказывает своему директору, что хотел бы начать учиться заочно для лучшего понимания окружаю-

щих его людей и своей работы. Он выражает свою зависть Ульшпрегеру, считая, что тот без проблем получил хорошее образование в молодости, когда был в Советском Союзе. Но Ульшпрегер возражает Хагену:

«Да, конечно, начиналось все хорошо – потом настало лихое время. А мне еще повезло больше, чем другим. […] Случилось чудо, я вышел на свободу. […] Потом – война. Я так и не кончил учение. Не сдал положенных экзаменов» (Д 375). Рихард удивился – почему он обо всем этом ему не рассказывал? На что получает ответ: «А какой смысл рассказывать? […] Подумай, много ли бы переменилось для тебя, знай ты, что некий Ульшпрегер был там арестован?». Тогда Рихард спрашивает: «Но кто виноват в твоем аресте? Берия? Теперь и ему пришлось держать ответ». Но Ульшпрегер снова запирается: «Брось. Многое и без того переменилось. Сейчас у нас другие дела и совсем другие проблемы» (Д 376). После этой фразы оба замолкают. Рихард уважал позицию директора, который остался верным и умолчал обо всем. Потом Рихард даже думает: «Да, правильно. Нельзя ему было говорить. Многих это бы вконец сбило бы с толку» (Д 377). Очевидное возражение – что в тот или иной день все тайны будут раскрыты, а на Западе уже опубликовали достаточное количество материалов – здесь не произносится. Установка, имеющая решающее значение для обоих работников, – правда может вредить – принимается ими на веру и не проверяется, и, таким образом, позволяет автору не комментировать и не обсуждать своих героев[91].

Впрочем, Тамара Мотылева, московская подруга Анны Зегерс, не сочла правдоподобным, что партийный секретарь Хаген мог, действительно, быть ошарашен немногословным разоблачением Ульшпрегера – об этом она сообщила и самой писательнице. Та ответила с обратной почтой:

> Уверена, что здесь Вы пребываете в заблуждении. В 1953 году относительно мало людей у нас, и даже у вас – меньше, чем Вам кажется – могли знать и понимать истинное положение Ульшпрегера. Рихард никогда ранее не мог слышать ни о чем подобном, точнее, он объяснял себе это совсем по-другому. Иначе почему так много людей получили шок после XX съезда? Какая часть незнания, нежелания знать, обмана, особенно у вас, неверных представлений у нас и т. д. является тому виной, я не могу объяснить в этом письме. Но в любом случае, в 1953 году было очень много хороших, умных пожилых товарищей, которые, тем не менее, не могли разобраться в ситуации. […] В Париже многие рабочие сказали, что в буржуазных газетах врали и без того. Поэтому они просто никогда не верили тому, что там писали[92].

Так, писательница смогла дать выход своей злости на неуважительную критику, на официальную стратегию обмана и молчания, и на самоцензуру. Зегерс (по крайней мере, так она думала), в своем романе расставила достаточно ловушек для задумывающегося читателя. Она не хотела угрожать. Она верила, что писала свой роман на грани возможного в ГДР – Зигрид Бок назвала такое «протаскивание» опасной правды «письмом намеками». Хотя Зегерс попыталась намекнуть на то, что произошло с Ульшпрегером, она все-таки не дала окончательного ответа на этот вопрос. И, несмотря на то, что она всегда оправдывала «необходимость молчать», в итоге это молчание было нарушено ею самой[93].

Образ мира, созданный Анной Зегерс в рассказе «Встреча» («Wiedersehen»), противопоставлен пирамидальной, как бы феодальной структуре общества с бюрокра-

тической номенклатурой. Последнее произведение, действие которого разворачивается в Советском Союзе и в текущее время, появилось тремя годами ранее «Доверия» в сборнике «Сила слабых». Для рассказа срединное расположение в сборнике – особое место. Здесь проявляется представление Зегерс об «обычной жизни». Читатель уже мог его видеть в романах «Освобождение» (1937) и «Седьмой крест» (1942), но там оно было развито в изображении капиталистического и фашистского общества. Теперь «обычная жизнь» переведена в московский контекст. Рассказ Зегерс перерабатывает воспоминания советских участников войны, в первую очередь, Владимира Стеженского. Кстати, одного из главных героев зовут Володя[94].

Рассказ повествует о прогулке автора с этим Володей. Пройдя «через Красную площадь, по стороне ГУМа», герои переходят реку и оказываются у незаметно расположенной небольшой церковки, которую Володя до этого никогда не замечал. Там они неожиданно встречают пожилую женщину, в которой Володя узнает Пелагею Васильевну – ее он неоднократно видел во время войны. Во время советского отступления в 1942 году Пелагея взяла на свое попечение пятерых детей; в одном фрагменте писательница дает ей такое описание: «…как свясло сноп, обнимавшая руками свою многочисленную семью»[95]. Однако мать до сих пор жалеет, что во время комендантского часа выпустила одного из мальчиков, Костю, на улицу – пытаясь, как и другие жители, оказать сопротивление немцам, он не сумел выжить и был расстрелян врагами. Володя, как бывший красноармеец, возражает Пелагее: «Да если бы не эти ребята, что бы с нами сейчас было?..». Благодаря самоотверженной отваге Кости и материнской заботе Пелагеи, «теперь все здесь, и это уж навсегда, навечно»[96]. И потом, в финальную фразу, произнесенную Володей, писательница вкладывает что-то до этого скрытое, незамеченное: «Не думал даже, что там церковка стоит, которой я ни разу не видел»[97]. Так возникает новый образ церкви – связанной не с официальными постулатами, а с народом.

Действие сборника «Сила слабых», в который включен рассказ «Встреча», происходит во всех уголках Земли, в самые различные времена, в том числе и в настоящем. Рассказы создают образ истории, которая постоянно продолжается, знает медленную скорость изменения процессов, но не может примириться с остановками или откровенными провалами, а, вместо этого, возлагает надежды на защиту, стойкость, верность, на такие качества, как внимательность, постоянство, доверие, помощь ближнему и на бытовую добродетель. Московский эпизод возникает в середине сборника. Специально ли?! Не стоит забывать и другой факт: свой рассказ «Настоящий синий цвет» («Das wirkliche Blau»; 1967) о гончаре по имени Бенито Анна Зегерс написала в Дилижане и посвятила его своим армянским друзьям, писателям и гончарам.

На мой взгляд, писательница не озадачивалась выбором между эволюционным и революционным вариантом развития истории. Она разведывала различные пути истории, возможности противостояния, борьбу против утраты памяти о многих фактах, против «забывания» их. В «Карибских историях» («Karibischen Geschichten»; 1949, 1961) она описала потерпевшие неудачу революции, освобождение черных. Хотя она всегда сама опасалась проведения параллелей между историческими рассказами и современной действительностью, можно найти примеры, где читатель может сопоставить две реальности. Три рассказа изображают последовавшее после Французской революции освобождение рабов на Гаити, Гваделупе и Ямайке, дальнейшее предательство Наполеона по отношению к этому освобождению и возвра-

щение прежнего соотношения сил, и после этого – спасение и передачу знаний, опыта и памяти об этих событиях дальнейшим поколениям. Все эти истории подходят под одно определение: «Когда на “родине”, в “отечестве” революции – тогда Франции, а в XX веке в стране Красного Октября – происходит революция, во всем мире свои шансы теряют другие угнетенные»[98]. Не надо сравнивать с Октябрьской революцией и Советским Союзом, хотя и приходится говорить о чем-то подобном, когда в рассказе о Гаити речь идет о революции, которая почти целиком зависит от личности вождя[99], или когда на Гваделупе освобожденные жители не могут справиться с организацией экономической и политической жизни.

В «Свете на эшафоте» («Das Licht auf dem Galgen»; 1961), описывая тот же исторический период, Зегерс по-другому расставляет акценты. И здесь эмиссары революционной Франции инициируют восстание рабов, хотя теперь в британской колонии – на острове Ямайка. Начало восстаний совпадает с захватом власти Наполеоном, это – время перехода к буржуазному типу политики в главных державах и прекращения освобождения рабов. На переднем плане – конфликт среди эмиссаров: как им поступать с заданием из Парижа? В итоге, все сводится к спору о том, считать ли это задание формальным документом (теряющим силу, когда нет законодателя) или данью освободительному движению. Эмиссары делают выбор по-разному: один отказывается от выполнения задания и, таким образом, спасает свою жизнь, другого же преданность приводит к виселице. Мотив света в названии относится как к преданности, так и к передаче опыта и памяти. И к надежде. Эта надежда в последних рассказах Зегерс «Три женщины с Гаити» («Drei Frauen aus Haiti»; 1980) относится к «восстанию всех рабов мира», восстанию, в котором каждый человек уважается и принимается во внимание[100].

Перевод с немецкого Ивана Черемушкинского

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Библиотека Анны Зегерс представлена в доме-музее Анны Зегерс (принадлежащем Берлинской академии художеств) на Anna-Seghers-Straße 81.

[2] *Achim Roscher.* Im Gespräch mit Anna Seghers. In: Eberhard Günther (Hrsg.): Positionen 1. Wortmeldungen zur DDR-Literatur. – Halle und Leipzig, 1984. S. 149f.

[3] Там же.

[4] *Anna Seghers.* Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Bearbeitet und eingeleitet von Sigrid Bock. 4 Bde. – Berlin (Ost) 1970/71; здесь Bd. 3: Für den Frieden der Welt. S. 29 und 30. Далее это издание упоминается как KW.

[5] *Anna Seghers.* Eine Biographie in Bildern. Mit einem Essay von Christa Wolf. Hrsg. von Frank Wagner, Ursula Emmerich, Ruth Radvanyi. 2. Aufl. – Berlin und Weimar, 2000. S. 26f. Далее это издание упоминается как Bildbiographie.

[6] Ср. также: *Christiane Zehl Romero.* Anna Seghers. Eine Biographie. 1900–1947. – Berlin, 2000. S. 113.

[7] См.: *Theoderich Kampmann.* Dostojewski in Deutschland. – Münster, 1931. S. 61. Zu Wendel cp. *Dieter Schiller* in: Lexikon sozialistischer Literatur. Ihre Geschichte in Deutschland bis 1945. Hrsg. von Simone Barck, Silvia Schlenstedt u.a. – Stuttgart und Weimar, 1994. S. 523 f. – Дальше это издание упоминается как «Lexikon».

[8] *Roscher* (см. прим. 2). S. 150.

[9] *Anna Seghers.* Und ich brauch doch so schrecklich Freude. Tagebuch 1924/1925 … Hrsg. von Christiane Zehl Romero. – Berlin, 2003. S. 10.

[10] Ср. *Anna Seghers:* Erinnerungen an Philipp Schaeffer (KW IV. S. 129–132); более подробно см.: *Zehl Romero.* S. 146f.

[11] KW 3. S. 31.

[12] Ледерер, поддерживавший революцию, выступал против применения насилия большевиками.

[13] Ср.: *Gerd Koenen/Lew Kopelew* (Hrsg.): Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924 (= West-östliche Spiegelungen, Bd. 5 A). – München, 1998; в т.ч. *Karol Sauerland.* Von Dostojewski zu Lenin. Georg Lukács' und Ernst Blochs frühe Auseinandersetzung mit dem revolutionären Rußland. S. 482–502.

[14] Цит. по: Bildbiographie 44. Ср. также: *Helen Fehervary.* Die Seelenlandschaft der Netty Reiling, die Stimmen der Jeanne d'Arc und der Chiliasmus des Kommunarden László Radványi. In: Argonautenschiff 5 (1996). S. 118–136.

[15] *Bélá Balázs.* Zur Dostojewski-Jahresfeier. Цит. по: *Georg Lukács, Karl Mannheim und der Sonntagskreis.* Hrsg. von Eva Karádi und Erzsébet Vezér. – Frankfurt/M., 1985. S. 269; ср. также: Rosa Luxemburg im Vorwort zu Wladimir Korolenko: Die Geschichte meines Zeitgenossen, das sie 1918 im Breslauer Gefängnis schrieb. Один экземпляр первого издания книги 1919 года находится в библиотеке Зегерс с экслибрисом Хедвиг Рейлинг.

[16] Ср.: *Anna Seghers.* Aufstand der Fischer von St. Barbara (= Werkausgabe. Das erzählerische Werk I/1.1; Bandbearbeitung von Helen Fehervary). – Berlin, 2002. S. 101, а также *Helen Fehervary.* Anna Seghers. The mythic Dimension. – Michigan, 2001; см. также *Zehl Romero* (см. прим. 6). S. 184.

[17] KW 2. S. 37.

[18] Архив Анны Зегерс в фонде-архиве Академии художеств в Берлине–Бранденбурге, собрание 23. Далее упоминается как ASA S 23 [S=Sammlung].

[19] Позже семья Радваньи отказалась от венгерского произношения своей фамилии.

[20] Ср.: Lexikon. S. 324, 325.

[21] KW 3. S. 31.

[22] Роман был переведен Ольгой Хальперн (1887–1967), русской женой венгерского писателя и публициста Андора Габора (1884–1953). Ср.: *Zehl Romero* (см. прим. 6). S. 203f.

[23] KW 2. S. 50 und 49.

[24] До 1933 года она издавалась в Англии, США, Франции, Норвегии, СССР, Швеции, Испании.

[25] KW 1. S. 167f.

[26] Bildbiographie (см. прим. 5). S. 62f.

[27] Издан Historia – Foto GmbH Berlin, 1931. S. 96–101.

[28] KW 3. S. 11–14.

[29] *Anna Seghers.* Der Prozeß. In: Die Linkskurve 3 (1931), H. 1. S. 1–2.

[30] *Anna Seghers.* Aufstand der Fischer von St. Barbara. Die Gefährten. – Berlin (Ost), 1951. S. 131f.

[31] KW 3. S. 131.

[32] Там же. S. 136.

[33] Ср.: письмо Анны Зегерс Вилли Бределю от 25 мая 1936 г., см.: Der Briefwechsel zwischen Anna Seghers und den Redakteuren der Moskauer Zeitschriften «Das Wort» und «Internationale Literatur» zwischen 1933 und 1945. Hrsg. von Leonore Krenzlin und Dieter Schiller. In: Argonautenschiff 11 (2002). S. 261–302; далее издание упоминается как Briefwechsel.

[34] *Илья Эренбург.* Люди. Годы. Жизнь. В 3-х томах. – М.: Текст, 2005. Здесь Т. 2. Кн. 4. Гл. 39. Далее издание упоминается как Эренбург.

[35] KW 3. S. 16–19.

[36] *Anna Seghers.* Die Toten bleiben jung. Roman. – Berlin (Ost), 1949. S. 597.

[37] Письмо автору от 3 декабря 1975 г.

[38] Briefwechsel (см. прим. 33). S. 261.

[39] Цит. по: *Dieter Schiller.* «Etwas Anständiges, das auch etwas Wind macht». Zu Anna Seghers' Briefwechsel mit der Redaktion der Zeitschrift Das Wort. In: Exilforschung. Ein Internationales Jahrbuch. 16 (1998). S. 92.

[40] Ср.: *Georg Lukács/Johannes R. Becher/Friedrich Wolf u.a.* Die Säuberung. Moskau 1936. Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung. Hrsg. von Reinhard Müller. Reinbek b. – Hamburg, 1991.

[41] *Wolfgang Klein* in: Lexikon. S. 222; ср. также: *Anna Seghers.* Zum Schriftstellerkongreß in Madrid. См. KW 4. S. 21–28.

[42] KW 3. S. 17.

[43] Ср.: Bildbiographie. S. 80.

[44] *Zehl Romero*. S. 335.

[45] Там же. S. 336. Ср. также: *Fehervary.* Die Seelenlandschaft (см. прим. 14) и *Seghers.* Der Aufstand der Fischer (см. прим. 16).

[46] По воспоминаниям Пьера Радваньи. Ср. его книгу: «Jenseits des Stroms». Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers. – Berlin, 2005, особенно S. 126–130.

[47] *Эренбург*. Кн. 4. Гл. 39 (см. прим. 34).

[48] Тамара Мотылева – Зигрид Бок в 1985 году.

[49] *Johannes R. Becher.* Briefe 1909–1958. Hrsg. von Rolf Harder. – Berlin und Weimar, 1993. S. 238f.

[50] Фонд «Архив партий и массовых организаций ГДР» в бундесархиве. NY 40/72/46.

[51] *Зегерс А.* Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 3. Седьмой крест: Роман; Транзит: Роман. Пер. с нем. Л. Лунгиной. С. 337–338, 377.

[52] Ср.: *Valentin Falin.* Zweite Front. Die Interessenkonflikte in der Anti-Hitler-Koalition. – München, 1997, особенно Kap. 39. S. 100f.; *Franz Dahlem.* Am Vorabend des zweiten Weltkriegs. 1938 bis August 1939. Erinnerungen. 2 Bde. – Berlin (Ost), 1977; здесь Bd. 2. S. 447.

[53] KW 4. S. 125f.

[54] См. прим. 33.

[55] *Wolfgang Kießling* in Lexikon. S. 147.

[56] KW 2. S. 149; ср. также: *Peter Kessler.* Anna Seghers und die klassische russische Literatur. Phil. Diss. – Jena, 1970, sowie seine Einzelveröffentlichungen: Tolstoi und Dostojewskij (Weimarer Beiträge 11 [1970]) und Raskolnikow-Problematik (Zeitschrift für Slawistik 5 [1968]).

[57] KW 2. S. 151; ср. Helmut Peitsch: «… die Misere noch schmerzlicher machen». Literarische Konzeptionen von Selbstkritik als «Scham». In: Argonautenschiff 7 (1998). S. 111–130.

[58] *Зегерс А.* Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 4. Мертвые остаются молодыми: Роман. Пер. с нем. Н. Касаткиной и В. Станевич. С. 8.

[59] Там же. С. 10.

[60] Там же. С. 416 и далее.

[61] Bildbiographie. S. 164f.

[62] ASA Korrespondenz 1625 – далее упоминается как K.

[63] Ср.: *Jürgen Kuczynski.* Ein linientreuer Dissident. Memoiren 1945–1989. – Berlin und Weimar, 1992. S. 49ff.

[64] Владимир Иванович Стеженский (1921–2000) – российский переводчик. Когда началась война, был студентом Московского института истории, философии и литературы. На фронт отправился как военный переводчик. С 1945 года – консультант Союза писателей. После его смерти была издана книга: Солдатский дневник. Военные страницы. – М.: Аграф, 2005.

[65] О «Стокгольмском воззвании» см.: KW 4. S. 126f.

[66] *Simone Barck.* In Memoriam Tamara Lasarewna Motyljowa (1910–1992). In: Argonautenschiff 2.

[67] ASA, S 32.

[68] *Jürgen Kuczynski* in: Anna Seghers: Sowjetmenschen. Lebensbeschreibungen nach ihren Berichten. – Berlin (Ost), 1948. S. 5. Далее издание упоминается как Sowjetmenschen.

[69] Ср. *Werner Mittenzwei.* Die Intellektuellen. Literatur und Politik in Ostdeutschland 1945 bis 2000. – Leipzig, 2001. S. 88ff.

[70] *Raissa Orlowa/Lew Kopelew.* Wir lebten in Moskau. – München und Hamburg, 1987. S. 142.

[71] An Kisch, 9. Oktober 1947. In: *Anna Seghers.* Hier im Volk der kalten Herzen. Briefwechsel 1947. Hrsg. von Christel Berger. – Berlin, 2000. S. 148 f.

[72] Sowjetmenschen (см. прим. 67). S. 86.

[73] *Anna Seghers.* Frieden der Welt. Ansprachen und Aufsätze 1947–1953. – Berlin (Ost), 1953. S. 168.

[74] KW 1. S. 168.

[75] An Ursula Sieja am 28. Januar 1971; ASA K 1546.

[76] ASA, S 17.

[77] Сначала было опубликовано в Tägliche Rundschau от 29 мая 1954 года, потом в: *Anna Seghers.* Über Tolstoi. Über Dostojewski. – Berlin (Ost), 1963. S. 23 ff.

[78] В 1959 году вышел роман «Решение», действие которого происходит в 1947–51 годах. Ср.: *Andreas Schrade.* Anna Seghers. Stuttgart und Weimar 1993. S. 113.

[79] KW 2. S. 184.

[80] KW 2. S. 190f.

[81] ASA, S 4.

[82] *Sonja Hilzinger.* Anna Seghers. – Stuttgart 2000. S. 160. Далее Hilzinger.

[83] An Kopelew 15. Februar 1966; ASA K 1153.

[84] Образцом того может служить высказывание Марселя Рейх-Раницкого в гамбургском «Die Zeit» 14 марта 1989 года: «Любовь пожилой Анны Зегерс к Сталину кажется мне неприличной. В этом смысле я считаю роман «Доверие» непристойным».

[85] *Зегерс А.* Доверие. Пер. с нем. Н. Ман и И. Каринцевой. – М.: Прогресс, 1969. С. 23. Далее это издание упоминается в тексте как Д (с номером страницы).

[86] Союз немецких девушек (Bund Deutscher Mädel, или BdM) – женская молодёжная организация в нацистской Германии, женское крыло гитлерюгенд, куда входили немецкие девушки в возрасте от 10 до 18 лет. – *Прим. пер.*

[87] Еженедельник «Дер Штюрмер» (Der Stürmer – Штурмовик) издавался в нацистской Германии, в Нюрнберге, гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером с 1923 по 1945 гг. – *Прим. пер.*

[88] Бывшая жена Герберта Венера, в 1935–1941 гг. – кандидат Политбюро КПГ и референт Коминтерна в Москве, с 1946 г. член Политбюро, с 1958 г. зам. председателя СПГ и политик в ФРГ.

[89] Emma Neitzke an Anna Seghers, 18. Januar 1949; цит. по: Bildbiographie. S. 190. Герман Нейцке был арестован в Москве 29 июля 1937 года, 3 октября – отдан под суд и в тот же день расстрелян (по сообщению Петера Эрлера от 2003 года, после его ознакомления с реабилитационными актами).

[90] ASA S 6; *Trude Richter.* Totgesagt. Erinnerungen. – Halle und Leipzig, 1990. S. 448–451; ср.: *Sonja Hilzinger.* «Ich hatte zu schweigen». Strategien der Bewältigung … In: Exilforschung 11 (1993). S. 31–52.

[91] Подобную сцену читатель может найти в «Некрологе» Стефана Гейма. В 1956 г. до Гейма дошли слухи, что Эрих Вендт был долгое время заключенным в Сибири; Гейм спрашивает Вендта: «Почему ты мне этого никогда не рассказывал?» Вендт отвечает: «Какой от этого мог быть толк?» И Стефан Гейм говорит: «Может быть, тогда я бы написал это по-другому, а то не написал бы вообще». Вендт: «Ты все сделал абсолютно правильно». Ср. *Stefan Heym.* Nachruf. – München, 1988. S. 601.

[92] ASA, S 4, an Tamara Motylewa 16. Mai 1968.

[93] *Sigrid Bock.* Die Last der Widersprüche… – Weimarer Beiträge, 1990. S. 1554–1571.

[94] Ср.: ASA, S 17, an Steshenskij, 3. November 1964 und 18. März 1965.

[95] *Зегерс А.* Сила слабых. Пер. с нем. Р. Гальпериной, Н. Португалова, Е. Приказчиковой, Вс. Розанова. – М.: Прогресс, 1966. С. 86.

[96] Там же. С. 89.

[97] Там же. С. 90.

[98] *Inge Diersen.* «Immer bleiben die Engel aus am Ende» (Heiner Müller). Zur Thematik der verlorenen Revolution bei Anna Seghers. In: Argonautenschiff 2 (1993). S. 45.

[99] Там же. S. 46.

[100] *Зегерс А.* Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 6. Избранные рассказы и повести. Пер. с нем. С. 333; ср. *Hilzinger* (см. прим. 81). S. 162.

Астрид Фольперт

В ПОИСКАХ МЕСТА ДЛЯ ОБЩЕГО ЖИТЬЯ. Архитектор Баухауза из Дессау Филипп Тольцинер в Советском Союзе (1931–1996 гг.)

Создатели художественной системы Баухауза вряд ли представляли себе, какие серьезные испытания предъявит жизнь выпускникам школы, на какой разнообразной базе будут осуществляться их идеи, как широка будет география опытов и как удивительны результаты.

Гершен Канторович, 1991

Филипп Тольцинер был одним из тех романтически настроенных молодых людей, которые в начале 30-х годов приезжали из Европы и Америки в Советский Союз, чтобы самим участвовать в строительстве новой жизни, и сталкивались с реальностью, контрастировавшей с их представлением о социалистическом обществе.

Елена Боброва, 1999

Когда в конце девяностых годов в России в рамках лекционной поездки, посвященной Веймару, европейской культурной столице, мое внимание привлекло имя одного из архитекторов, входивших в Баухауз, – это было нечто большее, чем просто счастливый случай. Внимание на деятельность Филиппа Тольцинера обратили те, кто явились её свидетелями. С тех пор я обязана как неизменно увлекательным, так и исполненным противоречивости изучением его биографии и, кроме того, судеб и деяний других участников Баухауза в Советском Союзе указанию, данному мне в Перми Гершомом Канторовичем и Еленой Бобровой. При этом, я, с одной стороны, отметила, к своему удивлению, как много архитекторов и художников Баухауза при различных обстоятельствах и с разными задачами оказались в 30–40-е годы прошлого столетия заброшены в этот огромный регион, лежащий на границе между Европой и Азией. Радиус их действия простирался от Соликамска далеко на севере горного края через Пермь и Свердловск (Екатеринбург) до Магнитогорска и Орска, то есть до южных отрогов Урала.

Если принять во внимание то обстоятельство, что их деятельность продолжалась там более полувека и осталась как для Германии, так и для России во тьме, то, с другой стороны, удивляет, что ещё и сегодня на местах, где разыгрывались события, можно найти немало документальных свидетельств на бумаге, в камне, стекле и дереве и даже важных очевидцев своего времени[1]. Всё это делает возможным глубокое воспоминание на основе реконструкции истории как в условиях успеха, так и в несчастье, даже если протагонистов тех событий и нет больше среди живых. При этом, следует заметить, что такое кропотливое собирание фактов во всех деталях и

Архитектор Филипп Тольцинер по пути в Пянтег, октябрь 1952 г.

их исследование подобно головоломке, в полной картине которой всё ещё отсутствуют отдельные детали. Между тем рисунок имеет уже достаточно отчётливые контуры и черты, позволяющие представить его себе и интерпретировать.

Если следует сказать в одном предложении о том, что в начале 30-х гг. привело Филиппа Тольцинера и его соратников по архитектуре в Советский Союз и заставило некоторых остаться там до конца жизни, то можно было бы свести эту причину к формуле: речь шла о поисках места для *общего житья*. За этим понятием скрывается единственный в своём роде сложный архитектурный проект, о котором ещё пойдёт речь. Его возникновение предполагало модель общества, которой не было в Германии в период между двумя мировыми войнами, и появилась надежда найти её в Советском Союзе. Поэтому СССР и стал образцом и пробным камнем для её осуществления. Статья должна показать также, что речь никоим образом не идёт о стремлении к осуществлению утопии или авантюре в чистом виде, которые и толкнули Тольцинера и других к решительному прорыву в иной мир. Непосредственные участники этих событий как здесь, так и там пребывали в конкретных общественных, социальных и художественных контекстах, требовавших от них вразумительных решений. Они действовали в соответствии с собственными знаниями, планами и желаниями; при этом, они были уязвимы перед лицом неожиданных или непредвиденных обстоятельств, которым не могли или не хотели соответствовать.

Было бы слишком просто задним числом принижать эти поиски лучшей совместной жизни людей на справедливой, солидарной основе как нечто наивное или романтическое. При взгляде за соответствующие кулисы, на действительные времена, места и обстоятельства прошлого нельзя (в частности, и из уважения к тому, что не-

которые участники этого эксперимента оплатили его своей жизнью или здоровьем) забывать о «снисхождении потомков», о котором Брехт напоминал в одном из своих стихотворений, написанных после 1945 г.

В центре этой работы – Филипп Тольцинер, которого в кругу немецких друзей постоянно называли «Пин». Среди архитекторов Баухауза, оставшихся в середине 30-х годов в Советском Союзе, он оказался единственным, кто пережил тяжёлые испытания, выпавшие на их долю в отечестве социализма, неисчислимые волны чисток и другие унижения.

Он умер 1 мая 1996 г. в Москве. На протяжении девяти десятилетий его жизнь в свете модернизма и антимодернизма была тесно связана с противоположно направленными политическими, экономическими и культурными событиями и движениями XX века – Веймарской республикой и германским фашизмом, индустриализацией в Советском Союзе и сталинизмом, оттепелью и застоем, перестройкой и гласностью. В конечном счёте, Тольцинер стал свидетелем краха тоталитарной коммунистической системы во всей Восточной Европе, означавшей также и крах идеи, которой он жил и которую защищал. В конце своей жизни, отмеченной ложными обвинениями, наказаниями и опасностями он, однако, к удивлению многих современников, подводил итог без гнева. Он не видел в себе героя, не считал себя ни жертвой, ни палачом и сохранял верность социалистической утопии. Такая прямолинейность, а также и аскетическая скромность в отношении к собственной личности странно воздействуют на последующие поколения, включая его собственных сыновей. Тольцинер, почти полностью ослепший, одиноко провёл последние годы своей жизни в двухкомнатной квартире в доме на Ленинском проспекте, которую он три десятилетия до этого делил с семьёй из четырёх человек.

В отличие от членов Баухауза, живших в других странах, он не построил собственный дом и был счастлив, став, наконец, в 67 лет владельцем автомобиля – красного «Москвича». Его не удостоили званием профессора, но совет Тольцинера был востребован; вокруг него собирались молодые архитекторы, которых интересовал его богатый градостроительный опыт. Он оставил множество папок со своими зарисовками, а собственную книгу так и не написал. Ему было достаточно, как он сказал в одном из последних телевизионных интервью, быть свидетелем столетия. Возможность познакомиться со своей жизнью и трудом архитектора и охранителя памятников и дать всему этому оценку он предоставил другим, стоявшим рядом с ним и пришедшим после него. При всех заблуждениях, противоречиях и недостаточности информации, которые характерны для такого рода свидетельств, итог, с точки зрения автора, остаётся следующим: Тольцинер всегда вёл жизнь, основанную на началах самоопределения, в которой важнейшим элементом оставался труд. Труд, в соответствии с методами, которым он научился в Баухаузе. По своему характеру и принципам Тольцинер оставался в продолжение всей жизни выходцем из Баухауза.

Возвращение к прошлому 1: Конец Баухауза в Германии

29 июля 1933 года в здании берлинской телефонной фабрики, только что временно переоборудованном под учебное заведение, прекратила существование основанная в 1919 году в Веймаре и достигшая расцвета в Дессау важнейшая международная

художественная школа XX века, базировавшаяся на новых принципах педагогики. Ее третий и последний директор, Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969), и сильно сокращенная коллегия преподавателей приняли в этот день решение о самороспуске знаменитого Баухауза. Тем самым, попытка продолжить его деятельность в качестве частного института[2] *потерпела окончательный крах.*

Департаменты берлинских министерств, действовавшие в духе нацистской «унификации», не оставляли художникам и педагогам никакого выбора, требуя в качестве условия дальнейшего существования школы больше, нежели только лояльность к диктаторской системе. Если прежде в Дессау Мис обнаруживал готовность к компромиссу, деполитизировав школу, руководившуюся государственными служащими, и строжайше запретив ее членам, прежде всего, коммунистическую деятельность, то теперь он уже не шел на дальнейшие уступки. Ему заявили, что деятельность частного учреждения будет одобрена только в том случае, если уволят «большевика Кандинского», а учебный план пересмотрят в соответствии с нацистскими директивами. «Я долго боролся за восстановление деятельности Баухауза. Теперь я достиг своей цели и могу сам закрыть Баухауз», – такими словами уважаемый архитектор и профессор прокомментировал безвыходную ситуацию[3]. Состоявшийся 11 апреля обыск в школе высвечивал невеселую перспективу – конфискацию здания и разрушение ее оборудования, включая художественные работы, арест персонала и студентов. В этих условиях самороспуск[4] был воспринят большинством участников событий, а также либеральной и левой интеллигенцией как акт достоинства и спасения чести.

Система обучения искусству модернизма, разрабатывавшаяся и практиковавшаяся на протяжении 14 лет под влиянием таких всемирно известных мастеров архитектуры и живописи, как Вальтер Гропиус, Ханнес Майер, Пауль Клее, Василий Кандинский, Лайонел Файнингер, Ласло Моголи-Надь и Оскар Шлеммер, не отвергавшая традиций, например, ремесла, и стремившаяся укорениться в жизни людей, давно была для нацистов бельмом на глазу. Шельмуя Баухауз как явление «выродившегося» искусства, они систематически планировали его уничтожение или распродажу. Современная история культуры доказывает, как радикально и жестоко они осуществляли свою политическую цель, и к каким разрушительным результатам привела после 1945 г. эта деятельность не только для музеев и коллекционеров, но и для сознания многих людей[5]. Тому, кто не подчинялся, приходилось эмигрировать, если, конечно, находились необходимые связи и деньги. В 1938 году вынужден был пойти на этот шаг и Мис. Он покинул Германию после того, как «уполномоченный фюрера по вопросам культуры» Альфред Розенберг сделал уважаемому в обществе архитектору сомнительное предложение о сотрудничестве, отклонение которого грозило репрессиями. В качестве нового места работы и заработка художник выбрал Америку.

Эмиграция эмиграции рознь

Мис ван дер Роэ был одним из последних видных современных художников, навсегда оставивших Германию. Из-за нацистских преследований сотрудники Баухауза эмигрировали в более чем 20 стран. Наряду с Францией, Англией, Палестиной и Нидерландами, большинство обрели убежище в США (30 человек) и в СССР (в разное

время – 33 человека)[6]. В то время, как одни уже вскоре после переселения почти непрерывно продолжали свою карьеру, и их смелые идеи и конструкции оказались воплощёнными на Западе в науке и на практике, другим, после краткой передышки на новом месте, суждено было попасть в мясорубку другой диктатуры – сталинского большого террора. До сих пор славные имена, связанные с Баухаузом, и выдающиеся достижения этих людей, включая обстоятельства, при которых они были совершены, а также современное состояние этих творений, оставались под покровом тайны.

Десятилетиями судьба немцев, приехавших в Россию в 30-е годы прошлого века, была под железным покровом молчания не только в Советском Союзе, но и в ГДР и ФРГ. Даже многие из тех, кто располагал более точными сведениями, в том числе и выжившие жертвы террора, ограничивались, отвечая на определённые вопросы, неясными предположениями, а на публике уходили от ответов, придерживаясь самоцензуры с помощью хорошо отработанных механизмов вытеснения[7].

Работавших в Советском Союзе специалистов Баухауза постигла, наряду с политическими репрессиями, и ещё одна форма предания анафеме: Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» положило конец сосуществованию независимых позиций художественной интеллигенции, соперничавших друг с другом в ходе диспутов. Подминавшая под себя всё остальное монокультура натуралистически-иллюстративно упрощающего педагогического соцреализма на долгие годы – с Первого съезда писателей СССР в 1934 году и до самой перестройки – обеспечила жёсткое отгораживание страны от всех остальных духовных позиций и художественных течений. Отныне и архитекторы были коллективно взяты партией и государством на службу для воплощения в строительстве символов власти и идеологии. Кроме того, контрольный и наблюдательный аппарат цензуры, ориентированный на решение пропагандистских и прагматических задач, включал разнородную сеть нормативных заданий, которые в соответствии с текущей политической ситуацией подвергались произвольному истолкованию и изменению со стороны заказчика.

В истории воплощения эстетической архитектурной доктрины неоклассицизма в России существовал, однако, примечательный временной лаг между центром и периферией. Если, например, в середине 30-х годов в Москве, где господствовал стиль сталинского ампира, больше не мог осуществляться функционально-деловой принцип строительства, то тогда же его образцы воплощались во вновь возникавших промышленных городах Урала или Сибири. Война, из которой Советский Союз ценой больших жертв вышел победителем и впервые завоевал господствующее положение за пределами своих границ – в Восточной Европе, поначалу усилила в архитектуре и градостроительстве позиции приверженцев национально-консервативного направления. Только после 1954 года, когда на Всесоюзном совещании строителей и архитекторов Хрущев подверг критике «пряничный стиль» неоклассицизма, в СССР, по оценке Хан-Магомедова, началось постепенное обращение к опыту авангарда и сближение с зарубежной архитектурой[8].

Научные публикации на тему «Баухауз» снова появились в Советском Союзе с начала 60-х гг., когда там был разработан новый взгляд на конструктивизм 20-х гг. (в том числе в статьях Владимира Аронова, Карла Кантора и Леонида Пацитова). Кристиан Шедлих, глубоко проанализировавший как эту литературу, так и русские тексты, которые публиковались уже в 20-е годы[9], отмечает, что до широкого признания среди специалистов и общественности вёл еще долгий путь, и Баухауз был и

остаётся в современном строительстве в Советском Союзе инсайдерской информацией. «И всегда продолжал существовать остаток предубеждений и отрицательных воззрений. К этому добавилось то обстоятельство, что с началом перестройки некоторые исследователи пошли в фарватере западного постмодернизма, снова поставив под вопрос классический модернизм»[10].

Противоречивое восприятие наследия Баухауза на его родине

Восприятие Баухауза было неоднозначным и противоречивым и в стране, где он возник. Каждый автор, в той или иной степени, восхваляет свой собственный Баухауз. Это ведёт временами к преображению облика действующих лиц или событий, к формированию образа идеала или идола авангардистского искусства в пространстве, лишённом истории. Именно Баухауз, основанный «после катастрофы войны, в хаосе революции и в пору высшего расцвета взрывного искусства, заряженного эмоциями»[11], ложно понимается при такой оценке. Пророчество «собора социализма», сияющего как целостное произведение искусства, представляется устаревшим в зеркале исчезновения утопий в мире эпохи глобализации, а его историческое упоминание – неприятным кое для кого. Долгое время был, например, спорным вопрос о том, как следовало оценивать период с 1928 по 1930 гг., когда директором был Ханнес Майер, и его бессрочное увольнение. С одной стороны, только швейцарский архитектор после ухода Гропиуса из Баухауза и создал основу для специализированного, научного и в то же время тесно связанного с практикой обучения строительству и ввёл выпускной экзамен на звание дипломированного архитектора. С другой, по мнению Кандинского и других приверженцев учения о чистом искусстве, политическая и социальная активность Майера, однозначно опиравшаяся на марксистские позиции, и его представления о дизайне, учитывающие потребности и финансовые возможности широких слоев народа, заходили слишком далеко[12]. Однако опыт Миса показал иллюзорность попытки спасти школу с помощью деполитизации.

Впрочем, идиллии формировались и во время существования Баухауза как живого организма. Их корни уходят в многочисленные моменты внутренней напряженности и в конкуренцию различных художественных и человеческих талантов и сил, представленных в учебном заведении. В этом была и хорошая сторона: Баухауз декларировал себя во внешний мир как эффективный метод защиты от нападок консервативных и реакционных сил, не ослабевавших с момента провозглашения республики в Веймаре. После краха третьего рейха на временном лаге продолжали сказываться германо-германский культуркампф («борьба за культуру», понятие, использовавшееся для характеристики антикатолических мер рейхсканцлера Бисмарка в начале 70-х гг. XIX в.; здесь – соперничество ГДР и ФРГ. – *Прим. перев.*) вокруг обладания наследием, раздельно существовавшим во время холодной войны и едва поддающиеся характеристике, перенятые в соответствии с советскими образцами дебаты о формализме в ранние годы существования ГДР. Они касались восприятия наследия и его сохранения. Только в 1976 г., через пятьдесят лет после своего торжественного открытия, здание школы Гропиуса в Дессау, повреждённое бомбардировкой во время войны и частично разрушенное, смогло быть восстановлено. А три дома мастеров[13] были только после 1989 г. освобождены своими позднейшими

квартиросъемщиками. Предпринятые ими дилетантские перестройки исказили здания до неузнаваемости. В декабре 1996 г. профилактические мероприятия продвинулись настолько, что здания Баухауза в Веймаре и Дессау были включены в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Тольцинер хотя и издалека, но сочувственно рассматривал дискуссии в обоих германских государствах. Он стремился доставать современную литературу и нередко критиковал ошибочные или половинчатые рассуждения. Только с 1967 г., став пенсионером, он получил право время от времени покидать Советский Союз для научных командировок. Поначалу они едва ли не ежегодно приводили его в ГДР, а с середины 70-х гг. и в Федеративную республику, где он, начиная с 1977 г., неоднократно посещал Мюнхен, свой родной город. Через 37 лет он снова вошёл в своё учебное здание в Дессау и дома с крытой галереей, о которых он заботился в последний учебный год в качестве прораба и весьма компетентно интересовался проведёнными и планировавшимися изменениями. Приглашение на международный коллоквиум по поводу 50-летия здания в Дессау ему пришлось отклонить из-за плохого состоянию здоровья.

Возвращение к прошлому 2: Первый проект «дома для общего житья»

Тольцинеру было девятнадцать лет, когда он впервые приехал в Дессау. К тому же, будучи обученным корзинщиком (ремесло, которым занимался отец), он уже два семестра проучился в Мюнхенской школе декоративно-прикладного искусства, прежде чем вверился Баухаузу, чтобы стать архитектором. Средства на учёбу он зарабатывал, прежде всего, заказами по внутреннему оформлению помещений, поступавшими от частных лиц.

В зимний семестр 1929–1930 гг. он вместе со своим однокурсником венгром Тибором Вайнером выполнил работу по проектированию «дома для общего житья». Интересно в данном контексте ближе рассмотреть этот проект и обстоятельства его возникновения, так как последующая деятельность Тольцинера в Советском Союзе была продолжением попытки различными путями воплотить данную модель в действительность. Шла ли речь о заказах на проектирование профессиональных школ, дворца культуры, рассматривалось ли строительство многоэтажных домов или домов на одну семью в заводских посёлках, даже охрана древнерусских церковных зданий и забота об их сохранении – Тольцинер всегда видел перед собой здание, в котором люди встречаются и находят общий язык друг с другом, место, где они могут «жить и хорошо себя чувствовать». Характерная для Баухауза функционализация и типизация не исключали, на его взгляд, индивидуальных требований к зданию и его качествам. Швейцарец Ханнес Майер, пришедший в Баухауз в 1927 г. и в 1928 г. сменивший Вальтера Гропиуса на посту директора, не только учил решать задачи строительства на научной основе; архитектор должен был «служить народу», создавать «то, что нужно народу, вместо роскоши». Поэтому результат его деятельности должен был быть высокоценным и, в то же время, дешёвым.

Обострение экономического кризиса в конце 20-х гг. привело студентов из круга Майера к пониманию того, «что все стремления внутри существующих капитали-

стических отношений были бессмысленны, ибо безработные были не в состоянии покупать нашу удобную мебель и жить в наших высококачественных домах, несмотря на низкую квартирную плату»[14]. Правда, официальный Баухауз не давал, по словам Тольцинера, выхода из этой ситуации. При соблюдении, как того требовала коммуна, нейтралитета государственной школы, политического образования не было, и не предлагались мероприятия соответствующего направления, вроде разъездных лекций д-ра Германа Дункера[15]. Они проводились на частных квартирах. Тем не менее Майер находился под подозрением в активном содействии коммунистической деятельности, что неоднократно ставилось ему на вид. При таких обстоятельствах Тольцинер и Вайнер считали необходимым втихомолку и в одиночку закончить свою работу «Проживание в условиях социализма – квартиры для детей и квартиры для взрослых». Результат своей деятельности они всё же представили в главном фойе здания Баухауза. Людвиг Хильберсхаймер, руководитель отдела строительства, присутствовал в качестве заместителя Майера и был так увлечен происходившим, что вознамерился посодействовать публикации в архитектурном журнале. В качестве единственного условия для этого создатели проекта должны были удалить из своих эскизов всё, «что связано с социализмом». Авторы не хотели согласиться с этим, так что их планы были обнародованы лишь год спустя в Советском Союзе. Там эти экспонаты стали частью презентации достижений Баухауза при директорстве Майера в Государственном музее нового западного искусства в Москве в 1931 году.

О чём шла речь применительно к «попытке создать тип дома для общего житья, для рабочих фабрики социализированного государства с единым рабочим временем»?[16]. Предполагалось, что социалистический общественный строй обусловлен экономическими факторами, почему фабрики рассматривались как организационные центры государства. Внутри планировавшейся территории Тольцинер и Вайнер определили сначала три модуля, находившихся во взаимной зависимости друг от друга: фабрику, жилой посёлок с открытыми и защищёнными жилыми площадями (сады и здания), а также специальный посёлок. В последнем, расположенном на большом расстоянии от фабрики, должны были размещаться те, кто не находился в непосредственной связи с производством – дети, больные, престарелые. Конечно, Тольцинер и Вайнер тогда не чувствовали, что сталинский социализм перенял это понятие и, извратив, перевернул его содержание. Для определённых групп населения был введён принудительный труд, а в свободное время они обособлялись от «нормальных граждан». В созданной Тольцинером и Вайнером системе отношений вокруг дома для общего житья люди регулируют свои отношения друг к другу и к природе равноправно-дружественным, продуктивно-репродуктивным способом. Они живут под одной крышей. Их жилой дом сконструирован в соответствии с распорядком дня и обусловленными им потребностями в использовании ресурсов. В таблице, иллюстрировавшей соотношение между пространством и человеком, они фиксировали необходимые или желательные световые, температурные и воздушные условия. Следующий эскиз по расчёту плана фиксировал различные функции квартиросъёмщиков, как то: приход и уход, снятие одежды и переодевание, купание и сон, – из которых происходит формирование зон защищённого и незащищённого проживания. Так как авторы проекта добивались, чтобы по утрам солнечный свет преобладал в спальне, а вечерами в жилом помещении, то положение квартир определили следующим образом: спальни переместили на восток, жилые помещения –

на запад. Дом предусматривал также балконы с местом для принятия воздушных и солнечных ванн. В нём были общественные помещения – библиотеки, клубы, музыкальные комнаты, буфеты для совместного приёма пищи. Кухня располагалась выше, в техническом проходе. В заключение проектировались пути передвижения по дому: подъемы по лестнице, галереи и коридоры. Многочисленные непрерывные многокабинные лифты должны были примерно за три минуты доставить в общей сложности 150 человек на крышу, использовавшуюся в качестве террасы.

Отрицание семьи в ее традиционном смысле вполне соответствовало духу времени, ощущаемому интеллектуалами левой ориентации в Германии, и ему практически способствовал в России нараставший ритм сменной работы, практиковавшийся круглые сутки на новых индустриальных гигантах. После введения в 1929 г. календарного плана работы у мужей и жен, работавших на одном и том же предприятии, практически больше не было совместного свободного времени или общих отпусков. Тольцинер, оглядываясь на свою работу, говорит об утопическом характере прочной коллективной связи, разрывающей семьи. Его проект дома для общего житья, созданный совместно с Вайнером, не единичное явление. Примерно в то же время был, например, построен в Свердловске многоэтажный дом, едва ли не целый квартал, с почти теми же структурами и функциями, названный по его первым обитателям «Домом чекистов»[17]. Даже если Тольцинер тогда и не знал об этом проекте, вполне возможно было целенаправленное стимулирование его работы под воздействием докладов, организованных «Костуфра»[18] (сокурсник Тольцинера Шефлер создал в Баухаузе ячейку КПГ), гостем которых был и советский архитектор Людвиг. Впрочем, наличие такого стимула не доказано.

Из работников на договорных началах – в эмигранты

Помимо взаимных дружеских визитов и учебных поездок профессоров ВХУТЕМАСа[19] и мастеров Баухауза, что соединяло в 20-е годы Москву с Веймаром и Дессау, первыми приехавшими в Советский Союз учениками Баухауза были молодые выпускники строительного отделения, группировавшиеся вокруг Ханнеса Майера (1889–1954). Они приехали в Москву в 1930–1931 гг. в качестве обычных работников на договорной основе. Майер, приглашенный советским правительством, и сопровождавший его бывший ассистент Бела Шефлер образовали авангард[20], за которым последовали шесть других свежеиспеченных дипломированных архитекторов – Рене Менш, Конрад Пюшель, Клаус Мойман, Филипп Тольцинер, Антон Урбан и Тибор Вайнер. Непосредственным поводом к их поездке в Россию стало осуществленное в 1930 г. под давлением консервативных и фашистских сил в городском парламенте Дессау освобождение Майера от его должности и последовавшая затем высылка силами полиции трех иностранцев – чеха Урбана, венгра Вайнера и Шефлера, зарегистрированного в качестве «лица без гражданства». Наряду с их, в принципе, положительным отношением к социалистическому строительству в Советском Союзе, о чем они были как нельзя лучше по тем временам проинформированы благодаря свидетельствам очевидцев и фильмам, переселению способствовали и другие важные обстоятельства и события в обеих странах.

Западная Европа была глубоко погружена в мировой экономический кризис. Он чувствительно затронул и строительство, и в особенности те, кто только начинал профессиональную деятельность, едва ли имели шансы найти работу. Совсем по-другому складывалось положение в Советском Союзе. В годы первой пятилетки – в связи с генеральным планом реконструкции Москвы и строительством многочисленных социалистических городов вокруг новых промышленных гигантов – по всей стране ощущалась большая потребность в строителях. Для реализации планов не хватало, прежде всего, квалифицированного персонала на всех уровнях. Вызванные этим обстоятельством предложения советских властей иностранным специалистам принять участие в ликвидации узких мест породили на Западе немалую эйфорию. По данным Вернера Шнайдратуса, в 1933–1936 годах секция иностранных архитекторов в советском Союзе архитекторов насчитывала от 800 до 1 тысячи членов, «причем не каждый зарубежный архитектор был в то же время членом секции. Примерно половину составляли немцы»[21].

Хотя в то время СССР столь широко открыл доступ на свою территорию для специалистов из западных стран, как это никогда не практиковалось позже, далеко не всякий соискатель имел счастье быть принятым. На одно место в группе Эрнста Мая, самого знаменитого представителя «архитектуры современного движения» во Франкфурте-на-Майне, претендовали 1 400 (!) архитекторов и техников-строителей. В конце концов, Май прибыл в Москву одновременно с Майером с 14 отобранными соискателями. Оба знаменитых архитектора планировали переселиться в СССР на время, но цели того и другого отличались коренным образом. Май с самого начала дистанцировался от общественных проблем, заявляя:

> Я не имею никакого отношения к политике. Я немецкий архитектор и выполняю заказ русского правительства, надеясь в то же время быть немного полезным и немецкой экономике[22].

Если его привлекали только уникальные профессиональные задачи и хорошее жалованье (150 тыс. рейхсмарок в год, 1 руб. = 2,12 рейхсмарки), то Майер руководствовался другими приоритетами. Он не делал секрета из своих политических симпатий и марксистской ориентации, говоря:

> Я еду в СССР, чтобы работать там, где развивается действительное политическое искусство, где возникает социализм, где рождается общество, за создание которого мы боролись в условиях капитализма. Я прошу русских товарищей не рассматривать меня и мою группу как бессердечных специалистов, интересующихся только какими-то привилегиями![23]

Друзья и критики

Ханнесу Майеру пришлось, правда, неоднократно через своего советского заказчика Гипровтуз[24] вступать в столкновения с советскими ведомствами, так как улаживание визовых формальностей для других членов его бригады затянулось без видимой причины[25]. Трест, со своей стороны, 13 февраля 1931 г. подтвердил демарш Майера следующим письмом, теперь адресованным начальнику отдела кадров Высшего со-

вета народного хозяйства (ВСНХ) «тов. Москвину». В письме отмечается, что ещё 30 октября прошлого года иностранному сектору ВСНХ сообщалось о готовности квартир для ожидавшихся специалистов. В тот же день и в советское торгпредство в Берлине было послано письмо, содержавшее условия приема и просьбу принять меры по незамедлительной отправке специалистов-архитекторов в СССР. Эти специалисты были 4 января готовы к отъезду, но до сих пор не получили виз. Письмо представляет собой необычный для советского времени документальный пример откровенной критики в адрес собственного начальника:

> […] В настоящее время въезд буржуазных специалистов, едущих в СССР на условиях вознаграждения валютой в больших суммах, обставлен чрезвычайным вниманием. Вызываемые нами специалисты – преданные советской власти и делу коммунизма работники (2 из них коммунисты) едут к нам на условиях, ничем не отличающихся от условий работы рядовых советских специалистов, без всякого вознаграждения валютой; причем, ввиду того что названные товарищи считают себя давшими свое согласие на приезд в СССР и как бы морально нами законтрактованными, они не принимают никакой работы в Германии и поэтому находятся в крайне тяжелых материальных условиях. Затяжка каждой недели толкает их к голодовке.
> Против бюрократического отношения ИНО ВСНХ СССР, граничащего с вредительством, мы категорически протестуем и просим Вас обратить на это серьезное внимание.
> Просим немедленно дать возможность 6 товарищам (имена их ИНО известны) приехать в СССР для работы в ГИПРОВТУЗ'е, перед которым стоит сейчас большая задача по типовому проектированию профтехнических учебных заведений.
> Начальник ГИПРОВТУЗ'а – КРЮКОВ[26].

В конце концов, жалоба возымела эффект: уже вскоре после нее Пюшель и Тольцинер были последними, кто получил комнату в двухэтажном доме на Арбатской площади. Теперь коллектив Майера собрался полностью. И для более позднего времени есть ряд доказательств того, что в ходе конфликтов вокруг архитекторов Баухауза в них вновь и вновь вовлекались высшие правительственные инстанции и государственные органы. Телеграмма, подтверждавшая своевременную отправку Белы Шефлера в 1932 г. на престижный объект, – стройку свердловского «Уралмаша» – была даже передана лично Сталину для «благословения»[27]. За исключением такого рода задержек казалось, что в начале всё было организовано как нельзя лучше. Уже приём Майера и Шефлера осенью 1930 г. был бурным и многообещающим. Специалистов, уволенных в Германии по политическим мотивам, по-дружески приняли их московские коллеги. Публичные выступления, митинги протеста против их увольнения или высылки из Дессау, состоявшиеся во Всесоюзном архитектурно-строительном институте (ВАСИ, ставшем преемником ВХУТЕМАСа и ВХУТЕИНа) или в Доме Союзов, были, с советской точки зрения, искусными пропагандистскими инсценировками, но немедленное предоставление заказов на работу позволяло почувствовать солидарность и поддержку. Это представлялось подтверждением необходимости немецких архитекторов и побуждало в незнакомом окружении всеми силами концентрироваться на новых задачах. Майер, Шефлер и чех Урбан (последние двое бегло говорили по-русски) получили важную преподавательскую работу и должности консультантов в центральных органах (Майер). Еще в 1931 году Майер и Шефлер стали членами Всесоюзного общества пролетарской архитектуры (ВОПРА),

которое, как и все остальные объединения архитекторов, в 1934 г. было включено в единый Союз советских архитекторов. Среди их поручителей был влиятельный архитектор, впоследствии дважды лауреат Сталинской премии Аркадий Мордвинов (1896–1964).

В многочисленных публикациях по истории Баухауза можно натолкнуться на эту знаменитую фотографию – спорят четверо смеющихся архитекторов. Слева те, кто постарше, Майер и Мордвинов, рядом с ними Шефлер, который, вероятно, переводит, и молодой участник дискуссии директор Гипровтуза Саламатин[28]. Это моментальный снимок пред открытием выставки Баухауза в 1931 г. в Москве. Он недвусмысленно показывает, что люди на фотографии знают друг друга и взаимно симпатизируют. Но в дальнейшем о двух молодых архитекторах не было ничего слышно, да и пять лет деятельности Ханнеса Майера как специалиста по планированию городов, консультанта и профессора в Москве по сей день остаются исключенными из важнейших работ по истории советской архитектуры. Только накануне 100-й годовщины со дня рождения Шефлера, в марте 2002 г., в связи с маленькой выставкой в Музее истории Уральского завода тяжелого машиностроения, имя Шефлера снова стало известным общественности – когда было покончено с полувековым замалчиванием его судьбы. Тогда-то жители этого полуторамиллионного города и узнали впервые о том, что здания, в которых они живут, учатся или проводят свободное время, с 1932 по 1941 гг. проектировал в команде со своими ровесниками – советскими коллегами – архитектор, входивший во всемирно известную школу Баухауз. В числе этих домов – административное здание заводоуправления, клуб «Торговый корпус», школа № 22, стадион «Авангард», жилые дома № 4, 6, 8 на улице Культуры, конструкции лестниц в гостинице «Мадрид», использовавшейся тогда, в первую очередь, в качестве общежития[29]. Тот, кто знает студенческую работу Шефлера, выполненную в Баухаузе вместе с тремя другими коллегами, – дома с крытыми галереями в Дессау-Тёртене, сможет снова обнаружить его почерк во многих местах в Соцгороде Уралмаша, удалённом от Дессау на 4.000 км. Вытянутые в длину, ритмически расчленённые фасады с большими окнами, плоская крыша, ступенчатое расположение и чёткое разделение пространства позволяют, несмотря на запущенное состояние округи, распознать этот типично рациональный, созданный под руководством Майера пуристический стиль нового строительства. Пока, однако, эти сооружения, безотлагательно нуждающиеся в «оздоровлении», не получили ни практической, ни юридической защиты, а в случае с ДК – шефлеровского «малого Баухауза на Урале» – планируется и, вообще, перестройка или снос в пользу новой торговой высотки, – покаяние, связанное только с возвращением имени, остаётся непоследовательным. Но вернемся еще раз в Москву 30-х годов.

Разногласия вокруг выставки Баухауза 1931 года

Тогда в поддержку специалистов из Дессау особенно активно выступал Мордвинов. С группой советских коллег он уже в 1928 г. посетил их на родине. Он написал подробное введение к каталогу выставки Баухауза 1931 г. в Москве, опубликованному и в журнале «Советская архитектура». Стоит рассмотреть внимательнее один из абзацев текста – ведь наряду с признанием архитектурной концепции Майера с точки

зрения ее применимости в Советском Союзе, интерпретируемой Мордвиновым как приспособление, статья, проникнутая недоверием к градостроительным концепциям Баухауза, уже предвосхищала позднейший разлад между друзьями. Мордвинов искусно противопоставляет в своём комментарии художественные концепции директоров Вальтера Гропиуса (1883–1969) и Ханнеса Майера. В то время как он видит «школу Гропиуса» пребывающей под влиянием кубосупрематизма и критикует её как формалистический конструктивизм, эстетизирующий технику, «школа Майера», по его мнению, представляет собой искусство науки и техники:

> Сравните эстетные жилые дома Тэртена, особняки и здание Баухауза в Дессау – произведения Вальтера Гропиуса с произведениями Ганнеса Майера – жилыми домами в Тэртене и школой в Бернау, где все продиктовано лишь последовательным функционализмом. Материал, объемы и членения вызваны не эстетическими соображениями, а продиктованы прямым функциональным назначением, рациональностью конструкций. […]
> Школа Гропиуса выпускала эстетизированную (без прикладничества), формально утонченную продукцию, представлявшую скорее предметы роскоши, находящие спрос у меценатов, музеев и эстетствующих буржуа. Школа Ганнеса Майера стремилась создать продукцию максимально экономическую и целесообразную для широкого потребителя и рабочей массы[30].

Но только социалистическое общество, заключает Мордвинов, представляет достаточное пространство для осуществления идей этой школы. Поэтому следует использовать Баухауз для развития советских высших учебных заведений по следующим пунктам:

1. Его научный момент в методе проектирования сооружений;
2. Рационализм в сфере проектирования и производства;
3. Его система архитектурного образования.

Критические моменты, которые, с советской точки зрения, следовало преодолеть Майеру, автор видит в отсутствии «социально-идеологического содержания архитектуры», изъятии из нее художественных моментов и в «механическом осуществлении метода и роли системы архитектуры», имеющей простейшую функцию служения. Всё это, по мнению Мордвинова, тормозит развитие пролетарской архитектуры.

Выставка, показанная также в Харькове, оставила у публики противоречивое впечатление. Так как выбор экспонатов относился исключительно к Баухаузу в пору директорства Майера, для большинства русских посетителей он был нов и неожидан. Приверженцы чистого эксперимента Баухауза были прямо-таки шокированы, столкнувшись с типизированными моделями индустриального производства. Их реакция заключалась в резком неприятии.

Вероятно, прежде всего, проникнутая дружеским интересом способность к обучению и компромиссу, а также личная скромность этой группы архитекторов позволяли даже при самых острых конфликтах искать решение, удовлетворявшее обе стороны. Такая позиция сокращала дистанцию между партнерами и уменьшала их скепсис, а также позволяла возрасти доверию к искренности и полезности образа мысли и жизни, чуждого русским. Согласие с такой тесной связью имело достоинства и недостатки. Расселение вместе с русскими семьями в старом доме в центре Москвы и финансовое уравнивание с советскими коллегами, которые получали намного меньше иностранных специалистов, облегчали адаптацию учеников Баухауза

к организованной совершенно по-иному советской повседневности и позволяли быстро преодолеть языковые барьеры. В своих позднейших воспоминаниях Конрад Пюшель[31] тем не менее описывает ситуацию как достаточно напряженную и не комфортную: если сотрудники Баухауза были вынуждены обходиться столом, кроватью, двумя деревянными стульями, шкафом и полкой для книг на каждые 12 м², то в распоряжение других иностранцев предоставлялись квартиры в домах-новостройках с ваннами и центральным отоплением. Хотя архитекторам Баухауза, как и всем советским гражданам, гарантировалось бесплатное медицинское обслуживание, настоятельно необходимые дефицитные товары – продовольствие, текстильные изделия и другие промтовары приходилось «получать» через Инснаб (организация для снабжения иностранцев, работавших в СССР). Да и сами немецкие архитекторы не были уравнены друг с другом в социальном отношении. Хотя Майер жил в тех же условиях, что и другие, у него был, согласно воспоминаниям Пюшеля, по крайней мере, на протяжении первых лет договор на оплату в валюте, тогда как остальные архитекторы получали жалованье в рублях по советской норме в 400 рублей и, тем самым, классифицировались только как квалифицированные рабочие. Из направленной в 1932 году в Инснаб просьбы Белы Шефлера о помощи явствует, что с ним вообще не заключили трудовой договор, так как в соответствии с предписаниями Коминтерна такой договор не полагался членам коммунистической партии. Поэтому Шефлер зарабатывал еще меньше и, к тому же, получал свое жалованье лишь эпизодически, так что из-за недостаточного питания страдал болезнью легких[32].

Тем не менее никто из бригады не капитулировал перед трудностями, что часто случалось с другими иностранными специалистами. Если некоторые вернулись домой уже в 1932 г. (Эрнст Май уехал в 1934 г.), то «Красная бригада Баухауза» полностью сконцентрировалась на выполнении своих проектных заданий. Тольцинер подчеркивал позже во всех своих интервью: «Мы работали до поздней ночи. Самым важным была работа». В Гипровтузе, где поначалу нашли работу все семеро, были реализованы проекты создания высших учебных заведений и общественных зданий. С помощью методов работы и эталонных проектов, которые принесли с собою сотрудники Баухауза, в Москве был дан удачный старт, по сравнению с работами других иностранцев и советских граждан. Благодаря здоровому сочетанию молодого любопытства к столице (ведь архитекторы приехали из небольшого среднегерманского города в Москву, переживавшую настоящий бум!), социально-политической активности и профессиональному мастерству, наши герои чувствовали себя хорошо подготовленными, в том числе и к участию в конкурсах на строительство Международной Ленинской школы Коминтерна и на проект Дворца Советов. Последний был только что объявлен, и мы к нему еще обстоятельно вернёмся.

Важной профессиональной опорой был метод точного анализа, расчёта и выполнения подготовительных чертежей, в том числе и деталей, с учётом экономических и социальных компонентов. В практике строительства в СССР этот метод не был до тех пор известен. Он нашёл признание, но его реализация оказалась делом непростым. К тому же, постоянные «узкие места» с материалом и квалифицированными кадрами требовали много денег, пробивной силы и, конечно же, компромиссов. Молодые немецкие архитекторы, как и прежде, сохраняли свойственный им энтузиазм, в том числе, когда отказались от статуса группы и перешли на индивидуальную работу в советские архитектурные коллективы – Горстройпроект и Стандартгорпро-

ект. Теперь работа шла чаще всего вне столицы. В мастерской № 3 Госстроя, которой руководил Ханс Шмидт, швейцарский архитектор, читавший лекции в Баухаузе, Конрад Пюшель, Филипп Тольцинер и Тибор Вайнер участвовали в разработке генерального плана застройки города Орска на Южном Урале. Они спроектировали первый квартал. В момент начала строительства в 1934 году они выехали на место работ, уточняли и контролировали там ход строительства до 1937 года[33]. К сожалению, им не довелось увидеть результат реализации своих планов – выросший живой город. Попытка Тольцинера поехать туда в 60-е гг. с Хансом Шмидтом и Конрадом Пюшелем кончилась неудачей из-за непреодолимых препятствий с получением въездной визы и визы для дальнейшего проезда[34].

Изменения в ценностных ориентациях и соотношении сил в советском обществе, сказавшиеся и в архитектуре и строительстве, не укрылись от тех, кто приехал в СССР в 30-е гг. Отказ от конструктивизма, ориентированного на ясную функциональность, и переход к роскошной представительской культуре неоклассицизма с его «красивой видимостью» создали проблемы даже выдающимся советским архитекторам, не говоря уже об их иностранных коллегах, с которыми едва ли обращались на равных в ходе горячих дискуссий. Тот, кто не следовал этой тенденции, форсировавшейся партией, был обречен на неминуемое поражение. Такого рода сигналом оказался странный генезис конкурса на проект здания Дворца Советов, к третьему этапу которого не был допущен больше ни один зарубежный архитектор. Ирония истории заключается в том, что удостоенный, в конце концов, премии проект (автор Борис Иофан при участии Щуко и Гельфрейха), изображавший фигуру Ленина на высоком постаменте, так и не был осуществлен, а фундамент статуи после войны был превращен в плавательный бассейн, которому, в свою очередь, в 90-е годы пришлось уступить место копии взорванного в 1931 году просветленно-кичливого храма Христа Спасителя. Если снос этого храма был равнозначен трагедии, то мутант, возведенный на его месте в качестве копии, превратился для Тольцинера в фарс. Он, на долю которого выпало стать свидетелем этого странного изменения и который серьезно, страстно и терпеливо более чем полжизни выступал в защиту памятников древнерусского церковного зодчества на Урале, не делал тайны из того, что ему это современное искажение истории не доставляет радости[35].

Возвращение к прошлому 3: Бригадная школа и Дворец Советов

За школьным комбинатом на 16 тысяч учащихся в Горьком (Нижнем Новгороде), спроектированным архитекторами Баухауза, последовали типовые проекты высших технических школ и институтов, предназначенных для реализации повсюду в стране. В одном из номеров журнала «За промышленные кадры» за 1931 год Тольцинер вместе со своими коллегами Белой Шефлером и Тибором Вайнером опубликовал статью о «бригадной школе»[36].

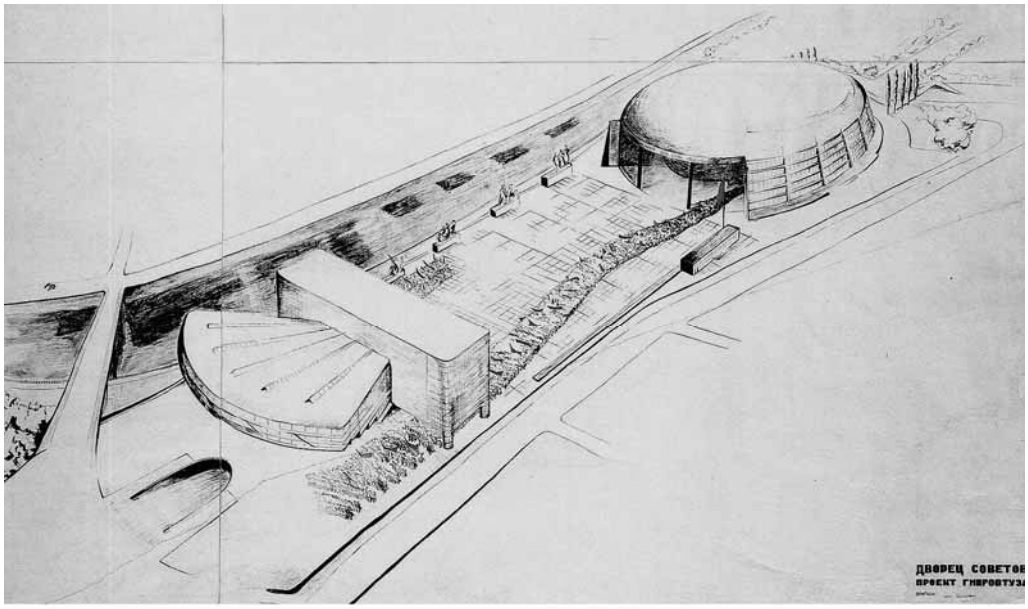
Можно и на основе этого десятистраничного текста на русском языке понять, что основные идеи плана были заложены уже в Дессау и целиком и полностью соответствовали подходу Майера к теме. Никаких подробностей о возникновении статьи нет; возможно, что идея была рождена во время совместной месячной поездки Толь-

цинера, Шефлера и Урбана летом 1931 г. на Чёрное море, в Ростов-на-Дону, Баку, Тбилиси и Сочи, которую организовал их проектный институт. Это была для них первая возможность ближе познакомиться со страной и людьми за пределами столицы. В своём техническом тексте, проиллюстрированном многочисленными историческими и современными эскизами, архитекторы рассматривали очень актуальную тогда и оригинальную идею советской педагогики. Её система организации труда была ориентирована на так называемый «бригадный метод» – это означало повсеместно коллективную учёбу и работу в маленьких группах[37]. В центре статьи – эскизный проект школьного комбината фабричного типа, построенный на тех же принципах. Решение, предлагаемое в проекте, показывает высокое главное помещение, которому придаются так называемые бригадные помещения, соединительная секция оборудована аудиториями, лабораториями, библиотекой и т. д. Авторы приводили различные варианты использования бригадных помещений, главных помещений и решений на основе сочетаний. Позже Урбан и Шефлер предложили и осуществили подобные проекты в Новокузнецке и Свердловске, а Тольцинер спроектировал в 1933 г. школу с несколькими залами на 150 учащихся.

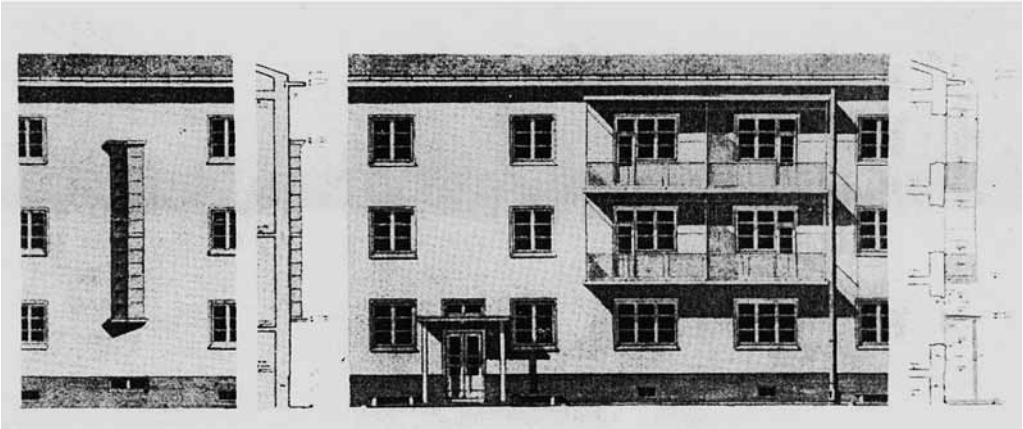
Третий вариант дома для общего житья, в разработке которого участвовал Тольцинер, показывает агитационно-культурное решение. На первом этапе объявления конкурса на проект Дворца Советов проект был заказан и в Гипровтузе. Собственно, выполнение заказа предназначалось Майеру. Так как он находился в заграничной командировке, к работе приступили Урбан, Тольцинер и Вайнер. Когда Майер, возвратившись, познакомился с проектами, он счёл их настолько продвинутыми и зрелыми, что подписывал работу лишь в качестве консультанта. В 1989 г. Тольцинер следующим образом описывал особенность проекта:

> Дворец Советов был задуман в окончательном, но нереализованном проекте (при общей высоте в 415 м) как грандиозный, видный отовсюду памятник Ленину, вождю пролетариата. Мы, однако, попытались и изложили это в описании нашего проекта, сделать Дворец Советов во всей его целостности местом действия для носителей и воплотителей идей Ленина – советского народа. Наше сооружение должно было предложить, благодаря своим пространственным характеристикам и техническим средствам, максимальные возможности для проявлений политической и общественной жизни народных масс[38].

Тольцинер и его соратники спроектировали на берегу Москвы-реки плоский, геометрически подчёркнутый комплекс зданий. Он состоит из двух кругообразно расположенных залов, большого на 15.000 человек и напротив него «малого», который должен был принимать достаточно впечатляющее число участников – 6.000 человек. Перед меньшим залом поставлен прямоугольный куб в качестве своего рода задвижки для доступа во внутреннее пространство, состоящее из свободной площади размерами в 220×110 м и расположенной между обоими круглыми строениями. Этот участок предполагался как место для колонн демонстраций, двигавшихся с Красной площади. Подземный транспортный узел должен был позволить на протяжении четверти часа перевезти 20.000 пассажиров поездами метро, автобусами или трамваями, 6.000 человек должны были идти пешком. Проект, который вплоть до деталей, включая стеклянный фасад вокруг большого зала, носит однозначно конструктивистски-футуристические черты, был подвергнут грубой критике и даже нападкам, когда он уже давно провалился. Это произошло на съезде архитекторов в



В 1931 г. Филипп Тольцинер, Антонин Урбан и Тибор Вайнер разработали в Москве в институте Гипровтуз конкурсный проект для Дворца Советов, лист 10 показывает перспективу комплекса, в целом, открывающуюся с севера, с высоты птичьего полёта, включая колонны демонстрантов при открытом фасаде большого зала; ниже: спроектированная Тольцинером по поручению Госстройпроекта фасадная часть трёхэтажных жилых домов первой очереди строительства для Орска, 1934 г.



1937 г., прежде всего, из-за позиции председателя Союза архитекторов Николая Колли, неуклонно представлявшего новый курс партийного руководства и дававшего понять, что впредь уже не будет места тем, кто уклоняется от представительской культуры, проникнутой преклонением перед властью. Майер и сам почувствовал себя задетым, но ему не было суждено лично пережить эту расправу – он вернулся в Швейцарию. Оттуда он не упускал возможности открыто высказать Колли свое мнение, не умалчивая, при этом, о подлинных причинах своего отъезда из Советского

Союза. Это письмо, кстати, было воспроизведено в первом, вышедшем в 1980 г. в Дрездене, томе наследия Майера только в отрывках. В полном объеме оно было опубликовано лишь в 1989 г.[39].

Тольцинер, во всем прочем поддерживавший своего учителя, не простил ему отстранения от проекта дворца, разработанного им, бывшим его учеником. В конце концов, Тольцинер и его друзья, в отличие от своего бывшего шефа, являвшего им силу примера, продолжали жить в Советском Союзе и без прикрытия с тыла в лице Майера, их положение стало ещё более сложным. Может быть, поэтому Тольцинер не отказался в своем последнем интервью для телевидения возложить на Майера часть ответственности за снос храма Христа Спасителя в пользу планировавшегося Дворца Советов. Конечно, это преувеличение. Хотя Майер, как член конкурсной комиссии, и присутствовал на совещании у Сталина, иностранец никогда не мог бы оказать такого влияния на решения властного центра. Более понятным представляется другой мотив: благодаря годам своего учения на Урале Тольцинер увидел эту проблему обращения с культурным наследием минувших эпох и держав острее и бескомпромиссно воспринял их уничтожение как ужасную культурную утрату.

Возвращение к прошлому 4: Годы большого террора превращают сотрудников Баухауза во врагов государства

В середине 30-х гг. для Тольцинера и для большинства оставшихся в СССР работников по контракту истекало разрешение на пребывание, как срок и паспортов своих стран[40]. Просить в германском посольстве об их продлении стало опасно и рискованно. Такой шаг с большой вероятностью означал бы выдачу в Германию и, тем самым, верную смерть, в особенности, для евреев[41]. Казалось, что единственным выходом из этой западни было приобретение права на пребывание в СССР в результате получения советского гражданства. То, что и в Советском Союзе взятие под стражу и смерть теперь больше не были исключением, оказалось за кухонными столами московских эмигрантов секретом полишинеля, даже если причины этих событий и масштабы террора можно было в минимальной степени распознать, веря в некие отдельные ошибки.

> Они забирали отцов семейств, а у жён, у семей больше не было продовольственных карточек. Никто не знал, куда, в какие тюрьмы попадали мужья и отцы[42].

Это был, в соответствии с описанием Владислава Хеделера[43], отработанный ритуал репрессий, имевший целью устрашение и паралич воли, в особенности, среди научной и художественной интеллигенции. Барьеров против этой машины уничтожения, свойственных правовому государству, не было. Решения о том, когда наступал чей час, принимались в партийном аппарате, который давал указания государственным учреждениям и контролировал исполнение этих указаний. Необходимость в репрессиях вытекала из целей, ставившихся властью. Так возникла формула об обострении классовой борьбы в процессе социалистического строительства. Приспешники Сталина формировали квоты групп населения или представителей определённых

профессий, подлежавших репрессиям, которые затем шельмовались в качестве «пятой колонны». В июне–июле 1937 г. были приняты дальнейшие директивы. В их число входило расширение применения ст. 58 УК РСФСР к вредителям и диверсантам и указание регионов для организации там показательных процессов с целью «мобилизации масс». В начале марта 1938 г. в Москве начался третий показательный процесс над Бухариным, Рыковым и другими. Их обвиняли в организации «право-троцкистского блока»; в том, что по поручению зарубежных шпионских служб они якобы должны были убить партийных и государственных руководителей страны и реставрировать в СССР капитализм.

Принцип непрерывного доносительства, ареста, допроса и нового доноса функционировал и среди еще остававшихся на свободе сотрудников Баухауза и их друзей. 15 июня 1937 года был арестован заместитель заведующего международным отделом Наркомата тяжелой промышленности Лео Шварцман, а 22 августа – Освальд Шнайдратус, инженер центрального научно-исследовательского института того же наркомата[44]. 19 февраля 1938 года настала очередь Филиппа Тольцинера, днем позже – Лео Вассермана. 8 марта арестовали Антона Урбана, 29 июля – бывшую секретаршу и в течение ряда лет спутницу жизни Ханнеса Майера Маргарете Менгель[45]. Казнены были все, кроме Тольцинера. Ему удалось вытащить голову из петли, обвинив двух коллег, о которых он знал, что их нет сейчас в СССР, и думал поэтому, что не повредит им своим предательством. Таким образом, он остался жив, получив десять лет лагерей на Северном Урале, тогда как о Клаусе Моймане, который в 1934 году уехал на строительство в Магнитогорск, до сих пор нет никаких сведений.

О трагическом конце Белы Шефлера стало известно недавно. После того, как он впервые был арестован в Свердловске в январе 1938 г., его освободили в мае 1939 г. «за отсутствием состава преступления». Вплоть до 1941 года он мог продолжать свою работу в проектной мастерской Уралмашиностроя – теперь с двойным за тяжелую работу жалованьем. Но при втором аресте осенью того же года ему не удалось избежать «суда». Едва достигший 40 лет, 3 октября 1942 года Шефлер был приговорен к высшей мере наказания как «немецкий агент» и месяцем позже расстрелян на подмосковном полигоне НКВД «Коммунарка»[46].

Соликамск: лагерь и свобода. Забота о сохранении памятников древнерусской церковной архитектуры

Филиппу Тольцинеру была уготована другая судьба. Сначала в лесу Усольлага он вместе с другими заключенными валил деревья. Дерево было нужно для возникших на Северном Урале огромных промышленных комбинатов, в их числе Соликамских калиевого и магниевого комбинатов и расположенной там крупнейшей в России бумажной фабрики. Профессиональные знания и способности Тольцинера стали известны благодаря случайности[47]. Для стремительно росшего лагеря, масштабы которого трудно вообразить (он был основан в феврале 1938 г. по приказу Ежова, когда количество заключенных составляло 873 чел.)[48], потребовался архитектор, и Тольцинер воспользовался своим шансом. Позже он сумел быть полезным обеим сторонам:

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление
лагерями

Форма «Л»
ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ.
ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

2-БЯ

„2" XII 1947 г.

СПРАВКА № 11194

Выдана гражданину (ке) Тольцинер
Филипп Максимович
1906 года рождения, уроженцу (ке) г. Мюнхен Германия
гражданство (подданство) СССР национальность ~~немец~~ еврей
осужденному (ой) по делу УНКВД
Московской обл
21 „IX 1938 г. по ст. ст. КРД УК
к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на
года, имеющему (ей) в прошлом судимость
по делу данных нет
МВД по „ „ 1947 г. и по Сиблагу
С применением засчитан раб. дней за хорош. произв.
Освобожден (на) „21 XII 1947 г. и следует к избранному
месту жительства: г. Соликамск до сель Изобильное
(город, село, дер., район, область)
на Изобильненского р-на
до ст. Ставропольского края жел. дороги.

Начальник лагеря (ИТК)
Майор Левицкий

Место для фотокарточки или дактилоотиска указательного пальца правой руки

Нач. ОУРЗ (УРН) Лейтенант Ковалев

Печать

Увольнительное удостоверение заключенного Гулага Тольцинера, выданное управлением лагерей Министерства внутренних дел 2 декабря 1947 г., в центре которого слева указана дата его приговора к десяти годам лагерей за контрреволюционную деятельность и которое удостоверяет хорошее выполнение им работы. При указании национальности (4-я строка сверху, справа) слово «немец» зачеркнуто и заменено словом «еврей». По словам Тольцинера, это изменение спасло его в 1941 г., после германского нападения на Советский Союз, от отправки в зону смерти

с помощью бараков и мастерских для изготовления предметов повседневного спроса, модели которых он разрабатывал (от сосудов в оплетке для пищевых продуктов и одежды, шкафов и стульев из дерева до детских колясок и кукол), он облегчал условия жизни товарищей по заключению. В то же время ему удавалось расположить к себе караульных и комендатуру, искусно пользуясь их интересами. Он оформил офицерский клуб им. Дзержинского, спланировал поликлинику и перепроектировал для коменданта лагеря бывший склад в дачу с плавательным бассейном. Эскизы для этого были в 1999 г. впервые представлены публике в Пермском областном краеведческом музее. Особое внимание посетителей вызвали цветные проекты монументальных досок учёта хода социалистического соревнования между двумя лагерями – Усольлагом и расположенным по соседству Ныроблагом. Наряду с подписью Тольцинера на них была и подпись Константина Ротова, карикатуриста, который публиковался в «Крокодиле», «Правде», «Комсомольской правде» и «Огоньке», а с 1941 г. находился в Соликамском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) и в это время выполнил вместе с Тольцинером немало работ.

Следствием заказов была возможность для Тольцинера ежедневно находиться вне лагеря, знакомясь, при этом, с городом и окрестностями. Соликамск, насчитывающий сегодня более 100.000 жителей,[49] – третий по величине город Пермской области. Город, расположенный в северной части Урала – границы между континентами – с 570 годами своей истории, в то же время и один из старейших. Ранняя связь между промышленностью и культурой, продиктованная целесообразностью, благоприятствовала его возникновению и динамичному росту, долгое время гармонировавшему с природой и обществом. XVIII столетие, протекавшее под влиянием и под знаком деятельности меценатов династии Демидовых, которые во времена Петра I основывали повсюду на Урале горные предприятия и фабрики, а также школы и музеи, считается наиболее успешным. Только в XX в. начались переломы и искажения, резко повредившие, а частично и разрушившие как культурное, так и человеческое начало города и до сих пор проявляющие свои отрицательные последствия. Вместо того, чтобы стать местом паломничества для туристов и верующих, древнерусский город солеварен и церквей в верховьях Камы воспринимается многими россиянами как негостеприимное и ненадёжное место. Для иностранцев здесь и вовсе до 1990-х гг. была «закрытая зона». Это было связано не столько с советскими опасениями промышленного шпионажа, сколько с тем фактом, что именно здесь, у источника природной красоты, искусства и культуры, находился один из самых больших пунктов ссылки и заключения; многие лагеря продолжали существовать и после 1953 г.

При этом, архитектурное наследие города с давних пор интересовало местных историков и столичных искусствоведов. Но ни академик И.Э. Грабарь, при посещении этих мест в 1925 г. пришедший в восторг от отдельных памятников архитектуры, ни нарком Луначарский, как нельзя выше ценивший художественное убранство церквей Пермской области, в особенности Соликамска[50], не исследовали ансамбль более или менее комплексно или в деталях. И в годы последующего большевистского иконоборчества они не воспрепятствовали удалению куполов, крестов и иконостасов и превращению храмов, вопреки их целевому назначению, в атеистические учреждения культуры или, что ещё хуже, в склады, фабрики, стойла или тюрьмы. Так, в мужском монастыре находилась тюрьма, а в Крестовоздвиженском соборе вплоть до конца века размещалась пивоварня. Исторические градостроительные оси вновь

Фотография, сделанная Тольцинером в 50-е гг., показывающая часть старого города Соликамска от речки Усолки. В центре колокольня, шпиль которой был сломан во время бури в 1943 г., справа соборы Крестовоздвиженский, Вознесенский (оба без куполов) и Троицкий; ниже: типичные для северорусских церквей фасадные орнаменты на Богоявленской церкви с единственным сохранившимся древним иконостасом (слева) и окном Спасской церкви – состояние 2000 г.

и вновь смещались до неузнаваемости под напором отвратительных новостроек или полностью разрушались.

Один из примечательных моментов истории заключается в том, что немец, оказавшийся там в 1938 г. не по своей воле, провёл 23 года жизни и работы в этом городе, исправляя упомянутые ошибки, да и после этого предпринимал из Москвы дальнейшие шаги для спасения уникального культурного наследия.

> Архитектор Тольцинер впервые поставил вопрос о градостроительной ценности всего архитектурного наследия Соликамска, об охране не только отдельных памятников, но и всех ансамблей, а также сохранении исторической среды, того фона, без которого немыслимы древние здания. На основании многолетнего изучения планировки города и его ансамблей он выдвинул конкретные, научно обоснованные предложения, направленные на сохранение древней планировки, реставрацию памятников и определение достойного места для них в современном городе и его завтрашнем дне[51],

констатировал в 1991 г. Гершом Давидович.

Он подчёркивает, что эти предложения были включены в подготовленный Тольцинером «Проект создания и использования охранной зоны на территории исторического Соликамска». Они играли решающую роль и при успешном получении статуса исторического города, а также в еще не завершённом обсуждении его включения в список всемирного культурного наследия. В определённом смысле, говорит российский преемник Тольцинера, они даже предвосхитили основные положения Венецианской хартии и других международных соглашений. Он связывает достижения Тольцинера со свойствами его личности и такими чертами характера, как «широкая образованность и открытость, высокие требования к работе и подлинный демократизм, готовность помочь и общительность (…), а также способность не только организовывать коллективную работу, но сделать интересным и полноценным и свободное время». Канторович объясняет это обучением Тольцинера в Баухаузе и господствовавшим там духом «смелости, динамизма, новаторства и реализма» (Клод Шнайдт) и рассказывает:

> Вот пример, связанный с реставрацией первой каменной церкви Соликамска, Богоявленской, и оставшийся у меня в памяти. Вместо главного входа зияла страшная дыра. Пролёт портала был заменён прямоугольными воротами. Там, где должен был быть старый пролёт, остались ещё несколько кирпичей, по которым можно было представить себе красоту былого орнамента. Здесь Тольцинер не позволил себе фантазии. После тщательного обмера здания и анализа пропорций других порталов церкви, оставшихся неповреждёнными, для каждого кирпича, обнаруженного на стерне или на земле, нашлось его первоначальное место […] Если возникали спорные вопросы, то Филипп Максович очень любил нарисовать черной шариковой ручкой или фломастером вариант на чертёжной кальке и потом спросить коллег об их мнении. Обычно он опрашивал нас по одному, чтобы мы не могли повлиять друг на друга. И был не особенно рад, если мы с ним соглашались. Напротив, он искал точки зрения других, обоснования их позиций, подвергал наши аргументы жёсткой проверке.
>
> Меня всегда поражали его рабочие чертежи старых конструкций, например, старинных железных деталей: дверных петель, скрепляющих колец дверных створок Троицкого собора, крепёжных растяжек на кресте или раздвижном окне деревянной церкви, – всё выполнялось с любовью и такой тщательностью в измерениях, будто он жил в XVII в. Очевидно, нам ещё предстоит узнать, где заканчивается усвоенный им образ мыслей русских плотников, которые сумели претворить в дело народную формулу «Мера и красота определяют», и где начинается «романтический функционализм» Ханнеса Майера[52].

Осенью 1952 г. Тольцинер впервые получил поддержку из Ленинграда. Она пришла в образе 19-летних выпускников архитектурного техникума, которые долж-

ны были отработать в Соликамске трехлетний обязательный срок и, не делая официальных жестов, добровольно стали его студентами. Ирина Зыкова, одна из этой первой группы, за которой ежегодно следовали новые, вспоминала позже:

> За плечами Европейская столица, дом… Налицо маленький, деревянный, 1–2 этажный серый мертвый городишко, «где птицы не поют, деревья не растут…», с суровым климатом и сломанной социальной структурой населения (пересыльный пункт политических и уголовных заключенных, спецпоселенцы). В мастерской мы, кажется, единственные, не бывшие в заключении. Север: люди и двери закрыты наглухо; да и людей маловато… Состояние шоковое… Приезд в Соликамск по направлению мог быть для нас неприятным эпизодом с возвращением домой, но нас встретил Филипп Максович и не отпустил… Три года должны мы были отработать по направлению. Для меня они вылились в 8,5 лет, которые светят из глубины[53].

Архитектору И. Зыковой, живущей ныне в Нижнем Новгороде на пенсии, мы обязаны описанием реставрационной мастерской на колокольне, как и представлением сложившейся в 50-е годы группы сотрудников Тольцинера и даже знакомством с его жилищными условиями в Соликамске – это то, о чём он никогда не рассказывал.

> Большая комната в здании Соликамской колокольни. Недалеко от входной двери – шкаф, за ним рабочий стол Филиппа Максовича. Он на месте: очень сосредоточенно, активно, с упоением работает, не видя и не слыша окружающих. Работа спорится, он улыбается, светится радостью, что-то мурлычет подсвистывая. Хорошая работа – наслаждение. […] У окна на высоком стуле Люция Карловна Валькер – «Летописец Пимен», ее письма-полотна живы до их пор. «От руки», слегка помогая линейкой, она калькирует наши чертежи. Работает тонко, аккуратно, не спеша, художественно-изящно. Дочь солидного Петербургского инженера, она окончила немецкую школу «Анна-Шуле», но владеет немецким, французским, английским и безупречно русским, хорошо знает классическую музыку. […] А неукротимая Надя Мельникова, племянница С.М. Кирова – какая атака на жизнь! На ту, какая она есть! Она преподает практику жизни. И такая глубокая, интеллигентная немецкая семья Кох. Вернер Кох – наш товарищ, охранитель. Его прекрасные фотографии – духовая память о прошлом. Наш областной инспектор А.Р. Лапин – деликатнейший, добрейший. Позднее, заезжая в Усолье на день-другой, он вечером отпускал нас с Веней в кино, а сам оставался с маленькой Наташей. Отчаянный Леша Стаканов, любивший крепкий утренний сон. Его рабочий день начинался на час-полтора позднее, но Вы (Тольцинер. – *А.Ф.*) не сердились, хорошо острили… А дружеские шаржи тихого Гены Кацко. Жаль, нет ни одного. Нет Вени Зыкова – молодой цветастый петушок, […] в нем Вам почувствовался родственный творческий огонек. И молодая, веселая сердцеведка Танюшка с бесенком и юморком в глазах… Похитила Вас, а мы противились…
>
> […] Одинокими осенне-зимними вечерами, часто без приглашения заглядываем к Вам. Как уютно в Вашей комнатке: ничего лишнего, все продумано, эстетично сделано своими руками (и тахта, и стол, и книжные полки, даже стул). В комнате царствует книга по архитектуре. Работает Ф.М. не менее 12–14 часов в сутки. Поздними вечерами в своей комнатке в общежитии. Ф. М. предлагает но-

вую книгу по архитектуре, чай, смотрим, без стеснения задаем умно-глупые вопросы, спорим, отнимаем время… Вы тактичны, доброжелательны, терпеливы… увлекаетесь и все в поисках истины!

Зыкова в шутку называла Тольцинера своим «третьим глазом». Через него молодые и старые советские граждане приходили к пониманию старинной русской архитектуры. Они знакомились с органическим контекстом, в котором пребывали памятники Соликамска, с присущими им гуманизмом и красотой. Нет копий этих уникальных северных культовых сооружений, они не имеют имитаций или аналогий. Стоит бросить взгляд на список важнейших исторических зданий, которые Тольцинер около сорока лет подвергал экспертной оценке, анализировал, о которых он заботился и которые реставрировал; этот список столь же обширен, сколь и впечатляющ, в том числе и для того, кто не видел этот город собственными глазами[54] (см. табл. 1).

Таблица 1

Объект	**Дата основания**	**Статус**
Дом воеводы	1888 г.	Памятник федерального значения
Троицкий собор	1684–1697 г.	Памятник федерального значения
Крестовоздвиженский собор	1698–1709 г.	Памятник федерального значения
Соборная колокольня	1713 г.	Памятник федерального значения
Воскресенская церковь	1714–1752 г.	Памятник местного значения
Часовня Петра и Павла	конец XVIII в.	Памятник местного значения
Дом Кузнецова	XVIII в.	В 1950-е гг. разрушен
Богоявленская церковь с зимним приделом	1687–1695 г.	Памятник федерального значения
Преображенский женский монастырь		
Церковь Спасопреображенская (летняя)	1683–1693 гг.	Без защиты
Церковь Введения (зимняя)	1713 г.	Памятник федерального значения
Деревянная крепость		
Летняя Спасская церковь	1689–1725 г.	Памятник федерального значения
Зимняя Архангельская церковь	1725 г.	Памятник федерального значения
Колокольня	1725 г.	Разрушена в 1930 г.
Троицкий (Вознесенский) мужской монастырь		
Вознесенская церковь	1704 г.	Памятник федерального значения
Церковь Михаила Малеина	1731 г.	Памятник федерального значения
Усадьба Турчаниновых[55]		
Жилой дом № 95 по ул. 3 Интернационала	1797 г.	Памятник федерального значения
Здание для прислуги	1760–1780 гг.	Без защиты
Служебное помещение	1760–1780 гг.	Без защиты
Старое городское кладбище		
Церковь Святых Жён Мироносиц	1780 г.	Памятник местного значения
Часовня	XVII в.	В 1930-е гг. разрушена
Жилой дом по ул. К. Маркса № 72	1807 г.	Без защиты

Визуальные оси Соликамска – от портала Троицкого собора на колокольню, до рабочего места Тольцинера 1961 г.; ниже: коллектив реставрационной мастерской в Соликамске, фотография Вернера Коха, октябрь 1952 г. – в верхнем ряду архитектор из Баухауза (4-й слева) и Люция Валькер (2-я справа), ниже Тольцинера директор мастерской и его коллега Борис Каплан, справа от него секретарша Татьяна Могильникова, ставшая в 1953 г. женой Тольцинера

С момента ухода на пенсию в конце 60-х гг. Тольцинер в тяжелейших условиях[56] трудился над тем, чтобы реконструировать и пополнить свой архив, утерянный в 1938 г. при его аресте НКВД. Из сохранившихся сегодня в Берлине и Перми фрагментов наследия[57], в особенности, берлинских, можно сделать вывод, что его задачей было, прежде всего, восстановление своего утраченного в Гулаге честного имени и признание в качестве архитектора Баухауза, сформировавшегося и работавшего в соответствии с традициями Ханнеса Мейера. Тема репрессий, время, проведённое в лагере, оставалось, с его точки зрения, лаконичной заметкой на полях. В отличие от своего многолетнего друга Хельмута Дамериуса[58], который выразительно описывает и оценивает этот период в мемуарах, большой архив Тольцинера почти не содержит свидетельств общественного или личного характера на сей счет. При таком рассмотрении он, вразрез со своей прежней социалистической утопией, предстает, скорее, аполитичным человеком. Корни его понимания утопии, сформировавшегося к концу жизни, заключаются в общегуманистическом настрое и чувстве социальной справедливости, что он ощущал уже в пору своей первой поездки в Палестину в 1923 г.[59].

«Белые пятна» остаются. Промежуточные итоги

Своей нерешительностью и многочисленными упущениями Тольцинер способствовал тому, что, несмотря на все успехи в исследовании истории эмиграции по теме «Немецкие специалисты в Советском Союзе», профессиональная группа архитекторов едва ли играла до сих пор хоть какую-то роль. Следы как Тольцинера, так и его коллег затерялись в российской провинции. До сих пор период социалистической индустриализации и без того казался малоинтересным для историографии российской архитектуры, так как ему практически не уделяется внимание. В то время как исследования за пределами России концентрируют внимание на крупной стройке – Магнитогорске[60], и до конца XX столетия никто не задавался вопросом о том, что стало с городами, спроектированными Майером в годы второй пятилетки на Урале и в Сибири. По данным Канторовича, они, по всей вероятности, построены по проектам архитектора-эмигранта и до наших дней сохраняют прежний облик[61].

Архитектор, охранитель памятников и реставратор Тольцинер считал себя на протяжении своей деятельности переводчиком, наводившим мосты между немецкой, русской и советской культурами. В этом качестве он оставался и посредником между модернизмом и средневековым церковным зодчеством, между наукой и практикой. Был добрым и непреклонно жёстким, если сталкивался с любого рода надувательством. Вот что рассказывает Ирина Зыкова об одном событии, типичном для его характеристики:

> Летом 1952 года Московский архитектурный институт выполнял по договору архитектурные обмеры по памятникам г. Усолья и г. Соликамска. Объем был большой, стоимость солидная. Выполненную работу Ф. М., главный архитектор мастерской, не принял по принципу «халтурности». Было много неточностей, ошибок, недоработано – пустые листы. МАРХИ претензий не принял. Тогда маленькая провинциальная мастерская «из тайги» в лице Филиппа Максовича подает на престижный столичный институт в Арбитраж.

> Это в те времена! Победа, институт принял замечания к доработке. «Воинственный дух» Филиппу Максовичу был чужд; проявлял он себя в самых крайних ситуациях и тогда был несгибаем. Это в тех случаях, когда страдали дело, справедливость, достоинство… […] В остальном же он был удивительно терпим, многое прощал, всех жалел, не реагировал, говорил: «Я видел много горя»…[62]

Тольцинер хотел создавать то, что было прочным, в том числе в глазах и во мнении следующих поколений. Хотя он и не построил дом своей мечты, но к концу жизни хотел ещё раз постоять в таком здании: уже ослепнув, он в сопровождении друзей вошёл в знаменитый цилиндрический дом, построенный Мельниковым в 1926 г. в Кривоарбатском переулке, д. 10, недалеко от своего первого московского жилища[63]. Введенный в здание Виктором, сыном Мельникова, лишь немного уступавшим ему возрастом, обессиленный гость немного отдохнул, чтобы потом ещё раз ощупью осознать, шаг за шагом двигаясь вперед, эту икону русского конструктивизма. Затем он с таким удовлетворением и столь точно описал сопровождавшим его своё ощущение пространства, будто и теперь ещё мог видеть. Тольцинер освежил это переживание; он, что случается редко, был доволен, создав единство мира – с собой.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Я благодарю, прежде всего, Елену Боброву из архива Пермского краеведческого музея, ныне покойного академика Гершена Канторовича, директора Пермской научно-технической реставрационной мастерской памятников истории и культуры Пермской области, проф. Пермского университета Георгия Чагина и Элю Эмильевну Кох, а также Геннадия Бординских и его сотрудников из Соликамского краеведческого музея за их профессиональную информацию и помощь при поиске следов на Урале в октябре–ноябре 2000 г.

[2] В августе 1932 г. общинный совет Дессау принял против пяти голосов депутатов-коммунистов и обер-бургомистра социал-демократа предложение нацистов о прекращении обучения в Баухаузе и увольнении преподавателей с 1 октября 1932 г. Вслед за тем Мис ван дер Роэ попытался вывести школу из «затхлой атмосферы маленького города» и продолжить ее деятельность в Берлине с помощью финансирования из частных средств.

[3] Цит. по книге его дочери *Georgia van der Rohe*. La donna e mobile. Mein bedingungsloses Leben. – Berlin, 2001. S. 56.

[4] В некоторых публикациях, в том числе и российских авторов, вопреки такому изложению событий и по сей день, недопустимо «урезая» описание ситуации, говорят о закрытии Баухауза нацистами.

[5] В качестве кульминации иконоборческой линии в Мюнхене состоялась в 1937 г. выставка «Выродившееся искусство». Клеветническим способом 3 миллионам посетителей были представлены в качестве примеров «ненемецкого искусства» 650 картин, скульптур, произведений графического искусства и книг, созданных 112 художниками. Перед этим экспонаты изъяли из 32 немецких музеев. Вместе с десятками тысяч произведений искусства, затронутых отбором, они были после демонстрации уничтожены или проданы за границу. Параллельно с устройством этой «камеры ужасов» режим ориентировал население на проникнутые расистскими и националистическими настроениями натуралистические работы от Брекера до Циглера. См. об этом подробно *Stephanie Barron.* Entartete Kunst. Das Schicksal der Avantgarde im Nazi-Deutschland. – München, 1992.

[6] Петер Хан по данным Фольке Дицша в своей статье: Wege der Bauhäusler im Dritten Reich und Exil. – Wilfried Nerdinger. Bauhaus-Moderne im Nationalsozialismus. – München, 1993. S. 202 ff. Согласно этим данным, в СССР эмигрировали 23 участника Баухауза. Это число остаётся неточным, см. современные данные в Л.И. Токменинова, Астрид Фольперт. BAUHAUS на Урале от Соликамска до Орска. Материалы международной научной конференции 12–16 ноября 2007 г. в Екатеринбурге. – Екатеринбург, 2008, стр. 164–175.

[7] До конца 80-х гг. в ГДР, как и в Федеративной республике, появились публикации, включая и принадлежащие перу художников Баухауза, которые, рассказывая о пережитом, не нарушают табу, окружающее тему репрессий.

[8] *Селим Хан Магомедов.* Московская архитектура от авангарда до сталинского ампира. – Каталог выставки Москва–Берлин / Берлин–Москва, 1995, 96. С. 205–210.

[9] *Christian Schädlich.* Das Bauhaus in der sowjetischen Fachliteratur der 20er Jahre. – Wiss. Zeitschrift der Hochschule für Architektur und Bauwesen (HAB). – Weimar 1978, Heft 5–6. S. 381 ff; Ders. Neuere sowjetische Forschung zum Bauhaus, Wiss. Zeitschrift der HAB Weimar 1976, Heft 5–6. S. 573ff.

[10] Из письма проф. Шедлиха автору от 26 августа 2001 г.

[11] *Oskar Schlemmer*. Bauhaus-Manifest 1919.

[12] В 1980 г. в ГДР под названием «Строительство и общество» вышел том публикаций Ханнеса Майера, изданный Лене Майер-Бергнер и обработанный Клаусом-Юргеном Винклером, который снабдил книгу комментариями. В числе статей были и написанные в 1930–1936 гг. в Москве. Такие темы, как судьба соратников Майера по «Красной бригаде Баухауза», остались в этой книге, как и в монографии Винклера, опубликованной в 1989 г., незатронутыми из-за отсутствия доступа к советским архивам и из-за самоцензуры. На открытые вопросы не отвечает и каталог, вышедший в том же году в Федеративной республике к 100-летию Майера. Последние свидетели деятельности группы, Тольцинер и Пюшель, умерли в 1996 в Москве и в 1997 в Веймаре. Несмотря на десятилетия поисков, им не удалось обнаружить скрытые следы всех прежних членов группы.

[13] Одновременно со зданием Баухауза в Дессау возник также спроектированный Гропиусом посёлок с одним особняком и тремя двухквартирными домами в качестве жилья для него и ателье для него и для мастеров Моголи-Надя и Файнингера, Клее и Кандинского и Мухе и Шлеммера. Дом Гропиуса и ближайшая к нему половина двойного дома были разрушены во время войны и не восстанавливались. Другое было реставрировано с 1996 по 2002 гг. в своём оригинальном облике и сегодня доступно для посетителей.

[14] Цит. по *Philipp Tolziner.* Mit Hannes Meyer am Bauhaus und in der Sowjetunion (1927–36). – Hannes Meyer. 1889–1954. Architekt. Urbanist. – Lehrer, Berlin /Frankfürt am Main, 1989/90. S. 245.

[15] Герман Дункер (1874–1960), философ и экономист, один из основателей КПГ и ее «странствующий агитатор». После прихода к власти Гитлера участвовал в попольной антифашистской борьбе, в 1934 г. арестован и заключен в тюрьмы Шпандау и Бранденбург. После освобождения в 1936 г. эмиграция в Данию, Великобританию, Францию, а в 1941 г. в США. Майер дружил с ним и его сыном Вольфгангом, киноведом, который работал на студии «Мосфильм». В 1938 г. В. Дункер был арестован НКВД и умер в лагере в республике Коми в 1942 г. Таким образом, важнейшие документы архива Майера, которые при его выезде из СССР были переданы другу, так и не сохранились. См. *Carola Tischler.* Mersus. Der Filmkritiker Wolfgang Duncker. – München, 2007. S. 43–52.

[16] Эскизы этого дома неоднократно публиковались, подробнее см. Ibid. S. 246–248, Bl. 1–3.

[17] Построен в 1929–1936 гг. по проекту И.П. Антонова, В.Д. Соколова и А.М. Тумбасова. Здание, памятник федерального значения – сегодня гостиница «Исеть».

[18] Немецкое сокращение названия Kommunistische Studentenfraktion – фракция студентов-коммунистов (*Прим. перев.*)

[19] ВХУТЕМАС – русское сокр. названия «Высшие художественно-технические мастерские». Они были основаны в соответствии с подписанным Лениным в 1920 г. декретом «из первой и второй государственных свободных художественных мастерских, которые в свою очередь были с 1918 г. институтами-преемниками двух традиционных московских художественных учебных заведений – Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества». Цит. по *Christian Schädlich.* Die Moskauer Höheren künstlerisch-

technischen Werkstätten und das Bauhaus. – Wiss. Zeitschrift der HAB, Weimar 1976, Heft 5, S. S. 472–475.

[20] Самыми первыми оказались, правда, Гиннерк и Лу Шепер, а также Эрих Борхерт в 1929 и феврале 1931 года.

[21] См. *Kurt Junghanns.* Deutsche Architekten in der Sowjetunion während der ersten Fünfjahrpläne und des Vaterländischen Krieges. – Wiss. Zeitschrift der HAB Weimar, 1983, Heft 2. S. 121 ff.; см. также *он же.* Немецкие архитекторы и Советский Союз (1917–1933). – Взаимоотношения русского и немецкого искусства и немецкой художественной культуры. – М., 1980. С. 96–115.

[22] См. *Christian Borngräber.* Die Mitarbeit antifaschistischer Architekten am sozialistischen Aufbau während der ersten beiden Fünfjahrpläne. – Exil in der UdSSR, hrsg. von Klaus Jarmatz, Simone Barck und Peter Diezel. – Leipzig, 1979. S. 326 ff.

[23] Из интервью Майера берлинскому корреспонденту «Правды», опубликованного в номере от 12 октября 1930 г.

[24] Русское сокращение названия «Государственный институт по проектированию строительства высших технических учебных заведений».

[25] См. письмо Майера директору Гипровтуза тов. Саламатину, Москва, 6 ноября 1930 г. – Следственное дело Белы Шефлера, Государственный архив административных органов Свердловской области (далее сокр. ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 39348-Р. Л. 115.

[26] Там же. Л. 116. Коммунистами, под которыми подразумевались члены партии, были Шефлер и Урбан.

[27] См. также *Astrid Volpert.* Béla Scheffler – ein unbekannter Bauhausarchitekt im Ural. Katalog, hrsg. vom Goethe-Institut Moskau. – Ekaterinburg, 2002. Документ воспроизведен на стр. 10.

[28] См., в частности, Klaus-Jurgen Winkler. Hannes Meyer. Anschauungen und Werk. – Berlin, 1989. S. 133, там фотография напечатано размером в целую страницу.

[29] Детальный список в книге Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области. Екатеринбург, 2003. С. 368–368. Что касается его самостоятельных работ, в различных документах архива музея УЗТМ имеются другие подтверждения и указания на них; сопоставление дат затруднительно. Личный архив Шефлера, конфискованный при аресте, до сих пор считается утраченным. См. ГААОСО. Л. 141.

[30] *Аркадий Мордвинов.* Баухауз и выставка в Москве. – Советская архитектура, 1931, № 1–2. С. 8–11, цитата на С. 9. Больше о Мордвинове и его роли в истории советской архитектуры см. в статье: *А.М. Журавлев, А. Мордвинов.* – Зодчие Москвы XX в. – М., 1988. С. 244–250.

[31] *Konrad Püschel.* Wege eines Bauhäuslers, Dessau, 1997. S. 62 f f.

[32] См. написанное от руки по-немецки письмо Шефлера от 31 декабря 1932 г. «An den inosektor des bauwesens» («В ино-сектор строительства»), Архив музея УЗТМ, Екатеринбург.

[33] *Konrad Püschel.* Die erste Aufbau-Periode der sozialistischen Stadt Orsk im Ural, – Wiss. Zeitschrift der HAB Weimar 1976, Heft 5. S. 451 ff. Текст опубликован в незначительно измененной форме также в статье «Немецкие архитекторы и Советский Союз». С. 157–162. В последний раз Пюшель вспоминает о прошлом в интервью с телевизионной редакцией «Немецкой волны», впервые упоминая, при этом, один из аспектов того, что происходило в Орске: «В это время в Орске… были разбиты большие лагеря для людей, строивших город, и это частично были именно заключенные». Тольцинер, которого спросили о том же факте, вытесняет из своего сознания эту реальность, которая могла быть как нельзя лучше известна ему по собственному опыту: «Я не в курсе того, какие категории рабочих работали на орских стройках. Но для меня было странно, что эти рабочие шли, маршируя в колоннах, даже с красными знамёнами…». Цит. по: *Heinz Tschech.* Stein auf Stein. Фильм Deutsche Welle 1994.

[34] См. личную переписку между Конрадом Пюшелем и Филиппом Тольцинером в наследии Пюшеля, Schriftenarchiv der Stiftung Bauhaus Desssau. Она содержит их подробную корреспонденцию с 1966 г. до начала 80-х гг. (отдельные документы и после воссоединения Германии) по многочисленным специальным вопросам, в том числе личного свойства, включая размышления о политической и социальной обстановке и позволяет составить дифференцированное представление как о конкретной ситуации, в которой действовали оба представителя Баухауза, так и об общности и различии в их позициях относительно тех или иных важных событий.

[35] Он высказывает эту идею, в частности, в фильме Ханса-Дитера Руча «Архитектор из Баухауза в Гулаге. Филипп Тольцинер. 1906–1996», кинокомпания «Havelland-Filmgesellschaft Babelsberg», 1997.

[36] Подробно описано и наглядно прокомментировано авторами с помощью многочисленных архитектурных чертежей в журнале «За промышленные кадры», 1931, № 9–10. С. 74–84.

[37] Структура, с которой автор познакомилась ещё в 60-е гг. при посещении школы в ГДР.

[38] *Tolziner.* Op. cit. S. 255.

[39] В полном объеме письмо Майера Н.Ю. Колли от 27 июля 1937 г. напечатано в: Hannes Meyer. Berlin/Fkf. a. M. 1989/90. S. 290 ff.

[40] Женившись на русской женщине и получив заказ, Рене Менш выехал в 1933 г. в Иран, Тибор Вайнер оставил Москву в 1937 г. и перебрался во Францию, Конрад Пюшель возвратился в июне 1937 г. в Германию, где его ожидали гестапо и безработица.

[41] Родители и сестра Тольцинера выехали в 1933 и 1937 гг. в Эквадор, оставшаяся в Германии часть семьи погибла в газовых камерах нацистов.

[42] Так вспоминал Тольцинер в фильме «Stein auf Stein» («Камень на камень»).

[43] *Wladislaw Hedeler:* Die Vorbereitung des Schauprozesses gegen den Block der Rechten und Trotzkisten. – Ders., Herbert Mayer: Opfere dich für die Partei! – Berlin, 1998. S. 10.

[44] Лео Шварцман (1881–1937), еврей из Дессау, беспартийный, был обвинен в шпионаже, приговорён к смертной казни и расстрелян 27 сентября 1937 г. на Донском кладбище в Москве. Освальд Шнайдратус (1881–1937), живший с 1924 г. в СССР, был обвинён Военной коллегией Верховного суда в контрреволюционной террористической деятельности и расстрелян 22 августа 1937 г. (реабилитация в 1955 г.). Первую публикацию имён и дат смерти жертв см. в In den Fängen des NKWD. – Berlin 1991. Другие данные об убитых в Москве и под Москвой немецких специалистах, обнаруженные российскими историками в Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации, опубликовала газета «Нойес Дойчланд» в номерах от 17 июня 1993, 10 мая 1994 и 28 августа 1995 гг. Там помещены и даты, касающиеся архитектора Лео Вассермана (род. в 1905 г., расстрелян 2 октября 1938 г. в Бутово, реабилитация в 1957 г.).

[45] Особенно трагична судьба её сына Иоганнеса Менгеля (1926–2003). После ареста и расстрела матери десятилетний ребёнок под вымышленным именем и с измененными биографическими данными поступил в советский детский дом для малолетних преступников на Украине, а оттуда несовершеннолетним был депортирован на Урал в качестве трудармейца. До 1956 г. он был там отрезан от какой бы то ни было возможности получить образование. Только в начале 90-х гг. он, благодаря Тольцинеру, разыскал своих немецких родственников и выехал в Бремен. Знакомством с соответствующими записями и письмами Менгеля я обязана Хансу-Ульриху Ламею, Мюнхен / Дахау.

[46] В 2003 г. его дело заключенного (около 150 листов) было найдено в ГААОСО в Екатеринбурге Андреасом Деккером, который, по моей просьбе, попросил изготовить копии и любезно передал их мне. Правда, содержащиеся в деле листы из протоколов допросов Урбана и Тольцинера запрещены к передаче. В соответствии с ними, Урбан многократно доносил на Шефлера, тогда как, по словам Деккера, в протоколах допросов нет ни обвинений в адрес других членов Баухауза, ни самооговоров. Шефлера обвиняли как агента немецкой разведки, действовавшего на Уралмаше, в шпионаже в пользу Германии под тем предлогом, что его настоящее имя было Абрам Шайбер. Он был реабилитирован 7 апреля 1989 г.

[47] Комендатура затребовала зубного врача, а этой женщине понадобился для работы стул. За ночь Тольцинер разработал эскиз и сам срочно изготовил этот стул из дерева.

[48] В первом году существования лагеря численность заключённых росла скачкообразно: уже в апреле их было 10.749, в октябре – 18.192, а 1 февраля 1939 г. – 34.403. Даже накануне амнистии 5 мая 1953 г. насчитывался всё ещё 24.201 узник. Вместе с соседними лагерями Гулага Кизеллагом, Ныроблагом, Молотовстроем, Усольгидролесом и УИТЛК численность заключенных составляла даже 112.238 чел. А.Б. Суслов оценивает численность жертв политических репрессий в Пермской области в целом в 360.000 человек, в том числе не менее 140.000 раскулаченных и сосланных на Западный Урал крестьян и как минимум 90.000 насильственно переселённых в военные и послевоенные годы, между ними 28.000 мобилизованных немцев. К этому добавились после

1945 г. военнопленные, проходившие фильтрационные лагеря, – автор не приводит данных по их численности. См. *А.Б. Суслов.* К вопросу количества жертв 1929–1953 гг. на Урале. Доклад на конференции «Политические репрессии в истории России», Пермь, 1999. В вышедшем в 2002 г. томе, содержащем протокол конференции, находится и доклад Е.Е. Бобровой «Архив архитектора Ф. Тольцинера как источник исследования проблем истории и культуры советского периода»). С. 106 и сл.

[49] Первоначальное название – Соль-на-Каме, затем Соль Камская.

[50] См. его примечание от 11 января 1928 г., опубликованное в книге: *Н.Н. Серебренников.* Пермская деревянная скульптура. – Пермь, 1928, архив Государственной картинной галереи Пермской области. Луначарский распорядился, чтобы в начале 20-х гг. ценные предметы искусства были перенесены из церквей Северного Урала, прежде всего деревянные скульптуры, которые высоко ценились, подобно работам Рименшнайдера (Тильман Рименшнайдер (ок. 1460–1531) – знаменитый немецкий скульптор. – *Прим. перев.*), в находившуюся в Кафедральном соборе Пермскую картинную галерею. С позиций сегодняшнего дня его мероприятие, осуществлённое проф. Серебренниковым, пробуждает двойственные чувства. С одной стороны, эти предметы искусства оказались благодаря изъятию и помещению в надёжном месте спасёнными от позднейшего разрушения в ходе антирелигиозных кампаний, с другой – церкви беднели без своего важнейшего имущества. Среди деревянных скульптур XVII в. Тольцинера особенно тронул «Распятый Христос без креста» из соликамской кладбищенской церкви Святых Жён Мироносиц, изображение которого он постоянно носил в своей рабочей папке.

[51] Текст Г.Д. Канторовича о Филиппе Тольцинере, написанный в 1991 г. и в немецком варианте переданный автору в Перми в ноябре 2000 г. Цит. по *Г. Канторович*. Хранитель каменной летописи // Соликамские вести № 112, 16 сентября 1995. С. 3.

[52] Там же.

[53] *Ирина Зыкова.* Воспоминпния о работе в Пермской научно-проектной мастерской и Ф.М. Тольцинере. 1992. – Пермский областной краеведческий музей – далее ПОКМ. Наследие Тольцинера, № 19229/127. Машинописный текст, 5 стр. Пермское наследие охватывает, в целом, 849 единиц – текстов, фотографий, проектов, в том числе оригинальных из времён Гулага.

[54] Градостроительная комиссия Центрального совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) обсудила 15 августа 1988 г. в Москве последнюю редакцию проекта Тольцинера по созданию охранной зоны старой части Соликамска, существовавшего с 1957 г. и расширенного в виде нескольких ступеней. Этот проект находился в компетенции института Ленгипрогор. Тольцинер выступил с трехчасовым докладом о состоянии дел, проиллюстрированным более чем 150 диапозитивами. Переработанная к началу 90-х гг. письменная редакция этого доклада на русском языке находится в виде копии в наследии архитектора в Перми и Берлине. Из неё заимствован и воспроизведённый здесь список объектов.

[55] Турчаниновы были известными предпринимателями-солеварами XVIII в.

[56] Ещё не пришло время копировальных аппаратов и сканеров, впрочем, в Советском Союзе уже частное владение пишущей машинкой считалось чем-то подозрительным. У друзей в ГДР Тольцинер всегда заказывал большие количества обратимой плёнки или фотобумаги. Письма или посылки шли из Москвы в Берлин или Веймар не менее четырёх недель, если они, вообще, достигали своей цели. К тому же после лет, проведенных в Гулаге, Тольцинер часто болел, он страдал среди прочего туберкулёзом и болезнью глаз, должен был не раз оперироваться, а с 1992 г. полностью ослеп.

[57] По свидетельству Г. Канторовича, Тольцинер планировал передать свое наследие равными частями трем учреждениям: архиву Баухауза в Берлине, ПОКИМ и Музею архитектуры им. Щусева в Москве. При этом, оригиналы должны были быть отправлены в учреждение, расположенное поблизости от места своего возникновения. В действительности же документы шли только в Берлин (1995) и Пермь (1992). К более обширному берлискому наследию была присовокуплена предназначенная для публикации рукопись Тольцинера о судьбе членов бригады Баухауза Ханнеса Майера «Рот фронт», в которой он рассказывал и о своём аресте и допросах на Лубянке.

[58] Они знали друг друга уже по Дессау, где Дамериус выступал со своим агиттеатром «Колонне линкс». Пути двух узников Гулага дважды пересекались в Соликамске – на пересыльном пункте. См. *Helmut Damerius.* Unter falscher Anschuldigung. 18 Jahre in Taiga und Steppe. – Berlin (Ost), 1990. S. 246–250.

[59] Об этом можно узнать уже из его высказываний в фильме «Камень на камень», но главное – из третьего фильма о Тольцинере. См. *Eduard Schreiber.* Reise ohne Wiederkehr. Philipp Tolziner, Bauhausarchitekt. 1997.

[60] См. *Harald Bodenschatz, Christiane Post* (Hrsg.). Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929–1935. – Berlin, 2003.

[61] Клаус-Юрген Винклер подробно описал и проанализировал эти проекты в своей книге (1989 г.) о Ханнесе Майере. В 2007 году с участием Уральской Государственной архитектурно-художественной академии в Екатеринбурге и учреждениями Баухауза в Веймаре и в Берлине была создана международная инициатива «Баухауз на Урале», которая занимается научным исследованием творческих биографий и спасением объектов архитекторов Баухауза в России.

[62] *Зыкова*. ПОКМ; МАРХИ – Московский архитектурный институт.

[63] Об этом эпизоде сообщил автору в ноябре 2000 г. в Перми Канторович, сопровождавший Тольцинера при посещении им дома Мельникова.

3. ПРОСТРАНСТВА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ПОИСКОВ

Личные и профессиональные связи

Елена Петрушанская

ИОСИФ БРОДСКИЙ: разговор с немецкой культурой

> Поэзия есть несущая основа истории… она также – не только явление культуры и уж подавно не только простое «выражение» некоей души культуры.
>
> *Мартин Хайдеггер*[1]

> Гений – потому и гений, что даже его диковинные идиосинкразии симптоматичны для целой эпохи.
>
> *Сергей Аверинцев*[2]

Связи культур, духовные влияния переплетены много сложнее, интереснее и противоречивее, нежели подчас представляется.

Почему столь важно расслышать «разговор с немецкой культурой», который ведет в своем творчестве русский поэт Иосиф Бродский (1940–1996), проведший полжизни в городе на Неве, избранный властями для того, чтобы присмирить, наказать духовно освобождающуюся молодежь в СССР, прогремевший на весь мир как главный герой (не жертва!) процесса по обвинению в «тунеядстве», сосланный и не сломленный, затем уехавший в США, ставший Нобелевским лауреатом (1987), который и в изгнании развивал, славил родную словесность? Значительность отражений в творчестве Бродского сквозной для этого проекта темы определяется всем вышесказанным. Поэт воплотил свое поколение в наиболее смелой, художественно совершенной форме – не только в словесном творчестве, но в сотворении своей судьбы.

При этом, «немецкая тема» для Бродского вовсе не является ведущей, – напротив, он был англофилом. В его пристрастиях к тому, что воплощало английскую сдержанность и Америку как вожделенный – издалека – материк свободы, воплотились, в яркой форме и опережающе, тенденции всего послевоенного поколения. Ведь тогда распространеннее были устремления к американскому стилю жизни, одежды, к джазу и рок-н-роллу, а с начала 60-х годов – к английским «битлз» и диктуемой ими манере поведения. Однако (несмотря на кажущееся «отторжение», даже отталкивание от *германского*), именно у Бродского, с его чутким сердцем, ухом и глазом,

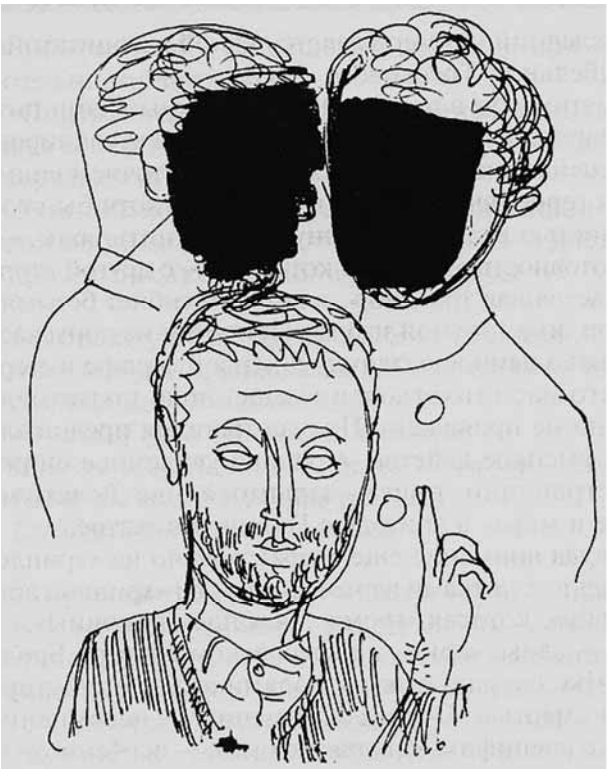


Рисунок писателя времен ссылки в Норенскую, в нем Бродский указывает на две черные маски вверху – символ «неизвестных богов» его музы

находим замечательно глубокие наблюдения и размышления о том, каковы были особенности отношений советских людей, детство которых застала война, с немецкой культурой, духовным наследием. Одной из интересных, показательных моделей неявного взаимодействия и предстает его творчество, хотя поэт писал о том, что «*вообще у меня отношение к Германии довольно однозначное, окрашенное войной в сильной степени*»[3], и немецкого языка, вроде бы, он не знал.

Очевидны англоязычные интересы и пристрастия Бродского – а вот отношения с германским сложны, противоречивы, как и, в целом, у людей, которых можно называть «шестидесятники», – тех, кого война коснулась в ранние годы, а ее следы памятны и значимы для всей жизни. Непростая суть отношений с немецкой культурой начинает открываться лишь в анализе суммы деталей, в «зеркале» творчества представителя послевоенной интеллектуальной генерации.

Не случайно значение творчества Бродского как одной из «центральных фигур» своего поколения и искусства последней трети века сразу отметили и в Германии; почти одновременно с первыми английскими публикациями поэта, с 1966 года, появилась серия переводов его текстов по-немецки[4]. Кроме того, как известно из психологии, более интересными, подчас и сущностными являются не очевидные, а скрытые влияния и связи – в данном случае, отношения великого поэта, англофила, бывшего «голосом своего поколения», с немецкой культурой. Каковы же они?

Трофеи войны – детям

Начнем с детства, формирующего основы картины мира. В этот период столь значимо влияние так называемой вещной культуры, священны царство окружающих предметов и драматургия отношений с ними. Бродский, в эссе «Трофейное» («Les trophes») рассказывает об опыте военного детства, когда ребенок невинно обживает, присваивает и даже обожествляет редкости, предметы «чужого» – особенно если они завидного качества. Это может происходить вовсе независимо от того, что вещи эти исходят от тех, кто взрослыми определяется как враги. На уровне детских фетишей и игрушек происходит невольный отбор, по красоте и добротности изделий. Так рождаются парадоксальные, казалось бы, для детей победившей страны, признания и пристрастия:

> Если кто и извлек выгоду из войны, то это мы – ее дети. Помимо того что мы выжили, мы приобрели богатый материал для романтических фантазий. В придачу к обычному детскому рациону, состоящему из Дюма и Жюль Верна, в нашем распоряжении оказалась всяческая военная бранзулетка[5] – что всегда пользуется большим успехом у мальчишек.(…) Любопытно, что нас больше привлекали военные изделия противника, чем нашей победоносной Красной Армии. Названия немецких самолетов – «юнкерс», «штука», «мессершмитт», «фокке-вульф» – не сходили у нас с языка. Как и автоматы «шмайссер», танки «тигр» и эрзац-продукты. Пушки делал Крупп, а бомбы любезно поставляла «И.Г. Фабрен-Индустри». Детское ухо всегда чувствительно к странным, нестандартным созвучиям. Думаю, что именно акустика, а не ощущение реальной опасности, притягивала наш язык и сознание к этим названиям. Несмотря на избыток оснований, имевшихся у нас, чтобы ненавидеть немцев, и вопреки постоянным заклинаниям на сей счет отечественной пропаганды, мы звали их обычно «фрицами», а не «фашистами» или «гитлеровцами». Потому, видимо, что знали их, к счастью, только в качестве военнопленных…[6]
>
> Кроме того, немецкую технику мы в изобилии видели в военных музеях… Это были самые интересные вылазки (…), особенно если нас туда водили наши демобилизованные отцы (тех из нас, у которых отцы остались). Как ни странно, делали это они не очень охотно, зато весьма подробно отвечали на наши расспросы про огневую мощь… Неохота эта рождалась не стремлением уберечь нежное сознание от ужасов войны и нежеланием уйти от воспоминаний о погибших друзьях и от ощущения вины за то, что ты сам остался жив. Нет, они просто догадывались, что нами движет праздное любопытство, и не одобряли этого[7].

Такие «трофеи» сформировали, с детства, сознание миллионов в послевоенной России. Бродский чутко разделяет отношение отцов и детей к зловещему – для первых – и лишь упоительно-заманчивому – для детей – вещному миру, который связан с предметами не только англо-американского («союзнического»), но и «вражеского» происхождения. Характерно, что с трофейными приборами немецкого же изготовления соединялся, в представлениях ребенка и подростка, и выход в иное, запредельное, даже запретное пространство. Ведь завидного, неслыханного в СССР качества вещи, доставшиеся победителям, расширяли представления советских людей об ином мире и о красоте (как предметы быта – экспроприированные фарфор, картины, пианино):

> Каждый из нас – я имею в виду наших живых отцов – хранил, разумеется, какую-нибудь мелочь в память о войне. Например, бинокль («Цейсс»!), пилотку немецкого подводника с соответствующими знаками различия, или же инкрустированный перламутром аккордеон, серебряный портсигар, патефон или фотоаппарат… отец, к моему восторгу, неожиданно извлек на свет божий коротковолновый приемник. Приемник назывался «Филипс» и мог принимать радиостанции всего мира – от Копенгагена до Сурабайи. (…) Держать дома иностранные приемники не полагалось… Этому коричневому, лоснящемуся, как старый ботинок, «Филипсу» я обязан своими первыми познаниями в английском и знакомством с пантеоном джаза. (СС4: 186–187).

О важности погружения, благодаря немецкому «Филипсу», в мир джаза, доводилось писать[8]. Обратим внимание на значимую символику в простом описании «внутренностей» (внутреннего содержания) радиоприемника. Наименования физических приборов, увиденных взором поэта, стоит прочесть аллегорически. Сквозь таинственную путаницу контактов и сопротивлений высвечивалось «окно» в прельщающее свободой духа пространство:

> Через шесть симметричных отверстий в задней стенке приемника, в тусклом свете мерцающих радиоламп, в лабиринте контактов, сопротивлений и катодов, столь же непонятных, как и языки, которые они порождали, я, казалось, различал Европу. Внутренности приемника всегда напоминали ночной город, с раскиданными там и сям неоновыми огнями. И когда в тридцать два года я действительно приземлился в Вене, я сразу же ощутил, что в известной степени я с ней знаком. (Там же, с. 187).

С помощью приемника немецкого происхождения немало соотечественников могли выходить в открытый звуковой эфир, – пусть, как юный Бродский, и не зная языков, но слушая, как он же, запретный джаз, впитывая вместе с ним недозволенную свободу и раскованность. Ситуация несколько напоминала происходящее после войны 1812 годы, когда русские войска увидели Европу – вроде бы, враждебную территорию, но свободную от внутреннего врага России, т. е. от ужаса, мрака крепостничества. Заманчив дух свободы, – пусть более кажущейся, от недостатка информации идеализируемой. И знаменательно, что позже орудием поэта, механическим средством фиксации его свободного голоса станет пишущая машинка также немецкого происхождения, «ундервуд».

В эссе Бродского в бытовых мелочах – на деле весьма многозначительных деталях – открываются существеннейшие моменты бытия. Вот один. «Выходы» сына в *иное* пространство, на эфирной волне, раздражали отца. Может, они вызывали законное опасение, незнакомое неопытному юнцу, и осторожный родитель хотел бы уничтожить источник информации, который сам же открыл сыну. Повествование Бродского о судьбе немецкого приемника обретает значение в символическом прочтении:

> Это был прочный аппарат. Когда однажды, в пароксизме гнева, вызванного моими бесконечными странствиями по радиоволнам, отец швырнул его на пол, пластмассовый ящик раскололся, но приемник продолжал работать. Не решаясь отнести его в радиомастерскую, я пытался, как мог, починить эту похожую на линию Одер-Нейссе трещинку с помощью клея и резиновых тесемок. С этого момента, однако, он существовал в виде двух почти независимых друг от друга хрупких половинок. (Там же, с. 187–188).

Подобно этому, обычная ситуация – разница *вкусов* и позиций отцов и детей – разделила, как на независимые половинки, поколения.

Любимая музыка

Похоже, что дети, чьи представления расширились благодаря «трофеям войны», воспылали любовью к тому, что было нелюбимо отцами, либо тем было неизвестно, или избегалось. В том числе к музыке и духу Иоганна Себастьяна Баха, Георга Фридриха Генделя, к немецкому живописному барокко… Уже в восемнадцать лет поэт декларировал «*В каждой музыке / Бах, / в каждом из нас / Бог. / Ибо вечность – / Богам. / Бренность – / удел быков… / Богово станет / нам / сумерками богов*» (СС1:25). Рифмуя имя все более любимого Бродским композитора с Господним, поэт не только чуток к фонетической близости. Новые идолы затмили прежних, потому что каждая юность, возможно, переживает для себя в первый раз сумерки ценимых предками богов. Здесь можно было бы, если б имелись доказательства, что юный Бродский знал о музыкальном истоке, – усмотреть и намек на заглавие оперы «Гибель (сумерки, закат) богов» и идею Рихарда Вагнера. Не случайно у Бродского открываемый юношей вечный Бог, который *в каждом из нас,* – написан с заглавной буквы, – и все его, Богово, становится сумерками неистинных богов (с прописной буквы), удел которых бренность.

В становлении независимых пристрастий, взрослеющий Иосиф отбирал музыку (нередко звучавшую в родительском доме, наряду с развлекательной, с трофейных пластинок) сообразно своим вкусам. Вкусы же все более склонялись к барокко, где царил Бах, и к «до-бетховенскому», как называл его сам поэт, классицизму (предпочитаемым Гайдну, Моцарту). О том, в чем проявлялось влияние этих музыкальных стилей (наряду с английским и итальянским барокко), нам доводилось писать ранее[9]; укажем здесь лишь на пристрастия к австро-немецкой музыкальной классике. Этому способствовал и круг общения. К началу 60-х годов относится знакомство Бродского (через Ахматову) с выдающимся германистом Виктором Жирмунским. А благодаря дружбе с музыкантами – композитором, аспирантом Шостаковича Борисом Тищенко и его женой Анастасией, Иосиф вхож в дом отца последней, известного органиста, специалиста по немецкому музыкальному барокко, «баховеда» Исайи Браудо (его памяти, в 1970 году, посвящено стихотворение Бродского).

В личной библиотеке юного поэта, наряду с семью немецкими словарями (их у Бродского было больше, чем английских!), обнаружена аннотация (приложение к пластинке) «Страстей по Иоанну» Баха[10], а также присутствовала, по свидетельствам друзей, книга Тамары Ливановой «Музыкальная драматургия Иогана Себастиана Баха и ее исторические связи» (Л., 1948). Искусству композиции, то есть, по определениям Бродского, тому, как «сделана вещь», «что за чем следует», он, по собственным признаниям, учился у Баха, Моцарта, Бетховена. Как на примеры воздействия музыки, драматургии немецкоязычных мастеров, укажу на некоторые «следы Баха»: поэма-мистерия Бродского «Шествие» сравнима со «Страстями» Баха[11], поэма-диалог «Горчаков и Горбунов» – с его же Концертом для двух скрипок с оркестром; полифонические перестановки в поэме «Зофья» тоже заставляют вспомнить о великом мастере горизонтально-подвижного контрапункта. Азартно рас-

спрашивая, в конце 60-х годов, приятельницу-пианистку Сегмару Закарян о музыкальных закономерностях и тайнах строения «Искусства фуги» Баха, Бродский не раз впоследствии применит в поэтических текстах схожий прием «развертывания на всем пространстве большого стихотворения одной метафоры» (по мнению Валентины Полухиной).

Однако имя Вагнера (как и Чайковского), например, у поэта вызывало «*нечто вроде аллергии*». В этом Бродский также выражал, опережая, идиосинкразию, свойственную столь многим представителям его и последующих поколений. Часто то, что решительно отвергалось (но звучало в доме с детства, как опера «Лоэнгрин», которую любила мать поэта), – носило печать насильственной официальной культурной программы. Наряду с русским классиком («*неиссякаемый Чайковский по радио*»)[12], в таком свете и немецкий гений Вагнер представал неким символом государственности навязываемого культурного выбора. Ведь как «хор Краснознаменный» (военизированный комплот советского искусства, Ансамбль Песни и Пляски Красной Армии), такая музыка была предпочитаема «сверху», звучала из постоянно включенных легальных репродукторов с их единственной, неминуемой программой. И неважно, навязывалась ли жаждущему свободного выбора лирика теноровых арий из «Евгения Онегина» либо «нечеловеческая музыка» вечно звучащей, якобы любимой Лениным, «Аппассионаты» Бетховена. Не случайно лишь после войны мог возникнуть многозначный, переиначенный каламбур «Ничего не знаю, кроме “Аппассионаты”». Он отозвался в отталкивании от отечественного обессмысливания идолов, в смеховом преодолении Бродским устаревшего, ложного пафоса, в пользу очистительного абсурда: «*и ты звонко смеешься:* “*Как говорил ваш вождь, / ничего не знаю лучше абракадабры*”» (СС3:204). Может, из духа противоречия, даже разрешенные «шутки» – бетховенские скерцо – категорически не нравились Бродскому, казались тяжеловесными, «лишними» в сонатных циклах.

Почему у столь многих в послевоенном поколении можно ощутить некое неприятие традиционно связываемых с немецким музыкальным искусством качеств: последовательно-логичного изложения, глубокой серьезности и обстоятельности, как у Вагнера, Бетховена? В 60-е годы и далее эти несомненные ценности, для молодежи, часто кажутся дутыми, напыщенными. Отрицая их, поколение утверждает свое стремление к отсутствию диктата – в том числе и в искусстве. Впрочем, дело не в *немецкости*, а в привкусе тоталитарного, навязываемого «искуссства». Отторжение было столь активным: так, Иосиф с приятелями (вспоминал Андрей Сергеев), в пику советской пропаганде (агрессивный тон пацифистских отечественных маршей типа «Нам нужен мир!» поэт смешно передразнивал уже в школе), предпочитали слушать и подпевать другим следам тоталитаризма, даже фашистского. Он полюбил суровые немецкие пред– и военные песни (обожал «Лили Марлен», перевел ее с немецкого), игнорируя сентиментальность, ложный энтузиазм, слащавую лиричность распространенного в отечестве песенного репертуара.

Стремление к выражению значительного в ненавязчивой, игровой форме влекло Бродского, как многих современников, к джазу. Джаз как концепция *открытого* содержания, наращиваемого непредсказуемо в импровизированной игре, враждебен регламентированному обществу. Он воплощал сопротивление искусству тоталитаризма, самоиронию, олицетворял не только «американские влияния», но некую запретную, вожделенную свободу и раскованность. Недаром с ним боролись по обе стороны границ, в сталинском СССР и фашистской Германии. В силу самой природы

Иосиф Бродский в Ленинграде в конце 60-х годов

«расшатанного» ритма и свингующих интонаций, свойственного ему духа иронии, джаз выражает, и ныне, атмосферу неагрессивного сопротивления принятым догмам[13].

Еще одна «волна» резких переоценок в России, после оттепели 60-х, прокатилась в середине 1980–90-х годов, когда происходило, в потоке отрицания прежних, государственно насаждаемых ценностей, свержение окаменевших идолов, «затасканных» официозной пропагандой. Поэтому и возникает тогда в стихах Бродского призыв «*смахни с рояля Бетховена и Петра Ильича*»[14]. А подчас некие химеры, рожденные масскультовским представлением о «духовности», сливаются в нечто неразличимо-целое, как контаминация в имени персонажа стихотворения «Посвящается Чехову»: *Петр Ильич Эрлих*[15]. Национальные различия не существенны, если эта контаминация становится олицетворением истинного врага – пошлости. Поэт элегантно, но зло смеется над ней, устаревшей и окаменевшей, псевдорусской в неразрывной связи с немецким, неважно, – всемирной! – далекой и близкой – пошлостью: «*Вас в коломянковой паре можно принять за статую / в дальнем конце аллеи, Петр Ильич». «Меня?» – / смущается деланно Эрлих, протирая платочком пенсне. / Но правда: близкое в сумерках сходится в чем-то с далью…*» (СС3:254).

От вещей и звуков – к кино и женскому идеалу

Близкое сходится в чем-то с далью и в эмоциональном мире. Влияя на вкусы в среде вещей и музыки, немецкие реалии участвовали и в формировании визуально-чувственных представлений и идеалов советских людей. Ведь вещи способны конструировать столь многое и в сенсорике, – это рассказал поэт в эссе «Трофейное»:

> можете списать на нашу латентную эротику тот факт, что мы были так привязаны к вещам, которые еще не стали обтекаемыми: к черным лакированным крыльям сохранившихся немецких BMW и «опель-капитанов»… Говорит вам это человек, родной дом которого любезными усилиями Люфтваффе был стерт с лица земли, и который впервые попробовал белый хлеб восьми лет от роду… (СС4:198).

Поэтому, может, для советских «детей войны», в дальнейшем определивших политику, исторические изменения общества, – как и для Бродского, «*самой главной военной добычей были, конечно, фильмы*» (СС4: 188). Даже голливудская и прочая продукция окрашивалась появляющейся перед сеансом надписью:

> «Этот фильм был взят в качестве трофея во время Великой отечественной войны». (…) Конечно, это было воровство, но нам, сидевшим в зале, было наплевать[16]. (…) Они захватывали и завораживали нас сильнее, чем все последующие ленты неореализма или «новой волны». (…) утверждаю, что одни только четыре серии «Тарзана» способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущева на 20-м съезде и впоследствии. (…) в трофейных картинах было и нечто более серьезное: их принцип «одного против всех» – принцип, совершенно чуждый коммунальной, ориентированной на коллектив психологии общества, в котором мы росли (…) Преподносимые нам как развлекательные сказки, они воспринимались скорее как проповедь индивидуализма (СС4: 188–190).

Вот искреннее свидетельство «разъедающего» воздействия, которое могли бы взять на вооружение противники иностранных культурных реалий в отечестве! Так формировалось поколение, часто отвергающее опороченные родные идеалы в пользу «чуждым», – те, кого называли «*низкопоклонниками перед Западом*» и кто нередко сильно страдал из-за таких обвинений. И если американизмы, англоязычные влияния можно как-то объяснить стремлением к сильному союзнику, удивительнее пристрастия к недавно еще вражеским идеалам прекрасного, типу женской красоты:

> И пока не замерли обретоны сей низкопоклоннической ноты, позвольте мне здесь вспомнить еще одну вещь, роднящую меня с Адольфом Гитлером: великую любовь моей юности по имени Зара Леандер. Я видел ее только раз, в «дороге на эшафот», шедшей тогда всего неделю, про Марию Стюарт. (…) по моему убеждению, она была самой красивой женщиной, когда-либо появлявшейся на экране, и мои последующие вкусы и предпочтения, хотя сами по себе и вполне достойные, все же были отклонениями от обозначенного ею идеала (СС4:191).

Подобные модели женских достоинств – зовись они Марикой Рёкк, Ингрид Бергман, Марлен Дитрих, или, впрочем, и другие «платиновые блондинки», для СССР сосредоточенные в типаже Любови Орловой, – восходят к так называемым нордичес-

ким нормам красоты, сексапильности при внешней холодности, сдержанности. Именно они стали желанным идеалом послевоенного поколения, несмотря на состав крови, явно «чуждой». Не случайно и судьбой юного поэта стала молодая дама, похожая, по словам Бродского, на Еву с картины Кранаха…

Однако выбор любимой «дивы» у Бродского особо интересен: ведь Зара Леандер (она, действительно, была одной из предпочитаемых фюрером актрис) обладала внешностью, не вполне укладывающейся в «норматив» северной блондинки. Образ этой актрисы и певицы, типажно близкой «женщине вамп», среди немецких кинозвезд олицетворял, по мнению исследователя, «в годы нацизма тоску по бегству от регламентированных будней»[17]. Фильм о королеве Шотландии Марии Стюарт, сделанный в Германии в 1940 году режиссером Карлом Фрелихом, где в главной роли блистала Зара Леандер, носил название «Das Herz der Königin» (Сердце королевы) и получил в отечественном прокате, как обычно, тенденционное заглавие «Дорога на эшафот» (ну, какое может быть, по классовым представлениям победившего пролетариата, *сердце* у королевы)? Именно этот женский образ (наряду с другими «прототипами», как реальными, так и воображаемыми) отразился и в большом стихотворении Бродского «Двадцать сонетов Марии Стюарт». Ведь и он «… *видел мальчиком, как Сара / Леандер шла топ-топ на эшафот*» (СС2:337). Признаваясь в любви некому «собирательному образу» – своему женскому идеалу, очаровывавшему, обманывающему и вновь пленявшему красотой, смелостью, таинственностью, поэт воспевает в «Двадцати сонетах» и душевную двойственность, и отважное бесстрашие на «пути к смерти» («*шла топ-топ на эшафот*»), присущее его любимым героиням – королевам по достоинству, Дидоне, Марии Шотландской, в звуках, мраморе, во плоти… Бессмыслие злобных усилий перед лицом смерти – эта мысль сквозит в размышлениях Бродского о шлягере «Die Rose von Nowgorod» (Новгородская роза) Нино Рота, напеваемом любимой звездой, Зарой Леандер, на пластинке:

> Тембр голоса – как у Марлене Дитрих, но вокальная техника много лучше. Леандер действительно поет, а не декламирует. Несколько раз мне приходила в голову мысль, что послушай немцы эту мелодию, у них не возникло бы желания маршировать nach Osten. (…) Куда маршировать-то, если в конце – только жутко грустный мотивчик (СС4: 191).

О тирании и пошлости

Как и в этих строках о печальном пении любимой актрисы, поэтом широко была трактована пророческая роль художественного языка и искусства, в целом. Известно, что Бродский поклонялся Языку как вещему представителю сути явлений. Он считал, что сам Язык «диктует»[18] художнику (и истории), и в этом его определяющая роль, а «*у поэта перед обществом одна обязанность – писать хорошо,… поэт – слуга языка… и хранитель его, и двигатель*»[19]. В официозной манере, исходящей от тоталитарного государства времен молодости поэта, Бродский отмечал чуждые немецкие влияния. Однако это не воздействия великой литературы Германии, а примитивно-логические построения речей честолюбцев:

> В России велик контраст между государственным языком – и языком образованных людей. Язык, которым пользуется государство, во многих отношениях – не русский. Это

> язык сильно онемеченный, загаженный жаргоном марксистских трактатов начала века, полемикой Ленина с Каутским и пр. Это жаргон полемических социал-демократических программ, который внезапно оказался языком людей, пришедших к власти.

Чуткому поэтическому слуху слышнее совсем иные смыслы в немецкой речи, ему доступна «игра» не только на родном «инструменте». Так, Бродский извлекает многозначные созвучия из фонетической близости немецкоязычных слов Schmalz (в идиш – schmalz) – жирное, сальное, что ассоциировалось с вульгарно-пошлым, и Schmerz – боль, а в данном контексте – и смерть:

> Если вдуматься, ни одно столетие не произвело такого количества шмальца, как наше. Может быть, шмальц нужно рассматривать как орудие познания… Ибо Шмальц суть плоть от плоти, кровь от крови, младший брат Шмерца (СС4:191).

Значимость брошенной Бродским шестнадцать лет назад мысли о том, что пошлость порождает страдание, смерть, ходом и анализом истории открывается все более. И в другом своем эссе он писал, сравнивая завидную «*атмосферу вседозволенности»* в искусстве, *«период взлета экспрессионизма»* в Германии периода Веймарской республики с ее мрачным продолжением:

> Приход к власти Гитлера, безусловно, означал конец почти всего этого. Для европейских интеллектуалов его восхождение к власти явилось не столько триумфом воли, сколько триумфом пошлости[20].

Правда, Бродский производит невольную подстановку, скорее, своего (в 1984 году) ощущения на место того, которое соответствовало, сопутствовало событиям конца тридцатых годов. Во всяком случае, эта мысль развивается и в искусстве на грани тысячелетий, при размышлениях о судьбах России и Германии, о природе власти, роли и сути тирании.

В нередких размышлениях о деспотии (как в эссе «О тирании», в стихотворении «Одному тирану») поэт не уточняет, о каком именно тиране идет речь, смешивая черты Муссолини, Гитлера, Сталина. Недаром заглавие стихотворения звучит словно перевод «с иностранного», с использованием семантических полей неопределенного артикля: *«Одному»* – то есть не единичному, а некоему, вообще, типическому «тирану». Черты великих деспотов XX века в текстах Бродского контаминированы, ибо сходства здесь важнее различий, – и объединяет тиранов не только жестокость, а то, что они в заостренной, концентрированной форме соответствуют пошлым представлениям обывателя о «силе духа».

В том же направлении ныне идет кинорежиссер Александр Сокуров в двух своих последних фильмах, не случайно созданных на грани тысячелетий как попытка итоговых размышлений мастера. Это киноленты о последних этапах жизни судьбоносных тиранов – «Молох» о Гитлере и «Телец» о Ленине (1999 и 2001), где режиссер занял одного и того же (!) актера в обеих заглавных ролях. Изысканные по изобразительной эстетике, фильмы развивают единую тему. Они предстают как некий этюд о могучей власти банальности, пошлости[21], открывающейся особенно ясно в период «заката» прежних «богов».

Подобно многим ныне, – только ранее других, – Бродский понимал, что *«все мы способны обернуться Гитлерами»,* что *«несколько убавляет нашу решимость осудить его (немцев)». Это звучит почти как: «Кто мы такие, чтобы судить?»* (С5:228). Эти размышления возникают в ходе анализа Бродским поэтики столь ценимого им У.Х. Одена (1907–1973). Он солидаризируется с великим англоязычным поэтом, который в 1939 году воспринял Третий Рейх как страну «*насилия над молодыми людьми… воспринял нацизм как что-то личное: как нечто совершенно враждебное чувственности, тонкости»).* Бродский приходит к смиренным, самокритичным, без тени мстительности выводам:

> Каждый поэт сам немного фюрер: он хочет владеть умами, ибо он искушаем мыслью, что ему «лучше знать», а отсюда всего шаг до сознания, что ты и сам лучше. Осуждение подразумевает превосходство; отвергнув для себя такую возможность, Оден предпочитает скорбеть, а не судить («1 сентября 1939 года», с. 228–230).

Слова и образы германской культуры

Подобно столь ценимому им Одену, Бродский также отказывается от однозначно-мстительного осуждения. И хотя, как уже говорилось, его «*отношение к Германии… окрашено войной в сильной степени*», оно также обусловлено естественным уважением и интересом мастера слова к истории литературы, к ее великим достижениям. На вопрос, знал ли Бродский немецкий язык, отвечают отрицательно. Однако некоторые слуховые впечатления у него не могли не присутствовать. Не случайно, вспоминая момент возвращения отца, в 1948 году, после лет военной службы, он вспоминает мать, которая восклицает *«“Ach! Oh wunderbar!” – по-немецки, на языке ее латвийского детства и нынешней службы в лагере для военнопленных»*[22]. Семь словарей в личной библиотеке поэта в Ленинграде могли служить не иначе как для попыток разбираться в текстах на незнакомом языке. Недаром редчайшие для поэта значки – пометы и следы спора, несогласия с переводом – исследователи находят лишь на страницах двух книг, бывших в его библиотеке, одна из которых – книга стихов «Лирика» Райнера Марии Рильке в переводах Тамары Сильман (М.–Л., 1965)[23]. Впоследствии Бродский посвятит разбору стихотворения Рильке одно из своих эссе. То, как поэт читает свои «Два часа в резервуаре» с вкраплениями немецких слов, говорит о хорошем слухе, некотором опыте их произнесения. Не говорю уж об искаженном, но близком немецкому *идиш*, осколки которого были известны не только евреям, даже лишенным волей судеб и правительств родных языков: они вплетались в жаргон музыкантов и… «блатную» или имитирующую ее речь.

Если ж вернуться к глубинным свойствам, которые могли быть интересны русскому поэту в немецкой культуре, скажу сначала о различных случаях художественно оправданного использования немецкоязычных слов.

Бродский в эссе «Об одном стихотворении» особо отмечает вторжения таковых у своего Мастера, Марины Цветаевой, для которой нередко «*русского родней немецкий*». «*Переход на другой язык для иллюстрации душевного состояния*» в ее строках, обращенных к Рильке, естествен, когда «*поэзия, в сущности, сама есть другой язык – или: перевод с оного*». И, например, «*употребление немецкого Du Lieber*» Бродский

трактует не только как «*попытку приблизиться к оригиналу*», а как равенство языков, русского и немецкого, перед «*любовью звука – к смыслу*», перед фонетической необходимостью для поэта, творящего на *ангельской* высоте: «*Речь идет о высоте… над-языковой, в просторечии – духовной*»[24].

Игра же со словами парономистически близкими (то есть почти идентичными по звучанию, но с разной семантикой) нередко встречается у Бродского. Нам важен не только сам факт нередкого использования слов с немецкими корнями, а то высечение смыслов, которое возникает при таком сближении. Вот один из примеров.

В эссе «Полторы комнаты»[25] поэт писал и о непрерывно звучащих грампластинках в его «половинке», отгороженной от родительской комнаты. Тогда музыка с его проигрывателя, и особенно часто звучащий Бах (коего «возненавидели» родители) отгораживала, словно стеной, личную среду обитания молодого человека, – в том числе в моменты прихода возлюбленной. Это пространство для жилья, для личной жизни он называл в этом эссе, пользуясь немецкой терминологией, «*Lebensraum*». Здесь можно ощутить, услышать столь характерный для Бродского каламбур, основанный на игре со сходно звучащими словами: одно из них, по фонетической близости с русским ненормативным, деликатно обозначим как «жизненный беспорядок». Другое же, близкое звучание слову *Lebensraum,* – в немецком названии популярнейшего, часто звучащего по радио и в концертах, несомненно известного поэту ноктюрна Франца Листа «*Liebestraum*» («Грезы любви»). Созвучие официозно-бюрократического и пафосно-романтического слов, в данном контексте (поскольку речь идет об осуществлении в 10-метровом жизненном пространстве «грез любви» поэта) производит юмористическое, хоть и иронически-горестное, не лишенное подспудной философичности, впечатление.

Кажется, более очевидны следы немецкой романтической поэзии у раннего Бродского (впитавшего, впрочем, массу разнонаправленных влияний). Несмотря на то, что в зрелости он декларировал свои связи с англоязычной поэзией, американским духом индивидуализма, в юные годы неизбежны отклики на романтизм, что ярко отобразилось в стихах, объединенных темой «Всадники». Особо важны для поэта «постгетевские» всадники, наследники романтической баллады «Лесной царь».

Тема скачки во мраке объединяет три стихотворения Бродского 1962 года («Два всадника скачут в пространстве ночном…», о черном коне без всадника и «Ты поскачешь во мраке…») и связывает их с темой Лесного царя и не только проживанием, но и преодолением романтического мирочувствования.

Стихотворение «Под вечер он видит, застывши в дверях…» (СС1: 189–191), где «*два всадника скачут в окрестных полях, / как будто по кругу, сквозь рощу и гать, / и долго не могут друг друга догнать*» – написано в том же ритме и размере, что и гетевский «Лесной царь», где так же сама смерть с ликом Лесного царя гонится за жизнью. «Два всадника» у Бродского – это гоняющиеся друг за другом романтические *тоска и покой* («*Два всадника скачут в пространстве ночном, / кустарник распался в тумане речном, / то дальше, то ближе за юной тоской / несется во мраке прекрасный покой*» (СС1:190–191)[26]. А аллегорически: *юная тоска* – жизнь, *прекрасный покой* – смерть. Так само отмершее прошлое торопится, стремится убить, забрать в плен, молодое поколение, – думаю, такое иносказание невольно актуализировалось в вечных строфах Гете в начале 60-х годов в СССР.

В другом тексте, «*В тот вечер возле нашего огня / увидели мы черного коня…*» (СС1:192–193), открывается загадка о таинственном, чернее черного, коне: «*зачем*

он черным воздухом дышал?.. Зачем струил он черный свет из глаз? // Он всадника искал себе средь нас». Исследователь творчества Бродского В. Куллэ указывает, что это «выпряженный из дрожек Галчинского “Заговоренный конь”, обернувшись Черным конем, примчал поэта к смерти»[27]. Впрочем, представление о гибели, соседствующей со скачкой, вновь напоминает о предтече, балладе «Лесной царь». Именно к ней (наряду с другими романтическими, в духе Лермонтова, мотивами) отсылают строки третьего стихотворения Бродского, также 1962 года «Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам» (СС1:220–221), где упоминается и «лесной царь». Смерть и одиночество несутся рядом: «*Кто там скачет, кто мчится под хладною мглой, говорю, / одиноким лицом обернувшись к лесному царю, – / обращаюсь к природе от лица трехугольных домов: / кто там скачет один, освещенный царицей холмов? / Но еловая готика русских равнин поглощает ответ, / из распахнутых окон бьет прекрасный рояль, разливается свет…*».(СС1: 226)

Примечательны некоторые детали, заставляющие предположить, что это стихотворение отсылает не только к немецкой романтической поэзии (балладе Гете в переводе В. Жуковского и, возможно, ее «отражениям» у Мандельштама), но и к музыке. Конечно, – к «Erlkönig» Франца Шуберта: эта музыка не могла не быть известна Бродскому хотя бы из-за частых трансляций по радио. Чрезвычайно популярна была и транскрипция Франца Листа для фортепиано вокальной баллады Шуберта-Гете. В отражении «Лесного царя» Листом непрерывное маркированное движение триолей у рояля (что имитирует дробь скачки и внутреннюю дрожь) еще усилено; может, поэтому «*бьет прекрасный рояль…*» у Бродского? Ведь в его стихотворении происходит постоянная «путаница ролей» и «лиц»: «*ты поскачешь*» то переходит в «*ну и скачет же он*», то в «*говоря сам с собой*». Загадочность перетекания, в поэтическом тексте, «персонажей» из второго в первое и третье лицо схожа с тем, как в музыке Шуберта один певец-исполнитель (баритон или сопрано) исполняет все три «роли» баллады Гете – отца, сына и Лесного царя-обольстителя. И у Бродского неясно, да и не должно быть ясно, «*... кто объедет, а кто, как сквозняк, / проникает в тебя, кто глаголет, а кто обиняк, / кто стоит в стороне, чьи ладони лежат на плече, /кто лежит на спине в леденящем ручье. / Не неволь уходить, разбираться во всем не неволь, / потому что не жизнь, а другая какая-то боль / приникает к тебе…*».

Стихотворение Бродского, как и у Гете, заканчивается гибелью («*и уже не слыхать, как приходит весна*»). Обернуться к лесному царю – как отразиться в одиночестве-смерти. Черный конь, преследующий поэта, – да и все его поколение – словно память о смерти, что может обернуться, вполне в романтическом духе, самоубийственным вариантом судьбы – «*на спине в леденящем ручье*»[28]. Это, как и тема двойничества («*кто глядит на себя, отраженного в черной воде…*»), тоже шубертовские мотивы, из романсов, вокальных циклов на стихи Мюллера. Есть и другие следы романтической поэзии и музыки в его творчестве.

Не утопая в частностях, укажу на уместность – и плодотворность сравнения несчастливого, из-за издательской судьбы, цикла стихотворений Бродского «*Песни счастливой зимы*» с вокальным циклом Шуберта «Зимний путь»[29]. Здесь стоит только упомянуть, что с «ключом» гейневских мотивов и шумановского подтекста, из вокального цикла «Любовь поэта», открываются многие неясности в позднем, весьма «темном» стихотворении Бродского «О, если бы птицы пели и облака скучали…». Итоговые строки «1972»: «Бей в барабан, пока держишь палочки, с тенью

своей маршируя в ногу!» (СС2:293) – имеют своей предтечей «Доктрину» Генриха Гейне («Бей в барабан и не бойся…», пер. Юрия Тынянова). Шиллеровские аллюзии находим в «Двадцати сонетах Марии Стюарт». Отголоски Роберта Музиля («Человек без свойств») – в нескольких текстах Бродского, особенно «В горах» («Голубой саксонский лес…», СС3:83–89). Все это говорит о глубинной, пусть не явной связи с немецким, чаще – романтическим – наследием.

Фаустовские мотивы

Самый же «наглядный» и многосмысленный «разговор с немецкой культурой» ведет Бродский в связи с фаустовской темой.

Уже его раннее стихотворение «Einem alten Architekten in Rom»(Старому архитектору в Риме, СС1:375–378), чье заглавие, по признанию поэта, заимствовано у Стивенса, отталкивается и от польской поэзии Галчинского[30]. Однако таится здесь, как представляется, и след фаустовской темы: ведь оживление мечты и материализация желанного образа не случайно, думается, происходит в немецком Кенигсберге:

> В коляску, если только тень / действительно способна сесть в коляску…/ и если призрак переносит тряску…/ мы взгромоздимся молча и вперед / покатим по кварталам Кенигсберга…

С нежностью и болью описывая пейзаж разрушенного войной города, где «*деревья что-то шепчут по-немецки*», молодой поэт, находящийся в это время далеко от Кенигсберга, в ссылке в деревне Норенская (стихотворение датировано ноябрем–декабрем 1964 года), вызывает в воображении образ «призрака» возлюбленной. Он словно заклинает хранить любовь от дьявольского искушения (подряд глаголы в повелительном наклонении: *ищи, отбрось, сравни, прикинь*): «*Спасти сердца и стены в век атомный /... возможно, лишь скрепив их той же силой / и связью той, какой грозит им смерть*». Слова преображаются в пение *немецкоязычной* птицы: «*И ты простишь нескладность слов моих. / Сейчас от них один скворец в ущербе. / Но он нагонит: чик, Ich liebe dich! / И может быть, опередит: Ich sterbe!*» (СС1:378).

Возникает фаустовская тема и в переводе Бродским фрагментов из поэмы американского поэта Хаима Плуцика (1911–1962) «Горацио»; раздел под номером три озаглавлен «Фауст» (СС3:337–341). Интересна формулировка Бродским вопросов о смысле существования. Друг Гамлета Горацио беседует с «*остробородым Доктором, когда-то / любимым мной, да и не только мной*». Фауст вязнет в потоке рассуждений о сути и споре Становления и Бытия, «*в поисках основы / вещей, точней – течения вещей, / как Гераклит сказал бы*» (СС3: 337–338): «*Werden und Sein, старинная дилемма! (...) Но что есть это самое “не быть”?/ Пусть грустная, но форма Становленья, а Становленье суть синоним жизни – бурливой, неустойчивой, как мысли / красавицы. Тогда как Бытие / столь вечно, что почти синонимично / небытию, в вульгарном смысле – Смерти. (...) Итак, альтернатива больше не / меж жизнью – Бытием и Становленьем – / суть смерть, а скорей меж высшей жизнью, / меж сферой духа, там, где человек / одно с Идеей, то есть вечен, – и / меж сферой мелких обстоятельств…*» (СС3:339).

Первая страница стихотворения «Два часа в резервуаре», написанного 8 сентября в Норенской, опубликовано в первом российском собрании сочинении И. Бродского (Пушкинский фонд, Т. 1, СПб., 1992)

ДВА ЧАСА В РЕЗЕРВУАРЕ

Мне скучно, бес...
А. С. Пушкин

I

Я есть антифашист и антифауст.
Их либе жизнь и обожаю хаос.
Их бин хотеть, геноссе официрен,
дем цайт цум Фауст коротко шпацирен.

II

Не подчиняясь польской пропаганде,
он в Кракове грустил о фатерланде,
мечтал о философском диаманте
и сомневался в собственном таланте.
Он поднимал платочки женщин с пола.
Он горячился по вопросам пола.
Играл в команде факультета в поло.

Он изучал картежный катехизис
и познавал картезианства сладость.
Потом полез в артезианский кладезь
эгоцентризма. Боевая хитрость,
которой отличался Клаузевиц,
была ему, должно быть, незнакома,
поскольку фатер был краснодеревец.

Цумбайшпиль, бушевала глаукома,
чума, холера унд туберкулёзен.
Он защищался шварце папиросен.
Его влекли цыгане или мавры.
Потом он был помазан в бакалавры.
Потом снискал лиценциата лавры
и пел студентам: "Кембрий... динозавры..."

Немецкий человек. Немецкий ум.
Тем более, когито эрго сум.
Германия, конечно, юбер аллес.
(В ушах звучит знакомый венский вальс.)
Он с Краковом простился без надрыва

Сочетание блестящего юмора, острой иронии, легкой шутки[31] и глубокомыслия свойственно и программному стихотворению Бродского, созданному им 8 сентября 1965 года в деревне Норенская, в ссылке, – «Два часа в резервуаре» (СС1: 433–437). Оно интересно нам как глубинный след «разговора» с немецкой культурой в творчестве поэта, свидетельство германских следов в его мировоззрении.

Уже само заглавие (в сочетании с первой же строкой «*Я есть антифашист и антифауст*») заставляет предположить, что будут затронуты проблемы Гомункула, выведенного в колбе (как в сцене «Лаборатория в средневековом духе» из второго акта второй части «Фауста», где Вагнер занимается «*созданием человека*»; ведь, по Гете, «*с годами мозг мыслителя искусный / Мыслителя искусственно создаст*»[32]). Действительно, поэт словно производит опыт по сращиванию языков – опыт на основе комической, хохмаческой. Здесь в каламбурной, квазишутливой форме, в так называемой макаронической речи, происходят забавные – но весьма значащие – контакты русского и немецкого, пусть исковерканного, языков, начиная с декларации авторской позиции: «*Я есть антифашист и антифауст. / Их либе жизнь и обожаю хаос./ Их бин хотеть, геноссе официрен, / дем цайт цум Фауст коротко шпацирен*». Сразу заявляя о желании говорить и спорить о Фаусте, поэт, лишенный

дома (да и впоследствии, в изгнании, признававшийся, что «*здесь снится вам не женщина в трико, а собственный ваш адрес на конверте*»), задает условия межъязыковой игры, включая и параномистически схожие созвучия. И тогда в юношеском *обожаю хаос* слышится «обожаю Haus»; «дойче» сползает в «*ди тойчно шпрахе*». Общеизвестные смыслы обогащаются при сменах языкового кода: так, само имя искусителя поэтом преображено в арабского «сына» (ибн) черта – *Меф-ибн-Стофель* (черт по-немецки – Teufel); а русское ухо расслышит здесь и забавную ненормативную лексику.

За «Два часа в резервуаре» (возможно, действительно созданных 8 сентября за 2 часа, – а создание в ссылке текста, «нафаршированного» немецкими фразами, не говорит ли о некотором знании и слуховом представлении о родном языке Гете?) поэт словно производит и опыт выращивания героя современности – некоего супермена, «вроде Фауста». Издевательски проходят «этапы судьбы» доктора Фауста, в смеси с чертами любого лидера, стремящегося к власти над миром, умами: «*Не подчиняясь польской пропаганде, / он в Кракове грустил о фатерланде*[33]*, / мечтал о философском диаманте / и сомневался в собственном таланте. / Он поднимал платочки женщин с пола. / Он горячился по вопросам пола. / Играл в команде факультета в поло. // Он изучал картежный катехизис / и познавал картезианства сладость./ Потом полез в артезианский кладезь / эгоцентризма. Боевая хитрость, / которой отличался Клаузевиц, / была ему, должно быть, незнакома, / поскольку фатер был краснодеревец*».

Ссылка на афоризм историка, прусского генерала Карла Клаузевица (1780–1831): «Война – это продолжение политики другими средствами» – соседствует с намеком на Христа (кощунственное указание на отца-столяра). Упоминание же о *знакомом венском вальсе*, рядом с неслышно звучащим «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», стоит услышать как память о австрийских корнях германского фашизма: «*Немецкий человек. Немецкий ум. / Тем более, когито эрго сум. / Германия, конечно, юбер аллес. / (В ушах звучит знакомый венский вальс)*».

Смешение корней и аллюзий рождает «человека будущего» без будущего: «*Фройляйн, скажите: вас ист дас “инкубус”?*» (слышится в этом, для поэта не печатаемого: вас издаст «инкубус»?) Ответ уже без кавычек: *Инкубус дас ист айне кляйне глобус*. Переведем: создание поэта – новая вселенная. На этой маленькой планете парадоксально соседствуют тени шиллеровского и гетевского романтизма, детская считалка и жалобная песенка на идиш: «*Нох гроссер дихтер Гете задал ребус. / Унд ивиковы злые журавли, / из веймаровского выпорхнув тумана, / ключ выхватили прямо из кармана. / И не спасла нас зоркость Эккермана. / И мы теперь, матрозен, на мели*»[34].

«Хулиганское» стихотворение, по мнению друга поэта Якова Гордина, могло явиться и «откликом» на присланный Бродскому роман «Доктор Фаустус» Томаса Манна. Однако, кроме не слишком уважительно сваленных в кучу имен авторов фаустовских опусов, кроме максимализма по отношению к человеческим слабостям и уподобления фашизма – черту, оболванивающему «*честного немца*» (хотя «*душа и сердце найн гехапт*[35] *на вынос*»), не нахожу следов полемики с творением Т. Манна. Скорее, идет спор с гетевским – в изложении и стиле, приданном вольным переводом Пастернака, – «Фаустом». Понятно, что перед нами травестирование, так называемая снижающая аллюзия, – «разоблачение» Фауста, полностью лишенное «пиетета» к первоисточнику, весьма «знаковое» для начала 60-х годов XX века.

50-летний Бродский как дублер Гете

Помимо осмеяния фаустовской значительности и роли, этот текст характерен и тем, что «искусителю», в духе «угрозы с Востока» (и нашествия мусульман в Европу, особо в Германию), придано несколько арабских черт (знаменательно паронимическое совпадение!), как в остроумном «*арабский представитель Меф-ибн-стофель…*». Это намек на искушение Запада мусульманством, его, по Бродскому, опасность, разъедающую западную цивилизацию и культуру: о том же поэт позже пишет в его эссе «Путешествие в Стамбул».

«Два часа в резервуаре» спорит также и с элементами мистики (мистика есть признак неудачи) и с отрицанием Метафизики у Гете. И ключевым становится вопрос о ценности «прекрасного мгновенья».

Поэт и шалит, и всерьез не верит в мощь желаний человека, в цель существования «по Гете»: «*От человека, аллес, ждать напрасно: / “Остановись, мгновенье, ты прекрасно”. / Меж нами дьявол бродит ежечасно / и поминутно этой фразы ждет. / Однако человек, майн либе геррен, / настолько в сильных чувствах неуверен, / что поминутно лжет, как сивый мерин, / но, словно Гете, маху не дает*».

Позже, в период изгнания (когда Бродский говорил о своем «приезде в пункт *Одинбург*», используя псевдонемецкую реалию-эвфемизм), он ссылается на фаустовское «остановись, повремени, мгновенье…» – и спорит с ним, в связи с предназначением писателя: фиксировать, описывать время, течь в его потоке. Бродский дополнил заклинание Гете, формулу поиска абсолютного счастья, своим вариантом-продолжением: «*… повремени, мгновенье; ты не столь / прекрасно, сколь / неповторимо*», склонясь к позиции Гераклита, а не Кьеркегора[36].

Концентрированность простых философских максим «шуточного» текста чрезвычайно емка, подобно Книге Бытия: «*Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх. / Однако интерес у всех различен. / Бог органичен. Да. А человек? / А человек, должно быть, ограничен. // У человека есть свой потолок, / держащийся вообще не слишком твердо. / Но в сердце льстец отыщет уголок, / и жизнь уже видна не дальше черта. // Таков был доктор Фауст. Таковы, / Марло и Гете, Томас Манн и масса / певцов, интеллигентов, унд, увы, / читателей в среде другого класса. // Один поток сметает их следы, / их колбы – доннерветтер![37] – мысли, узы… / И дай им Бог успеть спросить: “Куды?” – / и услыхать, что вслед им крикнут Музы*».

Впоследствии ценность «прекрасного мгновения», проживаемого, в осознании близкой границы со смертью, поэтом со всей силой радостного наслаждения настоящим, будет воспета Бродским в «Римских элегиях». И название, и тон эклоги воспринят от Гете, в Риме тоже ощутившем желание *застыть навеки*, замерев от счастья[38]. Как у Гете, и у Бродского двойная *оптика счастья* в его «Римских элегиях», от совмещения красоты созерцания руин (*наготы, складок)* и от наслаждения красотой живой, телесной[39]. Желание слиться с Римом, стать одной из статуй, анонимным мрамором заставляет Бродского, словно *Фауста*, произнести магическую – избегаемую, отрицаемую поэтом прежде! – формулу заклинания прекрасного мгновения: «*Крикни сейчас "замри" – я бы тотчас замер, / как этот город сделал от счастья в детстве*» (СС3:43).

«Поэмой больше, человеком – ницше…»

Однако двойная оптика существует и в человеке творящем. Бродский спорит с Гете, и не только с ним: «*Есть мистика. Есть вера. Есть Господь./ Есть разница меж них. И есть единство. / Одним вредит, других спасает плоть. / Неверье – слепота, а чаще – свинство*». Бродский отказывает и безверию, и расплывчато *таинственному* в праве на объяснение целей человечества: «*Есть истинно духовные задачи. / А мистика есть признак неудачи / в попытке с ними справиться. Иначе, / их бин, не стоит это толковать. / Цумбайшпиль, потолок – преддверье крыши. / Поэмой больше, человеком – ницше*» (СС1:436).

Последнее высказывание не только емко выражает амбивалентность человеческой природы: все более высокие достижения в творчестве могут соседствовать с личным ничтожеством. Интересно, что в строке «*Поэмой больше, человеком – ницше*» открывается спор с Ницше, – пусть, кажется, на грани фола. Можно здесь услышать и пушкинское, из «Евгения Онегина»: «Чем меньше женщину мы любим, тем (не больше, а) легче нравимся мы ей». И у Бродского нарушено механистическое, ожидаемое продолжение фразы (могло быть: «поэмой больше, человеком – меньше»). В таком случае меньше, в условиях макаронической речи, напоминало бы о сходном звучании слова «человек» – Mensch – по-немецки. Но поэт выбирает неожиданный, но такой уместный окказиолизм «ницше», что созвучно отечественному «ниже» и «ничтожнее (вотще)», да многозначно превращено, низведено из номинативов в наречие (подобно пушкинскому же «кюхельбеккерно и тошно»). Это звучит молодеческим издевательством по отношению к автору идеи о СВЕРХчеловеке. (Кстати, и подразумеваемое, но отсутствующее *человеком* – меньше напоминает о постоянных взываниях автора «Так говорит Заратустра»: «O, Mensch!») и комически спорит с мистическим преувеличением значения Человека, – преувеличением, далеким от человечности.

Германские впечатления. «Настоящий конец войны»

Впрочем, строки Бродского, посвященные впечатлениям о посещениях Германии, как кажется поначалу, не светятся теплотой. Поэтом запечатлена неприязнь послевоенного поколения к особенно чуждой ему, еще до падения Берлинской стены,

восточной части искусственно разделенной страны. Стихотворение «Ландсверканал. Берлин» обрамлено упоминанием о канале, «*в котором утопили Розу* Л.» (Люксембург). Он – словно нечистый поток коммунистических фантомов, а посредине знаменательная берлинская «*стена – бетонная предтеча Кристо – / бежит из города к теленку и корове / через поля отмытой цвета крови*» (СС3:185). Пейзаж воспринимается горестно-тенденциозно, под давлением раненной памяти, в зацикленности круга удручающих ассоциаций.

Однако в другом поэтическом впечатлении, от Мюнхена, слышно иное. Пожалуй, там запечатлен некий сдвиг сознания от того, что можно бы назвать Исторически Обусловленной Предвзятостью. Для начала, суровый Мюнхен Бродский называет городком: «*В городке, из которого смерть расползалась по карте…*». Восприятие величественной столицы Баварии, прежнего гнезда фашизма, как городка не случайно, а очевидно, возникает при пересмотре давних – не забытых, но прощаемых ужасов, при некой лиризации в противостоянии былому «врагу». Восприятие поэта сдвинуто с прежней острой позиции, «ракурс» взгляда меняется. Все детали текста здесь значимы. И фантомы былого (пресловутая немецкая аккуратность и чистота, прошлое цветение агрессии, уснувшие символы захватнической власти) сливаются с мирными христианскими метафорами (рыба, свечи, ранки и стрелки, как у Св. Себастиана), с ностальгической интонацией, близкой состраданию:

> В городке, из которого смерть расползалась по школьной карте, / мостовая блестит, как чешуя на карпе, / на столетнем каштане оплывают тугие свечи / и чугунный лев скучает по пылкой речи. / Сквозь оконную марлю, выцветшую от стирки, / проступают ранки гвоздики и стрелки кирхи; / вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно, / но никто не сходит больше у стадиона. / Настоящий конец войны – это на тонкой спинке / венского стула платье одной блондинки / да крылатый полет серебристой жужжащей пули, / уносящей жизни на Юг в июле (СС2:405).

Бродский вспоминал обстоятельства написания стихотворения в 1973 году:

> Поездка в Германию, в Мюнхен, потому что еще когда жил в отечестве, меня в мое отсутствие выбрали в Баварскую академию der Schönen Künste. Членом Баварской академии был в свое время Шиклгрубер. Вообще у меня отношение к Германии довольно однозначное, окрашенное войной в сильной степени. Но вот я там оказался, и имел место роман с девицей, которую я знал еще с Вены. Все это примерно и описано – в частности, венский стул[40].

Так, вместо встречи с былыми «врагами», – признание членом Баварской академии, как в свое время Гитлера. Отношения с Германией в зеркале поэзии предстают вовсе не однозначными. Возможность вылететь из прежде зловещего Мюнхена с подругой на Юг, для недавнего советского гражданина, – воистину, «настоящий конец войны» – и войны за свободу, в том числе свободу передвижения (поэт уехал на Запад 4.06.1972). *Настоящим концом войны* становится и образ любовного соития, когда на «венский стул» (понятие весьма многозначное[41] у Бродского, автора стихотворения «Посвящается стулу», где стул становится символом бесконечности; не забудем и о «венских переговорах») брошено платье одной блондинки, как белый флаг.

Оценить мирный тон мюнхенских впечатлений поэта можно, зная, как упорно в СССР, и после войны, создавался «образ врага», особенно «немецко-фашистского». В эссе «Коллекционный экземпляр» Бродский отмечает, что

> всегда считал шпионаж наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности – наверное, прежде всего потому, что рос я в стране, содействие интересам которой было для ее уроженцев немыслимо. Для этого и вправду нужно было быть иностранцем. Поэтому-то, наверное, страна так гордилась своими мусорами, попутчиками и тайными агентами, увековечивая их всеми мыслимыми средствами, почтовые марки и памятники включая. О, все эти Рихарды Зорге, Пабло Неруды, Хьюлы Джонсоны и прочая, вся эта макулатура нашей юности!.. Немецкая фамилия шпиона звучала лучше, чем французская, французская – чем испанская… (СС4:207).

То есть самым «привычным» врагом, как его представляли масс медиа, был *немец* даже и в 60-е годы! Не случайно в пьесе Бродского «Демократия!» министра юстиции в новой России зовут Густав Адольфович:

> Министр внутренних дел… и юстиции.. должен быть иностранцем. Гарантия большей объективности, и никакого непотизма. Вспомним римское право…. лучше, если угнетатель – а закон всегда угнетатель – чужеземец. Лучше проклинать чужеземца, чем соотечественника. На этом все империи держатся. Вспомним цезарей, в худшем случае, Сталина. Своего рода психотерапия. Здоровей ненавидеть чужого, чем своего (СС4:328–329).

Здесь Бродский указывает на «Законы 12 таблиц», первый свод законов Древнего Рима, где было важно *adversus hostem aeterna auctorias* – отличить соотечественника от иноземца (Leges XII Tabularum, 451–450 до н. э.)[42].

Память и «чувство вины»

Однако чего нет в текстах поэта – чувства ненависти к «чужим», а также преувеличения чувства вины[43] перед теми, кто выжил, давшего столько моральных стимулов в послевоенной Германии. Ибо

> … для меня то, что случилось с евреями в Третьем Рейхе, – не история: их истребление отчасти совпало с началом моего существования. Я наслаждался сомнительным комфортом безмозглого младенца, (…) тогда как они шли в газовые камеры и обращались в дым крематориев (…) Вследствие тесного, практически полного параллелизма немецкой и советской политических систем и скудости карательной иконографии последней, я всматриваюсь в груды трупов на заднике моей жизни особенно напряженно. Как, я спрашиваю себя, они туда угодили? Ответ… чтобы стать жертвой, достаточно присутствовать на месте преступления. (…) Подъем, цветение и падение Третьего Рейха, как и коммунистической системы в России, были неотвратимы именно потому, что их не ожидали. (…) как немецкий, так и русский варианты социализма произросли из одного философского корня конца девятнадцатого столетия, который тянется от полок Британского музея, питаясь мыслью Дарвина. (Отсюда их последующее единоборство, которое не было битвой добра и зла, а схваткой двух демонов – семейная усобица, если угодно)[44].

Отношения Германии и России и проблемы национализма поэт трактует не без влияния несимпатичных ему фрейдовских методов:

> …развился национальный комплекс неполноценности, принявший форму немецкого национализма и породивший идею немецкой Kultur. Немецкий романтический идеализм с его туманной возвышенностью – поначалу cri de coeur, довольно скоро превратился в cri de guerre… Россия… достигла еще меньше, чем Германия… Это был комплекс неполноценности в квадрате, поскольку она стремилась превзойти Германию любым… доступным способом, произведя по ходу дела своих славянофилов и представление об особой русской душе, как будто Всемогущий распределял души по географическому принципу. Продолжая каламбур, можно сказать, что cri de coeur и cri de guerre слились для русского уха в le dernier cri, и именно из комплекса неполноценности, из провинциальности – всегда стремящейся к последнему крику – а не из осознанной необходимости Ленин принялся читать Маркса. (…) Немецкий и русский варианты социализма выстроились именно по такому рисунку: в основе их принцип исторического детерминизма, вторящий в некотором смысле поиску Праведного Града.

Но как вести разговор с миром «детям войны», с их грузом утрат, разочарований, разлук, в том числе с родной почвой?

Здесь чрезвычайно поучительна позиция Бродского. В своем «кредо» – Нобелевской лекции, обращении к миру – он, немало писавший о тирании[45] (и испытавший ее гримасы на себе), посвящает знаменательные строки отношениям литературы, истории и тирании. Его мысль отталкивается от предостерегающего Запад опыта России и, в частности ее отношений с Германией[46], когда «*в настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор*» (СС1:13). Истоки бед поэт видит в игнорировании культуры как сгустка исторического опыта:

> …ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступление против литературы (…) – пренебрежение книгами, их не-чтение. За… это человек расплачивается своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей. (…) говорю это о чтении Диккенса, Стендаля, Достоевского, Флобера… а не о грамотности, не об образовании. (…) Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Дзедун, так тот даже стихи писал; список их жертв тем не менее далеко превышает список ими прочитанного» (СС1:12).

Однако чуткая этически поэзия способна ощутить всходы мефистофельской закваски даже в запоздалых размышлениях о политическом зле, – чей недостаток, как «*разговоров об очевидном, в том, что они развращают сознание своей легкостью, своим легко обретаемым ощущением правоты… сходным по своей природе с соблазном социального реформатора, зло это порождающего*». Бродский предостерегает от замусоливания проблемы, от неплодотворной рефлексии. Не путайте эту позицию с забвением, отмиранием памяти, – тем, что представлялось ему концом человечества. Недаром одно из этапных стихотворений, давшее название сборнику «Примечания папоротника», Бродский предваряет эпиграфом из Петера Хухеля: «Gedenke meiner, / flüstert der Staub» («Помни меня – говорит прах»); там – *«И, сродни строке, / “не забывай меня” шепчет пыль руке с тряпкой…»* (СС3:171–172).

Память о прошлых трагедиях не исключает следующего шага, и Бродский в Нобелевской речи 1987 года говорил о предназначении новой словесности:

> Она, эта литература, не была ни бегством от истории, ни заглушением памяти… «Как можно сочинять музыку после Аушвица?» – вопрошает Адорно[47], и человек, знакомый с русской историей, может повторить тот же вопрос, заменив в нем название лагеря, – повторить его, пожалуй, с большим даже правом, ибо количество людей, сгинувших в сталинских лагерях, далеко превосходит количество сгинувших в немецких. (…) Поколение, к которому я принадлежу, оказалось способным сочинить эту музыку. (…) мы стремились именно к воссозданию эффекта непрерывности культуры, к восстановлению ее форм и тропов, к наполнению ее немногих уцелевших и часто совершенно скомпрометированных форм нашим собственным, новым или казавшимся нам таковым, современным содержанием (СС1: 13–14).

Продолжая тему «разговора с немецкой культурой», укажу на развитие и «зеркальный», из Германии, ответ-созвучие Бродскому на тему «творчество после Освенцима», у Нобелевского лауреата 1999 года Гюнтера Грасса:

> Молодая послевоенная литература испытывала сложности с немецким языком, который во времена господства национал-социализма подвергся порче. Вдобавок поколению Белля, и… более молодым авторам, путь преграждала табличка с изречением Теодора Адорно…: «После Освенцима писать стихи – варварство». (…) но мы писать продолжали. Правда, при этом мы… должны были рассматривать Освенцим как цезуру и непоправимый надрыв в истории цивилизации. (..) Пророческое предупреждение Адорно, словно начертанное на стене, остается действенным… Литераторы моего поколения открыто с ним боролись. (…) предстояло освободить немецкий язык от шага в ногу, вызволить его из пут идилличности и романтически мечтательной замкнутости. Нам, детям, обожженным войной, выпало на долю отвергнуть абсолютные величины, устранить идеологическое деление на черное и белое. Сомнения и скепсис стали нашими родителями: разнообразие оттенков серого преподносилось нам как подарок (…) Только так могло продолжаться писательство после Освенцима – будь то поэзия или проза[48].

В сторону «новой жизни»

Первым – Бродский, а более чем через 10 лет после него – немецкий писатель утверждают необходимость новой задачи: преодолев конфронтации, боль, штампы прошлого сознания, двигаться вперед, к новой словесности, к новым отношениям стран и наций, не пронизанным упорными воспоминаниями о войне и страхом военной угрозы.

Быть может, пофантазируем вслед за Бродским, помечтаем о будущем. Его стихотворение «Новая жизнь» (не по дантовской *Vita Nuova*) анализирует условия такого «бесконфликтного» существования («*Представь, что война окончена, что воцарился мир… Представь, что эпос окончился идиллией*»; СС3:167). Тогда осознающая себя лишь в противостоянии личность смиряется до осознания «*я, иначе – никто, всечеловек, один / из, подсохший мазок в одной из живых картин, которые пишет*

Могила Бродского на кладбище острова Сан-Микеле в Венеции

время…» (СС3:174). «Конец индивидуализма», который возвещал Бродский в эссе «О тирании», торжество посредственности как в добре, так и в зле, имеет, однако, и аспект смирения, осознания себя лишь частицей духовного потока. В конце жизни, в эссе «Письмо Горацию», *слияние с мировой культурой* представляется поэту, во сне, буквальным эротическим актом – подобным тому «*настоящему концу войны*», который описывало стихотворение о Мюнхене, в мирном соитии с наследницей бывших «врагов», когда одежды, как доспехи, доверчиво сброшены на «*венский стул*».

Так и послевоенное поколение должно было дать миру прежде немыслимые синтезы культур, в том числе – и может, даже особенно наглядно – русской и германской. Культурные ценности наций у истинно великих стремятся к взаимопроникновению и взаимообогащению…

Мы прислушались к текстам поэта, одного из наиболее ярких выразителей своего времени. Примеры того, как образы германского искусства – литературы, кино, музыки – отобразились и преобразились в поэтических шедеврах Бродского, показывают укорененность их воздействия – несмотря на внешнее отторжение, индифферентность к «немецкой теме», – у послевоенного поколения. Анализ «разговора с немецкой культурой» (подчас спора) у Бродского особо важен и потому, что он присутствует в неявном, скрытом виде, на глубинном уровне, и воплощает тенденции к сопротивлению государственной культурной доктрине (а также официальному «образу врага») в 60–70-е годы.

Чем является Бродский для Германии – тема иного исследования; однако, и один лишь пример, то есть вышеуказанное явное созвучие Бродскому в Нобелевской речи Грасса, говорит о диалоге, через поэтическую амальгаму, русско- и немецкоязычного художников, а шире – послевоенных поколений в обеих странах. А вот чем воистину является для Бродского (а через него – для советских «детей войны») память и травмы детства, их преодоление и сублимация в творчестве, – и, в целом, Германия, немецкая культура, мы старались показать, открывая глубокую созидательную силу – и в амбивалентном творческом отталкивании, и в сопряжении «далековатых идей».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Хайдеггер М.* Гельдерлин и сущность поэзии // Логос, 1991, № 1. С. 43.

[2] *Аверинцев С.* Слово Божие и Слово Человеческое // Новая Европа.1995. № 7. С. 77.

[3] *Бродский И.* «Пересеченный пейзаж. Путешествия с комментариями», сост. П. Вайль. – М., 1995. С. 162.

[4] *Jossif Brodskij:* Ausgewählte Gedichte, по-немецки Heinrich Ost and Alexander Kaempfe, afterword Alexander Kaempfe. – Esslingen 1966, S. 58; Gedichte von Jossif Brodskij. Lyrische Hefte 26 (Köln) 1966; *Joseph Brodsky:* Einem alten Architekten in Rom: Ausgewählte Gedichte. Aus dem Russischen von Karl Dedicius, Rolf Fieguth und Sylvia List. – München: Piper, 1978; *Joseph Brodsky:* Römische Elegien und andere Gedichte. Aus dem Russischen von Felix Philipp Ingold. – München und Wien, 1985. S. 136 .

[5] В. Куллэ в примечаниях к эссе Бродского говорит о происхождении этого разговорного слова из романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова; бранзулетка обозначает блестящую (металлическую) побрякушку (С6:432).

[6] Мать Бродского Мария Вольперт была «переводчиком в лагере немецких военнопленных, получив звание младшего лейтенанта в войсках МВД». (С5:343; эссе «Полторы комнаты») – *Е.П.*

[7] *Иосиф Бродский.* Трофейное // Сочинения Иосифа Бродского. 4 т. – СПб., 1992–1995; здесь Т. 4. С. 184–201, цит. С. 185–186. – Далее после цитат указываются только страницы этого издания.

[8] *Петрушанская Л.* Слово из звука и слово из духа. Приближение к музыкальному словарю Иосифа Бродского // Звезда, 1997, № 1. С. 217–229; *она же.* Джаз и джазовая поэтика у Бродского (Бродский в исследованиях западных славистов). – М., 2001.

[9] *Петрушанская Л.* Слово из звука и слово из духа… Звезда, там же; *она же.* Опыты сопряжения. К теме «Бродский и музыка» // Сб. Мир искусств. ГИИ искусствознания и «Наука». – М., 2001.

[10] 1962, хранится в Архиве Фонтанного Дома, СПб, КП-6199; Е-3126.

[11] Подробнее об этом см.: Опыты сопряжения. К теме «Бродский и музыка», сн. 9.

[12] *Иосиф Бродский.* Меньше единицы // Сочинения Иосифа Бродского. – СПб., 1999. Т. 5. С. 22.

[13] Джаз как противодействие тоталитаризму значимо предстает и в документальном фильме «Джаз и Третий Рейх» (1988), где говорится о свинге и джазе как тайном языке сопротивления в некоторых странах под правлением фашистской Германии, – как, например, в Голландии. И в самой Германии за приверженность к этой музыке (подобно определенному англо-американскому типу одежды, слушанию англоязычного радио) помещали в концлагерь, вплоть до смерти. Геббельс сначала издавал приказы против одного из ансамблей, «Swing-Jugend». а впоследствии признал некоторую полезность джаз-ансамблей и слушания их пластинок на фронте, в кругу немецких солдат. Как всегда, возникла счастливая мысль использовать «неугодное» художественное средство для пропаганды нужных идей. Был организован ансамбль «Charlie & His Orchestra», где к джазовым мелодиям приспосабливали новые тексты в пользу фашистской диктатуры, против Черчилля, евреев и т. д. Ансамблю покровительствовало государство. Чтобы изобразить «полноценную жизнь» жертв Аушвица, был создан ансамбль «Getto-Singers», исполнявший также и джазовые композиции.

[14] *Иосиф Бродский.* Приглашение к путешествию // Соч. (см. сн.7). Т. 3. С. 257.

[15] Знал ли Бродский, что немецкий врач, бактериолог и биохимик Пауль Эрлих, создатель иммунологической «теории боковых цепей» и верного препарата против сифилиса, был Нобелевским лауреатом 1908 года совместно с И.И. Мечниковым?

[16] Этот этический оттенок тоже повлияет на отношения, в будущем, России с Западом, особенно с Германией: «они нам должны, а как мы это возьмем (вернем, отберем) – неважно».

[17] *Enno Patalis:* Sozialgeschichte der Stars. – Hamburg, 1963. S. 123.

[18] *Иосиф Бродский.* Нобелевская лекция // Соч. (см. сн. 7). Т. 1. С. 5–16.

[19] *Иосиф Бродский*. Поклониться тени // Соч. Т. 5. С. 257.

[20] *Бродский И.* «1 сентября 1939 года» У.Х. Одена / Сочинения Иосифа Бродского. Т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 1999. С. 228–229. – В дальнейшем в тексте указываются номера страниц этого издания.

[21] «Гитлер, вполне по Фромму, выглядел там не сильной личностью, а жалким мелким буржуа и скрытым некрофилом. Сам фашизм был порождением пошляков» (слова Ю. Гладильщикова в беседе о фильмах Сокурова. «Мощи и немощи», «Итоги», 27 марта 2001. С. 65.).

[22] *Иосиф Бродский.* Полторы комнаты // Соч. Иосифа Бродского. Т. 5. – СПб., 1999. С. 327.

[23] *Муравьева И.* Автографы и библиотека Иосифа Бродского в собрании музея Анны Ахматовой (Фонтанный Дом) // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. – СПб., 1998. С. 255–256.

[24] *Бродский И.* Об одном стихотворении // Сочинения Иосифа Бродского. Т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 1999. С. 166–167.

[25] Новый мир, 1995. № 8. С. 74.

[26] Тоска (Sehnsucht) и Покой (Ruhe) – ключевые состояния немецкого романтизма.

[27] *В. Куллэ.* Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России: 1957–1972. Диссертация на соискание ученой степени канд. иск. – М., 1996. С. 79. Речь идет и об аллюзии к циклу К.И. Галчинского «Заговоренные дрожки», который переводил молодой Бродский.

[28] Подобно покончил с собой в Париже немецкоязычный поэт Пауль Целан (родом из австро-венгерского города Черновицы, насильно присоединенного СССР и захваченного немцами). Целан был «съедаем» чувством вины перед родителями и другими жертвами, что он спасся в годы фашистских преследований. Позже Бродский, отдавая дань этому замечательному поэту, напишет о неприемлемости этого, в духе романтической поэтической традиции – трагического жеста бессильного отчаяния.

[29] Подробнее см. публикацию: *Петрушанская Л.* О чем «О, если бы птицы пели…» у И. Бродского? // Парадигмы. – Тверь, 2001.

[30] «Осознание себя тенью, странствующей в воображении по аду разбомбленного Кенигсберга, перемещение в фантасмагорическом пейзаже – все совпадает до мелочей со стихотворением “Заговоренные дрожки” Галчинского». *Куллэ.* Поэтическая эволюция (см. сн. 27). С. 77.

[31] Попутно отметим, что строка о жизни неустойчивой, как мысли красавицы, напоминает об оперном контексте в русском тексте знаменитой арии Герцога из «Риголетто» Дж. Верди: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене…».

[32] *Гете И.В.* Фауст // Иоганн Вольфганг Гете. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М., 1985. С. 417. Перевод Б. Пастернака.

[33] Напомню общеизвестное: Фауст учился в Кракове, провинции Австро-венгерской империи, в провинции той же империи провел юные годы Гитлер, и Ницше по происхождению поляк…

[34] Считалка – это «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана»; а известную в начале 60-х годов песню пели сестры Берри, а в быту смешивали русские слова и идиш в песенке «Шварце папиросен» (они упомянуты Бродским). В «матрозен» отразилось и русское выражение «поматросил и бросил»…

[35] Это неправильное, с точки зрения немецкой грамматики, выражение моделирует в идиш, который и далее сквозит в стихотворении.

[36] *Кьеркегор С.* Повторение (Gjentagelsen). – М., 1997.

[37] «На границе языков» в этой фразе чертов «веттер» сметает все следы.

[38] У Гете: «Saget, Steine, mir an, o sprecht, ihr hohen Paläste! / Straßen, redet ein Wort! Genius, regst du dich nicht?/ Ja, es ist Alles beseelt in deinen heiligen Mauern, / Ewige Roma; nur mir schweiget noch alles so still!». (Elegien I) В переводе Н. Вольпина: «Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги! Улица, слово скажи, гений, дай весть о себе! Истинно, дуду таят твои священные стены, Roma aeterna! Почто ж сковано все немотой?».

[39] У Гете в «Римских элегиях» – тоже двойной восторг перед античными (им отданы дни) и живыми (как возлюбленная, которой отданы ночи) статуями: «Werd' ich auch halb nur gelehrt, bin ich doch doppelt beqlьckt» – Elegien V («Так, вполовину учась, счастлив я ныне вдвойне», в переводе Вольпина).

[40] *Бродский И.* Пересеченный пейзаж. Путешествия с комментариями, сост. Вайль. – М., 1995. С. 161–162.

[41] Поэтическая речь преображает банальные предметы; вернее, в условях поэтического дискурса стоит видеть и приметы повседневности как метафоры. Евреям-эмигрантам, как и Бродскому, знакомо венское «чистилище» – «сидение» в Вене в ожидании того, чтобы вылететь, как пуля, по месту вызова, в Израиль, Канаду или в США.

[42] *Мигель де Унамуно*. Вера // Иностранная литература. 2001. № 2. С. 252.

[43] Однако чувство вины перед оставленными в мрачном отечестве родителями объединяет Бродского с Паулем Целаном.

[44] *Бродский И.* Профиль Клио // Звезда. 2000. № 5. С. 17–18.

[45] Не только фрагменты в разных эссе, стихах, и статья «О тирании» (СС5: 85–91).

[46] «На протяжении почти целого столетия первая из них стремилась быть большой и сильной (какой ценой – неважно). Теперь настал ее черед слабеть: к 2000 году она окажется там же, где была в 1900-м, и примерно с тем же периметром. Там же окажется и Германия (наконец-то до потомков Вотана дошло, что, загнав соседей в долги, завоевываешь их надежней и менее дорогостоящим способом, нежели военными действиями)» (СС4:203).

[47] Бродский ссылается на знаменитую фразу великого немецкого музыковеда и философа Теодора Адорно в его книге 1951 года «Minima Moralia. Размышления из разрушенной жизни», – который, как и сам поэт, был вынужден по политическим причинам покинуть отечество в период фашизма и продолжать творческую деятельность, чаще на родном языке, но в США.

[48] *Грасс Г.* Нобелевская лекция 1999 г. // Звезда. 2000. № 3. С. 84.

Хайнрих Ратке

ЧУЖОЙ В СВОЕЙ СТРАНЕ. Опыт российских немцев, представителей евангелической церкви, в Советском Союзе во времена крайнего отчуждения и отторжения

Поиск следов в забытом времени

В Сибири и Казахстане нас презрительно называли «фашистами» и «фрицами», а здесь в Германии нелестно называют «русскими». Я очень часто это слышал от переселенцев, приехавших в Германию из бывшего Советского Союза после 1990 года. За несколько лет до этого некто, кого мы встретили в области восточнее Урала, сказал нам: «Мы хотим, наконец, домой, в Рейх». Это был симбиоз религиозной и национальной тоски по возвращению в страну Мартина Лютера, где ожидали полных народа церквей и живой веры; обратно туда, где немцы среди своих и, где, наверное, возвращенцев встретят с большой радостью. Вряд ли кто-либо из переселенцев заранее мог осознать, что почти полвека существуют две Германии. Многие возвращенцы чувствовали себя «чужими в своей стране». «Нет места. Нигде»[1] – таково ощущение российских немцев.

Уже в начале XX столетия российские немцы почувствовали влияние предреволюционных движений в России и Первой мировой войны. Некоторые ощущали притеснение в своей вере и в том, что они немцы; появились первые жертвы. Пошла первая волна эмиграции, прежде всего, в США. Если революция 1917 года сначала подарила российским немцам на несколько лет свою Республику Поволжье, то скоро начались преследования за веру, а с захватом власти Гитлером и началом Второй мировой войны депортация немцев. Затем длившаяся почти полвека «холодная война» и «железный занавес» привели к тому, что между блоками государств на Востоке и Западе практически не было никакого обмена информацией или взаимоотношений между людьми. Так, судьба четырех поколений российских немцев оказалась в опасности быть забытой. Есть всего несколько печатных источников[2]. Жертвы репрессий, которые выживали, либо вынуждены были молчать, либо и по прошествии десятилетий не могли говорить о пережитом. Как нам воспринимать век «истории, покрытой молчанием»?

Эта статья основывается на том, что мы, евангелисты-христиане, на Востоке Германии в течение десятилетий искали связи и пути к перемещенным за Урал евангелистам-христианам немецкого происхождения. Во время многочисленных визитов и в разговорах с людьми мы слышали о том, что два-три поколения в семьях сохранили воспоминания. Кроме того, несколько письменных заметок и более двух тысяч писем, попавших к нам, моей жене и ко мне; это были, прежде всего, письма из Сибири, Казахстана и Средней Азии[3]. Так на свет появилась еще одна «oral history» («устная история»).

Если руководствоваться скромной печатной информацией о евангелических церквях и общинах в Советском Союзе, то с закрытием и осквернением последней церкви, арестом и расстрелом последних священников они считаются уничтоженными, «мертвыми». Евангелическо-лютеранская церковь в России перестала существовать, как констатировали историки, в 1937 году[4]. Спустя пять десятилетий во время наших поездок в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию мы насчитали более 400 евангелических лютеранских общин; только одну из них возглавлял прежний пастор, остальные собрались вокруг мирянина, не имевшего духовного звания (церковного сана).

А не была ли решена судьба немецких колонистов, которые с момента их миграции в середине 18 века считали Россию своей родиной, когда был принят декрет Верховного Совета от 28 августа 1941 года в связи с нападением Гитлеровской Германии на Советский Союз о депортации в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию? Треть из них, при этом, погибла[5]. И это будет поиск следов в забытом времени.

Что ощущают немцы, которые когда-то воспринимали Россию как свою родину и, в конце концов, стали в ней чужими или даже врагами? Как ощущают себя восточные немцы, которые несколько лет прожили в «советской зоне оккупации» и в ГДР, где порой вынужденно вступали в «Общество германо-советской дружбы»[6] и не всегда с желанием изучали русский язык в школе, бывший обязательным предметом? И почему, наконец, восточные немцы, западные немцы и постперестроечные переселенцы из России и после «объединения» в Германии общаются друг с другом, как чужие?

В течение столетий немцы разными путями попадали в Россию: торговцы, ученые, медики, дипломаты, деятели искусств и, естественно, авантюристы. Один из них, Пауль Флеминг, знаменитый поэт – лирик в духе барокко, в 1633 г. сопровождал дипломатическую миссию Гольштейна в Россию. Одна из его песен до сих пор занимает свое место в сборнике евангелических псалмов. Шестая строфа четко указывает на эту дипломатическую миссию: «Я отправляюсь в далекую страну, / служить сословию, / которое назначило меня. / Его благословение даст мне понять, / что хорошо, что плохо, / в служении миру его»[7].

Впечатления о пребывании в России, в Харькове, в 1906 году оставили незабываемый отпечаток на всем творчестве скульптора Эрнста Барлаха; наиболее выразительна его бронзовая скульптура «Русская нищая II», созданная в 1907 году.

Однако, на совместное проживание немцев и русских самое сильное влияние оказал эдикт (манифест) от 22 июля 1763 года дочери немецкого князя, царицы Екатерины II, которым она приглашала колонистов в страну: «Дозволим всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают»[8]. Не вдаваясь во все подробности истории иммиграции в Россию, о чем много написано, здесь следует упомянуть одну особенность. Среди иммигрантов, прибывших, прежде всего, с юго-запада Германии, было много христиан, которые у себя на бывшей родине чувствовали себя притесненными и чужими. Это объяснялось не только недостатком земли, что привело их как колонистов в Россию. Некоторые чувствовали себя беженцами из-за веры, так как на родине их за благочестивое отношение упрекали в «сектанстве»[9]. Русская же царица привлекла некоторыми свободами, в том числе свободой вероисповедания и освобождением от военной службы. Это имело особое значение для меннонитов, бежавших из Голландии, дальше

вдоль побережья Северного и Балтийского морей, из одной страны в другую и, наконец, в Россию. Там их след прослеживается до настоящего времени. Тесное единение, как в экономическом, так и в религиозном отношении отличает их общины[10].

Во многих евангелических лютеранских церковных общинах в Сибири и Казахстане и по прошествии 250 лет сохранилась традиция, ведущая происхождение из Вюртемберга. После обычного богослужения до обеда или сразу после обеда верующие встречаются в молитвенном доме или в квартире на «собрание братства». Один из приобщенных или хорошо осведомленных братьев толкует библейское слово и молится вместе с общиной.

Так, в течение более 150 лет складывались поселения российских немцев не только на Волге, но и на Кавказе, на Черном море, в Крыму, под Одессой и в других местах и, наконец, под Петербургом, вплоть до Сибири и Казахстана. Когда в 1917 году Октябрьская революция положила начало антицерковному курсу, первая жесткая волна преследований затронула, прежде всего, русскую православную церковь, которая была очень предана старому режиму. Для российских немцев, представителей евангелической церкви, сначала в некотором отношении отмечалось даже положительное развитие. Хотя все данные Екатериной II привилегии и закончились, однако, казалось, что немцам, получившим в 1924 году «Советскую Республику немцев Поволжья», была предоставлена большая автономия. В тот год первый синод Евангелическо-лютеранской церкви России мог принимать самостоятельные решения, а до тех пор только на основе консисторской конституции, изданной царем. «Таким образом, евангелическая лютеранская церковь России вновь была закрыта для внешнего мира, как та, которая уже была до начала революции, только с одним отличием: она является таковой не по чужой воле, не по воле государственной власти, а по собственному свободному решению и по своей воле […]»[11]. Такова была точка зрения вновь избранного в 1924 году епископа Артура Мальмгрена. Вскоре прозвучали и другие сигналы.

Уже в 1922 году до того, как Сталин в качестве генерального секретаря ЦК ВКП(б) завоевал решающее влияние, Ленин, сын учителя из Симбирска, написал 19 марта 1922 года закрытое циркулярное письмо членам Политбюро, в котором говорилось, что поскольку жесткие меры против духовенства весьма возможно позднее окажутся политически нецелесообразными, поэтому следует «именно сейчас вести упорную и беспощадную битву против реакционно настроенного духовенства и подавлять его сопротивление с жестокостью, которую оно не сможет забыть в течение десятилетий. […]. Чем больше представителей реакционной буржуазии и духовенства нам удастся при этом расстрелять, тем лучше»[12].

Русская православная церковь первой испытала на себе эту беспощадную стратегию уничтожения. Тем не менее уже до 1928 года из более чем 200 пасторов евангелической лютеранской церкви дюжина пали жертвами; кроме того, еще и члены общин, приговоренные к смерти за свою смелость вероисповедания.

Российские немцы почувствовали давление нового режима сначала в своих крестьянских единоличных хозяйствах (их называли «кулаками»); с 1928 года проводилась коллективизация[13]. Потом закрыли первые церкви. В 1929 году «Постановлением о создании религиозных сообществ»[14] были введены значительные ограничения церковной жизни. В 1929/30 годах начались первые массовые депортации, коснувшиеся и других национальностей. Эти годы также характеризуются тем, что в 1926 и 1932 годах прошли волны пробуждения в лютеранских общинах. Очевидно, в последующие годы христианам потребуется утешение в евангелие!

С 1931 года в Воркуте (Республика Коми) на Северном Урале заключенными был создан исправительный лагерь, где порой проживали более 100.000 заключенных. Город стал символом сотен Гулагов (главное управление лагерей; здесь: отдельные лагеря) в Советском Союзе[15]. Несколько позже мы узнаем не об одной судьбе российских немцев, представителей евангелической церкви, тесно связанной с этими Гулагами.

Начиная с 1936 года, подвергались аресту и осуждению все больше членов и пасторов евангелических общин, церкви экспроприировали и оскверняли. «Союз воинствующих безбожников»[16] усилил свои действия, мешая богослужению, разрушая церкви и религиозные символы, а также пресса вела подстрекательскую деятельность в семьях и частных помещениях и т. д.[17].

Сталинский террор, затронувший теперь все слои, вплоть до верхушки партийных функционеров и чиновников государственной безопасности, достиг своего апогея в 1937/38 годах. Безграничность террора отражена в подписанном Сталиным, Молотовым и Кагановичем декрете от 30 июля 1937 года, согласно которому 258.950 человек были приговорены к расстрелу или 10 годам лагерей; и такой декрет был не единственным в своем роде.

7 августа 1938 года была закрыта последняя евангелическая лютеранская церковь в Советском Союзе, Петропавловская церковь в Москве. Вскоре после этого уже не служил ни один пастор. Вместе с членами своих общин они были или арестованы, или убиты, или жили нелегально. Некоторым удалось уехать за границу. Один из выживших, пастор Иоганнес Шлойнинг из Ной-Норка/Саратова на Волге, оглядываясь назад, констатирует: «С 1937 года Евангелическая Лютеранская церковь перестала существовать в России как организованная церковь»[18]. Значит ли это, что атеистическая пропаганда и подавление режимом одержали окончательную победу над христианской верой? Есть лишь скудные источники о том, что происходило с христианами в последующие десятилетия. Когда во времена Хрущева вновь начались антицерковные действия, атеистический журнал провел исследование, как и почему, вопреки марксистско-ленинской идеологии, вообще продолжала еще существовать христианская вера. Проведенный среди населения опрос дал неожиданный результат: «Христиане убеждают и привлекают все больше людей на свою сторону, ибо они не пьянствуют, прилежно работают и никому не дают умирать безутешным»[19].

Антибольшевистская пропаганда в гитлеровской Германии еще больше усугубила положение российских немцев. Можно ли удивляться, что с течением времени за немцами закрепился синоним «фашисты»? Пакт о ненападении, заключенный между Гитлером и Сталиным, и тайные дополнительные протоколы Молотова и Риббентропа были лишь обманчивым знаком разрядки между двумя державами. 22 июня 1941 года германские войска вторглись на территорию Советского Союза. А спустя два месяца, 28 августа 1941 г., года Верховный Совет ответил уже упомянутым декретом о массовой депортации российских немцев. 7 сентября 1942 года Советская Республика Поволжских немцев была распущена, что привело к разделению многих семей при депортации. Мужчин и женщин отправили на принудительные работы в трудармии. Во время Второй мировой войны был заключен своего рода гражданский мир Советского Союза с Русской православной церковью для объединения всех сил против внешнего врага. Однако это не означало окончания антицерковных мер, которые вновь усилились после войны. В следующие два десятилетия мало что

доходило до общественности о положении российских немцев, а также о христианской жизни в семьях и о тайных собраниях. Мы все-таки попытаемся отыскать следы в разных местах, прежде всего, через сообщения, которые передавались из уст в уста.

Декрет от 13 декабря 1955 года «Об отмене ограничений для немцев и членов их семей, проживающих в специальных изолированных поселениях» хотя и облегчил возможность воссоединения семей, однако, немцы оставались привязанными к местам изгнания; продолжали сохраняться значительные ограничения в использовании немецкого языка и немецкой культуры, а также в церковной жизни. Благодаря ограниченной реабилитации, был принят другой декрет от 29 августа 1964, согласно которому немцев по происхождению больше не обвиняли всех подряд в коллаборационизме с вермахтом; вновь были признаны определенные гражданские права.

Только в 1989 году, 16 января Михаил Горбачев как последний председатель Верховного Совета СССР издал указ об окончательной реабилитации крымских татар и российских немцев. Однако уже задолго до этого пошел большой поток переселенцев, чувствовавших себя чужими в стране, которая была родиной их предков в течение двух веков. Хотя это была уже не старая Россия; они жили в ставших самостоятельными национальных государствах казахов, киргизов, узбеков и таджиков[20].

Поскольку после окончания Второй мировой войны уже шли большие иммиграционные потоки в Федеративную Республику Германию, – тогда говорили о репатриированных, беженцах, переселенцах, и, наконец, о людях, ищущих политического убежища, – поэтому в период с 1971 года по 1990 год в отношении граждан немецкого происхождения из Советского Союза были приняты законы о переселенцах[21]. Переселенец (*принудительно выселенный с прежнего месте жительства*) – это двусмысленное, если не бессмысленное слово для людей, мечущихся между «уйти и остаться» в поисках страны, где они могли бы чувствовать себя как дома[22].

Отражение на местах – от человека к человеку – в данное время

Теперь, опираясь на очень личные встречи и рассказы, следует наглядно показать, как в разных местах перемещенные российские немцы евангелической веры пережили худшие годы крайнего рассеивания и притеснения. На огромной территории от Санкт-Петербурга до Владивостока, от Северного моря до Таджикистана разбросаны отдельные мозаики, из которых может быть сложена общая картина. Что не писалось ни в одной книге по истории и газетах того времени, но передавалось из уст в уста, от человека к человеку, собрано нами также в дневниках и более чем 2000 писем оттуда. Так отражается столетие в личных судьбах, в разные времена, во встречах с людьми, с которыми встречались как с друзьями, чужими и врагами.

Новосибирск: «Я сибиряк!»

С определенной гордостью ответил нам Готтлиб Икерт, проповедник-мирянин лютеранской общины в Новосибирске, когда мы во время нашей первой встречи в 1980 году спросили его, откуда он родом: «Я сибиряк!». Его предки уже в XIX веке

Здания церквей евангелических лютеранских общин в Советском Союзе выглядели совершенно по-разному:\ северный фасад руин здания в Ташкенте (слева), новый евангелический молитвенный дом (молельня) в Павлодаре, построенный общиной, (справа), а также молельня перед реконструкцией в Караганде (Казахстан), примерно 1980 год (председатель общины – горняк Хайнрих Нацаренус)

отправились из Поволжья на восток осваивать целину на просторах Сибири. Там возникли новые немецкие поселения. Там были и репатриированные в царские времена и позже, которые остались в Сибири и осели здесь. Что касается духовной пищи, то эти сибирские общины получали ее время от времени. Избранный в 1924 году лютеранским главным синодом епископ Майер, который проявлял заботу о спасении душ и отвечал за поездки по стране, очень красочно описал в 1927 году свою проверочную поездку по Сибири[23].

Дальше в другие населенные пункты он мог добираться только по реке. Уже тогда духовное просвещение зависело от сознательных членов общины – проповедников-мирян («братство»); им приходилось читать проповеди во время богослужения, проводить занятия с конфирмующимися, сопровождать погребения умерших. Такая практика оправдала себя, когда во времена сталинских преследований были уничтожены почти все пасторы, а церковная жизнь шла только тайно.

Мы еще расскажем об Омске, где автомеханик стал «епископом» почти 100 тайных общин. Если сегодня отправиться во Владивосток, то служащий там с 1992 года пастор Брокманн расскажет, что он в своей епархии обнаружил до сих пор сохранившиеся со времен Великой Германии старые домашние общины, просуществовавшие в полной изоляции в течение десятилетий. Подобная же история и у общины меннонитов в Новосибирске. Мария Хамм, в доме которой собиралась община, часто писала нам, вспоминая: «В 1937/38 годах мы потеряли наших любимых. У нас забрали мужчин и уничтожили их». Ее отца и брата тогда расстреляли. Вскоре и ее мужа, учителя математики в школе в Поволжье, арестовали и убили. Она рассказывала, как вместе с 300 женщин по пути в ссылку их закрыли в русской православной церкви, служившей тюрьмой; оттуда они шли дальше по этапу более 100 километров[24].

Симбирск/Ульяновск: пастор Эвальд Аллас и сын учителя Владимир Ильич Ульянов

С 1823 года лютеранская община Симбирска на Волге были приписаны к Казани; в 1859 году Симбирск стал самостоятельной епархией. Эвальд Аллас был пятым и последним пастором в этой общине. Аллас родился на острове Эзель в Эстонии, изучал теологию в Дерпте (Тарту) и начал свою службу в Крыму и в Самаре. В 1929 году его, когда ему было почти 60 лет, арестовали и приговорили к шести годам ссылки; он прибыл в лагерь на Енисее, в Сибири. Какое-то время он еще мог там жить свободно, но так и пропал без вести в Сибири[25].

Через год после ареста пастора Алласа лютеранская церковь в Симбирске была закрыта и осквернена. Город утратил свое название и с этого момента должен был напоминать о своем «самом великом гражданине»: Владимире Ильиче Ульянове-«Ленине», который, между прочим, был одним из семерых детей Марии Бланк, дочери заведующего отделением немецкой больницы в середине 19 столетия в Санкт-Петербурге[26]. С тех пор город на Волге называется «Ульяновск». Кроме того, здесь проявляется резкий антицерковный акцент. В 1931 году Ульяновск провозгласили «городом атеизма». Сегодня, естественно, этого ярлыка уже нет; там вновь создана лютеранская община. В церкви собираются не только потомки немецких колонистов, но и люди других национальностей. Молодая россиянка Светлана Аюпова в их числе. Она рассказывает: «Я благодарю Бога за указанный путь в эту церковь, за людей, с которыми здесь познакомилась […]»[27].

От Акмолинска через Целиноград и Акмолу в Астану: поднятая целина

Многократное переименование следующего города указывает на его богатую переменами историю. Мы находимся собственно на юге Сибири, и некогда этот небольшой населенный пункт в степи назывался Акмолинском. Потом после революции

Проповедник Хайнрих Нацаренус с помощником совершают причастие (примерно 1965 год). Община возникла из тайных домашних обществ; каждое воскресенье от 1000 до 1500 прихожан приходили в три смены на богослужение в церковь

началась большая кампания «Поднятая целина»[28], степь стала плодородной, а Акмолинск центром, превратился в большой город и стал называться Целиноград. С распадом Советского Союза в конце 80-х – начале 90-х годов[29] Казахстан приобрел самостоятельность, и Целиноград был переименован в Акмолу. Через несколько лет столицу из Алма-Аты переместили в Акмолу, которая теперь стала именоваться Астана (по-казахски = столица).

Большая часть перемещенных российских немцев приехали во время войны и после нее в Казахстан, чтобы, прежде всего, работать в сельском хозяйстве, в горной промышленности и на строительстве железной дороги, дорог и каналов. Так, Ойген Бахманн после двадцати лет заключения, исправительных лагерей и трудармии был направлен на строительство дороги в Целиноград. Там он жил под наблюдением «комендатуры», т. е., он больше не работал в лагере, но находился под местным контролем. Бахманн родился в 1904 году в Вормсе (Поволжье); сначала был учителем, а потом изучал богословие в ленинградской семинарии. Уже через четыре года службы его арестовали в 1934 году. Он один из немногих среди более 200 лютеранских пасторов, переживших преследование. И он единственный из них, возобновивший свою службу в общине.

Уже в 1955 году, спустя год после прибытия в Целиноград, он тайно собрал евангелистов. Позднее он освятил скромный барак в молельню, которую время от времени закрывали местные власти. Прежде чем в 1972 году пастор Бахманн из-за болезни закончил свою службу, он за несколько лет до этого передал свои знания металлургу Райнхольду Мюллеру, своему преемнику. Хорошие отношения сложились с русской православной общиной Архимандрита Кирилла; без его помощи не состоялся бы наш визит в Целиноград.

С 1995 в Астане находится центр евангелической лютеранской церкви в Казахстане и семинария по подготовке к церковной службе[30].

Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград: Мария Павловна, расстрелянные перед церковью св. Петра, кладбища как свидетели

В Санкт-Петербурге на каждом шагу сталкиваешься с историей, даже если эта история в советское время часто оставалась скрытой, да и сегодня еще спрятана за ветхими фасадами. Будучи жителем Мекленбурга, я обратил внимание на небольшой

Хайнрих Ратке на церковной кафедре первого евангелического молитвенного дома в Казахстане, в Целинограде, 1981. Он был возведен в сан Ойгеном Бахманном в 1956 году. Крайний справа – Харальд Калнинс из Риги, рядом – Райнхольд Мюллер, преемник Бахманна

дворец на Неве, где проживала в 1900-х годах Мария Павловна, вышедшая замуж в 1874 году за русского князя Владимира. Покои обустроены с большой любовью, напоминая о ней, дочери великого герцога Мекленбурга – Шверина. Целый ряд заключенных браков связывал династию Романовых с великими герцогами Мекленбурга[31], что имело значение для развития политики, культуры и церковной жизни. Об этом свидетельствует и русская православная часовня (склеп) в городе Людвигслуст (Мекленбург).

У тех, кто проходил по Невскому проспекту до 1989 года, вызывал любопытство церковный фасад, расположенный несколько в отдалении от Адмиралтейства. Даже дверь была открыта! Но потом – неожиданность или разочарование: внутри был большой бассейн. Еще просматривались церковные своды; глубоко расположенный неф был перестроен в большой бетонный бассейн; бывшие хоры теперь использовались как трибуны для зрителей во время состязаний. Петропавловская церковь, часто именуемая церковь св. Петра, была одной из главных лютеранских церквей в Санкт-Петербурге. Позднее Петроград (после 1924 года – Ленинград) стал для лютеранской церкви важным центром, также и благодаря открытию богословской семинарии. После того, как прибалтийские государства получили самостоятельность и отделились от Советского Союза, пасторы церкви лишились возможности изучать теологию в эстляндском Дорпате (Дерпте).

В 1933 году Пауль Райхерт стал пастором в церкви св. Петра. Он приехал из Поволжья, в Астрахани посещал гимназию и учился еще в Дорпате. После своего первого места службы приходским пастором в г. Бальцер в Поволжье, он сначала работал в общинах на окраине Петербурга. Будучи пастором в церкви св. Петра он одновременно преподавал в семинарии, расположенной в церкви Святой Анны.

Лишь четыре года продолжалась эта служба; 17 ноября 1937 года его вместе с сыном Бруно, тоже пастором, арестовало ГПУ. 26 декабря, (этот день отмечается в церкви как день мученика Стефана), отца и сына, а также других членов общины приговорили к высшей мере. Спустя неделю, 3 января 1938 года, они вместе с восемью членами совета церковной общины были расстреляны в глухом месте под Левашовым на севере Ленинграда.

В течение десятилетий эта местность была покрыта лесами и лугами. Несколько лет назад после ознакомления с документами ГПУ стало известно, что здесь лежат тысячи жертв сталинизма: христиане и нехристиане, русские и немцы[32]. Это место

стало кладбищем особого рода. Деревянные дощечки на стволах деревьев напоминают теперь о расстрелянных жертвах, которые покоятся здесь.

И другие кладбища в Санкт-Петербурге напоминают о сплоченности людей даже во времена гонений и смерти. В 1972 году мы были гостями русской православной церкви, посетили Пискаревское кладбище с общими могилами почти 500.000 жертв Ленинградской блокады. За изображением «Родины-матери» начертаны слова поэтессы Ольги Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто». Когда, уходя, мы продемонстрировали нашему экскурсоводу свое потрясение, она ответила: «Конечно, но мы знаем, что после нас у самих немцев было самое большое число погибших на войне».

Вернемся еще раз на евангелическое кладбище в Новосаратовку, на окраине Санкт-Петербурга. Это поселение было основано колонистами с Поволжья. Одна могильная плита еще сегодня напоминает об этом. А могил многих членов общины, вообще, нет. Они тоже были расстреляны в 1938 году в глухом месте Левашово. Церковь рядом с кладбищем стала лагерем и фабрикой. А сейчас там расположилась богословская семинария лютеранской церкви.

Караганда/Кляйн-Берлин: тайные домашние общины и горняк в качестве настоятеля (президента) церкви

Когда 30 лет назад меня пригласили в лютеранскую церковь в Латвии, на проповедь во время богослужения по случаю праздника Реформации, мне сказали: «Двое присутствующих на богослужении проделали особенно длинный путь! Они прошли 4000 километров». И вот я увидел двух мужчин с обветренными лицами и в меховых шапках: Хайнрих Нацаренус и Александр Грюнвальд. Они прибыли из Караганды в казахской степи. После десятилетий ссылки и изоляции они тайно отправились в путь. Хоть один раз в жизни они хотели присутствовать на настоящем богослужении в церкви, в сопровждении органа, да еще с пастором из Германии.

Эти люди показали нам путь в неизвестные до сих пор районы. Спустя несколько лет я присутствовал на богослужении у Хайнриха Нацеренуса в Казахстане. Мы сидели не в церкви, а в большом деревянном доме в русском стиле, расширенном за счет пристроек сбоку. Сюда в дом и частично в сени с трудом втиснулись 600 человек. Община разделена на две смены: А – утром, Б – после обеда, и еще вечерами приходят от 200 до 300 молодых людей. В Германии я не встречал ни одной общины, где по воскресеньям собиралось бы до 1500 человек. Горняк Хайнрих Нацаренус был председателем этой общины, он же «подставлял свою голову властям». Он нашел двоих помощников, помогавших ему на проповеди, при совершении 25–50 крещений по воскресеньям и в других случаях: это были горняк Иоганнес Гуди, у которого на тыльной стороне кисти руки еще сохранился вытатуированный номер из Гулага, и другой Иоганнес Ризен, бывший советский офицер, охранявший Гулаг и изменивший свое мировоззрение благодаря заключенному-христианину (погибшему в лагере).

Позднее я жил в этой общине под Карагандой продолжительное время и получал много писем оттуда и из других мест в Казахстане и Средней Азии. Так мы больше узнали о пути этих людей и о становлении таких общин. Хайнрих Нацаренус, как и его жена Мария, родился на Волге. Столяр по профессии, он длительное время ра-

ботал в Баку на Каспийском море. Когда началась война с Германией, его как советского гражданина сначала призвали в армию, но очень быстро отпустили и отправили в исправительно-трудовой лагерь, в трудармию. Его жену вместе с двумя маленькими детьми увезли в Казахстан, на рудники; там они прожили несколько лет только в землянках, при минус 40 градусах зимой. Оба сына умерли. Спустя годы отец Нацаренус вернулся, тоже в рудник под Карагандой. Дома тайно молились, от руки написали духовные песни и отрывки из библии, чтобы совершать богослужения. Приходили также соседи. Сколько таких тайных домашних общин существовало в Караганде, никто не знает. Когда появилась возможность официально зарегистрировать общину, в один миг из тайных домашних общин записалось более тысячи членов лютеранских общин. Хайнриха Нацаренуса попросили возглавить «совет десяти». Лютеранскую общину под Карагандой можно рассматривать как материнскую (главную) общину, которая навещала и обслуживала множество малых общин в округе радиусом более 500 километров.

На картах архипелага Гулаг Александра Солженицына видно, как кучно расположены под Карагандой места принудительных работ и расстрелов[33]. Среди них Байя-аул и Майкодук на окраине Караганды, в народе чаще называли «Берлином», поскольку в большом населенном пункте проживали только репатриированные немцы. Они тоже построили себе молельню.

От Омска до Владивостока: автослесарь в качестве епископа

Николаус Шнайдер часто рассказывал нам, что его мать в молодые годы давала ему «духовную пищу», которая помогла ему выдержать трудные годы. Еще молодым человеком он попал в ссылку в Сибирь. Там он, наконец, стал работать водителем грузовика для перевозки тяжелых грузов. Так он много ездил, видел повсюду рассеянных христиан. То там, то здесь они приглашали его на свои тайные собрания. В других местах он побуждал людей собраться вместе на чтение библии и молитву. По своему месту жительства в Омске он сам собрал лютеранскую общину. Поскольку он нужен был общине в качестве проповедника по воскресеньям, он оставил свою профессию водителя на дальние расстояния и стал автослесарем. Только в 1971 году община смогла официально зарегистрироваться, а спустя год был освящен ее молитвенный дом. Через десять лет здесь собрался первый учредительный Синод лютеранских общин в Сибири, теперь их насчитывалось примерно сто. Николаус Шнайдер стал его первым супер-интендантом, в Германии его называли бы епископом. Он поддерживал тесную связь с русской православной церковью и ее архиепископом в Омске. Им удавалось еще задолго до горбачевской эры проводить совместные церковные собрания.

В 1991 году ответственные представители евангелической лютеранской церкви в России и в других государствах (ELKRAS) попросили меня поискать, посетить и собрать лютеранские общины в Казахстане, ставшем самостоятельным государством. Незабываемым событием для меня было то, как в молитвенном доме в Омске меня вместе с другими 15 священниками-мирянами благословили на службу в Сибири и Казахстане. При благословении Николаус Шнайдер толковал нам слова из откровения 3: «Я отворил перед тобой дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы и ты сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего… Держи то, что

Молитвенный дом и члены общины в Омске (Сибирь), где в 1992 году Хайнриха Ратке благословили епископским визитатором по Казахстану

имеешь…». Шнайдер вспомнил о мужчинах и женщинах, тайно молившихся и совершавших богослужения в домах, в лесу и на кладбищах; он говорил о тех, кто лишился своей жизни. Он почтил также память 500 православных священников и монахов, которых загнали на баржу в 500 километрах севернее Омска, в Тобольске на Иртыше, раздавили двумя большими пароходами и утопили заживо[34].

Между Сызранью и Москвой: Эрих Шахт и Артур Пфайффер. В Гулаге взросло семя новой церкви

Эриха Шахта мы встретили в 1980 году во время конференции Всемирного Лютеранского Союза в Таллине (Эстония). Тогда и при последующих встречах мы много узнали о его жизни. Незадолго до своей смерти он записал некоторые моменты в своей книге «Воспоминания о России»[35].

Шахт родом из Волыни (Западная Украина). Его отец был учителем диакона в Хаймтале (Старая Буда). В общину тогда входили 17 892 немцев и 57 мазуров из 79 приходов. Это наглядно показывает, что пастор Уле (Uhle) не мог один обслуживать эту область. Поэтому в отдельных населенных пунктах были учителя диаконов или «братства», которые в промежутках между визитами пастора (например, на конфирмацию) несли регулярную службу: преподавали, совершали богослужения и погребения. В 1924 году отца Готтлиба Шахта сняли с должности учителя, а вскоре после этого и запретили пастору осуществлять свою деятельность. Теперь оба проводили встречи попеременно в домах. 3 октября 1933 года учитель и пастор были арестованы и приговорены к исправительным работам; спустя несколько лет арестовали и сына Эриха Шахта. В тюрьме он еще успел получить последнее письмо от своего отца из лагеря Марьинский: «Мое дорогое дитя Эрих, уже в течение нескольких дней я пишу это письмо. Мои руки дрожат, а от слабости и боли я не могу собрать свои мысли. Я чувствую дорогу на родину… Да будет на все воля Господня…» Как в заключении погиб отец, мы не знаем. Пастора Уле тоже переводили из лагеря в лагерь, наконец, в Караганду. «Там теряются его следы», – пишет Эрих Шахт в своей книге[36].

Он рассказал и записал потрясающие и ободряющие вещи. Так, после ареста мужей, семьи Шахта и Уле нашли помощь и приют у монахинь русского православного

Богослужение в евангелическом молитвенном доме в Фергане (Узбекистан), июнь 1996 года

монастыря в Киеве. Эрих Шахт был глубоко потрясен, когда в одном исправительно-трудовом лагере и лагере смерти на Колыме видел, как советский офицер каждую ночь выполнял свой план: 50 выстрелов в затылок. Эта машина работала так, что трупы расчленяли, и их смывала река. Через тридцать лет Эрих Шахт встретил в Москве, я был при этом, офицера, охранявшего его в лагере. На него такое впечатление произвело самообладание заключенных-христиан, что он начал читать библию. После увольнения с военной службы, он нашел путь в евангелическую общину и стал проповедником в Караганде.

Теперь встретились двое, прошедшие через тяжелые времена заключения и абсолютно разными путями ставшие активными христианами.

Через много лет каторжных работ Эрих Шахт встретил Артура Пфайффера, который до 1934 года был пастором евангелической лютеранской церкви в Ягодной Поляне. Там Пфайффера арестовали и переводили из лагеря в лагерь, последний под Алма-Атой на юге Казахстана. Там в 1937 году он пережил показной расстрел.

Его брат Эмиль Пфайффер был расстрелян 31 июля 1939 года в московской тюрьме Бутырки. Через двадцать лет заключения и трудармии Артур освободился и, будучи пенсионером, жил в Москве в одной из новостроек. Тайно он посещал лютеранские общины, существовашие в стране, и направлял «братьев» на службу в общины. Эрих Шахт благословил его службу в Сызрани; после этого он неустанно ездил оттуда на тайные службы в лютеранские общины России. Его «ментора» Артура Пфайффера и его русскую православную жену мы навестили в Москве, чтобы передать ему библии и другие вспомогательные материалы для его незаметной деятельности[37].

Георгиевка/Семипалатинск: смертельная атомная вспышка

После того, как в России наступили времена гласности и перестройки, появилась возможность поехать в десятилетиями недоступные закрытые районы, например, в пограничные районы, бывшие зоной конфликтов между Китаем и Советским Союзом, или в Семипалатинск, полигон атомных испытаний. Так мой путь привел меня в Георгиевку. Я остановился у Иоханна Херманна, проповедника лютеранской общины.

Родители, дети и двое внуков жили в двух небольших комнатах. Было большой честью получить место, которое освободила жена, в единственной супружеской кровати. Считалось, что зараженным радиоактивными веществами воздухом можно было дышать, тем более, если люди давно говорили об этом. Тогда можно было наблюдать вдалеке каждый из примерно 150 наземных испытаний в виде молнии и грибовидного облака. Однако из поколения того времени никто не выжил. Наряду с раком и смертельным радиоактивным заражением, доля самоубийств в этом регионе составляла до 25 процентов[38].

И там, в Георгиевке, сосланные из колхозов российские немцы небольшими группами собирались дома. После распада Советского Союза, как и во многих других населенных пунктах, экономическая и социальная система рухнула. Работа колхоза свернулась, многие пытались выжить, имея одну корову. Закрытый социалистический детский сад стал молельней евангелической общины, объединившей много молодых людей. Они почти не понимали по-немецки; поэтому вскоре русский язык стал языком богослужения. В Георгиевке не было ни одного проповедника. Иоганн Хаберманн, тоже колхозник, с давних времен разъезжает по округе, чтобы поддержать и подбодрить разбросанные на дальних просторах домашние общины. И меня он попросил: «Поехали со мной!»

Так и проходил наш путь вдоль и поперек по северо-востоку Казахстана, с легким багажом: сумка с салом, хлебом, минеральной водой и библией. Мы приходили в общины, куда в течение десятилетий никто не приезжал из заграницы. Некоторые смотрели на нас недоверчиво, когда мы рассказывали, что Германия 45 лет была разделена на две части. В мае 2003 года на церковном собрании в Астане мы встретились с Владимиром Вольфом из Георгиевки. Вследствие выезда поздних переселенцев в Германию община уменьшилась, однако, стала более самостоятельной и открытой. Богослужение ведется на русском языке, что облегчает доступ на службу молодым людям и представителям других национальностей.

Текели: из Киля через Дрезден и Воркуту к китайской границе

Горы иногда становились естественной границей, как и Зонгар-Алатай, до 4400 м высотой, отрог гор Тянь-Шаня в восточном Казахстане на границе с Китаем. Река Каратал, берущая свое начало в Китае, течет через горную долину и впадает в казахское озеро Балхаш. В этом примечательном месте и расположен Текели в долине реки. Как бы я мог попасть сюда? Как мог бы встретить спутника из прежних времен? Фридрих Трубе, проповедник-мирянин в Талды-Кургане на востоке Казахстана, взял меня с собой в общины, разбросанные по всей округе. Текели стал доступным сравнительно недавно: раньше это была закрытая военная зона. Но и там была молельня; кроме того, мужественные мужчины и женщины, полагаясь только на самих себя, в течение десятилетий вместе с другими читали библию, молились, крестились, совершали погребения и причащались.

Мы пришли очень рано. Один из «братьев» еще мел двор. Я спросил его, как его сюда занесло. «Как, хочешь ты знать? Немецкие войска пришли к нам на Волгу. Они увезли нас в Вартегау. Потом мы бежали дальше на запад. Я жил под Дрезденом, должен был еще воевать за Гитлера. Англичане меня взяли в плен». Я перебил его: «Где это было?» Он ответил: «Где, хочешь ты знать? Это было в Шлезвиг-Гольштейне».

Теперь я мог ему сказать: «Мы были в одном и том же лагере для военнопленных; возможно, мы там виделись!» Александр Штолль, так его звали, после освобождения из плена отправился в «Советскую зону», к себе домой под Дрезден. Но там его вскоре задержали и насильно отправили в Сибирь, а оттуда в самый дальний район Казахстана.

Их были сотни тысяч бежавших, прежде всего, на запад, российских немцев, которых в 1945 году «репатриировали» из западногерманских областей союзников в Советский Союз[39].

Фергана: Раиса, узбекская шёлкопрядильщица из Варена (Мекленбург)

В среднеазиатской республике Узбекистан, согласно переписи населения проживали в 1989 году 39.809 российских немцев. Среди них семья Ш. Во время нашего первого приезда в Фергану Элла Ш. была председателем общины, ее сестра Регина, она же Раиса, проповедницей. Когда незадолго до этого «братья» этой лютеранской общины уехали в Федеративную Республику Германию, обе женщины взяли на себя руководство общиной. Они делали это на общественных началах, работая по профессии. Раиса долгое время работала прядильщицей на шёлкопрядильном комбинате, Элла была учительницей. Когда они услышали, что мы приехали из Мекленбурга, счастье переполняло их: «Так вы могли бы достать наши метрики». И это случилось. В церковной книге в Варен/Мюритц заверено, что мать Ш. крестила в евангелической церкви своих двоих маленьких девочек и сына. Вскоре после войны семья (отец пропал без вести еще раньше) была «репатриирована» обратно в Советский Союз и, наконец, отправлена на исправительные работы в Узбекистан.

В семье была еще сестра Ирма. В тяжелые времена гонений, когда клеймили позором христиан и немцев, в паспорт своей дочери она записала национальность «узбечка» и имя «Инна». Это должно было облегчить ей жизнь, а получилось как раз наоборот: это стало ее злым роком. Немецкие власти в таких случаях констатировали, что «она не признавала принадлежность к немецкой нации», поэтому выезд в Федеративную республику Германию невозможен. Так, люди оказались чужими в стране, которую они или их предки однажды добровольно избрали своей родиной; они оказываются чужими в странах, навязанных им как новая родина, и, наконец, они чужие в стране, откуда они родом и куда они хотят вернуться[40].

Баку/Азербайджан: дворянское прошлое немцев и мученики из Баку

Этот регион был губернией в царской России, а позднее как Азербайджанская Социалистическая Республика входил в состав Советского Союза. Уже античные писатели знали, что на полуострове Апшерон на Каспийском море нефть била ключом из земли.

Но сначала в 19 веке Баку перестал быть только торговым перевалочным пунктом; нефтяной бум охватил весь регион; в добыче нефти ведущее место занимали шведы. Роберт Нобель, брат Альфреда Нобеля, приехал в Баку в 1873 году. На медных рудниках своя доля была у братьев Сименс из Германии. Так, в 1880 году наряду с армянской лютеранской общиной, существовавшей с 1866 года, возникла

Бывшая лютеранская церковь в Баку/Азербайджане, экспроприированная, оскверненная и разрушенная после 1917 года, была перестроена позднее в концертный зал. В 1997 году впервые опять состоялся обряд крещения

германо-шведская община. Лютеранская церковь Христа спасения, прежде всего, была построена фондом семьи Нобель; кроме того, были построены дом пастора, церковно-приходская школа и целый ряд социальных учреждений. В 1920 году в Баку вошла Красная Армия, а в 1922 году провозглашена Советская Республика. Таким образом, была решена и судьба евангелической церкви. В самый разгар гонений в сентябре 1937 года лютеранский пастор, армянин Осип Торассянц, лютеранский пастор, немец Пауль Хамберг и ряд женщин и мужчин из правления церкви были арестованы, приговорены к смертной казни и вскоре после этого расстреляны.

В течение десятилетий было неясно, что стало с оставшимися членами евангелической общины. Может быть, к ним примкнули и перемещенные российские немцы? В 1990-е годы вновь заявили о себе христиане – евангелисты из Баку. Они собрались и попросили помощи у пасторов из Германии. Когда в 1995 году, спустя 60 лет, вновь проходил обряд крещения шести детей и взрослых в лютеранском молитвенном доме, переоборудованном в концертный зал (церковь арендовала здание по часам), к алтарю перед крестниками подошла 85-летняя Кэте Хильдебрандт. В 1937 году, будучи домработницей, у пастора Хамберга, пережила его арест и расстрел. А теперь она передала каждому крестнику розу и благословила ее как завещание мучеников-евангелистов того времени. Эта община объединяет сегодня представителей многих национальностей[41].

Ной-Сарепта/Волгоград: братские союзы особого рода и Сталинградская мадонна

После больших потоков немцев-мигрантов во времена Екатерины II, позднее с Запада в Россию переместились и разные евангелические свободные церкви. Очень известны и до сих пор сохранили свое влияние баптисты; о меннонитах мы уже говорили в другом месте.

А еще раньше в Россию прибыла «братская община», созданная графом Цинцендорфом. После визита Цинцендорфа в Лифляндию (Ливонию) и Санкт-Петербург на Балтике возник целый ряд гернгутских поселений. Братство обосновалось в Поволжье благодаря сделанному царицей дару, расположенному в 400 км к югу от Царицына (ныне Волгограда), на озере Сарпа. Это созвучно с библейским названием Сарепта (Царпат; 1. короли 17,9; Лука 4,26). Отсюда и название местности.

Как обычно у гернгутеров в поселении были промыслы и фабрики. Братство утратило свое влияние, лютеранская община присоединилась в 1892 году к евангелической лютеранской церкви в России. В годы революции все было потеряно. Благодаря инициативе русских граждан не были снесены наиболее ценные здания вместе с церковью.

Казалось, что за годы преследований лютеранская община погибла. Сегодня она возрождается. 15/16 июня 1996 года она смогла освятить праздничной службой вновь созданную гернгутскую молельню как помещение церкви[42].

Сарепта – это почти прирогод Волгограда, ранее Сталинграда. Трудно найти слова и выражения для того места и даты немецкого безумия и гибели в рейхе Гитлера. Это должно было произойти здесь, с воспоминанием о «Сталинградской мадонне», изображенной на обратной стороне географической карты, обрамленной словами «Свет – Жизнь – Любовь. Рождество 1942 года в Сталинградском котле». Евангелический пастор и врач Курт Ройбер, который еще успел отправить этот рисунок, умер позднее в советском плену[43].

Курган-Тюбе: Аллилуйя под градом пуль

Когда мы в 1970-е годы посещали евангелическую общину в Душанбе, столице Таджикистана, туда часто приезжал хор из южной части Курган-Тюбе, недалеко от границы с Афганистаном, чтобы поприветствовать немецких гостей. Для нас в те времена поездка туда была невозможна: закрытая военная зона. Двадцать лет спустя мы смогли это сделать, однако, поездка была опасной. Годами шла гражданская война в Таджикистане, подогреваемая также со стороны Афганистана.

Но наши друзья и сопровождающие знали ситуацию в Таджикистане. Если начинались бои на улицах, прежде всего, ночью, нас предупреждали: «Только не зажигать свет! Они тут же стреляют в окна». При таких обстоятельствах мы добрались до евангелической лютеранской общины в Курган-Тюбе, которая собралась в католическом молитвенном доме. Наряду с общиной в Душанбе – это вторая сохранившаяся лютеранская община в Таджикистане. Из указанных 32.671 российских немцев при переписи населения в 1989 году в стране осталось еще около 1500, согласно данным германского посольства в Душанбе. Из-за гражданской войны, бедственных условий жизни и возросшей национальной напряженности многие выехали в Германию или бежали куда-нибудь: в Казахстан, Россию, чаще всего в Калининградскую область. Раньше мы с некоторым удивлением слышали, когда посещали российских

немцев, что они о казахах, киргизах, таджиках и других азиатских национальностях говорили как о «черных». Между тем немцам пришлось мириться еще и с проживавшими там русскими, презрительно называемыми ими «белыми», часто подвергаясь жесткому притеснению с их стороны.

Община, собравшаяся в католическом молитвенном доме в Курган-Тюбе, оказала чрезвычайно теплый прием. Они с трудом могли вспомнить хотя бы один визит из-за границы, а тем более из Германии. То, что мы сейчас видели, слышали и переживали, производило разностороннее пестрое впечатление. Очевидно, казалось, что собравшиеся в общине «белые» и «черные» хорошо смешались друг с другом. Элементами богослужения была смесь русской православной литургии, преимущественно русские песнопения, также лютеранского происхождения, обращения и чтения библии на русском языке и немного на ломаном немецком. Особым подарком гостям были выученные детьми две немецкие народные песни: «Ах, мой милый Августин, все проходит…» и «Возрадуйтесь жизни, пока горит лампадка» (*подстрочный перевод*).

В этот контекст должна была вписаться проповедь евангелического пастора из Германии! Оказалось, что все совершенно верно. Песни детей расставили акценты. «Все проходит…!» – это вполне могли сказать о себе люди, которых 50–60 лет назад насильно увезли из их родного Поволжья, которые потеряли, при этом, многих своих родных. Теперь они попали в кризисный регион, сотрясаемый многие годы гражданской войной, и они постоянно подвергаются угрозе войны со стороны соседнего Афганистана. Немцы и русские, «белые», зависели друг от друга. Будь то католики, православные, баптисты или лютеране – в католическом молитвенном доме создалось экуменическое общество взаимопомощи. Всем можно передать евангелические послания Иисуса: «Я жизнь… живите и воздайте должное» (Евангелие от Иоанна). И все-таки: «Возрадуйтесь жизни…!» И это, действительно, так, когда мы в Душанбе выполняли в течении нескольких лет гуманитарную работу, стали близкими партнерами сестры милосердия (матери Терезы). Три сестры прибыли из Индии, одна из Саксонии и священник из Аргентины[44].

Гусев в Калининградской области и «зальцбуржцы»

Когда в 1947/48 годах последние немецкие жители вынуждены были покинуть бывшую территорию Восточной Пруссии, эта область, с того времени именуемая Калининградской областью, пережила радикальную цезуру. Со всех уголков Советского Союза приезжали люди, находившие работу в городах и колхозах, среди них и солдаты с семьями. Здесь были дислоцированы около 300.000 солдат. Область объявили закрытой военной зоной. Вышел запрет на любую христианскую практику. Можно было бы говорить об «албанских отношениях».

Попав сегодня в Гусев, расположенный в 120 км на восток от Калининграда, удивляешься, увидев там красиво отремонтированную «Зальцбургскую церковь» и рядом новый пасторский центр «Зальцбургский дом». На богослужении можно услышать большой хор; поют по сборнику немецких и русских псалмов. В «Зальцбургской церкви» в Гусеве (ранее Гумбиннен) в 1995 году, почти через 50 лет, совершилось первое евангелическое лютеранское богослужение в Калининградской области. Это, как в старые времена, – община беженцев. Когда в 1732 году евангелисты в земле Зальцбург должны были покинуть Австрию по приказу их владетельно-

го князя, Фридрих Вильгельм I пригласил верующих беженцев в Пруссию. Примерно 20.000 поселились тогда в районе Гумбиннен. Их потомкам пришлось покинуть эту область после окончания Второй мировой войны. Вновь ставшие беженцами, прежде всего, российские немцы из Казахстана и Средней Азии, искавшие в Калининградской области кров и место для христианской жизни, получили помощь в виде пожертвований из Германии.

Тем временем, там уже насчитывается 42 лютеранские общины, которые как приход старшего пастора входят в «Евангелическо-лютеранскую церковь России и других государств» (ELKRAS). После первых трудных начинаний лютеранских общин, большей частью проведения частных собраний в домах, теперь уже служат несколько обученных пасторов и пасторш. Хайе Остервальд шесть лет проработал в Гусеве, а теперь он благочинный в Калининграде. Он родом из Федеративной Республики Германия и уже поработал в Южной Африке, при морской миссии в Антверпене и в Словакии. Его жена Анна – русская, родилась в Калининграде. Русский язык становится все больше и больше преобладающим языком на богослужениях в общинах. «Зальцбургская церковь» в Гусеве показывает, что традиции древних времен возрождаются. Свидетельством этому является памятник Иммануилу Канту, восстановленный рядом с Кёнигсбергским собором раннего периода[45].

Предварительный вывод: отражения – преломления – трещины

«Homo sapiens познает себя как индивида только в одновременном познании других людей». Такие слова мы читаем в начале сочинения Льва Копелева об «Образах иностранцев в истории и современности»[46]. Автор представляет здесь общую картину, которая по образу еврейского человека прочитывается уже на первых страницах библии: человек узнает себя только визави к богу; и только по отношению к другому он приходит к себе самому. «Я становлюсь на “ты”; в своем становлении я говорю «ты». Вся действительная жизнь – это встреча». Так говорит Мартин Бубер о сути человека[47]. Наконец, это взаимное познание выражается в словах Иисуса: любить бога и ближнего своего как самого себя. (Лука 20,27). Так подразумевается, когда в разных сценах и картинах нас знакомят с людьми, которые, будучи российскими немцами, ищут свою собственную идентичность, чтобы чужому доверять, а враждебное примирить.

Остаются «отражения», остается ограниченный вид, как зеркало наряду с другими ограничениями искажает вид сбоку, показывает не измерение глубины, а может уменьшать или увеличивать, искажать и прочее. Более того: зеркало обращает мое внимание на меня самого и на других. Об этом рассказывают в сказках, об этом читаем в библии: «теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло; гадательно, тогда же лицем к лицу». «Теперь я знаю отчасти; а тогда познаю, подобно как я познан» (1-е послание коринфянам 13,12).

Также можно говорить о «преломлении», как о появлении в спектре света разных красок. Однако в данном изображении присутствует не весь спектр, как он порой появляется у нас перед глазами в радуге; здесь следует рассматривать тот или иной аспект такой многогранной истории евангелических российских немцев в 20-м столетии. И все-таки из этого сложится та или иная мозаичная картина.

По-иному, нежели ранние случайные путешественники из Германии, как то: ученые, дипломаты, исследователи, врачи и др., – колонисты XVIII столетия приезжали в Россию, чтобы обрести здесь постоянный кров и новую родину. Приезжая сюда, они часто брали с собой кроме немецкого языка, немецких обычаев и веры со старой родины, также и немецкие географические названия: Вормс, Кассель, Штутгарт, Розенберг, Ораниенбаум, Веймар… С самого начала подразумевалась и совместная жизнь с другими национальностями, в Поволжье, прежде всего, с русскими и украинцами.

Почти через два столетия домашней защищенности все больше чувствуешь себя чужим в своей стране. Искали замену родине в своем домашнем очаге и в семье; в родном языке и немецких обычаях; в вере отцов; в доверительной форме богослужения и в объединении с другими христианами, часто только в тайных домашних общинах. Чем меньше приносил поиск родины, тем сильнее становилась тоска по «рейху», в национальном и религиозном смысле. Так можно объяснить стремление к возвращению в Германию в последние десятилетия.

Такие поиски родины отражаются также в сильном религиозном последнем ожидании, которое находит свое выражение, прежде всего, в последней книге библии, Откровении, или совсем скромно в молитве «Отче наш»: «Dein Reich komme!» («Да приидет царствие твое!»).

ELKRAS можно назвать самой большой евангелической церковью мира. Она является преемницей учрежденной в 1832 году «Евангелическо-лютеранской церкви в России», которая перестала существовать в 1937 году после закрытия последних церквей и уничтожения последних пасторов. Спустя более 50 лет официального «несуществования» ELKRAS объединяет сегодня церкви и церковные приходы на территории бывшего Советского Союза, от Владивостока до Киева на Украине, от Северного Ледовитого океана до границы с Афганистаном. Но часто это лишь небольшие группы христиан, рассеянных по огромной территории, проживающих в очень разных условиях и вместе со многими представителями других национальностей и вероисповеданий. Это – «диаспора» в экстремальной форме[48]. До сих пор складывается впечатление, что эти российские немцы-евангелисты утрачивают себя под постоянным давлением преследований, войн, бегства и изоляции. Или «разложение»[50] и «ликвидация» могли бы вызвать также неожиданное в другом смысле слова: что они стали «солью земли» (от Матфея 5,13)

Так я перекидываю мостик к Павлу Флоренскому[49], естествоиспытателю, философу и русскому православному священнику, очевидно, погибшему 8 декабря 1937 года в неизвестном месте. Его исследования в области математики и астрономии, физики и электроники, его литературные, философские и богословские работы создали ему славу «Леонардо да Винчи Востока». Своей книгой «Соль Земли» он не только напоминает о своем духовном отце, русском монахе и старце, отце Исидоре; читателю это кажется завещанием его собственных страданий (мученичества)[50]. В этом тайна соли, что она достигает своего пряного эффекта лишь в рассыпанном и растворенном виде. Так и люди, которых разбросали, «ликвидировали» и «морально разложили», превращаются в «соль Земли».

Перевод с немецкого Татьяны Доценко

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это название одной книги Кристы Вольф, Берлин и Веймар, 1979. Хотя писательница в своем тексте и не ссылается на российских немцев, однако, описывает свое чувство как общечеловеческий опыт.

[2] *Wilhelm Kahle (Hg.):* Dokumente und Berichte zum Leben der lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion – seit 1939/1940. – Gütersloh 1988; *Katharina Drotleff:* Laßt sie selber sprechen. Berichte russlanddeutscher Aussiedler. – Hannover 1979.

[3] Речь идет примерно о 2500 писем из России/Сибири, Казахстана и Средней Азии. Эти неопубликованные источники находятся в частном архиве Хайнриха Ратке, Шверин; соответствующие письма хранятся также в канцелярии епископства ELKRAS в Риге и Санкт-Петербурге, а также в архиве Евангелической лютеранской церкви земли Мекленбург в Шверине.

[4] *Björn Mensing/Heinrich Rathke:* Widerstehen. Wirkungsgeschichte und aktuelle Bedeutung christlicher Märtyrer. – Leipzig 2002. S. 155.

[5] *Gerd Stricker:* Evangelisch-Lutherische Kirche in Russland – Blick zurück. In: Jahrbuch des Martin-Luther-Bundes, Folge 48. – Erlangen 2001. S. 195. Штриккер называет примерно миллион депортированных, из них в период с 1941 по 1948 – «325.000 умерли от голода, замерзли, погибли при несчастных случаях в трудовой армии, стали жертвами болезней, умерли от истощения или были расстреляны». Соответствующие данные находятся также в информационной службе немецких переселенцев в Бонне и в материалах по политическому просвещению Nr. 222/1991/ Aussiedler der Bundeszentrale für Politische Bildung, Bonn. S. 16f. и у *Alfred Eisfeld:* Die Rußlanddeutschen. – München 1992. S. 118–126.

[6] В 1947 году было создано «Общество по изучению культуры Советского Союза», переименованное в 1952 году в «Общество германо-советской дружбы» (ОГСД). Созданное как массовая организация объединение было ликвидировано после объединения Германии и преобразовано в «Фонд западно-восточных встреч» как преемственная организация.

[7] Подстрочный перевод перев. Evangelisches Gesangsbuch. Berlin und Leipzig; Nr. 368. S. 673f.

[8] *Bernd G. Länging:* Die Russlanddeutschen unter Doppeladler und Sowjetstern. – Augsburg 1992. S. 8.

[9] *Hans-Christian Diedrich:* Siedler, Sektierer und Stundisten. Die Entstehung des russischen Freikirchentums. – Berlin 1985. S. 13–59; *Inge Auerbach:* Russlandauswanderungen aus dem hessischen Raum. In: Lew Kopelew/Karl-Heinz Korn/Rainer Sprung: Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert). Выставочный каталог. – Köln 1997. S. 245–255; здесь S. 246, 248.

[10] Aquila-Rundbriefe der Deutschen Mennoniten, Bielefeld.

[11] *Georg Kretschmar/Heinrich Rathke:* Die Evangelisch-Lutherische Kirche inn Russland, der Ukraine, Kasachstan und Mittelasien. ELKRAS – Евангелическая лютеранская церковь в России и других государствах; публикация нем./русс.). – СПб., 1995. S. 7.

[12] *Gerd Stricker:* Religion in Rußland. Darstellungen und Daten zu Geschichte und Gegenwart. – Gütersloh 1993. S. 84f.

[13] Во всяком случае, из эдикта (указа) 1763 года российским немцам, колонистам, стало ясно, что их земля – это не личная собственность, а общая собственность каждой колонии. Ср. *Hans Schumann:* Gelehrte, Bauern und eine Zarentochter aus Württemberg. In: Kopelew/Korn/Sprung (сн. 9). S. 233.

[14] J*ohannes Schleuning:* Die Stummen reden. In: Schleuning/Bachmann/ Schellenberg): Und siehe, wir leben. – Erlangen 1982. S. 104ff; *Gerd Stricker* in: Glaube in der Zweiten Welt. – Zollikon 1994. S. 24 и т. д.

[15] *Alexander Solschenizyn:* Archipel GULag. 1918–1956. 3 Bde., Reinbek b. Hamburg 1978; здесь цит. по сокращенному однотомному изданию Reinbek b. Hamburg 2001, стр. 579–583.

[16] «Союз воинствующих безбожников» в 1929 г. сложился из «Союза безбожников». Подробнее у *Tatjana Tschumatschenko:* Spenden und Gebete für den Sieg. Die Russische Orthodoxe Kirche in der Zeit des Krieges der UdSSR mit Hitlerdeutschland.. In: Karl Eimermacher/Astrid Volpert (Hgg.): Verführungen der Macht (=West-östliche Spiegelungen Neue Folge, Bd. 1–3, hier Bd. 1). S. 854.

[17] Ср. Schleuning (сн. 15). S. 104f. или на смерть Фридриха Трубе у *Björn Mensing/Heinrich Rathke:* Mitmenschlicheit, Zivilcourage, Gottvertrauen. Evangelische Opfer von Nationalsozialismus und Stalinismus. – Leipzig 2003. S. 256 f.

[18] *Johannes Schleuning/Eugen Bachmann/Peter Schellenberg:* Und siehe, wir leben! Der Weg der evangelisch-lutherischen Kirche in vier Jahrhunerten. – Erlangen 1982. S. 118.

[19] По устной информации, предоставленной автору, примерно в 1962 году, и в советской литературе звучат голоса, отдающие дань позиции верующих. Так, сибирский писатель Валентин Распутин в своем романе «Прощание с Матёрой» (Москва, 1976) пишет, что люди про свое место под богом забыли, […]. «Бог, он наше место не забыл, нет», цит. по немецкому переводу, Berlin (Ost) 1979, S. 140. – или киргиз Чингиз Айтматов в «Плахе» (Москва, 1986), с мятущимся богоискателем Авдием и Иисусом,; ср: Немецкое издание Der Richtplatz, Zürich 1987. S. 197–238; 285–307.

[20] Подробнее изложено у *Heinrich Rathke:* «Kirche unterwegs: Lutheraner in der ehemaligen Sowjetunion, Шверин, СПб., 1994 (размнож.); ders. Der weite Weg der Russlanddeutschen.In: *Kretschmar/Rathke*. ELKRAS, напечатано в СПб.//Der Bote, 1995, русс. СПб., 1996. Одновременно печатался текст с небольшими изменениями в исследовании, посвященном истории восточноевропейской церкви «Kirche im Osten» Bd. 38, Göttingen, 1995 (Teil 1). S. 56–78, Bd. 40/41 Göttingen 1997/98, Teil 2. S. 31–58.

[21] *Model/Creifelds/Lichtenberger:* Staatsbürger-Taschenbuch. – München 1992. S. 810.

[22] Министерство внутренних дел, Бонн/Берлин, постоянно издает бюллетень «Info-Dienst Deutsche Aussiedler» ср. также: *J. Rogall:* Aussiedler.//Informationen zur politischen Bildung Nr. 222. – Bonn 1991.

[23] *Theophil Meyer:* Nach Sibirien im Dienst der evangelisch-lutherischen Kirche. – Dresden 1927.

[24] Из переписки Maria Hamm/Heinrich Rathke.

[25] *Mensing/Rathke:* Mitmenschlicheit (сн. 18). S. 235 и сл..

[26] Ср. также *Gerd Stricker* (Hg.): Russland.Deutsche Geschichte im Osten Europas, Bd. 7. – Berlin 1997. S. 579; *Leo Sievers:* Tausend Jahre gemeinsame Geschichte. Deutsche und Russen. – Hamburg 1983. S. 395.

[27] Der Bote/Vestnik. Журнал ELKRAS (нем./русс.), СПб., 2 (2003), стр. 31.

[28] Михаил Шолохов посвятил ему свой одноименный роман «Поднятая целина» (1932/59).

[29] Летом 1990 года Российская Федерация, первая и самая большая Советская республика, объявила себя суверенным государством, в декабре 1991 года Советский Союз распался.

[30] *Schleuning/Bachmann/Schellenberg* (сн. 19). S. 205–242; ELKRAS-Kirchenkalender, Dezember 2003.

[31] Другие связи между домом Романовых и великим князьями Мекленбурга: Фридрих-Франц III фон Мекленбург-Шверин женится в 1879 году на Анастасии; Георг фон Мекленбург сочетается законным браком в 1851 г. с Екатериной; Фридрих-Людвиг фон Мекленбург-Шверин женится в 1799 г. на Елене; Карл Леопольд фон Мекленбург заключает в 1716 г. брачный союз с Екатериной. – Подробности см.: *Stricker:* Russland (сн. 27). S. 580ff.

[32] *Mensing/Rathke:* Mitmenschlichkeit (сн. 18). S. 281–286; *В. Сорокин, М. Локаровский, Т.Татсенко, А.К.Галкин.* Санкт-Петербургский мартиролог. – СПб., 2002, стр. 359–398. Речь идет о перечне мучеников русской православной церкви времен сталинизма в Ленинградской области, с приложением мучеников евангелической лютеранской церкви.

[33] *Solschenizyn (*сн. 15). S. 379–385.

[34] *Mensing/Rathke:* Widerstehen (сн. 4). S. 161, сн. 32.

[35] *Erich Schacht:* Erinnerungen an Russland. – Lahr 1999; уже в 1998 году вышла тоже в Ларе его книга «In Rußland erlebt mit Jesus».

[36] *Mensing/Rathke:* Mitmenschlichkeit (сн. 25). S. 276 сл.

[37] Подробнее об этом пишет *Hans-Christian Diedrich:* Sie gehen von einer Kraft zur andern. In memoriam Arthur Pfeiffer, 1897–1972. – Erlangen 1997.

[38] *Gundula Bahro:* Tödliche Erbschaften. Das atomare Potential in Kasachstan. In: Europäische Sicherheit 1993, Nr. 7. S. 347f.; *O. Sulejmenow/M. Erimbetow:* Bewegung Nevada-Semipalatinsk. In: Der Überblick. Zeitschrift für ökumenische Begegnung, Juni 1992. S. 34–37.

[39] «Репатриация» российских немцев из всех четырех зон оккупации коснулась в 1945 году сотен тысяч людей. Об их судьбе известно немного. Сюда следует отнести десятки тысяч, которых при вступлении советских войск угнали на восток, среди них много молодых людей. Ср. *Hilda Schindler/Mensing/Rathke:* Mitmenschlichkeit (сн. 25). S. 328 сл. – Лев Копелев является примером того, что случилось с советскими офицерами, слишком мягко обходившимися с немцами.

[40] Volk auf dem Weg. Deutsche in Rußland und der GUS), 1763–1993 г.г.. Hg. vom Kulturrat der Deutschen aus Rußland e.V. – Stuttgart 1993. S. 24; *Kretschmar/Rathke* (сн. 11). S. 95.

[41] *Karl Joseph Hummel/Christoph Strohm* (Hgg.): Zeugen einer besseren Welt. Christliche Märtyrer des 20. Jahrhunderts. – Leipzig 2000. S. 58–71; *Тамара Филипповна Гумбатова:* По ком молчит колокол (Wem die Glocke schweigt). в: «Зеркало» [газета в Баку], 1 ноября 1997 г., стр. 28 – нем. перевод статьи председателя (русского происхождения) совета евангелических лютеранских церквей в Баку; *Mensing/Rathke:* Mitmenschlichkeit (сн. 18). S. 262–268.

[42] *Stricker:* Rußland (как прим. 26). S. 356–361.

[43] *Martin Kruse* (Hg.): Die Stalingrad-Madonna. Das Werk Kurt Reubers als Dokument der Versöhnung. – Hannover 1992. На стр. 16, 19, 57 фото «Сталинградской мадонны». S. 23–37 другие «фотографии примирения».

[44] *Mensing/Rathke:* Mitmenschlichkeit (как прим. 18), стр. 316 сл.

[45] Циркулярное письмо из прихода старшего пастора в Калининграде от 25 февраля 2003 года, опубл. // Lutherischer Dienst, Erlangen 2003. Heft 1.

[46] *Lew Kopelew:* Fremdenbilder in Geschichte und Gegenwart. In: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9.–17. Jahrhunder, hgg. von Mechthild Keller, Ursula Dettbarn und Karl-Heinz Korn (= Westöstliche Spiegelungen Bd. 1A). – München 1985. S. 11.

[47] *Martin Buber:* Ich und Du. – Heidelberg 1979. S. 18.

[48] Полезный обзор по современной дискуссии о «Диаспоре», в общем, и специально в религиозном смысле дает Eberhard Winkler в своей статье «Identität und Differenz. Diaspora als exemplarisches kybernetisches Thema», опубликовано в: Theologische Literaturzeitung (126) 2001, heft 12, Spalte 1221ff.

[49] Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – родился в Закавказье (ныне Азербайджан), изучал математику, философию и психологию, после этого учился в Московской духовной Академии; докторская работа, посвященная религиозной истине; доцент, профессор, 1911 – посвящение в священники (рукоположение), 1921– 1924 руководитель кафедры высшего художественного училища «Вхутемас», 1925–1933 – работа в государственном научно-исследовательском институте электротехники, 1928 – первый арест и трехмесячная ссылка в Нижний Новгород, 1933 – 2-й арест и осуждение на десять лет исправительно-трудовых лагерей, 1958 – посмертная реабилитация, 1989 – сообщение верной даты смерти.

[50] *Pavel A. Florenskij:* Das Salz der Erde. – München 1989. В послесловии Андре Сикоев рассказывает о жизненном пути Павла Флоренского, ср. S. 101–111.

Регулируемый обмен: литература, музыка, кино, телевидение как способ связей

Катрин Пипер

ЛУЧШИЕ ГЕРОИ. Литература для детей и юношества в ГДР по советским прототипам 30-х годов

Чтобы приблизиться к пониманию темы, представляется полезным сначала бросить взгляд на корни и структуру советской детской литературы, той, которая возникла в Советской России после Октябрьской революции, а затем поставить вопрос о том, что смогло, в конечном счете, сделать ее характер образцовым для детской литературы в ГДР. Хотя в такое рассмотрение могли бы быть включены лирика и драматические произведения, в рассуждениях, предлагаемых вниманию читателя, рассматриваются исключительно прозаические тексты – рассказы и повести для детей и юношества. Отдельные примеры этого должны быть рассмотрены в рамках данного исследования.

Из первоначального доминирования советской детской книги для немецкого читателя, с развитием социалистической детской литературы в ГДР, выросло равное партнерство, означавшее созвучие литератур. Не секрет, что его основу образовывали общественные и идеологические структуры, происхождение которых коренилось в «братском союзе» двух государств. Такое развитие событий затронуло и детскую литературу в ГДР – как ее хорошие, так и плохие стороны.

Итак, сначала следует спросить: каким образом возникла советская модель и каковы были ее характерные черты?

Воспоминание о забытом оружии

В феврале 1918 г. в московской газете «Правда» была опубликована статья, в которой речь шла о возможностях воздействия хороших детских книг на душу ребенка.

> Нельзя умалить значения детской книги и чтения вообще. Нельзя и закрывать глаза на действие книги на детскую душу. Буржуазия приложила все старания к тому, чтобы наши дети чуть ли не с молоком матери начинали впитывать идеи, делавшие их впоследствии рабами. Не нужно забывать, что те же средства, то же оружие годится и для обратных целей. …Детская книга как важное оружие воспитания должна получить самое широкое распространение. Но вместе с тем то, чем сейчас пользуются наши дети, должно быть очищено от яда, грязи и мусора. На обязанности государства лежит дальнейшее и немедленное притом снабжение детей новыми книгами[1].

Самым выдающимся и наиболее активным поборником прогрессивной, близкой детям, открытой миру и разнообразной детской литературы был Максим Горький. В 1918 г., через год после Октябрьской революции, он подготовил «Докладную записку об издании русской художественной литературы для молодых читателей» и требовал в ней от издательства «Русская литература»: «1) по возможности в кратчайший срок сделать доступной народным массам художественную литературу XVIII и XIX веков и 2) дать единой трудовой школе необходимые ей пособия по русской литературе». Как отмечал Горький, «на рынке изданий русских классиков совершенно нет, а встречающиеся у антикваров идут по спекулятивным ценам. Издания Комиссариата народного просвещения не могут удовлетворить насущную нужду деревни и города в книгах по русской литературе, потому что эти издания, не говоря уже о том, что над ними не проделано никакой редакционной работы, слишком громоздки и потому недоступны для широкого демократического читателя»[2].

Поэтому Горький требовал создать библиотеку русских классиков, в которой все выдающиеся писатели были бы представлены, по меньшей мере, одной их книгой. Кроме того, он ратовал за создание серии народных изданий, к которым следовало добавить биографию и портрет каждого автора, а также одну или две критических статьи и литературно-историческое введение. С этим для Горького были связаны «книги основной серии», предназначенные, «главным образом, для библиотек – сельских, заводских, полковых и ротных, а также для библиотек морских и речных судов, поездов, больниц школ и т. д.».

> Для нужд школы должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. …Насущной задачей является издание для школ иллюстрированных произведений русской литературы. …Здесь, в первую очередь, речь может идти, конечно, о переиздании старого, а во вторую – о создании нового[3].

Обеспокоенный писатель сам передал издательствам список, который должен был облегчить ориентировку, оценку и выбор и мог бы помочь при основании в издательствах отделов детской книги.

Его кредо заключалось в воспитании детей, включающем «веру в человека, в высокий смысл его бытия и созидания». «Это сделает их духовно сильными, стойкими борцами. Реальная жизнь немногим отличается от прекрасной и полный фантазии сказки, если рассматривать ее изнутри, исходя из желаний и мотивов, которыми человек руководствуется в своей деятельности»[4].

Ответственность за подрастающее поколение, практиковавшаяся государством после Октябрьской революции, означала и принципиально новое отношение к литературе для детей и юношества, к ее оценке и уважению к ней.

Горький собрал вокруг себя немногочисленных «специалистов слова». При этом, речь шла о талантливых литераторах, признавших себя сторонниками нового общества, шедших к нему прямыми и окольными путями и теперь намеревавшихся обратить свое слово к детям. В их числе были Самуил Маршак, Корней Чуковский, Евгений Шварц, Виталий Бианки и Михаил Пришвин. С участием таких молодых, присоединившихся позже, авторов, как Аркадий Гайдар, Леонид Пантелеев, Григорий Белых и Николай Богданов, были, наконец, заложены основы советской детской литературы, которая заботилась, прежде всего, о «единстве мира взрослых и детей», возведя это единство в основной принцип создания литературы для детей.

Горький и его соратники противопоставляли буржуазной литературе, изолировавшей мир детей от мира взрослых, – а именно таков был их тезис – марксистско-ленинское представление о единстве мира младшего и старших поколений в социалистическом обществе.

Молодое поколение, объединенное со старшим, тесно связанное с ним и не утрачивающее, при этом, собственной ценности и специфики – таковы должны были быть цель и основа вновь создаваемых книг. Видеть в молодежи потенциальных представителей будущего, делать ее способной к мышлению и действию в таком измерении – такова была, в самой общей форме, постановленная перед авторами задача.

Новый образ человека, формировавшийся такими повестями о становлении советской промышленности, как «Цемент» (1925, нем. 1927) Фёдора Гладкова или «Доменная печь» (1925, нем. 1954) Николая Ляшко, находил отражение и в книгах для детей.

Это были, например, детские стихи Владимира Маяковского «Кем быть?», «Коньогонь» (1927) или стихотворение Агнии Барто «Братишки» (1928), в котором впервые нашла выражение идея «пролетарского интернационализма».

Проза и лирика рассказывали детям о новых формах мышления и жизни. Ребенок пребывал в самом тесном отношении с событиями, происходившими в обществе. Новая оценка моральных позиций – в чем добро и в чем зло и им подобные вопросы – приобретали (будучи переданными средствами предметности, постижимой для ребенка) другой угол зрения, детерминированный общественной ситуацией.

Примером этого может быть поучительное стихотворение Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий»[5]. Сима, представляющий пролетарских детей, отмечен такими свойствами, как товарищество, готовность помочь, желание трудиться и любовь к родителям. Он – предводитель группы детей, которая борется против толстого, себялюбивого Пети. Маяковский называет свое стихотворение сказочным и рассказывает, в чем он актуализирует, с социальных и политических позиций, имманентно присущую сказке постановку вопроса о добре и зле, тем самым, побуждая читателя однозначно встать на сторону пролетариата.

Индустриализация, преобразования на селе, превращение детей и подростков, ставших беспризорными, в полноправных граждан общества – все эти события с большой общественной важностью и драматизмом были поэтико-политической программой авторов.

Маяковский видел в этом едва ли не исполнение долга. В интервью, которые поэт дал в 1926 г. чешской газете «Прагер прессе» и варшавской «Эпоха», он сказал:

> Надо дать детям новые представления и новые понятия об окружающих их вещах.… Я стремлюсь внушить детям самые простейшие общие понятия, делая это как можно осторожнее…

И на примере повествования о маленькой лошадке на колесиках он показывает, сколько нужно людей, чтобы изготовить такого конька. «Таким путем, – говорит Маяковский, – ребенок знакомится с коллективным характером труда. Или описание путешествия, в ходе которого ребенок не только знакомится с географией, но и узнает, что одни люди бедны, а другие богаты»[6].

В 1923 г. в советской пионерской газете «Барабан» были опубликованы законы юных пионеров, требовавшие от детей, прежде всего, товарищества, готовности

придти на помощь, готовности трудиться, смелости, мужества, творческого подхода к работе, умелости в ручном труде и т. д. 25 лет спустя, в 1949 г., сначала в издательстве «Нойес лебен», а позже в издательстве «Юнге вельт», основанном в 1950 г., появилась детская газета ГДР «Дер юнге пионир», которая с 1958 г. называлась «Ди троммель» – «Барабан». Ее читал почти каждый школьник. Для стабилизации детской организации Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) и в ГДР были опубликованы «Десять заповедей юных пионеров», лишь незначительно отличавшихся по тексту от законов советских пионеров.

Но вернемся еще раз в Советский Союз. Идеальную концепцию новых, т. е. заново написанных, детских книг сформулировал в конце 20-х гг. в своем предисловии к книге И. Разина «Кем хотели бы быть наши дети» Горький. Он исходит из того, что дети этого десятилетия пережили не «грязные ужасы прошлого», но уже почувствовали «мощную силу организующей партии» и делает вывод: «Социалистическое государство не может быть осуществлено, если дети не будут социалистами»[7].

Такие авторы, как Николай Богданов, написавший «Пионеры в деревне» (1925), или Анатолий Кожевников с «Красным галстуком» (1928) рассказывают строго выдержанные в тематическом отношении истории, в которых пионеры являются носителями прогрессивных идей, влияют на исход классовой борьбы в деревне, борются против суеверия, выступают против невежества или незнания, против безнравственных норм и традиций, которые, с их точки зрения, тормозят прогресс.

«При знакомстве с большинством этих работ, – подчеркивает литературовед, переводчица и издатель Надежда Людвиг (1912–1990), – видно, что речь идет о первом произведении, в них нет ни психологически углубленного изложения характеров, которое придавало бы персонажам неповторимость, ни реалистического изображения действительности и деятельности пионеров. Преобладают представления, сформированные собственными желаниями автора, и тем не менее эти произведения затрагивают действительность, представляя, тем самым, новую литературу о пионере и его жизни»[8].

Писать по-новому означало, прежде всего, делать ставку на раскрытие темы и трудиться над ее раскрытием с большими стратегическими усилиями и минимумом поэзии (не особенно искусное повествование). Например, рассказ или повесть о школе страдали от недостатка знаний автором новой школьной системы. Вот что вспоминала драматург Тамара Габбе: Писатели «школу изучали только внешне, чуть ли не по протоколам и программам. Они писали рассказы и статьи во славу Далтон-плана, бригадных методов работы… Целые повести создавались о том, что школа должна стать цехом завода или попросту “отмереть”. Но, к счастью, отмерла не школа, а вся эта литература. Все у нас находилось в стадии становления»[9].

Исторический роман концентрировался на изображении освободительной борьбы. Задача авторов заключалась, прежде всего, в том, чтобы написать историю народа, а не господствующих классов прошлого. Но и здесь из-за слабого знания предмета и малого знакомства с жанром преобладали слабости изобразительного характера.

Была серьезно повышена значимость научно-популярной литературы. Обращение к ней стало вполне целенаправленным, ибо это соответствовало концепции образования, которую разрабатывали и которой руководствовались партия и молодежные организации. В принятом в 1928 г. решении ВКП(б) подчеркивалось отсутствие книг по техническим темам и сферам. Жена Ленина Н.К. Крупская, считающаяся

основателем советской педагогики, стала поборницей научно-технической литературы для подрастающего поколения, причем, она ставила под вопрос необходимость школы как инстанции, передающей соответствующие знания.

Горький поддерживал ее требование и выступал за то, чтобы человеку был присущ взгляд космических масштабов. Речь шла, по его мнению, не о «коленопреклонении перед природой», а о постижимости планеты, на которой живут люди, об ответственности человека, которую он должен «прочувствовать и реализовать».

Результатом такой кампании был значительный успех. Книги ведущего в этой сфере автора Михаила Ильина (1896–1953) «Солнце на столе» (1927, нем. 1948) или «Сто тысяч почему» (1929, нем. 1947), как и появившиеся позже рассказы и повести Михаила Пришвина и Виталия Бианки о животных и природе, самым удачным, приемлемым для тогдашнего читателя образом связывали информацию с развлечением. Это обеспечило им определенное долговременное воздействие – не только в своей стране, но и за ее пределами. Объем тиражей этих книг в ГДР достиг более миллиона экземпляров, не считая изданий школьных учебников.

Сходным образом Горький выступал и против критики в адрес сказок. Партийные функционеры и педагоги считали устаревшим этот жанр с его, как им казалось, недостаточно социально дифференцированным взглядом на добро и зло. В нереальных образах говорящих животных и внеземных волшебных сил они видели противоречие с постулированными образами мышления и поведения советского общества. Книги Маршака, Бианки и других уже оказались под перекрестным огнем критики. И, хотя Горький в ряде статей резко выступал против этого, неустанно подчеркивал необходимость фантастического в детской литературе, познавательный характер детской игры и пригодность сказок для того, чтобы обучать, развлекать и окрылять ребенка, сказки в 20-е гг. подвергались в Советском Союзе строгой цензуре и едва издавались.

Понадобилось время, прежде чем сказка снова вернулась в детскую литературу. Это произошло в середине 30-х гг. и, по словам Надежды Людвиг, было тесно связано с развитием национальных культур. Многонациональные народные эпосы, песни, саги и сказания о героях в многонациональном государстве нашли очевидный интерес в русском языке и были включены в школьные и театральные программы. Это, в конце концов, шло на пользу и книгам русских авторов – Маршака, Чуковского, Алексея Толстого, которые снова публиковались.

Об общественной значимости советской детской литературы, достигнутой ею в середине 30-х гг., свидетельствовали и меры, принятые государством, например, основание Государственного издательства детской литературы – Детгиза или издательства «Молодая гвардия». В ходе Первой всероссийской конференции по вопросам детской литературы (1931 г.) был основан даже теоретический журнал «Детская литература». Он должен был компенсировать недостаток глубокой литературной критики.

Как сказал уже в то время Луначарский, ребенок – это «особый организм […] с особой внутренней структурой, порождающей особый способ восприятия и мышления». А к середине 30-х гг. практика советской детской литературы продвинулась настолько, что она уже казалась достойный подражания для Германии. Восприятие советской книги активизировалось там примерно около 1925 г. Это был год первых прямых контактов. Немецкая рабочая делегация посетила Советский Союз, и с представителями Коммунистической партии Германии (КПГ) были согласованы

В восточногерманском издательстве «Киндербухферлаг Берлин» в 1983 г. в серии «Маленький горнист» («Der kleine Trompeter») вышла для читателей от восьми лет «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина с цветными иллюстрациями Эртмута Ольшегера; книга формата октав (в восьмую долю листа) стоила 1,75 марок ГДР

конкретные меры также в области литературы. В 1928 г. возникает Союз пролетарско-революционных писателей (СПРП), ставший ядром литературного движения, которое отмежевалось от рабочих литераторов, близких к социал-демократии, и было открыто для всех тех, кто хотел формировать «мир с точки зрения революционного пролетариата». В их числе особо заметную роль играли писательницы Герминия Цур Мюлен (1883–1951), Берта Ласк (1878–1967), Лиза Тецнер (1884–1963) и Алекс Веддинг (псевдоним Греты Вайскопф, 1905–1966). Они иносказательно рассматривали проблемы своего времени в форме сказок, писали в своих книгах для детей и юношества о разрушительных механизмах капитализма, призывали к революционному действию и пропагандировали коммунизм как общество, наиболее достойное человека. Если Цур Мюлен находила сказочные сравнения для описания общественных механизмов и структур, то Ласк со своей повестью «Как Франц и Грета ездили в Россию» (1926) выражала новое историческое сознание. Автор сознательно противопоставляет переживания двух детей берлинских рабочих в Советском государстве жизни в Германии времен Веймарской республики. Подобными же знаниями вооружены герои Тецнер в повести «Ханс Уриан. История путешествия вокруг света» (1929). В повести «Эде и Унку» (1931) Веддинг действует уже более дифференцированно, противопоставляя социал-демократический оппортунизм революционному действию.

В издательствах КПГ с 20-х гг. выходили повести и рассказы для взрослых и детей. В их числе роман Гладкова «Цемент» (1925; нем. 1927, 1956), книга Александра

Неверова «Ташкент – город хлебный» (1923; нем. 1925, 1962) и книга Николая Огнева о молодежи и для нее «Дневник Кости Рябцева» (1927; нем. 1928, 1968). Позже к ним добавились книги, посвященные послереволюционному времени и проблемам социалистического строительства: «Республика ШКИД» Григория Белых и Леонида Пантелеева (1927; нем. 1929, 1959), «Первая девушка» Николая Богданова (1928; нем. 1930, 1958) или «Часы» (1928; нем. 1930, 1949) Леонида Пантелеева.

Эти публикации были нацелены на то, чтобы, в соответствии с образовательной программой КПГ, познакомить немецких читателей с процессами революционного преобразования общества.

Тем самым, в определенной степени, названы и основы литературно-политической программы послевоенного времени в Восточной Германии.

Основание и формирование детской литературы в Советской зоне оккупации Германии/ГДР

Теперь следовало бы спросить, а затем и показать, каким образом на Востоке Германии после 1945 г. обретали почву под ногами, получали содействие и, в качестве литературных программ, доходили до читателя механизмы развития советской детской литературы?

Предпосылкой этого были многочисленные факторы: основание Союза свободной немецкой молодежи в марте 1947 г.; возникшее вслед за тем детское объединение ССНМ как предшественник созданной в 1948 г. пионерской организации; система детских газет и журналов, организованная по возрасту и интересам, в качестве издателя которых действовал Центральный Совет ССНМ; основание специальных издательств для молодежи: «Ферлаг Нойес Лебен» (Verlag Neues Leben) – издательство Союза свободной немецкой молодежи (1946), «Киндербухферлаг Берлин» – издательство Пионерской организации (1949), «Ферлаг Юнге Вельт» (Verlag Junge Welt) – издательство Союза свободной немецкой молодежи (1950).

История основания этих издательств – если можно получить к ней доступ – представляет собой особого рода свидетельство современников о централизованно регулируемом развитии в сфере детской и юношеской литературы. В то же время, история деятельности издательств рассказывает о том, в какой мере советская оккупационная администрация и ее культурные отделы, а также соответствующие структуры СЕПГ действовали по советскому образцу, осуществляя и руководство согласно ему. Поэтому в начале процесса мы, в большой степени, имеем дело с «литературой указующего перста», частью импортированной, частью созданной в своей стране, и понадобились десятилетия, пока детская и юношеская литература ГДР научилась обходиться без такого инструмента поучения.

Но были после 1945 г. и «частные основатели», добивавшиеся в Советской военной администрации (СВАГ) лицензий на печатание и распространение детских книг и получавшие эти лицензии. Это тем более заслуживает упоминания, что издания, выходившие во вновь создававшихся издательствах, имели огромное значение для общей картины детской литературы ГДР, с точки зрения своего разнообразия и художественного качества.

Если отвлечься от институтов, уже основанных СЕПГ и СВАГ, вроде учебного издательства «Фольк унд виссен», издательства «Фортшритт & культур» (принадлежавшее Обществу германо-советской дружбы) или издательства «Заксенферлаг» (предприятие земельного партийного руководства в Дрездене), выпускавших также детские книги и журналы, издатель Альфред Хольц (1904–1974) и продавщица книг Люси Гросер (1914–1997) после окончания войны без промедления ходатайствовали перед СВАГ в Берлине как частные лица о выдаче лицензии на издательскую деятельность.

> …Ввиду тяжелой послевоенной ситуации подготовительные работы по созданию нового книжного издательства потребовали определенного времени, причем минимумом для этого должна была быть необходимая советская лицензия. В условиях подлинных трудностей, которые приходилось преодолевать, заняло свое важное место то обстоятельство, что он [Альфред Хольц. – *К.П.*] выбрал в качестве одной из первых публикаций немецкий перевод русской народной сказки «Царевна-лягушка», вариант «Короля-лягушки» (так называлась немецкая народная сказка из сборника братьев Гримм).
> Хольц получил разрешение на печать и с немецкой стороны, правда, при условии, что названием должно стать «Барышня-лягушка». Он рассказывал, что протестовал против этого, но, в конце концов, победил только благодаря поддержке советского офицера, который тоже не был согласен с этим антифеодальным поворотом названия.
> Такого рода банальности происходили в первые годы ГДР в деятельности партийных функционеров среднего и низшего уровня и вызывали оживление в среде книгоиздателей и производителей книг[10].

Издательство «Альфред-Хольц-Ферлаг Берлин» существовало до 1963 г., затем Хольц передал свое предприятие в общенародную собственность, т. е. производил книги под крышей издательства «Киндербухферлаг Берлин», а издательство называлось «Продукционсгруппе Альфред Хольц» («Производственная группа Альфред Хольц»). Причины этого официально объяснялись желаемым расширением издательской программы, но решающее значение имело, конечно, чем далее, тем все более, значительное уменьшение государственных контингентов бумаги и печатных средств, предоставлявшихся частным издательствам.

Нечто подобное можно рассказать и о старте издательства Люси Гросер «Альтберлинер ферлаг». Продавщица книг из книжного магазина «Альтберлинер бюхерштубе» основала его 1 июня 1945 г., получив необходимую для этого лицензию СВАГ.

> Внешним поводом для основания издательства была просьба представителей акции «Спасите ребенка» о том, чтобы подготовить детям к первому послевоенному Рождеству немного и духовной пищи. Так как Люси Гросер намеревалась хотя бы в книгах оживлять город, лежавший в развалинах, она основала свое издательство, и действительно, незадолго до Рождества тиражом в 225.000 экземпляров вышла тетрадочка со сказками братьев Гримм. Для общения с представителями русской оккупационной власти был издан маленький немецко-русский разговорник «Wir sprechen russisch» («Мы говорим по-русски»)[11].

В середине 80-х гг. и это издательство перешло в общенародную собственность, пережило мирную революцию и теперь снова находится в частной собственности.

Содержанием антифашистско-демократической школьной реформы, проведенной в Советской зоне оккупации в соответствии с воззванием КПГ и СДПГ от 18 октября 1945 г., было полное устранение нацистских и милитаристских идей из сферы обучения и воспитания. Как и в Советском Союзе, предпосылками для получения равных возможностей образования должны были стать единая школа, финансирование учебных заведений из государственных средств, бесплатные учебники и учебные пособия, материальная помощь нуждающимся, школа полного дня для всех детей в возрасте от шести до, как минимум, 15 лет[12].

Три месяца спустя после основания ССНМ, 17 июня 1946 г., СВАГ выдала под лицензионным номером 68 разрешение на основание издательства «Нойес лебен». Его обязательные задачи были сформулированы следующим образом:

> Предметом деятельности предприятия является издание книг и другой печатной продукции для обучения и образования немецкой молодежи в духе демократии и взаимопонимания между народами[13].

Компаньонами предприятия были Эрих Хонеккер, Пауль Фернер, Эдит Бауман и Фридрих Вольф[14].

Они внесли начальный капитал в размере 20 000 рейхсмарок. Тем самым, были прояснены важнейшие предварительные условия, касавшиеся издательской концепции.

К первым результатам деятельности издательства относился написанный в 1934 г. роман советского писателя Николая Островского «Как закалялась сталь». Книга, входившая в круг обязательного чтения в школе, стала традиционной для «Нойес лебен»; с 1947 по 1985 гг. она выдержала примерно пятьдесят изданий[15].

Через два года после основания ССНМ, в 1950 г., союз и издательство созвали конференцию авторов, на которой Эрих Хонеккер просил писателей активнее обратиться к проблемам молодого поколения и показать его борьбу за новую жизнь. Следовало пробуждать оптимизм для выполнения экономических планов, формировать взгляд на новое бытие людей. Фридрих Вольф призывал коллег идти на предприятия и в школы, «чтобы самим сопережить, как новое пробивает себе дорогу». Это могло напомнить слова Горького, советовавшего своим коллегам «знать все, весь поток жизни и все маленькие течения главного русла, все противоречия жизни.., изучать новую действительность и, тем самым, укреплять ее». Михаил Шолохов назвал такую деятельность движением «по горячим следам истории»[16].

В 1952 г. выходит репортаж Вилли Бределя «Пятьдесят дней» – сообщение о восстановлении тюрингской деревни Брухштедт.

Путь деятелей искусства к рабочему классу должен был быть четче сформирован в ближайшие десятилетия, и при опоре на советские нормы и образцы он нашел завершение в акции «Биттерфельдский путь». Такое название он получил по среднегерманскому центру химической промышленности в индустриальном регионе Галле – Лейпциг, где эта тема обсуждалась на двух конференциях. Первая Биттерфельдская конференция считалась началом нового этапа социалистической культурной революции, сердцевиной которого должно было стать массовое движение, охватывавшее усвоение социалистической национальной культуры, художественного наследства, а также культурную деятельность самих трудящихся.

Вновь и вновь ставилась задача пропагандировать и распространять так называемые «учебники жизни», в том числе «Педагогическую поэму» Макаренко (1933–

35), вышедшую в ГДР под названием «Дорога в жизнь» (1949, 1950, 1962) или роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» (1945–51, нем. 1949, 1953 и др.). До 80-х гг. включительно эти советские прототипы были обязательным чтением, прежде всего, для учителей в ГДР.

Тем временем, в Берлине возникло и издательство детской литературы «Киндербухферлаг». Об истории его основания рассказывает первый многолетний руководитель издательства Гюнтер Шмидт:

> На председательском месте сидел приземистый мужчина…, товарищ Хольм из Центрального Комитета [СЕПГ – *К.Л.*] … и объяснял: «После великодушного и широкого содействия новой демократической школе СЕПГ хотела сделать следующий шаг для образования и воспитания молодого поколения и основать при поддержке СВАГ в Берлине-Карлсхорсте специальное издательство детской книги. …После обстоятельной беседы Ханс Хольм[17] поручил подготовить докладную записку под названием “О цели и задачах издательства детской книги”».

Этот документ образовал директиву для работы издательства на протяжении его первого десятилетия, пока в 1960 г. его не сменил устав, утвержденный центральным руководством пионерской организации им. Эрнста Тельмана. Тем самым, издательству была поставлена задача участвовать в интеллектуальном, нравственном, эстетическом и политехническом воспитании и образовании и поддерживать работу демократической единой школы.

Без помощи со стороны, прежде всего, финансовой, издательство «Киндербухферлаг» не встало бы на ноги. Начальник отдела народного образования СВАГ, профессор Митропольский, поддержал программу и порекомендовал также открывать новых и молодых немецких авторов, помогать им и завоевывать для детской литературы. Со ссылкой на его согласие удалось подать заявление советскому коменданту района Берлин-Митте о предоставлении рабочих помещений, и последовала рекомендация «чужими руками жар загребать» для решения еще имевшихся проблем»[18].

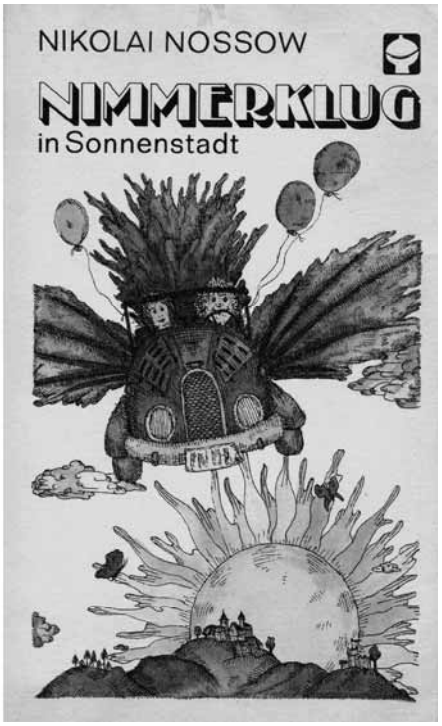
«Чужими руками» оказались чек на сумму более чем в 20.000 марок и твердое обязательство руководителя дрезденского издательства «Заксенферлаг» предоставить для напечатания первых книг детского издательства бумагу, печатные и переплетные мощности.

Издательство начало с шести книг: «Раненого Сократа» Брехта, по одной лицензии на переводы с русского, чешского и французского языков, а также двух немецких книг антифашистской тематики[19].

На протяжении долгого времени решающее значение для влияния и определения позиции новой создаваемой немецкой детской литературы имели книги для детей, выпускавшиеся Издательством СВА (Советской военной администрации). При этом, речь шла как о детских книгах с картинками, так и о небольших повестях, вроде «Белого пуделя» Куприна, «Кладовой солнца» Пришвина, «Муму» Тургенева или «Детства Никиты» Алексея Толстого.

Ежедневная газета «Тэглихе рундшау», издававшаяся советскими оккупационными властями, также публиковала отрывки из советских повестей и рассказов, а кроме того, лирику и песни для детей и взрослых.

Начальник управления пропаганды СВАГ Сергей Тюльпанов позже так комментировал происходившее: «Мы знали также, что время, в формировании которого мы



Для читателей от десяти лет: «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара, 5-е издание книжки карманного формата (1982 г.); справа: изданная таким же образом приключенческая история Николая Носова «Незнайка в Солнечном городе», 1988 г., 3-е издание

хотели участвовать, в Советском Союзе давно прошло, т. е. в Германии переживается период, сходный с развитием Советского Союза в начале двадцатых годов: период бури и натиска. И поэтому мы публиковали, прежде всего, книги того времени – Островского, Маяковского, Горького и т. д., а не времен войны»[20].

В 1947 г. издательство СМА издало повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Книга, впервые изданная в Советском Союзе в 1940 г., как и роман Островского «Как закалялась сталь», на протяжении сорока лет входила в число эталонных произведений социалистической детской литературы в ГДР. Путь книги вел через несколько издательских предприятий и завершился, наконец, в «Киндербухферлаг», где с 1947 по 1985 г. она была издана тиражом 1,7 млн. экземпляров[21]. Названное по книге так называемое «тимуровское движение» в Советском Союзе полностью скопировали в ГДР. Оно было прочной составной частью программы действий пионерской организации. Три десятилетия в нем участвовали 150.000 пионеров, добровольно помогавших старым или больным людям. Гайдар написал свою историю незадолго до нападения немецких войск на СССР. Уже четырнадцатилетним он служил в армии, а в шестнадцать лет командовал ротой. Может быть, его личный опыт и придал истории харизму, сделавшую ее столь убедительной в военные и послевоенные годы. Сюжет находится на грани между игрой и опасной реальностью: Тимур возглавляет группировку, а Квакин, стоящий во главе враждебной группи-

ровки – его непримиримый враг. Дети помогают, прежде всего, тем семьям, члены которых ушли на войну.

Литературный критик Гюнтер Эберт признает за этой историей три заглавные «G», с которых начинаются слова (речь идет о немецком написании соответствующих слов. – *Прим. перев.*), неизменно актуальные для детей: опасность, тайна и справедливость[22].

Повесть Гайдара сделала столь значительным для того времени и на последующий период (позже она была возведена в ранг монумента) то обстоятельство, что автор, не приукрашивая, соотносит действительную военную опасность с детской игрой; в его повествовании правят знамения времени, но он тем не менее дает своим героям достаточное пространство для детской жизни, чтобы в суровые годы войны не забывать волшебства приключенческой, авантюрной игры.

Позднейшее превращение повести в «руководство» по проведению различных детских акций помощи или кампаний по сбору средств было несправедливостью по отношению к ней. В «Тимуре и его команде» впервые очень убедительно был представлен принцип единства мира детей и взрослых. С книгами Гайдара и Островского в этот мир были введены основные направляющие модели, считавшиеся обязательными как прочная составная часть издательских программ и практической политической деятельности пионерской организации.

В число советских образцов входило даже основание теоретического журнала по литературе для детей и юношества: «Байтрэге цур киндерлитератур» («Статьи по детской литературе». – *Прим. перев.*) издавались по поручению куратория «Социалистическая детская литература ГДР» в берлинском издательстве «Киндербухферлаг Берлин». Структура и целевая установка были полностью идентичны советскому издательству «Детская литература».

В целях поддержки авторов книг и художников-графиков государством ежегодно проводились конкурсы литературы для детей и юношества с финансовой дотацией. С первым воззванием о проведении такого конкурса выступило Министерство народного образования, опираясь на принятый в феврале 1950 г. Закон о молодежи. Шестью годами позже проведение конкурсов взяло на себя Министерство культуры.

Тем самым, были созданы существенные предпосылки развития литературы для детей и юношества, идеологически-эстетическая направленность которых реализовалась в русле, заданном советскими прообразами.

Две литературы в синхронном ритме?

Авторы, имевшие значение для развития детской литературы ГДР, например, Алекс Веддинг или Вилли Майнк, без всяких «но» и «если» признавали за советскими книгами послевоенных лет образцовую роль. Алекс Веддинг писала:

> В 1945 г. достижения советской литературы для детей и юношества были во многих отношениях помощью нам при создании новой жизни и новой литературы; голод наших молодых читателей на книги впервые за много лет можно было насытить здоровым высококачественным чтением; для нас, писателей, стала образцом советская литература для детей и юношества; в конце концов, мы получили из произведений Максима Горького,

осмысливавших проблемы литературной деятельности для детей и юношества, совет, помощь и поддержку[23].

Тем самым, писательница охарактеризовала три соображения, важных тогда для авторов: распространение социалистических гуманистических идей как своего рода «топлива» для политического и этического развития молодых людей; советская детская книга как датчик импульсов для собственной художественной деятельности и стремление писателей достичь с помощью детских книг общественного признания.

В 60-е гг. Вилли Майнк, тогда один из самых популярных авторов молодежной книги ГДР, ответил на вопрос редакции журнала «Байтрэге цур киндер- унд югендлитератур» («Статьи по литературе для детей и юношества». – *Прим. перев.*) о влиянии советской детской литературы:

> Сегодня, по прошествии времени, трудно ощутить, что особенно тронуло нас в советских книгах, выходивших в ту пору у нас. Были ли это социалистические идеи? Или вполне серьезное восприятие детей как действующих лиц и читателей? Да, конечно же, было и то, и другое! Одно несомненно: развитие отдельных писателей и, тем самым, совокупности нашей литературы длилось бы куда дольше, не будь влияния прообразов советской литературы для детей и юношества. …Может быть, я прочитал «Как закалялась сталь» с как нельзя более горячим сердцем. Но были и другие советские книги, волновавшие меня. Два писателя повлияли на меня особенно сильно – Горький и Шолохов с их страстной поэтической прозой[24].

С основанием издательства «Киндербухферлаг Берлин» началось систематическое открытие советской детской литературы, длившееся сорок лет. В программе зарубежной беллетристики она занимала самое широкое пространство и касалась всех возрастных групп читателей и сфер деятельности. С 1949 г. по 1989 г. в издательстве вышли около 500 книг на русском и других языках народов СССР средним тиражом 15.000 экземпляров каждая. Повести и рассказы Горького, Островского, Шолохова или Макаренко, Александра Фадеева и Даниила Гранина входили, кроме того, в обязательный материал для чтения в общеобразовательной политехнической средней школе. Следовательно, публикация этих книг в издательствах художественной литературы многократно увеличивалась за счет тиражей издательства, специализировавшегося на школьных учебниках.

Таким образом, развитие литературы для детей и юношества в ГДР характеризуется сначала равенством с советской молодежной литературой – идеологическим и духовно-культурным. Оно опирается на исторические и типологические совпадения двух обществ, определявших себя как социалистические и стремившихся к коммунизму.

Только в 60-е гг. постепенно дают себя знать черты национальной специфики, которые стали определяющими в 70-е и 80-е гг. Поначалу и они были похожи на советские образцы 30-х гг. Речь шла, прежде всего, о соблюдении строгих педагогических догм, в число которых входило недоверие к другому и страх перед аполитичным воздействием повествований из прежнего времени. Так, категорическое неприятие приключенческих романов, «окрашенных идеологией колониализма», стало на протяжении десятилетий проклятием для романов Карла Мая, которые молодежь очень любила еще до войны.

Недооценка воспитательного значения сказки привела также к более чем десятилетнему спору с цензурным ведомством о ее издании. При этом, советская дискуссия 20-х годов о сказке, казалось, была весомым аргументом против публикации[25]. Вопреки мнению Горького, имело место намерение внушить, будто время сказки прошло, и распространялось сомнение в ее поэтическом потенциале и воспитательной эффективности. Если сказки, вопреки этой тенденции, все-таки публиковались, то было вполне обычным делом сопровождать такие публикации дидактическими комментариями. Педагогический аспект настолько выдвигался на передний план, что сказок вроде «Гензель и Гретель» или «Красная шапочка и серый волк» больше не было в новых томах избранного или они сильно обрабатывались для опубликования. Так снова возникало взрывчатое вещество для новых жарких дискуссий. Гораздо строже и дольше были, однако, дискуссии о так называемом положительном герое, к которым, параллельно с историей советской детской литературы, стремились и в ГДР. В ходе их рассматривалось соотношение данных и интерпретировавшихся моментов действительности, и шла речь о формировании конфликта с положительным исходом.

Пример абсурдности таких дискуссий дала уже упоминавшаяся книга Леонида Пантелеева «Часы», изданная большими тиражами. Опубликованную в Германии еще в 1930 г. в издательстве «Ферлаг дер Югендинтернационале», ее в 50-е гг. отверг педагогический институт университета в Галле. Утверждалось, что она не пригодна для работы с пионерами, так как лишена решающего «воспитательного фактора» – положительного элемента. Для тех, кто отвергал книгу, слишком сильны были проявившиеся на ее страницах противоречия и конфликты в (образцовом) советском обществе, чтобы можно было ее кому бы то ни было рекомендовать. Противоположную позицию заняла тогда редакция журнала «Ди нойе Шуле» («Новая школа»), даже хвалившая автора за его стремление избежать всего грубого и тяжелого и с легкостью, тактом и деликатностью воспользоваться воспитательными средствами, в том числе и юмором[26].

О чем шла речь? Пантелеев рассказывает историю маленького Петьки, вора и бродяжки, который во время Гражданской войны попадает в «Советскую колонию для правонарушителей». У него при себе ворованные золотые часы, которые он прячет, чтобы во время планировавшегося побега снова выкопать и взять с собой. Но работа в воспитательном учреждении и жизнь там формируют в нем умение ценить совершенно другие качества: безопасность, надежность и умение дружить. Вот он и дарит позже часы своему учителю и добровольно остается в колонии. В споре, который эта история вызвала в ГДР, многое обращает на себя внимание.

Во-первых, повесть, очевидно, отвечает требованию Горького о литературной активизации материала, из которого и состоят мечты молодежи. Восточногерманская педагогика видела, однако, ситуацию по-другому: она требовала гармонии, свободной от противоречий и слепого согласия, плетясь, тем самым, вслед за советскими прообразами, и сужала пространство возможностей изображения. Решающее значение имело, однако, то обстоятельство, что безупречно нарисованная картина Советского Союза не выносила, с точки зрения политиков ГДР, царапин или ограничений. Многочисленные советские авторы видели свое общество куда более критически, и особенно взрослому читателю литература, переведенная с русского и пришедшая в ГДР, открывала глаза, резко исправляя идеал, представлявшийся собственными средствами массовой информации.

Это касается и рассказов, и повестей для школьников. Детские книги в ГДР 50-х и 60-х были, если вспомнить прозвучавшую в 1936 г. жалобу Пантелеева о советском аналоге, «слишком благонравны, уравновешены и благовоспитанны». Они рисовали «желаемую действительность»; это была школа, далекая от всякой реальности, школа, в которой дети, выступавшие в качестве литературных персонажей, оставались бледными, а проблемы производили впечатление сконструированных. Все происходило в согласии с официально разрешенным.

В такой ситуации не приходилось удивляться, что ранняя повесть Бенно Плюдры «Мальчишки из 13-й палатки» была поставлена к такой же догматической стенке, что и книга Пантелеева. Плюдра, в настоящее время, несомненно, один из лучших авторов немецкой молодежной книги, написал свою повесть в 1952 г., когда ему было 27 лет. Он показал в ней переживания пионеров в летнем лагере. Мальчики и девочки критически настроены в отношении своего вожатого Макса и не хотят его принимать. Плюдра разрешает конфликт в возможных тогда рамках: появляется новая пионервожатая, которая, благодаря педагогическому мастерству, снова наводит в группе порядок. Под конец именно она и становится победительницей в лагерном соревновании.

Несмотря на положительный финал, книга столкнулась с жесткой критикой руководителей пионерской организации. Автор вспоминает:

> На сей раз писательское счастье покинуло меня. Хотя издательство и приняло мою историю, против этого было много важных людей. Я показал детей такими, каким они, собственно, и не бывали – такими отрицательными, грубыми, и должен был написать все это еще раз, лучше всего сначала и совершенно по-другому. …Сегодня хотелось бы улыбнуться, если вспоминаешь об этой дискуссии: где любовь к Родине? Куда девался положительный элемент? А как насчет роли воспитания? …Нигде не было так много табу, как в детской литературе. …Чтобы улучшить читателя, мы улучшали героев. Повсюду вздымался большой указующий перст, и вместе с дидактикой приходила скука[27].

Рассказанное заставляет нас вернуться в 1936 г., к Первой всесоюзной конференции по вопросам детской литературы, состоявшейся в Москве. На ней, в частности, писатель Борис Ивантер резко выступал против механистически понимаемой педагогики, не допускавшей смешения положительных и отрицательных черт характера.

> Вот тут-то и задача для писателя: живой пионер – отличник, а в кармане рогатка. Без рогатки – не живой, а с рогаткой – какой же ты отличник? И писателю, под настойчивым и грозным взглядом педагога, приходится, вздыхая и оглядываясь, осторожно вынимать рогатку из кармана отличника, будто ее и не было вовсе[28].

На основе социалистического реализма, который государственные партии постоянно провозглашали для литературных функционеров как Советского Союза, так и ГДР художественным методом, с партийных позиций и пророчески отражавшим действительность; детской и юношеской литературе обеих стран предписывались сходные позиции, как и теоретические акценты.

Так, существенной задачей писателей и издательств должно было быть осмысление жизни и деятельности определенных исторических личностей, доступное пониманию маленького читателя в качестве образца, которому следует подражать. В таких

Обложка однотомного дармштадтского лицензионного издания повести Григория Белых и Леонида Пантелеева «Республика ШКИД» (1967, впервые вышла в переводе Лизелотты Ремане в 1959 г. в издательстве «Нойес лебен»). Книга рассказывает о беспризорных детях в России после Октябрьской революции; справа: в исторической книге Аугуста Лазара «Юра в шалаше Ленина» мальчик переживает в 1958 г. в мечтах события русской истории 1917 г., в издании шесть рисунков Шандора Эка

произведениях часто смешиваются история и поэтическая фантазия. Ради педагогического воздействия аутентичность событий отступает на задний план. К примеру, Мария Прилежаева в своей повести «Удивительный год», которую отнюдь не назовешь непоэтической (1966, нем. 1970) рассказывает о встрече ученика печатника Прошки с Лениным и описывает глубокое, продолжительное влияние этого события на юношу, который во время ссылки в Сибири вспоминает о Ленине как о светлом образе.

То же касается и повести Макса Циммеринга «Буттье Питер и его герой», в которой жизнь Эрнста Тельмана становится путеводной нитью для рабочего парня Питера. Вышедшая в 1951 г., эта книга встала в фалангу тех произведений, которые рисуют испытание человека во времена бедствий и войн и процессы созревания молодых, указывая, при этом, на функцию пролетарских вождей из самих рабочих как образцов для послевоенной молодежи.

В повестях, как, например «Осенняя буря над Гамбургом» (Вилли Майнк), «Решение на рассвете» (Клаус Бойхлер) или «По следам неизвестного» (Рудольф Фишер) авторы, тогда еще молодые, пишут историю современности. В их книгах чувствуется влияние советских писателей Владимира Богомолова, Макса Бременера и Валентина Катаева. В романе последнего «Белеет парус одинокий» (1936, нем. 1946) мальчики Петя и Гаврик переживают восстание матросов на броненосце «Потемкин». Под глубоким впечатлением от событий автор дает возможность своим героям

принять в них участие, содействуя побегу революционного матроса и помогая ревоему перебраться в Румынию. Картина участия в революционной борьбе оставляет яркое впечатление. Для придания остроты сюжету автор пользуется средствами приключенческой литературы.

Если в советских повестях и рассказах, наряду с героем Островского Павлом Корчагиным, преобладали борцы революции – Ленин (Мария Прилежаева) и Феликс Дзержинский (Юрий Герман, «Рассказы о Дзержинском», 1938, нем. 1952), то с немецкой стороны обнаруживаются соответствия в виде многочисленных портретов немецких рабочих лидеров и антифашистов. К числу этих писателей относятся Э.Р. Грейлих с книгой об Антоне Зефкове «Никто не рождается героем», Рут Вернер с книгой об Ольге Бенарио, названной именем персонажа, Вальтер Радец, написавший роман о Вернере Зееленбиндере «Курьер запрещенных», Аугуст Лазар с повестью «Юра в шалаше Ленина» (Ленин как пример) или Каспар Герман, написавший об Августе Бебеле повесть «Путь из казематов»[29].

Во всех случаях авторы ясно дают понять: смерть их героев не означает поражения идеи, которую защищают они (а с ними и автор). В остальном можно заметить взгляд на события и на действующих лиц, лишенный критической дифференциации при подходе с сегодняшних позиций. Принцип нерушимой, строгой партийности не допускал сомнений и, в то же время, значительно снижал убедительность характеров героев книг.

Еще одна тема как советских, так и немецких авторов, находившая неизменное содействие в обществе, посвящалась «героическим будням», в которых молодое поколение в опасных условиях оказывало сопротивление врагам народа. Речь идет об обращении к прошлому – к Гражданской и Великой Отечественной войнам, а также к годам «Третьего рейха» в Германии. Повесть Гайдара «РВС. Рассказы из дней Гражданской войны»[30] (позже под названием «Красный всадник» в книге «Человек со звездой», нем. 1967) и детская книга Карла Ноймана[31] «Девочку звали Гезиной» (1966) – два примера такого рода.

В обеих историях герои-дети следуют своим собственным человеческим намерениям, т. е. безупречной в моральном отношении потребности помочь другим и не обращают, при этом, внимания на существующие заповеди.

В повести Гайдара мальчики Димка и Жиган спасают «красного командира» от белогвардейцев, они вылечивают его и устанавливают контакт с Красной Армией, хотя и сами подвергаются из-за этого опасности. Они рискуют быть обнаруженными, что было бы равнозначно их собственной смерти. Хотя Гайдар и не позволяет событиям дойти до этого, он очень увлекательно описывает степень балансирования на грани смертельной опасности.

Напротив, Карл Нойман изображает эту опасность до последней степени. Во время войны Гезина тайком помогает русскому военнопленному, из-за этого ее мать попадает в тюрьму, а сама девочка в исправительный дом. Автор не утешает, не допускает надежды, он обращается ко всему реестру наказаний, которыми на такой случай располагает национал-социалистский режим. Тем больше симпатия, сочувствие и уважение читателя к маленькой девочке, которая делает ставку на доброе в человеке. Она помогает русскому, нуждающемуся в помощи, и надеется, что то же самое произойдет и с ее отцом, который тоже воюет.

Ближе к модели Гайдара повесть Веры и Клауса Кюхенмайстеров «Они называли его Амиго» (1962). В ней Амиго и его друзья скрывают от преследователей заключенного, бежавшего из концлагеря. Этим же структурам повествования следует и книга Мартина Зельбера «Стеклянная хижина» (1968).

Тема «социалистической повседневности» также допускает многочисленные параллели в отношении структур повествования, конфликтов и поведения персонажей.

Описываемая повседневность превращается в своего рода плавильный тигель, в котором человеческие отношения подвергаются нагрузке, ломаются, заново структурируются и, при этом, возникают новые общественные, а иногда и индивидуальные, императивы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что как в советской, так и в немецкой детской литературе действуют, прежде всего, «бывалые люди», с которыми герои-дети сталкиваются в более или менее «нефильтрованном» состоянии.

В богатом, социально упорядоченном спектре действующих лиц встречаются преимущественно рабочие и крестьяне, а также техники, исследователи, научные работники, ремесленники, строители. Разнообразие их жизненного опыта приносит детской литературе и молодому поколению, действующему в ней, новые сферы испытания, круги проблем и критерии оценки. Речь идет как о несостоятельности, так и об испытании.

В связи с этим можно прямо сравнить друг с другом повести «Остров лебедей» (1980) Бенно Плюдры и «Мальчик у моря» Николая Дубова (1963, нем. 1964). Сказанное в такой же мере касается книги Герхарда Хольц-Баумерта «Альфонс Циттербаке» (1958), достигшей поистине культового статуса, и вышедшего из-под пера Юрия Томина аналога под названием «Борька, я и невидимка» (1962, нем. 1967).

Дубов и Плюдра исходят, к примеру, из очень похожей основной ситуации, вновь и вновь становящейся для детской литературы своего рода испытательным стендом: авторы отвоевывают у весьма многообразных отношений между детьми и взрослыми неожиданно новые стороны, открывая пространства жизни тех и других и позволяя взаимно проникнуть в них.

В обеих книгах мальчики уходят из прекрасного мира своей жизни, предлагаемого им бабушками, у которых они растут год за годом, и, против их воли, оказываются в грубом, не особенно церемонящемся мире взрослых. Того, что было, больше нет. Все ценности изменяются, в том числе и для родителей, столкнувшихся с новыми испытаниями. К тому же приходится пожаловаться на вполне конкретные личные потери: пропал друг (Плюдра), убита собака (Дубов).

Но на стороне приобретений – знакомство с новыми людьми и опыт в обращении с ними, впечатления от другой окружающей среды. У Плюдры это большой город, пусть даже он не ощущается сразу же как эквивалент, приносящий удовлетворение, у Дубова – море. Детство закончилось, начинается новый этап.

И еще нечто важное: как у Плюдры, так и у Дубова герои имеют право определенное время быть одинокими, если они ищут опоры и защиты. Мир рушится, новое еще только приходится найти. Оба автора строят мосты для своих героев, они рассказывают об их стойкости, жизнерадостности и о глубокой ранимости. Не одинаковы и взрослые, среди них есть как чувствующие, так и равнодушные. Авторы изображают расщепленность в отношениях между мечтами и реальностью, они показывают бегство и пришествие и, таким образом, подносят читателю заслуживающее критики зеркало общества, ориентированного на результат, черствеющего,

такого, в котором кое-кто продвигается вперед за счет других. Повесть Плюдры имела большой резонанс благодаря экранизации на студии ДЕФА в 1983 г. (режиссер Герман Цшохе). СЕПГ и ССНМ критиковали его в печати, прибегая к необъективным яростным нападкам. Автора сценария Ульриха Пленцдорфа упрекали в «ложном взгляде на облик человека при социализме», а обострение основного конфликта, изображенного в книге, воспринималось как нечто недопустимое. Правда, дело не дошло, как прежде, до запрета фильма, но впоследствии его почти не показывали и только после мирной революции, после прекращения существования ГДР, он был по достоинству оценен как «окно в действительность ГДР».

Впрочем, и старейшина советской детской литературы Сергей Михалков мог кое-что сказать на эту тему. Отвечая на вопрос о правде жизни в детской книге, он счел, что речь идет о том, «нарисует ли она ребенку будущее… как праздничную, веселую поездку в безоблачные времена…, замаскирует ли от него пути, пройти которые ему предстоит в жизни», или о том, «будут ли показаны ребенку трудности, препятствия, с которыми он должен бороться, чтобы его сердце… закалялось для преодоления этих препятствий»[32]. Подобную же позицию сформулировал и Плюдра, сказавший:

> У детей хорошие глаза и уши. Сегодня они учатся больше, чем когда-либо в их возрасте учился взрослый, и нам следовало бы остерегаться недооценки их способности к усвоению окружающего мира и их готовности к собственному мышлению, а также их человеческой зрелости… и не писать для них книги, которые они сами воспримут как инфантильные. …В конечном счете, литература может сделать все, если она не будет выписывать патентованные рецепты и давать гарантированные ответы, и если она воспитывает читателя для творческого сотрудничества. …Искусно упакованное воспитание не ведет ни к какой цели, ибо уводит от реалистического изображения нашей действительности, низводит детскую литературу до вспомогательной формы педагогики. То, что нам нужно прежде всего – это мужество и уверенность в нас самих. Я не сомневаюсь, что для детей можно и следует писать книги с глубокими человеческими конфликтами[33].

Претерпела преобразование и такая традиционно пестовавшаяся в обеих литературах линия, как повесть о школе. Она вышла за стены относительно изолированного класса 50-х и 60-х гг. и с того времени отражает школу жизни, в которой школьники – равноправные партнеры взрослых. При этом, в художественном изображении не утрачиваются обычные проделки школьников, но над ними преобладает так называемое неправильное поведение, которое коллективно обсуждается по ходу действия. К тому же в большинстве случаев возникает неравновесие между поэзией и педагогикой. Повести Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома» (1951, нем. 1955), Юрия Томина «Борька, я и невидимка», Владимира Железникова «Жизнь и приключения чудака» (1974, нем. 1975) вполне соответствуют таким книгам немецких авторов, как «По поведению – двойка» Альфреда Бётхера (1968, русский перевод 1973), «Праздник нашего класса» Уве Канта (1969, русский перевод 1971) или молодежному роману Карла Ноймана «Франк» (1958).

Как правило, учителя с обеих сторон представляют один и тот же идеализированный прототип. Они управляют с педагогическим мастерством; это лица, облеченные доверием; мужчины и женщины, наделенные пониманием, умеющие занять твердую позицию и нелишенные снисходительности, что иногда вызывает у них

трудности, ведь и их герои-дети – способные меняться и наделенные характером представители молодого поколения, не терпящие крушения из-за своих школьных прегрешений и проявляющие способность учиться.

Советско-германское «родство» литературных образов учителей обязано, помимо профессиональной обусловленности, партийной догме и образу социалистического педагога, действующего согласно своей ответственности. Он убежден в возможности воспитания и всегда пытается в качестве посредника соблюсти баланс. Интересно, при этом, что с обеих сторон повествования о современности, написанные все более дифференцированно, ориентированные на проблемы, обращаются к читателям все более старшего возраста.

Если речь идет о читателях младших поколений, то передача моральных ценностей остается в сфере долженствования, а с возрастом авторы приближаются к общественной действительности как к данности с тем только ограничением, что нельзя предъявлять завышенные требования к способности читателя понимать. Это неоднократно отожествлялось с выходом за пределы той пограничной области, которую допускала государственная цензура.

Тему «включения» молодежи в трудовые процессы отражают книги Анатолия Рыбакова «Приключения Кроша» (1960, нем. 1962) и Вернера Шмолля «В семнадцать еще не герой» (1962). В этой среде обосновались и романы о первой любви, например, «Соленый арбуз» Владимира Орлова (1963, нем. 1965), «Эгон и восьмое чудо света» (1962) Иоахима Вольгемута или «Чуть ближе к облакам» Гюнтера Герлиха (1971). При этом, как немецкая, так и советская стороны следовали очень сходным эстетическим принципам. В конечном счете, речь идет всегда о расхождении между намерениями и желаниями молодого поколения и нормой, действующей в обществе. Решение, как правило, завоеванное коллективно, представляет собой компромисс, не заставляющий ни одну из сторон утрачивать лицо.

С крахом и Советского Союза, и ГДР завершилась эпоха в немецкой и советской детской литературе. Мы читаем эту литературу, прежде всего, как аттестат своего времени.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Правда», 17.02.1918.

[2] *М. Горький.* Собрание сочинений. Т. 24. С. 190.

[3] Там же.

[4] *Maxim Gorkij.* Über Kinder- und Juegendliteratur. Nadeshda Ludwig (Hrsg.). – B., 1968. S. 34. Katalog des Verlags S.I. Grshebim.

[5] «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий». – *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 5. – М., 1958. С. 217–231.

[6] Там же. Т. 10. С. 232, 234.

[7] *Разин И.М.* Кем хотели бы быть наши дети. Сборник детских писем для отцов. – М.–Л., 1929.

[8] Sowjetische Kinder- und Jugendliteratur in Überblicken und Einzeldarstellungen. Hrsg. von Nadeshda Ludwig und Wolfgang Bussewitz. – Berlin (Ost), 1981. S. 28.

[9] «Детская и юношеская литература», 1938, N 18.

[10] Цит. по *Horst Kunze.* Der Verleger Alfred Holz. In: Marginalien 4 (1999), H. 156. S. 3ff.

[11] Цит. по речи д-ра Герхарда Дане, посвященной 45-летию издательства «Альтберлинер Ферлаг». Неопубликованная рукопись предоставлена им в распоряжение автора.

[12] Ср. Potsdamer Abkommen und andere Dokumente aus der Zeit des zweiten Weltkrieges. 8. veränderte Aufl. Berlin (Ost) 1961 sowie die Zeitschrift Pädagogik 5 (1959), D. 417f.

[13] Цит. по *Rudi Chowanetz.* Vorwort zu: Jedes Buch ist ein Abenteuer. Ein Almanach – Vierzig Jahre Verlag Neues Leben. – Berlin (Ost), 1986. S. 7.

[14] Эрих Хонеккер (1912–1994), Эдит Бауман (1909–1973) и Пауль Фернер (1911–1986) были в числе основателей и руководящих функционеров ССНМ, писатель Фридрих Вольф (1888–1953) вернулся в 1945 г. из эмиграции в Советском Союзе.

[15] Книга снова вышла в 2004 г. как дополнительный тираж в лейпцигском издательстве детской литературы «Лейв».

[16] Цит. по Sozialistische Kinder- und Jugendliteratur der DDR. Ein Abriß zur Entwicklung von 1945 bis 1975. Hrsg. von Friedel Wallesch (= Schriftsteller der Gegenwart; T.. 25). – Berlin (Ost), 177. S. 78.

[17] Ханс Хольм (1895–1981) – с 1919 г. работал в книгоиздательских структурах КПГ (в сотрудничестве с Вили Мюнценбергом руководил издательствами «Нойер Дойчер Ферлаг», а впоследствии «Унивресальбюхерай фюр алле»), после возвращения в 1948 г. из эмиграции в Норвегии – главный специалист по книгоизданию. Неоднократно был жертвой чисток в КПГ и СЕПГ.

[18] *Günter Schmidt:* Die Gründung. In: Der Kinderbuchverlag Berlin, 1949–1989, Almanach zum 40jährigen Bestehen des Verlages. – Berlin, 1989. S. 8–10.

[19] Наряду с Брехтом речь шла о следующих книгах: Ursula Baer: … und Heiner ist auch dabei, Wilhelm Firl/Fritz Giga: Schicksale zweier Antifaschisten, Lucien Chauvet: Die Robinsons vom Hafenplatz [Les Robinsons des docks], W. [d. i. *Vasilij G.*] Jan: Das Schiff aus Phonizien [Finikijskij korabl] und Eduard Petiska: Die sieben Schlemihle [Sedm mamlasu].

[20] *S.I. Tjulpanov:* Vom schweren Anfang. In: Weimarer Beiträge 5 (1967). S. 731.

[21] Книга вышла снова в 2004 г. в лейпцигском издательстве детской литературы «Лейв».

[22] Ср. *Günter Ebert:* Ansichten zur Entwicklung der epischen Kinder- und Jugendliteratur in der DDR von 1945 bis 1975 (= Studien zur Geschichte der Kinder- und Jugendliteratur. T. 8). – Berlin (Ost) 1976. S. 19.

[23] *Alex Wedding.* Zu einigen Fragen unserer Kinder- und Jugendliteratur in der DDR. In: Beiträge zur Kinder- und Jugendliteratur. Hrsg. von Gerhard Holtz-Baumert, H. 1, Berlin 1956. S. 86f. Журнал выходил в издательстве детской литературы «Киндербухферлаг» с 1962 по 1992 гг.

[24] Willi Meinck zu «Antwort auf zwei Fragen». In: Beiträge zur Kinder- und Jugendliteratur 10 (1967). S. 5f.

[25] Ср. об этом *Olga Libova, Ljudmila Gluchova.* Zeiterprobte Literaturdenkmäler und virtuelle Realitäten – Werke deutschsprachiger Autoren in russischen Buchereien im Spiegel von Bibliothekspresse und Leserinteressen (1946–1990) в этом томе.

[26] Цит. по *Ebert.* Op. cit.. S. 31ff.

[27] *Benno Pludra.* Für Kinder schreiben. In: Junge Schriftsteller der Deutschen Demokratischen Republik in Selbstdarstellungen. Hrsg. von W. Paulick. – Leipzig 1965. S. 46ff.

[28] «Детская литература», 1936, № 2. С. 36.

[29] E[mil]. R[udolf]. Greulich (1909–2005), Ruth Werner (1907–2000), Walter Radetz, Auguste Lazar (1897–1970), Kaspar Germann (1914–?).

[30] РВС – Революционный военный совет, Реввоенсовет. – Повесть Аркадия Гайдара «РВС» вышла впервые на русском языке в 1926 г.

[31] Карл Нойман (1916–1982) стал особенно популярен благодаря своему роману о молодежи «Франк» (1958).

[32] Цит. по *Nadeshda Ludwig, Wolfgang Bussewitz.* Op. cit. S. 127 ff.

[33] Цит. по *Benno Pludra.* Das Kinderbuch – Gedanken und Ansichten. Hrsg. von Renate Gollmitz. – Berlin (Ost), 1983. S. 151.

Ольга Либова, Людмила Глухова

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА в фондах библиотек, в зеркале библиотековедческой печати и читательских предпочтениях россиян (1946–1990)

Вторая мировая война нанесла колоссальный ущерб библиотечной сети и книжным фондам. Были уничтожены десятки тысяч библиотек, безвозвратно утеряны более 100 миллионов экземпляров книг и журналов[1].

Восстановление утраченного началось еще в 1943 году, когда при Наркомпросе РСФСР был создан Государственный фонд литературы. С 1943 по 1946 гг. было выделено из фондов библиотек разных ведомств, собрано у населения, дополнено вновь выходящей литературой и направлено в адрес библиотек освобожденных после фашистской оккупации районов свыше 10 миллионов книг. 52 библиотеки, расположенные на территории освобожденных районов, были наделены правом бесплатного получения обязательного экземпляра выходящих в стране произведений печати.

Типы библиотек	**Скомплектовано и направлено в освобожденные районы**
Областные (республиканские)	70 библиотек
Городские	302
Районные	1696
Вузовские	179
Детские	151
Сельские	316
Школьные	4511
Специальные	175

В библиотеки, как правило, направлялась литература высокого качества, учитывалась потребность населения в книгах по всем отраслям знаний. При отборе книг зарубежных писателей на первое место ставилось качество переводов, отбирались лучшие дореволюционные и довоенные издания. Так, например, отдел книгообмена Государственной библиотеки им. Ленина (ГБЛ, ныне Российская государственная библиотека, Москва) в 1946 году предлагал воспользоваться имевшимися у них в наличии дублетными изданиями, с этой целью был отпечатан «Belles-Lettres Catalogue. Художественная литература». В разделе «Западноевропейская и американская литература» (кстати, каталог открывал этот раздел) книги писателей Германии и Австрии заняли достойное место: четыре книги Генриха Гейне, изданные в 1936–1944 гг., в том числе «Лютеция» (изд-во Academia[2], 1936) и «Путевые картины»; «Страдания молодого Вертера» Иоганна Вольфганга фон Гете, его переписка с Шиллером (изд-во Academia, 1937); «Новеллы и повести» Э.Т.А. Гофмана, также

изданные Academia, со статьей-предисловием Наума Я. Берковского; «Город Анатоль» Бернгарда Келлермана; «Драмы» Готтхельфа Эфраима Лессинга; «Юность короля Генриха Четвертого» Генриха Манна; «Письма темных людей»; изданные в 1935–1939 гг. исторические и антифашистские романы Лиона Фейхтвангера – «Безобразная герцогиня», «Изгнание», «Сыновья» и «Успех» и сборник его новелл; три книги Фридриха Шиллера, в том числе «Стихотворения» и «Драмы», изданные Academia в 1936 и 1937 гг. и «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова[3].

Естественно, восстановить библиотеки, погибшие в годы войны, было очень трудно. Однако, судя по всему, взамен утраченных были скомплектованы не бессистемные собрания случайных книг, а фонды, полностью соответствующие требованиям того времени. Помощь была достаточно квалифицированной и неизменно встречалась с благодарностью. Так, например, председатель городского совета небольшого украинского города пишет: «Городской совет выражает благодарность за оказываемую вами помощь нашему городу, в котором в период оккупации были уничтожены не только библиотеки общественного пользования, но и книги, находившиеся в индивидуальном пользовании населения. Присланная из Госфонда в 1944 г. литература послужила основанием для открытия городской библиотеки. За 1944 и 1945 годы вашей литературой пользовались 4500 читателей»… Присылали письма и сами читатели: «Мы, дети – читатели библиотеки города Ефремова Тульской области, благодарим вас за присланные книги, которые нам очень нравятся… Просим прислать нам еще…»[4].

Интересным и совершенно неожиданным представляется ситуация с финансированием библиотек. Очевидны трудности послевоенного времени, необходимо было восстанавливать разрушенное хозяйство на огромных территориях, начиная, по существу, с нуля. Однако советскому правительству воспитание населения через чтение и книги казалось настолько важным, что в 1946–47 годах на комплектование библиотечных фондов выделялись суммы, которые превышали возможности библиотек истратить их полностью. «В довоенное время некоторым сдерживающим моментом в закупке книг библиотеками являлся размер ассигнований на литературу – пишет журнал «Библиотекарь». – В настоящее время, при недостатке книг на рынке и при наличии у библиотек *больших ассигнований* (выделено нами – *О.Л., Л.Г.*), многие библиотеки начинают закупать все, что поступает в продажу, стараясь использовать целиком отпущенные средства…»[5]. В библиотечной печати тех лет много говорится о нерациональном комплектовании, о приобретении ненужной и непрофильной литературы. С одной стороны, эта критика вызвана вполне правомерной заботой о читателях. С другой, библиотечная политика первых послевоенных лет, продолжая традиции тридцатых годов, внедряла унификацию во всем. Регламентации подлежали размер книжного фонда библиотеки каждого типа и вида, удельный вес общественно-политической, естественнонаучной, технической литературы и т. д. Художественная литература, в свою очередь, должна была содержать в определенных пропорциях книги русских писателей-классиков, современную русскую литературу, литературу народов, населяющих СССР, и зарубежную литературу. Методические указания, если и необязательные для исполнения, но достаточно настойчивые, касались репертуара рекомендуемых читателям книг и количества массовых мероприятий, в процессе которых должна была осуществляться рекомендация. Приобретать книги, не входящие в «книжное ядро» разработанное для каждого типа библиотек, не рекомендовалось даже в тех случаях, если эти книги не входили в регулярно присылаемые Главлитом[6] списки литературы, подлежащей изъятию.

В 1948 году тиражом 20.000 экземпляров был издан «Типовой каталог районной библиотеки»[7]. Он содержал около двух с половиной тысяч названий книг на русском языке, изданных преимущественно за десятилетие 1936–46 гг. (книги до 1917 года в каталог не включались). Кое-что из этого списка можно было найти в книжных магазинах, у букинистов, но, в основном, это был сигнал издательствам: именно эти книги следовало переиздавать в первую очередь. Раздел «Художественная литература» состоял из полутора тысяч названий книг на русском языке, в том числе около тысячи названий содержал раздел «Литература народов СССР» и пятьсот – «Иностранная литература».

«Типовой каталог» включал 46 произведений 24 немецких авторов[8]. Среди них примерно поровну – книги «писателей-классиков» и «современных писателей». Отбор осуществлялся по принципам[9], разработанным еще Николаем Рубакиным, впрочем подход можно назвать даже более консервативным. Это были «памятники литературы», проверенные временем, получившие одобрение русской дореволюционной педагогики. Произведения Гете, Гейне, Лессинга, Шамиссо, Шиллера отобраны тщательно, рекомендованы, действительно, лучшие для того времени издания и переводы. В эти годы в библиотечной печати в репертуаре рекомендуемых немецких писателей-классиков отсутствуют произведения Э.Т.А. Гофмана. Вызвано ли это случайными обстоятельствами или негативным отношением к творчеству его поклонников из группы «Серапионовых братьев», сказать затрудняемся[10].

В какой-то мере составители «Типового каталога» 1948 года стояли на позициях менее политизированных, чем принципы, декларируемые Рубакиным в библиографическом указателе «Среди книг». Если Рубакин считал, что книги писателей-классиков имеют лишь исторический интерес, так как они «уже потеряли значение в смысле освещения современности, и потому интересны только как памятники литературы»[11], то в сороковые годы библиотековеды были уверены, что именно классика является лучшим чтением для «простого народа». Уже в эти годы наблюдается стабилизация системы литературных координат, приведение их в соответствие с общемировыми стандартами. Это находит свое выражение в системе ценностей и идеалов, в особом уважении к произведениям классиков прошлого, «старым классикам». С тех пор и, похоже, навсегда среди отечественных и зарубежных авторитетов заняли свое место Гете, Гейне, Шиллер, несколько позднее к ним был присоединен Э.Т.А. Гофман. По крайней мере, никто в библиотечном мире не подвергал ревизии «воспитательную» значимость их произведений.

С точки зрения сегодняшних библиографов, несколько сомнительными на фоне тщательно отобранной литературы XIX века выглядят пьеса Гуцкова «Уриэль Акоста» и роман Вильгельма фон Поленца «Крестьянин». Карл Гуцков (1811–1878) – писатель, драматург, публицист, популярный в России на рубеже XIX–XX веков. Его драма «Уриэль Акоста» с 1872 по 1916 года неоднократно издавалась и ставилась во многих театрах. Однако совершенно справедливо писал Петр Коган в статье о Гуцкове, помещенной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Он был слишком поглощен мыслью об освобождении человечества, чтобы уделять много внимания художественной отделке своих [произведений]»[12]. До 1960 года эта пьеса переиздавалась реже, но все еще входила в репертуар театров, затем вовсе исчезла. В 6-м издании литературно-биографического справочника «Основные произведения иностранной художественной литературы»[13] Гуцкова нет. В «Краткой литературной энциклопедии» в статье об этом писателе говорится: «Либеральные иллюзии про-

гресса и неглубокий реализм обусловили недолговечность художественной прозы Гуцкова»[14].

Роман Вильгельма Поленца (1861–1903) «Крестьянин», впервые переведенный в 1902 г., был популярен в дореволюционной России и издавался более 10 раз. До революции его произведения выходили под грифом «для интеллигентных читателей», что служило для библиотекарей своеобразной рекомендацией: книгу следовало приобретать. Однако, по не совсем понятной нам причине, после 1930 г. книги фон Поленца перестали издавать. В список, о котором идет речь, было включено издание 1928 года (издательство «Московский рабочий») в переводе В. Величкиной и с предисловием И.Ф. Попова. Можно предположить, что для составителей указателя сыграли роль рекомендация Георгия Плеханова и Льва Толстого, статьи которых были включены в книгу. Причем, судя по всему, к этому времени рекомендация Толстого уже значила больше, чем мнение Плеханова. Таким образом, эти произведения в дальнейшем выпали из круга чтения русских любителей литературы.

К современным авторам, к книгам, освещающим «текущую жизнь с ее веяниями, настроениями и злобой дня», составители Типового каталога относились более настороженно. Это особенно чувствуется, когда сравниваешь их рекомендации с подходом библиотековедов, работавших в конце XIX – начале XX века, с тем же Рубакиным. Во главе библиотечного дела в первые послевоенные годы стояли консерваторы по убеждениям и по жизненному опыту. Боязливое отношение к современникам сложилось в тридцатые годы, когда зарубежные писатели достаточно часто меняли свое отношение к Стране Советов от нерассуждающе восторженного до полного неприятия. Поэтому библиотекари не спешили с оценками, исходя из принципа «кабы чего не вышло», и эта настороженность оставалась вплоть до середины восьмидесятых годов, закончившись только в годы перестройки. Должно быть, по этой причине список «современных авторов» в «Типовом каталоге» состоял лишь из 14 имен, далеко не молодых уже достаточно известных в России писателей. К чести составителей, отметим, большинство рекомендуемых книг до сих пор не ушли из чтения россиян: Бертольт Брехт, Генрих Манн, Анна Зегерс, Лион Фейхтвангер… Другие имена сейчас не столь известны – Яков Вассерман и Арнольд Цвейг. Однако книги этих авторов были отобраны для литературно-биографического справочника «Основные произведения иностранной художественной литературы», впервые вышедшего в свет в 1960 году, выдержавшего 6 изданий и переизданного через сорок лет в 1998 году. Таким образом, высокий авторитет библиографов Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ, Москва) как бы подтверждает правильность отбора, сделанного в первые послевоенные годы. И только небольшая группа произведений была включена в «Типовой каталог», вне всякого сомнения, лишь по конъюнктурным соображениям в связи с их яркой антифашистской направленностью: «Профессор Мамлок» Фридриха Вольфа, «Болотные солдаты» Вольфганга Лангхоффа, «Моя улица» Яна Петерсона. Вряд ли эти книги были широко представлены в библиотеках русской провинции. Выходили они редко, небольшими тиражами. Так, вышедшее лишь однажды тиражом 50000 экземпляров произведение режиссера Лангхоффа «Болотные солдаты»[15], возможно, было включено в список специально для того, чтобы обратить внимание издательств на необходимость переизданий. Однако включение в каталог не оказало благоприятного влияния на их судьбу в России.

В ряде случаев логику отбора проследить труднее, например, включение романа «Кроты» Адама Шаррера (1889–1948). Какое-то время другой роман Шаррера, «Без отечества», издавался в России, иногда в сопровождении минианнотации – «первая книга о войне, написанная рабочим». Роман «Кроты» был издан единственный раз в 1934 году, затем рассказы, новеллы, повести Шаррера изредка печатались в сборниках типа «Повести и рассказы писателей ГДР». Рядовому русскому библиотечному читателю это имя ничего не говорит. Более известен Эгон Эрвин Киш (1885–1948), составители рекомендовали массовым библиотекам два его произведения – «Высадка в Австралии» и «Рассказы о семи гетто». Библиографы Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина[16] в Ленинграде и Всесоюзной книжной палаты рассматривают его творчество в контексте чешской литературы. И все же, таких случаев немного, больших претензий к включенной литературе нет. Значительно сложнее объяснить отсутствие в типовом рекомендательном каталоге ряда авторов, не только зарекомендовавших себя у русской публики, но и ставших ее любимцами. Если бы речь шла только о Э.Т.А. Гофмане, можно было бы объяснить этот парадокс случайностью, но в него не попали книги Томаса Манна, Стефана Цвейга, Артюра Шницлера, Ремарка… И если каталог отражал и литературу для детей, почему там нет Вильгельма Буша?

Через два года (1950) ГБЛ выпустила дополнение к «Типовому каталогу районной библиотеки», содержащее перечень книг, вышедших в 1947–48 году. Иностранная художественная литература составила в нем около пятидесяти из 2770 книг. Немецкая часть была дополнена четырьмя произведениями трех авторов: «Избранное»[17] и «Лирика и Сатира» (Гослитиздат, 1948) Гейне, цикл романов Вилли Бределя «Родные и знакомые» в сокращенном переводе И.А. Горкиной и Р.А. Розенталя (1948) и роман «Подвиг Магеллана» Стефана Цвейга.

Новые переводы с немецкого, произведения современных авторов, рекомендуемые массовым библиотекам, включались в указатели «Новые книги», выпускаемые Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина ежеквартально. Этими указателями библиотеки должны были пользоваться, осуществляя текущее комплектование, они служили продолжением «Типового каталога». Кроме того, ежегодно с 1947 по 1949 год всем библиотекам предлагался одинаковый комплект аннотированных карточек, начиная с 1950 г., комплекты для областных, городских и районных, детских и школьных, профсоюзных и сельских библиотек различались по объему и содержанию. Комплекты аннотированных карточек, составленные библиографами ГБЛ, рассылались в библиотеки провинции вплоть до 1990 года.

С 1976 по 1990 год библиотеки всех типов получали ежегодный рекомендательный библиографический указатель «Литература и искусство», отражавший опубликованные на русском языке в центральной печати произведения советской и зарубежной литературы, «привлекающие внимание актуальностью тематики и художественным уровнем»[18]. В указатель включались романы, повести, пьесы, сценарии, впервые опубликованные на русском языке, а в ряде случаев переизданные после тридцатилетнего перерыва и поэтому незнакомые большинству читателей. Составители учитывали как отдельные издания, так и публикации в центральных журналах, тематических сборниках и альманахах. ГБЛ, главная библиотека страны, информировала «библиотекарей и пропагандистов книги» обо всех наиболее значительных произведениях, появившихся за год, рассчитывая на то, что с этими книгами будут «работать», их будут рекомендовать «широкому кругу читателей».

Книги немецких, австрийских и швейцарских писателей встречаются в каждом выпуске, литература ГДР и ФРГ приблизительно в равном количестве. Среди них – Генрих Белль, Криста Вольф, Гюнтер Грасс, Анна Зегерс, Герман Кант, Зигфрид Ленц, Дитер Нолль, Эрвин Штриттматтер и др. Например, за пять лет с 1978 по 1983 год составители проаннотировали 17 произведений из ГДР и 13 – из ФРГ. Произведения лучших, с точки зрения русских читателей, писателей – Белль, Грасс и Вольф – вышли в 1980-е годы: Повести Белля «Потерянная честь Катерины Блюи, или Как возникает насилие и к чему оно может привести» (пер. Е. Кацевой) и К. Вольф «Кассандра» (пер. Э. Львовой) представлены в библиографическом справочнике в 1986 г., когда они только что были опубликованы в журналах «Октябрь» и «Иностранная литература». Роман Грасса «Местная анестезия» был опубликован в «Новом мире» в 1984 г. в переводе Л. Черной. В 1985 году вышел сборник в считавшейся среди читателей престижной серии «Мастера современной прозы ФРГ», туда вошел роман «Под местным наркозом» и повести «Кошки-мышки» и «Встреча в Тельгте» Грасса (в пер. Ю. Архипова, С. Апта, Н. Манна и др.). В то же самое время в круг чтения россиян были введены книги немецкоязычных писателей из Швейцарии – Германа Гессе, Макса Фриша, Фридриха Дюрренматта; большинство опубликованно в «Иностранной литературе».

Многие авторы не были знакомы русским библиотекарям, а предлагаемые аннотации чаще всего не могли служить рекламой их творчества. Так, например, в 1981 и в 1983 гг. вышли в свет два произведения писателя из ФРГ Герда Фукса (род. 1932) – повесть и роман. В аннотации на повесть с увлекательным названием «Мужчина на всю жизнь» «пропагандист книги» мог прочесть: «Однажды в понедельник, в апреле 1976 года, тридцатидевятилетний токарь Хайнц Маттек получил извещение об увольнении… Этот понедельник стал днем, перевернувшим всю жизнь Хайнца, хотя довольно скоро он вновь нашел работу по специальности. Но прежняя уверенность в устойчивости своего благополучного мира рухнула. Хайнц видит, что его благополучие зависит от воли хозяев, а для них он лишь машина, с помощью которой извлекается прибыль… Жена Хайнца Марион во время вынужденного безделья мужа нашла себе работу и вскоре включилась в борьбу за права рабочих… Хайнц осознает правоту жены, сам участвует в забастовке и становится для Марион не только добытчиком денег для семьи, но и другом в труде и борьбе – “мужчиной на всю жизнь”»[19].

О второй книге Фукса пишут: «Действие романа [“Час ноль”] … происходит на западе Германии в 1945–1949 гг. Автор показывает, как местные заправилы, процветавшие при гитлеровской диктатуре и на короткое время притихшие после ее падения, вновь поднимают голову. Прогрессивно настроенные жители постепенно приходят к осознанию того, что недостаточно было просто победить фашизм – необходимо и дальше продолжать борьбу за демократию и справедливость, за полное преодоление позорного нацистского прошлого…»[20].

В том же 1983 году издательство «Радуга» в серии «Зарубежный роман о рабочем классе» опубликовало книгу писателя из ГДР Рольфаа Флоса «Уроки танцев». В аннотации на это произведение сообщалось: «Молодой рабочий Ханек Тауц … учится сообразовывать свои желания и поступки с интересами … товарищей по трудовому коллективу… Жизнь ставит перед Ханеком сложные вопросы, связанные с отношением к, казалось бы, близким людям, которые, соблазнившись капиталистическими «свободами», перешли в Западный Берлин…»[21].

Эти виртуозные ухищрения «пропагандистов книги» не могли вызвать у читателей библиотек желание прочесть повесть или роман с таким содержанием.

С 1986 по 1990 год составители рекомендательного указателя предлагали библиотекам другие книги, учитывающие более реальные вкусы читающей публики. Сами составители считали, что в связи с перестройкой общественной жизни «возросли требования к степени правдивости, зрелости виденья мира, к гражданской позиции художника». В самом деле, составители продолжали пропагандировать творчество Белля, Юрия Брезана, К. Вольф, возвращенные к русскому читателю после долгого перерыва такие книги как «Атлантида» Келлермана, «Книга царя Давида» Стефана Гейма (нем. 1972; рус. 2000), «Сиддхартха» Германа Гессе (1990, 1994, 1999, 2001, 2002). Особо следует отметить появление или повторную публикацию произведений авторов «пражской немецкой литературной колонии» – Франца Кафки, Густава Майринка, Р.М. Рильке, сборник «Золотое сечение»[22], австрийскую поэзию XIX–XX веков.

Составители подчеркивали: «борьба за гласность, борьба с фальшью и лицемерием – одна из существенных сторон современного художественного процесса», – в число рекомендуемых, наиболее значительных произведений, они включали и те, что вызывали споры, дискуссии, противоречивые, иногда отрицательные отзывы. Обоснованием этому служила актуальность поставленных проблем и художественные достоинства произведений. Вместе с тем, нельзя не отметить спад интереса к современной немецкой литературе, наметившийся именно в эти годы. В 1987 году среди 15 книг серии «Библиотека “Иностранной литературы”» нет ни одного перевода с немецкого языка.

Германия, ГДР, ФРГ, Западный Берлин – расстановка литературы на полках и в каталогах библиотек

Образование на территории Германии двух государств ГДР и ФРГ привело к большим сложностям и в библиотечном деле. Теоретические разработки советских библиотековедов утверждали, что «национально-историческая обусловленность и единство всего творчества каждого писателя являются определяющими признаками в классификации художественной литературы. Поэтому в систематическом каталоге художественные произведения должны группироваться соответственно их принадлежности к литературе того или иного народа»[23]. Однако в 1949 году было принято решение, в основу которого легло новое территориальное деление. Следуя рекомендациям составителей библиотечно-библиографической классификации (ББК), Всесоюзная книжная палата начала проставлять на книгах немецких писателей такой индекс, что они оказывались в четырех разных местах, соответственно рубрикам: 84.4 Г – литература Германии до 1945 года; 84.4 Ге – литература ГДР; 84.4 Ф – литература ФРГ; 84.4 Зап – литература писателей, проживающих в Западном Берлине.

Помимо литературы, написанной в определенный исторический период (фактор времени), в раздел 84.4 Г попадали книги писателей, эмигрировавших из фашистской Германии, и после 1949 года из эмиграции не вернувшихся. Реально творчество того или иного писателя попадало в ту или иную рубрику не в соответствии с

хронологией, а только в зависимости от того, какую позицию занимал тот или иной писатель по отношению к ГДР и СССР. В соответствии с этими принципами немецкая литература расставлялась на полках, описания книг – за соответствующими разделителями в каталогах и картотеках библиотек. Книги писателей, действительно, пользовавшихся популярностью в России – Г. Манна (1871–1950), Т. Манна (1875–1955), Э.-М. Ремарка (1898–1970), Л. Фейхтвангера (1884–1958) читатель вынужден был искать в разделе 84.4 Г; книги Келлермана (1879–1951) и Бределя (1901–1964) – на другой полке, за разделителем 84.4 Ге; Эриха Кестнера (1899–1974) в третьем – 84.4 Ф. Очень редко, но все же случалось, что в библиотеки попадали книги немецких писателей, проживавших в Западном Берлине, их шифровали – 84.4 Зап. И такое положение сохранялось вплоть до 1990 года, до объединения двух Германий! Это создавало огромные трудности, в первую очередь, для читателей, интересующихся немецкой литературой, а их в России было немало.

Пытаясь обосновать разделение немецких писателей, чье творчество, в основном, относится к первой половине XX века, филологи пускались на головоломные трюки. Григорий Бергельсон, составитель статьи о Келлермане, в коллективной монографии «Литература ГДР» так объясняет свою позицию: «После провозглашения ГДР Келлерман избирается депутатом Народной палаты Республики, в числе первых немецких писателей он удостоен Национальной премии ГДР…». Среди лучших произведений писателя называется роман «Девятое ноября», написанный в 1920 году и впервые переведенный на русский язык в 1922 году. Чтобы рассматривать его в контексте литературы ГДР Бергельсон прибегает к характеристике: «запрещенный гитлеровцами и неоднократно переиздававшийся в советской оккупационной зоне и на территории ГДР»[24]. Разумеется, искать произведения Келлермана на полке среди «Литературы ГДР» догадался бы далеко не всякий читатель.

Литература Германии «до 1945 года» и ГДР стояла рядом, как бы на правах правопреемницы. «Укорененность литературы ГДР в определенных традициях национальной истории несомненна, ибо Германия не только является родиной теоретического марксизма, но и организованное рабочее движение именно в этой стране приобрело огромный размах»[25]. Хотя с точки зрения формальной логики такой порядок вещей не вызывает возражений, по существу, единая литература находилась далеко друг от друга: просмотрев разделы «Литература Германии» и ГДР на полках открытого доступа, читатель должен был идти вдоль стеллажей, где была расставлена европейская литература и стояли книги писателей Норвегии, Польши, Румынии и т. д., вплоть до рубрики «Литература ФРГ».

Для того, чтобы филология и библиотековедение вновь начали рассматривать литературу Германии, ГДР и ФРГ как единое целое, потребовались политические преобразования. Учебник, предназначенный студентам-филологам, констатировал, что литературы трех стран «выделились из одного национального русла после 1945 и затем в октябре 1990 г. снова слились в единое русло. Они должны рассматриваться в едином контексте истории немецкой литературы, которая в XX веке переживала разные и весьма сложные фазы развития, связанные в том числе с резкими политическими, идеологическими, эстетическими и территориальными размежеваниями… Все эти размежевания являются ступенями… развития единой национальной немецкой литературы, неотъемлемой составной частью единой немецкой национальной культуры»[26].

«Плановое чтение» – немецкая литература в методических рекомендациях для библиотекарей

В 1950–1970 годы были тщательно разработаны разнообразнейшие библиотечные методики по пропаганде произведений классиков художественной литературы, в том числе и немецких.

В послевоенные годы «руководство чтением», «плановое чтение» как важный признак профессионализма библиотекаря, воспитывающего культурного читателя, не сходит со страниц библиотечной печати: «Руководство чтением является важнейшей, неотъемлемой частью работы каждого советского библиотекаря, помогающего читателю в повышении идейно-теоретического и культурного уровня, в приобретении специальных знаний. Библиотекарь раскрывает перед читателями книжные богатства библиотеки и указывает им путь к овладению знаниями»[27]. Для подтверждения этого автор приводит пример из опыта работы библиотеки им. И.З. Сурикова Коминтерновского района г. Москва. «19-летняя комсомолка З.Н. Соломатина [работница обувной фабрики], имевшая семилетнее образование, записалась в библиотеку… Сотрудник библиотеки установила, что [девушка] обладает навыками самостоятельного выбора книг»[28]. Но, по мнению библиотекаря, эта вдумчивая читательница, интересующаяся многими вопросами, берет книги без определенной системы. Вместе с девушкой они начали рассматривать ее формуляр. Девушка убедилась, что читает бессистемно, без всякого плана. Ей предложили посмотреть формуляр читателя, читающего по плану, и рассказали, какую пользу приносят планы чтения. В результате проведенной беседы комсомолка выбрала план чтения: «Каким должен быть советский человек». Из одиннадцати предложенных книг три были прочитаны. В дальнейшем читательница приступила к изучению литературы по темам: «Героическая борьба коммунистов зарубежных стран против разбойничьего империализма» и «В защиту мира!»[29].

Как и во всей воспитательной работе, руководители библиотечного дела рекомендовали использовать пример Ленина («учись жить и работать как великий Ленин»). Журнал «Библиотекарь» печатал рекомендации на тему «что любил читать вождь пролетариата». Идеологическое обоснование формулировалось таким образом: чтение вождя – эталон для каждого: «Советские люди увлекаются художественной литературой, в ней ищут ответы на острые вопросы современной жизни, о ней горячо спорят. И все-таки не все еще умеют читать вдумчиво, систематически, глубоко осмысливать прочитанное. Изучение и использование читательского опыта В.И. Ленина имеет непреходящее значение для повышения культуры чтения художественной литературы, для эстетического воспитания советских людей, особенно молодежи»[30]. В своей статье автор этих слов Р. Крендель уделяет большое внимание пропаганде творчества Гете, Гейне и Шиллера. В частности, автор рассматривает произведения немецких классиков в контексте детского чтения Ленина и домашней библиотеки семьи Ульяновых. «В семье Ульяновых дети заучивали наизусть стихи Гете, Шиллера, Гейне. Любимым поэтом Александра Ульянова[31] был Гейне. Во время свидания с матерью перед казнью он просил ее принести томик Гейне. Ленин тоже любил поэзию Гейне»[32]. Особенно подробно рассматривается отношение Ленина к «Фаусту» Гете. Воспользовавшись предоставленным ему поводом, он информирует библиотекарей о любви Ленина к опере Гуно, цитирует строки великого немецкого поэта. Констатируется интерес Ильича к творчеству Гауптмана, Шпиль-

гагена и Фрейлиграта. К 100-летнему юбилею Ленина была так же опубликована статья, адресованная библиотекарям, работающим с детьми, – «Любить книгу, как любил ее великий Ленин»[33]. Автор статьи знакомит читателей с опытом библиотек, организовавших выставки «Книжная полка Володи Ульянова», «Любимые книги В.И. Ленина», где должны были в числе прочих стоять произведения Гете и Гейне.

Опосредованная рекомендация немецкой классики, использование авторитетов с целью приобщения к ее чтению, использовалась неоднократно. Так, в рубрике «Эстетическое воспитание» произведения Гете и Шиллера рекомендуется пропагандировать, опираясь на мнение писателя-революционера Александра Герцена. В статье, посвященной 150-летию со дня рождения Льва Толстого, неоднократно упоминаются произведения немецких писателей-классиков, которых любил и перечитывал великий русский писатель – «Фауст», «Герман и Доротея» Гете; «Разбойники» Шиллера; философские труды Людвига Фейербаха и Иммануила Канта[34].

Имена немецких писателей, немецкая литература, и не только художественная, постоянно появляются на страницах библиотечной печати в качестве иллюстрации для доказательства выдвинутой гипотезы. Например, выдвигается гипотеза: художественное произведение своим духовным богатством направляет внимание читателя на различные явления жизни и помогает всесторонне их познать. Следует конкретный пример: «Л. Фейхтвангер изучил множество научных трудов о походе Наполеона в Россию, но сущность его понял только тогда, когда прочитал роман Л.Н. Толстого “Война и мир”». Затем следует рекомендация учащимся самостоятельно прочитать статьи С. Цвейга «Книга как врата в мир» и «Благодарность книгам», «раскрывающие многостороннее воздействие литературы на человека»[35].

Для библиотекарей 1970-х годов характерна вера в прямое воздействие литературы на сознание каждого человека и на судьбы мира, в частности. В рубрике «Руководство чтением» старший научный сотрудник НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР высказывает свою точку зрения на проблему «чтение: труд и творчество». В частности, он цитирует Гете: «Первоклассные произведения искусства, собственно, нужно время от времени созерцать повторно; в них таится необозримая глубина» (Письмо из Рима от 3 февраля 1787 герцогу Карлу Августу). Здесь же сотрудник НИИ приводит такой факт, свидетельствующий о пользе вдумчивого чтения: во время Великой Отечественной войны настольной книгой у маршала Ивана Конева было произведение немецкого военного теоретика Карла Клаузевица «О войне»[36], работы которого известный советский военачальник неоднократно перечитывал и с успехом применял его идеи на практике в боях с немецко-фашистскими захватчиками[37].

В 1977 г. были изданы методико-библиографические материалы по пропаганде произведений прогрессивных зарубежных писателей «Свет Октября над планетой»[38]. В разделе «Советы библиотекарю» составители писали: «Среди писателей, которые искренне приветствовали рождение первого в мире пролетарского государства и пристально следили за его ростом, были *классики* [выделено нами – *О.Л., Л.Г.*] зарубежной литературы: Р. Роллан, А. Барбюс, А. Франс, И. Бехер, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, Т. Драйзер. […] Настоящие материалы […] ставят своей целью пропаганду с помощью произведений зарубежной художественной литературы международного значения Великой Октябрьской социалистической революции»[39]. Среди произведений, отобранных для литературного вечера, был рассказ Анны Зегерс «Сорок лет Маргариты Вольф», в котором говорилось о том, как немецкие сол-

даты приветствовали Октябрьскую революцию, новелла Фейхтвангера «Броненосец Потемкин» «об огромном воздействии советского фильма на зрителей в Берлине»[40] и др. Произведения, указанные в перечне литературы, предлагалось использовать также в индивидуальной работе с читателями.

Методическая работа Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы по пропаганде немецкой литературы

В послевоенные годы большую роль в деле «продвижения к читателю» иностранной литературы вообще и немецкой, в частности, сыграла Библиотека иностранной литературы. Основанная в 1922 году, в 1948 она получила статус всесоюзной, и на нее были возложены обязанности по ведению научно-библиографической и методической работы, оказание помощи библиотекам СССР в пропаганде «прогрессивной зарубежной литературы».

Уже в 1953 году коллектив Библиотеки подготовил добротное издание – библиографический указатель «Художественная литература Германской Демократической Республики», включавший книги и статьи, опубликованные в советской печати в 1949–1952 годах. В дальнейшем сотрудники библиотеки, главные библиографы З.С. Житомирская и В.С. Троянкер, не раз издавали аналогичные библиографические указатели, включавшие практически все книги и статьи, опубликованные в советской печати и в печати ГДР[41]. Указатели выходили регулярно с 1953 по 1955 год, затем, в последний раз, в 1957 году. Каждый из выпусков состоял из 1200–1400 названий книг, журнальных и газетных статей, структурированных в обратнохронологическом порядке, содержал художественные тексты и публицистические произведения, а также критическую литературу. Первый раздел включал современную литературу, второй – «немецкую литературу прошлого», произведения авторов XII–XIX веков и первой трети XX века. Таким образом, предшественником литературы ГДР можно было объявить любого писателя. Однако это была, хотя и очень крупная, но единственная продиктованная идеологическими соображениями несуразица.

По сравнению с предвоенной деятельностью руководителей библиотечного дела, насквозь политизированными рекомендациями, адресованными рядовым библиотекарям, издания ВГБИЛ производят самое благоприятное впечатление. Одним из таких примеров могут служить рекомендации, подготовленные М.Л. Рудницким, в помощь работникам библиотек «Методика организации и проведения вечера классической немецкой поэзии»[42]. Автор отмечает, что это издание не является практической разработкой конкретного мероприятия, «ибо охватить в рамках одного вечера столь емкое и обширное, столь грандиозное по своему историко-культурному значению явление, как классическая немецкая поэзия – задача в высшей степени сложная и трудно осуществимая»[43]. Цель пособия – выделить из богатейшего материала круг тем, каждая из которых могла стать тематической основой вечера. Методические советы и рекомендации по организации вечера варьировались в зависимости от того, стояла ли перед библиотекарями-практиками задача в популярной форме дать читателям представление о жизни и творчестве Гете, Гейне, Шиллера, сообщить первоначальные сведения об истории Германии, ее природе, городах или дать представление об эпохе, в которую жили великие поэты.

Автор советует избегать искусственных, необоснованных тем, лишенных единства по содержанию. Учитывая, что профессиональная подготовка библиотекарей не всегда была достаточно высокой, Рудницкий рекомендует не объединять в рамках одного мероприятия тему «Поэзия Гете и Гейне», которая «при всей своей заманчивости будет лишена внутренней целостности в силу глубокой несхожести творчества этих великих художников, в силу того, что волновали их разные проблемы, и объяснить эти различия в рамках одного вечера совсем не просто»[44].

О том, насколько продуманным и полезным для библиотекарей было это пособие, говорят занимающие две трети издания списки литературы и тщательно отобранные тексты на языке оригинала. Четко сформулированные рекомендации давали библиотекарям возможность стать настоящими посредниками между великой немецкой литературой и читателями.

Библиотека иностранной литературы уделяла большое внимание пропаганде творчества немецких писателей XX века. За период с 1949 по 1960 годы были изданы биобиблиографические указатели, посвященные творчеству Иоганнеса Р. Бехера, Вилли Бределя, Бертольта Брехта, Эриха Вайнерта, Герхарта Гауптмана, Анны Зегерс, Генриха Манна, Арнольда Цвейга. Большинство было подготовлено Зинаидой Викторовной Житомирской и Верой Саньевной Троянкер. Указатели выходили огромными тиражами – от 1500 до 3000 экз. – и рассылались в областные и крупные районные библиотеки. На материале литературы, включенной в эти указатели, сотрудники провинциальных библиотек готовили книжные выставки и разнообразные массовые мероприятия (обзоры книг, вечера и утренники, литературные монтажи, литературно-музыкальные композиции и пр.).

ВГБИЛ в эти годы издавала также методические рекомендации другого рода, непосредственно рассчитанные на помощь библиотекам, планирующим проведение конкретных массовых мероприятий в связи с круглой датой со дня рождения (или смерти) того или иного писателя, своего рода сценарии этих мероприятий. За четыре года (с 1958 по 1961 гг.) вышли методические материалы в помощь работникам библиотек для проведения вечера, посвященного Эриха Вайнерта (1958) и Бертольда Брехта (1961); десятилетию со дня смерти Герхарта Гауптмана (1961); 60-летию со дня рождения Анны Зегерс (1960); 180-летию со дня смерти Лессинга (1961); 10-летию со дня смерти Генриха Манна (1960); 85-летию со дня рождения Томаса Манна (1960); 85-летию со дня рождения Стефана Цвейга (1960).

Все методические рекомендации композиционно абсолютно идентичны, даже объем у них одинаковый (8 страниц), вне зависимости от того идет ли речь о Лессинге или об Анне Зегерс. Впрочем, конкретных методических рекомендаций почти нет: биографическая справка, примерная программа вечера (вступление, художественная часть), содержащие минимум советов как именно организовать мероприятие и добротный список литературы на русском и немецком языках. Большинство рекомендуемой литературы в провинциальных библиотеках отсутствовало. Следует, однако, отметить, что почти все библиотеки любили такие сценарии-подсказки и пользовались ими как при проведении обзоров, так и других массовых мероприятий. Естественно, читатели были лишены возможности взять книгу, о которой шла речь, такая, своего рода, виртуальная реальность. Однако, мероприятие они посещали, тем более, что в эти годы было принято проводить «литературные вечера» не в библиотеке, а в школах и «трудовых коллективах», на фабриках, заводах и пр. Присутствовавшие на мероприятии получали определенную информацию – есть такой пи-

сатель, он написал такие книги о том-то и том-то. Вот тут надо сказать правду: для текстов, разрабатываемых ВГБИЛ, характерен тенденциозный тон, явная ориентация на политическую пропаганду. Например: «Художественный метод Бертольта Брехта складывался на протяжении многих лет в острой борьбе с различными литературными веяниями. Его первые произведения (стихи, пьесы начала 20-х годов), критиковавшие мир буржуазных стяжателей, создавались под заметным влиянием экспрессионизма и были продиктованы настроениями крайнего индивидуализма. Однако очень быстро участие Брехта в рабочем движении, занятия в берлинской «Марксистской рабочей школе»… сблизили его с коммунистической партией Германии и помогли выйти на путь создания искусства, любимого народом и необходимого ему»[45].

Начиная с первых послевоенных лет и вплоть до конца восьмидесятых годов, не только ВГБИЛ, но и все без исключения руководители библиотек, нисколько не смущаясь, проводили политику протекционизма, по отношению к литературе ГДР, и жесткий отбор, несправедливость в оценках, иногда полное умолчание книг авторов, проживающих в ФРГ.

Любопытным примером политизированного отношения к художественной литературе представляется библиографический обзор в помощь работникам библиотек В.С. Муравьева «Художественная литература ГДР в 1958–1960 гг.»[46]. Изданный в годы, которые в СССР принято называть «оттепелью», он несет в себе все достоинства и недостатки, присущие литературной критике этого периода. С одной стороны, составитель, подробно рассказывая русским библиотекарям о Биттерфельдской конференции *писателей и рабочих* (sic!) 1959 г.[47], цитирует то место из доклада Зегерс на пятом съезде писателей ГДР в 1961 году, где писательница предостерегает литературную общественность ГДР от отождествления политически правильной позиции автора с художественной ценностью произведения: «Произведение обладает глубиной, если существенный момент действительности отображен в нем с такой ясностью, правдивостью, и так увлекательно, что это будоражит читателя, заставляет его осознать эту действительность и побуждает к последующим раздумьям и действиям»[48].

С другой стороны, анализ литературы ГДР как раз грешит отсутствием анализа художественных достоинств, излишней политизированностью и отсутствием объективизма. Так, о романе Вернера Эггерата «Вода прорвалась!» рассказывается следующим образом: «Забойщик Герберт Тюммлер, который перешел по заданию партии в отстающую бригаду, чтобы поднять там выработку, не может, однако, преодолеть отсталости своей жены Эльзы. В противоположность Тюммлеру, забойщик Клаус Шрадер находится под дурным влиянием крестьянина-единоличника Беренда, которому коммунисты и нацисты кажутся одинаково враждебными простому крестьянину… все эти конфликты разрешимы… только путем коллективизации в деревне, образования бригад социалистического труда, укрепления чувства коллективной ответственности как высшей степени сознательности. Благодаря художественному единству личных и общественных конфликтов, достигнутому в построении романа, эта идея получает четкое и конкретное образное воплощение»[49].

Выделив произведения писателей ГДР, посвященные жизни ФРГ[50], составитель встает на путь политической конъюнктуры, заменяет анализ достоинств и недостатков конкретного романа бранью в адрес предполагаемых противников, опускается до расхожих идеологических штампов в оценке роли «американских оккупационных властей», возрождающих в Германии фашизм. «Роман эмигрировавшего из ФРГ в

ГДР в 1956 году Вернера Штейнберга «Вторжение гладиаторов» – продолжение прогремевшего в 1957 году романа «Когда остановились часы». Если в этом романе (ранее изуродованном западногерманским издательством) дается страшная картина конца и краха гитлеровского рейха, то «Вторжение гладиаторов» посвящено событиям в американской оккупационной зоне с 1945 по 1948 годы. Роман кончается известием о финансовой реформе в западной зоне, открывшей дорогу «второму Веймару»…[51].

«…Конфликты романа [“День в тумане” Аннемари Райнхард]… решаются в пользу действия, в пользу борьбы. В этом ценность и значение романа Райнхард по сравнению с западной литературой современных “потерянных” и “разбитых” поколений»[52].

Тенденциозность прослеживается в оценке литературы и рекомендациях библиотекарям вплоть до середины восьмидесятых годов.

С начала 50-х годов в журнале «Библиотекарь» время от времени печатался обзор произведений «прогрессивных зарубежных писателей», для которого отбирались книги, служившие иллюстрацией «борьбы» писателей «за мир и демократию»[53]. В разделе «Литература стран лагеря мира и демократии» в подразделе «Литература Германской Демократической Республики» рассматривается творчество «современных немецких демократических писателей»: лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Анны Зегерс; произведения «немецких прогрессивных писателей старшего поколения – Генриха Манна, Вилли Бределя» и «прогрессивных немецких поэтов – Иоганнеса Р. Бехера, Эрнста Буша[54], Эриха Вайнерта, Фридриха Вольфа, Бертольда Брехта…». В разделе «Творчество прогрессивных писателей капиталистических стран» дается обзор произведений писателей Франции, Италии, Дании, Турции, США, Южной Америки, ни одной книги, написанной в ФРГ, нет вообще.

Подобных примеров дискриминации писателей, проживающих в ФРГ, можно привести множество. В 1954 году в журнале «Библиотекарь» сотрудники Молотовской (сейчас Пермской) публичной библиотеки им. Горького делились опытом работы отдела иностранной литературы. Учителя иностранных языков средних школ, студенты высших учебных заведений, читатели, самостоятельно изучающие английский, французский и немецкий языки получали консультации по вопросам перевода, фонетики, лексики, произношения. Под руководством «опытного преподавателя Государственного университета» в библиотеке проводились также обзоры «иностранной прогрессивной литературы». Далее цитируем: «В библиографическом обзоре “Прогрессивные писатели демократической Германии” показан творческий и общественный путь передовых немецких писателей старшего поколения – Генриха Манна, Арнольда Цвейга и Бернгарда Келлермана, революционных писателей – Иоганнеса Бехера, Анны Зегерс, Фридриха Вольфа, Эриха Вайнерта, Вилли Бределя… подробно рассмотрены произведения: “Верноподданный” Генриха Манна, “Прощание” Иоганнеса Бехера, “Седьмой крест” и “Мертвые остаются молодыми” Анны Зегерс, “Родные и знакомые” и “Сыновья” Вилли Бределя»[55].

В 1976 году ГПБ, вторая по величине библиотека России, выпустила очередной «Сборник библиографических работ в помощь библиотекам», где среди методических материалов был представлен список «Великая Отечественная война в произведениях зарубежных писателей»[56]. В алфавите стран дается скрупулезно отобранный перечень произведений писателей Австрии, Болгарии, Бразилии, Великобритании,

Венгрии, Венесуэлы, ГДР… Турции, Финляндии, Франции… Литература ФРГ в этом списке отсутствует, несмотря на то, что в библиотеках не только были, но пользовались повышенным спросом у читателей книги Белля, Э.-М. Ремарка[57], Леонарда Франка, «Мост» Манфреда Грегора, «Каждый умирает в одиночку» Ганса Фаллады и «Урок немецкого» Ленца – богатейшая антифашистская литература. Вряд ли это случайная оплошность квалифицированного библиографа второй по величине библиотеки СССР. Очевидно, это продиктовано тем, что называлось в те годы «внутренней цензурой», требованием Главлита[58], например. В том же 1976 году в журнале «Библиотекарь» была опубликована статья Владимира Туркина, заместителя главного редактора Главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР, председателя редколлегии советской части «Библиотеки победы», в которой содержится подробный обзор книг, изданных в связи с 35-летием со дня победы над фашистской Германией. Названы романы писателей ГДР «Седьмой крест» Зегерс и «Голый среди волков» Бруно Апица. Книги Белля, Ремарка, Ленца даже не упомянуты.

Двойственное чувство испытываешь, листая фундаментальный труд ВГБИЛ «Основные произведения иностранной художественной литературы – литературно-библиографический справочник». Следы эпохи самым непосредственным образом наложили свой отпечаток, настолько сильный, что устранить идеологические штампы и конъюнктурные вставки не удалось даже в 1998 году. Первое издание было подготовлено в 1960 году, регулярно переиздавалось[59] и определило состав фонда зарубежной литературы в провинциальных библиотеках России на долгие годы. Пособие, содержавшее около 3500 записей изданий, учитывало книги в переводе на русский язык и на языке оригинала. Указаны некоторые непереведенные произведения. Среди составителей были многие уважаемые специалисты, так, например, раздел «Немецкая литература» готовил Лев Копелев.

Была поставлена цель – помочь российским читателям получить представление о золотом фонде мировой литературы и переводах произведений из этого фонда на русский язык. В предисловии к последнему, шестому изданию 1998 года составители констатируют, что были вынуждены снять некоторые имена и произведения, включенные в предыдущие издания по идеологическим соображениям. К чести тех, кто подготовил раздел «Литература Германии» для издания 1960 года, следует сказать, что можно было ограничиться минимумом подобных сокращений (в издании 1998 года нет стихотворений «железного жаворонка» Георга Гервега, Фердинанда Фрейлиграта, романа «Девятое ноября» Келлермана и т. д.). Однако поэзия Георга Веерта, по словам Энгельса, «первого и самого значительного поэта немецкого пролетариата», стихи которого проникнуты горячим сочувствием к трудящимся, среди «основных произведений иностранной художественной литературы», оставлена.

Даже «косметическая правка» оставленных статей не устранила оценок и суждений, продиктованных конъюнктурно-политическим подходом. Например, сняв такую характеристику Гейне, как «крупнейший немецкий революционно-демократический поэт и прозаик… с ранней юности проявлял живейший интерес к революционным и народно-освободительным движениям своего времени», составители по-прежнему ставят ему в заслугу понимание «исторической роли трудящегося класса»»[60]. Естественно, из аннотации к «Путевым картинам» удалены слова «поэт призывает читателей вспомнить “красный давно забытый марш гильотин”», но зачем-то добавлено: «Здесь нет еще призыва к революционной борьбе, но критика немецкого духовного

убожества и филистерства объективно наталкивает на мысль о необходимости поисков путей к этой борьбе»… Таким образом, даже в конце 1990-х годов не был до конца преодолен политизированный подход к отбору, аннотированию и определенному ракурсу в рекомендациях художественных произведений.

Литература для детей

В первые послевоенные годы советские издательства художественной литературы, в том числе Детгиз[61], были заняты работой по восстановлению и воссозданию книжного ядра, которое ложилось в основу фонда массовых библиотек. За короткий срок были переизданы лучшие произведения детской и юношеской классики. Первые послевоенные десятилетия характеризуются невиданным прежде размахом издательской деятельности. Резко выросли тиражи, заметно улучшилось полиграфическое оформление, в несколько раз по сравнению с довоенным периодом расширился круг переводных изданий и увеличилось количество названий зарубежных детских книг.

В 1955 году в Детгизе была создана специальная редакция иностранной литературы. В выборе произведений для перевода чувствуется элемент случайности, а также жесткая идеологическая мотивировка, видная невооруженным взглядом. Так, библиотека школьника в эти годы пополнилась переводной литературой, посвященной разным событиям мировой истории – от глубокой древности до начала XX века. Многие из этих произведений содержали ценный познавательный материал с учетом пробелов в художественно-исторической литературе для детей, но, главной для Детгиза была необходимость заменить устаревшие издания новыми, дающими нужную трактовку исторических фактов[62].

Впрочем, чаще всего идеологические задачи формулируются вполне приемлемо, и в распоряжение читателей дошкольного, младшего и старшего школьного возраста, действительно, были предоставлены ценнейшие книги, «основанные на принципах гуманизма и социальной справедливости, прививающие детям идеи интернационализма, уважения к национальной культуре всех без исключения народов, расширяющие кругозор, способствующие эстетическому воспитанию молодого поколения»[63]. Однако далеко не все произведения, особенно молодых авторов, отличаются высоким мастерством; художественные достоинства других весьма сомнительны – они откровенно дидактичны, иллюстративны, повторяют избитые сюжетные схемы.

Немецкая литература для детей была представлена, в первую очередь, литературными сказками и сказочными повестями, основанными на мотивах национального фольклора. Фонд литературных сказок немецких писателей к тому времени уже сложился. Постоянное переиздание лучших переводов сказок братьев Гримм, Гофмана и Гауфа в послевоенные годы было дополнено лишь несколькими новыми именами, крупнейшие из которых – Феликс Зальтен (Зальцман), Эрих Кестнер («Когда я был маленким», М. 1976; «Мальчик из спичечной коробки», М. 1966; «Эмиль и сыщики»; «Эмиль и трое близнецов», М. 1971), Джэмс Крюс («Говорящая машина», М. 1972; «Мой прадедушка, героя и я», М. 1972; «Тим Талер или Проданный смех», М. 1975 – «Тим Талер» издавался после 1975, по нашим данным, 13 раз), Отфрид

Пройслер («Маленкая баба-Яга», М. 1973, «Маленкий водяной». М. 1979), Ганс Фаллада. «Бемби» Зальтена был пересказан Юрием Нагибиным и сразу же вошел в круг любимых произведений советских детишек[64].

Составитель учебника зарубежной детской литературы, предназначенного для студентов институтов культуры, готовящих библиотекарей, отобрал произведения «лучших современных прогрессивных писателей каждой страны», включив в списки рекомендуемой литературы девять произведений четырех писателей ФРГ и тридцать девять книг тридцати четырех писателей ГДР[65].

Идеологический подход, неравное отношение к литературе ГДР и ФРГ четко прослеживается на примере выбора литературных сказок и их оценки. Сказки писателей Крюса и Кестнера, творчество которых рассматривалось в контексте литературы ФРГ, казались вполне приемлемыми: в них звучала «критика буржуазного общества с его культом всевластия “золотого тельца”»[66].

Еще проще было рецензировать «гедеэровские» сказки: «Немецкий писатель и публицист Людвиг Ренн в сказочной повести «Негр Ноби» (1955) удачно использует мотивы негритянского фольклора. Отважный мальчик Ноби вместе со своими верными друзьями – слоном Пегу, гориллой Мафукой, бегемотом Понгу и мудрой змеей Гингу изгоняет белых работорговцев из деревни, затерянной в непроходимых африканских джунглях. Только вооруженная борьба с поработителями поможет обрести свободу – такова главная мысль этой популярной сказки»[67].

Другой пример, оценка достоинств «Сказки про Мышку Вислоушку» и «Истории о малышах» Ганса Фаллады, по словам критика, одного из крупнейших представителей критического реализма в немецкой литературе 1930–40-х годов: «Сказки для детей были созданы… в годы фашистского режима. Сказки Фаллады, написанные с тонким пониманием детской психологии, проникнуты тем же сочувствием и жалостью к обездоленным, обиженным жизнью людям, что и его романы. В осторожных иносказательных выражениях писатель осуждает несправедливые общественные порядки, дающие право сильному и богатому быть хозяином судьбы бедного и слабого»[68].

Вместе с тем, в эти годы существовали и другие критерии оценки художественных произведений, в том числе и в библиотековедческой печати: «…коллизия одиночества и разлученных сердец, подвигов любви, переживаемой в царстве мышей, хотя и забавна, тем не менее лишена каких-либо элементов пародии. Наоборот, простота, забитость Мышки и ее отвага, рожденная отчаянием, вызывает ассоциации не сказочного рода (принц и принцесса, томящиеся в разлуке), а чисто жизненные – обычная трагедия одинокого существа, потерянного в большом городе»[69]. Однако такой подход был скорее редкостью, чем правилом. Так, русских детей поспешили познакомить с вульгарно-политизированной сказочной повестью Кристины Нёстлингер «Долой огуречного короля!», объявили австрийскую писательницу «признанным художником, определяющим уровень немецкоязычной детской литературы», включили ее произведения в учебники «Зарубежной детской литературы» и наряду с этим «великолепная волшебная троица» «всемирно известного сказочника» Отфрида Пройслера («Маленькая Баба-яга», «Маленький Водяной» и «Маленькое привидение») пришли к русским с большим опозданием.

Отбор произведений современных писателей с целью перевода и рекомендации диктовались идеологическими соображениями. Литература ГДР настойчиво противопоставлялась литературе ФРГ[70]. Библиотекарям внушали, что в странах, ставших

на путь социалистического развития, создается новая по содержанию литература для детей и юношества, призванная, как и советская детская литература, формировать эстетические вкусы и воспитывать высокую нравственность будущих строителей коммунистического общества. Книги немецких писателей, живущих в ГДР, на современные темы, и переведенные на русский язык, отображали разные стороны социальной действительности послевоенного периода, но все они в нужном для идеологии русле изображали эти перемены и поэтому не таким уж важным казалось – действительно ли у автора есть талант или вместо художественного произведения перед нами политическая публицистика агитационного характера.

Насколько были заниженными требования к писателям ГДР, видно на примере тематического обзора, в котором речь идет о произведениях, посвященных проблемам школьной жизни.

Делам и дням одного из пионерских отрядов ГДР посвящена повесть немецкого писателя и педагога Карла Неймана «Франк» (1960). «Герои моей повести Франк Бринкман и его товарищи, – пишет автор в предисловии к русскому изданию, – совершают порой много необдуманных поступков. Но совместная работа объединяет ребят, и постепенно они становятся настоящими друзьями». Вольф Бреннеке, автор повести «Эрих и школьная радиостудия» (1958), рассказывает о повседневной жизни школьников ГДР, их учебе, дружбе, пионерской работе, организации различных кружков и других коллективных начинаниях, которые осуществляются с помощью учителей и старших товарищей. Среди книг для старших школьников выделяются «проблемные» романы и повести на темы трудового и патриотического воспитания. Пятнадцатилетний Хорст Эппке, получивший за свои проделки прозвище Али-баба, учится в школе-интернате при народном имении. Его считают неисправимым хулиганом, собираются исключить из интерната, но под влиянием коллектива он постепенно отвыкает от грубости и неряшливости, становится хорошим товарищем и примерным учеником. «Несмотря на то, что повесть Ганса Краузе “Али-баба и Куриная фея” (1958) грешит затянутыми описаниями производственных процессов, немецкий писатель убедительно раскрывает сложные взаимоотношения подростков, становление характера и перелом в сознании главного героя», и, в качестве резюме: «Все эти книги, проникнутые духом коллективизма, показывают, как благородно влияет на подрастающее поколение здоровая общественная среда»[71].

Надо ли говорить, насколько непопулярными были подобные произведения у русских школьников? Их так же не читали, как в тридцатые годы не читали примитивные вульгарно-социологические сказки Герминии цур Мюлен, усердно противопоставляемые руководителями библиотечного дела сказкам братьев Гримм, Гауфа и Э.Т.А. Гофмана.

Остро социальная проблематика, озабоченность социальной жизнью общества, положением в нем ребенка была характерна для литературы ФРГ, это признавала советская литературная критика. Книги, посвященные проблеме воспитания, семейным конфликтам, положению неблагополучных детей, настолько часто встречавшиеся в произведениях, адресованных детям и взрослым, получили наименование «неблагополучие в нашем собственном доме». Но переводились и издавались они в России редко и в круг подросткового чтения не вошли, за исключением повести Ирмгарда Койна «Девочка, с которой детям не разрешалось водиться»[72].

Добротным детским чтением стала приключенческая литература писателей ГДР. Вошли в детское и подростковое чтение, заменив Карла Мая[73], повесть «Георг – Си-

няя птица, приемный сын ирокезов» Анны Юрген (Анна Мюллер-Танневиц) и все романы Лизелотты Вельскопф-Генрих[74], объединенных заглавием «Сыновья Большой Медведицы». У читателей России всегда были популярны книги об индейцах, показывающие высокие моральные представления ирокезов, их честность, бескорыстие, отвагу – превосходные человеческие качества, которые противопоставлялись агрессивности и аморальности белых завоевателей.

Литературная критика 1950–60-х годов, анализирующая книги, адресованные детям, отрицательно относилась к комиксам, считая их «буржуазным» жанром. «Краткая литературная энциклопедия» в 1966 году утверждала, что они способны, в лучшем случае, отуплять юных читателей, прививают им жестокие наклонности и дурные вкусы. Авторы статей о комиксах подчеркивали, что прогрессивные зарубежные критики и педагоги считают комиксы большим злом, с которым предстоит долгая и упорная борьба, тем более затруднительная, что при капитализме невозможно принять эффективные меры против отравителей детских душ.

Прародителем «комиксов» называли Вильгельма Буша. Может быть, на этом основании его творчество для детей после войны попало в «черные списки», отдельные издания «веселых рассказов для детей» перестали издавать с начала 1940-х годов. Самуил Маршак не выбрал переводы произведений «Веселое купание», «Муха», «Воронье гнездо», «Ученый спор» в собрание сочинений 1958 года. Составители первого после длительного перерыва сборника стихов Даниила Хармса («Игра». 1962) включили перевод рассказа о двух собачках («Плих и Плюх»), но почему-то с иллюстрациями Мая Митурича. Творчество Вильгельма Буша для детей вернулось к читателям лишь во второй половине 1980-х годов.

Отношение читателей библиотек к немецкой литературе

Участие в войне, взаимное ожесточение, нехарактерная для предыдущей эпохи жестокость не сказались на отношение к немецкой литературе и немецким писателям. Даже в годы войны русская читающая публика сумела стать выше националистических чувств и испытывать должный пиетет как к классикам, так и к писателям-современникам, даже тем, кто прошел фронт, воевал на территории России. И непосредственно после войны и многие годы спустя немецкоязычная литература имела свою читательскую аудиторию. Она была не только украшением общественных публичных библиотек, у интеллигенции считалось престижным приобретать для домашних библиотек сказки немецких писателей, Гете, Гейне, Шиллера. Для того, чтобы подписаться на собрания сочинений этих авторов, жители не только Москвы и Ленинграда, но и других городов России выстаивали огромные очереди. Большой удачей считалось приобретение двухтомника Стефана Цвейга или Фридриха Дюрренматта, любых романов Фейхтвангера, Ремарка, Томаса и Генриха Маннов. Пользовалась спросом литература, которую сегодня принято в России называть «бестселлерами для интеллектуалов» – произведения Белля, Гессе, Кафки, Фриша и др. В магазинах и на полках библиотек в 1950–80-х годах была немецкая литература, не вызывающая интереса. Только несколько авторов ГДР смогли заинтересовать читателей, это – Бруно Апиц, Гютер де Бройн, Криста Вольф, Анна Зегерс, Дитер Нолль, Эрвин Штриттматтер.

В шестидесятые годы домашние библиотеки перестали быть отличительной чертой городских жителей. В 1965 году Раиса Горбачева провела конкретно-социологическое исследование быта колхозного крестьянства в Ставропольском крае. Она отмечает, что многие сельские книголюбы собрали десятки и сотни книг для личных библиотек. Большие личные библиотеки были у чабанов и конюхов, трактористов и членов правления колхозов[75].

Другим примером, свидетельствующим об интересе к произведениям немецких авторов, можно назвать инициативу студентов Одесского института морского флота, которые организовали в студенческом общежитии библиотеку на общественных началах. У них появилась традиция – «каждый поступающий на факультет и каждый выпускник» дарили этой библиотеке книги. Среди подарков были Хемингуэй, Дж. Лондон и собрание сочинений Генриха Манна.

В 1983–85 гг. РНБ в русле изучения читательских интересов провела исследование спроса в библиотеках провинциальной России. Одним из методов сбора данных был учет отказов читателям, пришедшим в библиотеку с конкретным запросом. Исследование было проведено в 48 регионах России. За это время зафиксированы 4956 отказов на книги 797 авторов (586 – отечественные авторы, 211 – зарубежные).

Абсолютный лидер неудовлетворенного спроса – Ремарк. Двенадцать регионов высказали желание иметь все произведения, которые были переведены на русский язык. Больше всего отказов (из 26 регионов) поступило на роман «Триумфальная арка», затем с небольшим отрывом «Три товарища» (24) и «Черный обелиск» (20). О недостаточном количестве экземпляров романа «На западном фронте без перемен» сообщили 18 регионов, роман «Время жить и время умирать» хотели бы приобрести 14, «Жизнь взаймы» и «Тени в раю» – 13. Владимирская и Горьковская (Нижегородская) области, Дагестан, Красноярский край, Чувашия и некоторые другие регионы все три года (1983–85) констатировали неослабевающий интерес читателей к тому или иному произведению, написанному Ремарком, три года подряд называя одни и те же романы, за которыми читатели стояли в очередях, очевидно, несколько лет подряд.

Библиотеки констатировали, что им не хватает также произведений Л. Фейхтвангера, С. Цвейга и Г. Манна. Все произведения Фейхтвангера, переведенные на русский язык, выразили желание иметь библиотеки Московской области и Приморского края. Остальные регионы испытывали нехватку одного-двух-трех романов. Наиболее популярным был в те годы роман «Гойя или тяжкий путь познания», в пятнадцати регионах зарегистрированы отказы читателям на это произведение. В 39 регионах читатели не смогли получить новеллы С. Цвейга и два его романа «Мария Стюарт» и «Нетерпение сердца». Многие регионы были вынуждены отказывать читателям, пожелавшим прочесть два романа Г. Манна о короле Генрихе IV. Другие немецкоязычные писатели не были такими популярными, в библиотеках значительно реже регистрируются отказы на их произведения. Так, библиотеки Сахалина и Ленинградской области не всегда могли удовлетворить запросы читателей на книги Гете, Лессинга, Шиллера. Во Владимирской области не хватало книг Э.Т.А. Гофмана. Читатели проявляли повышенный интерес и к современным авторам: в 13 регионах зарегистрированы отказы на роман Зегерс «Седьмой крест», другие романы этой писательницы пользовались меньшей популярностью. В трех регионах не все желающие смогли прочесть антифашистский роман Фаллады «Каждый умирает в одиночку», в четырех – читателям не хватало романа «Будденброки» Т. Манна, в двух – нескольких книг Келлермана и романа Франка «Матильда».

Особо хочется отметить ярко выраженный интерес у русской читающей публики к творчеству Белля, Гессе и Кафки. Методические центры не пропагандировали их творчество в тематических обзорах, разработках, сценариях массовых мероприятий. Таким образом, интерес к ним никак не стимулировался, он не был также данью моде. Отказы на романы Гессе «Игра в бисер» и «Степной волк» зарегистрированы в Дагестане, Марийской АССР, Новгородской, Псковской и Томской областях. В Северной Осетии библиотеки хотели бы иметь все произведения Белля, в библиотеках Горьковской, Ленинградской и других областей, в Красноярском крае жаловались на недостаточное количество экземпляров романов и повестей «Бильярд в половине десятого», «Где ты был, Адам?», «Глазами клоуна», «Долина грохочущих копыт» и др. По не совсем понятной нам причине в этом списке отказов нет швейцарца Фриша. В 1960–80-е годы его романы «Homo Faber» и «Назову себя Гантенбайн» были чрезвычайно популярны у русской интеллигенции как столичной, так и провинциальной.

В конце 1980-х годов, когда произошла резкая смена общественно-политической ситуации в Европе, библиотеки зарегистрировали коренные изменения читательских пристрастий. В годы «перестройки» русская читающая публика сосредоточила внимание на отечественной художественной публицистике и так называемой «возвращенной литературе». Эти настроения продержались относительно недолго, и сменились откровенно выраженным интересом к «компенсаторному» (легкому, развлекательному) чтению. Интерес, как и прежде, удовлетворялся за счет зарубежной литературы. Немецкая литература, всегда воспринимаемая как серьезное чтение, все больше вытеснялась детективами и любовными романами, написанными в США. В конце 80-х годов в книговыдаче зарубежной литературы 38,9 % занимала литература США, 27,2 – Великобритании, 18,7 – Англии и только 3,5 процента выданных книг были произведениями немецких авторов. Книги Гете, Гейне, Э.Т.А. Гофмана, Шиллера стали встречаться намного реже, в какой-то степени этот факт можно объяснить наличием у большинства жителей этих книг в домашних библиотеках. Однако, если за книгами немецких классиков читатели приходили в библиотеки, то это была, в основном, учащаяся молодежь. Серьезное чтение, классика и добротная реалистическая литература уходили из моды, переставали быть престижными. Практически полностью, кроме романов А. Зегерс и К. Вольф, выпала из чтения литература ГДР. Отсутствуют в библиотечном спросе книги прежних кумиров, значительно снизился интерес к творчеству Фейхтвангера, обоих Маннов, Беллю. До сих пор крепко удерживает свои позиции Ремарк, его романы по-прежнему любят и постоянно спрашивают в библиотеках.

Любители усложненной, экспериментальной прозы вернулись к чтению Густава Мейринка[76] (особенно романа «Ангел западного окна»), Роберта Музиля и его «Человека без свойств», Йозефа Рота («Марш Радецкого»). У эстетов популярностью пользовался Кафка. Однако почитатели такого рода литературы в библиотеках всегда были в меньшинстве.

Парадоксальным, с нашей точки зрения, оказался возврат к чтению в конце 1980-х годов немецкой разбойничьей, авантюрной и колониальной прозы. Если американская и английская литература массового спроса представлена в библиотечном чтении книгами современных авторов, то немецкая – произведениями Георга Борна и Карла Майя, Генриха Шумахера и Грегора Самарова (Оскар Мединг), т. е., тем самым, «тривиальным», «бульварным» чтивом. В 1920-е годы книги этих авторов

предлагалось изъять из библиотек как идеологически и художественно малоценные, «империалистически-шовинистические». Даже «Пещера Лейхтвейса или Тринадцать лет любви и верности под землей» В.А. Редера встречается в чтении наших современников, не обошли они вниманием и романы Фридриха Герштеккера «Золото Калифорнии», «Луговые разбойники», «На диком Западе»…

Хорошо это или плохо? Библиотекарям России трудно смириться с тем, что эти книги потеснили великолепную немецкую прозу XX века. Мы надеемся, что укрепление традиционных связей в области культуры между Россией и Германией поможет ответить на вопрос, надо ли что-то изменить в издательской и переводческой политике. Может быть, коллеги подскажут, что именно надо переводить, что, с их точки зрения, будет интересно русской читающей публике.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зуева Т.* Культурно-просветительные учреждения и новая сталинская пятилетка // Библиотекарь. 1946. № 5–6. С. 8; Советская библиотека – детище Великого Октября // Библиотекарь. 1947. № 11. С. 6.

[2] Academia – одно из лучших советских издательств, объединившее крупнейших специалистов по истории и теории литературы, переводчиков и художников книги и отличающееся тщательностью редакционной обработки.

[3] Художественная литература. Belles-Lettres Catalogue. – М., 1946. С. 4–10; 30–32.

[4] *Марчуков Д.* Государственный фонд литературы и восстановление библиотек, разрушенных фашистами // Библиотекарь. 1946. № 4. С. 32.

[5] *Сафонов М.* Вопросы комплектования книжных фондов массовых библиотек // Библиотекарь. 1947. № 3. С. 25.

[6] Главлит СССР – Главное цензурное ведомство СССР, созданное 6 июня 1922 г. и ликвидированное в ноябре 1991 года.

[7] Типовой каталог районной библиотеки: отделы 4-7-8 и художественная литература // Сост. Л.Н. Алферова, Б.А. Пескина. Ред. Б.А. Пескиной. – М.: Гос. изд. культурно-просвет. лит., 1948.

[8] Для сравнения в каталог рекомендуемых книг вошли: 131 книга 47 писателей Франции; 73 книги 37 писателей США; 86 книг 30 авторов Великобритании и др.

[9] См. *Ольга Либова.* Классика, сказки и развлекательные книги. Немецкая художественная литература в фондах библиотек России и в чтении россиян. // Karl Eimermacher, Astrid Volpert (Hgg.): Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. (=West-östliche Spiegelungen. Neue Folge, Bd. 1). – München, 2005.

[10] Так, в докладе А. Жданова «… о журналах “Звезда” и “Ленинград”» на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде (1946 г.) уделяется немало места обличению «вредного и чуждого советской литературе направления, которое представляла группа “Серапионовых братьев”». По мнению Жданова, они отнимали у искусства «идейность, общественное значение, провозглашая безыдейность… искусство без цели и смысла. Это и есть проповедь гнилого аполитицизма, мещанства и пошлости» // Библиотекарь. 1946. № 9–10. С. 2–3.

[11] Здесь и далее закавычены определения, выражения и термины Н.А. Рубакина, встречающиеся в его работе «Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов». Изд. 2-е, доп. и перераб. Т. 1. Ч. 1. – М.: Наука, 1911. С. 102.

[12] Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 4. – М., 1993. С. 465.

[13] Основные произведения иностранной художественной литературы. Европа. Америка. Австралия. Литературно-библиографический словарь. – СПб.–М., 1998.

[14] Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. – М., 1964. С. 466.

[15] *Лангхофф В.* Болотные солдаты. Тринадцать месяцев в концентрационном лагере. Рассказ о действительно пережитом. С рис. Жана Кралика, бывшего заключенного. – М.: Гослитиздат, 1936; оригинал на немецком языке изд. в Цюрихе 1935 г.

[16] ГПБ – ныне Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

[17] В 1946 изд. Детгизом с гравюрами Г. Ечеистова и В. Ростовцева, а также с предисловием А. Дейча.

[18] Литература и искусство. Рекомендательный библиографический указатель. 1976. С. 2.

[19] Там же, 1981. С. 92.

[20] Там же, 1984. С. 84.

[21] Там же, 1983. С. 82.

[22] Сост. В.В. Вебером и Д.С. Давлианидзе. – М.: Радуга, 1988.

[23] *Амбарцумян З.* Классификация художественной литературы // Библиотекарь. 1953. № 7. С. 31.

[24] Любопытно, что составители списка «Основные произведения иностранной художественной литературы» в 1998 году Келлермана оставили, но роман «Девятое ноября», присутствующий в пяти прежних изданиях, изъяли.

[25] Литература Германии // Зарубежная литература XX века. Учебник [для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Филология»]. – М.: Высшая школа, 1996. С. 434–479.

[26] Там же. С. 438.

[27] *Бабанов Г.* О некоторых вопросах руководства чтением // Библиотекарь. 1952. № 2. С. 28.

[28] Там же. С. 30.

[29] *Добренко Е.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб., 1997. С. 232–234.

[30] *Крендель Р.* Ленин – читатель художественной литературы // Библиотекарь. 1970. № 11. С. 6.

[31] Александр Ульянов (1866–1887) – старший брат В.И. Ульянова, член террористической фракции партии «Народная воля», казненный за подготовку покушения на императора Александра III.

[32] *Крендель.* См. сн. 30. С. 9.

[33] *Тимофеева И.* Любить книгу, как любил ее великий Ленин // Библиотекарь. 1970. № 1. С. 44.

[34] *Бабаев Э.Г.* «Золотая полка» // Библиотекарь. 1978. № 8. С. 22–24.

[35] *Гончаров И.* Воспитываем думающего читателя // Библиотекарь. 1969. № 8. С. 27.

[36] *Carl von Clausewitz:* Vom Kriege. – Berlin, 1853. – В распоряжении русских читателей было много изданий этой книги, С 1888 года она издавалась неоднократно: в 1902, 1923, 1932, 1934, 1941 и т. д. в переводах К. Войде, А.. Рачинского и др. Издание 1923 года сокращенное с предисловием С.С. Каменева. Какое издание возил Конев, мы, естественно, не знаем. Первоисточником примера является *Б. Полевой.* Полководец. Биографическая повесть об И.С. Коневе. – М.: Политиздат, 1983.

[37] *Брудный Д.* …И перечитывать! // Библиотекарь. 1976. № 11. С. 30.

[38] Свет Октября над планетой [сост. Л. Король]. – М., 1977.

[39] Там же. С. 2.

[40] Там же. С. 7, 9.

[41] *Троянкер В.С.* Художественная литература Германской Демократической Республики. Библиогр. указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати ГДР в 1953 г. Под ред. Я.И. Менцендорфа. – М., 1955. 111 с.; *Троянкер В.С.* Художественная литература Германской Демократической Республики. Библиогр. указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати ГДР в 1954 г. – М., 1956. 166 с.; *Житомирская З.С.*, *Троянкер В.С.* Художественная литература Германской Демократической Республики. Библиогр. указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати ГДР в 1955 г. – М., 1957. 251 с.

[42] Методика организации и проведения вечера классической немецкой поэзии // ВГБИЛ. Сост. М.Л. Рудницкий. – М., 1971. 71 с.

[43] Там же. С. 3.

[44] Там же. С. 9.

[45] Бертольт Брехт (1898–1956) Метод. материалы к вечеру, посвященному 5-летию со дня смерти. [Составлено Отделом методическ. рук-ва ВГБИЛ]. – М., 1961. (В помощь работникам библиотек). С. 3.

[46] *Муравьев В.С.* Художественная литература ГДР в 1958–1960 гг. Библиогр. обзор. Под ред. гл. библиографа ВГБИЛ З.В. Житомирской. – М., 1962. 79 с.

[47] Имеется в виду организованная издательством «Миттельдойчер ферлаг» (Галле) конференция писателей ГДР, состоявшаяся 24.4.1959 в г. Биттерфельд, решения которой должны были на-

метить задачи и перспективы развития социалистической культуры в ГДР: вовлечение рабочих и крестьян в процесс художественного творчества, освоение достижений национальных традиций и метода социалистического реализма. Движение писателей «Биттерфельдский путь» должен был сделать новый прорыв на второй конференции, однако, предложенная Вальтером Ульбрихтом «механическая» схема связи искусства и культуры была отклонена значимыми деятелями искусства. (*Прим. ред.*)

[48] *Муравьев*. см. сн. 46. С. 3–4. Цит. *Anna Seghers:* Die Tiefe und Breite in der Literatur // Gesammelte Werke, Bd. 14: Aufsätze, Ansprachen, Essays 1954–1979. – Berlin (Ost), 1980. S. 147. Впрочем, дискуссия на эту тему велась в России в XIX веке и была четко сформулирована уже Ф.М. Достоевским: каковы бы ни были нравственная и педагогическая ценность произведения (его тенденция), отсутствие художественности делает такую книгу «более вредной, чем полезной всеобщему делу». *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 18. – Л., 1978. С. 79.

[49] *Муравьев.* См. сн. 46. С. 14.

[50] Составитель рассматривает романы В. Штейнберга «Когда остановились часы», «Вторжение гладиаторов» и «За концом света», Г. и И. Браунов «Удивительные приключения хлебоискателя студента Эрнста Брава» и А. Райнхарда «День в тумане».

[51] Там же. С. 24.

[52] Там же. С. 27.

[53] *Лесюк Я.* Обзор произведений, изданных в СССР в 1950–1951 гг. // Библиотекарь. 1952. № 9. С. 21–31.

[54] «Имя Эрнста Буша часто упоминается рядом с именами поэтов Брехта и Вайнерта, авторов большинства исполняемых им песен. Но сравнительно мало известно, что сам Буш не только певец, исполнитель, артист, но и поэт. Ко многим своим песням он сам писал тексты. В частности, он обычно сочиняет новые, политически актуальные тексты для своих старых, ставших широко популярными песен, сохраняя, при этом, прежние мелодии. Он заботился о том, чтобы испытанное разящее оружие не ржавело, чтобы оно с успехом применялось в новых боях» // Илья Фрадкин: Поэты демократической Германии. – М.–Л.: Детгиз, 1951. С. 62.

[55] *Шилова К.*, *Пец Г.* Из опыта работы отдела иностранной литературы // Библиотекарь. 1954. № 6. С. 39.

[56] Сборник библиографических работ в помощь библиотекам. Литература. Искусство. Просвещение. – Л., 1976. С. 43–80.

[57] Для русских читателей Ремарк всегда был однозначно немецким писателем, вне зависимости от того, где он жил и работал. В указателе «Основные произведения иностранной литературы», изданном Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы в 1980 году, его творчества рассматривается в отделе «Немецкая литература до 1945 г. Литература ГДР. Литература ФРГ» (С. 355–421). В Краткой литературной энциклопедии. Т. 6 (М. 1971. С. 248–250) он так же охарактеризирован. Сложности в библиотеках, как и говорилось в нашей статье, возникали в связи с теми шифрами, которые ставили на книгу (оборот титульного листа) и печатную карточку, адресованную библиотекам, сотрудники Всесоюзной книжной палаты. Романы Ремарка, выходящие в России вплоть до 1992 года, шифровались то как «немецкая литература до 1945 года» – 84.4 Г, то как литература ФРГ – 84.4 Ф. Так, например, с 1990 по 1993 год романы «Ночь в Лиссабоне» и «Тени в раю» издавались пять раз. Три раза на книге и на печатной карточке стоит шифр 84.4 Г, два раза 84.4 Ф. К литературе ФРГ романы отнесли московские издательства, в Хабаровске, Архангельске и одном из московских издательств поставили шифр 84.4 Г.

[58] Ср. *Arlen V. Blum:* Zensur in der UdSSR. Archivdokumente 1917–1991, Bd. 13/II Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur, hgg. von Karl Eimermacher und Klaus Waschik. – Bochum, 1999. (*Прим. ред.*)

[59] Последнее, шестое издание вышло в 1998 году.

[60] Основные произведения иностранной художественной литературы. Европа. Америка. Австралия: Лит.-библиогр. справочник. 6-е изд., испр. и доп. – СПб.–М., 1997. С. 203–205.

[61] Аббревиатура слов «Детское государственное издательство».

[62] Юношеству о зарубежной литературе (Методическ. рекомендации). – М.: ГРЮБ, 1978. С. 6–7.

[63] *Брандис Е.* От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. – М.: Просвещение, 1965. С. 214.

[64] *Ф. Зальтен:* Бэмби. Лесная сказка. – М., 1969.

[65] Зарубежная детская литература. – М.: Просвещение, 1982. 559 с.

[66] Зарубежная литература для детей и юношества. Учебник для институтов культуры. – М., Просвещение. 1989. С. 160.

[67] Там же С. 227.

[68] Там же. С. 233

[69] *Кандель Б.*, *Ланда Е.* Современная детская литература Германской Демократической Республики // «О литературе для детей» Вып. 2. – Л.: Детгиз, 1957. С. 227.

[70] Зарубежная литература для детей и юношества. Учебник для институтов культуры. – М.: Просвещение, 1989. С. 218.

[71] *Брандис.* См. сн. 63. С. 261–263.

[72] По-немецки: Das Mädchen mit dem die Kinder nicht verkehren durften. 1936; была впервые издана в 1957 году – М.: Детгиз, перевод Т. Ступниковой.

[73] К. Май был объявлен советской литературной критикой «тривиальным», даже реакционным писателем, представителем, так называемой, «колониальной литературы». В ФРГ «постепенно воскресают все жанры буржуазной детской литературы, против которой велась борьба в конце прошлого столетия и в 20–30-е годы XX века… Уже в 1948 году было издано собрание сочинений К. Мая в 74-х томах», – с возмущением информирует нас «Учебник зарубежной детской литературы». «Индейские романы» К. Мая в России стали вновь издавать только в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В настоящее время его романы и повести пользуются такой же популярностью в библиотеках России, как и в начале века. Наряду с ними книги об индейцах писательниц ГДР по-прежнему входят в круг чтения россиян.

[74] Лизелотта Вельскопф-Генрих (1901–1979) – историк, профессор древней истории и писательница, трилогия «Сыновья Большой Медведицы» появилась в ГДР в 1950–60-х годах. (*Прим. ред.*)

[75] *Горбачева Р.* Быт колхозного крестьянства. Социолог. очерк. – Ставрополь, 1969. С. 58.

[76] Иногда употребляют написание фамилии «Майринк».

Ральф Шенк

МЕЖДУ ДВУМЯ ФРОНТАМИ.
Образы немцев и русских в военных фильмах ГДР и ФРГ

I

Первый немецкий художественный фильм после конца третьего рейха режиссера Вольфганга Штаудте, вышедший на студии ДЕФА, «Убийцы среди нас» (1946 г.), начинался с кадров, показывавших последствия войны: разрушенные города и лишенные крова, потерянные, борющиеся за повседневное выживание люди; физические и психические калеки, часто в оборванной военной форме. Таков и главный герой фильма – врач и бывший солдат вермахта. При Гитлере он был так называемым «попутчиком», теперь же он случайно встречает своего прежнего капитана, что напоминает ему об ужасном событии прошлых лет.

Где-то на Востоке – в Польше или в Советском Союзе – капитан приказал в качестве возмездия за действия партизан казнить гражданское население: женщин, детей, стариков. Та ночь убийства пришлась на рождественский сочельник; солдаты сняли свои каски и автоматы с распятий, на которых они временно висели; а после выполнения приказа капитан пригласил их на праздник под рождественской елкой. Вольфганг Штаудте, действие фильма которого происходит в настоящем, сделал ад войны ощутимым посредством одного-единственного, краткого и инсценированного под кошмар, изображения прошлого. Он свел нашествие фашистов к конкретному преступлению и, тем самым, не оставил сомнений в своем видении сущности этой войны.

Долгое время это был единственный случай, когда немецкий фильм послевоенного времени попытался передать в образах события на фронтах, тем более на восточном фронте, причем, основной упор делался на немецких преступников, а восточноевропейские жертвы оставались безымянными. Детальные картины войны в это время в немецкое кино принесла «другая сторона» – победители-союзники – и прежде всего русские, которые в своей зоне оккупации показывали документальные фильмы, такие как «Берлин» (1945 г., режиссер Юлий Райзман), «Разгром Японии» (1945 г., режиссеры Иосиф Хейфиц, Александр Зархи) и «Освобожденная Чехословакия» (1946 г., режиссер Илья Копалин), или художественные фильмы, такие как «Жди меня» (1943 г., режиссеры Борис Иванов, Александр Столпер) или, позже, «Сталинградская битва», 1949 г., режиссер Владимир Петров) и «Падение Берлина» (1949 г., режиссер Михаил Чиаурели).

И, напротив, немецкие кинематографисты предпочитали, за некоторым существенным исключением[1], современность и обращались почти исключительно к жизни *после* третьего рейха и Второй мировой войны. Их фильмы о современности, которые быстро перешли от копания в развалинах к почвенному оптимизму и развлека-

тельности вне времени, назывались «И над нами небо» (1947 г., режиссер Йозеф фон Баки), «Завтра все будет лучше» (1948 г., режиссер Артур Мария Рабенальт) и «После дождя светит солнце» (1949 г., режиссер Эрих Коблер).

II

За исключением документальных фильмов и еженедельных киножурналов новостей и, прежде всего, регулярно выпускавшегося с 1946 г. студией ДЕФА киножурнала «Свидетель», опять Вольфганг Штаудте был первым, показавшим русского солдата в немецком послевоенном художественном фильме. В «Ротации» (1949 г.), к убедительно показанной вине, в том числе и немецкого маленького человека с начала и до конца третьего рейха, он добавляет документальные кадры уличных боев в Берлине 1945 года и штурм Рейхстага. Но русский солдат все еще не присутствовал в немецком послевоенном кино в качестве художественного образа. Потребовались годы, пока в таком положении что-то изменилось. Государственная восточногерманская кинокомпания ДЕФА, от которой с начала 50-х годов усиленно требовали не столько взгляда назад, сколько пропагандистского сопровождения построения «нового общества»[2], подошла к прямому изображению войны лишь в 1954 г., причем, ее первые попытки не доходили до степени готовности к съемкам. В частности, возникла подборка Франца Фюманна, который, по поручению ДЕФА, должен быть адаптировать для кино лирико-драматическую пьесу Иоханнеса Р. Бехера «Зимняя битва» (1941 г.): историю буржуазного гуманиста Иоханнеса Хёрдера, заканчивавшуюся смертью героя, в своей слепой любви к Германии не замечающего преступлений нацизма и впадающего в сомнения лишь на восточном фронте. Не осталось свидетельств того, потерпела ли крах попытка переработки пьесы для кино вследствие «неэкранизируемости» схожего с балладой исходного материала или из-за буржуазного героя, который представлялся для драматургии ДЕФА, в принципе, «нетипичным». Другие читаемые произведения о войне, такие как роман Бодо Узе «Лейтенант Бертрам» (1944 г.), Хайнца Райнса «Берлинский филиал» (1947 г.), воспоминания Георга Хольмштайна «Плацдарм» (1948 г.) или даже Теодора Пливера «Сталинград» (1945 г.), по различным причинам, никогда не рассматривались ДЕФА в качестве возможных экранизаций.

В 1953/54 годах и Конрад Вольф, сын драматурга Фридриха Вольфа, эмигрировавший в 1934 г. с родителями в Советский Союз и теперь пришедший на студию ДЕФА как молодой режиссер, думал над материалом, который должен был показать отношения между немцами и русскими, определенные войной. Первым приближением, в том числе и к собственной биографии, стал проект «Путь на родину», над которым Вольф некоторое время работал совместно с Вальтером Горришем и Вольфгангом Кольхаазе. Основным действующим лицом был десятилетний мальчик, которого события войны разлучили с его матерью и который в 1945 г. в разрушенном Дрездене встречается с советскими солдатами во время организации снабжения продовольствием. «Один из солдат привязался к бездомному мальчику, забирает его к себе на родину, на Украину. Там он вырастает, (…) становится хорошим комсомольцем и своей работой в качестве тракториста приобретает дружбу и уважение молодежи»[3]. После своего возвращения в ГДР сформировавшемуся в Со-

ветском Союзе герою предстоит выдержать борьбу с ретроградами-крестьянами – материал пропагандировал правильность социалистического, советского пути и для Восточной Германии.

Психологически субтильными и менее осмысленными оказались наброски к проекту «Петька», которые Вольф записал также в 1954 г. на русском языке в своей рабочей тетради: местом действия вновь был Дрезден после войны, причем здесь в действие вступал русский солдат как ярый «ненавистник немцев». Эта ненависть основывалась на том, что его родное украинское село было почти полностью уничтожено; жена и сын стали жертвами фашистского террора. Лишь благодаря встрече с истощенным мальчиком Петером (Петька) его отношение к «фрицам» меняется: он достает ребенку еду, одежду и обувь. Когда войска, в конце концов, уходят, «(никто) не хочет расставаться с Петькой, однако большинство солдат понимают, что иного пути нет, ведь родина Петьки – Германия». Почему это кинопроект не дошел до съемок, сегодня можно только предполагать: наряду с другими причинами, это было связано с реалистичным изображением ожесточившегося русского солдата, которое изначально не соответствовало официальному канону «друга» и «брата по классу». Позже Вольф вновь обратился к этому образу в своем фильме «Искатели солнца» (1958 г.), действие которого развертывается после Второй мировой войны на восточногерманских урановых рудниках: здесь он вывел образ советского инженера Сергея, жену которого убили нацисты и ожесточение которого размывается лишь постепенно. «Искатели солнца», благодаря своей честности и многогранности, могли бы стать вехой в истории фильмов ДЕФА о современности; фильм был, однако, запрещен и вышел в прокат в ГДР лишь в 1972 г[4].

III

И западногерманскому кино потребовалось время, чтобы подойти к теме Второй мировой войны. Политическим взрывателем стал 1952 г., когда Конрад Аденауэр выступил перед Бундестагом с «Публичным извинением за всех немецких солдат», «которые на земле, в воздухе и на воде воевали во время Второй мировой войны». Параллельно с созданием бундесвера, принятием ФРГ в НАТО и вооружением, для которых срочно потребовался опыт «старых» офицеров и солдат, в западногерманском кино начался бум военных фильмов. Это соответствовало не только общеполитической погоде, но и широко распространенной заинтересованности публики, которая в кино искала, по крайней мере, частичного оправдания собственной позиции, согласно которой в прошлом не все было сделано неверно.

Среди западногерманских военных фильмов были как компиляции прежнего документального материала, как, например, «Таким было немецкое ополчение» (1955 г.), так и «ополченские» байки, как, например, «08/15» (1945–55 г., режиссер Пауль Май) или сравнительно серьезные, правда, существенно отклонявшиеся от фактов портреты видных офицеров вермахта и абвера, таких как Канарис («Канарис», 1955 г., режиссер Альфред Вайденманн), Эрнст Удет («Генерал дьявола», 1956 г., режиссер Хельмут Койтнер), пилот Ханс-Юрген Марсель («Африканская звезда, 1956 г., режиссер Альфред Вайденманн) или капитан подводной лодки Прин («У-47 – капитан-лейтенант Прин», 1958 г., режиссер Харальд Райнль)[5]. Все эти фильмы, при

Встреча немецких рабочих и советских офицеров на предприятии «Висмут»: в 1957 г. Конрад Вольф снял свой четвертый фильм «Искатели солнца», который был показан по телевидению ГДР, а затем и в кинотеатрах лишь в 1972 г.

лишь незначительных различиях, объединяла одна утверждающая тенденция. Вместо критического рассмотрения западногерманское кино показывало войну как удар судьбы, с которым приходилось мириться. Политические и экономические причины оставлялись в стороне, вместо этого культивировался «миф “героического” и “честно сражавшегося” вермахта», который «“неспособное военное руководство вокруг Гитлера” привело к сокрушительному поражению. Рассказывались истории простых “ополченцев”, в которых события войны зачастую мутировали в приключения в овеянных легендами битвах (Сталинград!), сужались до места положительных солдатских добродетелей и доказательств храбрости большей части ведущих военных в ходе бесперспективной войны. (…) Фронт, большей частью восточный фронт, появлялся в качестве места действия в расхожих образах: грязная и снежная пустыня, военная муштра и “шлифовка” на маневрах, искусство выживания солдат и мораль “порядочных” офицеров. За пределами изображения большей частью оставался конкретный показ конкретных боевых действий, масштабы войны на уничтожение, и тем более переживания и смерть непосредственно на линиях фонта»[6].

«Холодная война» нуждалась – по отношению к «собственным» офицерам и солдатам – в военном кино с «положительным настроем», так же, как, с другой стороны, она требовала образа русского врага в кино. Правда, русские лишь редко в целом показывались как злодеи: почти во всех фильмах, где появлялись русские люди, от «Собаки, вы хотите жить вечно» (1958 г., режиссер Франк Висбар) до «Дьявол играл на балалайке» (1960 г., режиссер Леопольд Лахола), встречаются примечательные градации. Западногерманские военные фильмы, например, неизменно утверждали, что российское гражданское население полностью положительно относилось к вермахту, потому что немцы, за некоторым исключением, оказывались, по отношению к ним, дружелюбными и готовыми прийти на помощь. Прототипом такого видения являются начальные сцены из фильма «Собаки, вы хотите жить вечно», в которых немецкие солдаты и офицеры на пути в Сталинград входят в хижину русской «матушки». Женщина делает чай, немецкий старший лейтенант кладет на стол колбасу из своего рюкзака. На соответствующий вопрос женщина отвечает, что ее муж, отец четырех голодных детей, на фронте. «А кто Вам сейчас помогает?» – спрашивает офицер – после чего перебивка показывает причмокивающих детей, поедающих немецкую колбасу, чтобы потом перекреститься перед иконой Богоматери.

Западногерманское кино охотно и часто убеждало, что большинство солдат вермахта не жертвовали своей человечностью во имя войны и «фюрера». В «Собаки, вы хотите жить вечно» диалог, который ведут два немецких наблюдателя, посмотрев на крестящихся детей, ставит на одну ступень национал-социалистическую политику Германии и российскую политику Сталина: «Я думал, что это (крестное знамение) они в Москве уже давно отменили?» – «Они пытались сделать это и в Германии и им не удалось, несмотря на их орденские замки и гитлерюгенд». Слова из уст немецкого офицера, которые должны показать его духовную и моральную дистанцию от руководства национал-социалистов.

Примечательно, что во многих западногерманских военных фильмах тех лет, по крайней мере, робко намечаются любовные отношения между немецкими солдатами и русскими женщинами. В «08/15, часть 2» (1955 г.) немецкий старший лейтенант влюбляется в русскую девушку Наташу (в исполнении Эллен Швирс). При этом, он не подозревает, что она является агентом советской армии и через него хочет получить информацию о передвижении войск. Наташа показана как весьма двойственная натура, разрывающаяся между симпатией к «врагу» и жестким, непоколебимым патриотизмом. Во время их последней встречи он обвиняет ее в том, что она была шпионом, а она отвечает, что он разбойник. Старший лейтенант: «Я солдат!» – Наташа: «Я тоже. (…) Мы любили друг друга, а мы не должны были этого делать. Это все».

В «Собаки, вы хотите жить вечно» немецкий офицер спасает русскую студентку в Харькове (Соня Циманн) от депортации, помогая ей получить работу в качестве переводчика. Позже, в Сталинградском котле, девушка отвечает ему тем же, не выдавая его как немца, когда он в русской военной форме стоит в очереди у русской полевой кухни. Когда в следующей сцене он пытается нежно дотронуться до нее, она, однако, отвечает: «Мы не можем быть друзьями. Мы должны быть врагами. Что эта война сделала с нами?». В «Сталинградском враче» (1958 г., режиссер Геза фон Радвани), действие которого происходит в 1949 г. в сибирском лагере военнопленных, не только пленный немецкий старший врач влюбляется в русского лагерного врача-женщину (и наоборот), но и медсестра в «простого» солдата. Еще более многогранны отношения между молодым немецким пленным (Гётц Георге) и лагерной переводчицей в «Дьявол играет на балалайке». Брошенными в начале фильма словами русского старшего лейтенанта женщина показана как нечто особенное, иное: «Как ты стоишь! Ты не русская женщина!» По ходу действия зритель узнает, что она еврейка, причем, во многих сценах вызываются ассоциации между концлагерем, который она пережила в третьем рейхе, и советским лагерем военнопленных.

Лишь изредка западногерманские военные фильмы 50-х годов отмечали возможность мирного сосуществования с русскими. В «Собаки, вы хотите жить вечно» режиссер Франк Висбар показал, как молодой немецкий офицер во время перерыва в боях под Сталинградом садится за найденное в развалинах пианино и солдаты обеих армий заворожено слушают его игру. На несколько минут в сценах гибели и хаоса появляется проблеск надежды. Но, как бы извиняясь за такую сцену, тот же режиссер в «Ночь упала на Готенхауфен» (1960 г.) делает акцент, «прежде всего, на разорение и опустошение, принесенное Советской Армией во время входа в Восточную Пруссию, что косвенно подтверждало оборонительные усилия ФРГ против советской агрессии»[7]. При незначительных различиях, к западногерманскому военному кино и фильмам о лагерях военнопленных тех лет относится то, что писал Дитрих Кульбродт в 1958 г. о фильме *«Парижский лис»* (режиссер Пауль Май): фильм протестовал

> …не против безумия войны, а (…) против «безумия войны, которую уже нельзя было выиграть». (…) Интриги офицеров основываются не на сомнениях в Гитлере, а на сомнениях в его тактике. (…) Из этого следует, что Май лишь морочит нас, стремясь своим фильмом показать подрывной характер преступной системы. В конечном итоге, он, поспешно и недопустимо обобщая, оправдывает людей, которые были носителями этой системы. Однако такое алиби было бы настоящей услугой тем, кто твердит о полной и бескритичной преемственности традиции вермахта. Его мистифицированное преображение таких уж порядочных офицеров вермахта позволяет упрекнуть Мая в том, что он прокладывает дорогу сколь удобному, столь же и опасному мифу о коллективной безвинности немцев и тем самым затрудняет горько необходимое сегодня понимание нашего нацистского прошлого[8].

IV

Иное, не менее проблематичного рода, оправдание происходило в ГДР и кино ГДР. С начала 50-х годов на ДЕФА действовало правило отказа от фильмов о войне, тем более о роли индивидуума в фашистском вермахте. Обращение к прошлым временам нацизма происходило – если происходило, вообще – с точки зрения пролетарского антифашистского сопротивления. Такая позиция, в основном, соответствовала государственной доктрине ГДР – по возможности делегировать подальше от себя соучастие в вине за нацистские преступления – лучше всего представителям «вечно вчерашних» западных немцев. Легитимация ГДР на основе антифашизма сопровождалась, грубо говоря, необходимостью общего снятия вины с народа государства ГДР. Народ антифашистов с антифашистским рабочим классом как ведущей силой не должен был испытывать чувства неуверенности вследствие каких либо сомнений в вопросах собственных заблуждений.

Примером такой оборонительной позиции в истории был снятый в 1955 г. фильм ДЕФА «Эрнст Тельман – вождь своего класса» (режиссер Курт Метциг), который обобщал немцев в третьем рейхе в нескольких небольших «типичных» категориях: маленькая преступная руководящая клика вокруг Гитлера, Геринга и Геббельса; арестованные истинные борцы Сопротивления и эмигрировавшие в Советский Союз, а теперь возвращающиеся освободители. Широкой дифференциации, тем более критического рассмотрения попутчиков и оппортунистов среди рабочих, крестьян, служащих или солдат в этом монументальном фильме, объявленном важной государственной акцией, не было. Тем не менее и ДЕФА, как и искусство и литература ГДР, в целом, время от времени размывала этот общий консенсус оправдания. Первым действительно значимым военным фильмом ДЕФА, ставшим одновременно ответом восточногерманских деятелей искусства на волну произведений в ФРГ, реабилитировавших вермахт, стал фильм Курта Юнг-Альсена «Обмануты до Страшного суда» по рассказу «Боевые товарищи» Франца Фюманна. Чрезвычайное событие, лежавшее в основе этой фабулы, произошло в июне 1941 г. на германо-литовской границе. Рассказывают, что три военнослужащих вермахта, награжденные за хорошую стрельбу внеочередным отпуском, во время охоты по ошибке убивают дочь своего капитана и топят труп в болоте. Чтобы скрыть это происшествие, отцу одного ефрейтора, генералу СС, приходит на ум подлая идея: он делает так, что мертвую девушку «находят» в день нападения Германии на Советский Союз, а ря-

дом лежит русский штык. За это впавший в отчаяние капитан приказывает расстрелять заложников; но один из трех преступников, которого терзают муки совести и который готов признать свою вину, тоже умирает: в конечном счете, речь идет о «более великом».

«Обмануты до Страшного суда» занимает выдающееся место в мировой истории фильмов о войне. Инсценировка отказалась от поучений в виде внешних действий, оставалась лаконичной и почти без диалогов. Вместо широких массовых батальных сцен режиссер делает ставку на метафоры и символы: «Место действия – болотистая и мшистая местность. Как солдатские сапоги шлепают по липкой жиже, так и троица запутывается в последствиях замалчивания и скрытности. (…) Визуально убедительны кадры газовой атаки. Искаженные масками лица людей. Противогазовые накидки покрывают тела, как саваны. На плацу – бесформенные, качающиеся силуэты. Узнать никого невозможно. Человек стал неузнаваемым.»[9]. Визуальной силе соответствовали необычные для немецкого кино тех лет духовные повороты: Франц Фюманн и Курт Юнг-Альсен ссылались в диалогах на теорию сверхчеловека Фридриха Ницше, которую с наслаждением цитирует один из преступников, а также на извращение понятий «товарищество» и «общность». Вина каждого отдельного солдата неразрывно увязывается с виной немецкого народа.

Фильм, высоко оцененный лондонской «Таймс» как «сжатый и сильный образ немецкой армии в начале войны против Советского Союза»[10] и поставленный на одну ступеньку с впечатляющим «Каналом» Анджея Вайды» (1957 г.), не дали показать в конкурсе кинофестиваля в Каннах. Этот отказ объяснялся протестом западногерманского правительства, настаивавшего на единоличном представлении Германии.

В ФРГ Межведомственный комитет по вопросам кинематографии Восток/Запад не разрешил показ фильма с обоснованием, что «демонстрация (…) перед определенным кругом лиц может, в частности, способствовать и очевидно предназначена для того, чтобы поставить под сомнение и потрясти устои государства. Тот факт, что изображены события, якобы случившиеся в прошлом, ничего не меняет в этой откровенной тенденции.»[11] Спустя несколько лет в ГДР, когда проверялось продление лицензии на фильм «Обмануты до Страшного суда», начали звучать иные сомнения: сектор приемки и контроля главного управления кинематографии высказал опасение, что фильм может усилить пацифистские тенденции среди определенных слоев населения. Однако это возражение осталось без последствий; «Обмануты до Страшного суда» продолжал идти в кинотеатрах Восточной Германии[12].

V

Другой фильм ДЕФА, который стремился сломать канон образов войны, напротив, даже не вышел на экран. В 1958 г. режиссер Герберт Балльманн начал готовить к экранизации военный роман «Час мертвых глаз» Гарри Тюрка под названием «Дом в огне». Для родившегося в 1924 г. Балльманна, который в 1942 г. был призван в вермахт, в конце войны попал в советский плен и там пошел в школу «Антифа», этот проект должен был стать ключевым фильмом его поколения, каким в 1965 г. стал снятый по роману Дитера Нолля фильм ДЕФА «Приключения Вернера Хольта».

Действие «Дома в огне» происходит в 1944 г. в Восточной Пруссии; необычным героем должен был стать немецкий солдат специального подразделения десантников. Небольшие группы этого подразделения в военной форме Красной Армии регулярно на самолетах доставлялись за линию фронта для подрыва железных дорог, мостов и складов боеприпасов. Молодой немец – старший ефрейтор – живет на восточно-прусском хуторе, где проживают еще женщина и глухонемой батрак. Случайно солдат узнает истинное лицо этого человека: батрак – офицер Красной армии, который во время движения фронта был ранен, остался во вражеском тылу, где его выходила крестьянка… Когда фронт снова смещается, деревня неожиданно оказывается на русской территории. Немец видит, как его унтер-офицер хочет ударить по хутору из фаустпатрона и убивает его. Спасаясь бегством из деревни, немец, все еще переодетый красноармейцем, погибает под приближающимися танками вермахта.

Уже литературная основа Гарри Тюрка вызвала резкую критику. Книгу упрекали не только в «жестком, американском стиле письма», но и, прежде всего, в якобы нейтральности рассказчика и сравнительно «положительном» изображении молодого немецкого солдата как противоположности профессиональным убийцам. Чтобы обойти предсказуемые возражения министерства кинематографии или комиссии ЦК СЕПГ по культуре, Гарри Тюрк и его драматургические советники на студии ДЕФА уже в заявке указывали на основное концептуальное направление будущего фильма: «Этот фильм должен послужить дружбе между Советским Союзом и немецким народом. Он рассказывает историю молодого немецкого солдата, который перерастает рамки возмущения (…) преступной фашистской войной. Его встреча с советским офицером стала настолько сильным переживанием, что он приходит к политическому осознанию и открыто порывает с фашизмом. Таким образом, он принимает решение, из которого позже у людей его склада вырастает обращение к социализму»[13].

Хотя автор и режиссер и клялись, что «Дом в огне» – это социалистический гуманистический ответ на военные фильмы западного производства[14], Герберта Балльмана незадолго до начала съемок лишили разрешения на адаптацию романа. В последующие месяцы, теперь уже под руководством режиссера Карла Бальхауза, сценарий претерпел различные метаморфозы: в частности, раненый советский офицер получил более весомую роль, чем в изначальном варианте; кроме того, думали о введении совершенно нового действующего лица – антифашиста. Оба изменения, наряду с добавлением многочисленных агитационных фраз в диалогах, должны были перевести фильм еще дальше на прежние рельсы типизированного антифашизма. Но и этого было недостаточно: в начале 1960 г., спустя два месяца после начала съемок работа была окончательно остановлена, а уже отснятый материал позже был уничтожен.

VI

Вместо жесткого, наполненного конфликтами столкновения немецкого и русского солдата, которые проходят школу жизни, где речь идет о собственном существовании, ДЕФА спустя несколько месяцев представила более мягкий, приукрашенный

вариант. Во всяком случае, в марте 1961 г. премьера фильма «Пять дней – пять ночей» (режиссеры Лев Арнштам, Хайнц Тиль) могла претендовать на первое совместное производство ДЕФА и советской киностудии (Мосфильм). И, если не считать запрещенных «Искателей солнца», впервые в фильме ДЕФА основными действующими лицами стали советские солдаты и офицеры.

Тиль и Арнштам начинают повествование в последний день войны, 8 мая 1945 г., приводят зрителя в разрушенный Дрезден и показывают, что именно благодаря жертвенности и энтузиазму советских солдат была спасена Дрезденская картинная галерея. Всеволод Сафонов в главной роли капитана, которому поручено извлечение произведений искусства, источает доброту и человечность; на его стороне подавленные, впавшие в летаргию немцы в лице художника и работника музея обретают новое мужество и волю к жизни. Своей гладкой, эвфемистической инсценировкой, утверждением незамутненной (восточно) германской близости с первого дня мира фильм получился патетическим вместо реалистичного. О сложных истинных причинах перевозки немецких картин в Советский Союз «Пять дней – пять ночей» умалчивал; окружающая обстановка не допускала никакого, даже малейшего, намека на проблематизацию темы «трофейного искусства», даже если бы этого хотели авторы фильма (что не было их намерением).

Волнующий подход присутствовал в снятом в 1962 г. втором совместном восточногерманско-советском фильме, затрагивавшем тему Второй мировой войны. «Люди и звери» (режиссер Сергей Герасимов) прослеживал жизненный путь и страдания русского, попавшего во время блокады Ленинграда в немецкий плен и увезенного в концентрационный лагерь. Почему после окончания войны он, будучи человеком без гражданства, странствовал по свету, работал камердинером в Аргентине и шофером в Гамбурге, зрителю становится понятно, когда герой – очень поздно – возвращается в Советский Союз. Там жена его старшего брата отказывается от любых контактов с ним: из страха перед трудностями, с которыми она может столкнуться, если увидится с человеком, вернувшимся из-за границы. В этих сценах фильм затрагивает тему, которую долго замалчивали и в Советском Союзе, и в ГДР: общественное клеймение советских солдат, попавших в руки фашистов как отщепенцев и предателей. Фильм «Люди и звери», премьера которого состоялась в эпоху хрущевской «оттепели», правда, в конце сглаживал картину (герой встречает женщину-врача, которой во время войны он спас жизнь, и вместе с ней начинает новую жизнь в Запорожье), но частично задавал новый тон в изображении войны и ее последствий. Тон, который в те годы можно встретить и в «чисто» советском кино: в таких фильмах как «Чистое небо» (1961 г., режиссер Григорий Чухрай) и других.

Нужно еще кратко коснуться забытого кинокурьеза: немецкие антифашисты и майор советской разведки в фильме ДЕФА «Тайный архив на Эльбе» (1963 г., режиссер Курт Юнг-Альсен) без пафоса и строгих идеологических установок действуют в чистом жанре триллера[15]. Сюжет состоит в том, что группенфюрер СС намерен тайно передать картотеку агентурной сети гестапо, простирающейся от Прибалтики до Балкан, американским спецслужбам. Советский майор, сброшенный в Германию на парашюте, предотвращает эту передачу и в финале фильма, полностью построенного на внешних действиях, передает ее в Советский Союз.

Ловкого майора Керимова играл Ханс-Петер Минетти, который за несколько лет до этого в «Доме в огне» исполнил роль «немого» советского батрака.

VII

Были, конечно, и другие фильмы, которые – на Востоке и на Западе – способствовали, действительно, новому пониманию военной темы. В отличие от оправдывающих историй вермахта á la «08/15» и «Парижского лиса», в 1959 г. молодой актер и режиссер Бернхард Викки поразил превосходным и последовательным антивоенным фильмом «Мост». Викки еще в 1953 г. сыграл главную роль в примечательном фильме Хельмута Койтнера, который, поскольку не нашлось ни одного немецкого прокатчика, пришлось реализовывать как австрийское производство: «Последний мост», история немецкого военного врача-женщины (Мария Шелл), которая решается помочь раненым югославским партизанам (среди них Викки). «Наконец здесь солдаты, какими они были», – писал критик Гунтер Гролль, – «ни сверх-, ни недочеловеки. Всего лишь люди. Они не сияют героическим блеском, но и не очерняются. Они воюют без ненависти. Они страдают без пафоса. Они сыты войной, не бунтуя. Они думают о своих семьях, ругаются, выносят страдания, у них юмор висельников и довольно мало фразерства. (И мы знаем, что так было)». «Последний мост», как отметил Гролль, это фильм о «милосердии и любви»[16].

В «Мосте», своей второй самостоятельной режиссерской работе, Викки убрал любые элементы сентиментальности. Поминутно и безжалостно он описал апрельский день 1945 г. в маленьком баварском городке, незадолго до капитуляции. Семь юношей, которые еще вчера сидели за школьной партой, следуют «последнему призыву»; шесть из них погибают в совершенно бессмысленной обороне расположенного перед их городом моста. Радикально, как никакой другой западногерманский фильм о войне до этого, «Мост» назвал войну преступлением, большинство немцев – родителей, учителей, военных – соучастниками вины.

В ГДР, где «Мост», в отличие от всех других западногерманских военных фильмов, был включен в программы показа, сразу же четыре фильма вступили на целину политического и эстетического освоения тем третьего рейха и Второй мировой войны: фильм Конрада Вольфа «Звезды» (1959 г.), Герхарда Кляйна «Операция Гляйвиц» (1962 г.), «Королевские дети» Франка Байера (1962) и Иоахима Кунерта «Приключения Вернера Хольта» (1965 г.). «Звезды» – совместное производства ДЕФА с Болгарией, показывал процесс прозрения немецкого унтер-офицера, который, проходя службу в болгарском тылу, влюбляется в греческую еврейку, однако, не может предотвратить ее депортацию. «Операция Гляйвиц» точно и холодно описывала механизм немецкого нападения на радиостанцию Гляйвиц – преступление, замаскированное под нападение поляков, которое дало Гитлеру повод для начала Второй мировой войны[17]. «Королевские дети» прослеживал биографии берлинской пары антифашистов в 1933–1943 годах, которая постоянно теряет друг друга. Фильм вел из окопов штрафной роты вермахта, куда был направлен главный герой Михаэль (Армин Мюллер-Шталь), прямо в Красную Армию, причем здесь затрагивалась тема перебежчиков (с положительной коннотацией), которая позже стала определяющей для некоторых других фильмов ДЕФА. Наконец, «Приключения Вернера Хольта» по очень популярной книге Дитера Нолля показывал процесс созревания преданного нацистам молодого человека, у которого, благодаря множеству встреч с современниками различной политической окраски и пребыванию на фронте, открываются глаза на сущность фашизма и войны.

Новые подходы к теме в сочетании с до сих пор неизвестными, строго стилизованными формами («Операция Гляйвиц»), а также заряженным, экспрессивным образным языком («Королевские дети») были следствием подъема в кинематографии других социалистических государств. В Польше Анджей Вайда, Анджей Мунк и Ежи Кавалерович, в Венгрии Золтан Фабри, в Чехословакии Франтишек Влацил и Ян Немеч, в Советском Союзе Михаил Калатозов, Сергей Бондарчук и Григорий Чухрай показали, насколько вымученным было патетически-натуралистическое кино 40-х и 50-х годов и насколько волнующими могут быть фильмы о простых солдатах, рядовых тружениках войны. Это все лучше понимали и на студиях Потсдама-Бабельсберга.

VIII

Наиболее значительным фильмом, который когда-либо снимался на ДЕФА о Второй мировой войне, посвященный отношениям немцев и русских, стал снятый в 1967/68 гг. фильм Конрада Вольфа «Мне было девятнадцать». Сын врача и писателя Фридриха Вольфа ребенком эмигрировал в Советский Союз и в январе 1943 г., будучи восемнадцатилетним, вступил в Красную Армию. Во время своей работы в политотделе 47-й армии, которая с боями прошла от Кавказа до Берлина, он вел дневник, последние записи в котором в апреле 1945 г. теперь стали основой для «Мне было девятнадцать».

Как и в других своих фильмах – прежде всего в «Искателях солнца» и «Мама, я живу!» – и здесь он разрабатывает тему своей жизни: отношение к Германии (не только ГДР!), поиск утраченного и сближение со ставшей чужой родиной.

Когда Конрад Вольф 19-летним юношей возвратился, страна его рождения встретила его как чудовищное создание, к которому можно приблизиться лишь с ужасом. Советский же Союз предоставил немецко-еврейской семье убежище; в Москве Вольф созрел биологически и политически. До своей безвременной смерти в 1982 г. режиссер, постоянно внутренне разрываемый между происхождением и склонностью, считал себя посредником между народами, культурами и людьми. Перед смертью, как рассказывают, свои последние слова он произнес по-русски – на том языке, на котором он вел и свой дневник.

«Мне было девятнадцать» (сценарий Вольфганга Кольхаазе) начинается незадолго до 16 апреля 1945 г. на Одере и заканчивается 3 мая на крестьянском хуторе на дороге западнее Берлина – временные рамки последнего русского наступления. Основным героем фильма является Грегор Хеккер – «альтер эго» Вольфа, лейтенант разведывательного подразделения Советской Армии. Из разболтанной машины с громкоговорителем – на протяжении месяцев его дом – он обращается к немецким солдатам, призывает их сложить оружие. В начале фильма для Грегора немцы все на одно лицо. Он сомневается, способен ли этот народ, действительно, к новому, демократическому устройству.

Грегор Хеккер в различных эпизодах встречается со множеством лиц и настроений: впечатляет отчаявшаяся, окаменевшая от горя девушка, страх и пессимизм которой молодой человек не может прорвать, или ландшафтный дизайнер, проживавший вблизи концлагеря, однако старавшийся не замечать его в окружении классической

Сцены из фильма «Мне было девятнадцать»: герой фильма Грегор Хеккер, молодой немец в форме Красной Армии (в исполнении Джеки Шварца) и его друг Вадим (Василий Ливанов) при попытке войти в цитадель Шпандау в качестве парламентеров; ниже: агитация перед вражескими частями: солдат вермахта призывают к добровольной сдаче

литературы и ушедший во внутреннюю эмиграцию. При этом, Вольф монтирует совершенно различные уровни настроения: в документальной вставке (из старого документального фильма ДЕФА «Лагерь смерти Заксенхаузен», 1946 г., режиссер Рихард Брандт) он показывает палача концлагеря, который детально, как бюрократ, описывает различные механизмы умерщвления[18]. Затем режиссер демонстрирует веселый праздник по случаю 1 мая с пельменями, водкой и оркестром пожарных, на который русские солдаты приглашают и освобожденных немецких заключенных. Хеккер встречается с офицерами крепости Шпандау, ослепшим после ранения солдатом, шепчущим «Мы многое видели». Он сталкивается с сословным высокомерием, узколобостью, отупением, холодностью, неуверенностью.

В процессе этого герой меняется: не гневная сентенция Эренбурга «Убей немца, где бы ты его ни встретил!» теперь определяет его действия, а понимание, что физически и морально разрушенную страну можно восстановить только *вместе* с ее жителями. Хеккер на себе ощущает, как вдруг он начинает чувствовать вместе с немцами: он стыдится за них, радуется вместе с ними. Началось прощание с другой, русской родиной. Правда, последние слова оставляют не слишком оптимистичный образ: полуразбитая команда эсэсовцев, стремящаяся уйти из Берлина, убивает друга Грегора, молодого русского Сашу. Грегор кричит вслед убегающим стрелкам, что он этого никогда не забудет: «Я буду гнаться за вами, пока вы не сдохнете… Пока

вы не поймете, что это кончено, кончено раз и навсегда». Он целится в них, а пленный немецкий офицер презрительно комментирует: «Немцы стреляют в немцев».

В 1968 г. снять фильм «Мне было девятнадцать» было мужественным поступком еще и потому, что он противоречил гладкой картине истории, рисуемой СЕПГ. Официально май 1945 г. в ГДР уже давно был сужен до понятия «освобождение»: все русские считались без каких-либо скидок, огульно, «друзьями», граждане ГДР в своей расстеленной сверху «антифашистской» кроватке могли забыть свою долю вины в войне и смерти. Вольф же показал, что лишь очень немногие в 1945 г. чувствовали себя «освобожденными»: большинство, видя входящих победителей, были исполнены страха, ненависти, отчаяния, глубочайшего пессимизма, были одновременно носителями и жертвами нацистской идеологии.

До сегодняшнего дня сила фильма определяется его жесткой правдивостью и стремлением к высшей степени аутентичности. Глубокие черно-белые картины передают настроение, в котором постоянно сталкиваются печаль и надежда: «Мы хотели, – писал позже Вольф, – вести камеру не бережно и искусственно эстетически, а обходиться с ней весьма свободно. Мы двигались с камерой так, как могли бы двигаться военные корреспонденты в условиях войны, и мы надеемся, что тем самым мы нашли стиль, соответствующий этому специфическому материалу». Одновременно от актеров требовалась высшая степень импровизации, прежде всего, от тогдашнего студента актерского отделения Джеки Шварца в главной роли, которого Вольф ставил в «неизвестные» ситуации, из которых он, как его герой Грегор, должен был выбираться. Возникавшее, таким образом, замешательство и перепады настроения почти документально фиксировались камерой.

«Мне было девятнадцать» принадлежит к выдающимся немецким антивоенным фильмам. Без пафоса и слезливости Конрад Вольф раскрывает ужасы войны и вину немцев. В отличие от других фильмов ДЕФА, в его кинопроизведениях русские не стилизовались в героев: они оставались людьми с их своеобразием и слабостями. Вольф никогда не захлестывает зрителя форсированной эмоциональностью, а оставляет между зачастую афористичными образами достаточно места для собственных ассоциаций. Писатель Штефан Хермлин в 1983 г., сразу после смерти режиссера, писал, что «Мне было девятнадцать» «среди всех военных фильмов был тем, о котором больше всего говорили и больше всего молчали»[19].

IX

В том же году, в косвенной связи с фильмом Вольфа «Мне было девятнадцать», вышел фильм ДЕФА «Русские идут» (режиссер Хайнер Каров). Если у Вольфа в центр внимания был поставлен сын немецких родителей, возвращающийся с Красной Армией на ставшую ему чужой родину, то здесь речь шла о шестнадцатилетнем юноше, выросшем в Германии, который настолько сроднился с лозунгами нацистов, что его вера приводит его, в конечном счете, к безумию. Для него, как и для многих его ровесников, «нормально», что он должен «быть впереди», когда речь идет о преследовании бежавшего советского работника из числа угнанных в рабство. То, что «уличная игра» становится кровавой действительностью – рьяный полицейский

Сцены из фильма Хайнера Карова «Русские идут» (1968/1988 гг.) с Гердом Краузе, Виктором Переваловым и Клаусом Кюхенмайстером

убивает затравленного русского на складе – для юноши никак не связано с преступлением.

В безумие ввергает его не победа Красной Армии, а поведение окружающих его: в хаосе поражения жители городка оказываются эгоистичными грабителями (для сопровождения сцен мародерства режиссер использовал мотивы из 9-й симфонии Бетховена); учитель, интеллектуал и сторонник германского национализма, идет на самоубийство, опасаясь «заката Запада», о котором пророчествовал Освальд Шпенглер; мать, одна из многих «попутчиц», сжигает все фотографии, на которых изображен погибший отец в военной форме. А полицейский, на совести которого убитый русский, не только отрицает содеянное, но и, находясь в камере в подвале русской комендатуры, сваливает это на юношу.

Каров перредает мысли и ощущения своего запутавшегося героя с помощью ряда убедительных образов. Сначала он показывает массу как орнамент: шествие членов гитлерюгенда под барабанный бой и с факелами, мотивы полного обезличивания, сознательно последовательностью кадров напоминающие о фильмах Лени Рифеншталь. Более интимные моменты переносят отдельных действующих лиц в большие пространства: подчеркивание одиночества, пустоты и страха. Монтаж Карова контрастен, он сочетает восхваляемую «честь» и реальные преступления: образы присяги «фюреру» смонтированы параллельно с мотивом, где на тачке лежит мертвый «остарбайтер» головой вниз. Этот мертвый позже переживает свое воскресение: тот же актер, который играл убитого, в побочном действии фильма появляется в виде молоденького красноармейца Игоря: сильная поэтическая находка. Последние кадры показывают Игоря одного на море; последние, сказанные им слова в фильме: «Люди, где вы?».

Когда Каров завершил съемки «Русские идут», он уже на студии ДЕФА столкнулся с непониманием. Члены дирекции, функционеры культуры, но и коллеги упрекали фильм в формалистических и модернистских тенденциях, колебаниях между натурализмом и символизмом, конгломерате из реальности, снов и кошмаров, фантомов и видений. Считали, что в нем заложена «психологизация фашизма». Среди упреков, с которыми пришлось столкнуться режиссеру, было и такое нелепое предположение, что образом говорившего по-английски красноармейца Игоря он хотел пропагандировать в ГДР движение хиппи и их лозунг «make love – not war» («занимайся любовью, а не войной»).

Фильм «Русские идут» был запрещен к показу; лишь в 1987 г. с единственной сохранившейся рабочей копии, которую тайно хранила Эвелин Каров, монтажер фильма и жена режиссера, удалось сделать новый негатив. «Русские идет» теперь явно посвящался Конраду Вольфу.

X

В «Русские идут» Каров, как и Вольф в «Мне было девятнадцать», показал панический страх немцев перед приближением Красной Армии. Одновременно он показал встречу – в подвале комендатуры – немецкого юноши из гитлерюгенда и его ровесника русского солдата. Красноармеец несет подмышкой детскую игрушку: чертенка в деревянном ящике, который является метафорой побежденного фашизма. Еще в камере молодой русский предлагает молодому немцу дружбу. Когда в 1987 г. фильм вышел на экраны, по поводу этой сцены были возражения: «Жаль, – писала восточноберлинский критик Роземари Рехан, – это сцены, которые из лучших побуждений предвосхищают будущие отношения и преуменьшают, даже идеализируют величие страдания исторического момента победы и освобождения побежденных»[20].

Действительно, на ДЕФА лишь изредка было возможно реалистичное изображение отношений между немцами и русскими во время и после Второй мировой войны. Закрепленная государством «нерушимая дружба», усердно и неустанно повторявшаяся политиками ГДР, почти не допускала, прежде всего, в киноискусстве жгучих вопросов и «жестких» образов. То, что в литературе, особенно во время определенных фаз политической либерализации, пока еще разрешалось, например, изображение злодеяний по отношению к гражданскому населению, в частности, изнасилование немецких женщин советскими солдатами[21], на экране в непосредственном контакте со зрителем было совершенно невозможно. Свинцовой тяжестью табу лежало на германо-советской теме; поэтому ряд военных фильмов ДЕФА, где были русские герои, ограничивался немногими работами. Почти полностью табуировано было изображение размещенной в ГДР Советской Армии[22].

Тем не менее деятели кино на ДЕФА продолжали пытаться раздвинуть границы того, что можно было показать и сказать. К усилиям по содержательному и стилистическому освоению целины относится вышедшая в 1970 г. единственная комедия ДЕФА, действие которой происходит на восточном фронте – фильм Иоахима Хаслера «Мой час ноль» по сценарию Юрека Беккера. В качестве героя выступал берлинец по имени Курт Хартунг, сын рабочего, который, скорее, от недостатка альтернатив, нежели по убеждению, пошел на войну и в августе 1943 года попал в плен

Красной Армии. В лагере он позволяет уговорить себя еще раз вернуться в свое подразделение вермахта, чтобы там гусарским наскоком похитить высокопоставленного офицера, знающего последние планы наступления немцев. «Превращение», скорее, аполитичного ефрейтора в антифашиста происходит довольно быстро: будучи юношей-рабочим, как утверждает фильм, этот Хартург имеет антифашистские гены уже в крови. Его готовность стать советским партизаном не означает смены настроений, а основывается на пробуждении его собственной сути. «Это не моя война. Мне никто ничего не сделал», – заявляет он немецкому коммунисту, который агитирует в лагере и который прибыл в СССР в 1936 г. из нацистской тюрьмы. Словами о том, чтобы рассматривать Советский Союз как истинную родину всех пролетариев, в фильме больше не злоупотребляют; более действенными авторам фильма кажутся оригиналы кадров советского выпуска новостей, которые Хартунг видит в лагере и которые говорят иным языком, чем постоянные сообщения нацистов о победах. Когда ефрейтор после создания Национального комитета «Свободная Германия» узнает об участии в его работе генерала фон Зейдлитца, он окончательно принимает решение об участии в похищении.

«Мой час ноль» живет за счет яркого, лаконичного Манфреда Круга в главной роли и точных диалогов типа «Почему я не в Сибири?» – «Мы хотим сделать из тебя партизана!» – «Я если я не хочу?» – «Лучше будет, если ты захочешь!». Превращение немецкого ефрейтора в соратника Красной Армии лучше всего объясняется, прежде всего, отношением Хартунга к похищаемому: именно майор Штеккбекк, которого он должен похитить и привезти к русским, до этого неоднократно посылал его в команду смертников[23]. После успешной операции, в которой помимо Хартунга участвуют двое русских, переодетых в немецкую форму, трое «победителей» обнимаются: заключительный кадр, который должен подтвердить, что уже в разгар войны можно было закрепить будущую дружбу.

Более сложно, как всегда, действовали Конрад Вольф и его автор Вольфганг Кольхаазе, когда они в 1976 г. снимали фильм «Мама, я живу!». И он, как и «Мой час ноль», начинаются с групповой фотографии немецких солдат, только они здесь уже носят советскую военную форму. Герои Вольфа и Кольхаазе – четыре молодых человека, которые в русском лагере военнопленных решаются бороться не просто против «немцев», а против фашизма: гимназист, студент богословия, плотник и якобы артист цирка, жонглер, который позже оказывается почтовым рассыльным. В ярких обратных наплывах фильм показывает, как остальные немецкие пленные относились к «перебежчикам»: брезгливо, жестоко, с полным отвращением. На этом фоне «Мама, я живу!» не хотел давать упрощенной мотивировки весьма неординарного шага смены военной формы. Соответственно не было и речи о «пролетарских генах, которые должны пробудиться. Вместо этого фильм ссылался на робкое, подспудное неприятное ощущение собственных переживаний во время войны, на христианские добродетели и такие качества характера, как чистоплотность и глубоко укоренившуюся гуманность.

И русская сторона, как в «Искателях солнца» и «Мне было девятнадцать», была показана Вольфом и Кольхаазе дифференцированно. Были показаны не железные, героические профессиональные борцы на постаментах, а напротив, люди, которые не любят войну. Партизанский генерал, в гражданской жизни пасечник, по пути на фронт раздает мед: «Генерал я только вынужденно». В фильмах постоянно присутствует недоверие русских солдат и офицеров к немецким «перебежчикам»: так, по-

жилой солдат под угрозой оружия вынужден делить с юношами баню. Если подобные сцены можно было видеть уже в прежних военных фильмах ДЕФА (даже в прямолинейной эвфемистической картине «Пять дней – пять ночей»), мягко рассказанная история любви немецкого плотника и русской женщины-офицера оказалась новым для канона ДЕФА. Изображая подобные отношения, Вольф и Кольхаазе, не в последнюю очередь, затрагивали долгое время табуированную и на русской стороне тему многолетнего подавления женской сексуальности во время войны.

В одной из самых важных сцен фильма Вольф и Кольхаазе дают философский диалог между студентом богословия Кушке и германистом Маурисом (в исполнении литовского актера Донатаса Баниониса). Этот диалог, выходя за рамки военной темы, непосредственно ведет в современность. Речь шла о добре и зле, о «новом обществе», о том, что будет «после». «Что вы делаете со злом в вашей системе?», – спрашивает Кушке, – «Вы его просто отменяете? А диалектика? То, что противоречие движет развитием? Если зло отменить, то где же противоречие? Чем проверяется добро?»[24]. Такими вопросами, которые в общественных науках государств реального социализма рассматривались и «решались» жестко упрощенно, Вольф и Кольхаазе прощаются с темой войны. Своим следующим фильмом «Соло Санни» (1980 г.) оба вплотную подошли к конфликтам современности.

XI

Картинами восточного фронта «молодое немецкое кино» ФРГ почти не интересовалось. Было ли это незнание или новое поколение режиссеров отказывалось от темы, а не только от фатальной близости к оправдывающим военным фильмам 50-х годов, от «кино отцов»? Важнее, чем картины войны, для молодых было исследовать, как устроились попутчики и преступники в западногерманском послевоенном обществе. В связи с этим возникли сухие и радикальные фильмы, как фильм Жана-Мари Штрауба и Даниэля Юле «Не примирившиеся, или Только насилие помогает там, где царит насилие» (1965 г.) по роману Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого» или критическое развлекательное кино, как «Берлингер» (1975 г.) Альфа Брустеллина и Бернхарда Зинкеля, легенда об индивидуалисте-предпринимателе, который терпит крах и при нацистах, и в наше время, столкнувшись с теми же противниками. Молодое западногерманское кино отражало, если отражало, вообще, войну на Востоке почти исключительно через маленькие частные истории: «Девичья война» Зинкеля и Брестеллина (1977 г.), иллюстрирующая события в Праге 1936–1945 гг.; «Час ноль» Эдгара Райтца (1976 г.), история бывшего члена гитлерюгенда в дни между выводом американцев и входом русских. Насколько «молодое немецкое кино» мало умело и хотело касаться войны на Востоке, подтверждает – совершенно особняком стоящая – экранизация «Жестяного барабана» Гюнтера Грасса Фолькером Шлёндорфом (1979 г.), где вход русских в Данциг был сведен к появлению солдат азиатской внешности в бомбоубежище и бегло показанному изнасилованию немки.

Возвращение западногерманского кино к «большому» военному фильму произошло лишь благодаря режиссерам, которые, в свою очередь, не были связаны с «молодым немецким кино». Американский рутинер и специалист по насилию Сэм Пеккинпа представил в 1977 г. совместную западногерманско-британскую картину

«Штайнер – железный крест», в которой он сталкивает свободного от любых иллюзий фельдфебеля и фанатика-капитана. Место действия – восточный фронт в 1943 г. – дает лишь оболочку для действия, идейная сердцевина которого, различные точки зрения на смысл войны, закрыты богатым внешним оформлением. Самым дорогим западногерманским фильмом стал в 1980 г. фильм «Подводная лодка» Вольфганга Петерсена по роману Лотара Гюнтера Буххайма с обилием сцен «action». Историки кино Ханс Гюнтер Пфлаум и Ханс Хельмут Принцлер критически обобщили: «Какой, правда, был смысл в том, чтобы, вложив 25 миллионов марок, показать немецких солдат на подводной лодке скорее невинными жертвами, чем преступниками, на это постановка Петерсена не смогла ответить»[25]. Оценка, которую нужно отнести и к двум созданным в 90-х годах XX века – уже «общегерманским» – военным фильмам «Сталинград» (1997 г., режиссер Йозеф Фильсмайер) и «Пока несут ноги» (2001 г., режиссер Харди Мартинс)…

XII

Изображение Второй мировой войны и отношения между русскими и немцами в фильмах последнего десятилетия существования ДЕФА, в целом, уже не достигали значения и общественного интереса таких работ, как «Мне было девятнадцать» или «Мама, я живу!». Возможно, это связано с тем, что в материале речь шла – за исключением «Дома на реке» Роланда Грефа (1986 г.), психограммы «фронта на родине» и философской параболы Райнера Зимона «Дело О.» (1991 г.), действие которой происходит в оккупированной Греции – главным образом, об историях для детей и молодежи. Режиссерский дебют оператора Юргена Брауэра[26] «Пуговица» (1981 г.) описывал дни краха и освобождения, с точки зрения 11-летнего сироты. После нескольких впечатляющих сцен колонны беженцев фильм с восторгом ребенка показывает «новый строй» при русской оккупации: Генрих, герой, перенимает манеру и тон своих новых друзей и в их духе спорит с крестьянами и реакционным управляющим поместий. С сегодняшней точки зрения, фильм, кажется, представляет коммунизм как наивную, однако едва реализуемую детскую веру, к которой – по праву – нужно относиться критически. Правда, подобная интерпретация в то время не входила в намерение автора. Почти незамеченной осталась в ГДР состоявшаяся в октябре 1982 г. премьера совместного фильма ДЕФА и московской студии им. Горького «Александр маленький». Режиссер Владимир Фокин продлил военные действия до первых недель после немецкой капитуляции и показал нападение молодых фашистских вервольфовцев на детский дом для немецких детей, в который русские солдаты только что привезли продукты, обувь и медикаменты. «Александр маленький» показывает контраст жгучего фанатизма, с одной, и бесконечной доброты, с другой стороны. Между фронтами оказывается бывший член гитлерюгенда, который сначала встречает русских с неприкрытым отвращением («Я не говорю по-собачьи», – отвечает он капитану Красной Армии), однако, все больше и больше понимает, что он роковым образом заблуждался.

«Александр маленький» впервые в истории ДЕФА обратился подробно к теме вервольфа, то есть тех группировок молодежи, которые, мародерствуя, после 8 мая 1945 г. бродили по стране. Показывая их коварство и опасность, фильм одновремен-

но поддерживал актуальный политический лозунг «мир должен быть вооруженным» и рассматривал себя как отказ от распространявшихся в ГДР пацифистских тенденций. Критическую реалистичную переработку действительных случаев, когда оккупационные власти в 1945/46 годах беспричинно или по ложным обвинениям арестовывали и зачастую депортировали молодых немцев, ко времени начала съемок невозможно было себе представить. Вместе с тем, сцену, где русский капитан сразу же отпускает немецкого юношу после выстрелов из пистолета, можно объяснить попыткой сгладить остроту послевоенной действительности.

Молодое поколение режиссеров ДЕФА 80-х годов, как и их западногерманские коллеги 60-х и 70-х годов, уже не слишком интересовалось войной и «рожденной в борьбе германо-советской дружбой». Лишь однажды появился важный, к сожалению, большей частью оставшийся незамеченным фильм о последних месяцах третьего рейха: фильм Михаэля Канна «Штильке, Хайнц, пятнадцать…» Заглавный герой, убежденный член гитлерюгенда, в апреле 1944 г. узнает, что его отец был еврей, его выгоняют из гимназии и из гитлерюгенда. Во время последующей одиссеи у героя нет времени поразмышлять над своим новым, в значительной мере, безнадежным положением – события захлестывают его, постоянно речь идет о выживании. В конце войны Штильке все же начинают натаскивать для фронта, как некогда юношей из фильма Бернхарда Викки «Мост». Ровесник-товарищ во время перерыва в занятиях читает ему прощальное письмо своего отца: «Мы спорили о “Песне о Нибелунгах”, – говорится там, – и я считал, что клятва верности отменяется, если руководство оказывается легкомысленным, продолжение операции бессмысленным, даже преступным… Лишь полное поражение позволит Германии возникнуть вновь. Новой и, может быть, снова порядочной. Для этого старики должны полностью уйти… Живи лучше, чем я, мой мальчик…».

Подобные слова относились уже не только к последним дням Третьего рейха. Они имели в виду и агонию ГДР.

Перевод с немецкого Елены Мокрушиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К ним относятся особенно те фильмы, которые были созданы под руководством режиссеров и продюссеров-евреев или полуевреев и разрабатывают тему Холокоста, как, например производство ДЕФА «Брак в тени» (1947 г., режиссер Курт Мэтциг), «Дело Блюма» (1948 г., режиссекр Эрих Энгель) или западногерманского производства «Долог путь» (1948 г., режиссеры Герберт Б. Фредерсдорф, Марек Гольдштайн) и «Моритури» (идущие на смерть) (1948 г., режиссер Ойген Йорк). Важна также поставленная в экспрессионистском стиле парабола о милитаризме и унижении человека «Воццекк» (1947 г., режиссер Георг К.Кларен) по драме Георга Бюхнера.

[2] На 2 партийной конференции СЕПГ в июле 1952 г. Вальтер Ульбрихт утверждал: «Борьба за новую Германию демонстрирует так много драматических конфликтов, что нельзя говорить о недостатке материала. ДЕФА должна начать производить фильмы о событиях борьбы за создание основ социализма, уделять больше внимания вопросам села и выдавать больше таких фильмов, которые показывают выдающихся личностей истории нашего народа в их творчестве». Тем самым, осмысление фашистского прошлого сразу же отодвигалось на второе и третье место.

[3] План Народного предприятия Студия ДЕФА Потсдам-Бабельсберг по производству художественных фильмов на 1954 г. BA-SAPMO IV 2/906/218. S. 10.

[4] Предысторию запрета «Искателей солнца» можно прочитать в частности в: *Konrad Wolf:* Neue Sichten auf seine Filme. Beiträge zur Film- und Fernsehwissenschaft. – Potsdam 1990, Heft 39. S. 34.

[5] Первым полководцем третьего рейха, который после Второй мировой войны стал киногероем, был, правда, генерал-фельдмаршал Роммель в американском фильме «Роммель, лис пустыни» («The Desert Fox», 1951 г., режиссер Генри Хатауэй).

[6] *Thomas Heimann:* Erinnerung als Wandlung: Kriegsbilder im frühen DDR-Film. B: Martin Sabrow (Hrsg.): Geschichte als Herrschaftsdiskurs. Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR. – Köln, Weimar, Wien, 2000. S. 43.

[7] *Walther Schmieding:* Kunst oder Kasse. Der Ärger mit dem deutschen Film. – Hamburg, 1961. S. 50.

[8] *D.K.:* Der Fuchs von Paris. B: Filmkritik. – Frankfurt am Main, Heft 1/1958. S. 22. Эта оценка, в полной мере, относится и к шестисерийному телевизионному фильму «Пока несут ноги» (1959 г., режиссер Фритц Умгельтер) по роману-бестселлеру Йозефа Мартина Бауэра, в котором немецкий солдат тащится из Сибири до Ирана и затем приходит домой. – Ответный проект ГДР, при демонстрации которого тоже вымирали улицы, вышел на экраны Восточной Германии в 1961 г.: «Совесть пробуждается», история коменданта Грайфсвальда, который в 1945 г. без боя сдал свой город Красной Армии и в плену стал истинным другом Советского Союза, Один из очень немногих художественных и телевизионных фильмов ГДР, где офицер вермахта становится главным героем.

[9] *Fred Gehler:* Die Amoral des Übermenschen. Erinnerung an «Betrogen bis zum jüngsten Tag» (1957). B: Film und Fernsehen. – Berlin (Ost), Heft 1/1985. S. 26f.

[10] Цитируется по: *Horst Knietzsch:* Film gestern und heute. Gedanken und Daten zu sieben Jahrzehnten Geschichte der Filmkunst. – Leipzig, Jena, Berlin (Ost), 1967 (3. Aufl.). S. 250.

[11] Цитируется по *Stephan Buchloh:* «Pervers, jugendgefährdend, staatsfeindlich». Zensur in der Ära Adenauer als Spiegel des gesellschaftlichen Klimas. – Frankfurt am Main, 2002. S. 226f.

[12] После удачного опыта с адаптацией рассказа «Боевые товарищи» поэт Франц Фюманн в конце 50-х годов написал сценарий для фильма ДЕФА «Те, кому за 40», который впоследствии он считал неудачным. Здесь он прослеживает жизненные пути двух немцев на протяжении сорока лет – юноши-рабочего и сына фабриканта. Школьные товарищи встречаются в том числе и в Советском Союзе: сын рабочего теперь член парламента Национального комитета «Свободная Германия», сын фабриканта – офицер вермахта, стреляющий в своего прежнего друга. Схема, которая ярко подтверждала основную мысль и схематизм фильма. Режиссером фильма, как и в «Обмануты до Страшного Суда» был Курт Юнг-Альсен.

[13] BA DR 117, Exp. 5A, datiert vom 10. November 1958.

[14] BA DR 1, 4439, datiert vom 12. Januar 1959.

[15] Лишь спустя несколько лет ряд телефильмов ГДР использовали Вторую мировую войну как фон для приключенческих фильмов: «Тайная команда “Бумеранг”» (1966 г., режиссер Хельмут Кретциг), «Тайная команда Чупага» (1968 г., режиссер Рихард Грошопп), «Тайная команда Шпрее» (1968 г., режиссер Хельмут Кретциг) и «Тайные следы» (1969 г., режиссер Хельмут Кретциг) показывали членов Национального комитета «Свободная Германия» во время опасных операций за линией фронта. Автором фильмов был Рудольф Бём, в прошлом офицер вермахта, который входил в Комитет «Свободная Германия» и в 1956–58 гг. как главный драматург студии ДЕФА отвечал за участие в программе съемок таких художественных фильмов как «Обмануты до Страшного суда» и «Дом в огне».

[16] *Gunter Groll:* Auf dem Weg zum Weltformat. Süddeutsche Zeitung. – München, 6. Januar 1954.

[17] «Операция Гляйвитц» подверглась резким нападкам со стороны некоторых политиков в области культуры в ГДР. Наряду с «модернистским» образным стилем порицалось, прежде всего, отсутствие положительного антифашистского контрполюса, контрастирующего с изображенными фашистскими функционерами.

[18] Вольф не знал: этого молодого человека, который был заключенным, вынудили служить палачом. Его «истинная» история была рассказана лишь в 2001 г. в документальном эссе «Палач – у смерти есть лицо» Гунна Дедио и Йенса Беккера.

[19] *Stephan Hermlin:* Für Konrad Wolf. B: Film und Fernsehen. – Berlin (Ost), Heft 10/1982. S. 9.

[20] *Rosemarie Rehahn:* Zerstörte Kindheit. B: Wochenpost. – Berlin (Ost), Heft 51/1987.

[21] Эта тема было подробно исследована в 1991 г. в документальном фильме «Освободители и освобожденные» (режиссер Хельке Зандер).

[22] Лишь после 1990 г. можно было делать документальные фильмы о повседневной жизни и выводе советских солдат с Востока Германии, например, волнующий полнометражный докумен-

тальный фильм «Спустя многие годы после битвы» (1995 г., режиссеры Эдуард Шрайбер и Регине Кюн).

[23] Роль майора Штеккбекка исполнил Курт Юнг-Альсен, который инсценировал для ДЕФА, в частности, «Обмануты до Страшного суда» и «Секретный архив на Эльбе».

[24] *Wolfgang Kohlhaase:* Mama, ich lebe. Drehbuch. B: Film und Fernsehen. – Berlin (Ost), Heft 5/ 1977. S. 49.

[25] *Hans Günther Pflaum / Hans Helmut Prinzler:* Film in der Bundesrepublik Deutschland. – München / Wien, erw. Neuausgabe 1992. S. 37.

[26] Юрген Брауэр в 1967 г. участвовал в съемках фильма Хайнера Карова «Русские идут». Позже Каров писал, что Брауэр «этим фильмом раскрыл самого себя как оператора». Брауэр в последний момент взялся за режиссуру «Пуговицы», чтобы помочь студии выйти из затруднительной ситуации. Изначально фильм должен был ставить режиссер комедий Георгий Киссимов. Он также ушел, как и за несколько дней до начала съемок намеченный для него режиссер Гунтер Шольц.

Нея Зоркая

НЕЗАЖИВАЮЩИЕ РАНЫ ВОЙНЫ.
Великая Отечественная война на советском экране 1945–1990 годов

С окончанием войны военная тема не только не сходит с экрана, но захватывает на нем важное место. О миновавшей войне были сняты за последующие десятилетия буквально сотни фильмов – ни одна из стран, войну переживших (исключая, пожалуй, Польшу – первооткрывательницу послевоенного европейского кино о войне) не сравнится с советским экраном в этом отношении. Даже Италия, где эпохальные события 1944–45 годов породили новаторское направление неореализма, оказавшее влияние на весь мировой кинематограф второй половины XX века. Даже Франция с ее живительным опытом антифашистского Сопротивления. Не говоря о Германии, чьи послевоенные судьбы закономерно трагичны и особы.

Сложное сплетение причин стоит за огромным явлением, которое – в зависимости от точки зрения – называют или «священной памятью», или «культом Второй мировой войны в Советском Союзе».

Прежде всего – действительно непомерные, чудовищные жертвы, страдания и потери народа. Статистика погибших даже по лживому, еще сталинистскому, подсчету потерь, говорила о восьми миллионах – то есть, равном истребленному населению какой-либо отдельной страны или числе, соответствущем цифрам жертв Холокоста. От десятилетия к десятилетию это число даже в официальных сообщениях росло, и сегодня говорится о двадцати с лишним миллионах погибших. В России нет семьи, где кого-то из членов ее или близких не унесла война. Отсюда – неисчерпаемый запас людских драм, историй, биографий, эта почва искусства.

В условиях советского тоталитарного режима сюжеты, конфликты и страдания войны оставались некоей относительно «свободной зоной» искусства. Та легализация страдания, горя, страстей человеческих, которая произошла еще в начале войны под влиянием реальности и изменила ландшафт казенно-оптимистического экрана 1930-х, продолжалась. В фильмах о войне существовал явственный виновник бедствий народных – сама война, был носитель вины, ответственный за несчастья, – *чужой*, и это развязывало руки художнику. Однако, вместе с общим ослаблением режима после смерти Сталина, с «оттепелью», тема врага и образ врага в фильмах о войне уходят на периферию кинокадра или даже за кадр, существуя в качестве некоей данности, некоего предварительного условия. Это как бы «война без неприятеля», война как таковая, «Война-Жизнь». Здесь решаются самые разные «внутренние» вопросы, преимущественно вопросы нравственные. Ведь именно таковы шедевры «оттепельного» экрана – «Летят журавли» Михаила Калатозова (1957) и «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959).

Здесь война, словно пожизненный шрам от перенесенной операции, зияет в судьбе и биографии людей нескольких поколений и огромной территории СССР. Она перерезает юность грузинского парнишки из далекого горного аула в лирическом фильме Тенгиза Абуладзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» (1963), лепит трагиче-

ские судьбы литовских «лесных братьев» в приключенческом эпосе Витаутаса Желакявичуса «Никто не хотел умирать» (1965), из кинолегенды о фронтовом подвиге и гибели юной казашки в «Песне о Маншук» Мажита Бегалина (1969) и из рассказа о подвиге верности вдовы солдата – туркменки из пустыни Кара-кум, что за тридевять земель от второй мировой войны в «Невестке» Ходжакули Нарлиева (1972).

Охватить весь этот фонд, в котором хранятся и высокохудожественные новаторские произведения, и вполне ординарные ленты, документальные монтажи собранной военной хроники, фильмы разных жанров и разных подходов к прошлому, – значило бы написать всю послевоенную историю советского кино. Поэтому приходится резко ограничить материал и удовлетвориться тремя главными, на мой взгляд, блоками: 1) Фильмы о великих сражениях – так называемый «художественно-документальный жанр»; 2) «Унесенные ветром», песчинки войны, герои и жертвы, «значимое отсутствие» образа врага; воспоминания об оккупации; 3) Германия глазами советского человека.

Война окончена. Победа: апофеоз стратегии Сталина

Экранный культ Сталина-полководца готовился исподволь, начиная с 1943 года. Кино как бы проходило путь наверх от скромных командных пунктов в блиндажах к кремлевскому кабинету, где над гигантской картой военных действий склонился стратег грядущей победы. Предыстория «художественно-документального жанра», как именовался он в тематических планах Госкино, отчетах и афишах, а точнее – «штабного» или «генеральского» фильма, – относится еще к советскому кинопроизводству в эвакуации – 1941–44[1]. Заметим, что именно «батальный» материал как таковой, то есть прямой показ фронта, сражений, а также – что немаловажно – командования, представлял тогда для кинематографистов особую трудность по нескольким причинам: 1) из-за отдаленности среднеазиатского глубокого тыла, где шла работа, от театра военных действий; 2) из-за труднейших съемочных условий, технической слабости киностудий, тяжелого быта кинематографистов; 3) и из-за строжайшего цензурного контроля и постоянного начальственного давления со стороны Москвы.

О том, что высшее кинематографическое начальство жаждало экранного изображения боев, но, разумеется, боев победоносных, с явным преимуществом советской стороны, можно судить хотя бы по тому жестко высказанному недовольству, которое сопровождало отношение к фильму Всеволода Пудовкина «Во имя Родины» со стороны члена Политбюро КПСС Александра Щербакова, в ту пору партийного куратора кино. После закрытия предыдущей картины Пудовкина «Убийцы выходят на дорогу» – экранизации пьесы Бертольта Брехта – режиссер-классик обратился, как казалось, к «более надежному» материалу – к пьесе Константина Симонова «Русские люди» (1943) – она шла во многих театрах страны. Для большей «кинематографичности» в сценарий была включена сцена боя, в театрах отсутствовавшая. За неимением средств и из-за сжатых сроков корифей кинорежиссуры решал эту сцену в приемах немого монтажного фильма, как бы выхватывая тот или иной фрагмент сражения один за другим на средне-крупных и крупных планах. Но нехватка пано-

рамы боя вызвала отповедь партийного контролера: «Картина неудачная… Ни размаха, ни широты, ни массовых сцен, ни русской природы», – ворчал Щербаков[2].

Не повезло с батальным жанром Георгию и Сергею Васильевым – прославленным «братьям Васильевым», авторам «Чапаева». Именно они, создавшие в 1930-х этот народный фильм «№ 1», волей судьбы попадают в колею «высшей» ангажированной элиты и открывают серию культовых картин, заказанных прямо из Кремля. В начале войны они снимают по собственному сценарию в Сталинграде, на местах событий, эпопею «Оборона Царицына», начатую еще до вторжения и задуманную в двух сериях. Фильму надлежало прославить Сталина, который в действительности был лишь рядовым парткомиссаром по продовольствию на Волге, в качестве ведущего стратега Красной Армии в Гражданской войне. Но, заработав за первую серию «Обороны Царицына» Сталинскую премию 1942 года, Васильевы получили запрет на продолжение съемок, и вторая серия не состоялась.

Видимой причиной было изменение политической военной конъюнктуры: начиналась кампания против старых кадров Красной Армии, против всех этих прославленных комдивов гражданской войны. Это им, отставшим от жизни, теперь приписывались поражения первого военного года. Тень легла и на «наркомвоенмора» Ворошилова. А именно он мудро руководит обороной Царицына от немцев и белогвардейцев в фильме братьев Васильевых.

Знаменитых братьев без передышки бросили в еще одну экранизацию, спущенную сверху: это был фильм по директивной пропагандистской пьесе Александра Корнейчука «Фронт», разоблачавший военных старой ворошиловской гвардии, неспособных к ведению современной войны. Антагонистом рутинера генерала Горлова, командующего фронтом, выступал образованный в воинском деле молодой генерал Огнев, командующий армией, – эту роль играл Борис Бабочкин, в прошлом экранный Чапаев, любимец зрителей. Но ни он, ни мастерство режиссеров не спасали громоздкий, скучный фильм «Фронт». Его действие развертывалось в унылых интерьерах штабов, а самой слабой и кустарной выглядела вставная натурная сцена зимнего боя.

Советское батальное кино готовило для себя и иные постановочные ресурсы, и – исподволь – новую концепцию войны. Согласно последней, ход войны, ее победы, ее неизбежный и предвиденный исход – все решалось не на полях сражений, а единоличной волей великого военачальника. Эта воля транслируется по всем фронтам, армиям и штабам посредством приказов из Ставки.

Естественно, подобный тон мог зазвучать на экране лишь после того, как гитлеровский натиск был остановлен русскими в Сталинградской битве. Хитрый стратег и тактик собственной славы (вот в чем он истинный был гений!), Сталин до Сталинграда, видимо, сознательно и специально оставался в некоей тени, как бы в стороне от тяжелых для СССР военных сводок. Это помогало ему фактически перекладывать ответственность за трагические поражения сначала на «вероломство» врага, нарушившего пакт о ненападении, потом на бездарность военачальников и т. п. Победа под Сталинградом и далее под Курском позволяли дьявольскому честолюбию вождя взять реванш. Окончание войны и разгром гитлеровской Германии сопровождается поистине азиатским возвеличиванием единоличного победителя. Просматривая фильмы 1945–1951 годов один за другим, можно наблюдать, как нарастает славословие, которое в дальнейшем назовут «культом личности», и победа персонифицируется в Верховном главнокомандующем. Одновременно «народ» становит-

ся лишь риторической фигурой и упоминается формально-обязательной скороговоркой.

Фильм со знаковым названием «Великий перелом» (1945) открывает цикл сталинского военного апофеоза, хотя самого вождя «живьем» на экране здесь пока еще нет – он где-то в сакральном кремлевском закадровом пространстве. Действие развертывается летом 1942 года в городе у великой реки – подразумевается, хотя и не назван, Сталинград. Нет в самом кадре и командующего неприятельской армией некоего фон Клауса, о котором постоянно идет речь в штабе генерала Муравьева, руководящего обороной города.

Крепко построенный сценарий апробированного советского кинодраматурга Бориса Чирскова (он же сценарист фильма «Зоя» о Космодемьянской) давал первый и достаточно успешный пример экранного действия, накал которого порождается самими перипетиями военной операции, «драмой стратегий», противоборством контрастных воинских планов. Режиссура Фридриха Эрмлера в отличие от стиля его предыдущей – «партизанской», эмоциональной, резкой – картины «Она защищает Родину» отличается сдержанностью, аскетизмом, словно бы соответствуя атмосфере высоких штабов в тяжелые дни.

Генерал Муравьев (образ советского военачальника нового типа) примеряет план контрнаступления в постоянной оглядке на Клауса, размышляя не только о производимых акциях, но и о намерениях противника. Из звучащих с экрана текстов невидимый Клаус предстает как враг очень умный и опасный, о нем говорится с придыханием. Немецкий командующий рассчитывает на быстроту атак, бросает в наступление все новые силы. Преимущества его несомненны, драматизм фильма неуклонно нарастает. Муравьев же чего-то выжидает к недоумению своих заместителей и помощников, не вводит в бой имеющиеся у него людские резервы. Но не следует торопиться с выводами. Решающая схватка произойдет в самый канун назначенного Клаусом последнего решительного наступления, о часе которого донесла разведка. Русский генерал внезапно обрушивает на готовые к штурму вражеские войска, сбивая и ослабляя их, шквал артиллерийских снарядов. Но машина Клаусом уже запущена, наступление начинается в точно положенный срок. И полностью проваливается. Оборона города перерастает в торжество советских войск.

В аннотации фильма «Великий перелом», которая, как обычно, запечатлевала официальную точку зрения, было сказано: «О превосходстве советской военной науки над немецко-фашистской стратегией, о героизме Советской Армии»[3].

Однако обнаруживалось в финале фильма еще одно «превосходство»: выяснялось, что генерал Муравьев действовал не за свой страх и риск, а выполнял секретный приказ Ставки, о котором его коллеги по штабу не знали. Таким образом, Муравьев оказывается не самостоятельным полководцем, вступившим в рискованный поединок с сильным противником, а всего лишь дисциплинированным исполнителем. Картина, уйдя от города у великой реки, не случайно кончалась наездом камеры на Спасскую башню Кремля и портрет Сталина. В самой структуре фильма произошла знаменательная смена ориентиров: начав с попытки анализа войны как поединка воинских интеллектов и соревнования школ полководческого искусства (первоначальное название фильма было «Генерал армии»), авторы (добровольно или вынужденно?) пришли к подобострастному восхвалению Верховного главнокомандующего.

Конец войны: крах стратегии Гитлера

Если в «Великом переломе», культ Сталина-военачальника еще несколько уравновешивался мастерским портретированием рядовых советских генералов, то авторы следующих «художественно-документальных фильмов» уже без обиняков переходили на прямую речь вознесения Сталина и разоблачения Гитлера.

«Третий удар» Игоря Савченко (1948) и «Сталинградская битва» Владимира Петрова (1949) – огромные, с мощнейшими массовками, длинные (второй снят в 2-х сериях), невероятно скучные батальные полотна. Экран как бы пишет историю Великой Отечественной войны, реконструируя ее узловые – по первоначальному плану в «художественно-документальном жанре» предусматривался показ всех десяти ударов 1944 года, предварявших битву за Берлин.

«Третий удар» – операция по освобождению Крыма в 1944 году. Схема та же, что и в «Великом переломе»: исходное противостояние двух армий, двух военачальников, двух стратегий. Первоначально явное преимущество у противника, чьей армией руководит искусный военный специалист Эрвин Еннеке. В этой роли – Михаил Астангов, талантливый актер широкого диапазона – в «Сталинградской битве» он будет играть уже самого Гитлера. С советской стороны самоуверенному Еннеке противопоставлен генерал Толбухин – реальное историческое лицо, как и другие члены изображаемого на экране штаба 4-го Украинского фронта, носящие в фильме собственные имена. План Толбухина – ворваться в Крым массированной атакой на плечах противника – отменен Кремлем: полуостров слишком надежно укреплен, нужно выждать, провести подготовку всего фронта к операции. Однако и уверенность Еннеке в победе – мнимая. Он, военный солидной академической выучки, но человек ограниченный, не способен учесть ни запредельного героизма советских солдат, ни – главное! – всеведения Сталина, который из Москвы как бы прозревает любые подробности и возможности происходящего в далеком Крыму. В роли Сталина и в «Третьем ударе», и в «Сталинградской битве» снялся известный актер и режиссер школы МХАТ Алексей Дикий, создавший имидж мудреца, всесильного, но сдержанного, простого в обращении с подчиненными, но закрытого, непостижимого для простых смертных. Разумеется, стратегия Еннеке, который ко всему прочему еще не способен справиться с бунтом румынских частей, находящихся под его началом, может противостоять лишь ординарным генералам типа Толбухина, но никак не кремлевскому военному гению. Крым победоносно взят, противник посрамлен.

Образцом глубокого культурологического и эстетического анализа советских фильмов, где действуют реальные исторические личности только что окончившейся войны, является статья француза Андре Базина, корифея европейской кинокритики, написанная им в 1950 году и названная «Миф Сталина в советском кино»[4]. Автор обращает особое внимание на «оппозицию поля битвы и Кремля, апокалиптического беспорядка военных действий и располагающей к научным штудиям тишины сталинского кабинета». «Любопытно, – продолжает Базин, – что в “Сталинградской битве” это спокойствие, атмосфера погруженности в думы и полуотшельничества противопоставлена истерической обстановке гитлеровского генштаба»[5].

Итак, магма войны, «нечто вроде катаклизма, который переживают люди и машины, нечто похожее на развороченный муравейник – внизу, на всем огромном пространстве мировой войны, включая генштаб Гитлера, а над этим “уникальный, всезнающий ум, который упорядочивает весь этот хаос и управляет им”[6]. Кино воз-

носит Сталина не только над его собственным советским военным лагерем – от маршала до рядового – но и над иностранцами – реальными историческими деятелями эпохи: в “Сталинградской битве” фигурируют Гитлер, Рузвельт, Черчилль – все они на грани карикатуры. Любопытно заметить, что, “как ни парадоксально, о чем справедливо пишет советский историк военного фильма Юрий Ханютин, наиболее острый, глубокий характер создал в роли Паулюса Владимир Гайдаров… Он переживает человеческую трагедию, трагедию полководца, виновного в гибели сотен тысяч своих солдат…”»[7].

Базин первым, задолго до того, как термины «миф» и «мифология» стали расхожими повсюду, включая советскую кинолитературу, высказал догадку о мистическом образе Сталина в ранних послевоенных картинах: «речь идет уже, собственно говоря, не о человеке, а о некотором социальном гипостазировании, переходе к трансцендентности, то есть о мифе».

Фильм Михаила Чиаурели «Клятва» (1946), хронологически первый в цикле «культовых» фильмов, дал Базену особо убедительный материал для подтверждения его мысли о сознательном обожествлении образа вождя, как некоего «нового Моисея», героя «марксистской Пятидесятницы», персонажа, который «несет в себе Бога Истории».

В «Клятве» реализовалось и было развернуто в целый сюжет клише «Сталин – это Ленин сегодня». Вехи истории СССР идентифицировались с политической биографией Сталина. Действие начиналось в 1924-м, в год смерти Ленина, а заканчивалось победой в Великой Отечественной войне. Для нашей же темы существенны именно военные эпизоды, а также стилистика фильма, поистине «имперская» или – еще конкретнее – «тоталитарная». О правдоподобии обстоятельств, характеров, ситуаций говорить здесь не приходится: герои являют собой не образы людей в их индивидуальной конкретности, а некие олицетворения неких понятий и социальных категорий: пролетарий, интеллигент, мать-труженица, представители национальных республик: украинец, грузин, узбек и т. д. Персонажи целиком корреспондируют с помпезной фигурой Сталина, которого играет статный красавец-грузин Михаил Геловани. Под стать и «сталинский ампир» интерьеров, главным из которых служит парадный Георгиевский зал Кремлевского дворца с его беломраморными и золотыми стенами, гигантскими хрустальными люстрами. Для натурных сцен избирается Красная площадь под Спасской башней и фон кремлевской стены.

Вполне естественно, что образ врага в «Клятве» столь же декларативен и элементарен, сколь выспренно поклонение советскому вождю. Вход немецких войск в Париж в 1939-м – моторизованные воинские части, мотоциклисты, танки – монтируется с уродливым и бесконечным танцем глупого министра иностранных дел Бонне на эстраде парижского кафе (символ продажности и слабости Франции), а «в воздухе над городом истошный крик ораторствующего Гитлера», как сказано в сценарии, написанном Чиаурели вместе с Петром Павленко, ангажированным кинодраматургом сталинских лет. Вся фразеология фильма (сознательно!) сложена из самых расхожих публицистических клише, из официозного газетного дискурса – кажется, что вернулись приемы ранних военных «агиток» круга «Боевых киносборников» 1941-го, утратив их простодушную искренность и неведение, обретя фанфарное и барабанное звучание, что в дальнейшем и назовут «тоталитарным стилем».

В сценарии «Клятвы», опубликованном в 1950-м, существовали сцены генерала-фельдмаршала фон Паулюса, командующего немецкими войсками под Сталинградом. Эта трагическая, поистине шекспировская фигура XX века низведена до при-

митивного гротеска. Так фельдмаршал, лично допрашивая пленного, говорит по-русски, коверкая слова («Фас надо отправить к психиатр!.. Вы мертвы, все до един!»). Или – вот характерный пример сценарной ремарки: «На фоне знамени со свастикой видны силуэты Гитлера и Паулюса, обменивающихся фашистским приветствием»[8]. В экранную версию «Клятвы» Паулюс, как и Гитлер, не вошел, представлять немецкую сторону остался неприглядный фашистский офицер с фамилией Кайзер, тупой и жестокий службист. Однако, пафос «Клятвы» – не проклинать врага, а возносить демиурга социализма, «творца Победы» в те триумфальные выси, где простым смертным, в том числе и проигравшим войну, нет места.

Отец народов versus фюрер

Иная пропорция у следующего «художественно-документального» полотна – двухсерийной эпопеи Чиаурели «Падение Берлина» (1949). Действие ее начинается весной 1941 года в некоем индустриальном поселке. Обширная экспозиция рисует всенародное благоденствие советской страны, процветающей под солнцем Сталина. Тот специфический изобразительный стиль, который формировался в «Клятве» (можно называть его «тоталитарным», «имперским», «социалистическим реализмом», «мифологическим» и пр.) в «Падении Берлина» (первой серии) достигает полной завершенности благодаря введению яркого, насыщенного, активного цвета («Клятва» была еще черно-белой). Здесь все ликует и все слито с личностью, гением и покровительством Сталина. О нем малыши поют песенки в детском саду. Его воспевает в докладе на заводском празднике по поводу очередного трудового рекорда красивая школьная учительница – а это героиня фильма Наташа, невеста главного героя. Она обращается к гигантскому портрету Сталина с трепетом, слезами на глазах и едва ли не сексуальным восторгом. А сам стахановец-сталевар по вызову вождя летит в Москву и там запросто присутствует на правительственном обеде вместе с членами политбюро. Молчаливая и улыбающаяся постоянная группировка поддакивающих коммунистов-бонз при экранном Сталине заменяет давнюю царскую свиту при монархе.

Разрушить советский земной рай Гитлеру было вдвойне преступно, это – адское злодейство! Резким сбоем врывается в умилительную картину всеобщей радости «вероломное нападение Германии»: черные самолеты на розовом предрассветном небе, дождь бомб, взрывы, пожары, знаковая музыкальная тема из Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

А далее драматургия фильма строится как противоборство двух армий и – подчеркнуто! – дуэль лично Сталина и лично Гитлера. Контрастное портретирование двух лидеров второй мировой войны было явной задачей режиссуры. Сталина играл Геловани, постоянный медиум Чиаурели. На роль Гитлера был приглашен артист Малого театра В. Савельев. Он выбран был, по-видимому, благодаря своему физиономическому сходству с прототипом. У него, актера старой русской сценической школы, портрет фюрера был менее карикатурным и гротескным, нежели у предыдущих исполнителей Астангова и Мартинсона.

Первое появление Сталина на экране слащаво до уровня лубочной картинки. В своем дачном саду (весна, заливаются жаворонки) красавец-вождь в белой домашней куртке окучивает юное яблоневое деревце – метафора «садовода», украшате-

ля Земли. И каждый новый эпизод с участием Генералиссимуса будет прибавлять и еще высветлять ореол вокруг его чела.

Совсем другое дело Гитлер. Впервые зрители видят его на приеме иностранных послов в Берлине как раз в тот момент, когда по радио слушают речь Сталина 7 ноября 1941 года на Красной площади – шок! Ведь немцами объявлено на весь мир, что Москва взята! Гитлер – лгун, обреченный с первых же кадров фильма. Он постоянно замкнут в своей угрюмой рейхсканцелярии. Вокруг него застегнутые на все пуговицы приспешники, холуи, представители продавшихся нацизму капиталистических держав, скрытые ненавистники. Гитлер отрешен от народа, ненавидит свой народ. Не дрогнув, осознав свой полный военный крах, отдает он приказ спустить воды Шпреи в берлинское метро, где прячутся от бомбежек тысячи людей. Соответственно и экранные цвета фюрера мрачные, тусклые, много черного.

Всей образной системе «Падения Берлина» свойственно эклектическое соединение персонажей-символов с некоторыми реальными, документально запечатленными фактами военной истории. Таких, как эталонный русский богатырь со знаковым именем Алексей Иванов, рожденный 25 октября 1917 года под выстрелы легендарного революционного крейсера «Аврора», а также его мать – «вочеловечение» аллегории «Родина-мать». Кажется, что по мере приближения к финалу, когда действие переносится из советского сталинского рая на поля боев и на территорию Германии, фильм становится серьезнее, суровее. В этом блоке фильма, в отличие от олеографии российских сцен, достаточно точное и уважительное воспроизведение среды. Сегодня поражаешься не только многотысячным массовкам, могучей военной технике в кадре (словно бы вся мощь армии-победительницы была брошена на съемки фильма Чиаурели!), но богатству и уровню спецэффектов: если самолет врезается в мост, то и огонь и взрывы подлинны.

И есть в фильме немало впечатляющих эпических сцен. Таков, например, огромный эпизод танковой атаки и взятия Зееловских высот – темперамент, мощь, размах и сверх всего фортепьянное соло из концерта для фортепьяно и оркестра Шостаковича, композитора фильма, сочинившего для «Падения Берлина» и мелодии ликования, и леденящие звуки нашествия, и апофеоз победоносного наступления.

Но вот что особенно примечательно: впервые после запрещенного цензурой еще в 1942-м и выше упоминавшегося фильма «Убийцы выходят на дорогу», где граждане Третьей империи были дифференцированы и рядом с нацистами и штурмовиками фигурировали их жертвы, в «Падении Берлина» впервые на советском экране были показаны «положительные немцы». Здесь и прозревшие люди из гитлеровского штаба, и юные солдаты, обманутые фюрером, и обыкновенные берлинские обыватели, вынужденные пережить штурм города, пожары, гибель несчастных в затопленном метро. Плач матери-немки над убитым сыном – один из самых волнующих моментов фильма. Эту роль, исполненную патетики, с истинным благородством сыграла великая грузинская актриса Верико Анджапаридзе.

В «Падении Берлина», своего рода «кентавре», то есть одновременно и эталоне сталинизма, и величавом кино-эпосе, есть фрагменты истинного таланта и воображения. Такова предфинальная сцена бункера Гитлера – душевной агонии фюрера. Свадьба Гитлера с Евой Браун, в фильме это же и двойное самоубийство, – акт трагического безумия показан без каких-либо элементов гиньоля, в тоне полной и даже скорбной серьезности. Образ расплаты за злодеяния, каких до того не знал мир, неожиданным образом выходит за границы мифологии («смерть Люцифера под зем-

лей, в аду») и создается средствами реализма. Даже в игре Савельева полностью исчезает гротеск, к которому столь располагает сам жизненный прототип.

В сцене свадьбы – своеобразная странная красота. Отрешенное от жизненных страстей лицо Евы – роль сыграла чешская актриса Новакова. Ее сверх-нелепые в данных обстоятельствах фата и флёрдоранж невесты, свадебный марш Мендельсона, который звучит здесь как marche funebre. Ампулы с ядом в пирожных, судороги и мгновенная смерть отравленной собаки (как бы «часть вместо целого», замещение показа смерти брачующейся пары). И – самое удивительное! – концовка сцены: погружение бункера в полную темноту и два улетающие вверх огонька свадебных свечей – то ли метафора ухода из жизни, то ли «полет душ»…

Возникает неожиданная ассоциация: можно предположить, что сцена издевательской насильственной свадьбы в «Гибели богов» Лукино Висконти, свадьбы «проклятых», которую садист-гитлеровец устраивает собственной матери, поистине «апокалиптически» сыгранная артистами Ингрид Тулин и Дирком Богартом, навеяна бункером Гитлера из «Падения Берлина».

До сих пор непонятная в своем происхождении, эта сцена становится тем более загадочной, если учесть, что Сталин после войны отрицал версию самоубийства Гитлера, уверял, что Гитлер жив и скрывается где-то на Западе. А насколько Чиаурели зависел от милости и гнева своего верховного господина, можно судить хотя бы по тому, что маршала Жукова, который уже успел впасть в немилость, нет среди героев «Падения Берлина», нет даже и упоминания о нем. Победа полностью персонифицирована и идентифицирована с фигурой Сталина.

После того, как линия Гитлера обрела итоговую точку, и показанные едва ли не с сочувствием (наверное, снисходительность безоговорочного триумфатора?) одинокие огоньки-души фюрера и его подруги отлетели и загасли во тьме, фильм выходит на финишную прямую. Наступает кода-апофеоз.

Перед нами – наглядно! – механизм формирования мифа. Постановщик воспроизводит великие минуты армии-победительницы у поверженного рейхстага, запечатленные хроникой, включенные в документальный монтажный фильм 1945-го «Берлин» Юлия Райзмана – они будут неоднократно повторяться в последующих картинах о войне, эти священные и самые счастливые за всю российскую историю XX века, неповторимые минуты-кадры. Красное знамя над куполом, взлетают вверх на руках качающих усталые и смущенные «воины-освободители», гремит «Катюша», заливается гармошка… Это – история, это – кинодокументы «запечатленного времени». Но Чиаурели немедленно переводит историю в миф.

Толпа на площади внезапно замирает, и сотни голов поднимаются к небу, откуда идет некий космический гул.

Сегодня нет нужны разоблачать как несоответствующую исторической правде версию о прилете Сталина к рейхстагу. Общеизвестно, что, страдая тяжелой манией преследования, даже на Подтсдамскую конференцию он ехал в засекреченном специальном поезде с усиленной охраной. Но Чиаурели храбро помещает генералиссимуса на белый самолет-птицу. В яркой небесной голубизне, в белом одеянии приземляется на берлинской мостовой этот театральный deus ex machina, Зевс-громовержец или инопланетянин. И площадь шквалом несется к нему, не только советская армия, но освобожденные ею из лагерей смерти французы, испанцы, бельгийцы – вся Европа!

Эта сцена – одновременно – и развязка любовного сюжета картины. Воин-освободитель Алексей Иванов здесь, у рейхстага, встречается со своей Наташей, угнан-

ной в Германию и там запрятанной в концлагерь. Любопытный поворот: Наташа (вместе с Алексеем) из ликующей толпы подбегает к Сталину, протискивается вперед и, буквально пожирая его (а не своего жениха!) влюбленными глазами, спрашивает: «Можно мне вас поцеловать, товарищ Сталин, за все, за все…». Тот милостиво разрешает, и девушка дарит ему свой горячий поцелуй.

И вот окончательный итог соперничества двух вождей по «Падению Берлина»: один под землей, как собственный пес, подох от ядовитой пилюли, уходя во тьму, а другой, кого коронует освобожденная Европа и лобзает юная красавица, она же Россия, воспаряет к солнцу.

«Падение Берлина» явилось апогеем сталинизма на экране и открывало плачевный период истории советского кино. Сталин приказал снимать «только шедевры». Кинопроизводство во всех республиках СССР находилось в простое. Готовилось создание биографических цветных суперколоссов о монархах, которых Сталин «назначил» своими предшественниками.

Это годы разгромных постановлений ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров, опере, литературных журналах; в кинематографе постановление «О кинофильме “Большая жизнь”» ударило не только по второй серии сначала расхваленного шахтерского фильма Л. Лукова, но било и по безвинным «Простым людям» Козинцева и Трауберга, нанесло смертельный удар С.М. Эйзенштейну, уничтожая вторую серию «Ивана Грозного» недавнего лауреата Сталинской премии.

Новая волна арестов 1949 года заставляла вспомнить 37-й; проработки, зловещие передовые и подвалы «Правды», инспирированное дело врачей-убийц – так заканчивались «сороковые-роковые» – годы великой войны и великой победы, так начинались пятидесятые. И неизвестно, что еще предстояло претерпеть России.

5 марта 1953 года – начало нового времени в истории страны. Изменения в духовной жизни, в искусстве, в целом, в кинематографе шли столь стремительно, что стало понятно: перемен ожидали все, сверху донизу.

Два главных фактора способствовали началу подъема: неуклонное расширение кинопроизводства и приход на киностудии нового режиссерского и актерского поколения. Это было военное поколение: и те, кто сдавал экзамены во ВГИК в солдатских шинелях, в бушлатах, на костылях, и те, кто по возрасту не попал на фронт, но пережил войну в тылу, под звуки бомбежек, в голодной эвакуации.

Все важнейшие творческие свершения, открытия, новаторские поиски, неизвестные и быстро ставшие славными имена – словом, *новое советское кино* связано больше всего и крепче всего с военной темой, материалом, с личным опытом или осмыслением войны. Для всего последующего кинематографа от Григория Чухрая до Алексея Германа. И старшие тоже искали новое воплощение темы.

Война и «Дом, в котором я живу». «Песчинки истории»

В 1957 году на экраны страны, далее на международные кинофестивали (Золотая Пальмовая ветвь в Канне-58) и в прокат многих стран выходит фильм «Летят журавли» режиссера Михаила Калатозова по сценарию Виктора Розова с молодыми артистами Татьяной Самойловой и Алексеем Баталовым в главных ролях. По сравнению с «Падением Берлина» – концентратом сталинизма в кино – фильм выглядит произведением другой эпохи. А прошло всего лишь семь лет!

Сцена из фильма «Летят журавли» с Татьяной Самойловой

Произошла эстетическая революция: постоянно движущаяся раскрепощенная кинокамера, черно-белое изображение взамен цветной парадной статики и гигантомании. На экран возвращалось «скромное кино». Но, главное, принципиально иная – как бы альтернативная – концепция войны, которая утвердится в искусстве «оттепели», то есть «эры Хрущева».

В самых кратких словах, это война через индивидуальные судьбы современников рокового 1941-го. Простых, обыкновенных людей – не героев, а скорее, жертв, не подвигов, а нравственных испытаний. «Дом, в котором я живу» (1957), «Баллада о солдате» (1959), «Судьба человека» (1959) – сами названия могут служить ключевыми в характеристике целого корпуса фильмов.

Весьма существенным для нашей конкретной темы является тот факт, что образ врага, военный противник и немцы как таковые в этих фильмах – как правило, отсутствуют или занимают подчиненное положение. Это, скорее, «война без неприятеля».

Однако это есть, пользуясь термином структуралистов, «значимое отсутствие». Война здесь – данность, исходное, условие существования. Ни ее причины, ни виновники не обсуждаются – она *есть*.

На первый план выходит тема невозместимых потерь народа. Но не цифры погибших солдат, сожженных врагом деревень и разбомбленных городов – словом, не статистика, не масштабы разрушений. Увидеть всенародную трагедию, глобальные катаклизмы в траектории малой песчинки, заверченной войной. Одного из десятков миллионов погибших или обездоленных.

Берутся судьбы нарочито негероические. Нет, это не культовые Зоя Космодемьянская или Александр Матросов, нет! Девушка, которая по слабости не сумела сохранить верность жениху, добровольцем ушедшему на фронт и погибшему, – «Летят журавли». Деревенский восемнадцатилетний парнишка-связист, который погиб, не дойдя до Берлина, – «Баллада о солдате» Григория Чухрая. Рядовой, попавший в немецкий плен, что в годы войны приравнивалось к предательству и наказывалось отправкой в ГУЛАГ, – «Судьба человека» Сергея Бондарчука. Обитатели московского дома на окраине города, чью мирную жизнь – всех и каждого – сломала и перерезала война, – «Дом, в котором я живу» Льва Кулиджанова и Якова Сегеля. Мальчишка-партизан, сирота, тринадцатилетний разведчик-доброволец во вражеском тылу – «Иваново детство» Андрея Тарковского.

Стойкость в испытаниях, чистота души, не очерствевшей в страдании, а всегда открытой для сочувствия и помощи другим несчастным, искренний патриотизм, точнее, безоглядная любовь к родине – таковы общие черты экранных персонажей, которые складываются в национальный характер. В нем, в духе народа – вот этих солдат, этих юношей и девушек, вчерашних школьников, – а не в стратегии полководцев, не в мощи техники, заложен был секрет победы – победы несмотря ни на что. Проповедуются и воспеваются (но не громко, а задушевной, лирической мелодией) вечные ценности: верность, дружба, самоотверженность, которые интерпретируются также и как свойства советского поколения, воспитанного в послереволюционное время. У героев прекрасные, светлые лица, это «идеально-положительные» герои, о создании которых мечтал еще Достоевский.

Но сколь ни отстранены эти, самые значительные, фильмы послесталинских «оттепели» и «застоя» от проблематики собственно войны (как столкновения государств, армий, идеологий и т. д.), сколь ни сдвинуты они, особенно поначалу, в 1950-х, в сторону проблем экзистенциальных, нравственных, «внутренних», то есть сугубо русских и советских, – сама материя войны, ее реалии, свежая память пережитого страдания и унижения невольно возвращают художников и их сюжеты к оккупации, к немцам на русской земле, а далее и к русским на земле Германии. То есть опять-таки к встрече двух народов, волей истории ставших смертельными врагами в «сороковые-роковые» – слова из знаменитого стихотворения Давида Самойлова.

Прослеживая непростую эволюцию темы, то и дело все же возвращающейся на экран, наблюдаешь некие приливы и отливы в тенденции к большей объективности изображения тех черных дней страны и к окончательному изжитию прямолинейной однокрасочности агитэкрана 1940-х. Постоянная «качательность», неустойчивый баланс в характеристиках и оценках прошлого не уйдут из советского фильма вплоть до эпохальных событий середины 1980-х.

Первые приближения к более спокойным тонам показа можно было заметить уже в самых ранних послевоенных картинах, даже в «Молодой гвардии» Сергея Герасимова (1948) по роману Александра Фадеева, написанному целиком в эстетике военной литературы. В фильме, однако, встречались сцены, где немцы предстают не изуверами, творящими зверскую расправу над комсомольцами, как в финале картины, а людьми самоуверенными, веселыми, охотно идущими на контакт с населением, если таковое покорилось, – бравурно, в радостном ожидании удовольствия являются они на концерт, где их обольщает с эстрады местная красотка-артистка Любка Шевцова, она же член молодежной партизанской организации, а сам этот эстрадный концерт для оккупационного начальства – прикрытие взрыва, который осуществляют их товарищи, пока доверчивые офицеры самозабвенно аплодируют пленительным русским песням и пляскам (как любых обманутых, их в эти моменты даже чуть-чуть жаль).

В упоминавшейся выше второй серии «Большой жизни» Лукова героиня картины показывает мужу, вернувшемуся с фронта, сапоги, которые оставил ей немецкий военный, уходя с постоя в ее доме: действие происходит в освобожденном от немцев Донбассе. Следовательно, оккупант благополучно жил здесь да еще подарил почти не ношенную обувь, а хозяйка дома предлагает ее своему вернувшемуся домой мужу, красному командиру! Не удивительно, что по фильму ударили разгромным постановлением ЦК, хотя истинная причина (а именно подобное «колаборантство» донецких шахтерок) не называлась.

Разумеется, это были всего лишь детали, лишь фрагменты подлинной картины немецкой оккупации советских территорий – картины сложной, неоднородной, обмеры и параметры которой только лишь начинают составляться и выходить в открытую историческую информацию[9], свидетельствующую о том, что «новый порядок», эта нацистская сверхамбициозная утопия, в замысле не сводился только к уничтожению коренной популяции на захваченных землях, но претендовал на ее перевоспитание и воспитание некоей новой «культурной особи», способной интеллектуально «соответствовать» уровню глобального германского Рейха.

Разного рода индивидуальные контакты военных противников занимают место в сюжетах. И во вполне надуманных, витиеватых, как в картине «Помни, Каспар!» режиссера Григория Никулина (1965), где рисуются совместные блуждания по фронтовым лесам немецкого солдата, спасшегося из воздушного боя, и русского лейтенанта, сбежавшего из лагеря военнопленных. Оба тонут в болотах, сражаются с волками, и в результате странствий, прощаясь с русским другом и решая пробраться на Запад для борьбы за мир, Каспар становится убежденным антифашистом – вполне нарочито, хотя симпатичного немецкого солдата искренне играл молодой интеллигентный актер Анатолий Ромашин.

Пространство фронтовых дремучих русских лесов, где передовая сбита, и порой уже непонятно, где свои, а где чужие, было комедийно обыграно в знаменательном фильме Владимира Мотыля по сценарию Булата Окуджавы «Женя, Женечка и “катюша”» (1967). В снежную новогоднюю ночь солдат-недотепа, шутник и затейник Женя Колышкин (в этой роли – обаятельный и талантливый Олег Даль) отправился на полковую почту за посылкой – ему прислали из дому пакет любимой довоенной карамели. В пути бедолага заблудился и попал в расположенный где-то совсем недалеко немецкий блиндаж. А там ровесники Жени, тоже вырванные из родных гнезд, встречают Новый год! Явление русского солдата с обеих сторон воспринимается, скорее, как забавный аттракцион, нежели как военный инцидент. И Женя, вернувшись в часть, отделывается за свой «проступок» всего лишь сидением на гауптвахте.

Вот, казалось бы, просвет в «консенсус», предчувствие будущего замирения… Но нет: верх берут ненависть и месть. В финале фильма Женя и его подружка связистка Женечка вместе с войсками-победителями оказываются в Германии и попадают в брошенный немецкий дом. Огромные залы, лестницы, безлюдие подсказывают Жене игру в прятки; беспечно носится по комнатам легкомысленная парочка, пока из-за шпалеры девушку не сражает выстрел затаившегося гитлеровца, видимо, бывшего хозяина дома. А это один из тех веселых ребят из новогоднего немецкого блиндажа. Очень красивый, «истинный ариец» да еще с именем Зигфрид… Женя впервые за всю свою экранную историю поднимает револьвер и убивает врага. Финал горек и, скажем прямо, не соответствует жанру кинокомедии, обещанному на афише фильма «Женя, Женечка и “катюша”». Перед нами доказательство всей сложности проблемы контакта.

«В нем ненависть не перекипела…»

Этими словами взрослые офицеры из рассказа Владимира Богомолова «Иван» объясняли исключительную смелость, доходящую до смертельного риска, и ненависть к врагу, доходящую до фанатизма, свойственные подростку Ивану, выполняющему

Николай Бурляев в ленте Андрея Тарковского «Иваново детство» (1962)

самые опасные задания в немецком тылу. В фильме Тарковского «Иваново детство» феномен маленького асса-разведчика получил глубокое, убедительное и психологически точное раскрытие.

В истоке сверхгероического поведения ребенка – жесточайшая травма войны. В снах и видениях встает перед ним светлый летний день, материнская улыбка. Обрыв как выстрел: тело мертвой матери, а дальше ворвавщийся хаос, чьи-то стоны, рыдания, пожары, выгоревшие поля, непонятная чужая речь на родной земле.

Прием закадрового немецкого текста в фонограмме, уже известный по более ранним фильмам, здесь обрел особую выразительность и смысловую насыщенность. Деловые тихие разговоры немцев-патрульных у реки, которая служит границей лагерей, для Ивана – и вящий знак унизительного господства оккупантов, и предостережение, и звуки потустороннего мира, ибо черная осенняя река, над которой порой вспыхивают вражеские ракеты, – это в фильме еще и Стикс, а немецкая сторона – тот свет. Туда под видом деревенского нищего забрасывают Ивана – никто, как этот подросток, не способен собрать ценнейшие сведения для штаба. Храбрость его беспримерна, пугающа – взрослые его и любят, и боятся.

Душа Ивана, искаженная горем, замкнувшаяся, находит успокоение только в ненависти и мести. Ребенок есть ребенок, и воин Иван играет в войну, когда взрослые уходят из блиндажа. Страшная сцена, которую московский школьник Коля Бурляев (в дальнейшем известный киноактер и режиссер) проводит едва ли не в трансе. Жалкий побирушка, он сейчас командует атакой. Бьет колокол, в руке мальчика финский нож, и карманный фонарь высвечивает немецкий мундир на стене, этот символ войны. И прерывающимся голосом, задыхаясь, Иван грозит мундиру: «Я судить тебя буду! Я тебе…» и плачет от собственного бессилия.

По выходе фильма выдвигались обвинения: мальчик, дескать, сам – фашист! Дискуссия разгорелась и в итальянской прессе после показа на Венецианском кинофестивале, где фильм был удостоен премии «Золотой Лев святого Марка». Жан-Поль Сартр в своем ярком эссе «По поводу “Иванова детства”» раскрыл секрет этого трагического образа: мальчик безумен, как безумна сама война, «он полностью то, что история сделала из него. Брошенный против воли в войну, он целиком, весь создан для войны»[10].

Но есть в фильме Тарковского еще один момент, который выводит индивидуальный случай Ивана к обобщению, может быть, несколько неожиданного толка. В картину майского ликования толпы у поверженного Рейхстага Тарковский врезает кадр хроники: среди мостовой на расстеленной простыне – трупы детей Геббельса, отравленных собственной матерью, мертвые девочки с запрокинутыми лицами. Рядом с омерзительным, обгорелым телом их отца висит мундир убийцы.

Работавший вместе с Тарковским в группе «Иванова детства» Андрей Кончаловский рассказывал, что решение о кадре мертвых девочек постановщик принял совершенно внезапно и, хотя все кругом были удивлены и отговаривали его, настоял на своем. Интуиция не подвела Тарковского: нацизм, развязав войну, губит не только русского мальчика Ивана, но пожирает сам себя – это рациональный довод. А на уровне эмоции мертвые девочки в своих нарядных платьицах, безжалостно выставленные на площадное обозрение, – дополнительный камертон жалости к жертвам военного безумия.

Важными достоинствами фильма «Иваново детство» – одного из лучших творений на тему второй мировой войны в мировом кино – являются сосредоточенность на мысли и чувстве, полное отсутствие эстетизма и любования страшными и леденящими душу образами войны. Не всем, в том числе и художникам талантливым, благородным, удавалось избежать подобного соблазна. Заметим, что по отдалении от войны некоторое нагнетение, педалирование ее ужасов сильнее увлекало иных постановщиков. А ведь тонкая грань отделяет в искусстве «катарсис» – очищение, просветление через сопереживание, от «надрыва» – аффектации страдания, эскалации страха.

Не лишено последнего было живописание мученического подвига героя в знаменитой картине Ларисы Шепитько «Восхождение» (1976). «Золотой Медведь» на «Берлинале-77»[11], множество других международных призов, восторженная пресса, а также ореол гибели самой Ларисы Шепитько[12] в расцвете сил на съемках нового фильма – все это способствовало некоей сакрализации фильма. Спора нет, «Восхождение» – сильное, впечатляющее произведение киноискусства. С четкостью притчи и недвусмысленностью выводов в фильме, возвращающем нас в партизанскую белорусскую зиму 1942 года, демонстрируются две судьбы, два жизненных выбора: подвиг и предательство. Но режиссерская установка на «предел» – предел физических мучений в пути раненого русского офицера через снега, предел подлости в поведении садиста-следователя, предел подробностей, едва ли не замедленной съемки, в воспроизведении казни партизан и мирных жителей через повешение – эта режиссерская установка не могла не привести к самодовлеющему эффекту мучительства. Недаром некое самоистязание, видимо, ради идентификации с состоянием героя-подвижника по имени Сотников вдохновляло неистовую Ларису на съемки непременно в самых трудных условиях, в 40-градусный мороз, о чем сама постановщица не без гордости сообщала в своих интервью: у участников массовки, которые снимались без перчаток (ради правдоподобия?), пальцы были обморожены, в черных точках у женщин и детей…

Отсюда уже близко было до фильма «Иди и смотри» – апогея, финала и тупика в «реконструкции нацистских зверств» на советском экране.

Прав ли был Освальд Шпенглер?

Показанный в конкурсе 14-го Московского Международного кинофестиваля в июле 1985 года фильм Элема Климова «Иди и смотри» по сценарию Алеся Адамовича вызвал бурную и разную реакцию: шоковую, восторженную, резко отрицательную.

Как свидетель события, автор этих строк (я работала в пресс-корпусе) позволит себе и личное воспоминание: после просмотра картины в одном из номеров фестивальной гостиницы «Россия» собрались члены делегаций ФРГ и ГДР. Они и раньше на московских фестивалях часто бывали вместе, «берлинской стены» для них в Москве не существовало. Крайне взволнованные, они шумели за закрытыми дверями всю ночь, спорили. Помню, что там с Запада был, в частности, режиссер Бернгардт Викки, а с Востока – киновед Германн Герлингхауз, тогдашний Секретарь Союза кинематографистов Восточной Германии, и, кажется, документалистка Аннели Торндайк. Будто бы, в итоге горячей дискуссии решили, что «Иди и смотри» – хороший фильм, нужный фильм…

Призыв «Иди и смотри», взятый из 6-й главы Апокалипсиса, ведет зрителя в Белоруссию 1943 года: зверские расправы оккупантов с мирным населением, обгорелые трупы, утопленные в болотах женщины и дети, ощетинившиеся партизанским сопротивлением дремучие леса. По истинно апокалиптическому пространству, всматриваясь в приметы и следы запредельной жестокости и почти неправдоподобного варварства, зритель следует за подростком-партизаном Флерой, военным сиротой, – это герой картины, он чудом спасся от смерти в деревне, которая на наших глазах сжигается гитлеровцами вместе с жителями.

Фильм сделан тщательно. Точность реконструкции военных фактов не подлежит сомнению. Гибель 628 белорусских деревень и их населения, заживо и поголовно уничтоженного гитлеровцами, как бы сконцентрирована в экранном образе одной-единственной деревни по имени Переходы. Снимали на местах событий, в Белоруссии, участники массовок – местные крестьяне. Центр фильма, длящегося 2 часа 15 минут, занят огромным эпизодом подготовки и осуществления карательной операции, скрупулезно восстановленной во всех кровавых деталях и нюансах. На наших глазах сгоняют, тащат, дополна набивают живыми телами амбар, который запылает как факел, а за ним одна за другой все подожженные хаты деревни.

Фильм сделан мастерски. Особенно – образ глухих военных лесов, затаившихся, полумертвых, опасных и для своих, и для чужих. Партизанские сцены обобщенны, стилизованны, в духе произведений Петрова-Водкина: пластически выразительные группы молчаливых людей, скульптурные лица.

После кроваво-огненной развязки сюжета о заживо сожженных, после прихода партизан и суда над карателями действие приближает зрителя к символическому финалу картины. Мальчик Флера начинает расстреливать портрет Гитлера, валяющийся в грязи. После первых выстрелов портрет превращается в кадр гитлеровской хроники – одна из предсмертных киносъемок фюрера. А далее – хроникальные кадры идут в обратном порядке, история Гитлера и нацизма как бы раскручивается назад. Вот они нюренбергские парады, зачарованные толпы, самовлюбленный Гитлер-оратор на трибуне…

А Флера все стреляет да стреляет. Фото Первой мировой войны, будущий фюрер – лишь ефрейтор. Вот и семейное фото, где на руках у молодой и миловидной матери – круглоглазый обыкновенный малыш. Это годовалый Адольф Шикльгрубер.

Финальная сцена фильма «Иди и смотри» Элема Климова – фронтиспис сборника документов «Война против Советского Союза» («Der Krieg gegen die Sowjetunion» – издан под редакцией Оксаны Булгаковой в Берлине в 1991 году)

И дуло Флериной винтовки падает: пройдя апокалиптическим путем, маленький белорус не способен выстрелить в ребенка, даже если из оного, как известно, вырастет Гитлер.

Авторы фильма придавали первостепенное значение и этому финалу «обратного хода истории», и этому пассажу. «…Если мировые бойни начинались с одного выстрела, то почему бы не предположить, что вечный мир… тоже наступит с одного-единственного, но… “невыстрела”… Сцена расстрела Гитлера – всей биографии фашизма – родилась из ощущения уже нового времени»[13], – говорил Алесь Адамович, летописец Великой Отечественной войны, автор «Хатынской повести» и «Блокадной книги».

Второй принципиальной связью с современностью (ведь после конца войны прошло уже 40 лет!) была для авторов, как они постоянно заявляли, тема *памяти*. Об этом писал Климов: «В свое время немецкий философ и историк Освальд Шпенглер на вопрос, когда начнется вторая мировая война, ответил, что это произойдет в конце 30-х годов… К этому времени в жизнь вступит новое поколение, родившееся после окончания Первой мировой войны, которое не будет знать ее ужасов… Мы сознательно делали фильм в очень жестких формах, максимально достоверным, чтобы современный зритель смог в кинозале пережить то, что пережили люди, запертые в подожженном карателями амбаре»[14].

Против темы *памяти*, против символики целительного *невыстрела* трудно было бы что-либо возразить. Но концепция фильма, которую хотелось бы считать гуманистической, пришла в противоречие и с художественными средствами ее воплощения на экране да, строго говоря, и с самим заданием. А именно – воскресить на экране расправу во всей ее жестокости, в реальной временной протяженности,

добиться от зрителя живого накала боли и страдания. То есть фактически кинематографу надлежало *заново проиграть, повторить* акцию карателей.

У визуального образа вообще и у экранного образа с его «эффектом присутствия» тем более – есть свои законы, отличные, скажем, от литературного описания, где каждый читатель воскрешает события, пусть самые страшные, в меру собственного воображения и «авто-цензурного» отсева. Кинообраз суггестивен и агрессивен, потому для экранного изображения особо необходима мера эстетическая. И нравственная – в особенности.

Эта мера не выдержана в режиссуре фильма «Иди и смотри». И дело не только в натуралистической откровенности многих кадров (к этому кино XX века привыкло!), а в безошибочно видимом со стороны оттенке авторского садомазохизма. Ужас, страх, гнев нагнетаются не со скорбью, а с определенным взвинченным любованием зрелищем страдания, боли, крови. Кульминация – ставший печально знаменитым в дни выхода фильма кадр девушки Глаши, изнасилованной вражеским взводом. В той же мизансцене, которая до того не раз повторялась с восхищением свежестью девущки, сейчас – обезумевшее, трясущееся существо с мутными глазами, в рот издевательски засунута солдатская свистулька, по голым ногам густыми ручьями течет кровь. Жаль юную исполнительницу, кому пришлось пережить этот садистский грим, это состояние… И вправду ли подобный гиньоль способен вызвать ненависть к фашизму, к Гитлеру, заставить всеми силами возненавидеть войну? Предотвратить новую, возможную, согласно исчислениям Шпенглера? Нет, у этого кадра нет ни социальных, ни психологических, ни исторических ассоциаций, он самодовлеющ, он врезается в память сам по себе – радость вампиру, маньяку и отвращение, отторжение нормального зрителя.

В немецкой прессе по фильму, достаточно уклончивой и на Востоке, и на Западе, авторы пытались сгладить документальность и конкретность фильма, выводя его как бы на «чистый Апокалипсис». Встречалось и слово «хоррор» (horror) – и в смысле «кошмара войны», и – также – в отсылке к «хоррору» как жанру[15].

Да, имеется в кинематографе специфический жанр – фильм ужасов, хоррор, где натиск кошмаров, садизма, страха смерти служит как раз задачей. Но, во-первых, фильм «Иди и смотри» декларировался отнюдь не как хоррор, но как гигантская военная фреска с претензией на философию истории. Во-вторых, жанр хоррора требует совсем иной меры условности, вымысла, фантастичности нежели произведенная Климовым документальная реконструкция событий с точной датировкой, конкретным местом действия и попыткой полной идентичности во всех детялях вплоть до эсэсовских униформ на убийцах.

Память о войне? «Хранить вечно»? Не забудется ли пережитое народом, не завяжется ли новая мировая война, если о прошлом заново не напоминать новым послевоенным поколениям?

Но ведь у человечества имеется бесценная документальная «Кинолетопись 1941–1945», подвиг десятков героических операторов, многие из которых пожертвовали собой ради кадров, подлинность которых подтверждена самой смертью человека с камерой в руках (каждый второй из них ранен, каждый четвертый убит). Имеются талантливые монтажи военной хроники, такие как «Разгром немецких войск под Москвой», «Сталинград», «Берлин» и замечательный многосерийный фильм «Великая Отечественная», уникальный монтаж документальных съемок, выполненный коллективом российских доукументалистов под руководством Романа Кармена и

озвученный голосом незабываемого американского артиста Берта Ланкастера. «Великая Отечественная» регулярно по сей день транслируется по каналам российского телевидения; популярна она и в Америке, пусть в американском варианте и названная «Неизвестной войной», что для европейского зрителя звучит несколько странно.

Есть, наконец, целый фонд художественных картин, снятых в годы, когда значительная часть европейской территории СССР была оккупирована, когда еще был неизвестен итог войны.

И когда новые поколения зрителей смотрят, скажем, «Радугу» Марка Донского, этот документ бесспорной идентичности и правды, – вера в происходящее и ужас от показанного самодостаточны. Скорбная подлинность запечатленного на экране военных лет не нуждается в допингах. Это – «хранить вечно».

Германия глазами советского человека. Шрамы войны на немецкой земле

Было бы несправедливо упрекать советский кинематограф в наращивании ненависти, которая в массовом сознании волей-неволей адресовалась не прицельно нацизму, но распространялась на немецкий народ и на Германию, в целом. Глубокие причины подобной аберрации понятны: это – неизгладимые раны войны, тотальность потерь, неутихающая память страданий. Киноэкран с его особой документальной чуткостью к веяниям жизни фиксировал все продолжающуюся народную боль. Она то и дело прорывается в кадры фильмов, посвященных уже совсем другим темам. В «Коротких встречах» (1968) Киры Муратовой по одесскому рынку бродит полубезумный старик, он – всем и каждому – рассказывает прохожим, что немцы убили его дочь. Потом про убитого немцами сына. Речи старика читаются как клише: возможно, он и не потерял детей, войной смертельно ранена его душа, а прошло уже больше двадцати лет.

Тем не менее, как уже говорилось на предшествующих страницах, в конце 1940-х и особенно в «оттепель» возникают иные тенденции в самом видении Германии и ее людей. Происходит открытие Германии не как гомогенного целого, умещающегося в экранные имиджи эсэсовского мундира, зловещего марша бронетехники под звуки 7-й симфонии и грубых окриков гаулейтеров. Образ неприятельской стороны дифференцируется и – главное! – выясняется, что война может быть трагедией и для немецкого народа.

Конечно, первостепенную роль сыграли здесь события последних месяцев войны, когда бои переместились на территорию Германии. Не касаясь здесь огромной темы встречи народов на Одере и Эльбе. Речь, разумеется, не о пропагандистском памфлете Григория Александрова «Встреча на Эльбе» (1949), этом фактическом сигнале к холодной войне, но о подлинных эпизодах, запечатленных хроникой[16] и рисующих драматизм встречи русских не с военным противником, а с мирным населением, измученным годами военных потерь и лишений.

Напомним, что все 1930-е годы СССР оставался за «железным занавесом», и любые контакты были невозможны не только для рядового советского человека, но и для интеллигенции, включая кинематографистов, и основным питанием народа оставалась антифашистская и коммунистическая пропаганда, не заботившаяся о нюан-

сах, тем более, что любое реалистическое изображение гитлеровского рейха, как уже говорилось, было под цензурным запретом. Неудивителен интерес, чтобы не сказать, любопытство к «той жизни», к «тому свету», каким выглядела для советского человека манящая «заграница», таинственная Германия.

Фильм Бориса Барнета «Подвиг разведчика» (1947) одним из первых «fictions», действие которых разворачивалось в высшей германской военной среде, удовлетворял подобное любопытство. При определенной «киношности» приключенческого сюжета о неуязвимом советском разведчике: под видом капитана немецкой армии майор Федотов проникает в штаб некоего генерала Кюна, с которым и связано опасное задание, ради коего он заслан, – в фильме были новые мотивы и новые фигуры. Так, гротескно-комедийному персонажу глупого начальника охраны ставки Гитлера (актер-эксцентрик Сергей Мартинсон, ранее исполнял также и роли фюрера в фильмах военных лет) противопоставлены персонажи, обрисованные серьезно, с подчеркнутым в них профессиональным и человеческим достоинством. Это генерал фон Руммельсбруг, аристократ, из старой прусской когорты, человек умный, всепонимающий – его играл Михаил Романов, актер-романтик, красавец. И – в роли генерала фон Кюна, старого льва, неотразимого асса, попавшегося в ловушку русского шпиона, скорее, от отчаяния проигранной Германией игры – такая смертная тоска в его глазах! – сам Борис Барнет.

Любопытная подробность: российский киновед Марк Кушниров, ныне преподающий историю кино в Гамбурге, рассказал о просмотре «Подвига разведчика», который он устроил для господина Хайнца Гудериана, сына генерала. Тот был поражен сходством русского исполнителя со своим отцом: походкой, жестами, всем обликом, всем, кроме грима – излишней горбинки на носу[17]. Случайность? Сознательный выбор прототипа? Ныне истина уже невосстановима, но, так или иначе, фильм «Подвиг разведчика», став первым послевоенным бестселлером, заставил советских людей поверить, что среди германских военных, даже и приближенных к Гитлеру, были не одни людоеды и идиоты. Легко увидеть в «Подвиге разведчика» первый абрис или кокон сверхзнаменитых «Семнадцати мгновений весны», телесериала режиссера Татьяны Лиозновой (по сценарию мастера шпионских детективов Юлиана Семенова), который со времени своего выпуска в эфир в 1960-х регулярно повторяется по советскому ТВ и куплен в ряде стран. Там подвиги советского разведчика Исаева, он же суперзнаменитый Штирлиц[18], развернуты в многосерийном поединке с его антагонистом шефом разведки Мюллером и на фоне множества разнообразных персонажей-немцев, среди которых есть и просто прекрасные, чистые люди, героические антифашисты, как благородный лютеранский пастор в исполнении интеллигентного артиста Ростислава Плятта или доверчивый профессор Плейшнер – обаятельного Евгения Евстигнеева. Но наибольшую популярность снискали два главных героя – Штирлиц и Мюллер, между которыми симпатии публики распределились поровну, – оба они в тандеме стали персонажами обильного устного самодеятельного зрительского фольклора, преимущественно анекдотов, догнав юмористический эпос старых экранных героев – Чапаева и его ординарца Петьки.

Но это в сфере массовой экранной продукции со всеми скидками на условность сюжетов, схем, масок, непременных атрибутов приключенческого жанра. Если же вернуться к новаторскому авторскому кино, то открытие реальной военной Германии придется отдать фильму «Судьба человека».

Сцена из «Судьбы человека» Сергея Бондарчука. Главный герой – советски солдат Соколов в немецком концлагере

Собственно говоря, это было первое проникновение советского человека в немецкий тыл, если не считать картонно-муляжного фильма «Человек № 217» (1945), где рисовались мучения русских рабынь в услужении у бюргера-садиста. Первым увидел Германию изнутри рядовой Андрей Соколов, сыгранный и срежиссированный Сергеем Бондарчуком.

Солдат Соколов попадает в Германию, оказавшись в плену, в концлагере. Исключительной трудности сцена, написанная Михаилом Шолоховым в рассказе – литературной основе фильма, стояла перед Бондарчуком. Она требовала особого такта, вкуса, сдержанности, чтобы не превратиться на экране в фарс или аттракцион. Голодного полумертвого Соколова поздним вечером вызывают в комендатуру, а там лагерное начальство, веселое, в чудном настроении хочет послушать русские песни и готово угостить «гостя» рюмкой водки (через ряд фильмов проходит этот образ «веселого гитлеровца», некоего военного *homo ludens*): «Перед смертью выпей» – любезно предлагает комендант.

Натюрморт из «лакомств»: сала, хлеба, пошленький мотивчик патефона, хохот обжор, страдальческие глаза изможденного на последнем напряжении сил и проступающая сквозь грязь и шум песня-частушка далекой юности Андрея – все это сыграно вполголоса, в насыщенной паузе актера. Соколов пьет первую рюмку не закусывая – восхищенные крупные планы пирующих, вторую – тоже, реакция – аплодисменты, смех; после третьей рюмки солдат, так удачно развлекший собрание, получает в награду буханку хлеба и с трудом пробредя всего несколько шагов до своего барака, падает…

Крайнее унижение и страдание героя делают его отзывчивым на чужое горе и творящиеся на его глазах преступления. Одна из самых сильных сцен «Судьбы человека» – прибытие поезда в лагерь смерти, этот, следующий после эпизода расстрела в Бабьем яре из «Непокоренных» Марка Донского и задолго до «Списка Шиндлера» Стивена Спилберга, образ Холокоста на советском экране. Железнодорожная станция. Неподалеку от рельсов здание с трубой, надпись «Баня», валит черный дым. Эсэсовка в шинели «тасует» партию вновь поступивших, откидывает в очередь еврейских детей, и над этой чудовищной картиной планомерного делового истребления порхает обволакивающий мотив-вальсок с нежными итальянскими словами «О, донна Клара…».

Строгий стиль режиссуры Бондарчука повлиял на дальнейшие обращения кино к позорным европейским страницам XX века, к адской атрибутике лагерей смерти: каменоломни, колючая проволока, печи… На заброшенный концлагерь с невытравимыми свидетельствами недавней работы по уничтожению людей набредают в мае 1945-го беспечные русские офицеры, которые недавно весело пировали в занятом замке – фильм «Был месяц май» Марлена Хуциева. Тема лагерей смерти, Холокоста, трагической вины Германии – тема мирового кино 1960–1970-х от «Нюрнбергского процесса» американца Стенли Крамера до «Капо» итальянца Джилло Понтекорво и ряда других выдающихся картин – займет немалое место и в документальном монтажном фильме Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1966). В этом произведении юношески увлекающийся Ромм, человек большой искренности и честности, отказался от своих прежних прямолинейных оценок исторических процессов в современной Германии и посвятил свой умный и блистательный анализ документов теме прозрения немецкого народа, высвобождающегося от тяжкого сна, в который его погрузил нацизм.

И все-таки – мир входящему!

Картина Александра Алова и Владимира Наумова «Мир входящему» по сценарию Леонида Зорина, снятая в 1961 году, открывала совершенно новую страницу в решении темы «немцы–русские». Смело, открыто, просто говорила она о вещах, которые уже давно могли бы быть сказаны, если бы не стояли между двумя народами и объяснимые политические и духовные препятствия, и труднопреодолимые предрассудки.

Фильм говорил о том, что война кончается. Что пора смягчиться. Что жизнь все равно возьмет свое, так же, как сейчас чудесно прорастает юными побегами деревянный крест на могиле жертв войны – символический пролог к действию.

А действие тоже было необычным и по сюжету и по настроению. «Мир входящему» можно было бы назвать именем классического киножанра – «Фильм-путешествие». Под героями фильма бесконечно бежала дорога, шоссе, знаменитый германский «автобан». Трое русских везут в некий городок Цвиккау ценный «груз», а это – беременная немка, на сносях, хочешь-не хочешь, а приходится транспортировать ее в родильный дом.

Никакой сентиментальности, Немка, правда, молодая, но довольно неприятная и, к тому же, страшно боится русских, которые, по ее понятиям, начнут ее насиловать. И один из «победителей» – мрачный, обросший, глухонемой из-за контузии, что-то невнятно мычащий солдат. И эта дорога, изрытая снарядами, заваленная какими-то остатками орудий, брошенным скарбом, ночная, опасная, в тумане – все еще военная дорога. А по обочинам разбитые витрины с какими-то нелепыми огромными манекенами, внезапные попутчики, странные встречные – трагизм и путаница последних часов войны. Но после всех перипетий и препятствий, дорожных встреч, смешных и опасных, блужданий по развороченной стране, путешествие заканчивается оптимистическим аккордом, полным радости и юмора: объявление мира совпадает с звонким криком новорожденного. И на кучу оружия-металла, сваленного на

землю, льется тоненькая струйка. Да-да, боевому оружию закончившейся войны – привет от входящего в мир немецкого мальчишки!

Случилось так, что германская тема стала сквозной для нескольких картин, снятых корифеями советской послевоенной режиссуры Аловым и Наумовым. В их политическом детективе «Тегеран-43» созданы, наверное, самые омерзительные и отталкивающие портреты нацистов: одного – затаившегося террориста-полутрупа, другого – ловкача-коммерсанта от нацизма, охотно торгующего былыми тайнами знаменитого тегеранского покушения на глав союзнических правительств, прибывших на конференцию.

Прием стыка двух временных пластов, а именно годов войны и начала 1980-х, который служит в «Тереране-43» разоблачению живучей и все еще грозной силы нацизма, в следующем фильме режиссеров послужит раскрытию конфликта, еще незнакомого советскому экрану. Любовь немки и русского – что, казалось бы, жизненнее, что более драматично и сочувственно не рисовало веками мировое искусство – любовь двоих, принадлежащих к враждующим военным лагерям? Но для советского кино ситуация оставалась абсолютно закрытой вплоть до 1984 года, когда фильм «Берег», снятый по одноименному роману Юрия Бондарева, буквально пробил блокаду темы.

Как известно, уже 10 мая 1945 года, едва ли не через сутки после объявления мира, в советские оккупационные войска был спущен приказ Сталина, запрещающий смешанные браки и ставящий под угрозу наказания даже любовные связи молодых людей с немками. Кино вынуждено было отстраниться от кладези драматических историй, трагедий, сломанных судеб, поруганного счастья, детей, так и не узнавших своих отцов, соломенных вдов, одиноких, обездоленных холостяков. В фильме «Берег» именитый преуспевающий советский писатель-лауреат, член престижной делегации, узнает в респектабельной, благополучной даме из фешенебельного современного Гамбурга свою первую и единственную любовь – девушку из далекого мая 1945-го, из безвестного городка Кенигсдорфа, оставшегося для Никитина, тогда двадцатилетнего, заповедной территории любви, гармонии и счастья. С точки зрения художественной – режиссура «Берега» не отличается той стилевой и жанровой цельностью, как «Мир входящему» с его пружинистым ритмом «автопробега» в родильный дом или круто заверченная политическая интрига «Тегерана-43»; романная форма «Берега» несколько размыта, перегружена лишними сюжетными мотивами, мелодраматизмом ожидания смерти героя от сердечного приступа и т. д. Но сердце картин – это лирическое и трепетное «ретро» юношеской любви, как бы окутанной весенним дождем, сотканной из поэзии самых простых вещей, как эта бедная мансарда русского солдата на постое для девочки в грубых башмаках 1945-го. Главное же – «представительница побежденного агрессивного государства» была «реабилитирована» и легализована как законная героиня военной драмы на экране. От дуэли военачальников, от соперничества вождей-стратегов, от многотысячных баталий советский кинематограф пришел к маленькому фрагменту великой трагедии XX века, к той капле воды, в которой, по старинной мудрости, отражается вселенная.

Шел уже 1984 год, и СССР, и Германия стояли перед эпохальными переменами. В постсоветское время тема войны то и дело возвращается на экран, она еще не закрыта, она свободно распахнута и, возможно, главные художественные свершения еще впереди.

В качестве постскриптума хочется вспомнить фильм Валерия Огородникова «Барак» (1999). Действие его происходит в 1953 году в далеком уральском поселке. Герои – эвакуированные и осевшие, бывшие ссыльные, искатели фортуны, инвалиды, уголовники. Кажется, что война кончилась лишь вчера, каждый несет в себе ее травму, ее неотступную память. Среди персонажей (впервые!) – немец из пленных по имени Фридрих, идеально «положительный герой», очень красивый, благородный человек, обрисованный с истинной симпатией. В финале у него рождается от русской матери, горячо им любимой женщины, сын – первенец. Еще раз – «мир входящему!».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термины вошли в кинокритический обиход после 1945 года.

[2] Цит. по: *А. Караганов.* Всеволод Пудовкин. – М.: «Искусство», 1983. С. 215.

[3] Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Том 2. – М., 1961. С. 349.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 159.

[6] Там же. С. 161.

[7] *Ханютин Ю.* Предупреждение из прошлого. – М., 1968. С. 164.

[8] Избранные сценарии кинофильмов Чиаурели. – М.: Госкиноиздат, 1950. С. 81–138.

[9] См., например, впервые публикуемые материалы специальной рубрики «Хранить вечно!» в «Независимой газете» 22 июня 2001 года.

[10] *Unita Roma,* 9. X.1963. В русском переводе см. в книге: Мир и фильмы Андрея Тарковского. – М., 1991. С. 11–21.

[11] Кстати, единственное «золото», завоеванное советским и российским кино за все 50 лет работы Берлинского фестиваля.

[12] Она скончалась в 1979 году во время съемочных работ ее нового фильма по рассказу Валентина Распутина «Прощание с Матерой», который закончил ее муж Элем Климов.

[13] Иди и смотри. В журнале «Век XX и Мир, 1985, 12. С. 43.

[14] Журнал «Студенческий меридиан, 1986, № 5. С. 25–27.

[15] См. Der Krieg gegen die Sowjetunion. Eine Dokumentation. – Berlin, 1991. S. 127–132.

[16] Десять томов монтажных листов к материалам съемок фронтовых кинооператоров в 1942–45 годах были обнаружены сотрудниками НИИ киноискусства РФ в архиве покойного киноведа В.П. Михайлова. Этот бесценный материал, ныне хранящийся в Музее кино (Москва) содержит также монтажные записи съемок в Восточной Пруссии, по пути советских войск в Берлин вплоть до акта капитуляции, подписанного в Карлсхорсте. Из монтажных записей видно, что встречи с населением Германии привлекали особое внимание операторов. Эти материалы заслуживают специального изучения историками.

[17] М.А. Кушниров сообщил этот любопытный факт в своем выступлении на научной конференции «Неделя Барнета: итоги» в Центральном доме кинематографистов (Москва) в рамках XXI Московского международного кинофестиваля в июле 2001 года (Стенограмма конференции).

[18] Ср. статью в этом томе: György Dalos. Der Witzheld Stirlitz oder die Parodie des homo sovieticus.

Борис Соколов

ОТ «НЕМЕЦКОЙ ВИНЫ» К «СОВЕТСКОЙ ВИНЕ». Русская литература о Второй мировой войне, 1945–2000 гг.

Немецкий писатель Герман Казак уже через два месяца после прихода Гитлера к власти, 23 марта 1933 года, записал в дневнике: «Я писатель, и в творческой работе я обращаюсь только к тому, что есть человек. Если сегодня запрещаются гуманность и идеализм, то и я запрещён»[1]. Условия подцензурного, несвободного существования всегда побуждали литературу обращаться к теме человека как такового, пытаться постичь пределы его внутренней свободы. Тем более это касалось такой идеологизированной темы, как Германия в послевоенной советской литературе.

Война вызвала перелом в отношении к немцам и их языку. Известный поэт-переводчик и писатель Лев Гинзбург, сам не воевавший, вспоминал, что перед войной «немецкий язык был… в Москве популярен. Это был как бы язык антифашизма, язык Красного Веддинга и Флорисдорфа[2]. В школах его изучали больше, чем какой-либо другой иностранный язык… Примечательно, что тогда мало кто из нас думал, что на этом же языке произносит свои речи Гитлер…»[3]. После войны для советских писателей, как и для советского народа, немецкий язык стал, прежде всего, языком Гитлера и оккупантов, а немцы – отрицательными персонажами минувшей смертельной схватки. Эту перемену настроений зафиксировал в своих мемуарах Лев Копелев:

«…Были победы и неостановимое движение от Волги до Эльбы. И от этого – радостный подъем и естественная гордость. Но росло и чванство, вздуваемое казенной пропагандой и густо приправленное ненавистью к противнику… Так возникало новое, уже шовинистическое сознание, возникало и само собой и насаждалось речами и статьями, стихами, сталинским тостом в июне сорок пятого года о великом русском народе и песнями “А Россия лучше всех!”». Власти опасались, что солдаты и офицеры Красной Армии, побывавшие в Германии, «узнали, насколько люди там богаче жили, чем в стране осуществлённого социализма… Именно поэтому командование на первых порах даже поощряло грабежи – “священная месть” должна была отдалить советских людей от иноземцев»[4].

Следы подобных настроений, как насаждаемых сверху, так и возникавших стихийно, сохранялись и в художественной литературе. Германия и немцы в послевоенной советской литературе осмысливались в свете трагического опыта Второй мировой войны, которая, казалось, обесценила ценности гуманизма и создала пропасть между немецким и русским народами[5].

В данной работе я рассматриваю только произведения так называемой «серьёзной» литературы – прозу Виктора Некрасова, Василя Быкова, Эммануила Казакевича, Василия Гроссмана, Константина Симонова, Михаила Шолохова, Юрия Бондарева, Юрия Трифонова, Анатолия Кима, Фазиля Искандера, Владимира Богомолова и Владимира Сорокина[6]. В массовой литературе немцы, как правило, представали врагами-злодеями и выступали с саморазоблачительными заявлениями, соперничая в этом отношении только с американцами[7].

Интересно, что, как и в литературе ФРГ, в послевоенной советской литературе присутствовал комплекс «немецкой вины», который, естественно, играл прямо противоположную роль, чем в Западной Германии**.** Он замещал отсутствовавший в течение длительного времени комплекс «советской вины», абсолютно невозможный для подцензурной литературы. Вся ответственность за бедствия Великой Отечественной войны возлагалась на Гитлера и немцев. Это совпадало и с «мнением народным».

Тезис о большей вине Гитлера по сравнению со Сталиным очень отчетливо выразил в 1966 году Илья Эренбург в разговоре с Генрихом Бёллем: «Сталин обманывал народы. Он сулил им добро, обещал им только хорошее, а действовал жестоко. Но Гитлер ведь прямо говорил, что будет завоевывать, утверждать расу господ, уничтожать евреев, подавлять, порабощать низшие расы. Так что нельзя уравнивать вины»[8].

По свидетельству присутствовавшего при разговоре Льва Копелева, Бёлль согласился с собеседником.

Даже тогда, на исходе «оттепели», не все преступления Ленина и Сталина были еще широко известны либеральной советской и западной общественности. И нередко забывали, что преступления одной нации не отменяют преступлений другой. Поэтому мало кто обращал внимания на вольные или, скорее, невольные подтасовки, призванные возвысить немецкую вину над советской, которые хорошо видны и в суждении Эренбурга. Ведь Гитлер, строго говоря, публично прямо не говорил об уничтожении евреев, а «окончательное решение еврейского вопроса» происходило в глубокой тайне и преимущественно за пределами Германии, так что подавляющее большинство немецкого населения вплоть до конца войны оставалось в неведении о страшной судьбе евреев.

Вследствие большой закрытости советского общества иностранцы редко становились героями литературных произведений. В этом отношении немцам, благодаря трагической памяти минувшей войны, повезло больше других народов. Другое дело, что изображались немцы часто самым негативным образом, особенно в первые послевоенные десятилетия.

В то же время, просто карикатурный образ врага не удовлетворял Сталина и его приемников. По воспоминаниям писателя Бориса Полевого, когда он вместе с группой советских журналистов, присутствовавших на Нюрнбергском процессе, весной 1946 года посетил Сталина, то характеризовали подсудимых весьма уничижительно, подчеркивая «невежество и… непроходимую глупость и тупоумие наших врагов». Вождю это не понравилось, и он возмущенно заявил: «Что же, вы считаете, что мы воевали с круглыми идиотами и победили дураков? Ошибаетесь! Наши врага были умными и знающими свое дело людьми. Вот их-то мы и победили!»[9].

В западногерманской литературе не было негативного стереотипа русских. Так, в романах Генриха Бёлля «Групповой портрет с дамой» (1971) и «Женщины у берега Рейна» (1985) советские военнопленные – вполне симпатичные персонажи, и любовная связь немецких женщин с ними – своеобразное искупление «немецкой вины». Одна из героинь последнего романа, Элизабет Блаукремер, помнит, что её отец, брат и соседи погибли от рук нацистов или были спровоцированы ими на самоубийство, тогда как некие нечестные психиатры пытаются внушить, что их убили русские. Здесь реальные преступления советских солдат в Германии, которые отнюдь не были плодом геббельсовской пропаганды, писатель пытается сделать небывшими. «Немецкая вина» в данном случае вытесняет в сознании автора «советскую вину».

От врага – к человеку

Сразу после завершения Великой Отечественной войны немцы воспринимались в русском общественном сознании как враги, пусть и поверженные. Можно согласиться с Вильгельмом Швёбелем в том, что «перед войной, во время войны и после неё – это время, когда ни один народ не хочет понять другой и помочь ему, так как иначе он сам не смог бы бездумно творить то, что ему нужно»[10]. Литературе еще предстояло пройти долгий путь до понимания того народа, который только вчера казался смертельным врагом. Стереотипы военного времени довлели над русской литературой. Не случайно в лучшем произведении о Великой Отечественной войне – романе Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946, – писатель сам участвовал в Сталинградском сражении в качестве офицера-сапера) немцев вообще нет. Они присутствуют только как невидимый противник, чьи пули и снаряды несут смерть советским солдатам. Общество ещё не готово было видеть во вчерашних врагах живых людей со своими достоинствами и недостатками и с какими-либо психологическими переживаниями. Виктор Некрасов (1911–87) это хорошо чувствовал и, чтобы не фальшивить, отказался от непосредственного изображения немецких солдат. Немцы в романе – некое безличное зло. Они даны лишь в восприятии товарищей автора. В образе Гитлера, например, подчеркиваются подлинные и мнимые физические изъяны, равно как и то, что он не тот человек, за которого себя выдаёт[11]. Замечательно удивление сержанта Седых по поводу низкого воинского звания фюрера: «Как же это так?.. Самый главный – и ефрейтор»[12]. Здесь можно было усмотреть скрытую иронию по отношению к советскому вождю, которого произвели в генералиссимусы.

Физические недостатки, неуловимость облика – это традиционные приметы сатаны. И не случайно в начале романа один из советских офицеров курит трубку в форме головы Мефистофеля. Ведь нам предстоит увидеть современную трагедию масштаба «Фауста»[13].

Если же немцы становились персонажами, то только в качестве врагов, не заслуживающих снисхождения. В одном из первых послевоенных рассказов о войне, где изображены немецкие солдаты, – в «Звезде» (1946) Эммануила Казакевича (1913–62), бывшего офицера военной разведки, вчерашние противники, в отличие от романа Некрасова, представлены на уровне персонажей, но выступают как объект ненависти. Всё немецкое, присутствующее в неприятельском тылу, вызывает отвращение у советских разведчиков: «В лесу на молодой траве валялись пустые сигаретные коробки, консервные банки, грязные обрывки напечатанных готическим шрифтом газет, порожние бутылки – следы чужой, ненавистной жизни. Лес был полон указок, причём чаще всего на них были написаны цифра 5 и буква w. Повсюду был запах немца, фрица, ганса, германца, фашиста, – запах постылый и презираемый»[14]. «Немец» и «фашист» здесь являются синонимами, а иррациональная ненависть ко всему немецкому переносится с людей на вещи и даже на запахи.

У Казакевича есть и сцена убийства немецкого пленного, – сюжет, повторившийся позднее во многих произведениях военной прозы:

> То был молодой человек лет двадцати пяти, белёсый, с водянистыми голубоватыми глазами, типичными для немецких лиц (сниженное подобие классического «сверхчеловека» – «белокурой бестии». – *Б.С.*)…

Травкин оторвал глаза от солдатской книжки немца и вспомнил, что немца надо кончать. Пленный, как бы понял его мысль, вдруг задрожал и сказал, вкладывая в свои слова большую силу:

Herr Kommunist! Kamerad! Ich bin Arbeiter, Schauen Sie meine Hände an. Glauben Sie mir. Ich schwöre: ich bin kein Nazi. Ich bin selbst Arbeiter und Arbeitersohn[15].

Аниканов примерно понял сказанное немцем. Он знал слово «арбайтер».

Вот он показывает свои мозолистые руки и говорит: я, дескать, рабочий, – задумчиво сказал Аниканов. – Значит, знает, что у нас уважают рабочего человека, знает, с кем воюет, и воюет же всё-таки…

Травкин с младенческих лет был воспитан в любви и уважении к рабочим людям, но этого наборщика из Лейпцига надо было убить.

Немец почувствовал и эту жалость, и эту непреклонность в глазах Травкина. То был неглупый немец: будучи наборщиком, он прочитал немало умных книг и понимал, что за люди стоят перед ним. И он зарыдал, увидев смерть в образе этого юного красавца лешего с большими жалостливыми и непреклонными глазами[16].

Тут иррациональность ненависти соседствует с вполне рациональным мотивом: разведгруппа в немецком тылу вынуждена уничтожать «языков», чтобы не оставлять в живых свидетелей. Убийство оправдывается тем, что немец воюет против своих же братьев рабочих. Преодоление жалости к человеку становится залогом не столько собственного выживания, сколько выполнения долга перед Родиной. Героическая гибель всех разведчиков, ценой своей жизни предотвративших внезапный немецкий контрудар, снимает у читателя все вопросы насчёт правоты их действий в отношении пленных:

Важно было то, что сосредоточившаяся в этих лесах, чтобы нанести удар исподтишка по советским войскам, отборная дивизия с грозным именем «Викинг» обречена на гибель. И машины, и танки, и бронетранспортёры, и тот эсэсовец с грозно поблёскивающим пенсне, и те немцы в подводе с живой свиньёй, и все эти немцы вообще – жрущие, горланящие, загадившие окружающие леса, все эти Гилле, Мюлленкампы, Гаргайсы, все эти карьеристы и каратели, вешатели и убийцы – идут по лесным дорогам прямо к своей гибели и смерть опускает уже на все эти пятнадцать тысяч голов свою карающую руку[17].

Немцы здесь – вызывающая омерзение масса, мусор природы.

Вермахту зачастую приписывали те методы ведения боя, которые в действительности были свойственны Красной Армии. Сергей Смирнов, бывший фронтовой корреспондент, в документальной повести о Корсунь-Шевченковском сражении «Разгром» (1954) дал не лишенное мрачного величия описание попытки прорыва немецкой группировки из кольца:

Это была атака главного ядра колонны, отборных отрядов пехоты, подпираемых танками «викинг». Но не танки прокладывали дорогу пехотинцам. Наоборот, своим огнем, своими телами пехота должна была проложить дорогу танкам, под охраной которых шли бронетранспортеры, везущие генералов и офицеров. Сотнями солдатских жизней противник хотел оплатить спасение кучки генералов, позорно бросивших свои войска[18].

Подобная художественно-пропагандистская картина войны должна была убедить молодое поколение, да и часть фронтовиков, что это немцы, а не мы ценили технику

больше людей и ценой солдатских жизней вызволяли из беды генералов. Между тем, сразу после окончания войны маршал Жуков потряс американского генерала Эйзенхауэра советским методом преодоления минных полей[19]. Сначала на мины бросалась пехота, а потом в проделанные телами солдат проходы шли саперы, чтобы снять противотанковые мины и очистить путь для бронетехники. А из осажденного Севастополя в последние дни обороны были эвакуированы все генералы и высшие офицеры Приморской армии и Черноморского флота, оставившие войска на произвол судьбы[20].

Иной раз борьба России и Германии воспринималась как схватка двух мистических сил. Поэт и философ Даниил Андреев (1906–1959), военным санитаром переживший блокаду Ленинграда, поэму «Ленинградский апокалипсис» (1949–1952) писал во Владимирской тюрьме, где он сидел по обвинению в прогерманских настроениях. В поэме победа России объясняется заступничеством за нее некоего прозреваемого поэтом эзотерического божества – Владыки Арктики:

Когда ширял орел Германии
К кремлевским башням в сорок первом,
Когда сам воздух стал неверным,
От канонад дрожать устав,
Когда, в отчаяньи, заранее
Народ метался по вокзалам –
Не он ли встал морозным валом
У обессиливших застав?[21]

Позднее Даниил Андреев развил эту мысль в философском трактате «Роза мира», писавшемся вплоть до смерти автора в 1959 году. Там Гитлер и Сталин предстают «демонами великодержавия», при которых тирания принимает формы, опасные для самого государства. Сталин для Андреева – «Гениальный тиран. Дурной хозяин. Неудавшийся ученый. Художественный идиот»[22], а Гитлер, уступая ему в государственной мудрости, превосходит его личной храбростью. Но оба они являются лишь орудием незримого, потустороннего Великого Мучителя – одного из истинных творцов «метаистории человечества»[23]. Подобная философско-мистическая трактовка феномена Гитлера и событий минувшей войны была тогда редким исключением и не могла быть опубликована.

В очень известных произведениях военной тематики и десятилетие спустя после окончания войны встречались шаржированные портреты немцев, причём захватчики уподоблялись свиньям. Вот как вспоминает немецкого майора бывший шофёр из пленных Андрей Соколов в рассказе «Судьба человека» (1956) Михаила Шолохова (1905–1984), прошедшего войну фронтовым корреспондентом[24]: «Ох, и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки. На нём, я так определял, не менее трёх пудов чистого жиру было. Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет – только держись! Целый день, бывало, жуёт да коньяк из фляжки потягивает»[25]. И здесь нет ни художественной, ни психологической неправды. Такой взгляд вполне естественен для главного героя – бывшего узника лагеря, жестоко страдавшего от голода.

От этих образов еще очень далеко до того, чтобы увидеть в немце такого же человека, как и его противник. Но «оттепель» и связанное с ней свободомыслие посте-

пенно меняли восприятие прошедшей войны и позволяла корректировать образ вчерашнего врага. Уже в апреле 1957 года Александр Твардовский радовался, что «разрешили такие слова, как победа, родина, писать с малой литеры»[26]. Соответственно, с большой буквы можно было теперь пытаться писать слово Человек.

В поэме Давида Самойлова «Ближние страны» (1954–1958) в «Балладе о немецком цензоре» вчерашний враг представлен автором-фронтовиком[27] в виде традиционного «маленького человека» русской и европейской литературы, возвышающегося до протеста и платящего за протест жизнью:

Жил в Германии маленький цензор
Невысокого чина и званья.
Он вымарывал, чиркал и резал
И не ведал иного призванья.

Он вынюхивал вредные фразы
И замазывал тушью чернила.
Он умы сберегал от заразы.
И начальство его оценило[28].

Цензор отправляется на Восточный фронт. И там от увиденного испытывает умственное потрясение:

То, что днем он вымарывал, чиркал,
Приходило и мучило ночью
И каким-то невиданным цирком
Перед ним представало воочью[29].
Цензора мучит мысль:

«На Востоке, Востоке, Востоке
Нам не будет, не будет пощады…»

И он становится антицензором:

Он подчеркивал все, что правдиво,
И вычеркивал все остальное[30].

«Человечишко, мелкий, как просо», возвысился до понимания того, что «жизнь не бравада, и что существованье ничтожно. И в душе его черная правда утвердилась над белою ложью».

Отметим, что в данном случае немецкий сюжет вызывал явные аллюзии на советскую действительность и маскировал нецензурность мыслей самого поэта.

Именно в поэзии в немцах увидели прежде всего людей, так же, как и соотечественники, достойных сострадания и жалости. У Юрия Кузнецова, прошедшего войну, в одноименном стихотворении можно прочесть такие строки:

Утром фрицу на фронт уезжать,
И носки ему бабка вязала,
Ну совсем как немецкая мать,
И хорошее что-то сказала[31].

В основу стихотворения лёг реальный факт, а само оно выглядит как вызов расхожим представлениям военного времени, отразившимся, например, в очерке Ильи Эренбурга «Весна в январе» (1942):

> Страшны рассказы крестьян о черных неделях немецкого ига. Страшны не только зверства – страшен облик немца. «Показывает мне, что окурок в печку кидает, и задается: “Культур. Культур”». А он, простите, при мне, при женщине, в избе оправлялся… «Грязные они. Ноги вымыл, утерся, а потом морду – тем же полотенцем». «Один ест, а другой сидит за столом и вшей бьет. Глядеть противно». «Он свое грязное белье в ведро положил. Я ему говорю – ведро чистое, а он смеется. Опоганили они нас». «Все украли, паразиты! Детские вещи взяли. Даже трубу самоварную и ту унесли» (…)
> Крестьянка с хорошим русским лицом, с лицом Марфы Посадницы, рассказала мне: «Боялись они идти на фронт. Один плакал. Говорит мне: “Матка, помолись за меня, – и на икону кажет. Я и вправду помолилась: “Чтобы тебя, окаянного, убили”».
> Добрым был русский народ. Это всякий знает. Умел он жалеть, умел снисходить. Немцы совершили чудо: выжгли они из русского сердца жалость, родили смертную ненависть[32].

Характерно, что в этом очерке немцы-завоеватели ничего особенно страшного не творят. Но даже неприглядные мелочи солдатского быта или мелкие кражи, также объяснимые, например, необходимостью добыть теплые вещи, от нехватки которых остро страдали солдаты вермахта, вырастают здесь до масштаба вселенского преступления против русского народа.

Юрий Кузнецов (1941–2003) же доказывает, что между немцами и русскими крестьянами могли возникать чисто человеческие отношения, причем, вне всякой связи с коллаборационизмом. Многие солдаты и офицеры вермахта отнюдь не выступали по отношению к местным жителям в роли грабителей, насильников и убийц, как уверяла советская пропаганда, а, напротив, старались по мере сил облегчить их тяготы и страдания, неизбежные в условиях войны и оккупации. Об этом сохранились свидетельства современников[33]. В их контексте образ русской старушки, заботящейся о немце так же, как заботилась о погибшем на фронте сыне, отнюдь не выглядит поэтической фантазией.

В другом стихотворении Юрия Кузнецова, «Простота милосердия», русский врач приходит к немцам через линию фронта, чтобы, осененный светом милосердия, в немецком лазарете попросить бинтов и медикаментов. То ли легенда, то ли быль, она утверждает идею торжества милосердия и братства «в этом мире, где битва идей в ураган превращает людей»:

…Вскочили враги,
Кроме света не видя ни зги,
Словно призрак на землю вернулся.
Это русский! Хватайте его!» -
«Все мы кровные мира сего», -
Он промолвил и вдруг улыбнулся.

«Все мы братья, – сказали враги, -
Но расходятся наши круги,
Между нами великая бездна».
Но сложили, что нужно, в суму.
Он кивнул и вернулся во тьму»[34].

Человеческое может восторжествовать и над идейным противоборством, и над ожесточением смертельной схватки, хоть на миг осветив Божьим светом мрак войны.

Также и в наиболее значительном романе о Великой Отечественной войне не только эпохи «оттепели», но, пожалуй, и всего послевоенного периода, – «Жизни и судьбе» Василия Гроссмана в немцах уже увидено нечто человеческое.

«Немецкая» и «советская вина». Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»

В первой книге дилогии Василия Гроссмана (1905–1964)[35] о Сталинградской битве – романе «За правое дело» (1951) немцы даны ещё в традиции первых послевоенных лет. Так, всеобщий любимец роты старший солдат – шутник и балагур Штумпфе – в действительности тайный доносчик и соучастник преступлений против человечности, завидующий солдатам айнзатцкоманд, зарабатывающих по пфеннигу на каждом убитом еврее. Он, как и немцы в романе Виктора Некрасова, уподоблен нечистой силе, обладая удивительной неуязвимостью от пуль и стихий: «…В самом Штумпфе соединялись, казалось, несоединимые, противоречивые черты. У него случались периоды бесшабашной жестокости и буйства, тогда никто не мог его удержать, он превращался в совершенного чёрта»[36].

Во второй книге дилогии – романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (1960), рукопись которого была арестована по приказу партийного руководства, немцы военных лет – это уже не записные злодеи. Прежде всего, они – зеркало советской тоталитарной системы, копией которой является национал-социалистическое государство Гитлера. Здесь впервые в русской литературе появляется тема «советской вины» – прежде всего, по отношению к своему собственному народу, но также и к странам Восточной Европы.

Советское общество – единственное из тоталитарных обществ, которому суждено было достичь своей классической завершенности. Это произошло после войны, в последние годы сталинского правления. Затем начался процесс постепенного разрушения тоталитарного монолита[37]. Неудивительно, что в первые же «оттепельные» годы писатель захотел посмотреть уже из другой эпохи на родную страну в зеркале страшного германского опыта.

Признание «советской вины» за тоталитарное прошлое и настоящее привело автора «Жизни и судьбы» к тезису о «зеркальности» нацистского и коммунистического режима. О такой зеркальности упоминал еще Борис Пастернак в очерке 1943 года «Поездка в армию»: «Если революционная Россия нуждалась в кривом зеркале, которое исказило бы ее черты гримасой ненависти и непонимания, то вот оно: Германия пошла на его изготовление»[38]. Будущий автор «Доктора Живаго» видел в гитлеровском Рейхе карикатуру на коммунистическую Россию. У Гроссмана, бывшего военного корреспондента в Сталинграде, зеркала самые обычные, не кривые, а оба режима, сталинский и гитлеровский – зеркальные копии друг друга.

Наиболее отчётливо эта мысль проведена в разговоре соратника Эйхмана штурмбанфюрера Лисса и соратника Ленина коммуниста Мостовского. Эсэсовец убеждает оказавшегося в немецком концлагере старого большевика:

У нас – вы у себя дома, но вам не повезло. (…) Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало. В этом трагедия эпохи. Разве вы не узнаёте себя, свою волю в вас? Разве для вас мир не есть ваша воля, разве вас можно поколебать, остановить? (…) Вам кажется, вы ненавидите нас, но это кажется: вы ненавидите самих себя в нас. (…)

У меня нет тайной цели. Даю вам честное слово. Меня мучит то, что мучит вас (…) Честное слово гестаповца, а это не шутка. (…)

Два полюса! Конечно, так! Если бы это не было совершенно верно, не шла бы сегодня наша ужасная война. Мы ваши смертельные враги, да-да. Но наша победа – это ваша победа. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе[39].

Гроссман чувствовал это возрождение побежденных в победителях по кампании «борьбы с космополитизмом», по партийным установкам, подчиняющим всю жизнь общества одной «единственно верной» идеологии.

Не исключено, что идею зеркальности и «дружеского диалога» нациста и коммуниста, выразившуюся в монологе Лисса, Гроссман почерпнул из реального документа – агитационного письма капитана германской разведки Баха командиру одного из партизанских отрядов Витебской области Белоруссии Даниилу Федотовичу Райцеву. Бах, в частности, писал:

Я, как и Вы, солдат. Мне, как и Вам, очень часто приходится смотреть в глаза смерти. Поэтому разрешите сейчас по-дружески говорить с Вами, чтобы сделать потом из этого искреннего разговора соответствующий вывод. Но прежде всего отдаю честь Вашей личной храбрости. К величайшему сожалению, эта храбрость направлена на защиту враждебного Вашей славной Родине дела. (…)

В то время, когда охваченный энтузиазмом народ боролся со своими поработителями-плутократами на Западе, ему на Востоке готовился всадить в спину нож другой злейший враг человечества – большевики… Как географическим соседям, нам более чем кому-нибудь ещё видно, что в 1917 году Ваша Родина после упорной борьбы сбросила с себя иго царской тирании, чтобы сразу же попасть под иго более зверской диктатуры – большевистской. Большевики принесли Россию в жертву своим безрассудным теориям о всемирной революции… Они… в мае–июне 1941 года, вопреки пакту о ненападении, сконцентрировали у нашей границы 160 отборных дивизий Красной Армии, но Адольф Гитлер предупредил этот план и приказал 22 июня 1941 года германской армии перейти в наступление на Восточном фронте. И мы пошли в наступление, чтобы вместе с капиталистами уничтожить и коммунистов, расстояние между которыми меньше воробьиного носа. Да погибнет СССР, да оживёт Россия! (…)

Вы боретесь за восьмичасовой рабочий день, который по своему стахановскому уплотнению превосходит шестнадцатичасовой на предприятиях самых гнуснейших эксплуататоров Англии и Америки. За дальнейшее разорение трудолюбивого русского крестьянства, которое сейчас живёт в колхозе хуже, чем во времена крепостного права. За массовое избиение интеллигенции, виновной только в том, что она не может быть равнодушной к страданиям своего народа. За так называемую, извините, культуру «национальную по форме и социалистическую по содержанию», в результате которой только в Мариинском округе Новосибирской области находится 100 тысяч белорусов, репрессированных чекист-

скими палачами. За продолжение на костях и крови социалистической стройки новых заводов, где рабы иудейского Интернационала будут ковать цепи для свободных народов земли. Вы боретесь за километровые хлебные очереди в когда-то, до большевиков, богатейшей стране, являвшейся житницей всего мира. За концентрационные лагеря НКВД, при сопоставлении с которыми все каторжные тюрьмы царизма кажутся санаториями. За «отца народов» Сталина, пролившего больше народной крови, чем воды несёт в себе великая русская река Волга. (…) Мы надеемся, что вы будете другом, а не врагом своего рода, и строим мост для такого перехода. (…) Даю слово германского офицера, что в таком случае Вам не только гарантируется жизнь, но и, согласно Вашему желанию, мы обеспечим Вам общественное положение в России или в Германии[40].

Не исключено, что именно это письмо имел в виду Гроссман, когда в одном из эпизодов романа майор Ершов, возглавивший антифашистскую организацию в немецком лагере, размышляет о власовской пропаганде: «Власовские воззвания писали о том, что рассказывал его отец (об ужасах раскулачивания. – *Б.С.*). Он-то знал, что это правда. Но он знал, что эта правда в устах у немцев и власовцев – ложь. Он чувствовал, ему было ясно, что, борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями, где погибли его мать, сестры, отец»[41].

Не случайно одного из немцев – героев романа Гроссмана – зовут Петер Бах, правда, он – лейтенант, а не капитан, «молодой человек с высшим образованием»[42], у которого роман с русской женщиной. Бах позволяет себе лёгкую оппозиционность по отношению к нацистскому режиму, но, в конце концов, сродняется с ним в окопах Сталинграда: «…Удивительная вещь, долгие годы я считал, что государство подавляет меня. А теперь я понял, что оно выразитель моей души…»[43].

Петер Бах стал первым немцем-фронтовиком в советской прозе, написанным с несомненным авторским сочувствием. Он – скорее жертва нацистского режима, хотя и пришел на берега Волги как захватчик плечом к плечу с теми, кто решал «еврейский вопрос» в Бабьем Яру и Освенциме.

В «Жизни и судьбе» впервые в советской литературе возникает тема любви немецкого офицера и русской женщины. Для лейтенанта Баха первоначально она является лишь средством хоть на мгновение вырваться из кошмара войны. Для Зины же эта любовь – один из способов выжить. Она приходит навестить раненого лейтенанта в лазарете, но Бах от неё отрекается. В госпитальной тиши русская женщина кажется ему ненужной. Но связь возобновляется, когда лейтенант возвращается в сталинградское пекло.

Возобновившийся после госпиталя роман оборачивается любовью, которая поражает Баха накануне гибели 6-й армии:

Ужас охватил его от мысли, что он может потерять эту женщину, он нашёл её, он пришёл к ней, всё, что творилось в Германии, в Европе, служило тому, чтобы он встретил её. (…) Она не понимала его слов. (…) Но она догадывалась о том, что происходит с ним, она видела его смятение. Голодная, легкомысленная любовница немецкого офицера со снисходительной нежностью видела его слабость. Она понимала, что судьба разлучит их, и она была спокойней его. Теперь, видя его отчаяние, она ощутила, что связь её с этим человеком превращается во что-то, поразившее её своей силой и глубиной. Она расслышала это в его голосе, ощутила в его поцелуях, в его глазах[44].

Оба любовника у Гроссмана во всем не схожи. В портрете Зины, увиденной глазами немецкого офицера, подчеркивается то, что отличает её от нормальной, благополучной женщины. Эта любовь немца и русской, неудачливого завоевателя и не слишком заботящейся об освобождении полонянки окажется бесплодной, умрёт вместе с гибнущей армией Паулюса. Но Гроссман сознавал, что окончательное примирение двух народов случиться только тогда, когда такая любовь перестанет быть экзотикой.

Рефлексирующему интеллигенту Баху в романе противопоставлен хладнокровный палач – начальник зондеркоманды Кальтлуфт, под чьим руководством происходит истребление евреев в Треблинке. Немецкая пунктуальность и деловитость, как доказывает Гроссман, поставлена на службу геноциду. В этом смысле начальник зондеркоманды – идеальный немец:

> Кальтлуфт умел работать, жалел тратить зря время, он не заходил после ужина в клубные помещения, не играл в карты и не смотрел кинофильмов. (…) Если б Кальтлуфту пришлось отвечать перед небесным судом, он бы, оправдывая свою душу, правдиво рассказал судье, как судьба толкала его на путь палача, убившего пятьсот девяносто тысяч человек. Что мог сделать он перед волей могучих сил: мировой войны, огромного народного национального движения, непреклонной партии, государственного принуждения? Кто в состоянии плыть по-своему? Он – человек… Не он шёл, его толкали, не он хотел, его вели, он шёл, как мальчик с пальчик, судьба вела его за руку. И так же или примерно так оправдывали бы себя перед Богом те, кого послал на работу Кальтлуфт, и те, кто послал на работу Кальтлуфта[45].

Кальтлуфт считает себя человеком, хотя на самом деле он – всего лишь часть страшной машины по уничтожению людей. Гроссман не без основания полагал, что немецкая страсть к порядку и беспрекословному подчинению приказам не только способствовала созданию и существованию тоталитарного государства, но и облегчило для миллионов соучастие в преступлениях национал-социализма.

Немецкие военнопленные в русской литературе: надо ли убивать поверженного врага?

Проблема убийства немецких пленных по-разному поднята в романах Константина Симонова «Живые и мёртвые» (1959) и Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». У Гроссмана жертвой нелепого инцидента становится солдат Шмидт, ранее преследовавшийся командованием за антинацистские настроения и абсолютно невиновный в ранении советского солдата, спровоцировавшем расправу:

> Полковник заметил большое, улыбающееся лицо солдата Шмидта, закричал:
> «Смеёшься, мерзавец, ещё одного покалечили?»
> Шмидт не понял, почему улыбка, которой он так много хотел выразить хорошего, вызвала крик русского старшего офицера, а когда, казалось, без всякой связи с этим криком треснул пистолетный выстрел, он, уже совсем ничего не понимая, споткнулся и упал под ноги шедших позади солдат. Тело его оттащили в сторону, и он лежал на боку, и все, знавшие его и не знавшие, проходили мимо…[46].

Здесь в исторический день капитуляции немцев в Сталинграде суд над ними творится скорый и неправый суд. Жертвой гнева штабного полковника Филимонова становится добрый честный Шмидт, не любящий нацистов и симпатизирующий русским, а не эсэсовец обер-лейтенант Ленард, причастный к «окончательному решению еврейского вопроса». Всё зависит от того, насколько понравится или не понравится лицо пленного важному тыловому полковнику из Москвы. Лицо обер-лейтенанта показалось Филимонову симпатичным, да и предшествовавшей смертью он уже потрясен, вот и отпускает Ленарда.

Вместе с тем, Гроссман противопоставляет рядовых участников битвы со стороны вермахта, на которых нет преступлений, и генералов 6-й армии, которые вели своих солдат вперёд, на завоевание мира, во имя преступных целей национал-социализма и потому разделяют с Гитлером ответственность за все преступления. Только попав в плен свежеиспечённый фельдмаршал Паулюс и его генералы «очеловечились, но как-то по-плохому»[47]. Немцы в романе всё-таки хуже русских, потому что выступают агрессорами, тогда как советские солдаты защищают свою Родину. Потому-то и убийство Шмидта выглядит трагической случайностью, а не преступлением. И полковник Филимонов – это не хладнокровный убийца, а человек, испытывающий некоторую неловкость от того, что впервые оказался причастен к гибели другого человека[48]. Гроссман показывает, что слепая месть настигает, как правило тех, кто её не заслуживает. Вместе с тем, страдания пленных немцев писатель рассматривает как справедливое воздаяние за вторжение в Россию:

> Пленные немцы были ужасны. Они шли с головами и плечами, обмотанными обрывками одеял. На ногах у них были поверх сапог повязаны куски мешковины и тряпья, закреплённые проволокой и верёвками.
> Даренский глядел на трупы, с беспомощным бесстыдством обнажившие свои впалые животы и половые органы, он глядел на румяные от степного морозного ветра лица конвоиров. (…)
> Это было возмездие. (…)
> «Доигрались фрицы», – сказал водитель.
> «Их не звали», – угрюмо сказал Даренский.
> А потом вдруг счастье захлёстывало его, – в снежном тумане степной целиной шли на запад советские танки – тридцатьчетвёрки, злые, быстрые, мускулистые (…)
> Закованная сталью Россия, грозная, хмурая, шла на запад[49].

Впалым, обезображенным трупам противопоставлены румяные, полные жизни красноармейцы, покорёженной германской бронированной армаде, бесславно сгинувшей в походе на восток, – новая армада советских танков, устремившихся на запад.

Но подполковник одёргивает старшего по званию, который ударил сапогом ползущего из последних сил по снегу пленного:

> Лезет, говно, завоеватель», – сказал полковник, обтирая об снег подошву сапога.
> Смешок прошёл среди зрителей.
> Даренский почувствовал, как затуманилась его голова и что уже не он, кто-то другой, которого он знал и не знал, никогда не колеблющийся, руководит его поступками.
> «Русские люди лежачих не бьют, товарищ полковник», – сказал он.

> «А я кто, по-вашему, не русский?» – спросил полковник.
> «Вы мерзавец», – сказал Даренский и, увидя, что полковник шагнул в его сторону, крикнул, предупреждая взрыв полковничьего гнева и угроз: – «Моя фамилия Даренский!» (…) Но случай с пленным не открыл его сердце добру. Он словно сполна истратил отпущенную ему доброту[50].

Внутренний монолог Даренского напоминает монолог толстовского Кутузова, прямые цитаты из которого есть у Гроссмана. Кутузов в «Войне и мире» после сражения под Красным в толпе пленных французов «заметил русского солдата, который, смеясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорил ему»[51]. В связи с этим полководец обратился к своему войску с речью: «Вам трудно, да всё же вы дома; а они – видите, до чего они дошли, – сказал он, указывая на пленных. – Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?.. А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом, им, мордой в говно»[52].

Толстой писал свой роман-эпопею полвека спустя после Отечественной войны 1812 года, когда в русском обществе уже не было былой ненависти к французам, да и в ходе самой войны эта ненависть далеко не достигала того ожесточения, которое было свойственно участникам Второй мировой войны. Гроссман же завершил «Жизнь и судьбу» всего через 15 лет после победного 45-го. Тогда еще трудно было представить себе красноармейца, мирно беседующего с пленным немцем.

Константин Симонов (1915–1979), как и Василий Гроссман, был фронтовым корреспондентом. Но в «Живых и мёртвых» (1959), в отличие «Жизни и судьбы», немцы не показаны изнутри, а даны только глазами красноармейцев. Здесь расстрел немецких военнопленных оправдывается жестокостью самих немцев. Один из самых запоминающихся эпизодов романа – расстрел в октябре 41-го под Юхновым немецкими танками почти безоружных красноармейцев, только что вышедших из одного окружения и сразу же угодивших в другое, писателем не выдуман, но смещен по времени. В «Живых и мёртвых» мы читаем: «Те, кто забился в гущу леса, слева от дороги, чтобы дождаться там ночи, были на закате расстреляны прочесывавшими лес автоматчиками. Может быть, в другом случае немцы и взяли бы пленных, но чья-то случайная или, наоборот, на редкость хладнокровная пуля наповал уложила наблюдавшего побоище с башни своего танка командира танкового полка СС, и немцы беспощадно рассчитывались за эту неожиданность»[53].

Этот эпизод не придуман, а взят прямо из жизни. Во время Курской битвы 19-я танковая дивизия немцев в начале августа 1943 года попала в котел под деревней Борисовка, откуда вырвалась лишь с большими потерями. Командир дивизии генерал Шмидт был убит осколком советской авиабомбы, а его штабной автомобиль с документами стал трофеем красноармейцев. Там был найден отчет о боевых действиях 19-й танковой дивизии в период наступления на Курск в период с 5 по 18 июля 1943 года. В нем есть такие строки: «Было уничтожено около 12 дзотов противника вместе с гарнизонами, при этом было взято очень мало пленных, так как еще не был погашен наш счет противнику за предыдущие дни, когда от пули русского офицера погиб командир 73 гренадерского моторизованного полка»[54].

Трофейный документ заинтересовал члена Военного Совета Воронежского фронта Никиту Хрущева, который переслал его члену ГКО Георгию Маленкову с сопроводительной запиской, где подчеркнул, что «этот немецкий документ заслу-

живает внимания». Не знаю, рассказал ли Никита Сергеевич Константину Михайловичу о случае с гибелью немецкого моторизованного полка, или Симонов сам нашел отчет 19-й немецкой танковой дивизии в архивах[55].

А вот эпизод с расстрелом немецких пленных в «Живых и мёртвых» выглядит гораздо бледнее, чисто литературным:

> – Покажите мне руки, – ещё раз повторил по-немецки Серпилин, делая шаг вперёд…
> У обоих руки пахли керосином. Оба молчали. Один мелко трясся, другой окаменел от отчаяния и неотвратимости смерти.
> – Расстрелять их к чёртовой матери! – сказал Серпилин и, отвернувшись, пошёл к саням…[56].

Оправданием для казни пленных в романе служит то обстоятельство, что немцы выступали в роли «факельщиков», поджигавших деревни, оставляемые вермахтом. Расстрел пленного у Симонова представлен как отдельный эксцесс, как морально оправданный акт мести. Между тем, в действительности, расправы над пленными поощрялись в СССР самим Верховным Главнокомандующим[57]. И пленных действительно расстреливали. Член Военного Совета Северо-Западного фронта П.К. Пономаренко в марте 1942 года сетовал: «Конечно, сдаваться будут мало… если будем расстреливать пленных на виду у немцев (под Холмом перебили группу, шедшую из города к нашим войскам с поднятыми руками»[58].

В поэме Давида Самойлова «Ближние страны» гуманизм по отношению к пленному проявляется в условиях вполне реальной жестокой альтернативы: «Нет людей – конвоировать пленного, да и много ли скажет он ценного»[59]. Но выступающий «в роли грозного господа Бога» капитан Богомолов отпускает пленного, прикрывая доброту нарочито грубыми словами:

> «Дьявол с ним. Пусть живет этот олух!
> Пусть идет восвояси к своим!».
>
> Утро. Пленный идет через поле,
> Рад, а может, не рад своей воле?[60]

Поэзия, менее чем проза, подверженная цензуре, раньше увидела во враге человека.

Чья вина больше: немцы и предатели в повестях Василя Быкова

Проблема отношения к пленным затрагивается и в творчестве Василя Быкова[61], являясь частью отношения к немцам. Это последнее претерпевает определённую эволюцию. В романе «Мёртвым не больно» (1964) немецкие солдаты – это жестокие враги, чья жестокость обусловлена животным стремлением выжить любой ценой. Командир немецкого отряда оберст Майер уподоблен командиру советского отряда капитану «Смерш» Сахно своим стремлением спастись, жертвуя жизнями подчиненных. Даже симпатичный на первый взгляд солдат Энгель, которого после плене-

ния спасает советский лейтенант Василенко, когда ситуация меняется, по приказу начальства расстреливает своего спасителя, оправдываясь дрожащим, извиняющимся голосом: «Их хабе айнен бефель! (Мне было приказано)»[62]

В пограничной ситуации рядовой Энгель, в русском плену утверждавший: «Их бин айн айнфахер менш (Я простой человек)… Вир зинд айнфахе зольдатен!!! (Мы простые солдаты!) Ден криг бефильт дер фюрер унд ди генерале (Воевать приказали фюрер и генералы)»[63], подчиняется приказу, чтобы уцелеть.

Но уже в повести «Дожить до рассвета» (1971) немец-обозник, которого ценой своей жизни убивает главный герой лейтенант Ивановский, нарисован без всякой ненависти и даже с сочувствием. Лейтенант «различал небритое, какое-то заспанное его лицо, встревоженный взгляд, заиндевелые пуговицы его шинели»[64]. В отличие от рядового Энгеля, безымянный немец-обозник ничем не обязан советскому лейтенанту, и никакому осуждению автором он не подвергается. Притворившийся мёртвым Ивановский в отчаянии от того, что ему не удастся убить хотя бы одного немца, если обозник застрелит его, но ненависти к врагу не испытывает. Для Ивановского убийство немецкого солдата – это исполнение патриотического долга, стремление «врага в могилу взять с собой»[65], как писал в поэме «Слово о 28 гвардейцах» еще в годы войны Николай Тихонов (1896–1979). И неопытность обозника позволяет лейтенанту совершить задуманное: выпущенная неопытной рукой пуля лишь ранит его, и Ивановский успевает бросить гранату.

Осуждению писатель подвергает, в первую очередь, не немцев, а предателей-коллаборационистов, чьими руками и творится расправа над партизанами и мирными жителями. В повести «Обелиск» подростки устраивают крушение автомобиля, чтобы уничтожить палача-полицейского с красноречивой кличкой Каин, «последнего гада»[66], который «много зла принес людям», как и его библейский прототип. Однако Каин остался жив, а вместо него погиб немецкий солдат, и в авторской речи есть даже некоторое сочувствие к убитому: «Не повезло одному только немцу, который сидел возле кабины, – как раз угодил под борт, и его придавило кузовом»[67].

Василь Быков показал, как быстро человек предает то, в верности чему только что клялся. В одной из лучших быковских повестей «Сотников» (1970) партизана Рыбака, слабого духом, искушает к предательству перед страхом смерти переводчик-коллаборационист и, по совместительству, следователь Портнов: «Ты нам расскажешь все! Только мы проверим, не думай! Не наврешь – сохраним жизнь, вступишь в полицию, будешь служить великой Германии…»[68]. И, цепляясь за жизнь, Рыбак постепенно сдает позиции, а в финале казнит своего товарища по несчастью Сотникова – нового Христа, несгибаемого в своей приверженности истине. Рыбак сперва ужасается открытию: смерть товарища облегчит его положение, а потом сам же и приближает эту смерть. И не прислушивается к предостережению Сотникова: «Это же машина! Или ты будешь служить ей, или она сотрет тебя в порошок!»[69].

И так же, как Сотников, оказывается «ассимилирован» немецкой карательной системой герой другой быковской повести «Карьер» (1985) белорусский националист Ковешко, убеждающий советского лейтенанта Агеева: «Если вы патриот… то вы нам должны быть благодарны. Предотвратив ваш бандитский замысел, мы казним лишь несколько виновных. В противном случае были бы расстреляны сто заложников. (…)

Гундэрт цивильмэнш! – со значением повторил шеф района»[70].

Для писателя подобная арифметика неприемлема. Он доказывает, что к падению ведет уже одна загубленная человеческая душа.

Предателям противопоставлены те негромкие герои, кто жертвует своей жизнью для спасения товарищей, как Сотников в одноименной повести или учитель Мороз «В обелиске», ценой жизни спасающий от казни одного из своих учеников. Их подвиг сродни подвигу Христа. Порожденные же немецкой оккупацией коллаборационисты уподоблены библейским и евангельским персонажам антихристианского ряда – от безымянного полицейского Каина до Иуды – партизана Рыбака.

Как и в произведениях Василя Быкова, в романе офицера-фронтовика Владимира Богомолова «Момент истины» («В августе сорок четвёртого») (1973) солдаты и офицеры вермахта признаются людьми, достойными уважения, а военные преступления остались уделом эсэсовцев и изменников-власовцев. Один из положительных героев романа, старший лейтенант Таманцев, обнаруживший могилы двух немецких офицеров, говорит о врагах с уважением и симпатией: «эти фрицы только кончились здесь – их несли, раненых, десятки, а может, сотни километров. Не пристрелили, как случалось, и не бросили – это мне понравилось»[71]. К власовцам же Таманцев и вместе с ним автор испытывает глубокое презрение. Когда лейтенант набрел на трупы бойцов РОА, то «от презрения он даже сплюнул»[72].

В 70-е годы стал уже возможен более объективный взгляд на Германию и немцев, в том числе и в контексте минувшей войны. За ними признавались определенные достоинства, и отнюдь не все они признавались преступниками.

От немецкой вины к немецкой боли: произведения Юрия Бондарева

Юрий Бондарев (р. 1924), бывший артиллерийский офицер, до «Берега» (1970–1974) в изображении немцев оставался верен негативному стереотипу военных лет. В предыдущем романе «Горячий снег» (1965–1969) в финале появляется подробно прописанный образ пленного немецкого офицера – майора Эриха Дица, только что прибывшего под Сталинград из Франции. Он возмущен, что лишен сигарет, и впервые произносит слова, вынесенные в название романа: «Во Франции даже преступнику дают перед смертью сигарету и вина… Франция – это солнце, юг, радость… А в России горит снег. Но я не курил целые сутки в этой яме, где ваши солдаты меня продержали много часов, как жалкую, связанную веревками свинью»[73]. Здесь еще есть традиционное для советской прозы сравнение немца со свиньей. Однако теперь Диц не омерзителен, а просто смешон, когда излагает свое кредо: «Я… особый нацист: я за объединение немецкой нации и против той части программы, которая говорит о насилии… Я не всадник, я конь… Я зануздан»[74]. Допрашивающий Дица генерал Бессонов осуждает такую «лукавую философию» и тезис, что «в любой войне нет правых, есть лишь кровавый инстинкт садизма». Для Бондарева, как и для других советских писателей, вопрос, кто прав, был абсолютно ясен.

В романе «Берег» любовь русского лейтенанта Вадима Никитина к немецкой девушке Эмме – это и преодоление ненависти, которую в романе олицетворяет сержант Меженин, и возникновение жалости к побежденным[75]. Героям суждено встретиться спустя три десятилетия в преуспевающей в результате «экономического чуда» Западной Германии, в Гамбурге. В соответствии с идеологическими установками, этот город показан только через свои «злачные места», как средоточие порока,

новый Вавилон. Эмма, «наивная немецкая девушка», превратилась в преуспевающую издательницу госпожу Герберт. Но она порой тяготится своим богатством, признаваясь Никитину: «Я одинока… И мне нечего терять, кроме квартиры, “мерседеса” и трех книжных магазинов… Но я не хочу никаких революций и не хочу терять ни магазинов, ни “мерседеса”. Это уже трусость, а не мужество, не правда ли?»[76].

И память о прежней любви для Эммы – это способ вырваться из пошлости «общества потребления». Никитин «хотел взять другую боль – боль Эммы»[77]. Тогда, в 45-м – за войну, за брата, которого чуть не убили советские солдаты, а теперь, в 70-е, – и за то одиночество, которое стало ее уделом. И так же жена Лида хотела взять боль самого Никитина после смерти их сына. Но любовь русского и немки обречена, оба они не могут вырваться из своих миров, и Никитин не может предать Лиду и платит за возрождение старого чувства самой дорогой ценой – жизнью. Пусть эта любовь еще не может кончиться соединением героев, но знаменательно уже то, что писатель дарит героям встречу через много лет и возрождение чувства. Немцы уже не враги, они такие же люди, хоть и принадлежат к презираемому Бондаревым обществу потребления.

Уже не враги: немцы в произведениях Юрия Трифонова и Анатолия Кима

В 70-е годы немец мог быть уже и вполне положительным героем, особенно если действие романа или повести никак не было связано с войной. «Берег» отнюдь не был здесь исключением. В романе «Дом на набережной» (1976) Юрия Трифонова (1925–1981), в годы войны подростком трудившегося на авиационном заводе[78], один из немногих симпатичных персонажей – немец-эмигрант Куник (Куно Иванович) – секретарь «красного профессора» Ганчука (прототипом последнего послужил академик Исаак Минц). Неказистая внешность у Куника контрастирует с силой духа. Он также олицетворяет одно из традиционных качеств русского стереотипа немца – аккуратность, но, в отличие от Кальтлуфта у Гроссмана, здесь это качество не связано ни с чем дурным: «Квартира Куно Ивановича поразила Глебова чистотой, прибранностью, совершенно не холостяцким уютом… Каждая стена являла собой вдумчивое произведение искусства»[79].

Куник единственный, кто открыто говорит приспособленцу Глебову, отрекшемуся от своего учителя Ганчука в дни «борьбы с космополитизмом», что тот – подлец, а в ответ Глебов избивает Куника: «Он хотел чуть ли не задушить этого человека, повалил его наземь, стискивал горло»[80]. Так обычно герои военной прозы расправляются с солдатами вермахта. Здесь Трифонов, как кажется, сознательно прибег к амбивалентности. Его немец как бы бросал вызов устоявшемуся стереотипу произведений о войне. Однако положительным героем в данном случае был немец-антифашист, к тому же не участвовавший в войне, как не участвовала в войне и Эмма из «Берега».

В повести «Соловьиное эхо» (1976) Анатолия Кима (р. 1939), писателя послевоенного поколения[81], действие которой разворачивается накануне Первой мировой войны, немец становится главным героем и, что вполне традиционно для русской литературы, олицетворением философского начала. Для возвращения к подобной

трактовке образа уроженца Германии, уходящей корнями в XIX век, потребовалось уйти от эпохи Великой Отечественной войны.

Магистр философии Кенигсбергского университета Отто Мейснер, путешествуя по миру, в 1912 году прибывает в Россию, где его любовь к Ольге Тян, наполовину русской, наполовину кореянке, даёт начало российскому ответвлению рода Мейснеров, соединяет Европу и Азию. Герой верит, что Доброта Человечества «питает собою то мгновение соития Человека и Солнца, из которого прорастает творчество»[82].

Отто Мейснер путешествует по заданию своего Гросфатера – богатейшего купца Фридриха Мейснера и должен выяснить возможности монополизации опиумной торговли в Приамурье. Конечная цель Фридриха – погрузить людей в наркотический сон и заработать на этом барыш. Но, влюбившись, Отто Мейснер забывает о поручении Гросфатера. Всё происходящее с ним само напоминает наркотические галлюцинации, но он теперь во власти более сильного наркотика, чем опиум. Он во власти любви, и это чувство ведёт его к постижению законов мироздания:

> Пересмотревший множество философских и религиозных идей в поисках внечувственного убежища для своего безутешного разума, Отто Мейснер вдруг оказался связанным с двумя существами силой такой любви и тревоги, что все его прежнее стихийное тяготение к солипсизму улетучилось как дым[83].

Человеку в истории неуютно. Отто Мейснер пытается уйти из нее в мир вечных мыслей и грез. Не случайно он кончает с собой летом 1914 года, в самом начале Первой мировой войны, не в силах вынести того, что идеалы доброты потерпели поражение, что история властно вломилась в частную жизнь человека. Немцу бессмысленно жить в России, раз началось великое противостояние немцев и русских, России и Германии, которому суждено завершиться лишь три десятилетия спустя. В этот роковой момент Мейснер «подумал, что весь этот трудящийся простодушный люд Земли на обоих её полушариях, будь то чёрный бушмен, коричневый пеон или белый батрак на прибалтийской мызе, – все они суетятся от младенчества до старости в тревожных поисках хлеба насущного и существуют, если представить абстрактно, перемещаясь лишь в направлении горизонтальном. В то время как человек, рождённый под этим высоким именем, должен бы устремляться бесконечно ввысь по вертикали. И магистр, вздохнув ещё раз, посмотрел в небо, надеясь увидеть там хотя бы одну звезду. Но вверху ничего, кроме тьмы и смутного шевеления дождя, не было»[84].

Лишь во вспышке выстрела перед смертью главный герой обретает заветную звезду, вертикальный взлёт к вечности. И возможность общаться со своими потомками. Эту связь поколений осознаёт автор романа – один из потомков героя:

> Я вижу вспышку выстрела на дальнем краю ночного поля. И вслед за этим представляю своего легендарного Гросфатера, величественно разгуливающего по небесам, среди звёзд ночных… Мне хотелось бы постичь самое таинственное, что передаётся незримыми путями потомку от предка, и на протянутых перед собою ладонях вырастить большую, как дыня, каплю того огня, который вечно бежит по душам человеческим, словно по веткам пламя. И мир людей представляется мне огромным роем самодвижущихся факелов (с этим образом коррелирует превращающийся в факел пловец в романе «Голубое сало» Владимира Сорокина[85]. – *Б.С.*).

> Да не забудем, что всё, что с нами сейчас происходит, уже происходило когда-то! Пламя человеческой надежды, доброты и любви всегда одно и то же – и дым тревоги, и чёрный уголь недогоревших страстей, и остывший пепел самозабвения. Только бегут огоньки вселенского пожара по новым и новым веткам, обильно взращенным сырой почвой жизни. И может человек всё знать о себе наперёд, и опыт многих – ушедших назад в века – запечатан в его мозгу, как мёд в сотах; придёт время, когда и он вкусит душистую горечь старого мёда – подлинное предвидение судьбы и смерти осветит трезвую мысль[86].

Здесь Ким выступает сторонником теории русского философа Николая Фёдорова. Автор «Философии общего дела» (1903) полагал, что главная задача человечества – это воскрешение ныне живущими поколениями своих умерших предков, возвращении им жизни, отнятой людьми или природой в процессе борьбы за существование, в процессе войн, природных стихий, голода и т. д. Писатель видит залог сохранения жизни в незримой связи между всеми поколениями одного рода. Отто Мейснер становится ключевым звеном этой связи. В скрытой форме здесь перед нами – символ преодоления трёх с половиной десятилетий вражды к немцам в России.

Немцы как юмористические персонажи у Фазиля Искандера

В 70-е годы уже общество уже могло воспринимать немецких солдат Второй мировой войны как объект юмора, а не сатиры. Так, в рассказе Фазиля Искандера (р. 1929)[87] «Богатый Портной и хиромант» охота за двумя сбитыми немецкими летчиками представлена как довольно веселое предприятие. Немцы, осажденные преследователями в пещере, вынуждены сдаться после того, как простудились, будучи залиты холодной водой. Из-за безудержного чиханья они даже не могут прокомментировать обращенные к ним слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!». Как подчеркивает Искандер, «во взгляде старожилов на этих двух летчиков, как, впрочем, и во взгляде лётчиков на свой бывший самолет, было много скрытого юмора»[88]. Так, как смотрели на выставленный поверженный «юнкерс» его бывшие пилоты, «мог бы смотреть посетитель ночного кабаре на танцовщицу этого кабаре, в которой вдруг узнал свою бывшую жену». А выловленные, наконец, из войны «мокрые немцы оказались облепленными каким-то пухом и перьями, словно это были не подбитые летчики, а Дедал и Икар после неудачного полета». Тут сквозь иронию проскальзывает уважение к асам люфтваффе, шутливо уподобленным героям древнегреческого мифа. Бахвальство же командира немецкого экипажа насчет того, что «немецкие летчики могут продержаться в черноморской воде тридцать часов и что, хотя вода в пещере гораздо холодней, они будут держаться два часа с оружием в руках», вызывает не презрение, а сочувственную улыбку по отношению к тем, кто вот так своеобразно понимает свой долг.

Преодоление «немецкой вины» в творчестве Владимира Сорокина

Новым этапом воплощения немецкой темы в русской литературе стали произведения наиболее видного постмодерниста Владимира Сорокина (р. 1955)[89]. Его работы строятся на совмещении «вечных» философских вопросов, юмористического обыг-

рывания низменных тем, страстей и физиологических отправлений и литературных штампов как классиков, так и массовой литературы. Далеко не все критики и читатели прочитывают этот коктейль должным образом, согласно авторскому замыслу, и, в результате, произведения Сорокина нередко воспринимаются как эпатаж и глумление над человеком и человечностью. За ним прочно укрепилась слава писателя, эпатирующего публику, особенно российскую, не привыкшую к необыкновенным явлениям как в литературе, так и в жизни. Многие воспринимают тексты Сорокина как шизофренический бред. Однако, если вчитаться в сорокинские тексты, они, как и задумывает автор, вызывают не ужас, а смех. Сорокин первый, кто соединил откровенные описания с ожившими метафорами; проявления полового инстинкта и естественные отправления, как окно в самые потаенные уголки человеческой природы, – с филигранным пародированием литературных штампов на материале всей русской литературы, как высокой, так и массовой; выработал неповторимый стиль, синтезировавший манеру классиков с пафосом соцреализма в нечто юмористически-философское. Сорокин в одном интервью признался, что «тот тип литературы, к которому я принадлежу, вызовет у большинства неприятие»[90]. Это говорилось в начале 90-х. Сегодня, десятилетие спустя, все больше людей готовы принять творчество Сорокина и, по крайней мере, на Западе и на Востоке (романы писателя переведены в Японии) читателей у него больше, чем ярых ненавистников. Именно новый писательский метод позволил Сорокину наиболее глубоко в современной русской литературе осмыслить и высветить немецкую тему так, что его трактовка «немецкой вины» повлияла на восприятие этой проблемы в Германии.

В произведениях Сорокина впервые «советская вина» полностью уравновесила «немецкую вину». Сорокин показал, что, по крайней мере, в культурном смысле «немецкая вина» уже полностью исчерпала себя, и следование этой идее вырождается в пародию. В повести «Месяц в Дахау» (1990) зеркальность советского и нацистского режимов экстраполирована в альтернативное послевоенное будущее, где продолжается «дружба, скреплённая кровью» между Сталиным и Гитлером (или их приемниками). В год 45-летия окончания Второй мировой войны автор, писатель-диссидент (персонажа так и зовут – Владимир Георгиевич Сорокин) отправлен следователем МГБ Николаем Петровичем Соколовым на четырёхнедельную экскурсию в концлагерь Дахау. Там он сливается в любовном экстазе в саду пыток с немкой-надзирательницей – гаупштурмфюрером СС Маргаритой, новым воплощением гётевской Гретхен. В сознании автора она раздваивается на героиню «Фауста» и садистку-эсэсовку.

Апофеоз российско-германского союза «восьмиметровый чёрно-гранитный Сталин рядом с шестиметровой беломраморной Ахматовой»[91], к подножью которых возлагают венки мальчики из гитлерюгенда. А на границе Рейха в австрийском Браунау возведён гигантский портрет Гитлера – фантастическая материализация тоталитарных планов преобразования природы.

Пытки, которыми подвергает Маргарита-Гретхен русского писателя, протекают на фоне бесед о русской литературе: «с утра порка и Господи не надо только до крови и вы кричите чтоб я рассказал опять о Достоевском о покаянии Раскольникова и я не надо по яичкам только…»[92].

Достоевский возникает здесь отнюдь не случайно. Его, единственного из русских писателей, любил Гитлер, в том числе за его непримиримую ненависть к евреям и полякам[93]. Издание на русском языке «Протоколов сионских мудрецов» (антисемит-

ского памфлета, выдаваемого за подлинный план всемирного еврейского заговора), осуществлённое в Германии в годы войны, включало цитату из «Дневника писателя 1877 года» Достоевского, прочитываемую как обоснование «окончательного решения еврейского вопроса»: «Что если бы не евреев было в России три миллиона, а русских, и евреев было бы 160 миллионов (в оригинале у Достоевского – 80 миллионов; исправление призвано было актуализировать текст. – *Б.С.*) – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы их прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем, не избили бы дотла, до окончательного истребления, как делывали с чужими народами в старину?»[94].

У Сорокина происходит единение нацизма и коммунизма на почве совместного людоедства. Писатель создает вдохновенный гимн столь необычной трапезе в стиле Соломоновой «Песни Песней», осложнённой поэтикой «Симфоний» Андрея Белого. Этот гимн, благополучно переживший все мучения автор, обращает к Гретхен:

> Музыка сфер, эликсир бессмертия, смятение чувств. Ты пьешь, я вижу прекрасное лицо твое, я люблю тебя, моя Лорелея, мы целуемся кровавыми устами: музыка, музыка, музыка камерного оркестра, милая Вена в кружевной пене женского белья, руки, руки твои, серебряный овал блюда с фаршированными ушами, пряная конвульсия белого соуса, солёный спазм сердечной мышцы: английские, африканские, русские, еврейские, немецкие, китайские уши, ещё недавно внимавшие грозному хоралу нашей эпохи, теперь же запечённые с мозгами своих бывших хозяев, о, проткни, проткни же серебряной вилкой золотисто-румяную раковину, протяни, моя прелесть, и да почувствуем мы в сладком хрусте Музыку Вечного Возвращения… поднеси, поднеси, поднеси мне Последнее и Завершающее Трапезу Новой Жизни Нашей: Сердце Новгородского Артиллериста, Нашпигованное Салом Баварской Медсестры, горячим, горячим паром дышит Бордовая Плоть Его, тончайшим ножом золинген разрезаешь, разрезаешь ты пополам Пополам Мясной Гранат Любви Нашей, сверкает, сверкает Нож твой голубым и белым, дымятся, дымятся Дымом Плоти Горячие Половины…[95].

Теперь, когда ужасы Второй мировой войны, преступления нацизма и коммунизма обратились в материал для шутки, пародии, карнавального пиршества плоти, ни Германию, ни немцев уже невозможно ненавидеть всерьёз.

Самое интересное, что этот фантастический монолог находит себе совершенно неожиданное соответствие в текстах, созданных в годы Второй мировой войны. Листовка, распространявшаяся летом и осенью 1942 года русскими коллаборационистами в районе Рославля Смоленской области, заставляет подумать, что явление постмодернизма появилось гораздо раньше, чем родился сам этот термин.

В листовке шла речь о нападении группы партизан во главе с «жидом политруком Железиным» на немецкий ветеринарный обоз, сопровождаемый 10 немцами и 2 русскими. В результате «три человека было убито. 9 человек, из них 3 раненых, были взяты в плен. Убитые были ограблены. Золотые кольца с их пальцев не удалось снять, тогда отрубили пальцы, на которых они были одеты. 9 человек были подвергнуты пытке: им отрезали уши, носы, вырезали щеки, отрезали половые органы, вырвали глаза; у русских отрубили руки и ноги. Еще у живых срезали мякоть мяса с груди, зада, ног, рук. Получили около 25 килограммов мяса, как показал один из виновных. Сварили его в котле с картошкой. Достали 15 бутылок водки и устрои-

ли пир. Главарю банды, жиду-политруку Железину приготовили, по его заказу, особенное блюдо – ему изжарили с луком 18 яиц из половых органов замученных.

Читая это, вы не верите своим глазам, русские люди. И мы тоже не верили, читая показания виновников. Мы решились оповестить об этом ужасе всех, только после того, как убедились в том, что все это – ИСТИННАЯ ПРАВДА»[96].

Первая половина рассказа – о нападении партизан на немецкий обоз и последующих пытках и убийстве пленных – выглядит вполне правдоподобно. Сохранилось достаточно немецких донесений об обезображенных трупах немцев и полицейских, попавших в плен к партизанам[97]. А вот канибальско-гастрономическая часть листовки – литературная фантазия и, как и произведения постмодерна, должны вызывать у читателей не ужас и отвращение, а смех. Хотя захваченные в плен участники нападения под пытками могли показать все, что угодно, вплоть до того, что «жид политрук Железин» пьет кровь христианских младенцев[98].

Людоедский эпизод читается настоящей цитатой из «Месяца в Дахау» или «Hochzeitreise»[99] Владимира Сорокина. Не исключено, что листовку писал эмигрант, знакомый с французскими или немецкими изданиями романов маркиза де Сада. В одном из них, «Новая Жюстина», русский граф Минский вкушает пирог с начинкой из мужских яичек и колбасы, начиненные кровью девственниц. А если автор листовки не покидал пределов России, то он мог вспомнить рассказ Евгения Замятина «Арапы», появившийся в 1920 году и пародировавший обычное оправдание «своего» и порицание «чужого» террора обеими сторонами в гражданской войне. Там на острове Буяне воюют друг с другом племена краснокожих и арапов: «Нынче утром арапа ихнего в речке поймали. Ну так хорош, так хорош: весь – филейный. Супу наварили, отбивных нажарили – да с лучком, с горчицей, с малосольным нежинским… Напитались: послал Господь!»[100] Когда арапы, в свою очередь, делают шашлык из краснокожего, его соплеменники возмущаются: «Да на вас что – креста, что ли, нету? Нашего, краснокожего, лопаете. И не совестно?

А вы из нашего отбивных не наделали? Энто чьи кости-то лежат?

Ну что за безмозглые! Дак ведь мы вашего арапа ели, а вы – нашего краснокожего. Нешто это возможно? Вот дайте-ка, вас черти-то на том свете поджарят!»[101].

В пьесе «Хохцайтсрайзе» (1994) Сорокин по-новому взглянул на проблему «немецкой вины». Брак еврейской девушки из России и немецкого миллионера кажется искуплением преступлений геноцида. Тем более, что Гюнтер – сын офицера СС Фабиана фон Небельсдорфа, одного из активных участников «окончательного решения еврейского вопроса» и борьбы с партизанами на Востоке[102]. Но и мать Маши Рубинштейн – следователь НКВД Роза Гальперина ответственна за не менее бесчеловечные преступления, чем отец Гюнтера. Сам Гюнтер, одержимый раскаянием, скупает предметы еврейской культуры, чтобы потом жертвовать их еврейским общинам. Маша же никакого раскаяния за свою мать не испытывает. Присущий Гюнтеру, как и другим немцам, мазохистский комплекс неполноценности вскрывает друг Маши психоаналитик Марк:

> Современная Германия напоминает мне человека, впервые пережившего состояние аффекта… Жил такой культурный, добропорядочный господин, ходил по будням в свою контору, по воскресеньям – в кирху. Ходил, ходил, а потом вдруг в один прекрасный день выскочил на улицу, стал бить витрины, собак, людей. Поджёг что-нибудь. Кричал. А потом насрал себе в штаны и заснул. А когда проснулся, ему подробно рассказали, что он

делал. Дали каких-то пилюль, прописали водные процедуры. И вроде всё прошло. Но. Стал он с тех пор всего бояться: витрин, людей, собак. У него закурить спросят, а он спичку зажечь не может – ему поджог мерещится. Но с Германией-то обошлись круче, нежели с этим господином. Ей не пилюли прописали, а плеть. И высекли всем миром. Да так, как никого никогда не секли[103].

Роль такой плети и выполняет Маша. Она спрашивает Марка: «Тебе жалко немцев?»

«Нет, – признаётся Марк. С какой стати еврею жалеть немцев? Мне немецкую культуру жалко. Литературу, философию. Кино.

МАША. Почему?

МАРК. Да потому что – убожество. Боятся они спичку зажечь. А по-моему, коль ты огня боишься, лучше вообще бросить курить»[104].

Сорокин намекает здесь на отказ немецкой общественности затрагивать такие табуированные комплексом «немецкой вины» темы как преступления против немцев в ходе Второй мировой войны, проблема изгнанных с восточных земель, советские планы нападения на Германию в 1940–1941 годах и др.

Писатель иронизирует по поводу германского пиетета перед любым евреем, который отнюдь не был жертвой Холокоста:

МАРК: Первый год эмиграции. Берлин. Кройцберг… Детина… меня спрашивает: «Вы еврей?» Собрал я свою маленькую волю и отвечаю: Да, я еврей. А немец опускается передо мной на колени и говорит: «От имени немцев, которые принесли столько страданий нашему народу, я прошу у вас прощения»… Я не вру. Мне тогда так стало неловко. Я вылетел пробкой из этой пивной. Ну? Где, в какой стране такое возможно?

МАША (качает головой). Пиздец! Да… В России никто перед евреем в сортире на колени не опустится[105].

Кающегося завсегдатая пивной Марк сначала принимает за гомосексуалиста, что подчёркивает извращённый характер того ажиотажа, который существует в Германии по поводу «немецкой вины».

В финале же «Хохцайтсрайзе» происходит авария, когда Гюнтер и Маша врезаются в фургон, перевозящий «мраморных свиней», которые ассоциируются с мазохистским комплексом Гюнтера. В результате возрождается излеченный было благодаря Маше комплекс вины у Нобельсдорфа-младшего. Одновременно происходит соединение в мистическом браке покончивших с собой родителей Гюнтера и Маши.

Вильгельм Швёбель утверждает: «Приговор природы окончателен. Привести его в исполнение человек может в лучшем случае лишь более гуманным путем»[106]. Маша исполняет «приговор природы» над «немецкой виной».

Как справедливо отмечает критик Михаил Рыклин, Сорокин в произведениях «немецкой темы» и, прежде всего, в «Хохцайтсрайзе» показал: «фашизм как система насилия не уникален, работа траура не менее преступной сталинской системы ещё даже не начиналась, будучи замещена непрерывной эйфорией; расовый вектор преступлений как таковой ничем не хуже классового. Судить обоих мы можем только по последствиям, а они в том и в другом случае грандиозны»[107]. Необходимым условием излечения немцев от комплекса вины и гипертрофированного траура является появление комплекса вины за преступления коммунизма у русских.

В романе Владимира Сорокина «Голубое сало» (1999) альтернативное послевоенное будущее «Месяца в Дахау» нарисовано гораздо более подробно. Здесь гитле-

ровский Рейх 1958 года граничит с Советской империей Сталина в районе Праги, в Чехии, столицу которой разделяет Пражская стена. Как объясняет Сталин сыну Василию, «Пражская стена строилась взаимными усилиями двух держав-победителей: СССР и Германии. Один кирпич положил фон Риббентроп, другой – Молотов»[108]. В этом фантастическом мире тоталитарной идиллии, в отличие от реального послевоенного мира, Стена символизирует не разделение, а единство двух империй. Раздел мира осуществлен после совместной советско-германской атомной бомбардировки Лондона 6 января 1946 года. Система международных отношений существует благодаря дружбе-вражде двух жутко пассионарных вождей – Сталина и Гитлера. Они ведут борьбу за неуничтожаемую творческую сверхэнергию – «голубое сало».

В Германии всё поражает «нечеловеческим размахом». Вот, например, как выглядит замок Гитлера «Бергхоф»: «Выстроенный по проекту Шпеера в стиле неоготики, замок потрясал своим нечеловеческим размахом и удивительной архитектурой: словно кусок чудовищных сот соорудили здесь невиданные огромные пчёлы, и, не наполнив их небесным мёдом, в испуге покинули навсегда, уступив во владение одному из самых великих и необычных людей Земли»[109].

Портрет Гитлера, как и других исторических персонажей, здесь сознательно максимально отдалён от оригинала, а любовью к роскоши сорокинский Гитлер напоминает реального Геринга.

В финале действия Гитлер содомизирует дочь Сталина Весту, но проигрывает советскому вождю решающую схватку за голубое сало: «Голубое сало хлынуло в мозг Сталина… Мозг Сталина стал расти. Череп вождя треснул. Это… я! – успел проговорить Сталин.

Мозг разорвал его череп, раздулся бело-розовым шаром, коснулся стены и стола… Мозг Иосифа Сталина постепенно заполнял Вселенную, поглощая звёзды и планеты…»[110]

Эта аллегория отражает, по мысли писателя, основную причину крушения тоталитарных режимов, как в СССР, так и в Германии, в случае, если бы им удалось в союзе достичь мирового господства. Собственная энергия власти и творческая энергия общества перерастают тесные рамки режима и обрушивает его. Как признавался Сорокин в одном интервью, «тоталитаризм – это такой диковинный цветок, который очень редко цветёт. Меня привлекает идея выхода за рамки человеческой природы, утопическая затея её изменить. Ведь постоянно шла речь о воспитании нового человека»[111]. Финал «Голубого сала» символизирует крах всех надежд на создание новых суперлюдей. Попытки изменить природу человека неизбежно ведут к катастрофе, ибо могут вызвать к жизни такие силы, с которыми общество уже не справится.

* * *

В целом, образы Германии и немцев в русской литературе за полвека, прошедших после окончания Второй мировой войны, эволюционировали от резко негативных до нейтральных, от конкретики, привязанной к реалиям минувшей войны, до абстрактно-философских или фантастических. Немецкая тема оказалась, прежде всего, связана с такими вечными вопросами, как смерть и любовь. Взгляд на германскую нацию если не навсегда, то очень надолго, стал определяться тяжёлым опытом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Но даже в условиях жесткой цензуры, внешней и внутренней, идущей с того времени, когда в немцах-фашистах отказывались видеть даже представителей рода человеческого, постепенно пробивала

себе дорогу тенденция более объективного взгляда на германскую нацию, а ненависть сменялась жалостью к побежденным. Немцы понемногу возвращали себе в русской литературе роль сентиментальных философов, начинали любить русских женщин, преодолевали комплекс «немецкой вины». Для того, чтобы изжить, в основном, образ врага, потребовалось около трех десятилетий, смена поколений в литературе и обществе. И только в 90-е годы, с исчезновением того, что называлось советской литературой, с приходом нового литературного направления, «немецкая вина» стала объектом пародии и оказалась интегрирована в фантастический мир тоталитарной «альтернативной истории». Как кажется, можно говорить о том, что произведения Владимира Сорокина во многом закрывают саму «немецкую тему» в русской литературе. Можно предположить, что в двадцать первом веке она уже никогда не будет иметь того значения и звучания, как во второй половине века двадцатого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Внутренняя свобода при немецком тоталитаризме (Из дневников Германа Казака 1930–1943 годов). Публикация и комментарий Вольфганга Казака // Вопросы литературы, М., 1993. Вып. VI. С. 216.

[2] Гинзбург ссылается здесь на одноименную пьесу Фридриха Вольфа (1934).

[3] *Гинзбург Л.В.* Разбилось лишь сердце мое… – М., 1983. С. 230.

[4] *Копелев Лев, Орлова Раиса.* Мы жили в Москве. – М., 1990. С. 120.

[5] Данная тема практически не затрагивалась советской критикой. Она не выделена даже в достаточно объективной обобщающей работе Анатолия Бочарова «Человек и война. Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне». – М., 1978.

[6] Здесь не рассматривается литература русской эмиграции. Для писателей-эмигрантов Западная Германия была частью того мира, в котором они существовали. Для писателей метрополии эта разделенная страна оставалась частью внешнего окружения.

[7] Последние выступают в роли либо шпионов, либо «идеологических диверсантов», причём, в качестве подручных при них состоят нацистские военные преступники, как, например, в нашумевшем романе Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» (1969). Положительными немцами могли быть только «мнимые немцы» и немцы-антифашисты, вроде, соответственно, советского разведчика Штирлица-Исаева и пастора Шлага в романе «Семнадцать мгновениях весны» (1968) Юлиана Семёнова и советского разведчика Иоганна Вайса-Белова и Генриха Шварцкопфа в романе «Щит и меч» (1965) Вадима Кожевникова. Оба эти произведения сегодня больше известны по своим многосерийным экранизациям. Персонажи такого рода часто образуют устойчивые пары, в которых маскирующийся под немца советский разведчик играет по отношению к немцу-антифашисту роль наставника и старшего товарища.

[8] *Копелев Лев, Орлова Раиса.* Мы жили в Москве. – М., 1988. С. 166.

[9] Цит. по: *Ступникова Татьяна.* «…Ничего, кроме правды…» Нюрнберг – Москва. Воспоминания. – М., 1998. С. 62.

[10] *Швёбель В.* Взгляды и суждения: Мысли, которые приходят в голову в XX веке. Пер. с нем. 2-е изд. – М., 1995. С. 46.

[11] Здесь повторена распространявшаяся советской пропагандой легенда о том, что подлинная фамилия Гитлера Шикльгрубер (в действительности фюрер этой фамилии никогда не носил, так как его отец получил фамилию Гитлер вместо Шикльгрубер еще в 14-летнем возрасте).

[12] *Некрасов В.* В окопах Сталинграда. Повесть. Рассказы. – М., 1989. С. 32.

[13] Глубоко символично, что генерал Ганс Дёрр, автор первого немецкого исследования Сталинградской битвы «Поход на Сталинград» (1955) (*Doerr Hans.* Der Feldzug nach Stalingrad. –

E.S. Mittler und Sohn GmbH, Darmstadt, 1955), эпиграфом к своему труду сделал известный диалог Фауста и Мефистофеля: «Фауст: Немало совершил чудес; Что ж, выиграй сраженье, бес!

Мефистофель: Нет выиграешь ты: я под началом; ты сам здесь будешь главным генералом!» и т. д.

[14] *Казакевич Э.* Соч. в 2-х томах. М. 1963, здесь. 1. С. 471.

[15] Перевод: Господин коммунист! Товарищ! Я рабочий, посмотрите на мои руки. Поверьте мне. Я клянусь: я не нацист. Я сам рабочий, и мой отец – тоже рабочий.

[16] *Казакевич Э.* С. 474–475.

[17] Сюжетом «Звезды» послужили реальные события – контрудар 5-й танковой дивизии СС «Викинг» в июле 1944 года на подступах к Польше в районе Беловежской пущи, о котором в рассказе заблаговременно смогла информировать советское командование группа лейтенанта Травкина. В действительности же, по свидетельству бывшего командующего 65-й армии генерала П.И. Батова, контрудар дивизии «Викинг» оказался для командования армии полной неожиданностью (*Батов П.И.* В походах и боях. 2-е изд. – М., 1966. С. 432).

[18] Цит. по: Военная публицистика и фронтовые очерки. – М., 1966. С. 429.

[19] Ср. *Dwight D.* E*isenhower:* Kreuzzug in Europa. – Amsterdam 1948. S. 532. Ср. тот же в английском издание New York 1979. P. 465–466.

[20] Ср. *Басов А.В.* «Севастополь придётся оставить…» // Родина, 1996, № 7–8. С. 97–98.

[21] *Андреев Д.Л.* Русские боги // Собр соч. в 3 тт. – М., 1993–95, здесь Т. 1 (1993). С. 477.

[22] *Андреев Д.Л.* Роза мира // Собр соч., здесь Т. 2 (1995). С. 479.

[23] Под «метаисторией» Даниил Андреев понимал «совокупность процессов, протекающих в тех слоях иноматериального бытия, которые, пребывая в других видах пространства и в других потоках времени, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» (Там же. С. 592).

[24] О творчестве Шолохова см.: *Литвинов В.М.* Вокруг Шолохова. – М., 1991; *Колодный Л.Е.* Кто написал «Тихий Дон». – М., 1995.

[25] *Шолохов М.* Собр. соч. в 8 тт., здесь Т. 8, – М., 1962. С. 43.

[26] Цит. по *Лакшин Владимир.* «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953–1964). – М., 1991. С. 23.

[27] О жизни и творчестве Самойлова см.: *Баевский В.С.* Давид Самойлов. Поэт и его поколение. – М., 1986.

[28] *Самойлов Д.* Поэмы // *Он же*. Избр. произведения в 2 тт. – М., 1989, здесь Т. 2. С. 26.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 27.

[31] Цит. по *Куличкин С.* «Загляни в это царство, прохожий…» // Немцы о русских. – М., 1995. С. 21.

[32] Цит. по: Военная публицистика. С. 151.

[33] См., например, свидетельства в дневнике Елены А Скрябиной о жизни в оккупированном Пятигорске: *Скрябина Е.А.* Страницы жизни. – М., 1994. С. 195, 196 и др.

[34] *Кузнецов Ю.* Стихотворения и поэмы. С. 17.

[35] О Василии Гроссмане см.: *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана; *Берзер А.С.* Прощание. – М., 1990.

[36] *Гроссман В.* За правое дело // *Он же*. Собр. соч. в 4 тт. – М., 1998, здесь Т. 1, цит. С. 551.

[37] Как мне представляется, теория тоталитаризма способна объяснить лишь сходство, но не различия между нацистским, фашистским и коммунистическим режимами Германии, Италии и СССР (иногда к ним добавляют Испанию и Португалию). Для анализа уникальности каждого из феноменов приходится обращаться к предшествовавшему историческому опыту этих государств, имевших мало общего друг с другом. В этом, как кажется, одна из причин закономерной непопулярности теории тоталитаризма среди исследователей в последние два десятилетия, когда в исторических исследованиях больше внимания уделяется не общим закономерностям, а частным проявлениям.

[38] *Пастернак Б.Л.* Собр. Соч. в 5 тт. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1991. С. 665.

[39] Гроссман В. Жизнь и судьба // *Он же*. Собр. соч. в 4 тт. – М., 1998, здесь Т. 2 (1998). С. 293–294.

[40] Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1 (Центральный штаб партизанского движения). Д. 21. Л. 15–19.

[41] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. С. 233.

[42] Там же. С. 208.

[43] Там же. С. 280.

[44] Там же. С. 557–558.

[45] Там же. С. 400. – Лев Гинзбург в документальной повести «Бездна» (1965) привел сходное оправдание одного из коллаборационистов, расстреливавшего евреев на Северном Кавказе: «А что я мог сделать? Десятки государств ничего не могли сделать…». *Гинзбург Л.* Бездна. Повествование, основаное на документах. – М., 1967. С. 191.

[46] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. С. 597.

[47] Там же.

[48] В действительности советские генералы и маршалы отличались гораздо большей беспощадностью по отношению к собственным солдатам и мирному населению СССР, чем их германские коллеги. Так, Г.К. Жуков в бытность командующим Ленинградским фронтом издал 28 сентября 1941 года супердраконовский приказ: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». – РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1 (Г.М. Маленков). Д. 18. Л. 18–19.

[49] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. С. 533.

[50] Там же. С. 534–535.

[51] *Толстой Л.Н.* Война и мир. В 2-х тт. – М., 1948, здесь Т. 2. С. 578.

[52] Там же. С. 579.

[53] *Симонов К.* Живые и мертвые. – М.: Художественная литература, 1976. С. 224.

[54] РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1 (Г.М. Маленкова). Д. 27. Л. 19. Если верить донесению, всего в тех боях 19-я дивизия захватила пленными 1967 солдат и 11 офицеров.

[55] Комментарий автора к собственному роману см.: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. – М., 1980. и *он же:* Сто суток войны. Дневник. – Смоленск, 1999.

[56] *Симонов К.* Живые и мертвые. С. 487.

[57] В январе 1942 года представитель народного комиссариата обороны Лев Мехлис, близкий друг Сталина, будучи представителем штаба главнокомандующего Крымским фронтом, приказал расстреливать немецких военнопленных, мотивируя это соображениями мести: «В городе Керчи до 7 тысяч трупов гражданского населения (до детей включительно) расстреляны все извергами фашистами. Кровь стынет от злости и жажды мстить. Фашистов пленных я приказываю кончать». Цит. по: *Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя: Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. – М., 2000. С. 214. В разговоре по прямому проводу со Сталиным командующий Резервным фронтом Жуков 4 сентября 1941 года. сообщил, что «на нашу сторону сегодня перешёл немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23 пехотная дивизия сменена 267 дивизией и тут же он наблюдал части СС». Сталин на это отреагировал весьма своеобразно: «Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте». – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11 (И.В. Сталина). Д. 487. Л. 73.

[58] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1 (П.К. Пономаренко). Д. 30. Л. 94.

[59] *Самойлов.* С. 28.

[60] Там же.

[61] Василь Быков (1924–2003) – писатель белорусский, однако, пишет как на белорусском, так и на русском языках, и в 50–80-е годы его произведения традиционно воспринимались в СССР и в мире как часть советской русскоязычной прозы. О творчестве Быкова см.: *Бочаров А.Г.* Человек и война. – М., 1978 (2 тираж); *Рогощенков И.К.* Память и надежды. – М., 1988.

[62] В оригинале по-немецки // *Быков В.* В тумане. Повести. – М., 1989. С. 314.

[63] Там же. С. 291.

[64] Военные повести. – М., 1975. С. 308.

[65] *Тихонов Н.* Стихи и проза. – М., 1947. С. 17.

[66] *Быков В.* Обелиск. – М., 1975. С. 58.

[67] Там де. С. 65.

[68] *Быков В.* Третья ракета. Альпийская баллада. Сотников. Повести. – М., 1972. С. 288.

[69] Там же. С. 293.

[70] В оригинале по-немецки // *Быков В.* Карьер. – М., 198. С. 279.

[71] *Богомолов В.* В августе сорок четвертого. – М., 1974. С. 16.

[72] Там де. С. 43.

[73] *Бондарев Ю.В.* Последные залпы. Горящий снег. – М., 1975. С. 530.

[74] Там де. С. 532.

[75] Роман вызвал дискуссию в критике см.: Вопросы литературы, 1976, № 9. Обзор этой дискуссии одним из участников см.: *Коробов В.И.* Юрий Бондарев. Страницы жизни, страницы творчества. – М., 1984. С. 175–182.

[76] Цит. по *Коробов В.И.* Юрий Бондарев. С. 186.

[77] Там же.

[78] О творчестве Трифонова см.: *Иванова Н.Б.* Проза Юрия Трифонова. – М., 1984.

[79] *Трифонов Ю.* Дом на набережной. – Из дневников и рабочих тетрадей. – М., 2000. С. 131

[80] Там же. С. 144.

[81] О философских мотивах в творчестве Анатолия Кима см.: *Любимов Николай.* Печать тайны // *Ким А.* Избранное. – М., 1988.

[82] Там же. С. 203.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 171.

[85] Ср. *Wladimir Sorokin:* Der himmelblaue Speck. – Köln, 2000. S. 187 ff.

[86] *Ким.* С. 181.

[87] О творчестве Фазиля Искандера см., например, новаторское исследование: *Выгон Н.С.* Юмористическое мироощущение в русской прозе. – М., 2000. С. 168–243.

[88] *Искандер Ф.* Начало. Рассказы. – Сухуми, 1978. С. 147.

[89] О творчестве Владимира Сорокина см.: *Dagmar Burkhart* (Hg.): Poetik der Metadiskursivität. Zum postmodernen Prosa, Film und Dramenwerk von Vladimir Sorokin. – München, 1999.

[90] *Сорокин В.* Текст как наркотик (интервью Татьяне Рассказовой) // *Сорокин В.* Сборник рассказов. – М., 1992. С. 125.

[91] *Сорокин В.* Месяц в Дахау // Собр. соч. – М., 1998, здесь Т. 1. С. 801.

[92] Там же. С. 807.

[93] На это обратил внимание Гроссман в «Жизни и судьбе», где Каримов, один из второстепенных героев, подчёркивает, что «для Достоевского не все люди в России одинаковы. Гитлер назвал Толстого ублюдком, а портрет Достоевского, говорят, висит у Гитлера в кабинете. Я нацмен, я татарин, я родился в России, я не прощаю русскому писателю его ненависти к полячишкам, жидишкам. Не могу, – если он и великий гений. Слишком досталось нам в царской России крови, плевков в глаза, погромов. В России у великого писателя нет права травить инородцев, презирать поляков и татар, евреев, армян, чувашей». – *Гроссман В.* Жизнь и судьба. С. 208.

[94] Протоколы сионских мудрецов (б.–м., б. г.). С. 2, 3 (См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 25. – Л.: Наука, 1983. С. 80). Эта брошюра хранится: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1 (Центральный штаб партизанского движения). Д. 1180. Что ж, пример Достоевского ещё раз доказывает, что, вопреки мнению Пушкина, гений и злодейство вполне совместимы, а гениальный писатель вполне может быть нравственно ничтожным человеком. Сознание этого не мешает постигать глубину его произведений, но мешает считать его гуманистом.

[95] *Сорокин.* Месяц. С. 814.

[96] РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 37. Л. 355.

[97] См.: РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 43. Л. 87–88.

[98] При этом, надо отметить, что случаи каннибализма среди партизан встречались, но объектом людоедской трапезы обычно служил только что умерший свой брат партизан, да и то лишь в условиях жестокой блокады. Так, 9 июня 1942 года начальник Политотдела Приморской армии Бочаров доносил в ГлавПУР: «Партизанские отряды, действующие в Крыму, окружены враждебным татарским населением. В результате голодают, увеличилась смертность, отмечены случаи людоедства. – РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 29. Л. 493. Рославльские же партизаны при нападении на обоз захватили скот и, несомненно, могли утолить голод более традиционным способом.

[99] В оригинале по-немецки.

[100] Цит. по: *Соколов Б.* Булгаковская энциклопедия. – М., 1996. С. 33.
[101] Там же.
[102] Биография Фабиана фон Небельсдорфа в пьесе в основных чертах повторяет реальную биографию оберфюрера СС доктора Оскара Дирлевангера.
[103] *Vladimir Sorokin:* Hochzeitsreise // Собр. Соч.. Т. 2. С. 617.
[104] Та же. С. 618.
[105] Там же.
[106] *Швёбель В.* Взгляды и суждения. С. 248.
[107] *Рыклин М.* Медиум и автор // *Сорокин В.Г.* Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1998. С. 744–745.
[108] *Сорокин В.* Голубое сало. – М., 1999. С. 370.
[109] Там же. С. 299.
[110] Там же. С. 336.
[111] «В культуре для меня нет табу…». Владимир Сорокин отвечает на вопросы Сергея Шаповала // *Сорокин В.Г.* Собрание сочинений. Т. 1. – М., 1998. С. 16.

Валентин Михалкович

ХРУЩЕВ ПРОТИВ ХУЦИЕВА И РЕМАРКА.
Шестидесятники и феномен советского ремаркизма

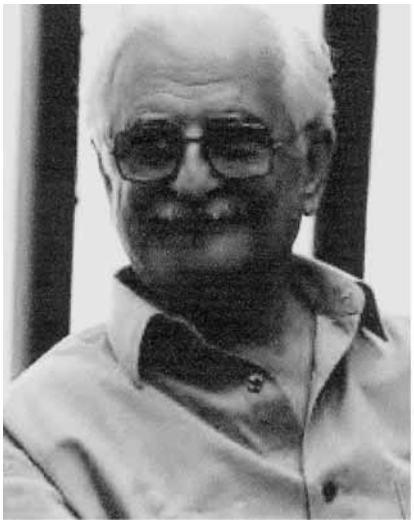
На одной из встреч с творческой интеллигенцией 8 марта 1963 года Хрущев устроил разнос художественному фильму Марлена Хуциева «Застава Ильича» – ругался чуть ли не с истеричностью. Метя в «крамольную» ленту, Первый секретарь КПСС косвенным образом попал в Эриха-Марию Ремарка. Этот фильм не был подражанием «Трем товарищам» или другому роману писателя – он был рожден из духа Ремарка, ставшего для режиссера как бы первым толчком или творческим импульсом.

Литературный критик Лев Аннинский в книге «Шестидесятники и мы»[1], разглядел еще в средине семидесятых близость «Заставы…» к немецкому кумиру российской читающей публики: «…попробуйте вспомнить, какие характеры у трех этих парней (героев фильма – *В.М.*)». Или так: «…попробуйте уловить хоть что-нибудь свежее в тех характеристиках, какие дает им сам Хуциев; вы наткнетесь на традиционного вдумчивого юношу, делающего правильный выбор, наткнетесь на такого же традиционного весельчака, обретающего, наконец, серьезность, затем – на некое воплощение быта, семейности и т. д. В прозе “шестидесятников” аналогичные вариации на тему Ремарка были весьма модны; Хуциев отдал дань поветрию: главное – три товарища, а какие они – это уже детали»[2].

Между тем, журналистка Татьяна Хлоплянкина в книге о печальной судьбе фильма указывает – со слов режиссера – иной генезис центральных персонажей: не из «вариаций на тему», а из самого Хуциева: «Все три героя, каждый по-своему, выражали мое тогдашнее состояние, характер, отношение к жизни. У меня в ту пору как раз родился сын, и я тоже бегал с молочными бутылками, как Иван (в фильме Славка – *В.М.*). Я мечтал быть таким же, как Колька, раскованным, смелым, способным с ходу вмешаться в разговор, завязать знакомство. И я, подобно Сергею, тоже мучился вопросами, как жить…»[3].

Однако «тема Ремарка» теплилась в душе режиссера, возникнув задолго до «Заставы…» – когда он ставил свою дебютную картину «Весна на Заречной улице» (1956); правда, Хлоплянкина говорит о том предположительно: «Ему… давно хотелось снять фильм, где была бы использована фактура большого современного завода, – но фильм ни в коем случае не производственный! Возникли в воображении и герои – три парня, три товарища (возможно, под влиянием романа Ремарка, которым тогда все зачитывались)»[4].

Хуциев, со своей стороны, подтвердил влияние – сказав о нем почти теми же словами, что и журналистка: «Начиная “Заставу Ильича”, просто хотел выразить свои мысли, идеи, хотелось сделать настоящий мужской фильм о трех товарищах. Помните, как все тогда увлекались “Тремя товарищами” Ремарка»[5]. В самой картине писатель упомянут «открытым текстом», притом – странное дело – с немалой долей иронии. Кольке, тому из трех, кто по раскладу Аннинского – «традиционный весельчак», предложили стать «стукачом», т. е., доносить на сослуживца. Колька подавлен – не самим предложением, но тем, что есть люди, готовые топить ближнего.



Режиссер Марлен Хуциев (слева) и сцена с тремя главными героями его фильма «Мне 20 лет»

Контрастна такой злобе душевная близость Кольки к приятелям: «каждый день я вижу вас обоих, каждый день, минус армия, командировки и прочие уважительные причины. И это моя жизнь. Я не могу без этого, может, это называется привычка, все равно, если это так, я не могу менять привычки».

В ответ на прочувствованную исповедь он слышит от Сергея – того, кто «вдумчивый юноша, делающий правильный выбор»: «Это называется Эрих-Мария Ремарк. Ну, если хочешь, я могу примчаться к тебе в тумане на гоночном автомобиле»[6]. Знаменательно здесь упоминание «Карла» – любимой машины героев романа, более популярной у советских читателей, нежели вся троица главных персонажей; с этой популярностью мы еще столкнемся. Ирония Сергея направлена не на писателя или машину – он чурается сантиментов, потому иронией хочет охладить расчувствовавшегося друга. При всех переделках, которым подвергся фильм после хрущевского разноса, даже название получил другое – «Мне двадцать лет» (хоть по ходу действия Сергей говорит, что ему 23), реплика о Ремарке и «Карле» осталась – видно, была дорога режиссеру.

Когда в статьях и книгах бывших *шестидесятников* заходит речь о «Заставе Ильича», неизменно повторяется тот же мотив: «это был фильм о нас – двадцатилетних… Все было узнаваемо: переулки, дома, маршруты прогулок героев, квартиры». После трескуче-безжизненного искусства сталинской эпохи шестидесятники жаждали Правды. Наряду с другими художествами картина Хуциева своими, кинематографическими средствами удовлетворяла эту жажду. Однако, секрет воздействия фильма до сих пор загадочен. Здесь нет ярких, запоминающихся характеров; герои – трое обычных ребят из рядовых московских семей Фильм не захватывает драматизмом столкновений между ними – друзья не конфликтуют, редкие и быстротечные размолвки между ними – не в счет. Иные критики приписывали успех фильма самой Москве – снятой оператором Маргаритой Пилихиной проникновенно лирически.

Особый гнев Первого секретаря КПСС вызвала финальная сцена, где Сергей, главный из троицы, разговаривает с привидевшимся ему отцом, погибшим на войне.

Два поэта-шестидесятника, образы которых абсолютно противоположны: тихий, задумчивый Булат Окуджава, которому был поставлен памятник на Арбате (справа), и страстно, громко декламирующий Евгений Евтушенко, на одном из его выступлений в Политехническом музее

На мучающий юношу вопрос: «как жить?», чтобы не превратиться в безликую «человеко-единицу», отец не дает ответа, говоря, что 23-летний сын старше его на два года и должен сам решать. Хрущеву тут почудился пугавший партийное руководство «конфликт поколений»; картину вернули на доработку, потребовали исправлений и переделок. Она вышла на экраны в искалеченном виде лишь в 1965 году, после отстранения Хрущева.

В новой версии отец произносил прочувствованную речь, требуя, чтобы сын всегда держал совесть в чистоте. Странно преобразилась и одна из ключевых сцен, в которой Сергей вместе со своей девушкой слушал поэтов, выступавших на популярных тогда вечерах в Политехническом музее. Пользовавшиеся невероятной известностью поэты выступали там с чтением стихов – будто взяв на себя роль трибунов, призванных – в осуществление пушкинского стиха – «глаголом жечь сердца людей». В когорту тех, кто усердно «жег сердца», обычно включают – кроме Евтушенко – Андрея Вознесенского, Беллу Ахмадулину, Роберта Рождественского и других. Политехнический музей, где совершалось «жжение», расположен «на виду» у монумента первому чекисту Ф.Э. Дзержинскому и в сотне-другой метров от здания, занятого правопреемником его детища – Комитетом государственной безопасности; в общем, стихи звучали в непосредственной близости от средоточия охранительной системы. Молодежная аудитория вечеров, как вспоминает бывшая шестидесятница, не столько сознавала этот – «географический» – вызов системе, сколько – духовный: «Пробиться на такие вечера, слушать стихи,… значило совершить поступок, заявить о солидарности с ними [поэтами – *В.М.*], проявить непови-

новение официальной власти. Теперь можно лишь улыбнуться, но тогда мы ощущали чувство отчаянной смелости, когда вслушивались в слова, «материализовавшие» наши чувства»[7]. Стихи звучат и в переделанной картине – сопровождая кадры Сергея и девушки, сидящих в зале Политехнического, сами же поэты нещадно вырезаны – получалось, что вид их более крамолен, чем слова.

Инсайт детей «оттепели»

Вопрос «как жить?» волновал не только героев «Заставы…» – им терзалась молодежь, которую впоследствии назвали «шестидесятнической». Социально-психологический феномен шестидесятничества не стал достоянием истории: до сих пор он – объект интенсивного осмысления и не менее ожесточенных споров. Дискуссионными являются даже его хронологические рамки. Иные авторы считают «увертюрой» шестидесятничества XX съезд КПСС, разоблачивший культ личности Сталина, а «эндшпилем» – низложение Хрущева. Иногда шестидесятническую эпоху представляют как бы в расширенном варианте – от смерти Отца народов до вооруженного вторжения в Чехословакию. Из привязки к политике должно, видимо, следовать, что первую «оттепель» даровала власть, и сама же ее завершила. Партаппарат будто поднял занавес, позволив «спектаклю» разворачиваться, взял на себя роль строгого, отнюдь не доброжелательного режиссера, а когда счел, что актеры вдосталь наигрались, занавес опустил.

Следует ли связывать шестидесятничество только с мероприятиями власти – проблема спорная; бесспорно лишь то, что рядовые его участники возложили на себя функцию массовки с энтузиазмом и радостью.

Те, чья молодость пришлась на конец пятидесятых – начало шестидесятых, сегодня «рассказывают… об… атмосфере радости и творческого подъема»[8], тогда царившей. Согласно другому автору, «для… части нашей интеллигенции эти годы остаются… каким-то общественно-историческим деликатесом, особо лакомым кушаньем, десертом, дарованным им историей на вынужденно скудном идейном пиршестве, длившемся долго-предолго»[9]. Люди иных поколений, пришедших позже, более сдержанны, зачастую – скептичны, но и они осуждают не само время, не «атмосферу радости и… подъема», а винят шестидесятников, что «лакомый десерт» не удалось сохранить – он слишком быстро подпортился. Молодой публицист обращается, например, с недоуменно-гневным вопросом к шестидесятникам: как они «позволили стране сползти в сплошную ложь?» Предполагается, видимо, что до брежневского застоя ложь, если и существовала, то в ограниченных количествах, значит, не была сплошной.

Психологи Гозман и Эткинд считают шестидесятническую «атмосферу радости» равноценной тому, что современная психология именует «инсайтом», что в Индии было известно как «сатори», а в западноевропейских культурах – как «иллюминация». Инсайт по теперешним представлениям: «…мгновенное прозрение. Чары рушатся, падают декорации, разбиваются кривые зеркала, и за ними открывается мир». Иначе говоря, происходит не только «взрыв» понимания реальности, но также «взрыв» душевный: «сопровождающий [прозрение] эмоциональный эффект, обычно очень сильный, называется катарсисом. Возникающие при этом чувства нуждаются

в отреагировании – многократном проговаривании, бурных поведенческих реакциях, объединении с другими людьми со сходной судьбой»[10]. Непосредственная причина аффектации шестидесятников не может вызывать сомнений: в «мгновенном прозрении» им открылось, что «король гол, Сталин – убийца, «враги народа» – невинные жертвы. И непонятно, как можно было не видеть этого раньше»[11].

Чуть ли не главная из «поведенческих реакций» шестидесятников – тяга к миграциям и странствиям. Юноши и девушки работали в геологических партиях (через подобное прошел молодой Тарковский), ехали на целину, ютясь там в палатках или в вагончиках на полевых станах; сотнями тысяч отправлялись в Сибирь воздвигать гигантские электростанции и другие эпохальные объекты, дежурно именовавшиеся «стройками коммунизма». Пресса настоятельно тиражировала мысль, что молодежь рвется на эти стройки, будучи послушна «зову партии». Клич, естественно, раздавался, притом – неоднократный и не обязательно выраженный решениями и постановлениями ЦК; порой он оформлялся в виде идущей «снизу», «всенародной» инициативы. Но коль шестидесятники массово мигрировали – будто птицы осенью, стало быть, призывы падали на подготовленную почву.

Строительная страда началась при Сталине: к возведению Волжской ГЭС под Куйбышевым (ныне – Самара) приступили еще в 1950-ом, в следующем принялись сооружать другой электрогигант на Волге, сверх того – Иркутскую и Каховскую станции. Ни та, ни другая, ни третья не ощущались столь же притягательными для юных романтиков, как впоследствии Братская. Иной в обоих случаях резонанс можно обосновать экономически: волжские электростанции возводились в обжитых, густонаселенных местах, куда не требовался дополнительный приток рабочей силы – в Восточной же Сибири или на целинных землях он был необходим, как воздух. Ради того «партия и правительство» – синоним Власти в советскую эпоху – умело использовали молодежный «драйв», но не Система его сотворила. Подрастающее поколение испытывает подобную устремленность «за пределы» во все времена и в любом социальном устройстве. Желая самоопределиться, оно не всегда и не во всем наследует нормы старших – этнологи говорят в данном случае о девиантном поведении. Одна из главных форм девиантности – моторная, т. е., «странная тяга к передвижению, выражаемая или в генерализованном «существовании в движении»… – или в реальном…, таком, как энергичная работа, азартные спортивные соревнования, танцы, беспомощный Wanderschaft[12] (странствование, путешествие), а также езда – по правилам и без… – на лошадях, машинах и т. п.»[13].

Одна из целей девиантной моторности – поиски благ, преимущественно духовных, где-то за пределами устоявшегося социума, на «порубежье между культурой и природой». Шестидесятнический «дранг нах Остен»[14] – в Сибирь, на целину – имел пунктом назначения такое порубежье. Неожиданным образом Ремарк оказался причастен к моторной девиантности юных россиян – благодаря автомобилю «Карл» из «Трех товарищей», «действующему лицу» с мотором. Механический этот «персонаж» потеснил в воображении россиян троицу «живых» героев романа, а у некоторых – вообще заслонил. Беллетрист Макс Фрай вспоминает, что для него, «(как, наверное,… для подавляющего большинства читателей) Эрих Мария Ремарк начался с романа “Три товарища”. Признаться, мне трудно припомнить книгу, которая оказала бы на меня столь же сокрушительное эмоциональное воздействие». Макс Фрай – общий псевдоним двух литераторов: И. Степина и С. Мартынчика; кому из них принадлежат воспоминания о Ремарке, не столь существенно, важна знаменательная

Одна из крупных строек шестидесятых на востоке СССР – Красноярская ГЭС на Енисее

деталь: «даже сейчас… я сознательно избегаю открывать роман на той странице, где Роберт понимает, что Кестер продал “Карла” (почему-то самое разрушительное впечатление на меня произвел именно этот эпизод, а не гибель Ленца и даже не смерть Пат)». Металлический «герой» не только поражал печальной участью – он рождал зависть: «Мечта о “Запорожце” с мотором гоночного автомобиля по тем временам была общим, одним на всех, романтическим бредом»[15].

И ныне «Карл» не забыт. Российские пользователи Интернета могут познакомиться со всеми техническими особенностями его прототипа, т. е., с собственной машиной Ремарка – итальянской спортивной двухместной «Ланча-Лямбдой», которую по заказу писателя снабдили шасси «Дилямбда», а так же – кузовом от фирмы «Фоллунд-Рурбекк». Машина удалась на славу: «8-цилиндровый двигатель, независимая подвеска передних колес, централизованная смазка узлов шасси и прочие достижения технической мысли того времени. И элегантный кузов»[16]. Кроме Интернета, «Карл» неожиданно возник в передаче радиостанции «Эхо Москвы» на автомобильную тему (2000 г.). Речь шла о французских гонщиках, которые в 1930-ые годы провожали на средиземноморском побережье «Голубой экспресс», увозивший туристов, затем, обогнав поезд, встречали его в Кале. В качестве аналога автор сюжета припомнил не эпизод из фильма Клода Лелуша «Мужчина и женщина», где герой так же провожал и встречал возлюбленную, или знаменитого в 30-ые летчика А.К. Серова, совершавшего то же ради своей жены-актрисы, правда, на самолете, а сцену из «Трех товарищей», где «Карл» опережает поезд.

Популярность автомобиля – как бы отзвук моторной девиантности шестидесятников, неминуемо подталкивающей к поиску средств, благодаря которым та могла бы осуществиться. Идеальное воплощение такого средства шестидесятники нашли в «Трех товарищах». Идеал всегда недостижим – потому, как вспоминает Макс Фрай, возникла мечта о более доступном субституте: «Запорожце» с гоночным мотором. Лишь искусство смогло приблизиться к идеалу. Зрителей спектакля по «Трем товарищам», поставленного Галиной Волчек в московском театре «Современник» (1999), созданном театральными шестидесятниками и воспринимавшемся как их бастион, поразил выезжавший на сцену автомобиль. Его изготовили на АВТОВАЗ’е по специальному заказу театра и безвозмездно презентовали артистам. Д. Стуканова, пред-

ставительница пресс-центра завода, сожалела, что в романе нет точного описания машины – «оставалось только одно: создать собирательный образ, характерный автомобиль 20-ых годов, знак времени». «Сценическое воплощение» четвертого «героя» книги «творили в урочное и неурочное время, вечерами, по выходным дням». Люди поговаривали, что это была одна из самых интересных в истории дизайн-центра работа – «из тех, что для души». Результат и впрямь оказался почти идеальным: «Даже если знаешь всю историю новорожденного “Карла”, возникает странное чувство: будто этот автомобиль приехал из Германии начала века, а ты, дитя конца века, стоишь перед ним и благоговейно “вдыхаешь” аромат того времени»[17]. «Сценический образ» машины и сам спектакль «Современника» – свидетельства того, что идеальное средство для изживания моторной девиантности прочно обосновалось в душах шестидесятников – пиэтетом к средству они заражают все новые и новые поколения россиян.

Герой шестидесятнической «легитимации»

Всякой социальной группе необходимо то, что Юрген Хабермас назвал «легитимацией»[18], т. е., следование некоторой совокупности правил и принципов. Следование осуществляется на двух, не противоречащих друг другу уровнях. С одной стороны, правила и принципы «легитимируются» тем, что соотносятся с определенной системой ценностей – как бы освящаются инстанцией более высокого порядка. С другой, совокупность правил и принципов позволяет различать «своих» и «чужих» – тех, кто реализует правила в повседневном быту, и тех, кто им противоречит.

Ремарк стал для шестидесятников органичной и неотъемлемой частью «инстанции высшего порядка», «легитимировавшей» их существование и взгляды. Он и Хемингуэй возглавляли в ту пору сонм зарубежных кумиров российской читающей публики – превосходя популярностью даже кинозвезд. Между тем у литераторов-эмигрантов Петра Вайля и Александра Гениса в их книге «60-ые. Мир советского человека», наиболее полном на сей день и обстоятельном обзоре шестидесятничества, раздел, посвященный литературным пристрастиям шестидесятников, ограничен лишь американцем. «На сцене» у них только Хемингуэй, Ремарк же лишь изредка выглядывает – словно из-за кулис, главным образом, когда речь заходит об изображении войны в произведениях шестидесятников, герои которых «воевали не с немцами, а с войной как безличной, противоестественной, бездуховной стихией. Такая война была близка поэтике Ремарка». Или: «солдаты Ремарка и Хемингуэя вынесли из войны трагическое разочарование в патриотических ценностях. Они уже не могли поверить в красивые слова». Только раз немецкий писатель появляется в ином контексте – когда говорится о любовных чувствах шестидесятников: «Интим был как бы личной заграницей каждого, куда не дотягивался пристальный взгляд общества. Убежище от социальных стихий напрямую пришло от Ремарка и Хемингуэя, но получило советское гражданство с тем большей легкостью, что иных убежищ не было»[19].

Из доступного ей Хемингуэя российская публика предпочла только «Фиесту», также из Ремарка, изданного несколько раньше, выбрала не «На Западном фронте без перемен», не «Возвращение», но «Трех товарищей». Ее интересовали не «солда-

ты Ремарка и Хемингуэя», не первые дни мира, о которых повествовало «Возвращение», а то, что было «потом» – когда отгремели пушки. Отблески войны лежат на Джейке Барнсе из «Фиесты» и на ремарковском Роберте Локампе с товарищами. Война физически искалечила Джейка, сделав импотентом. Намеки на ущербность Барнса – глухие в книге, но совершенно прозрачные – экранизация романа, снятая Генри Кингом в 1957 г., переводит в открытый текст: военный врач прямо говорит Джейку о его импотенции.

Если магистральная тема Хемингуэя, певца «потерянного поколения» – *ewiger Mut*[20], Вечная Мужественность (выразимся так, «перевернув» известные слова Гете), то ущербность Барнса усугубляет, доводит до предела потерянность. «Фиеста» – второе название романа; первое, основное – «И восходит солнце» – меньше употреблялось российским читателем. Написанные позже, в 1939 году, «Три товарища» словно подхватывают хемингуэевский образ в первом же своем абзаце: «Небо было желтым, как латунь; его еще не закоптило дымом. За крышами фабрики оно светилось особенно сильно. Вот-вот должно было взойти солнце»[21]. (Локамп с приятелями тоже потерян в послевоенном «потом», но иначе, нежели герои «Фиесты», хоть, в равной мере, предпочитает, говоря словами Мандельштама, жить «под собою не чуя страны» – словно подражая в том своему автору.

Лев Копелев писал в предисловии к первому российскому изданию «Трех товарищей» (1958), явно стремясь успокоить цензоров и «ответственных лиц»:

> В этой книге он (Ремарк) все еще… хочет быть только художником. Никого не судить. Не участвовать в борьбе общественных сил (такова святая обязанность советского героя в ту пору. Подобного же требовали и от иностранцев – *В.М.*), смотреть со стороны и… нелицеприятно запечатлевать образы людей и событий. В «Трех товарищах» это особенно ощущается. Описывая Берлин в годы напряженных политических боев, накануне гитлеровского переворота, автор старательно избегает каких бы то ни было политических симпатий или антипатий. Он даже не называет тех партий, на собраниях которых бывают его герои, хотя и дает яркие зарисовки некоторых эпизодов.

Естественно, Ремарк грешен и подозрителен для советского чиновника от литературы, но Копелев тут же снимает вину – не с писателя, а с его творений: «…Книги Ремарка… стали оружием в борьбе прогрессивного человечества против сил реакции»[22]. Ни автор предисловия, ни его словарь не заслуживают упреков во времена, предшествовавшие шестидесятникам, официальная публицистика вовсю искала «борьбу прогрессивного человечества с силами реакции». Мир ей чудился контрастным, резко черно-белым – разделенным на «да» и «нет», на свет и тьму. Такое деление входило в «правила игры» – Копелев и подогнал «девиантного» Ремарка под эти правила, т. е., «легитимировал» в глазах цензоров и «ответственных товарищей».

Можно, правда, полагать, что социологизация романа требовалась не только «компетентным органам». Власть и послушное ей общество всегда жестоки в российском их понимании, самовольны и отнюдь не благожелательны к человеку. Они давят на индивида и терзают, всячески его ограничивая. Так же, т. е., агрессивной своей стороной, власть и общество повернуты к героям Ремарка, но те научились противостоять ее жестокости. Бывшие фронтовики, вместе прошедшие сквозь войну, сплочены у писателя крепче хемингуэевских. Совместная судьба привила им

особое свойство – приучив видеть в Другом не «вещь-в-себе», но такую же мишень для пуль и враждебных сил, как ты сам. Потому трагичен эпизод «Возвращения», где ротный командир героев, бывший фронтовик, приказывает стрелять в манифестацию ветеранов войны. Из толпы демонстрантов раздается крик: «братья!» – тот же, что в знаменитой сцене из «Броненосца “Потемкин”». Изготовившихся к стрельбе солдат рейхсвера и членов экзекуционной команды на российском корабле крик превращает в Каинов. Рота из «Возвращения» не опускает ружья, как у Эйзенштейна; льется кровь, и для Эрнста, героя романа, рушится мир: «Все пошло прахом, – товарищеское единение изрешечено пулеметом, солдаты стреляют в солдат, товарищи в товарищей, все кончено, все кончено…»[23].

В любимой россиянами книге Ремарка предстает не братство всех фронтовиков, но лишь нескольких. Локамп и его друзья вместе трудятся, они автомеханики и горды своим мастерством. Созданный ими автомобиль «Карл» – чудо техники, способное посрамить мощные и дорогие машины. Умелые руки и солидарность позволяют им справляться с тяготами жизни. Виновник болезни и смерти Пат, трагически воспринятой друзьями, не столько власть или социум, сколько неумолимый и беспощадный Рок – почти такой же, как в строке Арсения Тарковского, отца режиссера, где говорится: «…Судьба по следу шла за нами, // Как сумасшедший с бритвою в руке»[24]. Той же уверенной поступью, с тем же инструментом Рок настигает Локампа и его товарищей.

Многочисленные компании шестидесятников – крупные или мелкие, более или менее сплоченные – ощущают не столько Рок, сколько чуть притаившуюся, всегда готовую к наскоку Власть – может быть, не с бритвой, но обязательно с суровыми «оргвыводами» и репрессиями. Скажем, актриса Жанна Болотова, росшая в семье, которая «по тем меркам… считалась благополучной», вспоминает, как в студенческие годы оказалась на пирушке в общежитии у сокурсников: «…Ребята, знаете, собрались, в общем, – дети. Это казалось шикарным. Все читали Ремарка, Хемингуэя, как раз вышел его двухтомник». «Домашней», благовоспитанной девочке загул показался отталкивающим: «… Все сразу выпили, закурили, дым коромыслом. И это было такое малопривлекательное зрелище, что… я сидела просто в ужасе». Оттого на богемном веселье вспыхивают отнюдь не богемные страсти. Их рупором оказывается выросший в детском доме Николай Губенко, будущий муж Болотовой, вскоре – известный актер и режиссер, а в «перестроечные» времена – министр культуры: «Губенко… высказал мне, что он думает. О своем омерзении к богатым, которые презирают бедных, показывают, что они как бы выше, а на самом деле нет. В общем, все, все. Это была ссора на три года жизни»[25].

Обличитель увидел в перепуганной сокурснице дитя истэблишмента и спроецировал на нее «все, все» юношески мятежное отвращение к тому, что ее породило. Если пирушка, по словам актрисы, была вдохновлена Ремарком и Хемингуэем, то возникший конфликт выдержан, скорей, в ремаркианском духе. Солдаты у писателя столь же резки и непримиримы к благополучным обывателям – не испытавшим, как они, ужасов и тягот передовой. В монологе студента о высокомерии богатых так и слышится гневная тональность реплики, которую в сердцах бросает один из персонажей книги «На западном фронте без перемен»: «Дерьмо, дерьмо, все вокруг дерьмо проклятое»[26].

Ремарк и Хемингуэй со временем утратили «звездный» статус, их потеснили другие кумиры, однако запали в души, отчего прочно вошли в психический «гено-

фонд» шестидесятников. Пожалуй, автор «Трех товарищей» обосновался там прочней, нежели американец, – может быть, из-за более явного, более открытого, более непримиримого отрицания власти и социума, что «легитимировало» и шестидесятническую неприязнь к ним.

Свидетельство прочной позиции Ремарка – спектакль по «Трем товарищам» Галины Волчек. Многие рецензенты старательно отметили слова режиссера, сказанные на пресс-конференции после премьеры: «…Этот литературный материал дает возможность высказаться на большую тему – о том, что тревожит сегодня, что болит, о чем ностальгирую»[27]. Именно с ностальгии Константин Щербаков, обозреватель «Вечерней Москвы», начал свою рецензию: «В студенческие годы “Три товарища” были нашей настольной книгой. Конец 50-х, “оттепель”, и голова кругом от первых глотков свободы, случившейся вдруг, подаренной, немыслимой еще несколько лет назад. Раскованная дружественность отношений ремарковских героев и героини, их рыцарская преданность друг другу, культ выпивки, скрепляющей человеческую привязанность… – все это представлялось образцом поведения, пребывания на этой земле»[28].

Волчек, вероятно, вспомнила не только восторженный прием книги, но и то, чего в ней не хватало, притом – не только чиновникам от литературы. Оттого определила жанр спектакля как «хронику городской жизни Германии рубежа 20–30-х годов», насытив его реалиями времени. Один из рецензентов красочно их описывает:

> Как… всякое произведение большого стиля, спектакль «Три товарища» эпичен. На это брошены все наличные силы театра, потрачена куча денег и задействована туча статистов. <…> Их задача – представить фрагменты реальности и срезы жизни: то монашки крестятся в верхнем левом углу конструкции, то семейная пара ссорится, то ребенок с воздушными шариками на сцену выходит, то злые фашисты со злыми овчарками. Один раз на подмостках… появляется клоун, льет бутафорские слезы и тут же отправляется восвояси, за кулисы. Объяснить его неожиданное… появление можно только тем, что Волчек помимо Ремарка читала еще… роман Генриха Белля с соответствующим названием[29].

Кажется, она инсценировала не только книгу, но и советское предисловие к ее первому изданию, потому в спектакле появились «силы реакции», сопровождаемые злыми овчарками, плюс страдающее, но «прогрессивное человечество». Верней, она воспроизвела не столько мысли Копелева, сколько важнейшие черты шестидесятнического мироощущения: оппозицию к власти и чувство исходящей от нее опасности.

«Импортные» кумиры времен «оттепели» – Ремарк и другие – словно полигон, на котором отрабатывались и кристаллизовались особые компоненты духовного багажа шестидесятников. Игорь Дедков, работавший журналистом в костромской областной газете, так вспоминает «оттепельные» годы: «В долгих воскресных прогулках по волжской набережной можно обсудить все на свете. Бёлль, Хемингуэй, Экзюпери, Ремарк, Олдингтон – почему бы и нет?». Среди перечисленных кумиров журналист особо отмечает немецкого певца «потерянного поколения»: «Мы молоды, ютимся по частным квартирам и, значит, бесприютны, у Ремарка три товарища, и нас тоже три товарища, но в остальном сходства маловато. Не важно, я и по сей день испытываю чувство благодарности к тем книгам».

Шестидесятники, как говорилось, мигрировали «на порубежье», в Сибирь; журналист констатирует у них другой «порыв» – не физический, а психологический,

притом направленный не на восток, а на запад, т. е., не туда, где общество соприкасается с девственной и суровой природой, а туда, где советский социум сталкивается с принципиально иным. Благодаря всем этим писателям «происходило открытие другого, абсолютно незнакомого, к тому же почти запретного мира. Оказывается, там тоже жили и страдали совсем неплохие люди, тоже хотели лучшего, находились в сложных отношениях с государством, тоже искали что-то чистое и надежное, не поддающееся пошлости и давлению обстоятельств. Может быть, без этих книг поколение шестидесятых не было бы самим собой»[30]. Тем самым Ремарк и другие писатели по-своему участвовали в преодолении сталинистской, официально насаждаемой ксенофобии. Благодаря их творениям, хоть не только «по вине» печатной продукции, четкое деление мира на радостную советскую реальность и загнивающий капитализм зашаталось, стало рушиться, когда выяснилось, что и тут, и там – «совсем неплохие люди», они хотят «лучшего», но часто, как и у нас, его не получают.

Шестидесятники не включили в свой пантеон кого-либо из персонажей Хемингуэя – культовым стал сам писатель, словно заменивший собой своих героев. Ремарк не удостоился подобной чести – его портреты не украшали дома шестидесятников, как то случилось с автором «Фиесты». Героям Ремарка повезло чуть больше: они запомнились – главным образом, те, что выведены в любимой книге россиян, но не кто-либо из них в особицу – не Локамп, Ленц или Кестер, а все вместе, воспринятые как троица. Возможно, в них увидели еще одно – после трех богатырей из русских былин и трех мушкетеров – воплощение извечной идеи троичности. Вместе с тем, как говорилось, новую троицу обогнал в симпатиях россиян «Карл» – механический и металлический «персонаж» романа.

Его воплощение, рожденное на АВТОВАЗ'е для спектакля Волчек, – как бы материальный реликт этой симпатии. Существуют, кроме того, реликты внематериальные; их немало, иные кажутся совершенно туманными и словно призрачными. Например, такой: публицист Анатолий Стреляный знаменательно озаглавил принадлежащий его перу политический портрет Хрущева: «Последний романтик». Критик А. Тимофеевский, подхватив словцо публициста, так же назвал полемический выпад против шестидесятников: они, мол, хотели того же, что и Хрущев, стремились к общей цели, пытаясь вдохнуть новую жизнь в дряхлеющую советскую утопию. Потому близорукостью и трагическим непониманием продиктованы нападки советского лидера на творческую интеллигенцию[31]. Из-за попытки реанимировать выморочность Системы шестидесятники у Тимофеевского суть «последние романтики». Вместе с тем, можно подозревать, что источник прозвища и у Стреляного, и у следующего за ним критика – не кто иной, как Ремарк: Роберт Локамп в «Трех товарищах», иронизируя над Ленцем, присваивает ему эту кличку – она часто повторяется в романе.

Ремарк упомянут Тимофеевским – значит, творчество писателя критику ведомо и о кличке Ленца он не мог не знать. Его, однако, интересовало не совпадение прозвищ, а нечто совсем другое. Шестидесятники, по Тимофеевскому, исповедовали этический максимализм – Ремарк у него попадает в состав того, «что почему-либо возводилось в нравственный абсолют». Шестидесятники терроризировали «абсолютом» простого советского обывателя – «тыкали несчастную Марью Ивановну в Ремарка, и мучили милиционера Хемингуэем, искренне полагая, что от этого они станут нравственнее. То, что у милиционера может быть свой нравственный закон и свой нравственный мир, не пересекающийся ни с Ремарком, ни с Хемингуэем, ни

с Толстым, ни с «Сикстинской мадонной» и при этом вполне самодостаточный, – казалось немыслимым»[32].

Совпадение клички Ленца и той, которую Хрущев получил у Стреляного, в чем-то оправдано, поскольку судьбы обоих сходны: какой-то молодчик, вероятно, из штурмовиков, внезапно застрелил на улице ремарковского героя, советского же лидера – внезапно для граждан – сместили со всех постов, уничтожив, тем самым, не физически, но политически. Ниспровержение Хрущева в 1965 году произошло не из-за распри с творческой интеллигенцией – причины оставим политологам. Для нас существенно то, что Хрущев, став идеологическим оппонентом шестидесятников, топая на них ногами и нападая в одном конкретном случае на фильм, создававшийся под влиянием немецкого писателя, сам разделил судьбу ремарковского персонажа. Создатель же этого персонажа, возведенный в ранг «нравственного абсолюта», стал, в сущности, одним из источников тех правил и принципов, которыми шестидесятники себя «легитимировали».

Ветеран «войны языков»

С разоблачением культа личности затрещала – выражаясь по-марксистски – «надстройка». Она, как считалось, заключает в себе все не-материальное – идеологию, науку, искусство и т. д. Советская «надстройка» возводилась под чутким руководством Отца народов; его дискредитация неминуемо должна была обесценить и ключевые понятия, на которых та зиждилась.

Аналогичное крушение своей «надстройки» пережили герои Ремарка – может быть, потому ставшие близкими российскому читателю. Устами одного из этих героев, повествующего об окопной жизни «На западном фронте…», писатель демонстрирует причины и ход крушения «высоких слов». Основные их трансляторы, убежден Пауль, – школьные учителя: «Они все еще писали статьи и произносили речи, а мы уже видели лазареты и умирающих; они все еще твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее. От этого никто из нас не стал ни бунтовщиком, ни дезертиром, ни трусом (они ведь так легко бросались этими словами): мы любили родину не меньше, чем они, и ни разу не дрогнули, идя в атаку; но теперь мы кое-что поняли, мы словно вдруг прозрели. И увидели, что от их мира ничего не осталось». Вместо дискредитированных и рухнувших понятий персонажи Ремарка создают свой собственный язык – как бы телесный: «Для солдата желудок и пищеварение составляют особую сферу, которая ему ближе, чем всем остальным людям. Его словарный запас на три четверти заимствован из этой сферы, и именно здесь солдат находит те краски, с помощью которых он умеет так сочно и самобытно выразить и величайшую радость, и глубочайшее возмущение. Ни на каком другом наречии нельзя выразиться более кратко и ясно»[33].

Конфликт выспренних слов, исторгаемых учителями, и «телесного» наречия можно – вслед за Роланом Бартом – назвать «войной языков». Неизменные ее участники, согласно Барту, суть языки (или дискурсы) энкратические (от греческого kratos – власть), т.е, «внутривластные (осененные властью)» и языки «акратические (безвластные, либо осиянные своей невластностью)»[34]. «Война языков» у француз-

ского ученого – «это не война их носителей, сталкиваются друг с другом языковые системы, а не индивиды»[35]. В описании Ремарка оба типа дискурсов резко, подчеркнуто контрастны: возвышенным, отвлеченным, а, значит, лишенным референтов в мире плоти, понятиям дискурса учителей диаметрально противоположно по своему тезаурусу наречие солдат, слова которого рекрутируются, если выражаться по Бахтину, из сферы материально-телесного низа.

В «языковых» баталиях советских шестидесятников Ремарк участвовал особым образом – не посредством «материально-телесного» наречия, но сам служил воплощением и символом акратического дискурса, т. е., воспринимался как ветеран подобной «войны». Пример его ветеранства приводит бывший шестидесятник, вспоминая студенческие годы и военные сборы, проводившиеся летом. Юноши в советских вузах обязательно проходили тогда курс военной подготовки и прежде, чем получить звание младшего лейтенанта, закрепляли теоретические знания на практике – в армейских условиях, на месячных сборах. Командование полка, где стажировались однокашники автора воспоминаний, опасалось студенческой вольницы, потому наказало ротному командиру быть строгим и решительным. Ротный словно сочетал в своем имени немецкую и российскую культуру, поскольку звался Энгельсом Ивановичем Макаренко, т. е. имя получил от марксова друга, и вместе с тем был однофамильцем известного советского педагога, воспитателя беспризорников. Выполняя инструкции начальства, ротный лютовал и придирался, отчего в подопечных копилось раздражение и недовольство. Разрядить его удалось оригинальным способом – выпуском стенной газеты. Те были обязательны в любом советском коллективе – посредством их энкратический дискурс доводился до каждого индивида «на местах». Материалы студенческой газеты выглядели вполне «энкратически», но в заголовках Ремарк соседствовал с автором «Фиесты» – таких, к примеру, как: «Время жить и время убирать» (речь шла о необходимости содержать территорию военного лагеря в чистоте), «Три товарища», «Триумфальная арка», «Там где чисто и светло», «Прощай, оружие» (материал посвящался окончанию сборов). Ротный оставался доволен каждым номером газеты. Шестидесятник, опубликовавший воспоминание, пишет: «Откуда было знать нашему бедному воспитателю, что он одобрил воинствующую стилизацию под Ремарка и Хемингуэя, заклейменных советской критикой за буржуазный пацифизм!»[36]. Заголовки, взятые у певцов «потерянного поколения», провоцировали иронический взгляд на вполне «энкратическое» содержание статей. Тем самым, оба писателя – совершенно того не ведая – приняли действенное участие в локальном эпизоде шестидесятнической «войны языков».

В событиях вокруг картины Хуциева немецкий романист участвовал более опосредованно. «Застава Ильича» – тоже эпизод «войны языков», именно сам фильм, а не обличительная риторика, им вызванная. Отец, не отвечающий сыну, не враждебен ему, просто у него нет нужных тому слов. Оба поколения – отцы и дети – не могут общаться, поскольку их дискурсы, будучи порождены иными историческими условиями, не стыкуются между собой. Нестыковка и вызвала гнев Хрущева: «Можно ли представить себе, чтобы отец не ответил на вопрос сына и не помог ему советом, как найти правильный путь в жизни?». Лидер учуял тут идеологический подвох, более того – диверсию: «Детям хотят внушить, что их отцы не могут быть учителями… и за советами к ним обращаться незачем». Теперь, когда волнения улеглись, в филиппике Первого секретаря явственно ощутим страх – как бы молодое поколение не отвергло энкратический дискурс большевизма и напрочь не освободилось бы от

него: «Вы что, хотите восстановить молодежь против старших поколений, поссорить их друг с другом, внести разлад в дружную советскую семью, объединяющую и молодых и старых в совместной борьбе за коммунизм? Можем со всей ответственностью заявить таким людям: ничего у вас из этого не выйдет!»[37].

Прошлое, воплощенное отцами, молчит в первоначальной версии «Заставы…» – аналогичным молчанием завершается и «Возвращение» Ремарка. Миновавшее не принадлежит у писателя иному поколению, как у Хуциева, оно – достояние самого героя. Заночевавший в сельской гостинице Эрнст говорит в финальном монологе: «Тени струятся между деревьями, лес стонет, словно там лежат раненые. Я спокойно и уверенно смотрю в сумрак, – я больше не страшусь прошлого».

Однополчан отца видит и Сергей – воочию, без всякого «словно»: не раненых, но спящих. Скоро – во время утренней атаки – они погибнут. Спящие безмолвствуют, отец не отвечает на главный вопрос, Эрнст же, решив его, надеется, что «мертвые замолчат, и прошлое будет не преследовать меня, а помогать мне»[38]. В «исправленном» фильме отец дает сыну напутствие, почти не отличающееся по смыслу от решения, к которому пришел Эрнст. Отец говорит: «Прощай, сын! С каждым годом теперь расстояние между нами будет увеличиваться, ты будешь становиться старше, я тебе завещаю Родину и моя совесть чиста перед тобой. Ты должен, слышишь, должен всегда… держать в чистоте свою»[39].

Даже испытывая давление – не только партийное, даже внося поправки, Хуциев остался верен себе – «держал в чистоте» совесть, если сказать словами его персонажа. Верность состояла в том, что суть финального эпизода осталась той же – и в «варианте молчания» и в «варианте напутствия»: человек должен сам выбрать свой путь и пройти его достойно. Нечто подобное имеет в виду и герой «Возвращения»: «Я хочу совершенствоваться и быть ко всему готовым, хочу, чтобы руки мои трудились и мысль не засыпала. Мне многого не надо. Я хочу всегда идти вперед, даже если иной раз и явилось бы желание остановиться»[40].

И критики, и сам автор связывали «Заставу…» только с «Тремя товарищами»; перекличка же ее с другой книгой Ремарка, в высшей, степени знаменательна. Она – свидетельство близости мироощущения героев Ремарка шестидесятническому. Потому, какой его роман ни возьми, особенно – те три, что были изданы у нас в конце 50-х[41], всегда найдешь в жизненных позициях и текстах шестидесятников прямые обращения к этим книгам или непреднамеренные совпадения с ними. Совпадения не могут не проистекать из родства двух национальных культур, в результате которого образы одной культуры свободно и естественно мигрируют в другую. Такая миграция предопределяется не досужим умствованием, ее требует сама жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Книга написана в 1975-м, но опубликована лишь в 1991.

[2] *Аннинский Л.* Шестидесятники и мы. – М., 1991. С. 117.

[3] *Хлоплянкина Т.* Застава Ильича: судьба фильма. – М., 1990. С. 24.

[4] Там же. С. 23.

[5] *Хуциев М.М.* Замысел и воплощение. – В сб. Искусствознание и психология художественного творчества. – М., 1988. С. 259. – Русские читатели смогли прочитать «Трех товарищей» в переводе

Льва Копелева через 20 лет после их первой публикации: *Э.М. Ремарк.* Три товарища. – М., 1958. (*Прим. ред.*)

[6] «Мне двадцать лет», монт. листы. С. 69.

[7] *Шилова И.*…И мое кино. – М., 1993. С. 81.

[8] *Гозман Л.Я.*, *Эткинд А.М.* Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории. – Вопросы философии, 1991, № 3. С. 164.

[9] *Турбин В.* Шестидесятники: блеск и нищета // Искусство кино, 1992, № 4. С. 64.

[10] *Гозман Л.Я.*, *Эткинд А.М.* Указ. соч. С. 166, 165.

[11] Там же. С. 166.

[12] В оригинале по-немецки.

[13] *Чеснов Я.В.* Колдуны и тинэйджеры в гипертексте девиантности – В сб.: От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. – М., 1998. С. 116.

[14] В оригинале по-немецки.

[15] *Фрай М.* Мужества не бывает без страха. – Интернет-версия: http://lib.rus.ec/b/139199/read#t29 (Последний просмотр 15.06.2009)

[16] *Ермалюк Ю.* Эрих Мария Ремарк выигрывает гонку. – www.asa.minsk.by/abw/arxiv/9–5-3/v-wma06.htm

[17] Волжский автостроитель, газ. – Интернет-версия.

[18] См. *Jürgen Habermas:* Legitimationsprobleme im Spatkapitalismus. – Frankfurt a. M. 1973.

[19] *Вайль П.*, *Генис А.* 60-ые. Мир советского человека. – Театр, 1992, № 5. С. 149, 150, 155.

[20] В оригинале по-немецки.

[21] *Ремарк Э.М.* Три товарища. – М., 1992. С. 11.

[22] *Лев Копелев.* Предисловие // Ремарк. Там же. С. 8.

[23] *Он же.* Возвращение. – М., 1991. С. 191.

[24] *Тарковский Арс.* Волшебные горы. – Тбилиси 1978. С. 202.

[25] *Болотова Ж.* «Мы всегда были очень одиноки» // Искусство кино, 1992, № 4. С. 99.

[26] *Ремарк Э.М.* На западном фронте без перемен. – М., 1991. С. 18.

[27] *Юсипова Л.* Товарищи граждане – Ведомости, газ., 1999, 5 октября.

[28] *Щербаков К.* В эпоху отчаяния приличествует только юмор //Вечерняя Москва, 1999, 8 декабря.

[29] *Давыдова М.* Столп и утверждение шестидесятничества // Время MN, 1999, 4 октября. – Намек на роман Белля «Глазами клоуна».

[30] *Дедков И.* А началось все тогда… // Искусство кино, 1989, № 1. С. 12.

[31] Имеются ввиду хрущевские тирады ненависти в отношении космополитов и граждан еврейской национальности, а также его меры против их присутствия в общественности. При посещении выставки в Манеже 1 декабря 1962 года Хрущёв назвал художников-абстракционистов «Пидорасы проклятые!». (*Прим. ред.*).

[32] *Тимофеевский А.* Последние романтики // Искусство кино, 1989, № 5. С. 63.

[33] *Ремарк Э.М.* На западном фронте без перемен. С. 15, 11–12.

[34] *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. С. 529.

[35] Там же. С. 536.

[36] *Клейман Н.* «Ищите солнце!» // Сб.: Виктор Демин. – М., 1996. С. 61

[37] *Хлоплянкина Т.* указ. соч.. С. 51. Здесь и в публикации: *Деменок А.* «Застава Ильича» – урок истории» // Искусство кино, 1988, № 6, речь Хрущева по-разному отредактирована, потому ее текст в обоих случаях не совпадает. Мы ссылаемся на оба издания.

[38] *Ремарк Э.М.* Возвращение. – М., 1991. С. 235.

[39] «Мне двадцать лет», монт. листы. С. 95.

[40] *Ремарк Э.М.* Там же.

[41] «На западном фронте…», «Возвращение», «Три товарища».

Мартин Уле-Веттлер

О ПОДРЫВНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ советской литературы. Наблюдения и опыт священника в ГДР

Никто не забыт и ничто не забыто.
Ольга Берггольц[1]
(Надпись на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге)[2]

Ах, если бы все-таки удалось вновь обрести дух ушедших 70–80-х годов и хоть немного рассказать о них другим… Как же далеко отодвинулось все то, что когда-то формировало нашу жизнь! Я стою перед высокой этажеркой с советскими книгами, которые приобрел на протяжении этих двух десятилетий, и чувствую расстояние между временами и мирами… Но внезапно появилось и что-то другое: счастливое воспоминание о многочисленных, может быть, тридцати тематических вечерах и литературных выступлениях в евангелических и католических студенческих объединениях: на молодых лицах сконцентрированное внимание и задумчивость – собственно, лучшее вознаграждение при представлении «советской» литературы. tua res agitur! (твое дело, [и] тебя касается (лат.) – *Прим. перев.*). Это восприятие, как нечто само собой разумеющееся, пронизывало помещение, когда тексты раскрывали свое тайное воздействие…

С помощью таких текстов можно было представить себе – в закрытом обществе! – проявления величайшей идеологической чудовищности, так что никто не мог в действительности хоть что-то возразить против этого.

Вот, например, итог, который в 1972 г. в почти провокационной форме подвел видный критик Владимир Лакшин:

> Сейчас я не могу вспомнить, кто когда-то сказал, что существует два типа писателей – одни умирают при жизни, другие живут после смерти. Бывает так, что писателя чествуют, издают его книги, рецензенты не устают его хвалить, но потом неминуемая смерть кладет конец жизни и достаточно одного только факта физического исчезновения, чтобы превратить имя писателя, только что громогласно звучавшее и вызывавшее страх, в ничто, в пустой звук. О нем не вспоминают, его не знают. Он никому не нужен, иначе он просто сумел бы навязаться публике. Но есть и другая судьба – интенсивное и настойчивое служение искусству в надежде на встречу с читающей публикой, причем не только дня сегодняшнего, сколь бы широка не была эта аудитория, но и с несравненно более широкой, состоящей из людей будущих поколений[3].

Часто воцарялась почти немая тишина. Правильно ли я расслышал? Да и вообще печатается ли у нас нечто подобное? И почему? Это невероятно. Примерно вот это и читалось в мимике окружающих. Мы жили, как было сказано позже, в условиях «диктатуры ради воспитания». Все достаточно хорошо знакомые классификации

и цензурные разрешения, без которых, в принципе, не могла появиться ни одна книга в Советском Союзе или ГДР, здесь срывались. Но скоро должно было начаться и нечто более крутое. В одном интервью писатель Юрий Трифонов описывал в 1976 г. свое столкновение с советской цензурой, прибегая к сознательному дистанцированию и иронии:

> Как-то давно я предложил рассказы редакции одного журнала. Член редколлегии, который мне их вернул, сказал презрительно: «Опять вечные темы…» Вероятно, рассказы были плохи и слабы, но члену редколлегии не понравились не недостатки – нет, как раз вечные темы его и не устроили. Он был совершенно убежден в том, что вечные темы – дело какой-то другой литературы, которая, может быть, равным образом нужна, но какая-то она безответственная и низкосортная по сравнению с литературой, которую он редактировал. Прошло много лет, и тогдашний член редколлегии превратился из крепкого мужчины в одинокого старика, постоянного посетителя поликлиники: вечные темы задели его своим тяжелым крылом. Теперь, конечно, он по-другому относится к ним[4].

Тексты вроде этого обладали серьезным долговременным влиянием, которое в отдельности трудно поддавалось постижению; к нашему счастью, они укрепляли доверие к сообществу людей доброй воли.

Каждый, кто наблюдал хотя бы немного за советской литературой послевоенного времени, к примеру, изучая ее в качестве обязательного чтения в средней школе ГДР[5], должен был воспринять такие оценки как удар. Что же здесь происходило? Развивались ли в священном Советском Союзе две довольно независимые друг от друга литературы? Может быть, они оказались даже в остром противоречии друг с другом? Моя первая встреча с несколько другой советской литературой произошла в 1957 г. в маленьком книжном магазине. «Оттепель» Ильи Эренбурга буквально упала мне в руки. Названию романа суждено было стать опознавательным знаком периода десталинизации, пусть даже краткого. Испытывая как ошеломление, так и сомнение, я пустился вслед за действием, в ходе которого, в частности, происходит встреча между верным режиму, работающим по «заказам» художником с коллегой, чувствующим себя обязанным только искусству (почти так же, как о том говорил Лакшин), но зато вынужденным жить в бедности и одиночестве[6]. Открытыми остаются, при этом, многочисленные вопросы. С чего бы это Эренбург, что ни говори, лауреат Сталинской премии первой степени за 1941 и 1947 гг., избрал такую тематику и относительно далеко продвинул ее, пусть это и было не всегда впечатляюще в языковом отношении? Может быть, здесь отражались процессы, происходившие втайне, но достаточно действенные для того, чтобы что-то изменить? Внезапно мы столкнулись с чем-то новым для себя. Даже если эта книга, в отличие от Советского Союза, едва ли играла в постсталинистской ГДР хоть сколько-нибудь достойную упоминания роль, любопытство было пробуждено. Впечатляющая экранизация, сделанная на студии «Мосфильм», прошла в больших кинотеатрах страны, вероятно, с некоторой неохотой и без большого резонанса. Было, однако, похоже на айсберг – только седьмая часть выдавалась над поверхностью воды. Но все целое уже пришло в движение, казалось, почти неслышимое.

Вторая моя встреча с «советской», т. е., в данном случае, альтернативной, литературой произошла именно в судьбоносном 1968 году во время лечения. Библиотекарь, член СЕПГ, вручил мне едва ли не с понимающей усмешкой «Мастера и Мар-

гариту» Михаила Булгакова; может быть, и потому, что он знал о моем происхождении из религиозной семьи. Я читал книгу в состоянии радостного экстаза, временами колеблясь между надеждой и страхом. Как такое было возможно – появление, после десятилетий примитивной атеистической пропаганды, Пилата и Иисуса, будто весь этот атеизм не сработал? Да и это еще не все: своего рода дьявол бушевал со своей неистовой свитой в Москве 30-х гг., чтобы разоблачить пустоту и смехотворность послереволюционного общества. Откуда взялись эта веселость и невозмутимость автора, который не пережил появления большинства своих произведений? Какие силы стали причиной его возвращения в общее литературное сознание? Довольно часто я читал со студентами начальные и заключительные (1, 2, 16, 25) главы этого великого, захватывающего произведения и пытался осторожно интерпретировать их в дальнейшем разговоре, используя имеющиеся возможности[7]. Как евангелический теолог, сведущий в экзегетике и герменевтике, я без особенно больших усилий раскрыл различные художественные и исторические кодировки. Прежде всего, однако, я обнаружил разнообразные следы совершенно другого духа, которого вообще не ожидал.

В послесловии к «Мастеру и Маргарите» цитируется Александр Фадеев, некоторое время возглавлявший Союз писателей СССР, а позже, как и другие авторы (Есенин, Маяковский) добровольно ушедший из жизни и посетивший уже смертельно больного Булгакова:

> Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный – с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью (! – *У.-В.*)[8].

Было похоже на золотую жилу, на несколько секунд засветившуюся перед глазами.

П.А. Марков, несомненно уважаемый критик, говорит о сатирическом искусстве Булгакова, что оно выросло «из огромной любви к человеку». А несколько позже прозвучали слова о подобии его творчества особого рода завещанию, которое необходимо свято сохранить: «Он благословлял жизнь и никогда не проклинал ее»[9].

Может быть, мы в Западной Европе сказали бы: «Сколь же трагична его жизнь!» – и даже были бы правы. Булгаков умер всего в сорок лет, после длительной болезни. Ему, отпрыску знаменитой интеллигентной семьи было суждено пройти через все ужасы революции, смуты Гражданской войны, оказываясь часто в смертельной опасности[10], чтобы потом, в 30-е годы, изведать, что для него закрыты почти все возможности публикации. Только его жена Елена Сергеевна верила в триумфальное воздействие его произведений[11]. Их объединяла уверенность в том, что «рукописи не горят», и это позволяло им пережить бесконечно трудную повседневность. Так какая же это неслыханная положительная сила действует здесь – все дальше и дальше?

Вдохновившись таким образом, я двинулся в ознакомительные поездки. Я научился читать некоторые трудные для понимания тексты, часто производившие впечатление палимпсестов. Временами авторы пользовались, по словам Ленина, «рабьим языком». Они добивались внятности своих слов в условиях крайне жесткой диктатуры, не идя на прямое столкновение с ней.

В качестве примера здесь следует назвать великолепную пьесу-сказку Евгения Шварца «Дракон»[12], которую с начала 60-х гг. можно было увидеть в Немецком те-

атре в Берлине, а вслед за тем, с некоторым временны́м сдвигом, и почти на всех сценах республики. Пользуясь блистательным зашифрованным языком, она разоблачала абсурдность и в то же время смехотворность диктатур. Зрители возвращались со спектакля поистине окрыленными, и дорогой вели долгие разговоры. Послания доходили до зрителей. В уже упоминавшемся интервью Юрий Трифонов откровенно рассказал о методе, который применял не только он:

> Точка зрения автора может проявиться в сюжете, в диалогах или интонации (…). Иногда вполне достаточно минимального изменения интонации, повышения или понижения голоса, чтобы довести до читателя позицию автора. Точка зрения автора и его отношение к повествуемому могут в современной прозе выдаваться в «гомеопатических» дозах – с помощью усмешки, даже полуулыбки, благодаря молчанию или паузам. Это замечательно удавалось Чехову; он был мастером тончайших намеков, оказывавших уничтожающее воздействие[13].

В ходе «оттепели» советской литературной критике удались, насколько я мог увидеть это в ГДР, два замечательно серьезных достижения, которые нельзя снова объявить несостоявшимися, даже если кое-где и дают себя знать яростные протесты. Во-первых, имела место почти полная реабилитация Достоевского, которого долгое время печатали очень выборочно, если, вообще, печатали. С учетом своей поздней фазы он ведь считался «реакционером», а в смягченной оценке – ошибающимся сыном великого русского народа. В книгах по истории литературы (лицензионных изданиях на немецком языке), как правило, отсутствовала особая глава о Достоевском, при этом писатель достиг своего мирового значения именно через Германию[14].

Второе великое достижение заключалось в считавшемся до тех пор невозможным воссоединении с современной русской литературой, которое совершалось постепенно, если и без особого шума, то все же очень эффективно. В связи с этим молчаливо произошла и первая реабилитация бесчисленных жертв сталинских «чисток». Из уст в уста, к которым ради осторожности прикладывались ладони, передавалось изречение Александра Солженицына о том, что в Гулаге погибла целая национальная литература (так по смыслу цитировался проект его Нобелевской речи, доходившей до нас по радио)[15]. Теперь перед глазами заинтересованного читателя в ГДР снова появились великие имена авторов 20-х годов, официально преданные забвению, но утвердившие свое место в сердцах бесчисленного множества россиян – например, Исаак Бабель, Андрей Белый, Александр Блок, Михаил Булгаков, Сергей Есенин, Осип Мандельштам и многие другие. Со временем они стали снова известны благодаря выдающимся изданиям своих собраний сочинений и обрели в ГДР совершенно новых читателей[16]. Параллельно с этим развивалось, вероятно, и новое самосознание деятелей литературы. Именно в берлинском «Дворце Республики» видный представитель «деревенской прозы» Валентин Распутин с особой настойчивостью обратился к своим читателям, сказав: «Не писатели ставят проблемы на повестку дня – проблемы порождают писателей!». В ситуации скрытого поворота он описывал сейсмографическое воздействие литературы, совершавшееся на наших глазах. И на той же, донельзя официальной, сцене Даниил Гранин сказал во время презентации своей «Блокадной книги» – скорее, без желания подчеркнуть, но именно поэтому и убедительно[17]: «Всю правду (имелась в виду правда войны) знает только народ». На мгновения, конечно, редкие, становилась слышной некая апелляционная инстанция, которая когда-то в будущем могла стать опасной для партии.

Издательство «Фольк унд Вельт» специализировалось в ГДР на издании русской и советской литературы и отличалось высокими стандартами полиграфии и офрмления книг: обложка романа Юрия Трифонова «Исчезновение», оформленная Лотаром Реером; обложка романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» (перевод: Шарлотта Кошут (1982); оформление: Клаус Крюгер)

Монополия партии на интерпретацию, достигнутая с помощью массовых убийств истязуемых жертв, уже не оставалась столь несомненной.

В это время, в начале 70-х гг., советская литература в ГДР уже обладала чем-то вроде массового влияния, которому суждено было втайне проявиться как движущей силе в направлении «новой интерпретации социализма». Отсутствие печати, независимой от правительства, и почти полное отсутствие развлекательной литературы заставляло читателей ГДР обращаться к «серьезной» литературе[18], в том числе и потому, что им нужна была помощь, чтобы справиться с не столь уж простой повседневностью. Здесь обязательно следует упомянуть большие дела издательства «Фольк унд Вельт» (Берлин), к сожалению, теперь уже «ликвидированного», которое позволяло за все более короткие промежутки времени доходить важным советским книгам до восточногерманских читателей. В нем десятилетиями работали признанные слависты, позволявшие нам, в том числе с помощью своего «фирменного журнала», задолго до перестройки участвовать в дискуссиях внутри и вокруг советской литературы, временами напряженных и волнующих[19].

Формировались новые плеяды авторов. Эти литераторы оставляли далеко позади ограниченность предписанного властью «социалистического реализма» и, опираясь на великую традицию русских писателей (XIX столетия), ставили вопрос о вопиюще-противоречивой ежедневной советской действительности. Назовем в связи с этим

лишь несколько имен: Федор Абрамов, Василий Белов, Василь Быков, Даниил Гранин, Александр Гельман, Василий Шукшин, Владимир Тендряков, Юрий Трифонов и, не в последнюю очередь, Чингиз Айтматов. Почти каждый из них – свой собственный мир. Во время поездок по ГДР для чтения своих произведений с середины 70-х гг. они часто встречали воодушевленный прием. Мы не без некоторой дерзости рассматривали этих гостей как своих «союзников» в грядущем освобождении.

Интеллигентные люди, убежденные марксисты, они в том числе и в качестве лекторов ощущали, как я понимаю, новый взгляд на действительность, видя в этом отрадное подтверждение своей гипотезе. В соответствии с ней, социализму, искусству и свободе не надо было быть «антагонистическими» противоречиями, как и мы тогда думали и на что сами надеялись.

Естественно, на протяжении всего рассматриваемого здесь времени продолжалось и создание советской литературы, соответствовавшей принципам системы. В качестве «премий» за хорошие результаты официально раздаривались, а то и постепенно покрывались пылью в книжных магазинах сотни тысяч экземпляров[20]. Такого рода литература уже настолько, однако, отдалилась от реальной жизни, что она не имела хоть сколько-нибудь серьезного значения. Сюжеты и связанные с ним точки зрения были знакомы прямо-таки до отвращения из газет и благодаря «учебным мероприятиям».

Примером нового способа писания должна здесь послужить сцена из повести сибирского писателя Валентина Распутина. Главный герой приезжает на краткое время в свою родную деревню и ночью переживает у одной из этих мощных рек России то ли сон, то ли видение:

> […] и вот будто встал на пороге человек старого, почти прозрачного вида […] и говорит: «Прочитал я твою книжку». «И как?» – спрашивает Виктор, конечно, с надеждой, что книжка понравилась.
> «А так, – вздохнув, отвечает тот. – Я не понимаю… – Он долго и задумчиво, с печальной проницательностью качает головой. – Не понимаю, зачем нужно писать о том, чего ты не можешь знать. Совсем не можешь, никак. Это не похоже ни на что совершенно, что у вас есть. Это настолько больше и значительней, настолько невероятней того, что может придумать ваша бедная фантазия… И потом… – полудедушка-полупрофессор грустно улыбается, – ваши слова не годятся для этого. Они слишком мелки, слишком коротки. Вы о своем-то, – опять вздох – о человеческом не можете говорить как следует, а тут вон куда захотел, в какую тайну! Так, кажется, просто сказать, что хочешь – нет, не можете. Что-то видите, что-то слышите, что-то чувствуете, а что именно, не скажете или скажете неточно, приблизительно, невпопад. До чего вы любите говорить приблизительно, ходить вокруг да около. Ах, боже мой… А ты спрашиваешь: как? Когда ты встанешь на мое место и будешь знать то, что знаю я, тогда лишь ты по-настоящему поймешь, как слаб сейчас и немощен. Вот так[21].

Можно было бы привести сотни примеров подобной актуальности. То, что проявляется здесь лишь как моментальная съемка поездки вовсе не сенсационного свойства, в действительности – отражение художественного кредо, только кажущегося написанным без особенных усилий. Тогда оно касалось нерва своего времени.

В поисках новых выразительных возможностей всем этим авторам пришлось ступить на целину. Речь идет о процессе, который можно лишь немногими штрихами обрисовать в рамках данной статьи. С начала до середины 70-х гг. в глаза вдумчивому читателю бросалось изменение основ духовного климата, показанное во многих рассказах, повестях и романах. Время неожиданно стало другим. Как и в Западной Европе, обращало на себя внимание (не судьба ли это столетия?) большое, всеохватывающее отрезвление, более того, разочарование. Свидетелем некоторых такого рода явлений мог выступить в данном случае Юрий Трифонов, который в своих «Московских повестях»[22] точно и лаконично описал повседневность жителя большого современного советского города, утратившего понимание смысла жизни и вынужденного теперь хоть как-то ориентироваться в происходящем. Трифонов описывал эту ситуацию не с позиций надменного всезнайства, а, если внимательнее присмотреться, сочувствуя, так что читатель должен был заметить и собственные недочеты.

Здесь попросило слова третье послереволюционное поколение – те, чьи отцы и матери пали в 30-е гг. жертвами сталинских репрессий и «чисток».

Было две максимы, подобные лозунгам, возникавшие вновь и вновь, как своего рода опознавательный сигнал: «Мы не врачи, мы боль» (Александр Герцен) и «Мы по капле выдавливаем из себя раба» (Антон Чехов).

Например, Трифонов следующим образом комментировал это признание: «Чехов видел единственную возможность для того, чтобы выдавливать из себя раба – с помощью литературы»[23].

Самого широкого и наиболее глубокого влияния в ГДР достиг, конечно же, писавший по-русски киргиз Чингиз Айтматов, который, двигаясь буквально по грани, сумел связать индивидуальные проблемы с общественными. На V съезде писателей СССР (1971 г.) он резко и со всей откровенностью заявил:

> Наша величайшая беда в литературе – это избыток посредственности и той обманчивой формальности, при которой оказывается больше пены, чем настоящей воды. […] Я мечтаю о том, чтобы однажды найти в печати рассказ, который после того, как я его прочитаю, не даст мне ночью уснуть…

Обратившись же к принципиальным вопросам, он заявил:

> […] Трагедия будет вечно обнаруживаться в человеке (как и счастье, сознание и творческая деятельность. – *У.-В.*). Она – часть его жизни, часть его бытия[24].

У читателя, хоть сколько-нибудь знакомого с господствующей идеологией, волосы должны были стать дыбом. Здесь ведь ставилась под сомнение аксиома общества, имя которой было «партия». Так, во всяком случае, казалось. И делал это лауреат Ленинской премии.

Автор сначала ставшей известной любовной истории («Джамиля», 1958 г.) оказался вскоре в центре общественного интереса. Я с большим удивлением читал его повесть «Прощай, Гульсары!», вполне достигавшую уровня классических трагедий[25]. До сих пор еще не было столь выдающегося в своей критичности изображения советского сельского хозяйства. Захватывает изображение поражения, которое терпит главный герой в столкновении с узколобостью чиновников. Но во мнении

читателя, как и после чтения почти всех его произведений, почти чудесным образом остается убеждение в том, что доброе и истинное, а значит, человечное, нельзя победить – во всяком случае, на долгосрочную перспективу.

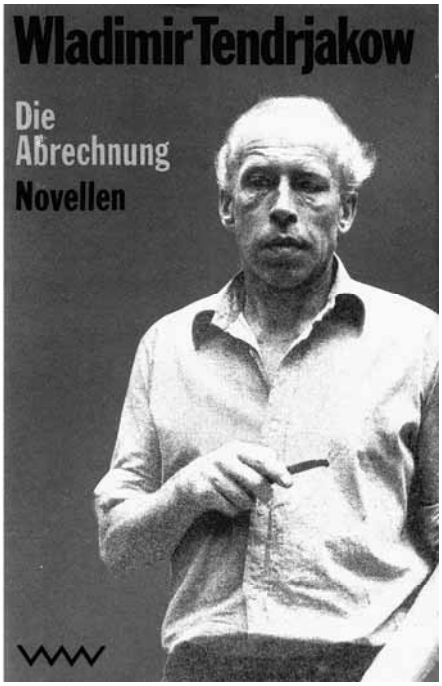
Отсюда следует, вероятно, протянуть пунктирную линию к большому циклу романов Федора Абрамова, который, будучи сыном крестьянина, сумел выразительно изобразить трагедию необдуманной, жестокой коллективизации на Севере России. Этот регион всегда был землей свободного крестьянства. Люди, жившие там, становились настолько близкими читателю, что, казалось, он слышал и видел их[26].

«Деревенская проза», как говорили, классифицируя и в то же время, конечно, несколько снижая ценность данного феномена, обрела – именно как прощальная песнь, посвященная окончательно гибнущей крестьянской культуре России – большой резонанс по всей Европе. Как озаренная знаком пламени, она еще раз просияла в собрании сочинений Распутина, будучи особым образом и незабываемо экранизирована Ларисой Шепитько и Элемом Климовым в реквиеме «Прощание с Матёрой» (1979–1982).

Для всех этих авторов, на мой взгляд, в невысказанной форме имел силу девиз Троепольского, кстати, сына священника: «Если все кричат, надо шептать»[27]. Эта истина становилась ясной.

Некоторые писатели все более отваживались выставить на обозрение значительные табу советского общества и даже отчасти сломать их, например, не имевшее аналогов разрушение окружающей среды, которое во многих регионах страны вело к гигантской катастрофе. Частью этого процесса было также осторожное разрушение мифа о «Великой Отечественной войне» или рассмотрение преследования инакомыслящих. Сильнее всего на меня, как и на широкую, удивительно чувствительную публику, воздействовала драма Айтматова «Восхождение на Фудзияму» (1972), в которой совершенно непривычно – даже с ошеломляющей неожиданностью – и убедительно рассматривался вопрос о собственной вине, о судьбе, о ходе времени, а также о сути «религии», покаяния перед лицом гигантских преступлений сталинской эры[28]. Насколько я знаю, впервые театры всего СССР и, конечно, также в ГДР, показали, пусть и не напрямую, арест и «ликвидацию» бывшего русского фронтовика, который ближе к концу войны, то есть во время наступления, внезапно приходит к своего рода коренному пацифистскому убеждению, с которым, похоже, идентифицирует себя и автор. Во всяком случае, он открыл зрителю эту возможность. Мы читали такие пьесы по ролям. Но ведь должны были последовать и другие пьесы того же автора (предтечи перестройки?).

Новая подраставшая, критически мыслившая публика, часто, конечно же, студенты, с восторгом восприняла то обстоятельство, что советские фильмы оставили позади давно известные стереотипы (пропаганды) и отчасти обратились к большим общечеловеческим темам. Все началось, если я правильно помню, с необычайно выразительных экранизаций Шекспира и Достоевского[29], соответствовавших требованиям своего времени и искусства. С картиной режиссера Михаила Калатозова «Летят журавли» (1957), которую можно считать захватывающим антивоенным фильмом, последовал прорыв. Он нашел великолепное продолжение в фильмах «Гори, гори, моя звезда» режиссера Александра Митты (1970, немецкая версия фильма, посвященного проблематике Гражданской войны – 1972), «Доживем до понедельника» (режиссер Станислав Ростоцкий, 1968 – фильм о проблеме правды и лжи в школе), «Ищу мою судьбу» (режиссер Алина Гломм, 1974; в центре впервые



Собранием сочинений М.А. Булгакова, большей частью в переводе Томаса Решке, как и многотомным изданием сочинений Владимира Тендрякова, мы обязаны слависту и литературоведу Ральфу Шрёдеру

оказался священник), «Калина красная» (1973, с автором сценария и режиссером Василием Шукшиным в главной роли заключенного, вышедшего на свободу), экранизации произведений Айтматова, прежде всего «Белого парохода» (режиссер Болотбек Шамшиев, 1976). С помощью государственных кинотеатров мы демонстрировали эти работы в помещениях студенческих общин и приглашали затем на дискуссию. Нам даже удалось официально посмотреть в ГДР «Сталкера» Андрея Тарковского (еще до того, как он пошел в советских кинотеатрах) и упоминавшийся фильм «Прощание с Матёрой». Они уже казались явлением «поворота». Кое-кого, может быть, удивит, что у нас «на Востоке» (в восточной Германии) отсутствовало не столь уж многое. Может быть, мы были богаче, чем сами понимали.

Немалую роль играла в эти годы изолированности от Западной Европы русская лирика, как классическая, так и современная. Издательство «Фольк унд Вельт» выпускало лирическую поэзию, большей частью на двух языках, в виде образцовых изданий («Белая серия»). Хотя эти стихи и обособляли друг от друга читателей в их мироощущении, но зато (снова) делали их субъектом и таким образом заряжали новой энергией. Тем самым, для некоторых постепенно раскрывался маленький художественный космос, часть, как с издёвкой говорят на Западе, «прекрасного мира». Трудно не назвать на этом месте имена (почитаемых и любимых) поэтов[30]. Кроме того, существовал и самиздат, в котором курсировали тексты Высоцкого и многих других.

Своеобразное воздействие на (сознательного) гражданина ГДР оказывало новое появление мифологических и религиозных элементов, в самом широком истолковании этого понятия, часто включавшихся в рассмотрение в виде русского фольклора. При этом, действовал девиз «Пусть цензоры и читатели думают и ощущают все, что они хотят». Неожиданно во многие тексты вошло слово «душа», а то и почти триумфально подверглись новому анализу понятия смерти и жизни[31]. Давал ли порой почувствовать себя в рассказах и стихотворениях глубинный слой, слишком долго вытеснявшийся и превращавшийся в объект подавления? Для читателя не было тайной, что авторы уровня Анны Ахматовой, Михаила Булгакова, Бориса Пастернака и Александра Солженицына не скрывали свою приверженность христианству или возвращались к вере своих отцов и матерей. Я вспоминаю о дискуссиях вокруг христианского начала стихотворений в завершающей части «Доктора Живаго».

Мы видели, что деревенская проза отчасти загрунтована национально-религиозными мотивами. После краха Советского Союза в 1991 г. подполье до известной степени вышло на свет или вошло в сознание. Анатолий Ким, российский автор корейского происхождения, откровенно признался: «Отвращение к обманчивой вере, к лицемерию побудило меня к поискам истинной веры». И далее: «Я много раз читал Библию и постепенно обрел даже своего рода знание предмета». Но затем «совершенно неожиданно» пришло то, что Ким называет «открытием Христа», вне всяких сомнений «произошедшее» с ним[32]. Здесь я прибавлю нечто вроде заключительного кредо Айтматова:

> Если верно, что необходимо обращаться к религии с самого детства, то я не могу сказать об этом применительно к себе. Я рос в то время, когда нас учили, что Бога нет. Говорили, что Бог – вымысел, а религия – опиум для народа […]. В общем и целом мое поколение должно было превратиться в убежденных атеистов. Многие такими и стали и реагируют раздраженно на упоминание Бога, но далеко не все. Может быть, именно этот факт – наиболее убедительное доказательство неискоренимости того, что касается изначальной тайны человеческой души, заставляет человека сомневаться и отчаиваться, но в то же время возвышает, наделяя его силой для преодоления самых невероятных испытаний. В этом отношении каждый человек остается новичком в деле постижения вечности, но он всегда ответственен перед Богом, которому клялись его предки[33].

Киргизско-исламская основа позиции автора уже просматривалась в его произведениях и со временем заметно усиливалась. Занятая им теперь позиция, которую я хотел бы назвать постатеистической, с неопровержимостью проявилась в последних главных произведениях – «И дольше века длится день» (1980) и «Плаха» (1986). Дало себя знать эпохальное изменение: осторожная, шаг за шагом, переоценка отдельных традиций[34], которые вдруг стали рассматриваться как духовные ресурсы, т. е. как нечто такое, от чего нельзя отказаться. На пороге перестройки авторы формулировали, по крайней мере, такие вопросы, на которые можно было дать личные ответы. Нас в ГДР, в этой небольшой стране, в конце концов, забаррикадировавшейся со всех сторон, достигали, так сказать, с другого конца мира удивительные послания. О старом киргизском акыне, испытавшем много горя, говорилось, например: «И настал его черед постигать на досуге изначальную думу мыслителей – зачем рождается человек на свет?»[35].

При такой, касающейся, по существу, каждого читателя постановке проблемы, следует знать прокрустово ложе идеологии, предписанной государством, в которое

все втискивалось. Имелся только один-единственный, очень абстрактный, десять или сто тысяч раз повторенный, основной вопрос философии, а именно: «Что первично – материя или сознание?» Войско блюстителей порядка охраняло соблюдение «чистого учения». Принципиальная открытость и незамкнутость мышления отрицались. Из дали годов, даже десятилетий эта ситуация, с ее последствиями для индивида, кажется почти нереальной.

Мы же, однако, приближались тогда к точке, где надлежало принять решение.

Люди, которые долгое время формировались в соответствии с определенными функциями в системе вульгарного материализма (ради утопии, исчезавшей, во все большей мере), констатировали нехватку смысла, духовную пустоту. Эта пустота должна была, собственно, в достаточной степени, способствовать беспокойству. Долгие десятилетия яростной секуляризации заставили сморщиться восприятие жизни до небольшого объема повседневности. Не было нужды в особенно светлом взоре, чтобы увидеть: многие были в метафизическом смысле полуголодными[36].

В середине 80-х гг. размышление о советской ситуации стало существенно более острым и убедительным. Так обстояло дело и с уже названными романами Айтматова, завоевавшими словно приступом широкую читательскую аудиторию. Оценка этого огромного критического сдвига потребовала, собственно, особой статьи. Как при яростном крещендо, читатели ощутили, что табу сметаются. Слишком долго в литературе правилом и нормой был «положительный герой» (секретари партийных организаций, участники войны, ударники коммунистического труда и т. д.). Теперь депутат Верховного Совета СССР Айтматов продемонстрировал нам крах своего героя, не вызвав этим разочарования. Напротив, во всех смутах и сломах истории происходит нечто великое, значимое, о чем свидетельствует уже название книги – «И дольше века длится день».

Мы можем подчеркнуть только единственную деталь. В произведении оживляется (якобы) старокиргизская легенда о манкурте, мозг которого был в ходе «мучительной пытки» зашнурован и фактически разрушен.

> Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери […]. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве[37].

Он становится настолько безвольным инструментом, что убивает даже свою мать… В это время в спорах вокруг политического пути, происходивших в СССР, можно было порой услышать презрительное «Ты манкурт!»[38] Утрата культурной памяти была – внезапно? – воспринята как нечто скандальное – и преступное. Россия вспомнила в связи с тысячелетием своего крещения о своей бесконечно долгой истории, которая казалось забытой и едва ли не стертой из памяти народа.

Роман «Плаха»[39] свидетельствовал о кризисном сознании, продолжавшем углубляться. Айтматов пришел к убеждению, в соответствии с которым мы как человечество приближаемся к развилке, где произойдет очищение («покаяние») или окончательное крушение. Перспектива, с которой ведется рассказ, в высшей степени, критична. Проблемы ставятся в соответствии с принципами перестройки: речь идет о наркомании среди молодежи, об экологическом хищничестве и уничтожении природы (семья волков, антилопы-сайгаки), духовной пустоте и эрозии сознания. Все это слишком долго вытеснялось, подавлялось или отрицалось.

«До каких пор мы будем уверять, что даже катастрофы у нас самые лучшие?» – озабоченно спрашивает Айтматов. В самых резких тонах изображено распятие в степи бывшего (православного) семинариста Авдия Каллистратова спившимися, утратившими совесть аппаратчиками. XX век, особенно в России, породил больше мучеников, чем время, ему предшествовавшее. «Плаха» – это, конечно же, и Голгофа, но именно Голгофа современности. Во время различных чтений на этом месте звучали вполне понятные выражения ужаса. Иисус страдает, не находя покоя, в Гефсиманском саду – и кто решился бы до Айтматова такое выдумать, это ужасное виде́ние мира, полностью разрушенного атомной войной! Рискованное изображение Христа (Достоевский и Булгаков еще в начале 50-х гг. считались «богохульниками») вызвал в Советском Союзе самые разные реакции[40], взволновал общественное мнение – как там, так и у нас. Если я не ошибаюсь, имеет место попытка понять Иисуса как ведущую фигуру человечества, которой время – православная идея? – ничего больше не может сделать. «Что было сегодня ново, то наутро старо, что было лучше, завтра меркнет перед еще более прекрасным, так почему же сказанное Иисусом не устаревает и не теряет свою силу?»[41]

Роман содержит сцены, которые не суждено забыть прочитавшим его, например, выступление болгарского православного хора с его музыкой сфер и ангелов в московском Музее им. Пушкина или магический образ Христа «в глубине затемненного помещения алтаря»; это были впечатления, действовавшие далеко за пределами круга тех, кто интересовался литературой. Тайная смысловая сердцевина книги обнаруживается, на мой взгляд, на странице 182: «Любое преступление людское в любой точке земли касается нас всех, даже если мы находимся далеко, и не подозреваем об этом, и не хотим ничего об этом знать». Несомненно, здесь на заднем плане Достоевский и Толстой, Луначарский и Горький, а также, если я правильно понимаю, чешские марксисты – сторонники позиций журнала «Диалог». Habent sua fata libelli (книги имеют свою судьбу (*лат.*) – *Прим. перев.*), говорили латиняне. Здесь, вероятно, можно было бы привести сотню доказательств «нового мышления» (Горбачев)[42]. Вряд ли кто-нибудь еще – кроме Амальрика![43] – знал, куда течение истории приведет СССР. Но за последние два-три десятилетия советская литература обрела очень широкие берега и, конечно же, вместе с ними, бездны и водовороты. При этом, вдали были уже слышны мощно рокотавшие пороги…

Вследствие преступной, истребительной войны мы, «восточные немцы», оказались в одной лодке, разделив судьбу и ответственность, с народами Советского Союза и Восточной Европы, из которой мы, по меньшей мере, как христиане, не хотели бежать. Мы были тем или иным образом прикосновенны к их трудностям и проблемам, но в то же время и к их радостям, их счастью, большей частью скромному, порою испытывали, общаясь с этими людьми, трогательную приветливость и доброту, которых и не ожидали[44]. Источники не были полностью перекрыты, только они били тише. Часто подо льдом.

Никогда не было полностью забыто и изначальное обетование социализма, в соответствии с которым он хотел добиться большей свободы для «униженных и оскорбленных». В соответствии с ним критически измерялись и проверялись явления самого непосредственного настоящего, и никто не мог лишить нас этого канона. Слыша слово «советский», мы не представляли себе, подобно завзятым антикоммунистам, красную советскую звезду высотой в 2 метра (как на Спасской башне). Мы

По русским меркам, скорее, невзрачный памятник напротив Петропавловской крепости в Петербурге – это памятный камень «Узникам Гулага», установленный по инициативе правозащитной организации «Мемориал»

не позволяли запугать себя ею, где бы она не появлялась, например, на формах солдат, расквартированных в нашей стране, но мы хотели тем или иным способом сблизиться с людьми этой огромной страны, перенесшими столь бесконечно много страданий.

Пусть кому-то эти мысли покажутся странными, для меня это не так. Сопереживание русским в Центральной Европе ограничено отдельными лицами или небольшими сознательными группами. С превращением в общегерманскую общность нам стало относительно трудно понимать этот мир, столь чужой. Но при всех переломах и затруднениях, переживаемых в данное время, есть еще и нечто совсем другое: «предвестие свободы», как это называл Борис Пастернак[45], тоска по самоопределению и государственности, которая больше не является тиранией. Мы вполне могли бы способствовать формированию такой государственности, совершив акт искупления.

Незабываемым крещендо заканчивается и роман «Доктор Живаго»:

> Состарившимся друзьям у окна казалось, что эта свобода души пришла, что именно в этот вечер будущее расположилось ощутимо внизу на улицах, что сами они вступили в это будущее и отныне в нем находятся. […] И книжка в их руках как бы знала все это и давала их чувствам поддержку и подтверждение[46].

В своего рода послесловии я хочу рассказать о том, какие последствия имела наша активность в пользу России после конца Советского Союза (1991), схожего с инфарктом. Через небольшое общественное объединение в Западном Берлине до нас в евангелических общинах Востока дошел призыв о помощи от петербургского филиала правозащитной организации «Мемориал». «Сделать все для забытых узников Гулага!» – таков был его лейтмотив.

Так как моя жена хорошо говорит по-русски, – некоторое время до замужества она была учительницей – мы взялись за проект, имевший целью связать в долгосрочной перспективе россиян и немцев. Мы установили прочное партнерство со стороны как общины, так и бесчисленного количества отдельных лиц. Если поначалу на первом месте, в большей степени, была конкретная помощь (грузовики с товарами, предназначенными для помощи, шли в Петербург через Гамбург), то со временем сформировалась настоящая сетевая структура, в том числе обмена письмами, который позволил выявить волновавшие нас биографии. Петербургский «Мемориал» передал адреса жертв, а в ряде случаев уже их потомков, на долю которых тоже выпала тяжелая судьба. Особенно плохую роль сыграл в происходившем крах системы медицинского обслуживания. В 1992 г. в распоряжении населения, в целом, было лишь 30 % необходимых медикаментов, и только десятая часть всех пациентов-сердечников могла вообще получать медикаментозное лечение. Экономический кризис, которому способствовала и совершенно необдуманная приватизация[47], тяжело ударила по состарившимся заключенным Гулага, так как у них не было никаких сбережений. Из царства испытанного ими ужаса они вернулись «только в одежде, которая на них была». Правом на пенсию они (на первых порах) не обладали, ибо не «работали должным образом». В большинстве случаев здоровье было подорвано. «Мемориал» пытался (в рамках своего выступления за права человека) создать на основе пожертвований социальную сетевую структуру, в том числе с помощью (немецких) практикантов – участников акции «Знак искупления». Эта сеть, насколько возможно, принимала на себя тех беднейших из бедных, о которых как раз и шла речь. Так как КГБ уничтожил большую часть документов «времен репрессий», – протоколы допросов, судебные приговоры и т. д. – или классифицировал их как секретные или закрытые, то пришлось создавать архив, который должен был представить собой своего рода коллективную память на все времена.

Тем временем «Мемориал» как старейшая российская неправительственная организация (он был основан в 1988 г.) участвует в более чем 150 российских городах в различных проектах – экологических, историко-просветительских (история преследований) и направленных на сохранение мира[48]. Сергей Ковалев и другие члены правления общества, в особенной степени, проявили себя, осуждая чеченскую войну, свидетельствующую об угрожающей наклонности кремлевских властителей снова избавиться от какой бы то ни было морали. С обеих сторон совершалось беспрецедентное преступление, не вызвавшее действенной реакции из-за рубежа. В такой активности своих членов[49] «Мемориал» не получил впоследствии никакой поддержки со стороны государства. В разговорах с нами нередко выражалась озабоченность тем, что может возникнуть новая разновидность фашизма, который поначалу способен (еще) проявиться как форма одичавшего шовинизма. Vestigia terrent! (Следы устрашают! (*лат.*) – *прим. перев.*).

В 1996 г. мы, семнадцать сотрудников церковных организаций в Бранденбурге, смогли встретиться на месте – в Санкт-Петербурге – с ответственными лицами и были под сильнейшем впечатлением от их скромности, как и от целеустремленности в работе. Вслед за тем мы отправились в более чем тридцатичасовую поездку на Соловецкие острова в Белом море, где когда-то было положено ужасное начало «архипелагу Гулаг». Мучения, которым подвергались тысячи заключенных, и их «ликвидация» не поддаются никакому описанию. Бывший советский генерал подводит следующий итог: «Всего же с 1929 по 1953 год жертвами сталинских репрессии ста-

ли 19,5 – 22 миллиона советских граждан (исключая годы войны). Из них не менее трети были приговорены к смертной казни или погибли в лагерях и ссылке»[50].

Мы долго стояли молча на всемирно-исторической Голгофе – не было у нас ни слов, ни слез… Да и могло ли быть по-другому? Мне приходит на ум молитва Солженицына, гласившая:

Когда расступается в недоумении или сникает ум мой,
когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра,
Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты[51].

Эти слова, прозвучавшие более четверти века назад, характеризуют примечательную своей реалистичностью концепцию, которая неподвластна подъемам и спадам политики, истории, а также собственной жизни. Мы пытаемся во всякой неуверенности и подавленности хотя бы немного следовать этим словам.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Берггольц О.Ф. (1910–1975) – русская советская поэтесса, пережившая блокаду Ленинграда и увековечившая свои впечатления в *«Ленинградском дневнике»* и *«Ленинградской поэме»* (обе написаны в 1942 г.).

[2] Расположенное на Выборгской стороне города место последнего упокоения 650 тысяч ленинградцев, погибших во время войны или умерших от голода. Памятник работы архитекторов А.В. Васильева и Е.А. Левинсона, а также скульпторов В.В. Исаева и Р.К. Таурита был открыт 9 мая 1960 г.

[3] Цит. по *Ralf Schröder* (Hrsg.). Vom Ich-Gewinn zum Welt-Gewinn. Aktuelle Diskussion der Sowjetliteratur. – Leipzig: Reclam 1977. S. 426. В дальнейшем (кроме «Доктора Живаго») принципиально цитируются только издания из ГДР, так как другие едва имелись в продаже, а при обысках оценивались в качестве идеологической контрабанды, что влекло за собой наказание. (С 1972 по 1979 гг. я находился под «оперативным личным контролем» МГБ. Требовалась крайняя осторожность).

[4] *Jurij Trifonow.* Moskauer Novellen. Mit Selbstzeugnissen. Aus dem Russischen von Eckhard Thiele u.a. – Leipzig: Reclam 1976. S. 359.

[5] Особенно важными выбраны для нас линии традиций, представленные именами Маяковского, Горького, Островского (его роман «Как закалялась сталь»), Симонова, Фадеева и др.

[6] *Ilja Ehrenburg:* Tauwetter. Aus dem Russischen von Wera Rathfelder. B.: Verlag Kultur und Fortschritt 1957. S. 98, 100–104. Автобиография Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (Menschen, Jahre, Leben, 1978) вышла небольшом тиражом в издательстве «Фольк унд Вельт» и достать ее можно было фактически только в библиотеках.

[7] Темами докладов были «Христианские структурные элементы в творчестве Михаила Булгакова», «Религиозные мотивы в новой советской литературе», «Вопрос о Боге в советской литературе». Между тем наша главная программа содержала теологическое образование взрослых и анализ современности.

[8] Цит. по: *Michail Bulgakow.* Der Meister und Margarita. Aus dem Russischen von Thomas Reschke. 1. Aufl. – B.: Kultur und Fortschritt 1968. S. 425.

[9] Цит. по: *Michail Bulgakow.* Theaterroman. Aufzeichnungen eines Toten. Aus dem Russischen von Thomas Reschke. – B.: Volk und Welt 1969. S. 194.

[10] *Michail Bulgakow*. Die weiße Garde. Aus dem Russischen von Larissa Robiné. 1. Aufl. – B., 1969. Ср. также (обязательно!) *Wikenti Weressajew:* In der Sackgasse. Aus dem Russischen von Maria Einstein. – B.: Volk und Welt 1983. (*Викентий Вересаев*. В тупике). Его книга читается, на мой взгляд, как уничтожающая критика большевистской революции.

[11] *Wladimir Lakschin.* Die Lehren Bulgakows**.** – Vom Ich-Gewinn zum Welt-Gewinn. S. 426f.

[12] *Jewgenij Schwarz.* Stücke. – B.: Henschelverlag 1970. S. 273ff. Первая пьеса в сборнике называется «Голый король» – мир сказок был устойчив к идеологии.

[13] *Trifonow.* Moskauer Novellen. Afterliteratur hat viele Gesichter. S. 336.

[14] О переоценке свидетельствует уже тематика: *Wolf Dneprov.* Dostojewski als Schriftsteller des 20. Jahrhunderts. – Vom Ich-Gewinn zum Welt-Gewinn. S. 310.

[15] Его произведения, однако, доставлялись в ГДР очень рискованным способом – так обстояло дело, например, с «Архипелагом Гулаг», который в ГДР никогда не издавался.

[16] В качестве примера можно назвать тринадцатитомное собрание сочинений Михаила Булгакова, которое с 1967 по 1996 гг. в издательстве «Фольк унд Вельт» выпустил Ральф Шрёдер.

[17] *Ales Adamowitsch/Daniil Granin:* Das Blockadebuch. Aus dem Russ. von Ruprecht Willnow. – B.: Volk und Welt 1984.

[18] Ср. программный том эссе Бориса Панкина (Boris Pankin) Strenge Literatur. 1. Aufl. B.: Volk und Welt 1982; C. 350 («строгая» в данном случае употребляется в значении моральной строгости); см. об этом также *Fritz Mierau.* Zwölf Arten, die Welt zu beschreiben. Essays zur russischen Literatur. – Leipzig: Reclam 1988 и *Horst Fliege.* Bekenntnis und Erfahrung. Werkstattgespräche mit 25 sowjetischen Schriftstellern. – Halle und Leipzig: Mitteldeutscher Verlag 1984.

[19] Скорее, популярный журнал – «Передвижной книжный киоск» (предварительные публикации послесловий, но достаточно информативны). Отлично помогал пониманию произведений журнал «Кунст унд Литератур» (выходил с 1952 г.); поначалу относительно ортодоксальный, он в значительной степени раскрыл основу произведений – как литературную, так и политическую. См., например, дискуссию о Чингизе Айтматове: Die Richtstatt, Jahrgang 1988, Heft 1. S. 22–41.

[20] Я думаю, к примеру, о вышедших в Воениздате мемуарах советских полководцев – все они были невыносимо «улучшены».

[21] *Распутин В.Г.* Век живи – век люби. – М.: Молодая гвардия, 1982. С. 244–245. Ср. также том под названием Leb und vergiß nicht. Novellen und Erzählungen. Aus dem Russ. von Erich Ahrendt u.a. – B.: Volk und Welt 1977, Abschied von Matjora. Aus dem Russ. von Elena Panzig. – B.: Volk und Welt 1979.

[22] Особенно следует порекомендовать подготовленное Ральфом Шрёдером четырехтомное издание сочинений, воспроизводящее все изгибы и изменения недавней русской истории: Ausgewählte Werke. Vier Bände. Bd. 1: Ungeduld, Bd. 2: Widerschein des Feuers, Autobiographisches, Moskauer Novellen, Bd. 3: Das andere Leben, Das Haus an der Uferstraße, Der Alte. Bd. 4: Zeit und Ort, Das umgestürzte Haus. – B.: Volk und Welt 1983. *Trifonow.* Moskauer Novellen. S. 349.

[23] *Trifonow:* Moskauer Novellen (сн. 4). S. 349.

[24] Цит. по тексту выступления Чингиза Айтматова в «Нойес Дойчланд» (центральном органе ЦК СЕПГ) от 7 августа 1971 г.. С. 12.

[25] Название русского перевода «Прощай, Гульсары», переведенного на немецкий язык под названием Wirf die Fesseln ab, Gulsary («Сбрось путы, Гульсары» (Дюссельдорф и Кёльн, 1967), звучит агрессивнее и более однозначно. Следовало ли, издавая книгу в ГДР, посчитаться с умонастроениями ее граждан? В литературе, как и в других сферах, приходилось заключать бесчисленные компромиссы. Первое издание в ГДР вышло в 1968 г. в издательстве «Культур унд Фортшритт».

[26] Замечание в известном смысле предвосхищает события, см. сн. 44. Цикл романов Абрамова «Братья и сестры» вышел с 1976 по 1980 гг. в издательстве «Фольк унд Вельт».

[27] Гавриил Николаевич Троепольский (1905–1995) – автор повести «Белый Бим Черное ухо». Подтверждение цитаты я взял из восточноберлинской ежедневной газеты УНИОН (UNION) от 28 марта 1979 г.

[28] *Tschingis Aitmatow/Kaltai Muhamedshanow:* Der Aufstieg auf den Fudschijama. Aus dem Russischen von Thomas Reschke. – Sowjetische Zeitstücke. – B.: Volk und Welt 1975. S. 450–521. На фронтисписе немецкого издания показано причитание над покойником: «Что с отцом?» Родители одного из персонажей драмы, убежденные коммунисты, были убиты.

[29] При экранизации «Идиота» зрителю-знатоку бросалось в глаза, что создатели толковали своего героя как символ Христа.

[30] Серия международной лирики, если говорить о советских авторах, простиралась от Ахмадулиной до Цветаевой и включала, при этом, Пастернака, Вознесенского, Окуджаву и Евтушенко – «богов молодежи».

[31] Почти сенсационно это произошло, например, в повести Федора Абрамова. Pelegaja. – Verwandlungen. Neue russische Novellen. 2. Aufl. – B.: Volk und Welt 1977. S. 5ff.

[32] *Anatoli Kim:* Das falsche Dasein. – Kopfbahnhof. Almanach 2. Sowjetische Kultur im Umbruch. – Leipzig Reclam 1990. S. 71.

[33] Эти слова были размножены в виде листовки, без указания источника, но сходные мысли многообразно подтверждаются.

[34] Повесть Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» (Scheckiger Hund, der am Meer entlangläuft, aus dem Russischen von Charlotte Kossuth), вышедшая в издательстве «Ауфбау», Берлин и Веймар, 1980 г., рассматривает киргизскую легенду с точки зрения ее современной ценности.

[35] *Айтматов Ч.Т.* И дольше века длится день… (Буранный полустанок). – М.: Молодая гвардия, 1981. С. 237.

[36] Диалектика веры и неверия, видимая уже у Достоевского, породила новый интерес к нематериалистическим концепциям или воззрениям. Сталину приписывается изречение: «Мы свалили деревья, но подрос подлесок».

[37] *Айтматов Ч.Т.* И дольше века длится день…. С. 106. «Этот роман – крик, отчаянный призыв к каждому, задуматься», – писал Ю. Зуркур в «Правде».

[38] Переведен Ральфом Шрёдером, редактором по русской и советской литературе в издательстве «Фольк унд Вельт», знавшим советскую ситуацию на собственном опыте. Он открыл многочисленные работы для читателей ГДР. Ср. *Fritz Mierau.* Mein russisches Jahrhundert. Autobiographie. – Hamburg 2002. S. 228–240.

[39] *Айтматов Ч.Т.* Плаха. – М.: Известия, 1990.

[40] Ср. дискуссию в «Кунст унд Литератур», 1988, № 1. С. 21–41.

[41] *Айтматов Ч.Т.* Плаха. С. 158.

[42] Для всех рассматриваемых здесь работ я создал собственный список заголовков. Здесь не обошлось без проблем, так как одни рукописи, попадая в руки тех или иных редакторов, могли применяться в обмен на другие.

[43] *Andrej Amalrik:* Kann die Sowjetunion das Jahr 1984 erleben? Ein Essay. – Zürich 1970; русский текст: *Андрей Амальрик.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? – Амстердам, 1969. С исторической точки, зрения автор ошибался лишь незначительно. В 1985 г. к власти пришел Горбачев, а в 1991 г. перестал существовать Советский Союз. (Я мог оставить брошюру у себя всего на несколько часов!)

[44] Я смог предпринять пять больших поездок по Советскому Союзу – частично частных, отчасти служебных в качестве члена Загорской делегации во время переговоров Русской православной церкви с «Союзом евангелических церквей в ГДР».

[45] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 511.

[46] Там же.

[47] Официальный лозунг Егора Гайдара и др.: «Переход к рыночной экономике за 500 дней» (В действительности об этом говорил Г.А. Явлинский, программа которого «500 дней» была предложена 30 августа 1990 г. – *Прим. перев.*)

[48] В апреле 2002 г. правозащитной организации «Мемориал» была присуждена в Кёльне «Премия им. Льва Копелева защитникам мира и прав человека». С торжественной речью выступил тогдашний Федеральный президент Иоханнес Рау.

[49] *Martin Uhle-Wettler.* Erkundungen im Hohen Norden Rußlands. Ein Reisetagebuch. – Das Plateau, 1997 Nr. 39. S. 4–21.

[50] *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. II. – М.: Изд-во Агентства Печати Новости, 1989. С. 70.

[51] Опубликована под знаками сокращения A. S. в 1972 г. как конечный пункт Евангельских молитвенных медитаций (ЕММ).

Галина Ульянова

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ:
историческая память как зеркало этнического идентитета

Проблема и методы исследования

Как известно, судьбы российских немцев в XX веке складывались трагически. В 1930-х гг. множество людей было подвержено преследованиям по разным причинам (например, принадлежность до 1917 г. к дворянству или другим социально привилегированным слоям, владение «значительной», на взгляд коммунистов, частной собственностью, религиозность и др.). Во время Второй мировой войны по указу 28 августа 1941 г., депортации подверглись более 1,5 млн. человек. И потому в судьбе каждой немецкой семьи и общины в целом очень сильна постоянная коммуникация с прошлым. Историческая память – один из важнейших элементов этнической самоидентификации; в зеркале исторической памяти отразились радость и горе, успехи и катастрофы. Одновременно, «память является важнейшим средством познания и социализации личности»[1].

Проблема динамики самоидентификации немцев на протяжении советского и постсоветского периода в нашем исследовании изучается в контексте бытования национальной социокультурной традиции в период 1920-х – 1990-х гг. с использованием историко-социологических методов (а именно, интервью с представителями немецких династий в качестве основного источника)[2]. При этом, национальная социокультурная традиция рассматривается как историко-культурный феномен[3] и один из определяющих факторов сохранения российских немцев как целостного этноса. Биографическая реконструкция отдельных судеб позволила выявить некоторые характеристики макросоциальной общности, какой являются «российские немцы»[4].

Полученная информация дала возможность восстановить структуру исторической памяти представителей немецкого населения России (и бывшего СССР), а также ряд деталей повседневной жизни, которые не могли быть артикулированы ранее, по причине страха, который был, на наш взгляд преодолен только в процессе десятилетней эпохи перестройки (1985–1995). В результате, с середины 1990-х гг. наряду с массовой эмиграцией немцев из России в ФРГ, наблюдается и другая тенденция – стремление отстоять свою самобытность, свою культуру.

Надо отметить, что сама структура анкеты, по которой производился опрос российских немцев[5], сформировалась в ходе встреч с собеседниками, и в результате были определены точки интереса, своеобразные «точки притяжения памяти» наших респондентов. Этими точками стали:

Поиск своих исторических корней: реконструкция генеалогии и истории семей.

Репрессии и преследования. Воспоминания о многочисленных переездах с места на место – вынужденных и самостоятельных – как попытке ухода от репрессий. 1930-е –1970-е гг.

Трудармия и спецпоселения. Жизнь российских немцев в военный и послевоенный периоды. 1941–1955 гг.

Повседневная жизнь: осмысление бинарной оппозиции «мы-они» в семейной, профессиональной, аутокультурной среде; изменения во времени параметров – этнических стереотипов, этноцентризма, отношений к межгрупповым границам, уровня конфликтогенности.

Бытовые детали этнического самоопределения: черты «немецкого характера», язык, еда, национальная одежда, праздники и т. д.

В соответствии с выявленной структурой и иерархией исторической памяти стало возможным описание исследуемого явления в виде отдельных блоков.

Исходя из материала, полученного в результате опросов чётко определились и хронологические границы описываемого периода – с 1920-х гг. до нашего времени.

Естественно, что наибольший интерес для нас представляли респонденты пожилого возраста – 60 лет и старше (то есть, родившиеся, главным образом, между I и II мировыми войнами), однако, для контраста и проверки некоторых рабочих гипотез (связанных, главным образом, с датировкой сдвигов в этнической самоидентификации) нами были привлечены и лица более молодого возраста (43, 42 и 34 года).

Следует отметить, что родоначальники династий, к которым принадлежат большинство наших респондентов, поселились в России, как правило в XVIII – начале XIX вв., то есть к настоящему времени мы имеем дело с представителями седьмого-восьмого поколений российских немцев.

Поиск своих исторических корней: реконструкция генеалогии и истории семей

Беседы с респондентами выявили любопытную черту самоидентификации российских немцев, а именно, повышенный (по сравнению с другими этническими и социальными группами) интерес к генеалогии. Только менее трети интервьюируемых (30 %) затруднились ответить на вопрос о времени появления предков в России. (Вот типичный ответ: «Кроме дедушек и бабушек, не знаю никого из предков» (Альвина Г., 82 года). Удалось установить, что наиболее достоверной информацией располагают потомки колонистов, прибывших в Россию в 1764–1770 гг. в рамках колонизационных мероприятий, проводимых императрицей Екатериной Великой[6].

При этом, обнаружилось, что (в отличие от ситуации до 1917 г.) в советский период и вплоть до конца 1980-х годов информация очень редко передавалась из поколения в поколение. Практически все респонденты фиксируют внимание на указанном разрыве в эстафете исторической памяти. «Отец мало рассказывал. Все немцы мало распространялись о своём прошлом» (Татьяна Р., 42 года). «У нас была фотография семьи – она исчезла, наверно, мама спрятала ее или сожгла. Мой дядя исчез в 1920-х годах. Мама никогда не называла ни имён, ни фамилий. Две фотографии своих братьев мама сожгла, когда боялась обысков» (Эльза С., 69 лет).

Этот вынужденный разрыв стал специфическим адаптационным механизмом для выживания отдельных людей и народа в целом в период экспансии тоталитаризма.

О массовом уничтожении документов и семейных реликвий в 1920-х –1930-х годах свидетельствовали многие из наших собеседников. «Отца не принимали в институт, потому что он был из дворянской семьи – немец, и знаю, что дед был уездным предводителем дворянства в Пензенской губернии. В семье была печатка с

дворянским гербом, в 1922 г. выбросили печатку, боялись. А дед имел два европейских диплома о высшем образовании, учился во Франции агрономии. Когда его выслали в 1942 г., то он в своём имении пас коров. Вещи, семейные реликвии – ничего не осталось. Изымали при обысках, да и мы сами выбрасывали подчистую, ведь в семье было столько арестов и репрессий» (Марина Г., 58 лет). «Аттестат моего отца об окончании им в 1907 г. немецкого вуза (Королевской прусской лесной академии в Эберсвальде – *Г.У.*) сожгла тётя в 1938 г., когда папу арестовали. Был целый альбом фотографий – в войну всё пропало» (Ирина К., 76 лет).

В редких случаях документы всё-таки чудом сохранялись: «Бабушка ничего не хотела рассказывать о судьбе семьи. Всё отметала. И только старшему брату отца мы обязаны тем, что сохранились документы. Дядя был в этом смысле настоящий немец – педантичный, аккуратный» (Татьяна Л., 65 лет).

Кроме самоличного уничтожения семейных реликвий, совершенно была потеряна связь с прошлым у тех, кого выселяли с насиженных мест в течение нескольких часов. «Когда раскулачивали в 1929 г., осталось только то, что было на нас надето. Поехали к отцу в Саратов, куда он, спасаясь, уехал раньше. Заночевали по пути в одной деревне, там активисты (как правило, комсомольцы или другие коммунистически настроенные лица, проводившие раскулачивание – *Г.У.*) нас нагнали и всё немногое, что мы взяли с собой, отобрали» (Константин К., 80 лет).

Та же картина была в других семьях. «При высылке в 1941 г. из-под Одессы, где мы жили, в Сибирь, а потом дальше, в Казахстан, нам дали 3 часа на сборы. Фактически увели нас из дома в чём мы были. У нас не осталось семейных предметов, кроме отцовского бритвенного прибора» (Владимир М., 53 года). «Отца – он работал лесничим в Овруче на Волыни – арестовали, когда он пришёл домой обедать. В 1937 г. его расстреляли как “агента польской разведки”, Мы в течение 48 часов убежали через Киев в Калужскую область. Почти без вещей. Жили затаившись. Меня удочерила русская семья. Когда я повзрослела, то, чтобы взяли на работу, меня записали в паспорте русской, а сестру-близнеца – украинкой. Только брат наш записан в паспорте немцем» (Светлана Г., 70 лет). «Когда вышел закон о депортации, надо было собраться в 24 часа. Скот весь пришлось оставить. Забрали только одну свинью и ту всю дорогу из Запорожья в Семипалатинск прятали от охранников. Вещи конфисковали. Всех поместили в грузовой вагон и отвезли в Казахстан» (Элеонора Я., 63 года).

Ещё безнадёжнее была ситуация у выселенных и попавших в места строгого заключения. «От родителей не осталось никаких фотографий. Из детства только одна моя фотография из детдома. Я помню колючую проволоку в лагере, потом установила, переписываясь с архивами, что мне тогда был 1 год и 1 месяц, когда меня с матерью забрали в лагерь» (Татьяна Ш., 58 лет).

Еще одной причиной утраты семейных вещей был очень низкий уровень жизни в советской России – фактически до 1970-х годов весьма скудное, бедное существование. «Осталось мало вещей – мы ездили по голодной России, и мама обменивала вещи – помню вышитые “ришелье” полотенца – на еду. Осталась швейная машинка “Зингер”, фотографии и лютеранская Библия» (Эмилия К., 69 лет).

В очень редких случаях и чаще всего благодаря житейской приспособленности представителей старших поколений какие-то вещи всё же удавалось сохранить. Хранителями вещей, как правило, в воспоминаниях респондентов, выступали бабушки, понимавшие, что времена могут настать ещё тяжелее и надо припасти что-то

на чёрный день, чтобы не умереть с голоду. «Бабушке было в войну 94 года. Она была главная. Мы её звали не по имени, а Grossmutter. Она по-русски не говорила, до войны жила в Саратове. Бабушка была красивая, высокого роста. Она была статная. Носила старинную юбку – шерстяной муар, широкую, и кофточку в обтяжку со стоячим воротником и манжетами с рюшками Так она одевалась по воскресеньям. В 1933 году, когда был голод, мы с родителями уехали из Саратова жить на Кавказ в Хасавюрт и в Кисловодск. На Кавказе папа работал снабженцем, директором спортивного магазина, а мама шила и вязала. Мы, дети, мотали нитки. У бабушки был целый сундук с бобинами ниток. Она была богатая бабушка. Среди этих ниток были замотаны золотые и другие ценные вещи. Мы сдавали их в Торгсин, чтобы пропитаться. Один раз пришли с обыском. Бабушку раздели – искали у неё в волосах и на теле золото. Ничего не нашли» (Лидия Ц., 72 г.).

«Я видела уже в 60-х гг. у бабушки кованные сундуки, с которыми бабушкина семья ездила в Сибирь в ссылку. У бабушки были в сундуках особенные нарядные блузки и старинные сарафаны, которые мы с сестрой любили разглядывать» (Татьяна Р., 42 года). По свидетельству этнологов, у каждой взрослой немецкой женщины в доме был свой сундук, причём, «многие из которых при открывании и закрывании издавали музыкальные звуки»[7].

Республика немцев Поволжья, где компактно проживало более 20 % немецкого населения СССР, созданная в 1918 г., была ликвидирована в конце августа 1941 г.[8], а ее жители депортированы и распылены в районах Сибири, Казахстана и Средней Азии. После 1956 г., несмотря на запрет поселиться в местах довоенного проживания, прежние жители Республики немцев Поволжья, выселенные с родных мест, предпринимали горькие попытки, если не вернуться, то хотя бы навестить места, где жили в течение более полутора веков их предки. «До революции у отца была мельница в селе Брабандер на берегу Волги, в 40 км от Саратова. Мельница перешла к нему от бездетного мельника, у которого он был работником. Другая мельница была у деда. Мы с братом посетили эти места в 1964 г. и сфотографировали мельницы и наш дом. В другой раз ездили в Поволжье, на нашу Родину в 1997 г. Уже ничего не было из старых построек» (Константин К., 80 лет). «Мои дедушка и бабушка жили в Саратовской области, в селе Шталь Энгельсского кантона. Я ездил на Родину в 1997 году, но ничего не нашёл. После войны село было затоплено волжской плотиной» (Александр Л., 65 лет). «Бабушка, которая умерла в 1983 г., после Сибири вернулась в Саратов. Рассказывала нам, как они ходили на место села Ротгаммель, которое сначала переименовали в Памятное, а потом разрушили – бабушка ходила по холмикам, по разрушенным местам и плакала, хотя была очень волевая» (Татьяна Р., 42 года).

Так, на протяжении 40 лет после окончания войны скрываемая внутри горечь составляла одну из основополагающих черт национального самосознания советских немцев. Синдром незаслуженно понесенного наказания, негативная маркировка по национальному признаку, порождали чувство социального изгойства и ощущение запретности обращения к немецким аутокультурным ценностям.

Только с середины 1980-х гг. начали создаваться национальные клубы и общества в ранге общественных некоммерческих организаций, где «люди говорят по-немецки, вспоминают, как было при дедушках и бабушках». Люди постепенно осознавали, что прошлое немецкого этноса в России для них «было интересно с детства, но только в конце 1980-х годов появилась возможность что-то узнать, хотя ребенком

я знал предков до дедушки» (Гуго В., 56 лет). В 1990-х годах национально-культурное движение продолжало набирать силу. «Я жил в Орле, и в 1994 г. мы собрали немецкое культурное общество, которое посещали 100 человек. Собирались мы 2–3 раза в неделю, читали Библию и стихи по-немецки, пели немецкие и русские песни. Создали католическо-лютеранский молельный дом. Сейчас силами общины в Орле строится кирха» (Александр Л., 65 лет).

До указанного хронологического рубежа (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) интерес к родословию и истории семей носил фрагментарный характер. Только 4 из 27 респондентов делали попытки собрать сведения о своих династиях ранее, ещё в советский период истории. «Интересоваться своими предками начал после войны, когда появилась возможность искать высланных “в отдалённые районы Сибири и Средней Азии” родственников. Случайно среди переселенцев я встретил родственников. Из-за того, что после 1941 г. всех немцев срывали с мест и переселяли, после войны вся переписка в нашей семье шла через старшего брата Виктора, который жил в Томске. Он и начал собирать родословную. Мои предки приехали из баварского села Нидерцель (Niederzell) в 1764 г. Об этом я узнал от дяди Георга, который уехал в 1921 г. во время голода в Германию. Георг разыскал нас в 1975 г., приехав как турист в СССР и дав объявление через барнаульскую немецкую газету. В 1976 г. он был у нас в Москве в гостях, а потом прислал фотографию села Нидерцель, из которого наши предки выехали в Россию» (Константин К., 80 лет).

Так же, как и Константин К., от родственников, проживающих в Германии, узнала о своих корнях Элеонора Я.: «Мои предки-протестанты прибыли в Россию при Екатерине II. Генеалогию составлял мой дядя, брат отца, уехавший в 1956 г. в Германию. Дядя приезжал в Казахстан в 1970-х гг. в гости к родственникам, депортированным из Запорожья в 1941 г. В перестройку мы стали переписываться с дядей. Я знаю пять поколений предков, включая прадеда Иоганна Янсена (в России фамилия писалась Янцен) и прабабку Лену Янсен, урожденную Дирксен. Оба они родились в 1850-х годах» (Элеонора Я., 63 года). Кстати, как нам удалось установить по другим источникам, предки Элеоноры Я. были весьма известными промышленниками на Юге России. Прапрадеду Ивану Ивановичу Янцену (так в российских документах обозначен Иоганн – *Г.У.*) принадлежала крупная паровая мельница в Бердянском уезде, его родственникам – заводы по производству сельскохозяйственных машин (жаток, сеялок, плугов). Янцен Яков Вильгельмович владел заводом в Никополе Таврической губернии (основан в 1893 г., число рабочих – 110), а купец Янцен Яков Мартинович владел заводом в Екатеринославской губернии (основан в 1868 г., число рабочих – 91)[9].

Николай К., родившийся в 1923 г., выяснял свою родословную через родственников-меннонитов, эмигрировавших в Канаду. Дочь его в своих комментариях к ответам отца на нашу анкету написала, что «на протяжении многих лет папа в письмах расспрашивал всех “канадских” родственников о наших предках». В результате удалось узнать, что предки по линии деда (Classen) были из северо-западных немцев, живших на границе с Голландией, а предки по линии бабушки (Unger) происходили из Западной Пруссии». Жажда узнать что-либо о своих корнях (и, следовательно, осознанный немецкий этнический идентитет) была столь сильной, что еще при Советской власти Николай К. «с 1980 г. *официально* обращался во многие архивы и организации, такие как “Международный Красный Крест”, “Свободный университет меннонитов” в Ванкувере (Канада) и другие», чтобы по крупицам реконструировать свою родословную.

Восстановление генеалогии в контексте «поиска корней» стало весьма важным пунктом этнической самоидентификации российских немцев. Как следует из интервью, на рубеже 1980–1990-х гг. в среде российских немцев наблюдается массовый всплеск интереса к своей генеалогии. Примерно 80 % респондентов ответили, что составили свои родословные древа (а некоторые даже смогли использовать генеалогические справочники, изданные в ФРГ).

Как это происходило?

Один из респондентов, выйдя на пенсию, стал с увлечением искать материалы о своих предках, в результате чего несколько лет были посвящены составлению генеалогии семьи. Эта родословная включает около 300 лиц, принадлежащих к десяти поколениям семьи Кнорре, и, охватывая трехсотлетний период истории, доходит до сегодняшнего времени. Изучение династии Кнорре выявило любопытный исторический парадокс. Оказалось, что все российские Кнорре являются потомками николаевского астронома Карла Христофоровича Кнорре[10].

Первым обосновался в России отец Карла Христофоровича – Эрнст Христоф Фридрих Кнорре, внук Матиаса Георга Кнорре (1695–1733), печатника из Хальденслебена. Эрнст Христоф Фридрих родился в 1759 г. близ Магдебурга. Затем он изучал теологию в Галле и по окончании курса служил домашним учителем. Когда ему исполнилось тридцать лет, он был приглашен в Дерпт, чтобы занять место директора и преподавателя женской школы. Так он оказался в пределах Российской Империи[11] и жил в Дерпте – тихом и уютном прибалтийском городке, где проживало много немцев. Когда в 1802 г. в Дерпте открылся университет, то Кнорре назначили экстраординарным профессором математики и наблюдателем при астрономической обсерватории. Здесь он и работал до своей смерти в 1810 г.

Карл, родившийся в 1801 г., унаследовал пристрастие отца к астрономическим наблюдениям. Пост директора Николаевской обсерватории Карл Христофорович (как стали называть его в Николаеве) занимал пятьдесят лет, в 1839 г. стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Одновременно он преподавал астрономию в штурманском училище и руководил гидрографическими работами в Черном и Азовском морях.

В случае Кнорре генеалогию удалось восстановить досконально. Однако чаще всего самостоятельные поиски позволяют респондентам восстановить имена и годы жизни предков до 4–5 колена. Как правило, степень реконструкции родословия, в значительной степени, зависит от того, к каким социальным слоям принадлежали предки респондентов. Если предки были образованными людьми, то вероятность сохранения сведений о них всегда больше, чем о простых людях.

К примеру, генеалогию своей династии Михаилу Либерману, инженеру-строителю, удалось восстановить до 1803 г. Материалы по истории семьи он стал искать, когда пошёл на пенсию. Он провел много часов в крупнейших библиотеках Москвы (Ленинской и Исторической), собирая по крупицам сведения по своих предках. Удалось установить, что в начале XIX в. семья жила в Лефортове (район Москвы, где традиционно селились немцы), и глава семьи Liebermann преподавал философию в немецкой школе при церкви Святого Михаила.

По словам племянницы М. Либермана, нашей респондентки, она начала интересоваться родословной с 1985–1988 гг. Однако ее родственники и вплоть до начала 1990-х гг. «были запуганы до предела, и даже малейшее напоминание о немецком и дворянском происхождении их пугало. Только мой дядя Миша, осуждённый на 25

лет как “немецкий шпион”, отсидевший семь лет в Сибири и реабилитированный при Хрущёве, ничего не боялся. В 1989–1990 гг. на протяжении двух лет дядя Миша приезжал ко мне и диктовал мне свои воспоминания. Я сидела и записывала его рассказы по нескольку часов» (Татьяна Л., 65 лет).

Удивительную историю своей трагической судьбы рассказала одна из наших героинь. Она осталась сиротой в годовалом возрасте и не знала ничего, кроме своего имени и фамилии. Имя своей матери она узнала случайно в 17 лет. Ей много помогали люди, один из милиционеров сказал: «Молчи обо всём, что знаешь». «Я молчала до 1995 г., когда стало возможно говорить об этом» (Татьяна Ш., 58 лет). Путем пятилетних поисков – переписки с архивами, судебными органами ей удалось к сегодняшнему дню установить свою родословную до деда (крещенного в католической церкви г. Николаева), узнать годы жизни отца, расстрелянного в 1938 г. Сейчас наша респондентка восстанавливает своё настоящее отчество после того, как узнала подлинное имя своего отца. В 2000 г. она получила свидетельство о реабилитации, «потому что с 1996 по 1999 гг. я собирала документы, доказывающие мое родство с матерью и отцом». Всё свободное время она посвящает поискам сведений о матери, с которой ее разлучили в 1942 г. Пока что известно только то, что после 10 лет тюремного заключения мать с 1954 г. жила в Перми. Во время нашего последнего разговора Татьяна Ш. сказала, что «собирается во время отпуска ехать в Пермскую область и искать следы своей мамы». В процессе разысканий интерес Татьяны к немецкой культуре становился всё более устойчивым, она стала посещать католический приход в Москве и изучать немецкий язык в Немецком доме. Здесь она встретила людей схожих интересов, а чувство «возвращения к традициям своего народа» в последнее пятилетие постепенно стало доминантой её нынешнего самосознания.

Следует добавить, что благодаря новейшим исследованиям ученых, постепенно публикующих найденные ими в архивах списки поволжских колонистов, в последние годы вероятность установить своих предков возросла у всех потомков немецких переселенцев. В ходе проведения нашего исследования, по редкой фамилии одной из респонденток, нам удалось помочь ей в восстановлении родословной. Оказалось, что ее предком являлся «Ротгаммель Адам, 40 [лет], католик, портной из Эльзаса, Мюльсхайм», прибывший 21 августа 1767 г. в Поволжье с женой Катариной 36 лет и сыном Матиасом 3 лет, и получивший в Саратове от конторы опекунства 25 рублей, 2 лошади и 1 корову. А. Ротгаммель был форштегером (Vorsteher), то есть начальником колонии, и по его фамилии и была названа колония, основанная 21 августа 1767 г., где поселилось 29 первых поселенцев с семьями[12]. По словам респондентки, ее бабушка Мария (от которой респондентка узнала семейные предания) была урождённой Аппельганц. Сопоставление этих данных с документальными источниками показало *высокую достоверность семейных преданий*. Действительно, в списках первых поселенцев колонии Ротгаммель удалось найти Катарину Аппельганц, 45 лет, жену бейзитцера (Beisitzer), то есть заседателя колонии, кузнеца Иоганна Генриха Креса, католика 40 лет. Как и семья Ротгаммель, семья Крес-Аппельганц прибыла в Саратовскую губернию 21 августа 1767 г. из Курпфальца, Дирккгейм. От двух сыновей Катарины от первого брака и пошла российская линия Аппельганц[13].

До того, как были найдены вышеприведенные сведения, в беседе со мной эта респондентка сказала (ещё не зная, что сохранились материалы о семьях Ротгаммель и Аппельганц): «Я очень хочу раскопать свою родословную. Память о бабушке и отце влечет меня к семейным истокам. Мы воспитывались в советском духе, а сей-

час пришло сознание, как дороги семейные и национальные ценности» (Татьяна Р., 42 года).

Стремление к этим ценностям стимулирует *процесс преодоления этнической разобщённости*. Переехав с мест вынужденного компактного проживания в большие города, где существуют более широкие возможности для интеграции в сферу профессионального образования и квалифицированного труда, и где этническая пестрота сглаживает остроту ксенофобии, российские немцы реализуют потребность своего общения друг с другом в национальных общественно-культурных и церковных ассоциациях. И в этом смысле общее «горькое» прошлое стало одним из факторов реанимации немецкого этнического идентитета.

Репрессии и преследования. Воспоминания о многочисленных переездах с места на место – вынужденных и самостоятельных – как попытке ухода от преследований. 1930–1970-е гг.

Первые массовые репрессии, коснувшиеся российских немцев, происходили в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с раскулачиванием и принудительной коллективизацией. Именно тогда в Поволжье с лица земли исчезли целые деревни. При этом, «среди раскулаченных было множество крестьян, которые практически не использовали наёмный труд, но, будучи рачительными хозяевами, добивались успехов в земледелии, за что и были наказаны изгнанием с земли и лишением всего имущества»[14]. Сотни крестьян были осуждены без состава преступления[15].

Постоянные переезды (до следующего обыска или ареста) постепенно сформировали синдром гонимости у большей части немецкого населения. Этот синдром гонимости в сталинское время был в разной степени присущ большинству населения СССР. Можно утверждать, что у немцев этот синдром развился в повышенной степени, поскольку наряду с типовыми пунктами 54 и 58 статей (по которым значительная часть подвергшихся репрессиям осуждалась «за вредительство», «за измену Родине», «за контрреволюционные действия»), активно применялось обвинение в шпионстве. По этой статье привлекались люди с нерусскими фамилиями, которые подвергались наказанию по обвинению как «немецкие», «английские», «польские» шпионы. Сотрудники НКВД «обычно старались подвести человека под шпионаж». При этом, было «неважно какой разведки, лишь бы был шпион, иначе руководство не подписывало протоколы допросов»[16].

«При раскулачивании нас должны были выселить в Сибирь. Отец был знаком с председателем сельсовета – тот дал справку, и отец смог уехать до ареста. С 1926 до 1941 гг. мы жили в 13 местах, потому что было постановление: “Арестовать и выслать с семьёй”. Мы заметали следы, для чего отец в 1935 г. развёлся с матерью. В 1938 г. отца арестовали, и мы его больше никогда не видели» (Константин К., 80 лет).

82-летняя Альвина Г. сообщила: «Мои дедушки и бабушки жили в Поволжье, родители родились там же. Я родилась в селе Боаро. Затем жили в Казахстане (Темиртау), на Кавказе (в Армавире), оттуда были депортированы в Кустанайскую область. Объявив о депортации, в первый раз нас вывезли в поле осенью, еще снега не было, но потом вернули в свои дома. Потом уже зимой, на санях вывезли, загрузили в вагоны и везли 3 месяца в Кустанай, куда мы прибыли в марте. В трудармии я бы-

ла в Нижнем Тагиле ровно три года на лесоповале. В 1966 г. выехали в Киргизию, в 1985 г. переехали на постоянное жительство в Пензенскую область».

«Мой отец был русским интеллигентом, из духовенства, в 20-х годах сбежал от преследований. Они с мамой-немкой в 1931 г. уехали из Нижнего Новгорода, где мама кончила университет, в Мариуполь. Отец устроился работать на завод “Азовсталь”. Скрылись. Родители там сравнялись с людьми. Там никогда никто не выяснял, кто откуда и кто ты по происхождению» (Эльза С., 69 лет).

Показывая фотографии своей матери (1946 г.), эта респондентка отметила: «Видите, какие напряжённые у мамы глаза – после войны она каждый день ожидала ареста. Я слышала тайные разговоры родителей – мама говорила отцу, как воспитывать детей, если ее заберут. Мы жили в Мариуполе под оккупацией. Мама преподавала в школе немецкий язык. Ей нацисты предлагали работать переводчицей в гестапо, но она отказалась. Её не посадили, но гадости делали. СС боялись все, а простых немцев, расквартированных в Мариуполе, никто не боялся. Понимали, что не по своей воле эти солдаты попали на фронт. Ненависти не было. После освобождения города мама узнала, что все местные немцы сосланы, и боялась. У неё за шкафом стоял чемодан с привязанными валенками» (Эльза С., 69 лет).

«Моего отца арестовывали в 1919, 1930 и 1939 годах. По паспорту он был немец. В 1930–1932 гг. он сидел в Вишерских исправительно-трудовых лагерях “за связь с духовенством”, потому что позвали пастора меня крестить, и кто-то донёс на папу, через три дня его арестовали… Сначала папе запретили жить в Москве на улице Горького – он прописался на Сретенке (улица в центре Москвы – *Г.У.*), запретили в Москве – поселился в Малаховке (посёлок в 30 км. от Москвы – *Г.У.*), запретили в Малаховке – уехал в Конаково (город на Волге – *Г.У.*), а потом в Курган в Сибирь, где работал до 1957 г.» (Ирина К., 76 лет).

Многочисленные переселения – самоличные, когда люди пытались скрыться от сталинского террора, и принудительные, когда машина репрессий настигала свои беззащитные жертвы – повлияли на судьбу каждой немецкой семьи. По мнению одного из исследователей, очевидные антинемецкие акции начались в СССР, «с приходом к власти в Германии Гитлера», когда «немцев в Советском Союзе рассматривали в качестве потенциальных сторонников нацистов». При этом, «широкомасштабный террор… развернулся в 1937–1938 годах… Репрессии осуществлялись, как правило, без всяких оснований, практиковались массовые карательные акции по национальному признаку»[17].

Реабилитация необоснованно репрессированных лиц началась только с 1987 г. 14 ноября 1989 г. Верховным Советом СССР была принята декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», а 13 августа 1990 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов».

Но бесконечная полоса страданий и унижений в годы сталинского правления и долгий период изживания страха уже намертво впечатались в историческую память российских немцев. В иерархии исторической памяти старшего поколения немецкого народа (лиц в возрасте от 50 лет и старше) воспоминания о преследованиях и репрессиях являются высоковлиятельным ментальным параметром.

Данный параметр на несколько десятилетий детерминировал формирование коммуникационных способов представителей немецкого этноса в России: привер-

женность к «своим» – немцам и к «своим» – жертвам сталинских репрессий. Этот же параметр уточнил социальные границы, существование внутри которых латентно сплотило отдельных представителей этноса даже при отсутствии непосредственного контакта. Вызревание индивидуального идентитета с прочной опорой на национальные традиции было, в известной мере, «спровоцировано» жестокой политической ситуацией.

Трудармия и спецпоселения. Жизнь российских немцев в период Второй мировой войны и в послевоенный период. 1945–1955 гг.

Как известно, нападение фашистской Германии на СССР принесло советским немцам множество страданий, они были лишены всех гражданских и человеческих прав. Уже в годы перестройки это явление получило название «наказанный народ».

Вспомним вкратце политические вехи этого процесса. Численность этнических немцев по переписи 1939 г. (с соответствующей записью в паспорте) составляла 1.427.232 человек[18], но на деле была больше, потому что в целях спасения от репрессий, развернувшихся в 1930-е годы, русскими и украинцами в паспортах записывались десятки тысяч лиц из смешанных и даже чисто немецких семей.

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», депортации подлежало 480 тыс. человек, переселение которых следовало провести в сроки с 3 до 20 сентября 1941 г.[19]. Осенью 1941 г. была принята серия постановлений о депортации немцев, проживающих в Москве и центральных областях России, в южных областях и на Кавказе – в результате, НКВД СССР «в кратчайший срок – 5 дней перебазировал сотни тысяч людей в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию»[20]. Но на этом государственная машина репрессий не остановилась.

По постановлениям Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», в систему ГУЛАГа было отправлено еще около полумиллиона мужчин от 15 до 55 лет и 0,25 млн. женщин от 16 до 45 лет. От мобилизации на принудительные работы освобождались только беременные и имеющие детей в возрасте до 3-х лет.

8 января 1945 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О правовом положении спецпереселенцев». Оно на долгие годы определило бесправное положение немцев – спецпереселенцы не могли без разрешения спецкомендатуры НКВД куда-либо отлучаться с места своего поселения. Выезд за пределы района рассматривался как побег и карался в уголовном порядке. Так была создана система спецпоселений с жёсткой регистрацией. Уже после окончания войны Президиум Верховного Совета СССР принял 26 ноября 1948 г. секретный указ, запрещавший возвращение немцев к местам прежних поселений и фактически вводивший запрет на свободное перемещение. За самовольный выезд устанавливалась уголовная ответственность – 20 лет каторжных работ[21].

Только после смерти Сталина правовые ограничения немецкого населения в послевоенный период стали весьма постепенно устраняться. Но даже указ от 13 декабря 1955 г., отменивший систему спецпоселений, не устранил запрет на возвращение немцев в места, откуда они были выселены: «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и… они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»[22].

Ситуация гражданского бесправия в военные и послевоенные годы осталась чёрным пятном в воспоминаниях людей, переживших этот тяжелый исторический период. Писатель Герхард Вольтер, чьи молодые годы прошли в трудармии, пессимистически написал в повести «Зона полного покоя»: «15 лет бесправия и издевательств безвозвратно поглотили веками хранившиеся ценности материальной и духовной культуры, наследованные от предыдущих поколений европейские традиции, народные традиции и обряды»[23]. Да, безусловно, целостная культура российских немцев была разрушена (так же, впрочем, как и целостная традиционная культура российского крестьянства, так же сильно пострадавшего во времена сталинского террора), и восстановление ее целостности в новых геополитических условиях сейчас является не менее трудным и длительным процессом.

Одним из существенных параметров этого процесса стало обращение к прошлому – формальная и психологическая реабилитация жертв террора. Преодоление внутреннего страха происходило и происходит через культуру воспоминаний, так же, как обретение социального статуса бывшими репрессированными – через сбор документов, доказывающих полную невиновность «незаконно осуждённых». Для представителей старшего поколения эти два вектора совпали. Они начали говорить о том, о чем молчали почти полвека.

«В трудармии находился с февраля 1942 года по 1946 год. С 1946 года, находясь в Новосибирске, переведен на положение спецпоселенца и в этом качестве находился до 4 января 1956 года. До войны с 1938 года я учился в горьковском институте инженеров водного транспорта. Еще будучи студентом в Горьком, летом 1941 года несколько раз подавал заявление добровольцем на фронт для борьбы с фашистами, был патриотом своей Родины. 17 октября 1941 года был выслан в Омскую область… В январе 1942 года мне удалось переехать в Томск, где в это время уже находились высланные туда мать и два моих брата. В феврале 1942 года меня и брата Владимира мобилизовали через военкомат в трудовую армию и увезли в Хакасию строить железную дорогу Абакан-Тайшет (потом говорили, что ее построили комсомольцы). Летом 1942 г. нас перевели в Новосибирск, а осенью того же года в Прокопьевск для работы в шахте. Осенью 1943 г. мы снова оказались в Новосибирске, где я прожил до конца 1967 г.» (Константин К., 80 лет).

«Мама, сестра и тётя сбежали с трудового фронта без документов. Они шли пешком несколько сот километров из Куйбышева в Пензенскую область (куда к бабушке переселили нас, малолетних детей). Их таскали по милициям, говорили: “будем сажать”. Своих людей уничтожали, как только могли. Люди ничего не значили тогда» (Лидия Ц., 72 года).

«Мою бабушку и её семью выслали в Новосибирскую область, в село Бобровка. У бабушки был грудной ребенок, поэтому она формально не была в трудармии. Но надо было кормиться, поэтому вначале бабушка работала на золотодобывающей шахте, там получила травму головы и ушла оттуда. После работала по пояс в воде на лесоповале. Всех родственников по мужской линии забрали в трудармию. Прадед и другие родственники по его линии умерли в трудармии. Деда и брата бабушки за-

брали в НКВД, дали 58 статью – “немецкие шпионы” и 10 лет. Они умерли в ссылке» (Герман Р., 34 года).

«В 1941 г. отца взяли в трудармию на шахту в Казахстан добывать уголь. В Джамбуле он был, как в концлагере, под конвоем до 1947 г. А всю семью – мать и шестеро детей – нас выселили вначале в Кемерово, потом в поселок Нарым Томской области…. Когда выслали, то начальник сказал: в тайге будет легче, там грибы-ягоды, проживёте легче, не умрёте с голоду, и нас поселили в тайгу за 30 км от посёлка на заготовку дёгтя и смолы. Там стоял один барак, в нём жили 2 немецких семьи. Мы прожили в тайге с 1942 по 1947 г., работая на маленьком примитивном заводике, изготавливающем смолу и дёготь. Дома разговаривали по-немецки. Начали говорить по-русски только с 1947 г., когда вернулись в Нарым, куда к нам в 1947 г. приехал отец, ставший инвалидом (перелом ног и позвоночника) после работы на шахтах. Два года он пролежал в постели. В Нарыме немцев было 30 % – всего 150 семей из разных мест, в основном, из Саратова. В Нарыме я впервые в 12 лет пошёл в школу в 1-й класс уже переростком» (Александр Л., 65 лет).

«Нас выслали в Сибирь как детей немецкого происхождения в 24 часа из Саратова вместе с немцами Поволжья в сентябре 1941 г. – двух детей вместе с нашей русской мамой. Маму исключили из партии в 1942 г., хотя она была старый большевик с 1919 г. (потом восстановили, мама говорила, что секретарь Новосибирского обкома был лоялен к нам). До 1948 г. (то есть до 15 лет) я не училась в школе (до войны кончила два класса) – не было одежды, чтоб ходить в школу, которая находилась в 5 км от дома. Не ходили мы с братом и из-за того, что сибиряки всегда кричали: “Вы – дети врагов народа” и очень плохо к нам относились. Мы жили в землянках, вода замерзала в корытах – жили жутко. Мама смотрела, чтоб мы не умерли с голоду. Целенаправленной политикой было – не давать немцам работу (мама-русская её получила). Немцы просто умирали от того, что нечего было есть. Не разрешали заводить огороды. Мы, в основном, питались продуктами леса – ягоды, грибы из тайги, вода из прозрачных речек» (Эмилия М., 67 лет).

По статистике в трудармии погибла треть всех мобилизованных – почти 500 тыс. человек[24]. При осмыслении этого явления немцы часто употребляют термин «геноцид» и с этим нельзя спорить. Выживали те, кто был моложе и закалённее, у кого были крепче нервы: «Морально поддерживало убеждение, что этот геноцид не может продолжаться долго и надо это тяжелое время пережить, так как вины мы за собой никакой не чувствовали» (Константин К., 80 лет). «Выжить в условиях трудового лагеря помогали – “надежда на лучшее” после войны (с частыми сомнениями), трудолюбие, надежда на соединение с семьёй, с земляками» (Николай К., 77 лет).

Повседневная жизнь: осмысление бинарной оппозиции «мы-они» в семейной, профессиональной, аутокультурной среде; изменения во времени параметров – этнических стереотипов, этноцентризма, отношений к межгрупповым границам, уровня конфликтогенности

По высказываниям респондентов, в 1920-х годах не было почвы для этнических конфликтов на бытовом уровне. Фактически, до начала репрессий 1937–1938 гг. ксенофобия не была значительно распространена в обществе, а провоцировалась ис-

ключительно государством. Респондентка, которая жила в одном из южных городов, где традиционно было полиэтничное население, говорила: «Жили дружно, компанейски. В компании были и греки, и евреи, и украинцы, и немцы» (Эльза С., 69 лет).

Однако, постепенно, начиная с конца 30-х гг. межэтнические границы в обществе становятся всё более и более жёсткими. Это принуждает людей менять свое поведение. «Не стеснялась никогда, что я немка, а бояться научили, когда уже стала взрослой (то есть во время и после войны – *Г.У.*)» (Альвина Г., 82 года).

«До войны я никогда не чувствовал себя униженным по национальному признаку. Во время войны был причислен к так называемым “неблагонадёжным” народам и интернирован. После войны, даже уже в 1959 году, будучи в Москве в командировке на два дня, я столкнулся с фактом, что меня не приняли и не прописали в гостиницу на одну ночь, так как я немец по паспорту. В 1970 году я защитил диссертацию и мне была присуждена ученая степень кандидата технических наук. Поскольку у меня всегда была тяга к преподавательской работе, я попытался устроиться в учебные институты. Несмотря на то, что у меня были рекомендации со стороны уважаемых в ученом мире людей, меня нигде не приняли» (Константин К., 80 лет).

«После войны и заикаться было нельзя, что ты немец. В свидетельстве о рождении в 1933 г. меня записали как немку, а в паспорте я уже русская. Мой прадед в 1880-х гг. переселился в Москву из-под Касселя и завёл зоомагазин на Арбате. Бабушка была шведка. Моего отца арестовали в Баку 22 ноября 1941 г. и расстреляли как “немецкого шпиона”» (Инна Б., 76 лет).

Оппозиция «мы-они», казавшаяся временной в годы войны, неожиданно для представителей немецкой национальности в послевоенный период приобрела зловещую стабильность, которая держалась еще более трех десятилетий. «Мы надеялись, что перестанем быть изгоями на своей Родине с окончанием войны. Но в 1948 году нас известили о том, что издан новый указ за подписью В. Молотова о высылке (хотя мы давно уже находились в ссылке) нас, немцев, в Среднюю Азию и отдаленные районы Сибири навечно. На мой вопрос, что значит “навечно” майор НКВД объяснила мне (это была женщина) – это значит, что не только мы, но все наши потомки будут жить в ссылке вечно» (Константин К., 80 лет).

Совершенно категорична одна из респонденток, родители которой при отступлении гитлеровской армии переселились в Германию. Семья жила в Брауншвейге до 1950 г., когда поддавшись на уговоры советской пропаганды, вернулась назад в СССР, где сразу же подверглась репрессиям. Воспоминания Элеоноры Я. свидетельствуют о том, что в детское и юношеское сознание чётко впечаталось отражение очень высокого уровня конфликтогенности, существовавшего в обществе: «Просвета никогда не было, ко мне всегда относились с предубеждением, потому что я была немка по национальности. До 18 лет я носила свою немецкую фамилию. Но первый паспорт, наперекор моей честности и правдолюбию, был выписан на фамилию моих русских родственников – Степанченко, и было записано, что я русская. Мама объяснила мне, что иначе я, как совершеннолетняя, могу попасть в ссылку или в тюрьму. Я возмутилась, что мама так сделала. Эта перемена меня надломила, вызвала чувство отторжения от мамы. Наступило полное душевное непонимание. Примирились мы уже в старости. Я же любила всё немецкое – когда жили в Германии (мне было от 5 до 13 лет) было множество радостей: я занималась музыкой, балетом, каталась на коньках, ходила в лютеранскую церковь» (Элеонора Я., 63 года).

Наиболее жестоко отчуждение немецкого элемента от прочих этнических групп фиксировалось в детской среде, где не существовало полутонов на уровне межлич-

ностных отношений, а было только «своё» и «чужое». Агрессия по отношению к детям-немцам была неограниченной и совершенно безнаказанной.

«В Новосибирской области отец ходил в школу. Был голодный, опухал от голода. Ему было 10–11 лет (1951–1952 гг. – *Г.У.*), и его дети поймали, повесили на ремне и он чудом не задохнулся. Дети кричали: “Фашист!” Все относились к немцам очень плохо, местные жители, по рассказам бабушки, не сочувствовали переселенцам. Бабушка знала русский язык и договаривалась с местными, защищая немцев от нападок» (Герман Р., 34 года).

«В детдоме были хорошая воспитательница и директор, они заботились обо мне. Преподаватель музыки на каникулы брал к себе домой, и я играла с его дочерью. Но с детьми в детдоме я не общалась – они были очень жестокие. Ударили меня ножом в копчик, ставили к стенке – “пытали”, выбили ножом передние зубы. Дети называли “фашисткой”, а когда я замкнулась, стали дразнить “монашкой”. Все били, обижали. Я пять раз сбегала и пряталась. Я так озлоблена была на детдом, что не хочется вспоминать» (Татьяна Ш., 58 лет).

«Мы жили в Нарыме Томской области с 1942 г. Там жили также русские, украинцы, латыши. С ними были конфликты, только некоторые нас жалели. После войны было просто злобное отношение к нам, поэтому все немцы держались вместе и общались, в основном, со своими. Меня в школе дразнили: “Немец! Немец!” Я обижался, очень переживал. Находились и такие, которые оскорбляли года до 60-го. В 1958 г., когда мне было 23 года, я поступил в Новокузнецке в строительную школу. Был старостой. Директор не говорил никому, что я немец, все думали – латыш. Я помалкивал, потому что раньше натерпелся» (Александр Л., 65 лет).

В тяжелых условиях ксенофобии усиливалась религиозность людей, их вера. На вопрос «Что помогло Вам выжить в жестоких условиях трудового лагеря, какие черты характера?» одна из респонденток лаконично ответила: «Я думаю, что мне помог Бог. Мама дала мне с собой небольшой молитвенник, он не сохранился до сих пор, он и тогда был довольно старым, отпечатан готическим шрифтом. Я всё время молилась. И трудолюбие» (Альвина Г., 82 года). Другой респондент вспоминал, что на поселении в Сибири немцы (в селе, где жил респондент, их было примерно 1,5–2 тыс. человек из 5 тысяч всего населения. – *Г.У.*) примерно около 1946 г. построили самодельную лютеранскую церковь – специальный домик для молитвенных собраний. «Там пели, молились, читали Библию. Отмечали немецкие праздники, Рождество, Пасху и Новый год. Ходили туда втихаря, потому что за это преследовали. Комендант приходил, иногда разгонял, штрафовал за нарушение порядка» (Александр Л., 65 лет).

Во второй половине 1950-х гг., в условиях хрущёвской оттепели, отношение к немцам начало понемногу смягчаться. Один из респондентов отмечает: «Только в 1960-х годах я вернулся к нормальной жизни» (Александр Л., 65 лет).

Другая респондентка на примере своей семьи проследила многолетнюю динамику отношения властей к лицам некоренных национальностей. «Моя мать-русская говорила в 1937 г., что у нас немецкая фамилия и это плохо – тогда лучше было быть евреем, а не немцем. По паспорту я была русская. Мне фамилия мешала всю жизнь, это был ужасный крест. Я работала в министерстве, и когда в 1960-х гг. на парткоме утверждали характеристику, то меня спросили, почему нерусская фамилия. Я ответила, что мой дед из обрусевших немцев. Все были удовлетворены, потому что в 1960-х гг. уже было хуже быть евреем» (Марина Г., 58 лет).

Интересно высказывание 80-летнего Константина К.: «Я никогда не стеснялся своей национальности, не считая национальность недостатком. До войны было даже уважительное отношение к немцам, как к хорошим работникам. С 1941 года принадлежность к немецкой национальности влекла за собой негативное отношение некоторой части населения, а особенно чиновников».

Отношение к немцам, как к преследуемой группе в 1940-х – 1950-х годах, порождало в них ответное чувство внутренней, психологической оппозиции, прежде всего по отношению к советской власти, официальным бюрократическим структурам. В послевоенное пятнадцатилетие аспект отчуждения стал доминантой этнического идентитета советских немцев. Ощущение инородности и инокультурности достигло высшей точки и привело к противостоянию индивидуального сознания потенциально агрессивной внешней среде. В повседневной жизни внутреннее сопротивление чаще было скрытым, но иногда выплескивалось открыто.

«Когда я ехала в Горький поступать в консерваторию, в начале 1950-х годов, то один мужчина в поезде сказал: “Надо всех немцев перестрелять”. Я слезла с верхней полки и говорю ему: “На, стреляй”. Всем стало стыдно. Я никогда не стеснялась, что я немка. Мою немецкую маму всегда уважали в обществе, она была аристократкой духа. Я ею гордилась, и гордилась, что мама – немка» (Эльза С., 69 лет).

Одна из респонденток, активная комсомолка (по паспорту она была русская, но носила немецкую фамилию отца) с наступлением войны ходила в военкомат и просилась на фронт для борьбы с фашистами. Потом уехала в эвакуацию к отцу-немцу, работавшему на Урале главным инженером на лесокомбинате (когда после нескольких арестов и отсидок, ему запретили жить в Москве), и там вновь обратилась в военкомат. Когда ее вызвали туда, то оказалось, что для того, чтобы отправить в трудармию. Помогло сочувствие людей – в военкомате в Челябинске чиновник сказал: «Беги быстрее ветра, эшелон уходит». Девушка доехала до города, где работал отец, и тут её опять задержали, отправили в военкомат. Она плакала: «Я – русская, я даже немецкого языка не знаю». Военком ответил: «Не отпущу. У меня много таких русских». Но чудом удалось уйти, и девушка вернулась к отцу после месяца мытарств и сидения в изоляторе.

Этот случай стал переломным для мировосприятия. «Внутри образовалось сознание, что я неполноценный житель этой страны, что я ущербная, несвободная. Это чувство осталось на всю жизнь. Я никогда не была членом коммунистической партии, хотя заведовала отделом на заводе и работала помощником режиссера на киностудии “Мосфильм”. Мне говорили: “Почему ты не вступаешь в партию?”. Я лукаво отвечала, что не созрела. И меня возмущало, почему партия, в которой я не состою, даёт мне указания. Меня как сломали. Я уже не верила ни в какую советскую власть, я понимала, что у этой картинки есть изнанка – совсем нехорошая и очень горькая» (Ирина К., 76 лет).

«Только в 1972 г. (когда с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства – *Г.У.*) мы смогли вернуться к нормальной жизни» (Альвина Г., 82 г.). На 1972 год, как водораздел в преодолении чуждости по отношению к окружающему общественному организму, указал и другой наш собеседник старшего возраста (Николай К., 77 лет). Его дочь, представительница среднего поколения, оценила ситуацию по другим критериям, более жестко критикуя систему этнической иерархизации, которая существовала в советском обществе и была значимым механизмом идеологической регуляции: «То, что поколение моих родителей называет “нормаль-

ной" жизнью времена 60-х и 70-х годов, происходит, по-моему, отчасти от того, что по сравнению со сталинским прошлым, конечно же, было лучше. Но отчасти они убеждали себя, что жизнь "нормальная" из страха: как бы не стало снова хуже. Мне лично вовсе жизнь не казалась нормальной, особенно когда в Европейской части СССР у меня из-за пятого пункта (пятый пункт в анкетах советского делопроизводства, заполняемых при приеме на учёбу и работу, содержал сведения о национальности. – *Г.У.*) не приняли документы, и я была вынуждена вернуться в Казахстан и поступать там в вуз» (Мария К., 43 года).

Судя по ответам респондентов, только в период перестройки представители нерусских национальностей получили условия для преодоления своего комплекса этнической неполноценности. Процесс спада антинемецких настроений происходил очень медленно и постепенно. «Я не испытала на себе притеснений на бытовом уровне. В 60-х и 70-х годах все жили тяжело. Единственно было неприятно получить отказ на обмен квартиры в Ригу или Ленинград в 1984 г., когда я хотела уехать из Киргизии. Тогда я узнала, что действовало негласное правило – немцев, евреев и цыган не прописывать в столицах и больших городах» (Татьяна Р., 42 года). «В детстве, в 70-х годах меня дразнили по фамилии, что фамилия нерусская, нестандартная. 0на происходит от слова Ruebe – свёкла. Я стеснялся, особенно, когда переспрашивали фамилию по буквам. Когда я учился в военном училище в начале 1980-х годов, то мне сказали, что не надо писать в военном билете, что я немец, а то не будет карьеры. И мне написали, что я русский (хотя мой отец немец, а мама – татарка). Моё имя – Герман, и курсанты в училище едко дразнили меня Германом Герингом или Борманом (для молодого поколения высшие гитлеровские чины стали известны благодаря популярному в 1970-е годы телевизионному сериалу про советского разведчика, действовавшего под псевдонимом Штирлиц. – *Г.У.*). Но дразнили не подло, и я смеялся вместе с ними, не воспринимал шутки с обидой, потому что пользовался уважением товарищей. С проявлением национализма я более столкнулся в Московском государственном университете в конце 1980-х годов, учась на юридическом факультете. Там говорили, что только со славянской фамилией можно сделать карьеру. Жизнь показала, что это не так. Сейчас модно говорить – меня унижали, оскорбляли. Но, в принципе, у людей моего поколения этих проблем в политическом смысле, не было» (Герман Р., 34 года).

Подводя итоги, можно заключить, что в годы перестройки ксенофобия в обществе по отношению к немцам была быстро практически преодолена не только политически, но и психологически. Одним из очевидных достижений перестройки стало то, что метафора «открытого общества» достаточно высокими темпами стала актуализироваться в социальной реальности. Свобода обмена информацией и человеческих контактов с внешним миром произвела настоящую революцию в системе бытовых и идеологических стереотипов.

В преломлении на положение немецкого этноса в контексте общественного организма это означало изменение вектора ксенофобии на противоположный. Причинами этого, прежде всего, стали: артикулирование резко критического отношения к советской действительности, ставшее лейтмотивом для либерально-демократической публицистики рубежа 1980–1990-х гг., пересмотр догматических схем советской истории («переосмысление прошлого»), «взрыв» интереса к происходящему в России со стороны западных стран, – в Европе, прежде, всего, со стороны Германии, что привело к тому, что российское общественное мнение стало воспринимать герман-

скую сторону как профессионально сильного и желанного партнера, а немцев, вообще, как представителей цивилизации высокого уровня.

Бытовые детали этнического самоопределения (черты «немецкого характера», язык, еда, национальная одежда, праздники и т. д.)

При общении с респондентами нас очень интересовали вопросы о том, насколько групповая солидарность регулировалась сохранением или утратой этнических стереотипов на бытовом уровне. Были заданы вопросы: «Говорите ли по-немецки, говорили ли в вашей семье? Знаете ли немецкие песни и стихи (с детства или учили во взрослом возрасте)? Какие блюда немецкой национальной кухни умеете готовить? Что запомнилось из детства – что готовили мама, бабушка? Какие знаете немецкие праздники? Какие обычаи на праздники соблюдались в доме Ваших родителей? В Вашей семье носили на торжества или в быту национальную одежду?» Параллельно всегда шёл разговор о чертах немецкого характера в представлениях респондентов.

Если в 1939 г. в СССР немецкий язык в качестве родного назвали 95 % немецкого населения, то в 1959 г., вскоре после снятия режима спецпоселения – 75 %. В 1979 г. только 58 % немцев назвали немецкий язык родным, при том, что и численность немцев в послевоенные годы уменьшилась[25].

Полученная информация показала, что около половины респондентов понимают немецкий язык. Почти все они говорили на нем в детстве в своих семьях, а некоторые даже учились в немецких школах. Переход на русский язык, как язык повседневного общения, произошёл в трагическое пятнадцатилетие 1941–1955 гг. Другая половина, не владеющая немецким языком, как правило, имела корни в больших городах, где нивелировка национальных черт в контексте космополитизма больших городов достигала высокого уровня.

Беседы с респондентами констатировали практическую утрату языка почти всеми респондентами (за исключением одной деревенской женщины из Пензенской области). «По-немецки нельзя было говорить. Но мы говорили по-немецки. До 13 лет я говорила по-немецки. После высылки каждую неделю ходили отмечаться в комендатуру. Не то, что говорить по-немецки – забудешь, как тебя зовут» (Тамара Ш., 74 года, о жизни в трудармии в 1941–1944 гг. на шахте близ Караганды). «В 20-е, 30-е, 40-е годы дед, бабушка и мой отец с братом не могли дома в Москве говорить по-немецки. Время было такое, соседи бы донесли и их отправили в Сибирь» (Татьяна Л., 65 лет). «Во время войны, когда жили в Пензенской области, мама с братом говорили по-немецки между собой. В нашем селе, где жили репрессированные немцы, также и русские, и украинцы выучивались бытовому немецкому языку. Но у нас никто не пел немецкие песни, пели только “Катюшу”. Тогда была такая обстановка – одни слёзы бесконечные» (Лидия Ц., 72 года). Сама респондентка уже в детском возрасте перешла на русский язык.

Однако, немецкий язык сохранялся в местах компактного проживания немцев, и главным образом, в Поволжье. Респонденты с поволжскими корнями, как правило, обучались русскому языку уже в подростковом возрасте, попав в ссылку в Сибирь. Однако лица из простых семей быстро теряли активное владение родным языком, оторвавшись от аутокультурной лингвистической среды. К тому же, как мы уже от-

мечали выше, целое поколение рождения 1930-х годов осталось без начального образования и только благодаря огромной силе воле уже в послесталинскую эпоху во взрослом возрасте смогло получить среднее образование и навыки профессии. «Я понимаю немецкий язык на 50 %, но не говорю» (Александр Л., 65 лет). И напротив, в более образованных семьях, язык и национальные традиции сохранялись, даже если семья была смешанной. «Когда мы были маленькими (речь идет о второй половине 1930-х гг.), мама сделала нам немецкую национальную одежду, такую, как она сама носила в детстве. С детства я помню множество немецких стихов и песен. Сейчас я не смогу сразу говорить, мой немецкий язык уже плохой. Надо побыть неделю в немецкой среде, чтобы заговорить» (Эльза С., 69 лет).

Анализ генеалогических данных показал, что преимущественно немецкие имена давались детям до начала 1940-х гг. Были популярны имена: Иоганн, Якоб, Ирма, Оскар, Паулина, Оттилия, Альвина. На уровне послевоенных поколений у российских немцев немецкие имена вытесняются русскими (Сергей, Игорь, Наталья, Валерий, Ольга, Людмила) даже при сохранении немецкой фамилии.

Весьма значимым показателем национальной социокультурной традиции является еда. Общие характеристики немецкой кухни одинаковы у многих респондентов: «Немецкая еда – сытная, простая. Я очень люблю мясо с жареной картошкой» (Герман Р., 34 года). «Еда сытная, сохраняется вкус натуральных продуктов» (Эльза С., 69 лет). Многие респонденты назвали: Krepele, Streuselkuchen, Krimmelkuchen, другие кондитерские изделия, полюбившиеся с детства.

«Из времен детства помню такие блюда: Krepele (типа хвороста, из теста, испеченного в постном масле), Kraut mit Brei und Schweine Fleisch dabei (картофельное пюре с тушёной капустой и свининой), Geschwaemde Gaenz (“плавающие гуси” – клёцки из манки в сладком яичном соусе)» (Константин К., 80 лет). Kuchen (пирог), бублики, всё печёное, Krebl, Strudel, Flinze (блинчики). Бабушка и мама всегда пекли пироги (из паслёна, из тыквы), варили сиропы из проросшей пшеницы, моркови» (Альвина Г., 82 года).

«Папа был немец, родом из Прибалтики, профессор в Саратовском университете, а мама-русская была политработником. До войны наша домработница готовила немецкие блюда: Kuchen, делала индейку. Папа любил пиво и дома мы справляли праздник пива. Во время него прославляется пиво, поются песни о пиве. Продукты мы всегда покупали на немецком рынке в Саратове. Папа брал нас с собой и сам выбирал провизию, разговаривая с продавцами по-немецки. Помню до сих пор огромные круги топлёного масла» (Эмилия М., 67 лет).

«Бабушка заваривала кофе чисто по-немецки. Каждое утро молола зерна на ручной мельнице, клала размолотый кофе в полотняный мешочек, который опускала в кофейник с кипящей водой. Потом кофе разливали и пили с молоком. Мешок этот ежедневно мылся и сушился» (Эмилия К., 69 лет).

В последние годы наблюдается возрождение интереса к национальной кухне. Некоторые из респондентов изучают немецкую книгу по кулинарным справочникам, другие вспоминают еду из своего детства, третьи учатся готовить у родственников. «В 1994 г. у нас была в гостях моя двоюродная сестра Ирма, которой 78 лет. Она умела готовить немецкие блюда и научила этому нас с моей русской женой» (Константин К., 80 лет).

Из праздников почти все респонденты назвали Пасху и Рождество, то есть самые запоминающиеся для ребенка события года. «В Weinacht приходил Дед-Мороз, а ко-

гда мы жили на Кавказе, даже медведь на цепи (кто-то переодевался в медведя). Мы сначала испугались, но нам сказали: медведь – хороший, учёный. Но самый лучший праздник – Пасха (Ostern). Мы раскрашивали яйца. В субботу шла генеральная уборка дома, а в воскресенье дедушки и бабушки собирались и пели по-немецки по церковным книгам. Высеивали траву (овёс) в коробке, и на Пасху среди травинок клали разноцветные яйца. Взрослые говорили: “Зайчик принес вам подарки” и мы находили в ботинках тетрадочки, карандаши, конфетки» (Лидия Ц., 72 года). «Из детства вспоминается Рождество и Пасха. Рождественская ёлка, Дед-Мороз, подарки, разные рождественские печенья. На Пасху – крашеные яички (иногда в миске с побегами ячменя), разноцветные пасхи. Декламирование рождественских стихов (часто из разукрашенных тетрадей времён юности моих родителей» (Николай К., 77 лет).

Что касается национальной одежды, то ее применение носило, как правило, праздничный характер и более было распространено в деревне в районах компактного проживания немцев. Регулярное ношение национальной одежды, по представлениям респондентов, было прекращено уже в конце 1920-х гг. Национальная одежда бережно сохранялась в семьях и часто передавалась от поколения к поколению. Однако во время гонений сталинского периода национальные костюмы во многих семьях были утрачены вместе со всем остальным имуществом. В общем, представление о немецком национальном костюме имеют примерно 80 % респондентов.

По нашему мнению, длительное функционирование немецкой культуры праздника фактически прервалось в период репрессий и гонений.

Из черт национального характера почти все респонденты назвали аккуратность и чистоплотность, трудолюбие, жизнелюбие. «Я всегда пунктуален» (Герман Р., 34 года). «Я всегда чувствовал в себе стремление к чистоплотности и культуре» (Александр Л., 65 лет). «Мои предки были очень трудолюбивые. У них были лари с пшеничной и ржаной мукой, с крупами. Они сами пекли хлеб. Я сама и в старости не могу сидеть на месте – всё умею делать» (Лидия Ц., 72 года).

Выводы

В исследовании были поставлены и решены две задачи: во-первых, используя широко применяемые в последние годы в социальных науках методы «устной истории» («oral history») собрать интервью с российскими немцами, ориентируясь, главным образом, на опрос лиц пожилого возраста, переживших сталинскую эпоху. Эти интервью составляют фактографически ценный источниковый комплекс и содержат не только исторические сведения, но также оценки участников событий, что позволило зафиксировать параметры национальной социокультурной традиции на протяжении нескольких десятилетий.

Во-вторых, эти материалы были систематизированы и проанализированы. Это позволило получить представление о содержании и структуре исторической памяти, выявить динамику самоидентификации российских немцев как этнической группы, позиция и маркировка которой в контексте истории советской системы несколько раз существенно изменялись на протяжении 70 лет, отражая внутри- и внешнеполитические катаклизмы эпохи.

Подводя итоги работы, необходимо обратить внимание ещё на ряд деталей.

Во-первых. Повышенный интерес к собственной генеалогии в среде российских немцев мы характеризовали бы как одно из условий кристаллизации этнического идентитета. Кстати, эта черта немецкого самосознания проявилась достаточно рано – среди колонистов Поволжья сбор воспоминаний о том, как они выезжали из Германии и устраивались на новом месте, впервые массово был проведен еще в 1830 г. (по прошествии 70 лет жизни в России), по почину одного из колонистов[26].

Во-вторых. Жизнь немецких династий в предвоенный период, во время и после войны регламентировалась законодательными актами советского правительства в отношении немцев. (Правовые ограничения немецкого населения в послевоенный период устранялись весьма постепенно – указом от 13 декабря 1955 г., отменившим систему спецпоселений, и указом от 29 августа 1964 г. о реабилитации народов, незаконно осужденных в сталинский период. Но окончательно только в 1972 г. с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства). Синхронизация материалов интервью с динамикой законодательства позволила уточнить картину политического, а также и общественного контекста процесса этнической самоидентификации.

В-третьих. В ходе опроса и анализа полученных сведений респонденты явственно сформировались в две группы.

Первая группа – лица, сохранившие в 1940-х гг. свой прежний «устойчивый» социальный статус (и, прежде всего, московскую прописку) путём изменения немецкой национальности в паспорте на русскую. Для этой группы характерно значительное культурное «обрусение» – в семьях уже говорили по-русски, а в быту и образе жизни (чаще всего из-за многочисленных переездов в голодные годы гражданской войны и в 20-е годы) не оставалось никаких материальных признаков принадлежности к немцам – не было оставшейся от предков мебели и других вещей, не было принято употребление специфических блюд немецкой кухни, и, главное, в семьях не говорили по-русски, хотя еще родители, чья большая часть жизни прошла до Октябрьской революции, имели в домашних библиотеках и читали немецкие книги. Лица первой группы, если и подвергались репрессиям, то только как представители «бывших» (то есть лиц, принадлежавших к дворянству, купечеству или дореволюционной интеллигенции – *Г.У.*).

Вторая группа – лица из немецких территориальных автономий, не менявшие национальности и впоследствии подвергнувшиеся репрессиям (как правило, во время войны сосланные на трудовой фронт). Как известно, и, как явствует из интервью с респондентами, именно в районах компактного проживания немецкий образ жизни консервировался как лингвистически, так и в бытовом смысле. В годы сталинских репрессий судьба лиц второй группы сложилась трагически, они пострадали почти поголовно. В результате, одна из респонденток характеризует представителей немецкой национальности как людей «на 90 % забитых», которые «боялись преследований по этническому признаку, стеснялись своих немецких имен» (Ида Ш., 71 год). Но это, на наш взгляд, не совсем верно. Даже несмотря на значительную утрату языка и культурных традиций, чувство «немецкости» было развито у лиц этой группы, в наивысшей степени, что проявлялось в постоянной тяге к корням. «Отец всегда мечтал когда-нибудь вернуться в Германию. В годы репрессий он никогда не говорил об этом, но, когда в 1971 г. перед его смертью я был у него в Казахстане, где он жил недалеко от Алма-Аты, он сказал мне: “Хотелось бы вернуться в Германию, где жили мои предки”» (Александр Л., 65 лет). Идентификация себя в качестве немцев в годы сталинского террора ушла внутрь, духовно приняла затаённые формы, одно-

временно чётко проявляясь на поведенческом уровне в виде оппозиции «мы (немцы) – они (все остальные)».

В период 2-й мировой войны лица из первой группы хотели бороться с фашизмом в рядах Красной Армии. Но даже если им удавалось попасть на фронт, то впоследствии, в конце войны и после войны оставшихся в живых членов их семей всё равно ссылали в Сибирь, идентифицировав их либо как немцев, либо как «бывших».

Интересна проблема взаимоотношения обеих вышеназванных групп.

В отзывах второй группы о представителях первой «обрусевшей» очевиден компонент сильной неприязни. Судьбы развела их на разные этажи социальной иерархии. В результате, даже сформировалось устойчивое представление о том, что уцелевшие в ходе репрессий немцы чуть ли не поголовно «работали на органы» – их советское «я» подавляло их немецкий идентитет. Это подтверждается и интервью с наиболее консервативными представителями первой группы, которые, привыкнув держать язык за зубами по любым конфликтным вопросам советского строя и не упоминать о своих этнических корнях, говорят: «Мы – русские» (Владимир, 83 года). На вопрос «А кто по национальности был Ваш отец?» шёл ответ: «Немец». «А мать?». Ответ: «Немка». «А Вы?». Ответ: «А я русский». Глава другой немецкой семьи, профессор А.В. даже дочерям не говорил о своем происхождении. Только за 3 года до смерти (это было в начале 1990-х гг.) он рассказал, как тяжело было ему с нерусским именем и фамилией делать свою карьеру. Уже в середине 1990-х гг. после поездки в ФРГ дочери узнали, что принадлежат к старому и именитому немецкому роду.

Представители второй группы, напротив твердо держались своих национальных традиций. «Я родилась немкой и хочу остаться немкой. Я не меняла ни национальности, ни фамилии. Я выросла при советском строе. Мы верны этому строю» (Ида Ш., 71 год). «По паспорту я всегда была немкой. Отец-русский погиб на фронте. Мы всю войну скрывались у немецкой бабушки в Уфе. Вернулись в Москву с матерью-немкой в 1945 г. Мы не скрывали, что мы немцы» (Эльвира В., 64 года).

В-четвертых. Весьма продуктивными стали интервью, полученные от лиц, родившихся после отмены режима спецпоселений (то есть моложе 45 лет). Более раскованные и менее скрытные эти респонденты проявили повышенное стремление к самоанализу. Именно сопоставление ответов пожилой и молодой групп позволило придти к выводу о том, что во второй половине 1990-х гг. среди всех российских немцев происходит преодоление самоощущения «изгойства». И по сей день наблюдается позитивный процесс высвобождения национального самосознания из оков жёсткой этнонациональной иерархии советского периода, когда представители нетитульной нации предпочитали молчать о своей этнической принадлежности.

Приложение 1. Список респондентов

1. Владимир К., возраст 83 года (предки в России с 1789 г., вначале в Дерпте, затем в Николаеве, в Москве с 1860-х гг.),

2. Альвина Г., 82 года (предки из Поволжья, после высылки жили в Казахстане, Киргизии, с 1985 г. – в Пензенской обл.),

3. Константин К., 80 лет (родом из Поволжья, где предки жили с 1764 г., с 1941 г. в Сибири – в Омской и Новосибирской обл., с 1967 г. в Москве, с 1997 г. в Германии),

4. Николай К., возраст 77 лет (родом из меннонитского поселения с Украины, где предки жили, по крайней мере, с середины XIX в., в ссылке в Якутии, после 1954 г. в Казахстане, с 1976 г. в Германии),

5. Ирина К., 76 лет (предки в России с 1789 г., вначале в Дерпте, затем в Николаеве, в Поволжье, в Москве с 1930-х гг.),

6. Тамара Ш., 74 года (предки жили в Самаре с XIX в., в Москве с 1960-х гг.),

7. Лидия Ц., 72 года (предки из Поволжья, из Саратовской обл., с 1930-х жили на Кавказе, потом в Казахстане, в Пензенской обл., с конца 1940-х гг. в Москве),

8. Ида Ш., 71 год (предки в России с 1767 г., в Поволжье, с начала 20 в. представители семьи служили в Москве, но большинство оставалось жить в Марксштадте, с 1957 г. в Москве),

9. Елена Б., 71 год (предки из Поволжья, с 1941 г. в ссылке в Красноярском крае, с 1976 г. в Подмосковье),

10–11. Светлана и Людмила Г., 70 лет (предки, видимо с Юга России, в 1920-х гг. до 1937 г. – в Овруче на Волыни, после в Калужской обл., в Москве с 1970-х гг.),

12. Эльза С., 69 лет (предки из Поволжья, с 1930-х в Мариуполе, с 1980-х в Подмосковье, с 1990-х – в Москве),

13. Эмилия К., 69 лет (предки из Поволжья, с 1930-х в Москве),

14. Эмилия М., 67 лет (из прибалтийских немцев, в 1920–30-х гг. в Поволжье, в Москве с 1946 г.),

15. Инна Б., 67 лет (прадед в Москве с 1880-х гг.),

16. Александр Л., 65 лет (предки из Поволжья, с 1941 г. в ссылке в Сибири, с 1966 в Бердянске, с 1973 в Орле, с 1998 г. в Москве),

17. Татьяна Л., 65 лет (предки в России с 1803 г., с самого начала жили в Москве, в немецкой колонии в Лефортове),

18. Эльвира В., 64 года (предки в России со 2-й пол. XVIII в., жили в Поволжье, в Москве с 1920-х гг.),

19. Элеонора Я., 63 года (предки из Екатерининских переселенцев, жили в Запорожье, в 1942 г. уехали в Германию, где жили до 1950 г., потом вернулись в СССР, были репрессированы, с 1954 г. в Туле, с начала 1960-х в Москве, с 1996 г. гражданка ФРГ, но постоянно живет в Москве),

20. Марина Г., 58 лет (предполагает, что предки из екатерининских колонистов, сама знает историю до прадеда, в Москве с 1900-х гг.),

21. Татьяна Ш., 58 лет (предки жили в Одесской обл., в Москве с 1960-х гг.),

22. Гуго В., 56 лет (предки в России с 1764 г., в Поволжье, в ссылке в Томске, с 1970-х в Москве),

23. Владимир М., 53 года (предки в России со 2-й пол. XVIII в., жили в Бессарабии, потом в Одессе, откуда высланы в Сибирь, после войны в Казахстане, с 1960 г. в Москве),

24. Наталья В., 48 лет (предки из остзейских немцев, с 1950-х гг. в Москве),

25. Мария К., 43 года, дочь Николая К., см. п. 4 (предки – меннониты с Украины, где жили, по крайней мере, с середины XIX в., после 1954 г. родители жили в Казахстане, с 1976 г. в Германии),

26. Татьяна Р., 42 года (предки из екатерининских колонистов, жили в Поволжье, в 1950-х гг. – в Киргизии, с 1988 г. в Москве),

27. Герман Р., 34 года (предки в России с конца XVIII в., жили в Поволжье, в ссылке в Новосибирской обл., с 1956 г. в Бийске на Алтае, с конца 1980-х гг., после окончания университета, – в Москве).

Приложение 2. Опросник анкеты

Фамилия, имя, отчество, год рождения
Профессия
Кто из Ваших предков был немецкого происхождения?
С какого времени Ваши предки живут в России?
Где в Германии, а потом в России жили Ваши предки, дедушки и бабушки, родители?
Откуда Вы знаете о предках?

Интересуетесь ли Вы своей родословной? Составляли Вы генеалогическое древо?
Когда (в каком году) Вы начали интересоваться историей Вашей династии?
Какова Ваша (и Ваших родителей) национальность по паспорту?
Когда-нибудь Вы стеснялись, что не принадлежите к основной, русской нации? В каких ситуациях это проявлялось? Более в детском возрасте или также во взрослом?
Когда (в каком году) перестали стесняться, что Вы немецкой национальности?
До войны Вы учились в русской или немецкой школе?
Говорите ли Вы по-немецки? Родители? Бабушка и дедушка?
Сейчас Вы учите немецкий язык?
А песни немецкие Вы знаете? Какие?
Вы учили песни (и стихи) сами или их слышали в семье, будучи ребенком?
Стихи? Какие?
Какие блюда немецкой национальной кухни Вы знаете и умеете готовить? Что запомнилось из детства – что готовили мама, бабушка?
В детстве Вы посещали церковь? Лютеранин, католик или православный (атеист)? Сейчас посещаете? Что привлекает в богослужении – проповедь, песнопения, поведение людей во время службы, их согласие?
Какие Вы знаете немецкие праздники? Какие обычаи на праздники соблюдались в доме Ваших родителей?
Кто-нибудь носил на торжества или в быту национальную одежду?
Где Вы жили (были) во время Великой Отечественной войны? Кто уцелел из Вашей семьи?
Ваша семья подверглась депортации после 28 августа 1941 г.?
Вы были в трудармии? Сколько времени? Где территориально?
Что помогло Вам выжить в жестоких условиях трудового лагеря? Какие черты характера?
Когда, по Вашему мнению, Вы смогли вернуться к нормальной жизни – после указа от 13 декабря 1955 г. (отменившего систему спецпоселений) или после 1972 г., когда с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства?
Пожалуйста, припомните 2–3 каких-нибудь интересных случая из Вашей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кознова И.Е.* Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). С. 238. См.: *Её же.* Социальная память русского крестьянства в XX веке // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. С. 386–404.

[2] В ходе опросов было интервьюировано 27 человек (список респондентов приведен в конце статьи). Большинство из респондентов сейчас постоянно проживает в Москве. Единичные интервью получены также от лиц, живущих в провинции, а также эмигрировавших в 1990-х гг. в ФРГ.

[3] Уже в процессе подготовки статьи к публикации вышла интересная монография, где затронуты близкие проблемы, и где авторский подход – «идти к пониманию прошлого через детализированную, углублённую реконструкцию разных “отрезков» (или “срезов”?) истории и конкретных ситуаций», то есть, используя метод биографической реконструкции, – во многом совпадает с нашим. См.: *Журавлёв С.* «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000. С. 9.

[4] По мнению исследователей термин «российские немцы» (ранее «советские немцы»), который мы будем использовать в данной статье, появился в политической практике и стал применяться в литературе во второй половине 1980-х гг., когда, по словам И.Р. Плеве, «активизировалось движение за национальное возрождение, полную политическую реабилитацию и воссоздание ликвидированной автономии на Волге» (См.: *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. – М., 2000. С. 8).

[5] Опросник анкеты приведен в конце статьи.

[6] В 1764–1770 гг. было создано 117 немецких колоний, главным образом, в Поволжье. Поселенцы прибывали преимущественно из Пруссии, наиболее экономически разорённой в результате

Семилетней войны. В 1800–1850 гг. было основано еще 218 поселений. К 1870 г. в России насчитывалось 508 иностранных колоний, в основном, немецких, а число граждан немецкой национальности к 1908 г. составило 2 млн. 70 тыс. чел., из которых 387 тыс. чел. проживали в Саратовской и Самарской губерниях. Царское правительство щедро субсидировало колонистов. См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Составители: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. – М., 1993. С. 7.

[7] См.: *Горобцова Е.А.* Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.). Каталог [коллекции Саратовского областного музея краеведения]. – М., 1998. С. 6.

[8] См.: История российских немцев в документах (1763–1992). С. 75–76, 163.

[9] Список фабрик и заводов Российской Империи. – СПб., 1910. С. 784, 1013.

[10] Подробно историю династии Кнорре см. в моей статье: *Ульянова Г.Н.* Немцы-инженеры в Москве // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. – М., 1997. С. 177–197.

[11] См.: Русский биографический словарь. Т. 9. – СПб., 1903. С. 2–3.

[12] Установлено нами по изд.: *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. С. 378–382.

[13] Там же. С. 378.

[14] *Чеботарева В.Г.* Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья.1918–1941 гг. – М., 1999. С. 236.

[15] См.: Там же. С. 254–255, 261.

[16] *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. – М., 1998. С. 119.

[17] Там же. С. 151–152.

[18] История российских немцев в документах (1763–1992). С. 156.

[19] «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). Составитель: Бугай Н.Ф. – М., 1998. С. 19, 21.

[20] История российских немцев в документах (1763–1992). С. 9.

[21] Там же. С. 175–176.

[22] Там же. С. 177.

[23] *Вольтер Г.А.* Зона полного покоя. – М., 1991. С. 150–151.

[24] Цифра приведена по изд.: *Вольтер Г.А.* Зона полного покоя. С. 150.

[25] Там же. С. 151.

[26] См.: *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. №.25.

Александр Борозняк

«…И ДЛИТСЯ СУД ДЕСЯТИЛЕТИЙ»[1]. Посттоталитарное российское общество в поисках выхода из кризиса идентичности

> Мы говорим: зачем поминать?.. Зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше… Зачем это вспоминать?.. Зачем раздражать народ?.. Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя… Прошло? Изменило форму, но не прошло… Если мы прямо поглядим на прошедшее, нам откроется и наше настоящее.
>
> *Лев Толстой. «Николай Палкин»*[2]

Есть нечто, незримыми нитями, но неразрывно прочно связующее Россию и Германию, – в их прошлом, в их настоящем, в их будущем: горькая необходимость осмысления и преодоления наследия тоталитарных режимов.

Формула «преодоление прошлого» была порождена в послевоенной Германии нравственным чувством стыда и ответственности немцев за преступления гитлеризма – в одном ряду с понятиями-символами «тоталитарная диктатура», «агрессия», «Холокост», «Освенцим». Постулат о «преодолении прошлого» (несмотря на очевидную условность и неточность данной политической метафоры) стал для нескольких – четырех уже – поколений немцев знаком длительным, многоплановым, мучительным, внутренне противоречивым процессом общенационального извлечения уроков из истории третьего рейха, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризма.

И для Германии, и для России речь идет не об абстрактном далеком былом, но – о кровоточащем прошлом. Речь идет не о пассивном отражении «прошлого», но о факторах, активно воздействующих на настоящее, о степени укорененности этих факторов в социальной психологии, менталитете, политической культуре современных немцев и современных русских. Память о тоталитарных режимах связана с незаживающими ранами, с гибелью миллионов и миллионов людей, с самыми трагическими страницами современной истории. В установках массового сознания, в его структуре неразрывно спаяны память о прошлом, интерпретации настоящего, ожидания, связанные с будущим.

В условиях глубокого разлома общественных структур едва ли не решающее место в формировании политического самосознания российского населения заняло сведение счетов с собственным прошлым, а точнее – деформированным историче-

ским мировосприятием. Общество неизбежно должно заново осознать собственное место в координатах социального пространства и времени.

Содержание массовых представлений и научных исследований о сталинском социализме, отношение к ним общественного мнения – это достаточно четкая проекция ведущих тенденций нескольких десятилетий российской истории. Поэтому наша задача отнюдь не ограничивается анализом перемен в историописании постсоветского периода. Мы вторгаемся в сферу эволюции российского социокультурного пространства последних полутора десятилетий, когда был разрушен комплекс государственно-нормативного контроля над обществом, когда началось формирование общественного мнения как социально значимого института.

Перестройка, которая запоздала

В середине 80-х годов в российском социальном сознании был начат – с непозволительным отставанием – первоначальный анализ феномена сталинизма, приведший к осознанию масштабов преступлений режима. Этому предшествовало осуждение на XX партийном съезде криминальных деяний Сталина. Но «универсальная» формула «культ личности» служила персонификации сталинских репрессий, она явилась компромиссной попыткой «нормализовать» сталинизм и – в ограниченных масштабах – осудить преступления вождя и его окружения. Когда была предпринята попытка (со стороны лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти) связать т. н. «культ личности» с «деформациями социализма», последовал резкий отклик со стороны руководства КПСС. Пресекались попытки даже неполного и непоследовательного анализа причин и последствий обнародованных преступлений. Даже в лучших образцах публицистических и научных сочинений времени «оттепели» историческая ответственность за преступления тоталитарной диктатуры сужалась до личной вины Сталина. Достаточно быстро начал разворачиваться курс на ресталинизацию, особенно после прихода к власти Леонида Брежнева. Александр Твардовский написал об этом:

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую быль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль – забыть![3]

И все-таки – вопреки всем запретам и умело направляемым поворотам в сторону ресталинизации – был начат этап эмоционального, феноменологического описания и называния явления. Дискуссии времен оттепели были индикаторами глубинных процессов, так и не вышедших тогда в своем истинном виде наружу. По образному выражению историка Геннадия Бордюгова, «люди прорастали сквозь систему»[4]. И это, действительно, так. Среди различных слоев населения существовали анклавы иных форм общественного сознания, шло невидное преодоление косности, инерционности мышления, преодоление добровольного рабства.

В апреле 1985 г., на первом после похорон прежнего генерального секретаря пленуме ЦК КПСС, Михаил Горбачев ограничился изложением весьма общего

Актер Автандил Махарадзе в образе тирана Варлама Аравидзе (кадр из фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние»)

замысла реформ, получивших кодовое название курса на «ускорение» и не означавших разрыва с прежним курсом партийного руководства. Попытка реформировать систему запоздала на несколько десятилетий и поэтому принесла результаты, противоположные ожидаемым, которые привели к глубокому разочарованию в возможностях модернизации на социалистической основе.

В январе–марте 1987 г. лидер КПСС вынужден был признать, что причины реформаторских неудач лежат в существе системы, названной позднее «командно-административной». Горбачев говорил и о «необходимости кардинальных изменений в политике, экономике, социальной и духовной сферах». Это был традиционный для России маршрут общественного сознания: через отрицание предыдущей фазы исторического развития. Подобно Никите Хрущеву, Горбачев безоговорочно осудил сталинизм, но объявил непорочными идеалы социализма, у истоков которых стоял Ленин.

Ключом к пониманию новой модели социализма стали слова «демократизация» и «гласность». В потоке печатной продукции, увидевшей свет под флагом гласности, весомо зазвучал голос публицистики, лозунгом которой стало: «В истории не должно быть белых пятен!». «Достаточно ли мы честны и мужественны? – вопрошал один из самых ярких публицистов поколения 80-х Игорь Дедков. – И может ли нравственная политическая сила без ясного и полного исторического самоотчета? И может ли добросовестная историческая мысль жить на недомолвках, умолчаниях, подчистках?»[5].

«Шло лето 1987 г., – свидетельствует работавшая тогда в СССР итальянская журналистка Мария Ферретти. – Москва пробуждалась, жадно пользуясь робкой либерализацией, начатой Михаилом Горбачевым, смакуя вновь приобретенные слова. (…) Именно тогда начинался болезненный процесс восстановления коллективной памяти советского общества, искалеченной “министерством правды”, присвоившим себе право без конца переписывать прошлое. Подобно недостающим частям мозаики забытые факты и персонажи начали понемногу заполнять пустовавшие страницы истории».[6]

И все же начало трансформации ценностей общества, начало освобождения от тоталитарной идеологии было связано с событиями в сфере художественной культуры.

Какая улица ведет к Храму?

В вышедшем на экраны весной 1987 г. фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние», был создан выламывавшийся из (российских, грузинских, германских, итальянских?) рамок обобщенный образ диктатора. К тому же в заключительном эпизоде фильма были сказаны ключевые слова об «улице, которая ведет к Храму», слова, ставшие кодом преодоления сталинистского прошлого.

Именно размышления о фильме привели социолога Леонида Ионина к выводам о том, что объективная оценка тоталитарного прошлого есть неизбежный «акт смелой и честной политики», «революция в царстве живых», осуществляемая «обществом, пришедшим в движение, осознавшим необходимость покаяния». Российское общество, по мнению Ионина, «переболело болезнью, которая особенно сейчас, в XX веке, приобрела характер эпидемии; все, происходящее ныне, в частности, реакция на саму болезнь, свидетельствует о долгом и сложном процессе выздоровления».

Ионин, говоря об уроках «Покаяния», обращается к опыту послевоенной Германии, к постановке Карлом Ясперсом и другими мыслителями Schuldfrage – проблемы вины. «Под этой рубрикой, – констатирует социолог, – фиксируются в немецкой политической и философской литературе сотни томов, где обсуждается вопрос, кто виноват в нацизме и его кровавых злодеяниях. Может показаться, что здесь нет повода для споров: виновны Гитлер и те, кто поддались нацистской пропаганде и соучаствовали в преступлениях против человечества. (…) Ни у кого, пожалуй, нет иллюзий относительно моральных и политических достоинств Гитлера, Гиммлера или Геббельса. Но невозможно, оказывается, сбросить их с пьедестала, не сломав всей социальной структуры царства мертвых или, говоря иначе, не переоценив весь ход германской истории. Для этого требуется революция в царстве живых. “Schuldfrage” – это вопрос покаяния. Касается он нации в целом, в единстве живых и мертвых, касается, в первую очередь, живых, ныне живущих»[7].

Проникновенные слова для оценки «Покаяния» нашел писатель Борис Васильев: «Фильм, исполненный скорби, искренности, веры и мужества. Фильм, явившийся для меня прозрением в нашей сегодняшней истории, в нашей вере и в нашем безверии, в нашей отваге и в нашей трусости, в причинах всего этого и породивших их следствиях. (…) Но не вздыхайте с облегчением. Пока прошлое не подвергнуто гласному рассмотрению и гласному суду общественности, труп продолжает разлагаться среди нас»[8].

Об ответственности живых перед преступлениями мертвых говорил и писатель Андрей Битов: «В этом фильме нет намеков – здесь просто говорится, о чем раньше намекали, причем намекали те, кто знал, тем, кто и так знает: о тирании, о культе, о репрессиях, об уничтожении храмов и интеллигенции, об арестах, о психушках… – обо все этом… В “Покаянии” за все расплачивается не сын, а внук, значит, этот фильм адресован уже и не мне. Что-то надо довести до конца, до са́мого, чтобы следующее поколение не убило себя»[9].

В начале 1987 г. сразу в двух ведущих московских литературных журналах «Новый мир» и «Знамя» состоялась публикация поэмы Александра Твардовского «По праву памяти», которая была начата в 1963, закончена в 1969 г. и запрещена для печати. Слишком опасным показался партийным идеологам предельно точный диагноз:

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу[10].

Твардовский рассматривал расправу с поэмой и с руководимым им «Новым миром» как показатель наступления консервативных сил, чреватого серьезными последствиями для советского общества, о чем он написал в письме Брежневу в феврале 1970 г. Послание осталось без ответа. Ответом было снятие Твардовского с поста редактора, а через семь месяцев он скончался.

Прошло восемнадцать лет, и поэма, всем своим содержанием обращенная в 60-е годы, увидела, наконец-то, свет. И оказалось, что в поэме были выражены живые, перспективные тенденции общественного развития, точно соответствовавшие духу демократического возрождения России:

Пусть очевидны поколенья
Сойдут по-тихому на дно,
Благополучного забвенья
Природе нашей не дано…
Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору![11]

В поэме содержались строки, ничуть не утратившие – и сегодня, и завтра – свой пророческий смысл:

Давно отцами стали дети,
Но за всеобщего отца
Мы оказались все в ответе,
И длится суд десятилетий,
И не видать ему конца[12].

Поэма вызвала поток читательских писем, направленных в адреса редакций «Знамени» и «Нового мира» и принадлежавшие представителям различных поколений. Среди откликнувшихся были и такие, которые именовали произведения Твардовского и его единомышленников «тенденциозными писульками» и сулили их авторам «позор и проклятье». Но в подавляющем большинстве откликов «По праву памяти» расценивалась как поэма, которая приобретает особую значимость тогда, «когда общество всколыхнулось и с превеликим трудом начинает стряхивать с себя коросту лжи», когда необходимо «не играть в демократию, а осуществлять ее на деле». Один из читателей считал поэму прообразом «Мемориала погибших безвинно – и неважно где: в Москве, в Магадане или в Воркуте»[13].

Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Участь произведения была столь же трагичной, как и участь самого писателя. «Захватившие его споры о жизни были

Писатель Василий Гроссман (фото Л. Ковалева). Стенд с «Литературной газетой» на московском Гоголевском бульваре в 1987 году

спорами свободного человека, когда одна лишь горькая свобода определяла его слова»[14]. Это сказано Гроссманом и о герое романа Викторе Штруме, и о самом себе. В 1961 г., когда труд нескольких лет был уже завершен, рукопись была конфискована. Перед нами выдержки из письма Гроссмана, адресованного Никите Хрущеву (1962 г.): «Я начал писать книгу до XX съезда партии, еще при жизни Сталина. В эту пору, казалось, не было ни тени надежды на публикацию книги. И все же писал ее. Ваш доклад на XX съезде придал мне уверенности. Ведь мысли писателя, его чувства, его боль есть частица общих мыслей, общей боли, общей правды. (…) Я прошу Вас вернуть свободу моей книге, я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета государственной безопасности… Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге»[15].

Ответа на письмо не последовало. Но в июле 1962 г. автора соизволил принять главный партийный идеолог Михаил Суслов. Он был настолько уверен в незыблемости тоталитарного сознания, что заявил (признав, что роман не читал): «Напечатать Вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана. (…) Не следует преуменьшать и недооценивать тот вред, который принесла бы ее публикация». Секретарь ЦК милостиво добавил при этом: «Возможно, роман будет издан через двести-триста лет»[16]. В сентябре 1964 г. писатель умер.

И все-таки рукопись опасного романа была спасена, тайно передана в Европу и в 1980 г. опубликована – с многочисленными искажениями и пропусками – в Швейцарии. В начале 1988 г. книга была напечатана на родине писателя.

На страницах «Жизни и судьбы» (очевидно, Гроссман был первым в стране, кто нашел в себе мужество сказать об этом вслух) содержалось прямое сопоставление сталинского и гитлеровского режимов. Писатель не отворачивается от смертельно опасной тематики, не останавливается там, где его мысль переступает границу запретной зоны.

И автор заставляет читателя перейти эту черту: «И уже не десятки тысяч и даже не десятки миллионов людей, а гигантские массы были покорными свидетелями уничтожения невинных. Но не только покорными свидетелями; когда велели, голосовали за уничтожение, гулом голосов выражали одобрение массовым убийствам. В этой огромной покорности людей открылось нечто неожиданное. (…) Сверхнасилие тоталитарных социальных систем оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух». Гроссман задает – читателю и себе – «проклятые» вопросы: «Претерпевает ли природа человека изменение, становится ли она другой в котле тоталитарного насилия? Теряет ли человек присущее ему стремление быть свободным?» Ответ писателя звучит оптимистически: «Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего»[17].

Обнаружились, и в немалом числе, публицисты, увидевшие в книге Гроссмана «сооружение тяжеловесное, претенциозное и с художественной точки зрения, и с точки зрения исторической правды». Или, хуже того, раздавались обвинения, будто через роман «черной нитью проходит ничем не прикрытая враждебность к русскому народу»[18]. Но большинство откликнувшихся на книгу исходили из того, что «Жизнь и судьба» уже стала неотъемлемой частью общественного сознания. Роман Гроссмана, отмечал в 1989 г. в ходе одной из многочисленных дискуссий о «Жизни и судьбе» критик Андрей Турков, «оказывается сегодня нашим полноправным собеседником, участником горячих, взволнованных дебатов на самые актуальные темы. (…) В шуме жизни продолжается голос умершего». Алла Латынина увидела значимость романа не только в его художественной ценности, «но в ином – в опережающих для той поры развития нашего общества прогностических суждениях, которые заключает в себе художественная мысль автора… Гроссман полностью распрямил спину и обрел такую свободу дыхания, которую еще не допускали рамки времени»[19].

Наверное, лучше всего сказал о романе Генрих Бёлль. «Автора, – заметил он в отзыве на книгу, – мы всегда находим там, где ему полагается быть – у страждущих». Немецкий писатель уподобил книгу Гроссмана космосу, «который исследуешь в ходе чтения; книга не только интересна, не только полна разоблачений, но и свидетельствует об отчаянности индивидуального сопротивления»[20]. Роман является ныне компонентом уже не индивидуального сопротивления, но – движения по направлению к антитоталитарному сознанию. В этом движении особая роль принадлежала публицистике.

Публицисты о тоталитарном прошлом: демифологизация сталинизма

В течение года-полутора тиражи российских общественно-политических журналов превысили все мыслимые рекорды. Повторилась – в который раз – та особенность российской социальной жизни, о которой в 1850 г. прозорливо писал Александр

Герцен: «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы»[21].

На страницах «Огонька», «Московских новостей», «Аргументов и фактов» – шедших нарасхват сверхпопулярных среди либеральной интеллигенции еженедельных изданий (люди занимали очередь у газетных киосков с шести часов утра) – неустанно повторялись призывы излагать, наконец-то, «историю без белых пятен», «открыть все белые пятна в истории», «восстановить те факты, которые выпали или были сглажены», «преодолеть провалы исторической памяти». Начался кратковременный газетно-журнальный бум, который по масштабам и по накалу страстей можно сопоставить с ростом числа названий и тиражей публицистических изданий послевоенной Германии в 1946–1948 гг. Но сходство относится не только и не столько к количественным показателям: предметом дискуссий и в том, и в другом случае были пути преодоления тоталитарного прошлого и формирования демократического будущего.

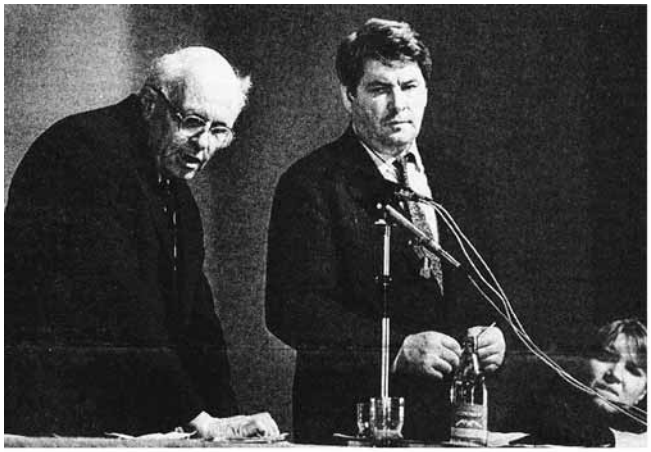
То, что публиковалось прежде в «самиздате» или «тамиздате», то, что скрывалось в недрах спецхранов (концлагерей для книг), стало доступным массовому читателю. «Гласность, – как писал позднее Александр Солженицын, – открыла и возможность свободной переклички и слияния голосов метрополии и недавней эмиграции»[22]. Эйфория, вера в быстрые перемены охватила и бывших диссидентов, и интеллектуалов, никогда не выступавших открыто против режима. Характерно суждение одного из авторов «Нового мира» – Андрея Нуйкина: «Самое невероятное и “фантастическое” в перестройке – это то, что она началась и несмотря ни на что продолжается… Что ни говорите, а просто не верится, что все это происходит с нами!»[23].

Нуйкину вторил драматург Александр Гельман: «Да, это мы. Это мы вчера мирились с тем, с чем сегодня не миримся. Это мы вчера молчали о том, о чем сегодня не молчим. Это мы вчера робели перед тем, перед кем сегодня не робеем. Это мы вчера и подумать не смели, о чем сегодня пишем в газетах»[24].

Поначалу, как и во время кратковременной оттепели конца 50-х и начала 60-х годов, главным сюжетом стала индивидуальная ответственность Сталина, а причинами трагедий и неудач объявлялись преступные отклонения от единственно правильной линии, верность которой не подлежала никаким сомнениям. Массовое историческое сознание, в лучшем случае, было ориентировано на осуждение «перегибов культа личности Сталина». Еще сохранялась привычная из времен социализма лексика, а ошибки и преступления именовалась «деформациями социализма» и резко отделялись от «учения Маркса и Ленина», но уже термин «сталинизм», которого прежде боялись как огня, зазвучал сначала робко, а затем и во весь голос.

В конце марта 1987 г. вновь назначенный ректор Московского историко-архивного института профессор Юрий Афанасьев объявил о начале публичных чтений, задача которых, по словам их инициатора (следовавшего официальной лексике), состояла в том, чтобы «внимательно посмотреть, верны ли наши ориентиры, достаточно ли прочно стоим мы на классовых, марксистско-ленинских позициях»[25].

Одной из первых была поставлена лекция «Сталин: человек и символ». Афиш о предстоящих чтениях не было нигде, кроме как в фойе Историко-архивного института, но подступы к зданию в самом центре Москвы заранее были с двух сторон



«Руководители перестройки» – Андрей Сахаров (слева) с вновь назначенным ректором Московского историко-архивного института Юрием Афанасьевым; внизу – фрагмент Берлинской стены в Москве, выставленный в 1995 году перед центром Сахарова

перегорожены конной милицией. В переполненном актовом зале не хватало стульев, слушатели стояли, динамики были вынесены в коридоры, а оратор сумел пробраться к трибуне только ценой нескольких оторванных пуговиц… К каким же выводам пришел лектор, профессор Юрий Борисов? «Сталинщина, – утверждал ученый, – привела к отходу от ряда основополагающих ленинских принципов. Уход с ленинской магистрали создал гигантский зигзаг в истории страны. В этих условиях социализм как полноценная система, отвечавшая программным заявлениям марксизма-ленинизма, сложиться не мог. Административно-командные методы создают, следовательно, тупиковый вариант строительства социализма»[26].

Аналогичные формулировки содержались и в докладе Горбачева, посвященном 70-летию Октябрьской революции. Однако генеральный секретарь одновременно утверждал (явно отставая от потока общественного мнения), что «руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин, отстояло ленинизм», или что «курс, предложенный партией», был правильным и т. п.[27].

После того, как в марте 1987 г. с острыми статьями о Сталине и сталинизме в еженедельнике «Аргументы и факты» выступил известный специалист по истории Великой Отечественной войны, действительный член Академии наук СССР Александр Самсонов, он получил более 2500 писем (181 из них автор опубликовал в сво-

ей книге «Знать и помнить. Диалог историка с читателем»). Отклики адекватно воспроизвели менявшиеся формы, в которых советское общество воспроизводило и оценивало образ сталинского тоталитаризма. В письмах Самсонову нашли отражение и ностальгия по сталинскому прошлому, и новая политико-нравственная атмосфера.

Перед нами образцы высказываний граждан, полагавших, что «недопустимо хаять все, что связано с именем Сталина», – от достаточно мягкого суждения: «Я не сторонник широкого обсуждения событий тех лет. Это не в интересах партии и советского народа» до бескомпромиссных формулировок типа: «Мое поколение родилось при Ленине, выросло при Сталине. Стояли и будем стоять за правое дело Сталина»; «Эх, проснулся бы Сталин или воскрес как бог!».

В читательских письмах, отразивших иную точку зрения, выражалась признательность ученому, публично выступившему с позиции исторической правды: «Уверен, что такого откровенного разговора о прошлом ждали миллионы людей». Но были отклики, в которых проявилось понимание ограниченности критической волны 1987 г.: «Спасибо Вам за каплю света. вы, наверное, не решаетесь на большее. Ну что ж, время придет – другие об этом напишут»; «Мы еще мало знаем о прошлом. То, что раньше писалось – ложь, ныне – лишь шаг к истине»; «Сталин нанес нашей стране и международному коммунистическому движению такой вред, что потребуется не одна сотня лет, чтобы отмыть эту грязь». Иные авторы писем, несогласные с широко распространившейся в годы перестройки эйфорией, полагали, что задача преодоления наследия тоталитаризма займет целую историческую эпоху: «Определенный психологический климат, сложившийся в те годы, оставил отпечаток и на последующих поколениях (существует мнение, будто он даже вызвал какие-то изменения генетического характера). И только коренной перелом в психологии миллионов людей позволит сказать, что со сталинизмом покончено навсегда»; «Говорим мы и будем говорить, пока живы, о Сталине потому, что человеку свойственно вспоминать о миновавшей смертельной болезни. Надо помнить все ее симптомы и синдромы, все рецидивы, чтобы второй раз не умереть окончательно»; «Сталинизм – это прежде всего страх. Страх перед начальством, перед неверными друзьями, перед самим собой. И когда умрет страх, умрет и сталинизм». [28]

В обстановке глубокого кризиса российского исторического сознания мифы и схемы сталинского и постсталинского времени сравнительно легко были заменены антимифами и антисхемами. В течение десятилетий громоздились горы лжи о нашем обществе, и чем круче поворот от официозных версий, тем больше доверия вызывал такой поворот.

Чтобы поверить в нетоталитарное будущее, надо было убедиться, что в прошлом существовали альтернативы сталинизму. В публицистике был начат активный поиск несталинских вариантов развития послеоктябрьской России, появились десятки статей, посвященных НЭПу и политическому завещанию Ленина, деятельности выступавших против линии генсека деятелей коммунистической партии – Николая Бухарина, Мартемьяна Рютина, Алексея Рыкова, Федора Раскольникова.

Но постепенно выяснилось, что идея такой альтернативы была иллюзорной. Росло осознание того, что кризис социализма, преступления режима нельзя объяснить только действиями Сталина. Зрело понимание того, что корни трагедии заключаются, прежде всего, в порочности системы, где все решал лишь один человек, где монополия на власть принадлежала одной политической силе, где даже промахи и преступления вождя люди убежденно считали великими деяниями. Необходимо было

Различные виды памятников. На Мамаевском кургане в Волгограде сегодня горит Вечный огонь. Справа: демонстрация молодежи под лозунгом «Сталин с нами»

осуществить последовательный критический анализ всей системы руководства партией и страной. И, как писал один из популярных авторов «Огонька», «вдумчивый читатель, конечно же, смекнул, что наскучившая ему публицистическая “сталиниана” была вынужденной, но необходимой мерой исторической ассенизации. (…) Критика Сталина на определенном этапе вызревания гласности была своего рода “эвфемизмом” более серьезной и концептуальной критики»[29].

Среди все расширявшихся зон, запретных еще недавно и для исследования, и для художественного отображения, особое место заняла проблематика войны 1941–1945 гг., которая в народном сознании остается кровоточащей, незаживающей раной, величайшей бедой российской истории. Существовал и существует обостренный интерес к трагическим событиям войны. Однако раскрытию правды о военных событиях на протяжении жизни нескольких поколений достаточно эффективно препятствовали как отсутствие достоверной информации, так и идеологическая инструментализация истории Великой Отечественной войны.

Речь идет о символическом событии, которое выступает важнейшим элементом позитивной коллективной идентификации, едва ли не единственной позитивной точкой отсчета национального самосознания. Гордость за стойкость в испытаниях и достигнутую ценой невероятных жертв победу стала важнейшим компонентом национального самосознания.

В глазах значительной части представителей старших поколений память о войне стала сакральной, поэтому любые трактовки истории войны, содержащие критику

партийно-государственного руководства, воспринимались (в значительной мере, это относится и к сегодняшнему дню) как оскорбление памяти павших. Память о войне обросла в массовом сознании многочисленными табу. В течение ряда десятилетий шел процесс вымывания из памяти о войне ее негативных сторон.

«Мы как-то умудрились, – с горечью говорил выдающийся писатель, участник войны Виктор Астафьев, – не без помощи исторической науки сочинить “другую войну”. Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно иной войне»[30].

В августе 1987 г. «Известия» выступили с призывом, направленным на «очищение памяти», на восстановление правды о советских пленных и пропавших без вести. Были получены первые взволнованные отклики («Спасибо за правду, которую вы рассказали»; «Благодарен газете. Вы воздали должное за верность родине всем, кто заслужил это своей жизнью и смертью»). [31] Незамедлительно в газете Министерства обороны «Красная звезда» была опубликована статья, подписанная главным маршалом артиллерии Владимиром Толубко, в которой с достаточной степенью циничности подтверждалась незыблемость прежнего подозрительного отношения к жертвам войны: «Теперь попробуй установи, кто погиб, кто пропал без вести, кого взяли в плен, а кто сдался сам». Или: «Кто может установить, что среди них не было сдавшихся в плен и выдавших военную тайну, в результате чего погибли сотни людей?»[32].

Выражением яркого протеста против возврата к сталинистской практике стало опубликованное на страницах журнала «Знамя» письмо участника войны, бывшего пленного Бориса Тягунова. С нескрываемой тревогой он писал о людях, которые «хотят поставить под подозрение и всех пропавших без вести, и бывших военнопленных». «Совесть моя не будет спокойна до тех пор, – продолжал Тягунов, – пока не будут восстановлены честные имена тех, кто погиб без вести, кто по сей день чувствует на себе косые взгляды – а, кто его знает, честный он или нет, если в плену был?»[33].

Стойкое неприятие части общества по отношению к правде о войне вновь проявилось через три года, когда Геннадий Бордюгов и журналист «Комсомольской правды» Александр Афанасьев напечатали большую подборку архивных документов, в комментарии к которой утверждалось: «Система, которая и создавалась-то для ведения войны и оправданием которой во многом было ожидание грядущей войны, – эта система в первые же военные недели и месяцы обнаружила свою недееспособность». Рассматривая значимость опыта военного поколения для последующего развития страны, авторы пришли к существенно важному выводу: «XX съезд, дух освобождения, оттепели вышел из фронтовой шинели победителей»[34].

В читательских откликах на публикацию четко проявилась поляризация суждений о войне. С одной стороны, «от имени ветеранов» (в том числе и в письмах на имя Горбачева) было выражено «недоумение и удивление, если не сказать больше», вызванное «неправильным, однобоким представлением о войне и ее итогах», а также «пасквильным преподнесением материала о нашей Великой Победе», «клеветой на советскую действительность». Но, с другой стороны, было немало писем в редакцию газеты, авторы которых поддержали позицию Бордюгова и Афанасьева. Среди них и такое письмо: «Нам следует провести десталинизацию по примеру того,

как в послевоенной Германии была проведена денацификация. Необходимо очищать сознание затурканных системой масс»[35].

Особое место в публицистике второй половины 80-х занимают тексты лауреата Нобелевской премии мира Андрея Сахарова, ставшие доступными после его возвращения из ссылки, а также его последующие выступления, статьи и интервью. Сахаров именовал тоталитарные режимы «крайним выражением опасностей современного общества». «Фашизм в Германии, – отмечал он, – просуществовал 12 лет, сталинизм в СССР – вдвое дольше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это – гораздо более изощренный заряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть, с коварным и внезапным использованием механизма цепной реакции пыток, казней и доносов, с запугиванием и оболваниванием миллионов людей, в большинстве совсем не трусов и не дураков». Ученый был убежден в том, что «лишь тщательный анализ прошлого и его последствий в настоящем даст возможность смыть всю безмерную кровь и грязь, которые запачкали наше знамя».

«Наша страна, – писал Андрей Сахаров, – вступила на путь самоочистки от скверны сталинизма», и это – только «начало этого трудного и далеко не прямолинейного пути». Отсюда следовал вывод, полностью подтвержденный последующими событиями: «Разоблачению сталинизма в нашей стране далеко до окончания… Необходимо всемерно ограничить влияние неосталинистов на нашу политическую жизнь»[36].

Эти строки были написаны в 1975 г., а 13 лет спустя, после возвращения в Москву, ученый выступает со статьей «Неизбежность перестройки», в которой его политический анализ и политическая программа приобретают новое качество. Андрей Сахаров ставит беспощадный диагноз состоянию тоталитарного и посттоталитарного советского общества: «Наше общество оказалось (не “вдруг”, конечно, а в результате сложного исторического процесса) глубоко больным. Симптомы болезни (…) известны, в какой-то мере мы понимаем ее причины и внутренние механизмы (хотя до полной глубинной ясности еще далеко)». К числу признаков болезни автор статьи относит отсутствие плюрализма в структуре власти и в экономике, бюрократизацию всей жизни страны, попрание социальной справедливости и террор и преследования инакомыслящих. «Я уверен, – продолжал Сахаров, – что высшие интересы страны требуют полной правды о прошлом и настоящем, какой бы она ни была трудной»[37].

И в статье «Неизбежность перестройки», и в платформе, обнародованной в феврале 1989 г., в канун выборов на Съезд народных депутатов СССР, содержится четкое изложение альтернативы тоталитарному прошлому: «Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией. (…) Социальная и национальная справедливость. Защита прав личности. Открытость общества, свобода убеждений. (…) Искоренение последствий сталинизма, правовое государство»[38].

Сахаров предложил Съезду народных депутатов проект Декрета о власти, в котором были конкретизированы данные предложения. Но депутаты, в большинстве своем, остались враждебными к предложениям великого ученого, не хотели слу-

шать и слышать правду, сгоняли Сахарова с трибуны… Последствия оказались именно такими, какими он их предсказал в речи при закрытии съезда: «Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями»[39].

Публицистика, при всех ее слабостях и противоречиях, при всех иллюзорных представлениях о возможности быстрого расчета с прошлым, пробила немалую брешь в прежних исторических представлениях. Однако на страницах либеральных изданий пафос разоблачения не был дополнен пафосом созидания, и пресса меньше всего была занята разработкой антитоталитарного, демократического проекта. Под пером публицистов не появилось принципиально новых идей, кроме тех, что были высказаны в самиздате и в зарубежной русской литературе. Демократическое возбуждение 1987–1990 гг. охватило относительно узкие круги интеллигенции и не получило необходимого продолжения. Не исчерпалась ли, не ушла ли вместе с Сахаровым традиционная для российских представлений социальная функция интеллигенции?

Надлом перестройки, надлом исторического сознания

В 1988 г. проявились первые признаки кризиса перестройки, кризиса горбачевской модели «социализма с человеческим лицом». Публика подспудно ощущала недостаточность и односторонность сенсационно поданной информации о сталинских преступлениях. Налицо была исчерпанность разоблачительного пафоса, все более ясным становилось понимание того, что гласность, свобода слова не может заменить реальных реформ, затрагивающих фундамент общества. Опрос общественного мнения, проведенный в конце 1989 г., показал, что достаточно велико число граждан, которые считали чрезмерным число публикаций о преступлениях Сталина: в целом, по Российской Федерации доля придерживавшихся этого мнения составила 29,5 %[40].

В одном из писем в редакцию «Московских новостей» давалась оценка доминировавшему в прессе курсу на обличения сталинских криминальных акций: «Подобный образ действий может дать обратный эффект – привыкания, утомления, отбрасывания тревожной информации»[41]. Историк Леонид Баткин, выступая в конце 1987 г. в «круглом столе», организованном журналом «Век XX и мир», заявил: «Я думаю, перестройка еще не началась. Мы переживаем сейчас паузу между вступлением к перестройке, смятением умов и глубокими переменами в огромной стране, где мало что сдвинулось с места. (…) Мы находимся в самом начала долгой, великой и мучительной эпохи». И далее: «У нас нет механизма защиты перестройки и отсюда – естественный страх, что всё могут прекратить в одну ночь. Да и соблазн такой у некоторых налицо»[42].

Прогноз оказался точным. В марте 1988 г. в официальном партийном органе «Советская Россия» было опубликовано письмо («Не могу поступаться принципами») никому не ведомого ленинградского преподавателя-химика Нины Андреевой, вдруг сделавшейся всем известным идеологом реставрации. Под лозунгом защиты «чести и достоинства первопроходцев социализма» автором выдвигались требования прекратить освещение в печати «дежурной темы репрессий», не допускать «но-

вых вспышек разоблачений», которые «заслоняют объективное осмысление прошлого». Письмо от начала до конца проникнуто духом поиска врагов, которыми, по оценкам автора, являются «потомки свергнутых Октябрьской революцией классов», а также представители «контрреволюционных наций»[43].

Письмо было перепечатано на страницах нескольких десятков провинциальных партийных газет, а интеллигенция пребывала в состоянии некоего оцепенения, ни один орган печати не нашел в себе мужества немедленно ответить «Советской России» (исключением были только «Московские новости»). Для подготовки редакционной статьи в «Правде» понадобилось три недели. Центральный орган КПСС броско именовал письмо Андреевой «манифестом антиперестроечных сил»[44], не предложив, при этом, реальной платформы противодействия силам реставрации в партии и в обществе. Налицо был внутренний кризис идеологии и практики перестройки.

«Иного не дано» – так был озаглавлен бестселлер российской интеллигенции (вышел под редакцией Юрия Афанасьева, подписан к печати 8 августа 1988 г.). Название должно было символизировать категоричную уверенность в безальтернативности горбачевской перестройки. Но содержание сборника, в котором участвовали виднейшие ученые, писатели, журналисты, отразило не только надежды и иллюзии, связанные с «дальнейшим углублением и радикализацией курса Горбачева», но и – элементы трезвого понимания кризисного состояния общества, неизбежности грядущих потрясений, вызванных надломом в процессах социальной и политической трансформации.

Никита Моисеев, действительный член Академии наук СССР, авторитетный специалист в сфере прикладной математики и экологии, предупреждал: «Нам предстоит долгий и трудный путь в завтра»[45]. Убедительно звучали слова писателя Алеся Адамовича: «И на этот раз нам, обществу нашему не удалось вырваться из мертвящих объятий бюрократически-приказаной, репрессивной системы. (…) Будет, я уверен, *ужас беспомощности*. И бесконечное сожаление об упущенном»[46].

Кризис перестройки неизбежно породил и кризис в постижении происхождения и характера тоталитарной диктатуры в СССР. В печатных изданиях начинают конкурировать две как будто взаимоисключающие, но, на деле, зеркальные версии истолкования сталинизма: с одной стороны, как «нарушения ленинских норм», «чужеродного для социализма явления», а с другой стороны, как прямого продолжения ленинской традиции, как воплощения сплошной и единственной тоталитарной линии, ведущей от Ленина, от 1917 года, а то и раньше – от Карла Маркса. По мнению философа Александра Ципко, выход состоял только в коренном пересмотре «исходных позиций и самих проектов социалистического строительства»[47].

Видимо, прав был публицист Отто Лацис, который так характеризовал воззрения подобного рода: «К одному искажению исторической ретроспективы добавляется другое, а, с точки зрения оценки сталинизма, итог тот же: Сталин не виноват»[48]. В начале 1990 г. журналист Валерий Абрамкин подвел печальный итог целому периоду эволюции антитоталитарной исторической публицистики: «За последние три года мы преуспели в разоблачении отдельных мифов, чего нельзя сказать о преодолении самого мифотворческого сознания… Основные усилия такое сознание концентрирует на борьбе с конкурирующими мифами»[49]. В массовой публицистике широкое хождение получили легенды о «России, которую мы потеряли», связанные с идеализацией столь разных фигур, как Николай II и Петр Столыпин, и, конечно же,

с провозглашением Владимира Ленина «германским шпионом» и «врагом России», а Октябрьской революции – результатом заговора или бунта, инспирированного большевиками.

На фазе перехода общества к радикально-либеральному этапу российской модернизации в условиях шоковой терапии характер расчета с тоталитарным прошлым существенно изменился: вектор общественного сознания сместился к заботам о хлебе насущном. Отсутствие реальных успехов в становлении гражданского общества привело к девальвации демократических ценностей, к социальному пессимизму. Астрономические тиражи газет и журналов упали и достигли рекордов диаметрально противоположных. Популярность антитоталитарной журналистики стала быстро уходящим в забвение историческим фактом прошлого.

Индикатором кризиса перестройки стало неожиданное равнодушие, с которым была встречена в обществе публикация эпохального труда Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (завершен в 1968 г. и опубликован на Западе в 1973 г.). Писатель Сергей Залыгин, возглавивший «Новый мир», сумел сделать невозможное: вопреки всем запретам в конце 1989 г. были напечатаны избранные главы «Архипелага».

Внимание читателей было обращено не только к описаниям ада сталинских лагерей, но и к мыслям писателя о путях расчета с прошлым. Великий моралист пророчески-горько сравнивал опыт послевоенной Германии с опытом России (прежде всего с будущим, с несостоявшимся тогда еще опытом): «Загадка, которую не нам, современникам, разгадать: *для чего* Германии дано наказать своих злодеев, а России – не дано? Что ж за гибельный будет путь у нас, если не дано нам очиститься от этой скверны, гниющей в нашем теле? Чему же сможет Россия научить мир? (…) Мы должны осудить публично самую *идею* расправы одних людей над другими! Молча́ о пороке, вгоняя его в туловище, чтобы только не выпер наружу, – мы *сеем* его, и он тысячекратно взойдет в будущем.(…) Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие. И неуютно же, и страшно будет в такой стране жить!»[50].

Солженицын, еще работая над своей книгой, надеялся на то, что она, будучи (когда-то!) напечатанной, произведет переворот в российском общественном сознании. Он отчетливо осознавал взрывчатую силу «Одного дня Ивана Денисовича», но от обнародования главного труда ждал неизмеримо большего: «Я сижу и думаю: если первая крохотная капля правды разорвалась как психологическая бомба – что́ же будет в нашей стране, когда Правда обрушится водопадами? А – обрушится, ведь не миновать»[51].

Залыгин был уверен в том, что публикация важнейших фрагментов, а затем и полного текста «Архипелага» будут событием «не столько информационного порядка – мы уже сыты информацией – сколько (…) учительским значением. (…) Возвращаясь к нам четверть века спустя, Солженицын встретит в нас других людей, совсем не тех, с которыми он когда-то мысленно прощался в “персональном” самолете, следующем по маршруту Москва – Кельн»[52].

Увы, главное произведение Солженицына, вобравшее в себя кровь и слезы миллионов людей («Я пишу за Россию безъязыкую», от имени всех, «кому не хватило жизни об этом рассказать»![53]) и детально раскрывавшее анатомию репрессивного сталинского режима, дошло до российского читателя чересчур поздно – только в начале 90-х годов, когда общество перегорело, интерес к «разоблачительной лите-

ратуре» резко упал, а социально-политический климат в стране стал совсем иным. «Архипелаг» вернулся на родину его автора тогда, когда уже не было монополии на истину (от кого бы истина ни исходила), когда структура российской исторической памяти кардинально изменилась. Вера Солженицына в то, что он и в новых условиях останется властителем дум, оказалась иллюзорной. (Это полностью относится и к периоду после его возвращения в Россию в мае 1994 г.)

Но смогли ли российская историческая наука и российское историческое сознание наших дней подняться до концептуального уровня художественных обобщений Солженицына?

Тоталитарное прошлое: научные подходы

В начале 90-х ушло время, когда историческая публицистика, замещая профессиональную историческую науку, претендовала на основную роль в формировании исторического сознания. Впрочем, перестроечный публицистический бум сделал свое дело: журналистика обозначила стыдливо именовавшиеся «белыми пятнами» болевые точки анализа прошлого, узловые пункты, генеральные темы штудий советской истории. Изменение приоритетов научной мысли стало показателем динамики общественных настроений. Пришло время высоких технологий профессиональной историографии. Началась невидная работа по открытию архивов и публикации документов, по изданию серьезных, лишенных налета сенсационности, научных статей и монографий, поиска форм сотрудничества с зарубежными учеными, исследующими проблемы тоталитаризма.

Среди принципиально важных сюжетов, впервые получивших научное освещение на базе архивных материалов, – властный механизм сталинского режима, насильственная коллективизация, «большой террор», сталинская внешняя политика кануна второй мировой войны, модификации сталинизма в 1941–1945 гг., депортации народов, послевоенные репрессивные акции, воздействие сталинизма на международное коммунистическое движение. Заслуга в разработке проблематики советского тоталитаризма принадлежит историкам нескольких поколений.

Начиная с 1991–1992 гг. в России происходило массовое рассекречивание архивных материалов, прежде всего, советского периода, что позволило даже говорить о происходящей на наших глазах «архивной революции». Публикации документов приобрели лавинообразный характер. Если в 1992 г. в газетах и журналах было опубликовано 500 новых архивных документов и 25 документальных сборников (относящихся преимущественно к послеоктябрьскому периоду), то в 1994 г. эти цифры составили, соответственно, 540 и 69[54].

Этот процесс не был, разумеется, простым и легким. Рассекречивание архивов постоянно прерывалось и тормозилось новыми запретами (что полностью относится и к сегодняшнему дню), документальные публикации нередко становились средством политического самоутверждения новой власти, в практику вошла коммерционализация архивного дела[55]. Чрезмерными оказались и ожидания немедленных научных результатов «архивной революции». Владимиру Козлову, одному из руководителей Государственной архивной службы, принадлежит следующее суждение: «Если говорить по большому счету, открытий в подлинном смысле этого слова пока

не произошло, если не считать трех-пяти десятков сенсационных публикаций, живо и наглядно продемонстрировавших старую, как мир, истину о политической роли архивных материалов, но, увы, мало что изменивших в наших представлениях о прошлом»[56].

Усилиями историков Виктора Данилова, Николая Ивницкого, Виктора Земскова, Елены Осокиной коллективизация в СССР предстала как одна из наиболее мрачных и трагических страниц истории советской деревни, величайшее народное бедствие. Насильственная коллективизация и ликвидация экономически крепкого и дееспособного населения деревни разрушили производительные силы сельского хозяйства, превратили крестьян даже не в наемных рабочих, а фактически в крепостных. Численность крестьянских хозяйств уменьшилась на 5,7 миллионов или примерно на 25 миллионов человек. В 1930–1931 гг. было сослано в восточные и северные районы страны около 390 тысяч «кулацких семей», что составило около 2 миллионов человек. В результате организованного властями голода от него умерло 7–8 миллионов человек, из них только на Украине около 4-х миллионов[57].

Четко выраженную актуально-политическую окраску приобрело обнародование архивных документов, связанных с советско-германскими договорами от 23 августа и 28 сентября 1939 г., а также секретных дополнительных протоколов к ним. Официальная советская историография (начисто отрицая наличие секретных протоколов) утверждала, что пакт о ненападении преследовал лишь одну цель – обеспечить безопасность СССР в условиях военного кризиса в Европе. Ответственность за развязывание второй мировой войны привычно возлагалась, при этом, на Германию, на Англию, Францию, но не на Советский Союз.

Но публикации хранившихся в так называемой «особой папке» в ЦК КПСС оригиналов секретных протоколов (впервые эти материалы были изданы на английском и немецком языках Государственным департаментом США в 1948 г.) и других дипломатических документов 1939–1940 гг[58]. неопровержимо показали, что пакт о ненападении выходил за рамки своего наименования и означал советскую гарантию поддержки Германии в будущей войне против Англии и Франции.

Налицо был сговор Гитлера и Сталина о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Это означало серьезное нарушение принципов международного права, не говоря уже о полной несовместимости с моральными нормами. Сталин и Молотов приблизились к той черте, за которой кончался нейтралитет Советского Союза и начинался на деле военно-политический союз с Германией. Среди российских историков, внесших вклад в восстановление исторической правды, должны быть прежде всего названы Валентин Бережков, Лев Безыменский, Вячеслав Дашичев, Михаил Семиряга, Сергей Случ[59].

Цена победы, данные о потерях Вооруженных сил и мирного населения во время Великой Отечественной войны были едва ли не самой запретной темой вплоть до начала 90-х годов. Заниженные цифры советских потерь, объявленные Сталиным, а затем Хрущевым и Брежневым, определялись не реалиями, а текущей политической конъюнктурой. И только в 1993 г. было опубликовано исследование, подготовленное большим коллективом ученых.

Общие безвозвратные потери армии и флота за 1941–1945 гг. определяются цифрой 8.700 тысяч человек. За этими данными – невиданные масштабы трагедии миллионов советских людей, а также мера ответственности сталинского руководства за неподготовленность СССР к войне. За июнь-декабрь 1941 г. погибло, по архивным

данным, 3.130 тысяч, а в 1942 – 3.250 тысяч солдат и офицеров. Хотя вокруг приведенных цифр развернулась дискуссия, все же большинство современных исследователей считают указанные данные достоверными[60].

В официальном советском историознании тема попавших в немецкий плен военнослужащих Красной Армии и насильственно угнанных в Германию гражданских лиц находилась под знаком табу. Но при этом, калечились и скрывались судьбы миллионов: число пленных составляло 3.900 тысяч человек, число остарбайтеров – 4.120 тысяч. По воле Сталина, военнопленные уже в 1941 г. были квалифицированы как изменники, к ответственности привлекались члены семей военнопленных. Значительная часть вернувшихся на родину пленных и остарбайтеров, чудом выживших в немецкой неволе, попала в тюрьмы и лагеря. Слова «военнопленный», «репатриант» на уровне бытового сознания ассоциировались с «врагами народа».

Но рассказать об этом на основе архивных данных российские историки смогли только в начале 90-х годов. Сначала – цикл статей Виктора Земскова о репатриации советских граждан из Германии [61], а затем – фундаментальное исследование Павла Поляна «Жертвы двух диктатур», написанное с привлечением материалов многочисленных российских и германских архивов, а также воспоминаний бывших репатриантов. «Советские военнопленные и остарбайтеры, – констатировал автор книги, – это классический пример громадного и по охвату, и по значению исторического явления, которое в СССР десятилетиями положено было не замечать, делать вид, что его вовсе не было» [62].

Кризис, а затем и распад советского многонационального государства обратил пристальное внимание общественности и сообщества историков к проблемам межнациональных отношений, к характеру национальной политики сталинского режима. Рассекреченные фонды государственных и партийных архивов позволяют раскрыть картину бесчеловечной высылки целых народов, начатой в 30-е годы и продолженной – в иных уже масштабах – во время войны. Полной депортации были подвергнуты 15 народов, принудительно покинули места своего проживания около 3,5 миллионов человек, значительная часть, при этом, погибла.

В течение последних лет выпущены сборники документов, содержащие подробные сведения о депортациях – от принятия преступных решений Сталиным и его соратниками до практического осуществления высылки и судьбы миллионов людей в послевоенное время[63]. Одним из самых активных публикаторов документов и материалов по истории депортаций народов Северного Кавказа, калмыков, поволжских немцев является профессор Николай Бугай[64]. Но указанные труды, с полным основанием утверждает исследовательница истории российских немцев Нина Вашкау, «стали лишь подступами к изучению сложной и многогранной проблемы депортации народов на территории СССР. (…) Изучение этой проблемы позволит создать условия для формирования концепции по разрешению национальных конфликтов в России в настоящее время»[65].

Возведение русского национализма в ранг официальной идеологии во время войны служило охранительным соображениям режима, но не интересам русского народа[66]. Навязывание патернализма по отношению к иным нациям СССР сочеталось с лишением русского народа собственной государственности. Под прикрытием хвалы «терпению» русского народа и его «руководящей роли» шло замораживание насущных задач национального развития.

Пропагандистская шумиха о «сталинской дружбе народов» и «сталинской национальной политике» служила маскировкой развязанной после войны массированной антисемитской кампании. Публикации документов о преступных антиееврейских акциях партийной власти[67], первые научные труды по данной проблематике позволили приоткрыть непроницаемую завесу секретности над этой позорной страницей нашей истории.

Геннадий Костырченко был первым, кто взял на себя смелость исследования политического преследования евреев в СССР в 40-и и 50-е годы. «Антисемитизм, – отмечает историк, – долгие года оставался одним из главных идеологических и психологических комплексов правившего в стране коммунистического режима. (…) Считалось, что еврейской проблемы как бы не существует, что она искусственно создана враждебной западной пропагандой с целью вмешательства во внутренние дела Советского Союза»[68].

«Еврейство России, – отмечал Евгений Рашковский, – и – шире – Советского Союза, потерявшее в XX веке миллионы своих сыновей и дочерей, оказалось как прямой, непосредственной жертвой расовой “Шоа” со стороны иноземных национал-социалистов (“Шоа-1”), так и косвенной жертвой “классовой шоа” со стороны “своего” революционного тоталитарного аппарата (“Шоа-2”)… Если “Шоа-1” знаменовала собой особое мученичество еврейского народа, то в “Шоа-2” еврейство России и других республик Союза разделило мученичество со своими соотечественниками иных народов и вер»[69].

Бернд Бонвеч, крупный специалист по советской истории, писал в 1987 г., что «Московская Клио» все еще является «пугливой музой». Но одновременно он выражал надежду на то, что она еще сумеет «набрать воздуха в легкие»[70]. Повторит ли сегодня Бонвеч слова о «пугливой музе»? Оправдался ли за прошедшие годы прогноз бохумского ученого? Даже краткий обзор достижений и пробелов в исследовании советского периода убеждает в том, что объем нерешенных задач значительно превышает объем уже сделанного.

Картина тоталитарного периода нашей истории пока что остается мозаичной. Прав американский историк Марк фон Хаген, утверждающий, что российские ученые ограничились «заполнением “белых пятен”, то есть исправлением явно фальсифицированных работ о прошлом и изложением ранее игнорируемых эпизодов», поскольку исследователи «не были готовы к созданию новых концептуальных моделей»[71]. Нет обобщающих трудов, дающих целостную картину советского тоталитаризма. Отсутствует научная история КПСС, равно как и научная биография Сталина, нет работ, суммирующих историю ГУЛАГа, равно как и исследований, содержащих анализ социальной политики и массовой базы советского тоталитаризма (естественно, список лакун может быть продолжен). Многие архивные фонды сталинского времени продолжают оставаться недоступными для исследователей. Ни в СССР, ни в России не было основательных научных дискуссий по проблематике советского тоталитаризма, сопоставимых с такими вехами в эволюции историографии и исторического сознания ФРГ, как «спор историков» (1986–1987 гг.) или полемика о преступлениях вермахта на оккупированных территориях Восточной Европы (1995–1999 гг.).

Российский исследователь Арон Гуревич с горечью признает: «Историческая наука в России не совершила качественного сдвига в новых социально-политичес-

ких и идеологических условиях, не сумела воспользоваться свободой, на которую была обречена»[72].

Интерес читающей публики к публикациям о сталинском режиме заметно упал. Тираж ведущего научного ежемесячника «Вопросы истории» (содержание журнала во многом определялось материалами о «темных пятнах» советской истории), составлявший в 1987 г. 16 тысяч, поднялся в 1989 г. до 77 тысяч, а в 1990 г. даже до 101 тысячи (!), затем стал неуклонно уменьшаться: 21 тысяча в 1992 г., 11 тысяч в 1995 г., 6 тысяч в 2000 г., 5500 в 2001 г. Но гораздо более опасной представляется тенденция ремифологизации истории советского общества, получившая в последние годы заметное распространение.

Опасность термидора в историческом сознании?

«В России, – замечает Елена Зубкова, – сейчас существует как бы несколько “русских историй”, каждая из которых имеет собственных героев и антигероев. И ни одна не является официальной (т. е. на государственном уровне принятой) версией»[73].

Вадим Кожинов, высокоэрудированный историк литературы, издавший несколько книг по российской истории XX столетия, «с полной откровенностью» сообщает читателю, что его точка зрения совпадает с точкой зрения черносотенцев начала века, основанной на «безусловной, так сказать врожденной православной вере». Опровергая мнения ученых, называемых им «профессиональными русофобами», он утверждает, что сталинская коллективизация была «порождением хода истории». Кожинов убежден в том, что 1937 год нельзя рассматривать как «трагедию народа», потому что «дело идет о численности всего 0,4 % тогдашнего населения страны». Террор (трагические последствия которого, как уверяет Кожинов – это «весьма спорный вопрос») явился, по мнению автора, «закономерным изменением самого бытия страны», «завершением громадного и многогранного движения самой истории»[74]. И – в качестве итогового суждения – Кожинов именует большевистский режим «выражением не воли Сталина, а воли самой истории», антисталинские трактовки советского периода, соответственно, «лжепониманием хода истории в 1930–1950-х годах»[75].

В 1999 г. в одном из московских издательств вышла апологетическая биография Сталина[76], предисловие к которой написал действительный член Российской академии наук Юрий Кукушкин, один из ведущих в недалеком прошлом специалистов по советскому периоду, автор насквозь идеологизированных школьных учебников. Для него даже умеренные критики вождя – это «фальсификаторы истории, поддержанные антинародными силами», которые «нагло искажают» прошлое, и, применяя «подлые методы», повторяют тезисы «гитлеровских пропагандистов». В другом жизнеописании Сталина (опубликованном двумя годами раньше)[77] он предстает в качестве «великого мыслителя, политика, государственного деятеля, полководца», а решения XX съезда именуются «пирамидой лжи».

Столь агрессивная (и не встречающая видимого отпора!) атака на достижения современной исторической мысли оказалась бы просто невозможной без учета эволюции общественного мнения, которая, в значительной степени, сводится к ремифоло-

гизации социально-политического пространства прошлого и настоящего. В основе этого явления – рефлексия общественного сознания (в том числе или прежде всего обыденного сознания) на обвальный крах советской системы, падение экономического и военного потенциала, на утрату международного авторитета России, на социальное расслоение и разорение миллионов простых людей, на неспособность власти сформулировать понятные для общества цели развития. Все это имеет следствием широкое распространение мифа о «благополучной советской эпохе», ностальгии по державно-героической, помпезной истории, по государственному эпосу.

Сталин представляется многим символом утраченного государственного порядка и величия. Приведу данные Всероссийского центра изучения общественного мнения. В 1994 и в 1999 гг. был проведен опрос: «Принесло ли правление Сталина больше хорошего или больше плохого?». В первом случае соотношение ответов равнялось 18 («больше хорошего») к 57 («больше плохого»), но во втором – уже 26 к 48. В опросе «Десять выдающихся людей российской истории» Сталин и в 1994, и в 1999 гг. занимал четвертое место, но в 1994 г. такое суждение высказали 20 процентов респондентов, а пять лет спустя – 35 процентов[78].

Российское прошлое было и остается полем политических противостояний. В результате краха прежних социокультурных структур возник своего рода духовный вакуум. В исторической публицистике четко проявился демонстративный поиск национал-патриотической и национал-религиозной идентификации. Идея «красного реванша» маловлиятельна, куда более распространены концепции «особого российского пути» (которые только внешне похожи на славянофильские установки XIX века): великодержавность, исключительность, восприятие внешнего мира как враждебного.

В нашей стране, победившей гитлеризм, истоки и последствия его влияния на массы оставались вне пределов анализа, а достигнутая ценой неисчислимых жертв победа над «третьим рейхом» не стала гарантией генетически приобретенного иммунитета к нацистской инфекции. К сожалению, казавшееся невозможным стало возможным: в сегодняшней России существует отчетливая фашистская опасность, основанная на широком распространении в обществе комплексов авторитаризма и национализма, на социальном недовольстве, погруженном в раствор радикально-фундаменталистских ценностей, на бездействии законодательной и исполнительной властей. Если на пути национал-экстремистской идеологии, этнической нетерпимости не будет поставлен прочный барьер, зараза может расползтись со скоростью вирусной инфекции.

«У интеллигенции, – отмечает писательница Светлана Алексиевич, – сейчас нет интеллектуального мужества, она растеряна. Она не способна оценивать ситуацию. Дело даже не в смелости – чего-чего, а смелых людей у нас достаточно. А вот интеллектуальной смелости не много. Тут многое сошлось – и непрофессионализм, и малообразованность, и расплата за сговор с системой. Наступил интеллектуальный паралич. Но я верю, что такие люди скоро появятся. Но поймут ли они нас?»[79].

Политолог Вячеслав Игрунов предполагает (или предупреждает?), что мы находимся на пороге «совершенно очевидного завершения революции». Термидор, продолжает он, – это «эпоха, когда снова оживают старые ценности, старая культура, старые привычки. Они вызывают уважение, признается их традиционная, семейная ценность, и происходит синтез этих старых ценностей с достижениями революции.(…) Такой образ жизни – по-новому со старыми привычками, со старым созна-

нием – становится обыденным явлением, обретает всеобщность, захлестывает всю страну»[80].

Обнаруживается четкая связь прогресса исторического сознания с моральным климатом общества, с его этическими ориентирами. Мораль и научный анализ оказываются неотчуждаемыми друг от друга. Глубоко прав Александр Солженицын, утверждавший, что новый облик послевоенной Германии, «возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи» были определены «нравственным импульсом», «облаком раскаяния», которое наполнило ее атмосферу после второй мировой войны[81]. Но прошла ли Россия через необходимую фазу моральных мук и трудных решений, о которой писал Солженицын? Не находимся ли мы все еще на том этапе, который Германия миновала в конце 40-х и в первой половине 50-х гг.? Не доминирует ли в российском общественном сознании стремление изгнать из памяти ужасы и злодеяния сталинского тоталитарного режима?

Германия и Россия: опыт и перспектива

Конечно же, непозволительно, признавая явное сходство политического инструментария и методов достижения целей двух диктатур, игнорировать их столь существенные различия, как принципиальная несовместимость ценностных систем и противоположность основных установок. Длительность нацистского режима измеряется двенадцатью годами, советский вариант тоталитаризма просуществовал по меньшей мере в два раза дольше. Крушение «третьего рейха» произошло под ударами извне, советский режим пал под воздействием неразрешимых внутренних противоречий. В СССР – при наличии «своего» Освенцима – не было «своего» Нюрнберга.

И все же: переход России и Германии от тоталитарных режимов к демократическому устройству – это незаконченные, разорванные в историческом времени и в историческом пространстве акты единой планетарной драмы, решающие фазы движения человечества к цивилизации XXI века. Вряд ли будет когда-либо возможным провозгласить процесс выхода из тоталитаризма – в России или в Германии – завершенным окончательно и бесповоротно, поскольку такое «завершение» означало бы губительное для наших народов забвение трагического прошлого. «Цена тоталитарного правления, – предвидела Ханна Арендт, – была столь высока, что ни Германия, ни Россия еще не оплатили ее в полной мере»[82].

Для нас остается существенно важным непредвзятое, неконъюнктурное изучение и освещение немецкого опыта формирования антитоталитарного согласия, извлечения уроков из истории нацистской диктатуры. Лев Копелев, один из крупнейших гуманистов XX столетия, инициатор «Вуппертальского проекта» о многовековом диалоге русских и немцев, назвал опыт преодоления тоталитаризма в ФРГ «необычайно важным, необходимым для России» – «ради выздоровления общества, ради того, чтобы исцелить тяжелобольную страну»[83]. Эти слова Копелева, опубликованные посмертно в российской прессе, стали духовным заветом неутомимого поборника взаимопонимания между народами России и Германии.

В работах выдающегося российского мыслителя Михаила Гефтера содержится глубокий анализ путей преодоления последствий тоталитарных режимов. Ученый внимательно и непредубежденно сопоставляет опыт Германии и опыт России:

«Нельзя не признать: немцы стали спрашивать себя раньше, чем мы. (…) Немцы воспретили себе освободиться забвением от того рокового рубежа, когда, отдав себя во власть Гитлера, они вступили в самую мрачную пору своего национального бытия». «В истоках постнацистской цивилизации, – констатировал Гефтер, – ментальный сдвиг, закрепивший и Словом, и политическими переменами опыт долгого, мучительного избывания фашизма». Он предостерегал современников от иллюзий любого рода, предупреждал о сложности и противоречивости «выхода» их тоталитарного прошлого: «Процесс этот имеет не только длительность во времени, сопровождаемую обрывами и возобновлениями. Он и по сути неоднозначен. Освободиться от наследства доступно, лишь познав его, а само познание немыслимо вне освобождающего действия, создающего новые коллизии». Для преодоления тоталитаризма настоятельно необходимо сформировать «структуры политического согласия», создать обстановку, в которой «несовпадающие интересы, традиции и мировоззрения смогут нестесненно осуществлять диалог друг с другом»[84].

Главное наше отличие от Германии можно выразить формулой Михаила Гефтера: «От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь»[85]. Пока в России не утвердились демократический политический режим и гражданское общество, не существует гарантий основательного и всестороннего преодоления тоталитарного наследия. Следствием непреодоленности прошлого может быть только опасная неопределенность настоящего и еще более опасная неопределенность будущего.

Будут ли у нас востребованы уроки немецкого посттоталитарного периода? Сумеем ли мы извлечь выводы из сталинского прошлого, избрать свой путь к национальному согласию, к стабильной и человечной демократии? Сможем ли мы найти дорогу к самим себе, отыскать улицу, которая ведет к Храму?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из поэмы А. Твардовского «По праву памяти».

[2] *Толстой Л.* Собрание сочинений в двадцати двух томах. Т. 17. – М., 1984. С. 223.

[3] *Твардовский А.* Поэмы. – М., 1988. С. 327.

[4] *Бордюгов Г.* Украденная победа // Комсомольская правда, 1990, 5 мая.

[5] *Дедков И.* Литература и новое мышление // Коммунист, 1987, № 12. С. 57.

[6] *Ферретти М.* Сталин умер вчера… А действительно ли умер Сталин? // Советская историография. – М., 1996. С. 429.

[7] *Ионин Л.* Г. …И воззовет прошедшее // Социологические исследования, 1987, № 3. С. 62, 68, 72.

[8] *Васильев Б.* Прозрение // Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. – М., 1988. С. 224, 228.

[9] Московские новости, 1987, 15 февраля.

[10] *Твардовский А.* Ук. соч.. С. 329.

[11] Там же. С. 329.

[12] Там же. С. 327.

[13] Там же. С. 315–335.

[14] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. – М., 1989. С. 220.

[15] Жизнь и судьба Василия Гроссмана. – М., 1991. С. 77–82. Ср. также *Lew Kopelew:* Das Buch, das verhaftet wurde. In: Ders.: Worte werden Brücken. Aufsätze/Vorträge/Gespräche 1980–1985. – Hamburg, 1985. S. 213–217. (*Прим. ред.*)

[16] *Гроссман В.* Жизнь и судьба. С. 83–88.

[17] *Гроссман В.* Ук. соч.. С. 159–161.

[18] Жизнь и судьба Василия Гроссмана. С. 161; Литературная Россия, 1988, 23 декабря.
[19] Жизнь и судьба Василия Гроссмана. С. 368, 370–371.
[20] *Бёлль Г.* Способность скорбеть // Новое время, 1988, № 24. С. 37.
[21] *Герцен А.И.* Сочинения в девяти томах. Т. 3. – М., 1956. С. 443.
[22] *Солженицын А.* Россия в обвале. – М., 1998. С. 142.
[23] *Нуйкин А.* Идеалы или интересы? // Новый мир, 1988, № 1. С. 190.
[24] Литературная газета, 1986, 10 сентября.
[25] Московские новости, 1987, 5 апреля.
[26] *Борисов Ю.* Сталин: человек и символ. Факты истории и история культа // Переписка на исторические темы. – М., 1989. С. 491.
[27] *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается // Коммунист, 1987, № 17. С. 11–12.
[28] *Самсонов А.М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. – М., 1989. С. 31–292.
[29] *Костиков В.* Сапоги из шагреневой кожи // Огонек, 1989, № 32. С. 9.
[30] Историки и писатели о литературе и истории // Вопросы истории, 1988, № 6. С. 33.
[31] Известия, 1987, 21 августа; 29 августа.
[32] Красная звезда, 1987, 5 сентября.
[33] *Тягунов Б.* Никто не забыт?.. // Знамя, 1988, № 10. С. 227–230.
[34] Комсомольская правда, 1990, 5 мая.
[35] Там же, 1990, 31 августа.
[36] *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда. – М., 1990. С. 24–29.
[37] Там же. С. 239, 244, 246–247.
[38] Там же. С. 257–260.
[39] Там же. С. 261.
[40] Есть мнение. Итоги социологического опроса. – М., 1990. С. 166.
[41] Московские новости, 1988, 25 декабря.
[42] *Баткин Л.* Баррикады перестройки // Век XX и мир, 1988, № 2. С. 26–27.
[43] Советская Россия, 1988, 13 марта.
[44] Правда, 1988, 5 апреля.
[45] *Моисеев Н.* Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. – М., 1988. С. 76.
[46] *Адамович А.* Воспоминание о будущем, которого не должно быть // Там же. С. 270.
[47] *Ципко А.* О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. С. 183.
[48] *Лацис О.* Сталин против Ленина // Осмыслить культ Сталина. – М., 1989. С. 219.
[49] *Абрамкин В.* От мифов к реальности // Век XX и мир, 1990, № 1. С. 14.
[50] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. С. 174–176.
[51] Там же. С. 291.
[52] *Залыгин С.* Год Солженицына // Новый мир, 1990, № 1. С. 238, 240.
[53] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 293; Т. 1. С. 7.
[54] *Козлов В.*, *Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991–1996) // Свободная мысль, 1997, № 4. С. 124.
[55] *Минюк А.И.* Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
[56] *Козлов В.П.* Об использовании документов российских архивов // Новая и новейшая история, 1992, № 6. С. 77.
[57] Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. – М., 1989; *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их // История СССР, 1991, № 5; *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история, 1994, № 1; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов. – М., 1995; *его же.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996.
[58] Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939 года) // Международная жизнь, 1989, № 9; Год кризиса. 1938–1939. Т. 1–2. – М., 1990; Документы внеш-

ней политики. 1939. Т. XXII, кн. 1–2. – М., 1992; Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история, 1993, № 1.

[59] *Бережков В.* Просчет Сталина // Международная жизнь, 1989, № 5; *Безыменский Л.А.* Секретные протоколы как проблема советской историографии // Россия и современный мир, 1996, № 1; *Его же.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история, 1998, № 3; *Дашичев В.И.* Пакт Гитлера–Сталина: мифы и реальность // Историки отвечают на вопросы. вып. 2. – М., 1990; *его же.* Из истории сталинистской дипломатии // История и сталинизм. – М., 1991; *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. М. 1992; *его же*. Сговор двух диктаторов // История и сталинизм; *Случ С.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М., 1995; *его же*. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история, 2000, № № 5, 6.

[60] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. – М., 1993; См. также: Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. – СПб., 1995; *Рыбаковский Л.Л.* Людские потери СССР в Великой Отечественной войне // Социологические исследования, 2000, № 6.

[61] *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР, 1990, № 4; *его же*. Репатриация советских граждан в 1945–1956 годах. Опираясь на документы // Россия XXI, 1993, № 5; *его же*. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования, 1995, № 5.

[62] *Полян П.* Жертвы двух диктатур. остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М., 1996. С. 5.

[63] «Погружены в эшелоны и направлены к местам поселений…» Л. Берия – И. Сталину // История СССР, 1991, № 1; 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД – МВД СССР) // там же, 1992, № 1; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – М., 1992; Так это было. Национальные репрессии в СССР. В 2-х томах. – М., 1993; Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». – М., 1995; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин». – М., 1998.

[64] *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории, 1990, № 7; *его же.* Операция «Улусы». – Элиста, 1991; *его же.* 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история, 1992, № 4; *Бугай Н.Ф.*, *Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998.

[65] *Вашкау Н.* Современная российская и зарубежная историография о депортации народов в годы Великой Отечественной войны // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. – Кемерово, 2000. С. 56–57.

[66] См.: *Бордюгов Г.А.* Большевики и национальная хоругвь // Родина, 1995, № 5.

[67] Неизвестная «Черная книга». – М., 1993; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. – М., 1994; Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. – М., 1996.

[68] *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М., 1994. С. 3.

[69] *Рашковский Е.Б.* Осмысливая геноцид // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. – М., 1992. С. 156–157.

[70] *Bernd Bonwetsch:* Die Bewältigung der Vergangenheit. Geschichts– und Gesellschaftswissenschaften in der «Perestrojka» // Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. – Berlin, 1987. S. 88.

[71] *Хаген М. фон.* Сталинизм и политика в постсоветской истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М., 1999. С. 15.

[72] *Гуревич А.Я.* Двоякая ответственность историка // Новая и новейшая история, 1997, № 5. С. 70.

[73] «Своё» и «чужое» прошлое, или Поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. – М., 1999. С. 43.

[74] *Кожинов В.* Россия. Век XX-й (1901–1939). От начала столетия до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). – М., 1999. С. 63, 139, 239, 259, 363–364, 375, 394.

[75] *Его же.* Загадочные страницы истории XX века // Наш современник, 2000, № 12. С. 225, 241.
[76] *Соловьев Б.*, *Суходеев В.* Полководец Сталин. – М., 1999.
[77] *Семенов С.Н.*, *Кардашов В.И.* Иосиф Сталин: жизнь и наследие. – М., 1997.
[78] *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. – М., 2000. С. 451–453.
[79] *Алексиевич С.* Моя единственная жизнь // Вопросы литературы, 1996, № 1. С. 223.
[80] Независимая газета, 2001, 14 февр.
[81] *Солженицын А.* Публицистика. Статьи и речи. – Вермонт – Париж, 1989. С. 25, 53.
[82] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. – М., 1996. С. 21.
[83] Общая газета, 1997, 26 июня – 2 июля; Московские новости, 1997, 25 июня.
[84] *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 210, 418, 422–423; *Его же.* Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. – М., 1995. С. 74, 224;
[85] *Его же.* Из тех и этих лет. С. 308.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – 43, 50, 339
Абель Рудольф Иванович (1903–1971) – 238
Абрамкин Валерий Федорович (р. 1946) – 992
Абрамов Алексей Александрович, полковник – 405
Абрамов В.И. – 544
Абрамов Федор Александрович (1920–1983) – 942, 944
Абрасимов Петр Андреевич (р. 1912) – 637
Абуладзе Тенгиз (1924–1994) – 490, 491, 869, 980, 981
Авербах Леопольд (1903–1937) – 228
Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) – 24, 753
Адамович Алесь (1927–1994) – 884, 885, 992
Аденауэр Конрад (1876–1967) – 84, 112, 119–124, 320, 378, 444, 457, 458, 467, 623, 626, 661, 670, 850
Адорно Теодор (1903–1969) – 774, 778
Айтматов Чингиз Торекулович (1928–2008) – 709, 921, 942–948
Айхведе Вольфганг (р. 1942) – 390
Аккерман Антон (1905–1973) – 95, 430
Аксенов Василий – 389
Александр I (1771–1825), император с 1801 г. – 361
Александр II (1818–1881),император с 1855 г. – 362, 364
Александр Невский (1220–1263), князь – 911
Александров Александр Васильевич (1883–1946) – 486
Александров Георгий [Григорий] Федорович (1908–1961) – 221, 340, 342, 429, 887
Алексиевич Светлана Александровна (р. 1948) – 999
Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992) – 143, 144, 146, 335
Алиханов Абрам Исаакович (1904–1970) – 524
Аллас Эвальд – 785
Аллилуева Надежда Сергеевна (1901–1932) – 217
Аллилуева Светлана Иосифовна (р. 1926) – 185
Алов Александр Александрович (1923–1983) – 890, 891
Амаду Жорж (1912–2001) – 709
Амальрик Андрей – 390, 948
Ангелофф Терезе – 666
Андерсен Мартин (1869–1954) – 658
Анджапаридзе Верико (1900–?) – 876
Андреас-Фридрих Рут – 398
Андреев Даниил Леонидович (1906–1959) – 897
Андреева Нина – 991, 992
Андрианов К.А. – 625
Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) – 216, 394
Анисимов Александр Иванович (1877–1937) – 373–376
Аннинский Лев Александрович (р. 1934) – 922
Антипин Петр Федорович (1890–1960) – 516
Апиц Бруно (1900–1975) – 837, 842
Аппиа Адольф (1862–1928) – 290
Арагон Луи (1897–1982) – 309
Арватов Борис Игнатьевич (1896–1940) – 271
Арденне, Манфред фон (1907–1997) – 523–525
Арендт Ханна (1906–1975) – 205, 209, 410, 1000
Арндт Адольф (1904–1974) – 370
Арндт Руди (1909–1940) – 456
Аронов Владимир – 724
Астангов Михаил Федорович (1900–1965) – 873, 875
Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – 989
Афанасьев Юрий (р. 1934) – 20, 985, 986, 989, 992
Ахмадулина Белла Ахатовна (р. 1937) – 924
Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) – 137, 260, 268, 341, 757, 912, 946

Б

Бааде Брунольф – 539, 543, 544, 547, 551, 556, 559, 560, 562
Баарова Лида (1914-2001) – 216
Бабаджанян Арно (1921–1983) – 483
Бабак Марина – 174
Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) – 229, 259, 330, 344, 695, 940
Бабочкин Борис Андреевич (1904–1975) – 267, 871
Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895–1934) – 143
Баев Александр Александрович (1904–1994) – 533, 534, 539
Баки, Йозеф фон (1902–1966) – 849
Бакланов Георгий – 389
Балаш Бела (1884–1949) – 693
Бальтерманц Дмитрий (1912–1990) – 162
Банионис Донатас Юозович (р. 1924) – 864
Барбюс Анри (1873–1935) – 224, 658, 691, 832
Барлах Эрнст (1870–1938) – 780
Барский Сергей (1915–?) – 395
Бартель Курт, псевдоним Куба (1914–1967) – 483, 643, 647
Барто Агния Львовна (1906–1981) – 804
Басистов Юрий Васильевич (р. 1921) – 406
Бассехес Николаус – 262
Бастиан Герд (1923–1992) – 393
Баталов Алексей Владимирович (р. 1928) – 878
Баткин Леонид Михайлович (р. 1932) – 991
Баум Герберт (1902–1942) – 456
Баум Герхард (р. 1932) – 646
Бауэр Г., генерал – 105, 123, 126
Бауэр Х. – 513, 514
Бауэр Петер – 390
Бах Йоганн Себастьян (1685–1750) – 372, 757, 758, 764, 901–903
Бахмайр Генрих – 300, 302, 303
Бахман Ойген – 786
Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – 934
Бебель Август (1840–1913) – 818
Бегалин Мажит – 870

Беднарц Клаус (р. 1942) – 390
Бежанов Григорий Акимович, генерал-майор – 266
Безыменский Лев (1920–2007) – 198, 995
Бек – 539
Беккер Г., генерал-майор – 95
Беккер Георг – 270
Беккер Юрек (1937–1997) – 862
Белкин П. – 153, 154
Бёлль Аннемари (1910–2004) – 389
Бёлль Генрих (1917–1985) – 389, 390, 864, 894, 931, 984
Белов Василий Иванович (р. 1932) – 709, 942
Белый Андрей (1880–1934) – 730, 733, 738, 746
Белых Евгений – 803, 808
Беляев Игорь – 166, 167, 173, 375
Белых Григорий (1906–1938) – 803, 808, 817
Бём Рудольф – 867
Бен Гурион (1886–1973) – 148
Бенедиктов (1902–1983) – 514
Беньямин Вальтер (1892–1940) – 224, 245, 251, 262
Берг Фриц (1901–1979) – 423, 506
Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) – 788, 937
Бергельсон Давид (1884–1952) – 830
Бергман Ингрид (1915–1982) – 760
Бергсон Анри (1959–1941) – 225
Бердяев Николай Александрович (1887–1948) – 18, 24
Бережков [Богданов] Валентин Михайлович – 995
Березняк А.Я. – 551, 561
Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – 43, 44, 47, 105–107, 109, 123, 134, 135, 152, 155, 207, 216, 217, 219, 222, 237, 242, 262, 264, 445–448, 454, 455, 458, 463, 464, 481, 546, 555, 612, 613, 714
Берлин Исайя, сэр (1909–1997) – 219
Берковский Наум Яковлевич (1901–1972) – 824
Бетховен, Людвиг ван (1770–1827) – 372, 483, 484, 488, 603, 757–759, 861
Бехер Генрих – 299–302
Бехер Иоганнес Р. (1891–1958) – 10, 252, 299–321, 414, 455, 483, 484, 655, 659, 661, 683, 702, 713, 832, 834, 836, 849
Бехер Лотте – 312
Бианки Виталий Валериевич (1894–1959) – 803, 806
Бирман Вольф (р. 1936) – 389, 664, 671, 680–682
Бисмарк, Отто фон (1815–1898) – 276, 611, 725
Битов Андрей Георгиевич (р. 1937) – 981
Биттнер Хорст (р. 1927) – 640
Бланк Александр – 785
Бланк Мария – 785
Блинов – 458, 461, 462
Блок Александр Александрович (1880–1921) – 533, 709, 940
Блюхер Гебхард (1742–1819), генерал-фельдмаршал – 444
Боброва Елена – 720
Богданов Александр Александрович (1873–1928) – 19, 803, 805, 808
Богомолов Владимир Осипович (р. 1926) – 702, 817, 881, 893, 906, 908
Бодлер Шарль (1821–1867) – 300
Бойхлер Клаус (1926–1992) – 817
Бок Зигрид – 714
Бокарев С.А. – 530
Боков Федор Ефимович (1904–1984), генерал-лейтенант – 424
Болотова Жанна Андреевна (р. 1941) – 930
Больц Лотар (1903–1986) – 443
Бонвеч Бернд (р. 1940) – 997
Бондарев Юрий Васильевич (р. 1924) – 709, 891, 893, 908, 909
Бондарчук Сергей Федорович (1920–1994) – 858, 879, 889, 890
Бонне Жорж (1889–1973) – 125, 369, 635, 639, 874
Боргельт Ганс – 395
Бордюгов Геннадий Аркадьевич (р. 1954) – 979, 989
Борев Ю. – 206, 208, 217, 218, 221, 222, 225
Бореш – 519
Борзиг, Конрад фон (1973–1945) – 499
Борисов Юрий – 986
Борман Мартин (1900–1945) – 54, 216, 231, 239, 969
Борн Ханс – 525
Борн Георг – 843
Борнеман – 540
Борнмюллер – 520
Боровский Давид (1934–2006) – 290
Борщаговский Александр Михайлович – 266, 267
Ботвинник Михаил Моисеевич (1911–1995) – 625, 631, 632
Бочвар – 539
Бранд Адам – 495
Брандлер Генрих (1881–1967) – 187
Брандт Вилли (1913–1992) – 10, 635, 637, 642, 643
Брандт Рихард – 859
Браннаски Вольф (р. 1944) – 677
Браудо Исай – 757
Браун Ева (1912–1945) – 235, 876
Браун Фолькер (р. 1939) – 13, 664
Браунджон Н.С., британский генерал-майор – 60, 64, 68
Брауэр Юрген – 865
Бредель Вилли (1901–1964) – 252, 267, 309, 699, 810, 827, 830, 834, 836
Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – 157, 173, 177, 216, 391, 394, 567, 576, 577, 588, 606, 682, 979, 982, 995
Бременер Макс Соломонович (1926–1983) – 817
Бреннеке Вольф (1922–2002) – 840
Брентано, Генрих фон (1904–1964) – 119–121
Брехт Бертольт (1898–1956) – 209, 226, 245, 247–249, 253, 257, 260, 262, 308, 310, 320, 399, 660–662, 699, 722, 811, 826, 834–836, 846, 870
Бродский Иосиф (1940–1996) – 205, 208, 224, 390, 753–776
Бройн, Гюнтер де (р. 1926) – 841
Брунн Анке – 393
Брустеллин Альф (1940–1981) – 864
Брюгель Фриц – 702
Бубер Мартин (1878–1965) – 797
Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – 245, 249, 250
Бубнов, Николай фон (1880–1962) – 692
Бугай Николай – 996
Букин А.Б. – 530

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – 222, 709, 939, 940, 945, 946, 948
Булгакова Елена Сергеевна – 939
Булгакова Оксана (р. 1954) – 885
Булганин Николай Александрович (1895–1975) – 117–120, 122, 123, 125, 155, 451
Бунге Ганс (1919–1990) – 661
Бундель, майор – 515
Бурляев Николай Петрович (р. 1946) – 882
Бурцев Всеволод Сергеевич (р. 1927) – 519
Бурцев Михаил Иванович, генерал-майор – 425
Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – 193, 194, 198, 249, 251, 326, 327, 329, 340, 738, 987
Бухнер Мирль – 610
Буххайм Лотар-Гюнтер (1918–2007) – 865
Буц Рихард – 499
Буш Вильгельм (1832–1908) – 827, 841
Буш Эрнст (1900–1980) – 252, 657, 846
Быкау Василь [Быков Василий Владимирович] (1924–2003) – 389, 893, 906–908, 942

В

Вавилов А. – 270
Вагнер Рихард (1813–1883) – 520, 690, 757, 758, 767
Вадер Ханнес (р. 1942) – 667, 671, 677, 679, 680, 684
Вайгель Хелене (1900–1971) – 262
Вайда Андрей (р. 1926) – 854, 858
Вайзенборн Гюнтер (1902–1969) – 707
Вайлер Сепп – 610
Вайль Петр – 928
Вайнер Тибор (1906–1965) – 726–728, 734–736
Вайнерт Эрих (1890–1953) – 657–659, 667, 834, 836, 846
Вайс-Фердль (1883–1949) – 208
Вайскопф Грета – 807
Вайскопф М. – 221, 223
Вайскопф Франц Карл (1900–1955) – 696
Вайследер Манфред – 628
Вайцзекер, Рихард фрайгер фон (р. 1920) – 393
Ваксман Михаиэль – 667
Валентин Карл (1882–1848) – 211, 447, 817, 922, 940, 942, 995
Вальден Херварт (1878–1941) – 245, 252, 257, 259, 271, 272
Вальдман – 514, 515, 517
Ванников Борис Львович (1897–1962) – 552
Варбург Отто Генрих (1883–1970) – 512
Василенко Сергей – 483, 488, 907
Васильев Борис Львович (р. 1924) – 981
Васильев Георгий Николаевич (1899–1946) и Сергей Дмитриевич (1900–1959) – 871
Вассерман Лео (1905–1938) – 738
Вассерман Якоб (1873–1934) – 826
Вашерхели П. – 644
Вашкау Нина Эмильевна (р. 1955) – 996
Вдовиченко В. – 456
Вебер Альфред (1868–1958) – 501
Веддинг Алех [Вайскопф Грета] (1905–1966) – 656, 807, 813, 893
Ведекинд Франк (1864–1918) – 667
Веерт Георг (1822–1856) – 837
Вежбицкая Анастасия – 211
Веккер Константин (р. 1947) – 682, 684
Вельскопф-Генрих Лизелотте (1901–1979) – 841
Вендель Герман – 691
Вендт Эрих (1902–1965) – 713
Венер Герберт (1906–1990) – 699, 713
Верещагин В. – 117
Верещагина Александра Михайловна (1810–1873) – 378
Верн Жюль (1828–1905) – 755
Вернер – 558
Вернер Лотте – 713
Вернер Мария (1903–?) – 706
Вернер Рут (1907–2000) – 818
Вершигор Петр Петрович (1905–1963) – 165
Вессель Хорст – 209
Виан Борис (1920–1959) – 653, 674, 676
Визирян – 546
Вийон Франсуа (1431–1463) – 667
Вильгельм I (1797–1888), германский император с 1871 г. – 797
Вильгельм II (1859–1941), германский император в 1888–1918 гг. – 299, 302, 328, 359, 368, 369, 512, 520, 523
Вильямс Петр Владимирович (1902–1947) – 278
Винклер Мартин (1893–1982) – 350–362, 364–374, 376–380
Винклер Урсула – 379
Виноградов Владислав Петрович (1899–1962), генерал – 115, 156
Висбар Франк (1899–1967) – 851, 852
Висконти Лучино (1906–1976) – 877
Витткугель Клаус (1910–1985) – 697
Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – 121, 254
Владимов Георгий – 391
Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933) – 924
Вознесенский Николай Александрович (1903–1950) – 546
Войнович Владимир (р. 1932) – 391
Волленберг Эрих (1892–1973) – 247
Волчек Галина Васильевна (р. 1933) – 927, 931, 932
Вольгемут Йоахим (1932–1996) – 821
Волькенштейн Владимир – 263
Вольперт Мария – 1045
Вольтер (1694–1778) – 138, 964
Вольф Владимир – 792
Вольф Конрад (1925–1982) – 849, 850, 851, 857–860, 862–864
Вольф Криста (р. 1929) – 389, 611, 693, 828, 829, 841, 843
Вольф Отто – 499
Вольф Фридрих (1888–1953) – 260, 283, 486, 702, 810, 826, 836, 849, 858
Вольф Эльзе (1898–1973) – 283
Вольфенштейн Альфред (1888–1945) – 308
Воронин И.Г. – 264, 530
Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), маршал – 118, 120, 142, 170, 217, 455, 871
Восленский Михаил – 480
Вульф Йозеф – 242, 558
Высоцкая Ольга Сергевна (1906–2000) – 163

Высоцкий Владимир Семенович (1938–1980) – 275, 945
Вышинский Андрей (1883–1954) – 42–45, 54

Г

Габбе Тамара Григорьевна (1903–1960) – 805
Гагарин, Юрий (1934–1968) – 15
Гайгер – 361, 362, 364, 365
Гайдар Аркадий Петрович (1904–1941) – 331, 803, 812, 813, 818, 819
Гайдар Егор Тимурович (р. 1956) – 21, 953
Гайдаров Владимир Георгиевич (1893–1976) – 874
Гайдн Йозеф (1732–1809) – 757
Галич Александр (1919–1977) – 390
Галл Владимир (р. 1919) – 304, 354, 376, 396, 452, 523, 541–544, 810, 815, 959
Галлай Марк – 709
Галле Фаннина (1881–1963) – 376
Галчинский Констант Ильдефонс (1905–1953) – 765, 766
Гамм Г.-Й. – 206, 208, 213, 217
Гарай Дора [Додо] – 706, 713
Гарц Гельмут – 513, 516
Гауптман Герхард (1862–1946) – 395, 408, 831, 834
Геббель Фридрих (1813–1863) – 308
Геббельс Йозеф (1897–1945) – 57, 208, 210, 214–216, 218, 232, 269, 337, 430, 853, 883, 981
Гевара, Эрнесто Че (1928–1967) – 674
Гегель Георг Фридрих Вильгельм (1770–1831) – 138
Гейдрих Райнхард (1904–1942) – 369
Гейм Штефан [Флиг Гельмут] (1913–2001) – 467, 829
Гейне Генрих (1797–1856) – 674, 703, 766, 823, 825, 827, 831–834, 837, 841, 843
Геловани Михаил Георгиевич (1893–1956) – 222, 874, 875
Гельман Александр Исаакович (р. 1933) – 942, 985
Гельфрейх Владимир Георгиевич (1885–1967) – 734
Гельцер Екатерина – 247
Гендель Георг Фридрих (1685–1759) – 757
Генис Александр – 928
Генкель Павел – 518–520, 527
Генри IV, король Англии – 824
Геншер Ганс-Дитрих (р. 1927) – 635, 642
Георге Генрих (1893–1946) – 246, 269, 271
Георге Гётц (р. 1938) – 852
Гераклит (ок. 540–480 до н.э.) – 766, 769
Герасимов Н.П. – 530
Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906–1985) – 172, 856, 880
Герберштейн, Сигизмунд фон – 495
Геринг Герман (1893–1946) – 54, 57, 163, 208–210, 214–216, 218, 279, 853, 916, 969
Герлих Гюнтер (р. 1928) – 821
Герман Алексей Георгиевич (р. 1938) – 878
Герман Ганс Петер, генерал – 105, 123, 126
Герман Юрий Георгиевич (1910–1967) – 818
Гернер – 539
Герцен Александр Иванович (1812–1870) – 832, 943, 985
Герцог Э. – 90, 520
Гесс Рудольф (1894–1987) – 54, 319, 828, 829, 841, 843
Гете, Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) – 264, 291, 356, 411, 425, 428, 668, 693, 764, 765, 767–770, 823, 825, 831–834, 841–843, 929
Гётц Вальтер (1867–1958) – 358
Гётц Леопольд Карл (1868–1931) – 364
Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – 1000, 1001
Гизелер К. – 646
Гизи Клаус (1912–1999) – 414
Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) – 254, 333
Гиляров Меркурий Сергеевич (1912–1985) – 529
Гиммлер Генрих (1900–1945) – 57, 216, 231, 981
Гинденбург, Пауль фон (1847–1934), генерал-фельдмаршал – 208, 307
Гинзбург Лев Владимирович (1921–1980) – 893
Гипслис А.П. – 631
Гитлер Адольф (1889–1945) – 38, 57, 84, 126, 133, 174, 184, 187, 188, 190, 194–196, 198–202, 206–211, 213–221, 223–225, 232, 236–239, 259, 264, 268, 275, 279, 313, 314, 316, 317, 328–330, 332, 333, 337, 340, 352, 368, 371, 431, 463, 466, 503, 597, 659, 666, 698, 699, 701, 703, 707, 712, 760, 762, 771, 773, 779, 782, 792, 795, 848, 851, 853, 857, 873–877, 884–886, 888, 893–895, 897, 900–902, 904, 912, 916, 962, 981, 990, 995, 1001
Гладков Федор Васильевич (1883–1958) – 690, 694, 695, 804, 807
Глинка Михаил – 221
Гломм Аида – 944
Глушкин Яков Соломонович – 284
Гоглидзе Сергей Асентьевич (1901–1953) – 155, 156, 454
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – 691, 694, 710
Гойя, Франциско Хозе де (1746–1828) – 842
Голль, Шарль де (1890–1970) – 337
Голубев Константин Дмитриевич (1896–1956) – 44
Голяков Иван Терентьевич (1888–1961) – 57
Гораций (65–8 до н.э.) – 775
Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) – 229, 240, 255, 682, 783, 948, 979, 980, 986, 989, 992
Горбачева Раиса Максимовна (1932–1999) – 842
Гордин Яков – 768
Горшенин Константин Петрович (1907–1978) – 107, 109, 458
Горшков Александр Георгиевич (р. 1946) – 644
Горький Максим [Пешков Алексей Максимович] (1868–1936) – 13, 19, 167, 202, 219, 221, 222, 291, 307, 308, 316, 457, 658, 691, 709, 734, 803–806, 810, 812–815, 836, 865, 948, 962, 964, 968
Готшальк Йоахим (1904–1941) – 269
Готшальк Мета (1902–1941) – 269
Гоффман Генрих – 217, 223
Гофман фон Фаллерслебен Август Генрих (1798–1878) – 10
Гофман Э.Т.А. (1776–1822) – 215, 710, 823, 825, 827, 838, 840, 842, 843
Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – 374, 740
Гранах Александр (1890–1945) – 246, 250
Гранин Даниил Александрович (р. 1919) – 705, 814, 940, 942

Грановский Александр (1890–1937) – 254
Грасс Гюнтер (р. 1927) – 324, 774, 776, 828, 864
Граф Оскар Мария (1894–1967) – 302
Грегор Манфред (р. 1929) – 837, 844, 858–860
Грегори, Карл фон – 122, 123
Грегори, Хильдегард фон – 122
Грекова Ирина – 389
Греф Роланд (р. 1934) – 865
Гречко Андрей Антонович (1903–1976) – 452, 454
Грибанов Михаил Григорьевич (1906–1987) – 43, 50, 436
Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – 139
Гримм Якоб (1785–1863) и Вильгельм (1786–1859) – 809, 838, 840
Гройс Борис (р. 1947) – 272
Гропиус Вальтер (1883–1969) – 723, 725, 726, 732
Гросс Джорж (1893–1959) – 302, 308
Гроссман Василий Семенович (1905–1964) – 254, 331, 335, 336, 341, 342, 893, 900–905, 909, 982–984
Гротеволь Отто (1894–1964) – 112, 115, 120, 125, 430, 448–450, 483, 490
Грубер Александр – 675
Грюнвальд Александр – 788
Грюндгенс Густав (1899–1963) – 267, 269, 407
Губенко Николай Николаевич (р. 1941) – 930
Губер – 520
Гувер Герберт Кларк (1874–1964) – 210
Гудериан Хайнц (1888–1954), генерал-полковник – 67, 888
Гумбольдт, Александр фон (1769–1859) – 520, 700
Гуревич Арон Яковлевич (1924–2006) – 997
Гус Михаил Семенович – 163
Гусейнов Гассан (р. 1953) – 24
Гутсмут Йоганн Фридрих (1759–1839) – 610
Гуцков Карл (1811–1878) – 824–826
Гюнтер Ганс (1899–1938) – 248, 314, 315, 609
Гюнтер Йоганн Кристиан (1695–1723) – 683

Д

Даймлер Готлиб (1834–1900) – 496, 503, 506, 538
Далем Франц (1892–1981) – 520, 702
Даллес Алан (1893–1969) – 231, 232
Даль Олег Иванович (1941–1981) – 702, 881
Дамериус Гельмут (1905–1985) – 246, 250, 270, 656, 746
Данилов Виктор – 995
Даниэль Юлий Маркович (1925–1988) – 390, 864
Дантес Жорж Шарль (1812–1895) – 219
Дарре Рихард Вальтер (1895–1953) – 209
Дауме Вилли (1913–1996) – 602, 646
Дашичев Вячеслав Иванович (р. 1925) – 995
Дёблин Альфред (1878–1957) – 308, 318, 702
Дебус Гельмут – 680
Дегенхардт Франц Йозеф (р. 1931) – 653, 659, 668, 669, 671,673, 674, 677–679, 682–684
Дедков Игорь – 931, 980
Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953) – 42, 187
Дельбрюк Макс (1906–1981) – 529
Демель Рихард (1863–1920) – 299
Демидовы: Ануфьев Никита Демидович (1656–1725), Павел Григорьевич (1738–1821), Павел Николаевич (1798–1840) – 740
Демичев Петр Нилович (р. 1918) – 637
Дёниц Карл (1891–1980), гросс-адмирал – 54
Дёнхофф, Марион фон (1909–2002) – 393
Дессау Пауль (1894–1979) – 541–544, 549, 660, 720, 722, 723, 725, 726, 728, 730–732, 734
Джексон Роберт (1892–1954) – 61
Джилас Милован (1911–1995) – 191, 220, 221, 223, 224
Джугашвили Екатерина Григорьевна – 488
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – 211, 740, 818, 924
Диблер – 453
Дикий Алексей Денисович (1889–1955) – 873
Диккенс Чарльз (1812–1870) – 773
Дилан Боб (р. 1941) – 653, 674
Дим Карл (1882–1962) – 602
Динмухаметов Г.А. – 285, 287
Дирксен, Герберт фон (1882–1955) – 249, 958
Дитрих Марлене (1901–1992) – 635, 760, 761, 852
Дитцен Рудольф, см. Ганс Фаллада – 395
Дмитриева Марина – 28
Добренко Е. – 220, 224, 225
Добровольский, генерал – 518
Довженко Александр Петрович (1894–1956) – 174, 175
Дойч Феликс (1884–1964) – 268, 497, 507
Донле Альберт – 479
Донской Марк Семенович (1901–1981) – 887, 889
Доппель Р. – 524
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – 18, 217, 362, 364, 371, 408, 690–693, 703, 708–710, 773, 846, 880, 912, 913, 940, 944, 948, 953
Драбкин Яков Самойлович (р. 1918) – 428
Драйзер Теодор (1871–1945) – 658, 832
Дратвин Михаил Иванович (1897–1953), генерал-майор – 42, 60, 62, 64, 67, 68
Древняк Богуслав – 268
Дреггер Альфред (1920–2002) – 98
Дубов Николай Иванович (1910–1983) – 819
Дуглас Вильям (1893–1986), американский главнокомандующий – 60
Дункер Вольфганг (1909–1942) – 748
Дункер Герман (1874–1960) – 727, 748
Духензе – 540
Дымшиц Александр Львович (1910–1975) – 395, 396, 401, 405–407, 412, 415, 432
Дюма Александр (1802–1870) – 755
Дюрренматт Фридрих (1921–1990) – 828, 841

Е

Евтушенко Евгений (р. 1933) – 23, 924
Ежов Николай Иванович (1895–1940) – 738
Екатерина II (1729–1796), царица с 1762 г. – 12, 781
Ельцин Борис Николаевич (1931–2007) – 20, 22, 24–26, 28, 98
Ерофеев Виктор (р. 1947) – 24
Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – 316, 709, 939, 940

Ж

Жанна д'Арк (1410/12–1431) – 700
Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – 136, 137, 139, 260, 261, 318, 342, 400, 404, 411, 413, 600
Желакявичус Витаутас (р. 1930) – 870
Железников Владимир Карпович (р. 1925) – 820
Жемчужина Полина – 217
Жид Андре (1869–1951) – 138, 217, 225, 267, 700
Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – 529, 757
Житомирская Зинаида Викторовна – 833, 834
Жуков Георгий Константинович (1896–1974), маршал – 42, 169–171, 188, 399, 425, 877, 897
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – 765

З

Забабахин Евгений – 525, 526
Заломон Рихард (1884–1966) – 363, 664
Залыгин Сергей Павлович (1913–2000) – 993
Зальтен [Зальцман] Феликс (1869–1945) – 838, 839
Замятин Евгей Иванович (1884–1937) – 914
Збарский Борис (1885–1954) – 254
Зегерс Анна (1900–1983) – 309, 313, 389, 690–716, 826, 828, 832, 834–837, 842, 843
Зееленбиндер Вернер (1904–1944) – 612, 818
Зельбер Мартин (1924–2006) – 819
Земмер Герд (1919–1967) – 664–666
Земсков Виктор – 995, 996
Зигль Эльфи – 390
Зильбер Лев Александрович (1894–1966) – 515, 516
Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936) – 187, 193, 194, 198, 314
Зорге Рихард (1895–1944) – 230, 234, 772
Зорин Леонид Генрихович (р. 1924) – 890
Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) – 137, 341
Зубкова Елена – 998
Зускин Вениамин Львович (1899–1952) – 245, 253, 254, 257, 259, 265–269, 272
Зыкова Ирина – 743, 744, 746
Зырянов П., полковник – 42, 66

И

Ибаррури Гомес Долорес (1895–1989) – 638
Иван IV Грозный (1530–1584), царь с 1547 г. – 219, 224, 352, 371
Иванов Борис – 848
Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – 335
Иванов Леонид Александрович (1871–1962) – 519
Иванов Макар – 399
Иванов Николай Васильевич (1905–1966) – 43
Ивантер Борис – 816
Ивницкий Николай – 995
Игрунов Вячеслав – 999
Икерт Готлиб – 783
Ильин Михаил (1896–1953) – 806
Ильичев Леонид Федорович (1906–1990) – 145
Имберт А.Г. – 52
Инбер Вера Михайловна (1890–1972) – 335
Иноземцев – 625
Ионин Леонид – 981
Иосиф II (1741–1790), император – 12
Иофан Борис Михайлович (1891–1976) – 734
Иофан Марк – 154
Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – 522
Исбранд Идес Эберхард – 495
Искандер Фазиль Абдулович (р. 1929) – 893, 911

Й

Йодль Альфред (1890–1946), генерал-полковник – 54
Йонас Ганс (1903–1993) – 374
Йорк Ойген – 142, 143, 283, 702

К

Кабанов Иван Григорьевич (1898–1972) – 552
Кавалерович Ерци (р. 1922) – 858
Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) – 335
Кавтарадзе С.И. – 217, 227
Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – 113, 125, 135, 136, 145, 199, 221, 262, 270, 337, 448, 455, 782
Каждан В.Б. – 154
Казак Герман (1896–1966) – 893
Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962) – 893, 895
Кайзер Якоб (1888–1961) – 84, 400, 875
Калатозов Михаил Константинович (1903–1973) – 858, 869, 878, 944
Калашник, генерал-майор – 432, 433
Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – 170, 217, 270, 281, 282, 284
Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946) – 54
Каменев Лев Борисович (1883–1936) – 187, 314
Канарис Вильгельм (1887–1945), адмирал – 238, 850
Канделаки Давид Владимирович – 187, 195
Кандинский Василий (1866–1944) – 723, 725
Канн Михаэль (р. 1950) – 866, 878
Кант Герман (р. 1926) – 828
Кант Иммануил (1724–1804) – 138, 328, 797, 832
Кант Уве (р. 1936) – 820
Кантор Карл Моисеевич (1922–2008) – 724
Канторович Альфред (1899–1979) – 702
Канторович Гершен Давидович (1937–2003) – 747, 751, 752
Капица Петр Леонидович (1894–1984) – 222, 224, 254
Карасев Яков Афанасьевич (1894–?) – 42–44, 52, 58
Карл Август – 832
Карл Леопольд фон Мекленбург (1678–1747) – 800
Кармен Роман Лазаревич (1906–1978) – 160, 161, 165, 166, 177–180, 886
Каров Хайнер (1929–1997) – 860–862
Каров Эвелин – 862
Карцов Николай Пантелеймонович – 168
Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – 163

Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – 817
Каутский Карл (1854–1938) – 762
Кафка Франц (1883–1924) – 329, 710, 829, 841, 843
Кафтанов С.В. – 522
Кацева Евгения (1920–2005) – 828
Кач Александр Сергеевич (1903–?) – 513, 525
Каш – 530
Кейтель Вильгельм (1882–1946), генерал-фельдмаршал – 54, 177, 423
Келлер Мехтильд – 387
Келлерман Берхард (1879–1951) – 395, 707, 824, 829, 830, 836, 837, 843
Келли Петра (1947–1992) – 393
Кемпе Александер – 390
Кербс Дитхард – 667
Керр Альфред (1867–1948) – 253, 308
Кершо Иан (р. 1943) – 220
Кесслер Гарри Граф (1868–1937) – 302, 304, 305
Кестинг Эдмунд (1892–1970) – 319
Кестнер Эрих (1899–1974) – 664, 830, 838, 839
Ким Анатолий Андреевич (р. 1939) – 238, 893, 909, 911, 946
Кинг Генри – 929
Киндлер Гельмут (1912–2008) – 344
Киров Сергей Миронович (1886–1934) – 219, 227, 313, 743
Кирсанов Александр Владимирович (1903–1985), полковник – 395
Кислинг Вольфганг (1929–1999) – 703
Киш Эгон Эрвин (1885–1948) – 262, 309, 707, 827
Кияткин М.М., полковник – 445
Клабунд (1890–1928) – 246
Кларе Герман (1909–2003) – 525
Клаудиус [Шмидт] Эдуард (1911–1976) – 707
Клаузевиц, Карл фон (1780–1831), генерал – 768, 832
Клее Пауль (1879–1940) – 723
Клей Люциус (1897–1978), американский генерал – 45, 65, 66, 547, 723
Клейст, Генрих фон (1777–1811) – 300, 695
Клемперер Виктор (1881–1960) – 185, 433
Климов Элем Германович (1933–2003) – 884–886, 944
Клингер Хартмут – 677
Кнеппер М. – 501, 502, 504
Коблер Эрих – 849
Кобулов Амаяк Захарович (1906–1953), генерал-полковник – 454
Ковалев Сергей Адамович (р. 1930) – 950
Ковальчук Николай Кузьмич (1902–1972), генерал-полковник – 43, 47, 50
Ковтун Николай – 612
Коган Петр Семенович (1872–1932) – 825
Кожевников Вадим (1909–1948) – 805
Кожинов Вадим – 998
Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) – 878
Козлов Владимир – 994
Койн Ирмград (1910–1982) – 840
Койне – 540
Койтнер Хельмут (1908–1980) – 850, 857
Колесниченко Иван Сазонович (1907–1984), генерал-майор – 517
Колли Николай (1894–1966) – 736
Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – 435
Коль Гельмут (р. 1930) – 98, 882
Кольцов Михаил Ефимович (1898–1942) – 246, 251, 259, 329, 698
Конев Иван Степанович (1897–1973), маршал – 171, 832
Кончаловский Андрей (р. 1937) – 883
Копалин Илья Петрович (1900–1976) – 848
Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – 334, 338, 384–394, 696, 706–710, 797, 800, 837, 893, 894, 929, 931, 953, 983, 1000
Корн Карл-Хайнц – 387
Корнеев С.Г., полковник – 528
Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – 871
Королев Сергей Павлович (1907–1966) – 105
Коротков – 447
Корпус Лилли, см. Бехер Лилли – 315
Косарев Александр Васильевич (1903–1939) – 259
Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941) – 872, 879
Костырченко Геннадий (р. 1954) – 132, 997
Костычев С.П. – 519
Косут Шарлотте – 921, 953
Котляр, полковник – 49
Кох Ганс (1894–1959) – 360, 367, 370
Кох Роберт (1843–1910) – 513, 515
Кох Вернер – 743
Крамер Стенли (1913–2001) – 890
Кранах Лукас (1472–1553) – 761
Красин Леонид (1870–1926) – 186
Краузе Ганс (1916–?) – 840
Краус Вернер (1884–1959) – 267, 269
Кренцлин Леонорэ – 703
Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – 186
Кристо (р. 1935) – 771
Кролль Ганс – 506
Круг Манфред (р. 1937) – 84, 863
Круглов Сергей (1907–1977), генерал-полковник – 43, 47, 80, 107, 109, 113, 123, 545, 552
Крупп фон Болен унд Гальбах Гаральд (1916–1984), генерал – 115, 126
Крупп фон Болен унд Гальбах Густав Георг Фридрих Мария (1870–1950) – 54, 755
Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – 220, 428, 805
Крылов И.А. – 210
Крюс Джеймс (1926–1997) – 838, 839
Куби Эрих (1910–2005) – 664
Куденко Ольга – 170
Кузнецов Николай (1911–1944) – 279
Кузнецов Юрий Поликарпович (р. 1941) – 898
Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) – 187, 561, 926, 964
Кукушкин Юрий – 998
Кулиджанов Лев Александрович (1924–2002) – 879
Кунерт Иоахим (р. 1929) – 857
Кунтце Клаус – 390
Купина Н. – 210, 214
Куприн Александр Иванович (1870–1938) – 811

Курганов Е. – 219
Курелла Альфред (1895–1975) – 428, 655, 700
Курчатов Игорь Васильевич (1903–1960) – 522, 523
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), фельдмаршал – 905
Кучински Юрген (1904–1997) – 404, 406, 696, , 697, 707
Кушниров Марк – 888
Кюхенмайстер Вера (р. 1929) и Клаус (р. 1930) – 819

Л

Лавочкин С.А. – 560
Лазарев Виктор Никитич (1897–1916) – 172, 378
Лазарь Аугусте [Макмиллан Мари] (1897–1970) – 337, 817
Лакшин Владимир – 937, 938
Ламмерт Вилль [Вильгельм] (1892–1957) – 86, 281–284, 288
Ламмерт Тилль (1920–1990) – 282
Ламмерт Уле (р. 1926) – 283, 284
Ламмерт Хетте [Хедвиг] (1895–1979) – 282
Лампрехт Карл (1856–1915) – 354, 358
Ланге Франц – 540
Ланге Фриц (1899–1987) – 523, 525
Лангхофф Вольфганг (1901–1966) – 707, 826
Ландау Л. – 222, 224
Лапенков Н.Е., полковник – 46
Лапин С.Г. – 177, 743
Ларичев Виктор – 310
Ласк [Якобсон-Ласк] Берта (1878–1967) – 807
Ласкер Эмануэль (1868–1941) – 631
Ласки Мелвилл (1920–2004) – 707
Латынина Алла Николаевна (р. 1940) – 984
Лахола Леопольд (1918–1968) – 851
Лацис Ася [Анна] (1891–1979) – 245, 251, 253, 262, 263, 270
Лацис Отто Рудольфович (1934–2005) – 992
Леандер Зара (1907–1981) – 760, 761
Лебедев, полковник – 13, 515
Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898–1949) – 13
Леберехт Гебхард, фельдмаршал – 444
Левитан Юрий Борисович (1914–1983) – 161, 163–165
Ледерер Эмиль (1882–1939) – 692
Лей Роберт (1890–1945) – 54, 209
Лекшас Джон – 583
Лемберг Ганс (р. 1933) – 498
Леммер Эрнст (1898–1970) – 400
Леммерман – 520
Ленгенфельд, генерал – 105
Ленин [Ульянов] Владимир Ильич (1870–1924) – 19, 20, 26, 61, 142, 155, 156, 170, 187, 192, 193, 207, 217, 219, 220, 232, 234, 254, 304, 307–309, 312, 314, 326–328, 333, 352, 408, 409, 428, 435, 448, 480, 482, 485, 489, 655, 656, 673–675, 682, 692, 698, 734, 735, 758, 762, 773, 781, 785, 805, 817, 818, 823, 827, 831, 832, 874, 894, 900, 939, 980, 985, 987, 992, 993
Лентулов Аристарх Васильевич (1882–1943) – 278
Ленц Зигфрид (р. 1926) – 828, 837, 927, 932, 933
Леонардо да Винчи (1452–1519) – 798
Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – 341
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – 377, 378, 765
Лессинг Готхольд Ефраим (1729–1781) – 824, 825, 834, 842
Ливанова Тамара – 757
Лимперт Рихард – 677
Линге Хайнц (1913–1980) – 126
Лиознова Татьяна Михайловна (р. 1924) – 231, 888
Липшиц С.Ю. – 519
Лист Франц (1811–1886) – 764, 765
Листинг С. – 644
Лозе Хинрих – 64
Лозовский Григорий Абрамович – 150
Лозовский Соломон Абрамович (1878–1952) – 149, 150, 187, 429, 702
Ломан Д. – 513
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – 520
Лондон Джек [Гриффит Джон] (1876–1916) – 842
Лопухина Варвара Александровна (1815–1851) – 378
Лоренц Кай (1920–1993) и Лоре (1922–1994) – 663, 692
Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) – 17, 18
Лукач Дьёрдь (1885–1971) – 260, 321, 693, 700
Лукин Макар Михайлович – 544, 545, 548, 560, 561
Луков Леонид Давидович (1900–1963) – 878, 880
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – 19, 374, 740, 806, 948
Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – 531
Лысов – 517
Любимов Александр Васильевич (1902–1976) – 249, 250
Людвиг – 530
Людвиг Генрих Маврикиевич (1893–1973) – 728
Людвиг Надежда (1912–1990) – 805, 806
Людвиг Эмиль (1881–1948) – 185, 189, 191, 194
Людвигов – 105, 447
Людников Иван Ильич (1902–1976), генерал – 172
Люксембург Роза (1870–1919) – 306, 317, 319, 692, 771
Лютер Мартин (1483–1546) – 520, 611, 779
Ляшко Николай Никитич (1884–1953) – 804

М

Мазаев Валерий – 453
Май Гизела (р. 1924) – 664
Май Карл (1842–1912) – 840, 847
Май-Митурич Михаил Петрович (1925–2008) – 841
Май Пауль – 850, 852, 853
Май Райнхард – 667
Май Эрнст (1886–1970) – 729, 733
Майбах В. – 496
Майвальд Петер (р. 1946) – 677
Майер Г. – 358
Майер Ганс (1907–2001) – 299, 320, 407
Майер, епископ – 784
Майер Ханнес (1889–1954) – 723, 725–738, 742, 746, 748
Майер-Эчайт Йозеф – 499

Майнк Вилли (1914–1993) – 813, 814, 817
Майский Иван Михайлович (1884–1975) – 201
Макаренко Антон Семенович (1889–1939) – 810, 814, 934
Маккарти Йозеф (1908–1957) – 600
Максимов Владимир – 390
Максимов Н.А. – 519, 520
Маленков Георгий Максимович (1902–1988) – 113, 145, 154, 155, 279, 446, 448, 455, 546, 612, 905
Малиновский А.А. – 522
Малышев Вячеслав Александрович (1902–1957) – 190
Мальков Павел Михайлович (1904–1983), генерал-майор – 42, 46, 50
Мальмгрен Артур (1860–1947) – 781
Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) – 268, 344, 765, 929, 940
Манн Генрих (1871–1950) – 313, 319, 406, 824, 826, 830, 832, 834, 836, 842, 843
Манн Голо (1909–1994) – 377
Манн Н. – 828
Манн Томас (1875–1955) – 313, 319, 336, 408, 709, 768, 769, 827, 830, 834, 842, 843
Маннесман Райнхард (1856–1922) – 496
Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) – 135
Манштейн, Эрих фон (1887–1973), генерал-фельдмаршал – 67
Мао Цзэдун (1893–1976) – 669, 674, 675, 773
Маресьев Алексей Петрович (1916–2001) – 165
Мария Павловна – 787
Мария Стюарт (1542–1587), королева Англии в 1542–1567 гг. – 760, 761, 766, 842
Маркиш Перес Давидович (1895–1952) – 141, 333–335
Марков П.А. – 939
Маркс Карл (1818–1883) – 61, 143, 185, 307, 312, 328, 405, 462, 482, 485, 490, 581, 692–694, 744, 773, 985, 992
Маркузе Людвиг (1894–1971) – 260
Марло Кристофер (1564–1593) – 769
Мартынов – 539
Мархвица Ганс (1890–1965) – 702
Маршак Самуил Яковлевич (1887–1984) – 333, 803, 806, 841
Мастерс Эдгар Ли (1868–1950) – 242
Матросов Александр (1924–1943) – 879
Махарадзе Автандил (р. 1943) – 980
Мацкин А. – 265
Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – 307, 316, 406, 411, 655, 804, 812, 939
Мейер – 139
Мейер Эдуард – 355
Мейер Эрнст Герман (1905–1988) – 490, 657
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – 242, 245, 248, 249, 251, 253, 257, 259, 260, 261, 264, 265, 271, 344
Меир Голда (1898–1978) – 142, 146, 147
Мейринк Густав (1868–1932) – 843
Мелихов Юрий – 628
Мельников Виктор Константинович (1914–2006) – 747
Мельников Григорий, генерал-майор – 43, 46, 50, 59
Мельников Константин Степанович (1890–1974) – 747
Мельникова Надежда – 743
Менгель Иоганнес (1927–2003) – 750
Менгель Маргарете (1901–1938) – 738
Мендельсон – 396, 877
Менерт Клаус – 390
Менш Рене (1908–1980) – 728
Мерекалов Алексей Федорович – 187
Меринг Вальтер (1896–1981) – 667
Меркадер Рамон (1914–1978) – 238, 241
Метцгер Ганс – 247
Метцгер-Раузе Нина Ивановна – 245, 247
Метциг Курт (р. 1911) – 853
Миколайчик – 141
Микоша Владислав Владиславович (1909–2004) – 160, 161
Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – 109, 215, 448, 550
Минетти Ганс-Петер (1926–2006) – 856
Мирау Фритц (р. 1933) – 390
Мис ван дер Рое Людвиг (1886–1969) – 723
Митропольский Е.В. – 811
Митта Александр Наумович (р. 1933) – 423, 476, 811, 944
Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) – 208, 820
Михоэлс Соломон Михайлович (1890–1948) – 106, 141, 143, 146, 253, 254, 266, 268, 269, 333, 335, 342, 343
Мойман Клаус (1907–1938?) – 728, 738
Моисеев Никита Никитич (р. 1917) – 121, 992
Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – 42–44, 49, 50, 83, 98, 107, 109, 112, 114, 117, 119, 120, 156, 187, 195, 199–201, 209, 217, 242, 264, 270, 329–331, 340, 344, 445–448, 451, 454, 455, 559, 560, 597, 702, 782, 916, 966, 995
Монтгомери Бернард (1887–1976), британский фельдмаршал – 547
Мор А. – 524
Моргентау Генри Мл. (1891–1967) – 337
Мордвинов Аркадий Григорьевич (1896–1964) – 731, 732
Москвин – 277–279, 281, 287, 730
Мосман Вальтер (р. 1941) – 667, 674–676, 680
Мотылева Тамара Лазаревна (1910–1992) – 696, 700, 702, 705, 706, 709, 710, 714
Мотыль Владимир Яковлевич (р. 1927) – 881
Моцарт Вольфганг Амадеус (1756–1791) – 757
Музиль Роберт (1880–1942) – 766, 843
Мунк Андрей (1921–1961) – 858
Муравьев Владимир – 835, 872
Мураками Харуки – 209, 211
Муратова Кира Георгиевна (р. 1934) – 887
Мурашев – 562
Мурко Матия (1861–1952) – 358
Муссолини Бенито (1883–1945) – 762
Мюзам Эрих (1878–1934) – 304, 308, 658, 667
Мюллер Вильгельм (1794–1827) – 765
Мюллер Генрих (1900–1945) – 231–239, 888
Мюллер Райнхольд – 786

Мюллер Рольф-Дитер – 497, 498
Мюллер Хайнер (1929–2001) – 263, 316
Мюллер-Геккеман – 530
Мюллер-Танневиц Анна – 841
Мюллер-Шталь Армин (р. 1930) – 530, 841, 857
Мюнцер Томас (1486/89–1525) – 611, 692

Н

Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) – 341
Набоков Николай (1903–1978) – 474
Нагибин Юрий Маркович (1920–1994) – 839
Наполеон I (1769–1821), император Франции с 1804 г. – 26, 202, 208, 358, 373, 444, 703, 715, 716, 832
Нарлиев Ходжакули (р. 1937) – 870
Наумов Владимир Наумович (р. 1927) – 890, 891
Наумов Павел – 449–451, 453
Небылицкий Борис Рудольфович (1909–1972) – 160
Неверов Александр Сергеевич (1886–1923) – 808
Нежный И.В. – 156
Нейцке Герман (1880–1937) – 713
Нейцке Эмма – 713
Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) – 390, 893, 895, 900
Некрасов Н.А. – 456
Немеч Ян – 858
Немцов Артур – 479
Нерон (37–68), римский император с 54 г. – 154, 215
Неруда Пабло (1904–1973) – 772
Несмеянов А.Н. – 530
Нестеренко Ю. – 209
Нёстлингер Кристина (р. 1936) – 839
Никитин Афанасий – 495, 891, 908, 909
Никитченко Иона – 41, 42, 54
Николай I (1796–1855) – 16, 361, 362
Николай II (1868–1918) – 19, 27, 28, 992
Никон (1605–1681), патриарх – 17, 364
Никсон Ричард (1913–1994) – 642
Никулин Григорий (1922–2007) – 881
Нильсен Владимир Семенович (1905–1938) – 245, 248, 249, 261
Нимёллер Мартин (1892–1984) – 664
Нин Андрес (1892–1937) – 230, 245, 247, 996
Ницше Фридрих (1844–1900) – 770, 854
Нобель Альфред (1833–1896) – 793, 794
Новак Григорий Ирмович (1919–1980) – 611
Новакова – 877
Новалис (1772–1801) – 300
Новиков, подполковник – 160
Нойберт Эрхарт (р. 1940) – 489
Нойдек Руперт (р.1939) – 393
Нойман Карл (1916–1982) – 818, 820
Нойрат, Константин Фрайгерр фон (1873–1956) – 54
Нойч Эрик (р. 1931) – 664
Нолль Дитер (1927–2008) – 828, 842, 854, 857
Носке Густав (1868–1946) – 656
Носов Николай Никитич (1908–1976) – 812, 820
Нуйкин Андрей – 985
Нэер Карола (1900–1942) – 252, 257, 270

О

Обрубов П.Н. – 551
Обручников – 447
Огнев Николай [Розанов Михаил Григорьевич] (1888–1938) – 808, 871
Огородников Валерий (1951–2006) – 892
Ойстрах Давид Федорович (1908–1974) – 333
Окснер В.П., генерал – 105, 123, 126
Окуджава Булат Шальвович (1924–1997) – 881, 924
Олеарий Адам (1599–1671) – 495
Олехнович Н.М. – 545
Онаш Конрад (1916–2007) – 354
Ордынский Василий Сергеевич (1923–1985) – 170, 172, 173
Ордынцев Г.А. – 105
Орлов А.Л. – 443
Орлов Владимир – 821
Орлов Дмитрий Николаевич (1892–1955) – 165
Орлова Любовь Петровна (1902–1975) – 221, 224, 267, 760
Орлова-Копелева Раиса (1918–1989) – 387, 391, 394
Оруэлл Дж. – 208
Осокина Елена – 995
Осповат Александр – 387
Остен Мария (1909–1942) – 196, 246, 251, 252, 261, 272, 926
Остервальд Хейе – 797
Островский Александр Николаевич (1823–1886) – 139, 263
Островский Николай Алексеевич (1904–1936) – 20, 810, 812–814, 818
Отто Ганс (1900–1933) – 269
Охлопков Николай Павлович (1900–1967) – 247

П

Павленко Петр Андреевич (1899–1951) – 434, 874
Павлов, художник – 434
Павлов Иван Петрович (1849–1936) – 530, 602
Павлов Сергей (р. 1929) – 635, 644, 645
Пальгунов Николай Григорьевич (1898–1971) – 139
Пантелеев Леонид [Еремеев Алексей Иванович] (1908–1987) – 803, 808, 815–817
Панферов Федор Иванович (1896–1960) – 694
Папен, Франц фон (1879–1969) – 54
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – 221, 222, 259, 271, 316, 390, 768, 900, 946, 949
Паулюс Фридрих (1890–1957), генерал-фельдмаршал – 163, 224, 668, 874, 875, 903, 904
Пахомова Людмила Алексеевна (1904–1936) – 644
Пац Магдалена – 700
Пацитов Леонид – 724
Пелевин Виктор Олегович (р. 1967) – 25
Переверткин С. – 125
Пестов С. – 523
Петерман – 517
Петерсен Вольфганг (р. 1940) – 865
Петефи Шандор (1823–1849) – 321
Петр I (1672–1725), царь с 1682 г. – 17, 29, 740
Петров Владимир Михайлович (1896–1966) – 848, 873

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) – 884
Пик Вильгельм (1876–1960) – 118, 120, 122, 282, 283, 317, 318, 430, 447, 449, 458, 478, 483, 713
Пикассо Пабло (1881–1973) – 264
Пикер Генри – 220
Пилихина Маргарита Михайловна (1926–1975) – 923
Пименов Юрий Иванович (1903–1977) – 278
Пискатор Эрвин (1893–1966) – 250, 252, 260, 264, 308, 699
Платонов Андрей Платонович (1899–1951) – 210
Платтен Фриц (1883–1942) – 229
Пленцдорф Ульрих (1934–2007) – 820
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – 826
Пливер Теодор (1892–1955) – 849
Пляйтген Фритц (р. 1938) – 390
Плятт Ростислав Янович (1908–1989) – 888
Подключников М. – 125
Пол Пот [Сар Салот] (1928–1998) – 647
Полевой Борис Николаевич (1908–1981) – 163, 705, 709, 894
Поленц, Вильгельм фон (1861–1903) – 825, 826
Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965) – 165, 223, 224
Поло Марко (1254–1324) – 495
Полтавцев Валерий Александрович – 406
Полугаевский Л.А. – 630
Полухина Валентина – 758
Полян Павел (р. 1952) – 791, 996
Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – 906
Понтекорво Гилло – 890
Поскребышев Александр Николаевич (1891–1966) – 145
Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) – 134, 145, 458
Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), генерал-фельдмаршал – 694, 817, 833, 930
Престель Карл – 556
Прилежаева Мария Павловна (1903–1989) – 817, 818
Прин Гюнтер (1908–1941) – 850
Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) – 803, 806, 811
Прищепенко Борис – 45–47, 66
Пройслер Отфрид (р. 1923) – 839
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – 260, 474
Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – 519
Птушко Александр Лукич (1900–1973) – 286
Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) – 870
Путин Владимир Владимирович (р. 1952) – 20, 22, 24, 28
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 139, 219, 221, 247, 408, 411, 624, 626, 807, 948
Пушкин Георгий Максимович (1909–1963) – 113
Пюшель Конрад (1907–1997) – 728, 730, 733, 734, 747
Пятаков Георгий [Юрий] Леонидович (1890–1937) – 187

Р

Рабенальт Артур Мария (1905–1993) – 849
Радаков Алексей Александрович (1879–1942) – 278
Радваньи Ласло (1876–1933) – 691–695, 700–702
Радваньи Пьер (р. 1926) – 690, 704, 707
Радваньи Рут (р. 1928) – 690, 707
Радек Карл Бернгардович (1885–1939) – 186, 187, 219, 251
Радец Вальтер – 818
Радо Шандор – 229
Разин И. – 805
Райн Рудольф – 371
Райнер Вальтер (1895–1925) – 763, 865
Райнль Гаральд (1908–1986) – 850
Райнхард Аннемари (1923–1976) – 836
Райх Бернхард (1894–1972) – 246, 253, 263, 264
Райх Зинаида Николаевна (1894–1939) – 251
Райхерт Бруно и Пауль – 787
Райхерт Осси – 610
Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – 186
Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – 309, 310, 312
Ранк Вернер Кристоф, генерал – 105, 123, 126
Раскольников Федор (1892–1939) – 703, 912, 987
Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937) – 940, 942, 944
Ратацци Георг – 691
Ратенау Вальтер (1867–1922) – 497
Ратке Генрих (р. 1928) – 779
Ратцель Фридрих (1844–1904) – 192
Ратье – 503
Рау Иоганнес (1931–2006) – 385, 393
Раубаль Гели – 217
Раух, Георг фон (1904–1991) – 498
Рафаэль Санти (1483–1520) – 408
Реглер Густав (1898–1963) – 302, 702
Рёдер В.А. – 844
Редер Эрих (1876–1960), гросс-адмирал – 54
Рейзен Марк Осипович (1895–1992) – 333
Рейлинг Герман, дядя А. Зегерс – 690
Рейлинг Исидор (1868–1948), отец А. Зегерс – 690
Рейман Макс (1898–1977) – 84
Реймарс – 520
Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) – 695
Рёкк Марика (1913–2004) – 231
Рём Эрнст (1887–1934) – 198, 217
Ремарк Эрих Мария (1898–1970) – 389, 827, 830, 837, 841–843, 846, 922, 923, 926–935
Ренн Людвиг (1889–1979) – 309, 696, 839
Реннеберг Иоахим – 583
Рехан Розе-Марий (р. 1923) – 862
Решин Леонид – 104
Решке Томас (р. 1932) – 390, 945
Риббентроп, Иохим фон (1883–1946) – 54, 57, 121, 187, 195, 199, 201, 209, 330, 331, 340, 344, 597, 782, 916
Риль Николаус (1901–1990) – 523–525
Рильке Райнер Мария (1875–1926) – 302, 763, 829
Ринзер Луизе (1911–2002) – 390
Риттер Курт (1894–1984) – 187, 623

Рифеншталь Лени (1902–2003) – 206, 861
Рихтер Труде [Барник Эрна] (1899–1989) – 315, 706, 713
Рождественский Роберт Иванович (1932–1994) – 924
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – 18
Розенберг Альфред (1893–1946) – 54, 268, 361, 362, 364, 368, 723
Розенберг Фредерик Ганс фон – 497
Розов Виктор Сергеевич (1913–2004) – 878
Ройбер Курт (1906–1944) – 795
Ройтер Вольфганг – 499
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), маршал – 171, 224
Роланд Ромейн (1866–1944) – 865
Романов Михаил Федорович (1896–1963) – 888
Ромашин Анатолий Владимирович (р. 1931) – 881
Ромм Михаил Ильич (1901–1971) – 218, 890
Ромпе Роберт (1905–1993) – 523, 528
Ростоцкий Станислав Иосифович (1922–2001) – 944
Рот Йозеф (1894–1939) – 843
Рота Нино (1911–1979) – 761
Ротов Константин Павлович (1902–1959) – 740
Роттер Лотте, см. Бехер Лотте – 312
Рубакин Николай Александрович (1862–1946) – 825, 826
Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – 365, 914
Руге Герд (р. 1928) – 390
Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – 55
Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – 187
Рудницкий Михаил – 833, 834
Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – 874
Рузвельт Элеанора (1884–1962) – 336, 428
Руланд – 520
Рунге Эрика (р. 1939) – 677
Руска Гельмут (1908–1973) – 513
Рыбаков Анатолий Наумович (1911–1998) – 821
Рыжков Владимир Александрович (р. 1966) – 29
Рыклин Михаил (р. 1948) – 915
Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – 251, 738, 987
Рютин Мартемьян Никитич (1890–1937) – 987
Ряжский Борис – 271

С

Савельев Владимир Алексеевич (р. 1937) – 875, 877
Савенков – 58
Савченко – 447
Савченко Игорь Андреевич (1906–1950) – 873
Сад, Донатьен Маркиз де – 914
Саламатин Василий Н. – 731
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) – 290, 827
Самаров Грегор [Мединг Оскар] – 844
Самойлов Давид [Кауфман Давид Самуилович] (1920–1990) – 142, 154, 880, 898, 906
Самойлова Татьяна Евгеньевна (р. 1934) – 878, 879
Самсонов Александр Михайлович (1907/08–?) – 986, 987
Саппак В. – 168
Сартр Жан-Поль (1905–1980) – 882
Сафонов Всеволод Дмитриевич (р. 1926) – 856
Сафонов Г.Н. – 85
Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – 389, 391, 986, 990, 991
Сахно, Хелен фон – 390, 906
Свердлов Яков (1885–1919) – 143
Сегаль Яков Александрович (1923–1995) – 8, 879
Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954) – 335
Сельвинская Татьяна (р. 1927) – 290
Семенов Владимир Сергеевич (1910–1992) – 42–44, 50, 120, 123, 188, 320, 425, 443, 448, 451, 452, 454, 466, 467, 707
Семенов Юлиан – 229–232, 240, 888
Семиряга Михаил (1932–2000) – 995
Сергеев В. – 461
Сергеев Андрей – 758
Серов Иван Александрович (1905–1990) – 42–44, 46, 50, 58, 59, 85, 113, 543, 545–547, 559, 927
Сигер Пит (р. 1919) – 653
Сиднев Алексей Матвеевич (1907–1948), генерал-майор – 46, 58, 63
Сидур Вадим (1924–1986) – 8, 642
Сименс Фридрих (1826–1904), Карл Вильгельм (1823–1883) и Вернер (1816–1892) – 497, 499, 503, 504, 538, 793
Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – 107, 160, 161, 166, 170–176, 331, 332, 346, 705, 709, 870, 893, 903, 905, 906
Синявский Андрей Донатович (1925–1997) – 205, 207, 390
Синявский Вадим Святославович (1906–1972) – 163
Слуцкий А.И. – 153
Случ Сергей – 995
Смирнов – 256
Смирнов Андрей Андреевич (1905–1982) – 43, 44, 50
Смирнов П.П. – 562
Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) – 161, 167–170, 176, 180, 896
Смоляр Герц (1905–?) – 336
Соболев Аркадий Александрович (1903–1964) – 42, 43, 188, 537
Соколов Андрей Ермолаевич, полковник – 517
Соколов В. – 167
Соколовский Василий Данилович (1897–1968), маршал – 42, 45, 50, 58, 59, 63, 66, 452, 547
Сокуров Александр Николаевич (р. 1951) – 762
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – 24, 243, 390, 678, 709, 789, 940, 946, 951, 985, 993, 994, 1000
Солсбери Харрисон – 178
Сорокин Владимир Георгиевич (р. 1955) – 893, 910–917
Софонов – 107
Спилберг Стивен (р. 1947) – 889
Сталин [Джугашвили] Иосиф Виссарионович (1879–1953) – 13, 19, 20, 26, 28, 38, 42–44, 47, 49, 50, 52, 54, 57, 58, 66, 69, 87, 92, 95, 96, 104, 105, 107, 109, 132–138, 140–142, 145, 147, 148, 150, 152–155, 157, 162, 166, 167, 171, 172, 184–202, 207, 208,

210, 213–225, 229, 231, 237, 238, 243, 247, 250, 251, 254, 255, 258, 262–265, 268–270, 275, 285, 286, 288, 309, 312–317, 319, 320, 329–331, 333, 334, 337, 339–346, 389, 390, 408–411, 434, 442, 445, 449, 474–477, 480–490, 501, 503, 522, 525, 531, 546, 548, 559, 562, 567, 568, 601, 606, 611, 613, 620, 668, 672, 675, 681, 703, 708, 709, 711, 712, 730, 737, 762, 772, 773, 781, 782, 852, 869–878, 891, 894, 897, 902, 912, 916, 925, 926, 964, 979, 983, 985–988, 991, 992, 995–999, 1001
Сталин Василий Иосифович (1920–1962), генерал – 224, 916
Сталин Яков Иосифович (1907–1943) – 224
Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) – 249
Старостин Александр Петрович (1903–1981), Андрей Петрович (1906–1987) и Петр Пет-рович (1909–1993) – 613
Стеженский Владимир Иванович (1921–2001) – 693, 705, 709, 715
Стендаль (1783–1842) – 773
Стивенс Уоллес (1879–1955) – 766
Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – 992
Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), генерал – 238, 447, 454
Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – 107, 163
Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – 123, 150, 283, 447, 458, 461–463, 983

Т

Табаков Олег Павлович (р. 1935) – 888
Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) – 254, 265, 266, 268
Тальхайм Барбара (р. 1948) – 682, 683
Танк Курт (1898–1983) – 540
Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885–1938) – 694
Тарковский Андрей Арсеньевич (1932–1986) – 227, 879, 882, 883, 926, 930, 945
Тарсис Валерий (1906–1983) – 390
Твардовский Александр Трифонович (1910–1971) – 165, 331, 390, 898, 979, 982
Тельман Эрнст (1886–1944) – 681, 811, 817, 853
Тендряков Владимир Федорович (1923–1984) – 942
Тер-Мкртчян – 517
Терц Абрам, см. Синявский Андрей – 390
Тецнер Лиза (1884–1963) – 807
Тидеман Фриц – 610
Тиль Хайнц (1920–2003) – 856
Тимофеев-Рессовский Николай Владимирович (1900–1981) – 512, 513, 525, 526, 529
Тимофеевский А. – 932
Тимошенко Семен Константинович (1895–1970), маршал – 704
Тинцманн Ина – 390
Тисс Франк (1890–1977) – 361
Тиссен Петер Адольф (1899–1990) – 524, 525
Тито Иосип Броз (1892–1980) – 191, 405
Тихонов Вячеслав Васильевич (1928–2009) – 232, 234
Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – 700, 703, 907
Тищенко Борис (р. 1939) – 757
Тоблер Ф. (1879–1957) – 519, 520
Товстопалов А.И. – 153
Толбухин Федор Иванович (1894–1949), маршал – 873
Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – 259, 331, 346, 702, 703, 806
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – 364, 371, 372, 408, 427, 690, 709, 711, 811, 826, 832, 905, 948, 978
Толубко Владимир Федорович (1914–1989), маршал – 989
Тольцинер Филипп [Максович] (1906–1996) – 720–722, 726–728, 730, 733–747
Тольятти Пальмиро (1893–1964) – 979
Томин Юрий – 819, 820
Топчиев А.В. – 530
Трайнин Арон (1883–1957) – 42, 59
Траубе – 517
Трауберг Леонид Захарович (1902–1990) – 878
Треппер Леопольд (1904–1982) – 229
Третьяков Сергей Михайлович (1892–1939) – 245, 248, 257, 259–261, 271, 272
Третьякова Ольга Викторовна (1895–1973) – 245, 248
Трёш Роберт (1911–1986) – 477
Триоле Эльза (1896–1970) – 309
Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981) – 389, 893, 909, 921, 938, 940, 942, 943
Троепольский Гавриил Николаевич (1905–1995) – 944
Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – 19, 138, 192, 207, 230, 238, 307, 314, 409, 411, 501, 674–676, 700
Троянкер Вера Саньевна – 833, 834
Трумэн Гарри (1884–1972) – 197
Тувим Юлиан (1894–1953) – 330
Тулин Ингрид (1926–2004) – 877
Тумерман Лев Т. – 529
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – 364, 811
Турков Андрей – 984
Туровская Майя Иосифовна (р. 1924) – 243, 266
Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), маршал – 170, 229, 250, 271
Тухольский Курт (1890–1935) – 667
Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) – 709, 766
Тюлин Михаил – 377
Тюльпанов Сергей Иванович (1902–1984), генерал-майор – 318, 395, 396, 400, 401, 404–406, 412, 415, 425, 426, 429, 517, 518, 705, 706, 713, 811
Тюльпанова – 318, 400, 404, 405, 415, 426, 517, 705
Тюрк Гарри (1927–2005) – 854, 855
Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – 12, 16
Тягунов Борис – 989

У

Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – 16
Удет Эрнст (1896–1941) – 555
Узе Бодо (1904–1963) – 849
Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – 115, 283, 319–321, 400, 430, 442, 446–451, 453, 455, 458, 463, 464, 490, 603, 623–628, 639, 699, 866

Ульянов Александр Ильич (1866–1887) – 831
Унгер Хайнц – 676
Урбан Антонин (1906–1938) – 324, 728, 730, 735, 736, 738
Успенский Борис Андреевич (р. 1937) – 17, 18
Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984) – 552
Ушакин Сергей – 28

Ф

Фабри Золтан (1917–1994) – 858
Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – 107, 164, 165, 705, 707, 709, 811, 814, 880, 939
Файнингер Лионель (1871–1956) – 723
Фалин Валентин Михайлович (р. 1926) – 447
Фаллада Ганс [Дитцен Рудольф] (1893–1947) – 302, 395, 837, 839, 842
Федин Константин Александрович (1892–1977) – 705
Федотов Георгий – 152
Федотов Петр Васильевич (1900–1963) – 107
Фейербах Людвиг (1804–1872) – 832
Фейхтвангер Лион (1884–1958) – 220, 223–224, 225, 246, 250, 260, 267, 318, 486, 699, 824, 826, 830, 832, 833, 841–843
Фельдман Йосиф Моисеевич (1905–1984) – 404
Фельдштейн – 154
Фельзенштейн Вальтер (1901–1975) – 320
Ферретти Мария – 980
Фефер Исаак (1900–1952) – 143
Филатов Сергей – 26
Филби Ким (1912–1988) – 238, 241
Филиппов Иван Филиппович (1907–1989) – 188, 429
Филофей (16-й в.) – 16
Фихтенгольц – 254
Фишер Рудольф (1901–1957) – 817
Фишер Рут [Эйслер Эльфрида] (1895–1961) – 315
Флавий Иосиф (37/38–100) – 138
Флеминг Пауль (1609–1640) – 780
Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – 798, 801
Флос Рольф – 828
Фогелер Генрих (1872–1942) – 302, 313
Фогелер Ян (1923–2005) – 464
Фогт Герд – 350, 362, 364, 379, 381
Фойцик Ян – 401
Фокин Валерий Владимирович (р. 1946) – 176, 865
Фольмер Макс (1885–1965) – 524, 525
Форест Жан Курт (1909–1975) – 483
Фотиева Лидия Александровна (1881–1975) – 220
Фрадкин Илья Моисеевич (1914–1993) – 395
Фрай Макс (Светлана Мартынчик и Игорь Стёпин) – 926, 927
Фрайтаг Фриц – 539
Франк Ганс (1900–1946) – 54
Франк Леонард (1882–1961) – 837, 842
Франк Семен Людвигович (1877–1950) – 18
Франс Анатоль (1844–1924) – 832
Фрейндлих Алиса Бруновна (р. 1934) – 291
Фрелих Карл (1875–1953) – 761
Фридрих II, Великий (1712–1786), прусский король – 208
Фрик Вильгельм (1877–1946) – 54
Фрингс Теодор (1886–1968) – 529
Фриш Макс (1911–1991) – 828, 841, 843
Фромм Эрих (1900–1980) – 170, 217, 339
Фукс Герд (р. 1932) – 828
Фукс Клаус (1911–1988) – 521
Функ Вальтер (1890–1960) – 54
Фуртвенглер Вильгельм (1886–1954) – 408
Фюман Франц – 867
Фюрнберг Луи (1909–1957) – 486

Х

Хааген Ойген (1898–1948) – 515, 516
Хаак В. – 501, 502, 504
Хабермас Юрген (р. 1929) – 928
Хагельштанге Рудольф – 390
Хаген, Марк фон – 713, 714, 997
Хадвигер Эльзе – 302
Хайдеггер Мартин (1889–1976) – 753
Хайт Д. – 206
Халдей Евгений (1916–1972) – 197
Хальт, Карл Риттер фон (1891–1964) – 602, 623, 624
Хальштейн Вальтер (1901–1982) – 120
Хамберг Пауль – 794
Хамм Мария – 785
Хампель Фриц – 658
Хан-Магомедов Селим Омарович (р. 1928) – 724
Хантингтон Самуэл Филлипс (р. 1927) – 28
Ханцерлинг – 539
Ханютин Юрий Миронович (1929–1978) – 874
Харитон Юлий Борисович (1904–1996) – 522, 526
Харих Вольфганг (1921–1995) – 321, 406, 707
Хармс Даниил Иванович (1906–1942) – 841
Хаслер Иоахим (1929–1995) – 862
Хауска Ханс (1901–1965) – 250, 257, 260, 272
Хаусхофер Альбрехт (1903–1945) – 192
Хеделер Владислав – 737
Хедеман Вальтер – 667
Хейландт Пауль – 552
Хейфиц Иосиф Ефимович (1905–1995) – 848
Хемингуэй Эрнест (1899–1961) – 842, 928–932, 934
Хермес Р. – 207, 215
Хермлин Штефан [Ледер Рудольф] (1915–1997) – 456, 860
Херрман Дагмар – 387
Херрнштадт Рудольф (1903–1966) – 464
Херц Густав (1887–1975) – 610
Хикмет Назим (1902–1963) – 708
Хильберсхаймер Людвиг (1885–1967) – 727
Хильшер Карла – 390
Хиндемит Гарри (1906–1973) – 484
Холодков В.А. – 114
Хольм Ганс (1895–1981) – 811
Хольц Альфред (1904–1974) – 809, 819
Хоххут Рольф (р. 1931) – 664
Хренников Т. – 221
Хруничев Михаил Васильевич (1901–1961) – 544–546, 555, 560, 561
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – 107, 113, 115, 118, 120, 122, 123, 125, 136, 152, 155, 157,

173, 207, 216, 270, 321, 390, 391, 446, 448, 455, 531, 567–570, 572, 576, 577, 588, 589, 627, 708, 724, 760, 782, 879, 905, 922, 924, 925, 932–934, 980, 983, 995
Хухель Петер (1903–1981) – 773
Хуциев Марлен Мартынович (р. 1925) – 890, 922, 923, 934, 935

Ц

Цайссер Вильгельм (1893–1958) – 464
Цайссер Эльза (1889–1987) – 464
Цахау Ганс – 531–534
Цвейг Арнольд (1887–1968) – 826, 834, 836
Цвейг Стефан (1881–1942) – 827, 832, 834, 841, 842
Цверенц Герхард (р. 1925) – 664
Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – 344, 763
Цейсс Карл (1816–1888) – 756
Целан Пауль (1920–1970) – 777
Цель Ромеро Кристиана – 691, 692
Церетели Зураб (р. 1934) – 17
Циллес Герман (1903–1956) – 477, 483
Циммер Карл Гюнтер (1911–1988) – 525
Циммеринг Макс (1909–1973) – 817
Циннер Хедда (1907–1994) – 484
Цинцендорф Николаус (1700–1760) – 795
Цур Мюлен Герминия (1883–1951) – 807

Ч

Чадаев Якоб Ермолаевич – 199, 200
Чайковский – 514
Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – 758
Чапаев Василий Иванович (1887–1919) – 232, 233, 871, 888
Черненко Константин Устинович (1911–1985) – 394
Черный Саша (1880–1932) – 247, 642, 765, 842
Черчилль, сэр Уинстон (1874–1965) – 197, 207, 430, 445, 874
Чесно-Хель Михаэль (1902–1980) – 707
Чехов Антон Павлович (1860–1904) – 691, 759, 940, 943
Чехов Михаил Александрович (1891–1955) – 268
Чиаурели Михаил (1894–1974) – 848, 874–877
Чириков Григорий Осипович (1882–1936) – 374, 377, 379
Чирсков Борис Федорович (1904–1966) – 872
Чувиков П. – 456
Чуенков – 514, 515
Чуйков Василий Иванович (1900–1982), маршал – 42, 425, 446, 454, 477
Чуковский Корней Иванович (1882–1969) – 803, 806
Чумаков Михаил Петрович (1909–1993) – 516
Чухрай Григорий Наумович (1921–2001) – 856, 858, 869, 878, 879

Ш

Шагал Марк (1887–1985) – 142
Шаде Герберт – 610
Шайбе Альфред – 539, 545, 556
Шамшиев Болотбек – 945
Шапиро А.Я. – 154
Шаррер Адам (1883–1948) – 827
Шахт Эрих и Готлиб – 790, 791
Шахурин Алексей Иванович (1904–1975) – 552
Шацкин Лазарь Абрамович (1902–1937) – 187
Шварц Джеки (р. 1946) – 859, 860
Шварц Евгений Львович (1896–1958) – 406, 803, 939
Шварц Р. – 95
Шварцман Лев – 259, 264
Шварцман Лео (1881–1937) – 738, 750
Швёбель Вильгельм (1920–2008) – 895, 915
Швендеман Генрих – 503
Швендтер Рольф – 667, 671, 676
Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – 42, 283, 458, 483
Швирс Элен (р. 1930) – 852
Шедлих Кристиан (р. 1922) – 724
Шеель – 353
Шекспир Уильям (1564–1616) – 944
Шелленберг Вальтер (1910–1953) – 231, 235, 237, 888
Шёнберг Арнольд (1874–1951) – 655
Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) – 155, 449
Шепитько Лариса Ефимовна (1938–1979) – 883, 944
Шерхен Герман (1891–1966) – 655
Шефер Филипп – 692
Шефлер Бела (1902–1942) – 728, 730, 731, 733–735, 738
Шикин Иосиф Васильевич – 428, 429
Шиллер Дитер (р. 1933) – 703
Шиллер, Фридрих фон (1759–1805) – 222, 246, 425, 693, 709, 823–825, 831–833, 841–843
Шиман Элизабет (1881–1972) – 520
Ширах, Бальдур фон (1907–1974) – 54
Ширдеван [Аретц] Карл (1907–1998) – 321
Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – 327, 335
Шлёгель Карл (р. 1948) – 390
Шлеммер Оскар (1888–1943) – 723
Шлёндорф Фолькер (р. 1939) – 864
Шлифер Шлома – 146
Шлойнинг Йоханнес – 782
Шмидт Ганс (1893–1972) – 734
Шмидт Гюнтер – 811
Шмидт Карл – 328
Шмидт-Отт Фридрих (1860–1956) – 374
Шмидтсдорф Бруно (1908–1938) – 270
Шмид-Хойер Кристиан – 390
Шмолль Вернер – 821
Шнайдер Николаус – 789, 790
Шнайдратус Вернер (1908–2001) – 729
Шнайдратус Освальд (1881–1937) – 738, 750
Шнайдт Клод (1931–2007) – 742
Шног Карл (1897–1964) – 477
Шолль Софи (1921–1943) и Ганс (1918–1943) – 456
Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – 259, 346, 434, 800, 810, 814, 889, 893, 897
Шольц Буби Густав (1930–2000) – 610

Шольце Э. – 92
Шопенгауэр Артур (1788–1860) – 138
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – 254, 260, 757, 875, 876
Шпеер Альберт (1905–1981) – 54, 209, 916
Шпенглер Освальд (1880–1936) – 861, 884–886
Шпильгаген Фридрих (1829–1911) – 832
Шрайбер Вальтер (1884–1958) – 400
Шрёдер Ральф – 945
Штаудте Вольфганг (1906–1984) – 848, 849
Штеенбек Макс (1904–1981) – 524
Штейнберг Вернер [Гребниц Удо] (1913–1992) – 836
Штейндорф – 358
Штелин Карл (1865–1939) – 358, 359, 364
Штелин Кристоф – 667
Штелин, Якоб фон (1709–1785) – 358
Штерн Лина Соломоновна (1878–1968) – 149
Штоббе Дитрих (р. 1938) – 636
Штолль Александр – 793
Штрайхер Юлиус (1885–1946) – 54
Штрауб Жан-Мари (р. 1933) – 864
Штраух Максим Максимович (1900–1974) – 267
Штремме – 530
Штриттматтер Ева (р. 1930) – 389
Штриттматтер Эрвин (1912–1994) – 389, 828, 841
Штурман – 218
Шуберт Франц (1797–1828) – 655, 765
Шукшин Василий Макарович (1929–1974) – 389, 942, 945
Шульц – 358
Шуман Роберт (1810–1856) – 556, 558, 655
Шумахер Густав Генрих Людвиг (1802–1863) – 843
Шумахер Курт (1895–1952) – 84
Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938) – 245, 251, 261

Щ

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – 870, 871
Щербаков Константин – 931
Щуко Владимир Алексеевич (1878–1939) – 734

Э

Эберт Гюнтер – 813
Эвальд Манфред (1926–2002) – 624, 625, 643, 646, 785
Эзоп (6 в. до н.э.) – 214
Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890–1969) – 107, 465, 897
Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – 248, 254, 259, 333, 878, 930
Эйнштейн Альберт (1879–1955) – 142, 143, 214, 336
Эйслер Ганнс (1898–1962) – 252
Эйслер Герхард (1898–1968) – 703
Эйхман Карл Адольф (1906–1962) – 900
Экзюпери, см. Сент-Экзюпери – 931
Эккес Франк (р. 1939) – 677
Эмзен Генрих (1886–1964) – 707
Энгель Эрих (1891–1966) – 906, 907
Энгельберг Эрнст (р. 1909) – 444
Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – 531–533
Энгельс Фридрих (1820–1895) – 61, 185, 462, 482, 485, 693, 694, 837, 934
Энценсбергер Ганс-Магнус (р. 1929) – 664
Эпштейн Катя (р. 1945) – 667
Эпштейн Фриц (1898–1979) – 364, 367
Эпштейн Шахна – 333
Эрдель Курт – 623
Эрдман Николай Робертович (1900–1970) – 245, 259, 271
Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – 141–146, 156, 254, 267, 324–346, 390, 434, 435, 700, 701, 705, 859, 894, 899, 938
Эрлих Пауль (1854–1915) – 759
Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) – 872
Эрпенбек Фриц (1897–1975) – 700
Эткинд Александр – 925
Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999) – 390, 705
Эттли, Клемент Ричард (1830–1967) – 197

Ю

Юдин Павел Федорович (1899–1968) – 446
Юженко, полковник – 50
Юзефович Иосиф – 149
Юнг-Альзен Курт (1915–1976) – 853, 854, 856
Юнгер Эрнст (1895–1998) – 311, 312
Юрген [Мюллер-Танневиц] Анна (1899–1988) – 318, 404, 435, 841, 850, 928

Я

Ягода Г. – 219
Якоб – 520
Яковлев А.С. – 483, 541, 542
Янка Вальтер (1914–1994) – 321
Яновский Василий Семенович (1906–1989) – 329
Янсен Фазиа (р. 1929) – 958
Ясперс Карл (1883–1969) – 692, 981
Яшин Лев (1929–1990) – 614

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аймермахер Карл (Karl Eimermacher), доктор философии, профессор славистики, руководитель Славянского семинара и директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана в Рурском университете в Бохуме до 2003 г., почетный доктор РГГУ. Автор многочисленных работ и нескольких антологий по нормативным аспектам литературы и послевоенного русского искусства, истории русской семиотики и литературной политики 20-х годов. Кроме ряда работ по русскому современному искусству, вышли из печати его каталоги и монографии о творчестве Вадима Сидура и Владимира Яковлева. В 1997 и 1998 гг. опубликованы две монографии в России: «Знак. Текст. Культура» и «Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932», а в 1999–2002 он являлся соредактором и соавтором сборников статей «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», «Мифы и мифология в современной России», «Преодоление прошлого», «Историки читают учебники истории», «Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века». Куратор специального номера «Россия и Германия. XX век» Российского исторического журнала «Родина» (2002, № 10).

Бёнинг Хольгер (Böning Holger), доктор филологии, профессор современной немецкой литературы и истории немецкой прессы в Институте изучения немецкой прессы при университете Бремена. Основные направления исследований: история Германии и Швейцарии; литература и пресса; народное просвещение на немецкоязычном пространстве; история политической песни и политической поэзии. Публикации: Zeitungen und Zeitschriften für das «Volk». Dokumentation zur Politisierung der deutschen Öffentlichkeit nach der Französischen Revolution. Bremen, 1989 (Газеты и журналы для «народа». Документы политизации немецкой общественности после Французской революции. Бремен, 1989); Böning H., Siegert R. (Hrsg.) Volksaufklärung. Ausgewählte Schriften. Bd. 1–3. Stuttgart – Bad Cannstatt, 1990–1992 (Народное просвещение. Избранное. В 3-х томах. Под редакцией Бёнинга Х. и Зигерта Р. Штутгарт – Бад Канстат. 1990–1992).

Борозняк Александр, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного университета, член совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Публикации: Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? – М., 1999; Прошлое, которое не уходит. Очерки германской истории и историографии XX века. – Екатеринбург, 2004; Erinnerungsschübe. Vergangenheitsbewältigung in der Bundesrepublik Deutschland. In: Osteuropa 4/5 2005.

Бухараев Владимир, кандидат исторических наук, доцент, начальник Информационно-аналитического центра Казанского государственного университета. Основные направления исследований: источниковедение, методы исторических исследований, отечественная история, история Татарстана, проблема тирании в XX веке в условиях конфликта между Востоком и Западом, культурная история народов Поволжья и Предуралья.

Вагнер Франк (Wagner Frank; 1927–2008), профессор, почетный член общества Анны Зегерс. Основные направления исследований: немецкая литература 1933–1945 гг., образ войны после 1945 г., Анна Зегерс, немецко-польские отношения в литературе. Публикации: «… der Kurs auf die Realität». Das epische Werk von Anna Seghers 1935–1943. Berlin 1975 und 1978 (… По направлению к реальности. Эпические произведения Анны Зегерс 1935–1943 гг. – Берлин, 1975, 1978); Anna Seghers. Leipzig 1980 (Анна Зегерс. – Лейпциг, 1980); Auf den Spuren jüdischer Mitbürger. Ueckermünde 1998 und 2000 (По следам еврейских сограждан. – Укермюнде, 1998, 2000); Mitvf.: Geschichte der deutschen Literatur 1917–1945. Berlin 1973 (соавтор: История литературы Германии 1917–1945. – Берлин, 1973); Mithrsg: Anna Seghers. Eine Biographie in Bildern. Berlin 1994 und 2000 (соредактор: Анна Зегерс. Биография в фотографиях. – Берлин, 1994, 2000); Historischliterarische Bedeutung des spanischen Krieges 1936–39. (in polnischer Sprache) Lublin 1977 (Историко-литературное значение Испанской войны 1936–39 гг. / На польском яз. – Люблин, 1977).

Водопьянова Зоя, кандидат исторических наук, редактор отдела публикаций документов журнала «Отечественные архивы». Основные направления исследований: история России, источниковедение, археография. Публикации: Советско-германские отношения и события в Берлине в июне 1953 г. [документы из архива ЦК КПСС] // Многоликая история. Собрание сочинений. – М., 1997; Обзор фондов РГАНИ по теме «Власть и культура». В соавторстве с Л.А. Велишанской // Вестник архивиста 2000, № 1 (55); Документы бывшего архива ЦК КПСС по взаимоотношениям церкви и государства в 1953–1964 гг. В соавторстве с М.Е. Колесовой // Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. – Вологда, 2001; Археографическое предисловие. В соавторстве с В.Ю. Афиани // Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. – М., 2002.

Глухова Людмила, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Более 50 публикаций, в т. ч.: Шведская литература в библиотечных фондах и в чтении ее населением России (2002); Судьба культуры чтения в русской провинции (2003); Чтение исторической беллетристики в библиотеках России // Чтение в библиотеках России 2 (2000).

Дальман Диттмар (Dahlmann Dittmar), с 1996 г. профессор истории Восточной Европы в Боннском университете. Публикации: Die Provinz wählt. Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912. Köln 1996 (Провинция выбирает. Российская конституционно-демократическая партия и выборы в Думу 1906–1912 гг. – Кельн, 1996); Das Unternehmen Otto Wolff: vom Alteisenhandel zum Weltkonzern (1904–1929), in: Peter Danylow, Ulrich S. Soénius (Hrsg.): Otto Wolff. Ein Unternehmen zwischen Wirtschaft und Politik. München 2005 (Дело Отто Вольфа: от торговли хламом до мирового концерна (1904–1929). // Отто Вольф. Предприятие между экономикой и политикой. / Под ред. Петра Данилова, Ульриха Сониуса. – Мюнхен, 2005; als Hrsg. Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Stuttgart 2005 (редактор: Сто лет истории Восточной Европы. Прошлое, настоящее и будущее. – Штутгарт, 2005).

Далош Дьёрдь (Dalos György), писатель, публицист, в 1992–1997 гг. член правления фонда Генриха Белля в Кельне, в 1995–1999 гг. директор Венгерского института культуры в Берлине. Публикации: Proletarier aller Länder entschuldigt euch. Das Ende des Ostblock-Witzes. Bremen 1993 (Пролетарии всех стран, извиняйтесь. Конец Восточного блока. – Бремен, 1993); Der Versteckspieler. Frf. a. M. 1994 (Играющий в прятки. – Франкфурт-на-Майне, 1994); Der Gottsucher. Frf. a. M. 1999 (Богоискатель. – Франкфурт-на-Майне, 1999); Olga – Pasternaks letzte Liebe. Hamburg 1999 (Ольга – последняя любовь Пастернака. – Гамбург, 1999); Die Reise nach Sachalin. Hamburg 2001 (Путешествие в Сахалин. – Гамбург, 2001); Seilschaften. Köln 2002 («Связки». – Кельн, 2002).

Дварс Йенс-Фитье (Dwars Jens-Fietje), доктор философии, писатель. Публикации – 15 книг, в т. ч.: Abgrund des Widerspruchs. Das Leben des Johannes R. Becher. Berlin 1998. (Бездна противоречия. Жизнь Иоганнеса Бехера. – Берлин, 1998). Редактор издания: Goethe- und Büchner-Lesebuch. Berlin 1992 und 1994 (Хрестоматия Гете и Бюхнера. – Берлин, 1992, 1994); «Widerstand wahrnehmen. Dokumente eines Dialogs mit Peter Weiss». 1993 (Принимать противостояние всерьез. Документы диалога с Петером Вайссом. – 1993); Goethes Harzreise 1777. Spuren eines Abenteuers. 1998 (Путешествие Гете в Харц в 1777. Следы приключения. – 1998); Dichterhäuser in Sachsen-Anhalt. Kulturhistorische Porträts. 1999 (Дома писателей в Заксен-Анхальт. Культурно-исторические портреты. – 1999); Zarathustras letzte Wiederkehr. Aus Papieren von Johann Friedrich Querkopf. Erzählung. 2000 (Последнее возвращение Заратустры. Из архива Иоганна Фридриха Кверкопфа. Рассказ. – 2000); Das braune Herz Deutschlands? Rechtsextremismus in Thüringen. Jena 2001 (Коричневое сердце Германии? Правый экстремизм в Тюрингене. – Вена, 2001); Johannes R. Becher. Triumph und Verfall. Eine Biographie. Berlin 2003 (Иоганнес Р. Бехер. Триумф и падение. Биография. – Берлин, 2003); Neue Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen. Ein Gespräch mit Friedrich Schiller. Bucha 2005 (Новые сведения об эстетическом воспитании человека. Разговор с Фридрихом Шиллером. – Буха, 2005).

Епифанов Александр, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и прав человека Волгоградского государственного университета. Основные направления исследований: проблемы ответственности нацистских преступников и их пособников в СССР, история и правовое положение немецких военнопленных в СССР, история внутренних органов России. Публикации: Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. [Историко-правовой аспект]. – Волгоград, 1997; Сталинградский плен. 1942–1956 годы [Немецкие военнопленные в СССР]. – М., 1999; Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. – Волгоград, 2005.

Зоркая Нея (1924–2006), доктор искусствоведения, киновед. Ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, заслуженный деятель искусства Российской Федерации; ответственный редактор ежегодного сборника «Культурологические записки». Профессор РГГУ и Российской академии театрального искусства (курс по русскому и зарубежному кино). Автор 23 монографий, в т. ч.: Портреты. – М., 1966; На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 гг. – М., 1976; Фольклор. Лубок. Экран. – М., 1994; The Illustrated History of Soviet Cinema. New York 1989, 1991; Семь десятилетий советского кино (на яп. языке). – Токио, без года издания.

Катцер Николаус (Katzer Nikolaus), с 1996 г. профессор истории Центральной и Восточной Европы XIX и XX вв. в Гамбургском университете им. Гельмута Шмидта**.** Основные направления исследований: религия и революция в России в начале 19-го века, техника и модернизм в России первой трети XX века, власть и утопия XX века (гражданские войны, голод, коллаборационизм), история физкультуры и спорта в России и Советском Союзе. Публикации: Maksim Gor'kijs Weg in die Russische Sozialdemokratie (= Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München, Reihe: Geschichte, Bd. 58). Wiesbaden 1990 (Путь Максима Горького к русской социал-демократии. // Публикации Мюнхенского института Восточной Европы, серия: История, Вып. 58. – Висбаден, 1990); «Eine Übung im Kalten Krieg». Die Berliner Außenministerkonferenz von 1954 (= Bibliothek Wissenschaft und Politik, Bd., 53). Köln 1994 (Упражнение в холодной войне. Берлинская конференция министров иностранных дел 1954 г. // Библиотека науки и политики, Вып. 53. – Кельн, 1994); Die Weiße Bewegung in Rußland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg (= Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 28). Köln, Weimar, Wien 1999 (Белое движение в России. Выбор руководства, практическая политика и политическое планирование в Гражданской войне. // Статьи по истории Восточной Европы, Вып. 28. – Кельн, Веймар, Вена, 1999).

Колязин Владимир, театральный критик, с 1978 г. старший научный сотрудник НИИ искусствознания в Москве. Руководитель российского общества по изучению современного немецкого искусства (общество Брехта). Куратор выставок (в т. ч. «Берлин–Москва») и переводчик (в т. ч., Хайнера Мюллера и Бото Штраусса). Публикации: «Верните мне свободу!». Документы из архивов КГБ. В соавторстве с В.А. Гончаровым. – М., 1997; Таиров, Мейерхольд и Германия. Брехт, Пискатор и Россия. Очерки немецко-российских отношений деятелей искусства. – М., 1998; От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. – М.: Наука, 2002.

Костырченко Геннадий, доктор исторических наук, с 1997 г. ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Публикации: В плену у красного фараона. – М., 1994; Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – 1997, 2003 (доп. изд.); «Россия XX век. Документы»: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938–1953. – М., 2005.

Кувшинов Сергей, кандидат технических наук, доцент, проректор по информатизации и новым технологиям образования, директор Института новых образовательных технологий РГГУ. Публикации – 7 монографий, 12 электронных книг, в т. ч.: Немецкие технологии и русская воздушная авиация. – М., 2002; Перемещение технологии как процесс межкультурного взаи-

модействия. Немецкие воздушные специалисты в СССР. Жизнь и деятельность. 1945–1954 гг. – М., 1998.

Левина Елена, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИАЦ «Архив истории науки» ИИЕТ РАН. Основные направления исследований: социальная история науки, элементарная биология и медицин (междисциплинарные исследования), международные отношения российской экономики в советский период. Публикации: Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Рессовский… Биология в СССР. История и историография. – М., 1995; Экспериментальная биология в системе безопасности России второй половины XX века: биологическое оружие или здравоохранение? // Наука и безопасность России / Под ред. А.Г. Назарова. – М., 2000; Дело КП. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма (в соавторстве с В. Есаковым). – М., 2001; Molecular Biology in Soviet Russia (An Essay). // Molecular Biology. 2000. Vol. 34. 3. 2000.

Либова Ольга, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Публикации: Библиотекарь и читатель: проблемы общения – СПб., 1993; Читать – национальная традиция в России 1861–1917 гг. // Leseverhalten in Rußlands Bibliotheken 5 (2003).

Михалкович Валентин, ведущий научный сотрудник Российского института искусствознания. Основные направления исследований: теория «технических» искусств (кино, фотография, телевидение). Публикации: Анатомия мифа: Бриджит Бардо / В соавторстве с В. Дмитриевым; Изобразительный язык средств массовой коммуникации. – 1986; Поэтика фотографии. / В соавторстве с В. Стигнеевым. – 1987.

Невежин Владимир, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Принимал участие в научных конференциях в Польше, Италии, Дании, Германии, Израиле, Финляндии, Англии. Публикации: Синдром наступающей войны. – М., 1997; Тосты Сталина – М., 2002.

Новикова Анна, журналист, историк, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания. Публикации: Телевидение и театр: пересечения закономерностей. – М., 2004; Становление социальной маски «советский человек» в радиотеатре и радиопублицистике 1920–1930 гг. – СПб., 2005; Православие и телевидение: взаимоотношения на фоне глобализации. – М., 2005.

Петрушанская Елена, искусствовед, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Основные направления исследований: музыка в рамках других искусств: литературы, кино, СМИ. Публикации: Музыкальный мир Иосифа Бродского. – СПб., 2004; Бродский и мир итальянской музыкальной культуры. // Un crcevia fra culture. Italia e oltre nella poesia e nella prosa di Brodskij. – Венеция–Милан, 2002; О формировании музыкальных жанров в свете протоглобализационных процессов. // Средства массовой коммуникации и глобализации. Вып. 1. – М., 2005; «Мне кажется, у нас есть общие принципы». А. Шнитке и И. Бродский // Шнитке посвящается. Вып. 5. – М., 2005.

Пипер Катрин (Pieper Katrin), доктор философии, репортер Берлинского радио, редактор, позже – главный редактор издательства детской книги в Восточном Берлине. Публикации – для детей: Die ABC-Mädchen, Die große Reise des kleinen Jonas, Linas Geschichten, Die Schuleule Paula; для взрослых: Süße Lust Tochter (под псевдонимом Катрин Людвиг).

Прозуменщиков Михаил, кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Основные направления исследований: история международных отношений и национально-освободительных движений во второй половине 20-го века, советско-китайские взаимоотношения. Публикации – редактор сборников документов, в т. ч.: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. и

другие документы. – М., 2001; Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. // Большой спорт и большая политика. В 3-х т. – М.: РОССПЭН, 2004; Moskau, Peking und die Volksdemokratien im Jahre 1956 – ein gewandeltes Kräfteverhältnis. In: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Köln, Weimar, Berlin 1998 (Москва, Пекин и народные демократии в 1956 году – изменение соотношения сил. // Форум восточно-европейской современной истории. – Кельн, Веймар, Берлин, 1998); Секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. – М., 2002; Nach Stalins Tod. Sowjetische Österreich-Politik 1953–1955. In: Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Graz-Wien-München 2005 (После смерти Сталина. Советская политика в отношении Австрии 1953–1955 // Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Грац–Вена–Мюнхен, 2005).

Рашка Иоганнес (Raschka Johannes), преподаватель Дрезденского технического университета, с 2002 г. референт в бундесминистерстве внутренних дел. Основные направления исследований: русская и советская история, история ГДР. Публикации: Russische Industriellenverbände in der Revolution von 1905: Organisationspolitik und Verhältnis zur Arbeiterbewegung, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 44/1996 (Союзы промышленников в российской революции 1905 года: организационная политика и отношение к рабочему движении. // Ежегодник истории Восточной Европы 44/1996); Justizpolitik im SED-Staat. Anpassung und Wandel des Strafrechts während der Amtszeit Honeckers (= Schriften des Hannah-Arendt-Instituts 13), Köln 2000 (Правосудие в государстве СЕПГ. Изменение уголовного права во время правления Хоннекера. – Кельн, 2000); Zwischen Überwachung und Repression. Politische Verfolgung in der DDR 1971–1989 (= Am Ende des realen Sozialismus 5), Opladen 2001 (Между контролем и репрессией. Политическое преследование в ГДР 1971–1989 гг. – Опладен, 2001).

Ратке Хайнрих (Rathke Heinrich), с 1999 г. доктор теологии. Епископ лютеранской церкви в отставке. Публикации: Ignatius von Antiochen und die Paulusbriefe (Patristik) 1967; Gemeinde heute und morgen 1979 (Община сегодня и завтра. – 1979); Kirche unterwegs (Geschichte der Rußlanddeutschen). St. Petersburg 1995 (Церковь в пути. История российских немцев. – СПб., 1995); Predigthilfen, dt./russ., 3 Bde. 1998 (Помощь проповеди / На рус. и нем. яз. В 3-х т. – 1998).

Соболев Дмитрий, доктор технических наук. Руководитель рабочей группы по истории воздухоплавания в Институте истории естественных наук и техники РАН. Публикации: Самолеты особых схем. – М., 1985; Немецкие следы в советской истории воздухоплавания. – 2000; История самолетов мира. – М., 2001.

Соколов Борис, доктор филологических наук, профессор кафедры социальной антропологии Российского государственного социального университета. Публикации: более 20 книг и 200 статей по истории и литературоведению, в т. ч.: Георгий Жуков: триумф и поражения; Булгаков. Энциклопедия; Гоголь. Энциклопедия. – М., 2003; Правда о Великой Отечественной войне (Сборник статей). – СПб.: Алетейя, 1999.

Тимофеева Наталья, кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Центрального филиала Российской академии правосудия (г. Воронеж). Основные направления исследований: история послевоенной Германии, деятельность СВАГ, советско-немецкие отношения. Публикации: Немецкая интеллигенция и политика реформ. Система образования в Восточной Германии 1945–1949 гг. – Воронеж, 1996; Die Vertretung der Akademie der Wissenschaften der UdSSR in Deutschland 1945–1949, in: Die Berliner Akademien der Wissenschaften im geteilten Deutschland 1945–1990. Hrsg. von J. Kocka, Berlin 2002. (Представительство Академии наук СССР в Германии в 1945–1949 гг. // Берлинские академии наук в разделенной Германии 1945–1990 / Под ред. Й. Коцка. – Берлин, 2002).

Туровская Майя, доктор искусствоведения, кинокритик, культуролог, историк кино. Советник выставки «Берлин–Москва, Москва–Берлин 1900–1950» в 1995 г. Публикации: Театральный

бинокль. – М., 2003; Blow up. – М., 2003; Andrej Tarkowskij. Film als Poesie – Poesie als Film. Bonn 1981 (Андрей Тарковский. Фильм как поэзия – поэзия как фильм. В соавторстве с Феличитой Аллардт-Костиц. – Бонн, 1981); На границе искусств: Брехт и кино. – М., 1984. Соавтор сценария фильма «Обыкновенный фашизм» (Мосфильм, 1965).

Уле-Веттлер Мартин (Uhle-Wettler Martin; 1931–2006), священник в отставке. В 1984–1990 гг. участник теологических дискуссий между Русской православной церковью и Союзом евангелистских церквей ГДР. Публикации: Erkundungen im hohen Norden Rußlands. Ein Reisetagebuch. In: Das Plateau. Die Zeitschrift im Radius-Verlag Stuttgart 1997, Nr. 39 (Разведка Крайнего Севера России. Путевой дневник. // Плато. Журнал издательства Радиус. № 39. – Штутгарт, 1997).

Урбан Томас (Urban Thomas), публицист и писатель. С 1997 г. руководитель бюро «Süddeutsche Zeitung» в Варшаве. Премия им. Дехио в 2006 г. Автор статей по современной истории и шести книг, последние из которых: Russische Schriftsteller im Berlin der zwanziger Jahre. Berlin, 2003 (Русские писатели в Берлине двадцатых годов. Берлин, 2003); Der Verlust. Die Vertreibung der Deutschen und der Polen im 20. Jahrhundert. Beck, 2004 (Утрата. Изгнание немцев и поляков в XX веке. – Бекк, 2004); Vladimir Nabokov – Blaue Abende in Berlin. Berlin, 1999 (Владимир Набоков – Синие вечера в Берлине. – Берлин, 1999).

Филитов Алексей, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Публикации: Холодная война: историографические дискуссии на западе. – Москва, 1991; Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – Москва, 1993; Германская нация и германское национальное сознание в исторической перспективе. // Национальное наследие на европейском пространстве в XX в. – Москва, 2005.

Фишер Йорг Уве (Fischer Jörg Uwe), доктор философии, с 1992 г. сотрудник Немецкого архива радио в Потсдаме-Бабельсберге. Основные направления исследований: история радио и современная история Германии. Публикации: Parlamentsdebatten: politische Erziehung oder politisches Theater? Zur Diskussion um Rundfunkübertragungen von Reichstagsdebatten und – reden während der Weimarer Republik, in: Zeitschrift für Parlamentsfragen, 4/1994 (Дебаты в парламенте: политическое воспитание или политический театр? К дискуссии о радиопередачах с обсуждений и выступлений в Рейхстаге во время Веймарской республики. // Журнал парламентских вопросов, 4/1994); Das DDR-Fernsehen in den Jubiläumsjahren. Ideologische Leitlinien, Programme und Zuschauerreaktionen, in: Wiedergeburten. Zur Geschichte der runden Jahrestage der DDR, hg. v. Monika Gibas u. a., Leipzig 1999 (Телевидение ГДР в юбилейные годы. Идеологические приоритеты, программы и реакции зрителей. // Возрождения. История юбилеев ГДР. / Под ред. Моники Гибас и др. – Лейпциг, 1999); «Man soll nicht vergessen» – Stalingrad-Deutungen im Hörfunkprogramm der SBZ/DDR in den späten vierziger und fünfziger Jahren, in: Schuld und Sühne? Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945–1961), hrsg. v. Ursula Heukenkamp (= Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik, Bd. 50.1), Amsterdam–Atlanta 2001 (Нельзя забыть: ссылки на Сталинград на радио советской оккупационной зоны и ГДР в конце сороковых и пятидесятых годах. // Вина и грех? Опыт войны и толкование войны в немецких СМИ послевоенного времени (1945–1961) / Под ред. Урсулы Хойкенкамп. – Амстердам–Атланта, 2001).

Фогт Эрика (Voigt Erika), историк, с 1992 г. проводит с Гердом Фогтом исследования по наследию историка Восточной Европы Мартина Винклера. Публикации – редактор: Igor Trutanov. Rußlands Stiefkinder. Berlin 1992 (Игорь Трутанов. Пасынки России. – Берлин, 1992); zusammen mit Robert Leinonen Deutsche in St. Petersburg, 2 Bde. 1998, Lexikon Rußlanddeutscher Schriftsteller, hrsg. von Herold Belger, übersetzt und erweitert von E. V. 1999 (Немцы в Санкт-Петербурге. Энциклопедия писателей – российских немцев / Под ред. Херольда Бельгера. В 2-х т. – 1998; пер. и доп. Эрики Фогт 1999); Zwischen Moskau und Archangelsk. Berlin 1996 (Между Москвой и Архангельском. – Берлин, 1996).

Фольперт Астрид (Volpert Astrid), искусствовед и культуролог, журналистка. В 2001–2004 гг. научный сотрудник Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского уни-

верситета в Бохуме. Основные направления исследований: искусство в XX веке, особенно классический модерн Германии и России, история эмиграции архитекторов «Баухауз» (Высшей школы строительства и художественного конструирования) в России. Публикации в «Osteuropa-Almanach» за 1993 и 2004 гг.; соредактор «Traum und Trauma» («Мечта и боль». Мюнхен, 2003).

Хартман Анне (Hartmann Anne), доктор философии, научный сотрудник института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета в Бохуме. Основные направления исследований: немецкоязычная и русская литература XIX–XX вв., прежде всего, литература и история советской зоны оккупации и ГДР; трансформация высшей школы в России; немецкие деятели культуры в эмиграции; история культуры России и Советского Союза. Публикации: (zus. mit Eggeling W.) Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945–1953. Berlin, 1998 (Советское присутствие в культурной жизни советской зоны оккупации и в первые годы существования ГДР. 1945–1953 / В соавторстве с В. Эггелингом. Берлин, 1998); (Übers. Aus dem Franz.) Heller L., Niqueux M. Geschichte der Utopie in Rußland. Hrsg. von Hagemeister M. Bietigheim – Bissingen, 2003 (Эллер Л., Никё М. История утопических учений в России. Пер. с франц. Под ред. М. Хагемайстера – Битихxайм–Биссинген, 2003); Lyrik im Transit aus der DDR // Barner W. (Hrsg.) Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis zur Gegenwart. Erw. Aufl. München, 2004 (Лирика транзитом из ГДР // История немецкой литературы с 1945 г. до наших дней / Под ред. В. Барнера Дополненное издание. – Мюнхен, 2004).

Хайнерт Александр (Heinert Alexander), историк. Основные направления исследований: теории революции, история СССР, в частности, политика в отношении крестьянства, лагеря и арестованные, советская оккупационная политика после Второй мировой войны, международная политика 20-го века. Публикации: Das Feindbild «Kulak». Die politisch-gesellschaftliche Crux 1925–1930. In: Silke Satjukow/Rainer Gries (Hrsg.): Unsere Feinde. Konstruktionen des Anderen im Sozialismus. Leipzig 2004 (Кулак как образ врага. Политически-общественное горе 1925–1930. // Наши враги. Создание «чужого» в социализме. / Под ред. Сильке Сатюкова и Райнера Гриса. – Лейпциг, 2004); Bolschewistische Machtergreifung und Prädisposition für Terrorismus. In: Anne Hartmann/Frank Hoffmann (Hrsg.): Kultur-Macht-Gesellschaft. Beiträge des Promotionskollegs Ost-West. Münster-Hamburg-London 2003 (Большевистский захват власти и предрасположение для террора. // Культура, власть, общество. / Под ред. Анны Хартман и Франка Хофмана. – Мюнстер–Гамбург–Лондон, 2003); Weltanschauliche Wurzeln der bolschewistischen Revolutionsgewalt. In: Ost-West Perspektiven. Bd. 2 (= Eine Schriftenreihe des Promotionskollegs Ost-West. Hrsg. vom Institut für Deutschlandforschung und dem Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur). Bochum 2003 (Мировоззренческие предпосылки большевистской революционной власти // Перспективы Востока и Запада. Т. 2. – Бохум, 2003).

Шенк Ральф (Schenk Ralf), кинокритик и историк кино. Постоянный сотрудник «Берлинер Цайтунг», журнала «Дас Магацин». Автор и редактор книг об истории немецкого кино, в т. ч.: Das zweite Leben der Filmstadt Babelsberg. DEFA-Spielfilme 1946–92. 1994 (Вторая жизнь киногорода Бабельсберг. Художественные фильмы DEFA 1946–92. – 1994); Vor der Kamera. 50 Schauspieler aus Babelsberg. 1995 (Перед камерой. 50 актеров из Бабельсберга. – 1995); Schwarzweiß und Farbe. DEFA-Dokumentarfilme 1946–92. 1996, mit Günter Jordan (Черно-белое и цветное. Документальные фильмы DEFA 1946–92 / В соавторстве с Гюнтером Джорданом – 1996); Die Trick-Fabrik. DEFA-Animationsfilme 1955–90. 2003, mit Sabine Scholze (Фабрика мультика. Анимационные фильмы DEFA 1955–90. / В соавторстве с Сабиной Шольце. – 2003). В 2000–2005 гг. редактор (с Эрикой Рихтер) и автор «Ежегодника фонда DEFA».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Даются уже упоминавшиеся в тексте и представленные ниже источники и обладатели прав, которые могли быть установлены. Другие иллюстрации в томе без ссылки взяты из архивов авторов или были предоставлены нам из личных, оставшихся неизвестными, собраний.

Архивы

Deutsches Rundfunkarchiv, Schriftenbestand Fernsehen – DRA, Potsdam-Babelsberg (485).

Центральный архив Федеральной службы Российской федерации – ФСБ РФ, Москва (149, 250, 252 нижняя, 253, 261)

Российская Академия наук – РАН, Институт молекулярной биологии, Москва (532).

Российский Государственный архив экономики – РГАЭ (545, 555, 557, 558).

Российский Государственный архив кинофотодокументов – РГАКФД, Москва, фото: Е. Копыт, № 101464 (110 справа).

Российский государственный архив Новейшей истории – РГАНИ, Москва (110, 116, 459, 460).

Пермский областной краеведческий музей – ПОКМ, наследие Филиппа Тольцинера № 19229 (721, 739, 745 нижняя).

Личные архивы

Вагнер Франк, Берлин (697).

Винклер Урсула, Мюнхен (355, 363, 375).

Дварс Йенс–Фитье, Йена (301, 319).

Ефимов Борис, Москва (252 слева).

Зоркая Нея, Москва (889).

Ламей Ганс-Ульрих, Дахау (741 верхняя).

Левина Елена, Москва (529, 532 нижняя).

Невежин Владимир, Москва (186).

Петрушанская Елена, Москва (775).

Пэц Франк, Берлин (398, 402, 409).

Ратке Хайнрих, Шверин (784, 786, 787, 790, 791, 794).

Третьякова Татьяна, Москва (248).

Фольперт Астрид, Берлин (15, 27, 437, 741 нижняя, 745 верхняя, 924, 983 справа, 986, 988 слева).

Хартман Анне, Бохум (15 справа).

Печатные источники

Периодика

Berliner Zeitung vom 21. April 2000, Foto: Wulf Olm (424).

Film und Fernsehen, hrsg. vom Verband der Film- und Fernsehschaffenden der DDR, Berlin (Ost): Henschelverlag 1982, Heft 10, S. 17 (859), 51 (851).

Film und Fernsehen 1990, Heft 2, S. 9 (861), 26 (980).

Neues Deutschland vom 8. März 1994 (491).

Sonntag, Berlin (Ost) vom 29. März 1991, S. 22 (475).

Wissenschaftliche Zeitschrift der Weimarer Hochschule für Architektur und Baukunst – HABW 1976, Heft 5, S. 455 (736 нижняя).

Источник, 1997, № 3. С. 132 (983 слева).

Литературная газета от 9 декабря 1998, фото: Валерий Генде-Роде (986 верхняя).

Огонек, Москва, 1990, № 3. С. 20 (345).

Родина, архив журнала (988 справа).

Старое литературное обозрение, 2001, № 2. С. 57 (754), 278 (769).

Книги, каталоги

Anders Aman: Symbols and Rituals in the Poeple's Democracies during the Cold War. In: Claes Arvidsson/Lars Blomquist (Hrsg.): Symbols of Power. The Ethetics of political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe. Stockholm 1987, S. 57 (599).

Kurt Batt: Anna Seghers. Versuch über Entwicklung und Werke (= reclam Biografien). Leipzig: Phillip Reclam jun. 1980, S. 223 (711).

Johannes R. Becher. Bildmappe, hrsg. vom Deutschen Pädagogischen Zentralinstitut für Lehrmittel Berlin (Ost): Volk und Wissen 1965, Bl. 8 (311).

Becher. Ein Lesebuch für unsere Zeit, hrsg. von Walther Victor. Berlin (Ost) und Weimar: Aufbau Verlag 1966, zwischen S. XXXII–XXXIII (309).

Berlin–Moskau Moskau–Berlin. 1950–2000. Ausstellungskatalog. Berlin: nicolai 2003, S. 374 (22).

Georgi Bjelych/Leonid Pantelejew: Schkid – die Republik der Strolche: Berlin (Ost), Darmstadt: Der Kinderbuchverlag 1967, Cover (817).

Ilja Ehrenburg: Und sie bewegt sich doch. Leipzig: Philipp Reclam jun. 1989, Cover (345).

Arkadij Gaidar: Timur und sein Trupp. Berlin (Ost): Der Kinderbuchverlag 1982, Cover (812); Jewgeni Jewtuschenko: Der Wolfspass. Abenteuer eines Dichterlebens. Berlin: Volk & Welt 2000, zwischen S. 240–241, 8. Bildseite (924); Arno Lustiger: Rotbuch. Stalin und die Juden. Berlin: Aufbau Taschenbuch 2002, S. 124, 186, S. 375 (334, 335, 338); Memorial Deutschland e.V., Flyer, S. 2 (949); Hannes Meyer 1889–1954. architekt.urbanist.lehrer. Frankfurt am Main: Ernst & Sohn 1989, S. 260 (736 верхняя); Nikolaj Nossow: Nimmerklug in Knirpsenstadt. Berlin (Ost): Der Kinderbuchverlag 1988, Cover (812); Raissa Orlowa, Lew Kopelew: Wir lebten in Moskau. München und Hamburg: Goldmann Verlag 1987, zwischen S. 176–177 2. Bildseite oben (706 нижняя); Alexander Puschkin: Märchen vom Zaren Saltan. Berlin (Ost): Der Kinderbuchverlag 1983, Cover (807); Anna Seghers: Was ein Volk denkt und fühlt, spricht sein Schriftsteller aus. Ausgewählte Werke in einem Band. Moskau: Verlag Progress 1979, S. 22, 25 (701, 708); Vadim Sidur: Plastik, Graphik. Ausstellungskatalog. Hamburg 1979, Abb. auf unnummeriertem Einlageblatt (642); Sowjetische Fotografen 1941–1945.

Leipzig: VEB Fotokinoverlag 1985, S. 36 (197); Velikaja Oteħestvennaja. Videokassete, hrsg. von ENIO-Film 2000 (178 слева); Christiane Zehl Romero: Anna Seghers. Eine Biographie 1947–1983. Berlin: Aufbau-Verlag 2003, Bildteil zwischen S. 160-161, 4. Bildseite oben (706 верхняя).

В.А. Никитин. Рассказы о фотографах и фотографиях. – Ленинград, Лениздат, 1991. С. 157 (162); Венок славы. Антология художественных произведений в Великой отечественной войне. В 12-ти тт., здесь Т. 12: Ради жизни на земле. Под ред. В. Заливако. – М., Современник, 1990. С. 458 (178 справа); Сочинения Иосифа Бродского. В 4-х тт. – СПб., 1992. Т. 1, С. 432 (767); Валерий Плотников. Альбом Бродского. – М., 1998 (759); Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3-х томах. Т. 2, книги 4–5. Издание исправленное и дополненное. – М., Советский писатель, 1990 (326).

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ
Том 3
Оттепель, похолодание и управляемый диалог.
Русские и немцы после 1945 года

Под редакцией
Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт

Западно-восточные отражения. Новый ряд

Том 1
Обольщение властью.
Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах

1. Настроения и опыт войны. 2. Пропагандистские конструкты. 3. Наука и искусство. 4. Быт на войне. 5. Преступления

Авторы: Карл Аймермахер, Юрий Басистов, Клаус Вашик, Геннадий Бордюгов, Людмила Гатагова, Татьяна Горяева, Нина Вашкау, Дагмар Херрман / Астрид Фольперт, Владимир Есаков, Нея Зоркая, Елена Левина, Ольга Либова, Дмитрий Люкшин, Ирина Кознова, Борис Колоницкий, Сергей Константинов, Лариса Коровина, Виктор Кригер, Лотар Майер, Василий Молодяков, Владимир Невежин, Дмитрий Олейников, Николай Плотников / Модест Колеров, Евгений Сергеев, Борис Соколов, Соня Рихтер, Карола Тишлер, Владимир Федюк, Татьяна Филиппова, Татьяна Чумаченко, Эльке Шерстяной, Томас Шнайдер, Карлхайнц Шнайдер-Янессен, Йохен Шуберт, Герд Р. Юбершер, Петер Ян, Иохен Янссен.

Том 2
Бурные прорывы и разбитые надежды.
Русские и немцы в межвоенные годы

1. Ориентиры после 1917 года: сферы обоюдной заинтересованности. Взаимный анализ. Суждения о противоположной стороне. Противоречивая переориентация: маргинализация и партнерство. 2. Культурная преемственность и перспективы: завершение немецко-русского философского диалога. Литература, кино, политика. Художник в эмиграции. 3. СМИ и искусство в подчинении диктатуры. 4. Перелом

Авторы: Гюнтер Агде, Георг Вурцер, Кристоф Гарстка, Людмила Глухова, Ульрике Гольдшвеер, Александр Голубев, Райнер Грюбель, Петер Дицель, Кармен Зиппл, Эльке Зур, Владимир Кантор, Владимир Колязин, Хорст Гюнтер Линке, Марина Литаврина, Евгений Марголит, Наталья Маргулис, Дитрих Мёллер, Владимир Невежин, Сергей Ромашко, Дмитрий Соболев, Галина Тиме, Карола Тишлер, Томас Тоде, Людмила Томас, Майя Туровская, Татьяна Филиппова, Борис Фрезинский, Анне Хартманн, Александр Хаардт, Матиас Хееке, Екатерина Хохлова, Ули Шёлер.

Том 3
Оттепель, похолодание и управляемый диалог.
Русские и немцы после 1945 года

ISBN 5-91022-118-3
9 785910 221189

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 13.12.2009
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 129,0
Тираж 1000 экз. Зак.